Годъ II. № 8

Наука и Жизнь,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

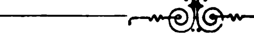
ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

КНИГА VII.

Іюль 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1905.

Прогрессъ въ естествознаніи.

(Радій и новѣйшія воззрѣнія на міръ атомовъ).

Д-ра В. Мейера.

Не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію, что мы теперь переживаемъ время, въ которое подготовляется такой же рѣшительный переворотъ всѣхъ нашихъ воззрѣній на сущность естественныхъ силъ и явленій природы, какой былъ произведенъ въ нашихъ взглядахъ на мірозданіе ученіемъ Коперника и изобрѣтеніемъ подзорной трубы, открывшей для насъ цѣлую безконечность новыхъ міровъ.

Теперь, кромѣ того, намъ предстоитъ раскрыть передъ нашимъ духовнымъ взоромъ новый міръ атомныхъ организацій, міръ, еще больше удаленный отъ *нижней* границы нашей способности воспріятія, чѣмъ звѣздный міръ, который лежитъ за предѣломъ, куда достигаетъ нашъ взоръ.

Уже давно дѣлались предположенія, что группировки и движенія атомовъ въ существенномъ должны быть подобны расположенію и движенію міровыхъ тѣлъ, и уже давно упрочилось мнѣніе, что тѣ атомы, съ которыми приходится имѣть дѣло химику, далеко еще не являются на этой ступени мірового порядка тѣми послѣдними, совершенно однородными недѣлимыми частицами, какъ это приписывается имъ ихъ названіемъ *), но что химическіе атомы образуютъ цѣлыя системы, наподобіе солнечной, состоящія изъ множества еще болѣе мелкихъ частицъ, кружащихся около центра тяжести атома подобно тому, какъ планеты вращаются вокругъ нашего солнца. Совершенно неожиданнымъ образомъ нынѣ чудесныя свойства радія дали возможность заглянуть въ глубь этихъ явленій и уяснить наши основныя воззрѣнія на цѣлый рядъ явленій, происходящихъ въ отдаленнѣйшихъ небесныхъ пространствахъ.

Какъ извѣстно, отъ радія отлетаютъ мельчайшія частицы матеріи, такъ называемые электроны, которые, согласно экспериментальнымъ изслѣдованіямъ Кауфмана и другихъ, должны быть въ двѣ, если не больше,

*) Атомъ (греческ.)—недѣлимое.

тысячи разъ менѣе одного водороднаго атома. Они несутся прямолинейно со скоростью свѣтовой волны и при этомъ несутъ на себѣ отрицательный электрическій зарядъ. Они не свѣтятся сами, такъ какъ ихъ движеніе распространяется не волнообразно, но за то вызываютъ во всѣхъ тѣлахъ, на которыя наталкиваются, свѣтовыя излученія, такъ какъ заставляютъ колебаться частицы этихъ тѣлъ со скоростью свѣта. Радій поэтому — непрерывно текущій источникъ, вызывающій самосвѣченіе окружающей его среды и, слѣдовательно, всѣхъ тѣлъ, съ которыми онъ физически или химически находится въ соприкосновеніи. Совершенно также вся окружающая среда, благодаря только присутствію радія, электризуется вслѣдствіе того, что отъ радія непрерывно распространяются во всѣ стороны упомянутыя мельчайшія частички, несущія отрицательный электрическій зарядъ. Такъ какъ послѣднія такъ невѣроятно малы, онѣ могутъ болѣе или менѣе безпрепятственно проникать во всѣ молекулярные аггрегаты всякой другой матеріи, и такимъ образомъ ихъ дѣйствію нельзя поставить никакихъ преградъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время г-жѣ Кюри, которая вмѣстѣ съ профессоромъ Гизелемъ изъ Брауншвейга, приготовила первую чистую соль радія, удалось доказать, что ея препараты все время имѣютъ температуру на полтора градуса выше температуры окружающей среды. Итакъ, они непрерывно излучаютъ теплоту. Къ этому еще присоединяется совершенно необычайное открытіе проф. Рамзая (открывшаго новые газы въ воздухѣ), что элементъ радій медленно превращается въ другой элементъ — *гелій*, опять таки самъ собою, безъ какого либо дѣйствія извнѣ. Рамзай запаялъ радій въ стеклянную трубочку и наблюдалъ спектръ содержимаго, причемъ оказалось, что спектръ этотъ мало по малу переходилъ въ совершенно другой. Атомный вѣсъ радія 225, гелія же только 4. Всѣ эти явленія можно пока объяснить только такимъ образомъ, что атомъ радія не постоянен и распадается на первичные атомы-электроны; при этомъ освобождается часть внутренней, скрытой работы молекулярныхъ силъ, заставлявшихъ двигаться атомы — планеты вокругъ ихъ общаго центра, — открытіе необычайной важности не только въ теоретическомъ отношеніи, но и для всей нашей практической жизни. Разъ бы намъ удалось сдѣлать полезными для себя заключенныя въ каждомъ камнѣ, вообще во всей окружающей матеріи скрытыя огромныя молекулярныя силы, то это означало бы неизмѣримый прогрессъ всего нашего благосостоянія и, можетъ быть, рѣшеніе соціальнаго вопроса.

Такъ какъ упомянутая „эманація" (истеченіе) электроновъ осѣдаетъ на всѣхъ предметахъ и дѣлаетъ ихъ „вторично радіоактивными", то она переноситъ на нихъ и свои электрическіе заряды, и если предметы эти въ свою очередь легко подвижны, напр., плаваютъ въ жидкости, то они переносятъ эти „прилипшіе" электроны дальше, отыскивая частицы, заряженныя противоположнымъ электричествомъ, и, передавая имъ свое электричество, сами нейтрализуются. Эти условія являются на лицо при электролизѣ. Подъ вліяніемъ тока молекулы распадаются на различно заряженные „іоны", которые взаимно обмѣниваются мѣстами. Теперь же въ радіевой эманаціи передъ нами тотъ давно предполагавшійся посредникъ „іонизаціи", который даетъ возможность объяснить, согласно новѣйшему взгляду, процессы диссоціаціи (разложенія), протекающіе безъ воздѣйствія тока, т. е., другими словами, всѣ химическія реакціи.

Радій, который былъ заключенъ Рамзаемъ въ стеклянную трубку, выбрасываетъ тѣ электроны, которые въ двѣ тысячи разъ меньше

одного водороднаго атома; позднѣе среди нихъ спектроскопомъ были открыты атомы гелія, которые должны состоять изъ 8000 такихъ электроновъ. Изъ первичныхъ атомовъ на нашихъ глазахъ группируются химическіе атомы, образуются атомныя „міровыя“ системы. Естественная система элементовъ давно уже давала возможность предполагать, что химическіе атомы представляютъ сложныя образованія; тутъ мы видимъ передъ собою распаденіе, возникновеніе и превращеніе одного элемента въ другой. Естественный выводъ изъ этого хода мысли долженъ быть тотъ, что изъ этой эманаціи радія могутъ быть приготовлены всѣ извѣстные элементы, словомъ, всѣ вещества, какія мы только знаемъ.

Съ другой стороны оказывается, что атомы не представляютъ чего либо замкнутаго, неизмѣннаго. Атомъ радія, очевидно, находится въ состояніи постепеннаго распаденія, и изъ продуктовъ его распаденія образуются сейчасъ-же новые атомы. Имѣя въ виду этотъ фактъ, Рамзай высказалъ на послѣднемъ собраніи естествоиспытателей предположеніе, что атомы вообще подвергаются медленнымъ, но правильно нарастающимъ измѣненіямъ, которыя, можетъ быть, удалось бы подмѣтить лишь послѣ тысячелѣтнихъ наблюденій, и, можетъ быть, тѣ малыя отступленія атомнаго вѣса, какія замѣчаются въ водородномъ атомѣ, слѣдуетъ приписать именно такимъ медленнымъ измѣненіямъ.

Гелій, какъ извѣстно, присутствуетъ въ огромныхъ количествахъ въ верхнихъ слояхъ солнечной фотосферы, тогда какъ въ земной атмосферѣ онъ находится лишь въ исчезающихъ слѣдахъ. Теперь же повсюду въ воздухѣ найдены слѣды радіевой эманаціи, которой оказывается все большее и большее количество по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся ниже поверхности земли; ихъ находятъ также въ нѣкоторыхъ вулканическихъ продуктахъ и въ горячихъ источникахъ, выходящихъ глубоко изъ-подъ земли. Отсюда не трудно сдѣлать предположеніе, что внутри земли содержится радія больше, чѣмъ на поверхности, что было бы вполнѣ объяснимо его весьма большимъ вѣсомъ, и, что слѣды гелія, всегда обнаруживаемые въ нашей атмосферѣ, слѣдуетъ приписать эманаціи, исходящей изнутри земли. Гелій вслѣдствіе своей чрезвычайной легкости не можетъ удержаться въ нашей атмосферѣ: онъ улетаетъ, по мѣрѣ образованія, въ міровое пространство. Солнце же, напротивъ, въ состояніи удержать его при себѣ.

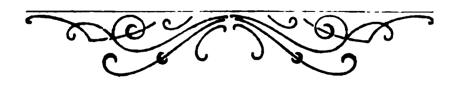
Сопоставляя всѣ эти явленія, можно придти къ предположенію, что радій вообще находится всюду во внутреннемъ ядрѣ міровыхъ тѣлъ и является собственной причиной солнечной энергіи. Много еще до сихъ поръ загадочныхъ явленій нашло бы себѣ объясненіе, благодаря этой гипотезѣ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что въ солнечныхъ пятнахъ находятся огромныя количества эманаціи электроновъ, вырываемыхъ изъ глубины солнца чудовищными вихрями солнечной фотосферы, тогда станетъ само собой понятнымъ вліяніе этихъ пятенъ на магнитную иглу и на вспыхиваніе сѣверныхъ сіяній, которыя часто начинаются какъ разъ въ тотъ моментъ, когда пятно, вращаясь около своей оси и двигаясь впередъ, окажется на солнечномъ меридіанѣ, ближайшемъ къ землѣ. Солнце бомбардируетъ тогда землю своими электронами кратчайшимъ путемъ. Въ высочайшихъ слояхъ атмосферы должно вспыхнуть тогда сѣверное сіяніе, подобно сіянію, вспыхивающему въ разрѣженномъ воздухѣ гейслеровской трубки въ присутствіи эманаціи радія. Неравномѣрно распространяющійся по землѣ при этой бомбардировкѣ остатокъ отрицательнаго электричества возбуждаетъ тогда такъ называемые

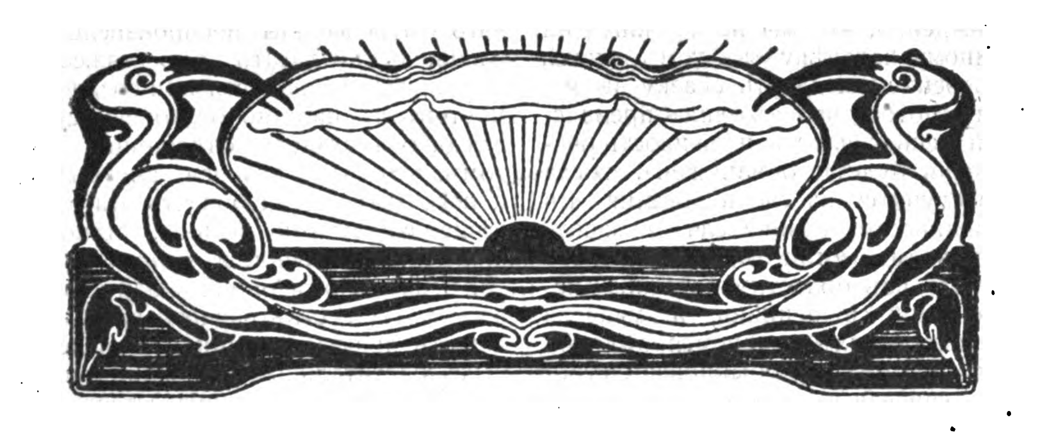
„земные токи“, которые, вырываясь черезъ соединенія телеграфныхъ проводовъ съ землею, на нѣкоторое время дѣлаютъ невозможнымъ телеграфное сообщеніе. Подобная необыкновенно сильная магнитная буря происходила 31 октября (н. ст.) прошлаго года. Въ Потсдамѣ магнитная игла сдѣлала сразу отклоненіе на 200 дуговыхъ минутъ. Въ подобныхъ размѣрахъ нарушеніе электро-магнитнаго состоянія земли не наблюдалось въ теченіе послѣднихъ 21 года.

Если всѣ факты такого рода говорятъ только за вѣроятность присутствія радія и его электронной эманаціи въ міровыхъ тѣлахъ, то чрезвычайно удивительныя явленія, наблюдавшіяся на вновь появившейся 21 февраля 1901 года звѣздѣ въ созвѣздіи Персея превращаютъ эту вѣроятность почти въ полную увѣренность. Вокругъ этой звѣзды втеченіе года послѣ ея появленія распространялся туманъ со скоростью свѣта, какъ съ полною увѣренностью удалось установить изъ весьма тщательно произведенныхъ измѣреній параллакса и изъ опредѣленія видимой скорости распространенія. Прежде высказывалось предположеніе, что этотъ туманъ постоянно присутствуетъ въ глубинѣ мірового пространства и тутъ сталъ вдругъ замѣтенъ вслѣдствіе освѣщенія свѣтомъ внезапно возгорѣвшейся звѣзды. Однако фотографическіе снимки обсерваторіи Лика ясно показали, что эти замѣченные узлы свѣта сами передвигались въ пространствѣ и именно вовсе не прямолинейно, а нѣсколько спирально закручиваясь и, наконецъ, Ньюкомбъ теоретически доказалъ, что весь этотъ способъ распредѣленія свѣта въ туманномъ облакѣ едва-ли совмѣстимъ съ упомянутымъ предположеніемъ освѣщенія изъ середины, а соотвѣтствуетъ дѣйствительному распространенію свѣтящейся матеріи. Намъ же извѣстно теперь, что пока только радій и другія радіоактивныя вещества посылаютъ потоки такой свѣтящейся матеріи, распространяющейся со скоростью свѣта. Возгораніе новой звѣзды произошло, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе столкновенія міровыхъ тѣлъ, которыя при этомъ отчасти разрушились. Можно, такимъ образомъ, сдѣлать предположеніе, что вслѣдствіе этого разрушенія освободились большія количества радія, находившагося внутри, который и произвелъ упомянутый туманъ вокругъ новой звѣзды.

Если мы передъ этимъ сравнивали міровыя тѣла съ атомами, то тутъ, въ явленіяхъ радіоактивности, можно было бы по аналогіи видѣть подобное же разрушеніе атомныхъ міровъ. Каждая частица радія производитъ въ почти пустомъ пространствѣ такой же свѣтящійся туманъ и съ такой же скоростью движенія, какъ туманъ, распространяющійся отъ новой звѣзды Персея. Вслѣдствіе такихъ столкновеній тамъ, въ глубинѣ вселенной, и здѣсь, въ препаратахъ радія, должна освобождаться теплота, и мы уже видѣли, что послѣдніе дѣйствительно постоянно теплѣе окружающей ихъ среды.

Повсюду мы находимъ параллели въ отдаленнѣйшихъ областяхъ бытія. Изслѣдователь долженъ теперь одновременно окидывать взоромъ болѣе широкія области природы, если онъ хочетъ постигать явленія въ ихъ внутренней связи.

Деликатная педагогическая задача.

Проф. А. Доделя.

Вопросъ этотъ касается всѣхъ насъ: должны-ли мы продолжать по прежнему обманывать дѣтей, когда они въ своемъ невинномъ любопытствѣ спрашиваютъ насъ, откуда-же берутся маленькія дѣти?

Достаточно долго поступали такъ наши благочестивые предки, и нельзя сказать, чтобы это привело къ блестящимъ результатамъ. Они руководствовались при этомъ, конечно, самыми прекрасными намѣреніями, но опирались на совершенно въ такой же степени ошибочныя соображенія. Какимъ же образомъ изъ обмана и неправды могло получиться что-либо доброе?

Результаты этой освященной вѣками практики лежатъ теперь передъ нами воочію. Совершенно извращены наше пониманіе и ходячія сужденія о половыхъ отношеніяхъ; нечистымъ стало все, что должно было бы считаться чистымъ и священнымъ. Жеманная стыдливость достигла результатовъ, противоположныхъ тѣмъ, къ какимъ она стремилась; она „дала богу любви выпить яду, а тотъ, хотя и не умеръ отъ него, но выродился въ порокъ" (Ницше). Какъ всякое дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе, такъ происходило и здѣсь: невѣроятное давленіе общераспространеннаго пренебреженія и опошленія естественныхъ функцій вызвало свою месть въ строго закономѣрномъ естественномъ порядкѣ.

Конечно, область половыхъ отношеній не сдѣлалась отъ этого ни красивѣе, ни лучше; но она стала скверной и омерзительной, какъ это происходитъ вездѣ, гдѣ ложь или невѣдѣніе или и то, и другое вмѣстѣ въ вопросахъ воспитанія занимаютъ первенствующее мѣсто.

Мы должны были-бы научиться взирать съ почтеніемъ на священнѣйшія вещи естественнаго бытія; насъ же учили *презрѣнію* къ этимъ предметамъ и полному *игнорированію* ихъ. И благодаря этимъ ханжескимъ рѣчамъ и клеветѣ и двусмысленному молчанію— предметъ этотъ превратится чуть-ли не въ пугало.

Теперь намъ слѣдуетъ сдѣлать попытку разобраться, какимъ образомъ намъ сойти съ пути неправды и снова вступить на стезю истины.

Множество правдивыхъ и честныхъ воспитателей пришли къ тому

убѣжденію, что мы не должны ни единому человѣку—въ томъ числѣ и ребенку—выдавать сказку за истину, потому что въ одинъ прекрасный день гнилость и лживость очарованія будетъ обнаружена: тогда это случится на счетъ довѣрія къ правдивости сочинителя сказокъ. Объ этомъ могли-бы поразсказать кое-что изъ области новѣйшихъ переживаній священники и учителя всевозможныхъ вѣроисповѣданій. Если они имѣютъ обыкновеніе строить серьезныя, торжественныя и умиленныя физіономіи, когда выдаютъ свои сказки и побасенки за самую святую истину, то вѣрятъ имъ еще лишь дѣти да старыя бабы обоего пола; тотъ же, кто научился мыслить, наблюдать и читать, съ улыбкой или съ чувствомъ досады проходитъ мимо. Вѣдь во всѣ времена—и въ наше время тоже—тотъ, кто былъ обманутъ однажды, стыдится дать себя обмануть вторично.

Наряду съ восточной басней о грѣхопаденіи въ раю ни одна другая сказка не причинила столько вреда, какъ басня о приносящемъ маленькихъ дѣтей аистѣ. И эти двѣ сказки унизили женщину больше всякой другой мужской низости, какою только онъ можетъ погрѣшить противъ женщинъ. Долой эти источники лжи, которые вливаются въ исторію человѣчества мутными потоками одичанія; мы должны запрудить и замуровать ихъ какъ можно скорѣе, накрыть гранитными плитами и завалить каменными глыбами! Откроемъ для всѣхъ чистые источники истины, а также истины въ вещахъ ежедневно повторяющагося сотворенія человѣка!

Правильнѣе всего было-бы начать съ воспитанія *матерей*. Женщина прежде всего должна воспитываться въ уваженіи къ *ея собственной миссіи*. Она должна научиться распознавать въ тайнахъ естественнаго бытія законы воспроизведенія жизни и постигать всю тяжесть своей отвѣтственности при созданіи мостовъ въ царство безконечности. Когда она станетъ свѣдующей въ томъ, что было для нея смутнымъ и неяснымъ, тогда область эта, освѣщенная лучами истины, станетъ для нея прозрачной и *чистой*.

Въ наукѣ объ обоихъ царствахъ живыхъ существъ распознаваніе половыхъ дифференціацій безчисленныхъ растительныхъ и животныхъ видовъ стало принципомъ естественной систематики. Половыя отношенія сдѣлались путеводителями въ области прошедшаго, гдѣ филогенетическое развитіе началось изъ простѣйшаго комочка живого вещества и поднялось въ медленномъ преобразованіи до высшей ступени органической жизни: до великолѣпія цвѣтовъ растительнаго царства и волшебства любви у высшихъ позвоночныхъ животныхъ. Здѣсь—въ области науки знаніе половыхъ отношеній стало оплотомъ и двигателемъ прогресса зоологіи и ботаники.

Какое-же собственно преступленіе совершилъ человѣкъ — высшее изъ всѣхъ позвоночныхъ,—что *его* половая жизнь оказалась въ сферѣ вліянія какой-то несчастной звѣзды, и онъ отучился взирать невинными глазами на явленія творенія въ стройномъ порядкѣ природы и воздавать имъ должное въ свободныхъ, правдивыхъ словахъ? Почему у человѣка все это должно было стать позорно грязнымъ?

На эти вопросы отвѣчаютъ намъ полевые цвѣты и поющія небесныя птицы, голуби — вѣрные супруги тамъ на кровлѣ дома и рыкающій царь пустынь,—все живое твореніе отъ рыбы океана до сурка на скалистыхъ склонахъ Альпъ, всѣ говорятъ въ унисонъ: „Человѣкъ въ своемъ богоподобіи сдѣлался такимъ неестественнымъ, что сталъ стыдиться своего собственнаго про-

исхожденія и осмѣливается говорить о немъ лишь въ весьма неясныхъ, извращенныхъ рѣчахъ".

И это умалчиваніе. это перешептываніе въ тѣни мрачнаго, сказочнаго тумана, это бормотаніе у сточной канавы, это жеманство и ханжество и всѣ эти „грѣхи молодости" и глупое закрываніе глазъ,—все это привело его—человѣка—къ краю пропасти, къ границѣ его собственнаго счастья.

Мы слышимъ уже голосъ страдающей рассы:

Черезъ вашу глупость въ изворотахъ безконечной лжи
Мнѣ грозитъ окончательная гибель.
Спасеніе лишь въ полной *истинѣ*!.

Вотъ чего хочетъ напуганная раса. И кто заботится о ея процвѣтаніи, тотъ откроетъ уши на этотъ крикъ о помощи и станетъ искать, чѣмъ помочь бѣдѣ.

Мы отбросимъ ложь и будемъ отнынѣ говорить истину всѣмъ—дѣтямъ тоже. Педагогика, основанная на побасенкахъ, отжила свой вѣкъ. Царство воспитанія юношества на всемъ своемъ протяженіи должно стать царствомъ правдивости.

Въ высшихъ школахъ, откуда наши врачи и юристы, священники, а въ послѣднее время и генеральный штабъ журналистики выносятъ лучшія сокровища своего знанія, гдѣ, къ сожалѣнію, еще не завершаютъ своего образованія народные учителя—эти истинные воспитатели народа;—тамъ истина вступила въ свои права, тамъ уже произошелъ полный переворотъ въ воззрѣніяхъ, и старая ложь о недостойности половой жизни окончательно отброшена. Но этого еще далеко не достаточно, чтобы выбраться изъ мутныхъ потоковъ пренебреженія и утайки, съ какими обычно съ ранней юности унижались и дискредитировались святые процессы воспроизведенія жизни. Для этого нуженъ *болѣе широкій* базисъ.

Проблема избавленія отъ сексуальной нищеты можетъ быть и будетъ дѣйствительно разрѣшена лишь на широчайшемъ базисѣ истиннаго просвѣщенія; мы должны позаботиться о томъ, чтобы въ каждомъ родительскомъ домѣ, на соотвѣтствующей ступени народной школы и во всѣхъ среднихъ школахъ въ надлежащее время подрастающимъ гражданамъ земли сообщались тѣ свѣдѣнія и объясненія, которыхъ добивается всякій любознательный юный человѣкъ, когда у него возникаетъ вопросъ о происхожденіи человѣческихъ дѣтей.

Кто ищетъ поученія, тотъ долженъ получить отвѣчающія истинѣ свѣдѣнія. Никто не хотѣлъ бы получить ложь въ отвѣтъ на свой вопросъ; и менѣе всего допустимо здѣсь презрительное молчаніе, подозрительное утаиваніе чего-то или запугиваніе юной души смертнымъ грѣхомъ; отъ всего этого ребенокъ легко приходитъ къ выводу, что чуть-ли не преступленіе спрашивать о вещахъ такого рода и даже говорить и думать о нихъ. Ежедневный опытъ на тысячѣ примѣрахъ учитъ насъ, что хорошій любознательный ребенокъ успокоится не прежде, чѣмъ онъ получитъ на свои естественные вопросы тоже вполнѣ естественные, т. е. вѣрные дѣйствительности отвѣты. Каждый нормальный ребенокъ хочетъ знать правду. Значитъ, скверные мы воспитатели, если на дѣтскіе вопросы мы не умѣемъ отвѣтить ничѣмъ лучшимъ, какъ ложью или же вовсе отказываемся отвѣчать. Распростимся-же, наконецъ, съ аистомъ! Скажемъ любознательному ребенку, что своею жизнью онъ обязанъ родителямъ,— что долгое время онъ былъ частью своей матери и что мать подвергала опасности свою жизнь, когда выносила на свѣтъ дня маленькое живое существо. Тогда хотѣлось бы мнѣ увидѣть такого ребенка, котораго при этомъ откровеніи не охватила бы еще бо-

лѣе сильная, чѣмъ прежде, любовь къ своей матери!

Для *всѣхъ* возрастовъ жизни безъ различія истина — лучшая наставница. Я полагаю, что когда-нибудь мы всѣ согласимся въ этомъ. Но было, есть и остается колоссальнѣйшей ложью, когда мы топчемъ ногами, забрасываемъ грязью и обдаемъ презрѣніемъ и издѣвательствомъ священнѣйшие процессы, которые поставила природа какъ нерушимый законъ на пути своего великаго развитія. Тѣмъ временемъ, конечно, повсюду и наши предки въ теченіе тысячелѣтій, и мы сами продолжаемъ идти тѣмъ путемъ, который указала намъ природа и сдѣлала единственнымъ условіемъ нашего безсмертія.

Такимъ образомъ и здѣсь—въ отношеніи къ этимъ деликатнымъ предметамъ и вопросамъ—мы стоимъ наканунѣ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. То, что прежде презиралось да и теперь еще презирается и подвергается осмѣянію повсюду,— будетъ уважаться, и у всѣхъ народовъ, у христіанъ, евреевъ и язычниковъ, получитъ совершенно иной видъ, непохожій на тотъ, который эта область половыхъ отношеній издавна пріобрѣла при злосчастномъ дуализмѣ характера западнаго мышленія и способа оцѣнки вещей.

Мы должны при обученіи юношества по всей линіи вселять уваженіе къ явленіямъ и процессамъ естественнаго бытія и на этомъ построить всю нашу этику. Только такимъ способомъ можемъ мы сдвинуться съ мертвой точки и вернуть нашей расѣ здоровье, которое стало уже страдать у нея.

Вдумчивые педагоги, врачи и гигіенисты уже поняли это. Призывъ къ коренной реформѣ въ труднѣйшей изъ задачъ воспитанія раздается все чаще и чаще, и не какіе-нибудь эгоисты, сластолюбцы и т. д., но дальновидные воспитатели народа въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, воспитатели человѣчества, начинаютъ великую работу коренной реформы и приступаютъ съ честными, открытыми глазами и твердой волей къ просвѣщенію того поколѣнія, которое займетъ наше мѣсто. Пусть не пожалѣютъ труда прочесть книгу *Эдуарда Карпентера*: „Когда люди созрѣваютъ къ любви“!*)

Это такое сочиненіе, за которое нашъ старый материкъ со своимъ невѣроятнымъ лицемѣріемъ и ханжествомъ можетъ позавидовать „Новому Свѣту“, раскинувшемуся на островахъ тамъ, на Западѣ, по ту сторону океана. Я желалъ бы, чтобы эта книга, написанная извѣстнымъ англійскимъ соціальнымъ реформаторомъ, была прочитана и принята во вниманіе всѣми мыслящими отцами и матерями, а также всѣми истинными народными воспитателями, потому что дѣйствительно дѣло обстоитъ такъ, какъ пишетъ въ предисловіи къ нѣмецкому изданію заслуженный переводчикъ: „Ни въ одной иной области жизни, какъ въ этой (области половыхъ отношеній), не господствуетъ такого сплетенія лжи, боязни истины и такого преклоненія передъ условностью И въ совершенно особенной степени обнаруживается это въ „образованныхъ“ классахъ, гдѣ труднѣе всего говорить объ этихъ предметахъ“.

Стоитъ также удѣлить вниманіе двумъ маленькимъ брошюркамъ извѣстной американской женщины врача, д-ра *Мари Вудъ-Алленъ*, появившимся недавно въ нѣмецкомъ переводѣ. „*Скажи мнѣ правду, милая мама*!“ называется первая кни-

*) Wenn die Menschen reif zur Liebe werden. Eine Reihe von Aufsätzen über das Verhältnis der beiden Geschlechter. Von Edward Karpenter. Einzig autorisierte übersetzung von Karl Federn. II Aufl. Leipzig 1902. Hermann Seemann Nachfolger. Редакція предполагаетъ со временемъ познакомить читателей съ этимъ интереснымъ трудомъ. *Ред.*

жка, вторая-же озаглавлена: „Какъ мальчикъ дѣлается взрослымъ человѣкомъ“... *)

Госпожа *Мари Вудъ-Алленъ* редактируетъ также педагогическій журналъ: „The american mother“ („Американская мать“), и можетъ считаться піонеркой благороднѣйшаго просвѣщенія. Она говоритъ языкомъ матери и обучаетъ такъ, какъ только можетъ учить мать. Ея слово проникнетъ въ душу ребенка и, быть можетъ, также въ души многихъ молодыхъ матерей, которыя, получивъ согласно господствующей практикѣ нелѣпѣйшее воспитаніе, совершенно неспособны съ надлежащимъ тактомъ разсказать дѣтямъ о тѣхъ вещахъ, о которыхъ они сами никогда не услышали ничего порядочнаго и разумнаго.

И все-же при чтеніи этихъ двухъ брошюръ Вудъ-Алленъ, я не могъ отдѣлаться отъ нѣкотораго непріятнаго чувства. Да, все, что даетъ здѣсь честная мать, проистекло изъ большого и хорошаго желанія помочь дѣлу; но далеко не все сдѣланное удалось ей какъ слѣдуетъ. Взятые изъ жизни растеній подготовительные примѣры выбраны не вполнѣ удачно и, согласно нашему біологическому знанію, не всѣ правильно объяснены и не вездѣ проведена вѣрная аналогія. Ботаника представляетъ здѣсь гораздо болѣе подходящій и желательный учебный матеріалъ. Можно пожелать, чтобы въ этомъ отношеніи дѣло обстояло лучше у матерей, которыя собираются поучать своихъ дѣвочекъ и наставлять мальчиковъ. Тутъ, кромѣ того, мы хотѣли-бы еще указать на одинъ важный моментъ для рѣшенія нашего деликатнаго педагогическаго вопроса: я полагаю, что въ тысячѣ случаяхъ написанное или напечатанное слово оказываетъ лучшую услугу дѣлу обученія, чѣмъ сказанное слово. Развѣ не существуетъ эманацій человѣческаго духа, въ познаніи и въ искусствѣ, которыя почти не выносятъ своего пути поправленія въ видѣ *сказаннаго* слова изъ устъ въ уста? Развѣ нѣтъ такихъ эманацій, для которыхъ *написанное* и *напечатанное* слово является *лучшимъ* посредникомъ между дающимъ и воспринимающимъ, между учителемъ и ученикомъ, между отцомъ и сыномъ, между матерью и дочерью? Развѣ не страдаютъ многія стихотворенія отъ громкой декламаціи? Кто изъ насъ не переживалъ того факта, что при декламаціи гетевскаго „посвященія“ къ Фаусту или при слушаніи фаустовскаго монолога (пасхальная ночь) пониманіе наслажденія творческими образами было гораздо меньшимъ, менѣе яркимъ, чѣмъ при тихомъ чтеніи тѣхъ-же самыхъ стихотвореній при свѣтѣ лампы въ своей укромной кельѣ?—Также мало удастся матери найти вѣрный тонъ, даже если она и чрезвычайно образованная женщина и вполнѣ сознаетъ важность своей высокой миссіи, если-бы она захотѣла въ устной рѣчи посвятить свою подростающую дочь въ тайны воспроизведенія жизни. Тоже справедливо и въ отношеніи отца и сына или даже заботливой матери и ея потерявшаго отца сына.

Такое чувство явилось у меня какъ разъ при чтеніи одного изъ сочиненій Вудъ-Алленъ.—Здѣсь *напечатанное* слово должно взять на себя миссію учить истинѣ, потому что въ этомъ случаѣ отпадаетъ всякое мѣшающее дѣлу смущеніе, всѣ унаслѣдованные грѣхи ложной стыдливости и жеманства, и сила истины можетъ безпрепятственно развернуть свои сіяющія крылья.

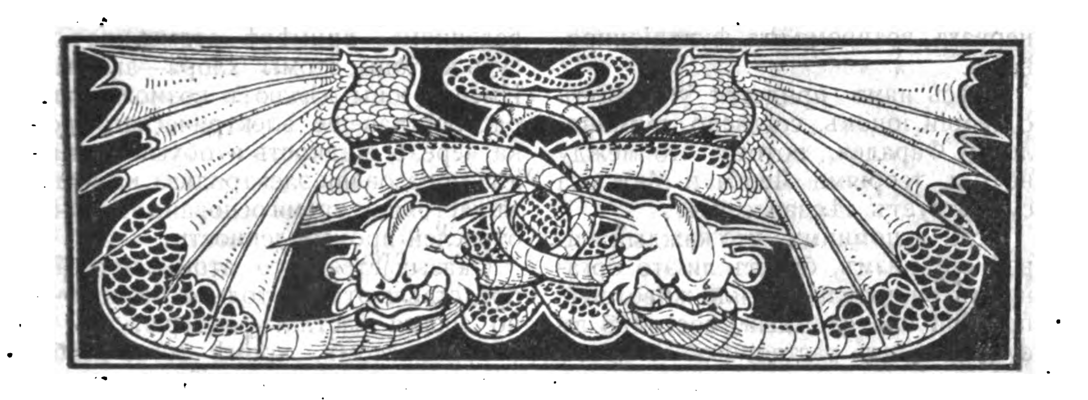
Итакъ, наставленіе путемъ написаннаго, напечатаннаго, продиктованнаго духомъ науки, истины и

*) Dr. Mary Wood-Allen, „Sag mir die Wahrheit, liebe Mutter!“ Mit einen Vorwort von Dr. Marie Heim-Vögtliu. Zürich 1904. „Wenn der Knabe zum Mann wird“, Zürich 1904.

доброй воли поученія, все въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ, не въ театрѣ, гдѣ человѣческая трагедія Фауста тоже никогда не можетъ произвести правильнаго впечатлѣнія, — а въ тихомъ tête-à-tête между вопрошающимъ юнымъ читателемъ и открывающей тайны книгой.

Но такая книга, которая должна содержать эти откровенія для поученія юношества обоего пола въ достойной, внушающей уваженіе формѣ, книга, которая должна быть свободна отъ всѣхъ старыхъ заблужденій и вздора, свободна отъ всякаго конфессіонализма религіознаго характера и безупречна въ научномъ и этическомъ отношеніи,—такая книга должна еще быть написана. Тогда она станетъ проводникомъ въ страну будущаго, гдѣ повсюду царствуетъ чистота—и въ отношеніи къ полу, какъ высшей дифференціаціи органической природы.

Что такое нервная вибрація?

Очеркъ Анри де-Вариньи, пер. съ франц. О. И. Ивановой.

I.

Какой бы теоріи ни придерживались относительно сущности взаимодѣйствія между матеріей и духомъ, какимъ бы образомъ ни опредѣляли сущности духа самого по себѣ, неоспоримъ тотъ фактъ, что физіологія давно уже вступила на научный путь, и что явленія живой матеріи признаются ею по существу явленіями физическими и химическими. Очевидно то, что явленія эти не только зависятъ отъ физико-химическихъ факторовъ, но что и сами они, по своей природѣ, суть явленія физико-химическаго порядка. Что касается дыханія, пищеваренія, роста, раздражительности и т. д., то уже давно установлено, что всѣ эти явленія подчинены законамъ физики и химіи. Мало того, каждое новое открытіе или изобрѣтеніе въ области методовъ и средствъ изслѣдованія обнаруживаетъ все съ большей ясностью физико-химическую природу жизненныхъ явленій. Это подтверждается многочисленными фактами.

Вотъ еще новый фактъ, о которомъ не говорили еще въ прессѣ, и который особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи. Мы имѣемъ въ виду новую теорію двухъ извѣстныхъ біологовъ Соединенныхъ Штатовъ —Жака Лебба и Метьюса—относительно сущности импульса или нервной вибраціи, изложенной ими въ цѣломъ рядѣ интересныхъ сочиненій. Ихъ труды были представлены на разсмотрѣніе „Американскому Обществу Натуралистовъ“ во время послѣдняго его собранія въ Чикаго.

Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, въ силу того, что взаимная зависимость различныхъ отраслей науки чрезвычайно велика, и что дальнѣйшій прогрессъ можетъ выражаться лишь въ открытіи новыхъ методовъ изслѣдованія и примѣненія ихъ на практикѣ, — исходный пунктъ лежитъ не въ физіологіи. Извѣстно, что кристаллографія привела Пастера къ изученію процессовъ броженія и къ открытію въ нихъ дѣятельности микробовъ,— поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что изслѣдованія Сванта Аррениуса о свойствахъ соляныхъ растворовъ, между прочимъ, послужили основаніемъ для новой и оригинальной теоріи о физико химическихъ явленіяхъ, совершающихся въ

нервахъ во время ихъ функціонированія.

Здѣсь намъ придется упомянуть о теоріи іоновъ, согласно терминологіи Фарадея, потому что между нею и теоріями Лебба и Метьюса существуетъ тѣсная связь.

Если вспомнимъ, что каждый живой организмъ, будетъ ли это организмъ растительный или животный, простой или сложный, состоитъ въ сущности изъ растворовъ, т. е. изъ различныхъ веществъ, растворенныхъ въ водѣ, то придемъ къ заключенію, что факты физическаго или химическаго порядка. относящіеся къ свойству растворовъ и къ законамъ, которымъ растворы подчиняются, могутъ имѣть важное значеніе для физіологіи. Въ случаѣ недостатка въ фактахъ, можно прибѣгнуть къ помощи теоріи. Теорія іоновъ какъ разъ подходитъ къ этому случаю, объясняя то, что происходитъ, когда, напримѣръ, кусокъ соли растворяется въ водѣ.

Въ водѣ, въ которой растворено немного морской соли или хлористаго натра, получается вовсе не хлористый натръ въ разжиженномъ состояніи: въ ней, съ одной стороны, получаются атомы хлора, съ другой—атомы натра. И эти атомы представляютъ ту особенность, что заряжены электричествомъ. Въ томъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ въ данный моментъ, атомы натра несутъ положительные электрическіе заряды. Именно эти-то атомы,—т. е. самыя крошечныя матеріальныя частицы тѣлъ,—и носятъ названіе *іоновъ*, что значитъ „блуждающіе, бродяги". Они, смотря по тому, какимъ электричествомъ заряжены, что, въ свою очередь, зависитъ отъ химическаго ихъ состава, называются *катіонами* (или іонами положительными), если движутся по направленію тока къ отрицательному электроду, или катоду, и *аніонами* (или іонами отрицательными), если направляются къ электроду положительному, или аноду. Въ приведенномъ примѣрѣ атомы натра суть катіоны, атомы хлора—аніоны. Именно іоны дѣлаютъ возможнымъ распространеніе электрическаго тока черезъ жидкость и обусловливаютъ образованіе электролиза, на чемъ въ настоящее время основано столько отраслей промышленности.

Оказывается, что атомы матеріи представляютъ не только безконечно малыя частицы матеріи, но и каждый атомъ, кромѣ того, снабженъ электрическимъ зарядомъ.

II.

Если это такъ, то неизбѣжно возникаетъ вопросъ, не обусловливаются ли физическія и химическія свойства какого-нибудь соляного раствора, по крайней мѣрѣ, хоть отчасти, электрическими зарядами, заключающимися въ атомахъ. Это открыло новую точку зрѣнія въ физикѣ и химіи. Тотъ же вопросъ неизбѣжно возникъ и относительно свойствъ многочисленныхъ и различныхъ растворовъ, входящихъ въ составъ организма, что повело къ образованію новаго взгляда въ области физіологіи. Съ другой стороны, значительное количество физико-химическихъ и физіологическихъ явленій, которыя прежде объяснялись физическими и химическими свойствами матеріи, пришлось объяснить неизвѣстнымъ прежде третьимъ факторомъ, именно электричествомъ, которымъ заряженъ каждый атомъ матеріи.

Теорія іоновъ, намѣченная Фарадеемъ и расширенная и дополненная Свантъ Аррениусомъ и другими физиками, около пяти лѣтъ тому назадъ была принята Жакомъ Леббомъ и привела къ новому изслѣдованію нѣкоторыхъ явленій физіологіи, въ особенности къ изслѣдованію вопроса объ отношеніяхъ, существующихъ между сокращеніемъ мышцъ и свойствами солей, находящихся въ видѣ раствора въ крови и вообще въ жидкостяхъ организма.

Такое направленіе изслѣдованія объясняется хорошо извѣстнымъ фактомъ существованія особаго рода электрическихъ явленій въ мышцѣ, находящейся въ состояніи сокращенія, каковы: отрицательное измѣненіе или мышечный токъ мышцы во время ея работы. Леббъ своими опытами не замедлилъ открыть очень интересные факты. Онъ, главнымъ образомъ, доказалъ, что способность къ ритмическому сокращенію, считавшаяся свойственной лишь сердцу, свойственна при извѣстныхъ условіяхъ также и другимъ мышцамъ. Задача заключается лишь въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ способными къ раздраженію, помѣстивъ ихъ въ соотвѣтствующіе соляные растворы. Икроножная мышца лягушки ритмически сокращается, подобно сердцу, въ растворахъ сѣрно-кислаго натра и другихъ солей того же металла; наоборотъ, примѣсь небольшого количества той или другой соли кальція останавливаетъ сокращеніе. Слѣдовательно, существуютъ химическіе составы, возбуждающіе мышечное сокращеніе, и такіе, которые препятствуютъ сокращенію...

Благодаря многочисленнымъ опытамъ и изслѣдованіямъ, предпринятымъ съ цѣлью открыть дѣйствіе различныхъ тѣлъ, обнаружился очень важный фактъ, а именно, что въ нѣкоторыхъ растворахъ не происходитъ вовсе никакого сокращенія. Оказалось, что въ растворахъ неэлектрическихъ, т. е. состоящихъ изъ тѣлъ, атомы которыхъ не заряжены электричествомъ, каковы—растворы глицерина, сахара и т. п., мышца оставалась неподвижною. Въ растворахъ же электрическихъ, т. е. состоящихъ изъ тѣлъ, атомы которыхъ заряжены электричествомъ, сокращеніе совершалось. Отсюда естественно вывели заключеніе, что причиной мышечнаго сокращенія могли быть электрическіе заряды атомовъ. Оно подтвердилось изслѣдованіями Лебба надъ мышцами медузы, а также изслѣдованіями, напечатанными однимъ изъ его сотрудниковъ, Лэнглемъ, въ сочиненіи подъ заглавіемъ: *О дѣйствіи нѣкоторыхъ іоновъ на мышцы желудка*. Лэнгль проводитъ ту мысль, что если въ нѣкоторыхъ случаяхъ неэлектролиты (растворы, неспособные проводить токъ) и вызываютъ сокращеніе, то происходитъ это лишь потому, что они, какъ показываетъ химическій анализъ, не вполнѣ чисты, а содержатъ примѣсь частицъ соли натра. Онъ доказалъ также, что возбудителями сокращеній сердца являются соли натра, и что растворъ химически чистаго хлористаго натра дѣйствуетъ на сердца возбуждающе, изъ чего періодическая пресса, неизвѣстно, по какимъ законамъ дедукціи, вывела заключеніе, будто соль есть элексиръ долговѣчности, и поспѣшила распространить эту сенсаціонную новость среди публики.

III.

Съ того момента, какъ признали, что мышечное сокращеніе возбуждается лишь электролитами, т. е. растворами, содержащими іоны, стало очевиднымъ, что между электричествомъ іоновъ и сокращеніемъ мышцъ должно существовать какое то опредѣленное отношеніе. Была и возможность въ извѣстной мѣрѣ провѣрить эту гипотезу, потому что электрическіе заряды атомовъ въ различныхъ растворахъ различны не только по качеству, но и по количеству. Атомная теорія въ дѣйствительности признаетъ существованіе сложныхъ и составныхъ атомовъ точно такъ же, какъ и существованіе простыхъ атомовъ. Сложные атомы, какъ разсматривалъ ихъ Фарадей, имѣютъ по нѣскольку силъ и по научной терминологіи носятъ названіе двухъ—трехъ—четырехъ и полиэквивалентныхъ; они снабжены такимъ количествомъ электрическихъ зарядовъ, которое пропорціонально количеству ихъ силъ или валентностей. Простые атомы несутъ лишь по од-

ному электрическому заряду, атомы четырехъ и семиэквивалентные несутъ и по четыре или по семи электрическихъ зарядовъ. Изъ этого видно, что атомы полиэквивалентные могутъ препятствовать дѣйствію атомовъ моноэквивалентныхъ или низшей валентности. Извѣстно, напримѣръ, что нѣкоторые простые атомы не могутъ осаждать бѣлковину въ растворѣ, тогда какъ другіе, болѣе сложные атомы отличаются способностью къ образованію такого осадка. Послѣ этого развѣ не ясно, что дѣйствіе однихъ іоновъ можетъ быть уничтожено дѣйствіемъ другихъ, болѣе богатыхъ электричествомъ іоновъ?

Леббъ произвелъ интересныя изслѣдованія въ этомъ направленіи, которыя показали, что икра одного мелкаго вида рыбъ можетъ развиваться въ морской водѣ или въ дестиллированной, но теряетъ способность къ развитію въ чистомъ хлористомъ натрѣ. Онъ помѣщалъ эту икру въ растворъ послѣдней соли (хлористаго натра) и констатировалъ тотъ фактъ, что если къ этому раствору прибавить небольшое количество хлористаго кальція, іоны котораго несутъ двойной зарядъ электричества, то развитіе становится возможнымъ. Потомъ къ кальцію онъ примѣшивалъ цинкъ или свинецъ, которые сами по себѣ даже ядовиты, и, несмотря на это, развитіе было еще возможно, потому что ихъ атомы обладаютъ количествомъ электрическихъ зарядовъ высшей валентности. И чѣмъ богаче іоны электричествомъ, тѣмъ менѣе ихъ нужно для нейтрализированія вреднаго дѣйствія іоновъ слабѣе снабженныхъ электричествомъ. Этотъ фактъ очень интересенъ, потому что объясняетъ антагонизмъ между токсинами и антитоксинами: весьма незначительнаго количества послѣднихъ достаточно для того, чтобы воспрепятствовать дѣйствію значительнаго количества первыхъ.

IV.

Если соли оказываютъ вліяніе на мышечное сокращеніе, то не могутъ ли онѣ также оказывать вліяніе на отправленія нервовъ? Вотъ вопросъ, которымъ задался Метьюсъ и для разрѣшенія котораго произвелъ большое количество опытовъ. Изолируя бедренный нервъ лягушки, который онъ оставлялъ въ связи съ икроножной мышцей, онъ показалъ, что, погружая обрѣзанный конецъ нерва въ сильный растворъ сахара, можно вызвать сильное и продолжительное сокращеніе мышцы. По прошествіи получаса нервъ теряетъ способность къ раздражительности. Этотъ опытъ показываетъ, что растворъ сахара производитъ въ нервѣ нервные импульсы, слѣдствіемъ которыхъ является сокращеніе мышцы. Однако, іоны не могли быть причиной этого явленія, потому что ихъ не было въ сахарномъ растворѣ. Раздражительность нерва обусловливается въ этомъ случаѣ другимъ факторомъ, именно: его высыханіемъ или исчезновеніемъ, подъ вліяніемъ сахарнаго раствора, содержащейся въ немъ воды. Въ самомъ дѣлѣ, высушиваніемъ нерва на свѣжемъ воздухѣ можно получить тотъ же результатъ, что и при погруженіи его въ сахарный растворъ; съ другой стороны, уменьшая концентрацію раствора и этимъ устраняя высыханіе, можно воспрепятствовать сокращенію нерва. При помощи глицерина и другихъ не электрическихъ тѣлъ также можно вызвать сокращеніе нерва, — они дѣйствуютъ на нервъ тѣмъ, что поглощаютъ изъ него воду.

Если погружать нервъ въ соляные растворы, то результаты измѣняются. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ такимъ образомъ, что поглощаютъ воду, другіе иначе. Если нервъ помѣстить въ растворъ морской соли—хлористаго натра, — настолько слабый, чтобы онъ не могъ поглотить воды нерва, то послѣдній,

по прошествіи нѣкотораго времени раздражается, и мышца начинаетъ ритмически сокращаться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Это явленіе объясняется дѣйствіемъ іоновъ, именно — отрицательныхъ іоновъ хлора. Что въ данномъ случаѣ на сокращеніе нерва дѣйствуютъ именчо отрицательные іоны хлора, доказывается опытомъ, заключающимся въ томъ, что нервъ помѣщается послѣдовательно въ растворы хлористаго, бромистаго или іодистаго натра.

Бромистый натръ дѣйствуетъ сильнѣе хлористаго, іодистый—сильнѣе бромистаго. Такъ какъ въ различныхъ растворахъ количество атомовъ натра остается одинаковымъ, то разницу въ дѣйствіи растворовъ можно объяснить лишь тѣмъ, что на сокращеніе нерва оказываютъ вліяніе отрицательные іоны хлора, брома и іода. Щелочи съ отрицательными іонами тоже дѣйствуютъ, какъ соли, въ которыхъ берутъ перевѣсъ отрицательные іоны.

Но, спросятъ насъ, дѣйствуютъ ли отрицательные іоны вслѣдствіе своего химическаго состава или вслѣдствіе электрическаго заряда? Дѣйствительно, этотъ вопросъ вполнѣ естественъ. Метьюсъ отвѣчаетъ на него весьма простымъ опытомъ. Онъ беретъ растворы трехъ солей натра: бромистый, хлористый и уксусный натръ, которые моноэквивалентны, т. е. атомы которыхъ имѣютъ лишь по одному электрическому заряду. Затѣмъ онъ приготовляетъ также растворы трехъ двухъэквивалентныхъ солей: сѣрнокислой, щавелевокислой и виннокаменнокислой, атомы которыхъ имѣютъ по два электрическихъ заряда, и, наконецъ, растворы трехъ солей трехъэквивалентныхъ: желѣзосинеродистокислой, лимоннокислой и фосфорнокислой, атомы которыхъ имѣютъ по три электрическихъ заряда. Онъ доказываетъ, что раздражающее дѣйствіе этихъ солей на нервъ пропорціонально ихъ валентности: соли трехъэквивалентныя оказываютъ болѣе сильное раздражающее дѣйствіе, нежели соли моноэквивалентныя. Возбуждающее дѣйствіе производится исключительно электрическими зарядами, которыми обладаютъ іоны; химическая же природа атомовъ не оказываетъ никакого вліянія. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что между электрическимъ и химическимъ раздраженіемъ нервовъ не существуетъ различія. Подвергаются ли нервы раздраженію токомъ или раздражаются погруженіемъ въ соляной растворъ, сущность процесса остается одинаковой въ обоихъ случаяхъ и обусловливается однимъ и тѣмъ же факторомъ: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ дѣйствуетъ электричество.

Иначе говоря, электрическое и химическое раздраженіе тождественны, между тѣмъ какъ до сихъ поръ всякое раздраженіе считали исключительно химическимъ. Отрицательные іоны раздражаютъ своимъ отрицательнымъ электричествомъ, положительные іоны парализуютъ и убиваютъ своимъ положительнымъ электричествомъ, будучи тѣмъ болѣе ядовитыми, чѣмъ выше валентность ихъ атомовъ.

V.

Послѣ этихъ опытовъ поняли, что дѣйствіе соляного раствора производится сложною силою, ибо, если въ одномъ и томъ же растворѣ есть аніоны и катіоны, т. е. іоны, изъкоторыхъодни заряжены отрицательнымъ, а другіе—положительнымъ электричествомъ, то совокупное дѣйствіе ихъ на нервъ, напримѣръ, явится результатомъ перевѣса одной изъ двухъ категорій іоновъ надъ другой. Хлористый кали оказываетъ парализующее дѣйствіе, потому что въ немъ положительное электричество въ общемъ преобладаетъ надъ отрицательнымъ. Лимонно-кислый кали не парализуетъ, потому что

отрицательные электрическіе заряды, вслѣдствіе тройной валентности лимонно-кислаго элемента, берутъ перевѣсъ надъ элементомъ кали, который моноэквивалентенъ. Дѣйствіе соли зависитъ, слѣдовательно, отъ силы электрическихъ зарядовъ ея элементовъ, отъ ихъ относительной силы, т. е. отъ перевѣса того или другого электричества. Ядовитое дѣйствіе цѣлаго ряда іоновъ можетъ быть нейтрализовано раздражающимъ дѣйствіемъ противоположныхъ іоновъ. Есть соли, въ которыхъ обѣ группы іоновъ отличаются почти равной силой: въ растворѣ хлористаго натра отрицательные электрическіе заряды хлора берутъ небольшой перевѣсъ надъ положительными электрическими зарядами натра; въ бромистомъ натрѣ преобладаетъ отрицательное электричество; въ хлористомъ кали положительное электричество кали преобладаетъ надъ отрицательнымъ электричествомъ хлора.

Разъ были установлены эти факты, Метьюсъ получилъ возможность заняться вопросомъ о раздражительности нерва и сущности нервнаго импульса.

VI.

Прежде всего замѣтимъ, что между этими двумя фактами и хорошо извѣстнымъ явленіемъ нервнаго свойства, носящимъ названіе электротонуса, существуетъ очевидная связь. Если раздражать нервъ электричествомъ, помѣстивъ вверху два электрода Румкорфовой спирали, то это раздраженіе начнется въ отрицательномъ электродѣ, и раздражительность нерва во время прохожденія тока возрастаетъ вблизи отрицательнаго электрода и уменьшается вблизи положительнаго электрода.

Этотъ опытъ вполнѣ подтверждаетъ то, что мы только что говорили, т. е. парализующее дѣйствіе положительныхъ іоновъ и раздражающее дѣйствіе отрицательныхъ іоновъ. Безъ сомнѣнія, условія, при которыхъ получены результаты, не одинаковы въ обоихъ случаяхъ: въ одномъ случаѣ нервъ получаетъ электричество отъ атомовъ растворовъ, въ другомъ — электричество его собственныхъ атомовъ подпадаетъ вліянію электричества электродовъ, но результатъ одинаковъ, и это служитъ интереснымъ подтвержденіемъ того, что химическіе раздражители дѣйствуютъ на самомъ дѣлѣ своимъ электричествомъ.

Если въ нервѣ совершаются измѣненія, обусловливаемыя дѣйствіемъ электричества, то необходимо изслѣдовать болѣе подробно его строеніе, потому что это представляетъ единственное средство составить себѣ нѣкоторое понятіе объ явленіяхъ, совершающихся въ нервѣ во время его функціонированія. Нервъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ длинныхъ волоконъ, наростающихъ извнѣ и носящихъ названіе цилиндрически-осевыхъ. Съ химической точки зрѣнія эти волокна состоятъ изъ бѣлковыхъ и жировыхъ веществъ, въ нихъ также много лецитина. Эти различныя вещества находятся въ состояніи растворовъ, содержащихъ студенистое вещество, и эти растворы, какъ извѣстно, образуютъ коллоиды или гидрозолы, которые замѣтно разнятся отъ обыкновенныхъ растворовъ. По этому вопросу англичанинъ Хардей и нѣмецъ Бредичъ помѣстили въ прошломъ году въ печати очень интересныя работы. По мнѣнію Хардея, живая протоплазма представляетъ коллоидальный растворъ, состоящій изъ твердыхъ частицъ, плавающихъ въ водѣ. Количество этихъ частицъ пропорціонально количеству молекулъ, и сами частицы окружены, согласно мнѣнію Гельмгольца и Квинке, двойнымъ электрическимъ поясомъ. Если онѣ заряжены положительнымъ электричествомъ, то молекулы жидкой среды снабжены равнымъ количествомъ отрицательнаго электричества.

Очевидно, что эти частицы какъ

бы находятся подъ вліяніемъ электрическаго тока, подобно іонамъ. Онѣ приближаются къ аноду, если заряжены отрицательнымъ электричествомъ, и къ катоду, если—положительнымъ. И такъ какъ каждая изъ частицъ несетъ электрическій зарядъ, то всѣ онѣ взаимно отталкиваются, чѣмъ поддерживаются въ состояніи раствора. Предположимъ теперь, что эти частицы, которыя всѣ наэлектризованы и всѣ заряжены, напримѣръ, положительнымъ электричествомъ, встрѣтятся съ частицами или іонами, заряженными противоположнымъ, отрицательнымъ электричествомъ. Тотчасъ произойдетъ отстой или коагуляція (сгущеніе), тѣмъ болѣе сильная, чѣмъ значительнѣе перевѣсъ противоположнаго электричества надъ электричествомъ этихъ частицъ.

Равновѣсіе между частицами поддерживается вслѣдствіе того, что отрицательное электричество, являющееся раздражителемъ для нерва, сгущаетъ вещество, изъ котораго нервъ состоитъ, между тѣмъ какъ положительное электричество, дѣйствующее, какъ ядъ, и парализующее, поддерживаетъ его, наоборотъ, въ состояніи раствора. Существуетъ повидимому нѣкоторая связь между измѣненіемъ раздражительности нерва и состояніемъ входящихъ въ составъ его коллоидовъ: въ такомъ случаѣ процессъ, происходящій въ нервѣ во время его дѣятельности, долженъ заключаться въ измѣненіи состоянія коллоидовъ, которое должно обусловливаться тѣмъ, что частицы въ растворѣ заряжены электричествомъ и могутъ, вслѣдствіе этого, подпадать вліянію противоположнаго электричества какого-нибудь посторонняго тѣла. Тогда бы не было болѣе вибрацій, какъ предполагали прежде, — вмѣсто этого пришлось бы признать рядъ коагуляцій (сгущеній) и разжиженій коллоидальныхъ веществъ.

Такова теорія, къ которой пришелъ Метьюсъ. Можно ли доказать ея справедливость? Можно ли въ самомъ нервѣ, при помощи микроскопа, наблюдать явленіи коагуляціи и разжижженія? Пока еще нѣтъ. Однако, косвеннымъ путемъ, посредствомъ наблюденій надъ другими клѣтками можно получить довольно точныя данныя.

VII.

Предварительно необходимо рѣшить, какое измѣненіе происходитъ подъ вліяніемъ того раздраженія, которое приводитъ нервъ въ состояніе дѣятельности. Представляется два возможныхъ объясненія: или въ нервѣ, находящемся въ дѣятельности, совершается переходъ отъ разжиженнаго состоянія въ студенистое, или, наоборотъ. Которое же изъ этихъ двухъ состояній обусловливаетъ собою дѣятельность нерва, передачу нервнаго импульса?

Повидимому — коагуляція. Изъ вышеописанныхъ опытовъ мы уже знаемъ, что удаленіе воды дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на нервъ и влечетъ за собою коагуляцію его коллоидальнаго раствора. Намъ извѣстно также, что если нервъ охладить до 12° (выше нуля) по термометру Цельсія, то раздражительность его возрастетъ. — онъ становится болѣе раздражительнымъ, чѣмъ раньше. Если же постепенно согрѣвать его, то раздражительность его все болѣе слабѣетъ до извѣстной температуры, послѣ чего внезапно усиливается. Что-же происходитъ въ послѣднемъ случаѣ? Происходитъ сгущеніе, и въ моментъ сгущенія замѣчается возрастаніе раздражительности. Тотъ фактъ, что нервъ становится болѣе раздражительнымъ по мѣрѣ охлажденія, объясняется тѣмъ, что холодъ уменьшаетъ подвижность раствора и стремится произвести сгущеніе. Каждая кухарка знаетъ, что для того, чтобы желе не сгустилось черезчуръ сильно, необходимо сохранять его тепловатымъ,—при низкой температурѣ

оно сгущается точно такъ-же, какъ и при опредѣленной высокой температурѣ. Всѣ эти факты доказываютъ, что во время передачи нервнаго импульса измѣненіе, которое совершается въ нервѣ и обусловливаетъ собою даже самую передачу импульса, заключается въ сгущеніи коллоидовъ или въ переходѣ раствора въ нервѣ изъ жидкаго состоянія въ состояніе болѣе плотное или студенистое.

Выше мы говорили, что наблюденіе надъ процессами, происходящими въ другихъ клѣткахъ, можетъ объяснить явленіе, характеризующее, по мнѣнію Метьюса, дѣятельное состояніе нерва. Если обратимся къ наблюденіямъ, сдѣланнымъ Дарвиномъ въ 1875 г. и помѣщеннымъ въ его сочиненіи — „Насѣкомоядныя растенія", то увидимъ, что знаменитый естествоиспытатель наблюдалъ и изучалъ, правда, не въ нервахъ, а среди растеній, явленія, въ точности соотвѣтствующія тѣмъ, которыя Метьюсъ наблюдалъ въ нервахъ. Нѣкоторыя растенія, какъ насѣкомоядныя, напр., росянка (Drosera) *), снабжены очень подвижными и раздражительными щупальцами, способными приходить въ движеніе подъ вліяніемъ различныхъ раздраженій. Эти щупальцы, конечно, не нервы, однако, они совершаютъ такія отправленія, которыя имѣютъ много общаго съ дѣятельностью нервовъ. Если раздражать одну изъ железокъ росянки, можно замѣтить въ микроскопѣ, что въ ея содержимомъ происходитъ молекулярное измѣненіе. „Въ клѣткѣ,— говоритъ Дарвинъ — въ наполняющей ее однородной пурпуровой жидкости образуются мелкіе пурпуровые комочки различной формы, плавающіе въ безцвѣтной или почти безцвѣтной жидкости. Это измѣненіе настолько замѣтно, что его можно наблюдать черезъ очень слабую лупу или иногда даже невооруженнымъ глазомъ... Тотъ же результатъ получается, если какимъ бы то ни было способомъ раздражать только железки средней части листа, не затрагивая щупальцъ; несмотря на то, что послѣднія не были въ соприкосновеніи съ какимъ-либо предметомъ, ихъ содержимое тоже принимаетъ участіе въ измѣненіи, происходящемъ въ клѣткахъ железокъ... Какова бы ни была причина, вызывающая молекулярное измѣненіе, дѣйствіе ея начинается въ железкахъ и затѣмъ распространяется на щупальцы... Нѣкоторое время спустя, когда щупальцы принимаютъ нормальное положеніе, маленькіе комочки протоплазмы растворяются, и пурпуровая жидкость, наполняющая клѣтки, снова становится такой-же однородной и прозрачной, какою была до раздраженія". Дарвинъ говоритъ еще, что такое соединеніе частицъ протоплазмы въ комочки,— которое, по теоріи Метьюса, есть сгущеніе, — пріостанавливается на короткое время передъ поперечными перегородками, раздѣляющими сосѣднія клѣтки, и что „когда трогаешь или слегка надавливаешь железку росянки, то ясно видно, какъ молекулярное измѣненіе распространяется отъ железки по всей щупальцѣ". Онъ сближаетъ это молекулярное измѣненіе съ тѣмъ, которое по его мнѣнію, должно происходить въ нервахъ животныхъ. Если теорія Метьюса подтвердится, то слова Дарвина окажутся пророческими. То, что онъ наблюдалъ, представляетъ не что иное, какъ смѣну явленій сгущенія и разжижженія вещества, содержащагося въ клѣткахъ; онъ замѣтилъ, что частички протоплазмы подъ вліяніемъ раздраженія стремятся къ соединенію. Очевидно, что явленіе, которое онъ называлъ соединеніемъ, есть сгущеніе. Дарвинъ изучалъ даже, какъ вліяютъ на эти явленія различныя вещества, каковы: эѳиръ, хлороформъ, углекислота, кали,—которыя, препятствуя нервной проводимости, тѣмъ

---

*) Водится въ нашихъ болотахъ.

самымъ препятствуютъ соединенію частицъ или сгущенію, между тѣмъ какъ соли, которыя, какъ намъ теперь извѣстно, болѣе богаты электричествомъ, вслѣдствіе тройной валентности ихъ іоновъ, благопріятствуютъ соединенію частицъ или сгущенію.

VIII.

Извѣстно, что такія анестезирующія вещества, какъ эѳиръ и хлороформъ, ослабляютъ чувствительность. Какъ же они дѣйствуютъ? Очень просто, отвѣчаетъ Метьюсъ. Чтобы нервъ могъ дѣйствовать и передавать импульсы, необходимо, чтобы входящія въ составъ его вещества могли легко переходить отъ состоянія раствора къ состоянію сгущенія. Все то, что препятствуетъ сгущенію, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ раздражительность или мѣшаетъ передачѣ раздраженія. Сгущеніе, однако, можетъ встрѣтить препятствіе не только со стороны положительныхъ іоновъ, но и со стороны анестезирующихъ веществъ. Эти послѣднія растворяютъ жировыя вещества нерва и нервныхъ клѣтокъ, слѣдовательно, мѣшаютъ сгущенію и тѣмъ самымъ и передачѣ импульса. Анестезирующія вещества именно вслѣдствіе того и дѣйствуютъ, что препятствуютъ сгущенію. Недавнія изслѣдованія Овертона и Мейера показываютъ, что сила анестезирующаго вещества пропорціональна его способности растворять жировыя вещества. Непосредственныя наблюденія обнаруживаютъ тотъ фактъ, что присутствіе эѳира въ коллоидальномъ растворѣ препятствуетъ сгущенію этого послѣдняго, между тѣмъ какъ наблюденія Дарвина показываютъ, что эѳиръ не только препятствуетъ сгущенію протоплазмы, но даже растворяетъ и разрушаетъ содержимое различныхъ живыхъ клѣтокъ.

Теорія Метьюса, слѣдовательно, вполнѣ согласна съ фактами, объясняющимися дѣйствіемъ анестезирующихъ веществъ. Ею же легко объясняются нѣкоторыя обыкновенныя явленія, характеризующія острую форму алкоголизма.

Такъ какъ алкоголь тоже растворяетъ жировыя вещества, то, слѣдовательно, онъ препятствуетъ сгущенію, чѣмъ объясняется потеря чувствительности и сознанія, сопровождающая неумѣренное поглощеніе алкоголя. Этой же теоріей объясняется и то обстоятельство, что пріемъ алкоголя полезенъ при ядовитомъ укусѣ. Ядъ змѣй оказываетъ сильное сгущающее вліяніе, алкоголь дѣйствуетъ, какъ антисгущающее вещество, играя въ нѣкоторомъ родѣ роль противоядія. Конечно, пріемъ алкоголя не можетъ сравниться по результатамъ съ впрыскиваніемъ противоядной сыворотки Кальметта, которая представляетъ болѣе вѣрное средство.

Изъ этого видно, что справедливость гипотезы Метьюса подтверждается многочисленными фактами. Теперь намъ необходимо составить себѣ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, представленіе о томъ, что происходитъ въ нервѣ во время его дѣятельности, и уяснить себѣ дѣйствующіе при этомъ факторы.

IX.

Давно уже извѣстно, что нервъ имѣетъ свой особый нервный токъ, а выше мы видѣли, что если нервъ подвергать дѣйствію эѳира, то онъ не можетъ проводить никакого раздраженія, никакого отрицательнаго колебанія. Рѣшили, что отрицательное колебаніе, начинающееся въ точкѣ раздраженія, распространяется на сосѣднія точки, и затѣмъ, мало-по-малу это измѣненіе смѣняется непосредственно возстановленіемъ нормальнаго состоянія. Съ другой стороны, намъ уже извѣстно, что тамъ, гдѣ беретъ перевѣсъ отрицательное электричество, замѣчается осажденіе частицъ или сгущеніе, которое есть матеріальное

явленіе, слѣдующее за раздраженіемъ и соотвѣтствующее распространенію возбужденія. Теперь необходимо выяснить, какимъ образомъ происходитъ возобновленіе отрицательныхъ электрическихъ зарядовъ, какимъ образомъ вслѣдъ за сгущеніемъ снова слѣдуетъ разжижженіе. Предположимъ вмѣстѣ съ Метьюсомъ, что коллоидальныя частицы заряжены положительнымъ электричествомъ. Въ силу того, что онѣ заряжены положительнымъ электричествомъ, онѣ, вслѣдствіе извѣстнаго закона, вызываютъ отрицательное электричество въ жидкости, содержащей эти коллоиды въ растворѣ, причемъ извѣстное количество отрицательныхъ электрическихъ зарядовъ находится въ связи съ поверхностями частицъ. Что произойдетъ, если эти частицы подвергнутся сгущенію? Сосѣднія частицы сольются, вслѣдствіе сгущенія получится соединеніе частицъ, при чемъ поверхность частицъ, соединенныхъ сгущеніемъ, становится меньше, чѣмъ сумма поверхностей частицъ до ихъ соединенія. Происходитъ внезапное уменьшеніе количества положительныхъ электрическихъ зарядовъ, что влечетъ за собою освобожденіе соотвѣтствующаго количества отрицательныхъ электрическихъ зарядовъ. Послѣдніе непосредственно дѣйствуютъ на сосѣднія частицы, и здѣсь повторяется тотъ же процессъ — происходитъ дальнѣйшее освобожденіе отрицательныхъ электрическихъ зарядовъ. Такимъ образомъ первоначальное освобожденіе нѣсколькихъ отрицательныхъ электрическихъ зарядовъ, благодаря сгущенію, дѣйствуетъ на сосѣднія частицы, раздраженіе распространяется, пока ничто не препятствуетъ сгущенію, пока никакое химическое тѣло не противодѣйствуетъ осажденію коллоидовъ. Нормальное состояніе быстро возстанавливается вслѣдствіе того, что какъ только количество электрическихъ зарядовъ обѣихъ категорій сдѣлается равнымъ, они отталкиваются и раздѣляются, причемъ частицы возвращаются къ прежнему состоянію, отдѣляясь другъ отъ друга.

Необходимо еще разъ вернуться къ одному пункту. Мы видѣли, что раздражающее дѣйствіе различныхъ солей, напримѣръ, натра, не одинаково: фтористый дѣйствуетъ сильнѣе іодистаго натра, іодистый — сильнѣе хлористаго или бромистаго. Однако, всѣ эти соли обладаютъ одинаковымъ количествомъ отрицательныхъ электрическихъ зарядовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что кромѣ количества электрическихъ зарядовъ, есть еще и какой то другой факторъ, играющій роль въ этомъ явленіи. Если зарядъ атома фтористаго натра дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ зарядъ атома хлористаго натра, то это обусловливается еще чѣмъ-то другимъ, кромѣ количества электричества, которое въ обоихъ случаяхъ одинаково въ отрицательномъ іонахъ. Этимъ другимъ факторомъ, говоритъ Метьюсъ, является различный родъ движенія зарядовъ. Возьмемъ напримѣръ, дѣйствіе свѣта на протоплазму. Это дѣйствіе раздражающее и производится оно, главнымъ образомъ, ультра-фіолетовыми лучами, что видно изъ того, что фіолетовый свѣтъ вызываетъ движеніе, между тѣмъ какъ красный свѣтъ останавливаетъ движеніе. Фіолетовый свѣтъ, дѣйствующій раздражающимъ образомъ на протоплазму, является раздражителемъ и для химическихъ веществъ; красный оказываетъ противоположное дѣйствіе. Но красная и фіолетовая окраска свѣтовыхъ лучей обусловливается электронами или зарядами, истекающими отъ солнца. Солнце, слѣдовательно, оказываетъ такое же дѣйствіе на протоплазму, какое электрическій токъ оказываетъ на нервъ. Изъ этого видно, что химическое и свѣтовое раздраженія тождественны, потому что въ обоихъ случаяхъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же факторъ — электричество. Необходимо только пом-

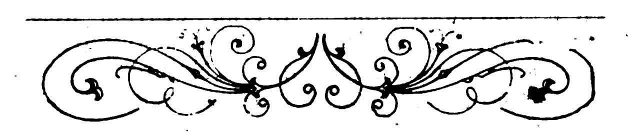
нить, что электрическіе токи одинаковой природы могутъ имѣть различные роды движеній (какъ красные и фіолетовые лучи). Вообще изъ работъ Метьюса, появляющихся большей частью въ *American journal of Phisiology*, можно вывести слѣдующія заключенія: всякое химическое раздраженіе принадлежитъ въ сущности къ разряду электрическихъ, потому что атомы матеріи снабжены электрическими зарядами. Именно отъ этихъ электрическихъ зарядовъ и рода ихъ движеній и зависитъ ядовитость химическихъ солей, а также ихъ раздражающее дѣйствіе; отрицательные электрическіе заряды являются раздражителями для протоплазмы, тогда какъ положительные электрическіе заряды дѣйствуютъ подобно ядамъ и разрушаютъ. Явленія нервной раздражительности и распространеніе раздраженія въ нервахъ такъ же, какъ явленія анестезіи и нѣкоторые другіе факты, объясняются именно существованіемъ этихъ зарядовъ и ихъ сгущающимъ или разжижжающимъ дѣйствіемъ на коллоиды. Наконецъ, если свѣтъ есть явленіе электрическаго порядка, то его дѣйствіе тождественно съ дѣйствіемъ химическихъ веществъ и также принадлежитъ къ разряду электрическихъ.

X.

Всѣ эти факты представляютъ громадный интересъ для біолога и физика. Они приводятъ насъ къ болѣе точному пониманію внутренней природы жизненныхъ явленій, а вслѣдствіе этого, быть можетъ, явится возможность обосновать новую теорію, практическія послѣдствія которой для поддержанія здоровья и продолжительности жизни трудно даже предвидѣть. Быть можетъ, благодаря имъ и фармакологія получитъ болѣе раціональное основаніе, потому что если свойства лѣкарствъ зависятъ не отъ ихъ химической природы (да и что такое химическая природа какого-нибудь тѣла?), а отъ свойствъ электрическихъ зарядовъ, то *ученіе о лекарствахъ должно подвергнуться полной переработкѣ на совершенно новыхъ основаніяхъ*. Наконецъ, теорія о броженіи, вѣроятно, тоже подвергнется значительной переработкѣ, такъ какъ измѣненія, претерпѣваемыя коллоидальными растворами и извѣстныя подъ именемъ броженія, по всей вѣроятности также принадлежатъ къ разряду электрическихъ явленій. Вообще неизбѣженъ громадный переворотъ во многихъ отрасляхъ промышленности.

Безспорно во всякомъ случаѣ то, что для науки открылись новые горизонты, и что въ настоящее время точно такъ же трудно предвидѣть, какое важное значеніе могутъ пріобрѣсти вышеприведенные факты, напримѣръ, въ XXI столѣтіи, какъ было трудно въ 1780 году угадать, какія послѣдствія повлечетъ за собою черезъ столѣтіе незначительное, повидимому, открытіе, которое сдѣлалъ Гальвани.

Ѳ. Иванова.

К. Гумбертъ.

Въ началѣ злополучной войны Россіи съ Японіей многіе близорукіе русскіе „патріоты" были увѣрены, что справиться съ „япошками" для насъ, русскихъ,—пустое дѣло, шапками де закидаемъ желтокожихъ макакъ.

Теперь, когда полтора года безплодной войны жестоко наказали насъ за нашъ оптимизмъ, за нашу небрежность, мы начинаемъ задумываться надъ причинами японскихъ побѣдъ. И хотя такъ хотѣлось бы найти эту причину не въ самихъ себѣ, а въ чисто внѣшнихъ условіяхъ, чаще всего причину своихъ пораженій мы все таки находимъ именно въ себѣ, въ своей пресловутой „неподготовленности", безпечности, безволіи, отсутствіе народнаго самосознанія, наконецъ, — въ крайнемъ миролюбіи русскаго народа, его инстинктивномъ отвращеціи и явной неспособности будто бы къ войнѣ. Русскій человѣкъ—де миролюбивъ, онъ не мечтаетъ о военныхъ авантюрахъ и далекихъ завоеваніяхъ. Русская интеллигенція выше всего ставитъ вопросы этическаго характера, исканіе внутренней, живой правды въ человѣческихъ отношеніяхъ. Насиліе всякаго рода претитъ русскому..

Все это такъ,—замѣтимъ мы.—Но вѣдь при всей нелюбви къ войнѣ, когда нужно, и мы воевали, и воевали побѣдоносно.

Отчего же теперь насъ побѣждаютъ? Очевидно, дѣло не въ нашемъ миролюбіи, а въ чемъ то другомъ. На Западѣ и поняли это. Европейцы не умаляли въ свое время достоинствъ японцевъ и въ самомъ началѣ войны понимали, съ какимъ врагомъ имѣютъ дѣло русскіе. Но такой ужасной развязки, такихъ ужасныхъ пораженій не ждали и тамъ. Вотъ почему иностранные журналисты также ищутъ объясненій нашихъ пораженій и причинъ побѣдъ японцевъ.

Въ свое время надѣлала шума статья извѣстнаго французскаго журналиста Нодо „Они не знали", лишній разъ повторяющая старую истину о томъ, какъ мы не разглядѣли во время, съ какимъ опаснымъ непріятелемъ имѣемъ дѣло, и какъ плохо подготовились къ этой войнѣ.

Гораздо больше интереса и оригинальности представляетъ, однако, другая статья, помѣщенная въ послѣднемъ нумерѣ англійскаго журнала „Nature" *), объясняющая причину японскихъ побѣдъ нѣсколько иначе.

По мнѣнію автора, японцы вышли побѣдителями изъ борьбы съ рус-

---

*) „Nature", 1905, Iune 8.

скими, благодаря высокому положенію науки въ ихъ странѣ. Но приведемъ самую статью.

„Десять лѣтъ тому назадъ, по окончаніи войны между Японіей и Китаемъ стало очевиднымъ, что громъ японскихъ орудій у устья Ялу пробудилъ въ европейскихъ государствахъ сознаніе, что на Дальнемъ Востокѣ народилась новая держава, которую въ будущемъ придется принимать въ разсчетъ при рѣшеніи политическихъ задачъ. Всѣ, кто знаетъ современную Японію, признаютъ, что важнѣйшимъ факторомъ въ созиданіи нынѣшней Японіи явилось примѣненіе науки въ военномъ дѣлѣ и мирныхъ занятіяхъ. Не будь этого, даже воинственный духъ самураевъ остался бы передъ нападеніемъ западныхъ державъ, вооруженныхъ по послѣднимъ правиламъ военнаго искусства, такимъ же безсильнымъ, какъ дервиши въ Омдурманской битвѣ. Очевидцы отзывались съ удивленіемъ объ ихъ храбрости, но выражали сожалѣніе о гибели столькихъ жизней въ безсильномъ сопротивленіи. Безъ помощи науки и ея усовершенствованій Японія уже давно была бы подавлена какою-нибудь европейскою державою, хотя, конечно, не безъ кровопролитнаго побоища, потому что каждый японецъ предпочелъ бы лучше умереть, не выпуская до послѣдняго вздоха изъ рукъ своего примитивнаго оружія, чѣмъ признать чужеземное владычество.

„При ближайшемъ изученіи возрожденія современной Японіи видно, что въ странѣ все идетъ по опредѣленнымъ планамъ и детально выполнено на началахъ просвѣщенія. Одна изъ причинъ успѣха японцевъ въ современной войнѣ та, что японцы ни въ чемъ не полагаются на случай, у нихъ все предусмотрѣно и тщательно разработано. Японцы сознали, что имъ никогда не достигнуть своихъ національныхъ идеаловъ безъ цѣлой системы образованія по всѣмъ отраслямъ; и вотъ, благодаря хорошей организаціи дѣла образованія, въ странѣ являются люди, способные руководить націей при новыхъ условіяхъ жизни. Сѣть начальныхъ школъ покрыла всю страну; въ городахъ появились среднія учебныя заведенія; техническія училища возникали тамъ, гдѣ потребность въ нихъ была наиболѣе ощутительна. Въ довершеніе всего въ Японіи есть два университета, которые могутъ смѣло выдержать сравненіе съ университетами любого европейскаго государства.

„Дѣло образованія ведется не въ угоду личнымъ или сословнымъ интересамъ, какъ это часто, къ сожалѣнію, бываетъ на Западѣ, оно сознательно направлено въ интересахъ общенароднаго благосостоянія. Каждая отрасль народной жизни организована раціонально и на научныхъ основаніяхъ. Дѣло еще не завершено, многое надлежитъ еще сдѣлать; но то, что уже сдѣлано, сдѣлано прочно и хорошо и на такомъ фундаментѣ можно строить прекрасное зданіе.

„Правительство обратило вниманіе на научныя усовершенствованія. Ни армія, ни флотъ не могли бы существовать безъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ, верфей, рудниковъ, механическихъ заводовъ, а если бы и могли, то это было бы лишь жалкое прозябаніе. События настоящей войны съ Россіей показали важное значеніе науки для дѣятельности націи. Выстроенныя Японіей желѣзныя дороги сослужили службу въ дѣлѣ доставки войскъ и матеріаловъ, корабли сыграли ту же роль для транспорта людей и продовольствія черезъ море. Телеграфы дѣятельно извѣщали вождей о движеніи войскъ, а войскамъ передавали распоряженія начальства. Доки и верфи всегда были готовы принять для починки потерпѣвшій аварію корабль. Арсеналы и механическія мастерскія спѣшно приготовляли всякаго рода боевые снаряды.

Проложены были легкія желѣзнодорожныя вѣтки для подвоза войскъ и провіанта на поле сраженія. Однимъ словомъ, всѣ важнѣйшія изобрѣтенія въ области механики, электротехники и химіи были умѣло примѣнены японцами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

„Японцы не только заимствовали изобрѣтенія Запада, но многое усовершенствовали, сообразно съ мѣстными условіями. Образчикомъ могутъ служить корабли японскаго флота. Японцы усвоили все, что могъ дать имъ Западъ въ морскомъ дѣлѣ, но въ то же время примѣнили все заимствованное въ своихъ цѣляхъ такъ, что ихъ флотъ является характернымъ сочетаніемъ своего и чужого. Англійскіе образцы подверглись многочисленнымъ усовершенствованіямъ, вслѣдствіе которыхъ получились новые типы кораблей, вызывающіе всеобщее удивленіе. Подготовка японскихъ морскихъ офицеровъ такъ хороша, что у нихъ могли бы поучиться даже англичане. Кромѣ того, японскіе моряки страстно любятъ свое дѣло. Въ настоящее время Японія посылаетъ своихъ лучшихъ людей для завершенія образованія въ Европу и, такимъ образомъ, постоянно слѣдитъ за развитіемъ всѣхъ отраслей науки. Осада Портъ-Артура, Мукденская битва, какъ и другія битвы въ Манджуріи, а также побѣды японскаго флота — прямое послѣдствіе успѣховъ японцевъ въ разныхъ областяхъ науки.

„Преслѣдуя намѣченную цѣль, японцы идутъ къ ней неотступно, готовые на всякія жертвы. Такое упорство, вмѣстѣ съ природными способностями, которыми японцы богато одарены, помогаетъ имъ овладѣвать всѣми преимуществами современной науки и достигать своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Японцы—народъ крайне предусмотрительный и во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, военныхъ и мирныхъ, ясно, съ почти научной точностью, заранѣе опредѣляютъ исходъ. Они заимствовали у Запада все, что человѣческіе умъ и знаніе дали Западу, и присоединили къ этому все, что далъ имъ Востокъ.

„Наши государственные дѣятели и дѣятели по народному образованію должны сдѣлать изъ сказаннаго тотъ выводъ, что жизнь современной націи во всѣхъ своихъ отрасляхъ должна быть организована на научныхъ основаніяхъ. Въ ея организаціи должны играть роль не личныя соображенія, а благо народа.

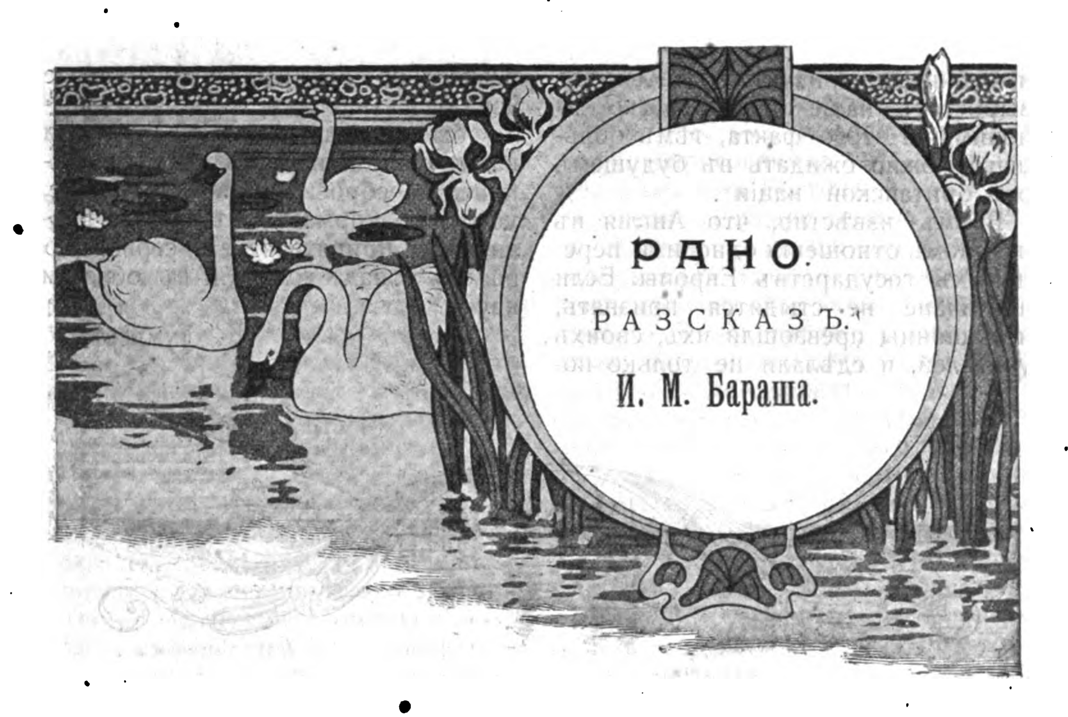
„Выводъ кажется яснымъ, но повидимому его не понимаютъ тѣ, обязанность которыхъ руководить народомъ и вести его къ благосостоянію. Наши газеты, словно сговорившись, приписываютъ успѣхи японцевъ всему, только не тому, чему слѣдуетъ. Вмѣсто того, чтобы открыть глаза націи на насущныя необходимости и недостатки ея, онѣ являются слѣпыми вождями слѣпыхъ. Наши общественные дѣятели и печать не хотятъ видѣть, что Японія дошла въ тридцать лѣтъ до своего настоящаго состоянія, лишь благодаря просвѣщенію и научному образованію. Если мы послѣдуемъ ея примѣру, то и мы достигнемъ не меньшей національной силы. Своимъ прогрессомъ со времени среднихъ вѣковъ Англія обязана открытіямъ ученыхъ, которые скромно дѣлали свое дѣло, не смотря на расхолаживающее и равнодушное отношеніе соотечественниковъ. Въ юной Японіи наука встрѣтила сочувствіе, а не равнодушіе, и такое отношеніе къ ней вознаградилось сторицею: въ одно тридцатилѣтіе страна достигла того, что пріобрѣтается лишь вѣками. Мнѣнія, что японцы сильнѣе насъ любятъ свое отечество, что ихъ нервная система крѣпче нашей и что они не боятся смерти, какъ мы,—не особенно лестны для насъ, да ихъ можно и оспаривать. Неоспоримымъ, однако, является тотъ фактъ, что своимъ коореннымъ преобразованіемъ Японія обязана

исключительно наукѣ. Чѣмъ скорѣе выростетъ наше правительство до пониманія этого факта, тѣмъ большаго можно ожидать въ будущемъ отъ британской націи".

Всѣмъ извѣстно, что Англія въ научномъ отношеніи одно изъ передовыхъ государствъ Европы. Если англичане не стыдятся признать, что японцы превзошли ихъ, своихъ учителей, и сдѣлали не только поразительно быстрые, но и прочные успѣхи въ наукахъ, то не грѣхъ было бы задуматься надъ этимъ и намъ, русскимъ. Вѣдь надо же, наконецъ, сбросить свое безволіе, устранить тормазы, мѣшающіе развитію, и приняться за серьезную работу и надъ собою, и въ области науки.

К. Тумбертъ.

I.

Ночь. Убогая комната въ три окна въ захолустной деревнѣ „Китаево“. Пусто, не уютно въ комнатѣ. Тихо. Гдѣ-то въ углу однообразно трещитъ сверчокъ. На табуретѣ у окна сидитъ Степанъ Владиміровичъ Бортецкій, земскій фельдшеръ. На деревянной кровати спитъ утомленная дневными хлопотами жена его. Степанъ Владиміровичъ только что окончилъ отчетъ за истекшій мѣсяцъ. У него кружится голова и въ ушахъ звенитъ. Медленно, медленно бьется какая-то жилка на вискѣ и какъ-то назойливо ноетъ и ноетъ, мучительно ноетъ. Голова вся въ огнѣ. „Что-же это?—думаетъ онъ, тоскливо прислушиваясь къ ноющей жилкѣ,—что съ этого будетъ... Неужели заболѣю?.. А вѣдь легко... больныхъ такъ много,—сыпной тифъ у насъ... Все зовутъ:—на помощь идите!.. Спасайте насъ!.. А я одинъ. И я иду, иду дни и ночи... но спасаю-ли?.. Вѣдь я не успѣваю посѣтить ихъ всѣхъ:—ни силъ, ни времени не хватаетъ...Эпидемія за эпидеміей... народъ мретъ!.. А какъ они смотрятъ на меня, эти воспаленные глаза... какъ просятъ о жизни эти бѣдные, гибнующіе люди!.. Братцы! не медицина вамъ нужна, не медименты —вамъ нужно хлѣба, вамъ надо знаній... вамъ надо побольше работниковъ... а ихъ такъ мало!.. Ухъ, какъ горитъ голова!.. И чего эта проклятая жилка такъ ноетъ“... Онъ схватился руками за голову и плотно сжалъ ее между ладонями. „Ноетъ... ноетъ,—думалъ Степанъ Владиміровичъ. И что-жъ? Продолжать такъ работать и дальше; принимать ежедневно до 80 больныхъ въ амбулаторіи, объѣзжать по 15—20 человѣкъ въ день на хуторахъ, работать почти автоматически, безъ оглядки, всегда спѣша и думать, что приношу пользу?.. Гдѣ она, эта польза, когда не успѣваешь ни на чемъ сосредоточиться, когда ежедневно быстро проходятъ мимо десятки разныхъ недуговъ, десятки страдающихъ человѣческихъ душъ?!. Уйти? Но нѣтъ, — исходъ вѣдь нуженъ... я такъ не уйду... не брошу дѣла!.. И чего такъ надоѣдливо звенитъ

сверчокъ!.. Перестать-бы ему... раздражаетъ... Работаю, работаю и никогда не успѣваю помочь всѣмъ больнымъ... Эхъ, земская служба!.. Нервы измотались"!.. Онъ подошелъ къ кровати и въ изнеможеніи упалъ на нее. „Какъ глупо мигаетъ огонь лампы,— подумалъ онъ, все раздражаясь,—будто смѣется надъ моимъ безсиліемъ"... Степанъ Владиміровичъ заснулъ безпокойнымъ сномъ. Жилка на вискѣ все продолжала ныть, сверчокъ однообразно тянулъ свою пѣсенку, и огонь лампы „смѣялся".

II.

Я познакомился со Степаномъ Владиміровичемъ два года тому назадъ на эпидеміи скарлатины, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ работалъ. Это былъ еще молодой, энергичный человѣкъ лѣтъ 30-ти, съ широкими запросами къ жизни. Ему хотѣлось прожить не безслѣдно, ему хотѣлось быть полезнымъ, необходимымъ человѣкомъ. „Тамъ, гдѣ нуженъ я, тамъ не долженъ быть нуженъ другой,—иначе я единица народоселенія, а не личность"... такъ говорилъ онъ. Онъ завѣдывалъ китаевскимъ самостоятельнымъ фельдшерскимъ пунктомъ съ населеніемъ въ 20 тысячъ на площади въ 18 квадратныхъ верстъ. Работая день и ночь, не щадя своего здоровья, живя чуть не впроголодь съ семьей на 25 руб. въ мѣсяцъ, онъ горячо любилъ свое дѣло и находилъ-бы во всемъ глубокое нравственное удовлетвореніе, еслибы не мучился плохой постановкой медицинскаго дѣла въ деревнѣ.

Въ рѣдкія свободныя минуты онъ любилъ читать, выписывая за послѣдніе гроши нѣсколько журналовъ, а свои сомнѣнія и тревожныя думы изливалъ онъ женѣ своей, своему сердечному, преданному другу, на которой женился 23-хъ лѣтъ. Ей было тогда 18 лѣтъ; она была сестрой милосердія Общины Краснаго Креста. Они горячо привязались другъ къ другу и сошлись.

Живой, любознательный умъ Степана Владиміровича занималъ меня, и мы проводили цѣлыя ночи въ горячихъ бесѣдахъ о народѣ и медицинѣ, въ которыхъ немалое участіе принимала жена его Вѣра Николаевна. Былъ у нихъ одинъ сынъ Саша, лѣтъ 6-и.

Уложивъ немало жертвъ, эпидемія скарлатины въ Китаевѣ утихла. Я уѣхалъ на окраину Россіи, гдѣ свирѣпствовали тифъ и цынга, и цѣлые два года ничего не слыхалъ о Степанѣ Владиміровичѣ. Недавно лишь пришлось возвратиться въ тѣ края, и черезъ нѣсколько времени получаю отъ него письмо. „Дорогой Иванъ Сергѣевичъ!— пишетъ онъ,—я узналъ, что вы возвратились, и мнѣ очень захотѣлось побесѣдовать съ вами. На дворѣ стоитъ осенній солнечный задумчивый день. Солнце грѣетъ и осматриваетъ землю, какъ-бы прощаясь съ нею, и въ воздухѣ разлита прощальная грустная нотка. Болѣзненно выглядывающіе кустики пожелтѣвшей съ земными пятнами, какъ-бы борящейся съ агоніей; травы, обнаженныя деревья, простирающія свои голыя вѣтви къ осеннему но привѣтливому на сей разъ солнцу, чтобы въ послѣдній разъ впить его лучи,—все это говоритъ: „прости"... Какъ-то грустно смотрѣть на мокрую, освѣщенную осеннимъ солнцемъ землю, какъ-бы сквозь слезы смѣющуюся... Кажется, будто борьба, отчаянная борьба за жизнь и смерть выражена въ этомъ солнечномъ днѣ. Ноябрь уже,— глубокая осень. Были дожди, было холодно, сыро. Замираніе было ясно выражено въ природѣ. И вдругъ заблестѣло ясное, теплое, хорошее солнце. Всколыхнулась замиравшая грудь природы и съ жадностью пьетъ лучи. И вспомнились ей, природѣ, прежніе недавно пережитые дни лѣта и снова захотѣлось ей

ласки, свѣта, тепла... И природа борется и сквозь слезы смѣются... А день задумался: много тайны, много боли въ этой борьбѣ... Сегодня мнѣ какъ-то особенно грустно... Я подвижу итого своей жизни. Что я сдѣлалъ за десять лѣтъ службы народу? Я работалъ надъ больными, насколько хватало силъ, а народъ все болѣетъ по прежнему; я устраивалъ для народа чтенія съ картинами, а народъ все коснѣетъ въ невѣжествѣ, и ничего не измѣнилось къ лучшему... Все тѣ-же 13—14 тысячъ душъ больныхъ за годъ, эпидемія за эпидеміей... И одинъ я ничего и не сдѣлаю: тутъ надо провести много санитарныхъ мѣръ, тутъ надо оздоровить болотистую мѣстность, надо поднять благосостояніе крестьянъ... Самъ я не имѣлъ ни минуты своей собственной, когда могъ-бы располагать собою, какъ всѣ люди другихъ профессій. Вы подумайте: ни минуты своей, никакой личной жизни!.. Я не знаю характера, склонностей своего шестилѣтняго сына... я давно не говорилъ „человѣческимъ" языкомъ со своей женой... Я, наконецъ, боюсь отупѣть совсѣмъ, такъ какъ давно уже ничего не читаю... Я—не свой... Люди веселятся, наслаждаются жизнью, а ко мнѣ долетаютъ лишь отголоски, отрывки перепѣтыхъ пѣсенъ...

Но было-бы только сознаніе, что наша работа признается обществомъ, что насъ, фельдшеровъ, какъ общественныхъ работниковъ, не игнорируютъ, и я былъ-бы гораздо счастливѣе...

Мы живемъ въ глуши и служимъ исполнителями чужой воли... Нами распоряжаются врачи, не выслушивая нашего мнѣнія; на свои совѣщанія при Управѣ насъ не допускаютъ... насъ могутъ обвинять и увольнять со службы, не выслушивая нашихъ оправданій... Вотъ эта „безличность" и безгласность наша (а въ частности моя) меня угнетаетъ... Хочется слова, живого, сердечнаго слова, отъ общества, хочется ободренія... И нервы утомляются, притупляется мозгъ... Но довольно,—я раскисъ совсѣмъ... Если силы меня не оставятъ, то еще поработаю. Наши Китаевцы любятъ меня. Спасибо имъ за это!.. У насъ теперь эпидемія сыпного тифа. Возьмите командировку и пріѣзжайте.

Вашъ Степанъ Бортецкій.

III.

Черезъ недѣлю я былъ въ Китаевѣ. Это было на другой день послѣ описанной въ началѣ ночи. Подъѣзжаю къ квартирѣ Степана Владиміровича и застаю у дверей толпу народу. Вѣра Николаевна объявляетъ, что пріема больныхъ не будетъ, такъ какъ Степанъ Владиміровичъ заболѣлъ. Захожу въ комнату и застаю его въ постели. Мутный, обостренный взглядъ. Тѣло покрыто багровыми пятнами. Тяжело вздымается грудь. „Зачѣмъ костеръ?.. Примите меня съ него... спасите!.. Слышите-звонятъ?... Христосъ Воскресъ, голубчики!... Не палите меня"!... такъ бредитъ Степанъ Владиміровичъ. У него сыпной тифъ. Не имѣя возможности купить себѣ теплую одежду, Степанъ Владиміровичъ разъѣзжалъ къ сыпно-тифознымъ больнымъ въ въ плохонькомъ пальто, простудился и самъ заразился тифомъ.

—Спасибо вамъ, что пріѣхали! Я такъ рада... а то я совсѣмъ растерялась, не знаю, что дѣлать... Пріѣзжалъ врачъ... онъ сказалъ, что форма тифа тяжелая... надо везти въ больницу, а вѣдь холода какіе... не знаю какъ быть?.., такъ говорила Вѣра Николаевна, и по ея доброму, хорошему лицу струились слезы.

На другой день мы одѣли Степана Владиміровича и повезли въ больницу въ уѣздный городъ за 40 верстъ. Стояли первые приморозки. Дулъ рѣзкій, сухой вѣтеръ. Рядомъ съ лежавшимъ боль-

нымъ сидѣла Вѣра Николаевна, нервно прислушиваясь къ его бреду. Сзади телѣги усѣлся я съ ихъ сыномъ Сашей, котораго рѣшено было отправить на время болѣзни къ родителямъ Вѣры Николаевны.

Тряская съ замерзшими комьями грязи дорога поворачивала направо, какъ вдругъ больной выскочилъ и бросился бѣжать. Мы догнали его черезъ нѣсколько минутъ, и его глаза какъ-бы умоляли о спасеніи, а губы беззвучно шевелились. Черезъ семь часовъ, къ ночи, мы прибыли въ больницу.

Въ больницѣ бредъ усилился; больной безпрерывно метался въ постели. И потянулись дни и ночи, когда Вѣра Николаевна не отходила отъ постели мужа, чутко прислушиваясь къ его слабому дыханію. Мрачныя думы овладѣвали ею. Вспомнилось ей, какъ она, семнадцатилѣтняя дѣвушка жаждала самостоятельной дѣятельности. Вотъ она окончитъ фельдшерицей... всего только черезъ годъ... поступитъ на должность... Какъ она будетъ работать!.. Душу свою отдастъ она дѣлу!.. И вотъ она встрѣчается со Степаномъ Владиміровичемъ, горячо привязывается къ нему за его доброту, за его любовь къ народу, за его любовь къ ней самой. Они повѣнчались. Она будетъ заниматься послѣ свадьбы, мужъ поможетъ ей... Но сразу ребенокъ... а тамъ нужда... все самой надо дѣлать, прислуги нанять не за что... И похоронила она всѣ свои надежды, вложила всю душу въ воспитаніе сына и еще крѣпче привязалась къ мужу... Онъ для нея все, что еще у нея остается?... Съ кѣмъ она душу свою отведетъ?..

И Вѣра Николаевна тихо зарыдала. —Ко-го хо-ро-о-нятъ?—спросилъ больной слабымъ, дрожащимъ голосомъ.—„Степа. тебѣ показалось я съ тобою... усни"... сказала Вѣра Николаевна, подавивъ рыданія.

Прошло три мѣсяца. Былъ февраль на исходѣ. Яркое солнце пробивалось широкимъ снопомъ лучей въ окно комнаты, гдѣ сидѣлъ обложенный подушками, сильно исхудавшій Степанъ Владиміровичъ. Онъ перенесъ два осложненія тифа: воспаленіе легкихъ и воспаленіе обоихъ ушныхъ полостей, и слухъ его значительно притупился. Радостная истома охватила все его тѣло; онъ чувствовалъ. какъ прибываютъ его силы, онъ радовался, что послѣ трехъ мѣсяцевъ лежанія въ больницѣ можетъ сидѣть у себя дома и съ любовью во взорѣ слѣдилъ за его другомъ-женой, хлопотавшей у узловъ, которые развязывала и вещи изъ нихъ раскладывала по мѣстамъ. Съ нею заигрывалъ и ласкался Саша, прибывшій домой, сильно соскучившійся за родными. Настроеніе у всѣхъ было радостное. Радовались выздоровленію Степана Владиміровича и крестьяне, толпами приходившіе его провѣдывать.

—Вотъ я и выздоровѣлъ,— сказалъ Степанъ Владиміровичъ. —отходила ты меня, Вѣра, отъ смерти.. Теперь поправлюсь и опять за работу. Опять будемъ народныя чтенія устраивать, и ты мнѣ будешь помогать. А потомъ думаю написать еще нѣсколько бесѣдъ о разныхъ заболѣваніяхъ и расклеить въ лабораторіи; крестьяне будутъ читать и чему нибудь да научатся. Тѣ, что я написалъ и повѣсилъ въ амбулаторіи, вѣдь, понравились врачу и предсѣдателю Управы, когда они были у меня для ревизіи. Да, Вѣра, поработаемъ!.. Я отдохну и примусь за дѣло съ свѣжею силой! Еще наше впереди, мы еще поживемъ по своему.. и можетъ быть отъ нашей жизни. отъ нашей работы останется слѣдъ. кому нибудь легче станетъ... и насъ не забудутъ. Наступитъ лѣто; начнутся полевыя работы, не на кого будетъ бабамъ своихъ ребятишекъ оставлять—и мы устроимъ ясли--пріюты, облегчимъ женщинъ и дѣти меньше будутъ умирать...

Страхъ, сколько мретъ этихъ дѣтей у насъ въ деревнѣ за рабочую пору. Ты, Вѣра, вѣдь будешь работать въ пріютѣ? Вотъ хорошо будетъ!.. А въ свободное время будемъ читать, новые горизонты отыскивать...

— Да, Степа, работа и только работа спасетъ нашу душу отъ отупѣнія,—сказала Вѣра Николаевна.

— Что ты сказала? — спросилъ онъ.

Вѣра Николаевна громко повторила сказанное и замѣтила, что слухъ у него сильно ослабѣлъ.

— Это пройдетъ,—отвѣтилъ Степанъ Владимировичъ. Но въ душѣ у него что-то повернулось: онъ зналъ, что большая часть воспаленій уха кончается полной глухотой, и ему сдѣлалось грустно.

V.

Степанъ Влмдиміровичъ поправлялся очень быстро. На его худыхъ еще щекахъ появился румянецъ, аппетитъ усилился. Съ каждымъ днемъ онъ чувствовалъ, какъ прибавляются силы, и ему хотѣлось приняться за дѣло, но мѣшалъ все ослабѣвающій слухъ. Время шло, и Степанъ Владиміровичъ сталъ замѣчать, что звуки долетаютъ какъ-бы издалека, какъ далекое эхо, и это сильно безпокоило его. Прошелъ еще мѣсяцъ.

Міръ звуковъ отодвинулся отъ него далеко; кругомъ него наступила глубокая тишина, и Степанъ Владимировичъ въ ужасѣ понялъ, что онъ оглохъ... Вѣра Николаевна стала возить его къ врачамъ, но всѣ нашли прободеніе барабанныхъ перепонокъ и признали, что слухъ невозвратимъ, хотя совѣтовали обратиться къ профессору-спеціалисту по ушнымъ болѣзнямъ.

Степанъ Владимировичъ быстро осунулся, постарѣлъ. Изъ прежняго живого, разговорчиваго собесѣдника онъ сталъ мрачнымъ, молчаливымъ. Цѣлые дни просиживалъ онъ неподвижно, устремивъ недоумѣвающій, до боли грустный взглядъ въ пространство. Вѣра Николаевна не могла безъ слезъ смотрѣть на своего мужа, такъ рано превратившагося въ инвалида, такъ рано потерявшаго возможность работать. А ему такъ хотѣлось жить, работать...

— Поѣдемъ къ профессору,— сказалъ онъ ей однажды, когда мѣстные жители собрали для него по подпискѣ немного денегъ. И они поѣхали.

* * *

У профессора зала была переполнена посѣтителями.

Съ замираніемъ сердца ждалъ своей очереди Степанъ Владиміровичъ. „А можетъ быть... теплилась у него надежда, можетъ быть еще вылѣчусь“. Неровной походкой зашелъ онъ въ кабинетъ профессора, когда его позвали.

Профессоръ осматривалъ его долго и внимательно. Были перепробованы всѣ приборы и инструменты. Онъ нашелъ поврежденіе лабиринта и разрушеніе барабанныхъ перепонокъ и сказалъ, что слухъ потерянъ навсегда.

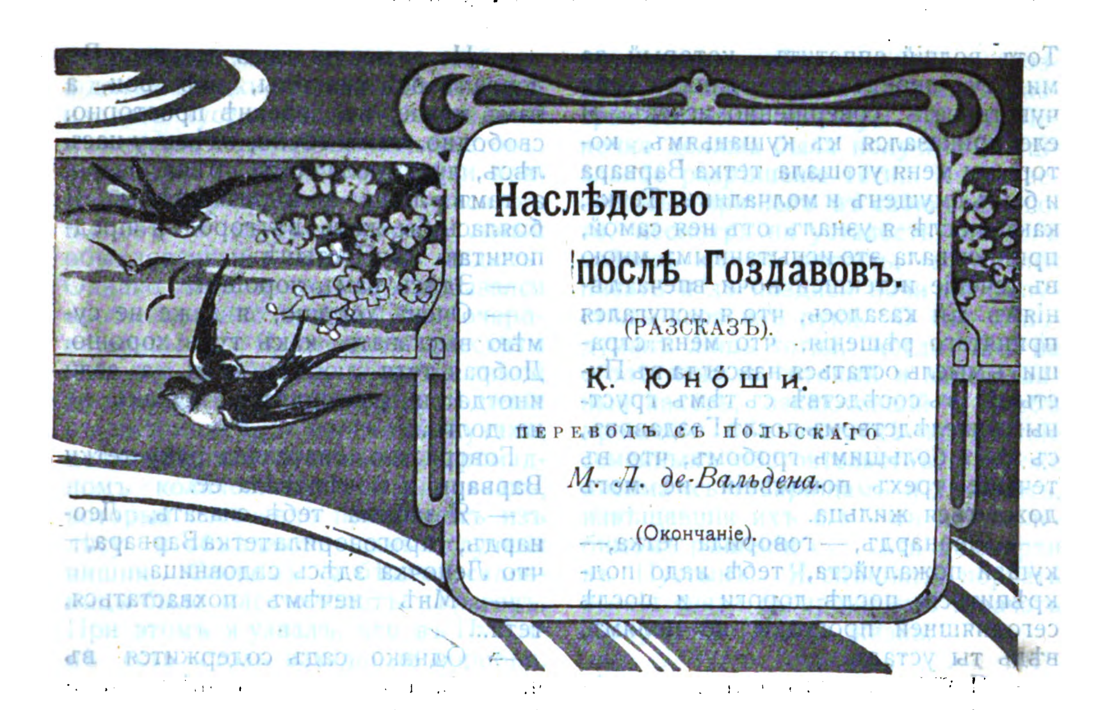
— Помочь невозможно! — закончилъ профессоръ и развелъ руками. Понялъ Степанъ Владиміровичъ, похолодѣло у него на сердцѣ, онъ рѣзко поблѣднѣлъ и сталъ медленно опускаться на полъ.

— Что съ тобой, Степа?—вскрикнула Вѣра Николаевна и бросилась подымать его.

—А гдѣ-же жизнь... дѣло?.. Вѣра!.. Такъ рано... такъ рано...—сказалъ онъ очнувшись и глухо зарыдалъ. Профессоръ протеръ очки и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

И. Барашъ.

Наслѣдство послѣ Гоздавовъ.

(РАЗСКАЗЪ).

К. Юноши.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

М. Л. де-Вальдена.

(Окончаніе).

Бесѣдка была велика, но неуклюже сдѣлана изъ сосновыхъ жердей, наискось сколоченныхъ между столбами. Этотъ шедевръ собственноручно смастерилъ Симеонъ на утѣху барышнѣ, а барышня въ свою очередь на утѣху всему дому покрыла ее хмѣлемъ а такъ какъ почва въ этомъ мѣстѣ была очень плодородна и у барышни была счастливая рука, поэтому хмѣль отлично привился и густыми фестонами разросся на жердяхъ, маскируя ихъ кривизну. Подъ зеленымъ прохладнымъ сводомъ бесѣдки съ удобствомъ моглобы помѣститься человѣкъ пятнадцать. Когда мы вошли туда съ теткой Варварой, то застали только одну особу... при видѣ которой я остановился, какъ вкопанный. Въ этой дѣвушкѣ соединялись невыразимая прелесть простоты и очарованіе молодости. Ей могло быть лѣтъ шестнадцать или семнадцать. Она была средняго роста, стройна, въ глазахъ ея горѣла жизнь, а румяное личико ея было обрамлено черными волосами, которые густыми прядями падали ей на плечи. Дѣвушка показалась мнѣ необыкновенно красивой. Я поклонился ей съ нѣкоторымъ смущеніемъ, не зная, какъ привѣтствовать ее, какъ назвать, да и она въ свою очередь немножко сконфузилась и покраснѣла. Тетка Варвара поспѣшила вывести насъ изъ затрудненія.

— Леонардъ,—сказала она—представляю тебѣ мою воспитанницу и кузину Елену Закшевскую. Она сирота и съ дѣтства воспитывается при мнѣ. О связывающихъ меня съ нею семейныхъ отношеніяхъ пришлось бы много говорить. Я разскажу это тебѣ когда нибудь при удобномъ случаѣ, а теперь прошу за столъ. Ты жаловался, что голоденъ... Леночка, помни о своемъ сосѣдѣ.

— Коль скоро вы родственница тети,—сказалъ я, обращаясь къ дѣвушкѣ,—то слѣдовательно и моя.

— Да, но это дальнее родство,—отвѣтила она.

— Жаль, а то я былъ-бы очень счастливъ найти сестрицу.

Леночка еще больше покраснѣла, а я не могъ отъ нея оторвать глазъ.

Тотъ волчій аппетитъ, который за минуту передъ тѣмъ давалъ себя чувствовать, совершенно исчезъ. Я еле прикасался къ кушаньямъ, которыми меня угощала тетка Варвара и былъ смущенъ и молчаливъ. Тетка, какъ послѣ я узналъ отъ нея самой, приписывала это испытаннымъ мною въ теченіе истекшей ночи впечатлѣніямъ. Ей казалось, что я испугался принятаго рѣшенія, что меня страшитъ мысль остаться навсегда въ Пустынѣ, въ сосѣдствѣ съ тѣмъ грустнымъ наслѣдствомъ послѣ Гоздавовъ, съ тѣмъ большимъ гробомъ, что въ теченіе трехъ поколѣній не могъ дождаться жильца.

— Леонардъ, — говорила тетка, — кушай пожалуйста, тебѣ надо подкрѣпиться послѣ дороги и послѣ сегодняшней прогулки по полямъ, вѣдь ты усталъ.

— Я уже утолилъ голодъ — отвѣтилъ я.

— А можетъ быть ты съ тоски по Варшавѣ потерялъ аппетитъ?

— Вамъ очень жаль Варшавы? — спросила Леночка, обращая на меня свои красивые глаза.

— Нѣтъ...

— Но вы часто о ней будете думать?

— Думать не значитъ жалѣть. Разумѣется, я не разъ вспомню ее, такъ какъ въ Варшавѣ у меня много знакомыхъ, товавищей, друзей и кромѣ того я тамъ прожилъ столько лѣтъ...

— Счастливыхъ?

— Во всякомъ случаѣ спокойныхъ, дни быстро проходили въ работѣ, а вечера въ театрѣ, или у знакомыхъ. Лѣтомъ, по праздникамъ я уѣзжалъ иногда за городъ на прогулку, вообще время шло незамѣтно.

— Говорятъ, что Варшава очень большой городъ.

— Вы не были тамъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, я тамъ никогда не была, но мнѣ кажется, что въ деревнѣ лучше и красивѣе.

— Почему?

— Не знаю, но тамъ лучше... Въ деревнѣ всѣ знакомы, всѣ свои, а тамъ чужіе; въ деревнѣ просторно, свободно, тамъ тѣсно; здѣсь у насъ лѣсъ, луга, поля, садъ, рѣка, озеро, а тамъ лишь холодныя стѣны. Я боялась бы жить въ городѣ, предпочитаю въ Пустынѣ.

— Здѣсь вамъ хорошо?

— Очень хорошо, я даже не сумѣю высказать, какъ тутъ хорошо. Добрая тетя любитъ меня, а если иногда и разсердится, однако не на долго.

Говоря это, она взяла руку тетки Варвары и поцѣловала ее.

— Я забыла тебѣ сказать, Леонардъ, — проговорила тетка Варвара, — что Леночка здѣсь садовница.

— Мнѣ нечѣмъ похвастаться, тетя...

— Однако садъ содержится въ чистотѣ, въ немъ есть цвѣты, плоды, овощи. Я въ это не вмѣшиваюсь и даю только рабочихъ, а обо всемъ остальномъ заботится Леночка. Леонардъ, если хочешь осмотрѣть садъ, то иди съ Леночкой.

— Въ самомъ дѣлѣ тамъ нечего смотрѣть — замѣтила красивая садовница.

— Съ того момента, когда судьба закинула меня въ Пустыню, — проговорилъ я, — все, что здѣсь есть, чрезвычайно интересуетъ меня, а потому, если вы пожелаете быть моимъ проводникомъ...

— Хорошо, идемте, — отвѣтила она, но предупреждаю, что вы разочаруетесь.

— Увидимъ.

— Ну, идите, идите! замѣтила тетка Варвара повелительнымъ тономъ, — а то солнце зайдетъ и Леонардъ не увидитъ сада.

Мы пошли.

Садъ этотъ не представлялъ ничего особеннаго, да и нынче въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, хотя я вложилъ въ него много труда. Тамъ оказалось много деревьевъ, питомникъ, густые кусты крыжовника,

смородина, масса малины у забора, а далѣе грядки овощей. Штукъ пятнадцать кустиковъ розъ, резеда и множество обыкновенныхъ цвѣтовъ: левкоевъ, гвоздики, желтой и красной настурціи, георгинъ, красныхъ піоновъ и астръ—словомъ самый обыкновенный въ мірѣ садикъ. Однако мнѣ тогда онъ показался необыкновенно красивымъ и очаровательнымъ. Я слушалъ разсказы Леночки о зайцахъ, которые зимой производятъ большія опустошенія въ питомникѣ, о майскихъ жукахъ, появляющихся весной въ громадномъ количествѣ, о малиновкахъ, которыя постоянно прилетаютъ изъ лѣсу и объѣдаютъ самыя лучшія вишни. Словомъ у бѣдной садовницы было масса хлопотъ и враговъ. При этомъ я узналъ, что въ Пустынѣ есть столь нахальные воробьи, которые не обращаютъ никакого вниманія на пугала, что въ заборѣ не хватаетъ нѣсколькихъ досокъ и хотя Симеонъ постоянно обѣщаетъ помочь этому горю, однако даже думаетъ исполнить обѣщанія. Кромѣ того Леночка сообщила мнѣ, что капустѣ угрожаетъ серьезная опасность, такъ какъ вслѣдствіе сухого лѣта есть очень много гусеницъ и съ ними трудно воевать, затѣмъ что садъ стерегутъ двѣ очень хорошія и умныя собаки, которыя при этомъ случаѣ были мнѣ тотчасъ представлены. Наконецъ мнѣ пришлось отвѣдать малины, которая была необыкновенна, не такова, какъ всѣ малины на свѣтѣ. Ее купили у садовника изъ княжескаго имѣнія и она отлично привилась.

Слушая щебетанье моей спутницы, я испытывалъ удивительно пріятное впечатлѣніе: мнѣ казалось, что меня перенесли въ другой міръ, въ какія-то патріархальныя времена, полныя наивной простоты. Возвращаясь домой, мы такъ подружились, какъ будто были знакомы съ дѣтства. Я сказалъ ей, что у нея прелестный голосъ, что вчера мнѣ удалось слышать ея пѣніе, сказалъ, что очень люблю левкой и гвоздику, и наконецъ мы рѣшили завтра посѣтить пасѣку, на что Леночка должна была получить спеціальное разрѣшеніе тети... Когда вечеромъ я пришелъ въ свою спальню, то, несмотря на усталость, не легъ сейчасъ же въ постель, а усѣлся писать и до поздней ночи не выпустилъ пера изъ руки. О снѣ я подумалъ лишь тогда, когда уже на столѣ лежалъ готовый и запечатанный пакетъ, заключавшій въ себѣ прошеніе объ отставкѣ вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, а также письма къ товарищамъ и друзьямъ, извѣщавшія ихъ о м... мъ непоколебимомъ рѣшеніи се...ься до смерти въ Пустынѣ. Я спѣшилъ порвать всякія связи съ прошлымъ и начать совершенно новую жизнь.

. . . .

На слѣдующій день, около полудня, я велѣлъ позвать стараго Іойну. Вскорѣ онъ пришелъ и, остановившись у порога, по своему обыкновенію молча поглаживалъ свою сѣдую бороду, ожидая, чего я отъ него потребую.

— Іойна,—сказалъ я ему,—вы поѣдете въ мѣстечко, въ которомъ есть почта...

— Знаю...

— И отошлете эти бумаги. Большой пакетъ сдадите подъ квитанцію, а письма безъ квитанціи.

Іойна взялъ пакетъ въ руку, поднялъ его почти къ самымъ глазамъ, прочиталъ адресъ и усмѣхнулся.

— Я знаю, что здѣсь въ серединѣ,—промолвилъ онъ,—я догадываюсь...

— Что же здѣсь есть?

— Здѣсь есть письмо въ учрежденіе, а въ немъ написано, что вы, баринъ, пріѣхавъ въ свое имѣніе, увидѣли, что здѣсь, слава Богу, хлѣбъ есть, что вамъ понравилась Пустыня, и вы отказываетесь отъ службы.

— Вы очень догадливый человѣкъ.

— Я ничего болѣе не дѣлаю, какъ

только думаю, а такъ какъ я постоянно думаю, поэтому иногда до чего-нибудь додумаюсь... Васъ можно поздравить ..

— Съ чѣмъ?

— Съ счастьемъ. Вы теперь на новомъ мѣстѣ, а у насъ говорятъ: новое мѣсто—новое счастье. Столько лѣтъ Пустыня была безъ владѣльца, а теперь будетъ съ владѣльцемъ. Здѣсь все дѣлалось на выворотъ. У насъ въ Писаніи сказано, что евреи сорокъ лѣтъ ждали обѣтованной земли... здѣсь же случилось, что земля должна была еще дольше ждать владѣльца. Теперь уже есть хозяинъ и лишь бы онъ только сидѣлъ и былъ терпѣливъ и все будетъ хорошо...

— Почему терпѣливъ?

— Потому что терпѣніе—великая вещь... Наши мудрые раввины сказали, что терпѣніе стоитъ четыреста „зузовъ", четыреста крупныхъ монетъ и они сказали правду, такъ какъ они всегда говорятъ правду... Терпѣніе стоитъ большихъ денегъ... Благодаря чему евреи вышли изъ Вавилона? благодаря терпѣнію. Я могъ-бы вамъ многое сказать о такихъ дѣлахъ, но не скажу, такъ какъ, во-первыхъ, вы хорошо понимаете, въ чемъ дѣло, а во-вторыхъ, у насъ въ книгѣ сказано, что разговоръ серебро, а молчаніе золото.

— Почему же это такъ?

— Это очень просто. Коль скоро кто-нибудь говоритъ, то можетъ сказать или что-нибудь хорошее, или что-нибудь дурное, а коль скоро кто-нибудь ничего не говоритъ, то извѣстно, что онъ не скажетъ ни хорошо, ни худо, не скажетъ ни мудраго, ни глупаго слова, а глупое слово нѣчто въ родѣ птицы. Оно вылетитъ очень легко, но поймать его и вложить туда, откуда оно вышло, уже нѣтъ никакой возможности.

— Разскажите мнѣ что-нибудь, любезный Іойна, о здѣшней окрестности.

— Что вы хотите знать о ней?

— Все... Коль скоро я рѣшилъ здѣсь остаться, то прежде всего хочу знать, каковы мои сосѣды?

— Гдѣ вы видали, чтобы Пустыня имѣла сосѣдей?.

— Да вѣдь кто-нибудь здѣсь есть.

— Знаете, баринъ,—промолвилъ Іойна, поглаживая свою бороду,—я здѣсь живу столько лѣтъ, что даже самъ не могу сосчитать, но еще не видѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей пріѣхалъ въ Пустыню. Кому ѣхать, когда никого нѣтъ... Пустыня есть имѣніе само въ себѣ, а кругомъ, куда ни кинуть глазомъ, все крупныя княжескія или графскія помѣстья, Пустыня же между ними въ серединѣ, какъ пустыня. Я думаю, что она оттого такъ и называется.., но вы, баринъ, не огорчайтесь...

— Чего же мнѣ огорчаться?

— Вы, баринъ, не огорчайтесь, что здѣсь можетъ быть скучно, такъ какъ здѣсь вовсе не будетъ скучно, лишь бы только было здоровье.

— Въ Пустынѣ хорошая почва, хорошее хозяйство, хлѣбъ, слава Богу, былъ, есть и будетъ... Тутъ всегда прекрасный урожай, рожь, какъ золото, а въ мѣстечкахъ нѣтъ недостатка въ евреяхъ.

Они сами придутъ, дадутъ хорошія деньги и еще низко поклонятся Я даже желалъ-бы, чтобы вы сами поѣхали въ мѣстечко.

— Зачѣмъ?

— Познакомиться съ нашими купцами. Что вамъ мѣшаетъ?

— На это еще будетъ достаточно времени.

— И то правда. Когда у кого-нибудь имѣніе задолжено, когда надо что-нибудь продать, или занять немного денегъ, то такому, разумѣется, надо сейчасъ познакомиться съ купцами. Вы, баринъ, слава Богу, можете ждать, пока они сами придутъ съ поклономъ.

— Развѣ вы, Іойна, находите, что дѣла въ Пустынѣ такъ хороши?

— Чтобъ я былъ такъ счастливъ! Вѣдь мнѣ лучше, чѣмъ кому-нибудь другому, извѣстны здѣшнія дѣла...

Долгу ни гроша, кромѣ того госпожа Войткевичъ навѣрно скопила нѣкоторую сумму денегъ, а въ имѣніи, слава Богу, нѣтъ ни въ чемъ недостатка. Въ амбарѣ есть хлѣбъ, и на лугахъ прошлогодніе стога. Чего тутъ не хватаетъ? Только владѣльца не хватало, но теперь, когда есть владѣлецъ, то ни въ чемъ нѣтъ недостатка.

Вы не пожалѣете, что остались у насъ.

— Итакъ здѣсь нѣтъ никакихъ сосѣдей?.

— Нѣтъ, нѣтъ. Правду сказать, въ тѣхъ большихъ имѣніяхъ, что граничатъ съ Пустыней, нѣтъ недостатка въ людяхъ, есть управляющіе, кассиры, но они живутъ особнякомъ.

— Почему?

— Какъ это почему?... они всѣ нѣмцы. Понаѣхали издалека, изъ-за границы, развѣ я знаю откуда?..

— Это не хорошо...

— Конечно не хорошо... Вы, баринъ, навѣрно захотѣли-бы завести знакомства, а здѣсь не съ кѣмъ... впрочемъ что я говорю? Есть! есть! Какъ это мнѣ сразу въ голову не пришло, но я думалъ, что вы спрашиваете о помѣщикахъ, о шляхтичахъ...

— Не только о нихъ.

— Ну, такъ здѣсь недалеко, въ мѣстечкѣ есть одинъ человѣкъ, который вамъ очень понравится.

— Кто же это?

— Не важная особа... только докторъ... но какой докторъ! ай, вай! какой онъ докторъ! Даже въ Варшавѣ не найти лучшаго.

— Молодой человѣкъ?

— Не молодой и не старый, такъ себѣ, среднихъ лѣтъ, немножко сѣдоватъ, фамилія его Калинскій.

Это великій докторъ, очень ученый человѣкъ! Однажды тутъ въ своемъ имѣніи былъ самъ князь.

Онъ внезапно заболѣлъ и уже хотѣли посылать за докторами въ Варшаву, но такъ какъ тѣмъ временемъ былъ большой гвалтъ, поэтому пригласили Калинскаго... Ну, что вы баринъ скажете?

Калинскій пришелъ, осмотрѣлъ этого князя и сказалъ, что нѣтъ надобности ни посылать на станцію лошадей, ни привозить докторовъ, потому что черезъ три дня князь будетъ совсѣмъ здоровъ... Такъ и случилось... Калинскій тогда получилъ за это большія деньги, но вы думаете, что его интересуютъ деньги? вовсе не интересуютъ.

Онъ странный человѣкъ... Онъ говоритъ, что человѣку вовсе не нужны деньги.

— У него есть жена, дѣти?

— Нѣтъ. Калинскій говоритъ, что докторъ съ женой не стоитъ и половины того, чего стоитъ докторъ безъ жены. Онъ такъ думаетъ.

— Можетъ быть это и правда.

— Гм... по докторски это отчасти правда, такъ какъ докторъ имѣетъ дѣло съ разными болѣзнями, можетъ самъ захворать, можетъ сохрани Богъ, умереть... ну и что тогда будетъ съ его женой? что будетъ съ дѣтьми? но по нашему вовсе не правда. Во-первыхъ человѣкъ безъ жены и безъ дѣтей не можетъ считаться настоящимъ человѣкомъ... во-вторыхъ Господь Богъ не благословляетъ такихъ людей, въ третьихъ у каждаго человѣка есть свое счастье, а у такого вовсе нѣтъ нѣтъ счастья.

Впрочемъ мнѣ незачѣмъ много разсказывать, но достаточно того, что этотъ докторъ странный человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень ученый человѣкъ...

Вы можете завести съ нимъ знакомство.

— Постараюсь съ нимъ познакомиться... Но коль скоро въ мѣстечкѣ есть докторъ, то должны быть также аптекарь и священникъ.

— Священниковъ есть даже два. Одинъ старикъ, другой молодой... но я тутъ разговариваю, а мнѣ пора

ѣхать... Ой, ой... прежде покойный вашъ дѣдушка тоже любилъ иногда со мной разговаривать... Онъ отъ меня зналъ всѣ новости, но тогда я былъ молодъ, любопытенъ, часто разъѣзжалъ по городамъ, по ярмаркамъ, вертѣлся между людьми, и всегда у меня было что разсказывать... Теперь я состарѣлся, сижу на одномъ мѣстѣ, а во-вторыхъ за это время здѣсь не было владѣльца, а потому кому мнѣ было привозить новости? Госпожа Войткевичъ не особенно интересуется тѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ, а Симеонъ... человѣкъ простой... и занятъ только своимъ дѣломъ.

Теперь же совсѣмъ иное, теперь вы здѣсь, и я пущу въ ходъ старыя кости и буду еще сообщать разныя новости.

Я поблагодарилъ старика за обѣщаніе и увѣрилъ его, что жажду новостей.

Когда немного спустя Іойна выѣхалъ изъ воротъ, мною овладѣло какое-то странное чувство, но конечно...

Я окончательно и безповоротно порвалъ связь съ прежнимъ міромъ, отказался отъ него добровольно, безъ принужденія—и рѣшилъ начать новую жизнь.

Будетъ-ли она лучше и веселѣе?

. . . .

. . . .

Мы съ Леночкой идемъ на пасѣку.

День прелестный, ясный, на небѣ ни одной тучки. Солнце уже склоняется къ западу, но еще далеко до сумерекъ. Мы отправились пораньше, такъ какъ до пасѣки надо пройти довольно значительное разстояніе и тетя Варвара просила насъ вернуться до заката, потому что она не будетъ ждать съ ужиномъ...

Мы, то есть я и Елена, всегда послушны тетѣ, какъ добрыя дѣти. Тетя по отношеніи ко мнѣ приняла материнскій тонъ, даетъ мнѣ разные совѣты и обращается со мною, какъ своимъ сыномъ. Я не сержусь за это, такъ какъ она благородная женщина съ золотымъ сердцемъ и окружаетъ меня такой заботливостью, какой мнѣ никогда въ жизни не приходилось испытывать... Она называетъ меня по имени, какъ будто иначе никогда и не называла меня.

Итакъ мы идемъ на пасѣку.

Туда ведетъ дорожка или вѣрнѣе тропинка между полосами дозрѣвающей ржи, потомъ сѣрой ленточкой тянется среди луговъ и наконецъ теряется на берегу рѣки въ рощѣ, среди которой находилось какое-то строеніе.

Странно пахнетъ и рожь, и лугъ, и та роща, что вдали виднѣется передъ нами.

— Далеко еще?—спросилъ я свою спутницу.

— А развѣ вы уже устали?

— Нѣтъ, но мнѣ интересно знать.

— Если бы можно было пойти прямо, то было-бы очень близко, но рѣчка такъ круто поворачиваетъ и при томъ на лугу есть множество рвовъ, которые Симеонъ неизвѣстно для чего велѣлъ выкопать. Нѣкоторые изъ нихъ такъ широки, что я не могу черезъ нихъ перепрыгнуть. Намъ надо держаться тропинки, а черезъ рвы перекинуты доски, и такимъ образомъ можно пройти, не замочивъ ногъ. Лѣтомъ я здѣсь ежедневно бываю.

— Ежедневно?

— Иногда даже бываю по два раза... Такъ какъ лѣтомъ особенно много работы съ пчелами, за ними надо тщательно наблюдать... а потому я сюда хожу, но возвращаюсь чаще всего иной дорогой.

— Почему? Вѣдь тамъ такіе широкіе рвы.

— Вотъ именно ради этихъ рвовъ. У нихъ есть одно большое достоинство.

— Какое же у нихъ можетъ быть достоинство?... Развѣ то, что они уносятъ съ луговъ излишекъ воды.

— Такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ Симеонъ но это меня не касается, и я хожу туда за незабудками... Вы навѣрно знаете... такіе голубые цвѣточки...

— Отлично знаю.

— Здѣсь они прелестны и ихъ очень много.

Тетя очень любитъ эти цвѣты, и я ихъ ежедневно приношу ей... Ахъ! вотъ первый мостикъ.

— Я подамъ вамъ руку.

— Нѣтъ, не надо, скорѣе я вамъ подамъ.

Въ одну минуту Леночка была уже на другой сторонѣ рва и протянула мнѣ свою руку, хотя немного загорѣлую, но маленькую и изящную.

Затѣмъ мы переправились черезъ другой и третій ровъ и очутились въ рощѣ.

— Кто-же строилъ эти мостики? —спросилъ я, когда мы перешли черезъ послѣдній ровъ.

— Кто же, какъ не Симеонъ—это его дѣло, а это, мое—сказала она, указывая на довольно, высокій заборъ, изъ-за котораго виднѣлась крытая соломой избушка. Леночка открыла калитку и сказала:

— Пожалуйста войдите.

— Такъ это пасѣка?—спросила я.

— Да... Симеонъ говоритъ, что она здѣсь съ давнихъ временъ, да навѣрно такъ оно и есть, потому что вонъ какіе старые ульи.

— Однако есть и новые.

— Есть; въ этомъ году Симеонъ поставилъ два новыхъ.

— Я замѣчаю, что вы постоянно имѣете дѣло съ Симеономъ.

— Потому что должна и почти постоянно нуждаюсь въ его услугахъ; онъ мнѣ даетъ колья для сада и ульи. Тетя мнѣ этого не даетъ, вслѣдствіе чего я должна просить Симеона.

— Заборъ въ саду онъ уже починилъ.

— Это не его заслуга, вы ему велѣли, и вотъ онъ сейчасъ починилъ, а я тщетно просила его объ этомъ недѣли. Идемте къ пчелкамъ... Но я должна прежде всего оградить васъ отъ нихъ, такъ какъ мои пчелки не очень гостепріимны и незнакомыхъ кусаютъ.

Мы вошли; тамъ была небольшая комната съ каминомъ. На стѣнахъ висѣли сѣтки, въ углу стояла кушетка.

— Кто здѣсь живетъ?—спросилъ я.

— Живетъ, но только зимой.

— Кто же такой?

— Это длинная исторія... можетъ тетя вамъ ее лучше разскажетъ...

— Но вы знаете обитателя этой избушки?

— Какъ же мнѣ не знать?! Здѣсь живетъ Варфоломей.

— Это не особенно много объясняетъ.

Леночка засмѣялась.

— Всѣ его называютъ только Варфоломеемъ,—отвѣтила она. Онъ приходитъ поздней осенью, живетъ въ этой хатѣ, стережетъ пасѣку, дѣлаетъ новыя сѣти, или чинитъ старыя, а весной беретъ большую палку, закидываетъ на спину полотняный мѣшокъ и опять уходитъ.

— Это вѣроятно нищій?

— И да, и нѣтъ. Да, потому что бродя по свѣту, живетъ подаяніями, а нѣтъ, потому что не ходитъ съ той цѣлью, чтобы собирать подаянія, а больше изъ набожности. Онъ ежегодно посѣщаетъ Ченстоховъ и приноситъ оттуда множество крестовъ, которые большей частью даромъ даетъ людямъ. Мужики его уважаютъ, считаютъ пилигримомъ пустынникомъ, почти святымъ. Какъ только появится Варфоломей, они сейчасъ приходятъ къ нему за совѣтомъ, за крестиками изъ святыхъ мѣстъ. Онъ намъ очень полезенъ особенно мнѣ, такъ какъ зимой трудно бывать на пасѣкѣ особенно, когда падутъ большіе снѣга. Тетя всегда даетъ ему немного картофеля, крупъ и всего, что нужно, а старикъ самъ себѣ стряпаетъ обѣдъ и только за хлѣ-

бомъ приходитъ въ усадьбу... Кромѣ того какой онъ отличный рыбакъ, сколько передъ праздниками наловитъ рыбы! Сюда каждый годъ пріѣзжаютъ евреи и покупаютъ ее. Варфоломей все умѣетъ, онъ даже умѣетъ ловить волковъ и лисицъ. Взгляните въ кладовой, сколько тамъ виситъ волчьихъ и лисьихъ шкуръ!

— Мнѣ очень интересно было-бы познакомиться съ этимъ Варфоломеемъ.

— Вы вскорѣ съ нимъ познакомитесь. Вотъ погодите, улетятъ ласточки, аисты, журавли, а послѣ нихъ придетъ старый Варфоломей придетъ, распѣвая, какую-нибудь набожную пѣснь... Вонъ сито, надѣньте его на лицо. Ахъ, какъ вы смѣшны въ немъ!

Затѣмъ надо еще одѣть рукавицы. Теперь мы можемъ смѣло идти къ ульямъ.

— А вы не одѣнете маски?

— Не надо, пчелки мои хорошія знакомыя, ни одна изъ нихъ не ужалитъ меня.

Мы отправились, а Леночка все щебетала.

Съ того времени прошли года,— и однако каждое ея слово сохранилось въ моей памяти.

— Это мѣсто—говорила она—отлично выбрано для пасѣки... Укромное, спокойное, подъ бокомъ вода, луга, лѣсъ, а на берегу масса малины и смородины. Мнѣ тоже кажется, что Варфоломей правъ.

— Въ чемъ?

— Ахъ правда! вы не знаете. Варфоломей сказалъ, что вѣроятно еще при сотвореніи міра этотъ уголокъ былъ предназначенъ для пасѣки, такъ какъ лучшаго нигдѣ не найти, а вѣдь Варфоломей много видѣлъ странъ.

Мы подробно осмотрѣли пасѣку и затѣмъ пошли домой.

— Вы не будете хулить передъ тетей мое хозяйство?—спросила молодая дѣвушка.

— А вы боитесь?

— Разумѣется. Тетя всегда твердитъ мнѣ, что надо работать, что грѣшно лѣнтяйничать, что на свѣтѣ никому даромъ хлѣба не даютъ, а потому и я тоже дѣлаю, что могу и стараюсь дѣлать все какъ можно лучше, а если несмотря на все мое желаніе что-нибудь неладно...

— То?

— То... прошу прощенія — сказала она, взглянувъ на меня своими большими прелестными глазами.

Я схватилъ ея маленькую ручку и прижалъ ее къ своимъ губамъ. Это ее очень смутило. Она покраснѣла, какъ роза, и на нѣкоторое время умолкла.

Мы шли по той же тропинкѣ, черезъ луга—и дорога, въ дѣйствительности довольно длинная, показалась мнѣ очень короткой... Мной овладѣло чувство досады при видѣ ржи, за которой уже тянулся садъ, примыкавшій къ дому. Къ счастью вблизи оказался сломанный бурей дубъ. Я притворился усталымъ и сказалъ:

— Признаюсь вамъ, что я уже еле иду...—присядемъ на минуту и отдохнемъ...

— Хорошо—отвѣтила Леночка— сядемте на этомъ деревѣ.

Я не знала, что вы такъ не выносливы. Я могла-бы идти еще Богъ знаетъ куда.

— Я не привыкъ ходить по полямъ, но съ теченіемъ времени привыкну и буду ходить такъ же, какъ вы.

— А развѣ въ городѣ люди мало ходятъ?

— Напротивъ, ходятъ даже очень много, но тамъ есть удобные каменные тротуары.

— Покорно благодарю! Никакой тротуаръ не замѣнитъ зеленой муравы, которая мягка, какъ коверъ.

Мы усѣлись на рухнувшемъ дубѣ.

Солнце склонилось къ западу, пріятный, освѣжающій вѣтерокъ ласкалъ лицо.

Странная вещь, разговоръ, который сначала шелъ такъ легко, те-

перъ ежеминутно обрывался, какъ нить.

Леночка смотрѣла на лугъ, по которому важно прохаживался аистъ.

Я слѣдилъ за ласточками, которыя летали за мухами. Эти мелкія подробности глубоко врѣзались въ память и несмотря на то, что уже прошло много лѣтъ, они донынѣ еще не сгладились.

. . . .

Привыкнувъ съ ранней молодости къ систематическому труду, я не могъ, сложа руки, сидѣть въ Пустынѣ. Судьба неожиданно одарила меня землей, а между тѣмъ сельское хозяйство было мнѣ совершенно незнакомо.

Въ виду этого я рѣшилъ практически изучить хозяйство подъ руководствомъ Симеона, а теоретическія познанія черпать изъ книгъ. Съ разсвѣтомъ я уже обыкновенно былъ на ногахъ. Добрый Симеонъ будилъ меня, и мы вмѣстѣ ходили въ амбары, въ скотные сараи, а потомъ на поля и луга.

Когда работа одновременно шла въ двухъ пунктахъ, Симеонъ присматривалъ въ одномъ, а я въ другомъ. Я очень скоро привыкъ къ такому занятію, даже полюбилъ его и нынче не промѣнялъ-бы его ни на какое другое. Симеонъ, по натурѣ не разговорчивый, о хозяйствѣ однако говорилъ очень охотно.

Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ здѣсь съ давнишнихъ временъ воздѣлывали поля, и насмѣхался надъ разными новшествами, которыя вводились въ сосѣднихъ магнатскихъ имѣніяхъ. Я съ большимъ любопытствомъ слушалъ его, а по вечерамъ читалъ сочиненія по агрономіи, и такъ по немногу практику дополнялъ теоріей, а теорію практикой — и въ концѣ концовъ съ теченіемъ времени научился хозяйничать.

Дни протекали быстро одинъ за другимъ, и мнѣ даже въ голову не приходило искать новыхъ знакомствъ. Къ чему? У меня было занятіе, которое заполняло весь день, а когда послѣ работы мы усаживались за столъ, тетя Варвара разсказывала разные эпизоды изъ исторіи нашей семьи, а Леночка щебетала, какъ птичка. У меня были свѣдѣнія о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, такъ какъ два раза въ недѣлю приходила газета, которую я вслухъ читалъ дамамъ. а извѣстія изъ окрестности приносилъ Іойна.

Прошло лѣто, первое лѣто въ собственномъ углу, на собственной землѣ!

Мы убрали хлѣба, свезли ихъ въ амбары, а что не помѣстилось въ амбарахъ, уложили въ стога.

Послѣ лѣта настала ясная, золотая осень. Мы покончили съ пашней и посѣвомъ озими, а Леночка собрала въ саду яблоки и груши. Надъ полями носились серебрянныя нити бабьяго лѣта, аисты отправились за море, улетѣли быстрыя ласточки, журавли звонкимъ крикомъ простились съ нашей страной...

По утрамъ уже показывался иней, а дни становились все короче и короче.

Леночка удивлялясь, что еще нѣтъ Варфоломея, почти ежедневно вспоминала о немъ и выглядывала въ окно, не видать ли его на дорогѣ. Наконецъ старикъ притащился.

Онъ пришелъ по обыкновенію съ запасомъ крестиковъ и образковъ, съ набожной пѣсньюо на устахъ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, нѣсколько сгорбленный, съ длинной бѣлой бородой и такого же цвѣта волосами, которые падали ему на плечи. Одѣтый хотя бѣдно, но опрятно, Варфоломей не производилъ впечатлѣнія нищаго. За поясомъ у него висѣли четки, черезъ плечо была перекинута сума, а въ рукѣ длинный сучковатый посохъ. Леночка и тетка Варвара выбѣжали ему на встрѣчу, ввели его въ комнату и разспрашивали, гдѣ онъ бывалъ.

Мнѣ тоже захотѣлось взглянуть на этого гостя.

Когда я вошелъ въ комнату, старикъ мнѣ низко поклонился, далъ крестикъ изъ Ченстохова и просилъ позволить ему перезимовать въ избушкѣ на пасѣкѣ. Я предложилъ ему остаться въ усадьбѣ, гдѣ было больше удобствъ, но Варфоломей не пожелалъ.

Мнѣ тамъ хорошо—отвѣтилъ онъ —да старику вообще немного надо, лишь была кровля надъ головой, каминъ и охабка соломы. Покорно благодарю васъ и постараюсь за ваше добро отслужить, чѣмъ можно будетъ, и чѣмъ сумѣю.

Я вѣдь немного рыбакъ, немного охотникъ, починю вамъ сѣти, доставлю дичи и сдѣлаю улей!...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня, а потомъ добавилъ:

— Когда я теперь странствовалъ по свѣту, направляясь къ святымъ мѣстамъ, мнѣ почему то казалось, что по возвращеніи въ Пустыню, найду какую-то перемѣну... Я просилъ Бога, чтобы перемѣна была хорошая, и милосердный Богъ внялъ моей молитвѣ. Я засталъ барыню и барышню въ добромъ здоровьи... а Пустыня дождалась владѣльца...

Варфоломей на минуту умолкъ, потомъ взглянулъ на Леночку, затѣмъ на меня, кивнулъ головой, замѣтно улыбнулся и промолвилъ.

— Да благословитъ же Богъ, да будетъ въ этомъ домѣ радость и веселье...

На послѣднихъ словахъ онъ сдѣлалъ удареніе.

Леночка покраснѣла и такъ внимательно стала вглядываться въ полъ, какъ будто на его гладкихъ доскахъ замѣтила нѣчто, очень интересное.

Я полюбилъ стараго Варфоломея.

Онъ уговорилъ меня ходить съ нимъ на охоту, мы почти ежедневно бродили по лѣсу, и я узналъ отъ него много охотничьихъ секретовъ. Мы снабжали кладовую тетки Варвары дичью, волчьимъ и лисьимъ мѣхомъ, кромѣ того ѣздили на озеро, такъ какъ Варфоломей былъ отличный рыболовъ и, какъ утверждали крестьяне, обладалъ такими особенными сѣтями, въ которыя рыбы сами шли цѣлыми стаями. Такъ проходили зимніе дни, а вечера были еще пріятнѣе.

Эта съ виду столь печальная Пустыня, о которой люди разсказывали страшныя вещи, казалась мнѣ настоящимъ раемъ—и не разъ въ душѣ моей возникалъ вопросъ, чѣмъ я заслужилъ такое счастье? Ибо дѣйствительно я былъ вполнѣ счастливъ — счастливъ безмѣрно, безгранично...

Однажды вечеромъ, прежде чѣмъ въ комнатѣ зажгли лампу, я сталъ бесѣдовать съ Леночкой о томъ, о семъ и наконецъ высказалъ то, что у меня уже давно было на сердцѣ. Въ какой формѣ было выражено мое признаніе, не знаю, не помню, и лишь одно навсегда сохранилось въ моей памяти, а именно, то, что я взялъ ее за ручку, что она не старалась освободить ее изъ моей руки, что слушала признаніе, не прерывая ни однимъ словомъ и что обѣщала мнѣ быть моею, моею навсегда.

Когда тетя Варвара вошла въ комнату со свѣчей, то внимательно и пристально взглянула на насъ. Она очевидно замѣтила мое волненіе и прелестный румянецъ на лицѣ Леночки.

Мнѣ кажется, что тетя хотѣла спросить насъ, что случилось, но я предупредилъ ее, все высказалъ и просилъ благословенія.

— Она сирота, я сирота, а потому будьте для насъ матерью...

Тетя Варвара не сразу согласилась и возражала.

— Подумай, Леонардъ,—говорила она—вѣдь ты богатъ, а она бѣдна, сирота, да притомъ еще дитя. Ты можешь найти лучшую партію.

— Нѣтъ—воскликнулъ я — никогда не найду, потому что не буду искать, потому что только ее одну люблю, только въ ней одной вижу счастье...

Я сталъ цѣловать теткѣ руки, просить, умолять. Наконецъ, она расплакалась и простерла надъ нами руки.

— Ну, да благословитъ васъ Богъ!— проговорила она.

Тетя Варвара быстро отерла слезы и тотчасъ обратилась къ реальнымъ вещамъ.

— Ты мнѣ надѣлалъ хлопотъ— сказала она съ притворнымъ гнѣвомъ—далъ работу на цѣлую зиму.

— Работу?!

— Конечно! Тебѣ кажется, что взять барышню изъ дому—это тоже самое, что снять ружье со стѣны.

— Тетя, я нахожусь въ столь счастливомъ положенiи, что мнѣ нѣтъ надобности брать барышню изъ дому, такъ какъ она уже въ немъ.

— Это правда, но приданое! Я не могу себѣ представить, какъ можно выйти замужъ безъ приданаго. Вамъ придется ждать съ полгода, прежде чѣмъ оно будетъ готово.

— Къ чему?

— Ахъ, нѣтъ, дорогой мой. Надо тебѣ знать, что у меня тоже есть маленькiй капиталецъ, мой собственный, и я давно предназначила его на приданое для Леночки.

— Тетя,—прервалъ я ее,— одно другому не мѣшаетъ. Вѣдь Леночка не уѣзжаетъ, останется съ нами навсегда, а потому приданое можно шить хотя бы десять лѣтъ.

— Будь по твоему. Въ этой Пустынѣ все идетъ на выворотъ. Ну такъ и быть, вѣнчайтесь, приданое я буду приготавливать постепенно. Однако, кто этого ожидалъ?

Впрочемъ чему тутъ удивляться? Зачѣмъ было пускать волка въ овчарню? Теперь скажи уже мнѣ, проказница? обратилась она къ Леночкѣ—сильно-ли ты его любишь?

— Очень—тихо прошептала молодая дѣвушка, опуская глаза.

— И откуда взялась эта любовь? Откуда?

— Не знаю, тетя...

Какая невинность! Ну, ничего, дорогая моя, я тебѣ этого не ставлю въ вину. На то у человѣка сердце, чтобы онъ любилъ, а коль скоро ты полюбила, то люби всегда одинаково, искренно, сердечно, до самой смерти. Люби его въ доброй и злой долѣ, въ счастьи и несчастьи, въ радости и въ горѣ... Всегда, всегда. Помни же объ этомъ Леночка.

— Помни, Леночка!—прошепталъ я.

Она мнѣ подала обѣ руки, которыя я схватилъ и покрылъ поцѣлуями...

Тетка вышла, незамѣтно утирая слезы. За ужиномъ явилась бутылка стараго меда, и мы съ Леночкой обмѣнялись кольцами. Таково было наше обрученiе.

На слѣдующiй день я поѣхалъ къ нашему священнику и просилъ его сдѣлать оглашенiе, причемъ далъ ему значительную сумму денегъ на ремонтъ кладбищенской часовни.

— А почему васъ интересуетъ бѣдная кладбищенская часовня,— сказалъ священникъ. Если вы дали похвальный обѣтъ пожертвовать что-нибудь во славу Божью, то лучше ремонтируйте костелъ, такъ какъ сами видите, что онъ убогъ, старъ и требуетъ ремонта...

— И на это я охотно пожертвую, но видите ли, часовня для меня имѣетъ особенное значенiе.

Насколько мнѣ извѣстно, подъ ней есть подземелья.

— Да, да, есть склепы и даже очень хорошiе.

— И они навѣрно не заняты?

— Интересно знать, кто тутъ занялъ-бы ихъ. Крестьянинъ велитъ хоронить въ землѣ, а наши важные баре, которыхъ есть нѣсколько въ моемъ приходѣ, имѣютъ свои фамильные склепы въ другихъ имѣнiяхъ. Однако почему вы спрашиваете объ этихъ подробностяхъ?

Я разсказалъ ему всю исторію моего наслѣдства и добавилъ:

— Теперь вы понимаете, почему мнѣ хочется, чтобы этотъ злополучный гробъ находился не у меня въ домѣ, а подъ часовней, въ освященномъ мѣстѣ, пока не настанетъ время, когда я навѣки приму его, какъ свое наслѣдство.

Священникъ задумался.

— Хорошо, — промолвилъ онъ послѣ минутнаго молчанія... я согласенъ. Конечно такъ будетъ лучше, пусть это вѣчное „memento mori" не отравляетъ вамъ минутъ счастья. Пришлите-же это наслѣдство ко мнѣ, я велю поставить его подъ часовней.

Спустя три дня раннимъ утромъ гробъ былъ вывезенъ изъ кладовой. Я эскортировалъ его съ Симеономъ—и послѣ панихиды за упокой души дѣдушки мы помѣстили печальное наслѣдство подъ часовней.

. . . .

Въ костелъ, къ вѣнцу мы поѣхали въ саняхъ... Насъ сопровождали Варфоломей, Симеонъ и челядь. Тетка осталась дома, чтобы послѣ вѣнчанія встрѣтить насъ, по старинному обычаю, съ хлѣбомъ и солью. У Леночки не было шаферовъ, а у меня шаферинъ, не было разряженныхъ гостей и только нѣсколько человѣкъ простолюдиновъ въ сермягахъ слышали, какъ мы клялись другъ другу въ вѣчной любви.

Священникъ обратился къ намъ съ прочувствованной рѣчью, благословилъ насъ, а затѣмъ послѣ вѣнчанія поѣхалъ вмѣстѣ съ нами въ Пустыню. Въ дверяхъ насъ ожидала тетка, одѣтая по праздничному и, предложивъ хлѣбъ соль, со слезами поцѣловала.

Когда мы уже находились въ комнатѣ, вошелъ Іойна. Онъ былъ въ атласномъ жупанѣ, опоясанномъ шелковымъ поясомъ, подъ мышкой онъ держалъ кунью шапку съ бархатнымъ верхомъ, а въ правой рукѣ маленькій подносъ, на которомъ лежалъ какой-то бѣлый пряникъ... Іойна просилъ принять его, низко кланялся и желалъ намъ обоимъ долголѣтія и счастья.

Затѣмъ въ комнату вошли Варфоломей, Симеонъ, около двадцати человѣкъ крестьянъ—хозяевъ изъ деревни, всѣ батраки и челядь. Эти добрые люди поздравляли насъ, и въ ихъ пожеланіяхъ было столько сердечности, столько искренности, что я съ трудомъ удержался отъ слезъ. Тетка для нихъ устроила въ избѣ пиръ. Они привели изъ деревни музыканта и, спустя нѣсколько минутъ до насъ донеслись громкій говоръ. отголоски скрипки и топотъ танцующихъ.

— Пусть веселятся — замѣтила тетка—пусть танцуютъ до самаго утра. Пустыня уже давно—давно не слышала музыки.

Леночка въ бѣломъ платьи, съ миртовымъ вѣнкомъ на головѣ казалась какимъ-то очаровательнымъ не земнымъ видѣніемъ.

Чѣмъ я заслужилъ такое счастье?

Мы пошли на минуту къ челяди, къ танцующимъ. За нами послѣдовали тетка и священникъ. Насъ привѣтствовали радостными восклицаніями, а Варфоломей обратился къ намъ съ рѣчью, за которую священникъ его похвалилъ и эта похвала очень обрадовала старика.

Одинъ изъ крестьянъ подошелъ къ Леночкѣ и сказалъ:

— Дорогая барышня, ужъ это было-бы очень грѣшно, если бы вы не потанцовали на своей свадьбѣ... Коли не пренебрегаете мною, то прошу...

Леночка танцовала и я также танцовалъ, а потомъ мы вернулись къ себѣ въ комнату, но предварительно попросили Симеона, чтобы онъ пріохочивалъ людей къ танцамъ. Они плясали почти до самаго утра. Теткѣ было непріятно, что никто изъ родныхъ не пріѣхалъ на свадьбу и что не было гостей изъ нашей сферы, но я не принималъ этого къ сердцу. Что мнѣ весь міръ, когда

у меня есть свой собственный и притомъ столь прекрасный мірокъ счастья и любви!..

. . . .

Два года протекли, какъ одинъ часъ. Два года ничѣмъ невозмутимаго спокойствія и наслажденій. За это время у насъ не было никакихъ неудачъ, напротивъ во всемъ намъ сопутствовало благополучіе: урожаи, были на удивленіе, сборы великолѣпны, скотъ размножался, такъ что я даже боялся, не является-ли этотъ успѣхъ предвѣстникомъ какого-нибудь великаго, небывалаго бѣдствія.

Моя Леночка была отличной хозяйкой, работала отъ зари до ночи, помогала теткѣ, да кромѣ того не забывала своихъ прежнихъ занятій въ саду и на пасѣкѣ. Благородная, добрая, безцѣнная женщина! Несмотря на то, что Леночка не кончила никакого пансіона и никогда не бывала въ большихъ городахъ, она, однако, не ограничивалась лишь своими будничными занятіями, напротивъ, заботилась и о своемъ умственномъ развитіи, читала книги, при чемъ умѣла прочувствовать красоты, заключающіяся въ произведеніяхъ нашихъ поэтовъ. Она не разъ читала намъ поэтическія произведенія и слова вдохновенныхъ пѣсенъ звучали въ ея устахъ, какъ прекраснѣйшая мелодія. Я благодарилъ ее, цѣловалъ ей ручки и просилъ: „еще читай, еще".—Она отвѣчала наклоненіемъ головы, ласковой улыбкой и продолжала читать страницу за страницей, а мы съ теткой слушали, открывая въ ея чтеніи все новыя красоты.

Не всегда, впрочемъ, она могла кончить—такъ какъ иногда ея чтеніе въ самомъ интересномъ мѣстѣ прерывалъ нашъ деспотъ, тиранъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ любви и обожанія всего нашего дома—Ясь...

Правда, вы еще не знаете, кто такой Ясь, что онъ за особа. Это наша гордость, наша надежда, счастье — нашъ сынъ! Ему тогда исполнился годъ. Онъ былъ бѣлъ, румянъ и красивъ, какъ ангельчикъ на картинѣ. Я говорилъ, что онъ похожъ на Леночку, Леночка же увѣряла, что у него мои глаза, а тетка смѣялась и утверждала, что у такого маленькаго существа невозможно замѣтить сходство съ кѣмъ-нибудь изъ взрослыхъ. Мы смѣялись надъ этимъ, потому что теткѣ казалось, что Ясь обыкновенный ребенокъ, какъ тысячи другихъ, но мы съ Леночкой знали, что это не правда. Мы знали, что въ Ясѣ нѣтъ ничего ни обыкновеннаго, ни ординарнаго, что это сама доброта, умъ, словомъ все, все!

Тетка въ свою очередь смѣялась надъ нами, а вѣдь мы отлично замѣчали, что Ясь понимаетъ каждое наше слово, что любитъ насъ и знаетъ, что мы его родители, что онъ единственная цѣль нашей жизни... Это былъ умный мальчикъ. Онъ еще не говорилъ, такъ какъ не умѣлъ, но каждый разъ, когда онъ улыбался и посматривалъ на насъ своими черными глазками, мы съ Леночкой хорошо знали, что это означаетъ... Да развѣ только мы одни? Самъ Симеонъ утверждалъ, что такого умнаго мальчика никогда въ жизни не видывалъ, а Варфломей говорилъ, что онъ такого же видѣлъ на образѣ въ одномъ большомъ костелѣ.

— Іисусъ Христосъ, — говорилъ онъ, — былъ тамъ изображенъ въ сіяніи и славѣ, а около него группа дѣтей и первый изъ нихъ, самый маленькій, простиралъ къ нему ручки. Вотъ онъ-то и былъ похожъ на нашего Яся... А надъ образомъ, надъ позолоченной рамой, находилась бѣлая лента и на ней большими буквами было написано: „Придите ко мнѣ вы, малые". И шли къ нему маленькіе—и мальчики и дѣвочки, а впереди такой именно, какъ нашъ Ясь...

Нашъ Ясь!

Всѣ такъ называли его въ Пустынѣ, даже старый Іойна. Нашъ

мальчикъ былъ здоровъ, крѣпокъ, полонъ, такъ что тетка не безъ основанія называла его маленькимъ медвѣженкомъ... Разумѣется въ шутку—такъ какъ хотя она сердилась на насъ, что мы слишкомъ балуемъ ребенка, однако сама баловала его больше, чѣмъ мы—а когда Ясь въ первый разъ произнесъ „ба-ба“, то чуть не расплакалась отъ радости. Этотъ Ясь постоянно отымалъ у меня Леночку. Бывало, пойдемъ въ поле, или на пасѣку и мнѣ хочется подольше побыть съ женой — а между тѣмъ нельзя, такъ какъ быть можетъ Ясь плачетъ, надо идти къ нему. Случалось зимней порой при самомъ интересномъ разговорѣ или при чтеніи Ясь вдругъ проснется, крикнетъ, — и уже разговоръ прерванъ, чтеніе конечно. Леночка вскакиваетъ, бѣжитъ къ нему... цѣлуетъ его, укачиваетъ, поетъ, пока мальчикъ не уснетъ. Не разъ я завидовалъ ему... Въ сущности онъ былъ хозяиномъ Пустыни, мы же всѣ его слугами... Впрочемъ и стоило служить такому господину, потому что онъ своими улыбками и щебетаньемъ щедро вознаграждалъ насъ за заботы. Мальчикъ любилъ играть прелестными локонами Леночки, меня теребилъ за усы, а съ тетки срывалъ чепецъ, при чемъ весело смѣялся.

. . . .

Много датъ изъ моей жизни я забылъ, но одна изъ нихъ никогда не изгладится изъ памяти... Голова моя уже посѣдѣла, въ глазахъ исчезъ блескъ, а эта дата всегда, всегда мнѣ будетъ памятна...

23 декабря 188...

— Двадцать третье!.. Да, да... это было наканунѣ сочельника... за день до столь радостныхъ обыкновенно и веселыхъ праздниковъ...

23 декабря...

Еле начало свѣтать, какъ уже Варфоломей постучалъ въ мое окно. Я торопливо одѣлся, открылъ дверь и впустилъ старика въ прихожую...

— Ну что тамъ?—спросилъ я.

— Завтра канунъ праздника,—отвѣтилъ онъ, — а потому слѣдовало бы наловить рыбы.

— Хорошо.

— Такъ вотъ, если бы вы, баринъ, велѣли Симеону дать нѣсколько батраковъ съ топорами и санями подъ сѣти, тогда мы поѣхали-бы на озеро. Хотя ледъ крѣпокъ и снѣгу на немъ на цѣлый аршинъ, однако можно прорубить и опустить невода.

— Такъ идите къ Симеону, позовите батраковъ и сдѣлайте проруби, а около полудня я пріѣду къ вамъ.

— Ладно, только пріѣзжайте сейчасъ послѣ полудня, потому что евреи пріѣдутъ покупать рыбу.

— Пріѣду.

Старикъ все еще стоялъ.

— Вы еще что-нибудь хотите сказать?—спросилъ я его.

— Да видите-ли, завтра канунъ праздника, такъ, согласно охотничьему обычаю, слѣдовало-бы попытать счастья въ лѣсу.

— Еще будетъ время, соберемся, а теперь идите къ Симеону... или лучше я самъ пойду.

Одѣвъ мѣховой архалукъ, я вышелъ на дворъ.

Хотя уже разсвѣло, но на небѣ еще виднѣлись блѣдныя звѣзды. Былъ сильный морозъ и подъ ногами скрипѣлъ снѣгъ.

Вскорѣ мнѣ повстрѣчался Симеонъ.

— У насъ будетъ хорошій день для ловли рыбы,—замѣтилъ я ему,— хотя морозъ, но погода обѣщаетъ быть хорошей.

Симеонъ взглянулъ на небо.

— Вы такъ полагаете, судя по звѣздамъ?—спросилъ онъ.—Конечно, небо ясно, какъ лѣтомъ.

— Оно, баринъ, бываетъ обманчиво, по моему день можетъ быть будетъ хорошъ, но вечеромъ навѣрно наступитъ перемѣна.

Я не обратилъ вниманія на эти слова, такъ какъ, могла-ли меня особенно интересовать погода?! Такая она, или иная, вѣдь все равно

въ старомъ домѣ въ Пустынѣ всегда тепло и весело. Около полудня я велѣлъ запречь коня въ сани и уже собирался сѣсть, какъ вдругъ ко мнѣ подбѣжала Леночка, въ шубкѣ, въ мѣховой шапочкѣ, словомъ, вполнѣ готовая въ путь.

— Возьми меня съ собою,—сказала она,—Ясь останется съ теткой.

Мнѣ не было повода отказать ей и мы сѣли въ маленькія сани, а мальчику, который собирался со мной ѣхать, я велѣлъ остаться дома. По великолѣпной дорогѣ лошади бѣжали крупной рысью, погода стояла прелестная, небо было ясно, безоблачно, дорога искрилась отъ снѣговыхъ кристалловъ. Вѣтеръ разрумянилъ личико моей жены, а ея волосы, выбивавшіяся изъ-подъ шапочки, рѣсницы и брови покрылись мелкимъ, бѣлымъ инеемъ. Леночка прекрасно выглядѣла, всю дорогу щебетала, смѣялась надъ моими побѣлѣвшими отъ мороза усами и говорила, что мнѣ сѣдина будетъ къ лицу. Мы подъѣхали къ озеру какъ разъ въ ту минуту, когда рыболовы вытаскивали сѣти. Уловъ былъ громадный, моя дорогая хозяюшка отъ радости даже хлопала ручками. Рыболовы закинули сѣти вторично и результатъ оказался еще лучше. Евреи взвѣшивали рыбу и укладывали ее въ сани. Внезапно небо стало хмуриться, морозъ немного уменьшился, пошелъ снѣгъ, сыпалъ мелкій, потомъ все крупнѣе. Вѣтеръ время отъ времени усиливался.

— Надо возвращаться домой,—сказалъ Симеонъ батракамъ,—собирайте сѣти живѣе, а вы, господа,—добавилъ онъ, обращаясь къ намъ,—поѣзжайте сейчасъ. Уже скоро стемнѣетъ и снѣгъ можетъ закрыть дорогу.

Я смѣялся надъ предостереженіями добраго крестьянина, потому что дорога была мнѣ отлично знакома, столько разъ я прошелъ ее пѣшкомъ, да наконецъ и разстояніе то было незначительно, всего четыре или пять верстъ. Мы тронулись. Становилось все темнѣе, такъ что вскорѣ дорогу можно было видѣть только благодаря снѣгу, да и снѣгъ былъ какой-то странный, казалось, будто онъ не лежитъ на землѣ, но подымается вверхъ и наполняетъ собою все пространство. Я не могъ ѣхать быстро, такъ какъ сильный вѣтеръ кидалъ снѣгъ прямо въ глаза, такъ что невозможно было смотрѣть прямо. Лошадь шла осторожно, то и дѣло наклоняла голову къ землѣ, нюхала и храпѣла. Мнѣ казалось, что я своротилъ влѣво, и потому оттянувъ возжи, направилъ лошадь на дорогу...

Леночка нервно вздрогнула.

— Что съ тобой?—спросилъ я.

— Ничего... немного холодно,—отвѣтила она,—но ты не бойся, вѣдь черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ дома, а тамъ стаканъ чаю согрѣетъ меня. Нынче былъ прелестный день, не правда-ли, Леонардъ?

Я не могъ отвѣтить, такъ какъ внезапно лошадь рванулась въ сторону, и сани скатились въ какую-то яму.

Мы упали въ глубокій снѣгъ... Леночка смѣялась надъ этимъ приключеніемъ, но мной овладѣла странная тревога. Я поднялъ сани и сталъ осматриваться, какъ будто можно было увидѣть что-нибудь въ темнотѣ во время снѣжной вьюги...

Однако, мнѣ удалось замѣтить какія-то деревья, и меня охватилъ еще большій испугъ. По краямъ дороги, ведущей домой, нѣтъ деревьевъ: слѣдовательно мы заблудились и находимся неизвѣстно гдѣ... Я пытался искать дорогу, повертывалъ лошадь то направо, то налѣво, но спустя полчаса мы опять очутились возлѣ тѣхъ же роковыхъ деревьевъ.

— Почему мы такъ долго ѣдемъ?—спросила Леночка—торопись, потому что тамъ дома Ясь плачетъ.

— Какимъ образомъ ты можешь знать, что онъ плачетъ?

— Я всегда знаю!—отвѣтила она.

Я утѣшалъ ее, что уже не далеко, опять искалъ дорогу и опять послѣ продолжительнаго блужданія очутился передъ тѣми же самыми деревьями. Леночка все сильнѣе дрожала и мнѣ казалось, что она плачетъ. Я уже не могъ долѣе скрывать положенія, такъ какъ Леночка сама знала, что мы блуждаемъ, что насъ захватила вьюга. Я положился на инстинктъ лошади и свободно пустилъ возжи. Лошадь пошла и снова то же самое... снова тѣ же проклятыя деревья! Какая же сила гонитъ меня въ этотъ заколдованный кругъ?! какіе злые духи хотятъ погубить насъ?! Ужъ не тѣ-ли таинственные страшные призраки, о которыхъ мнѣ лѣтнею ночью разсказывалъ въ лѣсу крестьянинъ... Мной овладѣлъ страхъ. Лошадь остановилась.

Я вышелъ изъ саней безсильный, дрожа отъ страха за свое сокровище, за свое счастье... Если бы можно было по крайней мѣрѣ развести костеръ, согрѣть ее...

Я выкинулъ изъ саней немного соломы и зажегъ ее спичкой. Солома вспыхнула яркимъ пламенемъ. Я думалъ, что при этомъ свѣтѣ разсмотрю мѣстность, узнаю, гдѣ мы... но куда тамъ!

Предъ моими глазами кружились лишь снѣжинки. Солома сгорѣла въ одну минуту, и опять настала темнота... Меня охватывало отчаяніе, и я сталъ кощунствовать...

— Неужели нѣтъ Бога,—воскликнулъ я, ломая руки,—неужели Онъ насъ оставилъ?!

— Тише, не говори такъ, не грѣши,—замѣтила Леночка, а спустя минуту, схвативъ меня за руку, радостно крикнула: — Слушай, Леонардъ, слушай... къ намъ идутъ на помощь.

Дѣйствительно, откуда то довольно отчетливо донеслись отголоски охотничьяго рога.

— Насъ ищутъ, ищутъ! Это Варфоломей... Онъ насъ найдетъ... Будемъ кричать изо всѣхъ силъ, авось услышатъ!..

Я вспомнилъ, что у меня въ саняхъ ружье и выстрѣлилъ на воздухъ. На выстрѣлъ еще громче отвѣтилъ звукъ рога... Немного спустя въ отдаленіи замигали красные огоньки... Это Симеонъ и батраки изъ Пустыни искали насъ, освѣщая себѣ дорогу факелами. Я еще разъ выстрѣлилъ и зажегъ остатокъ выкинутой изъ саней соломы... Вскорѣ пришли люди и вывели насъ на дорогу.

. . . .

. . . .

Печальны были праздники, очень печальны. Я познакомился съ докторомъ Калинскимъ, съ тѣмъ чудакомъ, о которомъ мнѣ столько разсказывалъ Іойна; онъ пріѣхалъ тотчасъ, по полученіи отъ меня извѣстія. Я ввелъ его въ комнату, въ которой лежала моя возлюбленная, больная... Докторъ очень недолго пробылъ у насъ, прописалъ лѣкарство, сказалъ, что надо дѣлать и уѣхалъ къ другимъ больнымъ, но вечеромъ сверхъ всякаго ожиданія опять пріѣхалъ, на нанятыхъ лошадяхъ, привезъ съ собой еще какія-то лѣкарства и всю ночь сидѣлъ вмѣстѣ со мной возлѣ Леночки. Онъ навѣрно предвидѣлъ, что его присутствіе понадобится... что, быть можетъ, послѣдуетъ ухудшеніе...

Утромъ Калинскій вернулся домой и снова пріѣхалъ къ намъ и вообще бывалъ ежедневно два по три раза — вплоть до девятаго дня...

Передавать-ли мнѣ эту борьбу жизни со смертью, сумѣю-ли описать мое отчаяніе, страданіе доброй тетки и грусть, царившую во всемъ домѣ? Нѣтъ не сумѣю... не могу...

Моя дорогая, безцѣнная Леночка испустила духъ, быть можетъ, даже не зная, что умираетъ. Она находилась въ безсознательномъ состояніи, не поцѣловала ребенка, не

простилась со мной, и я не услышалъ ея голоса...

Когда Леночка навсегда закрыла свои прелестные глаза, я припалъ устами къ ея холодѣющей рукѣ, а потомъ ужъ не знаю, что было. Впослѣдствіи Калинскій разсказывалъ мнѣ, что я рвалъ на себѣ одежду, бился головой о стѣну, что даже не плакалъ, а вылъ...

Затѣмъ я, какъ безумный, побѣжалъ въ лѣсъ, съ обнаженной головой, въ разорванномъ платьи, такъ что всѣ думали, будто я съ ума сошелъ. Калинскій и Симеонъ силой привели меня домой... Что было потомъ—не знаю, я потерялъ сознаніе и три недѣли пролежалъ въ горячкѣ.

Я не видѣлъ... не былъ свидѣтелемъ, какъ мою возлюбленную вынесли изъ дому, какъ ее навѣки положили въ подземельи часовни, рядомъ съ тѣмъ большимъ гробомъ, который ждетъ меня. Я не слышалъ ни погребальнаго звона колоколовъ, ни стоновъ тетки, ничего.

Когда спустя нѣкоторое время я понемногу сталъ приходить въ сознаніе, когда усыпленныя или вѣрнѣе замершія мысли проснулись и память уже могла возсоздавать минувшіе образы, то мнѣ казалось, будто я проснулся отъ продолжительнаго сна, что нахожусь въ моей прежней квартирѣ въ Варшавѣ, что мое наслѣдство, Пустыня, гробъ дѣдовъ, Симеонъ, старый Іойна, Леночка и Ясь были только сонными видѣніями, неуловимыми образами мечты. Такъ мнѣ казалось... Но вотъ въ комнату вошли тетка и Калинскій... Ахъ, значитъ не сонъ, а дѣйствительность... Значитъ, на самомъ дѣлѣ было счастье... было и миновало, какъ сонъ, оставивъ послѣ себя печаль и трауръ... Мной овладѣла апатія, я не хотѣлъ отвѣчать теткѣ на ея вопросы и съ отвращеніемъ отодвинулъ кушанье, которое она принесла. Тогда Калинскій, мой врачъ и другъ, принесъ мнѣ маленькаго Яся. Я прижалъ къ своей груди сироту, расплакался и пожелалъ жить для ребенка...

. . . .

. . . .

Это навѣрно послѣднія страницы моего дневника... Такъ какъ о чемъ же болѣе мнѣ писать!.. Жизнь течетъ тихо, какъ ручей по лугу, одинаково, безъ перемѣнъ. Весной и лѣтомъ сельскія работы, зимней же порой лѣсъ, чтеніе и думы о минувшемъ счастьи, а постоянно зимой и лѣтомъ, днемъ и ночью мысль о немъ, о моемъ Ясѣ...

Иногда пріѣзжаетъ Калинскій и развлекаетъ меня, такъ какъ я теперь совершенно одинокъ. Уже нѣтъ доброй тетки Варвары, она почила подъ часовней, рядомъ съ Леночкой. Нѣтъ Варфоломея: однажды весной онъ по обыкновенію отправился странствовать и болѣе уже не вернулся. Должно быть, бѣдняга умеръ гдѣ-нибудь въ дорогѣ.

И стараго Іойны также нѣтъ,—онъ тоже умеръ. Изъ всѣхъ прежнихъ домашнихъ Пустыни остался одинъ только Симеонъ. Сгорбленный, съ совершенно побѣлѣвшими волосами, онъ жалуется, что у него болятъ всѣ кости, но тѣмъ не менѣе старичина завѣдуетъ хозяйствомъ по прежнему.

Янъ, уже красивый юноша, кончилъ гимназію и въ настоящее время за границей изучаетъ агрономію. Онъ рѣдко пріѣзжаетъ домой, но лишь только появится въ Пустынѣ, какъ мнѣ тотчасъ становится лучше и какъ-то веселѣе.

О, Леночка, отчего тебя здѣсь нѣтъ!

. . . .

. . . .

Янъ, сынъ мой, дитя мое! Вскорѣ съ запасомъ юношескихъ силъ и знанія ты придешь въ этотъ тихій уголокъ и станешь работать на

этихъ сѣрыхъ грядахъ, по которымъ нѣкогда ходили твои прадѣды. Не сомнѣваюсь, что ты найдешь хорошую подругу жизни... Дай Богъ тебѣ такую, какой была твоя мать. Будь счастливъ!

Мой конецъ приближается, силы исчезаютъ—пора... пора! Когда навсегда закрою глаза, ты, сынъ мой, вложишь мой прахъ въ большой дубовый гробъ, который столько лѣтъ ждетъ меня, и похоронишь подъ часовней, рядомъ съ Леночкой. Такова моя послѣдняя воля. Доставшееся мнѣ послѣ Гоздавовъ наслѣдство отдаю тебѣ въ цѣлости, за исключеніемъ того гроба, что такъ долго ждалъ своего жильца. Гробъ этотъ беру для себя. Я оставляю тебѣ даже болѣе значительное состояніе, чѣмъ получилъ. Возьми все это, сынъ мой, и трудись. Полюби эту сѣрую землю, и съ умѣньемъ и стараніемъ заботься о ней. Не раздѣляй ее, не выпускай изъ рукъ, а когда придетъ конецъ и для тебя, ты въ цѣлости отдашь ее дѣтямъ твоимъ, вмѣстѣ съ той любовью, которую привьешь въ ихъ сердцахъ.

О почему тебя нѣтъ со мной, моя Леночка? Вѣдь ты то же самое сказала-бы Яну...

К. Юноша.

(КОНЕЦЪ).

Ахъ, этотъ шумъ, эта стукотня, эти крики на улицѣ, какъ разъ противъ моего окна, гонятъ изъ головы всякую мысль, не даютъ ни минуты покоя, отрываютъ отъ работы! И некуда мнѣ дѣться, некуда спрятаться отъ этого неумолчнаго шума! Съ утра и до вечера не прекращается онъ, а когда, утомленный дневнымъ зноемъ, я лягу спать,—я отчетливо слышу его даже во снѣ. И такъ уже цѣлый мѣсяцъ, подумайте только! Съ той поры, когда противъ моихъ оконъ начали возводить это злосчастное каменное зданіе, я не написалъ ни одной строчки: шумъ и стукотня все время раздавались у меня въ ушахъ.

Не имѣя возможности самъ чѣмъ нибудь заниматься, я каждый день сажусь у окна и смотрю на работу другихъ. Картина этого движенія, бѣготни, работы десятковъ людей, снующихъ среди этой тѣсноты, словно куча муравьевъ, успокоиваетъ мои нервы. Я успокоиваюсь, наблюдая, какъ мало-по-малу, подъ руками этой массы трудящагося люда, растетъ громадное каменное зданіе, какъ поднимаются вверхъ его стѣны, какъ шипитъ и курится известь, которую гасятъ въ большихъ досчатыхъ кадушкахъ, а потомъ спускаютъ въ ямы; какъ каменщики обтесываютъ и ставятъ на надлежащее мѣсто кирпичи, какъ женщины и дѣвушки носятъ цементъ въ ведрахъ, черезъ ушки которыхъ продѣты палки; какъ помощники, согнувшись въ дугу, на деревянныхъ носилкахъ, лежащихъ будто ярмо, на ихъ плечахъ, вокругъ шеи, тащатъ кирпичи вверхъ по лѣсамъ. Вся тяжелая ежедневная работа этихъ людей проходитъ передо мною, будто туча, и слыша ихъ крики, шутки и разговоры, я забываю о себѣ самомъ, будто тону въ какомъ-то безбрежномъ, непроницаемомъ туманѣ, и быстро, неуловимо проносятся часъ за часомъ, день за днемъ.

Только эти „підмайстри“ *) со своимъ крикомъ, руганью, угрозами и самоуправствомъ по отношенію къ рабочимъ разсѣиваютъ этотъ непроницаемый туманъ, напоминая о живой, тяжелой дѣйствительности.—Ихъ только двое, но кажется что они рѣшительно вездѣ; всѣ рабочіе моментально умолкаютъ и

*) Подрядчики, надсмотрщики.

склоняются надъ своей работой, едва покажется кто-нибудь изъ нихъ. Ни чѣмъ не угодишь, все для нихъ плохо, вѣчно у нихъ на готовѣ какое-нибудь ругательство, какое-нибудь крѣпкое словцо. А пусть только кто-нибудь осмѣлится возражать, оправдываться или заступаться за товарища,—лицо „пана підмайстра" тотчасъ наливается кровью, губы брызжутъ пѣной, и горе тогда виноватому! Хорошо еще, если ему позволятъ молча переносить все это и не прогонятъ сію же минуту съ работы!.. Вѣдь, они здѣсь полные господа, ихъ власть надъ рабочими не ограничена, а прогнавъ одного, они сейчасъ же найдутъ четырехъ другихъ, которые еще сами будутъ напрашиваться! Только выбирай да удерживай изъ платы, сколько пожелаешь,—ничего не скажутъ рабочіе; а если кому вздумается пожаловаться инженеру,—пусть убирается вонъ, пусть дохнетъ съ голоду, если не умѣетъ быть покорнымъ!

Однажды, когда я, по обыкновенію, сидя у окна, смотрѣлъ на работу, у передней стѣны поднялся вдругъ какой-то крикъ. Причину его я видѣть не могъ, слышалъ, только, какъ „підмайстеръ" подскочилъ къ одному изъ рабочихъ, высокому, угрюмому, среднихъ лѣтъ каменщику, и принялся ругать его послѣдними словами. Каменщикъ молчалъ, только наклонился и продолжалъ свою работу. Но это упорное молчаніе только сильнѣе взбѣсило „підмастра",

— Мерзавецъ, сейчасъ же убирайся отсюда вонъ, босякъ, арестантъ!—кричалъ, брызгая пѣной „підмайстеръ", все ближе подступая къ рабочему.

Я видѣлъ, какъ угрюмое, склоненное надъ кирпичами лицо каменщика все болѣе краснѣло, будто наливалось жаромъ.

Онъ сжалъ зубы и молчалъ.

— Сто разъ я тебѣ долженъ говорить, мерзавецъ, разбойникъ, а? Маршъ отсюда! Вонъ сію минуту, не то велю выкинуть!

Рабочій, видимо, боролся съ собою; лицо его посинѣло.

Наконецъ, не вставая даже, онъ поднялъ немного голову и медленно, съ невыразимымъ презрѣніемъ въ каждомъ словѣ, процѣдилъ сквозь зубы:

— Мужикъ всегда останется мужикомъ а, хамъ—хамомъ: Не дай Господи изъ мужика пана!

„Підмайстеръ" на минуту будто окаменѣлъ. Видно было, что слова каменщика задѣли его за самое больное мѣсто: онъ былъ изъ крестьянъ и теперь, сдѣлавшись „паномъ підмайстромъ", стыдился своего происхожденія. Послѣ минутнаго столбняка, онъ съ бѣшенствомъ закричалъ:

— Такъ? Такъ ты со мной? Постой-же, я тебѣ покажу

Я тебя проучу! Вонъ!

Рабочій не двигался съ мѣста, продолжая свое занятіе.

— Проваливай, разбойникъ! Отправляйся ко всѣмъ чертямъ, а то велю позвать городового!

Но рабочій упорно продолжалъ свое дѣло. Тогда „підмайстеръ" подскочилъ къ нему, вырвалъ изъ рукъ лопатку и швырнулъ ее на улицу. Раздраженный каменщикъ заскрежеталъ зубами и поднялся.

— Хамъ,—крикнулъ онъ,—какого чорта ты привязался ко мнѣ? Что тебѣ нужно отъ меня?

— А! Ты грозить?!— заревѣлъ „підмайстеръ"— Караулъ! Разбойникъ!

На этотъ крикъ прибѣжалъ другой „підмайстеръ", и они общими силами бросились на каменщика. Тотъ не сопротивлялся. Кулаки посыпались на его спину. Сопровождаемый тумаками, онѣмѣвъ отъ гнѣва и отчаянія, онъ сошелъ со стѣнки и взвалилъ на плечи свой мѣшокъ съ инструментами.

Другіе рабочіе, видѣвшіе все случившееся, работали молча, нагнувшись надъ кирпичами и сжавъ

губы. Никто изъ нихъ не издалъ ни звука.

— „Масти хлопа лоэм, а він вте смердить гноэм“! *)—крикнулъ уходя, каменщикъ уже на улицѣ. На его лицѣ еще разъ мелькнула дѣланная усмѣшка, но при свѣтѣ солнца видно было, что въ глазахъ у него стоятъ слезы.

— Пошелъ вонъ, негодяй!—крикнулъ „підмайстеръ“ уже со стѣны и погрозилъ кулакомъ.

На другой день я всталъ рано и взглянулъ въ окно. На улицѣ было еще тихо. Рабочіе только начинали сходиться на работу. Я не мало удивился, увидѣвъ между ними прогнаннаго вчера рабочаго.

Заинтересовавшись, я сталъ смотрѣть, ожидая, чѣмъ все это кончится, когда явится „підмайстеръ“. Рабочіе мало разговаривали другъ съ другомъ, а къ прогнанному никто и не подходилъ,—онъ стоялъ въ сторонѣ, около забора. Но вотъ пришелъ и „підмайстеръ“, пыхтя, будто кузнечный мѣхъ. Онъ быстро обвелъ глазами рабочихъ, его загорѣвшійся злобою взглядъ остановился на прогнанномъ вчера каменщикѣ.

— А ты, негодяй, опять здѣсь? Кому ты здѣсь нуженъ? а?

— Пане підмайстеръ — рабочій ступилъ къ нему два шага,—среди общей тишины было слышно, какъ дрожалъ его сдавленный голосъ,— пане підмайстеръ, имѣйте сострадание! Что я вамъ сдѣлалъ? За что вы лишаете меня куска хлѣба? Вы же знаете, что работы теперь нигдѣ не найти, а дома...

— Проваливай, арестантская морда!—гаркнулъ „підмайстеръ“, которому сегодня была же не по вкусу покорность, какъ вчера упорное, угрюмое молчаніе.

Каменщикъ свѣсилъ голову, взялъ подъ мышку свой мѣшокъ и пошелъ.

---

*) Мажь мужика саломъ, а онъ все воняетъ навозомъ.

Цѣлую недѣлю послѣ этого, каждое утро я видѣлъ эту сцену на улицѣ. Прогнанный каменщикъ очевидно нигдѣ не могъ найти работы и ежедневно являлся просить „підмайстера“ принять его. Но „підмайстеръ“ былъ твердъ, какъ камень. Никакія мольбы его не трогали, и чѣмъ сильнѣе гнулся и унижался передъ нимъ каменщикъ, чѣмъ глубже вваливались его потускнѣвшіе глаза, тѣмъ наглѣе держалъ себя „підмайстеръ“, тѣмъ болѣе отвратительными ругательствами осыпалъ онъ бѣднаго рабочаго. А этотъ несчастный послѣ каждаго отказа только стискивалъ зубы и поспѣшно уходилъ прочь, не оглядываясь, будто боясь страшнаго искушенія, которое такъ и подмывало его на что-то злое, нехорошее.

Это было въ субботу вечеромъ. Внезапный дождь захватилъ меня на улицѣ, и я принужденъ былъ спрятаться въ ближайшемъ шинкѣ. Въ шинкѣ не было никого; грязная, сѣрая комната слабо освѣщалась одною лампою, тоскливо раскачивавшеюся подъ потолкомъ, а за прилавкомъ дремала старая толстая еврейка. Осмотрѣвшись по сторонамъ, я,—о чудо!—увидѣлъ за однимъ столомъ знакомаго каменщика рядомъ со своимъ отъявленнымъ врагомъ — „підмайстромъ“. Передъ каждымъ стоялъ стаканъ пива.

— Ну, пошли вамъ, Господи, кумъ!—сказалъ каменщикъ, чокаясь своимъ стаканомъ съ „підмайстромъ“.

— Дай, Боже, и вамъ!—отвѣтилъ тотъ тономъ, немного привѣтливѣе, чѣмъ на улицѣ за работой.

Меня заинтересовала эта странная дружба. Я приказалъ подать себѣ стаканъ пива и сѣлъ подальше, въ другомъ концѣ комнаты, въ углу за столомъ.

— А, вѣдь, правда, кумъ,—началъ каменщикъ, видимо съ большимъ усиліемъ стараясь говорить непринужденнымъ тономъ,—вѣдь не хорошо, что ты такъ на меня напалъ,

ей Богу нехорошо! За это кумъ, Богъ гнѣвается!

Говоря это, онъ застучалъ по столу стаканомъ и приказалъ подать еще два стакана пива.

— Ты же знаешь, кумъ, что у меня дома какая нужда! Незачѣмъ тебѣ объ этомъ и говорить. Жена больна, заработать не можетъ, а тутъ еще я, благодаря тебѣ, цѣлую недѣлю безъ дѣла! Да еслибъ еще я одинъ былъ,—какъ нибудь бы перенесъ. А то вѣдь жена больна, да и ребята — едва ползаютъ, хлѣба просятъ... Сердце разрывается, кумъ, ей Богу! Вѣдь все-жъ таки я имъ отецъ!

„Підмайстеръ" слушалъ все это, опустивъ голову и покачивая ею, будто дремалъ. А когда еврейка принесла пиво, онъ первый взялъ стаканъ, чокнулся и сказалъ:

— За здоровье твоей жены!

— Дай Боже и тебѣ всего лучшаго!—отвѣтилъ каменщикъ и отпилъ немного изъ своего стакана. По его лицу видно было, какъ неохотно прикасались его губы къ напитку. Ахъ, можетъ быть, на него ушелъ послѣдній грошъ изъ занятаго четыре дня тому назадъ гульдена, который долженъ былъ прокормить всю его несчастную семью до лучшихъ дней, такъ какъ другой, Богъ знаетъ, удастся ли достать! А онъ на послѣдній грошъ угощаетъ своего врага, чтобы хоть такимъ способомъ задобрить его!.

— Ну, скажи, дорогой кумъ, по совѣсти, что я тебѣ сдѣлалъ? Что въ злобѣ сказалъ дурное слово? Да вѣдь и ты же чего только не наговорилъ мнѣ! Видитъ Богъ, кумъ, нехорошо обижать такъ бѣднаго человѣка!

Кумъ, выпивъ пиво, опять опустилъ голову и покачивалъ ею, будто дремалъ.

— Такъ уже, — несмѣло началъ каменщикъ, — пожалуйста въ понедѣльникъ... того... самъ видишь, куда бѣдному человѣку дѣваться? Неужели же погибать подъ заборомъ съ женой и съ дѣтьми?

— А что, не возьмешь-ли еще стаканъ этого пойла?—перебилъ его „підмайстеръ".

— Разумѣется, разумѣется! Эй, еще стаканъ пива!

Еврейка принесла пиво; „підмайстеръ" выпилъ и вытеръ губы.

— Ну, такъ какъ же?—съ тревогой въ голосѣ спросилъ рабочій, стараясь взять „підмайстра" за руку и смотря ему въ глаза.

— А такъ же! — отвѣтилъ тотъ холодно, вставая и собираясь уходить.—Спасибо тебѣ за пиво, а на работу въ понедѣльникъ приходить тебѣ незачѣмъ, я уже нанялъ другого. — Кромѣ того,—эти слова онъ произнесъ уже у самыхъ дверей, — я такихъ разбойниковъ, такихъ проходимцевъ не держу!

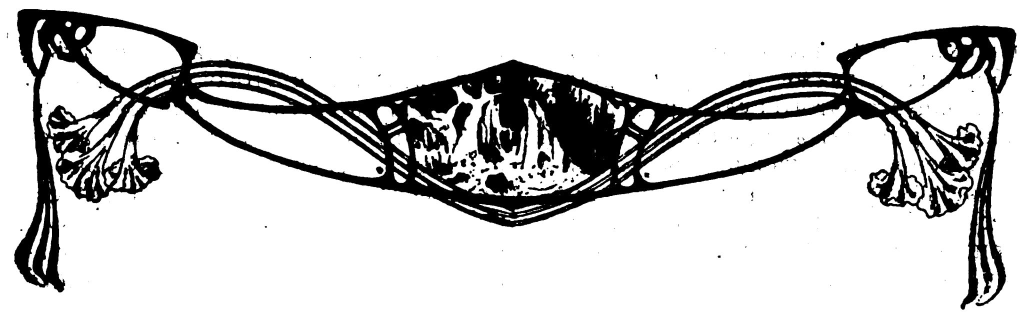
И „підмайстеръ" однимъ прыжкомъ выскочилъ на улицу, захлопнувъ за собою двери шинка.

Бѣдный каменщикъ стоялъ, какъ пораженный громомъ.

Долго стоялъ такъ не двигаясь, не зная, что думать. Потомъ очнулся. Какая-то дикая мысль блеснула у него въ головѣ. Онъ одной рукой дернулъ за столъ, за которымъ сидѣлъ, и сразу обломалъ у него ножку, потомъ замахнулся ею по прилавку. Трескъ, дребезжаніе, звонъ разбитой посуды, гамъ сбѣжавшихся людей, крикъ городового,—все слилось въ дикій, оглушительный концертъ. Черезъ минуту несчастный рабочій очутился передъ ревѣвшей и визжавшей отъ гнѣва толпы евреевъ, которые съ криками передали „бѣшенаго разбойника" въ руки городового. Грозный стражъ общественнаго спокойствія схватилъ его за плечи и пихнулъ впередъ. Рядомъ съ городовымъ поплелась перепуганная на смерть шинкарка, оставивъ за стойкой вмѣсто себя другую еврейку, а около нихъ, съ визгомъ и воемъ, цѣлая толпа евреевъ и всякаго уличнаго сброда, повалила къ участку.

Дм. Донцовъ.

Къ вопросу о реформѣ крестьянскаго суда.

Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь въ ближайшую сессію государственнаго совѣта—это безспорно вопросъ о волостномъ судѣ.

Судъ этотъ играетъ въ жизни крестьянъ громадную роль и притомъ роль, какъ уже хорошо извѣстно, довольно неблаговидную. Хотя появившіяся въ печати свѣдѣнія о трудахъ комитетовъ по вопросамъ сельскаго хозяйства и мѣстныхъ совѣщаній по разсмотрѣнію крестьянскихъ законопроектовъ не отличаются достаточною полнотою, однако, и по этимъ свѣдѣніямъ можно видѣть, что комитеты и совѣщанія высказали большое разнообразіе мнѣній, начиная отъ расширенія компетенціи волостного суда, до желательности его полнаго упраздненія. Рекомендуя подчиненіе крестьянъ общему правопорядку, комитеты и совѣщанія полагаютъ, что въ общихъ судебныхъ установленіяхъ крестьяне скорѣе научатся отличать право отъ безправія, нежели это возможно для нихъ при практикѣ волостного суда. Такимъ же разнообразіемъ мнѣній о волостномъ судѣ отличаются и засѣданія комитета министровъ, на разсмотрѣніе котораго этотъ вопросъ былъ внесенъ весною текущаго года.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ настоящее время въ крестьянской жизни единственнымъ судомъ является волостной судъ и дѣла между крестьянами въ окружныхъ судахъ чрезвычайно рѣдки.

Почти всѣ крестьянскія дѣла рѣшаются волостнымъ судомъ по той простой причинѣ, что согласно временныхъ правилъ объ этомъ судѣ, по закону 12 Іюля 1889 года, волостному суду подсудны всѣ споры и тяжбы между крестьянами цѣною до 300 руб., а по дѣламъ о наслѣдованіи, о раздѣлахъ крестьянскаго имущества подсудны безъ ограниченія суммы всѣ дѣла, если наслѣдственное имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, и только по дѣламъ, когда наслѣдственное имущество, хотя и не входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, но находится въ предѣлахъ волости или во владѣніи крестьянскаго двора, подсудность ихъ волостному суду ограничена суммою стоимости имущества въ размѣрѣ 500 рублей. А такъ какъ такихъ крестьянскихъ имуществъ, которыя не входили бы въ составъ крестьянскаго надѣла или владѣнія въ предѣлахъ волости, почти не бываетъ, то всѣ крестьянскія гражданскія дѣла и рѣшаются въ большинствѣ случаевъ волостнымъ судомъ. (П. п. 2 и 4 ст. 15 врем. прав. о вол. судѣ по закону 15 іюля 1889 г.).

Другая, не менѣе важная, причина, почему крестьяне обращаются съ своими дѣлами въ волостной судъ, это безспорно полное освобожденіе тяжущихся въ волостномъ судѣ отъ

какихъ бы то ни было пошлинъ и сборовъ, а также и территоріальная близость этого суда, представляющая громадныя удобства въ томъ отношеніи, что тяжущійся меньше теряетъ времени на веденіе процесса, чѣмъ того потребовалось бы при веденіи дѣла, напр., въ судѣ окружномъ, отстоящемъ отъ мѣста жительства сторонъ часто даже болѣе чѣмъ за сто верстъ и веденіе процесса въ которомъ требуетъ повѣреннаго и крупныхъ судебныхъ издержекъ. Благодаря этому волостные суды буквально завалены дѣлами.

Эти дѣла почти цѣликомъ, кромѣ исключенныхъ пун. 2 ст. 31 врем. прав. о вол. судѣ, переходятъ въ уѣздный съѣздъ; изъ уѣзднаго съѣзда почти въ такомъ же процентѣ переходятъ въ губернское присутствіе, и если бы послѣднее въ печатныхъ объявленіяхъ своихъ, вручаемыхъ сторонамъ объ оставленіи кассаціонныхъ жалобъ „безъ послѣдствій“, не присовокупляло бы, что опредѣленія губернскаго присутствія „окончательны“ и „жалобы на нихъ никуда не принимаются“, то навѣрное можно сказать, что и изъ губернскаго присутствія добрая половина дѣлъ переходила бы въ сенатъ, если бы туда позволено было жаловаться.

Заваленность всѣхъ высшихъ инстанцій волостного суда крестьянскими дѣлами огромная, и причина этой заваленности кроется въ томъ неправосудіи, которое проявляетъ при разборѣ дѣлъ первая инстанція, т. е. волостной судъ, исправить которую не въ состояніи ни земскій начальникъ въ порядкѣ надзора за дѣйствіями волостныхъ судовъ, ни уѣздный съѣздъ, ни, тѣмъ менѣе, губернское присутствіе.

Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что теперешній волостной судъ рѣшительно никуда не годенъ, и оставлять его въ какомъ бы то ни было видѣ никоимъ образомъ невозможно. Повальная некультурность судей и писарей, и полнѣйшая вслѣдствіе этого доступность ихъ для подкупа и спаиванья отдаетъ этотъ судъ въ полное распоряженіе деревенскихъ кулаковъ—богатѣевъ по ихъ весьма часто совершенно неосновательнымъ искамъ къ бѣднѣйшимъ крестьянамъ. Насколько въ отношеніи волостного суда оправдывается народная пословица „не подмажешь — не поѣдешь“, можно судить по тому, что въ тяжбѣ даже между бѣднѣйшими крестьянами дѣла рѣшаются за водку или взятку. Жаловаться въ уѣздный съѣздъ почти безполезно, хотя всѣ жалуются. Дѣло въ томъ, что уѣздные съѣзды сами не вызываютъ свидѣтелей, а ихъ долженъ представить туда самъ тяжущійся. Понятно, что никто мало-мальски занятый изъ крестьянъ не броситъ добровольно нѣсколько дней на то, чтобы ѣхать безъ оффиціальнаго вызова въ съѣздъ и дать тамъ хотя бы даже самое правдивое показаніе. Благодаря этому, въ деревняхъ образовалась особая профессія — лжесвидѣтельство. Лжесвидѣтели, состоящіе обыкновенно изъ деревенскихъ пропойцъ и пройдохъ, за водку и извѣстную плату, являются свидѣтелями по всѣмъ крестьянскимъ тяжбамъ и въ волостномъ судѣ, и въ уѣздномъ съѣздѣ и свидѣтельствуютъ, конечно, въ пользу того, кто лучше угощаетъ и оплачиваетъ. Хотя и бываютъ случаи, впрочемъ, довольно рѣдкіе, передачи уѣзднымъ съѣздомъ дѣлъ изъ одного волостного суда въ другой для новаго разсмотрѣнія и допроса свидѣтелей, но отъ этого мало толку, ибо результаты бываютъ почти всегда одинаковы, какъ одинаково вообще неправосудіе во всѣхъ нашихъ волостныхъ судахъ. Если ко всему этому прибавить еще цѣлую армію всевозможныхъ подпольныхъ и надпольныхъ адвокатовъ, присосавшихся къ крестьянскимъ тяжбамъ, которые, опираясь на тѣхъ же лжесвидѣтелей, подстрекаютъ тем-

ный крестьянскій людъ на сутяжничество, выманивая у него послѣдніе гроши, то картина нынѣ дѣйствующаго крестьянскаго судоустройства и вліянія его на нравственное воспитаніе крестьянскихъ массъ будетъ совершенно полная.

Но вотъ вопросъ: можно ли желать замѣны для крестьянъ волостного суда судомъ окружнымъ и подчиненія ихъ общимъ гражданскимъ и уголовнымъ законамъ, игнорируя дѣйствующее въ крестьянскомъ судѣ обычное право?

Съ точки зрѣнія единства судебнаго правопорядка среди народа, конечно, было бы желательно имѣть одинъ судъ и одни законы для всѣхъ. Однако, присматриваясь къ дѣламъ крестьянъ, рѣшаемымъ безъ суда при посредствѣ крестьянскихъ обществъ, вслушиваясь въ объясненія тяжущихся въ волостныхъ судахъ и уѣздныхъ съѣздахъ, невольно приходится признать, что огромный процентъ возникающихъ дѣлъ основывается не на общихъ, дѣйствующихъ у насъ законахъ, а на томъ или иномъ существующемъ въ данномъ сельскомъ обществѣ обычномъ правѣ. Обращаясь къ исторіи этого права, нужно замѣтить, что начала его теряются въ глубинѣ вѣковъ, ибо изъ сказаній лѣтописцевъ о жизни и бытовомъ устройствѣ древнихъ славянъ намъ извѣстно, что они жили общинами, и рѣшали дѣла „сообща", согласно существовавшимъ у нихъ „обычаямъ".

Отсюда, полагаемъ, неизбѣжно нужно заключить, что сущность этихъ обычаевъ есть ни что иное, какъ выраженіе сложившейся вѣками, твердо укоренившейся въ народномъ сознаніи, безпредѣльной и безконечной народной мудрости и правды, въ соприкосновеніи съ которой и до сихъ поръ разрѣшаются и освѣщаются всякія возникающія между крестьянами недоразумѣнія. Кромѣ X тома, который всегда былъ плохимъ закономъ и теперь окончательно признанъ никуда не годнымъ, мы ничего не можемъ предложить крестьянскому населенію взамѣнъ дѣйствующаго у него обычнаго права, слѣдовательно, вопросъ о подчиненіи крестьянъ дѣйствующимъ у насъ общимъ законамъ, основаннымъ не на правдѣ народной, а на чуждомъ духу сельскаго населенія отвлеченномъ правѣ, падаетъ самъ собою, ибо отвѣтъ на него совершенно ясенъ.

Отвергая увлеченіе какими бы то ни было доктринами въ дѣлѣ столь огромной важности, какъ пересмотръ крестьянскаго законодательства вообще и въ частности — крестьянскаго судоустройства, нельзя оставить безъ вниманія тѣ доводы, которые приводятся у насъ противниками обычнаго права, желающими вколотить въ народную жизнь чуждыя ей начала общихъ, основанныхъ на отвлеченномъ правѣ законовъ. Такъ, напр., въ качествѣ главныхъ аргументовъ своихъ они полагаютъ, во 1-хъ, что „господство обычаевъ въ судѣ не совмѣстимо со сколько нибудь развитою жизнью въ обществѣ" и, во 2, что „оставленіе крестьянскому суду права руководствоваться мѣстными обычаями усугубляетъ соціальное неравенство крестьянъ и закрѣпляетъ сословность".

Оставляя безъ всякаго возраженія послѣдній аргументъ, какъ совершенно несостоятельный, ибо соціальное неравенство и сословность никоимъ образомъ не должны, да и не могутъ имѣть ровно никакого вліянія на отправленіе истиннаго правосудія, отвѣтимъ только на первый изъ нихъ. Если господство обычаевъ въ судѣ не совмѣстимо съ сколько нибудь развитою жизнью въ обществѣ (что до нѣкоторой степени справедливо), то, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, во-первыхъ, что не общество должно существовать для законовъ и подчиняться имъ, а законы, самимъ обществомъ для себя вырабо-

танные, должны существовать для общества, регулируя его внутреннюю жизнь, какъ сила, сдерживающая и покоряющая, и во-вторыхъ — что главнымъ правиламъ всякаго маломальски развитого общества должно быть признание человѣческой правды, какъ того идеала, къ которому общество должно стремиться.

Это признаніе, по необходимости, сопровождается вѣрою въ святость, обязательность и силу правды одинаково для всѣхъ членовъ общества, и у нашего крестьянина такимъ выраженіемъ его крестьянской правды во всѣхъ возникающихъ между ними дѣлахъ и является то обычное право, упраздненія котораго такъ усердно добиваются его противники. Судъ между крестьянами, въ силу обычнаго права, въ понятіи крестьянъ, есть ничто иное, какъ исканіе правды, которую сами спорящіе не могутъ уяснить себѣ вслѣдствіе или взаимнаго недовѣрія, или личныхъ выгодъ, тогда какъ всякій споръ въ судѣ, рѣшающемъ дѣла на основаніи дѣйствующихъ у насъ общихъ, построенныхъ на отвлеченномъ правѣ законовъ, есть ни что иное, какъ исканіе права, сплошь и рядомъ идущаго въ разрѣзъ съ той святой и завѣтной правдой, начала которой народъ такъ ревниво охраняетъ въ своихъ обычаяхъ, не смотря ни на какіе соблазны. Упраздненіе обычнаго права въ крестьянскомъ судѣ, помимо воли и желанія самаго крестьянства, и подчиненіе его общимъ законамъ явилось бы высшей несправедливостью по отношенію къ многомилліонной массѣ народа, узурпаціей искони принадлежащихъ ему правъ, неоднократно подтвержденныхъ правительствомъ, до сихъ поръ предоставлявшимъ крестьянскимъ судамъ рѣшать дѣла исключительно „по совѣсти“, „на основаніи существующихъ обычаевъ“. (Вол. судъ по закону 19 февраля 1861 г. и ст. 25 врем. прав. о вол. судѣ по закону 12 іюля 1889 г.).

Народъ въ массѣ своей слишкомъ серьезенъ и глубокъ, чтобы ради призраковъ незрѣлой мысли оторваться отъ своей почвы и пожертвовать своей исторіей и ея завѣтами. И, съ этой точки зрѣнія, весьма знаменательнымъ является тотъ текстъ редакціонной комиссіи д. с. с. Стишинскаго, гдѣ буквально сказано слѣдующее: „Измѣнять сложившіеся вѣками, твердо укоренившіеся въ народномъ сознаніи и по днесь соблюдаемые значительнымъ большинствомъ сельскаго населенія Имперіи способы перехода имущества по наслѣдованіи, въ цѣляхъ достиженія внѣшняго единства въ относящихся до этого предмета узаконеніяхъ, было бы мѣрою едва-ли цѣлесообразною, а по практическимъ ея результатамъ даже мѣрою совершенно напрасною. Народъ не подчинится дѣйствію постановленій, противорѣчащихъ усвоенному имъ пониманію справедливости въ дѣлѣ наслѣдованія и сумѣетъ обойти букву закона всею силою своею убѣжденія въ правильности существующихъ у него по этой части взглядовъ и обычаевъ“.

Съ своей стороны замѣтимъ, что редакціонная комиссія, признавая дѣйствіе въ крестьянской средѣ обычнаго права по отношенію перехода имуществъ по наслѣдованію, совершенно упускаетъ изъ виду дѣйствіе обычаевъ и въ отношеніи владѣнія общинною землею. Такъ, напр., владѣніе общинною землею отдѣльными членами общества по обычаю регулируется въ крестьянской средѣ количествомъ наличныхъ работниковъ въ семьѣ, степенью участія семьи въ отбываніи общественныхъ повинностей и работъ, а также и государственной воинской повинности.

Очевидно, что ни волостной судъ, доказавшій свою полную непригодность, ни окружный судъ, разсматривающій и рѣшающій дѣла на основаніи законовъ, имѣющихъ мало общаго съ обычнымъ крестьянскимъ правомъ, не могутъ отвѣчать тѣмъ

требованіямъ, которыя предъявляетъ для своего отправленія крестьянское правосудіе. Каковъ же долженъ быть новый крестьянскій судъ и какова должна быть его организація, чтобы онъ вполнѣ отвѣчалъ этимъ требованіямъ?

Новый судъ прежде всего долженъ быть для крестьянъ судъ близкій, дешевый, — однимъ словомъ, свой, крестьянскій судъ, дѣйствующій при рѣшеніи дѣлъ на тѣхъ же началахъ, на какихъ вмѣнено дѣйствовать теперешнему волостному суду, т. е. дѣла долженъ рѣшать по совѣсти, на основаніи существующихъ обычаевъ. Что касается организаціи новаго крестьянскаго суда, то она представляется намъ совершенно излишнею. Такая организація всегда существовала, существуетъ и впредь будетъ существовать у крестьянъ независимо отъ всѣхъ прочихъ навязываемыхъ имъ законныхъ крестьянскихъ и общихъ судовъ, въ лицѣ самихъ крестьянскихъ обществъ, и до сихъ поръ очень часто рѣшающихъ на сельскихъ сходахъ, или громадахъ, возникающія между отдѣльными членами общества недоразумѣнія. Надо только признать со стороны правительства за крестьянскими обществами право рѣшенія возникающихъ въ обществахъ дѣлъ и ввести такія формы и обряды судоустройства въ эти исконные народные суды, которые наиболѣе соотвѣтствовали бы настоящему положенію дѣлъ въ деревнѣ, сильно измѣнившемуся съ отмѣною крѣпостного права и подъ вліяніемъ введенныхъ положеніемъ 1861 года въ деревенскую жизнь чуждыхъ духу крестьянскаго населенія учрежденій. Самая главная ошибка составителей Положенія о крестьянахъ 1861 года заключалась въ томъ, что вводя въ жизнь волостные крестьянскіе суды, долженствовавшіе замѣнить собою существовавшій при крѣпостномъ правѣ судъ барскій, они просмотрѣли наличіе въ то время у крестьянъ своего собственнаго общиннаго суда, или громады, рѣшавшаго, кромѣ общественныхъ дѣлъ, и всѣ дѣла, возникавшія между отдѣльными членами общества. Съ учрежденіемъ волостныхъ судовъ, крестьянскій общинный судъ, хотя и не признанный формально, продолжалъ существовать и существуетъ до сихъ поръ во всѣхъ крестьянскихъ обществахъ, конечно, лишь для тѣхъ крестьянъ, которые въ своихъ спорахъ обращаются къ его рѣшенію, минуя законный волостной судъ, и очень часто рѣшаетъ довольно сложныя крестьянскія тяжбы.

Насколько крестьяне съ уваженіемъ относятся къ своему общинному суду, можно видѣть изъ того, что многіе изъ нихъ, ведя годами тяжбы въ волостныхъ или окружныхъ судахъ, не добившись правды и истощивъ всѣ свои средства на судебныя издержки, наемъ адвокатовъ, подкупъ лжесвидѣтелей и т. п., въ концѣ концовъ бросаютъ неоконченными въ этихъ судахъ заведенныя тяжбы и обращаются къ своему обществу съ просьбой разрѣшить ихъ „грѣхъ" „по совѣсти" и всегда получаютъ полное удовлетвореніе и примиреніе. Преимущества крестьянскихъ общинныхъ судовъ предъ какими бы то ни было прочими судами неисчислимы. Не говоря уже о совершенномъ, разъ и навсегда, устраненіи безконечной волокиты, не искоренимой никакими мѣрами въ нынѣ дѣйствующихъ волостныхъ или окружныхъ судахъ, общинные суды, рѣшающіе дѣла, возникающія между отдѣльными равноправными своими членами, совершенно упраздняютъ также и лжесвидѣтельство, подкупъ и спаиваніе судей и свидѣтелей. Здѣсь каждый членъ общества отлично знаетъ, какъ самого себя, не только всѣхъ своихъ однообщественниковъ, но и ихъ семейное и хозяйственное положеніе, знаетъ каждую пядь владѣемой каждымъ земли, знаетъ всѣ его личные достоинства и недостатки и ни за что

не повѣритъ никакому лжесвидѣтельству, ибо даже и эти лжесвидѣтели ему хорошо извѣстны. Радѣтели крестьянскаго блага убѣждены, что народъ по своему невѣжеству убиваетъ конокрадовъ, калѣчитъ скотъ, разрушаетъ плетни и ограды, поджигаетъ хлѣбъ и строенія деревенскихъ кулаковъ — богатѣевъ, съ дубиной въ рукахъ защищаетъ межу своего владѣнія отъ захвата ея сосѣдомъ—и ищетъ спасенія въ отмѣнѣ обычнаго права. Но правы ли они, что все это отъ невѣжества? Стоитъ только глубже всмотрѣться въ крестьянскую жизнь и проникнуться ея міросозерцаніемъ, какъ неизбѣжно приходится признать, что всѣ эти убійства, поджоги и разрушенія есть ни что иное, какъ реальный и тяжкій протестъ противъ того невыносимаго положенія, въ которое поставлено крестьянство вслѣдствіе отсутствія у него дѣйствительнаго правосудія, порождающаго экономическое неравенство, общественную рознь, вражду, приниженность и безправіе его членовъ, гдѣ обиженный не находитъ себѣ суда „по божески", „по совѣсти" и того истинно христіанскаго чувства удовлетворенія и примиренія съ обидчикомъ, которое вполнѣ свойственно нашему крестьянству по складу его христіанскаго міровоззрѣнія и условіямъ его многовѣковой общинной жизни. Ошибка составителей Положенія о крестьянахъ 1861 года, введшихъ въ жизнь волостные и общіе суды, взамѣнъ общинныхъ крестьянскихъ судовъ, внесла полную дезорганизацію въ общинную жизнь, давъ возможность свить себѣ прочное гнѣздо въ деревняхъ кулачеству, ростовщичеству, конокрадству и прочимъ хищническимъ наклонностямъ отдѣльныхъ злонамѣренныхъ лицъ, и общества при нынѣшнемъ устройствѣ судебной части не властны остановить поступательное движеніе разъѣдающихъ деревню элементовъ, мѣры же, предпринимаемыя для искорененія ихъ правительствомъ, являются палліативами и не достигаютъ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, деревенскій кулакъ—богатѣй, путемъ подкупа и спаиванія судей и писаря и при помощи всѣмъ извѣстныхъ лжесвидѣтелей, на глазахъ у цѣлаго общества совершенно незаконно отнимающій по суду у своего однообщественника послѣднюю полоску земли или усадьбы,—правъ и ободренный успѣхомъ совершаетъ рядъ такихъ же захватовъ; тотъ же деревенскій кулакъ—ростовщикъ, на глазахъ у цѣлаго общества опутываетъ своего однообщественника 36—60% на занятую сумму, необходимую для уплаты повинностей, или прокормленія семьи,—жаловаться не куда; воръ-рецидивистъ, извѣстный всѣмъ и каждому не только въ своемъ селѣ, но и въ цѣлой волости, попавшійся съ поличнымъ при совершеніи кражи, съ помощью тѣхъ же лжесвидѣтелей, или же своихъ, также всѣмъ хорошо извѣстныхъ товарищей по ремеслу, выходитъ по суду совершенно оправданнымъ и, нисколько не стѣсняясь, продолжаетъ свое ремесло, держа въ страхѣ все окрестное населеніе, вынужденное изъ опасности быть раззореннымъ оказывать вору почетъ и уваженіе, а нерѣдко даже и укрывательство въ преступленіи отъ преслѣдованія полиціей.

При общинномъ судѣ, повторяемъ, нѣтъ мѣста ни лжесвидѣтельству, ни подкупу, ни спаиваньямъ. Лжесвидѣтели извѣстны, всего міра не подкупишь и не напоишь и, если при рѣшеніи дѣла и могутъ оказаться пристрастные судьи съ одной стороны, то таковые неизбѣжно явятся и съ другой, что само собою уравновѣшивается и на исходъ правосудія вліять не можетъ, такъ какъ остается совершенно безпристрастная среда, которая и рѣшитъ дѣло по совѣсти.

Можно сказать съ полною увѣренностью, что при признаніи за общинными судами права рѣшать

крестьянскія тяжбы, 90% возникающихъ дѣлъ будутъ окончены примиреніемъ, ибо каждый не правый въ дѣлѣ поспѣшитъ закончить его миромъ и не допуститъ спора до общественнаго суда, который все равно признаетъ его виновнымъ и присудитъ вознаградить потерпѣвшаго. Ни въ волостномъ, ни въ окружномъ, ни въ какихъ другихъ судахъ, могущихъ быть организованными и введенными въ жизнь по всѣмъ правиламъ законовъ юридической науки и отвлеченнаго права, ни коимъ образомъ не можетъ быть достигнуто такого правильнаго рѣшенія возникающихъ дѣлъ, какъ въ общинномъ крестьянскомъ судѣ. Въ общинномъ судѣ съ его равноправнымъ положеніемъ какъ судей, такъ и тяжущихся, гдѣ сегодня судья, рѣшающій дѣла своихъ сосѣдей, завтра же можетъ явится предъ тѣми же сосѣдями—судьями въ роли тяжущагося, достиженіе правильнаго, нелицепріятнаго рѣшенія дѣлъ можно считать вполнѣ обезпеченнымъ, ибо каждый участвующій въ рѣшеніи дѣлъ, прежде чѣмъ подать свой рѣшающій голосъ въ пользу той или другой стороны, неизбѣжно мысленно поставитъ себя на мѣсто тяжущагося, коему объявлено несправедливое рѣшеніе суда по дѣлу, вполнѣ правому, и войдетъ въ оцѣнку тѣхъ послѣдствій, какія можетъ повлечь за собою какъ для всего общества, такъ и для него лично, какъ члена общества, освобожденіе отъ наказанія уличеннаго въ проступкѣ или преступленіе однообщественника, не подающаго никакихъ надеждъ на исправленіе. Равноправность положенія судей и тяжущихся создаетъ такимъ образомъ нравственную страховку возникающихъ въ общественныхъ крестьянскихъ судахъ дѣлъ отъ неправильнаго ихъ рѣшенія, ибо въ правильности рѣшенія дѣлъ являются заинтересованными рѣшительно всѣ члены общества, которое неизбѣжно должно считаться съ послѣдствіями постановленныхъ имъ судебныхъ рѣшеній. Ничего подобнагонѣтъ и не можетъ быть ни въ волостныхъ судахъ, ни въ судахъ окружныхъ, организація которыхъ такова, что судья является здѣсь по отношенію тяжущагося начальствомъ, отъ котораго зависитъ такъ или иначе, умышленно или неумышленно исковеркать заведенное тяжущимся даже самое казалось бы правильное дѣло, при полнѣйшей безъотвѣтственности за свои дѣйствія и абсолютной незаинтересованности въ правильности поставляемыхъ рѣшеній. И въ выборныхъ, и въ казенныхъ судахъ, для судьи главнымъ образомъ необходимо строгое соблюденіе формъ и обрядовъ судопроизводства, а что касается правильности рѣшеній, то это вопросъ второстепенный, ибо каждый недовольный рѣшеніемъ можетъ перенести дѣло въ высшую инстанцію.

Такъ было и есть и въ волостныхъ, и окружныхъ судахъ, и въ дѣятельности уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ, городскихъ судей и земскихъ начальниковъ, не исключая и упраздненнаго выборнаго поуѣзднаго мирового института. Дѣятельность всѣхъ нашихъ выборныхъ и правительственныхъ судебныхъ учрежденій и лицъ и служебная годность ихъ для отправленія столь серьезнаго въ жизни государства дѣла, какъ правосудіе, какъ извѣстно, у насъ всегда оцѣнивалась количествомъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ, умѣньемъ на бумагѣ правильно соблюсти всѣ формы установленнаго обряда и судопроизводства, но отнюдь не количествомъ правильно рѣшенныхъ дѣлъ. За правильное рѣшеніе дѣлъ судъ или судья не отвѣчаетъ, и потому для него совершенно безразлично, рѣшитъ-ли онъ изъ 100 разсмотрѣнныхъ имъ дѣлъ правильно 90 или только 10. Тоже самое наблюдается и въ постановкѣ у насъ слѣдственной части. Дѣятельность судебнаго слѣдователя у насъ также опредѣляется ко-

личествомъ произведенныхъ слѣдствій, но не ихъ качествомъ. И немудрено поэтому, что изъ 100 произведенныхъ слѣдствій на любой слѣдственный участокъ едва 15—20% поступаютъ въ судъ съ обвинительными актами, а остальные 80—85% возникшихъ слѣдственныхъ производствъ направляются въ тотъ же судъ для прекращенія „по недоказанности обвиненія или чаще всего „за необнаруженіемъ виновныхъ". Такимъ образомъ, несомнѣнно, что огромный % преступленій и проступковъ у насъ является совершенно ненаказуемымъ. Между тѣмъ ясно, что разъ преступленія совершены, должны быть и виновные въ совершеніи преступленій и, если эти виновные „не обнаружены" при производствѣ предварительнаго слѣдствія, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ они отлично извѣстны на мѣстѣ совершенія преступленія въ деревнѣ, гдѣ для нихъ создается такимъ путемъ особое привиллегированное положеніе и гдѣ въ дальнѣйшихъ своихъ преступленіяхъ они находятъ для себя со стороны мѣстнаго населенія укрывательство отъ преслѣдованій полиціи и судебной власти, изъ страха быть разоренными тѣми же преступниками по отбытіи наложеннаго судомъ наказанія или въ случаѣ признанія судомъ недоказанности обвиненія. Можно-ли при такихъ условіяхъ серьезно говорить о подчиненіи крестьянъ общему существующему у насъ судебному правопорядку?!.

Никакія преобразованія дѣйствующаго нынѣ у насъ судопроизводства, въ видахъ „охраненія равенства предъ судомъ лицъ всѣхъ состояній" бѣдѣ помочь не могутъ и устранить крестьянское безсудіе можетъ единственно только вполнѣ равноправный и свободный, признанный закономъ, исконный крестьянскій общинный судъ. Призваніе къ жизни этого суда имѣло бы для крестьянства и огромное воспитательное значеніе. Являясь неисчислимымъ благомъ для сельскаго населенія, общественные суды несомнѣнно дали бы толчокъ къ укрѣпленію и расцвѣту исконныхъ началъ народной жизни — завѣтной христіанской любви, правды народной, свободы совѣсти и уваженія къ личности и обществу, гдѣ всѣ для блага общества и общество для блага всѣхъ, т. е. тѣхъ началъ, которыя русскій народъ несомнѣнно хранитъ еще подъ несокрушимой сѣрой громадой терпѣнія въ цѣломудренной неприкосновенности, перенеся съ удивительной настойчивостью всѣ историческіе громы и испытанія.

Каковы же должны быть компетенція и формы крестьянскаго общиннаго суда? Такъ какъ отвѣты на эти вопросы не могутъ быть втиснуты въ рамки обыкновенной журнальной статьи, то, высказывая ихъ вкратцѣ, полагаемъ, что компетенція общиннаго суда должна быть самая обширная. Общинные суды вѣдаютъ дѣла между крестьянами своихъ обществъ безъ ограниченія суммы иска въ гражданскомъ процессѣ и по всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ въ процессѣ уголовномъ; при чемъ для наказаній за преступленія и проступки должно быть составлено особое уголовное уложеніе общинныхъ судовъ, выработанное самими сельскими общинами и санкціонированное государственной властью, съ тѣмъ, однако, что уложеніе это во всякое время можетъ быть въ цѣломъ или въ частяхъ вновь пересмотрѣно общиною или, по требованію большинства его членовъ, или по предложенію предсѣдателя суда. Жалобы письменныя и словесныя подаются мѣстному сельскому старостѣ, который выдаетъ заявившему жалобу росписку и одновременно доноситъ о возникновеніи дѣла предсѣдателю общиннаго суда, избираемому общиною по своему усмотрѣнію изъ своей среды или изъ лицъ другихъ сословій, пользующихся довѣріемъ

и уваженіемъ общества. Одновременно съ полученіемъ жалобъ сельскій староста производитъ разслѣдованіе съ выборными отъ общества присяжными понятыми, съ правомъ производства обыска и задержанія обвиняемыхъ въ преступленіи лицъ, о чемъ составляется актъ, который съ пріобщенной къ нему жалобой немедленно передается предсѣдателю суда. Въ случаяхъ сложныхъ и неясныхъ, предсѣдатель суда имѣетъ право назначить экспертизу изъ свѣдующихъ людей или спеціалистовъ или потребовать освидѣтельствованія потерпѣвшаго чрезъ врача, привлечь къ выясненію дѣла полицію или передать дѣло для производства слѣдствія судебному слѣдователю, который по окончаніи слѣдствія возвращаетъ дѣло общинному суду. Общинный судъ приступаетъ къ разбору дѣлъ въ полномъ составѣ сельскаго схода, или при наличіи не менѣе двухъ-третей домохозяевъ, послѣ принесенной спеціально установленной присяги, въ присутствіи предсѣдателя общиннаго суда и выборныхъ отъ общества крестьянъ членовъ суда въ числѣ не менѣе трехъ.

Рѣшеніе о правотѣ или виновности, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ процессахъ достигается послѣ объясненія тяжущихся, допроса свидѣтелей и понятыхъ, а также и разсмотрѣнія другихъ представленныхъ къ дѣлу доказательствъ, разрѣшеніемъ посредствомъ закрытой подачи голосовъ, или баллотировки предложенныхъ общинному суду предсѣдателемъ суда вопросовъ, выработанныхъ имъ по выяснившимся обстоятельствамъ дѣла, по соглашенію съ выборными членами суда, и, основываясь на полученныхъ отвѣтахъ объявляетъ рѣшеніе тяжущимся, составленное также сообща съ выборными членами суда, которые избираются изъ среды крестьянъ на каждый день открытою подачею голосовъ. Рѣшенія общинныхъ судовъ должны быть окончательными и подлежатъ обжалованію лишь въ кассаціонномъ порядкѣ, т. е. въ случаѣ нарушенія общинными судами формъ и обрядовъ судопроизводства, предъ волостными судами, состоящими изъ предсѣдателей общинныхъ судей. Рѣшенія общинныхъ судовъ приводятся въ исполненіе сельскимъ старостою или судебнымъ приставомъ, по назначенію предсѣдателя суда по дѣламъ гражданскимъ, а по дѣламъ уголовнымъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе подсудимому назначено выше ареста—полиціею, также по распоряженію предсѣдателя суда. Двери общиннаго суда должны быть открыты и для всѣхъ прочихъ сословій, которыя пожелали бы внести туда на разрѣшеніе свой споръ, какъ это допущено теперь и въ волостномъ судѣ.

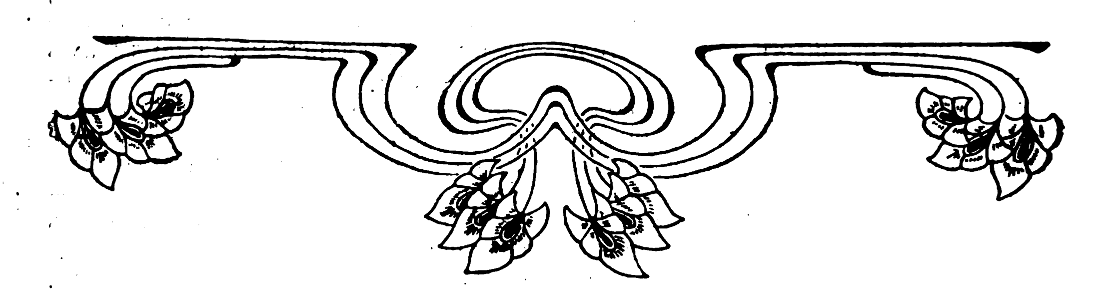
Понятно, само собою, что при устройствѣ общинныхъ крестьянскихъ судовъ совершенно отпадаютъ такіе институты какъ, напр., институтъ земскихъ начальниковъ и присяжныхъ засѣдателей, разумѣется, только для дѣлъ крестьянскихъ.

Вотъ въ краткихъ словахъ тѣ формы, которыя, не претендуя на ихъ исключительность, по нашему мнѣнію, были бы желательны для общинныхъ крестьянскихъ судовъ, если таковымъ суждено быть вновь призванными къ жизни.

Оставаясь въ полномъ убѣжденіи, что никакой иной судъ, кромѣ суда общиннаго, не можетъ дать истиннаго правосудія нашему крестьянскому населенію и избавить нашу деревню отъ разъѣдающихъ ее язвъ, и что правительство, давшее крестьянамъ помимо этого суда другой судъ, обречетъ на совершенную безполезность свои труды, мы высказываемъ пожеланія, во-первыхъ, чтобы поднятый нами вопросъ о призваніи къ жизни общиннаго крестьянскаго суда подвергся болѣе тщательному обсужденію въ обществѣ и печати и, во-вторыхъ,—чтобы государственный совѣтъ, разсмо-

трѣвъ вопросъ о крестьянскомъ судѣ, разрѣшилъ его не съ точки зрѣнія пріобщенія крестьянъ къ общему судебному правообороту, а съ точки зрѣнія возстановленія исконнаго права крестьянскаго населенія имѣть свой собственный, свободный и равноправный общественный судъ, основанный на свободно созданныхъ имъ же самимъ, собственныхъ общественныхъ законахъ — обычаяхъ, т. е. того права, котораго крестьяне безъ всякаго достаточнаго къ тому повода и основанія такъ легкомысленно были лишены при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости.

П. Н. Самойловъ.

На ночлегѣ.

Тихо по небу плывутъ облака,
Будто льняныя волокна;
Мѣсяцъ оттуда, туманный слегка,
Смотритъ въ обмёрзшія окна.
Дѣдъ на палатяхъ бормочетъ, кряхтя;
Старому, видно, не спится.
Грезитъ, смѣясь, въ колыбели дитя;
Что ему грезится, снится?
Слышенъ вдали колокольчика звонъ,
Пѣсня вдали замираетъ.
Свѣтлый, отрадный усталому, сонъ
Мнѣ лишь очей не смыкаетъ.

* * *

Мыслью свободной я—въ краѣ иномъ,
Тамъ, гдѣ добрѣе природа—
Къ людямъ и зимнимъ не скована сномъ,
Тяжкимъ, какъ злая невзгода;

Гдѣ къ человѣческой личности есть
Больше, чѣмъ здѣсь. уваженья,
Не забываютъ гражданскую честь,
Славятъ народу служенье,
Цѣнятъ при жизни достойныхъ людей,
Трудъ и великій, и малый,
Идутъ подъ знаменемъ смѣлыхъ вождей
Ратью—не кучкой отсталой...

* * *

Сонно и глухо... О, Русь! что-же ты
Силъ своихъ юныхъ побѣги
Прячешь отъ свѣта? Лелѣю мечты
Я о тебѣ на ночлегѣ,
Думаю всё-то о счастьѣ твоемъ;
Чудится: будто-бъ далече,
Не колокольчика звонъ, слышенъ—днемъ—
Гулъ голосовъ, какъ на вѣчѣ.
Благовѣстъ радостно, мирно зоветъ
Къ новой невѣдомой жизни...
Хочется вѣрить: дождешься, народъ,
Этого дня ты въ отчизнѣ!

Николай Пановъ*.

Поправки, относящіяся къ стихотвореніямъ Николая Панова, помѣщеннымъ въ Іюньской кн.

Стран. 329—330. Стихотв. *„Въ Бурю и Затишье"*. Въ 1-мъ стихѣ 2 строфѣ

Напечатано: Трепетная вѣра, горькія сомнѣнья,

Надо: Трепетная вѣра, тяжкія сомнѣнья.

Стран. 399—400. *„Честному другу"* Въ 5 стихѣ снизу,

Напечатано: Въ неволѣ; но ты счастливъ, что свой идеалъ

Надо: Всё въ неволѣ, но счастливъ, что свой идеалъ.

Въ заключительномъ стихѣ:

Можешь дѣтямъ потомъ дать священный обѣтъ.

Надо:

Можешь дѣтямъ потомъ дать священный завѣтъ.

Новыя данныя объ экономическомъ положеніи еврейскаго рабочаго пролетаріата въ Россіи.

„Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи“, изданіе Евр. Колонизаціон. Общества, Спб. 1904, т. I и II.

„Единственнымъ условіемъ, дающимъ возможность рабочему не продавать свой трудъ, какъ трудъ чисто рабскій, является въ настоящее время право передвиженія, еврейскіе же рабочіе фактически сильно ограничены въ этомъ правѣ, или вовсе лишены его. и если не желаютъ умереть съ голода или идти попрошайничать, они должны согласиться на всякія условія“ (II, 206).

Такъ говоритъ одинъ изъ редакторовъ вышеуказаннаго „Сборника“, подводя конечные итоги своему изслѣдованію о положеніи евреевъ въ сферѣ фабрично-заводской промышленности. И надо признать, что въ этихъ словахъ нѣтъ никакого преувеличенія: трудъ еврейскаго рабочаго—пролетарія въ Россіи дѣйствительно представляется трудомъ „рабскимъ“ какъ по характеру общихъ условій, такъ и по скудости вознагражденія. Въ этомъ убѣждаютъ и статистичессія данныя, которыя приводятся въ упомянутомъ „Сборникѣ“ Евр. Колониз. Общества.

Остановимся хотя на тѣхъ данныхъ, которыми характеризуется положеніе и трудъ евреевъ—*чернорабочихъ.*

Общее количество такихъ чернорабочихъ въ 15 губерніяхъ черты осѣдлости и 10 губерніяхъ Царства Польскаго опредѣляется въ 105 тысячъ человѣкъ, или 2% всего еврейскаго населенія этихъ губерній (I, 394). Наиболѣе многочисленную группу въ этой категоріи пролетаріата (33% общаго числа евреевъ-чернорабочихъ) представляютъ носильщики съ грузчиками и поденщиками; ихъ насчитано свыше 32½ тысячъ человѣкъ (I, 396). Абсолютно и относительно преобладаютъ они въ Южномъ краѣ, благодаря близости моря и обилію торговыхъ портовъ, предъявляющихъ спросъ на трудъ поденщиковъ—носильщиковъ (9465 челов.). Однако положеніе этихъ рабочихъ крайне неудовлетворительно. Одесскихъ евреевъ-чернорабочихъ, работающихъ въ качествѣ *носильщиковъ* и *грузчиковъ* въ порту, по внѣшнему виду трудно отличить отъ рабочихъ другихъ націй: такіе они огрубѣлые, возмужалые“. Но большинство зарегистрованныхъ въ Одессѣ (въ 1900 году) нуждающихся въ помощи евреевъ-чернорабочихъ составляли именно портовые грузчики: они находятся постоянно подъ дамокловымъ мечомъ страха потерять единственную

работу, то отъ сокращенія экспорта (вслѣдствіе неурожаевъ или кризисовъ), то отъ введенія механическихъ приспособленій для перегрузки товаровъ. Насколько необезпечены эти рабочіе, видно и изъ того, что напр., у тачечниковъ главное орудіе труда ихъ (тачка) не составляетъ ихъ собственность: они вынуждены уплачивать за нее особому предпринимателю ежедневно 10, 15 коп. въ то время, какъ сами едва зарабатываютъ 30—50 коп. въ день (I, 404). Не лучше положеніе евреевъ-возчиковъ въ Ковнѣ, перевозящихъ на 2-колесныхъ телѣжкахъ различныя тяжести на Нѣманской пристани: на каждую такую телѣжку грузится иногда 15—20 пуд., и эту тяжесть, которая считается обычной для плохой лошади, двигаетъ силою мускуловъ „чахлый еврей со впалой грудью, узкими плечами и воспаленными отъ вѣтра и пыли глазами“. Своего рода аристократію среди рабочихъ этого типа составляютъ такъ называемые *вашевники* въ Вильнѣ,—рабочіе, занимающіеся спеціально выгрузкой бревенъ изъ рѣки Виліи на берегъ и складкой ихъ при помощи лошади: заработокъ ихъ колеблется между 80 коп. и 1 руб. 20 коп. въ день. Но и ихъ промыселъ чрезвычайно труденъ: приходится работать съ ранней весны до поздней осени по колѣно въ водѣ, и работать съ извѣстной ловкостью и сноровкой (I, 405). Вообще должно замѣтить, что поденный трудъ *носильщика* является тѣмъ послѣднимъ выходомъ, къ которому прибѣгаютъ беднѣйшіе евреи, не знающіе ремесла, не имѣющіе ни гроша за душой, и не могущіе начать торговлю, и при томъ не настолько юркіе, чтобы заняться факторствомъ. Замѣтимъ еще, что и въ заработкѣ носильщиковъ замѣчаются очень сильныя колебанія (отъ 60 коп. до 1 руб. 50 коп.) повсемѣстно (I, 409).

Второе мѣсто, по численности, занимаютъ среди евреевъ-чернорабочихъ *извозчики* (легковыхъ свыше 13 тысячъ человѣкъ, и ломовыхъ свыше 18 тысячъ челов.). Наибольшее число легковыхъ извозчиковъ приходится на Сѣверо-Западный край, гдѣ при обиліи мѣстечекъ очень плохи пути сообщенія, а наибольшее число ломовиковъ приходится на Югъ (особенно Херсонскую губ.), гдѣ благодаря обилію пристаней и портовъ на ломовиковъ предъявляется большой спросъ для доставки грузовъ. Однако, за послѣднее время выгоды этого промысла сильно понизились, такъ что и классъ извозчиковъ причисляется теперь къ беднѣйшимъ слоямъ населенія. Даже и въ большихъ городахъ положеніе ихъ очень незавидно. Напримѣръ, варшавскіе извозчики-евреи либо состоятъ въ услуженіи у содержателей экипажныхъ заведеній, тоже евреевъ, либо имѣютъ собственныхъ лошадей и собственныя коляски. Предприниматели-евреи вообще неохотно даютъ у себя мѣсто кучерамъ изъ единовѣрцевъ, во 1-хъ потому, что они по субботамъ и другимъ еврейскимъ праздникамъ не ѣздятъ и во 2-хъ, потому, что они, какъ горожане, по большей части не умѣютъ обращаться съ лошадями. За то извозчика, которому удалось пристроиться, „свои“ хозяева эксплоатируютъ немилосердно. Хозяева даютъ имъ одежду и пищу, и платятъ отъ 75 коп. до 1 руб. въ недѣлю, или безъ одежды и пищи выдаютъ имъ по 7—8 руб. въ мѣсяцъ, или наконецъ оставляютъ имъ весь доходъ, требуя съ нихъ въ свою пользу лишь 2 руб. 50 коп.—2 руб. 80 коп. ежедневно. Но условія эти во всѣхъ случаяхъ крайне обременительны для извозчиковъ-рабочихъ. Въ Одессѣ насчитано было 148 извозчиковъ, нуждающихся въ общественной помощи. Дѣло въ томъ, что здѣсь легковые извозчики обыкновенно получаютъ по 20 коп. съ каждаго выработаннаго рубля, а остальные передаютъ хозяину дрожекъ, причемъ послѣдній устана-

вливаетъ для себя извѣстный минимумъ заработка. Нерѣдко случается, что, проѣздивъ цѣлый день, извозчикъ выручаетъ только этотъ минимумъ, и тогда ему самому ничего не остается. Въ обязанность извозчиковъ входитъ также уходъ за лошадью, чистка конюшня, пролетки и сбруи. Ломовые извозчики работаютъ почти на такихъ же условіяхъ, но для нихъ обыкновенно минимума заработковъ не устанавливается; они должны уплачивать хозяину 2/3 дневного заработка, а остальную треть берутъ себѣ (I, 408). Вообще же слѣдуетъ сказать, что извозный промыселъ, сравнительно съ другими промыслами, всетаки выгоденъ: минимумъ дневного заработка составляетъ обыкновенно 75 коп., а максимумъ 1 руб. 50 коп., доходя и до 2—2 руб. 50 коп., если извозчикъ является самъ же и хозяиномъ собственникомъ (I, 409).

Изъ другихъ группъ чернорабочаго пролетаріата отмѣтимъ еще *водоносовъ* и *водовозовъ* (около 6 тыс. чел.), положеніе которыхъ, въ Ковенской губерніи, напримѣръ, обрисовывается въ слѣдующемъ видѣ: „Водоносы при каторжной работѣ своей, не прекращающейся даже по субботамъ и праздникамъ, болѣе 50 коп. въ день заработать не въ состояніи, жизнь они обыкновенно кончаютъ въ богадѣльняхъ“ (I, 408).

Бѣднота еврейская не брезгаетъ, конечно, и всякими другими заработками и занятіями: въ лѣсныхъ губерніяхъ встрѣчаются евреи-дровосѣки, пильщики и сплавщики лѣса; въ другихъ мѣстахъ евреи нанимаются на работу мостовщиковъ, землекоповъ, и, наконецъ, по крупнымъ городамъ встрѣчаются евреи-золотари и тряпичники.

Однако же и въ этихъ ремеслахъ очень тяжелыхъ и вредныхъ для здоровья, заработки поражаютъ своей скудостью и непостоянствомъ. Напр., плавщики лѣса зарабатываютъ отъ 70 к. до 1 р. 50 к. въ день, пильщики и дровосѣки—отъ 50 к.—1 р., золотари отъ 80 к.—1 р. 50 к. въ день; наконецъ, мостовщики и землекопы зарабатываютъ отъ 35 к.—70 к., а тряпичники отъ 10 коп. до 30 к. Вмѣстѣ съ тѣмъ большинство чернорабочихъ страдаютъ отъ безработицы и мертвыхъ сезоновъ. Напр., зимою теряютъ работу сплавщики лѣса, мостовщики, землекопы и отчасти грузщики, и лѣтомъ сокращается работа для дровосѣковъ и пильщиковъ, а въ такіе мертвые сезоны чернорабочему-еврею даетъ себя сугубо чувствовать весь ужасъ невольнаго бездѣлья и горькой нужды. (I, 409—410).

Переходимъ теперь къ даннымъ, характеризующимъ положеніе *фабрично-заводскихъ рабочихъ-евреевъ* въ районѣ постояннаго ихъ жительства.

Лѣсные промыслы въ сѣверо-запад. краѣ, обилующемъ лѣсомъ, въ высокой степени развиты и играютъ очень важную роль, занимая въ общемъ значительное число рабочихъ рукъ (свыше 63 т. человѣкъ въ одной Минской губ.). Однако, заработная плата очень мала и кромѣ того сильно колеблется смотря по мѣстности. Напр., въ Минскомъ уѣздѣ рубщики получали отъ 40—70 к. въ день, въ Бобруйскомъ 30 к., хотя мѣстами поденная плата доходила до 1 р. 50 к. Занимающіеся выдѣлкой лѣса въ той же Минской губ. зарабатываютъ отъ 50 к. до 1 р. въ день, а часто имъ платятъ и поштучно отъ 15—20 к. съ дерева. Возчики одноконные получаютъ отъ 50 к.—1 р. въ день, за пароконную подводу плотятъ отъ 1 руб.—2 р. Плата, какъ видимъ, очень недостаточная, но велика должна быть и нужда мѣстнаго населенія, если и такой заработокъ признается большимъ подспорьемъ для мѣстныхъ жителей.

Еврейское населеніе, правда, находитъ мало примѣненія въ лѣсномъ промыслѣ въ качествѣ рабочихъ (самые главные лѣса находятся внѣ черты еврейской осѣдлости); но

очень часто встрѣчаются евреи-возчики изъ жителей окрестныхъ мѣстечекъ. Также и на лѣсопильныхъ заводахъ сѣверо-запад. края встрѣчаются евреи и имъ, на ряду съ рабочими другихъ національностей, приходится работать и существовать при одинаково неблагопріятныхъ условіяхъ. Мѣстные заводы носятъ обыкновенно мелкій характеръ (болѣе крупные заводы встрѣчаются только въ Вильнѣ, Бобруйскѣ и Двинскѣ), а потому неудивительно, что въ техническомъ отношеніи они устроены очень плохо. Хотя работа на лѣсопильныхъ заводахъ и не требуетъ спеціальныхъ познаній отъ рабочихъ и хотя здѣсь нужна скорѣе ловкость и сноровка, однако, быстро вращающіяся пилы и механическая подача бревенъ держатъ вниманіе рабочаго въ постоянномъ напряженіи и страшно утомляютъ. Кромѣ того, контингентъ рабочихъ постоянно мѣняется, и опытные рабочіе составляютъ довольно рѣдкое явленіе; и т. к. на плохо оборудованныхъ заводахъ (а такихъ большинство) приспособленій для огражденія машинъ никакихъ не имѣется, то мѣстные заводы и даютъ большой % несчастныхъ случаевъ съ рабочими. Несчастные случаи происходятъ часто еще и отъ того, что при интенсивной работѣ продолжительность рабочаго дня очень велика (обыкновенно заводы работаютъ безъ перерыва днемъ и ночью и большею частью лишь съ двумя смѣнами). Благодаря положенію заводовъ въ лѣсу, въ дали отъ городовъ, надзоръ фабричной инспекціи сводится почти къ нулю, а длина рабочаго дня фактически ни чѣмъ не регулируется (II. 14).

Живутъ рабочіе заводовъ большею частью въ казармахъ и баракахъ возлѣ завода, пользуются хозяйскими харчами, если нѣтъ по близости деревни или мѣстечка, гдѣ рабочіе могли бы пріобрѣтать себѣ пищу, или должны запасаться на цѣлую недѣлю пищей и питаться въ сухомятку. Обыкновенно хозяйская пища бываетъ очень недостаточная, а потому даже у нетребовательныхъ крестьянъ-рабочихъ, собранныхъ изъ близлежащихъ селъ и деревень, часто выходятъ съ хозяевами столкновенія изъ-за харчей. Заработная плата рабочихъ на лѣсопильныхъ заводахъ крайне низка: отъ 40—60 к. въ день (II, 15). Впрочемъ, % евреевъ-рабочихъ на этихъ заводахъ не великъ (18%), и большею частью заняты они бываютъ при конторахъ или въ качествѣ табельщиковъ и тому подоб. Иногда евреи работаютъ при складываніи досокъ въ штабели. Небольшой % евреевъ-рабочихъ объясняется расположеніемъ многихъ заводовъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, вліяніемъ субботняго отдыха и отчасти отсутствіемъ кошерной пищи, ибо при смѣшанномъ составѣ рабочихъ и хозяйскихъ харчахъ заводчику невыгодно вводить для евреевъ особую кухню.

На гильзовыхъ фабрикахъ южнаго района заработки малы, какъ и при раздачѣ работы на домъ и по штучной платѣ. Въ лучшемъ случаѣ работница можетъ выработать въ день 5 или 6 тысячъ гильзъ, за 1 тысячу гильзъ платятъ отъ 4—6 к., и дневной заработокъ 35 к. считается уже очень хорошимъ (II, 32).

На кирпичныхъ заводахъ, гдѣ работа требуетъ вообще сильнаго физическаго напряженія и крѣпкаго здоровья, заработная плата тоже очень низка, приближаясь къ платѣ чернорабочихъ (II, 39).

На табачныхъ фабрикахъ условія работы очень неблагопріятны. Рабочіе, особенно дѣти, выглядятъ жалкими, истощенными, съ блѣдными лицами, лихорадочно-блестящими воспаленными глазами и почти всегда съ неправильнымъ, учащеннымъ дыханіемъ. Чахотка—обычная гостья на табачныхъ фабрикахъ. Устройство фабрикъ нераціональное; на большей части фабрикъ, особенно еврейскихъ, замѣчается крайняя

скученность рабочихъ; вентиляціи почти нигдѣ не имѣется: зимою боятся простуды, а лѣтомъ опасаются слишкомъ сильнаго высыханія табака, который выдается рабочимъ по вѣсу (II, 77).

Отличительная черта фабрикъ, занятыхъ производствомъ пищевыхъ продуктовъ въ сѣверо-западномъ краѣ, — ихъ ничтожная производительность. И невольно представленіе о нихъ связывается съ невозможной обстановкой, грязнымъ и тѣснымъ помѣщеніемъ, гдѣ скучено бываетъ много рабочихъ, зачастую женщины и дѣти, всѣ блѣдныя, худыя, изможденныя. Таковъ типъ большинства еврейскихъ фабрикъ (II, 79 и 80). Много женщинъ и дѣтей въ конфектномъ производствѣ сѣверо-запад. края работаютъ на дому; работа ихъ заключается главнымъ образомъ въ завертываніи дешевыхъ конфектъ въ бумажки; но плата за это выдается крайне малая. Напр., на одной конфектной фабрикѣ въ Крейцбургѣ (Витебской губ.) дѣти получаютъ 1 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, а въ пряничномъ отдѣленіи 25 к. въ день (II,80).

Почти въ каждомъ городѣ по окраинѣ ютятся нѣсколько сараевъ или избушекъ, это—кожевенные заводы; характернымъ признакомъ ихъ является невозможная вонь, которая даетъ себя чувствовать на далекомъ разстояніи. Таковы же и кожевенные заводы въ Сморгони (Виленской губ.), гдѣ рабочій день номинально продолжается 13 часовъ; здѣсь заработная плата значительно колеблется; старшіе кожевники на мокрой работѣ получаютъ отъ 10—15 руб. въ недѣлю, подручные отъ 5—7 руб., а чернорабочіе начинаютъ обыкновенно съ 3 руб. въ недѣлю. При дубленіи кожи, трудъ мастера оплачивается 5—6 руб. въ недѣлю, а трудъ помощниковъ 3—4 руб. Мастера для шагрени получаютъ отъ 10—15 руб. въ недѣлю, а подручные отъ 5—8 руб. Мастера, выдѣлывающіе шпигель, получаютъ отъ 15—20 руб. въ недѣлю, а ихъ подручные отъ 10 — 15 руб. Хуже всѣхъ оплачивается трудъ капочниковъ: мастера получаютъ 5 руб. въ недѣлю, а ученики — дѣти отъ 1—1 р. 50 коп. Мастера — закройщики (при выгибаніи кожъ) получаютъ 10 — 12 руб. въ недѣлю, а выгибальщики 7—8 руб.; наконецъ, глазировщики и красильщики (мальчики) вырабатываютъ 1 руб. 50 к.— 3 руб. въ недѣлю (II, 105, 106).

На щетинныхъ фабрикахъ въ Сѣверо—Западномъ краѣ, на которыхъ преимущественно работаютъ евреи, трудъ оплачивается недурно: рабочій, смотря по знаніямъ и опытности, можетъ выработать 3 — 8 руб. въ недѣлю (плата поденная). Рабочіе проводятъ на фабрикѣ 2 — 3 года въ качествѣ учениковъ, но къ концу 1-го года получаютъ 75 коп.—1 руб. въ недѣлю, а позднѣе до 3 руб. Рабочій день продолжается 10—11 час. (II, 109, 110).

Положеніе фабричныхъ рабочихъ — евреевъ въ Царствѣ Польскомъ характеризуется слѣдующими данными:

На варшавской фабрикѣ металлическихъ издѣлій Клейна, гдѣ преимущественно работаютъ евреи (мужчины и женщины), они занимаются въ качествѣ чернорабочихъ, бригадами въ 10 — 15 чел., отдѣлывая какой нибудь одинъ предметъ. Плата поденная и поштучная. Минимальный заработокъ мужчинъ 30—35 коп., женщинъ то же; а максимальный заработокъ у мужчинъ равняется 1 руб., у женщинъ 70 коп. Въ послѣднее время владѣлецъ фабрики сталъ удалять евреевъ, ссылаясь на то, что евреи работаютъ лишь $4^1/_2$ дня въ недѣлю (они празднуютъ часть пятницы и всю субботу, а въ воскресенье вообще не производится работа), при чемъ однако мастерамъ приходится платить за всѣ 6 дней въ недѣлю (II, 120).

На варшавской арматурной фабрикѣ, евреи, исполняя лишь руч-

ную работу, (а не машинную), работаютъ 5 дней въ недѣлю, празднуя субботу. Плата поштучная. Минимумъ заработка 80 коп. въ день, максимумъ 1 р. 50 к. (II, 121).

На фабрикѣ бронзовыхъ издѣлій Генниха въ Лодзи большинство рабочихъ—евреи. Поступая на фабрику въ качествѣ учениковъ на 3 года, рабочіе послѣ перваго полугодія получаютъ 1 р.—2 р. 50 к. въ недѣлю, а послѣ окончанія выучки—5--10 руб. въ недѣлю (II. 122).

На ламповой фабрикѣ Эльштейна въ Варшавѣ половина рабочихъ—евреи, но по своему слабосилію, неграмотности и незнанію ремесла они получаютъ меньшую плату, чѣмъ христіане. Надзиратели — евреи въ никкелировочномъ отдѣленіи получаютъ 5 руб. въ недѣлю, хотя не работаютъ по субботамъ; въ отдѣленіи горѣлокъ евреи зарабатываютъ 10—11 руб. въ недѣлю (а христіане 16 — 17 руб.); въ цинко-литейномъ отдѣлѣ евреи зарабатываютъ 6—12 руб. въ недѣлю (II, 123).

На фабрикѣ стѣнныхъ часовъ Хмѣлевскаго въ Лодзи большинство рабочихъ — евреи; взрослые вырабатываютъ 7—12—15 руб. въ недѣлю, а подростки 2—4 руб. (II, 124).

На фабрикѣ вѣсовъ Фенкельштейна въ Варшавѣ большинство рабочихъ — евреи; по субботамъ фабрика стоитъ; недѣльный заработокъ 4—15 руб., а поденная плата 60 коп.—2 руб. (II, 125).

Въ центрѣ игрушечно-кукольнаго производства, въ Ченстоховѣ, фабрики игрушекъ, въ большинствѣ случаевъ мелкія, работающія въ ручную, помѣщаются въ дешевыхъ, низкихъ и тѣсныхъ зданіяхъ; дорогихъ машинъ и механическихъ снарядовъ нѣтъ, исключая прессовъ и токарныхъ станковъ. Работаютъ на этихъ фабрикахъ преимущественно подростки, съ преобладаніемъ дѣвушекъ. Работницы взрослыя зарабатываютъ въ недѣлю 80 коп. — 1 руб. и отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к., а взрослые работники 3—5 руб. въ недѣлю. Подростки до 15 лѣтъ зарабатываютъ 80 коп.—1 руб. 20 к. въ недѣлю, а послѣ 15 лѣтъ 1 руб. 80 к.—2 р. 50 к. Трудъ оплачивается сдѣльно. Рабочій день продолжается 12—14 часовъ (II, 128).

На фабрикѣ перламутровыхъ запонокъ и металлическихъ пуговицъ Розенштейна взрослые рабочіе мужчины зарабатываютъ не свыше 4—5 руб. въ недѣлю, а на фабрикѣ кокосовыхъ пуговицъ Гросмана (въ Ченстоховѣ) дѣвушки работницы зарабатываютъ до 7 руб. въ недѣлю (II, 129, 130).

На фабрикѣ иголокъ Геннига (въ Ченстоховѣ) половина работниковъ—евреи; работаютъ 5 дней тѣ изъ нихъ, которые занимаются при механическихъ орудіяхъ, а прочіе—6 дней, работая вмѣсто субботы по воскресеньямъ. Мужчины зарабатываютъ 50 к.—1 р. 20 к. въ день, а дѣвушки 30—60 коп. (II, 130).

На варшавской фабрикѣ искусственныхъ листьевъ Корта работаютъ исключительно евреи, получая плату поштучно (съ гросса) и понедѣльно. Взрослые работники вырабатываютъ 3 — 10 руб. въ недѣлю, женщины 50 коп. въ день и 5 руб. въ недѣлю, мальчики 1 р. 50 к. – 2 р. въ недѣлю, а дѣвочки 30 коп. въ день (II. 132).

На варшавскихъ фабрикахъ галстуховъ работаютъ преимущественно женщины. Три года работницы состоятъ въ роли младшихъ мастерицъ, обучаясь мастерству, и получаютъ 50 к.—1 руб. въ недѣлю; потомъ онѣ переходятъ въ разрядъ старшихъ мастерицъ и вырабатываютъ до 4 руб. въ недѣлю (II, 132).

На варшавскихъ фабрикахъ бѣлья плата выдается обыкновенно поштучная: за дюжину воротниковъ 30 коп., за дюжину рубахъ 3 руб. На одной изъ фабрикъ работа прекращается по воскресеньямъ, но нѣкоторые евреи работаютъ по субботамъ. Мужчины зарабатываютъ въ мѣсяцъ 15—75 руб., а женщины 10—20 руб. (II, 133).

Производство соломенныхъ шляпъ въ Варшавѣ есть работа сезонная, продолжающаяся не болѣе 8 мѣсяцевъ; въ остальное время (зимой) работницы (еврейки) голодаютъ, хотя во время „сезона“ работы идутъ безпрерывно, даже по субботамъ и воскресеньямъ. Плата поштучная (съ метра соломы); за пачку въ 30 м. выдаютъ 45 -- 75 коп., а лучшія работницы вырабатываютъ до 1 р. 50 коп. въ день. Дѣвушки—ученицы въ 1-й сезонъ шьютъ даромъ, платя мастерицѣ — учительницѣ, во 2-й сезонъ онѣ работаютъ за полцѣны, а въ 3-й сезонъ переходятъ мастерицами на другія фабрики (II, 133).

На гильзовыхъ фабрикахъ въ Ц—вѣ Польскомъ работаютъ почти исключительно евреи, и преимущественно женщины и дѣти. Плата поштучная; въ Варшавѣ платятъ 7 к. съ тысячи, и минимумъ заработка въ недѣлю составляетъ для взрослыхъ работниковъ 1 р. 50 к. —1 р. 60 к., а максимумъ 4—5 руб. Евреи на этихъ фабрикахъ работаютъ лишь 5 дней въ недѣлю, и многія фабрики стоятъ по субботамъ и воскресеньямъ (II, 136).

На переплетныхъ фабрикахъ Варшавы мужчины зарабатываютъ 4—15 р. въ недѣлю, а женщины 2—5 р. (II, 136).

Табачное производство въ Ц-вѣ Польскомъ составляетъ, какъ-бы монополію евревъ. На одной изъ самыхъ крупныхъ табачныхъ фабрикъ въ Варшавѣ (Ф-кѣ Полякевича) почти всѣ рабочіе — евреи, и всѣ—народъ очень бѣдный. Живя далеко отъ фабрики, они часто не ходятъ домой обѣдать; работа тяжелая и требуетъ большой ловкости. Воздухъ на фабрикѣ очень тяжелый отъ табака; лица у работницъ блѣдныя (II, 138). На другой фабрикѣ табачныхъ издѣлій (Бринна), съ преобладаніемъ рабочихъ—христіанъ, евреи работаютъ лишь 5 дней въ недѣлю, получая minimum 1 р. 30 к. съ тысячи сигаръ (II, 139).

На махорочной фабрикѣ Гольдштауба евреи исполняютъ самую тяжелую работу—упаковку табака, и получаютъ за это поштучную плату 50 — 70 коп. съ 100 ф. (II, 139).—Наконецъ, на табачной фабрикѣ Коликовскаго евреи вырабатываютъ въ день 1½—2 тысячи папиросъ, и получая 35—60 коп. за тысячу, въ недѣлю зарабатываютъ отъ 2 до 8 или 9 руб. (II, 139).

Въ Лодзинскомъ районѣ еврейскій трудъ въ широкихъ размѣрахъ примѣняется въ домашнемануфактурной промышленности, въ кустарномъ ткачествѣ (Lohnweberei). „Наемные“ ткачи (Lohnweber) это — ручные ткачи мастера, у которыхъ на дому работаютъ одинъ или нѣсколько наемныхъ ткачей — подмастерьевъ, а также члены семьи. Они нерѣдко получаютъ работу изъ вторыхъ рукъ, черезъ посредство особыхъ раздатчиковъ (Lieferanten), хотя и стараются вступать съ фабрикантами въ непосредственныя сношенія и получаютъ отъ нихъ прямо заказы. Эти Lonhweber'ы, разсѣянные обыкновенно на окраинахъ Лодзи или въ окрестныхъ мѣстечкахъ, работаютъ или у себя на дому, или въ небольшихъ квартирахъ, въ одну, двѣ комнаты, тѣсно уставленныя 2—5 станками. Средній заработокъ Lohnweber'овъ не превышаетъ 8—10 руб. въ недѣлю, достигая въ исключительныхъ случаяхъ 15 — 20 руб. и часто понижаясь до 7 руб. Подмастерья зарабатываютъ 3—4 руб. въ недѣлю при 14—16 часахъ работы въ день. Въ среднемъ, „мастеру“ отъ каждаго станка остается 1 р. 50 к. — 2 руб. въ недѣлю чистаго заработка; а этого заработка далеко не хватаетъ для нуждъ семьи мастера, состоящей обыкновенно изъ 5 — 8 душъ. Такимъ образомъ условія вознагражденія за трудъ у Lohnweber'овъ значительно хуже, чѣмъ на лодзинскихъ фабрикахъ (оттого то фабриканты и даютъ имъ заказы): въ то время, какъ въ механиче-

скихъ ткацкихъ за $11^1/_2$ час. рабочiй день ткачъ зарабатываетъ 6—7 руб. въ недѣлю, у Lohnwebeг'овъ за 14—16 час. рабочiй день онъ получаетъ только 4 руб., т. е. 4 коп. за часъ (на фабрикахъ 10 к.).

Таково въ общихъ чертахъ положенiе тѣхъ 34 тысячъ евреевъ—рабочихъ, которые насчитываются во всѣхъ предпрiятiяхъ хлопчатобумажной и шерстяной промышленности, принадлежащихъ евреямъ въ Царствѣ Польскомъ (II, 160—163).—Положенiе остальныхъ 35 тысячъ евреевъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ въ 15 губернiяхъ черты осѣдлости, лишь не многимъ лучше, а мѣстами даже хуже. Такъ, явленiя, наблюдаемыя въ Лодзинскомъ районѣ и другихъ частяхъ Польши, въ общемъ повторяются и въ Бѣлостокскомъ районѣ, гдѣ преобладаетъ, впрочемъ, промышленность суконная. Здѣсь евреи тоже встрѣчаются по преимуществу въ качествѣ ручныхъ ткачей, а ихъ положенiе тоже въ высокой степени безотрадно.

На ручной ткацкой Блоха, напримѣръ, гдѣ работаютъ до 10 ткачей за ручными станками и около 6 дѣвушекъ шпульницъ и гдѣ всѣ рабочiе—евреи, работа производится въ низкой комнатѣ за громоздкими деревянными станками. „У пожилыхъ рабочихъ изможденныя, худыя, безкровныя лица, нечесанныя растрепанныя бороды, сосредоточенный на работѣ взглядъ. Непроизвольно, машинально они совершаютъ движенiя туловищемъ и головой въ тактъ движенiю станка".

„И такъ продолжается часы, дни и годы. За 12 час. трудъ мужчины получаютъ не болѣе 6 руб. въ недѣлю, а дѣвушки—шпульницы отъ 1 р. 50 к. до 2 руб. Достаточно посмотрѣть на ихъ печальныя лица, чтобы рѣшить, что онѣ совершенно не знаютъ радостей молодыхъ лѣтъ, что ихъ лучшiе годы проходятъ въ безпрерывномъ трудѣ и постоянныхъ лишенiяхъ" (II, 173). Вообще во всѣхъ мѣстныхъ предпрiятiяхъ мелкаго типа наблюдается, какъ постоянное явленiе, крайне бѣдное оборудованiе, низкiй уровень техники, отсутствiе порядка и чистоты, нерацiональное, „дешевое" устройство фабричныхъ зданiй и крайне антисанитарная обстановка труда (II, 179). Здѣсь же встрѣчается и весьма непопулярный типъ мелкаго посредника — предпринимателя, т. наз. „лонкетникъ"; этотъ посредникъ, посредничающiй между настоящимъ фабрикантомъ и рабочими, беретъ у фабриканта пряжу и возвращаетъ ему сотканное полотно; за такую работу онъ получаетъ самъ около 9 коп. съ мотка (основы), а ткачамъ, нанятымъ имъ, платитъ только 7 коп.; разницу въ 2 коп. онъ оставляетъ себѣ въ видѣ „заработка", хотя самъ за станкомъ не работаетъ, а заставляетъ работать на себя другихъ. Очевидно, что существованiе лонкетника для рабочихъ не желательно: въ то время, какъ высшiй заработокъ искуснаго ткача у фабриканта равенъ 9 — 10 руб. въ недѣлю, у лонкетника онъ равенъ 6 р. 50 к., а среднiй у фабриканта равенъ 7 руб., а у лонкетника 4 р. 50 к. (II, 182).—На большинствѣ еврейскихъ фабрикъ обыкновенный рабочiй день равенъ $11^1/_2$ — 12 час. сплошной работы (отъ 6 до 7 час., или отъ 7 до 8 ч., при 1—$1^1/_2$ час. перерывѣ); но въ ручныхъ ткацкихъ нѣтъ регулярнаго рабочаго дня: ткачи, получая плату сдѣльно, работаютъ 13—14 ч., при чемъ въ мѣстечкахъ около Бѣлостока работа затягивается до глубокой ночи. Напримѣръ, въ м. Васильковѣ и Городкѣ встрѣчаются ткачи, работающiе позже 10 час. ночи; „эти истомленные труженики, работающiе въ тѣсныхъ, скудно освѣщенныхъ и смрадныхъ ткацкихъ, сплошь заставленныхъ станками, производятъ очень тяжелое впечатлѣнiе; но особенно тяжело видѣть въ такой обстановкѣ малолѣтковъ, особенно дѣвочекъ. Здѣсь встрѣча-

ются 12 лѣтнія дѣвочки, блѣдныя и истомленныя, вертящія колесо шпульки съ ранняго утра до 8, 9 час. вечера, чтобы выработать 80 к. въ недѣлю, значительная часть которыхъ идетъ на уплату учителю хедера, обучающему ихъ послѣ работы читать и писать по еврейски". Взрослыя мѣстечковыя дѣвушки за 12—14 час. рабочій день получаютъ 25—30 коп., а малолѣтнія 10—15 к. (II, 183). Взрослые мужчины рабочіе въ производствахъ по обработкѣ шерсти получаютъ слѣд. плату: на шляпныхъ фабрикахъ 8—15—19 руб. въ недѣлю, въ ручныхъ же ткацкихъ при простыхъ станкахъ высшая плата выражается 6 р. 50 к.—9 руб. въ недѣлю, а средняя 4 р. 50 к.—6 руб., наконецъ, ткачи за механическими станками получаютъ 4 р. 50 к. въ недѣлю. Въ прядильняхъ, рабочіе на мюль-машинахъ получаютъ 6 — 10 руб. въ недѣлю, а прочіе прядильщики отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. въ недѣлю. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что плата взрослымъ мужчинамъ, превышающая 3 — 4 руб. въ недѣлю, выплачивается рабочимъ — профессіоналамъ, до извѣстной степени обученнымъ, а менѣе 4 руб. получаютъ преимущественно чернорабочіе, трудомъ которыхъ пользуются какъ въ прядильняхъ, такъ и аппретурныхъ и красильныхъ мастерскихъ (II, 184). Впрочемъ, сравнительно высокій уровень платы взрослыхъ опытныхъ ткачей значительно зависитъ отъ того, что, работая сдѣльно, они имѣютъ возможность удлинять рабочій день, а потому и зарабатывать больше (II, 184).— Наконецъ, на Бѣлостокскихъ фабрикахъ, приводимыхъ въ дѣйствіе механической силой, евреевъ—рабочихъ почти вовсе не встрѣчается, и это явленіе опять таки объясняется „субботнимъ отдыхомъ", который свято соблюдается всѣмъ старшимъ поколѣніемъ рабочихъ и нѣкоторой частью молодыхъ евреевъ (II, 185).

При такихъ условіяхъ не удивительно, что въ бѣлостокскомъ районѣ создался значительный кадръ пролетаріевъ, совершенно лишенныхъ работы и не могущихъ даже эмигрировать въ Америку за неимѣніемъ средствъ. Этотъ кадръ пауперовъ постепенно возрастаетъ вслѣдствіе вытѣсненія ручного ткачества механическимъ и благодаря хроническимъ кризисамъ (II, 189). Пополняется онъ преимущественно за счетъ такихъ мѣстечекъ, какъ Городокъ (подъ Бѣлостокомъ), гдѣ жизнь рабочаго населенія (ткачей) представляетъ изъ себя „сплошной, упорный и тяжелый трудъ": здѣсь рабочій день продолжается съ 8 ч. утра до 10—11 час. ночи при 14—15 час. сплошной работы, и за такой рабочій день взрослый ткачъ можетъ заработать 8—9 руб. въ недѣлю сдѣльно, а малолѣтніе ткачи, парни и дѣвушки, вырабатываютъ въ недѣлю 1 руб. 50 к.—1 р. 80 к. (II, 192).

Таково положеніе фабрично-заводскихъ рабочихъ-евреевъ въ зап. Россіи. Безотрадность нарисованной картины увеличивается еще тѣмъ, что мелкое производство съ ручнымъ трудомъ постепенно и неотразимо вытѣсняется крупнымъ производствомъ съ машинной работой, а т. к. машинное производство не мирится ни съ „субботнимъ отдыхомъ", ни съ профессіональной неподготовленностью евреевъ, то сфера приложенія еврейской рабочей силы прогрессивно суживается, обостряя и взаимную конкурренцію, „борьбу за кусокъ хлѣба" среди еврейскаго рабочаго пролетаріата, принужденнаго безвыѣздно жить и скучиваться въ чертѣ дозволенной осѣдлости (II, 165). Кромѣ того, положеніе работниковъ-евреевъ хуже положенія рабочихъ-христіанъ еще и по тому, что бюджетъ евреевъ обременяется многими, и при томъ крупными расходами (напр., расходомъ на еврейскій хедеръ, на празднованіе еврейскихъ праздниковъ), которыхъ не-

вѣдаетъ христіанскій рабочій пролетеріатъ (II, 167). Впрочемъ, эти замѣчанія можно отнести также къ труду и быту *евреевъ-ремесленниковъ* *). Во всѣхъ 25 губерніяхъ черты еврейской осѣдлости зарегистровано свыше 500 тысячъ евреевъ-ремесленниковъ, или свыше 13% всего мѣстнаго еврейскаго населенія; иначе говоря, ремесленнымъ трудомъ занимается 1/10—1/5 всѣхъ, въ Россіи проживающихъ евреевъ (II, 190). Такой огромный % евреевъ-ремесленниковъ, по мнѣнію ред. „Сборника“, является „прямымъ и неизбѣжнымъ результатомъ правовыхъ затрудненій, встрѣчаемыхъ евреями при выборѣ занятія, и сосредоточенія ихъ въ чертѣ осѣдлости, внѣ которой они не пользуются правомъ передвиженія“. И это количество ремесленниковъ-евреевъ съ годами все болѣе и болѣе возрастаетъ повсемѣстно, грозя еще болѣе ухудшить то безотрадное положеніе наличныхъ ремесленниковъ, которое наблюдается теперь, благо ремесленникъ, въ противоположность фабриканту, принужденъ производить издѣлія въ сравнительно небольшомъ количествѣ для опредѣленнаго заказчика или на опредѣленный ближайшій рынокъ“.

Наибольшее число ремесленниковъ-евреевъ приходится на юго-западный край (140 т. чел.), Польшу (119 т. чел.) и Литву (95 т. чел.). Съ другой стороны, болѣе половины всѣхъ ремесленниковъ-евреевъ въ чертѣ осѣдлости занимаются изготовленіемъ одежды (38%) и издѣлій изъ кожи (17%), хотя довольно значительно также число ремесленниковъ, изготовляющихъ продукты пищевые (11%) и занимающихся обработкой дерева (I, 194, 195). Среди зарегистрованныхъ 500 тысячъ ремесленниковъ-евреевъ насчитано около 260 тысячъ мастеровъ, 141 тысячи подмастерьевъ и 101 тысячи учениковъ. Такимъ образомъ мастера составляютъ болѣе половины всѣхъ ремесленниковъ (I, 201), а это значитъ, что огромное число мастеровъ состоитъ изъ такихъ бѣдняковъ, которые, по незначительности заработковъ, не въ состояніи содержать помощниковъ (I, 205). Женщинъ-ремесленницъ насчитано свыше 76 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ мастерицъ около 30 тысячъ, подмастерицъ 25 тысячъ и ученицъ 22 тыс. (I, 206). Слѣдовательно, среди ремесленницъ-евреекъ тоже имѣется большое число лицъ, мало обезпеченныхъ работой и принужденныхъ обходиться безъ помощницъ. Разумѣется, на женщинъ-ремесленницъ приходятся по преимуществу такія профессіи, которыя требуютъ терпѣнія, чистоты отдѣлки, и не требуютъ большой физической силы, напр. профессія портныхъ (33 тысячъ чел.), модистокъ, цвѣточницъ, бѣлошвеекъ (17 т. чел.), чулочницъ, и т. п. (I, 208). Каково же экономическое положеніе всѣхъ этихъ тружениковъ; каковы ихъ заработки, продолжительность рабочаго дня, обстановка труда?

Принимая во вниманіе скученность ремесленниковъ-евреевъ въ чертѣ дозволенной осѣдлости, создающую жестокую конкурренцію между ними, не трудно заключить a priori, что заработки ихъ должны быть невелики. И дѣйствительно, статистика вполнѣ подтверждаетъ такое предположеніе (I, 220).

---

*) Положенія *евреевъ-земледѣльцевъ* мы здѣсь не предполагаемъ касаться, хотя по этому предмету въ „Сборникѣ“ (т. I) приведено довольно много данныхъ, ибо: 1) евреевъ-земледѣльцевъ (колонистовъ) въ Россіи сравнительно немного (всего насчитывается 13 тысячъ семействъ или 75 т. душъ, пользующихся 113 тыс. десятинъ земли); 2) хотя цѣлая половина евреевъ-колонистовъ, въ виду бездоходности земледѣльческаго хозяйства, занимается другими промыслами, но все же пролетаріями въ строгомъ смыслѣ слова ихъ признать нельзя (а въ предлагаемой статьѣ рѣчь именно и идетъ о рабочемъ пролетаріатѣ), и 3) эта „раскрестьянивающаяся“ половина евреевъ-земледѣльцевъ занимается по преимуществу ремеслами, о которыхъ рѣчь идетъ въ текстѣ ниже (II, 4, 5).

Въ Привислинскомъ краѣ въ 33% всѣхъ обслѣдованныхъ пунктовъ, мастера-портные зарабатываютъ менѣе 250 руб. въ годъ, въ 47% отъ 250 до 300 руб., и только въ 20% годовой заработокъ превышаетъ 300 р. Такимъ образомъ въ 80% обслѣдованныхъ городовъ и мѣстечекъ максимальный заработокъ мастера-портного составляетъ менѣе 6 руб. въ недѣлю, но часто бываетъ и ниже, доходя до $2^1/_2$—2 руб. въ недѣлю. Заработокъ сапожниковъ еще меньше: въ 65% всѣхъ обслѣдованныхъ пунктовъ онъ равняется 150—250 р. въ годъ, лишь рѣдко превышая 300 р., и очень часто понижаясь до 150 р. Заработокъ бѣлошвеекъ, въ свою очередь, рѣдко превышаетъ 100 р. въ годъ (I, 220).

Въ сѣверо-западномъ краѣ средній годовой заработокъ мастеровъ — портныхъ и портнихъ составляетъ 200 — 250 руб., лишь рѣдко повышаясь до 500 руб., и за то во многихъ мѣстахъ понижается до 100 и даже до 80 руб. — Заработокъ сапожниковъ тоже меньше (150—200 руб.); ихъ максимальный заработокъ не превышаетъ 400 руб. въ годъ или 8 руб. въ недѣлю, но за то минимумъ часто падаетъ до 100 руб.—Модистки, въ среднемъ, зарабатываютъ 100—150 руб. въ годъ, при рѣдкомъ максимумѣ въ 450 руб. и часто встрѣчающемся минимумѣ въ 75 и даже 50 руб. (I, 221).

Въ юго-западномъ краѣ портные и портнихи въ среднемъ зарабатываютъ въ годъ 150—300 р. Заработокъ сапожниковъ тоже меньше; максимумъ 300 р. (рѣдко), минимумъ 100 руб. (довольно часто). Трудъ бѣлошвеекъ оплачивается и въ этомъ районѣ плохо: 50 — 100 руб. въ годъ, и очень рѣдко (въ Волынской губ.) 120 — 200 руб. Приблизительно таковъ же и заработокъ модистокъ, а трудъ чулочниковъ и чулочницъ оплачивается значительно хуже: 50 — 100 руб. (I, 221).

Въ южномъ краѣ вообще и заработки ремесленниковъ лучше: заработокъ менѣе 100 руб. отмѣченъ лишь въ 7% описанныхъ пунктовъ, а въ 20% заработокъ доходилъ до 400 — 1000 руб. (именно у ремесленниковъ, затрачивающихъ нѣкоторый капиталъ на устройство мастерской). Заработки бѣлошвеекъ, сапожниковъ, чулочниковъ, прачекъ, стекольщиковъ не превышаютъ однако 400 руб. Портные и шапочники зарабатываютъ 250—400 руб. въ годъ; и только трудъ столяровъ и кузнецовъ оплачивается, въ большинствѣ случаевъ, 250 — 400 руб., при максимумѣ въ 700 руб. (I, 222).

Повторяемъ: таковы заработки ремесленниковъ—мастеровъ. Что же касается настоящихъ работниковъ, напр., подмастерьевъ, которые составляютъ около $^1/_3$ всѣхъ ремесленниковъ - евреевъ, то они зарабатываютъ обыкновенно *вдвое* меньше мастеровъ, т. е. не болѣе 3 руб., а иногда и 2 руб. въ недѣлю (I, 222). Такой низкій размѣръ заработковъ опять таки объясняется скученностью и конкурренціей евреевъ—ремесленниковъ въ чертѣ осѣдлости; но этимъ труженникамъ весьма нерѣдко приходится страдать еще и отъ полнѣйшей безработицы, которая для нѣкоторыхъ ремесленниковъ наступаетъ періодически („мертвые сезоны"), и которая доводитъ евреевъ до полнѣйшей нищеты и неразборчивости въ дѣлѣ изыскиванія заработковъ, лишь бы не умереть съ голода (I, 222).

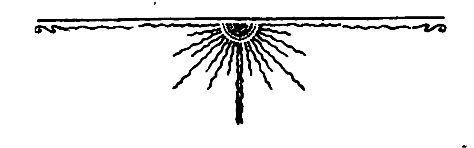
Но, помимо плохихъ заработковъ, евреи - ремесленники страдаютъ также отъ тяжелыхъ условій и неудовлетворительной обстановки труда.

Напримѣръ, въ Литвѣ чулочное ремесло носитъ кустарный характеръ: занимаются имъ почти исключительно женщины, которыя получаютъ матеріалъ (нитки) отъ посредниковъ—коммиссіонеровъ и имъ же сдаютъ готовое издѣліе. Неудивительно, что и матеріальное положе-

ніе этихъ чулочницъ, эксплоатируемыхъ посредниками, далеко не завидно: въ Гродненской губерніи, онѣ получаютъ по 28—30—35 коп. за дюжину чулокъ, и, работая по 15 час. и болѣе въ сутки, успѣваютъ выработать не болѣе $2^{1}/_{2}-3^{1}/_{2}$ руб. въ недѣлю (I, 245).—Въ сапожномъ ремеслѣ наблюдается еще худшее явленіе. Напримѣръ, въ Вильнѣ, сапожники, берущіе работу отъ особыхъ посредниковъ (обувниковъ), очень часто получаютъ отъ нихъ плату не наличными деньгами, а росписками, которыя и приходится перепродавать въ другія руки, съ значительной уступкой, чтобы удовлетворить нужду въ деньгахъ раньше срока (I, 248).—Въ Польшѣ, напр., въ Люблинской губерніи, портные и сапожники работаютъ въ сырыхъ и темныхъ помѣщеніяхъ, по 16 час. въ сутки, а жены ихъ разъѣзжаютъ всю недѣлю по ярмаркамъ, продавая ихъ издѣлія; не смотря на крайне упорный трудъ, источникъ пропитанія лѣтомъ совершенно изсякаетъ, и этимъ ремесленникамъ приходится искать иныхъ промысловъ и заработковъ (I, 308). И т. д.

Подводя общій итогъ описанію ремесленнаго труда евреевъ, ред. „Сборника“ справедливо замѣчаетъ, что безъ дѣйствительнаго *расширенія права передвиженія* для еврейскаго населенія едва ли можно ожидать какого либо улучшенія въ ихъ печальномъ экономическомъ положеніи (I, 393). — Но мы, въ свою очередь, знаемъ, что въ такомъ же расширеніи права передвиженія въ высокой степени нуждаются также *всѣ прочія категоріи* еврейскаго рабочаго народа. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы пресловутая „черта еврейской осѣдлости“ возможно скорѣе и полнѣе разомкнулась, и чтобы эта насущная реформа, давно подсказываемая и чувствомъ политической справедливости, и соображеніями практическаго народнохозяйственнаго разсчета, была наконецъ осуществлена хотя теперь, когда и послѣднимъ Высочайшимъ указомъ 12 декабря 1904 г. предуказывается рядъ болѣе или менѣе крупныхъ внутреннихъ преобразованій въ цѣляхъ усовершенствованія нашего государственнаго порядка, и когда однимъ изъ пунктовъ этого Указа возвѣщается терпимость въ дѣлахъ вѣры, а другимъ—ставится на очередь пересмотръ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ. „Чертой осѣдлости“, установленной для 5—милліонной массы евреевъ, россійская политика уже достаточно успѣла уронить себя въ глазахъ всѣхъ просвѣщенныхъ и гуманно—мыслящихъ людей, а потому пора, давно уже пора стереть съ русскаго имени это позорное клеймо, и „упразднить“ это печальное наслѣдіе давно минувшихъ временъ варварства, невѣжества и мракобѣсія!..

В. У.

Жизнь и искусство.

III.

Что такое художникъ? *)

М. Дальневича.

Сущность сказаннаго раньше. - Кое-что о современномъ читателѣ.—О сплетникахъ.—Слава и тщеславіе.—Двѣ силы: „какъ у всѣхъ“ и „не хуже другихъ“.—Объ Имп. Вильгельмѣ, кухаркѣ Матренѣ, Геростратѣ и Коперникѣ. —Раздѣленіе человѣчества на группы.—Выдѣленіе матеріальной и духовной силы.—Власть чувства.—Чѣмъ отличаются изобразительныя искусства отъ другихъ.—Воспроизведеніе и подражаніе.—Свойства, отличающія художника, его положеніе среди другихъ людей и роль въ жизни.

Изъ ряда вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ составляетъ задачу настоящихъ статей **), мы отвѣтили лишь на одинъ основной: *что такое искусство* ***), выяснивъ:

1) что не красота, а сила и полнота ощущеній, вызываемыхъ органически присущей человѣку способностью воспроизведенія и потребностью творчества въ свою очередь вызвали къ жизни искусство и поддерживали его дальнѣйшую жизнь и развитіе; что наслажденіе сознаніемъ этой творческой способности и силы (а не наслажденіе „красотой“) породило ту сумму художественныхъ наслажденій, изъ которыхъ образовалось эстетическое чувство;

2) что искусство есть высшая, духовная разновидность основнаго инстинкта и стремленія всего живущаго, — инстинкта размноженія, — и подобно послѣднему вытекаетъ изъ той же потребности продолженія жизни путемъ постояннаго и безпрерывнаго творчества, является такимъ же источникомъ сознанія радости жизни и наслажденія ею;

3) что искусство есть проявленіе лишь тѣхъ творческихъ силъ человѣческаго духа, въ которыхъ выражаются его чувства, зарождаются образы, представленія и ощущенія, создаваемыя прежде всего работой чувства, а не логики, анализа, разсужденія. Поэтому такія представленія реагируютъ непосредственно на область чувствъ, воспринимаются ими и въ результатѣ даютъ не логическій выводъ, а наслажденіе;

4) Наконецъ, что въ искусствѣ, какъ и во всякомъ творчествѣ, проявляется стихійное, присущее всему человѣчеству стремленіе къ власти, могуществу, величію, совершенству и безсмертію.

—„Власть, могущество,—это очень

*) Слова „художникъ“ и ниже—„артистъ“ слѣдуетъ понимать въ самомъ широкомъ значеніи, безотносительно къ той или иной области искусства.

**) См. № 1 „Наука и Жизнь“ 1905.

***) См. № 3 „Наука и Жизнь“ 1905.

существенно и можетъ доставить наслажденіе, но развѣ они достигаются искусствомъ? А стремленіе къ совершенству и безсмертію,—какія пустыя, громкія слова! Кто же къ этому стремится, кто объ этомъ даже думаетъ въ наше положительное время"?

Такъ если и не скажетъ вслухъ, то подумаетъ про себя большинство современныхъ читателей, слишкомъ погруженныхъ въ житейское и скептически относящихся или равнодушныхъ ко всему, что выходитъ изъ рамокъ насущнаго, матеріальнаго, узко утилитарнаго.

И въ этомъ разсужденіи будетъ правдой лишь одно: въ наше время, дѣйствительно, объ этомъ *никто не думаетъ*. Но изъ этого не слѣдуетъ, что эти стремленія болѣе уже не присущи человѣку; это доказываетъ только то, что мы *о нихъ не думаемъ*, и ничего больше. Если въ теченіе продолжительнаго времени у насъ нѣтъ насущной необходимости пользоваться, положимъ, лѣвой рукой и мы не думаемъ о ея существованіи, не замѣчаемъ, что дѣятельность ея постепенно слабѣетъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что этой руки больше нѣтъ и что полная потеря ея дѣятельности не повлечетъ за собой уродства, не сдѣлаетъ насъ калѣками.

Если въ наше время стремленіе человѣка къ совершенству, безсмертію и величію кажется не только чѣмъ-то далекимъ и чуждымъ, но пустымъ, ненужнымъ и смѣшнымъ, то лишь потому, что или мысли наши цѣликомъ сосредоточены на другомъ, или же потому, что эти стремленія захирѣли и заглохли, а проявленія ихъ приняли такія ничтожныя, мелкія и уродливыя формы, которыя утеряли всякую видимую и осязательную связь съ своимъ первоисточникомъ.

Начиная съ восточнаго деспота, владѣющаго жизнью и смертью тысячъ своихъ подданныхъ и кончая нашимъ городовымъ или „Титъ Титычемъ", передъ которымъ трепещетъ вся его семья, — всѣ одинаково упиваются сознаніемъ своего величія, по мѣрѣ его пониманія, наслаждаются своею властью и могуществомъ въ грубомъ, но очевидномъ ихъ проявленіи, и лишь проявленія эти разнообразны до безконечности. То же упоеніе и наслажденіе испытываетъ и каждый артистъ въ области своего искусства, напр., писатель, не грубой силой, а лишь своимъ творчествомъ покоряющій тысячи невѣдомыхъ читателей, добровольно подчиняющихся его идеямъ и мыслямъ, наслаждающихся воспринятіемъ его образовъ и выражающихъ свое подчиненіе и благодарность за эти наслажденія признаніемъ его духовной власти, создающимъ его извѣстность, — *„славу"*. И здѣсь такое наслажденіе властью несравненно острѣе и глубже, изысканнѣе, тоньше, какъ и путь, которымъ она достигается, потому что эта власть продолжительнѣе, *не прекращается со смертью* человѣка, а переживаетъ его и приближается къ *безсмертію*, и въ этомъ вся сила и обаяніе славы, что она является символомъ не только власти, но и безсмертія.

Такая духовная власть, пріобрѣтенная путемъ творчества, является лишь его естественнымъ слѣдствіемъ, а не сознательной цѣлью. Творчество само по себѣ—инстинктивно и составляетъ насущную потребность человѣческой натуры: не говоря уже о примѣрахъ очевиднаго творчества,—люди только *для себя* поющіе, играющіе на какомъ нибудь инструментѣ, декламирующіе, рисующіе или пишущіе стихи, разсказы, дневники, безъ всякой цѣли показывать или читать ихъ кому-либо, даже выпиливающіе изъ дерева, вышивающіе и занимающіеся съ увлеченіемъ и страстью тысячами подобныхъ никому и ни къ чему ненужныхъ дѣлъ,—одинаково руководствуются только этимъ ин-

стинктомъ, въ которомъ выражается если не самое творчество, то *потребность* въ немъ. И эта потребность проявляется не только у людей праздныхъ, но и у такихъ, для которыхъ досугъ является рѣдкимъ праздникомъ: достаточно посмотрѣть на крестьянскія вышивки, которыя часто достигаютъ высокой художественности и отнимаютъ у работающаго *все* свободное время, не доставляя никакихъ практическихъ выгодъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Но если во всѣхъ этихъ случаяхъ не всегда сознается конечный результатъ работы, цѣль, къ которой она естественно стремится,—не сознается возможность при посредствѣ этой работы выдѣлиться изъ массы, стать *надъ* нею и потому въ извѣстной степени *владѣть* ею, — то лишь потому, что эти проявленія творчества часто слишкомъ незначительны по своей силѣ, по своему значенію и интересу для другихъ, хотя вполнѣ естественны и нормальны, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ на лицо не только любовь къ данному дѣлу, но и извѣстныя способности. Однако, и недостатокъ послѣднихъ не останавливаетъ такого, по самой природѣ своей органическаго стремленія: недостатокъ музыкальныхъ способностей и эмоцій замѣняется граммофономъ, рисовальныхъ—фотографическимъ аппаратомъ; люди, одолѣваемые беллетристическимъ творчествомъ, но не имѣющіе возможности и способностей излагать свои произведенія въ печати—сплетничаютъ и лгутъ. Послѣднюю слабость принято объяснять отсутствіемъ серьезнаго дѣла и интересовъ, пустотой нашей жизни, особенно провинціальной, гдѣ „сплетническое творчество" доходитъ до колоссальныхъ, умопомрачающихъ размѣровъ и самыхъ изысканныхъ варіацій и нюансовъ; но этимъ объясняются только размѣры и виртуозность сплетни, сама же она существуетъ вездѣ, во всѣхъ поясахъ и широтахъ, народахъ и обществахъ отъ его наивысшихъ круговъ до глубочайшихъ поддонковъ, излагается на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ земного шара именно потому, что это—самый легкій, доступный для каждаго и потому самый распространенный видъ творчества, въ которомъ ярче всего выражается потребность въ немъ. Пусть это низменное, вредное, подлое и уродливое творчество, творчество духовныхъ паріевъ и нищихъ, но въ немъ находитъ исходъ ихъ врожденная потребность „создавать", искаженная и ничтожная, какъ они сами, но таже потребность „изъ несуществующаго создавать существующее", которая руководитъ и великими артистами и является основной чертой всякаго творчества.

Пусть эти сплетни хотя бы на одно мгновеніе доставятъ наслажденіе пошлому кругу такихъ же „нищихъ духомъ", но среди нихъ авторъ тоже выдѣлится и своимъ „талантомъ", и доставленнымъ имъ наслажденіемъ и тоже будетъ царить надъ ними. Всѣ они творятъ каждый по мѣрѣ силъ и способностей, каждый съ сознательной и очевидной, или инстинктивной и глубоко скрытой для него самаго потребностью выдѣлиться, стать *надъ* другими, *овладѣть* другими. Конечно, все это только суррогаты творчества, удовлетворяющіе духовный голодъ въ такой же мѣрѣ и съ такими же послѣдствіями, какъ „пьяный хлѣбъ" удовлетворяетъ физическій, но это лучше всего доказываетъ существованіе того „голода", который удовлетворяется только творчествомъ, той потребности хотя бы чѣмъ-нибудь выдѣлиться, стать выше другихъ и владѣть другими, того стремленія къ „*славѣ*", которое чаще всего бываетъ *тщетнымъ* и потому называется *тщеславіемъ*, чѣмъ-то смѣшнымъ и нелѣпымъ, но слишкомъ присущимъ всему человѣчеству.

Если мы лишены возможности наслаждаться какой-либо дѣйстви-

тельной, хотя бы самой ничтожной властью, то всѣ наши усилія устремляются къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ *импонировать* чѣмъ-нибудь въ микроскопическомъ районѣ своего муравейника. Вотъ почему всякіе ордена, ленты и знаки *отличія* заставляютъ насъ захлебываться отъ восторга, а если ихъ нѣтъ, то мы удовлетворяемся и жетономъ „велосипеднаго" общества и даже медалью, полученной нашимъ пуделемъ на собачьей выставкѣ. Но если и это невозможно, то мы по-крайней мѣрѣ хотимъ быть „*не хуже другихъ*", чтобы и у насъ все было, „*какъ у всѣхъ*". Свѣтская модница, отдающая послѣднія деньги за платье новаго фасона, какъ и деревенская баба, покупающая на ярмаркѣ „модный" ситецъ „горошкомъ"; мелкій чинуша, который впервые получилъ возможность обзавестись собственной квартирой и спѣшитъ купить „диванъ, два кресла, круглый столъ съ лампой и олеографію на стѣну", какъ и банкиръ, отдѣлывающій квартиру въ стилѣ „модернъ" и ухлопывающій десятки, а то и сотни тысячъ на то, что его лично вовсе не интересуетъ и въ глубинѣ души признается ненужнымъ и глупымъ;—всѣ, рѣшительно всѣ, начиная съ владыкъ міра и кончая послѣднимъ нищимъ, одинаково, неизбѣжно и стихійно руководятся этимъ роковымъ закономъ: „*какъ у всѣхъ*" и „*не хуже другихъ*", если ужъ нельзя „*лучше, чѣмъ у другихъ*".

„Лучше, *чѣмъ* у другихъ"!... Эта колоссальная сила, порождающая столько нелѣпостей,—только антиподъ, изнанка не одного лишь стремленія къ власти и величію, но и изуродованнаго до полной неузнаваемости стремленія къ совершенству, къ тому, чтобы *самимъ быть лучше другихъ*. Но вѣдь встрѣчаются же и въ наше время, и въ нашей сѣрой жизни примѣры самопожертвованія, великодушія, благородства... Есть же и такія сестры милосердія, и рѣдкіе врачи и сельскіе учителя, и тысячи людей, работающихъ на другихъ поприщахъ, жертвующихъ своею молодостью, жизнью, всѣми ея радостями и наслажденіями *не* по нуждѣ и необходимости, *не* изъ-за куска хлѣба или карьеры, а только по убѣжденію, только потому, что они искренно и всецѣло преданы чему-то, стоящему выше простыхъ житейскихъ соображеній,—преданы извѣстной идеѣ, служеніе которой прежде всего въ ихъ собственномъ представленіи дѣлаетъ ихъ лучше, благороднѣе, *совершеннѣе*, и пока такіе люди есть, пока ихъ жизнь и дѣятельность признается почетной и заслуживающей уваженія и преклоненія,—нельзя говорить, что „стремленіе къ совершенству" уже совершенно заглохло и выродилось въ современномъ человѣчествѣ.

Правда, если есть люди, которые искренно преклоняются передъ такими именно потому, что чувствуютъ ихъ превосходство и свою слабость и неспособность на подобный подвигъ, то у громаднаго большинства подобное уваженіе—чисто внѣшнее, и про себя каждый изъ нихъ скажетъ: „ну, нѣтъ, меня на этакое „служеніе" не поддѣнешь, я уже лучше безъ „совершенства" дома посижу въ холѣ и покоѣ". Мы слишкомъ лицемѣрны, фальшивы и трусливы, чтобы говорить объ этомъ громко, и лишь слишкомъ обнаглѣвшіе или отупѣвшіе высказываютъ подобныя соображенія вслухъ легко и свободно. Но пусть лишь близкій, дорогой человѣкъ рѣшится промѣнять карьеру хотя бы столоначальника на подобный подвигъ „стремленія къ совершенству", — тогда и наиболѣе преклоняющіеся, опустивъ глаза и разводя руками, готовы запѣть

„... Я вамъ сказать обязанъ:
Я не герой, я не герой"...

и употребятъ всѣ усилія, чтобы удержать отъ „геройства" и близкаго имъ человѣка. Но одно уже

то, что они при этомъ опускаютъ глаза и разводятъ руками, доказываетъ, что если у нихъ и атрофировалось всякое стремленіе къ совершенству, то не утерялось еще сознаніе своего несовершенства, безсилія и стыда за эту атрофію.

И глубоко затаенное и такое же стихійное стремленіе человѣка къ безсмертію тоже проявляется въ тысячахъ мелочей, не имѣющихъ, какъ будто, ничего общаго съ безсмертіемъ. Египетскіе фараоны въ теченіе всего своего царствованія заставляли тысячи людей работать надъ созиданіемъ пирамидъ, которыя должны были увѣковѣчить и обезсмертить ихъ жизнь и дѣянія. Но той же потребностью руководится и императоръ Вильгельмъ, посылающій въ подарокъ другимъ государствамъ статуи своихъ предковъ, чтобы обезсмертить свой родъ, и раздающій въ видѣ высшей милости направо и налѣво собственныя изображенія; мы, грѣшные, время отъ времени позирующіе передъ аппаратомъ фотографа, чтобы оставить добрымъ знакомымъ и собственному потомству образъ нашей драгоцѣнной особы, мы, испытывающіе такое удовольствіе, когда насъ рисуютъ или снимаютъ, а тѣмъ болѣе, когда нашъ портретъ помѣщаютъ хотя бы въ газетномъ приложеніи, какъ и наша кухарка Матрена, которая несетъ тому же фотографу чуть ли не мѣсячный свой заработокъ за увѣковѣченіе ея курносой физіономіи; богатый купецъ, еще при жизни и въ добромъ здравіи покупающій себѣ мѣсто на кладбищѣ, строящій склепъ, заказывающій надгробный памятникъ и даже трогательную эпитафію; „поэты", подписывающіе свои рифмы на заборахъ полнымъ именемъ и фамиліей, какъ и безчисленные авторы хотя бы замѣтокъ о пожарахъ, задыхающіеся отъ восторга, когда впервые появится въ печати ихъ „статейка"; всѣ тѣ, которые производятъ и дарятъ „на память" всякіе сувениры,— всѣ, всѣ одинаково хотятъ „жить вѣчно", или какъ можно дольше въ памяти другихъ, сознательно или инстинктивно, плодотворно, смѣшно или глупо, но одинаково стремятся *къ безсмертію*, руководствуясь изъ глубины своей человѣческой природы той же силой, которая владѣла и Геростратомъ, и Рафаэлемъ, и Вильгельмомъ, и Александромъ Македонскимъ, и даровымъ, работающимъ изъ „любви къ искусству", провинціальнымъ „корреспондентомъ", и Львомъ Толстымъ, и невѣдомымъ изобрѣтателемъ колеса, и Галлилеемъ, Колумбомъ, Коперникомъ, и сотнями тысячъ имъ подобныхъ.

Какъ бы это ни показалось на первый взглядъ странно и парадоксально, но жизнь, если въ нее вдуматься внимательнѣе, на каждомъ шагу убѣждаетъ насъ, что стремленіе къ власти, могуществу, величію, безсмертію и творчеству лежитъ въ самой основѣ человѣческой природы и потому слишкомъ живуче и вѣчно, и если часто проявляется такъ уродливо и нелѣпо, то потому, что сама жизнь и ея условія такъ же часто принимаютъ слишкомъ ненормальныя разнообразныя формы, какъ разнообразны до безконечности и разновидности человѣческихъ экземпляровъ, вырабатываемыхъ этой жизнью и ея условіями, не говоря уже о томъ разнообразіи, которое легло въ основу человѣческихъ отношеній съ перваго момента ихъ существованія.

Даже въ то время, когда человѣкъ ничѣмъ не отличался отъ животнаго, въ первомъ же человѣческомъ стадѣ царило то же разнообразіе, которое мы видимъ и въ стадѣ животныхъ: выдѣлились наиболѣе здоровые и физически сильныя особи и, подчинивъ себѣ остальныхъ, завладѣли властью. На этой первой ступени прежде всего необходима была только физическая сила и для поддержки самаго су-

ществованія, и для защиты стада отъ массы угрожавшихъ ему опасностей, и потому польза и выгода ея были очевидны помимо того, что сама она внушала страхъ и опасеніе всѣмъ болѣе слабымъ,—и волей не волей, все подчинялось только грубой физической силѣ.

Но по мѣрѣ совершенствованія человѣческаго интеллекта, развитія творческихъ способностей и сознанія своей высшей силы и назначенія, люди, способные къ творчеству, поднялись не только надъ тѣми, которые стояли еще на уровнѣ животнаго, въ комъ это сознаніе было лишь въ зародышѣ или вовсе еще отсутствовало, но и надъ тѣми, которые инстинктивно сознавали возвышающую силу и превосходство творчества, но сами не были въ состояніи творить, и потому особенно преклонялись предъ нимъ. Рядомъ съ чисто духовными стремленіями, открывавшими человѣку все новые и новые горизонты, — творчество мысли, кромѣ того, обогащало человѣчество и новыми открытіями и благами, насущная польза и несомнѣнная выгода которыхъ были очевидны и для наиболѣе животной части человѣческаго рода. Тотъ, кто первый замѣтилъ легкость движенія катящагося круглаго бревна и дошелъ до устройства перваго колеса, кто сдѣлалъ рядъ другихъ подобныхъ открытій, кто изобрѣлъ, наконецъ, пращъ, лукъ и стрѣлы, передъ которыми физическая сила неизбѣжно должна была отступить на второй планъ, кто научилъ свое стадо примѣнять эти изобрѣтенія и пользоваться ими, — тотъ внушилъ къ себѣ болѣе сложное чувство въ окружающихъ, чѣмъ простой страхъ передъ грубой силой, — чувство, смѣшанное изъ благодарности, уваженія, признанія его превосходства, какъ болѣе догадливаго, смѣтливаго, наблюдательнаго, находчиваго, сообразительнаго, способнаго и умнаго,—*духовно сильнаго*,—и невольно явилось подчиненіе силѣ, которая выражалась этими качествами и съ которой съ этого момента должна была считаться и физическая сила. Наверху человѣческаго стада, у власти оказалось и творчество мысли, *сила духовная*, вступившая съ перваго же момента своего существованія въ вѣчную и безпрерывную борьбу съ матеріальной за первенствующее мѣсто и значеніе,—борьбу, которая съ перемѣннымъ успѣхомъ ведется и до настоящаго момента.

Такимъ же образомъ выдѣлилась и другая область духовной жизни и дѣятельности человѣка — творчество чувства. Живое существо не можетъ ограничиваться только тѣмъ, что оно существуетъ и поддерживаетъ самое существованіе: когда эта первая потребность удовлетворена, — ему также свойственно ощущать безпричинную радость и наслажденіе жизнью, и въ минуты усиленнаго притока силъ, ихъ подъема, избытка, въ минуты усиленнаго ощущенія этой радости — она требуетъ исхода, выраженія, которое, выливаясь наружу въ движеніяхъ и звукахъ, у человѣка проявляется въ танцахъ, пѣніи и музыкѣ. Какъ стадному животному, человѣку, кромѣ того, присуща потребность общенія и въ этихъ выраженіяхъ радости и наслажденія, потребность дѣлить ихъ съ другими и заражать ими другихъ. И тотъ, въ комъ избытокъ силъ былъ больше, кто чувствовалъ его острѣе, сильнѣе и глубже, кто цѣльнѣе и непосредственнѣе отдавался этому чувству, кто обладалъ большей силой, способностями и средствами для передачи своихъ чувствъ, большей легкостью выражать ихъ и заражать ими другихъ,—тотъ тоже выдѣлялся этимъ изъ общей массы, возбуждая въ ней восторгъ своими преимуществами и способностями и признаніе ихъ слабости по отношенію къ этимъ преимуществамъ, *завладѣвалъ ими* и тоже *становился у*

власти, завоеванной не общимъ признаніемъ пользы и выгоды его творчества, а признаніемъ того обилія наслажденій и радости, которыя онъ дарилъ своему стаду.

Духовный міръ, психика артиста слишкомъ сложна, неуловима, тонка, трудно поддается анализу и художественному воспроизведенію; вотъ почему эта сторона остается почти нетронутой во всей европейской беллетристикѣ, и тамъ, гдѣ выводится на сцену художникъ, онъ въ большинствѣ случаевъ является какимъ-то уродомъ, ненормальнымъ существомъ. Гоголь и Тургеневъ не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія, но тотъ же Тургеневъ далъ сжатую, краткую, но необыкновенно яркую и сильную картину *проявленія власти* художественнаго творчества, его воздѣйствія на другихъ.

Всѣ знакомы съ его разсказомъ „Пѣвцы". Въ „Притынномъ" кабачкѣ состязаются въ пѣніи рядчикъ и Яшка-Турокъ. Рядчикъ, показавшійся автору „изворотливымъ и бойкимъ городскимъ мѣщаниномъ", и въ пѣніи остается такимъ же бойкимъ искусникомъ, заслуживающимъ одобреніе, но не „трогающимъ", искусникомъ безъ творческихъ элементовъ. Другое дѣло Яковъ, „по душѣ—художникъ во всѣхъ смыслахъ этого слова". Ему предстоитъ или подчинить себѣ всѣхъ и своего соперника, или убѣдиться въ своемъ безсиліи,—и художникъ весь ушелъ въ себя, онъ не сразу рѣшается на эту борьбу: „когда же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо—оно было блѣдно, какъ у мертваго... Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ... Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ: мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Иваныча такъ и выпрямилась... „Не одна во полѣ дороженька"—пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ *сладко становилось и жутко*... Пѣснь росла, развивалась. Яковомъ видимо овладѣвало упоеніе; онъ уже не робѣлъ, *онъ отдавался весь своему счастью*; голосъ его не трепеталъ болѣе—онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся... Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, *но видимо поднимаемый*, какъ бодрый пловецъ волнами, *нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участіемъ*... У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанныя рыданія внезапно поразили меня... Я оглянулся—жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну. *Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго*; Николай Ивановичъ потупился; Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку... и по желѣзному лицу Дикаго-Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза..."

Отчего они плакали? Не отъ словъ пѣсни и ея мотива, которые имъ были хорошо извѣстны. Ученый глубокомысленно, точно и опредѣленно объяснитъ эти слезы чисто физіологическими законами и самодовольно успокоится. Ну, а гдѣ же причина, вызвавшая къ дѣйствію эти, а не другіе законы, почему всѣмъ становилось не только *„сладко"*, но и *„жутко"*? Сладко отъ восторга, избытокъ котораго вылился слезами, отъ наслажденія, благодарности, любви, явившихся символомъ ихъ подчиненія, но отчего „жутко"? Не оттого-ли, что человѣкъ очутился здѣсь лицомъ къ лицу съ неразгаданной тайной, съ могущественной, божеской силой, которую не пріобрѣтешь по желанію, не купишь, которая сама дается избраннымъ, владѣющимъ

ею, а остальные ей невольно поддаются и чувствуютъ свою слабость, и подчиненіе, и непреодолимую жажду такой же власти, и цѣлый рядъ другихъ жуткихъ ощущеній, еще менѣе опредѣленныхъ и уловимыхъ? Кто можетъ отрицать это, опираясь на убѣдительныя доказательства, а не на одно только „я этого не думаю"?

Какъ-бы то ни было, но признаки власти, силы и подчиненія здѣсь болѣе, чѣмъ очевидны.

Потребности чувства и ихъ первоначальныя выраженія въ области движенія и звука одинаково свойственны всему животному міру и коренятся въ самой животной природѣ человѣка; вотъ почему возросшія изъ этихъ корней искусства, какъ танцы, пѣніе и музыка, на протяженіи всей жизни человѣчества развивались съ неослабѣвающей интенсивностью, связаны съ этой жизнью неразрывными физіологическими узами и будутъ жить и властвовать надъ людьми вѣчно, пока живетъ человѣкъ, до какого-бы озвѣренія онъ ни опустился.

Не такая завидная судьба выпала на долю изобразительныхъ искусствъ. И они выросли на той-же животной почвѣ—потребности самоукрашенія—и пока не возвышались надъ ней, или поднялись лишь на первую ступень,—украшенія, кромѣ себя, также и всего окружающаго,—были присущи всему человѣчеству, также возбуждали восторгъ и радость, преклоненіе менѣе способныхъ и сильныхъ, хотя восторгъ—не такой шумный, наслажденіе—не такое жгучее и острое и преклоненіе—не такое очевидное и всеобщее. Но лишь только животная потребность самоукрашенія превратилась въ такую же непреодолимую *потребность воспроизведенія, присущую только человѣку* и отличающую его отъ всего животнаго міра, и вступила въ чисто абстрактную область, — власть ея значительно съузилась и ограничилась меньшимъ кругомъ подчиненныхъ, среди же остального человѣческаго стада ее замѣнила другая потребность, суррогатъ первой, чисто—животная *потребность подражанія*, породившая все то, что мы называемъ *тщеславіемъ*, неизсякаемый источникъ безконечной массы самыхъ разнообразныхъ нелѣпостей, несуразностей, уродливостей, всего чудовищно смѣшного, глупаго и унижающаго человѣческое достоинство.

Когда первый художникъ, руководимый несознаваемымъ инстинктомъ и призваніемъ, вылѣпилъ изъ глины или вырѣзалъ изъ кости первое изображеніе своей самки, и этотъ плодъ его творчества увидѣли другіе, то отнеслись къ художественному произведенію и его автору далеко не всѣ одинаково. Одни почувствовали непонятное для нихъ удовольствіе и радость, въ нихъ проснулась та-же потребность и желаніе сдѣлать тоже и такъ же, и лишь когда то, что они сдѣлали, оказалось слабѣе, хуже, или же они вовсе не въ состояніи были справиться со своей задачей,—они невольно признали преимущества перваго художника. Потребность творчества и наслажденія имъ уже въ нихъ проснулась, сами они своими средствами въ достаточной степени удовлетворить ее не могли, и имъ оставалось только наслаждаться творчествомъ других и платить имъ за это благодарностью и любовью.

Но такихъ нашлось слишкомъ немного,—то, относительно ничтожное меньшинство, которому въ большей степени были присущи отличительныя человѣческія черты: стихійное стремленіе къ могуществу, къ величію, къ подчиненію себѣ всего окружающаго путемъ постояннаго творчества и самосовершенствованія, въ комъ громче говорилъ природный инстинктъ безсмертія; такіе, конечно, преклонялись передъ болѣе сильными, осязательными и плодотворными проявленіями тѣхъ

же стремленій. Не такъ отнеслась къ нимъ масса, огромное большинство, въ которомъ эти стремленія въ зародышевюмъ состояніи крѣпко спали, подавленные тяжелымъ гнетомъ обильныхъ и сильныхъ животныхъ инстинктовъ, угожденіемъ которымъ цѣликомъ заполнялась вся ихъ жизнь со всѣми ея потребностями и радостями. Такими и очевидно плодотворная и существенно для нихъ полезная работа мысли не всегда сознавалась; что же касается абстрактныхъ полетовъ чувства, то до нихъ этому животному стаду не было рѣшительно никакого дѣла, и ко всему духовному творчеству человѣка оно относилось съ большимъ или меньшимъ безразличіемъ.

Такимъ образомъ, какъ только человѣчество стало сплачиваться въ большія общества, оно раздѣлилось на властвующихъ и подчиненныхъ, на сильныхъ физически или духовно, на болѣе слабыхъ, подчинявшихся сознательно, и на животную массу, въ которой такое подчиненіе было чисто инертнымъ. Вслѣдствіе такого раздѣленія и самая потребность власти, присущая каждому человѣку, стала проявляться крайне разнообразно: у сильныхъ, знакомыхъ уже съ ея роскошью,—все интенсивнѣе и настойчивѣе, у подчиненныхъ—все слабѣе и рѣже, постепенно смѣняясь преклоненіемъ передъ силой и даже потребностью подчиненія, которую мы видимъ въ рабахъ, женщинахъ, какъ и во всѣхъ окончательно загнанныхъ, забитыхъ и подавленныхъ.

И все же борьба за власть, подобно борьбѣ за самое существованіе, ведется безпрерывно не только между подчиненными и властвующими, но и въ средѣ послѣднихъ—за первенство. Какъ только творчество чувства стало проявлять свои силы, люди анализа, мысли не замедлили оцѣнить это явленіе, какъ матеріалъ для ихъ собственнаго творчества, и подчинили себѣ эту силу тѣмъ легче, что какъ ни дорога для всякаго артиста та любовь, которою выражается подчиненіе ему другихъ, все же для него еще дороже самое творчество, тѣ наслажденія, которыя сопряжены съ его процессомъ. Итакъ, всей сплоченной силѣ духовнаго творчества оставалась только вѣчная борьба съ такой же колоссальной, враждебной ей по самой природѣ своей, грубой, вещественной, матеріальной силой, основанной на чисто животныхъ инстинктахъ и свойствахъ человѣка.

Все это ярко выразилось еще на зарѣ исторической жизни человѣчества, когда мы вездѣ встрѣчаемъ болѣе или менѣе опредѣленное дѣленіе на касты, гдѣ вездѣ во главѣ стоятъ жрецы и воины, т.-е. представители творческой мысли и животной силы, затѣмъ слѣдуютъ ремесленники и среди нихъ художники, которые лишь много позже, когда человѣчество достигло значительнаго развитія, становятся въ первыхъ рядахъ,—а затѣмъ уже слѣдуютъ массы, предназначенныя для черной работы,—поддержанія жизни,—и то прежде всего жизни и удобствъ властвующихъ, а потомъ уже ихъ собственной.

Изъ сказаннаго не трудно опредѣлить, какія свойства выдѣлили изъ этихъ группъ художника, и чѣмъ онъ отличается отъ другихъ людей.

Всѣмъ людямъ въ большей или меньшей степени присуща *потребность воспроизведенія* видимаго и ощущаемаго. Въ наиболѣе слабой, зародышевой формѣ она проявляется въ *потребности подражанія*, составляющей нѣчто насущно необходимое даже для той части человѣчества, которая граничитъ съ животными: только послѣднія не одержимы этой потребностью, хотя и не лишены способностей къ подражанію. Художникъ же отличается отъ всѣхъ людей прежде всего тѣмъ, что въ немъ эта, исключительно *человѣческая* потребность—

является доминирующей; на ней прежде всего сосредоточены всѣ его силы, способности, стремленія, цѣли, вся его любовь, дѣятельность, — вся его жизнь.

Первый художникъ появился въ ту эпоху, когда еще не было раздѣленія труда, когда каждый самолично долженъ былъ добывать все ему необходимое, и жизнь была такъ трудна, средства и орудія человѣка такъ скудны, что для самой поддержки существованія нужны были всѣ его силы безъ остатка. Если же находились люди, у которыхъ этихъ силъ хватало еще и на творчество мысли и новыя открытія и изобрѣтенія, и на творчество чувства, на созиданіе совершенно чуждыхъ насущнымъ потребностямъ предметовъ, то очевидно эти люди обладали и большими силами, *избыткомъ ихъ, большей выносливостью, трудоспособностью и потребностью постоянной дѣятельности.*

Достаточно вспомнить Микель-Анджелло, до глубокой старости въ аскетическомъ уединеніи безпрерывно работавшаго надъ твореніями, требовавшими не только гигантскаго дарованія, но и такихъ же физическихъ силъ и нечеловѣческаго ихъ напряженія; Сервантеса, бывшаго и кандидатомъ въ монахи, и морякомъ, и солдатомъ безумной отваги, израненымъ въ бояхъ, пять лѣтъ просидѣвшаго въ оковахъ въ неволѣ, потомъ написавшаго цѣлый рядъ драмъ и повѣстей, послѣ любовныхъ интригъ и похожденій обзаведшагося многочисленной семьей, терпѣвшаго нужду, дважды сидѣвшаго въ тюрьмѣ и тамъ на „шестомъ десяткѣ“ создавшаго безсмертнаго Донъ-Кихота; Леонардо да-Винчи, разнообразной геніальной дѣятельности котораго хватило-бы на десятокъ жизней десятка художниковъ, ученыхъ и писателей. Такими колоссами пестритъ блестящая эпоха Возрожденія, но и въ наше сумеречное время упадка силъ и неврастеніи живетъ Левъ Толстой, жизнь и дѣятельность котораго всѣмъ хорошо извѣстна; недавно жилъ Беклинъ, умершій лишь въ глубокой старости, долго съ огромной семьей перебивавшійся въ нуждѣ и все же находившій возможность постоянно работать и создать тысячи произведеній, да при этомъ еще изобрѣтать воздухоплавательные аппараты, и оставилъ послѣ себя не только всемірную славу, но и богатство. Такіе примѣры не только исключительнаго дарованія, но и гигантскаго избытка силъ, и бѣшеной, горячечной дѣятельности, нечеловѣческой выносливости, безпрерывнаго труда и безконечнаго расточанія силъ,—не рѣдкость и въ наше время.

Ницше глубоко правъ, говоря въ своей „Психологіи искусства“, что „артистъ принадлежитъ къ особо сильной расѣ; онъ не только богато одаренъ духовными силами, но „въ физическомъ отношеніи—это мощное, роскошное животное, которому и въ этой области доступно больше, чѣмъ дюжинному человѣку“.

Избытокъ силъ сопровождается и другими состояніями, отличительно свойственными художнику, настолько исключительными и такъ глубоко связанными съ болѣзненными, что, повидимому, кажется невозможнымъ, чтобы художникъ былъ здоровымъ. Но по пословицѣ „что русскому здорово — то нѣмцу — смерть“,—все то, что для насъ было бы признакомъ болѣзни, у него составляетъ лишь часть его натуры. Упадокъ силъ у вялыхъ натуръ послѣ всякихъ нервныхъ эксцентричностей совершенно чуждъ художнику, для котораго такія злоупотребленія проходятъ безнаказанно. Онъ слишкомъ богатъ и можетъ быть расточительнымъ, ничего не теряя, и если въ нашихъ современныхъ художникахъ много общаго съ истеричными женщинами,

то это говоритъ противъ „современности", а не противъ артиста.

Такимъ состояніемъ, связаннымъ съ избыткомъ силъ, является экстазъ, *возбужденіе*, которое полнѣе всего опредѣляется порой токованія у животныхъ, когда появляются новые органы, способности, цвѣта и формы, новые ритмы, манящіе звуки, уловки и пріемы завлеченія. То же и у влюбленнаго человѣка. Любящій фактически сильнѣе, стоимость его выше, все его внутреннее хозяйство становится богаче, могущественнѣе, цѣльнѣе. Человѣкъ дѣлается щедрымъ, отважнымъ до безумія, осломъ великодушія и наивной вѣры. У художника всѣ эти свойства постоянны и присущи ему отъ природы: онъ все видитъ не такъ, какъ есть, а полнѣе, проще, сильнѣе. *Вся его жизнь—постоянное запойное возбужденіе, не прекращающаяся молодость, постоянная весна, продолжающаяся до смерти. Отсюда—чрезмѣрная острота нѣкоторыхъ чувствъ и экспансивность*, потребность освободиться отъ этого избытка, переполняющаго все его существо, высказаться, говорить и выражаться тысячами средствъ, дѣлиться роскошной полнотой своихъ чувствъ, передавать ихъ другимъ, къ чему побуждаетъ его сама натура. Такое постоянное возбужденіе является въ высокой степени сознаніемъ и чувствомъ силы: кругозоръ расширяется и углубляется, все схватывается на лету, обостряется способность пониманія, всѣ силы нашего интеллекта становятся чувственными.

Вслѣдъ за повышеннымъ сознаніемъ силы идетъ *повышенное и обостренное чувство власти, подчиненія себѣ*, какъ доказательства способности заражать своимъ возбужденіемъ другихъ. Но здѣсь слѣдуетъ отличать способныхъ заражаться *чужимъ возбужденіемъ*, людей лишь артистически впечатлительныхъ, отъ артистовъ, у которыхъ *возбужденіе кроется въ нихъ самихъ*, въ ихъ натурѣ; людей отзывчивыхъ къ творчеству, но неспособныхъ творить,—отъ творящихъ*). Это лишь „вѣрноподданные" артиста, стоящіе выше животной толпы, тѣ, которымъ присущи высшія человѣческія стремленія, но нѣтъ достаточно средствъ, силъ и способностей ихъ проявлять, и они могутъ лишь заражаться и восхищаться такими проявленіями: они наслаждаются и достигаютъ наибольшаго возбужденія лишь *воспринимая*, тогда какъ артистъ чувствуетъ то же, *передавая* и *отдавая* свои впечатлѣнія. Между ними тѣ же отношенія, что и между двумя полами: одинъ даетъ, оплодотворяетъ —другой принимаетъ, вынашиваетъ.

Слѣдствіемъ избытка силъ является и *необыкновенная выносливость и трудоспособность* артиста, подобно тому, какъ слѣдствіемъ постояннаго возбужденія и экспансивности, постоянной потребности проявлять свои силы—является *потребность безпрерывной дѣятельности*. Чиновникъ, работникъ, всякій дюжинный труженикъ, внезапно освобожденный отъ своего подневольнаго труда и получившій возможность жить свободно,—не знаетъ, что дѣлать съ этой свободой; жизнь его становится пустой, ему скучно, и онъ или предается животному прозябанію,—ѣстъ и спитъ —или заполняетъ пустоту жизни виномъ, картами, сплетнями, развратомъ, выходками самодурства. Для художника свобода, возможность предаться безраздѣльно тому, что составляетъ его призваніе,—мечта его жизни, величайшее счастіе! Онъ найдетъ, чѣмъ заполнить десятокъ существованій, онъ не знаетъ скуки и пустоты жизни, и каждая новая дѣятельность является для него лишь отдыхомъ отъ только что оставленной, отдыхомъ со всѣми его радостями и наслажденіями. Писатели, которые выставляютъ художниковъ лѣнтя-

*) Ницше, Пс. Нек.

ями и бездѣльниками, жестоко клевещутъ на нихъ, или же не въ состояніи отличить въ жизни породистаго художника отъ породистаго лѣнтяя, который маскируетъ свое бездѣльничаніе якобы „артистичностью“ натуры. *Работа и безпрерывная дѣятельность, особенно такая, къ которой лежитъ его душа,—для художника является стихіей, внѣ которой онъ задыхается, какъ рыба безъ воды, чахнетъ, какъ орелъ, засаженный въ клѣтку*.

Съ легкой руки тѣхъ же неглубокихъ писателей, а еще больше похотливыхъ натуръ, для прикрытія своихъ безчинствъ драпирующихся въ тогу артиста, благо такое присвоеніе чужой собственности закономъ не предусмотрѣно,—въ той людской массѣ, которая не углубляется въ сущность и причины явленій, установилось крайне поверхностное и ошибочное мнѣніе о страстности художниковъ, ихъ половыхъ излишествахъ и склонности къ разврату. Этому, впрочемъ, способствуютъ тѣ свойства артиста, которыя *по внѣшнимъ* своимъ проявленіямъ какъ будто подтверждаютъ подобное мнѣніе, но въ корнѣ—существенно ему противорѣчатъ.

„Самая натура артиста, богато одареннаго избыткомъ не только духовныхъ, но и физическихъ силъ,—дѣлаетъ его чувственнымъ; каждое изъ его чувствъ легко возбуждается, слѣдовательно и половое, и безъ половой приподнятости трудно представить себѣ даже „божественнаго“ Рафаэля*). Но половая приподнятость ищетъ исхода въ процессѣ размноженія, во всемъ, что сопряжено съ этимъ процессомъ, назначеніе котораго—продолженіе *вида*, его выдѣленіе и совершенствованіе. У художника же эта „приподнятость“ направляется къ усиленному продолженію и вѣчной жизни *его личности*, его духовнаго „я“, выражается въ усиленной дѣятельности его духовнаго творчества, въ размноженіи его творческихъ произведеній искусства, а не потомства въ прямомъ смыслѣ этого слова, на которое онъ расходуетъ лишь *остатки* этой приподнятости. „Созиданіе художественныхъ произведеній—то же созиданіе потомства, такъ какъ одна и та же сила расходуется какъ въ половомъ актѣ, такъ и въ процессѣ художественнаго творчества“ *), и вся несомнѣнная „приподнятость“ у художника направляется въ сторону послѣдняго. Вѣдь въ этомъ заключается его главное жизненное назначеніе, которому онъ инстинктивно отдается всецѣло. Вотъ почему *геніальные* артисты въ большинствѣ случаевъ бездѣтны, или же если у нихъ бываетъ потомство, и даже многочисленное, то дѣти ихъ не отличаются выдающейся интеллектуальной силой, и, во всякомъ случаѣ, исторія не знаетъ примѣровъ, чтобы дѣти унаслѣдовали геніальность отца,—она вся уходитъ въ его духовное творчество. Наслѣдственнымъ бываетъ лишь предрасположеніе, способности, которыя часто изъ рода въ родъ проявляются ярче, сильнѣе, но лишь до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до предѣла совершенной полноты— геніальности.

Если же въ узко половомъ отношеніи артистъ позволяетъ себѣ больше, то это отнюдь не „излишества“ и не въ силу „приподнятости“ половаго чувства, а потому, что онъ и какъ животное является „мощнымъ, роскошнымъ“ животнымъ, и въ этомъ отношеніи сильнѣе одаренъ отъ природы, богаче и полнѣе, чѣмъ другіе“.

Вотъ что говоритъ объ этомъ такой „породистый“ художникъ, какъ Гюи-де-Мопасанъ:... „*Бываютъ дни*, когда я всѣмъ наслаждаюсь, какъ животное. *Если мой тревож-*

*) Ницше, Пс. Иск.

*) Ницше, Пс. Иск.

ный, измученный работой умъ стремится къ надеждамъ, несвойственнымъ нашей расѣ, и потомъ снова впадаетъ въ презрѣніе ко всему, убѣдившись въ ничтожествѣ всего существующаго, мое животное тѣло упивается всѣми опьяняющими радостями жизни. Я люблю небо, какъ птица, лѣса, какъ блуждающій волкъ, скалы, какъ дикая коза, высокую траву, чтобы валяться въ ней, чтобы бѣгать по ней, какъ конь, и свѣтлую воду, чтобы плавать въ ней, какъ рыба. Я чувствую въ себѣ частицы всѣхъ животныхъ, всѣхъ инстинктовъ, всѣхъ смутныхъ желаній низшихъ существъ. Я люблю землю, какъ эти животныя, а не такъ, какъ вы, люди. Я люблю животной и глубокой, презрѣнной и священной любовью все, что живетъ, все, что растетъ, все, что мы видимъ, потому что все это, не тревожа мой умъ, умиляетъ мой взоръ и мое сердце. Я люблю все: и дни, и ночи, и рѣки, и моря, и бури, и лѣса, и зори, взглядъ и тѣло женщинъ" *)...

„Бываютъ дни"... У художника только *бываютъ* такіе дни, когда въ немъ мощно просыпается животное, въ то время какъ у чисто животныхъ людей это состояніе *постоянное* и безпрерывное, и часто у нихъ не только не бываетъ дней, но даже и *минутъ*, которыя бы они цѣликомъ отдавали духовной жизни, когда бы въ нихъ хотя слабо зашевелились духовныя потребности. Въ этомъ выражается еще одно изъ наиболѣе характерныхъ свойствъ художника, которымъ онъ отличается отъ другихъ людей. И когда же у него *бываютъ* эти „животные" дни? Лишь тогда, когда его духовная дѣятельность доводитъ его духовныя силы до полнаго изнеможенія и для нихъ требуется *короткій, временный* отдыхъ; тогда, и лишь *на время*, свойственная ему общая „приподнятость" находитъ исходъ и въ половыхъ функціяхъ. Но вѣдь это болѣе, чѣмъ умѣренность, и художники въ половомъ отношеніи скорѣе люди крайне воздержные.

„Воздержаніе художника происходитъ отъ чисто фатальнаго могущества внутренней жизни, мечты, которая изъ внѣшнихъ явленій жизни беретъ только то, что въ нихъ есть духовнаго и только до тѣхъ поръ, пока это *духовное* существуетъ. Эта слѣпая, могущественная сила уничтожаетъ и личное счастіе художника, его силы, и даже продуктивность его таланта для постояннаго поддержанія молодости духа, его роста и созрѣванія. Это позволяетъ посвящать личной жизни и счастію лишь немногіе обыденные часы ожиданія новыхъ проблесковъ чарующей жизни духа. И разъ наступитъ такой моментъ, — художникъ вырвется изъ объятій любовницы не потому, что имъ овладѣетъ „вампиръ таланта", а другой вампиръ, —вампиръ поэзіи, творчества, открывающій передъ нимъ завѣсу, за которой скрываются только ему доступныя радости жизни: *радости творчества.*

„Вотъ почему художники приносятъ только горе и несчастія своимъ самкамъ. Артисты не созданы для интрижекъ и любовныхъ похожденій; здѣсь, какъ и вообще въ сутолокѣ жизни, легко лавируютъ лишь практическіе люди. Всѣ явленія жизни художники воспринимаютъ глубже, обширнѣе, поэтому реагируютъ на нихъ медленнѣе и не достаточно легки для жизненной пляски, а потому и въ любви остаются позади другихъ" *).

Всѣ толки объ успѣхахъ артистовъ у женщинъ слишкомъ преувеличены. Только пѣніе, которое сильно своимъ чисто физіологическимъ воздѣйствіемъ на чувства

---

*) Гюи-де-Мопасанъ — „На водѣ".

*) Берентъ. Примѣчанія къ „Психологіи искусства" Ницше.

женщины, доставляетъ такой успѣхъ. Но любой атлетъ или наѣздникъ изъ цирка, обладающій лишь роскошными мускулами, скорѣе, рѣшительнѣе и полнѣе овладѣетъ женщиной, чѣмъ самый талантливый художникъ, если у него не будетъ такихъ же вещественныхъ доказательствъ животной силы. Только исключительно одухотворенныя женщины, болѣе чуткія, впечатлительныя и воспріимчивыя къ проявленіямъ творчества,—бываютъ иногда расположены и къ артистамъ, но ихъ такъ немного, что онѣ въ данномъ случаѣ въ счетъ не идутъ, и потому въ любви художниковъ скорѣе нужно причислить къ неудачникамъ.

„... За то въ одиночествѣ они пишутъ романы и зло и настойчиво мстятъ за любовныя неудачи себѣ, жизни, женщинамъ и собственному сентиментализму, ибо *они неизлѣчимо сентиментальны* и именно поэтому часто бываютъ циничны; но ихъ цинизмъ глубже, острѣе, больнѣе и потому пугаетъ даже черствыхъ и шаловливыхъ, какъ обезьяны развратниковъ. И право же, моралистамъ здѣсь нечего громить. Венера, циничная гетера и развратница въ объятіяхъ мужа или такого моралиста,— *для художника лишь богиня, разжигающая сердце и духъ, но не чувственность*. Это понималъ Бальзакъ и онъ остерегаетъ талантливаго юношу отъ любви, а взамѣнъ ея совѣтуетъ ему писать любовныя письма. У художника царитъ лишь одинъ инстинктъ — инстинктъ его таланта,—и женщина, заглядывающая въ душу художника, увидитъ тамъ не себя, а другой образъ, образъ той, которую художникъ самъ создаетъ, воспитываетъ и духовно оживляетъ,—а такой невозможно ни измѣнить, ни похоронить любовь къ ней въ обрядѣ вѣнчанія, который такъ часто бываетъ могилой любви*).

*) Берентъ. Тамъ-же.

Во всякомъ случаѣ творчество духа прекращается тамъ, гдѣ начинается физическое размноженіе, и сама природа подсказываетъ художнику половую бережливость, которая кажется расточительностью и „излишествомъ" лишь менѣе богатымъ, мѣряющимъ ее аршиномъ собственнаго безсилія и слабости.

Артисты отнюдь не принадлежатъ къ числу людей съ сильными страстями, а тѣмъ болѣе не сладострастны, какъ и не созданы ни для половой любви, ни для супружескаго или семейнаго счастія. „Жены артистовъ" — цѣлый рядъ превосходныхъ очерковъ изъ жизни художниковъ, Альф. Додэ, „Сафо" его же, „L'oeuvre" Золя, почти единственные романы, гдѣ выведены „настоящіе" артисты, а не каррикатуры на нихъ,—вѣрно рисуютъ многочисленныя и разнообразныя причины, почему художники въ любовныхъ союзахъ такъ же несчастны, какъ и тѣ женщины, которыя связываютъ свою судьбу съ ними. Всѣ эти несчастія происходятъ отъ того, что любовь есть тоже одинъ изъ видовъ стремленія къ власти, стремленія такого же сильнаго и могущественнаго, какъ и творчество, но ограниченнаго узко животными рамками. Любовь прежде всего стремится къ взаимному подчиненію посредствомъ силы и остроты доставляемыхъ ею животныхъ наслажденій, а потомъ уже духовнаго обладанія, художнику же дорога лишь эта послѣдняя сторона ея. Физическому наслажденію онъ отдается лишь попутно и мимолетно, тотчасъ же забываетъ объ немъ, для него оно является случайнымъ и проходитъ безслѣдно, т. к. самъ онъ проявляетъ свою власть въ другой, духовной области и слишкомъ силенъ по природѣ и свободолюбивъ, чтобы выносить надъ собою какую бы то ни было власть.

„*Неужели никто никогда не будетъ понимать привязанности, не присоединяя къ ней идею обладанія и деспотизма?*... Каждый че-

ловѣкъ чувствуетъ неизмѣримую пустоту кругомъ себя, гдѣ мечется сердце и тревожно бьется мысль... и онъ обнимаетъ направо, налѣво, кого попало, не смотря, не понимая, только, чтобы не оставаться одному. Онъ точно говоритъ, какъ только сжалъ вашу руку: „теперь вы принадлежите мнѣ хоть немного"... и вотъ почему такъ много людей воображаютъ, что любятъ, не зная другъ друга, идутъ въ жизни рука объ руку, уста съ устами, даже не разглядѣвъ другъ друга. Они должны любить, чтобы не оставаться одними... Но такъ же, какъ мы остаемся одинокими, не смотря ни на какія усилія, *точно также мы остаемся свободными, не смотря ни на какія объятія*... Развѣ женщина принадлежитъ вамъ когда-нибудь вся? Знаете ли вы, что она думаетъ, даже если обожаетъ васъ? Цѣлуйте ея тѣло, упивайтесь ея красотой,—одно слово, сказанное вами или ею, можетъ поселить между вами непримиримую вражду. *Всякое чувство привязанности теряетъ свою прелесть, когда оно дѣлается властнымъ*"...*)

Художникъ глубоко наслаждается въ любви лишь *духовнымъ* подчиненіемъ самки, которое у него является и главной *цѣлью* любви; для женщины же это—только *средство* овладѣть любимымъ человѣкомъ, чтобы получить физическія, животныя наслажденія, которыя для нея являются „запретнымъ плодомъ" и потому болѣе заманчивы и представляютъ центръ ея стремленій въ любви. Въ этомъ кроется вся трагедія союзовъ между женщиной и артистомъ, въ которыхъ обѣ стороны одинаково неудовлетворены, не находятъ того, чего искали, и потому одинаково страдаютъ.

„Художникъ, подобно ныряющему въ бездну, приноситъ оттуда и грязный илъ, и гадовъ, *но и жемчужины*, и тѣ невѣдомыя созданія, которыя живутъ безъ свѣта и выдерживаютъ на себѣ невѣроятное давленіе*).

Въ этихъ безднахъ онъ соприкасается съ развратомъ и постигаетъ его, постигаетъ весь ужасъ искалѣченной человѣческой души и жизни, но отъ этого самъ не становится развратникомъ. А между тѣмъ близорукія массы именно въ этихъ „ныряніяхъ въ бездны человѣческой души" и видятъ склонность къ разврату. Конечно, и онъ падаетъ и часто погибаетъ въ этихъ ямахъ, но лишь тогда, когда потерпитъ полное и окончательное крушеніе въ своемъ назначеніи, въ присущихъ только ему стремленіяхъ, когда почувствуетъ свое безсиліе и ничтожество передъ ихъ громадностью; но тогда *онъ перестаетъ быть художникомъ*, а мы говоримъ только о художникахъ, о томъ, что присуще исключительно ихъ натурѣ.

„Созданія артиста не столько соотвѣтствуютъ реальной жизни, сколько „*творческой логикѣ*", корни которой таятся въ исключительныхъ душахъ. Съ реальной точки зрѣнія эти характеры только возможны, правдоподобны, для творца — они полны, цѣльны, неизбѣжны и совершенны. Эта двойственность логики жизни и творчества придаетъ созданному характеръ проблематическій, загадочный, побуждающій сосредоточиться и искать отвѣта, углубляться въ безчисленныя тайны души, воскрешать всѣ струны воспоминаній, оживлять всѣ трупы чувствъ, улавливать фальшъ въ живыхъ еще людяхъ и находить червей, точащихъ уже зрѣлые плоды жизненнаго опыта, будить отъ сна всѣ наши злыя и добрыя силы. Эти игрушки, создаваемыя искусствомъ, ведутъ насъ въ самые темные лабиринты души. Въ этихъ, все новыхъ и новыхъ вопросахъ, въ этомъ *побужденіи къ углубленію* въ людскую

*) Гюи-де-Мопасанъ. „На водѣ".

*) Берентъ. Тамъ-же.

и свою душу,—состоитъ все назначеніе артиста“ *). Но подобныя исканія сопряжены съ такими экспериментами надъ душой и страданіями, съ такимъ безчеловѣчнымъ отношеніемъ къ ней, которыя требуютъ не только силъ, но и *жестокости*, жестокости не только по отношенію къ другимъ, но прежде всего — къ самому себѣ.

А художникъ и въ этой жестокости, и въ этихъ страданіяхъ находитъ наслажденіе, доходящее до сладострастія: „и въ зубной боли есть сладострастіе“, говоритъ Достоевскій. И тѣ же поверхностные судьи изъ массъ напрасно видятъ въ этомъ одинъ лишь „чудовищный эгоизмъ“ художника. Это потому уже не эгоизмъ, что прежде всего страдаетъ самъ художникъ, и если, все-таки, даже собственнымъ страданіемъ способенъ наслаждаться до сладострастія, то это является послѣдствіемъ все той же нечеловѣческой выносливости и избытка и богатства природныхъ силъ, „такъ какъ лишь богатырскія души способны въ трагичной жестокости, въ мучительныхъ страданіяхъ ощущать роскошь наслажденія **).

Наконецъ, еще одно отличительное свойство художника — *вѣчная неудовлетворенность*, толкающая его все къ новой и новой работѣ, новой дѣятельности, отражающаяся и въ истинно творческихъ произведеніяхъ, которыя никогда не говорятъ *послѣдняго слова*, точнаго, абсолютнаго и опредѣленнаго. „Произведеніе искусства, которое удовлетворяетъ физика и философа тѣмъ, что въ немъ все ясно, въ которомъ нѣтъ ничего загадочнаго, проблемъ и вопросовъ, музыка котораго умолкаетъ въ нашей душѣ безъ эха мелодіи—*не есть* произведеніе искусства. Искусство рождаетъ лишь душевный голодъ, но никогда его не удовлетворяетъ“ *), какъ и самъ художникъ никогда не удовлетворяется тѣмъ, что имъ уже исполнено, путемъ, который уже открытъ и пройденъ, въ которомъ нѣтъ ничего тайнаго, загадочнаго, что бы давало матеріалъ для новыхъ открытій и новой работы. Подобная неудовлетворенность является также слѣдствіемъ *раздвоенности* его натуры, той душевной пытки, которая присуща тоже только художнику. Въ его душѣ, какъ сфинксъ изъ пепла, все вновь и вновь нарождается одинъ и тотъ же мучительный голосъ, „который непрестанно, смутно, неумолчно, назойливо, яростно упрекаетъ насъ за все то, что мы сдѣлали, и за все то, чего мы не сдѣлали, голосъ смутныхъ угрызеній, безвозвратно потерянныхъ дней, женщинъ, которыхъ мы встрѣтили въ жизни и которыя могли бы полюбить насъ, всѣхъ исчезнувшихъ радостей, умершихъ надеждъ; голосъ того, что проходитъ, бѣжитъ, обманываетъ, исчезаетъ, того, чего мы не достигли, чего мы никогда не достигнемъ; тоненькій голосокъ, кричащій объ испорченной жизни, о безполезности усилій, о немощи духа и слабости плоти... Онъ говоритъ намъ о томъ, что мы хотѣли бы *видѣть, понять, знать, извѣдать, чего нашъ ненасытный умъ коснулся съ безплодной надеждой, къ чему онъ стремился, но не могъ разорвать оковавшую его цѣпь невѣдѣнія*... Мы должны бы обладать жизненной силой цѣлаго народа, всѣмъ умомъ, разсѣяннымъ во всѣхъ людяхъ, всѣми способностями, всѣми силами имѣть тысячу жизней въ запасѣ, потому что мы носимъ въ себѣ всѣ виды желаній, всѣ роды любопытства и осуждены на то, чтобы все видѣть и ничѣмъ не обладать... *потому что обладаемъ тѣмъ двойнымъ зрѣніемъ, которое составляетъ въ одно и то же время и силу, и несчастіе*

---

*) Берентъ. Тамъ же.
**) Ницше, Пс. иск.

*) Берентъ. Тамъ-же

артиста... Пусть намъ не завидуютъ, а жалѣютъ насъ. Вотъ чѣмъ художникъ разнится отъ остальныхъ людей: *въ немъ нѣтъ ни одного простого, цѣльнаго, непосредственнаго чувства*... Всѣ его радости, его удовольствія, его страданія, его отчаяніе немедленно дѣлаются для него предметомъ наблюденій... Что бы онъ ни увидѣлъ, ему тотчасъ же нужно знать причину явленія! У него нѣтъ ни одного непосредственнаго порыва, крика, поцѣлуя, ни одного изъ тѣхъ мимолетныхъ движеній, которыя мы дѣлаемъ не думая, не разсуждая, не отдавая себѣ въ нихъ отчета... *Въ немъ словно двѣ души, изъ которыхъ одна наблюдаетъ, объясняетъ каждое движеніе своей сосѣдки, естественной души, которая одинакова у всѣхъ людей*... А если онъ любитъ, любитъ женщину, онъ анатомируетъ ее, какъ трупъ въ больницѣ. Если она въ безумномъ порывѣ бросится ему на шею, онъ станетъ разсуждать о своевременности этого порыва, о его вѣрности, драматической силѣ и молча осудитъ его, если найдетъ ложнымъ или неловкимъ. *Онъ въ одно и то же время и актеръ, и зритель самого себя и другихъ, и никогда не бываетъ только актеромъ, какъ простые, безхитростные люди*... Его особенно острая чувствительность обращаетъ его въ заживо ободраннаго человѣка, для котораго всякое ощущеніе есть страданіе" *)... Но страданіе, которое тотчасъ же становится наслажденіемъ.

Итакъ, слѣдующія свойства отличаютъ художника:

1) Общечеловѣческія стремленія къ власти, совершенству, творчеству и безсмертію, выражающіяся у всѣхъ людей слабо или уродливо въ тщеславіи или въ самыхъ нелѣпыхъ и искаженныхъ формахъ,—у художника проявляются цѣльно, просто, опредѣленно и особенно сильно.

*) Гюи-де-Мопасанъ — „На водѣ".

2) Поэтому овладѣвшіе массами нелѣпые законы „какъ у всѣхъ" и „*не хуже других*ъ" художнику особенно ненавистны, вызываютъ невольный протестъ и желаніе, чтобы у него все было „*иначе*", чѣмъ у другихъ,—отсюда упреки въ эксцентричности и чудачествахъ.

3) Всѣ люди стремятся къ тому, чтобы у нихъ все было „лучше другихъ", и въ этомъ выражается ихъ искаженное стремленіе къ совершенству,—художникъ прежде всего *самъ* хочетъ быть не только лучше другихъ, но и вообще *возможно лучше*, т. е совершеннѣе.

4) Во всемъ животномъ царствѣ, въ томъ числѣ и у людей, послѣ питанія, господствующимъ является половой инстинктъ, потребность размноженія, какъ средство продленія жизни вида,—у художника преобладаетъ потребность духовнаго творчества, увѣковѣченіе своей личности, индивидуума.

5) Присущая всѣмъ людямъ потребность подражанія у художника достигаетъ наивысшаго развитія, превращаясь въ потребность воспроизведенія, посредствомъ котораго и выражается его творчество.

6) Художникъ богаче одаренъ отъ природы какъ духовными, такъ и физическими силами, и избытокъ этихъ силъ у него проявляется интенсивнѣе.

7) Слѣдствіемъ этого избытка у него является состояніе экстаза и возбужденности, которыя становятся частью его натуры и присущи ему постоянно, тогда какъ у остальныхъ людей они сопряжены лишь съ исключительными моментами усиленнаго ощущенія жизни.

8) Это постоянное возбужденіе, въ связи съ избыткомъ силъ и ихъ богатствомъ, порождаетъ потребность безпрерывной дѣятельности, трудоспособность, выносливость, жестокость къ самому себѣ, совершенно непосильныя другимъ людямъ, и экспансивность, — потребность безпрерывно примѣнять свои силы, дать

исходъ возбужденію и заражать имъ другихъ.

9) То же богатство силъ, обиліе, безпрерывность и продуктивность ихъ работы удваиваетъ самое существо художника, прибавляя къ его активному „я“ еще другое „я“, наблюдающее и анализирующее, слѣдствіемъ чего, специфическимъ свойствомъ артиста является его ярко выраженная раздвоенность натуры, какъ и

10) чувство вѣчной неудовлетворенности, которое всѣ силы его устремляетъ все впередъ и впередъ, побуждаетъ все больше и глубже проникать въ тайны природы, жизни и человѣческой души, все болѣе раскрывать ихъ, на потребу, благо и радость всего человѣчества.

Вслѣдствіе этихъ особенностей между людьми, раздѣлившимися на подчиненныхъ и властвующихъ, художникъ занялъ мѣсто среди послѣднихъ.

Но то же стремленіе къ власти, которое побуждало духовную творческую силу безпрерывно обогащать человѣчество все новыми благами и радостями,—Наполеона и ему подобныхъ направляло къ уничтоженію самихъ людей, къ разрушенію всѣхъ ихъ благъ и самаго большого изъ нихъ — жизни. Изъ двухъ враждебныхъ силъ, вѣчно борющихся за преобладаніе, — разрушающей и созидающей,—художники служатъ послѣдней и, на ряду съ творчествомъ мысли, создающимъ полезное, а потому и пріятное, но сознательно и настойчиво требующимъ подчиненія,—художникъ создаетъ только радости и наслажденія, не думая о томъ, что и они полезны и необходимы, и потому не добивается власти, а лишь радуется,—если его любятъ.

Есть еще отличительное качество художника — его *безкорыстіе*: всѣ люди острѣе всего чувствуютъ наивысшую радость, когда *получаютъ для себя* пользу или радость,—онъ же достигаетъ счастія тогда, когда *доставитъ радость другимъ*, когда особенно сильно сознаетъ *свою способность* создавать ее, *счастливъ радостью—для нея самой*. Вотъ почему любовь другихъ, какъ вещественное доказательство этой его силы,—для него всего дороже.

Все это опредѣляетъ совершенный типъ художника, (который такъ же немыслимъ въ жизни во всей полнотѣ, какъ и всякое совершенство), но какъ бы отдѣльныя свойства его ни удалялись отъ идеала,—сущность ихъ остается все та же; различна только степень ихъ развитія и сила проявленія, какъ различна роль и значеніе самого искусства въ разныя эпохи и у разныхъ расъ и народовъ, различна жизнь и самая судьба этихъ народовъ.

М. Далькевичъ.

(До слѣд. №-ра).

Записки неунывающаго россіянина.

Въ предъидущихъ моихъ запискахъ, полагаю, не безъ сочувствія ко мнѣ прочитанныхъ людьми истинно-благонамѣренными, я справедливо негодовалъ на газетныхъ обличителей и сильно возмущался ихъ дерзкими обличеніями, въ ярой злобѣ направленными противъ достойнѣйшихъ изъ моихъ соотечественниковъ. Днесь, при сознаніи великой важности сихъ записокъ, столь необходимыхъ для укрощенія буйнаго вольнодумства и для отрезвленія умовъ, опьяненныхъ политиканскими вожделѣніями, всякими чаяніями, упованіями, я продолжаю писать ихъ, по-прежнему благодушно взирая на все сквозь розовыя очки, т. е. сквозь очки съ розовыми стеклами. Совѣтую послѣдовать моему примѣру. Стоитъ обзавестись таковыми очками, и мрачное вдругъ оброзовѣетъ нѣжнѣе зари утренней. Главное: не надо въ ближнемъ своемъ видѣть плута и мошенника, вора и грабителя, хотя-бы ему плутовское и мошенническое, воровское и грабительское, по человѣческой слабости, людской грѣховности, и присуще было; а ближній твой есть всякъ человѣкъ, не исключая даже интенданта, противъ котораго предубѣждено наше общество, всеконечно, чрезъ писакъ-обличителей... Вотъ и теперь помрачаютъ славу—честь интендантскую. Открыли какое-то хищеніе послѣ недавняго пожара въ Москвѣ, около кокоревскаго подворья, открыли его нежданно-негаданно въ интендантскомъ вещевомъ складѣ, каковой, можно сказать, весьма обгорѣлъ, до того—*весьма*, что убытки днесь простираются до 600.000 рублей. Вмѣстѣ съ убытками какъ-то обнаружились, будто-бы, большие изъяны и въ вещахъ, оказавшихся гнилыми. Осмотръ вещамъ былъ сдѣланъ при самомъ окружномъ интендантѣ Московскаго военнаго округа, г. Бухгольцѣ. Вотъ что напечатано о семъ конфузномъ осмотрѣ:

„Одинъ изъ контрольныхъ чиновниковъ неосторожно дернулъ вещь по шву. Рубаха немедленно расползлась въ разныя стороны; болѣе осторожно взяты были другія вещи—результатъ тотъ же. Достаточно малѣйшаго прикосновенія—и вещи не существуютъ“.

Ни чуть сему ни дивлюся. Одинъ неосторожно дернулъ вещь и разорвалъ, разорвалъ ее отъ того, что дернулъ неосторожно; другой могъ-бы и не разрывать, хотя-бы и осторожно, и если-бы онъ не трогалъ вещь, она-бы осталась цѣлой. При такомъ безцеремонномъ осмотрѣ, контрольные чиновники, разумѣется, перетряхнули, перервали все, находившееся въ вещевомъ складѣ, и огуломъ все признали гнилью, къ великому огорченію г. Бухгольца, который, по словамъ газетнаго обличителя, письменно заявилъ: „вещи расползаются по швамъ вовсе не отъ того, что онѣ попорчены или подмочены во время пожара, а отъ какихъ-то другихъ причинъ“, и онъ готовъ предъявить въ любой моментъ неограни-

ченное количество вещей изъ только-что принятыхъ въ складъ, которыя точно такъ-же при малѣйшемъ усиліи расползаются по швамъ". И правъ г. Бухгольцъ, совершенно правъ, ибо вещи, надо полагать, и до пожара были съ изъяномъ...

„Расползаются по швамъ"... Вѣдь, вѣрно, милостивые государи, и при семъ, безъ ехидства, слѣдовательно, простодушно спрошу: а что у насъ по швамъ не расползается? И вопросительно-же присовокуплю: такъ, значитъ, все у насъ гниль? Съ таковымъ здравомысліемъ, по-ученому же сказать—съ таковой логикой, охъ! весьма далеко можно заѣхать и весьма высоко можно вскинуться...

Кромѣ обличителей и обличеній возмущаютъ меня еще контролеры и контролированія. По-моему: ежели ты самъ не кралъ, не крадешь, довѣряй прочимъ! Засимъ: ежели не крадешь и не кралъ, и только зналъ и знаешь, видѣлъ и видишь, что и какъ крадутъ, но не уловлялъ крадущихъ, какой ты есть контролеръ и какой прокъ въ твоей неусыпной бдительности? Пугало огородное воробьямъ страшнѣе, нежели ты—контролируемымъ тобою. Я не признаю даже Государственнаго Контроля.

Недѣли полторы, чуть не двѣ звонили-трезвонили о Государственномъ Контролѣ. Одинъ бездѣльникъ сложилъ о немъ пѣсенку, въ которой превозноситъ его; между тѣмъ учрежденіе сіе, столь нелюбимое подчиненными ему лицами, спокойствія ради послѣднихъ, нужно-бы немедленно прикрыть. Но вотъ и пѣсенка, достойная, несомнѣнно, порицанія, а не похвалы.

I.

Безъ раздумья, безъ оглядки
Къ совершенству мы идемъ.
Приснопамятныя взятки
Поросли давно быльемъ.
Въ лихоимствѣ утонченность
До чудеснаго дошла;
Стала строгая законность
Доброй почвою для зла...
Охъ! гдѣ власть ее ослабитъ,
Не воруетъ и не грабитъ
Тамъ Казну лѣнивый, что-ль?
Это знаютъ дѣти даже;
У казны-жъ стоитъ на стражѣ
Государственный Контроль.

II.

Онъ, Контроль, дѣля, по смѣтамъ,
На параграфы, статьи
Всѣ расходы, въ кругѣ этомъ
И вершитъ дѣла свои.
Пусть подъ пальцами, на счетахъ,
За милльономъ милліонъ
Выростаетъ въ недочетахъ;
Пусть виновный посрамленъ;
Беззаконіе, однако,
На ревизію двояко
Смотритъ; въ ней добро-ли, зло-ль
Видитъ, все-же ограниченъ,
А подчасъ имъ обезличенъ
Государственный Контроль.

III.

Онъ дѣльцовъ великихъ славу
Помрачалъ порой у насъ,
Вывелъ Мамонтова Савву
Всей Россіи на показъ,
Уловлялъ неуловимыхъ,
Предавать-бы могъ суду,
Но препонъ неустранимыхъ
Много онъ имѣлъ въ виду.
Поведеніе такое
Знаетъ вѣдомство морское
Съ интендантскимъ, славнымъ столь,
И—молчатъ; что и понятно:
Имъ не страшенъ, вѣроятно,
Государственный Контроль.

IV.

Если-бъ все на смотръ Контроля,
Безъ изъятія, все шло,
У него была-бы воля
Пресѣкать въ началѣ зло,
Въ мигъ одинъ исчезли-бъ стаи
Вредоносныхъ, темныхъ силъ;
Съ Циммерманомъ-бы въ Шанхаѣ
Павловъ дружбы не водилъ,
Чрезъ него все покупавшій
За тройныя цѣны, знавшій
Хорошо—какую роль
Исполняетъ, по-неволѣ,
При своей злосчастной долѣ,
Государственный Контроль.

V.

Много есть о томъ разсказовъ,
Какъ творили чудеса
Балашовъ и Безобразовъ,—
Бюрократіи краса;
Какъ лѣса они рубили
У корейцевъ, а самихъ
Въ рѣчкѣ Ялу всё топили
За мятежный ропотъ ихъ;
Раздраживъ японцевъ этимъ,
Какъ зажгли войну... Замѣтимъ:

Имъ преступно не мирволь,
Кто-бъ ты ни былъ! День настанетъ
И на нихъ грозою грянетъ
Государственный Контроль.

VI.

Вы, плутищи и плутишки,
Тѣ, кого клянетъ народъ,
Вы, ворищи и воришки,
Лихоимцы, всякій сбродъ!
Вы, надежная опора
Бюрократіи теперь,
Мощь свою утративъ скоро,
Въ чью потомъ толкнетесь дверь?
Тюрьмы будутъ вамъ открыты,
И нигдѣ уже защиты
Не найдете! Стыдъ и боль
Вы предчувствуя, кричите:
„Сократите, упраздните
Государственный Контроль“!

И всенепремѣнно, безъ всякаго отлагательства, надобно либо сократить его до полунуля малозначащаго, либо вовсе упразднить, на что мы, какъ извѣстно и Старому, и Новому Свѣту, великіе мастера. Мы, въ противоположность суетнымъ, о многомъ не въ мѣру пекущимся иноземцамъ, болѣе разрушители, чѣмъ созидатѣли, и на семъ зиждется, такъ сказать, философія нашего бытія. Я мало свѣдущъ въ исторіи нашего отечества, чтобы разительными примѣрами подтвердить свое мнѣніе, но полагаю: нигдѣ въ мірѣ не созидалось съ предупредительной медлительностью одно и не разрушалось съ благоразумной непоспѣшностью другое, какъ въ нашемъ отечествѣ, а посему и крѣпостное право было у насъ, въ теченіи столѣтій, крѣпчайшею стѣною, о которую разбилось великое множество лбовъ. Пускай сія стѣна и пала, но мы постепенно воздвигали нѣсколько лѣтъ и воздвигли другую, водрузили на ней флагъ, на коемъ написано только одно слово: „Средостѣніе“. Мы стали между народомъ и его вождями, дабы разъединить ихъ взаимнымъ непониманіемъ, выгоднымъ для насъ, особливо теперь, когда и новая, возведенная нами, стѣна во многихъ мѣстахъ порастрескалась, поразрушилась, и достаточно одного удара: падетъ, падетъ, какъ твердыня іерихонская! Наше спасеніе—въ отчужденности вождей народныхъ отъ народа, въ сочувствіи намъ непрестанно тѣхъ, коимъ надлежитъ укрощать буйство либералистовъ, и, наконецъ, въ темнотѣ народной; да, вотъ въ чемъ — наше спасеніе! Еще мы уповаемъ на чудеса, исходящія отъ кронштадтскихъ „богородицъ“, и отъ плодотворной миссіи такихъ пособниковъ нашихъ, какъ днесь прославленный газетами о. Гавріилъ изъ г. Алатыря Симбирской губерніи. Вотъ что въ „Р. В.“ о немъ напечатано:

„Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ, ибо имъ принадлежитъ царство небесное“. Блестяще выполнилъ этотъ завѣтъ Христа мѣстный архимандритъ о. Гавріилъ. Десятки лѣтъ существовало у насъ духовное училище, причемъ часть построекъ стояла на собственной землѣ, а другая часть — на землѣ монастырской. Мѣсяца полтора тому назадъ пожаромъ, охватившимъ полгорода, уничтожены первыя постройки, тогда какъ вторыя уцѣлѣли. Воспользовавшись „благимъ“ моментомъ, о. архимандритъ снесъ и уцѣлѣвшія постройки, (занимаемыя кстати сказать, училищнымъ общежитіемъ, больницей и квартирой инспектора) и теперь воздвигаетъ на ихъ мѣсто... скотный дворъ... Пробовали отцы духовные апеллировать куда слѣдуетъ, но получили „окружное посланіе“, сокращенный текстъ коего сводится къ слѣдующему: „Монастырю нуженъ скотный дворъ... а монахи для меня важнѣе вашихъ учениковъ“. Такимъ образомъ, рушится, хотя бы и на время, давно уже существующая школа и притомъ обслуживающая громадный районъ въ 3—4 уѣзда, и рушится во имя скотнаго двора. Двѣ—три сотни дѣтей въ теченіе по крайней мѣрѣ года не будутъ имѣть пристанища (вѣдь, полгорода сгорѣло), зато скотинка о. Гавріила съ братіей будетъ благоденствовать.

Хочется вѣрить, что сообщенное газетою есть правда. Досточтимый о. Гавріилъ поступилъ, на мое воззрѣніе, весьма и даже превесьма разсудительно. Ежели, все равно, отъ пожара сгорѣли-бы когда-нибудь училищное общежитіе, больница и квартира инспектора, то—хотя сіи постройки и уцѣлѣли,—онъ преду-

смотрительно или предугадательно снесъ, дабы оныя впредь не загорѣлись, напримѣръ, отъ поджога либералистовъ и, загорѣвшись, не распространили огонь на другую оставшуюся въ цѣлости часть города. Увидя послѣ сноса построекъ пустопорожнее мѣсто, и я-бы ни мало не задумался надъ вопросомъ: должно-ли оно быть чѣмъ-либо занято? Всеконечно, да! Можно-бы воспользоваться имъ для цѣлей хозяйственныхъ, а посему можно-бы сажать на немъ картофель, капусту, разный овощь, но—увы, куда нынче ни посмотришь, и въ селахъ, и градахъ—народъ вороватый; слѣдственно: вмѣсто огородовъ, лучше открыть скотный дворъ, котораго въ подолѣ али мѣшкѣ никогда, подобно ворованному картофелю, разумѣется, не унесешь. Еще замѣчу: я не допустилъ-бы вообще людей на пустопорожнее мѣсто, а предпочелъ-бы имъ скотовъ безсловесныхъ ужъ потому, что скоты, хотя временемъ и буйствуютъ, но болѣе укротимы, чѣмъ люди; хотя они и мычатъ, но отъ нихъ зато не услышишь жупельныхъ словъ, ибо скоты не бываютъ либералистами...

Весьма тяготѣю мыслями къ спасительному для отечества проекту объ упраздненіи на Руси школъ, больницъ и другихъ безполезностей, даже зловредствъ и о размноженіи скотныхъ дворовъ, ибо уповаю, что отъ сего, лѣтъ черезъ десять, люди могутъ прійти въ болѣе чѣмъ первобытное состояніе, трикраты-превесьма вожделѣнное мнѣ и моимъ единомышленникамъ.

Предзнаменованіе сего „вожделѣннаго" уже кое-гдѣ и теперь замѣчается Оно—подобно волнистымъ и загадочнымъ сумеркамъ, обнимающимъ землю, когда воцаряется, послѣ шума и гама, тишина, прерываемая потомъ лишь кваканіемъ лягушекъ да криками совы. Я не люблю свѣтлыхъ весеннихъ, также и лѣтнихъ вечеровъ съ ихъ опьяняющими запахами отъ сирени, цвѣтовъ и травъ, съ ихъ докучливымъ соловьинымъ пѣніемъ, яко-бы и впрямь устремленнымъ къ звѣзднымъ небесамъ, не люблю, не люблю и не люблю, ибо многое изъ перечисленнаго возвращаетъ неотразимыми вспоминаніями къ грѣховной нерѣдко и пакостной юности. Паче всего не выношу блистанія молній, похожаго на нѣкіе историческіе моменты; не терплю и рѣзвости зарницъ, какъ-бы являющихся предвѣстницами сихъ моментовъ. Люблю-же сумерки, застилающія и небо, и даль, клонящія все живое ко сну, налегающія на все оцѣпенѣніе повальной спячки; люблю сумерки, отдаляющія самыхъ наивныхъ мечтателей отъ вѣры въ близость утренней зари, люблю, люблю, ибо въ такія сумерки тебя и твоихъ дѣлъ никто почти не замѣчаетъ, и ты можешь быть или не быть самимъ собою. Это, можно сказать, половина первобытности. Скоро-скоро мы дойдемъ и до полнаго озвѣренія, если наша стѣна вдругъ не рухнетъ и не исчезнетъ вышеупомянутое мною средостѣніе, да и всѣ озвѣрѣютъ, оскотинятся, такъ что останется счетомъ два звука для выраженія *тѣлеснаго* и *душевнаго*, коли душа къ тому времени не будетъ выбита изъ тѣла; у сильныхъ—звукъ: „амъ"! и у слабыхъ: „ой"!

Многіе, живя въ захолустьѣ, и теперь ночью слышатъ: „амъ-амъ-амъ-амъ"! То лаетъ собака, впиваясь въ икры ногъ настигнутаго ею обывателя, который, метаясь изъ стороны въ сторону, кричитъ отъ боли: „ой!" и зоветъ на помощь зычнымъ голосомъ: „горо-до-вой!" Въ иныхъ мѣстахъ городовые поспѣшаютъ къ зовущему, и крикъ прекращается; въ другихъ, послѣ—якобы спасительнаго—поспѣшенія, однократное „ой!" переходитъ во многократное и стонопротяжное, душу раздирающее: „ой! ой! ой! ой!-ой-ой ой"! Желающимъ на собственномъ душераздираніи въ семъ убѣдиться совѣтую отправиться въ Маріуполь,

въ коемъ, по сообщенію „Приднѣпр. Края“, сіе случается. Беру изъ названной газеты слѣдующій забавный для неунывающаго россіянина фактикъ.

Около полуночи 12 іюня группа приказчиковъ и купеческой молодежи шла изъ городского сада въ скверъ. Проходя мимо полицейскаго правленія, они услышали душу раздирающіе крики, страшные стоны взрослаго мужчины. Вопли эти неслись изъ кордегардіи полицейскаго правленія. Возмущенная молодежь бросилась къ забору, отдѣляющему полицейскій дворъ отъ улицы. Одинъ изъ нихъ вскочилъ было уже на заборъ и хотѣлъ спрыгнуть во дворъ, но былъ остановленъ полицейскимъ окрикомъ: „и вамъ того же хочется?“ Молодежь ретировалась. Все стихло. Молодежь направилась въ скверъ. Снова понеслись стоны и глухіе звуки ударовъ. Сквозь вопли слышалась мольба: „голубчики, пощадите, — не ради меня“... Удары и стоны продолжались. Молодежь вошла въ Александровскій паркъ, увидѣла тамъ письмоводителя полицейскаго правленія, расказала обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, но послѣдній посовѣтовалъ „не мѣшаться не въ свое дѣло“.

Хе-хе-хе! Пришелъ на память превеселенькій мотивъ изъ оперетки „Чайный цвѣтокъ“:

Какъ у насъ городовые
Очень вѣжливый народъ,
Люди все передовые;
Зря никто изъ нихъ не бьетъ...
На глаза не попадайся,
Такъ не тронутъ никогда...

Остальное забылъ. Вотъ и еще не менѣе забавный фактикъ, выловленный мною изъ газетъ. Описываютъ похожденія какого-то, будтобы извѣстнаго писателя Тана; егоже зовутъ Владиміромъ Богоразомъ, который по Саратовской губерніи странствовалъ съ открытымъ листомъ отъ Императорской Академіи Наукъ и, будучи въ нашихъ мѣстахъ, т. е. въ Саратовской губерніи, въ Балашовскомъ уѣздѣ, въ селѣ „Ивановкѣ Второй“, съ членомъ земской управы Абловымъ и городскимъ гласнымъ Ѳеологовымъ, дерзнулъ осмотрѣть—невѣдомо съ какою цѣлью—школу, читальню и еще что-то; дерзнуть-то дерзнулъ, да налетѣлъ голубчикъ на становового пристава г. Сахарова, хотя, какъ пишутъ, и юнаго, однако-жъ, ревностно преданнаго службѣ и нелюбящаго никакихъ попустительствъ вродѣ дозволенія постороннимъ лицамъ соваться туда, гдѣ въ нихъ нужды не имѣютъ. Четырекраты превесьма радостно мнѣ было читать о томъ, что сей, достойный повышенія, какъ въ чинѣ, такъ и въ окладѣ содержанія, становой приставъ проучилъ писаку, небось, помышлявшаго о зловредныхъ обличеніяхъ. Онъ, ничто-же сумняшеся, налетѣлъ на Тана, бывъ воглавѣ нѣсколькихъ казаковъ, а потомъ, держа въ десницѣ ременную, всеконечно, ужъ не шелковую плетку, поговорилъ съ нимъ въ началѣ вѣжливенько, въ концѣ-же, — не безъ крикливости и не безъ нѣкоторыхъ словъ, въ печати пока неупотребляемыхъ; послѣ чего отправилъ его, чрезъ волостное правленіе, по этапу въ г. Балашовъ. Дескать, набирайся по дорогѣ-то впечатлѣній! Писакѣ Тану сіе не весьма-то было пріятно. Но я радуюсь; радуюсь, ибо достойнымъ наказанія писакамъ хоть въ нашихъ мѣстахъ не потакаютъ такіе благородные люди, какъ г. Сахаровъ. А въ награду за сіе? Одинъ конфузъ! Вѣдь г. Сахарову, вслѣдствіе усердія своего, пришлось остаться при конфузѣ, какъ говорится, съ носомъ, когда въ Балашовѣ освободили Тана, да, освободили вмѣсто того, чтобы заковать въ кандалы и отправить ужъ я и не знаю—куда. Вѣдь этотъ мятежникъ, преступникъ Танъ, освободившись, осмѣливается теперь обличать обошедшагося почеловѣчески съ нимъ г. Сахарова и балашевскую полицію, даровавшую ему свободу. Вслѣдъ за нимъ и другіе писаки столичные и провинціальные возмущаются дѣйствіями все того-же ненавистнаго становаго пристава, ко-

торый, по дорогѣ въ волостное правленіе, *производилъ атаки бабъ съ ребятами на рукахъ.* Самъ-же лукавый, неблагодарный Танъ, гуляя на волѣ, посмѣивается, вопрошая встрѣчныхъ: „не представляютъ-ли эти дѣйствія нагляднаго образчика, какъ сказалъ кн. Евг. Трубецкой, тушенія пожара керосиномъ“? Видите, слышите: одинъ либералистъ цѣпляется за другого, чтобы обидѣть г. Сахарова, карьера котораго, послѣ его благодушной провинности, надо полагать, уже загублена. Сужу по себѣ. Будь я на мѣстѣ высшаго начальства, и провинись онъ у меня: вѣстимо, и я, волею-неволею, скрѣпя сердце, шарахнулъ-бы сего становаго пристава по третьему пункту.

Читаешь-читаешь и все про полицію; словно и впрямь она изжила, въ прежнемъ видѣ, свой вѣкъ и и должна быть преобразована. Не про нее-ли бездѣльникъ, воспѣвшій Государственный Контроль, сочинилъ нижеслѣдующіе стихи, полученные мною отъ моего зятя Алексѣя Степановича Молчалина? Читайте.

Я старше учрежденій всѣхъ,
И поднимать меня на смѣхъ,
Шутить со мной не вамъ!
На рубежѣ Добра и Зла
Не я-ль приставлена была
Къ плѣнительнымъ вратамъ?

* * *

Изъ рая изгнанныхъ людей —
Адама съ Евой, ихъ дѣтей
Влюла когда-то я:
Постъ первобытный не былъ милъ:
Но Каинъ Авеля убилъ,
Власть возросла моя.

* * *

Явилось множество семействъ,
А безъ убійствъ или злодѣйствъ
Людей не можетъ быть...
Кто въ бокъ — ножемъ, кто по лбу хлопъ,
Я тутъ, какъ тутъ... Насталъ потопъ, —
Не ослабѣла прыть.

* * *

Межъ-тѣмъ-какъ отдыхъ Ной имѣлъ,
Зарегистровкой мертвыхъ тѣлъ
Была я занята.
Сбыла вода, и люди вновь,
Гляжу, плодятся, льется кровь...
Все то же, я все та!

* * *

Явились цѣпи да бичи,
Темницы, пытки, палачи
Почти въ любой странѣ,
И правдой былъ навѣтъ, доносъ,
Закономъ, подъ плетьми, допросъ;
Не возражали мнѣ...

* * *

Я — властный нѣкогда Приказъ,
Лозою писанный указъ,
Жестокость воеводъ...
Заглазно изстари кляня,
Бѣжитъ, при встрѣчѣ, отъ меня,
Какъ отъ чумы, народъ.

* * *

Мнѣ тайно взятки — благодать...
Во все суюсь, должна все знать:
Кто родился, кто свѣтъ
Покинулъ, въ адъ иль рай ушелъ:
Повѣстка, паспортъ, протоколъ...
Бумагамъ счету нѣтъ!

* * *

Завидуй моему житью!
Блюду, тащу, толкаю, бью...
Одни кричатъ мнѣ: „усь“!
Другіе: „какъ-же ты срамна“!
Увы, сама признать должна —
Ни къ черту не гожусь!

Сія невинная стихотворная шутка премного меня позабавила. Къ тому-же можно изъ нея извлечь и нѣкую пользу, ибо въ ней содержится вкратцѣ почти полная исторія спокон вѣковъ существующаго учрежденія, которое наше общество, по грубости нравовъ, весьма не чтитъ, въ чемъ виновато его — до плачевности обидное для насъ, здравомыслящихъ людей — невѣжество, не позволяющее ему вѣдать, что во Франціи то же самое учрежденіе обрѣтается въ великомъ авантажѣ и полисменами граждане восхищены; а въ Америкѣ и того паче обстоитъ. У насъ-же оно въ неимовѣрномъ загонѣ обрѣтается, даже и больше. Сіе узнаешь и самъ, ежели, читая газеты, не будешь глядѣть на потолокъ. Дабы въ семъ крѣпко увѣриться, достаточно развѣдать — ка-

ковы наши полицейскіе оклады, т. е. сколько чины россійской полиціи получаютъ окортно, безъ всего прочаго, побочнаго, коли послѣднее, при добросовѣстности нѣкоторыхъ людей, имѣющихъ съ ними дѣло, безвозвратно не отпало. Самая служебная обстановка навѣваетъ грусть. Загляните въ участки, неблагообразно содержимые, каковые граничатъ, извините, съ клоповниками, изъ коихъ предерзкіе клопы перекочевываютъ безчисленно въ мѣсто присутствія, такъ-что иногда, за недостачею свидѣтелей, нужныхъ для скрѣпленія составленнаго протокола, они, внезапно появляющіеся на столѣ изъ ближнихъ щелей, яко-бы сами во свидѣтели просятся. Тѣмъ не менѣе, какъ ни скудно содержаніе нашей полиціи вообще, дерзаютъ-же у насъ нѣкоторыя думы городскія прекращать выдачу его изъ городскихъ, зѣло изрядныхъ, однако-же, суммъ. Такъ, напримѣръ, въ г. Пензѣ дума, не долго думая, недавно отказалась отъ выдачи годового жалованья полиціи: 1200 р. полиціймейстеру, по 300 р. приставамъ и по 100 р. приставамъ-же на канцелярію, постановивъ одновременно исключить изъ городского бюджета и деньги, нужныя полицеймейстеру при разъѣздахъ, ежели не на разъѣзды по городу. Это не хорошо, даже весьма и весьма не хорошо, чтобы не сказать болѣе. Можно справедливо изречь смѣлую истину: нѣсть бытія безъ полиціи. Вотъ уже и стихотворцы рачительно восхваляютъ ее, а посему и граждане, коли не тщатся прослыть немирными, должны тоже восхвалять, хотя-бы спокойствія своего ради. Но чѣмъ-же дышать будетъ, лишенная содержанія отъ города, въ г. Пензѣ полиція? Не могутъ-же полиціймейстеръ и пристава платить себѣ жалованье изъ собственныхъ денегъ, если-бы деньги, благодаря экономіи, у нихъ, допустимъ, въ неравныхъ суммахъ и имѣлись. За что-же пензенскіе думцы не возлюбили и обездолили блюстителей порядка, изъ-за чего на нихъ ополчились? Между ними, какъ говорится, пробѣжала черная кошка, и таковою явился секретарь думы Пелетьминскій, прослужившій тридцать лѣтъ и, надо полагать, или ставшій непригоднымъ, по старости, къ службѣ, или, ежели у него есть дѣти и учатся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, оказавшійся вдругъ зараженнымъ отъ нихъ пущимъ либерализмомъ и, слѣдственно, являющійся не достойнымъ утвержденія напредки въ той-же должности. Полиція и не утвердила его; думцы-же, въ отместку ей, лишили ее, можно сказать, самаго насущнаго. Мало того: возмущенные устраненіемъ Пелетьминскаго, они, послѣ своего крамольническаго поступка, безъ зазрѣнія совѣсти, каковой, полагаю, не имѣютъ, полѣзли къ вицегубернатору, дабы онъ утвердилъ ихъ фаворита въ секретарской должности или ходатайствовалъ о семъ по телеграфу передъ г. губернаторомъ... И что-же? Успокоительный отвѣтъ получили, ибо самъ губернаторъ оказался отчасти либералистомъ, такъ какъ въ своемъ отвѣтѣ, хотя и условномъ, обнадежилъ ихъ допущеніемъ Пелетьминскаго къ новой баллотировкѣ.

Невольно повторишь: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“. Чудо чудное, диво дивное! Пелетьминскій былъ, по словамъ газеты, *избранъ единогласно 41 избират. шар. и утвержденъ*... Ну, времячко! Думцы хозяйничаютъ въ городахъ, губернаторы колеблютъ основы, а бѣдные полиціймейстеры и пристава являются козлами отпущенія... Впрочемъ, индѣ и полиціймейстеры, къ ужасу благонамѣренныхъ людей, либеральничаютъ, зараженные зловредными вліяніями современности, каковыя вліянія, подобно циклону, обуреваютъ сверху до-низу общество и только не коснулись насъ, неунывающихъ россіянъ. Съ негодованіемъ прочиталъ я, напеча-

танную въ „Сѣверо-Зап. Словѣ“, рѣчь ротмистра Е. К. Климовича, надняхъ вступившаго въ исполненіе обязанностей виленскаго полицеймейстера. Вотъ съ какою рѣчью обратился онъ къ приставамъ и помощникамъ ихъ:

„Съ сегодняшняго числа, по распоряженію виленскаго губернатора, я вступилъ въ обязанности виленскаго полиціймейстера. Будучи свидѣтелемъ овацій, которыя устраивала публика уѣзжавшему П. П. Мейеру, я вынесъ заключеніе, что мнѣ самое подходящее будетъ продолжать то направленіе, котораго придерживался П. П. Мейеръ. Это дастъ мнѣ основаніе проводить готовую программу. Считаю задачей полиціи—службу мѣстному населенію, съ цѣлью охраненія порядка, обезпечивающаго полное развитіе всѣхъ силъ общества. Я считаю, что интересы населенія и полиціи совершенно тождественны, и что полиція должна употребить всѣ усилія, чтобы заручиться сочувствіемъ и помощью общества, безъ чего работа ея не можетъ быть успѣшна. Вся моя служба будетъ выражаться въ стремленіи къ охраненію правъ и интересовъ общества; я прошу моихъ ближайшихъ помощниковъ помогать мнѣ въ этомъ“.

Если-бы у меня на головѣ были волосы, они, при моемъ невыразимомъ ужасѣ отъ такой буйственной рѣчи, поднялись-бы всѣ до единаго. Но земля наша не клиномъ сошлась; она велика и обильна, и на ней, во множествѣ и даже въ премножествѣ, найдутся мѣста, аки злачныя, такъ сказать, увеликолѣпленныя всегдашнимъ процвѣтаніемъ, широко разросшейся и крѣпко укоренившейся, неусыпно-бдительной власти. Сердце мое взыграло при чтеніи о какомъ-то И. Д. Заринѣ, арестованномъ во Смоленской губерніи, въ г. Ельня, на основ. 29 ст. полож. о государств. охранѣ. Въ законахъ я не силенъ, не вѣдаю смысла сей статьи, но догадываюсь: арестованный, вѣроятно, есть буйственный либералистъ. Не перестаю радоваться, что еще хоть одного либералиста изловили, а главное, изловивъ, посадили, всенепремѣнно, въ кутузку: мечтай, молъ, сидя въ кутузкѣ-то, о государственной думѣ, о народномъ представительствѣ, о всероссійскихъ преобразованіяхъ.

Итакъ: сидитъ Заринъ, хе-хе-хе, въ кутузіи, какъ мы, бывало, въ шутку говаривали, сидитъ и, надо полагать, справляется: ужь не упраздненъ-ли нынѣ существующій строй? А когда ему скажутъ—нѣтъ, онъ буйствуетъ, небось, либо притворяется больнымъ, о чемъ уже разъ и заявилъ: „бугорчатку имѣю“! Велика лихая болѣсть; съ ней доживаютъ до 60 лѣтъ! Надоѣлъ пуще всѣхъ Заринъ исправнику: дескать, справедливости по закону требую, подайте мнѣ ее! Исправникъ, видимо, добрый человѣкъ, либо у него терпѣніе лопнуло, обратился съ запросомъ о Заринѣ къ смоленскому губернатору, а смоленскій губернаторъ, — на телеграфное обращеніе исправника, отвѣтилъ тако: „Заринъ не можетъ быть освобожденъ впредь до распоряженія начальника губернскаго жандармскаго управленія“. И вся недолга! До сихъ поръ, небось, сидитъ въ кутузіи бугорчаточный либералистъ? Любопытно: поостылъ-ли, отрекся-ли отъ того, что противно достойнѣйшимъ людямъ нашего времени, какъ напримѣръ графамъ Бобринскому, Шереметьеву, Дорреру, именитому боярину Нарышкину, а также и мнѣ, замѣчу кстати, состоящему членомъ Русскаго Собранія, каковое, говорятъ, не весьма давно премного оскандалилось? Не помню подробностей и самой сути: Либо подсвѣчниками тамъ члены другъ въ друга бросали, либо языки другъ другу показывали и всячески одинъ надъ другимъ измывались. Мой зять надняхъ, кажется, хвалилъ его. Положимъ, я-то, бывая тамъ, больше дремалъ, чѣмъ слушалъ, однако-жь, не могу и поднесь забыть, что тамошніе витіи храбро, отъ смѣхотворства и всяческаго издѣвательства либералистовъ, своими рѣчами бюрократію защищали. Не отъ сего-ли она, матушка наша, те-

перь и въ моду вошла? Многіе уже восхваляютъ ее. Даже тотъ бездѣльникъ, стихи коего откуда-то мой зять достаетъ, и стихи коего, по обѣщанію зятя, и впредь буду имѣть, повторяю, даже и онъ восхваляетъ. Онъ безъ желчной сатиричности относится къ бюрократіи; онъ—веселости ради—только вышучиваетъ, дабы либералисты не заподозрили его въ явномъ сочувствіи ей. Подъ стихами — подпись: Энапэ. Ежели онъ чужеземецъ, то дивлюся его знанію языка нашего, ибо пишетъ не хуже, чѣмъ русскій. Отнынѣ коль онъ не разонравится мнѣ, стану заносить, наиболѣе достойные моего вниманія, стихи его въ мои записки и буду, не безъ почтенія, называть сочинителя стиховъ господиномъ Энапэ. Читайте-же.

Голосъ Бюрократіи.

I.

Я—порожденье Крапивнаго-Сѣмени;
Въ гущѣ чернильной крестили меня.
Люди приказнаго добраго времени
Мнѣ въ превращеньяхъ дальнѣйшихъ родня.
Жизнь украшала я разными типами;
Кто всѣхъ уродливѣй, тотъ и смѣшнѣй,
Не отошелъ еще въ царство тѣней,
Связанъ душою бумажною съ кипами
Пыльныхъ бумагъ, обожаетъ доднесь
Букву закона, давно устарѣвшаго.
Весь онъ—подобіе окаменѣвшаго
Дерева, мертвое дерево—весь...
Это—мое цѣликомъ, безъ изъятія;
Это и есть Бюрократія!

II.

Изъ-за насущнаго хлѣба усердіе
И униженіе ради семьи;
Ложь изощренная, безъ милосердія,
На основаньи такой-то статьи...
Въ выборѣ словъ — роковая медлительность:
„Честь-ли имѣю, имѣю-ли честь“?
Передъ особами высшими—лесть,
Смѣлую правду сказать—нерѣшительность;
Зависть къ идущимъ стезею чиновъ
И повышеній; заботы со вздохами
Вѣчно о пенсіи; сплетни съ подвохами;
Существованье безъ радужныхъ сновъ...
Это—мое цѣликомъ, безъ изъятія;
Это и есть бюрократія!

III.

Вотъ педагоги—увы, безъ призванія,
Учатъ и сами не знаютъ зачѣмъ.
Ищутъ при этомъ себѣ оправданія
Въ несовершенствѣ научныхъ системъ.
И, съ вожделѣнной мечтой о прибавочкѣ
Лишней къ окладу, готовы они,
Бóльшимъ окладомъ едва помани,
Перемѣститься хоть въ винныя лавочки.
Вотъ—не священники, скажемъ: попы,
Алчной Мамоны слѣпые служители
И просвѣщенья въ народѣ гасители,
Сильный оплотъ фарисейской толпы...
Это—мое цѣликомъ, безъ изъятія:
Это и есть Бюрократія!

IV.

Быть-бы иному въ селеньи причетникомъ,
Смолоду онъ въ департаментъ попалъ,
Будетъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ,
И воплотится его идеалъ.
Съ мягкой улыбкой, подобно молчальнику,
Онъ говоритъ только „да“ или „нѣтъ“...
Робкій, съ бумагами, онъ въ кабинетъ
Входитъ, на цыпочкахъ, тихо къ начальнику
И лебезитъ, лебезитъ передъ нимъ;
Если-жъ получитъ за то повышеніе,
Сразу мѣняетъ легко отношеніе
Даже къ товарищамъ близкимъ своимъ...
Это—мое цѣликомъ, безъ изъятія;
Это и есть Бюрократія!

V.

Какъ не плѣниться особой почтенною?
Грудь въ орденахъ; не чиновникъ—герой!
Смотритъ на всѣхъ онъ съ усмѣшкой надменною,
Хмурится, но, позабывъ геморрой,
Зорко слѣдитъ по утрамъ за входящими,
За исходящими такъ же слѣдитъ;
Слогъ исправляетъ и вѣчно сердитъ;
То возмущенъ подчиненными, мнящими
Духъ обновленія въ службу внести,
То—недовольный порядками старыми—
Радъ-бы весь міръ забросать циркулярами...
Лишь у него и реформы въ чести!
Это—мое цѣликомъ, безъ изъятія;
Это и есть бюрократія!

VI.

Быстро мѣняется блажь либеральная
На чрезполосную новую блажь:
Каждая мысль не его—мысль опальная;
У самого-же въ мозгу ералашъ.
Самъ-же онъ думаетъ о пресѣченіи
Жизни весьма вольнодумныхъ людей,
Объ увеличеньи всюду плетей;

Вѣшаетъ носъ при большомъ огорченіи,
Чуть неожиданный встрѣтитъ отпоръ,
Но—полномочный—свою фанаберію
Кажетъ, готовый отдать всю Имперію
Въ двадцать четыре часа подъ надзоръ...
Это—мое цѣликомъ, безъ изъятія:
Это и есть Бюрократія!

VII.

Голодъ, болѣзни, страданья народныя
И безпорядки во многихъ мѣстахъ
Лишь вызываютъ попытки безплодныя
Сдѣлать, что можно, съ привѣтомъ въ устахъ...
Кражи, хищенія неисчислимыя;
Страшно отъ нихъ оскудѣла Казна...
Флотъ нашъ погибъ... Не удачна война...
Множество бѣдъ! Но привычки любимыя
Все на бумагѣ творить и теперь
Есть, какъ и прежде... Ни чуть не смущенные
Зломъ вопіющимъ, дѣла упрощенныя
Живо рѣшаютъ дѣльцы, безъ потерь...
Это—мое цѣликомъ, безъ изъятія.
Это и есть Бюрократія!

VIII.

Склоненъ народъ къ своему представительству,
Лучшихъ людей депутатами шлетъ
Прямо къ царю; довѣряя правительству,
Царь не чуждается общихъ заботъ.
Но межъ царемъ и народомъ для третьяго
Мѣсто нашлось: лѣзетъ нѣкій Дорреръ,
Графъ полурусскій, имѣя примѣръ
Въ Бобринскомъ графѣ, въ лицѣ Шереметьева,
Знатнаго графа, примѣры дворянъ
Вродѣ Нарышкина... Лучше-ли, хуже-ли
Прочихъ старались, но всѣ обнаружили
Въ чести гражданской огромный изъянъ...
Это—мое цѣликомъ, безъ изъятія:
Это и есть Бюрократія!

IX.

Нѣчто убогое, робкое, сонное
Еле плетется, не зная куда,
Взглянетъ направо—болото зловонное,
Взглянетъ налѣво—рѣчная вода...
Стоны совы да кукушкино плаканье
Душу гнетутъ въ безпросвѣтной глуши,
Гдѣ соловьи не ласкаютъ души
Пѣньемъ, гдѣ слышно лягушечье кваканье...
Передъ плетущимся въ мутную даль,
Вѣя бумажными крыльями пыльными.
Противъ поднявшейся бури, безсильными,
Мечется что-то... И мнѣ его жаль!
Это—мое цѣликомъ, безъ изъятія,
Это и есть Бюрократія!

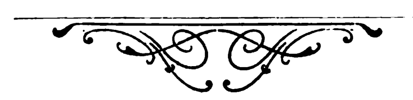
Да не посѣтуютъ добрые люди на мою старческую болтливость и позволятъ мнѣ, старику, со слезами радости, молвить: сіи стихи проникнуты неподдѣльною любовью къ Бюрократіи! Вчера я показалъ ихъ только что вернувшемуся сюда изъ студеныхъ краевъ Александру Андреевичу Чацкому, доднесь неукротимому въ поношеніи насъ, бюрократовъ; по прочтеніи сихъ стиховъ, онъ съ ехидной улыбочкою посмотрѣлъ на меня и ничего, однако-жь, не сказалъ; надо полагать: позавидовалъ намъ, бюрократамъ, которыхъ нынѣ прославлять позволено и лирнымъ звономъ; да, позавидовалъ Чацкій, но потомъ, уходя, стихи-то все-таки похвалилъ. Петербургомъ онъ почему-то не доволенъ; а я, любившій прежде одну лишь Москву, ничего теперь, кромѣ манной каши, не люблю да никому и любить не совѣтую, такъ-какъ всѣ города испакостились и, всеконечно, не въ санитарномъ отношеніи. Питеръ я еще выношу за его курьезы: нѣтъ-нѣтъ, да что-нибудь смѣшное выкинетъ и позабавитъ. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько дней тому назадъ я чуть не до коликъ хохоталъ надъ слѣдующей сценкой. Иду, променада ради, а болѣе того ради встрѣчи съ хорошенькими дѣвчоночками, пумпончиками этакими, хехе; иду по Крестовско-Петербургскому мосту и, взирая на ясное небо, на царственную Неву, отражающую въ себѣ лазурь небесную, на людей и даже на пташекъ, рѣющихъ въ тепломъ воздухѣ, и думаю: какъ хорошъ Божій міръ, а главное — какъ великъ, великъ-то, Господи! И неба много, и земли довольно, только-бы жить да радоваться, а между прочимъ, увы! люди несчастны, ибо не вѣдаютъ счастія... Почему-же? да потому, что не умѣютъ существовать, ссорятся, враждуютъ, обижаютъ другъ друга. И думаю: такъ жить грѣшно! Вдругъ летитъ конка; вижу контролеръ спѣшитъ за нею, а его настигаетъ

господинъ въ адмиральской формѣ. Не успѣлъ я сообразить — зачѣмъ одинъ спѣшитъ, а другой настигаетъ спѣшащаго, какъ настигающій спѣшащему нанесъ ударъ кулакомъ по лицу и, на превесьма кроткій вопросъ обиженнаго, отвѣтилъ съ немалымъ рычаніемъ, блистая глазами: „за то, что васъ, подлецовъ, бить надо“! А потомъ адмиралъ на сушѣ, хотя и по близости отъ воды, крикнулъ: „давай скорѣй вагонъ“! Всеконечно, появились заступники за получившаго оплеуху, можетъ-быть, и не гораздо большую, начались допросы, и набралось тамъ свидѣтелей видимоневидимо, я-же, не медля, по благоразумію и отвращенію къ судебнымъ волокитамъ, устранился и пошелъ далѣе, разсуждая, не безъ внутренняго смѣха: не понимаютъ люди другъ друга; контролеръ не понялъ адмирала, адмиралъ-же не понялъ контролера. Несомнѣнно, первый положеніемъ, званіемъ, чиномъ ниже второго, а посему, получивъ ударъ въ лицо, долженъ былъ потереть побитое мѣсто, дабы на немъ синякъ не появился, потереть и промолчать, т. е. не спрашивать: за что?

Много смѣшного происходитъ въ Петербургѣ. Третьяго дня, поспѣшая за одной преочаровательной блондинкою, напоминавшей мнѣ мою Лизу, невѣдомо гдѣ нынѣ обрѣтающуюся, проходилъ я мимо повивальнаго университета въ институтскомъ переулкѣ или мимо института повивальнаго въ университетскомъ переулкѣ,—по разсѣянности, не замѣтилъ что, гдѣ и какъ,—только обратилъ мое вниманіе, вѣрнѣе сказать, вниманіе моего слуха, престрашнѣйшій крикъ, испугавшій меня до забвенія о восхитительной незнакомкѣ, и я, присѣвъ на мѣстѣ, растопыря обѣ руки, раскрывъ ротъ, увидѣлъ бабу, разрѣшившуюся отъ бремени сыномъ на панели. Глупая баба не поспѣла къ 12 часамъ дня, по минованіи коего пріемъ рожениць, какъ гласитъ надпись на воротахъ повивальнаго института, что-ли, прекращается до другого уже дня. Изъ сего явствуетъ: либо роди въ часы пріемные, либо, прозѣвавъ ихъ, терпи до поры-времени, либо вовсе не рожай. Обозвавъ оплошную или безтолковую бабу дурою, такъ-какъ изъ-за нея пришлось упустить очаровательную блондиночку, и, не услышавъ возраженія, я, разумѣется, вернулся домой, но безъ малѣйшаго унынія, и кушалъ съ пребольшимъ аппетитомъ, а, кушая, философствовалъ: премудро-же созданъ свѣтъ, ежели я, Фамусовъ, — россійскій дворянинъ, родился нѣкогда въ богатомъ домѣ, въ уютномъ покоѣ, среди душистыхъ батистовыхъ простынь, между тѣмъ дѣтище какой-то плебейки, на другой-же день, по хроникѣ происшествій, оказавшееся сыномъ крестьянки Галкиной, родилось подъ открытымъ небомъ, въ глухомъ переулкѣ, на пыльной или грязной панели...

Позавидовавъ самому себѣ, я запилъ свою философію сладчайшимъ ликеромъ.

Фамусовъ.

Государственный строй на западѣ *).

М. Гарѣлина.

Когда подводили итоги девятнадцатому столѣтію, то его называли „вѣкомъ пара и электричества" и забыли упомянуть о другой, несравненно большей услугѣ его человѣчеству. Мы разумѣемъ введеніе новаго государственнаго строя, смѣнившаго прежнія, отжившія уже формы правленія. Девятнадцатый вѣкъ—эпоха представительнаго правленія; это онъ—вѣкъ девятнадцатый, пронесся бурей по всѣмъ культурнымъ странамъ и вездѣ разбросалъ сѣмена народнаго представительства; это онъ закружилъ Западную Европу и обольстилъ ее новыми государственными формами; онъ—черезъ моря донесся до Австраліи и даже заглянулъ въ отсталую Азію.

Поставивъ себѣ цѣлью познакомить читателей съ этими новыми формами государственной жизни, мы коснемся пока лишь наиболѣе типичныхъ государствъ Западной Европы: Англіи, Франціи, Германіи и Австро-Венгріи, и прежде всего Англіи. Правда, она не въ XIX столѣтіи пріобрѣла свою политическую форму, однако, только минувшее столѣтіе и здѣсь выдвинуло простой народъ на видное мѣсто.

Англія заслуживаетъ особаго почтенія за свое настойчивое и довольно успѣшное исканіе того, чѣмъ она теперь обладаетъ. Она сыграла блестящую роль въ міровой исторіи, такъ какъ съ нея копировали политическій строй и въ Сѣверной Америкѣ, и на континентѣ Европы. Въ Англіи, какъ ни въ одной странѣ, чтутъ законъ: онъ является здѣсь для всѣхъ одинаково обязательнымъ; онъ всегда шелъ противъ „личныхъ толкованій", разныхъ усмотрѣній, противъ всякаго произвола,—и былъ непреклоненъ. Наконецъ, нигдѣ не обезпечена такъ твердо личная и гражданская свобода, какъ въ Англіи.

За Англіей слѣдуютъ Франція и Италія. Всѣ три онѣ отличаются одной очень важной особенностью: онѣ не только конституціонныя, но и парламентскія государства. Наоборотъ, Германія и Австро-Венгрія только конституціонныя. Въ странахъ съ парламентскимъ образомъ правленія министры непосредственно зависятъ отъ палаты народныхъ представителей: если большинство палаты находитъ, что министерство

---

*) **Источники:** *Дайсъ.* — Государственный строй Англіи. *Сеньобосъ.*—Политическая Исторія XIX ст. *Лоуэллъ.*—Правительства и полит. партіи въ Зап. Европѣ. *Конституціонное Государство.* Сборникъ статей, изд. ред. „Право". *Инсаровъ*—Современная Франція. *Сборникъ статей* о современномъ политическомъ устройствѣ западно-европейскихъ государствъ Ред. Смирнова. *А. Горбуновъ.*—Гарантія личной свободы въ Англіи. *П. Виноградовъ.*—Современный государственный строй Англіи. *Эсменъ*—Основы государственнаго права.

ведетъ неправильную политику, что оно неспособно справиться со своими задачами, выражаютъ „недовѣріе" министерству, — оно должно подать въ отставку. Правда, въ Англіи, напримѣръ, министерство можетъ взяться за послѣднее средство самосохраненія: можетъ распустить такъ наз. нижнюю палату представителей (общинъ), для избранія новаго состава. Это дѣлается въ надеждѣ, что избиратели пошлютъ въ палату другихъ депутатовъ, сочувствующихъ министерству. Но если снова въ палатѣ послышится недовольство большинства противъ министерства, послѣднее должно безпрекословно уйти. Совсѣмъ другое въ странахъ просто конституціонныхъ: въ Германіи, наприм., Собраніе представителей народа (рейхстагъ) лишено всякой власти смѣщать или назначать министровъ, которые подчинены независимому отъ рейхстага императору. Итакъ, въ парламентскихъ странахъ министры подчинены народнымъ представителямъ и потому внимательно прислушиваются къ требованіямъ послѣднихъ; они творятъ волю пославшаго депутатовъ народа. Въ конституціонныхъ странахъ для министерства рѣшающимъ голосомъ является голосъ императора: главнымъ образомъ съ его вкусами, взглядами, понятіями и требованіями принуждены считаться министры... —Высказанное и заставляетъ держаться порядка: *Англія, Франція, Италія, Германія и Австро-Венгрія*.

Государственная власть.

Старинное сравненіе: „государство —это корабль, плывущій по безграничному океану; у руля стоитъ кормчій и правитъ, глядя на понятныя ему звѣзды". — Сравненіе довольно неудачное и прежде, теперь вовсе нелѣпо, съ тѣхъ поръ какъ корабельные паруса смѣнились паровой машиной и пароходнымъ винтомъ, а компасъ оказался вѣрнѣе обманчивыхъ въ ненастье звѣздъ. Но есть одна здоровая, вѣрная мысль: какъ кораблю необходимъ кормчій, такъ для государства необходима власть,—чтобы управлять. Государственная власть сложна, потому что сложна и государственная жизнь, которую требуется регулировать.

И прежде всего для огражденія установившейся жизни отъ посягательствъ нужно создать правила, обязательныя для всѣхъ. Въ интересахъ общежитія, ради совмѣстнаго существованія, такія правила необходимы. Они же должны ограждать личность каждаго гражданина, его имущество, его свободу. Нужны, однимъ словомъ, законы, т. е. правила, установленныя верховной властью и дѣйствующія, пока они не отмѣнены.

Эти правила устанавливаютъ права и обязанности гражданъ и устройство самого государства. Въ монархіяхъ неограниченныхъ они издаются безъ участія населенія. Въ конституціонныхъ же и парламентскихъ государствахъ — непремѣнно при участіи выборныхъ отъ народа (депутатовъ). Тамъ, гдѣ введено народное самоуправленіе, конечно, законы не могутъ устанавливаться безъ народнаго согласія. Законы — самая важная работа въ управленіи государствомъ. Они могутъ установить крайнее неравенство гражданъ, какъ то было въ средніе вѣка, когда крѣпостная зависимость процвѣтала на западѣ и одинъ человѣкъ могъ владѣть другимъ, какъ бездушною вещью. Они могутъ такъ устанавливать налоги, что большая часть денегъ Государственнаго Казначейства получится съ одного слоя населенія, порой самаго бѣднаго. Законы могутъ надѣлить гражданъ равными правами, но такими стѣснительными, что эти права могутъ быть названы безправіемъ, какъ говорилъ Наполеонъ I: „я хочу, чтобы у меня были всѣ равны, т. е. одинаково ничтожны передъ госу-

дарственной властью". Наполеонъ I хотѣлъ возложить на гражданъ однѣ только обязанности передъ государствомъ, не давая никакихъ правъ защиты отъ излишнихъ стѣсненій. Онъ не хотѣлъ защищать законами личность гражданина—ея неприкосновенность, ея жилище отъ вторженія власти, ея имущество отъ произвольныхъ конфискацій (отобранія въ казну). Права совмѣстной работы въ разныхъ союзахъ, обществахъ—были имъ страшно стѣснены. Такое „равенство" гражданъ передъ закономъ не можетъ быть названо справедливымъ. А именно отъ справедливыхъ законовъ зависятъ самыя цѣнныя блага человѣка, его счастье, свободный трудъ, его сознаніе, что онъ можетъ жить какъ угодно и гдѣ угодно, лишь бы не вредилъ отдѣльнымъ людямъ или цѣлому государству. Вотъ отчего законодательство страны можно считать самымъ важнымъ дѣломъ государственной власти.

Законы не только требуется установить, но и постоянно добавлять и измѣнять: жизнь развивается, и незыблемый, стоящій на одномъ мѣстѣ законъ время отъ времени долженъ пересматриваться и приспособляться: напр., прежде католики въ Англіи не допускались на государственную службу, Но общественная совѣсть возмущалась явной несправедливостью устарѣлаго закона, и въ 1829 году всѣ мѣры противъ католиковъ были отмѣнены. Право измѣнять законы, издавать новые принадлежитъ „*законодательной* власти".

Но, вѣдь, законъ только общеобязательное правило. Это правило надо провести въ жизнь, „примѣнять законъ", *исполнять* его. Законъ, положимъ, установилъ собирать налоги съ доходовъ гражданъ. Чтобы привести это въ исполненіе, надо вычислить, какъ великъ доходъ каждаго отдѣльнаго жителя, и затѣмъ надо получить требуемую сумму. А для этого приходится имѣть цѣлый штатъ спеціальныхъ служащихъ. У Англіи большой, прекрасный флотъ. Законъ разрѣшаетъ на его содержаніе получить изъ государственнаго казначейства извѣстную сумму. Но кто-нибудь долженъ же производить разрѣшенную затрату, кто-нибудь долженъ слѣдить за правильностью расходованія, быть за нее отвѣтственнымъ, наконецъ, необходимо, чтобы деньги не выбрасывались на улицу и чтобы флотъ былъ дѣйствительно исправенъ и всегда готовъ вступить въ дѣйствіе. Вотъ эти-то и тому подобныя обязанности и лежатъ на плечахъ администраціи, начальства, такъ называемой „*исполнительной* власти".

Наконецъ, нельзя обойтись и безъ „*судебной* власти", которой ввѣрено рѣшать, нарушенъ въ данномъ случаѣ законъ или нѣтъ. Судъ—сторожъ закона; онъ караетъ всякаго преступника, т. е. нарушителя закона. Его дѣло каждый разъ сопоставить съ одной стороны, былъ-ли законъ и какъ его правильно понимать и, съ другой—поступокъ даннаго лица является-ли нарушеніемъ закона. Безразлично, кто явился нарушителемъ: простое лицо или должностное. Въ Англіи—для всѣхъ судъ одинъ, общій. Въ другихъ странахъ иначе.

Англія.

Было время, въ государствахъ патріархальныхъ вся власть сосредоточивалась въ рукахъ одного лица, князя. Онъ издавалъ законы, самъ же заботился объ ихъ примѣненіи, самъ судилъ всякаго нарушителя и назначалъ наказаніе. Постепенно изъ рукъ одного лица власть перешла въ руки отдѣльныхъ учрежденій. И въ иныхъ странахъ, какъ въ Сѣверо Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, законодательная, исполнительная или административная власть и судебныя такъ откололись одна отъ другой, что

стали совершенно взаимно независимыми. Въ Англіи только власть судебная поставлена въ положеніе независимое, а администрація находится въ постоянномъ подчиненіи законодательному учрежденію.

Законодательная власть.

Всѣ законы Англіи издаются собраніемъ представителей народа,—парламентомъ и королемъ или, какъ говорятъ англичане, „королемъ въ парламентѣ". А „парламентъ" означаетъ двѣ палаты: палату общинъ и палату лордовъ. Оттого-то законодательное учрежденіе Англіи и зовутъ „трехчленнымъ тѣломъ". Однако, значеніе каждаго члена въ этомъ законодательномъ тѣлѣ вовсе не одинаково.

Въ сущности, *Король* такъ же, какъ и такъ наз. верхняя палата представителей (палата лордовъ), числятся только по традиціи. Они не играютъ крупной исторической роли. Король въ Англіи—пользуется престоломъ по наслѣдству, онъ неприкосновененъ и неотвѣтственъ за свои поступки. Часто говорятъ, что еслибы король *собственноручно* убилъ перваго министра, то никакой судъ не могъ бы привлечь его къ отвѣтственности. Отношеніе народа къ королю похоже на отношеніе къ священной особѣ: ему восторженно преданны, какъ преданны національному знамени. За королемъ сохранилось право помилованія (кромѣ преступленій министровъ по службѣ—что не въ рукахъ короля), раздача почетныхъ наградъ, орденовъ, титуловъ. При встрѣчѣ съ иностранными представителями король выступаетъ какъ верховный вождь государства. Но все это оказывается ни болѣе, ни менѣе, какъ первенствомъ почета. Дѣйствительное вліяніе короля на законодательство, на политику совершенно ничтожно. Про него можно кратко выразиться извѣстнымъ французскимъ выраженіемъ: „Король царствуетъ, но не управляетъ".

Высокое и почетное мнѣніе о королѣ англійскій народъ вложилъ въ изреченіе: „Король не можетъ дѣлать зла". Но въ этомъ же изреченіи есть и оборотная сторона. Если король не можетъ дѣлать зла, а зло все-таки произошло отъ королевскаго распоряженія или приказанія („акта"), кто-нибудь долженъ за него быть отвѣтственнымъ. И въ Англіи за всякое незаконное распоряженіе отвѣчаютъ министры, которые скрѣпили приказъ короля своею подписью, или приложили свою печать. При этомъ ни одно королевское распоряженіе не имѣетъ силы безъ подписи министра, который и можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности.

Если законы издаются по рѣшенію палаты общинъ, палаты лордовъ и короля, то можетъ быть король вправѣ пріостановить любое рѣшеніе, отказаться подписаться подъ нимъ? Иначе говоря, можетъ быть король въ состояніи наложить свое veto, которымъ пользовались его предки и которое никто не отмѣнялъ? И это королевское право всецѣло принадлежитъ прошлому. Въ 1707 году королева Анна отвергла шотландскій билль (проектъ закона) о милиціи*) и съ тѣхъ поръ только одинъ разъ министерство угрожало именемъ королевы, которая будто-бы хотѣла примѣнить свое veto. Но наложить его на самомъ дѣлѣ такъ и не рѣшились.

Незначительность королевской власти дѣлаетъ понятнымъ, что столкновенія между палатой общинъ и королемъ почти немыслимы. Серьезное разногласіе между ними было въ послѣдній разъ еще въ 1835 году. Вопросъ шелъ капитальный: быть-ли Англіи страной парламентской, какъ то было въ 1710—1760 годахъ, или чисто конституціонной, какъ правили короли послѣ 1760-го года. Попытка короля самовластно назначать министровъ окончилась

*) Народное ополченіе.

неудачей. Король долженъ былъ уступить. Съ тѣхъ поръ англійскіе короли избѣгаютъ столкновеній съ палатой общинъ.

Палата лордовъ—тоже не большая активная сила. Состоитъ она изъ представителей англійской аристократіи; въ 1901 году ихъ было 592. Каждый членъ верхней палаты называется лордомъ или пэромъ. Изъ нихъ 520 пэровъ засѣдаютъ въ палатѣ по наслѣдству, какъ главы аристократическихъ англійскихъ родовъ, 28 отъ Шотландіи пожизненно, 16 по особому избранію отъ Ирландіи. и нѣсколько по должности. Хотя палата имѣетъ право составлять билли, но на дѣлѣ почти всѣ они исходятъ изъ палаты общинъ. Палата лордовъ разсматриваетъ проекты, которые приняты нижней палатой. Если палата лордовъ принимаетъ проектъ, его направляютъ къ королю для подписи. Но часто верхняя палата возвращаетъ эти билли снова въ нижнюю и предлагаетъ свои поправки. Изъ палаты общинъ такой билль снова идетъ въ верхнюю палату и снова подвергается обсужденію. И палата лордовъ имѣетъ право не только настаивать на своихъ поправкахъ, она имѣетъ право даже отвергнуть билль, нежелательный съ ея точки зрѣнія. И порой она пользуется этимъ правомъ и, какъ извѣстно, именно она погубила принятый палатой общинъ билль объ административной автономіи независимости Ирландіи въ 1892 году (гомруль).

Но такую рѣшительность верхняя палата проявляетъ только тогда, когда чувствуетъ на своей сторонѣ поддержку общественнаго мнѣнія. Такъ и было въ указанномъ случаѣ. Если же ясно, что общественное мнѣніе сильно стоитъ за какую-нибудь реформу, палата лордовъ не рискнетъ выступить противъ. Дѣло въ томъ, что въ рукахъ короля, или все равно „министровъ, дѣйствующихъ именемъ короля, есть могучее средство: право, когда угодно, назначить въ верхнюю палату сколько угодно новыхъ членовъ и чрезъ это получить желательное большинство голосовъ. Однако, обычно до этого дѣло не доходитъ. Видя, что такъ или иначе придется уступить, верхняя палата принимаетъ билль. Особенно настойчиво палата лордовъ отклоняла билль о крупной реформѣ 1832 года, послѣ котораго число избирателей увеличилось въ округахъ съ 247 тысячъ до 376, а въ пригородахъ съ 188 тысячъ до 286; такъ что каждый избиратель сталъ приходится на 22 человѣка населенія, а раньше 1 на 32. Еще въ 1831 году палата общинъ приняла этотъ билль; верхняя палата его отклонила. Началось всеобщее броженіе почти революціоннаго характера. Лорды перепугались всеобщаго возстанія и приняли билль, однако исказивъ его до неузнаваемости. Король не соглашался пригрозить верхней палатѣ назначеніемъ новыхъ пэровъ. Министерство вышло въ отставку. Но попытка короля составить другое, консервативное министерство потерпѣла неудачу: консерваторы не рѣшились выступить со своей программой, видя общее недовольство ею. Король принужденъ былъ снова обратиться къ прежнему министерству, обѣщавъ назначеніе новыхъ лордовъ. Опасаясь этого, палата лордовъ поспѣшила принять билль. Верхняя палата все таки время отъ времени заявляетъ о своемъ существованіи и то вноситъ поправки, то задерживаетъ законопроектъ, если не можетъ отринуть его вовсе. Признано, что роль ея сдерживающая, консервативная, хотя и не большая. О судебномъ значеніи палаты лордовъ упомянемъ въ другомъ мѣстѣ.

Нижняя англійская палата—собственно представительное собраніе. Состоитъ она изъ 670 депутатовъ, причемъ на долю англійскихъ избирательныхъ округовъ приходится 495, на Шотландію—72, Ирландію—103; Лондонъ посылаетъ 62 депу-

тата. Избираются они на 7-ми лѣтній срокъ. Это представительство націи, облеченное народнымъ довѣріемъ, это собраніе депутатовъ пользуется огромной властью. Изъ столкновенія съ палатой лордовъ и съ королемъ нижняя палата вышла побѣдительницей. Оттого-то мнѣніе „парламента" собственно значитъ мнѣніе палаты общинъ, съ которымъ не можетъ не согласиться король, съ которымъ вынуждена соглашаться и палата лордовъ. И естественно, что палата общинъ смотритъ на себя, какъ на всю страну, представленную въ миніатюрѣ. Палата общинъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ исключительную верховную власть, выражающую верховную волю страны. Въ частности это проявляется и въ изданіи законовъ. Но мы будемъ говорить объ обѣихъ палатахъ, т. е. о полномъ парламентѣ, такъ какъ для изданія закона необходимо вынужденное или вполнѣ добровольное согласіе и палаты лордовъ.

Парламентъ въ Англіи всесиленъ: это — верховное учрежденіе, т. е. такое, которое рѣшительно никому и ничему не подчинено, но которому должны повиноваться всѣ остальныя учрежденія и лица. Его власть такъ всеобъемлюща и велика, что про него сложилось популярное изреченіе: „парламентъ можетъ сдѣлать все; онъ не можетъ только превратить мужчину въ женщину или женщину сдѣлать мужчиной".

Эта неограниченная власть парламента выражается прежде всего въ законодательствѣ.

Надо замѣтить, что современная наука различаетъ два рода законовъ: учредительные или основные (иначе наз. конституціонными) и законы обыкновенные. Разница между ними та, что учредительные законы опредѣляютъ, устанавливаютъ основное государственное устройство. Именно учредительные законы рѣшаютъ, быть ли государству республикой (какъ Франція) или монархіей, и какой монархіей: просто конституціонной (Австро-Венгрія) или конституціонной парламентской (Англія). Основными законами утверждаются: верховная власть, распредѣленіе ея между разными учрежденіями, положеніе суда, наиболѣе цѣнныя политическія права гражданъ, наконецъ, то, кому принадлежитъ право измѣнять эти самые основные законы и т. п. Болѣе второстепенные вопросы рѣшаются законами обыкновенными; уголовные, гражданскіе законы, устройство различныхъ (не верховныхъ) учрежденій, правительственныхъ и общественныхъ—вотъ, примѣрно, обыкновенные законы. Можно сказать, что обыкновенными законами называются такіе, которые необходимы для текущей жизни, для нормальной поры, для повседневныхъ государственныхъ и общественныхъ нуждъ.

Если хорошо основное государственное устройство, то ужъ этимъ обезпечены и хорошіе обыкновенные законы, потому что обыкновенные законы находятся въ рукахъ верховной власти, а сама эта власть узаконяется основными законами. Отъ учредительныхъ законовъ всецѣло зависятъ обыкновенные законы. Но провести между тѣми и другими какую-нибудь точную границу нельзя. Напримѣръ, во Франціи считается основнымъ закономъ (конституціоннымъ) постановленіе, гдѣ долженъ засѣдать парламентъ: въ 1875 — 79 гг. непремѣнно Версаль, а съ 1879 г. — Парижъ. Или еще: съ 1875 года конституціонными считались статьи объ организаціи Французскаго сената, а въ 1884 году постановлено, что эти статьи „не будутъ впредь имѣть конституціоннаго характера". Они стали обыкновенными законами.

Однако, различіе тѣхъ и другихъ имѣетъ серьезное значеніе. И вотъ почему. Почти во всѣхъ современныхъ конституціонныхъ государ-

ствахъ дѣйствующее законодательное учрежденіе лишено права измѣнять конституціонные или основные законы. Для того, чтобы это сдѣлать, требуется составить особый совѣтъ, составъ котораго обыкновенно указанъ въ конституціи. Англія въ этомъ отношеніи является исключеніемъ.

„*Всѣ* законы въ Англіи издаются парламентомъ и королемъ", сказано выше, значитъ и основные. Такъ было прежде, такъ осталось и теперь. Напримѣръ, въ 1679 году былъ изданъ Парламентомъ такъ называемый Habeas Corpus—приказъ для охраны личной неприкосновенности каждаго гражданина. Въ 1801 году уничтоженъ отдѣльный ирландскій парламентъ, а Ирландія была присоединена къ Великобританіи. Парламентъ послѣдовательными избирательными реформами 1832 года, 1867 г. и 1884 года совершенно измѣнилъ характеръ управленія: владычество аристократіи уступило мѣсто демократическому, почти всенародному вліянію; изъ конституціонной Англія превратилась въ парламентскую страну. И все однимъ рѣшеніемъ парламента. Но самымъ поразительнымъ остается старый примѣръ. Прежде члены палаты общинъ избирались на 3 года. И вотъ въ 1617 году наступалъ срокъ парламентскихъ полномочій и депутаты должны были подвергнуться переизбранію. Но парламентъ, по политическимъ соображеніямъ, рѣшилъ, что нужно продолжить срокъ депутатскихъ полномочій. И онъ объявилъ, что такой срокъ отнынѣ будетъ 7-ми лѣтнимъ. Собственною властью, которая истекала въ 1617 году, парламентъ продолжилъ эту власть до 1621. И это было законно, потому что парламентъ—власть неограниченная.

Но существуютъ въ Англіи законы, которые никѣмъ не изданы, которые вошли въ практику и всѣми признаются обязательными. Въ Англіи огромное значеніе имѣетъ обычай, который и создаетъ обычное право. Жизнь постоянно вырабатываетъ новыя отношенія. Законъ вслѣдъ за нею стремится ихъ узаконить. Но бываетъ, что измѣнившіяся жизненныя отношенія минуютъ парламентъ, и послѣдній не замѣтитъ ихъ. А между тѣмъ эти отношенія такъ удобны, такъ своевременны и практичны, что повторяются и повторяются. Къ нимъ вполнѣ привыкаютъ и признаютъ ихъ необходимыми, полезными. Ихъ создалъ обычай. Тщетно вы будете искать парламентскаго рѣшенія объ ихъ введеніи въ жизнь. Такіе законы какъ бы признаются всѣми по молчаливому согласію.

Если они касаются основного государственнаго строя, ихъ зовутъ „конституціонными соглашеніями". Такъ, никогда король не былъ закономъ ограниченъ въ своихъ правахъ; но на практикѣ власть короля стала ничтожной, всякій его актъ долженъ быть скрѣпленъ подписью министра. Это по „конституціонному соглашенію". Нѣтъ такого закона, чтобы министерство выходило въ отставку, когда имъ недовольно большинство палаты общинъ; это конституціонное соглашеніе. Или что иное, какъ не конституціонное соглашеніе, установившееся неизмѣнное право палаты общинъ самостоятельно издавать законы о всѣхъ денежныхъ назначеніяхъ, объ обложеніи населенія сборами и податями и т. п.? И въ послѣднее время (съ 1860 года) палата лордовъ даже и не пытается отвергнуть финансовые законопроекты, даже не рѣшается предлагать для нихъ какія-нибудь измѣненія или исправленія.

Въ Англіи особенно примѣнимо пушкинское: „обычай-деспотъ межъ людей". Но этотъ деспотъ не нарушаетъ верховнаго значенія парламента. Характерно, что онъ во всемъ прислуживаетъ парламентскому управленію. Онъ тотчасъ былъ бы отмѣненъ парламентомъ, какъ только сталъ бы послѣднему попе-

рекъ дороги. „Конституціонное соглашеніе“ черпаетъ всю свою силу опять таки въ признаніи парламентомъ. Пусть это признаніе молчаливо — но оно есть. Власть парламента остается верховной.

Исполнительная власть.

Формально главою Англіи считается король. Онъ же считается и главой исполнительной власти (администраціи), которая дѣйствуетъ отъ его имени. Но король связанъ требованіемъ, чтобы его распоряженіе было скрѣплено подписью по крайней мѣрѣ одного министра, представителя исполнительной власти. Значитъ, король находится въ сильной зависимости отъ министровъ. Спрашивается, ужъ не является ли министерство въ Англіи могущественнымъ учрежденіемъ и какъ могутъ существовать въ такомъ случаѣ два медвѣдя въ одной берлогѣ: парламентъ и министерство?

Прежде, чѣмъ выяснить отношеніе парламента и министерства, укажемъ, что король, какъ глава администраціи, пользуется почтительнымъ отношеніемъ со стороны министровъ. Особенно ревниво охраняется королями ихъ старое, о многомъ быломъ напоминающее право: знать обо всѣхъ важнѣйшихъ актахъ государственной политики. Министерство должно, если хотите, докладывать объ этомъ. Къ этимъ докладамъ можно, напримѣръ, причислить ежедневные бюллетени о ходѣ дѣлъ въ обѣихъ палатахъ (во время ихъ засѣданій), депеши министерства иностранныхъ дѣлъ. Лордъ Пальмерстонъ въ 1851 году вынужденъ былъ выйти въ отставку по настоянію королевы Викторіи, которой онъ ничего не сообщилъ о своей дипломатической перепискѣ. Впрочемъ, эта отставка столько же зависѣла и отъ того, что Пильмерстонъ въ своей внѣшней политикѣ разошелся съ парламентскимъ большинствомъ.

Въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ министерство вполнѣ зависитъ отъ парламента, это парламентская прислужница (minister—по латыни значитъ слуга). Всѣ вопросы въ палатѣ общинъ рѣшаются большинствомъ голосовъ; слѣдовательно, мнѣніе большинства палаты есть мнѣніе всей палаты. А министерство теперь составляется исключительно изъ большинства палаты общинъ. И каждое министерство старается вести политику въ согласіи съ парламентскимъ большинствомъ. Если же встрѣтится пунктъ разногласія, министерство должно либо подчиниться палатѣ общинъ, либо выйти въ отставку.

Тогда наличное большинство парламента изъ своей среды избираетъ премьера; обыкновенно это бываетъ вождь побѣдившей въ парламентѣ партіи. Этотъ премьеръ, или первый министръ, подбираетъ подходящихъ по взглядамъ и убѣжденіямъ министровъ, между которыми и распредѣляются отдѣльныя отрасли управленія: внутренними дѣлами, иностранными дѣлами, военными, колоніями, Индіей, юстиціей (лордъ-канцлеръ), финансами (канцлеръ казначейства) и др.

Это подобранное министерство носитъ названіе „*Кабинетъ министровъ*“. Характерной чертой его является однородность его состава: это тѣсная, сплоченная, единодушная группа, объединенная общей политической программой и обыкновенно сильнымъ личнымъ вліяніемъ перваго министра. Подъ предсѣдательствомъ этого министра происходятъ засѣданія, всегда закрытыя для постороннихъ. Вопросы рѣшаются не по большинству голосовъ, потому что послѣднее слово всегда принадлежитъ премьеру. Онъ—глава кабинета, онъ несетъ отвѣтственность за свою политику, проводимую съ помощью остальныхъ министровъ. И несогласному съ премьеромъ министру остается одно изъ двухъ: либо подчиниться,

либо сдать свой министерскій портфель.

Кабинетъ министровъ составляется не на опредѣленный срокъ. Существованіе его можетъ быть очень продолжительнымъ. Такъ, либеральная партія съ 1847 года вплоть 1867 года держала въ парламентѣ власть въ своихъ рукахъ и выставляла изъ своей среды либеральный кабинетъ министровъ. Наоборотъ. именно въ этотъ двадцатилѣтній промежутокъ времени случайно (благодаря взаимному соперничеству двухъ вожаковъ либераловъ—Росселя и Пальмерстона) консервативной партіи лишь на нѣсколько мѣсяцевъ удалось два раза пріобрѣсти въ парламентѣ большинство: въ 1852 году и съ конца 1858 до начала 1859 года. Но премьеромъ дѣлался то Россель, то Пальмерстонъ, и такимъ образомъ при одномъ и томъ же либеральномъ большинствѣ палаты общинъ кабинетъ много разъ смѣнился и два раза попалъ даже совсѣмъ въ чужія, консервативныя руки, оттого и не надолго.

При столкновеніи Кабинета съ большинствомъ парламента могутъ быть два исхода: Кабинетъ можетъ продолжать свою политику, если разногласіе произошло изъ-за незначительнаго вопроса; совсѣмъ иное дѣло, если разногласіе вышло по какому-нибудь серьезному поводу: приходится выходить въ отставку тотчасъ послѣ того, какъ по этому поводу большинство нижней палаты высказалось противъ политики кабинета. Въ этихъ случаяхъ говорятъ, что палата общинъ „выразила недовѣріе" правительству. Это недовѣріе можетъ быть выражено не только косвенно — когда отвергаютъ предложенную правительствомъ мѣру. Порой ставится на обсужденіе вопросъ: выразить-ли правительству недовѣріе? И обыкновенно, какъ только недовѣріе выражено, правительство покорно подчиняется рѣшенію палаты и выходитъ въ отставку.

Но, хотя и рѣже, бываетъ, что кабинетъ настаиваетъ на своей политикѣ и хочетъ ее защитить. Тогда въ его рукахъ — послѣднее средство: распустить палату до истеченія срока ея полномочій. Этимъ правительство какъ-бы обращается къ народу съ просьбой прислать новыхъ депутатовъ, которые лучше поймутъ истинную народную пользу и оцѣнятъ по заслугамъ практичность и цѣлесообразность кабинетской политики. Являются новые депутаты, и если они несогласны съ прежними, кабинетъ продолжаетъ свою обычную работу. Такъ, въ 1857 году палата не одобрила китайскую войну. Думая, что палата не выразила взгляда націи, Пальмерстонъ остался у власти и распустилъ палату. Новый составъ депутатовъ одобрилъ его политику. Если же новый составъ палаты общинъ будетъ того же мнѣнія, какъ и распущенный правительствомъ кабинетъ выходитъ въ отставку.

Была одинъ разъ, довольно давно, попытка пренебречь мнѣніемъ большинства, но вотъ какъ она окончилась. Въ 1835 году консервативный министръ Пиль нашелъ сильную поддержку въ королѣ Вильгельмѣ IV. Призванный королемъ изъ группы парламентскаго меньшинства, Пиль попробовалъ распустить палату, надѣясь, что въ новомъ составѣ большинство депутатовъ станетъ на его сторонѣ. Но онъ ошибся. Четыре раза палата общинъ выразила ему свое недовѣріе, сломила его упорство и заставила во всеуслышаніе заявить: „на основаніи практики, принциповъ и буквы конституціи правительство не должно настаивать на своемъ правѣ руководить дѣлами государства послѣ законной попытки къ этому, разъ противъ него ясно высказалась палата общинъ, даже въ томъ

случаѣ, если оно, какъ нынѣ, пользуется довѣріемъ монарха и большинства палаты лордовъ".

Теперь еще яснѣе стало, какова сила „конституціонныхъ соглашеній". Мы видѣли, что въ законодательствѣ палата общинъ выступаетъ, какъ высшая власть въ государствѣ. Теперь видно, что она же распоряжается и исполнительной властью, которой она приказываетъ вести ту или иную политику. Значеніе и все большее вліяніе палаты общинъ наводитъ на мысль, что по своему существу Англія очень близка къ республиканскому правленію, хотя по формѣ и принадлежитъ къ монархіямъ. — Не лишне отмѣтить, что въ Англіи вовсе не существуетъ прославленнаго Монтескье полнаго раздѣленія властей: законодательной и административной. Наоборотъ, администрація кровными узами связана съ законодательной палатой; она—дѣтище послѣдней, живое, соединенное неразрывной пуповиной. Палата общинъ имѣетъ нѣсколько комитетовъ (напр., два постоянныхъ комитета „объ ассигнованіяхъ" и „о способахъ и средствахъ"); безъ предварительнаго обсужденія въ этихъ комитетахъ не можетъ быть введенъ ни одинъ новый расходъ и ни одинъ новый источникъ дохода. Между прочимъ составляется въ палатѣ и особый комитетъ или комиссія для исполненія закона; непремѣнно изъ большинства палаты,—вотъ это и есть „кабинетъ министровъ".

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ обычай; послѣ избранія главы исполнительной власти — президента начинается генеральная чистка должностныхъ лицъ. Множество чиновниковъ побѣжденной партіи выбрасывается изъ учрежденій побѣдителемъ—представителемъ торжествующей партіи. Каждый новый президентъ смѣщаетъ прежнихъ должностныхъ лицъ и сажаетъ на ихъ мѣсто цѣлую стаю жаждущихъ теплаго мѣстечка, идущихъ за хвостомъ президента. Послѣдній такъ и смотритъ на должности, ему подчиненныя, какъ на добычу, вырванную у побѣжденныхъ. И оттого этотъ обычай зовется „системой добычи" (spoils system), что въ вольномъ переводѣ значитъ: „горе побѣжденнымъ".

Ничего подобнаго не знаетъ англійская жизнь. Какой хаосъ получился бы, если-бы, въ общемъ очень быстротечные, кабинеты англійскихъ министровъ изгоняли со службы чиновниковъ, позволяющихъ себѣ думать иначе, нежели тотъ или другой Кабинетъ? Англичане держатся иной практики: Они смотрятъ на чиновника, какъ на человѣка, нанятаго государствомъ, чтобы исполнять принятыя имъ обязанности, но который во всемъ остальномъ, внѣ службы, остается свободнымъ. Они требуютъ дѣла отъ работника, не вторгаясь въ его душевный міръ и не копаясь въ его убѣжденіяхъ. И весьма понятно, что либеральный кабинетъ считаетъ очень полезнымъ хорошаго чиновника, по убѣжденіямъ консерватора.

Этимъ достигается то, что въ чиновники не гнушаются итти люди, знающіе себѣ цѣну, какъ хорошіе работники. И подбирается хорошій, постоянный составъ исполнительныхъ и аккуратныхъ чиновниковъ, знающихъ свое дѣло. Сами они не вмѣшиваютъ въ служебныя дѣла политику, и ихъ начальство насильно не впутываетъ въ нее. Это не мѣшаетъ имъ совершенно безнаказанно пропагандировать *) свои убѣжденія въ печати, на собраніяхъ, на лекціяхъ и т. д.

Да министры и не входятъ во всѣ мелочи чиновничьяго механизма. Они обсуждаютъ въ Кабинетѣ лишь важнѣйшіе вопросы, которые касаются общаго плана англійской политики. Такъ, напр., дипломати-

*) Распространять.

ческія донесенія идутъ не въ Кабинетъ министровъ, а направляются къ статсъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ. И въ каждомъ вѣдомствѣ есть такъ называемые постоянные секретари, которые не засѣдаютъ въ парламентѣ, но оказываютъ не малое вліяніе на текущія дѣла благодаря своей опытности и знанію данной спеціальности.

При управленіи дѣлами, должностныя лица, въ частности министры, должны издавать различныя распоряженія. Одни изъ нихъ называются циркулярами—касаются устройства и дѣятельности подчиненныхъ учрежденій; другія—административныя распоряженія въ строгомъ смыслѣ слова или указы; они уже выходятъ за предѣлы спеціальнаго вѣдомства, они касаются правъ и обязанностей гражданъ. И потому они могутъ издаваться лишь съ разрѣшенія верховной законодательной власти: напр., разрѣшеніе распоряженій относительно приведенія законовъ въ исполненіе.

Наиболѣе любопытнымъ для Англіи является отношеніе къ чрезвычайнымъ распоряженіямъ. Они издаются администраціей въ минуту крайней необходимости. Государство находится въ опасности. Надо немедля дѣйствовать, а между тѣмъ законодательная палата не собрана, но и администрація не уполномочена на необходимыя въ данный моментъ распоряженія, которыя, какъ чрезвычайныя, сталкиваются съ существующими законами, обыкновенно пріостанавливая нѣкоторые изъ нихъ. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ въ Англіи вовсе не признается за администраціей право издавать чрезвычайныя распоряженія. Такъ установлено еще въ 1766-омъ году и это держится до сей поры.

Въ этотъ годъ, когда парламентъ не былъ въ сборѣ, странѣ угрожалъ голодъ. Министръ Питъ Старшій сдѣлалъ чрезвычайное распоряженіе: воспретить вывозъ хлѣба изъ Англіи. Правительство, лишь только собрался парламентъ, постаралось оправдать себя и желало, чтобы не только на этотъ разъ дѣйствіе его признано было законнымъ, но чтобы и впредь, въ перерывы между парламентскими сессіями *), министерство имѣло право издавать чрезвычайныя распоряженія. Это встрѣтило рѣшительный отпоръ въ верхней палатѣ, гдѣ и изложена была теорія крайней необходимости государства, примѣняемая на практикѣ и въ настоящее время.

Согласно этой теоріи, всякое дѣйствіе, предпринятое въ состояніи крайней необходимости, поскольку оно выходитъ изъ рамокъ дѣйствующаго права, противозаконно, безразлично, исходитъ-ли оно отъ частнаго лица или отъ правительства, и независимо отъ того, предпринято-ли оно ко благу государства, или нѣтъ. Правительство можетъ, какъ и всякій гражданинъ, предпринимать мѣры ко благу государства, но не иначе, какъ на собственный рискъ. Отъ отвѣтственности не спасаетъ ни увѣреніе правительства въ своемъ случайномъ заблужденіи, ни твердая вѣра его въ то, что государство находилось въ крайности, что оно необходимо требовало неотложнаго административнаго вмѣшательства. Во всякомъ случаѣ виновники чрезвычайныхъ распоряженій должны предстать предъ судомъ. И судъ разсудитъ: дѣйствительно-ли была крайняя необходимость въ чрезвычайныхъ распоряженіяхъ, дѣйствительно-ли государству угрожала серьезная опасность. Если это будетъ судомъ признано, остается разобрать, нужны-ли были изданныя распоряженія или же достаточно было прибѣгнуть къ гораздо болѣе мягкимъ мѣрамъ. Если же судъ не признаетъ необходимости въ чрезвычайныхъ распоряженіяхъ, требуется

*) Засѣданія.

разсудить, была-ли неизбѣжной ошибка или подсудимый только прикрывается отговоркой, хорошо и въ моментъ изданія распоряженій понимая, что причина для нихъ недостаточна. Однимъ словомъ, правительству было отказано въ какой бы то ни было привилегіи *) сравнительно съ другими гражданами. Такъ установила палата лордовъ, опасаясь, что правительство станетъ черезчуръ злоупотреблять крайне растяжимымъ понятіемъ: случай государственной необходимости.

Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всесильный парламентъ можетъ не допустить дѣла до судебнаго разбирательства. Для этого надо только провести въ парламентѣ особый законъ, „актъ о снятіи отвѣтственности“, когда члены парламента сами признаютъ, что правительство дѣйствовало въ состояніи крайней необходимости ради серьезно затронутаго государственнаго благополучія.

Министры въ Англіи находятся подъ постояннымъ, бдительнымъ контролемъ парламента. Текущая политика вся находится подъ парламентскимъ верховнымъ наблюденіемъ, при постоянномъ вмѣшательствѣ въ нее. Достигается это при помощи запросовъ по тому или иному дѣлу отъ того или другого министра, которому это дѣло подлежитъ; порой требуютъ документы, иногда выступаютъ съ подробно, хорошо разработанными нападками и обвиненіями; выступаютъ съ различными предложеніями, иногда назначаютъ спеціальную комиссію для разслѣдованія или провѣрки административныхъ дѣйствій. И министры обязаны держать отвѣтъ передъ парламентомъ, обязаны подчиниться тѣмъ рамкамъ, какія угодно установить для ихъ дѣятельности или, точнѣе, направленія ихъ дѣятельности.

Раньше мы сказали, что всѣ финансовые *) билли рѣшаются такъ, какъ того хочетъ палата общинъ. Но палата не только указываетъ, какъ надо достать необходимую сумму и на что и какъ именно ее израсходовать. Она же слѣдитъ затѣмъ, правильно-ли исполнено ея желаніе, она контролируетъ министровъ и строго провѣряетъ ихъ отчетность. Отступленіе, хотя бы самое незначительное отъ точнаго исполненія финансоваго закона, влечетъ строгую отвѣтственность. Самая ничтожная сумма должна быть оправдана документами.

Въ полномъ распоряженіи палаты общинъ находится и бюджетъ, т. е. роспись государственныхъ расходовъ и доходовъ. Бюджетъ въ Англіи отличается одной особенностью. Онъ дѣлится на двѣ части: ту, которая безъ перемѣнъ вносится изъ года въ годъ, и касается разныхъ постоянныхъ доходовъ и расходовъ, —напримѣръ, доходы съ государственныхъ земель или уплата процентовъ по государственнымъ долгамъ. Эта постоянная часть бюджета называется „консолидированнымъ фондомъ“. „Консолидированный фондъ“ составляетъ весьма замѣтную часть бюджета: около трехъ четвертей его. Эта часть не подвергается ежегодному обсужденію палаты общинъ,—она просто переписывается изъ года въ годъ безъ измѣненій или съ самой незначительной разницей. Но вотъ другая часть бюджета, перемѣнная, ежегодно требуетъ парламентскаго утвержденія. Иначе говоря, каждый годъ надо издавать законъ, разрѣшающій полученіе части государственныхъ доходовъ и устанавливающій ихъ точное употребленіе.

Вовсе не пустякъ эта точность. Только при помощи ея сталъ возможенъ строжайшій контроль надъ административнымъ исполненіемъ бюджета: министры не могутъ по-

*) Льгота со стороны государства.

*) Денежные, связанные съ взиманіемъ денегъ или ихъ расходованіемъ.

своему произволу сократить расходъ, напримѣръ, на народное образованіе, на учрежденіе народныхъ библіотекъ, и вмѣсто того остатокъ отъ просвѣщенія употребить на увеличеніе, напримѣръ, жалованья, полицейскимъ чинамъ. Мало того, даже въ предѣлахъ одного вѣдомства нельзя дѣлать переносовъ и измѣненій при исполненіи закона о бюджетѣ: назначенную на народныя школы сумму нельзя истратить на поддержаніе университетскаго зданія или что нибудь другое.

Итакъ, не „консолидированная" часть бюджета — ежегодно узаконяется палатой общинъ. И хотя эта часть составляетъ только четверть или 1/5 всего бюджета, однако, она является самой важной, потому что всякая новая мѣра министерства требуетъ и новыхъ расходовъ, а такіе расходы подлежатъ обсужденію въ палатѣ: они не относятся къ консолидированному фонду.

Ежегодное изданіе законовъ о самой важной части бюджета даетъ парламенту огромную власть надъ правительствомъ. Прежде всего, этимъ обезпеченъ ежегодный аккуратный созывъ парламента. Безъ послѣдняго остановилась бы вся государственная машина, лишенная самаго главнаго своего основанія--необходимыхъ матеріальныхъ средствъ. Конечно, министерство, не смотря на отсутствіе особаго закона, могло бы попробовать продолжать взимать налоги. Не собирая парламента, правительство все-таки могло бы издать административныя распоряженія объ утвержденіи имъ же самимъ составленнаго бюджета, о введеніи новыхъ сборовъ и о распредѣленіи государственныхъ средствъ по всѣмъ статьямъ расхода. Вышло бы приблизительно то, что сказалъ одинъ англичанинъ, когда его спросили: что бы онъ сдѣлалъ, еслибы лордъ Солисбери (премьеръ) назначилъ налогъ помимо парламента.—Я бы не платилъ—отвѣтилъ онъ.—Ну, а если бы, пользуясь властью, онъ сталъ взимать налогъ силою?—На силу я отвѣтилъ бы силою и, вѣроятно, его въ тотъ же день повѣсили бы на воротахъ Гатфильда (замокъ лорда Солисбери).

Кромѣ чисто бюджетнаго способа держать въ рукахъ правительство, у парламента есть могучее средство, которое называется „актъ о бунтѣ". Дѣло въ томъ, что хотя въ Англіи и есть небольшая регулярная армія, но ея существованіе вполнѣ зависитъ отъ парламента. Онъ изъ года въ годъ принятіемъ акта о бунтѣ признаетъ необходимость арміи и опредѣляетъ, сколько денегъ и изъ какого источника необходимо для ея содержанія на текущій годъ. Еслибы правительство не собрало парламента вовсе или не подчинилось его рѣшенію, парламентъ могъ бы отказать въ принятіи акта о бунтѣ. Тогда беззаконнымъ былъ бы всякій налогъ или иной денежный сборъ на армію. Сама армія освобождалась бы отъ всѣхъ своихъ обязанностей, отъ своей отвѣтственности, такъ какъ принятый законъ на предъидущій годъ уже безсиленъ на новый срокъ, а на этотъ срокъ не издано никакого закона. Возможно, что армія разбрелась бы. Или она, быть можетъ, потребовала бы отъ правительства созыва парламента или уступки ему (въ случаѣ спора, между нимъ и правительствомъ), чтобы армія попрежнему получила законное существованіе. Съ другой стороны, и граждане не согласились бы платить деньги безъ точно указаннаго законнаго основанія.

Такова Англія, гдѣ царствуютъ двѣ могучія, несокрушимыя силы: парламентъ и законность.

(До слѣд. №-ра).

Современная жизнь въ Россіи.

Слухи и вѣсти. — Депутація курскихъ дворянъ. — Депутація „истинно русскихъ“. — Скромный вопросъ крестьянина г.г. курскимъ дворянамъ.—Открытое письмо крестьянъ г.г. Шереметьевымъ, Бобринскимъ и К°.—Гдѣ же жертвы дворянъ?—Исторически-сложившійся типъ русскаго общества.—Намѣчающаяся національная и классовая борьба.—Царь Всея Россіи и народъ.—Необходимость единенія между буржуазіей и пролетаріатомъ.—Современный фазисъ русской исторіи, какъ необходимый результатъ исторически сложившихся условій.—Близость побѣды народа.

Мы уже говорили о противорѣчіяхъ между Высочайшими указами о вѣротерпимости, свободнымъ выраженіи мнѣній по государственному устройству и др.—и дѣйствительностью. Противорѣчія не исчезли и теперь. Напротивъ, ихъ все болѣе и болѣе: основанные на почвѣ Высочайшаго указа 18 февр. Союзы дѣйствуютъ, а члены ихъ привлекаются къ судебной отвѣтственности „за участіе въ незаконномъ сборищѣ“. На прессу обрушиваются административныя стѣсненія.

И въ то же самое время распространяется слухъ: „подождите только, все будетъ дано“.

Общество окончательно сбито съ толку и не знаетъ, чему вѣрить и чему не вѣрить: то, что сегодня считается вполнѣ достовѣрнымъ, завтра опровергается, какъ вздорный слухъ, и, наоборотъ, подчасъ самое дикое, невѣроятное извѣстіе, къ изумленію, оправдывается.

„Вся русская жизнь,—говоритъ „Кіевская Газета“,—превратилась въ одинъ сплошной слухъ. Измучившееся, изнервничавшееся русское общество жадно прислушивается ко всякаго рода слухамъ, не задаваясь даже мыслью, откуда они исходятъ и насколько они заслуживаютъ довѣрія. „Все возможно“ —вотъ основная мысль, убѣжденіе, красной нитью проходящее въ сознаніи русскаго общества. Тяжело,—рѣшительно не знаешь, чему вѣрить, на что надѣяться... И когда окончится эта невыносимая неизвѣстность, лишающая общество всякой увѣренности въ повседневной, текущей дѣятельности?.. Эта неизвѣстность, эта неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ отражается не только на психической сторонѣ общества, но и вноситъ полную деморализацію, крайнее разстройство во всю хозяйственную жизнь страны. Жизнь замерла, общество чего-то ждетъ,—такова картина русской жизни въ настоящій моментъ. Напряженность не можетъ долго продолжаться. Чѣмъ-нибудь она должна завершиться. Но чѣмъ“?..

Слухи ни на одну минуту не даютъ покоя.

Вотъ и еще одинъ. Его передаетъ журналъ „Право“: „По слухамъ, въ виду открытія мирныхъ переговоровъ, созывъ народныхъ представителей отсрочивается на неопредѣленное время“. Неужели слухъ этотъ можетъ оказаться справедливымъ? Можетъ быть.

„Но, можетъ быть, что этотъ „слухъ“ исчезнетъ завтра и замѣнится новымъ, столь же долговѣчнымъ. Ничего неизвѣстно...

Недавно, по словамъ „Руси“, пронесся еще новый сенсаціонный слухъ о томъ, что *всѣ комиссіи, образованныя для разработки вопросовъ, намѣченныхъ указомъ 12-го декабря, получатъ предписаніе ликвидировать свои дѣла*, такъ какъ предположено разработку всѣхъ вопросовъ передать Государственной Думѣ, которой будетъ предоставлено самостоятельно избрать изъ своей среды комиссіи по важнѣйшимъ вопросамъ. Эти комиссіи будутъ

имѣть характеръ предварительныхъ совѣщаній. Всѣ матеріалы, собранные различными комиссіями, образованными согласно указу 12-го декабря, будутъ предоставлены комиссіямъ, имѣющимъ быть образованными Государственной Думой. По слухамъ, одновременно съ опубликованіемъ проекта народнаго представительства послѣдуетъ обнародованіе рескрипта объ упраздненіи нынѣ существующимъ ко.иссій.

И давно бы такъ, замѣтимъ мы отъ себя. —Все равно, отъ этихъ комиссій толку было мало. Только зачѣмъ же тогда было и „огородъ городить"?!

Принужденное, волей-неволей, довольствоваться только слухами, лишенное возможноси „по независящимъ обстоятельствамъ" даже слѣдить за внутреннею жизнью родины, растерявшееся общество должно довольствоваться только пережевываніемъ стараго вопроса, быть или не быть народному представительству, и, если быть, то какому, сословному или безсословному.

Одно время казалось, что этотъ вопросъ уже безповоротно рѣшенъ и не требуетъ перерѣшенія. Однако, оправившаяся послѣ минутнаго смущенія, вызваннаго Цусимской катастрофой, бюрократія опять подняла голову и постаралась и тутъ вызвать „смущеніе въ умахъ". Депутація земскихъ дѣятелей и пріемъ ея Государемъ Императоромъ 6 іюня, очевидно, не давала ей покоя,—подъ давленіемъ ея циркуляровъ и внушеній заволновались „истинно-русскіе патріоты",—и начались новыя депутаціи.

Масла въ огонь подлила представлявшаяся 18 іюня въ Петергофѣ депутація отъ 26 губернскихъ предводителей дворянства, въ лицѣ петербургскаго и московскаго губернскихъ предводителей графа Гудовича и князя Трубецкого.

Непонятно, почему отдѣлившіеся отъ земскихъ людей, губернскіе предводители тѣмъ не менѣе всецѣло поддержали обращеніе земскихъ и городскихъ дѣятелей къ Государю Императору, вызванное искреннимъ ихъ стремленіемъ къ мирному разрѣшенію тяжелыхъ условій переживаемаго времени, и привѣтствовали возвѣщенное имъ 6-го іюня „общеніе Царя съ земскими людьми".

Далѣе, въ представленной всеподданнѣйшей запискѣ они указали на многія опасности длящагося разлада страны съ правительствомъ и высказались за необходимость безотлагательно приступить къ указаннымъ Его Величествомъ государственному преобразованію и созыву съ этой цѣлью выборныхъ отъ народа людей, въ чемъ видятъ единственную надежду успокоенія Россіи.

Его Величеству благоугодно было милостиво высказать свое сочувствіе содержанію записки.

Вслѣдъ за этимъ и „открылась кампанія" на мотивъ все той же излюбленной „незаконности". „Кампанію" открылъ, собственно говоря, пресловутый Мещерскій князь, обрушившійся на земцевъ за ихъ противозаконныя сборища. Но къ завываніямъ этого „вопленика" уже привыкли и потому не обращали особеннаго вниманія. Нужно было выставить на сцену к. н. посолиднѣе,—и вотъ появились небезызвѣстный князь А. Г. Щербатовъ, Ѳ. Д. и А. Д. Самарины и Шиповъ Ф. Н., выступившіе письмомъ въ „Новое Время", гдѣ они протестовали противъ записки, поданной Государю Императору отъ имени 26-ти губернскихъ предводителей дворянства.

Протестъ этихъ „охранителей" основанъ на соображеніи, что эти 26 представителей не имѣли формальныхъ полномочій отъ русскаго дворянства.

А какъ добыть эти „полномочія", если не разрѣшаютъ общероссійскаго съѣзда тѣхъ же дворянъ,—объ этомъ наши „патріоты" скромно умалчиваютъ.

Почувствовавъ, можетъ быть, эту шаткость основаній протеста, „охранители" прибѣгли къ новому средству, побудивъ курскихъ дворянъ отправить въ Петергофъ свою депутацію: 20 іюня она была принята Государемъ Императоромъ.

Предводитель депутаціи, губернскій предводитель курскаго дворянства представилъ Государю всеподданнѣйшій адресъ дворянъ Курской губерніи, составленный въ чрезвычайномъ губернскомъ дворянскомъ собраніи 9-го сего іюня. Въ адресѣ Курскіе дворяне просили правительство продолжать войну во чтобы то ни стало, предлагая для этой цѣли свою жизнь и состояніе (на словахъ конечно).

По прочтеніи этого адреса губ. предв. дворянства словесно доложилъ Его Величеству высказанныя на дворянскомъ собраніи

пожеланія курскаго дворянства о томъ, чтобы въ будущемъ законосовѣщательномъ учрежденіи дворянское и крестьянское сословія были представлены, какъ таковыя, т. е. *посословно*, независимо отъ тѣхъ группъ населенія, которыя не сохранили своихъ сословныхъ особенностей.

По выслушаніи адреса и рѣчи губернскаго предводителя дворянства, Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить депутацію слѣдующими милостивыми словами:

„Я очень вамъ благодаренъ, господа; передайте мой привѣтъ курскому дворянству за столь твердо и сердечно выраженныя мысли. Я вполнѣ сознаю ту пользу, которую можетъ принести въ будущемъ законовѣщательномъ учрежденіи присутствіе двухъ основныхъ земельныхъ сословій—дворянства и крестьянства, которыя искони дѣлили радость и горе со своими Царями“.

Въ отвѣтъ на „Патріотическій адресъ“ курскихъ дворянъ нѣкій крестьянинъ Клочковъ скромно попросилъ сообщить русскому обществу, „*сколько же явилось добровольцевъ для защиты отечества на поляхъ Манчжуріи изъ курскихъ дворянъ? И сколько пожертвовано денегъ на эту войну курскими дворянами?*

Скромный мужичекъ спрашивалъ объ этомъ гг. дворянъ для того, чтобы, какъ выражается онъ,—„храбрыя и самоотверженныя дѣла курскихъ дворянъ служили яркимъ примѣромъ для подражанія. Въ особенности важно знать это крестьянамъ, чтобы слушаться дворянъ и воодушевляться ихъ примѣромъ“.

Понятно, г.г. курскіе дворяне и самъ ихъ краснорѣчивый предводитель предпочли уклониться отъ отвѣта на такіе щекотливые вопросы. „Сиволапые—должны—молъ и такъ вѣрить г.г. дворянамъ, на слово, а задавать вопросы—не ихъ дѣло“.

А все таки маленькая статистика необходима. Какъ думаете вы, г.г. курскіе дворяне?..

Наконецъ, въ видѣ послѣдняго „козыря“, бюрократія и г.г. „охранители“ выдвинули еще депутацію, на этотъ разъ, уже всесословную. „На-те же вамъ, г.г. земцы,—говорили они,—вы тамъ состряпали какую-то крамольную депутацію и воображали, что она является отъ всей „земли“. Ну, такъ и у насъ будетъ всесословная депутація истинно-русскихъ людей“...

„Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки“,—pardon,—я хотѣлъ сказать, *выбрали* мужичковъ, мѣщанъ, а главное—дворянъ, прихватили кстати и одного генерала изъ „невоенныхъ военныхъ“,—и депутація готова, при чемъ г.г. Щербатовы, Самарины и пр., понятно, не протестовали противъ „незаконности“ этой депутаціи: вѣдь, ее выбирали (гдѣ и какъ, такъ и осталось неизвѣстно) не „крамольные“ земцы, а настоящіе, исконные „патріоты“. О чемъ же тутъ разсуждать?!

12-го іюня депутація, въ лицѣ гласнаго орловскаго губернскаго земскаго собранія Нарышкина, генералъ-лейтенанта Кирѣева (состоящаго при вдовствующей великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ), звенигородскаго уѣзднаго предводителя дворянства графа Шереметева, гласнаго с.-петербургскаго земскаго собранія и с.-петербургской городской думы графа Бобринскаго, курскаго губернскаго предводителя дворянства графа Дорера, гласнаго московской городской думы, выборнаго московскихъ старообрядцевъ Расторгуева, новгородскаго мѣщанина Матросова, крестьянина деревни Пронской, звенигородскаго уѣзда, Гришина, крестьянина деревни Кропивни, дорогобужскаго уѣзда, крестьянина деревни Ребенки, медынскаго уѣзда, Несчастнаго и крестьянина деревни Коняшина, рузскаго уѣзда, Бажанова,—была принята Государемъ Императоромъ на дачѣ Александрія.

Здѣсь графомъ Шереметевымъ прочитанъ былъ всеподданнѣйшій адресъ слѣдующаго содержанія:

Великій Государь!

„Настойчивое стремленіе нѣкоторой части общества поколебать исторически выработавшійся государственный укладъ и желаніе навязать странѣ чуждые нашему быту, чуждые всему складу нашего общественнаго строя, способы правленія, побудили насъ сплотиться воедино, насъ, исповѣдующихъ, что правильное развитіе нашихъ государственныхъ началъ, при разрывѣ съ историческимъ народнымъ прошлымъ,—немыслимо“.

Затѣмъ, указавъ на Высочайшій Указъ 18 февр. о созывѣ народныхъ представителей,—адресъ говоритъ, что „только избранные по отдѣльнымъ, связаннымъ между собою,

бытовымъ группамъ населенія, явятся вѣрными выразителями мыслей и потребностей всего народа въ его совокупности.

„Царю Самодержавному, при изъявленіи своей Монаршей воли необходимо знать, изъ какой среды исходятъ тѣ или иныя мнѣнія и пожеланія, и выслушать голосъ всѣхъ отдѣльныхъ бытовыхъ сословій.

„При производствѣ выборовъ отъ смѣшанныхъ между собою слоевъ населенія нѣкоторые изъ нихъ, и даже самые многочисленные, легко могутъ быть лишены возможности высказывать предъ Вами, Государь, свои насущныя нужды. Лица, избранныя такимъ путемъ, возмнивъ себя представителями страны, явятся новой, горшей преградой между Царемъ и народомъ.

„Не допусти, Государь, чтобы между Тобой и землей воздвиглась эта новая стѣна. Непосредственно выслушай, Великій Печальникъ земли русской, нужды всѣхъ слоевъ народа Твоего, черезъ избранныхъ ими изъ своей среды излюбленныхъ людей“.

По прочтеніи адреса гласный с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія и с.-петербургской городской думы, графъ Бобринскій, обратился къ Его Императорскому Величеству, между прочимъ, со слѣдующими словами:

„Государь! Земля наша велика и обильна, и различныхъ мнѣній въ ней множество. Но что именно думаетъ вся Россія—этого сказать никто не можетъ, потому что Россія молчитъ, а говорятъ лишь немногіе. Мы не дерзаемъ высказаться отъ лица всей страны, но смѣемъ завѣрить Ваше Величество, что исповѣдуемъ убѣжденія множества вѣрноподданныхъ Вашихъ. Отъ ихъ имени мы прежде всего молимъ Васъ, Государь: не заключайте обиднаго для Россіи мира. Томительна, тягостна, грустна война,—но, какъ бы тяжело намъ всѣмъ ни было,—не довершайте этой чаши бѣдствій позоромъ, который страна не въ силахъ перенести.

„Ваше Величество упомянули объ ожидающихъ насъ новыхъ бѣдствіяхъ, и мы спѣшимъ откликнуться на слова Ваши и сказать: Государь! Вамъ нужны люди—берите ихъ. Еще много на Руси молодыхъ силъ, готовыхъ лечь костьми за отечество. А если ихъ не хватитъ, то на что нибудь годны же и мы, старики, хотя бы для гарнизонной службы. До тѣхъ поръ, пока каждый изъ насъ, и младъ и старъ, не встанетъ подъ ружье,—не заключайте постыднаго мира. Вамъ нужны средства—но обложенія насъ не страшатъ; не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ Россія свое достояніе на алтарь отечества“.

Въ концѣ рѣчи и графъ Бобринскій просилъ Государя о созывѣ сословныхъ представителей, изъ боязни, какъ онъ говорилъ, что „всесословные выборы выдвинутъ разрядъ людей, съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности. Это люди словоохотливые, одаренные краснорѣчіемъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы стушеваться передъ красотою слова Такіе представители неминуемо образуютъ между Царемъ и народомъ преграду, черезъ которую голосу народа трудно будетъ восходить до Государя“.

Послѣ гласнаго графа Бобринскаго, говорилъ гласный орловскаго губернскаго земскаго собранія Нарышкинъ на ту же тему.

„Русскому государственному строю,—замѣтилъ онъ въ своей рѣчи—издавна слагавшемуся, не свойственно „представительство“, въ смыслѣ органа народнаго самодержавства (да въ этомъ призрачномъ понятіи уже разочаровались), ибо державныя права Руси Великой воплощаются въ лицѣ Царя. Между тѣмъ въ самое послѣднее время распространилась тревожная молва о возможности воспринятія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ заключеній, именно объ основаніяхъ избирательнаго порядка, представляющаго опасность такого подбора выборныхъ, при коемъ собраніе являлось бы не совѣтомъ земли, какимъ были наши старые земскіе соборы а попыткой парламентарнаго учрежденія, съ тѣми послѣдствіями, которыя и на Западѣ вызываютъ жалобы со стороны многихъ мудрѣйшихъ людей“.

Въ концѣ имѣли счастіе произнести привѣтствія мѣщанинъ Матросовъ и крестьянинъ Гришинъ, которые высказали, что „крестьяне и рабочіе готовы пожертвовать всѣмъ для пользы Царя и родины, чтобы помочь побѣдить врага и возстановить порядокъ“.

Депутація „патріотовъ“ вызвала единодушное осужденіе во всѣхъ слояхъ общества.

Кн. Евгеній Трубецкой по поводу ея высказываетъ въ „Правѣ“ слѣдующія соображенія:

„Во всемъ, что говорили гг. депутаты, для нихъ на первомъ планѣ стояли интересы

господствующихъ; права господствующей національности имъ такъ же дороги, какъ и права господствующихъ классовъ. Разноплеменныя народности, населяющія имперію, должны попрежнему занимать въ ней подчиненное положеніе: „преобладающій голосъ", по мнѣнію г. Нарышкина, „принадлежитъ по праву тому народу, который создалъ великую державу и вынесъ ее изъ бѣдъ и испытаній на своихъ плечахъ".

„Что же сказать объ этой политической программѣ? Ея задача заключается въ томъ, чтобы свести на нѣтъ всѣ результаты современнаго освободительнаго движенія, уничтожить самый смыслъ того преобразованія, которое въ настоящее время близится къ осуществленію. Уже давнымъ-давно выяснено, что причина всѣхъ нашихъ народныхъ бѣдствій заключается въ той политической системѣ, которая раздробила на части наше народное тѣло, поставила классъ противъ класса и племя противъ племени.

„И послѣ всего пережитаго „истинно-русскіе люди" снова выступаютъ на защиту политики разъединенія и обособленія. Основная задача Государственной Думы заключается въ томъ, чтобы собрать и сплотить въ единое государственное цѣлое разрозненные элементы нашего общественнаго организма. Во внутреннемъ единствѣ Россіи — залогъ ея крѣпости и могущества. Между тѣмъ графъ Бобринскій и его единомышленники мечтаютъ, чтобы Россія по-прежнему оставалась въ видѣ разсыпной храмины. Они хотятъ создать такую систему выборовъ, которая можетъ только увѣковѣчить въ нашемъ отечествѣ раздоръ сословный и племенной".

Провинціальная печать выразилась еще рѣзче, напр., газета „Асхабадъ".

Графъ Бобринскій сказалъ: „...что, именно, думаетъ вся Россія, этого сказать никто не можетъ, потому что Россія молчитъ"... „...Государь, Вамъ нужны люди, берите ихъ: еще много на Руси молодыхъ силъ... и мы, старики, хотя бы для гарнизонной службы"...

„Да, только для гарнизонной службы, но отнюдь не въ флотоводцы, полководцы и даже не въ интенданты и уполномоченные отъ „Краснаго Креста".

„Да и куда, въ самомъ дѣлѣ, можетъ годиться этотъ потомокъ магнатовъ Рѣчи Посполитой, когда въ такую страшную минуту народнаго смятенія и роковой войны онъ такъ младенчески наивенъ или такъ цинично-неискрененъ, что не за партіей виста въ англійскомъ клубѣ и не въ желтомъ будуарѣ „Ma tante Katerine", а передъ трономъ Державнаго Вождя русскаго народа, въ присутствіи, какъ онъ говоритъ, выборныхъ „отъ всей Россіи", значитъ передъ лицомъ всего народа и всего міра, онъ говоритъ: „...Россія молчитъ"...

„Россія молчитъ". Значитъ: Баку, Эривань, Варшава, Лодзь, Одесса, Ростовъ... вся эта оросившая мостовыя людская кровь, весь этотъ обрызгавшій фундаменты построекъ народный мозгъ, всѣ эти истоптанныя подковами казачьихъ лошадей кости гражданъ— все это для графа: „Россія молчитъ".

„Для него слышенъ только шелестъ зефира по цвѣтникамъ дѣдовскихъ парковъ и шуршанье шелковыхъ юбокъ въ будуарѣ „Ma tante Katerine". Начавшійся уже грохотъ пушекъ (броненосецъ „Потемкинъ" въ Одессѣ), свистъ казачьихъ нагаекъ, гулъ разрывныхъ бомбъ, свистъ пуль и стоны... стоны безъ конца по всему широкому лицу необъятной Россіи—для него: „Россія молчитъ".

„Если вы, графъ, въ этихъ ужасахъ и этихъ крикахъ, вопляхъ, стенаніяхъ Россіи слышите только ея „молчаніе", то какой же вы совѣтникъ Государю и представитель народа, а вы утверждаете, что вы являетесь избранникомъ почти всей ея и истолкователемъ ея „исторически сложившихся группъ"...

Наконецъ, группа крестьянъ въ письмѣ своемъ въ „С. Отеч." обратилась къ депутаціи съ рѣзкими упреками.

„Вы,—говорили они,—боитесь обновленнаго строя потому, что неспособны къ творческой работѣ; вы страшитесь новыхъ плодотворныхъ силъ, чтобы не остаться позади, но все же лучше будетъ для васъ, если вы сойдете добровольно со сцены. Довольно уже вы пожили и нажили, поэтому доживайте въ тиши ваши послѣдніе дни.

„Вы, реакціонеры, убили почти все живое въ душѣ народа, вы разрушили въ немъ все, что можно было разрушить, и теперь много, слишкомъ много потребуется труда для возстановленія новаго зданія Россійскаго государства. Но новыя силы народа сбросятъ съ себя позорное рабство"...

„Говоря объ историческомъ укладѣ жизни россійскаго народа, вы умышленно замалчиваете истинный историческій укладъ жизни

россійскаго народа и показываете укладъ только омонголившейся Россіи.

„Вы хотите правленія, „какъ то было встарь, т. е. во времена полнаго крѣпостного рабства, полнаго господства одного класса—горсти людей надъ милліонами другихъ лицъ. Но, господа, не достаточно ли уже примѣра, которымъ стоитъ предъ цѣлымъ свѣтомъ опозоренная, доведенная до полной нравственной и экономической нищеты Россія?

„Вы боитесь „правильнаго представительства", т. е. такого представительства, въ которомъ каждый россійскій гражданинъ высказалъ бы свое мнѣніе чрезъ своего представителя. Вамъ хочется еще прежней власти, почему и молите Государя „недопустить подобнаго представительства". Нѣтъ господа, это время прошло безвозвратно...

„Вы себя выдаете за земскихъ людей и дерзаете говорить отъ имени большинства русскаго народа, даже предлагаете еще и еще брать на войну молодыя силы или всѣхъ, кто въ состояніи носить оружіе (таковыхъ силъ уже полегли сотни тысячъ на этой войнѣ), а также завѣряете, что народъ не желаетъ прекращенія войны, и „васъ не страшатъ новыя обложенія". Это вынуждаетъ насъ сказать вамъ, что, вопервыхъ, слѣдовало бы вамъ, вмѣсто словъ. отдать въ возмѣщеніе военныхъ расходовъ всѣ ваши милліоны и послать вашихъ дѣтей на войну, а во-вторыхъ—если „не устрашаютъ васъ обложенія", то они убиваютъ жизнь тѣхъ милліоновъ лицъ, которыя кровавымъ потомъ добываютъ гроши на содержаніе своихъ оборванныхъ и изнуренныхъ работой дѣтей, и изъ этихъ грошей ихъ вынуждаютъ нести расходы войны. Нѣтъ и нѣтъ, господа, мы войны не хотимъ и просимъ ея прекращенія. Не русскимъ народомъ вызвана война, а кучкой авантюристовъ. Не русскій народъ ее и проигралъ, а проигралъ приказный строй. Русскій народъ очень увѣренъ въ своей силѣ, и разъ что онъ начнетъ ее, то сумѣетъ довести до благопріятнаго конца".

Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы г. Бобринскому и К° не пожертвовать хоть часть своихъ милліоновъ, ну, хоть бы тѣхъ, что они заполучили въ свои карманы, въ качествѣ членовъ сахарнаго синдиката?!

Однако, какъ видно, прыткіе на словахъ истинно - русскіе патріоты, подобно курянамъ, предпочитаютъ благоразумно отмалчиваться. Къ чему же тогда всѣ ихъ слова?

И безъ того слишкомъ много говорятъ вездѣ и мало дѣлаютъ. Только что сплотившееся было общественное мнѣніе уже раздѣляется. Еще не убивши вола, уже приступаютъ къ дѣлежу шкуры. Возникаетъ классовая борьба, взаимно истощающая силы противниковъ, къ удовольствію бюрократіи.

Теперь все рѣзче опредѣляются различные національные и классовые интересы. Съ одной стороны, финляндцы, поляки, армяне, грузины, даже татары и буряты мечтаютъ о полной автономіи, съ другой—все ярче разгорается недовѣріе буржуазіи, и самой либеральной, къ демократическимъ группамъ, пролетаріату, интеллигентному и рабочему, и крестьянамъ.

Сказалась система бюрократическаго способа обрусенія, — и теперь многочисленныя народности, вѣками собиравшіяся подъ русскій стягъ, только еще и сдерживаются страхомъ, отвѣчая недовѣріемъ, а гдѣ и прямо ненавистью на попытки сближенія. За систему кучки „обрусителей" приходится раздѣлываться всему русскому народу. Гигантскій организмъ, извнѣ казавшійся такимъ стройнымъ, однороднымъ тѣломъ, на самомъ дѣлѣ оказывается кое какъ состряпаннымъ изъ разношерстныхъ кусковъ, не имѣющихъ никакой взаимной связи. Русь расползается по швамъ,—вотъ результатъ „обрусенія".

Что выйдетъ изъ всего этого движенія, сейчасъ трудно сказать. *Пока* всѣ народности еще объединяются однимъ общимъ чувствомъ—ненавистью къ старымъ порядкамъ и страстною жаждою новыхъ... Ну, а тамъ, если *новые* порядки не задержатся, быть можетъ, у обновленныхъ народностей явится новая точка настоящаго, искренняго сближенія, на почвѣ свободы и взаимнаго довѣрія. *Пока*, повторяемъ, объ этомъ еще преждевременно говорить.

Гораздо важнѣе для настоящаго переживаемаго нами момента рѣзко намѣчающаяся классовая борьба, противоположность интересовъ буржуазіи и демократіи. (О дворянствѣ, какъ таковомъ, мы не говоримъ: оно уже отжило свое время, да и, нужно сознаться, никогда не играло видной исторической роли, оставаясь только служилымъ сословіемъ. Значительная часть его теперь

уже перешла въ ряды буржуазіи; остальнымъ остается лишь мечтать (да и то, кажется, безрезультатно) объ исключительной, въ свою пользу, привилегіи наполнять кадры бюрократіи. Но, при всеобщемъ возмущеніи противъ послѣдней, и это — неблагодарная мечта).

Разладъ между буржуазіей и демократическими группами, понятно, неизбѣженъ: вездѣ въ другихъ странахъ происходило и происходитъ тоже самое.

Буржуа, какъ бы либераленъ ни былъ, никогда не примирится, напр., съ требованіемъ рабочаго объ экспропріаціи фабрикъ и даже съ участіемъ рабочихъ въ равныхъ барышахъ; точно также и съ требованіемъ крестьянъ объ ограниченіи владѣнія землею, не говоря уже о полной экспропріаціи ея. Съ другой стороны, проученному горькимъ опытомъ пролетарію или мужику нѣтъ разсчета подставлять свои спины и „вытаскивать каштаны изъ огня“ въ пользу г.г. буржуевъ, не заручившись гарантіями извѣстныхъ правъ.

А между тѣмъ только въ единеніи буржуазіи и демократіи сила: у одной—деньги, у другой—физическая сила. Дѣйствуя же обособленно, каждая сторона легко уязвима для торжествующей бюрократіи.

Если хотятъ побѣды, нужно обѣимъ сторонамъ сплотиться, сдѣлавъ взаимныя уступки. И тогда побѣда будетъ на сторонѣ народа, а Русь станетъ настоящимъ демократическимъ Царствомъ, какимъ и была встарь, Русскій же Царь—Царемъ всея Россіи, а не Царемъ дворянъ или крестьянъ, какъ мечтаютъ Шереметевы, Бобринскіе и др.

И это вовсе не кажется не сбыточнымъ: Россія—искони демократическая страна, подобно Турціи. Она, въ отличіе отъ Европы, никогда не знала феодализма и не имѣла типичнаго, феодальнаго дворянства; затѣмъ, у ней почти нѣтъ родовитой аристократіи (ея аристократы въ массѣ—потомки выслужившихся крестьянъ, духовныхъ и пр.). Наконецъ, ея дворянство —не замкнутая каста.

Иваны Грозные и Петры Великіе сыграли въ этомъ случаѣ благодарную роль, демократизировавъ свое царство. Потомки удѣльныхъ князей и дворцовые чины, простые смерды и „отрекшіеся отъ міра мнихи“,—всѣ были Государевы холопы, всѣ стояли на одной доскѣ.

„Тебя взыскалъ Великій Государь своей милостью, — а то бы всякъ называлъ тебя дуракомъ!—этотъ характерный отвѣтъ Тишайшаго Царя (Алексѣя Михаиловича)—одному родовитому князю нужно помнить всѣмъ нашимъ аристократамъ.

Такъ или иначе, посохомъ ли Ивана Грознаго, презрительнымъ ли таскаціемъ за бороды именитыхъ бояръ—Алексѣя Михаиловича, дубинкой ли Петра,—но русскія сословія нивеллировались и демократизировались.

И этого ни забыть, ни измѣнить, нельзя. Россія —демократическая страна, и демократіи суждено сыграть здѣсь большую роль, разъ она выступитъ на общественную арену.

Пока не поздно, буржуазія должна поддержать ее, чтобы сломить ненавистный приказный строй. Царь Всея Россіи, повторяемъ, не царь крестьянъ или дворянъ. Такъ искони было, теперь исторически — сложившіяся судьбы народа приводятъ къ тому же самому. Вѣнчанному престолонаслѣднику Ивана Грознаго и Петра Великаго остается только завершить путь, намѣченный его предками, окончательно сломивъ гидру бюрократіи, съ которою всю жизнь тѣ боролись.

Собираніе Руси заканчивается; наступаетъ новый періодъ устроенія Руси, обновленной Высочайшими Указами.

И первый шагъ къ этому устроенію долженъ положить обѣщанный Руси созывъ ея представителей.

„Что содержаніе русской жизни переросло ея формы, что жизнь великаго народа чахнетъ и замираетъ въ тискахъ, сжимающихъ ее, что вывести страну изъ ея бѣдственнаго положенія по силамъ только избранникамъ народа, — говоритъ „Сынъ Отеч.“,—все это ужъ давно составляло завѣтныя мысли всѣхъ тѣхъ, которые задумывались надъ судьбой родины. Но „Россія молчитъ, а говорятъ лишь немногіе“. О народномъ представительствѣ говорили совсѣмъ немногіе. Недавно еще, когда русское общество призывалось открыто высказаться о средствахъ къ поднятію основного промысла страны — сельскаго хозяйства, въ одномъ изъ губернскихъ комитетовъ два члена заговорили о народномъ представительствѣ, заговорили о самомъ скромномъ представительствѣ—о земскомъ соборѣ, и попали въ

Архангельскъ, хотя одинъ изъ нихъ былъ семидесятилѣтній старецъ и человѣкъ съ всероссійскимъ именемъ. Понятно, почему объ этомъ щекотливомъ вопросѣ говорили лишь немногіе, тѣ, которыхъ не страшили ни заточеніе, ни сибирскія тундры, ни вообще „способы воздѣйствія", не страшило даже то, что ихъ клеймили врагами родины.

„Какъ произошла эта метаморфоза? Какимъ путемъ эта столь опасная мысль превратилась въ общій лозунгъ? Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ сможетъ дать лишь будущій историкъ. У него будетъ для этого больше свѣдѣній, и больше безпристрастія и больше свободы. Несясь въ вихрѣ событій, мы многаго не замѣчаемъ и не понимаемъ, а если что и понимаешь, то съ печатью на устахъ не скажешь. Отвѣтить на обще поставленный вопросъ все-таки возможно. Больше всего содѣйствовала этому превращенію, вѣрнѣе ускоренію этого процесса, война. Война сблизила „образованные классы" съ „народомъ" и этимъ совершенно измѣнила соотношеніе силъ въ странѣ"...

Но война послужила толчкомъ къ обновленію родины, причины же современнаго движенія складывались исторически, условіями самой жизни, а разъ это такъ,—побѣда народа несомнѣнна.

Вопросъ лишь въ томъ, скоро ли она будетъ.

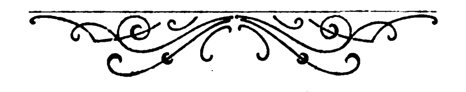
Бюрократія, это средостѣніе между Государемъ и народомъ, понятно, напрягаетъ всѣ усилія, чтобы удержать свои позиціи. Но ея силы хватитъ не надолго...

Недавно въ газетахъ промелькнуло слѣд. коротенькое извѣстіе:

„Предсѣдатель московской земской управы Ѳ. А. Головинъ, бывшій предсѣдатель земскаго съѣзда въ Москвѣ, возвратился въ Москву. Въ Петербургѣ на пріемѣ гр. Сольскій высказалъ ему, что не слѣдуетъ возбуждать агитаціей населеніе, и что, по окончаніи войны, всѣ реформы будутъ даны. Ген. Трепову г. Головинъ жаловался на дѣйствія московской полиціи. Ген. Треповъ указалъ на незаконность собравшагося съѣзда и на то, что нѣкоторыми изъ своихъ постановленій съѣздъ явно содѣйствуетъ ниспроверженію государственнаго строя. Ѳ. А. Головинъ вынесъ впечатлѣніе, что противъ участниковъ съѣзда будетъ возбуждено судебное преслѣдованіе"...

Пускай! Будемъ помнить, что это—послѣднія усилія дряхлаго противника. Побѣда близка, хотя и дастся съ трудомъ; но тѣмъ слаще будетъ она.

Гр. Ф-инъ.

Современная жизнь заграницей.

(Посвящается памяти Элизэ Реклю).

I. Прекрасная композиція.—Сказка человѣчества. — Страстный человѣколюбецъ. — Источники бодрости.—Рай мѣщанъ.—Праздникъ мѣщанъ.—Внутри вулкана.—„Мирная революція“ въ Голландіи.—Измѣненіе среды. II. „Причина причинъ“.—Старая борьба съ черной сутаной.—Послѣдній актъ.—Недостатки законопроекта.—Наконецъ-то можно думать и кое-о-чемъ другомъ.—Просыпающіеся народы.—Генералъ изъ Вѣны и неутвержденный бюджетъ. Венгерскіе граждане не даютъ генералу „ни одной копѣйки“. III. „Случайности пуль“ или „измѣненія въ головахъ и сердцахъ“?—„Измѣненія“ въ Германіи.—„Измѣненія“ въ Англіи.—„Мы требуемъ работы“.—Новый факторъ дипломатіи.—„Жорэсъ-Бюловъ“.—„Мясо для пушекъ“ заговорило.—Сіятельная санкція.—Князь Бюловъ боится.—Митингъ протеста въ Neue Welt.—„Товарищи, я съ вами всѣмъ сердцемъ“...

...„Развѣ общество не живетъ въ такой безпорядочности, что, несмотря на доброе желаніе и преданность многихъ благородныхъ людей, бѣднякъ, страдающій отъ голода, и иностранецъ можетъ очутиться одинъ, совершенно одинъ, безъ друга, въ большомъ городѣ, гдѣ, однако, люди, такъ называемые „братья“, кишатъ миріадами? Не на вулканѣ, нѣтъ, а внутри вулкана мы живемъ, въ мрачномъ аду, и если бы у насъ не было надежды на лучшее и непобѣдимаго желанія работать для болѣе свѣтлаго будущаго, такъ что же бы оставалось намъ дѣлать, какъ не покончить съ собою, какъ это совѣтуютъ, не смѣя сдѣлать, столько отчаявшихся, и какъ это дѣлаютъ каждый годъ еще большее количество несчастныхъ“...

Кому принадлежитъ этотъ страстный крикъ возмущенія,—чей юный и великодушный порывъ, не желающій считаться съ законами науки, слышимъ мы здѣсь? Этому „юношѣ“,—умершему на 75-мъ году жизни,—знаменитому географу *Элизэ Реклю* хотимъ мы посвятить настоящій мѣсячный обзоръ нашъ. Это будетъ нашъ привѣтъ, слабо выражающій то удивленіе, которое вызываетъ жизнь этого человѣка.

Есть одна любопытная особенность у этихъ большихъ людей. Они умѣютъ составить какую-то необычайно прекрасную композицію изъ юношеской чистоты и великодушныхъ порывовъ съ страстной энергіей борьбы зрѣлаго возраста и съ созерцательной глубиной, тонкимъ анализомъ и яснымъ пониманіемъ всѣхъ вещей, присущими старости. Они сплавляютъ все это, и душа ихъ представляетъ собою металлъ какой-то необычайной структуры.

Кто изъ насъ въ молодости не былъ молодъ, не горѣлъ страстнымъ негодованіемъ, не рвался на борьбу? И многіе-ли изъ насъ къ зрѣлому возрасту не начинали постепенно „умнѣть“, чтобы къ старости донести засохшее, почти зачерствѣвшее сердце? Это не шутка, а грубый и почти страшный житейскій фактъ: огромное большинство людей въ 20 лѣтъ—радикалы, въ 40—либералы, а въ 60—ретрограды и черствые человѣконенавистники. И такія души, какъ Элизэ Реклю, странно поражаютъ и еще болѣе странно настраиваютъ насъ. Сливаясь съ ними, начинаешь терять свой скептицизмъ, наростающій съ годами, и не замѣчаешь, какъ мысленно переносишься въ другую, необычную страну, гдѣ живутъ другіе, необычные люди, гдѣ трудъ—не мука, а радость, гдѣ наука—не сухая номенклатура и разрозненные факты, а радостное познаваніе Космоса, великое

сліяніе съ нимъ, и старость—не гніеніе заживо, а прекрасный, тихій закатъ радостнаго, трудового дня.

Самъ же понимаешь, что это сказка,—одна изъ тѣхъ, которыми человѣчество, какъ дитя, тѣшится, чтобы не плакать, чтобы не разорвалось сердце отъ муки. Но если это сказка и только сказка,—то какъ же живутъ среди насъ люди съ прекраснымъ, великодушнымъ сердцемъ юноши и глубокою мыслью ученаго,—живутъ и борются до 75-ти лѣтъ?

Этотъ „страстный человѣколюбецъ" въ первый разъ долженъ былъ эмигрировать изъ Франціи послѣ переворота 2-го Декабря 1851 г. Ему было тогда 21 годъ. Тогда онъ отправился въ Америку, гдѣ посѣтилъ британскія владѣнія, объѣхалъ Соединенные Штаты и, наконецъ, поселился на нѣсколько лѣтъ въ Южной Америкѣ, въ Новой Гренадѣ. Въ 1857 г. онъ возвращается во Францію, редактируетъ журналъ „Revue des deux Mondes", пишетъ рядъ историческихъ, публицистическихъ и научныхъ статей, обратившихъ на себя вниманіе широкой эрудиціей, глубиною мысли и красивой, увлекательно-искренней правдивостью. Въ то же время онъ отдавался научнымъ работамъ по любимой имъ географіи.

Всего этого было-бы достаточно для среднихъ людей, но юная душа Реклю не можетъ мириться съ режимомъ Наполеона III, и въ 1869 г. онъ присоединяется къ интернаціональной ассоціаціи рабочихъ, а въ 1870 г. вступаетъ въ національную гвардію и принимаетъ дѣятельное участіе въ оборонѣ Парижа, осажденнаго пруссаками.

Вы помните трагедію мартовскихъ дней, когда парижскій народъ, проснувшись послѣ болѣзненнаго кошмара деспотизма Наполеона „маленькаго", думалъ однимъ геніальнымъ скачкомъ въ неизвѣстное начать новую эру въ исторіи человѣчества... Среди дѣятелей 18-го Марта 1871 г. былъ и „сухой" ученый, географъ Элизэ Реклю. 5-го Апрѣля онъ былъ взятъ въ плѣнъ и послѣ семимѣсячнаго заключенія въ тюрьмѣ былъ присужденъ къ ссылкѣ на каторгу. Весь культурный міръ былъ возмущенъ этимъ рѣшеніемъ суда, и много ученыхъ обратилось коллективно съ ходатайствомъ о помилованіи. Тьеръ замѣнилъ ссылку изгнаніемъ и Реклю долго жилъ въ Италіи а съ 1893 г. онъ состоялъ профессоромъ сравнительной географіи въ Брюссельскомъ университетѣ.

Перечислять его научные труды и выяснять его значеніе, какъ ученаго, мы не будемъ, такъ какъ мы пишемъ не некрологъ скончавшагося ученаго, но и по долгу обозрѣвателя современной жизни заграницей, мы должны отмѣтить смерть этого человѣка, такъ удивительно воплощавшаго въ себѣ всѣ прекрасныя возможности, хранящіяся въ человѣчествѣ и лежащія засыпанныя мусоромъ и грязью современнаго строя.

Элизэ Реклю вѣрилъ въ прогрессъ, но необходимымъ условіемъ его считалъ широкое и планомѣрное участіе массъ въ общественной жизни,—и желая посвятить этотъ нашъ обзоръ его памяти, мы постараемся искать тѣ источники, гдѣ онъ несомнѣнно долженъ былъ находить подкрѣпленіе для своего добраго желанія жить и работать „внутри вулкана—въ мрачномъ аду" современнаго общества.

А если-бы онъ намѣренно искалъ современнаго „мрачнаго ада", то лучше Бельгіи и Брюсселя ему не найти. Недаромъ еще Марксъ говорилъ, что Бельгія—это рай для капиталистовъ и адъ для рабочихъ, и что это страна, гдѣ существуетъ наибольшій въ Европѣ рабочій день. Почти 3/4 населенія Бельгіи, несмотря на поразительное накопленіе богатствъ въ этой маленькой странѣ, осуждено на очень печальное и тяжелое прозябаніе, обречено не только „въ потѣ лица своего" вырабатывать пропитаніе, но и очень скверное и недостаточное пропитаніе, ведущее непосредственно къ прогрессивному истощенію. И наряду съ этимъ, страшное накопленіе богатствъ въ тѣсномъ кругѣ крупной буржуазіи, со всѣми его излишествами и узкой, грубой жадностью. Буржуазія ищетъ только процентовъ на свой капиталъ и, поэтому, наряду съ „послѣднимъ словомъ" техники въ крупной индустріи, мы видимъ поразительную отсталость въ способахъ обработки земли и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ оказалось выгоднѣе сохранить домашній способъ производства.

Земля разбивается на самые мелкіе участки и сдается крестьянамъ, обрабатывающимъ ее старыми способами. Благодаря тому,

что всеобщаго избирательнаго права въ странѣ не существуетъ, все управленіе ея въ рукахъ клерикально-буржуазной партіи. Школа и все управленіе находится въ рукахъ буржуазіи и поповъ. Они же наложили свою руку и на литературу, и на „свободную“ науку. Эта маленькая страна какъ будто оставлена исторіей съ цѣлью демонстрировать, къ чему можетъ привести буржуазный строй, когда онъ доходитъ до своихъ конечныхъ логическихъ выводовъ. Бельгія за 75 лѣтъ спокойнаго развитія показываетъ намъ яркій примѣръ существованія непримиримыхъ жизненныхъ противорѣчій въ самихъ основахъ современнаго строя.

Любопытнымъ и важнымъ показателемъ можетъ служить для насъ то, какъ оффиціальная Бельгія думаетъ праздновать свой 75-лѣтній юбилей. Страна съ населеніемъ въ 7 милліоновъ ассигнуетъ на это 50 мил. франковъ, причемъ эти деньги цѣликомъ будутъ употреблены на великолѣпныя *зрѣлища*—и только! Никакихъ учрежденій, полезныхъ для народа, не имѣется въ виду основать на эти деньги, ничего для его просвѣщенія, для облегченія ему жизни, для доставленія ему, наконецъ, какой-нибудь радости: все для помпезной, головокружительной роскоши, которая доставитъ удовольствіе той же буржуазіи и пуститъ пыль въ глаза наѣхавшимъ иностранцамъ... Характерна эта грубая эгоистическая жадность, доходящая до неразсчетливости, до непониманія, что es muss doch endlich explodiren, какъ говорятъ нѣмцы. Что-же,—неужели народъ прогрессивно истощается, вырождается и молчитъ? Такъ ли это?

Если-бы это было такъ, то знаменитый ученый, старикъ опытомъ и годами, но юноша душою, Элизэ Реклю не могъ-бы сохранить эту „надежду на лучшее“ и это „непобѣдимое желаніе работать для болѣе свѣтлаго будущаго“. Нѣтъ, это не такъ. Онъ молчитъ, но въ этой тишинѣ наростаетъ и все болѣе развивается „правды поруганной иститель“, и если гдѣ-либо въ Европѣ можно ждать катаклизмовъ, то это именно въ Бельгіи,—въ этомъ раю буржуазіи, гдѣ жизненныя противорѣчія доведены до послѣдней степени обостренности.

Въ бельгійской палатѣ депутатовъ имѣется теперь 11 представителей рабочихъ, представляющихъ собою оффиціально 500 тысячъ рабочихъ, имѣющихъ избирательное право. Но надо помнить, что есть еще огромное количество рабочихъ, не имѣющихъ его и при этомъ все больше освобождающихся отъ вліянія клерикаловъ. Эти массы, несмотря на всѣ усилія „святой церкви“ и „добродѣтельныхъ“ гражданъ, стоящихъ у власти, все болѣе начинаютъ понимать свои интересы и, можно думать, что законодательные выборы, назначенные на 1906 годъ, передвинутъ распредѣленіе силъ, и массы получатъ нѣкоторый доступъ къ управленію. Этого надо-бы желать въ интересахъ самой буржуазіи, такъ какъ юный старикъ, памяти котораго мы посвящаемъ нашъ обзоръ, несомнѣнно правъ, когда говоритъ: „революціи могутъ совершаться мирно, вслѣдствіе внезапнаго измѣненія среды“. Къ этому необходимо прибавить: а если имъ препятствуютъ, то... то они совершаются не мирно, но все-же совершаются.

Нѣчто вродѣ „мирной революціи“ пережила недавно Голландія. Тамъ съ 1901 г. у власти находится клерикальное министерство Куппера, захватившее власть, благодаря союзу консервативно-клерикальныхъ группъ, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ. Но хозяйничаніе клерикаловъ такъ возстановило всю страну, что къ этимъ выборамъ въ свою очередь объединились всѣ либеральные и демократическіе элементы. Соціалисты подавали свои голоса за либераловъ всюду на дополнительныхъ выборахъ, гдѣ противникомъ либерала выступалъ консерваторъ; такъ же поступали и либералы относительно соціалистовъ. Такимъ образомъ клерикальная гидра частью побѣждена. Во всякомъ случаѣ, они не могутъ уже считать себя такою несокрушимою силой, какъ клерикалы въ сосѣдней Бельгіи, гдѣ союзъ между католиками, протестантами и высшимъ мѣщанствомъ (буржуазіей) захватилъ всю власть и нагло эксплоатируетъ страну.

Въ чемъ-же Элизэ Реклю черпалъ силы для жизни, для борьбы? Мы думаемъ, что онъ находилъ ихъ въ томъ, что ясно видѣлъ, какъ постепенно „измѣняется среда“, какъ растетъ самосознаніе народа, какъ эволюція медленно и неотразимо дѣлаетъ свое дѣло—съ тѣмъ, чтобы потомъ, когда подготовится болѣе или менѣе полное измѣненіе среды, перейти въ „мирную револю-

цію". А пока этотъ страстный человѣколюбецъ жилъ, работалъ и ждалъ...

II.

„Существуетъ высшая причина, *причина причинъ*, резюмирующая исторію паденія государствъ. Это установленіе владычества одной части общества надъ другою, присвоеніе земли, капиталовъ, власти, образованія, почестей—нѣкоторыми лицами или аристократіей. Съ того момента, какъ тупая толпа уже не имѣла возможности бороться противъ этой монополіи небольшой кучки людей,—эта толпа уже была мертва, и ея исчезновеніе являлось вопросомъ времени. Таковы условія прогресса народовъ, по мнѣнію Элизэ Реклю, и мы ясно видимъ, что мы находимся у самаго источника его бодраго духа. Несомнѣнно, что эта живая вода надежды для страстнаго человѣколюбца останется совершенно незамѣтной для сухихъ и черствыхъ душою, но не о нихъ же можетъ идти рѣчь... Государства погибаютъ съ того момента, какъ тупая толпа уже не имѣетъ возможности бороться, но пока она находитъ въ себѣ силы для борьбы,—государства живутъ, такъ какъ законы эволюціи дѣйствуютъ, неотразимо подготовляя „внезапное измѣненіе среды". И Реклю это видѣлъ всюду и этимъ жилъ.

Онъ это видѣлъ и въ своей родной Франціи. Со временъ великой революціи идетъ тамъ борьба съ клерикализмомъ, опутавшимъ всю Францію и душащимъ своими щупальцами все живое. Феодализмъ и все духовенство боролось когда-то съ третьимъ сословіемъ. Феодализмъ долженъ былъ умереть, такъ какъ ему и буржуазіи было тѣсно на землѣ,—вмѣстѣ жить они не могли; но духовенство, одѣвшись немного по современному, отлично ужилось съ новыми господами, ибо масса, которой нужно подносить утѣшенія загробной жизни, чтобы она терпѣливѣе переносила нѣкоторые недостатки своего пребыванія въ сей „земной юдоли", осталась въ прежнемъ положеніи. Политическіе радикалы, искренно преданные республиканскимъ идеямъ и свободѣ, всѣ свои стремленія сконцентрировали на этой борьбѣ, и... послѣдній актъ ея разыгрался. Палата приняла законопроектъ, и отдѣленіе церкви отъ государства, о которомъ не смѣли мечтать дѣятели Учредительнаго Собранія 1789 года, стало совершившимся фактомъ.

Еще тогда, впервые объявляя, что „всѣ люди рождаются и пребываютъ свободными и равными въ правахъ", они очень робко въ то же время объявляютъ о свободѣ совѣсти. Учредительное Собраніе 48 года тоже не могло освободить государство отъ церкви и, наконецъ, теперь это совершилось. Это случилось наканунѣ смерти Элизэ Реклю, и онъ могъ еще узнать объ этомъ. Этотъ мудрецъ съ юной душой, конечно, не преувеличивалъ значеніе этой побѣды. Прежде всего онъ, навѣрное, находилъ тѣ же недостатки въ законопроектѣ, противъ которыхъ такъ возстаютъ фанатики отдѣленія изъ лагеря политическихъ радикаловъ. Эти страстные приверженцы отдѣленія церкви увѣряютъ, что республиканское большинство палаты капитулировало передъ реакціонною коалиціей. Такой капитуляціей они называютъ передачу всѣхъ церковныхъ имуществъ, имѣющихъ образоваться, для отправленія религіознаго культа, свободнымъ ассоціаціямъ вѣрующихъ; передачу почти въ вѣчное пользованіе (на 99 лѣтъ) церквей, соборовъ и т. п.—священникамъ и епископамъ; признаніе за ассоціаціями вѣрующихъ права соединяться въ обширныя федераціи; предоставленіе духовенству и его паствѣ права устраивать уличныя религіозныя процессіи и т. д.

Но кромѣ этого,—онъ стоялъ на другой точкѣ зрѣнія, чѣмъ та, на которой стоятъ политическіе радикалы, и не могъ поэтому преувеличивать значеніе этого факта. Онъ прекрасно понималъ, что духовно-свободнымъ народъ можетъ быть не раньше, чѣмъ онъ станетъ свободнымъ экономически, и что какъ ни важно это отдѣленіе церкви,—рѣшающаго освободительнаго значенія оно имѣть не можетъ. Французскіе соціалъ-демократы, такъ энергично помогавшіе дѣлу отдѣленія, ясно заявляютъ, по крайней мѣрѣ, что больше всего они цѣнятъ въ этой побѣдѣ то, что этотъ черный призракъ, притягивавшій къ себѣ все вниманіе общества, наконецъ-то долженъ будетъ сойти—по крайней мѣрѣ съ *аванъ*-сцены, и можно наконецъ, обратиться къ истиннымъ реформамъ на пользу народныхъ массъ.

„Худо-ли, хорошо-ли,—но разъ отдѣле-

ніе будетъ осуществлено, то заговорятъ же и кое-о-чемъ другомъ. Вотъ почему соціалисты единодушно голосовали за законопроектъ въ его цѣломъ". Такъ заявляетъ органъ рабочей партіи, „Le Socialiste" и настаиваетъ, чтобы сенатъ, настроенный очень радикально, не вносилъ крупныхъ измѣненій въ законопроектъ, и принялъ его въ томъ видѣ, какимъ онъ вышелъ послѣ окончательнаго вотума палаты, такъ какъ иначе, при возвращеніи измѣненнаго текста снова въ палату, неизбѣжно возникнутъ новые дебаты, и всѣ остальные вопросы, стоящіе на очереди, опять будутъ отложены.

Изъ всей горячей и полной энергіи борьбы народной жизни во Франціи,—Элизэ Реклю могъ ясно видѣть, что толпа Франціи не мертва и что она имѣетъ и возможность бороться и силы для этой борьбы.

Передъ смертью онъ навѣрное съ глубокой радостью глядѣлъ на просыпающіеся народы, спавшіе такъ долго и—казалось—чуть не вѣчнымъ сномъ. Бодрость и вѣру поддерживали въ немъ всѣ акты организованной и сознательной борьбы народовъ за свои права, гдѣ бы онъ ее ни видѣлъ и—надо думать, что кризисъ въ Венгріи былъ для этого ученаго съ темпераментомъ борца глубоко интересенъ.

Какъ извѣстно, Фейервари просто выгнали изъ парламента и отказались разговаривать съ этимъ генераломъ, присланнымъ изъ Вѣны на амплуа конституціоннаго министра. Въ результатѣ—бюджетъ не утвержденъ, и муниципіи и комитеты одинъ за другимъ принимаютъ рѣшенія не взимать никакихъ налоговъ въ пользу правительства. Въ послѣднемъ засѣданіи будапештскаго муниципалитета было принято рѣшеніе: „ни одной копейки и ни одного солдата этому правительству, къ которому мы не можемъ питать никакого довѣрія". Такъ говорятъ истинные граждане въ Венгріи—и, мы думаемъ, Элизэ Реклю это доставило-бы минуту свѣтлой, молодой радости. Вѣдь это же праздникъ для юной души мудреца, когда онъ слышитъ, какъ изъ Буда-Пешта кричатъ насильникамъ изъ Вѣны: „Руки прочь! Ни одной копейки и ни одного солдата этому правительству"!

III.

..."Достоинство гражданина можетъ потребовать отъ него, чтобы въ такихъ-то и такихъ-то обстоятельствахъ онъ строилъ баррикады и защищалъ свою страну, свой городъ или свою свободу; но пусть онъ не воображаетъ, что можно хоть малѣйшій вопросъ разрѣшить случайностями пуль. Въ головахъ и сердцахъ должны раньше совершиться измѣненія, прежде чѣмъ эти измѣненія напрягутъ мускулы и превратятся въ историческія событія"... — такъ глубоко и правдиво выражалъ Реклю свой взглядъ на ходъ историческихъ событій, несмотря на свой темпераментъ борца.

Да, не случайности пуль разрѣшаютъ историческія диллемы; но онъ видѣлъ, не могъ не видѣть, что измѣненія все больше, все замѣтнѣе начинаютъ совершаться въ головахъ и сердцахъ, и это давало ему силы бодро ждать и энергично работать для того времени, когда эти измѣненія „напрягутъ мускулы" и станутъ историческимъ фактомъ. Вся жизнь кругомъ говоритъ объ этихъ наростающихъ все больше измѣненіяхъ.

Развѣ не многознаменательно, что членъ рабочей партіи въ англійскомъ парламентѣ Кейръ-Гарди могъ позволить себѣ внести слѣдующее дополнительное предложеніе къ обсуждающемуся законопроекту объ иностранцахъ: онъ предложилъ запретить въѣздъ въ Великобританію всякому иностранцу, пріѣзжающему въ страну, чтобы замѣнить рабочихъ во время забастовки. Его предложеніе, конечно, не прошло, но „въ головахъ и сердцахъ совершаются измѣненія", такъ какъ все же нашлось 148 депутатовъ, которые высказались за это предложеніе, и 215 высказались противъ. Медленно идетъ дѣло завоеванія головъ и сердецъ, но оно идетъ. Въ Англіи теперь рабочій кризисъ, и 9-го Іюля н. с. въ Гайдъ-Паркѣ въ Лондонѣ состоялся колоссальный митингъ съ цѣлью оказать давленіе на правительство и заставить его издать законъ объ общественныхъ работахъ. Огромная процессія изъ 10 тысячъ человѣкъ шла съ нѣсколькими десятками знаменъ, на которыхъ были надписи: „Мы требуемъ работы, а не благотворительности". Процессія прошла по главнымъ улицамъ Лондона въ Гайдъ-Паркъ,

гдѣ произносили рѣчи члены парламента Кейръ-Гарди, Парратъ-Крупсъ и нѣсколько другихъ вождей соціалистской рабочей партіи.

Резолюція митинга требуетъ устройства общественныхъ работъ, образованіе министерства труда и чтобы работа, полученная при такихъ условіяхъ, не разсматривалась, какъ общественная благотворительность и не влекла бы за собой потери гражданскихъ и политическихъ правъ. А въ парламентѣ представитель рабочей партіи Кейръ-Гарди заявилъ о необходимости внесенія законопроекта о безработныхъ и прибавилъ при этомъ, что если въ текущую сессію такой законопроектъ не будетъ внесенъ, то въ странѣ начнутся безпорядки и возмущенія.

Историческія диллемы не разрѣшаются случайностями пуль, и вся тактика соціалъ-демократовъ ясно показываетъ, что они хорошо знаютъ эту истину и работаютъ съ цѣлью совершать измѣненія въ головахъ и сердцахъ.

Вы помните всю тонкую сѣть дипломатіи вокругъ марокскаго вопроса и „независимости“ марокскаго султана, которую такъ истинно-рыцарски оберегаетъ цезарь Вильгельмъ II? За все это Бюловъ получилъ княжескій титулъ, и бряцаніе оружіемъ раздавалось все громче въ правительственныхъ партіяхъ. Тогда выступилъ новый факторъ дипломатіи, который до сихъ поръ игралъ только роль мяса для пушекъ. Это „мясо“ заговорило и ясно заявило, что „марокскій инцидентъ“ не стоитъ выѣденнаго яйца и что новое сіятельство — князь Бюловъ можетъ идти, если ему угодно, воевать съ гражданиномъ Делькассэ, а оно—„мясо“— не хочетъ, не пойдетъ, и лучше ужъ не доводить дѣло до скандала.

Соціалъ-демократія нѣмецкая торжественно пригласила вождя французскихъ соціалистовъ—депутата Жорэса къ себѣ въ гости, прочесть нѣсколько рѣчей о международномъ братствѣ рабочихъ. И... внѣшняя политика соціалъ-демократіи получила сіятельную санкцію: князь Бюловъ громко сознался, что онъ боится Жорэса, такъ какъ онъ запретилъ ему въѣздъ въ Германію. Князья Бюловы плохо знаютъ ту истину, что случайности всяческихъ насилій безплодны, когда все сильнѣе начинаютъ происходить измѣненія въ головахъ и сердцахъ. Жорэсъ въ отвѣтъ на это запрещеніе спокойно — въ сознаніи той силы, которой онъ служитъ,—пишетъ въ своей газетѣ „Humanité“, что „это запрещеніе весьма характерный признакъ роста соціализма и возрастающей національной и международной роли его. Соціализмъ, до сихъ поръ обращавшій свою критику на внутреннюю политику различныхъ государствъ, началъ теперь противопоставлять мирную дипломатію народовъ политикѣ—капиталистовъ или феодаловъ— это дерзость, которой ему не могли простить“.

Но „измѣненія головъ и сердецъ“—это не „случайности пуль“, и мы думаемъ, что ихъ сіятельствамъ очень скоро придется считаться съ мыслями о войнѣ „мяса для пушекъ“. Въ большой залѣ „Neue Welt“ (не правда-ли, какъ символично?) произошелъ огромный митингъ протеста противъ Бюлова. Въ залѣ было болѣе 5000 человѣкъ и много тысячъ стояло снаружи, такъ какъ зала была полна и больше не вмѣщала. Резолюція выражала порицаніе Бюлову и идеямъ, недостойнымъ культурнаго государства. Резолюція говорила объ объединеніи всего пролетаріата, о братствѣ народовъ.

На митингѣ была прочтена телеграмма Жорэса, которой мы и закончимъ нашъ обзоръ. Народы проснулись и посылаютъ привѣтъ другъ-другу, и эта телеграмма пусть будетъ вѣнкомъ на могилу недавно скончавшагося борца за новую жизнь—старика мыслью и годами, но юнаго душою— Элизэ Реклю... „Товарищи, я съ вами всѣмъ сердцемъ на этомъ собраніи, которое должно укрѣпить единеніе между нѣмецкимъ и французскимъ пролетаріатомъ. Ихъ общая работа — обезпечить общій миръ посредствомъ завоеванія соціальной справедливости и политической свободы. Ничто не можетъ насъ разъединить. Мы всѣ составляемъ одно цѣлое, у насъ — одни желанія, одни чувства“...

Л. М.

Книги для народа.

№ 1. *Сущность конституціи Ф. Лассаля.* (Изд. „Молота" Спб.) Ц. 8 коп. № 2. *Пролетаріатъ и Общественный строй К. Каутскаго.* (Изд. „Буревѣстника", Одесса). Ц. 60 коп. № 3. *Буржуазія, Пролетаріатъ и Коммунизмъ. Карла Маркса* и *Фр. Энгельса.* (Изд. Е. Алексѣевой, Одесса). Ц. 10 коп. № 4. *Длина рабочаго дня по русскому законодательству. С. Прокоповича* (Изд. „Донской Рѣчи. Р. на Дону). Ц. 10 коп. № 5. *Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ. А. Бебеля.* (Изд. „Буревѣстника"). Ц. 8 коп. № 6. *Женщина и ея экономическое значеніе. Клары Цеткиной.* (Изд. „Молота", Спб.). Ц. 7 коп.

Въ предыдущемъ №-рѣ (см. № 6) мы указали рядъ общедоступныхъ книжекъ по государственному праву, т. е. указали, *что нужно* знать русскому объ основныхъ законахъ и формахъ правопорядка современнаго культурнаго государства.

Но самое культурное современное государство вовсе не представляетъ чего-нибудь совершеннаго: оно еще построено вездѣ по буржуазному типу, гдѣ выгодами и плодами современной культуры пользуется не масса народа, а сравнительно незначительное меньшинство. Слѣды средневѣковыхъ порядковъ, при которыхъ жизнь и благоденствіе массы населенія приносились въ жертву государственной идеѣ, къ выгодѣ опять-таки меньшинства, еще замѣтны вездѣ въ Зап. Европѣ и Америкѣ, при всей демократичности послѣдней. Въ обществѣ уже носятся идеи новаго Государственнаго строя, новыхъ формъ жизни. Россіи, какъ странѣ демократической по преимуществу, *эти формы,* быть можетъ, окажутся наиболѣе подходящими. Поэтому, предвидя грядущее обновленіе родины, *необходимо всѣмъ слоямъ населенія познакомиться съ формами будущаго государства,* чтобы когда придетъ время, ясно составить себѣ представленіе, *чего можно желать.*

Съ этой стороны, прежде всего полезно проштудировать книжку Ф. Лассаля (№ 1), который говоритъ, что „вопросъ о конституціи—вопросъ силы, а не права", что „дѣйствительная конституція страны—это фактическія соотношенія силъ, существующихъ въ странѣ; а писанная конституція тогда лишь прочна и имѣетъ значеніе, когда является точнымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ соотношеній общественныхъ силъ". Лассаль поясняетъ это примѣромъ Пруссіи. Здѣсь существуетъ либеральная писанная конституція, но такъ какъ въ то же время въ рукахъ короля остается въ распоряженіи страшная организованная сила—войско, то писанная конституція всегда можетъ быть ограничена (да нерѣдко и дѣйствительно ограничивается, какъ показываетъ исторія Германіи).

Конечно, силы націи въ концѣ концовъ одолѣваютъ силу войска, какъ бы ни была велика послѣдняя, но все-таки на это потребуется болѣе или менѣе продолжительное время.

„Меньшая въ сущности сила арміи на

продолжительное время оказывается болѣе дѣйствительной, чѣмъ большая сила націи. Это различіе заключается въ томъ, что сила націи не организована, тогда какъ сила арміи организована, всегда готова снова вступить въ бой, а—поэтому—должна быть болѣе дѣйствительной, болѣе способной удержать побѣду за собой противъ хоть и большей, но зато не организованной силы націи, лишь въ рѣдкую минуту чрезвычайнаго возбужденія сплачивающейся воедино.

„Нужно бы поэтому ограничить военную службу шестью мѣсяцами, срокомъ, который съ одной стороны—согласно отзывамъ величайшихъ военныхъ авторитетовъ—совершенно достаточенъ для того, чтобы сообщить солдату полное военное образованіе, съ другой стороны, слишкомъ кратокъ для того, чтобы вселить въ него особый кастовый духъ.

„Нужно, далѣе, постановить, чтобы низшіе офицеры, по крайней мѣрѣ до майора включительно, назначались не властью сверху, а выбирались самими войсковыми частями; это, конечно, для того, чтобы офицерскія мѣста не могли быть замѣщаемы въ духѣ, враждебномъ народу.

„Далѣе необходимо было установить подсудность арміи за всѣ проступки, не спеціально военные, обыкновенному гражданскому, чтобы и на этомъ она научилась разсматривать себя, какъ нѣчто общее съ народомъ, а не отдѣльное отъ него, не какъ особую касту.

„Наконецъ, слѣдовало всѣ артиллерійскія орудія, пушки, которыя должны служить лишь для защиты страны, отдать, поскольку онѣ не являются безусловно необходимыми для военныхъ упражненій, на храненіе городскимъ, выбраннымъ народомъ, властямъ. Изъ части этой артиллеріи надо было, далѣе, образовать артиллерійскіе отряды народнаго ополченія для того, чтобы и пушки, эту столь важную часть конституціи, сдѣлать силой, находящейся въ рукахъ народа.

„Изъ всего этого весной и лѣтомъ 48 г. ничего сдѣлано не было, и—поэтому—можно ли удивляться, если мартовская революція уже въ ноябрѣ 48 г. была уничтожена, осталась безрезультатной? Конечно, нѣтъ“!

Итакъ, прежде всего, для охраненія значенія конституціи необходимо, чтобы въ руки народа была передана фактическая сила—войско.

Когда это будетъ сдѣлано, можно будетъ строить государство, къ выгодѣ большинства населенія и общему благополучію.

Для этого К. Марксъ и Энгельсъ еще 50 лѣтъ тому назадъ рекомендовали слѣд. мѣры (см. книжку № 3).

1) Экспропріація поземельной собственности и конфискація земельной ренты въ пользу государства.

2) Прогрессивно-подоходный налогъ, въ сильной степени возрастающій для крупныхъ состояній.

3) Уничтоженіе права наслѣдства.

4) Конфискація собственности всѣхъ эмигрантовъ и повстанцевъ.

5) Централизація кредита въ рукахъ государства въ формѣ національнаго банка съ государственнымъ капиталомъ,—банка, обладающаго исключительной монополіей.

6) Централизація въ рукахъ государства всѣхъ путей сообщенія.

7) Увеличеніе числа государственныхъ промышленныхъ предпріятій и орудій производства, обработка невоздѣланныхъ земель и меліорація воздѣланныхъ, производимыя по одной общей системѣ.

8) Обязательность труда для всѣхъ, организація промышленныхъ армій, въ частности для земледѣлія.

9) Соединеніе промышленнаго труда съ земледѣльческимъ, мѣропріятія въ видахъ уничтоженія различія между городомъ и деревней.

10) Даровое общественное воспитаніе всѣхъ дѣтей, воспрещеніе существующаго нынѣ дѣтскаго труда на фабрикахъ. Соединеніе воспитанія съ матеріальнымъ производствомъ, и пр., и пр.

Подробную мотивировку этихъ мѣропріятій читатель найдетъ въ книжкѣ № 2 (К. Каутскаго), которая содержитъ въ себѣ слѣд.

I. Упадокъ мелкаго производства. 1. Мелкое производство и частная собственность. 2. Товаръ и капиталъ. 3. Капиталистическое производство. 4. Борьба мелкаго производства за жизнь.

II. Пролетаріатъ. 1. Пролетарій и подмастерье. 2. Заработная плата. 3. Разрушеніе семьи въ рабочемъ классѣ. 4. Про-

ституція. 5. Промышленная резервная армія. 6. Ростъ пролетаризаціи. Торговый и интеллигентный пролетаріатъ.

III. Классъ капиталистовъ. 1. Торговля и кредитъ. 2. Раздѣленіе труда и конкурренція. 3. Прибыль. 4. Поземельная рента. 5. Налоги. 6. Паденіе прибыли. 7. Ростъ крупнаго производства. Картели. 8. Промышленные кризисы. 9. Хроническое перепроизводство.

IV. Государство будущаго. 1. Соціальная реформа и переворотъ. 2. Частная собственность и собственность коллективная. 3. Соціалистическое производство. 4. Экономическое значеніе государства. 5. Государственный соціализмъ. 6. Организація государства будущаго. 7. „Разрушеніе семьи". 8. Конфискація собственности. 9. Распредѣленіе продуктовъ въ „государствѣ будущаго". 10. Соціализмъ и свобода.

V. Классовая борьба. 1. Соціализмъ и имущіе классы. 2. Подмастерья и прислуга. 3. Нищій пролетаріатъ (лумпенъ-пролетаріатъ). 4. Начало наемнаго пролетаріата. 5. Подъемъ рабочаго пролетаріата. 6. Борьба между возвышающими и подавляющими пролетаріатъ тенденціями. 7. Филантропія и законодательная охрана труда. 8. Профессіональное движеніе. 9. Политическая борьба. 10. Рабочая партія.

То, что К. Каутскій говоритъ вообще о пролетаріатѣ, г. Прокоповичъ (см. книжку № 4) дополняетъ изложеніемъ современнаго положенія рабочаго вопроса въ Россіи.

„Промышленность наша,—говоритъ онъ,—влачитъ существованіе тепличнаго растенія; покровительственными пошлинами ограждена она отъ вольнаго воздуха международной конкурренціи. Усиленное покровительство промышленности тяжело отражается на положеніи рабочихъ. На таможенныя пошлины, которыми правительство ограждаетъ отечественную промышленность, иностранныя государства отвѣчаютъ пошлинами на нашъ хлѣбъ и другіе сельско-хозяйственные продукты; сельскій хозяинъ, теряя на низкой цѣнѣ продуктовъ, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на высокой цѣнѣ промышленныхъ издѣлій. Доходы, получаемые промышленниками, привлекаютъ къ обрабатывающей промышленности всѣ свободные капиталы страны, отвлекая ихъ отъ сельскаго хозяйства и лишая земледѣліе необходимыхъ средствъ производства. Покровительство промышленности, такимъ образомъ, дѣлаетъ бездоходнымъ сельское хозяйство, разоряетъ хлѣбопашца. Отсюда усиленный приливъ рабочихъ изъ деревень въ города и промышленные центры, понижающій уровень заработной платы и ухудшающій условія труда промышленныхъ рабочихъ. Благодаря этой конкурренціи пришлыхъ рабочихъ, промышленные рабочіе лишаются выгодъ отъ покровительства обрабатывающей промышленности, идущихъ цѣликомъ на пользу незначительной кучки крупныхъ капиталистовъ-предпринимателей".

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря колоссальному росту государственнаго бюджета, расходуемаго на непроизводительныя съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ цѣли, въ странѣ или вовсе не происходитъ накопленія національнаго капитала, или накопленіе это совершается въ весьма замедленномъ темпѣ; отсюда бѣдность нашей промышленности капиталами, ея отсталость въ техническомъ отношеніи. Богатство немногихъ капиталистовъ еще болѣе оттѣняетъ общую бѣдность нашей промышленности. При такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть и рѣчи о серьезномъ улучшеніи матеріальнаго положенія рабочихъ".

„Матеріальное положеніе рабочихъ тысячью невидимыхъ нитей связано съ положеніемъ всего русскаго народа, улучшеніе положенія рабочихъ возможно лишь при условіи экономическаго прогресса страны, свободнаго развитія производительныхъ силъ народа. Для этого прежде всего нужно измѣненіе финансовой политики правительства, подчиненіе ея дѣйствительнымъ интересамъ русскаго народа, прекращеніе агрессивной колоніальной политики, приведшей насъ къ разорительной войнѣ съ Японіей, отказъ отъ новыхъ завоеваній и обращеніе всей политической энергіи русскаго народа на внутреннія реформы".

„Такимъ образомъ, рабочій вопросъ въ Россіи—въ его современномъ видѣ—по самому существу своему является политическимъ вопросомъ. Необходимою предпосылкою для его разрѣшенія является созданіе такого политическаго режима, при которомъ производительныя силы страны получатъ возможность свободнаго развитія.

„Есть еще другая сторона вопроса о сокращеніи рабочаго дня. Сокращеніе рабо-

чаго дня означаетъ развитіе духовной и общественной жизни рабочихъ. Увеличеніе количества свободнаго времени поведетъ къ усиленію запросовъ рабочихъ въ области образованія, создастъ новаго читателя, новый спросъ на книги и газеты, поведетъ къ развитію коллективной самодѣятельности, обществъ взаимопомощи, профессіональныхъ союзовъ, потребительныхъ товариществъ и т. п.,—словомъ, подниметъ личность рабочаго на ту высоту, на которой она будетъ такъ же непереносима для нынѣшняго бюрократически-полицейскаго режима, какъ и этотъ режимъ для нея. Законодатель не можетъ не предвидѣть этихъ культурныхъ, правовыхъ и политическихъ послѣдствій сокращенія рабочаго дня,—послѣдствій, для него еще болѣе непріятныхъ и опасныхъ, чѣмъ нынѣшнія фабричныя стачки и движенія. Поэтому, только при условіи перехода законодательной власти отъ бюрократіи къ народу, рабочій классъ можетъ разсчитывать на удовлетвореніе своихъ главныхъ требованій,—тѣхъ требованій, осуществленіе которыхъ раскрѣпостить личность рабочаго отъ нищеты, невѣжества и безправія. Московскіе заводчики и фабриканты вполнѣ правильно указываютъ въ своей запискѣ, что въ 1861 г. русскій народъ получилъ свободу тѣла; теперь наступила пора для освобожденія его духа отъ опеки бюрократіи".

Въ связи съ рабочимъ вопросомъ находится и женскій вопросъ (см. книжки № 5 и 6).

„Вопросъ объ эмансипаціи женщины,—говоритъ Цеткина,- является въ своей послѣдней и рѣшающей инстанціи экономическимъ вопросомъ, стоящимъ въ тѣснѣйшей связи съ рабочимъ вопросомъ вообще, и только въ связи съ этимъ послѣднимъ получитъ свое окончательное рѣшеніе и женскій вопросъ.

„Женщина можетъ, ждать полной своей эмансипаціи только въ преобразованномъ обществѣ.

„Женское движеніе буржуазныхъ слоевъ въ можетъ нѣкоторыхъ отношеніяхъ добиться койкакихъ правъ и преимуществъ, но никогда не разрѣшитъ женскаго вопроса (кн. № 5).

Полнаго равноправія женщина добьется только въ будущемъ государствѣ (см. книжку № 6).

„Только при соціалистическомъ строѣ,—говоритъ А. Бебель,—женщина, какъ и всякій угнетенный, будетъ обладать полными человѣческими правами; соціализмъ имѣетъ цѣлью наивысшее развитіе силъ и способностей *всѣхъ* членовъ общества, и слѣдовательно, также *женщинъ*; онъ требуетъ отъ всѣхъ членовъ общества, значитъ и отъ женщинъ, употребленія ихъ силъ и способностей для *общей* пользы; онъ предоставляетъ *всѣмъ* членамъ, слѣдовательно, и *женщинамъ*, *равную долю* въ общей прибыли и результатѣ всякой дѣятельности. *Только* при соціальномъ строѣ любовь, самое благородное человѣческое влеченіе, можетъ *вполнѣ* и *всецѣло* развиться: всѣ ложные предразсудки, всѣ препятствія къ счастливой семейной жизни устраняются, женщина и мужчина истинно *равноправны*, *только* ихъ склонность и влеченіе другъ къ другу являются рѣшающимъ условіемъ при вступленіи въ бракъ".

„Какъ все въ настоящее время непохоже на это! Какъ часты при нынѣшнемъ бракѣ вѣчныя ссоры и раздоры между супругами, ведущіе нерѣдко къ грубому насилію и даже къ преступленіямъ. Гдѣ нѣтъ любви (такъ какъ бракъ съ самаго начала былъ принудительнымъ бракомъ, т. е. такимъ, который заключали только по матеріальному или сословному расчету), тамъ скоро появляется отчужденность между супругами, особенно, въ томъ случаѣ, когда одна сторона принуждена возложить на себя по отношенію къ другой различныя обязанности, мѣшающія свободному самоопредѣленію воли и удовлетворенію другихъ склонностей".

Прочитавъ вышеуказанныя книжки и продумавъ ихъ, читатель явится достаточно подготовленнымъ для *сознательнаго* отношенія къ реформамъ, обѣщаннымъ съ высоты Престола Высочайшими актами. Грядущая реформа не застанетъ его врасплохъ. Правильныя понятія разовьются въ странѣ, и тогда, только тогда начнется счастливая эра въ Россіи, къ вящему посрамленію тѣхъ мракобѣсовъ, которые и теперь еще мечтаютъ держать въ кабалѣ такой богатоодаренный отъ природы и способный къ культурѣ народъ, какъ Русскій.

Ф. Г.

О поступленіи иностранцевъ въ университеты и высшія спеціальныя учебныя заведенія въ Германіи.

Прот. о. Мальцевъ (изъ Берлина) сообщаетъ слѣд. свѣдѣнія въ „Руси“.

Зимній семестръ въ нѣмецкихъ университетахъ, начинаясь по расписанію съ 15 (2) октября и продолжаясь до (2) марта, даетъ въ началѣ и концѣ около двухъ недѣль льготныхъ, въ началѣ для „имматрикуляціи“, или вступленія въ составъ студентовъ (съ 15 октября по 5 ноября и съ 15 апрѣля по 5 мая), и для подписей гг. профессоровъ въ прохожденіи студентомъ соотвѣтствующаго курса—въ концѣ семестра. Позднѣйшій срокъ для имматрикуляціи, особенно для иностранцевъ, лишь съ согласія кураторіума (попечительнаго совѣта) при представленіи особо уважительныхъ причинъ, повлекшихъ запозданіе. Для имматрикуляціи при поступленіи въ Берлинскій университетъ отъ иностранцевъ, кромѣ „заграничнаго“ паспорта, требуется: а) „аттестатъ зрѣлости“ (Maturitäts oder Reifezeugniss) одной изъ классическихъ гимназій, б) метрика и в) свидѣтельство о благонадежности (Führunhs) отъ русскихъ полицейскихъ властей по послѣднему мѣсту жительства,—каковые документы представляются въ оригиналахъ или нотаріально засвидѣтельствованныхъ копіяхъ съ нѣмецкимъ переводомъ ихъ, засвидѣтельствованнымъ также нотаріусомъ или германскимъ консульствомъ въ Россіи или русскимъ за границею. Отъ бывшихъ уже или состоящихъ студентами русскихъ университетовъ требуются свидѣтельства о количествѣ пройденныхъ ими семестровъ, а также свидѣтельство инспекціи о неимѣніи препятствій къ слушанію лекцій въ заграничномъ университетѣ. Званіе студента замѣняетъ въ этомъ случаѣ аттестатъ зрѣлости, а удостовѣреніе инспекціи —свидѣтельство полицейскихъ властей о благонадежности. Окончившіе наши высшія учебныя заведенія могутъ и не имматрикулироваться, а слушать тотъ или другой курсъ на правахъ „вольнослушателей“ или „госпитантовъ“ (Hospitanten). Для полученія отсрочки по отбыванію воинской повинности университетское начальство выдаетъ особое свидѣтельство.

„Берлинскій“ университетъ (кромѣ Берлина, университеты существуютъ: въ Боннѣ, Бреславлѣ, Вюрцбургѣ, Геттингенѣ, Грейфсвальдѣ, Галлэ, Гессенѣ, Гейдельбергѣ, Іенѣ, Килѣ, Кенигсбергѣ (in Preussen), Лейпцигѣ, Марбургѣ, Мюнстерѣ, Мюнхенѣ, Ростокѣ, Страсбургѣ, Тюбингенѣ и Фрейбургѣ), имѣетъ 4 факультета: 1) богословскій, 2) юридическій, 3) медицинскій и 4) философскій. На послѣднемъ читаются

науки: а) собственно философскія, б) математическія, в) естественныя, г) экономическія, д) историческія, и е) филологическія. На филологическомъ, кромѣ греческаго, латинскаго и новыхъ языковъ (французскаго, англійскаго и итальянскаго), изучается санскритскій, сирійскій, и арабскій языки, коптскій и еврейскій. Сверхъ сего имѣется особая „Seminar für orientalische Sdrachen" гдѣ проходятъ языки: китайскій, японскій, персидскій, турецкій, ново-арабскій, испанскій русскій и даже „Uerfassung und Uerwaltungswesen, Geographie und Uerkehrswege Russlands".

Женщины - иностранки принимаются въ университетъ лишь—„вольнослушательницами", или госпитантками, безъ имматрикуляціи, представляя въ секретаріатъ университета: 1) паспортъ, метрику и свидѣтельство о поведеніи отъ полиціи по послѣднему мѣсту жительства и 2) (отъ нѣмецкихъ слушательницъ) свидѣтельство о познаніяхъ, отвѣчающее окончившимъ курсъ въ Obersecund'ѣ, нѣмецкой классической или реальной гимназіи. Oberrealschle или Reifezengniss einer Realschule, или же, наконецъ, свидѣтельство на званіе Lehrerin. Для полученія послѣдняго обыкновенно проходится: Höhere Töhcterschule (родъ нашихъ прогимназій) и 3-хъ-лѣтній курсъ въ Lehrerinseminar. „Сообразно съ симъ" (?) (согласно печатному циркуляру) отъ англичанокъ и американокъ требуется Baccalaureat—степень баккалавра, отъ француженокъ—Diplome de fin d'études и отъ русскихъ ein vierjähriger höherer akademischer Frauenkursus съ оговоркой, впрочемъ, „сохраняя особое право принятія въ особенныхъ случаяхъ" (vorbehaltlich besonderer Beschlussfassungin besonderer Fällen). Уже сама оговорка говоритъ съ очевидною ясностью, что предъявляемыя требованія къ русскимъ женщинамъ стоятъ неизмѣримо выше, сравнительно съ другими иностранками. 4-лѣтніе академическіе женскіе курсы и по своимъ программамъ и объему вполнѣ отвѣчаютъ университетской программѣ, и потому для такихъ лицъ слушаніе вновь университетскихъ лекцій (если не брать во вниманіе случаевъ спеціализаціи) является дѣломъ совершенно излишнимъ.

Поэтому на практикѣ до сихъ поръ для поступленія въ Берлинскій университетъ требовалось, въ качествѣ образовательнаго ценза, свидѣтельство объ окончаніи курса нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ званіемъ домашней „наставницы" или „учительницы" и свидѣтельство о выдержаніи экзамена по латинскому языку за 8 классовъ по программѣ нашихъ мужскихъ гимназій. При академической свободѣ предоставленной каждому университету, въ дѣлѣ допущенія русскихъ женщинъ къ слушанію университетскихъ лекцій, взгляды ректора и его голосъ, а равно такъ называемаго университетскаго судьи (Universitätsrichter) въ Берлинѣ—весьма гуманный тайн. сов. и самъ бывшій профессоръ университета, Даде,—а также профессоровъ, аттестація которыхъ въ томъ, что извѣстное лицо вполнѣ подготовлено къ слушанію соотвѣтствующаго преподаваемаго имъ предмета—можетъ въ значительной степени смягчить строгости предписанныхъ оффиціальныхъ требованій, проистекающихъ часто отъ незнакомства здѣшнихъ университетовъ съ программами проходимыхъ предметовъ на нашихъ высшихъ женскихъ курсахъ, въ женскихъ гимназіяхъ, институтахъ, епархіальныхъ училищахъ и пр. Было бы весьма желательно, во избѣжаніе недоразумѣній въ этихъ случаяхъ, чтобы наши высшія учебныя вѣдомства народнаго просвѣщенія, Императрицы Маріи и др. вошли въ болѣе близкое сношеніе съ здѣшнимъ Culturministerim (Ministerium der geistlichen, Unterrichts-u. Medicinal-Angelegenheiten).

Теперь „о матеріальной“ сторонѣ дѣла.

„Имматрикуляція“ стоитъ 18 м. (около 9 руб.), Auditoriengeld 5 м., въ студенческій фондъ 50 пф., въ академическую больничную кассу 2 м., за что получается право на льготное пользованіе совѣтомъ и лекарствами въ случаѣ заболѣванія. Для изучающихъ медицину, зубоврачебное искусство, фармацію и естественныя науки лабораторный взносъ (Iustitutionsgebühren)– 5 мар. Женщины платятъ 12 мар. за Hospitantenschein и 5 мар. —Auditoriengeld. За слушаніе лекцій у того или другого профессора (профессорскій гонораръ) уплачивается по 5 мар. за одинъ часъ въ недѣлю въ теченіе цѣлаго семестра, такъ что напр., за предметъ, читаемый 4 раза въ недѣлю по одному часу, вносится 20 марокъ за семестръ. За лекціи и занятія, связанныя съ опытами, операціями или демонстраціями, уплачивается отъ 30 до 120 мар. въ семестръ.

Прожитіе (комната и столъ—весьма скромные) обходится въ Берлинѣ около 75 мар.: нѣмецкіе же студенты, не привыкшіе себѣ отказывать, считаютъ прожитіе отъ 100 до 150 мар.

2) Близъ Берлина, въ Charlottenburg'ѣ, имѣется „политехникумъ“— Königliche Technische Hochschule, для поступленія въ который, сверхъ аттестата зрѣлости, требуется свидѣтельство о выдержаніи въ Россіи „конкурснаго“ экзамена въ спеціальное высшее учебное зеведеніе. Окончившіе реальныя и коммерческія училища не принимаются, хотя бы они и сдали конкурсное испытаніе. Кромѣ шарлоттенбургскаго политехникумы существуютъ: въ въ Аахенѣ, Брауншвейгѣ, Лангфурѣ, близъ Данцига, Дармштадтѣ, Дрезденѣ, Ганноверѣ. Мюнхенѣ, Карлсруэ, Ильменау и Штутгартѣ, гдѣ при поступленіи допускаются и нѣкоторыя льготы, въ родѣ необязательности, представленія свидѣтельства о благонадежности, о чемъ, однако, рекомендуется снестись съ кураторіумомъ или секретаріатомъ даннаго учебнаго заведенія. Съ меньшимъ образовательнымъ цензомъ (безъ аттестата зрѣлости) принимаются въ городской высшій технический институтъ въ Cössen'ѣ (герцогство Anhald) съ отдѣленіями: 1) машиностроительнымъ, 2) электротехническимъ, 3) технической химіи со включеніемъ Papier-u. Pastechnik, 4) горнымъ и 5) керамическимъ, цементнымъ и стекляннымъ производствами.

Къ типу болѣе среднихъ техническихъ заведеній относится „техническое училище“ въ Mitweiba и Limbach (въ Саксоніи), гдѣ главное значеніе придается практическимъ занятіямъ, вслѣдствіе чего имѣющіе дипломъ этого заведенія легко и скоро поступаютъ на сооотвѣтствующія мѣста на фабрикахъ и заводахъ.

3) Для поступленія въ „Горную академію“ (Bergakademie) въ Берлинѣ, а также въ Clausrhal'ѣ im Harz и во Freiberg'ѣ (въ Саксоніи), кромѣ аттестата зрѣлости и свидѣтельства о выдержаніи конкурснаго испытанія въ Россіи, требуется еще свидѣтельство о годичной практикѣ при горномъ или горнозаводскомъ предпріятіи, хотя бы и не за цѣлый годъ, но съ обязательствомъ выполнить недостающее время практики въ теченіе курса, принимаются свидѣтельства о практическихъ занятіяхъ и отъ русскихъ фирмъ.

4) Въ сельскохозяйственный институтъ въ Берлинѣ (Landwirthcshaftliche Hochschule) принимаются молодые люди со степенью образованія, дающей право на отбываніе въ нѣмецкомъ войскѣ однолѣтней воинской повинности, что для иностранцевъ отвѣчаетъ пріему окончившихъ въ Россіи кадетскіе корпуса, реальныя и коммерческія училища, духовныя семинаріи и т. п. При несовершеннолѣтіи требуется

письменное согласіе на поступленіе со стороны отца или опекуна, и, конечно, обычныя бумаги для пріема, какъ-то: паспортъ, метрика и свидѣтельство о благонадежности. Кромѣ Берлинскаго сельскохозяйственнаго института съ его спеціальными отдѣленіями для сахарнаго производства (Berlin, Amrumerstrasse), а также института для бродильнаго и крахмальнаго производствъ (Institut für Närungsgewerbe и Stärkefabrication) (Berlin, Seestrasse), сельско-хозяйственныя школы существуютъ въ Poppelsdorf'ѣ, близъ Бонна, Hohenheim'ѣ и Weihenstephan'ѣ съ пивоваренным отдѣленіемъ (Brauerei).

5) Въ лѣсную академію (Forstakademie) въ Eberswald'ѣ (близъ Берлина), Tharandt'ѣ (въ Саксоніи, близъ Дрездена) правила поступленія почти тѣ же, что и въ сельскохозяйственную академію въ Берлинѣ.

6) Въ высшія торговыя училища (Handelshochschule) въ Ахенѣ, въ Лейпцигѣ, въ городское торговое училище (Städtische Handelschule) въ Кельнѣ и въ академію соціальныхъ и торговыхъ наукъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ открытъ доступъ для окончившихъ коммерческія училища.

7) Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о мало извѣстной у насъ „академіи практической медицины" въ Кельнѣ, гдѣ не платится никакого гонорара за курсъ, а взимается лишь 5 марокъ при записи. За болѣе подробными свѣдѣніями о ней рекомендуется обращаться въ Secretariat der Akademie (Köln, Portalsgasse, 2).

8) Высшія ветеринарныя училища существуютъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Ганноверѣ, Мюнхенѣ и Штутгартѣ, куда доступъ открытъ и безъ аттестата зрѣлости. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ университетахъ и другихъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ можно найти въ ежедневно издаваемомъ (прежде проф., докторомъ Ascherson'омъ, а за его смертью докторами Scheffer и Zieler въ Лейпцигѣ) университетскомъ календарѣ (Deutscher Universtitäte-Kalender) въ двухъ частяхъ, цѣною за обѣ 3 марки въ переплетѣ (отдѣльная цѣна 1-й части 1 м. 50 пф.—Die Universtiäten im Deutschen Reiche и 2-й части 1 м. 20 пф. (безъ переплетовъ)—Die Universitäten im Auslande. Предстоящій зимній семестръ составляетъ 68-е изданіе со времени основанія календаря. Въ немъ, кромѣ различныхъ практическихъ свѣдѣній о каждомъ университетскомъ городѣ, имѣются расписанія лекцій всѣхъ профессоровъ, съ указаніемъ времени и предмета чтеній, темъ для сочиненій на медали и преміи и т. п. Спеціально по одному медицинскому отдѣлу имѣется для Берлина особая книжка подъ заглавіемъ: „Das medicinische Berlin. Ein Führer für Aerzte u. Studirende", изд. Karger (Karlsh, 15), Berlin, 1905 г., а также книжка Dr. med. Klette „Vademecum", 1—12 ч., 1 м. 50 пф., изд. Benno Konegen въ Лейпцигѣ.

Къ сожалѣнію, какъ сообщаетъ та же „Русь", говорятъ, будто нынче пріема въ германскіе университеты и спеціальныя учебныя заведенія не будетъ вовсе.

За то во *французскіе университеты* нѣтъ никакого ограниченнаго пріема; необходимы только аттестатъ зрѣлости и свидѣтельство о рожденіи. Что касается французскихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, то существуетъ очень трудный конкурсный экзаменъ въ Парижѣ. Безъ экзамена принимаютъ только въ политехникумъ въ Нанси, куда для пріема даже не требуется аттестатъ зрѣлости.

Находясь въ высшемъ учебномъ заведеніи за границей, русскіе получаютъ отсрочку по воинской повинности до 27 лѣтъ.

Но право на нее имѣютъ лишь сыновья чиновниковъ, обязанныхъ по

службѣ жить за границею; что же касается всѣхъ остальныхъ, то они могутъ получить эту отсрочку лишь по особому каждый разъ Высочайшему разрѣшенію. Разрѣшеніе это испрашивается министромъ народнаго просвѣщенія по предварительному соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Къ прошенію объ отсрочкѣ должно быть приложено засвидѣтельствованное въ подлинности русскимъ консульствомъ или миссіею свидѣтельство начальства заграничнаго высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ учится проситель, „о безупречномъ поведеніи и прилежномъ ученіи“ послѣдняго.

Русская высшая школа въ Парижѣ.

Русская высшая школа закончила недавно четвертый со времени ея основанія академическій годъ. На торжественномъ актѣ по этому поводу прочитанъ былъ отчетъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ чтенію этого отчета, предсѣдательствовавшій въ собраніи проф. А. С. Трачевскій предоставилъ слово французскому соціологу Вормсу, который произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь на тему о религіи съ соціологической точки зрѣнія. Въ своемъ изложеніи ораторъ старался выяснить научное пониманіе религіи, какъ явленія соціальнаго par excellence, какъ продукта коллективнаго человѣческаго творчества. Подвергнувъ соціологическому анализу форму, содержаніе и послѣдствія религіознаго вѣрованія, Вормсъ въ заключеніе изложилъ свой взглядъ на судьбы религіи въ будущемъ человѣческомъ обществѣ.

Вслѣдъ за Вормсомъ проф. Трачевскій прочиталъ лекцію о великихъ преобразовательныхъ реформахъ новаго времени и подробно остановился на выдающейся роли, которую въ эпоху реакціоннаго движенія борьбы съ этими принципами играла бюрократическая Россія въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, въ кратковременное правленіе Павла I и во второй половинѣ царствованія Александра I.

Затѣмъ М. М. Ковалевскій приступилъ къ чтенію подробнаго отчета о дѣятельности русской высшей школы за истекшій академическій годъ. Изъ него видно, что вопросы государственнаго права, политики и экономики по преимуществу продолжали составлять главный предметъ изученія какъ теоретическаго, такъ и практическаго (на семинаріяхъ), причемъ особенное вниманіе было посвящено ознакомленію слушателей съ трудами выдающихся публицистовъ XVII и XVIII вв.

Исторія, въ лицѣ проф. Трачевскаго, призвана была дать посильный отвѣтъ на вопросъ о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ доктрина правового государства нашла себѣ первое практическое примѣненіе, какъ это имѣло мѣсто во Франціи конца XVIII и въ сосѣднихъ съ нею государствахъ первой четверти XIX в.

Проф. Виноградовъ, изъ Оксфорда, расширивъ ту же задачу, познакомилъ слушателей съ тѣмъ, какъ еще раньше и подъ вліяніемъ сходныхъ мотивовъ тѣ же вопросы были поставлены англійскою жизнью.

Правовое государство, изученное въ его теоретическомъ ростѣ и въ первыхъ попыткахъ его проведенія въ жизнь, составляло въ отчетномъ году также предметъ сравнительно-догматическаго изученія въ курсѣ, прочитанномъ проф. Ковалевскимъ. Въ своихъ лекціяхъ М. М. Ковалевскій установилъ тѣ далеко не абсолютныя, но исторически-относительныя точки зрѣнія, съ которыхъ легко объясняется и постепенное расширеніе избирательнаго права, и постепенный переходъ отъ примитивныхъ представительныхъ учрежденій съ ограниченными функціями совѣщательнаго характера къ учрежденіямъ, облеченнымъ правомъ законодательной власти, направляю-

щимъ все движеніе государственной машины, и отлившимся въ форму парламента съ отвѣтственнымъ и солидарнымъ министерствомъ, являющимся, такъ сказать, его исполнительнымъ органомъ. Дополненіемъ къ лекціямъ М. М. Ковалевскаго послужилъ спеціальный курсъ, посвященный законодательству о печати на Западѣ и въ Россіи.

Для изученія конституціонныхъ учрежденій, составляющихъ особенность всѣхъ западно-европейскихъ странъ, профессоромъ Ламбергомъ былъ прочитанъ (на франц. яз.) курсъ лекцій, въ значительной своей части посвященныхъ обзору различныхъ французскихъ конституцій вообще и конституціи третьей республики, въ особенности, причемъ видное мѣсто было удѣлено опредѣленію публичныхъ вольностей французскихъ гражданъ, праву сходокъ, свободѣ ассоціацій и изображенію парламентской практики.

Съ своей стороны, проф. Ковалевскій сопоставилъ главныя черты европейскаго конституціоннаго режима съ особенностями государственнаго строя Россіи, посвятивъ этому сравнительному изученію 40 лекцій, давшихъ обзоръ всего хода развитія русскихъ порядковъ, начиная отъ всесословности вѣчевыхъ собраній и оканчивая торжествомъ сословности и бюрократіи. При этомъ были отмѣчены начальные моменты въ упадкѣ послѣдней и представленъ былъ очеркъ реформъ государственнаго строя имперіи со временъ Императрицы Анны и верховниковъ и заканчивая проектами послѣдняго времени.

Какъ и слѣдовало ожидать, политическимъ вопросамъ, такъ сильно волнующимъ теперь наше отечество, въ русской высшей школѣ было отведено весьма видное мѣсто, и съ этой цѣлью былъ прочитанъ рядъ спеціальныхъ лекцій о политическихъ судьбахъ Японіи, о географіи и этнографіи Манчжуріи, о Сахалинѣ, по вопросамъ армянскому, еврейскому и т. д.

Какъ разсадникъ общественныхъ знаній, русская школа обращаетъ серьезное вниманіе и на тѣ научныя дисциплины, которыя имѣютъ громадное вспомогательное значеніе для построенія будущей науки—соціологіи. Поэтому въ отчетномъ году попрежнему приглашались лекторы по біологіи, антропологіи, экспериментальной психологіи, политической экономіи, исторіи религій, исторіи литературы. Проф. Вагнеръ прочиталъ нѣсколько блестящихъ лекцій о біосоціальныхъ воззрѣніяхъ на природу общественной жизни; проф. Анри читалъ курсъ экспериментальной психологіи, знакомя въ то же время своихъ слушателей въ параллельномъ курсѣ съ ростомъ научно-философской мысли отъ Лейбница до Канта; д-ръ Шейнисъ, д-ръ Мори и Полянскій читали по вопросамъ уголовной антропологіи и психопатологіи. Вопросы генетической соціологіи нашли себѣ истолкователя въ проф. Трачевскомъ; проф. Тамамшевъ, излагавшій раньше основы вавилонско-ассирійской религіи, въ отчетномъ году посвятилъ свой курсъ изученію ислама. Благодаря возвращенію Е. В. Аничкова школа имѣла возможность предложить своимъ слушателямъ въ истекшемъ году картину русской изящной литературы за послѣднюю четверть прошлаго вѣка и обзоръ эстетическихъ теорій.

Лекціи по политической экономіи были подѣлены между нѣсколькими спеціалистами. Проф. Исаевъ сосредоточилъ вниманіе слушателей на изученіи міроваго хозяйства въ его историческомъ прошломъ и современномъ состояніи, представилъ критическій обзоръ экономическихъ теорій въ ихъ послѣдовательной смѣнѣ въ связи съ перемѣнами въ явленіяхъ хозяйственной жизни, подробно остановился на таможенныхъ войнахъ и торговыхъ договорахъ, нарисовалъ яркую картину промышленныхъ успѣховъ Европы и Америки и свой анализъ коренныхъ

вопросовъ промышленной жизни заключилъ указаніемъ на черты новаго, складывающагося типа экономическихъ отношеній и новаго типа людей, вырабатывающагося въ условіяхъ мірового хозяйства.

Въ дополненіе къ курсу Исаева преподаватель петербургскаго политехникума Курчинскій читалъ по вопросу о степени участія различныхъ группъ населенія въ народномъ доходѣ и о характерѣ измѣненій въ прежней системѣ распредѣленія; затѣмъ, остановившись на условіяхъ оплаты труда, представилъ очеркъ мѣръ къ улучшенію матеріальнаго быта рабочаго класса. Вопросамъ кооперации вообще и зеледѣльческой кооперации въ частности посвящены были пять лекцій г. Тотоміанца и двѣ лекціи г. Анцыферова. Исторія политической экономіи изложена въ 20 лекціяхъ проф. Рейнессбергомъ, послѣдователемъ теоріи экономическаго матеріализма.

Въ области статистики слушатели школы имѣли возможность познакомиться съ вопросами о задачахъ и методахъ этой науки въ блестящемъ изложеніи проф. берлинскаго университета Борткевича.

Юридическія науки въ русской школѣ также читаются примѣнительно къ обществовѣдѣнію. Поэтому проф. Гамбаровъ поставилъ себѣ задачей познакомить своихъ слушателей въ небольшомъ курсѣ объ имущественномъ правѣ съ природою собственности - индивидуальной и коллективной—съ юридической и соціальной точекъ зрѣнія.

Обнимая общимъ взглядомъ весь путь, пройденный русской школой въ истекшемъ академическомъ году и отмѣчая въ ней большее число лекторовъ и замѣтное расширеніе руссовѣдѣнія, М. М. Ковалевскій въ заключительной части своего отчета говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я желалъ бы и въ будущемъ году видѣть русскую школу прогрессирующей въ томъ же направленіи, способной дать все болѣе и болѣе полные отвѣты на вопросы и русскаго прошлаго, и русской дѣйствительности. Я желалъ бы въ частности болѣе обстоятельнаго изученія русскихъ экономическихъ вопросовъ и русской экономической политики. Помощь молодыхъ экономистовъ, которыми, по слухамъ, такъ богаты нѣкоторыя изъ бездѣйствующихъ нынѣ высшихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ петербургскій политехникумъ, могла бы служить серьезнымъ подспорьемъ нашему дѣлу. И я шлю имъ сегодня сердечный призывъ — не забывать среди разнообразныхъ вопросовъ, поглощающихъ ихъ время и энергію, и фактъ существованія на берегахъ Сены русской школы, стремящейся дать свободный отвѣтъ на вопросы дѣйствительности и философское освѣщеніе русскаго прошлаго“.

Въ будущемъ году, по словамъ отчета, можно разсчитывать на дальнѣйшее расширеніе учено-преподавательской дѣятельности школы. Кромѣ участія въ преподаваніи постоянныхъ лекторовъ, которые дали возможность школѣ жить и развиваться, ей обѣщали свое содѣйствіе профессоръ Сорбонны Шарль Жидъ, А. В. Амфитеатровъ, Тарле, профессоръ Виноградовъ, Вл. Гессенъ, Ельяшевичъ, Ященко и др.

Въ 1904—1905 академическомъ году расходы по школѣ составляли 13.951 фр. 40 с. Приходъ—2,697 фр. 80 с. Образовавшійся такимъ образомъ дефицитъ въ 11,253 фр. 60 с. покрытъ былъ изъ капитала, составившагося главнымъ образомъ изъ пожертвованій. Всѣхъ годовыхъ слушателей было 288 (193 муж. и 95 жен.). Соотвѣтствующія цифры за предшествующіе тригода были 241, 333 и 321. („С. Отеч.“).

Редакторъ-издатель **Ф. С. Груздевъ.**

Дозволено цензурою Спб. 29 іюля 1905 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан., 71—6.

ГОДЪ II.

Наука и Жизнь,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

КНИГА VIII.

Августъ 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1905.

Государственный строй на западѣ.

М. Гарѣлина.

(Продолженіе).

Судебная власть.

Въ Англіи судьи—вовсе не правительственные чиновники, назначенные для разбора тяжбъ и наказанія преступниковъ; они не только юристы, но и общественные дѣятели. Именно они охраняютъ право, которое господствуетъ въ Англіи. Можетъ быть, покажется не совсѣмъ яснымъ, что такое—„господство права", характеризующее правовое государство. Это такъ прекрасно выяснено англійскимъ проф. Дайсъ, что лучше всего прислушаться къ его опредѣленію. „Господство права означаетъ, во-первыхъ, безусловное верховенство или преобладаніе закона, въ противоположность произвольной власти. Оно исключаетъ возможность произвольныхъ дѣйствій, такъ называемой прерогативы или даже обширныхъ и произвольныхъ полномочій правительства. Англичане управляются закономъ и только закономъ: можно наказать человѣка за нарушеніе закона, но нельзя подвергнуть его наказанію ни за что".

„Во-вторыхъ, господство права означаетъ равенство всѣхъ передъ закономъ или одинаковое подчиненіе всѣхъ классовъ общества обыкновенному закону, примѣняемому обыкновенными судами. Въ этомъ смыслѣ „господство права" не допускаетъ освобожденія должностныхъ и иныхъ лицъ отъ обязанности повиноваться закону, управляющему прочими гражданами, и отъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ. Въ основѣ „административнаго права", извѣстнаго нѣкоторымъ государствамъ, лежитъ мысль, что дѣла и споры, въ которыхъ заинтересовано правительство или его подчиненные, лежатъ внѣ компетенціи обыкновенныхъ судовъ и должны быть разрѣшаемы учрежденіями болѣе или менѣе административнаго характера. Эта мысль совершенно не приложима къ англійскому праву и находится въ противорѣчіи съ нашими традиціями и обычаями".

„Наконецъ, „господство права" является формулой для выраженія того факта, что у насъ конституціонное право служитъ не источникомъ, а послѣдствіемъ правъ отдѣльныхъ гражданъ, насколько таковыя опредѣлены и примѣняются судами. Иначе говоря, начала частнаго права получили у насъ, благодаря дѣйствію судовъ и парламента, такое распространеніе, что подъ нихъ было подведено положеніе короны и ея слугъ. Такимъ образомъ конституція вытекаетъ изъ обыкновеннаго права страны".

Итакъ, роль судовъ въ Англіи огромная. Именно они вынесли на своихъ плечахъ постоянное, неуклон-

ное примѣненіе закона, не прельщаясь никакими посторонними соображеніями. Изданные законы и теперь далеко не охватываютъ всѣхъ дѣйствующихъ въ странѣ законовъ. Въ прежнее же время передъ судами было гораздо меньше опредѣленныхъ законовъ. И вотъ тогда-то, видя, что жизнь выработала новыя формы человѣческихъ отношеній, судьи признавали ихъ и считались съ ними, какъ съ законами, которые отличаются отъ остальныхъ только тѣмъ, что они не были даны сверху верховной парламентской властью: они зародились снизу, они выступали изъ низинъ самой жизни; то были обычаи. Признавъ ихъ, судьи создали юридическіе обычаи, обычное право.

Рядомъ съ указанными судьями въ Англіи дѣйствуютъ и присяжные засѣдатели, которые только временно засѣдаютъ за судейскимъ столомъ. Для нихъ правосудіе не можетъ сдѣлаться ремесломъ, скучнымъ, привычнымъ занятіемъ. Свой жизненный опытъ они вносятъ въ стѣны суда, свое пониманіе людей и ихъ отношеній они проводятъ на каждомъ дѣлѣ. Они чутко, на самихъ себѣ, испытываютъ все, что дѣлается въ жизни, и оттого ихъ рѣшенія полны практическимъ, здравымъ смысломъ. Они срослись съ народными вольностями, привыкли думать, что ими красна англійская жизнь, и они ревниво оберегаютъ эти вольности, всегда стоятъ за нихъ.

Присяжные засѣдатели въ Англіи пользуются гораздо большимъ значеніемъ, нежели въ другихъ государствахъ. Во-первыхъ, они принимаютъ участіе не только на судѣ, но и на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ слѣдователь могъ бы пристрастно отнестись къ обвиняемому, притѣснить его, нанести обиды. Во-вторыхъ, въ Англіи присяжнымъ засѣдателямъ предоставленъ болѣе широкій кругъ дѣлъ: они не только судьи по преступленіямъ уголовнымъ, но и по гражданскимъ, и политическимъ. Такъ, они рѣшаютъ многія дѣла исковыя, объ убыткахъ, и въ этомъ случаѣ нерѣдко приговариваютъ администрацію къ возмѣщенію убытка, нанесеннаго незаконнымъ распоряженіемъ. Политическія дѣла всѣ преступленія, совершенныя печатнымъ словомъ или устнымъ; присяжные засѣдатели рѣшаютъ, дѣйствительно-ли ораторъ призывалъ населеніе къ мятежу, или безнравственна-ли данная статья и др. И если присмотрѣться къ рѣшеніямъ присяжныхъ, видно, что свобода печатнаго и устнаго слова охраняется самымъ щепетильнымъ образомъ.

Суды въ Англіи не стѣснены никакими предписаніями начальства, они обязаны лишь подчиняться высшему Вестминстерскому суду да законамъ. Они настолько самостоятельны, что нерѣдко рѣшаютъ, законны или незаконны требованія различныхъ властей, даже самаго парламента. Такъ, однажды на выборахъ нѣкто былъ лишенъ голоса. Нижняя палата признала, что чиновникъ, не принявшій этого голоса— вполнѣ правъ. Однако, судъ рѣшилъ, что избиратель не можетъ быть лишенъ права голоса. И чиновникъ, и парламентъ были признаны судомъ, какъ поступившіе незаконно. Въ другой разъ, напримѣръ, судъ обвинилъ издателя парламентскихъ документовъ въ распространеніи свѣдѣній, позорящихъ доброе имя и честь одного гражданина. Палата общинъ выступила на защиту своего издателя, находя, что онъ не виновенъ, ибо имѣлъ право въ этихъ документахъ оглашать вѣрныя свѣдѣнія. Однако, судъ остался при своемъ мнѣніи, и спорный вопросъ разрѣшился только спеціальнымъ закономъ, который на этотъ случай издалъ парламентъ. Разъ изданъ законъ—судъ обязанъ ему подчиниться и исполнять его со всей точностью.

Правда, столкновенія судовъ съ парламентомъ крайне рѣдки. Но не распоряженіе парламента, не приказаніе обязательно для судьи, а лишь

спеціальный законъ или разъясненіе закона (которое можетъ быть по существу совершенно новымъ закономъ). При такомъ высокомъ положеніи суды безбоязненно привлекаютъ къ отвѣтственности всякое лицо, какое бы общественное или служебное мѣсто оно ни занимало. И они дѣйствительно по совѣсти постановляютъ приговоръ, признавая виновнымъ всякаго нарушителя закона. Здѣсь всѣ, начиная съ нищаго и кончая членами королевской семьи, подлежатъ за нарушеніе закона судебной отвѣтственности передъ общими для всѣхъ судами и въ одинаковомъ для всѣхъ порядкѣ. Какія либо отступленія отъ этого порядка ни для кого не допускаются (только лорды и ихъ старшіе сыновья отвѣтственны передъ одной лишь палатой лордовъ. Остатокъ прошлаго). Вслѣдствіе этого даже солдаты, моряки и вообще всѣ тѣ лица, которыя въ силу своего служебнаго положенія подлежатъ особой отвѣтственности передъ особыми судами или дисциплинарными присутствіями, и тѣ отнюдь не освобождаются отъ отвѣтственности за правонарушеніе передъ общими судами. Солдатъ, напримѣръ, который, стрѣляя по приказанію офицера, убилъ кого-нибудь, несомнѣнно долженъ будетъ отвѣтить за убійство передъ общимъ судомъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ силу этого равенства всѣхъ передъ судомъ не освобождаются отъ судебной отвѣтственности ни судьи, ни представители администраціи или полиціи, причемъ никакого разрѣшенія начальства для привлеченія ихъ къ суду не требуется. Мало того, приказаніе начальства или даже самого короля не можетъ послужить оправданіемъ въ совершеніи несправедливаго или противозаконнаго поступка. „Всякій долженъ *лично* отвѣчать за свой проступокъ, въ совершеніи котораго онъ принималъ то или другое участіе“. Къ этому надо добавить, что къ суду привлекается не только солдатъ, застрѣлившій кого-нибудь по приказанію офицера, но и офицеръ за выдачу незаконнаго предписанія.

Судебная власть отчасти принадлежитъ и парламенту. Такъ, каждая изъ палатъ можетъ на весь срокъ своего засѣданія заключить въ тюрьму не только постороннее лицо, но и одного изъ членовъ своего состава. Это дѣлается за неуваженіе къ палатамъ, оскорбленіе ихъ, непослушаніе распоряженію (конечно, законному) предсѣдателя палаты, за незаконное присутствіе на засѣданіи.

Для должностныхъ лицъ, кромѣ общей судебной отвѣтственности и административной (напримѣръ, для солдатъ—обязательны особые дисциплинарныя правила, кромѣ общихъ законовъ), существуетъ еще уголовная отвѣтственность передъ парламентомъ. Именно, за преступленіе по службѣ или даже за то, что мѣры, принятыя чиновникомъ, „не были справедливы и полезны“, палата общинъ можетъ привлечь должностное лицо къ суду; судитъ же — палата лордовъ въ полномъ наличномъ составѣ. Когда-то подобный судъ возбуждалъ преслѣдованія, но за послѣднее время не чувствуется въ этомъ особой надобности, и судъ парламента самъ собой выходитъ изъ употребленія: общіе суды достаточно обезпечиваютъ правосудіе. Съ другой стороны, зависимость министровъ отъ нижней палаты является ручательствомъ ихъ законной дѣятельности. Такимъ образомъ парламентами былъ привлеченъ къ суду въ послѣдній разъ Уорренъ Гестингсъ за злоупотребленія по должности индійскаго губернатора (1786 года) и лордъ Мельвилль за казнокрадство (1806 году). Однако, этотъ особый судъ не отмѣненъ закономъ и возможно, что онъ тотчасъ будетъ примѣненъ, лишь только почему-нибудь въ этомъ представится необходимость.

Мы разсмотрѣли устройство англійскихъ государственныхъ учре-

жденій, значеніе ихъ въ государственной и общественной жизни, ихъ взаимное отношеніе одного къ другому. Дѣлая краткій выводъ всему сказанному, можно утверждать, что онѣ—очень цѣлесообразны, что они послѣдовательно дополняютъ другъ друга и служатъ на пользу населенія.

Власть парламента—огромная. Однако, она не можетъ итти въ разрѣзъ съ народной пользой, потому что въ парламентѣ преобладающее значеніе принадлежитъ палатѣ общинъ. Эта же палата избирается народомъ, или точнѣе, очень значительной его частью. Оттого-то всякая жизненная нужда въ томъ или иномъ законѣ быстро находитъ сочувственный откликъ въ законодательномъ собраніи. Оттого-то, наоборотъ, вредныя для населенія мѣры не могутъ пройти сквозь организованный, бдительный и свѣдующій строй народныхъ представителей.

Хорошіе законы обезпечены составомъ лицъ, издающихъ законы. А что эти хорошіе законы не останутся мертвой буквой, а будутъ дѣйствительной жизненной силой—ручаются суды. Какъ независимые отъ властей, они по совѣсти и безъ боязни защищаютъ ихъ своими авторитетными приговорами; какъ обязательные для всѣхъ и каждаго, они не отзываются на мелкой канцелярской сошкѣ, когда есть болѣе крупные, до поры до времени закулисные, виновники. Послушныя имъ кулисы въ концѣ концовъ открываютъ передъ глазами истинныхъ виновниковъ. И всякій, хорошо зная, что нѣтъ „ничего тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ", воздерживается отъ нарушенія закона, да и своимъ подчиненнымъ не даетъ повадки.

Администрація же—поставлена въ такое положеніе, что должна волей-неволей дѣйствовать осторожно и осмотрительно. Она вполнѣ самостоятельно распоряжается, особенно въ перерывы между парламентскими сессіями, когда парламентъ не засѣдаетъ. Она должна своевременно, умѣло и находчиво принять тѣ мѣры, которыя жизнь своими неожиданными, часто случайными обстоятельствами вызываетъ у правительства. Эти мѣры должны быть по большей части быстры, порой очень рѣшительны, напримѣръ, въ моменты народныхъ бѣдствій: наводненія, голода, нашествія непріятеля. И все-таки онѣ должны быть прежде всего полезны и не стѣснять общественной и личной свободы.

Распоряженія правительства должны быть разумны и полезны—этого требуетъ отъ нихъ парламентъ, какъ верховный руководитель всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Путемъ запросовъ, резолюцій, требованіемъ отъ правительства отчета о дѣйствіяхъ и соображеніяхъ, которыми оно руководилось, парламентъ узнаетъ, насколько удачны изданныя административныя распоряженія и циркуляры, насколько они необходимы. Съ другой стороны, эти распоряженія должны быть и законны; на стражѣ законности стоитъ судъ. Онъ не преминетъ заклеймить должностное лицо, играющее какъ мячикомъ правовыми постановленіями. Онъ можетъ ударить по карману нарушившаго законъ администратора, онъ можетъ лишить его свободы и отправить въ тюрьму—смотря по размѣру виновности.

Итакъ, правительство поставлено подъ парламентомъ въ выборѣ разумныхъ и своевременныхъ распоряженій. Правительство поставлено и подъ властью суда, въ выборѣ допустимыхъ закономъ средствъ. Эта отвѣтственность на два фронта, эта двойная зависимость требуетъ отъ администратора большого развитія, отличнаго знанія законовъ, огромной выдержанности и тактичности, жизненной чуткости, пониманія современныхъ потребностей. А такіе люди и нужны для сложнаго и отвѣтственнаго дѣла государственнаго управленія. И ихъ создаетъ проме-

жуточное, если хотите щекотливое положенie между двухъ общественно-политическихъ силъ. Это же положенie, постоянное изъ года въ годъ, заставляетъ примѣниться къ себѣ и всю правительственную машину, а не только кабинетъ министровъ. И въ чиновничествѣ складывается постепенно, но неуклонно, окончательное сознанie, что они слуги населенiя, обязанные работать на пользу общаго блага, и только въ предѣлахъ строгой законности. И такое сознанie уже выработалось въ чиновничьей англiйской средѣ и поддерживается цѣннымъ многолѣтнимъ, опытомъ всей предшествующей исторiи новыхъ учрежденiй.

Какъ было указано выше, все англiйское государственное право есть лишь часть права частнаго. Учрежденiя Англiи выросли на почвѣ уже развившейся законной жизни англичанъ. И конечно, они сами не могли выпрыгнуть изъ рамокъ законности, они проникнуты ею. И та гражданская свобода, какой пользуются англичане теперь, была уже въ ихъ рукахъ тогда, когда только складывались въ окончательную форму англiйскiя государственныя учрежденiя. Поэтому особеннаго вниманiя заслуживаютъ тѣ формы, въ которыхъ выразилась гражданская свобода англичанъ.

Гражданская свобода.

Большинство существующихъ писанныхъ конституцiй отводятъ особое мѣсто для признанiя неприкосновенными правъ гражданъ. Эти права—то же, что гражданская свобода – подразумѣваютъ двѣ различныя стороны жизни: свободу личности и общественную свободу. Подъ первой понимаютъ: личную и жилищную неприкосновенность, охрану тайны переписки, свободу передвиженiя. Общественная свобода устанавливается свободой совѣсти, свободой слова и печати, свободой собранiй и союзовъ. Въ Англiи нигдѣ нѣтъ писаннаго закона, признающаго всѣ перечисленныя свободы. Но онѣ существуютъ, пользуются всеобщимъ сочувствiемъ гражданъ, зорко охраняются судами. И прежде всего среди другихъ гражданскихъ правъ англичанина надо признать:

Свободу личности. Всякiй человѣкъ, попавшiй на англiйскую землю имѣетъ право жить какъ ему годно и гдѣ угодно, заниматься чѣмъ хочетъ, лишь бы эта дѣятельность не нарушила закона. До этого никто не можетъ быть арестованъ и наказанъ безъ суда и слѣдствiя, притомъ суда общаго для всѣхъ. Почти 700 лѣтъ существуетъ въ Англiи Великая Хартiя вольностей, въ которой между прочимъ говорится, отъ имени короля: „Ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ арестованъ и заключенъ тюрьму или лишенъ имущества, или объявленъ стоящимъ внѣ закона, или изгнанъ, или какимъ либо инымъ способомъ обездоленъ, и мы не пойдемъ на него и не пошлемъ на него иначе, какъ по законному приговору... и по закону страны". Такъ какъ теперь въ Англiи всякiй человѣкъ „свободенъ", то на всѣхъ и распространяется установленное правило.

Кромѣ того, еще съ конца 17-го вѣка существовалъ способъ освободиться отъ незаконнаго ареста—сначала только по уголовнымъ дѣламъ. Но съ 1815 года этотъ способъ сталъ примѣняться рѣшительно ко всякимъ личнымъ задержанiямъ по всякимъ дѣламъ, полицейскимъ, политическимъ и т. п. Этотъ способъ называется приказъ Габеасъ Корпусъ (HabeasCorpus, по латыни, значитъ „представить тѣло"). Это такой приказъ, который предъявляется всякому, задержавшему или арестовавшему кого либо. Приказъ этотъ дается высшимъ судомъ, называемымъ „судомъ королевской скамьи".

Этого приказа можетъ просить не только родственникъ или знакомый задержаннаго или арестованнаго, но и первый встрѣчный, сочув-

ствующій незаконно лишенному свободы. Испросившій этотъ приказъ является съ нимъ къ частному лицу, если оно задержало гражданина, или къ должностному лицу, арестовавшему гражданина, и предъявляетъ этотъ приказъ. Въ приказѣ предписывается въ извѣстный (очень короткій) срокъ доставить въ судъ „особу арестованнаго“ и сообщить суду подробныя свѣдѣнія, на какомъ основаніи задержано заинтересованное лицо. Если окажется, что, напримѣръ, тюремное заключеніе наложено по суду, то преступникъ снова отправляется въ тюрьму. Если же арестъ окажется не основательнымъ, незаконнымъ, то арестованный тотчасъ освобождается, а виновникъ неправильнаго ареста приговаривается судомъ присяжныхъ либо къ крупному штрафу, либо къ заключенію въ тюрьму. Иногда законный арестъ послѣ разбора судъ замѣняетъ отпускомъ арестованнаго на поруки и т. п.

Какъ бываютъ иногда крупны штрафы, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Еще въ 18-мъ столѣтіи нѣкто Вильксъ былъ незаконно арестованъ. При помощи Habeas Corpus онъ получилъ свободу и привлекъ къ суду министра Галифакса за незаконное предписаніе объ арестѣ, а помощника министра за незаконный арестъ, приведенный въ исполненіе. Присяжные присудили въ пользу Вилькса взыскать съ министра около 40.000 руб., а съ его помощника 10.000 р. Въ другой разъ министръ по ошибкѣ распорядился арестовать типографскаго ученика. Тотъ просидѣлъ подъ арестомъ только шесть часовъ, когда обнаружилась ошибка. Тѣмъ не менѣе министръ ему уплатилъ штрафъ въ 3,000 рублей. А къ чему влечетъ малѣйшее непослушаніе Суда королевской скамьи! Полиція арестовала въ 1889 году матроса Томпсона, принявъ его за бѣглаго матроса. Томпсонъ былъ заключенъ, какъ дезертиръ, на кораблѣ капитана Вудворда. Вскорѣ, по приказу Habees corpus, капитанъ былъ вытребованъ въ судъ вмѣстѣ съ матросомъ. Капитанъ не явился, а прислалъ своего адвоката и вмѣсто возвращенія приказа—только копію съ него. Томсона тотчасъ отпустили, капитанъ былъ арестованъ и вскорѣ выпущенъ до суда надъ нимъ на поруки. На судѣ выяснилось, что подсудимый капитанъ Вудвордъ ослушался Суда королевской скамьи согласно требованія министра—своего начальника. На это судья Мэтью говорилъ: „основной принципъ нашей конституціи тотъ, что законъ у насъ выше всего и что ни одно должностное лицо не можетъ оправдываться ссылкой на приказаніе высшей власти, какъ бы высока она ни была“. А другой судья Манисти разъяснялъ капитану: „Вашъ адвокатъ представилъ намъ почтительныя извиненія и заявилъ, что вы дѣйствовали согласно съ приказаніями вашего начальства. Мы не можемъ принять подобнаго оправданія, мы имѣемъ дѣло только съ вами...

„Вы совершили очень серьезный проступокъ, оказавши „презрѣніе къ суду“. Приказъ Habeas Corpus одинъ изъ самыхъ священныхъ, какіе только знаетъ законъ; онъ созданъ, чтобы воспрепятствовать всякому произвольному лишенію свободы, и всякій, какое бы высокое положеніе онъ ни занималъ, обязанъ повиноваться приказу“. Однако, судъ оказалъ снисхожденіе и вмѣсто тюремнаго заключенія присудилъ капитана къ штрафу въ 5000 рублей.

Въ связи со свободою личности стоитъ и неприкосновенность семейнаго очага или *жилища*. По словамъ лорда Чатама: „хотя бы вѣтеръ завывалъ вокругъ хижины бѣдняка и дождь пронизывалъ ее насквозь, король не имѣетъ права войти въ нее“. Проникнуть въ домъ насильно можно только по судебному предписанію или при исключительныхъ обстоятельствахъ: при опасности, угрожающей дому стихійными бѣдствіями (пожаръ, наводненіе) если

въ домѣ находится преслѣдуемый преступникъ, или когда есть основаніе думать, что тамъ совершается преступленіе (крики о помощи и т. п.).

Свобода совѣсти въ Англіи была провозглашена въ 1689 году; съ тѣхъ поръ каждый могъ исповѣдывать любую религію, переходить изъ одной въ другую, основывать новую, объединяться съ другими въ религіозныя общества и проповѣдывать свои религіозныя воззрѣнія и устно, и печатнымъ словомъ. Однако, различныя ограниченія для различныхъ религій оставались, особенно въ политическихъ правахъ ихъ исповѣдниковъ. Лишь въ 1829 году католики были уравнены съ другими христіанами, а евреи—съ христіанами въ 1846 году.

Теперь, однако, англиканское духовенство все еще пользуется привилегированнымъ положеніемъ. Остатки стѣсненія есть еще: напр., администрація можетъ удалить изъ Англіи всѣхъ іезуитовъ; нельзя оставлять духовнаго завѣщанія на „суевѣрные обычаи", напримѣръ, на неугасимую лампаду. Въ общемъ свобода совѣсти въ Англіи несомнѣнна, но Англія все-таки отстала отъ другихъ странъ въ этомъ отношеніи: отъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Голландіи, Бельгіи, даже Франціи, даже Германіи.

Свобода слова и печати въ Англіи опять таки основана на правахъ личности. Каждый свободно можетъ говорить, что угодно, убѣждать другихъ въ чемъ ему угодно. Однако, если онъ начнетъ клеветать или издастъ пасквиль, то этимъ преступаетъ границы дозволеннаго закономъ и привлекается къ судебной отвѣтственности. Точно такъ же и каждый ораторъ или публицистъ, выступившіе съ воззваніемъ къ мятежу или возбужденію одного слоя общества на насилія надъ другимъ, привлекается къ суду. Его будутъ судить не за то, что онъ нарушилъ статьи цензурныхъ правилъ, а какъ возбуждающаго другихъ къ вреднымъ для государства или отдѣльныхъ лицъ дѣйствіямъ. Ничего. подобнаго цензурному уставу, Англія не знаетъ. Ни въ одномъ государствѣ нѣтъ такой полной свободы живого слова и печатной мысли, какъ въ Англіи. Присяжные, какъ люди здраваго смысла, всегда отличатъ злонамѣренное произведеніе (или рѣчь) отъ научныхъ или философскихъ; нельзя установить признаки вредныхъ статей или рѣчей, но можно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить, какую цѣль преслѣдовалъ авторъ или ораторъ и была ли та цѣль противозаконной.

Итакъ, лишь присяжные „представители общественной совѣсти" обсуждаютъ столь деликатные вопросы, какъ злоупотребленіе словомъ или рѣчью. Но какъ вамъ нравятся такіе остатки старины? Отъ цензуры, рухнувшей въ Англіи еще въ 1695 году, сохранилось за министерствомъ двора право допускать или запрещать драматическія произведенія. Нынѣшній англійскій король только въ Парижѣ получилъ возможность посмотрѣть интересующую его „Красную Мантію", не допущенную на сцену. Но обыкновенно это запрещеніе очень легко обходятъ. Нанимаютъ помѣщеніе, основываютъ общество спеціально для ея постановки, а членскій билетъ замѣняетъ входной. Это не публичное представленіе и для цензуры недоступно.

Свобода союзовъ, т. е. допущеніе гражданъ соединяться въ группы, объединенныя общественно—политическими цѣлями, въ Англіи полная. Каждый союзъ при своемъ возникновеніи долженъ только заявить о себѣ администраціи. Никакихъ разрѣшеній не требуется. Такой порядокъ возникновенія обществъ называется явочнымъ, въ отличіе отъ запретительнаго, при которомъ каждый разъ надо добиваться спеціальнаго разрѣшенія начальства. Въ Англіи запрещены только тайныя

общества, т. е. не давшія знать о своемъ существованіи, за исключеніемъ масонскихъ, или связывающія своихъ членовъ клятвенными обѣщаніями, или такія, въ которыхъ должностныя лица (предсѣдатель, секретарь и т. п.) общества скрываются въ тайнѣ отъ членовъ; въ частности, имѣющія развѣтвленія.

Свобода собраній въ Англіи опять-таки вытекаетъ изъ личныхъ правъ каждаго отдѣльнаго гражданина. Вѣдь никому не запрещено итти по какой угодно улицѣ, съ кѣмъ угодно и говорить что угодно. Слѣдовательно, когда въ наиболѣе популярномъ мѣстѣ, Трафальгарскомъ скверѣ или Гайдъ-Паркѣ, собирается нѣсколько тысячъ человѣкъ. въ этомъ нѣтъ ровно ничего противозаконнаго. Каждый изъ участниковъ имѣлъ право направиться въ Гайдъ—Паркъ въ любое время, быть тамъ вмѣстѣ со всѣми остальными, имѣлъ право произносить рѣчь десяти слушателямъ или десяткамъ тысячъ.

Но за всякія вредныя дѣйствія виновный отвѣчаетъ передъ судомъ, который за нанесенные убытки взыскиваетъ эту сумму и караетъ за призывъ къ мятежу, за соблазнительныя безнравственныя рѣчи и т. п. Если же порядокъ явно нарушенъ, полиція вправѣ вмѣшаться и разогнать собраніе и арестовать отдѣльныхъ лицъ, однако, при одномъ условіи: на судѣона должна сказать, что къ тому вызывала крайняя необходимость. Въ противномъ случаѣ ничто не спасетъ полицію отъ наказанія. Этотъ рыскъ быть наказаннымъ и заставляетъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Вотъ вкратцѣ тѣ права каждаго находящагося на англійской землѣ, благодаря которымъ вполнѣ обезпечена свободная жизнь и дѣятельность англичанъ, не стѣсненныхъ капризными, произвольными распоряженіями властей.

Партіи.

Благодаря гражданской свободѣ, въ Англіи безпрепятственно могутъ возникать различныя политическія партіи. Тамъ, гдѣ нѣтъ такъ называемой гражданской свободы, партіи быть не можетъ, а есть лишь тайныя общества и союзы, преслѣдуемые за свои цѣли. Партіи—это прежде всего свободное соединеніе людей въ какомъ угодно количествѣ. Но соединеніе это не случайное или временное и притомъ не по какому нибудь отдѣльному поводу (напримѣръ, для того, чтобы добиться отмѣны смертной казни), это сплоченное единеніе для достиженія наиболѣе важныхъ общественно-политическихъ задачъ.

Если присмотрѣться къ жизни государства, то окажется, что все населеніе распадается на нѣсколько различныхъ группъ. И у каждой такой группы есть свои завѣтныя желанія, есть свои наболѣвшія нужды. И совершенно безразлично, плохо или хорошо живется группамъ—онѣ все равно предъявляютъ къ жизни свои требованія и стараются ихъ осуществить. Всѣ тѣ, кому живется весело, вольготно, главной цѣлью ставятъ удержать все, что существуетъ, въ неизмѣнномъ положеніи, сохранить все пріобрѣтенное жизнью и не спѣшить впередъ, гдѣ они опасаются утратить это милое существующее. Всѣ, кто стѣсненъ жизнью, кто, какъ рыба, бьется объ ледъ холоднаго и голоднаго существованія, ищутъ измѣненій и отъ нихъ ждутъ улучшенія своего положенія. Но и нуждающіеся, и обезпеченные раздѣляются еще на нѣсколько группъ, такъ какъ различны взгляды, что именно особенно важно сохранить или примѣнить и что менѣе важно; во-вторыхъ, какими средствами легче всего добиться этого сохраненія или измѣненія. Слѣдовательно, группы характеризуются своими различными цѣлями, которыя онѣ преслѣдуютъ, и раз-

личными средствами, которыя выбраны для достиженія поставленныхъ цѣлей. Какъ цѣли, такъ и способы ихъ осуществленія могутъ быть очень подробно разработаны и строго взвѣшены и обдуманы. Наиболѣе дѣятельные люди изъ каждой группы населенія выставляютъ ихъ, приводятъ въ дѣйствіе, привлекаютъ сторонниковъ. Эти-то наиболѣе дѣятельные и стали членами партіи, объединенной общей „программой“.

Значеніе партій въ жизни конституціонныхъ государствъ—огромно. Всякое большое дѣло требуетъ соединенныхъ усилій, а дѣло государственнаго и общественнаго устройства—великое дѣло. И нельзя въ одиночку браться за него. Въ государствѣ измѣненія въ концѣ концовъ зависятъ отъ большихъ группъ, а не одинокихъ общественныхъ дѣятелей, выступающихъ за свой страхъ и рискъ. И вотъ партіи—то и придаютъ сознательность борьбѣ группъ за существованіе и преобладаніе. При отсутствіи партій неизбѣженъ хаосъ государственной жизни, гдѣ каждый какъ съ завязанными глазами идетъ впередъ, или стоитъ на мѣстѣ, или пятится назадъ, не видя своихъ единомышленниковъ, часто сталкиваясь съ ними, взаимно мѣшая другъ другу. Партійныя программы, составленныя обыкновенно выразительно, кратко и точно, сразу упорядочиваютъ политическую игру въ темную. Каждый гражданинъ можетъ взвѣсить, что дастъ ему участіе въ той или другой партіи, къ которой у него лежитъ сердце. И войдя въ партію своихъ политическхъ единомышленниковъ, онъ вступаетъ въ борьбу со всѣмъ, что стоитъ на порогѣ партійной работы. Онъ и безъ партіи, въ одиночку боролся бы съ тѣмъ же самымъ, но не было бы той сознательности, выдержки и разсчета. Если онъ рабочій, то сталкиваясь на экономической почвѣ съ предпринимателемъ-заводчикомъ, онъ раньше разбивалъ бы его машины и портилъ имущество, теперь же онъ устраиваетъ вмѣстѣ съ другими мирную стачку, которая считается дѣломъ законнымъ во всѣхъ конституціонныхъ странахъ.

Если прибѣгнуть къ сравненію государства съ живымъ организмомъ, то можно сказать, что до существованія партій государство похоже на малосознательное, вялое, простое и студенистое тѣло улитки. Съ того же момента, когда государственная жизнь попадаетъ въ руки партій, государство становится высшимъ организмомъ, оно преобразуется въ сознательное тѣло, съ органами, изъ которыхъ каждый дѣлаетъ свое спеціальное дѣло; государство стало могучей, жизнеспособней общественной единицей. Оно, какъ человѣкъ, сознающій свое я, разсчетливо ставитъ тѣ или иныя цѣли, сообразуется съ окружающимъ и, примѣняясь къ нему, покоряетъ его непокорное сопротивленіе.

Если бы во всѣхъ конституціонныхъ странахъ народные представители избирались всѣми дѣеспособными гражданами, то каждая большая партія непремѣнно выставила бы одного или больше представителей въ парламентъ. Но этому двѣ помѣхи. Во-первыхъ, въ Англіи не всѣ сознательные и самостоятельные мужчины пользуются правомъ избранія представителя, не говоря ужъ о полномъ устраненіи отъ избирательныхъ правъ всѣхъ женщинъ. Во-вторыхъ, самые выборы производятся такъ, что не всякій способный и пользующійся довѣріемъ населенія дѣятель попадаетъ въ члены парламента: нѣкоторыя группы поставлены въ невыгодное положеніе сравнительно съ другими. Оттого-то и можно говорить о партіяхъ въ государствѣ отдѣльно отъ партій въ парламентѣ.

Въ парламентѣ весь девятнадцатый вѣкъ господствовали двѣ партіи, и многіе вполнѣ убѣждены, что

въ англійскомъ обществѣ есть только двѣ партіи, и серьезно требуютъ отъ представительныхъ собраній другихъ государствъ, чтобы и тамъ установилось не болѣе двухъ партій. Такъ, А. Лоуэлль въ недавно вышедшей въ русскомъ переводѣ книгѣ „Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы“ говоритъ, что „раздѣленіе на двѣ партіи есть не только нормальный результатъ парламентарной системы, но также и главное условіе ея успѣха; раздѣленіе палаты на двѣ партіи, и только на двѣ партіи, необходимо для того, чтобы парламентарная система управленія постоянно давала хорошіе результаты“. И авторъ предрекаетъ Франціи и Италіи всегдашнюю парламентскую смуту, доколѣ не образуется трогательное дѣленіе на двѣ партіи. При ближайшемъ же разсмотрѣніи оказывается, что двѣ партіи въ англійскомъ парламентѣ держатся на такихъ застарѣлыхъ и значительно пошатнувшихся устояхъ, которые сегодня—завтра должны рухнуть.

Въ 19-ый вѣкъ парламентъ Англіи вступилъ съ двумя партіями: тори и виги. Эти партіи старыя: первая — придворнаго дворянства, вторая—крупнаго землевладѣльческаго класса. Борьба шла главнымъ образомъ изъ-за политическаго строя. Тори стояли за право короля своею единоличною властью смѣщать и назначать министровъ. Виги требовали парламентскаго управленія съ полной отвѣтственностью кабинета министровъ отъ парламентскаго большинства. Въ 1862 году была произведена избирательная реформа, въ палату общинъ вошли представители новаго народившагося общественнаго класса — буржуазіи (т. е. класса капиталистовъ-предпринимателей: фабрикантовъ и заводчиковъ). Парламентарный строй окончательно установился. Новые члены соединились съ вигами и провозгласили себя либеральной партіей, съ требованіемъ дальнѣйшихъ реформъ и преобразованій, не ограничиваясь только что произведенными. Противъ нихъ попрежнему стояли тори, которые отнынѣ зовутся консерваторами, т. е. охранителями существующаго строя, какъ цѣннаго пріобрѣтенія исторіи. Консерваторы въ Англіи боятся всякихъ перемѣнъ; ихъ постоянное опасеніе: а то—какъ бы чего не вышло. Но ихъ достоинство заключается въ томъ, что они противятся введенію реформъ, пока онѣ еще не закончены; какъ только преобразованіе завершено, консерваторы признаютъ его и уже, какъ консерваторы, сами же охраняютъ его дальнѣйшее существованіе. И такую тактику они сохранили во все время новѣйшей англійской исторіи.

До 70-ыхъ годовъ прошлаго вѣка власть въ парламентѣ переходила изъ рукъ въ руки то консерваторовъ, то либераловъ. Въ 70-ые года возникаетъ небольшая, но стойкая, единодушная новая партія: ирландскіе гомрулеры, требующіе независимости Ирландіи, когда-то свободной, и настаивающіе на возрожденіи независимаго ирландскаго парламента. Первое время ирландцы въ англійскомъ парламентѣ были одиноки, но вскорѣ они соединились съ либералами, которые рады были воспользоваться поддержкой ирландцевъ (ихъ было около 80 членовъ). Лидеру (вожаку) либеральной партіи Гладстону удалось провести гомруль въ палатѣ общинъ, и ирландцы добились бы относительной независимости Ирландіи, еслибы палата лордовъ не зарѣзала этотъ билль 419 голосами противъ 41. Въ противовѣсъ ирландцамъ, возникла партія уніонистовъ, отстаивающихъ нераздѣльность Ирландіи и Великобританіи подъ верховной властью англійскаго парламента. Въ настоящее время образовались еще либералы—уніонисты и уніонисты—имперіалисты, но и тѣ, и другіе очень близки къ консерваторамъ и обыкновенно голосуютъ вмѣстѣ съ ними.

Ирландская партія въ настоящее время сблизилась съ консерваторами, которые провели своимъ большинствомъ билль о выкупѣ ирландской земли въ пользу ирландскихъ арендаторовъ при помощи государственной казны и при пособіи отъ государства размѣромъ въ 120.000.000 рублей. Впрочемъ, теперь либеральная партія окончательно утратила свое значеніе. Она отстала отъ жизни, топчется на старомъ невмѣшательствѣ государственной власти въ отношенія между трудомъ и капиталомъ и выставляетъ безсодержательныя программы, часто совершенно одинаковыя съ консерваторами. И собственно говоря, уже и теперь не существуетъ двухъ партій въ англійскомъ парламентѣ. Да еще и въ 1847 году консервативная партія разбилась на двѣ части,—одна стояла за свободную торговлю, другая противъ. Либеральная партія въ 1852 году раскололась по вопросу объ арміи, въ 1857 году—о китайской войнѣ, а въ 1866—объ избирательной реформѣ. И каждый разъ отдѣлившаяся часть соединялась съ враждебной по другимъ вопросамъ партіей, а министерство держалось не той или иной побѣдившей партіей, а большинствомъ, составленнымъ изъ временнаго соединенія противоположныхъ партійныхъ частей. Такія временныя соединенія называются „коалиціей".

Съ 1886 года либеральная и консервативная партія стали по различнымъ вопросамъ раздѣляться внутри и соединяться по частямъ, образуя такъ называемое коалиціонное большинство. Переходъ ирландцевъ отъ союза съ либералами къ союзу съ консерваторами тоже показываетъ, какъ неопредѣленно различіе когда-то различныхъ по своимъ програмамъ партій. Но и такъ черезчуръ долго держалось это старое дѣленіе на консерваторовъ и либераловъ; его поддерживали искусственныя мѣры, которыя, по мнѣнію многихъ, очень недолговѣчны (см. ниже, въ очеркѣ объ англійскомъ избирательномъ правѣ).

Не въ парламентѣ, а въ англійскомъ обществѣ существовали уже давно другія партіи. Еще въ 1793 году организовалась радикальная партія—первая во всемъ мірѣ. Она требовала смѣлыхъ, коренныхъ преобразованій. Но тогда она была ничтожна. Въ 1818 году она, однако, уже выставила своего депутата въ парламентъ, благодаря особенно счастливымъ условіямъ выборовъ. И этотъ единственный тогда въ парламентѣ представитель радикаловъ высказалъ требованія партіи: 1) всеобщая подача голосовъ, 2) тайная баллотировка (избраніе), 3) правильное дѣленіе Англіи на избирательные округа, 4) срокъ парламента одногодичный. Никто въ парламентѣ не захотѣлъ даже и обсуждать такія требованія, хотя тысячные митинги (собранія) и грандіозныя процессіи рабочихъ со знаменами выразили имъ сочувствіе. Въ 1838 году снова радикалы представили въ парламентъ петицію, гдѣ къ ранѣе выставленнымъ требованіямъ прибавили: 1) вознагражденіе депутатамъ парламента, 2) отмѣну избирательнаго ценза (т. е. извѣстнаго имущественнаго обезпеченія). Но всѣ эти требованія, поддержанныя одинъ разъ 1200000 подписей, а въ другой разъ почти 1.975.000, и до сихъ поръ остаются неосуществленными (кромѣ тайной баллотировки, принятой въ 1872 году.)

Изъ крайнихъ партій, требующихъ полнаго измѣненія сложившихся общественныхъ отношеній (до перехода средствъ производства въ руки трудящихся классовъ включительно) надо отмѣтить „Соціалъ-Демократическую Партію", основанную въ 1881 году Гайдманомъ. Объ ней, какъ самой сильной въ Германіи парламентской партіи, будетъ въ свое время сказано подробно. Отъ германской она не отличается ничѣмъ и необычайно малочисленна: по самымъ преувеличеннымъ под-

счетамъ не превышаетъ 10.000 человѣкъ. Фабіанское общество съ 1883 года—тоже соціалистическое. Состоитъ исключительно изъ интеллигенціи, всего около 800 человѣкъ, среди нихъ не мало извѣстныхъ ученыхъ. Много сдѣлало по ознакомленію массы съ соціалистическими ученіями, при помощи множества изданныхъ брошюръ и книжекъ. Надѣется измѣнить общественныя отношенія тѣмъ, что послѣ близкаго знакомства съ ихъ ученіемъ каждый согласится съ нимъ и станетъ соціалистомъ. „Независимая Рабочая Партія" основана въ 1893 году и пока насчитываетъ не менѣе 12000 членовъ. Ея самой завѣтной мечтой стало такъ измѣнить выборы въ парламентъ, чтобы туда могли въ большомъ количествѣ проникнуть депутаты отъ рабочихъ. Они являются самой дѣятельной группой въ недавно образовашемся „Комитетѣ рабочаго представительства", созданномъ исключительно для указанной цѣли. Этотъ комитетъ за три года своего существованія (съ 1901) уже привлекъ 1000000 членовъ. Въ парламентѣ же всѣ соціалистическія направленія не имѣли представителей до 1892 года, когда были избраны два соціалиста. Да и рабочихъ депутатовъ всего на всего теперь въ парламентѣ одна дюжина. Притомъ же большинство изъ нихъ прислано союзами трэдъ-юніоновъ, заботящихся исключительно объ улучшеніи положенія рабочихъ, безъ всякихъ общихъ теоретическихъ программъ. И всѣ трэдъ—юнионисткіе депутаты понимаютъ свою задачу очень узко: проводить только то, что выгодно группѣ, ихъ пославшей. Они не задумаются настаивать на этомъ, хотя бы для всѣхъ остальныхъ рабочихъ зто было крайне вредно.

Англійское избирательное право.

Въ настоящее время государственныя задачи такъ усложнились и стали такъ многочисленны, что для ихъ разрѣшенія требуется особое народное представительство, такое —которое включало бы въ себя всю націю. И тогда самая нація получила бы возможность не отставать отъ вѣка. Вѣдь ей пришлось бы во всей совокупности членовъ постоянно быть на чеку, такъ какъ жизнь то и дѣло задаетъ мудреныя загадки. И если не участвуешь въ управленіи государственными дѣлами, такъ легко сидѣть въ сторонкѣ, безучастно поглядывая на то, что начальство лучше знаетъ и само все разберетъ. Но когда человѣку ввѣрена отвѣтственность за правильное теченіе государственной жизни своей страны, нѣтъ возможности оставаться холоднымъ свидѣтелемъ происходящаго, которое властно требуетъ немедленнаго вмѣшательства, требуетъ постояннаго вниманія и соображенія. Для народа такая школа—высшая школа, дающая цѣнный дипломъ на званіе сознательнаго гражданина. А государство, состоящее изъ такихъ членовъ, могуче своимъ сознательнымъ и дѣятельнымъ населеніемъ, оно выйдетъ побѣдителемъ изъ любого международнаго осложненія. Но главное, оно побѣдитъ другихъ тѣмъ мирнымъ орудіемъ, которымъ завоевываются рынки промышленности и выбрасываются съ нихъ худшіе чужіе товары.

Кромѣ того, государству нужны хорошіе законы. Кто же лучше можетъ ихъ установить, чѣмъ народъ, на которомъ они должны примѣняться? И тутъ важно, чтобы къ законодательной работѣ были допущены представители всѣхъ существующихъ въ обществѣ группъ, защитники всѣхъ интересовъ. Въ противномъ случаѣ, многое останется въ тѣни, многое освѣтится слишкомъ ярко и преувеличенно, а въ концѣ концовъ получится несправедливая политика въ ущербъ однимъ, къ неосновательному обогащенію другихъ. Наконецъ, необходимо имѣть во главѣ управленія

весь цвѣтъ, всю красу народа. И чѣмъ больше будетъ кругъ выбора, тѣмъ скорѣе найдутся необходимыя для отвѣтственной работы талантливыя силы. Не пренебрегайте ни одной группой населенія, можетъ быть именно въ ней скрытъ геніальный политикъ.

Англія своимъ представительствомъ отстала отъ многихъ передовыхъ государствъ: въ ней не введено всеобщее избирательное право, которое только одно въ силахъ вскрыть всѣ творческія силы народа и создать парламентъ, выражающій волю націи. По англійскимъ законамъ право избирать депутата въ палату общинъ имѣетъ совершеннолѣтній мужчина, если онъ не опороченъ по суду, не состоитъ на военной службѣ, если онъ находится въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Съ другой стороны, и самъ онъ можетъ быть избранъ депутатомъ. Но ко всему перечисленному онъ долженъ представить еще и извѣстный имущественный цензъ (обезпеченіе): онъ или долженъ имѣть свой домъ, занесенный въ податные списки, либо платить за квартиру не менѣе 100 рублей въ годъ,—коварное условіе, показывающее, какъ еще и до сихъ поръ парламентъ отталкиваетъ отъ себя бѣдноту. Въ 1885 году высчитали, что благодаря такому цензовому представительству отъ избирательной урны были отстранены 1.800.000 взрослыхъ: они жили либо при своихъ родителяхъ, либо въ меблированныхъ комнатахъ, либо у хозяевъ. Вся ихъ вина—что они сами не хозяева дома или квартиры, однимъ словомъ, не имѣли „своего угла“.

Но и этого мало для англійскихъ ограниченій избирательнаго права. Каждый избиратель долженъ прожить въ данномъ округѣ не менѣе 12 мѣсяцевъ. Но если принять во вниманіе очень сложныя формальности съ занесеніемъ въ избирательный списокъ фамилій, то почти безъ преувеличенія требуется прожить въ одномъ мѣстѣ не менѣе двухъ лѣтъ. Собственно жить-то можно и въ другомъ мѣстѣ, но необходимо тогда владѣть постройкой, приносящей въ годъ около 100 руб. дохода. Оттого-то почти при одинаковомъ населеніи во Франціи (странѣ всеобщаго избирательнаго права) въ 1898 году было 10.446.000 избирателей, а въ Англіи въ томъ же году—6.586.000. И понятно, потому что кромѣ отстраненныхъ, не владѣющихъ цензомъ огромная часть рабочаго класса не могла попасть въ списокъ избирателей: часть рабочихъ всегда кочуетъ по странѣ въ поискахъ работы, часть еще не успѣваетъ законно обжиться тамъ, гдѣ работа нашлась. Вотъ отчего въ парламентѣ такъ мало рабочихъ депутатовъ.

Но и помимо того, что число избирателей, и какъ разъ изъ рабочей среды, сильно сокращается, еще труднѣе рабочимъ выставить своего кандидата въ депутаты. Во-первыхъ, это стоитъ большихъ денегъ; надо затратить ихъ на отпечатаніе и разсылку всѣмъ избирателямъ программъ партіи, надо заказать плакаты (объявленія-афиши) съ сатирическимъ изображеніемъ кандидата конкуррирующей партіи, чѣмъ всегда пользуются на выборахъ; приходится снимать много разъ залы для митинговъ, на которыхъ непрестанно передъ выборами произносятся рѣчи кандидатомъ на депутатское мѣсто. И такая „избирательная кампанія“ порой тянется въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Бываютъ случаи, что предвыборные расходы достигали огромной суммы отъ 100 до 150 тысячъ рублей. Но теперь это рѣдкость. Вотъ цифры одного изъ недавнихъ избирательныхъ годовъ: Англія израсходовала всего за одинъ годъ 7.965.000 рублей, Шотландія—1.117.610 рублей; въ среднемъ каждый депутатъ Англіи истратилъ на выборы 16.090 руб. а Шотландскій депутатъ въ среднемъ израсходовалъ 15.524 руб.

Прибавьте къ этому, что англійскіе члены парламенты жалованья не получаютъ, хотя требованія этого выставлены давно и настойчиво подтверждались. Возможно-ли при такихъ условіяхъ рабочему выставлять свою кандидатуру? У него не хватитъ средствъ ни на житье во время парламентской сессіи (засѣданія), ни на избирательную борьбу.

Но и это еще не все. Въ Англіи депутаты избираются не абсолютнымъ большинствомъ голосовъ (т. е. болѣе, чѣмъ половиной собранія), а большинствомъ относительнымъ. Напримѣръ, за консерватора подано 10 голосовъ, за либерала 8, а за радикала 5. Всего 23 избирательныхъ голоса, абсолютное большинство —12. Но его никто не получилъ. И въ Англіи считается, что избранъ консерваторъ, потому что количество голосовъ въ его пользу больше всѣхъ (относительно 8 и 5 по отдѣльности). Въ другихъ конституціонныхъ государствахъ въ этихъ случаяхъ производится такъ называемая перебаллотировка (переизбраніе) между двумя партіями, получившими наибольшее число голосовъ. Остальные голоса присоединяются къ той партіи, которая ближе имъ, симпатичнѣе. Въ данномъ примѣрѣ послѣ перебаллотировки радикалы могли бы присоединиться къ либераламъ и такимъ путемъ образовать абсолютное большинство. Все-таки побѣда осталась бы на сторонѣ склонной къ преобразованіямъ партіи. Но вѣдь въ Англіи этого не допускаютъ, и всякіе выборы (если не было нарушенія закона) считаются окончательными, даже если за консерватора выскажется 8 голосовъ, а за либерала 7 и радикала 7 (при одномъ воздержавшемся). И вотъ, чтобы не вышло такого раздробленія, англичане принуждены заранѣе соединятся въ двѣ партіи, чтобы неожиданнымъ расколомъ не передать власть прямо враждебной партіи. Какъ ни непріятно, но предпочитаютъ коечѣмъ поступиться, лишь бы сохранить самое главное. И въ этихъ случаяхъ консерваторы (большею частью люди состоятельные) могутъ ставить на карту большую сумму, тогда какъ рабочимъ нѣтъ возможности рисковать цѣлымъ состояніемъ въ 10—20 тысячъ. Рискнуть могутъ и либералы—у нихъ тоже бываютъ деньги, но рабочіе—нѣтъ, и вотъ отчего въ парламентѣ такъ ничтожна группа рабочихъ депутатовъ.

И это еще не все. Выборы въ депутаты происходятъ въ будни, притомъ отъ 8 час. утра до 8 час. вечера. Многіе рабочіе ѣздятъ съ рабочими поѣздами изъ того округа, гдѣ живутъ, въ другой—гдѣ работаютъ. Эти поѣзда отходятъ въ 7—8 час. утра, т. е. до начала выборовъ. Обратно рабочіе возвращаются около 7 часовъ и, пока доберутся до избирательнаго ящика, нерѣдко заканчивается срокъ баллотировки. Объ этомъ надо было упомянуть, потому что число опоздавшихъ всегда довольно значительно.

Наконецъ, имѣетъ значеніе и правильное дѣленіе страны на избирательные округа.

Дѣлается это для того, чтобы каждый округъ приблизительно равенъ былъ по числу избирателей другимъ округамъ. И тогда каждый депутатъ является представителемъ одинаковой группы населенія. Но при неправильныхъ округахъ возможно, напримѣръ, раздѣленіе большого округа съ преобладающимъ рабочимъ населеніемъ на три части: самую большую—почти исключительно съ населеніемъ рабочимъ и на двѣ небольшихъ такъ, чтобы въ обѣихъ преобладали консерваторы. И вмѣсто одного рабочаго депутата, какъ было бы до дѣленія округа на три части или на три округа, теперь въ парламентъ отъ того же состава населенія попадаютъ: 1 рабочій и 2 консерватора. И этотъ фокусъ достигается лишь

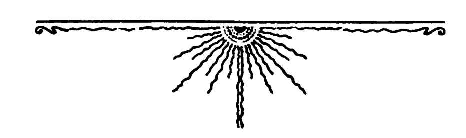
неправильнымъ дѣленіемъ территоріи на три округа. Или, наоборотъ, какой-нибудь либеральный округъ можно соединить въ одинъ съ бóльшимъ консервативнымъ, и тогда либералы потонутъ въ массѣ консерваторовъ, и отъ соединеннаго округа поѣдетъ въ парламентъ консервативный депутатъ, вмѣсто 1 консерватора и 1 либерала отъ двухъ отдѣльныхъ округовъ. А такъ какъ въ теперешнемъ парламентѣ почти нѣтъ рабочихъ представителей, то и возможно распредѣленіе округовъ прямо противъ рабочихъ интересовъ.

По всей Англіи уже который годъ раздается жалобный кличъ: „пусть у каждаго человѣка будетъ только одинъ голосъ". Теперь же однимъ голосомъ обладаетъ одинъ домъ. А такъ какъ у богатыхъ людей иногда нѣсколько домовъ и притомъ въ разныхъ округахъ, то богачъ пользуется нѣсколькими голосами и потому только, что у него есть лишнія средства. Такимъ образомъ въ Англіи каждый капиталистъ легко можетъ купить себѣ множество голосовъ въ нѣсколькихъ округахъ, стоитъ только въ каждомъ округѣ пріобрѣсти недорогое жилище. Но въ одномъ округѣ нельзя имѣть больше 1 голоса. Понятно, какъ этотъ порядокъ вещей расширяетъ фактическую власть капиталиста и какъ соотвѣтственно слабѣютъ притязанія противоположности его—рабочаго. Много-ли можно при такихъ условіяхъ выдвинуть въ парламентъ рабочихъ депутатовъ?

Однако, не смотря на многія помѣхи и недостатки въ самомъ политическомъ строѣ государства, строй этотъ таковъ, что позволилъ втеченіе менѣе 200 лѣтъ произойти крайне важнымъ, существеннымъ перемѣнамъ. Осталась прежняя форма—монархія, но она сдѣлалась по своему характеру республикой съ парламентскимъ правленіемъ. Это со стороны политической. Со стороны соціальной (общественной) измѣненія также поразительны: фактически вся власть въ началѣ столѣтія была въ рукахъ маленькой кучки аристократіи дворянской и земельной. Еще въ 1832 году было только 435000 избирателей, т. е. такихъ гражданъ, которые обладали правомъ политическаго голоса. Послѣ реформы 1884 года это число увеличилось въ пятнадцать разъ и дошло до шести съ половины милліоновъ. Увеличеніе числа избирателей поставило дѣйствіе законодательнаго учрежденія подъ большій контроль народа, сблизило это учрежденіе съ народомъ. И потому можно увѣренно утверждать, что недолги тѣ недостатки въ избирательномъ механизмѣ, о которыхъ мы говорили. И послѣ этого говорятъ, что англичане консервативны и не любятъ перемѣнъ. А говорятъ такъ потому, что крупнѣйшія реформы произошли мирно, именно какъ „реформы", тогда какъ подобныя же измѣненія государственнаго строя въ другихъ странахъ были проведены насильственными мѣрами —„революціями". Отчего такъ? Сравненіе Англіи съ Франціей дастъ возможность нѣсколько освѣтить этотъ вопросъ.

М. Гарѣлинъ.

(До слѣд. №-ра).

щихъ въ селенiи и соединенныхъ общностью интересовъ, вытекающихъ изъ сосѣдскихъ отношенiй,— образовать другое общество,—сельское—какъ органъ административный,—и, наконецъ, изъ сельскихъ обществъ, дающихъ своихъ представителей, образовать вмѣстѣ съ проживающими въ извѣстной округѣ непривилегированными лицами, владѣющими недвижимостью въ опредѣленномъ размѣрѣ, — общество волостное.

Разсмотримъ постановленiя, проектированныя комиссiею относительно обществъ первыхъ двухъ родовъ, для того чтобы убѣдиться, какую путаницу способны создать они въ области крестьянскихъ общественныхъ отношенiй, сколько новыхъ стѣсненiй повлечь за собою для крестьянъ,—и все это для того, чтобы были обезпечены въ возможно полной мѣрѣ тѣ-же фискально-полицейскiе интересы, которымъ до сихъ поръ только и служило такъ называемое крестьянское „самоуправленiе". Посмотримъ, какiя новыя жертвы предлагается нести крестьянству по поводу того же принудительнаго надѣленiя его землею, которое, по мнѣнiю комиссiи, выражаетъ собою „благодѣтельное попечительство государственной власти надъ сельскимъ населенiемъ", и, какъ таковое, уполномочиваетъ ее на особый надзоръ за нимъ и созданiе для него многочисленныхъ особеностей въ юридическомъ положенiи...

II.

По основному началу своего образованiя, земельное общество можетъ, какъ видно, представлять собою часть одного и того же селенiя, все селенiе и нѣсколько селенiй, владѣющихъ всѣми или нѣсколькими угодьями сообща. Это такъ называемая община,—но въ расширенномъ и, такъ сказать, извращенномъ видѣ, сообразно съ стремленiемъ комиссiи къ сохраненiю крестьянской обособленности, характеризующейся зависимостью отдѣльнаго лица отъ союза, въ составъ котораго онъ принудительно вводится: расширенною является здѣсь община вслѣдствiе того, что составляется уже не только изъ крестьянъ, владѣющихъ землею на общинномъ началѣ, какъ представлялась до сихъ поръ община, существующая въ дѣйствительности, а также и изъ владѣющихъ землею подворно, какъ въ томъ случаѣ, когда всѣ члены земельнаго общества являются подворными владѣльцами, такъ и въ томъ, когда земля выдѣлена лишь нѣкоторымъ членамъ общины въ подворное владѣнiе. На сей разъ въ предположенiи комиссiи устанавливается, что и подворное владѣнiе есть то-же извѣстный видъ совмѣстнаго владѣнiя землею, дѣлающiй необходимымъ образованiе изъ владѣльцевъ принудительнаго союза. Иначе вѣдь некому было бы выступать даровымъ органомъ финансово-полицейскаго управленiя...

А что таково будетъ назначенiе и земельнаго общества, — это вытекаетъ изъ тѣхъ задачъ, которыя на него возлагаются, изъ тѣхъ предметовъ вѣдѣнiя, которые ему предоставляются. Комиссiи предстояло бы возложить на него собственно чисто-хозяйственныя заботы, дѣла, касающiяся совмѣстнаго землепользованiя, ограждать съ его помощiю только собственные интересы членовъ. Но—мы увидимъ, что это ей не удается, и что существо назначенiя крестьянскихъ союзовъ вообще и въ частности проектируемаго,—фискально-полицейское — необходимо сказывается здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ постановленiяхъ, относящихся до земельнаго общества.

Задачи земельнаго общества суть задачи земельнаго схода. „Вѣдѣнiю же послѣдняго подлежатъ дѣла: 1) при общинномъ пользованiи мiрскою землею: передѣлъ земель, разсмотрѣнiе ходатайствъ о семейныхъ раздѣлахъ, указанiе земель, отво-

димыхъ подъ новые выселки, а также въ подворное пользованіе отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ, окончательный раздѣлъ общинныхъ земель на постоянные наслѣдственные участки и отчужденіе надѣльной земли цѣлымъ обществомъ; 2) при подворномъ пользованіи землею: распоряженіе участками, остающимися по какому-либо случаю праздными; 3) распоряженіе общественными угодьями и оброчными статьями; 4) раздѣлъ земельнаго общества на два или болѣе земельныхъ обществъ; 5) раскладка всѣхъ лежащихъ на обществѣ окладныхъ казенныхъ, земскихъ и волостныхъ сборовъ, а также земскихъ натуральныхъ повинностей; 6) покупка земли цѣлымъ обществомъ; 7) принесеніе жалобъ и просьбъ по дѣламъ земельнаго общества чрезъ особыхъ выборныхъ и дача довѣренностей на хожденіе по дѣламъ общественнымъ; 8) пріемъ новыхъ членовъ въ составъ общества; 9) временное устраненіе членовъ схода отъ участія въ ономъ не далѣе какъ на три года; 10) назначеніе сборовъ на покрытіе мірскихъ расходовъ земельнаго общества и раскладка этихъ сборовъ, а также росписаніе тѣхъ установленныхъ обществомъ добровольныхъ повинностей, которое положено имъ отбывать натурою; 11) принятіе мѣръ къ пополненію недоимокъ по мірскимъ сборамъ, и 12) принятіе взаимнаго, какъ общаго другъ за друга, такъ и за отдѣльныхъ членовъ общества, ручательства, представляемаго крестьянскими обществами и отдѣльными ихъ членами, взамѣнъ установленныхъ закономъ залоговъ по предметамъ, указаннымъ въ уставахъ горномъ, лѣсномъ, оброчномъ и сельскаго хозяйства, а также въ особыхъ узаконеніяхъ" *). Всѣ эти дѣла названы „хозяйственными" или „дѣлами, касающимися распоряженія или пользованія надѣльными землями". Но мы видимъ, что независимо отъ полицейскаго значенія, которое принадлежитъ самой формѣ установленнаго и поддерживаемаго общиннаго землевладѣнія, нѣкоторыя изъ перечисленныхъ дѣлъ имѣютъ прямо административный характеръ. Таковы, напримѣръ, вопросы о пріемѣ новыхъ членовъ, объ устраненіи отъ участія въ сходѣ, о назначеніи сборовъ на мірскіе расходы, о раскладкѣ всякаго рода платежей и сборовъ, о распредѣленіи повинностей, о принятіи мѣръ къ пополненію недоимокъ, о раздѣлѣ общества. Почти тѣ же самыя дѣла возлагаются и на сельскій сходъ,—и здѣсь, дѣйствительно, именуются „административными". Но, очевидно, что никакое наименованіе ни общества, ни дѣлъ ему подвѣдомственныхъ не можетъ скрыть самаго существа и основного назначенія крестьянскаго союза. И по новымъ предположеніямъ, узаконяемая и рѣзче выдѣляемая изъ другихъ такого рода союзовъ община остается, по существу, тѣмъ же, чѣмъ была и прежде. Но—какъ новый, узаконяемый принудительный союзъ, преслѣдующій въ особенности цѣли, не относящіяся исключительно до пользъ и нуждъ своихъ членовъ, община въ этомъ видѣ, естественно, должна будетъ налагать лишнія ограниченія на личность, и безъ того лишаемую необходимыхъ правъ...

Если, такимъ образомъ, значительная часть дѣлъ земельнаго общества представляетъ собою дѣла, имѣющія въ виду интересы не его членовъ, а цѣли постороннія, фискально-полицейскія,—то, естественно, что и образованіе его не можетъ быть предоставлено свободному усмотрѣнію частныхъ лицъ, его членовъ. На учрежденіе подобнаго общества — нужно предполагать — будетъ предоставлено большое вліяніе и властямъ, поставленнымъ надъ крестьянами. Не опека только надъ

*) „Труды", т. I, пол. о крестьянск. обществен. управленіи, ст. 29.

крестьянскимъ сословіемъ должна найти здѣсь себѣ выраженіе, но и обезпеченіе фискально-полицейскихъ задачъ управленія, возлагаемыхъ на земельное общество, какъ на даровой его органъ. И дѣйствительно, помимо раздѣленія земельнаго общества на два или болѣе самостоятельныхъ земельныхъ обществъ, по приговору, составленному большинствомъ двухъ третей домохозяевъ, имѣющихъ право на участіе въ земельномъ сходѣ, — предоставляется также и земскому начальнику входить въ губернское присутствіе съ представленіемъ о раздѣленіи многолюдныхъ земельныхъ обществъ на два или болѣе самостоятельныхъ обществъ. Присутствіе требуетъ при этомъ лишь „отзывовъ“ со стороны схода заинтересованнаго земельнаго общества, но рѣшаетъ дѣло само, даже при отказѣ общества отъ раздѣла, и лишь предоставляетъ свои предположенія на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ. Устанавливается, такимъ образомъ, прямо „порядокъ принудительнаго раздѣла земельнаго общества“. Самая комиссія, чрезъ посредство которой производится такой раздѣлъ, образуется изъ должностныхъ лицъ сословнаго характера (предводителя дворянства, какъ предсѣдателя, земскаго начальника) и если въ нее входитъ представитель мѣстнаго самоуправленія — членъ уѣздной земской управы—то особо назначаемый губернаторомъ изъ состава послѣдней; затѣмъ, въ нее входитъ и представитель чисто фискальныхъ интересовъ—податной инспекторъ,—въ виду назначенія дарового органа финансоваго управленія, которое придается земельному обществу. Что же касается до заинтересованныхъ лицъ,—членовъ земельнаго общества,—то имъ предоставляется лишь избирать уполномоченныхъ „для представленія комиссіи необходимыхъ объясненій по существу дѣла“,—не болѣе.

III.

Проектируемыя комиссіею сельскія общества должны представлять собою, въ свою очередь, союзы административные, вѣдающіе дѣла, которыя вытекаютъ изъ проживанія его членовъ въ одномъ селеніи. Какія же именно дѣла предоставляются, въ этихъ видахъ, вѣдѣнію распорядительнаго органа такого общества, сельскаго схода? Ст. 24 перечисляетъ эти дѣла, воспроизводя ст. 62 Общ. Пол. по послѣднему его изданію 1902 г. Это: 1) выборы сельскихъ должностныхъ лицъ и назначеніе выборныхъ на волостной сходъ; 2) замѣщеніе должностей десятскихъ уѣздной полиціи; 3) удаленіе изъ сельскаго общества тѣхъ изъ проживающихъ въ его средѣ членовъ онаго, дальнѣйшее пребываніе коихъ въ этой средѣ угрожаетъ мѣстному благосостоянію и безопасности; 4) временное устраненіе крестьянъ отъ участія въ сельскихъ сходахъ не долѣе какъ на три года; 5) дѣла о переименованіи селенія въ города; 6) совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и школьномъ обученіи; 7) принесеніе куда слѣдуетъ жалобъ и просьбъ по дѣламъ общества чрезъ особыхъ выборныхъ и дача довѣренностей на хожденіе по дѣламъ общественнымъ; 8) назначеніе сборовъ на отбываніе мірскихъ повинностей и раскладка ихъ между отдѣльными членами общества, а также установленіе росписаній повинностей, отбываемыхъ натурою; 9) учетъ должностныхъ лицъ обществомъ избранныхъ, назначеніе имъ жалованья или инаго за службу вознагражденія; 10) дѣла по отбыванію воинской повинности, насколько они касаются сельскаго общества; 11) дѣла: по обращенію хлѣбныхъ общественныхъ запасовъ въ денежные общественные капиталы; по назначенію ссудъ изъ мѣстныхъ запасныхъ магазиновъ или замѣ-

няющихъ ихъ общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ; по замѣнѣ общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ хлѣбными запасами и другія дѣла, указанныя во временныхъ правилахъ по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей; 12) составленіе обязательныхъ для членовъ сельскаго общества постановленій о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ въ мѣстахъ жилыхъ, лѣсныхъ и напольныхъ, о тушеніи пожаровъ и о постройкахъ въ селеніяхъ, о порядкѣ содержанія въ чистотѣ и благоустройствѣ площадей, улицъ, прудовъ, колодцевъ и канавъ, объ уборкѣ и уничтоженіи палыхъ животныхъ и о другихъ мѣрахъ благоустройства и безопасности на земляхъ сельскаго общества; 13) принятіе мѣръ къ пополненію недоимокъ по мірскимъ сборамъ, и 14) всѣ тѣ дѣла, по которымъ, по дѣйствующимъ узаконеніямъ, требуется согласіе или разрѣшеніе сельскаго общества". Новымъ въ редакціи прежняго постановленія о предметахъ вѣдѣнія сельскаго общества является, какъ видно, только пунктъ 12-й, предоставляющій сельскому сходу право составленія постановленій о предметахъ благоустройства, но обязательныхъ—въ виду сословнаго характера самаго общества — только для его членовъ и, слѣдовательно, не могущихъ имѣть всего того значенія, которое должно было бы принадлежать подобнымъ постановленіямъ, имѣющимъ, кромѣ того, приходить въ едва ли удобное соперничество съ постановленіями по тѣмъ же предметамъ со стороны уѣздныхъ и губернскаго земствъ. Однако, и этотъ пунктъ, въ сущности, упоминаетъ о правѣ сельскаго общества, которое могло быть выводимо изъ нынѣ дѣйствующихъ постановленій о предметахъ вѣдѣнія сельскаго общества и также изъ постановленій о повинностяхъ, на него возлагаемыхъ, по ст. 361 Общ. Пол. Затѣмъ, на сельскомъ обществѣ прямо оставляются всѣ тѣ обязанности, которыя оно несетъ и нынѣ. И почти всѣ эти обязанности имѣютъ, такъ сказать, внѣшнее значеніе.

Постановленіями о предметахъ вѣдѣнія сельскаго схода имѣются въ виду не непосредственно нужды членовъ сельскаго общества. Характеръ самоуправленія, въ смыслѣ завѣдыванія самимъ населеніемъ общественными дѣлами, нуждами и потребностями членовъ сельскаго общества, не обнаруживается на сельскомъ обществѣ и по разсматриваемому проекту объ его преобразованіи. Это—то же фискально-полицейское установленіе, состоящее лишь изъ мѣстныхъ обывателей и содержимое ими на свои собственныя средства. Установленію этому предоставляются, для исполненія обязанностей, и извѣстныя права. Но эти права суть права относительно своихъ членовъ. Они открываютъ для него возможность давить на всѣ отношенія, на всѣ интересы члена. По отношенію къ новому обществу, членъ его оказывается въ такомъ же приниженномъ положеніи, какъ и по отношенію къ обществу, нынѣ существующему. И задаваясь преобразованіемъ крестьянскаго быта черезъ сорокъ лѣтъ по освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, комиссія какъ бы руководствуется словами перваго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцева: „Общинное устройство теперь, въ настоящую минуту, для Россіи необходимо. Народу нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы власть помѣщика. Безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство—своихъ податей и повинностей" *). На сей разъ только подобная власть учреждается уже не для однихъ бывшихъ крѣпост-

*) „Второе изданіе матерьяловъ редакціонныхъ комиссій", т. I, кн. I, 250.

ныхъ крестьянъ, и даже не для однихъ крестьянъ, владѣющихъ землею. Въ составъ сельскаго общества входятъ, по проекту, и „крестьяне, владѣющіе на правѣ собственности внѣнадѣльной землей или иной недвижимостью". Не имѣется уже въ виду, большею частью, обезпеченіе помѣщику исправнаго полученія оброка, такъ какъ временно-обязанныя отношенія прекратились всюду, кромѣ губерній Тифлисской и Кутаисской. Но казна и полицейскіе интересы управленія обезпечиваются безъ всякихъ издержекъ тою же самою организаціею, сдѣланною лишь, какъ мы увидимъ ниже, только болѣе стѣснительною.

При всемъ томъ, проектъ ограничивается принудительнымъ введеніемъ въ составъ сельскаго общества крестьянъ, владѣющихъ собственною землею и проживающихъ въ средѣ лицъ, владѣющихъ надѣльною землею. По ст. 10, губернскому присутствію, по представленію земскаго начальника, предоставляется образовывать сельскія общества и изъ крестьянъ, основавшихъ особыя селенія на арендуемыхъ ими частновладѣльческихъ или казенныхъ земляхъ. Никакихъ особенностей для подобныхъ обществъ при томъ не предполагается. Они подчиняются общимъ—указаннымъ и разсматриваемымъ ниже—правиламъ о сельскихъ обществахъ. На нихъ возлагаются тѣ же обязанности, и для исполненія этихъ обязанностей, имъ даются тѣ же права надъ своими членами. Не требуется и выраженіе согласія на полученіе подобной организаціи тѣми крестьянами, о которыхъ идетъ рѣчь. Дѣло оказывается предоставленнымъ усмотрѣнію земскаго начальника. Захочетъ онъ—изъ нихъ будетъ образовано особое общество; не захочетъ, — они останутся безъ описываемой организаціи. Земскому начальнику исключительно принадлежитъ инціатива въ дѣлѣ образованія новыхъ обществъ изъ подобныхъ членовъ. Весьма вѣроятно, что усмотрѣніе земскаго начальника и будетъ направляться въ эту сторону. Независимые отъ мѣстныхъ обществъ крестьяне являются независимыми въ большей мѣрѣ, чѣмъ крестьяне, къ обществамъ приписанные, и отъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, и отъ земскаго начальника, прямо и косвенно, чрезъ посредство этихъ лицъ. Съ образованіемъ же обществъ, эта зависимость возникаетъ и для нихъ въ полной мѣрѣ. Усмотрѣніе земскаго начальника въ отношеніи образованія сельскихъ обществъ изъ крестьянъ указанной категоріи ничѣмъ не ограничивается, потому что ничѣмъ не опредѣляется. Проектъ ни въ одной статьѣ не говоритъ, въ какихъ именно случаяхъ земскій начальникъ можетъ дѣлать упоминаемыя представленія, а губернскому присутствію предоставляется давать ходъ подобнымъ представленіямъ. Не поясняется этотъ предметъ и въ мотивахъ. Но общее соображеніе, которое здѣсь приводится, таково, что оно можетъ только расширять усмотрѣніе земскаго начальника. Соображеніе это — въ высшей степени характерно. Въ мотивахъ, какъ и въ проектируемыхъ статьяхъ, ни слова не говорится о томъ, чтобы образованіе сельскихъ обществъ изъ крестьянъ, владѣющихъ арендуемою землею, имѣло въ виду пользу обывателей, крестьянъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Здѣсь говорится прямо только слѣдующее: „Заключающіе въ своемъ составѣ нерѣдко многочисленное населеніе, такіе поселки не имѣютъ ни должностныхъ лицъ, ни какихъ-либо органовъ общественнаго управленія". А нужны должностныя лица, нужны власти, которыя держали бы обывателей въ извѣстномъ подчиненіи... Нѣтъ надобности въ доказательствахъ того, что интересы обывателей этого требуютъ,—и требуютъ именно въ томъ смыслѣ и

въ томъ видѣ, въ какомъ проектъ организуетъ для нихъ управленіе... Пусть обыватели положительно не желаютъ образованія изъ себя принудительнаго общества, принятія на себя ряда повинностей, созданія новыхъ властей изъ своей среды. Ихъ объ этомъ не просятъ. Они должны исполнить то, что прикажетъ губернское присутствіе, по представленію земскаго начальника. А что интересы самихъ обывателей селеній, состоящихъ изъ лицъ, арендующихъ частновладѣльческую или казенную землю, не могутъ привести ихъ къ желанію добровольно образовать изъ себя сельское общество,— какъ не можетъ желать отдѣльное лицо, владѣющее собственною землею, быть приписаннымъ къ обществу, — это слѣдуетъ, какъ изъ свойства обязанностей, которыя тѣмъ самымъ на нихъ налагаются, такъ и изъ ограниченій, которыя такимъ образомъ для нихъ создаются. Такіе крестьяне, не приписанные къ мѣстнымъ обществамъ, остаются приписанными къ другимъ, изъ которыхъ происходятъ, — ибо немыслимъ крестьянинъ, который не былъ бы прикрѣпленъ въ этомъ смыслѣ къ какому-нибудь фискально-полицейскому союзу. Если они добровольно не приписываются къ мѣстнымъ обществамъ, и для этого не выходятъ изъ прежнихъ,—то это объясняется, съ одной стороны, нежеланіемъ порвать съ прежними обществами, и съ тѣми подчасъ имѣющими извѣстное значеніе отношеніями, которыя соединяютъ ихъ съ ними, — утратить, напримѣръ, право на землю,—и съ другой, желаніемъ жить внѣ сельскаго общества болѣе свободно и независимо. Насколько же можетъ быть велико это послѣднее желаніе, — показываютъ весьма часто наблюдающіеся случаи, когда крестьяне выходятъ изъ своихъ сельскихъ обществъ въ другія сословія, прямо въ тѣхъ видахъ, чтобы не нести тяжелыхъ повинностей, на нихъ возлагаемыхъ, какъ на членовъ обществъ. А такъ какъ, по проекту, съ одной стороны, выходъ изъ прежнихъ обществъ сопровождается еще большими потерями, въ большей степени порываніемъ съ ними всѣхъ связей, и между прочимъ, уже безповоротнымъ отказомъ отъ земли, — а съ другой, самое вступленіе въ общество въ мѣстѣ жительства сопровождается также большими ограниченіями,—то еще менѣе можетъ итти рѣчь о свободномъ, добровольномъ желаніи указанныхъ лицъ образовывать изъ себя общества, создаваемыя проектомъ... Со вступленіемъ въ такое общество, такія лица должны, между прочимъ, утрачивать право, предоставляемое нынѣ—дѣйствующимъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, участвовать въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ и съѣздахъ по своему земельному цензу. Съ образованіемъ общества, гласные отъ этихъ лицъ должны будутъ назначаться уже губернаторомъ изъ числа кандидатовъ, указываемыхъ сходами. Какъ видно, далѣе, на основаніи п. 8 ст. 24 проекта, эти лица, введенныя въ составъ мѣстнаго сельскаго общества, или образовавшія изъ себя принудительно сельское общество, могутъ быть удаляемы изъ его среды,—то есть, передаваемы въ распоряженіе правительства, для ссылки въ Сибирь, и пр.

IV.

Дальнѣйшимъ указаніемъ на тяжесть принудительнаго нахожденія въ составѣ вновь образуемыхъ обществъ послужитъ, между прочимъ, анализъ проектируемыхъ постановленій, касающихся земельныхъ и сельскихъ обществъ.

Явка на сходъ земельнаго или сельскаго общества объявляется прямо обязательною для домохозяина, которому предоставляется представительство. Въ случаѣ невозможности личной явки, онъ можетъ

послать вмѣсто себя на земельный сходъ кого либо изъ достигшихъ совершеннолѣтія членовъ семьи, а на сельскій — изъ достигшихъ 30 лѣтъ; въ этихъ случаяхъ онъ можетъ также передавать свой голосъ кому либо изъ прочихъ членовъ схода съ объявленіемъ только объ этомъ въ волостномъ правленіи и съ записью о передачѣ голоса въ книгу сдѣлокъ и договоровъ. Въ отношеніи условій замѣны устанавливается, слѣдовательно, различіе, которое необходимо (но не легко) постигать домохозяину. За неявку безъ уважительныхъ причинъ, то есть, надо полагать, и за присылку вмѣсто себя лица, неудовлетворяющаго требованіямъ, указаннымъ для замѣстителя, домохозяинъ подвергается штрафу до двухъ рублей, налагаемому въ административномъ порядкѣ сельскимъ старостою. Отвѣтвѣтственность эта наступаетъ собственно тогда, когда самый сходъ созванъ „въ законномъ порядкѣ". Но проектъ не устанавливаетъ вовсе порядка созыва сходовъ. Онъ говоритъ только о томъ, кто можетъ созывать сходъ, и уполномочиваетъ для этого, между прочимъ, уѣзднаго предводителя дворянства (усиливая тѣмъ лишній разъ зависимость крестьянъ отъ сословной власти, изъ-подъ зависимости отъ которой они были въ свое время освобождены). Но какой именно порядокъ долженъ быть соблюдаемъ при этомъ,—это остается, попрежнему, безъ всякихъ опредѣленій. Другими же словами, какъ и нынѣ, когда зато и явка не была обязательна подъ страхомъ административнаго взысканія, ничѣмъ не обезпечивается правильное оповѣщеніе членовъ схода о времени, мѣстѣ и цѣли схода. Однако, указанная отвѣтственность не возникаетъ въ томъ случаѣ, когда домохозяинъ не явился на сходъ по уважительной причинѣ. Но опять, какія именно причины могутъ быть признаны уважительными,—проектъ не опредѣляетъ, и слѣдовательно, предоставляетъ усмотрѣнію сельскихъ старостъ и карать, и миловать за неявку...

Повторяя прежнее постановленіе, проектъ угрожаетъ, что за участіе не только въ постановленіи приговоровъ, но и въ сужденіяхъ по дѣламъ, вѣдѣнію сходовъ не подлежащимъ, полагается „взысканіе по рѣшенію земскаго начальника или преданіе суду". Очевидно, какъ легко члену сельскаго или земельнаго схода навлечь на себя предполагаемую отвѣтственность. Для земскаго начальника имѣется достаточно широкая возможность признавать тѣ или иныя сужденія и входящими, и выходящими изъ предѣловъ вѣдомства сельскаго или земельнаго общества. Самое взысканіе, которому могутъ быть подвергаемы „виновныя лица", не опредѣляется,—и фактически земскій начальникъ можетъ проявлять произволъ и въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ право на обжалованіе и порядокъ его здѣсь особо не опредѣляются, такъ какъ проектъ не предполагаетъ никакихъ измѣненій въ положеніи о земскихъ начальникахъ. На основаніи же послѣдняго, такія постановленія земскаго начальника объявляются окончательными, и потому, допускающими отмѣну только въ особомъ, исключительномъ порядкѣ.

До сихъ поръ въ законѣ не устанавливалось право земскаго начальника присутствовать на крестьянскомъ сходѣ. Самостоятельность послѣдняго считалась до нѣкоторой степени огражденною съ этой стороны. Она нарушалась фактически*). Но это нарушеніе, по крайней мѣрѣ, не оправдывалось закономъ. Предполагалось, что законъ ограждаетъ интересы схода въ этомъ отношеніи, съ этой стороны. Одно время существовало, поэтому, предположеніе установить въ особой инструкціи,

*) См. объ этомъ въ нашей книгѣ: „Очерки" крестьянской общественной жизни" (изданіе кн. склада „Право", 1905 г.).

составлявшейся для земскихъ начальниковъ, прямое воспрещеніе земскому начальнику присутствовать на крестьянскомъ сходѣ. И это было, конечно, совершенно необходимо, потому что присутствіе земскаго начальника, вооруженнаго административною властью и надъ должностными лицами, и надъ простыми крестьянами, производило на сходъ самое удручающее дѣйствіе, совершенно подавляло его самостоятельность. Между тѣмъ проектъ прямо предписываетъ созывъ схода земскимъ начальникомъ въ своемъ присутствіи въ тѣхъ случаяхъ, когда, за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ, не состоялось въ обычномъ порядкѣ собраніе схода, которое должно было разрѣшить нѣкоторыя дѣла (и въ томъ числѣ, какъ этого естественно ожидать отъ финансово-полицейскаго установленія,—дѣла по выполненію разныхъ повинностей). Допуская же присутствіе на сходѣ земскаго начальника, могущее имѣть вредное вліяніе на его дѣятельность, проектъ не устанавливаетъ съ необходимою точностью публичность засѣданія схода, которая, наоборотъ, могла бы имѣть плодотворное значеніе. Онъ вовсе не упоминаетъ объ этомъ, тогда какъ это необходимо было точно установить, во избѣжаніе всякихъ случайностей и недоразумѣній.

Обязанности, возлагаемыя на сельскія общества и на ихъ должностныхъ лицъ, такъ обширны, что дѣлопроизводство каждаго сельскаго общества должно необходимо отличаться значительною сложностью. Въ такомъ случаѣ, должна часто возникать необходимость въ учрежденіи должности сельскаго писаря; дѣло же собиранія податей и сборовъ можетъ вызывать необходимость въ особомъ сборщикѣ. Сельскія общества, обремененныя многочисленными расходами, могутъ, однако, уклоняться отъ принятія на себя того расхода, который требовался бы въ случаяхъ необходимости учрежденія должности писаря или сборщика. Проектъ это предвидитъ и, вѣрный принудительному началу, которое проникаетъ многія его постановленія, — предоставляетъ съѣзду, по представленію земскаго начальника, „предписывать“ подлежащему сельскимъ сходамъ обязательно замѣщать должности сельскихъ писарей и сборщиковъ податей“. Въ случаѣ же назначенія писарю или сборщику недостаточнаго вознагражденія, уѣздному съѣзду, съ утвержденія губернскаго присутствія, предоставляется самостоятельно опредѣлять размѣры и самаго вознагражденія.

V.

Земельный и сельскій сходы суть не единственные сходы, въ которыхъ, ради большею частью чисто-фискально-полицейскихъ цѣлей, обязанъ участвовать крестьянинъ-домохозяинъ. Только въ томъ случаѣ, когда данное селеніе владѣетъ землею по одному акту и является, поэтому, въ одно и то же время, и сельскимъ, и земельнымъ обществомъ, учреждается одинъ сходъ, вѣдающій дѣла и того и другого свойства. Въ земельныхъ обществахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ селеній или частей селеній, владѣющихъ и пользующихся нѣкоторыми угодьями сообща, разрѣшенія -- какъ говорится въ ст. 31 проекта—„прочихъ дѣлъ“, распредѣляемыхъ по приговору земельнаго схода, происходятъ на „селенныхъ сходахъ“, созываемыхъ старостою и обсуждающихъ дѣла въ его присутствіи.

Многолюднымъ сельскимъ и земельнымъ обществамъ предоставляется учреждать вмѣсто сходовъ, состоящихъ изъ представителей отъ каждаго двора, сходы выборныхъ. Но такъ какъ крестьянскіе сходы имѣютъ особое назначеніе, преслѣдуютъ извѣстныя внѣшнія цѣли, неотносящіяся до пользъ и нуждъ членовъ, то учрежденіе схода вы-

борныхъ не ставится въ зависимость единственно отъ нихъ самихъ. Установляется принудительная замѣна сходовъ въ обычномъ составѣ ихъ — сходами выборныхъ. Здѣсь опять выступаетъ земскій начальникъ. Ему именно предоставляется входить съ надлежащими представленіями въ уѣздный съѣздъ. Но земельный или сельскій сходъ можетъ отказаться отъ избранія членовъ въ учрежденный противъ его желанія сходъ выборныхъ. Проектъ, естественно, и предусматриваетъ такой случай. Составъ схода назначается въ этомъ случаѣ властью земскаго начальника изъ числа членовъ сельскаго или земельнаго общества. Очевидно, что и самый пріемъ званія „выборнаго“, который, однако, будетъ „назначенъ“,— является обязательнымъ. Но и существованіе схода выборныхъ, какъ бы онъ ни возникъ, не исключаетъ одновременнаго существованія земельнаго или сельскаго схода. Тотъ и другой сходъ также остаются. Самое опредѣленіе предметовъ вѣдѣнія схода выборныхъ, отнесеніе къ его вѣдѣнію тѣхъ и другихъ дѣлъ сельскаго или земельнаго схода, производится по приговорамъ послѣднихъ, а если сходъ выборныхъ учрежденъ принудительно,—постановленіемъ съѣзда. Проектъ допускаетъ предоставленіе сходу выборныхъ и всѣхъ дѣлъ сельскаго или земельнаго общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ постановляется, что простымъ большинствомъ голосовъ земельный и сельскій сходы могутъ отмѣнить всякаго рода приговоръ, состоявшійся на сельскомъ или земельномъ сходѣ. Кромѣ же того, дѣла, для разсмотрѣнія которыхъ нужно большинство двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, требуютъ обязательнаго утвержденія со стороны полнаго сельскаго или земельнаго сходовъ.

Что касается теперь до порядка дѣйствій, предписываемаго сходамъ въ проектѣ, то комиссія воспроизводитъ дѣйствующія постановленія по этому предмету. Она находитъ ихъ „вполнѣ цѣлесообразными“, хотя противъ этихъ постановленій дѣлались многочисленныя возраженія даже въ губернскихъ совѣщаніяхъ 1894 г., не шедшихъ въ своихъ предположеніяхъ дальше внесенія частичныхъ измѣненій въ законодательство о крестьянахъ. Такимъ же образомъ, ею не установляется порядокъ подачи голосовъ въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, не учреждается закрытое голосованіе опредѣленныхъ дѣлъ, не опредѣляется точно, должны ли участники сходовъ подписывать каждый приговоры, подлежащіе внесенію въ книгу, и пр. Всѣ эти вопросы, получающіе самое разнообразное и обыкновенно произвольное разрѣшеніе на практикѣ, остаются во всей своей силѣ и въ проектѣ. Они не могутъ даже разрѣшаться по проекту на основаніи обычая, который получалъ бы юридическое значеніе. Постановленія его въ этомъ отношеніи представляютъ то существенное отличіе отъ нынѣдѣйствующихъ, что не заключаютъ въ себѣ ссылки на обычай, дѣлаемой (въ отношеніи порядка подачи и счета голосовъ) въ ст. 68 Общаго Положенія. При разрѣшеніи этихъ вопросовъ,—совершенно неизбѣжныхъ, имѣющихъ возникать необходимо,—потребуются указанія со стороны начальства, которыя способны будутъ внести еще больше неопредѣленности и путаницы въ эту область, имѣющую столь важное значеніе...

Итакъ, для сельской — исключительно крестьянской — среды мы имѣемъ уже четыре вида принудительныхъ собраній, учреждаемыхъ для цѣлей, не имѣющихъ прямого отношенія къ нуждамъ и потребностямъ крестьянскаго населенія: селенные, земельные, сельскіе сходы, мѣстами—сходы выборныхъ. Каждый изъ этихъ сходовъ является учрежденіемъ постояннымъ. Во многихъ мѣстахъ будутъ существовать

разомъ всѣ четыре. Но и этого мало. Перечень указанныхъ собраній необходимо дополнить пятымъ видомъ, получающимъ временное спеціальное значеніе: соединеннымъ сходомъ смежныхъ сельскихъ обществъ, созываемымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти общества учреждаютъ добровольно или принудительно должность сельскаго писаря, оказывающуюся необходимою вслѣдствіе сложности дѣлопроизводства, естественной при обиліи различныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на крестьянскія общества...

При такихъ же условіяхъ, крестьянину дается нелегкая задача— знать, на какой сходъ, когда и зачѣмъ являться, какой сходъ и какую имѣетъ компетенцію, какія сужденія въ какомъ сходѣ допустимы, на какой сходъ и кѣмъ можетъ онъ замѣнить себя, въ случаѣ невозможности личной явки, и т. д. Легко понять, какая путаница должна создаваться при подобныхъ обстоятельствахъ. И если принять во вниманіе всю неудовлетворительность редакціи относящихся сюда статей проекта, опредѣленіе порядка дѣйствій сходовъ одними и тѣми же постановленіями и пр., то положеніе крестьянина, обязаннаго личною явкою на сходы, подъ страхомъ взысканія, представится, дѣйствительно, затруднительнымъ, а участіе его въ общественномъ управленіи, даже независимо отъ указаннаго его характера,—тяжелою повинностью...

Н. Дружининъ.

Какъ я его потерялъ.

Изъ записокъ.

Е. И. Альфа.

I.

Имѣлъ-ли я *его* когда-либо на самомъ дѣлѣ,—не могу утверждать точно и безошибочно. Но сейчасъ попытаюсь разсказать, какъ я потерялъ *его*—моего отца.

Сдѣлаю сразу одну оговорку. Хорошо знаю и хорошо помню, что было такое время, когда всѣмъ существомъ, всѣми тайниками еще нѣжнаго сердца и дѣтскаго духа я чувствовалъ, что у меня есть это *оно*,--нѣчто высшее и вмѣстѣ мнѣ близкое, недоступное и вмѣстѣ мое,—однимъ словомъ,—такой человѣкъ, которому я могъ сказать: „отецъ"!

Часто я ложился спать съ мыслью о немъ и съ мыслью о немъ-же просыпался. А золотые сны моего дѣтства и отрочества постоянно сводили меня съ отцомъ и знакомили съ нимъ. Онъ усаживалъ меня на колѣни и цѣловалъ. Онъ гладилъ мягкой ладонью мои щеки, говорилъ ласковыя рѣчи и дѣлалъ какъ разъ то пріятное, о чемъ я мечталъ на яву.

Это было въ то время, когда я не только не видѣлъ его,—моего отца,—но не долженъ былъ даже знать, что онъ у меня есть. Это былъ мой *секретъ*...

Я жилъ въ боковомъ флигелѣ большого помѣщичьяго стараго дома вмѣстѣ съ арендаторомъ имѣнія, добрымъ и славнымъ нѣмцемъ, который училъ меня читать и писать. Онъ и всѣ окружающіе говорили, мнѣ что я бѣдный мальчикъ, сирота, сынъ одной умершей дѣвушки изъ бывшихъ дворовыхъ,—ребенокъ, котораго молодой помѣщикъ, нынѣшній владѣлецъ имѣнія, взялъ изъ состраданія на воспитаніе. Но какъ это онъ могъ мнѣ сострадать если онъ никогда меня не видѣлъ?

— Учись! Старайся! — говорили мнѣ.—Онъ изъ тебя „сдѣлаетъ человѣка"...

„Нѣмецъ", если не былъ сердитъ, иногда послѣ занятій со мной говорилъ:

— Ты способный мальчикъ, Ѳедя! Не надо отдавать тебя въ земледѣльческое училище. Надо просить твоего благодѣтеля, чтобы ты поступилъ въ гимназію. У тебя „теоретическій" умъ...

Почему этотъ добрякъ въ восьми-девятилѣтнемъ ребенкѣ нашелъ теоретическій и вообще какой-либо умъ,—не знаю. Но я вѣрилъ ему и твердо былъ убѣжденъ, что, дѣйствительно, мальчикъ я способный и умный. Часто задумывался я о томъ, какъ пріятно будетъ убѣдиться въ этомъ *ему*—отцу.

Эти окружающіе меня приказчики и экономки, пріѣзжающіе сосѣди съ нѣмцемъ во главѣ нисколько и никогда не могли меня надуть. Отлично я зналъ, что этотъ мой „благодѣтель" и „воспитатель", владѣлецъ этого имѣнія, живущій въ Петербургѣ, есть никто иной, какъ онъ,—мой славный, умный, милый, хорошій, добрый и дорогой отецъ. Что онъ былъ именно такой, а не иной, объ этомъ я тоже былъ достаточно наслышанъ отъ окружающихъ, не подавая вида, что знаю, о комъ толкуютъ. Зналъ я, что мой отецъ окончилъ какое-то „высшее и самое знатное" учебное заведеніе, что онъ былъ очень уменъ, добръ и образованъ. Зналъ, что онъ быстро движется по служебной лѣстницѣ, и что онъ, вотъ-вотъ, чуть не „штатскій генералъ". Трепетно ловилъ я каждое слово о немъ, взвѣшивалъ, соображалъ, удерживалъ въ памяти... Но... я крѣпко держалъ свой секретъ и никому не выдавалъ его.

Только по вечерамъ, ложась въ постель, стоявшую въ комнатѣ большого, стараго, наполовину заколоченнаго дома, я прежде чѣмъ заснуть, все думалъ о своемъ отцѣ и соображалъ, когда-же мы встрѣтимся. Онъ часто приходилъ ко мнѣ во снѣ, но наговориться съ нимъ, какъ слѣдуетъ, не удавалось, потому что въ самый интересный моментъ входила въ комнату старая, сморщенная Алинка и ворчала:

— У, баловень, вставай-ка.

Я просыпался, но странно... Никакъ не могъ возобновить въ своей памяти лицо человѣка, съ которымъ только что разговаривалъ во снѣ...

II.

Старая Алинка знала мой секретъ. Она-же сама мнѣ его и сообщила. Какъ часто въ сумеркахъ осенняго или зимняго вечера на каминѣ вспыхивали и трещали дрова, освѣщая „дѣвичью" трепетнымъ свѣтомъ. У пылающихъ дровъ стоялъ чугунокъ съ картофелью и водой. Это Алинка готовила для нѣмца „вечерю".

Сидя возлѣ Алинки, я глядѣлъ на пылающіе дрова, наблюдалъ, какъ образуются угли, какъ закипаетъ въ чугункѣ вода, и слушалъ Алинкины неторопливыя рѣчи.

Все знала милая, старая и сморщенная Алинка. Все прошло предъ ея многовидѣвшими очами въ ея многострадальной жизни. Разсказывала Алинка, какъ въ „панщину", когда я еще не думалъ родиться, была она въ „бѣгахъ". Какъ стосковалось по родинѣ ея сердце, и воротилась она почти передъ самой волей домой, и бросилась въ ноги пани. Ну... ее отодрали и... простили... Поставили на работу и выдали замужъ за стараго садовника Ивана, который скоро умеръ. Разсказывала старая Алинка, какъ вышла „воля", какъ уѣхала пани въ городъ, какъ она, Алинка, поступила потомъ на службу къ этому арендатору, „нѣмцу", за 12 рублей въ годъ.

Я зналъ о какой пани говоритъ сморщенная, словоохотливая старушка, покачивающая головой, покрытой завязаннымъ по бабьи чернымъ платкомъ, изъ подъ котораго выбивались сѣдые волосы. Эта извѣстная своей жестокостью на весь уѣздъ пани была мать его,—моего отца,—такого добраго, умнаго и славнаго.

Отъ Алинки-же зналъ я исторію моей матери. Она была изъ дворовыхъ, по словамъ Алинки, красивая, нѣжная и чрезвычайно „сграбная" дѣвушка.

— Настоящая паненка!— говорила, покачивая головой, старушка.— И въ кого она, мужичка, такая уродилась?.. Ну, вотъ, тутъ *онъ* (это говорилось о моемъ отцѣ) и пріѣхалъ... Онъ только что окончилъ ученье. Это послѣ воли уже было,— не помню сколько лѣтъ. Ну, вотъ.. тутъ они и познакомились съ твоей матерью, значитъ. Онъ перебылъ лѣто и уѣхалъ въ Петербургъ на службу...

Вода въ чугункѣ съ картофелемъ била ключемъ. Дрова въ каминѣ превращались въ жаркіе пылающіе угли, по которымъ причудливо перебѣгали и вспыхивали огоньки. Алинка вставала, поворачивала чугунокъ другой стороной къ углямъ и подкладывала дрова. Снова, треща, вспыхивало пламя. Разбѣгающіяся волны свѣта и тѣней дрожали по выбѣленнымъ известкой стѣнамъ. Въ окна дѣвичьей загадочно смотрѣла темными очами ночь.

— Ну, вотъ... Ты и родился... Сколько горя и слезъ она, бѣдная, приняла. „Дура ты",—говорю я ей, бывало,—„Дура ты! Чего ревешь. Мало-ли что бываетъ. Можетъ, и не оставитъ онъ ребенка"... Однако, ты только ходить началъ, — она возьми и умри. Вотъ горе—горькое-то! Вышелъ ты, какъ есть, кинутый ребенокъ. У ея дядьки въ примакахъ, подросталъ. А вѣрнѣе сказать,—изъ хаты въ хату бѣгалъ. Кто покормитъ, кто прибьетъ...

Не стоило объ этомъ послѣднемъ говорить. Я помнилъ, я слишкомъ хорошо помнилъ еще этотъ періодъ своей жизни, это болѣе чѣмъ ужасное положеніе одинокаго и заброшеннаго ребенка въ деревнѣ, это состояніе никому ненужнаго и всѣмъ мозолящаго глаза паршиваго щенка, которому всякій смотря по желанію, можетъ дать кусокъ хлѣба, или пинокъ ногой. Не стоило говорить... Этотъ періодъ только что прошелъ, и переходъ въ другой совершился такъ просто, легко и естественно. Какъ въ сущности было ужасно это только что пережитое время,—я понялъ только потомъ, когда уразумѣлъ также, что отъ полной нравственной и физической гибели меня спасла великая сила дѣтскаго непониманія. Что было объ этомъ говорить, когда теперь я сидѣлъ въ довольствѣ и теплѣ. На мнѣ была красная кумачная рубаха, перехваченная кушакомъ съ пряжкой, а панталоны были вправлены въ сапоги съ красными сафьяными отворотами на голенищахъ... Мнѣ хотѣлось слушать только о *немъ*.

Дрова опять обратились въ угли. Въ „дѣвичьей" потемнѣло. Только раскаленный „жаръ" бросалъ красноватое зарево на сморщенное лицо Алинки. Она не подбрасывала болѣе дровъ. Картофель уже сварился. Медленно и тягуче лились рѣчи старушки. Незамѣтно и помаленьку угли покрывались пепломъ, подъ которымъ, слабо потрескивая, изрѣдка вспыхивали трепетныя зарницы. Только предъ каминомъ оставалось еще немного красноватаго свѣта, а со стѣнъ, съ потолка, отовсюду наползала таинственная, не позволяющая оглянуться, темнота.

— Ну, вотъ... пріѣхалъ братъ въ аренду имѣніе „нѣмецъ". Взялъ... Ходитъ это онъ, увидѣлъ тебя и спрашиваетъ: „чей это оборванецъ?" —„А ничей"!—говорятъ. „Какъ ничей"? Любопытно ему стало. Ну, разсказали ему. Началъ нѣмецъ, какъ увидитъ тебя, подзывать. А ты, извѣстно дурень, не идешь,— боишься. Онъ говоритъ: „иди сюда! Сахару дамъ"! Ты какъ волченокъ, подошелъ это... Хвать кусокъ сахара, а самъ стрекача!.. Хе-хе-хе...

Старушка заливалась мелкимъ и вздрагивающимъ смѣхомъ, странно звучавшимъ въ окружающей темнотѣ.

— Нѣмецъ и говоритъ:— „нельзя этого такъ оставить"! Началъ писать въ Петербургъ. Все отписалъ, какъ есть. Ну, и вотъ...

Здѣсь Алинка съ доброй искрен-

ностью и полнымъ убѣжденіемъ переводила умиленную рѣчь на *него*.

— Онъ добрый! Видишь, какой онъ добрый, Ѳединька? Учись теперь и будь послушенъ. Человѣкомъ будешь. Все-таки онъ позволилъ тебя взять. Онъ, значитъ, тебя не оставитъ. Хоть и большой уже человѣкъ, говорятъ, онъ сталъ, а все-таки добрый. Ну, кто бы другой о дитенкѣ позаботился...

Конечно, добрый! Это я зналъ и ощущалъ, сидя въ „дѣвичьей" передъ каминомъ, слушая неторопливыя воспоминанія Алинки. Могъ быть не добрымъ „нѣмецъ", который былъ вспыльчивъ, какъ порохъ. Могла быть недоброй Алинка, любившая поворчать на мое озорство и вѣчно считавшая нужнымъ меня поучать. Всѣ могли быть и бывали не добры ко мнѣ. Но онъ... онъ... Въ немъ, навѣрное, заключались мое счастье, надежды, радость и исполненіе неясныхъ, необъяснимыхъ, но чрезвычайно заманчивыхъ грезъ. Что изъ того, что до восьми почти лѣтъ я былъ брошенъ, заброшенъ, забытъ и остался живъ, благодаря только какому-то чуду? Останавливаться на этой мысли, право, не стоило. Что было,—то прошло. Да зналъ-ли и чувствовалъ-ли я это обстоятельство въ то время, какъ слѣдуетъ? Если даже зналъ и чувствовалъ, то все равно—забылъ и простилъ.

Мысль о матери почти не приходила въ голову. А мысль о томъ, что она была несчастна, совсѣмъ не появлялась, не смотря на разсказы Алинки. Смутное что-то шевелилось въ мозгу, когда говорили о ней,—смутное и тяжелое. Но вѣдь она умерла, а *онъ* живъ, живъ...

— Алинка! Ужинать! — Раздавался зычный голосъ „нѣмца", проголодавшагося и иззябшаго послѣ вечерняго хозяйскаго обхода.

Проходя по корридору, онъ заглядывалъ въ „дѣвичью" и замѣчалъ меня въ тускломъ заревѣ погасающаго камина.

— Чего ты здѣсь сидишь? Идемъ-ка въ столовую, а потомъ спать!—Говорилъ онъ. А потомъ, обращаясь къ Алинкѣ, добавлялъ:—ты ему разные вздоры здѣсь болтаешь? А?

— Богъ съ вами, Антонъ Павловичъ!—недовольно отвѣчала та:—Во! Какіе вздоры?... Ничего я ему не говорю.

— Ну, а ты что?—Спрашивалъ, улыбаясь, „нѣмецъ".

— Я? Ничего... Ей Богу!

— Зачѣмъ божишься! Не божись. Ну, идемъ ужинать!..

Нѣтъ, нѣтъ! Антону Павловичу ни за что не узнать моего секрета. Алинка понимала это очень хорошо.

III.

Разъ, а то и два раза въ году нѣмецъ ѣздилъ въ Петербургъ и привозилъ мнѣ оттуда разныя книжки и подарки. Чтеніе я очень любилъ. Но эти именно книги были вдвойнѣ дороги мнѣ, такъ-какъ я почему-то былъ вполнѣ убѣжденъ, что эти книги отъ *него*,—отъ того человѣка, на котораго я былъ *похожъ*.

Объ этомъ сходствѣ тоже очень часто говорила Алинка.

— Весь ты, Ѳединька, въ него. А что глаза да брови... такъ вотъ—вылитые.

Часто приходилось бывать мнѣ и на деревнѣ, гдѣ такъ еще недавно ходилъ я босый, голый и преслѣдуемый. Часто встрѣчный крестьянинъ, останавливаясь предо мной, говорилъ:

— Стоитъ только глянуть на тебя, чтобы сказать, что ты Николаевъ сынъ... (Крестьяне называли молодого помѣщика просто по имени).

— Чего брешешь!—Кричалъ я, потрясая кулаченками: — Я нѣмцу пожалуюсь!

— Ишь ты, какой сердитый!—бла-

годушно произносилъ крестьянинъ.

—Подитко какой...

Здѣсь часто произносилось безъ всякой злости, впрочемъ, соотвѣтствующее моему положенію слово.

Конечно, только видъ я дѣлалъ, будто злюсь, будто меня обижаетъ напоминаніе о какомъ-то сходствѣ съ *нимъ*. Въ глубинѣ души я былъ страшно доволенъ и гордился. Крича и кипятясь, я нетерпѣливо жаждалъ не молчанія, а, напротивъ, подтвержденія того, что наружно отрицалъ, но чему внутренне свято вѣрилъ. Удивлявшійся моему крикливому гнѣву деревенскій знакомецъ и не подозрѣвалъ, какъ мнѣ хотѣлось броситься къ нему, охватить его шею руками и прокричать.

— Дядичка! Разскажи все, что знаешь, о моемъ отцѣ!

Впрочемъ, всегда случалось какъ-то такъ, что гдѣ собиралось нѣсколько человѣкъ „погомонить", въ домѣ-ли въ полѣ-ли,—лишь появлялся въ этой средѣ я,—начиналась рѣчь именно о *немъ*. Вспоминали, какимъ онъ былъ „паничемъ", какъ онъ наѣзжалъ прежде въ деревню и т. д... И, комбинируя въ умѣ все слышанное, я получалъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе привлекательный и героическій образъ настоящаго добраго и красиваго мущины. Все въ немъ было совершенство. Даже то, что, по общему признанію, онъ былъ очень „охочъ до дѣвокъ", нисколько не портило въ моихъ понятіяхъ общей картины героизма. Что-же здѣсь дурного, если участвовавшія въ разговорѣ бабы сами подтверждали невозможность сопротивленія такому славному и милому господину...

Книги, привозимыя нѣмцемъ, оказывались, однако, черезъ нѣкоторое время растерзанными, а подарки растерянными. Онъ бранилъ меня за это.

— Вѣдь это *мнѣ* денегъ стоитъ!— говорилъ онъ.

Денегъ *нѣмцу* стоитъ! Я этому вѣрилъ столько-же, сколько вѣрилъ утвержденіямъ его и ему подобныхъ, что я сирота, воспитываемый изъ милости. Слушая это и лицемѣрно подтверждая то-же передъ другими, я испытывалъ какое-то больное и щемящее наслажденіе. Я лгу, и они знаютъ, что это ложь. Правда-же была моя, моя...

Одно меня нѣсколько занимало. У меня не было отчества. Звали Ѳедоромъ, Ѳедей, Ѳедькой, Ѳединькой, но если кому въ шутку приходило въ голову снабдить меня отчествомъ, то одни говорили „Николаевичъ", а другіе, нѣмецъ, напримѣръ, „Марьевичъ". Отъ этого второго я сжимался, хотя старался этого не показывать.

Все это, впрочемъ, было не занимательно и не важно. Самымъ занимательнымъ и важнымъ было только наполнявшее все мое существо убѣжденіе, что вотъ настанетъ день, когда явится *онъ*, разрѣшитъ всѣ сомнѣнія, недоразумѣнія, недомолвки и все, все... Эта ложь окончится. Радость моя свободно выльется наружу. Какъ будетъ тогда стыдно всѣмъ тѣмъ, которые теперь называютъ меня такимъ словомъ... Они попросятъ у меня прощенія, и я... прощу!

IV.

Раннимъ утромъ пришла какъ-то въ мою комнату Алинка, разбудила меня и сказала:

— Одѣвайся скорѣе, Ѳедя! Пріѣхалъ ночью Павелъ Александровичъ и хочетъ тебя видѣть.

— Какой Павелъ Александровичъ?

— Двоюродный братъ Николая Алексѣевича. (Такъ звали моего отца).

Сердце мое дрогнуло, сжалось и потомъ забилось съ необыкновенной силой. Должно было случиться что-то важное и необыкновенное. О Павлѣ Александровичѣ кое-что я слышалъ. Онъ былъ помѣщикъ верстахъ въ 70-ти отъ насъ и, говорятъ, былъ очень друженъ съ двоюрод-

нымъ братомъ, живущимъ въ Петербургѣ. Быстро я одѣлся и вышелъ. Алинка наставляла:

— Смотри-же, какъ войдешь въ столовую, шаркни ножкой и поцѣлуй ручку...

Въ столовой за раннимъ чаемъ сидѣлъ Антонъ Павловичъ и пріѣхавшій Павелъ Александровичъ,— господинъ очень и очень маленькаго роста въ золотыхъ очкахъ.

— Вотъ онъ,—сказалъ „нѣмецъ" при моемъ появленіи.

Я шаркнулъ ногой и подошелъ къ „ручкѣ", которую низенькій господинъ ткнулъ мнѣ въ губы.

— Ну, Ѳедя!—продолжалъ Антонъ Павловичъ,—хочешь ты проѣхаться къ Павлу Александровичу? Онъ беретъ тебя съ собой.

— Чего?—спросилъ я, не понявъ.

— Да вотъ, хочешь съѣздить въ гости къ Павлу Александровичу?

Я молчалъ. Какія-то не то сомнѣнія, не то вопросы зашевелились въ моей головѣ.

— Дѣти не должны разсуждать, а слушаться! — сказалъ строго маленькій человѣкъ.

— Ну, вотъ... Собери свои вещи и возьми, какія хочешь, книги. Ты сегодня ѣдешь,—сказалъ нѣмецъ.

Онъ крякнулъ и началъ шарить по столу, ища спичекъ, чтобы закурить. Потомъ всталъ и прошелъ въ свой кабинетъ. Павелъ Александровичъ послѣдовалъ за нимъ.

Внезапная мысль осѣнила меня: „я скоро увижусь съ нимъ... отцомъ"... Задыхаясь и трепеща, побѣжалъ я къ Алинкѣ съ извѣстіемъ, что надо скорѣе укладываться, что я сейчасъ ѣду.

— Куда? куда? — всполошилась Алинка и отправилась за разъясненіями къ нѣмцу. Возвратившись, она сказала:

— Антонъ Павловичъ совсѣмъ разстроенъ и такой сердитый. Онъ любитъ тебя, Ѳединька. Ну, надо тебя снаряжать.

Старуха складывала вещи и бормотала:

— Что они „съ дитей" дѣлаютъ?.. Пріѣхать и, не говоря дурного слова, увозить... Охъ, къ добру-ли это?.. Ѳединька! — вдругъ обратилась она ко мнѣ: — помни, что у Павла Александровича барыня очень сурьезная. Изъ простыхъ экономокъ въ барыни пришлось попасть... Смотри, старайся ей понравиться. А то очень характерная барыня...

Нѣмецъ, прощаясь, ласково глядѣлъ мнѣ въ глаза и гладилъ по головѣ:

— Ну, ну,—говорилъ онъ,—вотъ ты и ѣдешь. Помни-же.

Что-то непонятное и загадочное было во всемъ этомъ. Какъ-то самъ собою сорвался вопросъ:

— А скоро я опять вернусь... домой?

— Скоро, скоро!—Торопливо отвѣтилъ Антонъ Павловичъ.—Соскучишься и пріѣдешь... А тебѣ не хочется уѣзжать?

Павелъ Александровичъ сидѣлъ уже въ рессорномъ тарантасѣ, запряженномъ тройкой и раздраженно прокричалъ:

— Неприлично заставлять себя ожидать! Видишь, старшіе уже сѣли!

— Садись, садись!..—заторопился нѣмецъ.

Я проворно вскочилъ на переднее сидѣнье тарантаса. Кучеръ Тишка зачмокалъ и задергалъ возжами. Собаки подняли неистовый лай.

Высокая фигура нѣмца долго виднѣлась на крыльцѣ большого на половину заколоченнаго дома.

V.

Когда на завтра къ вечеру мы подъѣхали къ новому помѣщичьему дому и вошли въ переднюю, то на встрѣчу намъ вышла толстая, высокая барыня съ краснымъ лицомъ.

— Папочка!—сказала она.

— Мамочка!—произнесъ папочка, еле доходившій ей до плеча.

Они продолжительно и нѣжно цѣловались. Затѣмъ барыня обратилась ко мнѣ и спросила:

— Ты кто такой?

Я подошелъ къ ручкѣ. Она поднесла свою толстую руку къ моимъ губамъ и опять спросила:

— Ты кто такой?

Въ переднюю съ радостнымъ крикомъ и визгомъ выбѣжало трое дѣтей—два мальчика и дѣвочка. Они бросились къ отцу. Сбѣжалась прислуга, почтительно привѣтствуя барина и наблюдая за моимъ представленіемъ.

— Ты кто такой?

— Ф-федоръ. — не смѣло произнесъ я.

— То-то Федоръ! Мальчишка ты и паршивецъ! Вотъ кто ты... Ты, чего добраго, Богъ вѣсть, что о себѣ думаешь. Такъ помни, что ты мужикъ! Понялъ?

— Понялъ.

— Вотъ смотрите, люди добрые!—говорила толстая барыня, — вѣдь онъ, чего добраго, паничемъ и барчукомъ себя считаетъ, а самъ вѣдь...

Прислуга, улыбаясь, поглядывала на меня. Кровь прихлынула къ моему лицу. Я весь горѣлъ.

— Мамочка!..—съ безпокойствомъ сказалъ коротенькій баринъ.

— Ахъ, папочка!—произнесла толстая барыня. — Ужъ я-то хорошо знаю, какъ обращаться съ этими поросятами.

Она повернулась и величественно поплыла во внутренніе покои, окруженная дѣтьми и сопровождаемая мужемъ. Я стоялъ посреди большой передней, не смѣя поднять глазъ. Ни за что не хотѣлось мнѣ расплакаться. А что-то, какъ нарочно, давило за горло, сжималось и требовало, чтобы эти слезы брызнули фонтаномъ. Вдругъ кто-то тронулъ меня за руку. Старуха, очень похожая на Алинку, только выше ея ростомъ, держала меня за локоть и говорила:

— Чего ты? Чего ты, дитятко?.. Не бо-ось. Видишь, барыня куражится. Сама вѣдь тоже изъ простыхъ, ну и показываетъ...

Вдругъ она бросила меня и отошла въ сторону. Послышалось шарканье мягкихъ туфель. Толстая барыня выплыла опять и мимоходомъ распорядилась:

— Дайте ему чаю, что-ли. Вотъ еще не было печали... Спать онъ будетъ здѣсь, на этомъ диванѣ.

— За-за-за что он-на ме-ня не л-любитъ?—вдругъ зарыдалъ я.

— Ну-ну! Дитятко! успокойся, успокойся. Молчи! Я тебѣ сейчасъ чаю дамъ. Молчи, одно слово!—Тревожно шептала старуха.—Молчи...

Сидя за большимъ столомъ передней, я пилъ, молча, чай. Изъ дверей просовывались иногда дѣтскія бѣлокурыя головки, и въ меня стрѣляли любопытные голубые взгляды. Чей-то властный голосъ покрикивалъ на нихъ, и они, какъ вспугнутые голуби, бросались прочь.

Въ эту ночь, лежа на деревянномъ жесткомъ диванѣ, долго, очень долго плакалъ я и дергалъ носомъ. „Зачѣмъ меня сюда привезли?“—думалъ я и опять плакалъ. Наконецъ уснулъ, твердо рѣшивъ въ свое время все разсказать *ему*. Но и онъ не пришелъ ко мнѣ въ эту ночь. Тяжелый безъ ободряющихъ сновидѣній былъ мой сонъ.

VI.

Что ни день, то барыня, какъ говорили, „тюкала и грюкала“ на меня, стоило только попасться ей на глаза. Оказалось, что она любила, до чрезвычайности любила, вести громкіе разговоры въ присутствіи прислуги, молчаливо и подобострастно слушавшей ея рѣчи.

— Вы только гляньте, люди добрые! — ораторствовала барыня. — Вѣдь тоже этого вьюна учиться повезутъ. Тоже ученый будетъ... Свиней бы ему пасти, а не учиться... Развѣ онъ понимаетъ что, щенокъ этакій!.. Да ты понимаешь свое счастье?—Спрашивала она вдругъ, уже прямо обращаясь ко мнѣ.

Слава Богу! Недѣли черезъ двѣ Павелъ Александровичъ сѣлъ опять

въ тарантасъ, куда приказано было садиться съ вещами и мнѣ. По дорогѣ онъ объявилъ, что везетъ меня въ городъ, въ прогимназію „держать экзаменъ“. Ни о городѣ, ни о прогимназіи, ни объ экзаменѣ я не имѣлъ почти никакого понятія... Павелъ Александровичъ, впрочемъ, здѣсь-же поинтересовался, что я знаю и чему учился. Произведенъ былъ въ экипажѣ легкій допросъ. Оказалось, что я знаю какъ разъ то, чего не нужно, и не знаю того, что нужно для этого таинственнаго экзамена.

— А еще говорили, что способный и развитой не по лѣтамъ...— Замѣтилъ Павелъ Александровичъ.— Выходитъ-же, что ты глупъ и болѣе ничего!

Онъ откинулся въ уголъ тарантаса и сталъ дремать. Ротъ его полураскрылся, и злыя августовскія мухи садились на усы дремлющаго, на носъ и лѣзли ему въ ротъ. На поляхъ кое-гдѣ стояли еще копны хлѣба, но въ общемъ было безлюдно. Тишка чмокалъ и посвистывалъ на лошадей. Къ вечеру мы пріѣхали въ „городъ“, совсѣмъ не похожій на то, что я видѣлъ на картинкахъ... Та же деревня — только меньше соломенныхъ крышъ, да на краю, большой заросшей травой площади стояло два большихъ каменныхъ зданія. „Острогъ“, — сказалъ Тишка, ткнувъ кнутомъ по направленію къ большему, окруженному стѣной и выкрашенному желтой краской. Другое бѣлое двухъэтажное зданіе и была прогимназія. Здѣсь у подъѣзда Павелъ Александровичъ приказалъ остановиться.

У человѣка на крыльцѣ онъ спросилъ о какомъ-то „инспекторѣ“ и быстро засѣменилъ по длинному корридору, приказавъ мнѣ слѣдовать за собой.

Сухопарый старичекъ со злыми глазами встрѣтилъ насъ.

— Вотъ привезъ вамъ мальчика, взятаго на воспитаніе моимъ братомъ. —Сказалъ Павелъ Александровичъ, указывая на меня.— Сними шапку, дуракъ!..

— Тэ-эксъ-съ. Тэкъ-съ!..—пѣвуче тянулъ сухой человѣкъ со злыми глазами и двумя черными бородавками на лбу. — Тэ-экъ-съ!.. Гдѣ же вы помѣстите его на квартирѣ?

— Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ съ вами посовѣтоваться.

— Да, вотъ-съ...

Здѣсь между ними завязался разговоръ, который я пропустилъ мимо ушей, занятый созерцаніемъ двухъ портретовъ какихъ-то лицъ въ красивыхъ мундирахъ, украшавшихъ стѣну комнаты инспекторской квартиры.

— Благодарю васъ! Весьма вамъ благодаренъ!—сказалъ Павелъ Александровичъ, любезно потрясая обѣ руки господина инспектора. —Ступай за мной!

Мы опять сѣли въ тарантасъ и послѣ нѣкоторыхъ распросовъ подъѣхали къ какому-то одноэтажному разсѣвшемуся дому. Вошли на крылечко и попали въ двѣ большія комнаты, заставленныя кроватями. Въ комнатахъ было много мальчиковъ въ синихъ мундирахъ съ бѣлыми пуговицами. Какая-то старообразная женщина начала разсыпаться передъ Павломъ Александровичемъ и потомъ обратилась ко мнѣ:

— Какой милый мальчикъ! Будьте покойны! Ему будетъ у насъ хорошо.

— Только его нужно держать въ рукахъ!—строго замѣтилъ мой опекунъ (онъ такъ себя назвалъ здѣсь).

— Ужъ это... будьте покойны.

Они опять заговорили.

Какой-то мальчикъ подобрался сзади ко мнѣ и, толкнувъ въ бокъ, спросилъ:

— Какъ твоя фамилія?

— Ѳедоръ,—отвѣтилъ я.

— Это—имя. А фамилія?

— Фамилія?.. — Теперь я понялъ вопросъ и нѣсколько даже растерялся. Но быстро съ храбростью отчаянія произнесъ вполголоса фамилію моего отца:

— Быковъ!..

Павелъ Александровичъ быстро обернулся ко мнѣ:

— Что ты врешь, глупецъ!.. Его фамилія: Ивановъ,—сказалъ онъ вразумительно и громко:—Федоръ Ивáновъ Ивановъ. Метрика его еще не выправлена, но ее скоро пришлютъ. Я уже говорилъ съ инспекторомъ.

— Такъ я его оставлю здѣсь у васъ... Завтра принесутъ его вещи.

— Хорошо, хорошо!..—Заторопилась хозяйка.

Онъ ушелъ, я остался.

— Бычокъ, Бычокъ!..—Уррра!—Заголосили всѣ, лишь захлопнулась выходная дверь...

— Уррра!.. Ивановскій бычокъ.—

— Тише вы, окаянные!—прокричала хозяйка.

Въ эту ночь я лежалъ на сѣнникѣ деревянной кровати „общей квартиры" и опять... плакалъ.

VII.

Не знаю, что было для меня хуже въ эту пору жизни: учиться-ли въ прогимназіи и жить на общей квартирѣ, или ѣздить на время лѣтнихъ и зимнихъ „вакацій" въ домъ Павла Александровича.

Въ захолустной 4-хклассной уѣздной прогимназіи, гдѣ во всѣхъ классахъ насчитывалось 70—80 учениковъ, было худо потому, что инспекторъ принялъ во мнѣ необыкновенное участіе. Онъ постоянно за каждую мелочь, что называется, гвоздилъ меня и ставилъ единицы, приговаривая:

— Ахъ, варваръ! Варваръ, камчадалъ и негодяй! Все твое спасенье въ ученьи, а ты не учишься. Оставайся безъ обѣда...

А такъ какъ онъ преподавалъ латинскій и русскій языки да вдобавокъ угощалъ меня подобными разговорами въ случаѣ даже тройки по инымъ предметамъ, то въ результатѣ я отвыкъ обѣдать.

На квартирѣ насъ было 12 человѣкъ, при чемъ четвертоклассники были уже „великовозрастные". Меня вызывали на драку, дразнили, избивали и называли извѣстнымъ именемъ. Хозяйка визгливо смѣялась и кричала:

— Не смѣйте, сорванцы, говорить такъ! Экія шельмы!

А „шельмы" смѣялись и говорили:

— Да вѣдь это-же правда!

Но какъ ни худо было здѣсь,—ѣхать на вакаціи къ Павлу Александровичу и его супругѣ было еще хуже. Тамъ была вѣчная и унизительная пытка. Пытка тѣмъ болѣе нестерпимая, что я хорошо зналъ даже отъ своей хозяйки (оттуда она это знала,—я не спрашивалъ), что платятъ за меня вѣдь не они,—„папочка съ мамочкой",—а *онъ*... Онъ, который, вѣроятно, не зналъ, какъ надо мной смѣются, какъ меня презираютъ, какъ меня обижаютъ, какъ зимою я хожу въ прорванныхъ сапогахъ, безъ чулокъ, какъ мнѣ ужасно, больно, тяжело и стыдно, что всѣ въ прогимназіи при случаѣ показываютъ на меня пальцами и дразнятъ нехорошими словами, что инспекторъ ставитъ какія ему вздумается отмѣтки, оставляетъ безъ обѣда и дергаетъ за волосы... О если-бы только *онъ* это зналъ!

Если-бы онъ зналъ также, что въ это самое время, я все болѣе страстно и беззавѣтно начиналъ любить *его*, мою мечту, мой оплотъ и защиту. „Погодите, будетъ и на моей улицѣ праздникъ"!—говорилъ я про себя (именно этими самыми словами). Странная вещь! Иногда самое униженіе „за него" было мнѣ даже пріятно...

„Папочка съ мамочкой" шили мнѣ одинъ мундирчикъ и одну пару панталонъ на весь годъ изъ сквернаго сукна и у сквернаго портного Янкеля, а потомъ, видя все въ дырахъ, говорили:

— Надо его просто драть и драть, чтобы умѣлъ носить одежу. На него не напасешься... Экій скверный мальчишка!

О если-бы *онъ* зналъ это! Еслибъ

онъ это зналъ. Онъ, такой добрый, благородный...

Но я отлично постигъ свой секретъ, зналъ его цѣну и значеніе. Отлично я зналъ, что онъ самый настоящій мой отецъ, но *пока* ему не до меня. Онъ былъ уже „генераломъ“ и знатнымъ человѣкомъ. Онъ долженъ быть еще болѣе знатнымъ, и только потому его еще нѣтъ. А если меня *пока* здѣсь обижали, то все это объяснится потомъ, когда онъ явится въ полной своей славѣ, и я буду вознагражденъ за все...

Да! Будетъ и на моей улицѣ праздникъ!

Пусть обижаютъ, пусть бьютъ и смѣются. Пусть я хожу въ прорванной одежѣ, пусть... Пускай даже въ третьемъ классѣ на второй четверти, къ Рождеству мнѣ выставили двойку по греческому, а чѣмъ я хуже...

Впрочемъ, эта двойка по греческому была совсѣмъ не кстати.

VIII.

„Двойка съ греческаго“ очутилась въ моей аттестаціи довольно неожиданно и странно. Началъ я на вопросъ господина учителя склонять „го антропосъ“ (человѣкъ), и началъ склонять совершенно правильно, соблюдая ударенія:

„Го áнтропосъ, ту антрòпу, то антрòпо, тонъ ȁнтропонъ...

Но учитель сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ, и сказалъ:

— Ты, кажись, навралъ въ удареніяхъ... А ну, повтори.

Я повторилъ и, конечно, совралъ въ родительномъ-же падежѣ.

— Садись!—Ехидно отрѣзалъ выцвѣтшій человѣкъ.

Онъ поставилъ мнѣ единицу, а „въ четверти“ вывелъ двойку.

Горевать именно по поводу двойки особенно не приходилось. Все равно, я собирался ѣхать на Рождество (по обыкновенію, съ хозяйкой, которая меня „подвозила по дорогѣ“) къ Павлу Александровичу. А тамъ,—все единственно,—меня ругали, костили и гвоздили,—съ двойкой-ли, или безъ двойки была аттестація. Вдругъ произошло нѣчто совсѣмъ иное.

Наканунѣ отъѣзда, когда на общей квартирѣ посмѣивались, что меня снова приходится „подвозить“, на дворъ въѣхала пара прекрасныхъ сѣрыхъ лошадей въ санкахъ съ медвѣжьей полостью. Рыжій кучеръ въ черномъ армякѣ съ наборнымъ серебрянымъ поясомъ поговорилъ съ дѣвкой, варившей намъ обѣдъ, и началъ вылѣзать изъ саней. Всѣ мы высыпали изъ комнатъ на крыльцо; и оказалось, что лошади, крашеныя съ подрѣзами санки, медвѣжья полость и этотъ важный кучеръ съ рыжей бородой,—все это прислано за.. мной!

Сравнивать все это великолѣпіе съ мужицкими лошаденками, дровнями и возками тѣхъ, которые собирались насмѣшливо меня „подвезти“, конечно, не приходилось. Но самое замѣчательное заключалось въ томъ, что я нисколько не растерялся, нисколько не опѣшилъ. Какъ будто я этого ожидалъ. Вся „общая квартира“, только что по обыкновенію, осыпавшая меня насмѣшками, вдругъ присмирѣла.

Величественно стоялъ я на крыльцѣ, чувствуя, что выросъ чуть-ли не на цѣлый аршинъ въ собственныхъ и чужихъ глазахъ. Ясно, что здѣсь была видна рука *его*,—того человѣка, о которомъ я постоянно думалъ и мечталъ.

Рыжій кучеръ, Артемъ, велъ себя какъ нельзя лучше. Не говоря ни слова, онъ заставилъ потѣсниться всѣ остальныя сани и дровни...

Пріѣхавшіе за сыновьями средней руки однодворцы, или просто нанятые мужички, сами отодвинули свои неуклюжіе возки, сами отвели въ сторону своихъ лошадей. Артемъ-же (*мой* кучеръ!..) выпрягъ лошадей, накрылъ ихъ попонами, положилъ имъ сѣна и вытащилъ

цѣлый мѣшокъ съ овсомъ, къ большой зависти окружающихъ возницъ, не преминувшихъ спросить: „по чемъ овесъ“?

Какъ только Артемъ управился съ лошадьми и направился къ квартирѣ, я повернулся съ крыльца и направился въ комнату. Тамъ въ присутствіи всѣхъ Артемъ поклонился мнѣ и вручилъ письмо. Оно было отъ „нѣмца“.

Антонъ Павловичъ писалъ, что посылаетъ кромѣ лошадей еще шубу и валенки, (это было болѣе, чѣмъ кстати), что въ имѣніе пріѣхалъ „экселенцъ“ Николай Алексѣевичъ (О!!) и его старшій родной братъ еще болѣе важный „экселенцъ“. „Хотя твоимъ воспитаніемъ руководитъ теперь Павелъ Александровичъ, — писалъ въ письмѣ нѣмецъ,—но я хочу воспользоваться случаемъ и представить тебя твоему благодѣтелю, которому ты всегда долженъ быть обязанъ“...

Зачѣмъ и къ чему лукавитъ этотъ дорогой и славный нѣмецъ? Вѣдь я не маленькій и все отлично понимаю!.. Все...

Въ глазахъ дюжаго и рыжаго Артема я читалъ знаки самой полной почтительности. А самый отчаянный мой врагъ и одноклассникъ, Васька, не улыбался своей язвительной улыбкой. Важно прочелъ я письмо и сказалъ Артему:

— Какъ только можно будетъ, поѣдемъ. Только смотри,—не мучай лошадей!—добавилъ я, вспомнивъ, что нѣмецъ писалъ и объ этомъ.

Артемъ усмѣхнулся и вышелъ... Вдругъ что-то засосало меня внутри и обезпокоило... Что такое?

Ахъ, да! У меня двойка по греческому. Какъ это некстати... Боже мой!

IX.

Артемъ отлично понималъ, кого онъ везетъ и къ кому везетъ. Всю дорогу онъ называлъ меня не иначе какъ „баринъ“, или „молодой баринъ“. Въ каждомъ селѣ, возлѣ каждаго кабака онъ останавливался, чтобы попоить лошадей. Я важно сидѣлъ въ саняхъ закутанный въ шубу и обутый въ теплыя валенки. На какомъ-то постояломъ дворѣ мы ночевали. Я распоряжался, Артемъ-же платилъ деньги и говорилъ:

-- У меня такой баринъ... Ужъ такой баринъ...

— Ну-ну! Поскорѣе! — Покрикивалъ я.

Артемъ какъ-то изгибался, странно ухмылялся въ бороду и везъ меня далѣе.

Везъ и разсказывалъ, что пріѣхалъ *онъ*, Николай Алексѣевичъ, и старшій братъ его Афанасій Алексѣевичъ, что заколоченную половину дома теперь отперли, что тамъ „роскошь“, какъ красиво, что „нѣмецъ“ теперь „танцуетъ“ передъ хозяиномъ, и что этотъ-же нѣмецъ послалъ Артема за мной, далъ свою шубу, валенки и денегъ на дорогу.

Много еще разсказывалъ Артемъ. Но оба мы прекрасно понимали, въ чемъ дѣло. Ѣхалъ-то я не къ нѣмцу, а именно къ тому, другому, который теперь пріѣхалъ и звалъ меня къ себѣ... Артемъ даже хитро переводилъ разговоръ на это самое дѣло, но я еще хитрѣе отмалчивался и многозначительно улыбался.

Артемъ гикалъ на лошадей и мы „съ шикомъ“ мчались по убитой дорогѣ. Свѣжій морозный воздухъ вливалъ бодрость въ грудь. Хотѣлось распахнуть шубу и прямо взлетѣть на встрѣчу этому застывшему воздуху и безконечно раскинувшемуся снѣжному полю, сверкающему тысячью алмазовъ подъ лучами солнца на блѣдно-голубомъ зимнемъ небѣ.

Новый кабакъ— и новая остановка, чтобы „попоить лошадей“. Артемъ говорилъ: „ну, и баринъ... Ахъ, да баринъ“ и передавалъ мнѣ въ руку возжи. Я сидѣлъ въ ши-

карныхъ санкахъ и съ достоинствомъ оглядывалъ мужиковъ, бабъ и ребятишекъ высыпавшихъ на улицу, босикомъ въ рубашенкахъ до пятъ... Давно-ли я въ такую-же зимнюю стужу не имѣлъ даже такой не рваной рубашенки?!

Артемъ выходилъ чаще всего недовольный на то, что у „чортова жида" не было порядочнаго ведра, чтобы напоить какъ слѣдуетъ сѣрыхъ. Тѣмъ не менѣе онъ еще веселѣе и оживленнѣе гикалъ на нихъ и посвистывалъ.

Мысль о двойкѣ по греческому безпокоила меня и смущала иногда. Ясное дѣло, что *онъ* первымъ дѣломъ заинтересуется моей аттестаціей и отмѣтками... И вдругъ я оказываюсь „съ двойкой"... Но, вѣдь, это одинъ—единственный мой грѣхъ передъ нимъ. И больше этого не будетъ. Да! не будетъ! Въ остальномъ-же онъ увидитъ, какъ я правъ передъ нимъ, какъ я... Все больнѣй и слаже замирало мое сердце, чѣмъ ближе мы подъѣзжали... къ нему.

X.

Были уже густыя зимнія сумерки. Минуя крылечко „нѣмца", мы сразу подъѣхали къ большому нынѣ открытому главному подъѣзду, откуда можно было прямо пройти къ „генераламъ". Это было немного смѣло, и я высказывалъ Артему мнѣніе, что не лучше-ли проѣхать къ нѣмцу. Но Артемъ заявилъ, что это будетъ не порядокъ, а потому прямо подкатилъ „подъ парадный". При этомъ онъ очень шумѣлъ на лошадей, тпрукалъ и громогласно нукалъ,—словомъ,—велъ себя такъ, какъ будто привезъ довольно значительное лицо, требующее вниманія и встрѣчи.

Дѣйствительно, хлопнула выходная дверь и выбѣжалъ хорошо одѣтый пожилой человѣкъ. Узнавъ отъ Артема въ чемъ дѣло, онъ сказалъ:

— Вотъ что: отвезите *мальчика* къ Антону Павловичу. Тамъ за нимъ посылали, тамъ его, значитъ, и ждутъ. Я доложу ихъ превосходительствамъ, какъ они прикажутъ...

Артемъ крякнулъ и тихо повернулъ лошадей къ боковому крылечку.

— Это Данило Демьянычъ,—довѣренный камандиренъ „вашего генерала".—Сказалъ онъ и покрутилъ головой.—Тоже вѣдь изъ нашихъ, здѣшнихъ... А теперь подико-сь...

У крыльца нѣмца я слѣзъ и вошелъ въ переднюю, освѣщенную свѣтомъ изъ „дѣвичьей". Алинка уже варила на каминѣ картофель. Она выглянула въ дверь, крикнула: „Ѳединька"!, начала меня тормошить и бормотать:

— Ну-ка, раздѣвайся, раздѣвайся!..—(Здѣсь она стянула съ меня шубу и, кряхтя, сгибалась, хватаясь за валенки).—Ну иди, иди сюда! Дай погляжу на тебя... Дай!..

Она подвела меня къ камину, оглядѣла и произнесла:

— Какой-же у тебя носъ длинный сталъ! Ты, какъ-будто, былъ красивѣе, Ѳедя!..

— Ого! — сказалъ появившійся нѣмецъ,— Ого! да это Ѳедя пріѣхалъ. Ну, иди-иди сюда!

Онъ ухватилъ меня за руку и потащилъ въ столовую, гдѣ все было совершенно по прежнему: и лампа, и круглый столъ, и бѣлыя стѣны, и часы съ маятникомъ и гирей, къ которой была подвѣшена еще подкова, таже самая картина... Боже мой!

Совершенно не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаю, я обнялъ нѣмца. Но онъ былъ очень высокъ, такъ что я ухватилъ его за ноги... Затѣмъ еще болѣе неожиданно для себя я неудержимо заплакалъ... „Нѣмецъ" нагнулся ко мнѣ, гладилъ по головѣ, тихо трепалъ по щекѣ и говорилъ:

— Ну, ну!.. вотъ ты и пріѣхалъ, Ѳедя! Вотъ ты и пріѣхалъ. И я

очень радъ тебя видѣть. Теперь ты уже совсѣмъ взрослый и образованный юноша... Чего-же ты волнуешься? Пойдемъ ужинать, мой мальчикъ... Armes Kind... Armes Kind... Глупый мальчикъ!

Онъ вынулъ платокъ и громко высморкался...

XI.

— Зачѣмъ ты въ мундирѣ?— поучительно произнесъ Антонъ Павловичъ, когда мы сѣли за столъ:— Не слѣдуетъ въ дорогу надѣвать мундиръ.

Но развѣ нѣмецъ могъ знать, для чего и для кого я одѣлъ свой мундирчикъ, предварительно отчистивъ его, какъ никогда въ жизни.

Нѣмецъ продолжалъ:

— Вотъ, пріѣхалъ экселенцъ, твой воспитатель и благодѣтель. Можетъ быть, завтра онъ захочетъ тебя увидѣть. Теперь они сидятъ и читаютъ.

Завтра!.. Только завтра... Теперь они сидятъ и читаютъ!.. Что-то опять подступило къ моему горлу, но я сдѣлалъ насмѣшливое, какъ мнѣ казалось, лицо и спросилъ довольно небрежнымъ и задорнымъ тономъ:

— А что, онъ очень важный этотъ мой благодѣтель-генералъ?

„Нѣмецъ" внимательно посмотрѣлъ на меня:

— Ты говоришь это какимъ-то нехорошимъ тономъ,—сказалъ онъ: —Надо быть благодарнымъ.

— Я—ничего... Я благодаренъ!..— Отвѣтилъ я опять тономъ, исключающимъ всякую мысль о какой-либо благодарности.

Въ это время камердинеръ Данила Дементьевичъ, вошелъ къ намъ и произнесъ:

— Ихъ превосходительства желаютъ видѣть Федора Ивановича.

Федора Ивановича! Вотъ какъ!.. Я торжествующе взглянулъ на нѣмца: („Ты, молъ, пророчилъ, что меня пожелаютъ увидѣть только завтра"...) Но нѣмецъ не замѣтилъ моего торжества:

— Иди, иди! Будь умнымъ.

Проходить нужно было съ одного крыльца на другое черезъ дворъ, и здѣсь меня перехватила Алинка:

— Ѳединька! Смотри-же: поклонись хорошенько, поцѣлуй въ ручку и поблагодари. Скажи: „благодарю васъ за всѣ благодѣянія"... Низенько, низенько поклонись!.. Поблагодари и поклонись также хорошенько камардинеру, что онъ доложилъ.

— Вотъ еще! стану я всѣмъ кланяться!..

— А ты не фыркай, глупый! Ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ. Не думай, что ты въ мундирѣ такъ и панъ... Охъ-хо-хо-хо. Смотри-же...

Данило Демьянычъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы и черезъ большія полуосвѣщенныя комнаты повелъ въ кабинетъ - библіотеку. Я на цыпочкахъ слѣдовалъ за нимъ. Это было довольно тяжело, такъ какъ у меня дрожали ноги. Кромѣ того начало пересыхать во рту и потѣли руки, какъ я ни теръ ихъ о фалды мундирчика. „Какъ *онъ* возьметъ меня за такую мокрую руку",—думалъ я. „Вотъ сейчасъ, вотъ сейчасъ"...—мелькало въ моей головѣ.—„Вотъ сейчасъ.,. Вотъ сейчасъ"—поскрипывали мягко сапоги камердинера... Двойка по греческому на мигъ вскочила въ сознаніе и тотчасъ робко спряталась куда-то далеко, далеко. „Ну чтожъ... побранитъ.:. Я объясню... Больше не будетъ... Ахъ не въ этомъ дѣло. Въ чемъ-же дѣло"?...—„Въ чемъ дѣло, въ чемъ дѣло"...—мягко поскрипывали сапоги камердинера. Вотъ онъ остановился и взялся за ручку двери, полуоборотясь ко мнѣ. Сердце у меня вдругъ сжалось и опало...

XII.

— Федоръ Ивановичъ!— Произнесъ Данила Демьяновичъ, пропуская меня впередъ.

Я вошелъ въ ярко освѣщенную комнату, споткнулся объ огромный доходящій до двери коверъ, остановился и началъ отвѣшивать поклоны, ничего не видя отъ смущенія и показавшагося мнѣ ослѣпительнымъ свѣта.

— Поди-ка сюда!—Раздался чей-то бархатный баритонъ изъ глубины комнаты.

Тамъ на низенькой, но широкой отоманкѣ полулежали двое: одинъ сѣдой, небольшой и лысый, а другой молодой, высокій съ откинутыми назадъ каштановыми волосами, съ великолѣпной русой бородой. Этотъ послѣдній отбросилъ книгу, бодро поднялся и подошелъ ко мнѣ. Мелкая дрожь прошла по моему тѣлу.

Онъ взялъ меня за плечо и подвелъ къ отоманкѣ:

— Вотъ рекомендую тебѣ, братъ: мой воспитанникъ!

— Ѳедоръ, кажется?— Спросилъ старикъ.

— Да, Ѳедоръ!

Красивый и изящный господинъ съ великолѣпной бородой протянулся снова на отоманкѣ, заложивъ руки въ карманы брюкъ. Старикъ спросилъ:

— Въ которомъ классѣ?

— Въ третьемъ.

Ого! Значитъ и греческій языкъ знаешь?...

Такъ и есть!.. Греческій языкъ... Сердце у меня захолонуло, и я произнесъ:

— Мы прошли до третьяго склоненія...

— А ты хорошо учишься?

— Такъ себѣ...

— Надо не такъ себѣ, а хорошо учиться!—Сказалъ старикъ.

Я робко перевелъ глаза на *него*, другого.

Онъ улыбался, покачивалъ ногой и смотрѣлъ на меня. Я покраснѣлъ и опустилъ глаза.

— Да ты садись!— Произнесъ *онъ*—вотъ на этотъ стулъ...

Я сѣлъ и нѣсколько оглядѣлся. Какъ здѣсь было хорошо! Большое венеціанское окно покрыто синеватыми драпри, по стѣнамъ, отъ пола до потолка на полкахъ съ рѣшетками – книги. Коверъ устилалъ весь полъ.

А на низенькой отоманкѣ полулежалъ онъ, онъ, онъ..., освѣщенный яркимъ свѣтомъ лампы, стоящей на столикѣ возлѣ... Онъ все еще смотрѣлъ на меня и покачивалъ ногой.

Что-то дрогнуло во мнѣ, ширилось и чуть-ли не толкало со стула. Ахъ, какъ хотѣлось, чтобы онъ подозвалъ меня, чтобы заговорить о чемъ-нибудь *такомъ*... важномъ, чтобы разсказать ему *все*... Вдругъ я вспомнилъ, что не подходилъ „къ ручкѣ". Это цѣлованіе руки мнѣ было, правду говоря, всегда противно. Но здѣсь... Но можетъ быть... Я глянулъ на него, вскочилъ, подошелъ къ старику, взялъ его за руку и потянулся къ ней...

— Не надо, не надо!..—Началъ отмахиваться тотъ.

Я съ величайшей готовностью отошелъ отъ него и потянулся къ нему:

— Не надо, не надо!..—Замахалъ онъ еще издали рукой.

Какъ ошпаренный, сѣлъ я на стулъ, и опустивъ глаза, замѣтилъ слишкомъ потертые колѣна своихъ сѣрыхъ брюкъ. Закрывъ ихъ полами мундирчика, я вспомнилъ, что у меня до безобразія искривлены каблуки сапогъ, и подвернулъ ноги подъ стулъ. Мнѣ стало мучительно стыдно и неловко...

Онъ обернулся къ брату и перебросился съ нимъ нѣсколькими непонятными для меня фразами. Какой онъ былъ изящный и какъ ловко сидѣло на немъ платье, какъ блестѣли его красивыя ботинки...

Онъ взглянулъ на меня и ободряюще улыбнулся:

— Ну, разскажи что-нибудь!— Произнесъ онъ.

На его улыбку я отвѣтилъ улыбкой, но... молчалъ.

„Чтобы такое сказать ему умное, значительное,— такое, чтобы онъ сразу понялъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и... оцѣнилъ".—Проносилось въ моей головѣ.

Онъ прервалъ молчаніе.

— Ну, вотъ,—разскажи хотя, какой у тебя характеръ... Ты вспыльчивъ?...

— Да, вспыльчивъ.

— Слѣдуетъ сдерживать свою вспыльчивость.

Онъ опять замолчалъ, а я въ упоръ смотрѣлъ на него, тщетно ломая себѣ голову, какъ-бы начать „значительный" разговоръ. Онъ взялъ какую то книгу, раскрылъ ее и протянулъ мнѣ:

— Почитай-ка... Какъ ты читаешь?

Въ классѣ меня называли чтецомъ. Съ величайшей готовностью ухвативъ книгу, я началъ читать...

— М-м-м...—Протянулъ онъ:—Ничего... Только выговоръ у тебя не то хохлацкій, не то бѣлорусскій... Надо слѣдить за своимъ выговоромъ... Да ты сытъ?—Вдругъ спохватился онъ.

Мнѣ хотѣлось ѣсть. Но еще болѣе хотѣлось оставаться здѣсь, съ нимъ... Ахъ, какъ хотѣлось „поговорить по душѣ", разсказать ему все, попросить, чтобы не заставляли меня болѣе ѣздить къ Павлу Александровичу, чтобы переселили изъ этой скверной общей квартиры, взяли даже изъ этой прогимназіи.

Какъ хорошо было-бы, если-бы при этомъ онъ посадилъ меня возлѣ себя...

Я сказалъ, что я—сытъ.

— Ты, вѣроятно, усталъ?

— О, нѣтъ! Совсѣмъ нѣтъ!.

— Ну можешь идти!.. До свиданія!..

Онъ граціозно помахалъ рукой въ знакъ прощанія. Я всталъ, неуклюже поклонился и, какъ опущенный въ воду, пошелъ за дверь... Хоть-бы побранили за двойку...

Въ сущности меня встрѣтили привѣтливо и хорошо, но отчего-же въ дѣтской душѣ своей я почувствовалъ такую страшную тоску и пустоту?

XIII.

Тихо вышелъ я на одно крыльцо, тихо добрался до другого... Просто не хотѣлось входить.

— Ну что?—Начала спрашивать Алинка:—Что тебѣ говорили, о чемъ спрашивали? Ты какъ слѣдоваетъ отвѣчалъ? Тобою довольны?

Я принялъ гордый и довольный видъ:

— Очень хорошо... Очень хорошо встрѣтили!..

Затѣмъ прошмыгнулъ въ дверь.

— Такъ скоро?—Сказалъ нѣмецъ. —Ты не ночуешь *тамъ?* Значитъ нужно устроить тебя здѣсь. Хочешь въ твоей прежней комнатѣ?

— Алинка!—Зычно прокричалъ онъ и отдалъ появившейся старухѣ соотвѣтственныя распоряженія.

Нѣмецъ бросилъ свои конторскія книги и съ видимымъ удовольствіемъ пустился со мной въ бесѣду совсѣмъ, какъ со взрослымъ. Мы говорили даже о политикѣ...

Ей-ей!.. Я разспросилъ у него о всѣхъ деревенскихъ знакомыхъ, о перемѣнахъ, происшедшихъ за три почти года моего отсутствія. Онъ, между прочимъ, все повыспросилъ о мнѣ самомъ. Незамѣтно я пустился въ подробные разсказы о своемъ житьѣ-бытьѣ, объ ученіи, чтеніи, всемъ. Все разсказалъ я ему кромѣ своего секрета, конечно. „Нѣмецъ" часто морщился, хмурилъ брови и произносилъ: „можетъ, ты преувеличиваешь"? — „Ахъ, нѣтъ, нѣтъ"! Искренне отвѣчалъ я и пускался въ дальнѣйшіе разсказы.

Бесѣда взрослаго съ мальчикомъ затянулась поздно, хотя нѣ-

мецъ велъ очень регулярный и рабочій образъ жизни. Наконецъ, онъ всталъ, взялъ свѣчу и повелъ меня въ мою прежнюю комнату, около „дѣвичьей“.

— Спи хорошенько! — сказалъ онъ.—Не печалься и не смущайся, если трудно и не хорошо иногда тебѣ приходится теперь. Чѣмъ больше горя и лишеній узнаешь въ дѣтствѣ, тѣмъ умнѣе, серьезнѣе и дѣльнѣе будешь потомъ. Будь только честенъ и учись! Помни, что есть люди, которые тебя любятъ.,.

Онъ зажегъ мою свѣчу, повернулся и вышелъ изъ комнаты.

— „Есть люди, которые тебя любятъ“...—Звучало у меня въ ушахъ. Кто-же это? На кого нѣмецъ намекаетъ? Неужели онъ знаетъ что-либо такое, чего не знаю я. А можетъ, *онъ*, тотъ который такъ близко теперь и такъ далеко... говорилъ что-либо нѣмцу относительно меня. Не даромъ-же такъ ласковъ со мной этотъ всегда серьезный и занятый нѣмецъ.

Долго, очень долго не спалось мнѣ въ эту зимнюю, глухую и мертвую деревенскую ночь.

XIV.

На утро пришла будить меня Алинка и сказала:

—Ѳединька! Данило Демьянычъ, камардинеръ, говоритъ, что ты понравился. Старайся, Ѳединька! Помни, что *онъ* изъ тебя человѣка сдѣлаетъ. Онъ добрый.

— Ахъ, оставь ты меня въ покоѣ!—Произнесъ я со злостью.

— Во!—удивилась Алинка:—Ишь, какой гордый сталъ! И разговаривать не хочетъ. Видно старая хлѣбъ-соль забывается... Вставай что-ли. Чего валяешься.

Старуха, обиженно ворча, вышла.

Но въ этотъ день онъ не позвалъ меня къ себѣ, хотя я нарочно просидѣлъ весь день въ комнатѣ, дѣлая видъ, что сижу за книгой и читаю. На слѣдующій-же день онъ съ братомъ и камердинеромъ уѣхалъ на станцію желѣзной дороги, а оттуда въ Петербургъ. Передъ самымъ отъѣздомъ онъ пожелалъ меня видѣть, и переодѣваясь, сказалъ:

— Вотъ тебѣ маленькій подарокъ отъ меня на память. Возьми! Ну, прощай! Учись и старайся! Помни, что ты бѣдный мальчикъ, и что въ ученьи все твое будущее. Ты способенъ и можешь учиться. Какъ постелишь, такъ и выспишься. Ну, прощай!

Онъ протянулъ мнѣ красивый кошелекъ, въ которомъ что-то шевелилось. Съ этимъ кошелькомъ въ рукахъ вышелъ я изъ комнатъ. Всѣ суетились и выносили вещи. Передъ крыльцомъ стояла тройка. Здѣсь-же суетились приказчики, экономка цѣлая толпа прислуги и прибѣжавшихъ рабочихъ. Генералы въ теплыхъ шинеляхъ съ бобровыми воротниками, въ валенкахъ вышли и сѣли въ открытую кибитку. Прежде, чѣмъ садиться, онъ граціозно въ знакъ прощанія помахалъ рукой. Всѣ поклонились и произнесли: „Счастливой дороги, баринъ!.. Дай вамъ Богъ“...

Когда же они отъѣхали, всѣ необыкновенно заинтересовались, что кому подарено „на чай“.

Всѣ не были забыты, всѣ получили и даже, считая по деревенски, довольно крупные денежные подарки. Однако, оказалось, что болѣе всѣхъ получилъ я!.. Мой красивый кошелекъ ходилъ по рукамъ и всѣмъ очень нравился. Когда-же его открыли и увидѣли блестящій золотой, что тогда было рѣдкостью, то такъ и ахнули:

— Вотъ оно, что значитъ свой-то! –Не выдержала Алинка, тоже не забытая подаркомъ.—Такой портмонетъ и золотой! Вѣдь онъ, почитай, на бумажки восемь, а то и всѣ девять рублей стоитъ...

— Тебѣ нравится?—спросилъ я Алинку.

— А то нѣтъ? Еще бы не нравится...

— Возьми себѣ.

— Что ты, Ѳедя, что ты! Очумѣлъ, право...—Старуха замахала руками.—Какъ можно!

— Возьми! Я тебѣ дарю.

— Возьми. Стыдно тебѣ такіе подарки отдавать! Это беречь надо.

— Отдай мнѣ лучше!—сказалъ, смѣясь, красивый старшій рабочій Ефимъ.

— На!—И я протянулъ ему кошелекъ.

— Не смѣй брать. Не смѣй!—кричала Алинка.

Ефимъ нерѣшительно смотрѣлъ то на кошелекъ въ его рукѣ, то на меня.

— Да ты и впрямь отдаешь?

— Конечно, отдаю. Возьми себѣ.

Я нѣмцу скажу! — кричала Алинка на Ефима.—Отдай сейчасъ назадъ! Не видишь,—мальчикъ—дурень, хоть и учится. Самъ не знаетъ, что дѣлаетъ...

Ефимъ, все-таки, унесъ кошелекъ. Алинка, негодуя, разсказала все нѣмцу. Тотъ было вспыхнулъ:

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—строго сказалъ онъ мнѣ.

— Такъ...

— Иди сейчасъ и возьми кошелекъ съ золотымъ у Ефима! Ты долженъ знать, что подарковъ не раздаютъ... Иди и возьми назадъ!

— Я не хочу... Я не хочу ни кошелька, ни золотого!—Дрожащимъ голосомъ но рѣшительно произнесъ я.—Алинка не взяла, я отдалъ его Ефиму. Пусть онъ у него и будетъ...

Нѣмецъ долго и молчаливо смотрѣлъ на меня. Я опустилъ голову и, чувствуя спазмы въ горлѣ, упорно повторялъ: „не хочу, не хочу“...

— Ну, какъ знаешь!...—Тихо, съ разстановкой и значительно произнесъ нѣмецъ.—Какъ знаешь... Признаюсь, *этого отъ тебя я не ожидалъ*.

Онъ отвернулся... Я почувствовалъ, что выдаю свой секретъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Алинка всплеснула руками, когда узнала, что кошелекъ съ золотымъ такъ-таки и останется у Ефима.

— И ты одурѣлъ да и нѣмецъ тоже!.. Глупая я, глупая, что сама не взяла. И что это тебѣ въ голову взбрело. Нако-сь. Вотъ глупый! Вотъ глупый!

XV.

Нѣмецъ объявилъ мнѣ, что ему „разрѣшено“ заняться мною, и быстро перестроилъ мою жизнь. Онъ бралъ меня на всѣ вакаціи къ себѣ и постоянно присылалъ за мной хорошихъ лошадей и хорошую упряжь. Онъ-же заботился о моемъ платьѣ, обуви, бѣльѣ и аккуратно присылалъ деньги на расходы. Словомъ, въ нашей бѣдной прогимназіи я вдругъ сталъ въ положеніе „богатаго“ человѣка, что сразу измѣнило отношеніе ко мнѣ. Хозяйка въ особенности никому не давала меня въ обиду. У меня завелись даже друзья. Портной Янкель шилъ для меня „изъ самаго лучшаго трико и по самой послѣдней модѣ“. Перемѣна къ лучшему была такъ рѣзка и внезапна, что было даже подозрительно.

„Здѣсь не въ Антонѣ Павловичѣ дѣло“.—Соображалъ я.—„Ясно, что здѣсь дѣло не безъ *его* вліянія, тѣмъ болѣе, что *онъ*—генералъ. Это *онъ* нарочно дѣлаетъ черезъ нѣмца. А что касается первой встрѣчи, то... Какъ въ самомъ дѣлѣ *ему* было поступать иначе?“

„Во-первыхъ, его братъ... Во-вторыхъ, раньше, чѣмъ приблизить меня къ себѣ и мнѣ „открыться“, онъ хочетъ меня испытать, достоинъ-ли я его... Ахъ, какъ досадно, какъ глупо, что я отдалъ кошелекъ Ефиму. Что онъ подумаетъ, если узнаетъ это? *Онъ*—такой умный, красивый и благородный“...

Наружность и видъ этого человѣка вплоть до покроя его пиджака съ совершенной ясностью рисовались въ моемъ воображеніи. Я подходилъ къ зеркалу и подолгу

разсматривалъ собственное изображеніе. „Похожъ или не похожъ“?.

Но какое-же сходство съ *нимъ* можетъ заключаться въ этихъ вихрахъ, въ этомъ носѣ, въ этихъ сѣрыхъ глазкахъ? Но вѣдь это же правда! Да и хозяйка говоритъ, что когда я „выровняюсь“, то буду мужчина, хоть куда... Я началъ отпускать себѣ длинные волосы...

Ни Васька, ни Іоська теперь не зубоскалили надо мной—и не называли разными позорными именами, (кромѣ случаевъ потасовокъ, конечно). Наоборотъ, часто и почтительно внимали они моимъ неяснымъ, но внушительнымъ намекамъ, что въ судьбѣ моей есть нѣчто таинственное, что есть *онъ*, нѣкто, который... Что недалеко время и день, когда...

— Если я молчалъ и ничего не говорилъ раньше ни тебѣ, ни другимъ, когда ты, да и другіе, такъ меня ругали и дразнили, то понимаешь почему... Впрочемъ, я не сержусь на тебя, потому что ты не зналъ и потому, что ты теперь мой другъ...

Васька, или Іоська значительно и серьезно кивали головой.

Странный вопросъ однажды задала мнѣ хозяйка. Она спросила, правда-ли, что мой „благодѣтель и воспитатель“, генералъ Николай Алексѣевичъ Быковъ женится на милліонершѣ.

Ничего и ни отъ кого объ этомъ я не слышалъ.

Но какъ-же было не знать мнѣ *о немъ*. Съ видомъ таинственности и нежеланія открывать все я намекнулъ на то, что въ „генерала“ дѣйствительно „влюблены“ нѣсколько даже милліонерокъ, чуть-ли не княгинь... Но какая ему понравится, —неизвѣстно...

Впрочемъ, вскорѣ все стало извѣстнымъ.

Перешедши въ четвертый классъ, пріѣхалъ я на каникулы и узналъ отъ нѣмца, что экселенцъ, Николай Алексѣевичъ, дѣйствительно женился, и дѣйствительно на милліонершѣ, московской купчихѣ, хотя, говорятъ, некрасивой.

—Теперь экселенцъ чрезвычайно, чрезвычайно богатъ!—говорилъ Антонъ Павловичъ.—Онъ можетъ, если захочетъ, купить себѣ какое угодно имѣніе.

— Кстати, ты знаешь, что экселенцъ съ женой скоро пріѣзжаютъ сюда погостить?— сказалъ нѣмецъ и пытливо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Вотъ какъ!—Постарался равнодушно отвѣтить я.—Что-жъ!.. у меня аттестація хорошая...

Однако, кровь у отхлынула отъ сердца къ щекамъ, и я постарался уйти.

„Онъ пріѣзжаетъ, онъ пріѣзжаетъ... Ясно, что теперь... что-то да будетъ... Наконецъ“...

XVI.

„Молодые“ пріѣхали ночью и очень долго спали. Алинка рано утромъ принесла мнѣ чистое бѣлье, вычищенное платье и сообщила, что съ ними-же пріѣхалъ камердинеръ Данило Демьянычъ и горничная („важная, какъ барыня“). Вещей-же, вещей—просто не счесть...

— Барыня, говорятъ, добрая.— Продолжала сообщеніе Алинка.— Ты, Ѳединька, смотри, поцѣлуй ей ручку и постарайся понравиться! Я уже говорила съ Данилой Демьянычемъ, чтобы онъ какъ-нибудь за тебя постарался. А ты поклонись и скажи: „поздравляю васъ съ законнымъ бракомъ“, и къ...

— Отстань!— Сердито крикнулъ я Алинкѣ.

— Что—отстань да отстань!.. Худому тебя учатъ, что-ли? Хорошему учатъ. А ты—отстань!.. Разумный дуже!.. Отстань!..

Старуха по обыкновенію разворчалась и ушла. Мигомъ я одѣлся, выскочилъ изъ комнаты и съ томительнымъ ожиданіемъ чего-то началъ вездѣ вертѣться.

День былъ ясный, солнечный, тихій и теплый.

На окружающихъ деревьяхъ въ саду, въ густыхъ кустахъ сирени и акаціи воробьи вели свою нескончаемую, торжествующую болтовню. Въ тѣнистой липовой бесѣдкѣ, среди огромнаго цвѣтника, для пріѣхавшихъ хозяевъ былъ накрытъ чайный столъ. То изъ ледника, то въ ледникъ поминутно мчались пріодѣтыя бабы и дѣвки, пронося неисчислимое количество всякой деревенской молочной и иной снѣди.

Прошла пріѣхавшая горничная въ бѣломъ платьѣ, шурша юбками. Вышелъ Данило Демьянычъ, камердинеръ. Онъ увидѣлъ меня и подошелъ.

— Вы вотъ что... Докладывать о васъ сейчасъ неудобно-съ. А когда онѣ будутъ-съ выходить вотъ черезъ эти двери, то вы станьте вотъ тамъ... Выйдетъ, какъ будто, вы, проходя, встрѣтились нечаянно...

Мнѣ стало стыдно, и я отвѣтилъ:

— Да я совсѣмъ не хочу ихъ безпокоить.

— Напрасно-съ!—Тихо и убѣдительно произнесъ Данило Демьянычъ.—Слѣдуетъ-съ. А я знавалъ и хорошо помню вашу покойницу матушку-съ...

Только къ полудню вышли подъ руку „молодые". Спрятавшись за толстой липой, я издали наблюдалъ, какъ они шли къ бесѣдкѣ. „Молодая" была значительно ниже его ростомъ и, идя, тѣсно прижималась къ нему. Онъ шелъ торжествующій, веселый, довольный, оглядываясь во всѣ стороны и показывая ей, то то, то-другое, незанятой рукой.

Вотъ они остановились... Я вдругъ набрался рѣшимости и выставился изъ-за липы, думая, не замѣтятъ-ли... Но меня не замѣтили и прошли далѣе въ бесѣдку.

Долго они сидѣли тамъ. Слышался иногда его веселый раскатистый смѣхъ. Звенѣли чайныя ложечки о стаканы. Какъ угорѣлая, бѣгала прислуга.

Долго они сидѣли тамъ. Я успѣлъ уже разъ пять обойти потихоньку бесѣдку, цвѣтникъ и домъ, зайти въ садъ, осторожно заглянуть въ комнаты, гдѣ остановились они.

Горничная убирала здѣсь двѣ сдвинутыя, стоящія подъ однимъ кисейнымъ пологомъ кровати. Мнѣ стало почему-то очень стыдно и неловко, и я ушелъ. Посидѣлъ затѣмъ на всѣхъ крылечкахъ большого дома и, наконецъ, потерялъ всякую надежду, что обо мнѣ вспомнятъ, что меня „позовутъ". Быстро черезъ главное крыльцо направился я къ пруду, гдѣ была лодка. Вышелъ на балконъ и приросъ къ мѣсту... Они медленно поднимались по крыльцу и уже увидѣли меня.

Онъ сталъ съ нею противъ меня.

— Вотъ, Соня, рекомендую тебѣ: мой питомецъ, о которомъ тебѣ говорилъ. Ученикъ С-кой прогимназіи въ... въ... Въ которомъ ты классѣ?

— Въ четвертый перешелъ.

Я поднялъ глаза и увидѣлъ его высокаго, красиваго, цвѣтущаго. Рядомъ, опираясь на его руку, стояла она съ очень бѣлымъ пухлымъ лицомъ безъ бровей, съ волосами льняного цвѣта, съ большими свѣтлыми влажно-холодными глазами. Эти глаза внимательно перебирали по черточкамъ всего меня. Было что-то смущающее въ ихъ спокойной ясности. Красный стоялъ я передъ ними, смотрѣлъ и молчалъ.

Вдругъ она перевела свой взглядъ отъ меня на его лицо... Осторожно, но властно подняла бѣлую пухлую, большую руку и кончиками пальцевъ дотронулась до его щеки. Онъ поворотился къ ней.

— Что ты?...

— Соринку сняла...—Отвѣтила она и улыбнулась широкой улыбкой.

Блеснули ослѣпительно бѣлые, большіе и широкіе зубы. Онъ улыбнулся ей тоже...

Въ этомъ ея прикосновеніи къ его щекѣ, въ этой широкой ея улыбкѣ, въ оскалѣ ея блестящихъ зубовъ, въ его отвѣтной улыбкѣ,

наконецъ,—я мгновенно не то прочелъ, не то почувствовалъ все... всю свою судьбу. Мгновенно все стало яснѣе яснаго!

Я понялъ, что *онъ весь ея*, только ея и ничей больше! Что онъ никогда, никогда не будетъ и никогда не былъ моимъ, что я потерялъ его, навѣки потерялъ... Потерялъ!.. Но развѣ я имѣлъ его?...

Вся кровь отхлынула отъ моего лица къ сердцу. Съ безконечной болью смотрѣлъ я на нихъ, безконечная ненависть зашевелилась во мнѣ... Хотѣлось крикнуть имъ что-либо самое ужасное, грубое, ошеломляющее...

Она быстро взглянула на меня своимъ яснымъ взглядомъ, тотчасъ повернулась и легонько потянула его за собой. Онъ засмѣялся коротенькимъ смѣшкомъ, проговорилъ: „досвиданья, досвиданья", замахалъ въ знакъ привѣтствія рукой и... они пошли.

Я потерялъ его, потерялъ!.. Какъ безумный, бросился я въ глубину сада, въ самую чащу густого молодого вишняка и ринулся на землю.. Я потерялъ его, навѣки потерялъ!..

XVII.

Дня черезъ два—три онъ позвалъ меня и сталъ разговаривать одинъ на одинъ.

— Вотъ что, другъ мой! Ты скоро окончишь прогимназію.

— Да, черезъ годъ.

— Куда-же ты думаешь дальше?

— Не знаю.

— Я думаю естественнѣе всего тебѣ окончить гимназію.

— Да.

— Ты получишь какое-либо свидѣтельство изъ прогимназіи?

— Да! Свидѣтельство объ окончаніи 4-хъ классовъ.

— Какое-же званіе и права даетъ тебѣ это свидѣтельство?

Я тотчасъ понялъ и почувствовалъ, чего онъ собственно добивался, и рѣшилъ идти напроломъ.

Прямо и смѣло посмотрѣлъ я ему въ глаза:

— Въ этомъ свидѣтельствѣ, какъ и во всѣхъ моихъ бумагахъ,—сказалъ я,—будетъ написано: „сынъ крестьянки, внѣбрачный"...

На мгновеніе онъ, будто-бы, смутился и покраснѣлъ:

— М-м-м... Какъ это непріятно, другъ мой! Надо это предупредить... Я обращусь съ письмомъ къ твоему инспектору, съ просьбой не ставить этого въ „аттестатѣ"... Ну пусть тамъ напишутъ просто: „изъ крестьянъ", что-ли. Какъ ты полагаешь?

Я молчалъ.

— Ты вѣдь въ этомъ не виноватъ... Твоя мать была прекрасная женщина и прекрасная слуга моей матери. Но грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ... Ты уже не маленькій и долженъ это понимать. Въ воспоминаніе ея заслугъ передъ моей покойной матушкой я и озаботился о твоей судьбѣ. Если ты будешь стараться, я готовъ...

Онъ уже не краснѣлъ и яснымъ взоромъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза... Зачѣмъ онъ лгалъ?

— Ну, да это мы устроимъ... Кстати! Между прочимъ, я привезъ тебѣ въ подарокъ ружье. Ты умѣешь уже стрѣлять?... Можешь взять его и начать охотиться. Ты любишь охоту?

— Благодарю васъ.

— Не за что, не за что... Учись только.

Онъ засмѣялся короткимъ смѣшкомъ и хотѣлъ потрепать меня по плечу. Я посторонился...

— Ну, досвиданія, досвиданія!..— Произнесъ онъ, торопливо выходя изъ комнаты.

— Охоться на здоровье!

Ахъ, ничего мнѣ не нужно было отъ него кромѣ сердца и правды... Ничего...

Но все равно... Я потерялъ его...

Е. К. Альфъ.

I.

Володѣ стало хуже. Ночью онъ бредилъ и метался въ жару, дышалъ трудно и прерывисто и тяжело стоналъ. Къ нему подходили и наклонялись надъ его пылающимъ лицомъ мать, отецъ, сестра—онъ никого не узнавалъ, отстранялъ ихъ руками и звалъ только какую-то Лилю:

— Милая, дорогая Лиля... я-же боленъ... я-же умираю... развѣ ты не знаешь?..

Онъ приподнимался на локтяхъ, дико озирался лихорадочно-горящими глазами и снова падалъ въ подушку, а на лбу появлялись крупныя капли холоднаго пота.

Мать дѣлала видъ, что не знаетъ, кто это Лиля и не слышитъ, какъ Володя ее зоветъ; отецъ хмурился и въ недоумѣніи пожималъ плечами, а семнадцатилѣтняя сестра Володи, Ирма, каждый разъ, какъ онъ произносилъ это имя, вскидывала на отца и мать полные слезъ глаза и ждала, что ихъ тронетъ, наконецъ, Володино страданіе и настойчивость его любви, и они допустятъ Лилю къ Володѣ.

Эта Лиля была вѣчнымъ поводомъ къ ежедневнымъ безконечнымъ сценамъ между Володей и отцомъ и матерью, которые не могли простить ему этой шокирующей ихъ связи съ женщиной, которая и т. д. Сцены были безобразны, дики, и оканчивались слезами матери, гнѣвной тирадой отца и угрозой проклятія и лишенія наслѣдства и нервными рыданіями Володи, убѣгавшаго въ свою комнату на второмъ этажѣ, гдѣ Ирма, обнявъ

*) Настоящій разсказъ случайно имѣетъ много общаго, по сюжету, съ шедшей съ успѣхомъ въ прошлую зиму драмой „Фарисеи" Шницлера (въ Передвижномъ Художественномъ Театрѣ), однако авторъ можетъ документально доказать его оригинальность. *Ред.*

его, плакала вмѣстѣ съ нимъ, прижимаясь къ его щекѣ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Но уступить родителямъ и разстаться съ Лилей Володя не могъ. Онъ любилъ ее нѣжно и глубоко, и къ этой любви въ большой долѣ примѣшивалось еще чувство жалости. Она была маленькой и хрупкой, казалась блѣднымъ, безпомощнымъ ребенкомъ, котораго на каждомъ шагу могутъ люди обидѣть и заставить плакать. А для него не было ничего мучительнѣй, какъ представить ее обиженной, страдающей и плачущей. Это было выше его силъ.

Послѣднее время онъ часто подумывалъ о томъ, чтобы повѣнчаться съ ней, но каждый разъ приходилъ къ горькому заключенію, что пока онъ не окончитъ курсъ и не получитъ диплома—это невозможно. А учиться оставалось еще два года. Нужно ждать. Окончитъ—тогда онъ свободная птица, и можетъ легко отказаться отъ отцовской помощи и пренебречь угрозой лишенія наслѣдства. Лиля-же нисколько не тяготилась своимъ положеніемъ и терпѣливо ждала; къ тому-же она также нѣжно и горячо любила Володю и вѣрила въ него, какъ въ Бога.

Отъ Ирмы у Володи не было никакихъ секретовъ, и онъ такъ-же легко и свободно разсказалъ ей о Лилѣ и своей любви къ ней, какъ всегда разсказывалъ о своихъ занятіяхъ и товарищахъ. Ирма захотѣла познакомиться съ ней, и онъ, не задумываясь, повелъ ее къ Лилѣ. Онѣ быстро сошлись, и Ирма стала на ихъ сторону въ борьбѣ съ родителями. Она полюбила Лилю, какъ свою сестру и не задумывалась надъ тѣмъ, что такъ шокировало ея отца и мать. Прошлое Лили, которое было слѣпымъ увлеченіемъ молодости, окончившимся для нея разочарованіемъ и слезами, Ирма считала несчастьемъ, которое можетъ обрушиться на каждаго человѣка, а связь внѣ брака, освященная любовью, была вынужденной необходимостью, которую всегда можно устранить узаконеніемъ отношеній вѣнчаніемъ. Уяснивъ себѣ такъ просто и логично положеніе вещей, Ирма находила Володю вполнѣ правымъ въ его любви и упорномъ желаніи не разставаться съ Лилей, тѣмъ болѣе, что она сама привязалась всей душой къ этой маленькой, хорошенькой женщинѣ, въ которой нашла чуткую и добрую подругу. Она часто посѣщала Лилю, но втайнѣ отъ родителей; во время-же дикихъ сценъ она горячо защищала ее и брата, отчего отецъ и мать приходили въ ужасъ и приказывали ей выйти изъ комнаты. Она уходила, заливаясь слезами, а въ слѣдующей сценѣ опять самоотверженно выступала въ качествѣ защитника Володи и Лили...

Такъ продолжалось полгода, до того дня, когда Володя, послѣ одной такой сцены, вдругъ закашлялся, и у него пошла горломъ кровь. Это случилось осенью, въ концѣ октября, и доктора запретили ему выходить изъ дому, а родители приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы точно выполнить приказаніе докторовъ.

Такимъ образомъ Володю разлучили съ Лилей, и это было для нихъ очень тяжкимъ испытаніемъ. Правда, они дѣятельно переписывались, Ирма носила ежедневно письма отъ него къ ней и обратно, но это похоже было на то, какъ будто они стояли съ двухъ сторонъ надъ широкой, бездонной пропастью и въ тоскѣ и мукѣ тщетно простирали другъ къ другу руки.

Между тѣмъ Володѣ становилось все хуже. Онъ съ каждымъ днемъ дѣлался тоньше, желтѣе, прозрачнѣй, словно таялъ и гасъ; сильно горбился, слабѣлъ, ходилъ по комнатамъ, какъ тѣнь, кашлялъ мучительно и часто, обливаясь холоднымъ потомъ и выплевывая куски запекшейся крови, а лицо его заострялось, и глаза западали все глубже.

Однажды утромъ онъ проснулся и хотѣлъ встать, но отъ слабости у него закружилась голова и онъ упалъ на постель. Съ этого дня онъ уже не вставалъ съ постели.

Доктора, входя къ нему въ комнату и глядя на него, становились серьезны и писали свои рецепты съ такимъ видомъ, словно хотѣли сказать: это наша обязанность, но это совершенно не нужно,—никакое лекарство ему уже не поможетъ...

И всѣ это понимали, но боялись признаться себѣ и другъ другу. А Володя ничего не зналъ, и жалко было на него смотрѣть, когда онъ говорилъ о томъ, что скоро выздоровѣетъ и начнетъ усиленно заниматься, чтобы наверстать потерянное время. Послѣ такихъ разговоровъ съ Володей, Ирма приходила къ Лилѣ и заливалась слезами, а та, въ отчаяньи и мукѣ, ходила по комнатѣ, ломала пальцы и жаловалась на жестокость людей, которые не понимаютъ, какъ ей необходимо быть около Володи и которые, вѣдь, не имѣютъ права запретить ей это, потому что они любятъ другъ друга, потому что она—его, и онъ—ея. Обезсилѣвъ, она падала на постель и зарывшись въ подушки, рыдала горько и жалобно.

Она писала Володѣ отчаянныя письма, умоляя его настоять на ихъ свиданіи, увѣряя его, что она больше не можетъ выносить разлуки съ нимъ. Но Володя, занятый мыслью о скоромъ выздоровленіи, утѣшалъ ее, какъ могъ, просилъ подождать и потерпѣть и не приходить въ ихъ домъ, гдѣ ее могутъ оскорбить и обидѣть.

И Лиля грустно покорялась ему.

II.

Послѣ ночи, полной бреда, жара и невыносимо - тяжелаго кошмара, Володя тихо заснулъ на разсвѣтѣ, и ему снился странный сонъ. Входитъ онъ въ темный густой садъ съ рѣдкими, но огненно-голубыми просвѣтами между вѣтвей и стволовъ. Въ глубинѣ сада—низкое крыльцо стараго, глухого дома, окруженнаго цвѣтущими лиліями. Множество ослѣпительно-бѣлыхъ цвѣтовъ, свѣсившихся и качающихся на высокихъ, тонкихъ, зеленыхъ стержняхъ... Онъ идетъ по дорожкѣ, погружаясь въ прохладный сумракъ деревьевъ,—и вдругъ, видитъ дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, вынырнувшую изъ-подъ навѣса крыльца и остановившуюся среди лилій, подобную этимъ цвѣтамъ бѣлизной, стройностью и нѣжностью, и вокругъ ея головы какъ-будто сіяетъ ореолъ золотого солнечнаго свѣта...

Она стоитъ и ждетъ, смотритъ на него большими печальными глазами и держитъ въ рукѣ вѣтку съ тремя крупными, бѣлыми лиліями. Онъ остановился въ пяти шагахъ отъ нея, потерявшись отъ этихъ лилій, ихъ сладкаго, одуряющаго аромата, отъ бѣлаго платья и красоты дѣвушки, отъ ея грустныхъ, вопрошающихъ глазъ... Онъ хочетъ спросить ее: кто мы?—а губы его шепчутъ: я люблю тебя... Онъ хочетъ приблизиться къ ней и взять ея маленькую ручку въ свои руки, а ноги его подгибаются, и онъ опускается на колѣни, и все смотритъ на нее, очарованно и безумно... И она вдругъ улыбнулась загадочно и печально и подошла и протянула ему свою вѣтку съ тремя лиліями, говоря: возьми, такъ должно быть... Этотъ стержень—моя жизнь, эти лиліи—моя чистота, моя красота, моя молодость... Возьми ихъ—они твои...—И опять загадочно и печально улыбнулась.

И онъ взялъ вѣтку съ лиліями и въ порывѣ благодарности, нѣжности и непонятной ему жалости къ ней, припалъ губами къ ея маленькимъ, нѣжнымъ ножкамъ, стоявшимъ рядышкомъ на зеленой травѣ, какъ два розовыхъ голубка... И было въ саду тихо-тихо, и пахли сильно и одуряюще лиліи, и деревья съ соннымъ шепотомъ шевелили листьями...

А потомъ подошелъ кто-то сзади

и сказалъ ему: отдай эти лиліи, онѣ больше не нужны тебѣ...

И слова эти звучали такъ властно, что онъ не могъ ослушаться и протянулъ ей и отдалъ вѣтку съ лиліями. А она прижала ихъ къ груди и залилась слезами, и сердце въ немъ задрожало и застонало отъ боли, жалости и невыносимо-горькаго чувства нахлынувшаго одиночества. Кто-то взялъ его за руку и повлекъ за собой въ темную чащу, куда не проникалъ солнечный свѣтъ, гдѣ было холодно, сыро и въ травѣ шуршали змѣи, а онъ все оглядывался и видѣлъ бѣлую дѣвушку, стоявшую на зеленой полянѣ и плакавшую надъ своими тремя лиліями...

И чѣмъ дальше онъ уходилъ отъ нея и отъ дневнаго свѣта, тѣмъ все болѣе одинокимъ становился онъ, и ему было тяжело, больно и страшно идти за тѣмъ, кто, крѣпко держа его руку, велъ за собой и не показывалъ ему своего лица...

И вдругъ на него пахнуло влажнымъ запахомъ разрытой земли, онъ вздрогнулъ — и остановился надъ зіяющей у его ногъ могилой...

„Я умру", — съ тоской подумалъ онъ во снѣ—и проснулся...

Было свѣтло и тихо. За окномъ падалъ снѣгъ, густо и безшумно. Каждая снѣжинка, словно нарочно, замедляла свое паденіе, чтобы не производить шороха и не нарушать мягкой тишины. Только въ комнатѣ слышно легкое шуршанье у оконъ, скользящее по мокрымъ стекламъ сверху внизъ, безпрерывное, таинственное, словно шепотъ невидимыхъ существъ, словно касанія легкихъ, нѣжныхъ крыльевъ. Комната наполнена ровнымъ, мягкимъ отсвѣтомъ бѣлизны снѣга, заполнившаго въ улицѣ весь воздухъ, покрывшаго крыши, дома, тротуары. Казалось, вмѣстѣ съ этимъ свѣтомъ сквозь стекла проникалъ въ комнату свѣжій, рѣзкій запахъ снѣга, отъ котораго слегка кружилась голова и щекотало въ носу...

„Я умру",—думалъ Володя, и почему-то теперь, въ первый разъ за все время болѣзни, ему ясно и опредѣленно представилась близость и неизбѣжность смерти. И стало страшно, тоска сдавила сердце, а руки и ноги похолодѣли...

Онъ смотрѣлъ въ окно, слѣдилъ за падающими снѣжинками, а въ головѣ шла усиленная работа. Какое-то смутное воспоминаніе далекаго дѣтства, не то ласка матери, пришедшей изъ зимней улицы и касающейся его щеки свѣжимъ, холоднымъ лицомъ и засыпанными снѣгомъ волосами, не то раскрытая въ сѣняхъ дверь на бѣлый, снѣжный дворъ, откуда вѣетъ этимъ сладкимъ, бодрымъ, зимнимъ воздухомъ. Бѣлый, холодный, душистый снѣгъ, вызывающій безсознательную радость, желаніе лечь въ эту пушистую, холодную постель и впитать въ себя ея бѣлизну, свѣжесть, аромать. Снѣгъ на крыльцѣ, на перилахъ, на низкомъ сѣромъ заборикѣ, на столбикахъ садовой ограды, на голыхъ вѣтвяхъ деревьевъ, — и боишься тронуть его, чтобы не стряхнуть этой чистой бѣлизны, такъ свѣтло и красиво облекающей даже самые некрасивые предметы...

А потомъ вспомнилась могила бабушки, засыпанная снѣгомъ... Её несли въ открытомъ гробу.. Шелъ снѣгъ и падалъ на ея лицо, волосы, сложенныя на груди руки, и Володя, семилѣтній мальчикъ, шелъ среди родныхъ за гробомъ и думалъ: отчего снѣгъ, падая на его лицо и руки, сейчасъ-же таетъ, а на лицѣ и рукахъ бабушки остается такимъ-же бѣлымъ и пушистымъ, какъ на камняхъ мостовой? Развѣ она холодная?.. И онъ тормошилъ то мать, то отца и кричалъ, чтобъ накрыли чѣмъ-нибудь бабушку, потому что её засыпаетъ снѣгъ. Но никто не обращалъ вниманія на его слова... На кладбищѣ, когда закрывали гробъ, онъ опять плакалъ и кричалъ, чтобъ сняли съ ея лица и груди снѣгъ, что ей будетъ холодно, покрытой снѣгомъ, но его опять

не послушали и оставили въ гробу снѣгъ... Когда насыпали надъ могилой холмъ и поставили плиту съ надписью,—снѣгъ сейчасъ-же началъ осыпать и холмъ и плиту, и скоро ихъ стало не видно подъ его бѣлымъ покровомъ. Словно никогда ничего не было... Володя пересталъ плакать, потому что это поразило его. Снѣгъ все засыпалъ, сгладилъ, и бабушки больше не было...

Онъ передернулъ плечами, ему стало холодно; ознобъ разливался по всему тѣлу тонкими, скользящими, ледяными змѣйками и бросамъ его въ мелкую дрожь...

„Неужели, я умру?"—съ ужасомъ думалъ онъ, и быстро перебирая въ памяти весь ходъ болѣзни, пришелъ къ страшному по своей ясности и опредѣленности заключенію. И тутъ-же ему представилось—словно онъ самъ ощущалъ его—чувство пустоты, которое будутъ испытывать отецъ, мать, Ирма. Они будутъ ходить по комнатамъ, думать, говорить и плакать о немъ, будутъ называть его имя такъ, словно за нимъ скрывается нѣчто конкретное, осязаемое, а его самого *нигдѣ* не будетъ. Нигдѣ? Развѣ это возможно?

А мысль о Лилѣ острой болью прорѣзала его сердце. Она будетъ плакать, убиваться. Эта маленькая, хрупкая женщина поднимется на самую вершину горя и отчаянья, и, можетъ быть, снова упадетъ въ ту бездну безразличнаго, тупого существованія, изъ которой онъ сумѣлъ извлечь её только благодаря своей глубокой и нѣжной любви. Онъ не увидитъ ея слезъ, не услышитъ ея рыданій. Онъ уходитъ отъ нея, онъ теперь такъ ясно чувствуетъ, что уходитъ отъ нея и оставляя её, исчезаетъ съ лица земли и изъ ея жизни...

III.

Дверь тихо скрипнула, вошла Ирма. Она становилась на порогѣ, думая, что Володя спитъ. Онъ зашевелился и тихо спросилъ:

— Ирма, ты?

— Я, Володя.

Она подошла. Онъ взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ. Но пальцы его были слабы, и онъ уронилъ ея руку.

— Сядь, — чуть слышно сказалъ онъ.

Ирма опустилась на край постели и стала гладить его исхудавшую, почти прозрачную руку своей полудѣтской, маленькой ручкой.

Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, но по тѣни, пробѣгавшей по его лицу, видно было, что онъ хочетъ что-то сказать и не рѣшается.

— Что ты, Володя?—тихо спросила Ирма, наклоняясь надъ нимъ.

Онъ открылъ глаза и посмотрѣлъ на неё грустно и серьезно.

Никогда прежде онъ такъ не смотрѣлъ на нее. И вдругъ онъ криво, однимъ угломъ рта усмѣхнулся и закрылъ глаза.

Ирма поняла, что онъ хотѣлъ сказать. Этой безпомощной, жалкой улыбкой онъ сознавался въ своемъ безсиліи противъ смерти, которая шла на него.

Прижавшись щекой къ его рукѣ, она глотала слезы и силилась удержать ихъ, но онѣ не слушались ея и бѣжали изъ глазъ ручьями, обливая Володину руку. Онъ почувствовалъ ихъ теплоту, и у него самого на рѣсницахъ задрожали слезы.

„Ирма плачетъ",—подумалъ онъ: „я умираю, а она, вѣдь, остается жить... жить"...

Онъ нѣсколько разъ мысленно повторилъ это слово, какъ-будто теперь только понялъ его настоящее значеніе, весь его глубокій смыслъ.

„Жить... Это значитъ — видѣть, какъ падаетъ снѣгъ... дышать свѣжимъ, морознымъ воздухомъ... смотрѣть на небо, чувствовать солнце... слушать Ирму, цѣловать Лилѣ руки и губы... ахъ, это такъ много значитъ"...

— Вотъ настанетъ весна, — слышитъ онъ, говоритъ Ирма,—тебѣ лучше станетъ.. поѣдемъ куда-нибудь на югъ...

Онъ не слушаетъ, что говоритъ она дальше. Онъ думаетъ о весеннихъ экзаменахъ... Зданіе университета, шумная, волнующаяся толпа студентовъ... вызываютъ по фамиліямъ... Вотъ кричатъ: Ежовъ, Владиміръ!.. Кто-то отвѣчаетъ: умеръ... Какъ, когда, отчего умеръ?—сыплются вопросы... Кто-то разсказываетъ объ его болѣзни и смерти... но вотъ снова вызываютъ кого-то. О немъ уже забыли, какъ-будто его никогда и не было среди нихъ...

„И никто не зайдетъ провѣдать", съ горечью подумалъ Володя: „для нихъ—уже умеръ, уже трупъ"...

— Хорошо будетъ весной,—продолжаетъ Ирма, гладя его руку и глядя куда-то въ сторону полными слезъ глазами,—ты выздоровѣешь, и тогда уже незачѣмъ будетъ откладывать твое вѣнчаніе съ Лилей. Я знаю, папа и мама, въ концѣ концовъ, примирятся съ этимъ. Мы какъ-то говорили...

Володѣ хочется крикнуть:

— Зачѣмъ ты это говоришь? Вѣдь, ты-же знаешь, что я умру и не доживу до весны!..

Но ему пріятно поглаживаніе по его рукѣ ея теплой, маленькой, атласистой ручки, и онъ не прерываетъ ее, но и не слушаетъ больше, а отдается мыслямъ о Лилѣ. Онъ представляетъ ее себѣ послѣ того, какъ его не станетъ. И онъ ясно видитъ и съ ея стороны возможность забыть его. И это будетъ такъ просто. Вѣдь, его нѣтъ больше, онъ ушелъ, исчезъ, онъ—ничто, одно только имя, за которымъ—пустота, которое само по себѣ, безъ него самого, ничего не представляетъ. Она будетъ жить одна... долго будетъ жить одна и привыкнетъ къ этому... или...

Онъ видитъ, какъ открывается дверь въ ея комнату, и на порогѣ появляется незнакомый мужчина. Лиля вскакиваетъ съ дивана, гдѣ она сидѣла, обыкновенно, подобравъ ноги и платье и сложивъ на колѣняхъ тонкія—тонкія, полудѣтскія руки, бѣжитъ къ нему и обвиваетъ его шею руками и приникаетъ къ его груди свѣтловолосой головкой... Такъ она встрѣчала всегда Володю, а потомъ будетъ встрѣчать другого...

Въ груди его что-то начинаетъ клокотать и биться, подступаетъ къ горлу и душитъ; лицо синѣетъ, на лбу и вискахъ надуваются толстыя, темныя жилы, глаза наливаются кровью и лѣзутъ изъ орбитъ... Онъ приподымается на локтяхъ, падаетъ и бьется на подушкѣ въ припадкѣ неудержимаго кашля, который, казалось, рвалъ все у него внутри. Когда кашель прекратился, послышались рыданья. Захлебываясь слезами, съ мукой и злостью онъ говорилъ:

— Какъ-же это можетъ быть?.. Вѣдь, я не жилъ совсѣмъ... мнѣ только двадцать три года!.. Я никакъ не пойму этого!.. такая нелѣпость... безсмыслица!.. Кому нужно, чтобъ я умеръ?.. Ирма,. я хочу жить, жить, жить!..

Ирма обнимала и, цѣловала его и ничего не могла сказать. Она видѣла, что онъ уже все знаетъ, что онъ самъ пришелъ къ сознанію этого и всякое слово утѣшенія будетъ только больше раздражать и мучить его.

Кашель и рыданія совершенно обезсилили его. Онъ лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами, блѣдный и тихій, съ каплями холоднаго пота на лбу; его лицо стало строгимъ и серьезнымъ, онъ какъ-будто совсѣмъ перестазъ дышать, и Ирмѣ показалось, что онъ заснулъ.

Она встала и тихо пошла къ двери, но онъ вдругъ слабо окиликнулъ ее. Она остановилась.

— У тебя письмо отъ Лили,— увѣренно сказалъ онъ,—дай мнѣ его...

Ирма смутилачь, пошарила у себя въ карманѣ и вынула письмо.

— Тебѣ нельзя много волно

ваться!..—какъ-бы извиняясь, сказала она,—я думала послѣ дать тебѣ...

— Ахъ, Ирма... нельзя волноваться!.. — упрекнулъ ее Володя и криво усмѣхнулся,—вѣдь, теперь все равно...

Онъ быстро разорвалъ конвертъ и сталъ жадно читать письмо. Лицо его хмурилось и становилось злымъ и некрасивымъ... Онъ вдругъ положилъ письмо на грудь и, сдерживая кипѣвшую въ немъ злость, повернулся къ сестрѣ и твердо, отчеканивая каждое слово, сказалъ:

— Ирма, скажи отцу и матери, что пора перестать играть эту глупую комедію. Я умираю и хочу, чтобы Лиля была здѣсь около меня. Пусть-же поймутъ они, что теперь не время считаться съ предразсудками, что это—послѣдняя услуга, которую они могутъ оказать мнѣ. Скажи имъ, Ирма... — онъ хотѣлъ продолжать, но почувствовалъ приступъ кашля, безпомощно махнулъ рукой и отвернулся къ стѣнѣ, вздрагивая и трясясь всѣмъ тѣломъ.

Ирма вышла изъ комнаты, безсильно прислонилась въ передней и, прижавъ ко рту платокъ, разрыдалась...

IV.

Володя лежалъ и ждалъ. Онъ боялся думать, что родители не согласятся привезти и оставить около него Лилю. Это было-бы несправедливо и чудовищно. Раньше онъ самъ просилъ Лилю потерпѣть и подождать, пока онъ поправится и придетъ къ ней. Онъ боялся, что она не выдержитъ и придетъ къ нему, и ее здѣсь оскорбятъ и обидятъ. А теперь ужъ больше нельзя ждать: онъ никогда уже не сможетъ придти къ ней, и она должна войти въ ихъ домъ. Теперь къ ней могутъ отнестись по человѣчески, потому что она приходитъ къ умирающему. И развѣ, умирая, онъ не можетъ потребовать отъ жизни и родителей сочувствія къ своему желанію увидѣть любимую женщину и проститься съ ней навсегда? Вѣдь, это желаніе такъ естественно и справедливо.

Онъ ждалъ, и легкое волненіе дрожало у него въ груди. Закрывая глаза, онъ ясно представлялъ себѣ лицо Лили, блѣдное полудѣтское лицо съ большими карими глазами, которые такъ хорошо умѣютъ лучиться и сіять отъ радости. Онъ такъ любилъ гладить ея шелковистые, свѣтлые волосы, цѣловать ея маленькія, дѣтскія ручки, становиться передъ ней на колѣни и обнимать ея тонкія, стройныя ноги, теплота которыхъ чувствовалась сквозь платье и, какъ электрическій токъ, заставляла его всего вздрагивать. Ему такъ пріятно было, когда она наклонялась къ нему, брала въ руки его лицо и прижималась къ его губамъ нѣжными, горячими губами...

Какимъ большимъ и свѣтлымъ счастьемъ вошла она въ его жизнь!.. Началось это весной, и ему кажется, что все время, что онъ ее знаетъ, длится эта нѣжная, теплая весна...

Вотъ онъ, проходя черезъ дворъ къ товарищу, видитъ её стоящей на крыльцѣ и низко ей кланяется. Она краснѣетъ и торопится уйти въ комнату, а у него сердце сильно бьется...

Вотъ онъ слѣдитъ изъ окна маленькой комнаты товарища за мелькающей въ садикѣ, среди зеленыхъ кустовъ сирени и крыжовника, тоненькой фигуркой вь бѣлой рубашечкѣ и бѣлой гофрированной юбкѣ, сквозь которую внизу такъ красиво просвѣчиваютъ контуры тонкихъ полудѣтскихъ ножекъ въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и бѣлыхъ туфелькахъ. „Какъ она молода и красива", думаетъ онъ и его неудержимо тянетъ къ ней...

Ясное, теплое утро. Володя пришелъ къ товарищу и не засталъ его дома. Сидитъ на крыльцѣ и ждетъ. У нея окно раскрыто, — и она стоитъ въ окнѣ. Свѣжая, юная и нѣжная. На окнѣ сидитъ старая, сѣрая кошка, грѣется на солнцѣ,

жмуритъ зеленые глаза съ узкими черными щелями зрачковъ и то выпускаетъ изъ мягкихъ лапокъ, то снова прячетъ въ нихъ острые, кривые когти.

Дѣвушка не видитъ Володи; она наклоняется, обнимаетъ кошку, трется о ея нагрѣтую солнцемъ шерсть своей круглой нѣжной щекой. Кошка еще сильнѣй выпускаетъ когти, и по ея усатой физіономіи разливается выраженіе сладко-мучительнаго блаженства...

А ея хозяйка поднимаетъ голову, долго и сладко втягиваетъ въ себя весенній воздухъ и, закинувъ за голову руки, томно потягивается; кошка ходитъ по подоконнику около нея и трется о ея упругую, молодую грудь, не замкнутую въ корсетъ, а свободно охваченную легкой бѣлой батистовой рубашечкой...

Володя смотритъ и слегка волнуется. Молоденькая, красивая дѣвушка радуетъ его не меньше весенняго неба, согрѣваетъ не меньше весенняго солнца. Онъ еще не говоритъ себѣ: я люблю её, но она — весна, а весну онъ любитъ и называетъ своей. Онъ все называетъ своимъ, что красиво и что онъ любитъ. Такова дерзость молодости...

Онъ встаетъ и кланяется. Ея лицо становится пунцовымъ, но она отвѣчаетъ на поклонъ и прячется въ сумракъ комнаты. А Володѣ становится грустно.

Она поетъ у себя въ комнатѣ, тихую, незатѣйливую пѣсенку, но голосъ ея какъ-то странно вибрируетъ и дрожитъ, и въ немъ слышатся то слезы, то яркій звонъ радости и ликованія. Володя сидитъ на крыльцѣ и слушаетъ её и свою грусть. Эта грусть, какъ дальняя пѣсня, томитъ его и такъ сладка и нѣжна, какъ запахъ сиреневыхъ почекъ, какъ теплое дуновеніе весенняго вѣтра.

Иногда становилось такъ больно, что онъ блѣднѣлъ и закрывалъ глаза, а потомъ боль переходила въ тихое чувство одиночества, онъ открывалъ глаза, болѣзненно-слабо улыбался пѣснѣ Лили, солнцу, травѣ небу и ложился на теплыя, нагрѣтыя солнцемъ ступени, въ легкомъ изнеможеніи томительной лѣни...

Послѣ въ саду онъ стоялъ подъ яблоней и смотрѣлъ на Лилю, и надъ ними трепетали отъ тихаго теченія теплаго воздуха розовые лепестки цвѣтовъ яблони, прозрачныхъ въ солнечномъ свѣтѣ. Она не смотрѣла на него, и онъ видѣлъ ея лицо въ профиль; ея глаза остановились на одномъ ощущеніи, глубокомъ и таинственномъ, въ которомъ чувствовалась вѣчная тайна предопредѣленія. Ея руки безсильно висѣли, грудь часто дышала, а лицо было неподвижно, и въ немъ было рѣшеніе, не ея, но кого-то, кто давно предназначилъ совершиться этому мгновенію.

Да, это было мгновеніе, заключившее въ себѣ вѣчность; казалось, они неожиданно переступили какую-то тайную черту и вошли въ солнечный свѣтъ иного существованія, гдѣ понятно все безъ словъ и движеній, гдѣ души говорятъ между собой...

Но вотъ налетѣлъ какой-то вихрь, горячій, удушливо-ароматный, полный золотыхъ искръ и розовыхъ лепестковъ яблони, окружилъ ихъ, какъ огненный столбъ... И онъ не знаетъ, какъ ея руки очутились въ его рукахъ, какъ ея грудь приникла къ его груди... Теплая золотая сѣть опутывала ихъ и сжимала все тѣснѣй, такъ сильно, что для груди не хватало воздуха, голова кружилась, въ глазахъ темнѣло...

Цѣлый день они бродили вмѣстѣ по городу, какъ во снѣ, не чувствуя ни зноя, ни усталости. То спѣшили говорить, нужно было такъ много сказать, что, казалось, словъ и времени не хватитъ, то молчали и смотрѣли другъ на друга и улыбались такъ свѣтло и радостно, что прохожимъ вчужѣ становилось завидно.

Какой-то мальчикъ предложилъ имъ купить ночныя фіалки, бѣлые, сѣверные цвѣты, которые пахнутъ

только вечеромъ и ночью. Онъ взялъ ей и себѣ по букету. Потомъ зашли въ какой-то ресторанъ пообѣдать. И во время обѣда продолжали знакомиться и раскрываться другъ передъ другомъ, какъ цвѣты, согрѣтые первымъ солнечнымъ лучемъ весны. А когда они вышли на улицу—она заикнулась-было о своемъ прошломъ, но онъ не далъ ей говорить. Что ему за дѣло до ея прошлаго? Онъ любитъ её сейчасъ такою, какая она есть; ея красота внѣшняя и внутренняя слагалась изъ прошлыхъ обстоятельствъ и переживаній и, любя её теперь, онъ любитъ и ея прошлое.

Она съ трогательной благодарностью пожала его руку своей маленькой, теплой ручкой. А тутъ вдругъ запахли бѣлыя фіалки. Солнце садилось, и они начали дышать свѣжимъ, тонкимъ запахомъ, напоминавшимъ темную сѣрую аллею большого вечерѣющаго сада, гдѣ на куртинахъ подъ большими деревьями, окутанные сумракомъ и тишиной, дремлютъ и дышатъ распустившіеся влажные цвѣты. Это было такъ хорошо—идти рядомъ, купаясь въ золотѣ вечерняго солнца, и чувствовать другъ друга и погружать лицо въ бѣлые, нѣжные цвѣты, отъ запаха которыхъ невольно закрывались глаза.

Въ сумеркахъ они сидѣли на какомъ-то пустынномъ бульварѣ, гдѣ не было ни одной живой души, тѣсно прижавшись другъ къ другу, счастливые и молчаливые. Онъ обнималъ одной рукой ея узкія, полудѣтскія плечи, а другой нѣжно прижималъ ея лицо къ своей щекѣ. И эту руку охватили ея маленькія ручки такъ сильно, какъ будто хотѣли надолго, навсегда удержать ее въ такомъ положеніи. А фіалки, лежавшія на его и ея колѣняхъ, пахли все свѣжѣй и сильнѣй и обнимали ихъ какъ-будто легкимъ покровомъ прозрачнаго сновидѣнія, въ которомъ свѣжій шумъ листьевъ древесныхъ мѣшался съ тихой, немного грустной мелодіей скрипки и рояля, лившейся какъ- будто съ неба тонкой, нѣжно звенящей струей... Хотѣлось плакать отъ счастья и сладко щемящей боли въ груди, и хотѣлось отъ этой боли умереть...

Когда они очнулись, зеленовато-серебряный свѣтъ луны сквозилъ въ вѣтвяхъ деревьевъ и вѣтеръ широко и шумно шелъ по листьямъ. Они встали, взглянули другъ на друга, задрожали...

— Лиля...

— Володя...

И опять, какъ утромъ въ саду, но уже не золотой, а серебряный вихрь, полный запаха бѣлыхъ фіалокъ и алмазныхъ брызгъ луннаго свѣта, налетѣлъ на нихъ, столкнулъ ихъ губы къ губамъ, грудь къ груди, оплелъ ихъ ихъ-же руками и завертѣлся вокругъ нихъ, какъ столбъ бѣлаго, сѣвернаго сіянія. О, какой это былъ поцѣлуй, какое это было счастье!...

Они шли по бульвару обнявшись. Вѣдь, ихъ никто не видѣлъ, а они были такъ счастливы своей любовью и другъ другомъ!...

И вотъ они пришли въ его комнату. Это случилось такъ, какъ-будто иначе и быть не могло. Онъ не говорилъ и не думалъ, куда они идутъ, а она вся довѣрялась ему и не спрашивала.

Родители и сестра Володи уѣхали заграницу, и онъ жилъ въ домѣ одинъ. Онъ взялъ Лилю, какъ маленькую дѣвочку, за талію и внесъ ее на лѣстницу на второй этажъ.

Вошли. Окно раскрыто и луна смотритъ въ окно.

— Ты у меня? у меня?—спрашивалъ онъ, не вѣря возможности такого чуда, и опускался передъ ней на полъ, обнималъ ея колѣни, прижимаясь губами къ бѣлому платью. И закинувъ голову, смотрѣлъ въ ея склоненное къ нему улыбающееся, хорошенькое личико и спрашивалъ съ волненіемъ и радостью:

— Ты моя, Лиля?..

И слышалъ тихое, глубокое, проникновенное—

— Твоя...

Она вся стыдливо затихала, замирала, прислушиваясь къ ощущенію счастья этихъ нѣжныхъ ласкъ, отдаваясь имъ съ легкимъ трепетомъ женской чистоты и стыдливости...

V.

— Я никогда не позволю, слышишь, Ирма, и не говори лучше, не упоминай мнѣ имени этой женщины!...

Голосъ матери прозвучалъ въ сосѣдней комнатѣ рѣзко и грубо и, какъ обухомъ, ударилъ Володю по головѣ. „Начинается", -- подумалъ онъ и тихо застоналъ. Боль въ груди и во всемъ тѣлѣ отрезвила его отъ радости переживанія прошлаго счастья, которое принадлежало жизни, а онъ, вѣдь, теперь принадлежитъ смерти. Слова матери напомнили о Лилѣ, которая ждетъ разрѣшенія придти къ нему, которую ему такъ хочется, такъ нужно увидѣть...

„Боже мой," отчего они такъ жестоки со мной?... Развѣ мама не знаетъ, что я умираю? Или мнѣ самому сказать ей объ этомъ?..

Онъ пошарилъ рукой по стѣнѣ, нашелъ кнопку и позвонилъ. Въ комнату вбѣжала Ирма съ заплаканными глазами и мать съ краснымъ, еще не остывшимъ отъ гнѣва, лицомъ.

Володя съ трудомъ приподнялся на локтяхъ и слабо попросилъ:

-- Я хочу сѣсть...

Ирма помогла ему сѣсть и обложила его подушками.

— Сядьте, мама... и ты, Ирма...

Мать сѣла на стулъ, Ирма на постель. Обѣ вопросительно ждали, приготовившись, каждая по своему. Володя переводилъ глаза съ одной на другую и смотрѣлъ серьезно и грустно.

— Мама, — сказалъ онъ: я васъ хочу попросить... это моя послѣдняя просьба... я больше никогда ни о чемъ не буду васъ просить... и ничѣмъ не буду васъ огорчать...

Онъ остановился. Ему было трудно говорить. Въ груди начинало клокотать, нужно было переждать, чтобы не вызвать приступа кашля. У Ирмы глаза наполнились слезами, и она отвела ихъ въ сторону, чтобъ Володя не видѣлъ. А мать воспользовалась его передышкой и быстро заговорила, сразу принявъ боевой тонъ:

— Я знаю, о чемъ ты хочешь просить. Но этого не будетъ никогда. Довольно и такъ сраму и стыда я набралась изъ-за тебя! Всѣ въ городѣ пальцемъ на насъ показываютъ, отъ шпилекъ и намековъ проходу нѣтъ!.. Еще не доставало пустить къ себѣ въ домъ эту потаскушку!..

— Мама!—вырвалось у Володи и Ирмы одновременно, но она отмахнулась отъ нихъ рукой и продолжала такъ визгливо и грубо, что Ирма вскочила и стала быстро и нервно ходить по комнатѣ, а Володя корчился на постели и стоналъ, словно его хлестали раскаленными желѣзными прутьями.

— Хорошо ты отплатилъ намъ за все, что мы сдѣлали для тебя, нечего сказать! Глазъ никуда нельзя показать изъ-за тебя! Отъ стыда дѣваться некуда!.. Предпочелъ насъ какой-то падшей женщинѣ и теперь еще хочешь ввести ее въ нашъ домъ, чтобы окончательно лишить знакомствъ и кредита!.. Ты знаешь, что и теперь дѣла твоего отца не важны, благодаря твоей связи съ этой женщиной, а если исполнить твою просьбу—онъ совсѣмъ разорится!.. Ты, видно, хочешь этого, но, пока я жива, я никогда не допущу до этого!.. Довольно, что ты водилъ ее сюда, когда насъ не было, а теперь я скорѣй умру, чѣмъ позволю это!.. И что ты нашелъ въ ней? Вѣдь, такихъ, какъ она, тысячи ходятъ по улицамъ и продаются каждому встрѣчному!..

— Мама, да перестаньте-же!.. — негодующе закричала Ирма, остановившись посреди комнаты и дрожа отъ гнѣва и обиды за Володю и Лилю. А Володя тщетно пытался заговорить и только ломалъ въ отчаяньи пальцы.

Мать удивленно замолчала и обернулась къ Ирмѣ. Она никогда не видѣла эту всегда послушную дѣвочку такой возмущенной и гнѣвно протестующей, и въ первое мгновенье даже потерялась и лишилась способности говорить. Но, почти тотчасъ-же овладѣвъ собой, она спокойно указала дочери на дверь и строго сказала:

— Ирма, выйди отсюда! Тебѣ еще рано мѣшаться въ такія дѣла!

— Не пойду! — дерзко отвѣтила Ирма и топнула ногой, сверкнувъ, какъ дикій звѣрекъ, глазами.

— Что?—закричала мать, выходя изъ себя и поднимаясь. Ахъ ты дѣвчонка! Да какъ ты смѣешь?..

— Я не пойду, не пойду!..—кричала Ирма, готовая разрыдаться отъ злости и обиды.

— Вонъ отсюда!—визжала мать,—я тебѣ покажу, дрянная ты, дѣвченка!..

— Мама, мама!- стоналъ Володя хватаясь отъ боли за грудь:—оставьте!.. Боже мой, что за мука!..

— Сейчасъ-же убирайся въ свою комнату, и чтобъ ты цѣлый день не выходила оттуда! Слышишь?..

— Не хочу!—крикнула Ирма, уже рыдая и бросилась къ Володѣ, который вдругъ закашлялся и чуть не свалился съ постели.

Вбѣжалъ отецъ:

Что тутъ такое? Въ чемъ дѣло?..

— Представь себѣ, — бросилась къ нему мать, обрадовавшись поддержкѣ мужа, въ которой не сомнѣвалась,—твой сынокъ, уже достаточно опозорившій нашу семью своей постыдной связью съ этой грязной женщиной, теперь требуетъ, чтобы мы приняли ее къ себѣ въ домъ, а эта сумасбродная дѣвчонка поддерживаетъ его, да еще дерзитъ и грубіянитъ!..

Ирма вскочила, пылая щеками и глазами и, переглянувшись съ Володей, который какъ-будто бы далъ ей на что-то разрѣшеніе, прерывающимся отъ волненія голосомъ и дрожа, почти плача, истерически закричала:

— Какъ вы не видите, что Володя, вѣдь, умираетъ!.. Что ему никогда не поправиться и не пойти больше къ Лилѣ!.. Ему нужно видѣть ее, потому что онъ любитъ ее и не можетъ умереть безъ нея!.. Это будетъ его послѣдняя радость, и вы не имѣете права лишать его этой радости! Какъ вы этого не понимаете? Какъ вы можете...

Она не договорила, захлебнулась слезами, упала на коверъ, около постели и, зарывшись лицомъ въ одѣяло, громко, истерично разрыдалась...

Старики какъ-будто опомнились и съ недоумѣніемъ смотрѣли на нее и на Володю. Вглядываясь въ его желтое, восковое лицо, вдавленную грудь, высохшія руки, они какъ-будто только теперь ясно и опредѣленно поняли, что Володя умираетъ, и что теперь нельзя такъ говорить и поступать, какъ говорятъ и поступаютъ они. Лица ихъ выражали страхъ и смущеніе. У матери дрожали губы и подбородокъ и мигали глаза, на которыхъ заблестѣли слезы, и она нервно искала дрожащими руками кармана въ юбкѣ, чтобъ достать платокъ. Отецъ, нахмурившись, смотрѣлъ въ полъ и щипалъ свою сѣдую бороду...

Дверь тихо открылась. Кто-то заглянулъ въ комнату... Володя поднялъ голову. Ирма почувствовала сильный толчекъ въ плечо. Володя дико закричалъ:

— Лиля!..

И, какъ эхо, изъ дверей ему откликнулся такой-же дикій рыдающій крикъ:

— Володя!..

Она вбѣжала въ комнату, бра-

сывая на ходу пальто и шляпу, зацѣпила и дернула волосы, и они свѣтлой волной разлились по плечамъ и спинѣ, и рыдая и смѣясь, она упала около кровати рядомъ сь Ирмой, не успѣвшей подняться и прижималась головой, щеками, губами къ лицу, къ груди, къ рукѣ Володи, обнимала и прижимала его голову къ своей груди, цѣловала его руки, постель, одѣяло, плакала, смѣялась и все повторяла:

— Володя... Володя... милый...

А онъ гладилъ ея плечи, волосы и щечки, дыша запахомъ снѣга, который она принесла съ собой въ волосахъ и на платьѣ, и лицо его казалось лицомъ здороваго и счастливаго человѣка.

Старики переглянулись и молча вышли изъ комнаты. Ирма тихо послѣдовала за ними.

VI.

Они долго ласкали другъ друга, забывъ обо всемъ, и какъ-будто говорили ласками рукъ, глазами, прикосновеніями губъ. Имъ было такъ хорошо и радостно быть вмѣстѣ, что, казалось, все горе какъ-то отошло въ сторону и не мѣшало имъ наслаждаться другъ другомъ.

Володя взялъ лицо Лили въ руки и, тихо поглаживая ладонями ея холодныя, нѣжныя щеки, долго смотрѣлъ на нее, какъ будто искалъ въ ней и хотѣлъ понять ея жизнь за все то время, что онъ не видѣлъ ее. Она исхудала; маленькое личико сдѣлалось дѣтски — нѣжнымъ и грустнымъ, а каріе ободки глазъ стали еще прозрачнѣй, но въ нихъ уже не мелькали золотыя искорки, которыя такъ радовали и веселили его. Отчего они погасли? Должнобыть, она много плакала, и слезы потушили ихъ...

Она ласково и радостно улыбалась ему, но за этой улыбкой Володя чувствовалъ страхъ и боль за него. Ему страстно хотѣлось утѣшить и порадовать ее, проявить къ ней всю теплоту своей любви и жалости, но спазмы сжимали горло и мѣшали говорить... Онъ только гладилъ ея лицо руками и цѣловалъ ея чистый, бѣлый лобъ, тоненькія брови и глаза, которые она тихо закрывала, когда онъ прикасался къ нимъ губами.

Онъ чувствовалъ губами длинныя, мягкія рѣсницы и движеніе глазъ подъ тонкими, нѣжными вѣками, и это, какъ и раньше, пробуждало въ немъ неутолимое желаніе слиться съ ней, впитать, вобрать ее въ себя, чтобъ всегда чувствовать ее съ собой нераздѣльно и полно; и рядомъ съ этимъ желаніемъ вставала мука преждевременной смерти и страхъ—потерять ее. Этотъ страхъ возросталъ въ немъ съ каждымъ мгновеньемъ и грозилъ заглушить, задавить всѣ остальныя чувства...

— Ты не уйдешь, Лиля? Ты будешь со мной? Лиля?..—спрашивалъ онъ съ тревогой и мольбой въ глазахъ и бралъ ея руки, платье, волосы своими тонкими, дрожащими пальцами, которые отъ слабости ничего не могли удержать и безсильно падали на постель. Она кивала ему въ отвѣтъ головой и не переставала улыбаться, какъ-будто не видѣла его лица—лица умирающаго, или не хотѣла дать ему понять, что она знаетъ все и что ея сердце разрывается отъ жалости и горя за него и за себя.

— Лиличка, бѣдная!.. — вдругъ вырвалось у него, онъ прижался лбомъ къ ея головѣ и тихо заплакалъ, обнимая ея голову рукой, и чувствовалъ подъ своими пальцами ея мягкіе, волнистые волосы, и отъ этого хотѣлось еще больше, сильнѣе плакать. Онъ плакалъ, какъ дитя, захлебываясь слезами, всхлипывая и жалобно приговаривая:

— Я умру, Лиля... вѣдь, я скоро умру... И я не понимаю этого... не понимаю, какъ я могу умереть, когда я такъ люблю тебя и хочу быть съ тобой... Еслибъ было кому сказать: не надо... не надо... я хочу

еще жить... я не жилъ еще... дайте мнѣ еще хоть немного пожить... Я убѣдилъ-бы оставить меня, потому что съ такой жаждой жизни страшно и безсмысленно умирать!..

Онъ пересталъ плакать и, откинувшись на подушку, съ страстной тоской продолжалъ:

— Кому-же сказать? Лиля... кому-же это сказать?.. Я чувствую вокругъ себя стѣны, потолокъ, людей, всю землю и небо, и я одинокъ, какъ никогда не бывалъ въ жизни... Я не знаю, кого просить, и кто можетъ мнѣ помочь... Всѣ ходятъ вокругъ меня, смотрятъ на меня — и оставляютъ одного умирать, когда я такъ хочу жить!.. И они становятся мнѣ все больше далекими... я ухожу отъ нихъ одинъ, одинъ... никто не знаетъ, никто не понимаетъ, какъ это страшно и трудно — умирать... Ахъ, Лиля, главная мука въ томъ, что и отъ тебя я уйду, совсѣмъ, совсѣмъ уйду и никогда тебя больше не увижу... Развѣ есть небо, развѣ есть Богъ послѣ этого?!.. О, если Онъ есть!...—онъ поднялъ кулаки съ мукой и злостью безсилья, готовый крикнуть хулу и проклятье. Но Лиля быстро схватила его руки и прижалась губами къ его губамъ...

Онъ сразу обезсилѣлъ. Руки упали, голова поникла. Онъ хрустнулъ пальцами.

— Еслибъ ты знала, какъ мнѣ тяжело!..

Лиля сѣла на постель, обняла его и прижалась головой къ его груди. Они молчали, оба подавленные, измученные остротой перваго приступа горя. Въ комнатѣ и во всемъ домѣ тихо-тихо, и чувствуется легкій холодокъ, какъ-будто всѣ ушли и оставили всѣ двери настежь открытыми. У оконъ слышится легкій шорохъ снѣжинокъ, падающихъ и скользящихъ по стеклу... Тяжело, жутко, холодно...

Лиля лежитъ у него на груди головой съ закрытыми глазами и какъ-будто спитъ. А у Володи глаза широко раскрыты и смотрятъ серьезно и пристально, какъ-то мимо всего, въ какую-то пустоту, гдѣ онъ видитъ что-то страшное, непонятное... Руки его обнимаютъ и держатъ Лилю, какъ-будто это страшное собирается напасть на нихъ и отнять ее у него...

Вѣки у Лили тихо дрожатъ. Что-то свѣтлое пробѣгаетъ по ея глазамъ и прячется въ уголкахъ губъ. Она думаетъ о чемъ-то хорошемъ, и лицо ея вдругъ озаряется счастливой улыбкой. Она открываетъ глаза и поднимаетъ ихъ на Володю, продолжая улыбаться. И онъ видитъ въ прозрачныхъ ободкахъ ея зрачковъ золотыя искорки, которыя прыгаютъ и смѣются.

„Слезы о моей смерти потушили ихъ,—подумалъ Володя,—какая-же новая жизнь зажгла ихъ опять“?..

— Знаешь, Володя, — шепотомъ говоритъ Лиля, какъ-будто боится, что ее кто-нибудь услышитъ,—и становится вся пунцовой и такой нѣжной и хорошенькой, какой Володя никогда ее не видѣлъ: я... у меня... будетъ ребенокъ...

И прижалась къ нему еще сильнѣй, смущенная и счастливая.

Володя сначала не понялъ ее и смотрѣлъ, недоумѣвая. Потомъ вдругъ весь просвѣтлѣлъ и порывисто обхватилъ ея плечи руками, растерянно спрашивая.

— Лиля, правда? Ты не ошиблась?.. Лиля, какъ-же это? Отчего-же ты молчала, не говорила мнѣ?..

— Я только сегодня почувствовала это... Онъ шевельнулся, и мнѣ сначала страшно стало, а потомъ такъ хорошо...

Она посмотрѣла ему въ глаза сіяющая и счастливая, и вдругъ мягкимъ, душевнымъ голосомъ, въ которомъ послышалось что-то незнакомое ему, какая-то новая красота, которая словно одѣвала ее всю нѣжнымъ сіяніемъ, сказала:

— Володя, вѣдь у меня будетъ *твой* ребенокъ!..

И она уже не смущалась, не краснѣла, а была свѣтла и горда своимъ счастьемъ, которое, какъ яркій солнечный лучъ, прорѣзало темныя тучи горя и отчаянья.

Но это продолжалось одно мгновенье. Она какъ будто-то спохватилась, и ей страшно стало своего горя и счастья. И вся какъ-то поникла, потухла, съежилась. Руки безсильно и устало лежали на колѣняхъ, а глаза смотрѣли испуганно и наполнялись слезами.

У Володи-же на лицѣ продолжалъ горѣть этотъ лучъ. Онъ откинулся на подушки и, сложивъ руки на груди, говорилъ тихо, но возбужденно, и мечтательно улыбался:

— Какъ это хорошо, Лиля... Знаешь, у меня такое чувство, какъ будто я не боленъ и не долженъ скоро умереть, а буду жить и буду всегда съ тобой... Лиля, у тебя будетъ мой ребенокъ,—вѣдь, это значитъ, что у тебя буду я... Я еще долго буду здѣсь... Ахъ, Лиля!..

Онъ замолчалъ, въ изнеможеніи отъ избытка наполнившаго его чувства умиленія, и закрылъ глаза. И, какъ-будто засыпая и во снѣ улыбаясь, продолжалъ.

— Это я буду опять—маленькимъ, нѣжнымъ, чистымъ,.. и такимъ слабымъ и безпомощнымъ... Ты будешь кормить меня... Лиля, кормить своей грудью, баюкать, купать, цѣловать мое тѣльце... Опять дѣтство, игрушки... сколько маленькихъ и большихъ радостей и печалей... Лиля, ты будешь любить меня... его, моего ребенка?...

Лиля молчала. Она душилась слезами и вдругъ затряслась, и какъ-будто давясь чѣмъ-то, полузадушеннымъ крикомъ отвѣтила только:

— О, Володя!..

И вскочила, бросилась къ двери, притворивъ за собой дверь.

Володя удивленно проводилъ ее глазами. Слышно было, какъ въ передней Лиля глухо рыдала. Потомъ послышался голосъ матери, къ удивленію Володи, тихо и ласково успокоивавшей и утѣшавшей Лилю. Вотъ они куда-то уходятъ. Володя улыбнулся тому, что мать стала къ Лилѣ такъ хорошо относиться.

„Лиля плачетъ, что я умираю,—подумалъ Володя:—а меня уже это не мучитъ... Какъ странно!.. Отчего это?... Неужели я уже привыкъ къ мысли о смерти?...

Но этотъ вопросъ долго не занималъ его. Онъ забылъ даже и о томъ, что тамъ гдѣ-то въ комнатахъ плачетъ Лиля, и думаетъ о своемъ ребенкѣ, о томъ *себѣ*, который скоро начнетъ новую жизнь сначала. „Онъ будетъ чувствовать себя, какъ сейчасъ я чувствую себя, и его *я*, чувствующее себя, будетъ мое *я*. Только какъ-же это: вотъ теперь я многое знаю въ жизни, а онъ ничего не будетъ знать, и все постепенно будетъ открываться ему, отчего-же я не могу перейти въ него вмѣстѣ съ всѣмъ моимъ знаніемъ?... Нѣтъ, это было-бы смѣшно и противоестественно: ребенокъ, только что родившійся— и съ жизнью двадцати-трехъ лѣтъ.

Онъ тихо засмѣялся и продолжалъ себѣ рисовать себя въ видѣ маленькаго ребенка, съ нѣжнымъ розовымъ тѣльцемъ, пухлыми ручками и ножками и свѣтлыми, невинными глазами. Вотъ онъ лежитъ въ колыбелькѣ, которая тихо качается, и слышитъ голосъ Лили, напѣвающій простую пѣсенку собственнаго сочиненія:

Баю-баюшки, родной,
Спи, Володя, я съ тобой...

Но онъ не спитъ, таращитъ глаза и высовываетъ изъ-подъ мягкаго голубого одѣяльца то рученки съ сжатыми кулачками, то маленькія, розовыя ножки. Вотъ Лиля наклоняется къ нему и цѣлуетъ его глазки,—онъ чувствуетъ этотъ легкій поцѣлуй нѣжныхъ губъ и запахъ ея волосъ, въ которыхъ онъ запутывается ручками. Она осторожно подкладываетъ подъ его

головку и тѣльце свои любящія руки, вынимаетъ его изъ колыбельки и прикладываетъ его личико къ своей теплой, мягкой груди. Онъ ловитъ губами сосокъ, поймалъ его и жадно сосетъ, усиленно сопя носикомъ. Теплая струйка сладкаго молока бѣжитъ въ ротъ и булькаетъ въ горлышкѣ... А Лиля тихонько покачиваетъ его на рукахъ и тоненькимъ голоскомъ напѣваетъ.

Баю-баюшки, родной,
Спи, мой мальчикъ, я съ тобой.

VII.

Дверь тихо открывается, входитъ Ирма, Володя поворачиваетъ къ ней свое счастливое лицо и смотритъ на сестру сіяющими глазами. Ирма поражена перемѣной, происшедшей съ нимъ со времени прихода Лили.

Онъ манитъ ее къ себѣ пальцемъ съ такимъ видомъ, словно имѣетъ сообщить ей нѣчто чрезвычайно важное и радостное. Она подходитъ, наклоняется, и Володя, обнявъ ея шею руками и глядя ей прямо въ глаза свѣтлыми, смѣющимися глазами, тихо сообщаетъ:

— Знаешь, Ирма... у Лили будетъ *мой* ребенокъ...

Ирма неестественно широко раскрываетъ, глаза, и на мгновенье въ ея лицѣ мелькаетъ темная тѣнь какого-то жуткаго страха.

Но Володя не замѣчаетъ этого и повторяетъ ей то, что недавно говорилъ Лилѣ:

— Ты понимаешь, Ирма, я не уйду отъ васъ, отъ Лили, я не исчезну совершенно...Это маленькое существо, которое родится у Лили —вѣдь, это буду я... не часть меня, а весь я... Онъ навѣрно будетъ похожъ на меня... Ирма, ты будешь любить его?...

Ирма опускается на постель, и по ея щекамъ бѣгутъ крупныя слезы. А Володя уже забылъ о ея присутствіи, закрылъ глаза и снова мечтаетъ, и лицо его свѣтится почти женственной нѣжностью. Онъ видитъ себя трехлѣтнимъ мальчуганомъ, играющимъ въ уголкахъ комнатъ обломками игрушекъ, которыя онъ самъ-же переломалъ изъ желанія узнать, что въ нихъ заключается; и каждая игрушка, даже въ такомъ изуродованномъ видѣ,—для него живое существо со всѣми человѣческими способностями и слабостями: онъ съ ними говоритъ, цѣлуетъ ихъ, бьетъ, ласкаетъ, укладываетъ спать...

Видитъ онъ себя гуляющимъ по улицамъ и въ саду съ мамой— Лилей, которой онъ надоѣдаетъ безконечными вопросами, вродѣ:

— Мама, что это?

— Солнце.

— Какъ солнце?...

Или:

— А что это, мама?

— Облака.

— Почему облака?...

И мама-Лиля не можетъ объяснить—„какъ солнце" и „почему облака" и только тихо и ласково смѣется и, наклоняясь къ нему, цѣлуетъ его лобикъ и глазки. Онъ не знаетъ этихъ словъ—„солнце" и „облака", и не понимаетъ этого горящаго на небѣ шара и этихъ плавающихъ надъ головой бѣлыхъ массъ, и оттого вопросы „какъ" и „почему" возникаютъ въ его маленькомъ, тщетно напрягающемся мозгу совершенно правильно и естественно, а мамѣ-Лилѣ они кажутся нелѣпыми и смѣшными...

Вотъ онъ сидитъ въ маленькой ваннѣ, и тѣльце его обнимаетъ мягко и нѣжно теплая, душистая отъ мыла вода. Ему пріятно и весело, особенно, когда мама-Лиля третъ ему губкой подошвы ножекъ: ему щекотно, и онъ заливается звонкимъ, серебрянымъ смѣхомъ, слышнымъ во всѣхъ комнатахъ, и бьетъ по водѣ ручками и ножками, разбрызгивая воду, которая течетъ по полу широкими лужами и подбирается къ маминымъ

ногамъ. А мама-Лиля, высоко подобравъ юбки и зажавъ ихъ между колѣнями, моетъ ему мягкой мыльной губкой грудь, плечи, спинку, ручки, ножки, и все это дѣлаетъ такъ нѣжно, и осторожно, что Володя испытываетъ только одно наслажденіе и чрезвычайно доволенъ. Только, когда дѣло доходитъ до головки, ему немножко жутко; онъ боится, чтобы мыло не попало въ глаза, и все время проситъ:

— Мама, глазочки...

Но и это проходитъ благополучно; мыло смыто съ головки, и курчавые прежде волосики теперь гладко и смѣшными хвостиками спускаются на лобикѣ. А Володя опять смѣется, барахтается въ водѣ и, когда мама кончаетъ купанье, проситъ еще немножечко оставить его въ ваннѣ и еще потереть ему спинку, или грудь, или плечи...

А потомъ въ бѣленькой рубашечкѣ съ вышитымъ голубымъ воротомъ, пахнущей фіалками (у мамы-Лили все бѣлье пахнетъ фіалками), онъ сидитъ у нея на рукахъ, обнявъ ручкой ея шею и слушаетъ сказку о мальчикѣ съ пальчикѣ, а головка его тихо и незамѣтно склоняется къ ней на плечо... Уже во снѣ, онъ чувствуетъ, какъ она нѣжно прикасается теплыми губами къ его щечкѣ и глазкамъ, кладетъ его въ постельку и покрываетъ одѣяльцемъ, бережно закутывая его ножки. Онъ сладко спитъ, и ему снится что-то хорошее, чего утромъ онъ никогда вспомнить не можетъ. А утромъ, едва онъ откроетъ глаза, ужъ надъ нимъ стоитъ мама-Лиля и цѣлуетъ его, и ему такъ пріятно, когда она обхватываетъ всего его обѣими руками и прижимаетъ къ своей теплой, мягкой груди...

— Мама-Лиля,—шепчетъ Володя съ блаженной улыбкой, и онъ понимаетъ теперь ту новую красоту, которая мелькнула для него въ Лилѣ, когда она сообщила ему свою радостную тайну...

Кто-то наклоняется къ нему.

— Что ты, Володя?...

Онъ открываетъ глаза и удивленно смотритъ. Вечеръ. На столѣ горитъ лампа. Къ нему склонилось лицо матери.

— Это вы, мама...—говоритъ онъ сконфуженно,—развѣ я спалъ, и такъ долго?...

— Да,—говоритъ мать,—ты спалъ часа два...

И лицо у нея такое доброе и тихое, какимъ онъ давно не видѣлъ его, развѣ только въ раннемъ въ дѣтствѣ...

Ему хочется сказать ей о своей радости, но онъ замѣчаетъ Лилю и Ирму, сидящихъ на диванѣ, обнявшихся и глядящихъ на него большими, печальными глазами...

„Какъ онѣ грустны,"—думаетъ онъ, и ему кажется странной и непонятной ихъ грусть теперь, когда онъ такъ счастливъ и спокоенъ. Онъ обнимаетъ голову матери и, приблизивъ ея ухо къ своимъ губамъ, чуть слышно шепчетъ:

— Мама, Лиля въ положеніи... у нея будетъ мой ребенокъ... берегите ее... для меня... Вѣдь, это буду *я*, мама... я не умру и долго еще буду съ вами, съ Лилей, съ Ирмой...

Онъ держитъ ея голову въ своихъ рукахъ и вдругъ чувствуетъ на своей шеѣ и открытой груди что-то теплое, мокрое... Онъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе всѣмъ тѣломъ и капризно, съ раздраженіемъ въ голосѣ говоритъ:

— Отчего вы всѣ, когда я говорю это, плачете? Развѣ это такъ непонятно для васъ? Вѣдь, это-же такъ просто и ясно...

Но раздраженіе скоро улегается въ немъ. Ему приходитъ въ голову мысль, что смерть — есть ни что иное, какъ перемѣна формы, переодѣваніе своего рода, правда, сопряженное съ болью, но не долго длящееся, а за нимъ—снова покой, чувство жизни и радость... Эта мысль глубоко успокаиваетъ его. Онъ улыбается и слабымъ голосомъ зоветъ:

— Лиля, Ирма... идите-же ко мнѣ...

Онѣ встаютъ съ дивана—обѣ маленькія, тоненькія, грустно-красивыя, каждая по своему: одна бѣлокурая, свѣтлая и въ своей печали, другая—черноволосая и какъ будто съ головой и руками закутанная въ прозрачный траурный газъ. Обѣ блѣдны, медленны въ движеніяхъ, какъ птицы съ подшибленными крыльями...

Володѣ жалко ихъ, но онъ думаетъ: „это скоро пройдетъ“...

Лиля садится къ нему на кровать и устало приникаетъ головой къ его груди. Ирма у изголовья опускается на коверъ и гладитъ Володину руку теплой, маленькой ручкой...

— Мои дѣвочки, — нѣжно говоритъ Володя,—какъ я васъ люблю... Только не плачьте... мама, не надо плакать...

Онъ проситъ объ этомъ такъ трогательно, что у всѣхъ троихъ глаза наполняются слезами. Онѣ глотаютъ ихъ и крѣпятся, а Володя, мечтательно улыбаясь, тихо разсказываетъ имъ о томъ, что онъ думаетъ о своемъ ребенкѣ и какими видѣлъ во снѣ его и маму Лилю...

Лампа тихо поетъ и мягкимъ, желтымъ свѣтомъ заливаетъ всю комнату. Володя съ удивленіемъ и страннымъ любопытствомъ смотритъ по сторонамъ, на стѣны, лампу, окно, переводитъ глаза на блѣдныя, грустныя и красивыя лица Лили и Ирмы, на лицо матери, въ которомъ онъ только теперь, послѣ долгаго времени раздора и взаимнаго озлобленія, узнаетъ доброе, любящее лицо матери, всегда скрывавшееся отъ него подъ маской свѣтской холодности или искаженное раздраженіемъ и злостью. И на все это онъ смотритъ такъ, какъ будто видитъ въ первый разъ, или только теперь хорошо разсмотрѣлъ и понялъ, и оттого все стало ему такъ близко, мило и дорого.

Володя умолкаетъ и думаетъ: „отчего только передъ смертью можно все понять и оцѣнить?.. Какъ хороша была-бы жизнь, если-бы пониманіе это приходило раньше или еслибы человѣкъ уже рождался съ нимъ... А безъ него часто совершенно безплодными, незамѣченными и неоцѣненными проходятъ лучшія минуты жизни, и все ждешь и смотрить впередъ, поверхъ жизни и пропускаешь саму жизнь“...

Мысли путаются, расплываются въ какомъ-то неясномъ туманѣ... Онъ закрылъ глаза... черезъ минуту открылъ ихъ, посмотрѣлъ на дремавшихъ около него Лилю, Ирму и мать... вѣки снова опустились на глаза... и онъ тихо, глубоко заснулъ ...

VIII.

Ночью, во снѣ, Володя вдругъ почувствовалъ приближеніе чего-то большого, темнаго, страшнаго. Оно надвигалось на него громадной, безформенной, тяжелой массой, отчего ему становилось трудно дышать, и сердце сжималось отъ тоски. Вотъ оно подошло вплотную къ нему, навалилось на его грудь, придавило ее такъ сильно, что у него оборвалось дыханье, и въ груди стало такъ больно, словно тамъ засѣлъ и медленно поворачивался во всѣ стороны обоюдоострый ножъ. Онъ успѣлъ только крикнуть:

— Лиля! Лиля!...

Какъ желѣзными клещами, ему сдавило горло, и онъ задохнулся—и рвалъ на груди и на шеѣ рубашку, которая, казалась ему мѣшала дышать... Въ глазахъ темнѣло, и въ этой черной темнотѣ мелькали огненныя искры...

Лиля испуганно вскочила съ дивана, на которомъ она прикорнула вмѣстѣ съ Ирмой, подбѣжала къ нему, но онъ уже не узнавалъ ее и смотрѣлъ на нее дикими, мучительными глазами. Грудь его и все тѣло потрясались отъ стѣсненнаго дыханья и клокотанія въ легкихъ, глаза наливались кровью и какъ-будто вылѣзали изъ орбитъ, лицо синѣло и становилось страшнымъ, а изо рта била окрававленная пѣна.

Лиля дико, не своимъ голосомъ, вскрикнула и упала замертво у постели...

Весь домъ поднялся на ноги. Ирма хлопотала около Лили въ сосѣдней комнатѣ; ей съ трудомъ удалось привести ее въ чувство, но къ Володѣ она не пускала ее. Лиля плакала и увѣряла, что она больше не испугается и перенесетъ всѣ муки, лишь-бы только быть около Володи. Ирма держала ее въ своихъ рукахъ, сидя съ ней на постели, цѣловала ее и плача, повторяла:

— Лиля, милая... не надо... не надо...

А Лиля билась, какъ подстрѣленная птица, рыдала, ломала пальцы и рвалась изъ рукъ Ирмы съ упорствомъ безумія и отчаянья. Потомъ обезсилѣла, покорилась, притихла, беззвучно плача и дрожа всѣмъ тѣломъ... Вдругъ послышался долгій, глухой стонъ Володи... Она вся затряслась, рванулась, вскочила съ постели и хотѣла бѣжать. Но силы оставили ее, она подняла руку къ глазамъ, пошатнулась — и опять упала-бы, если-бы Ирма не подхватила ее...

Отецъ поѣхалъ за докторомъ. У постели Володи сидѣла мать, безпомощно хватаясь за его руки, одѣяло и не знала, что дѣлать. Ея глаза слезились, слезы бѣжали по сморщеннымъ щекамъ и падали на колѣни; губы дрожали, и она только повторяла:

— Володя... сынъ мой...

Въ раскрытыхъ дверяхъ толпились слуги, крестились, говорили шепотомъ. Кто-то сказалъ:

— Кончается...

Кто-то отвѣтилъ:

— Царство небесное...

Пріѣхалъ докторъ, заспанный и недовольный, съ всклокоченными отъ сна бородой и волосами. Онъ взглянулъ на больного и обвелъ всѣхъ серьезными глазами.

— Это—агонія, — сказалъ онъ и развелъ руками,—ничего нельзя сдѣлать... Впрочемъ...

Онъ присѣлъ къ столу и прописалъ подкожное впрыскиваніе изъ морфія.

— Это облегчитъ его страданія. Завтра я еще буду у васъ...

Онъ спѣшилъ поскорѣй уйти, потому что всѣ смотрѣли на него съ надеждой, а онъ ничего не могъ сдѣлать...

За всю ночь никто не сомкнулъ глазъ. Всѣ толпились въ Володиной комнатѣ и не знали, что съ собой дѣлать. Бродили по комнатѣ, подходили къ Володѣ, садились, вставали, ломали пальцы. Или приникали у стѣнъ и въ креслахъ и вдругъ сразу затихали, и тогда слышались глухіе, рвущіе за душу стоны Володи, царапанье ногтями по одѣялу, скрежетъ зубовъ и трудное, свистящее дыханіе.

Лиля уже не плакала; она вся какъ-то застыла, окаменѣла, и сидѣла, не шевелясь, у стола, съ закрытыми глазами, Казалось, она ничего не слыхала, ничего не знала, и вся сосредоточилась на одной боли, на одномъ ощущеніи. Ирма садилась у постели брата, смотрѣла на него долго и пристально, и по ея лицу ручьями бѣжали неистощимыя слезы, которыхъ она не вытирала и не замѣчала. Мать въ изнеможеніи ложилась на диванъ, прижималась глазами къ ручкѣ дивана и тихо стонала. Отецъ ходилъ по комнатѣ, нахмуренный и молчаливый, останавливался у окна и подолгу смотрѣлъ въ темную улицу, щипля бороду въ сосредоточенномъ и грустномъ молчаніи...

Ночь длилась долго и мучительно. Но и наступившее сѣрое утро не принесло облегченія. Морфій почему-то не дѣйствовалъ, и Володя задыхался, метался и стоналъ все сильнѣе. Часы тянулись медленно и трудно. Никто не прикоснулся къ чаю, поставленному на столъ горничной; полные съ чаемъ стаканы остывали, и чай въ нихъ отъ лимона становился блѣднымъ и мутнымъ. Въ восемь часовъ утра отецъ снова

впрыснулъ сыну морфій, по указанію доктора—третью дозу.

Къ двумъ часамъ дня почувствовалось облегченіе. Володя стоналъ тише, грудь дышала ровнѣе, лицо изъ синяго стало бѣлымъ и спокойнымъ. Вотъ онъ совсѣмъ затихъ и, казалось, пересталъ дышать. Ирма наклонилась къ нему, послушала и, обернувшись, прошептала:

— Спитъ...

И всѣ замерли... сидѣли, боялись пошевельнуться, вздохнуть...

Онъ спалъ тихо и спокойно, и всѣ смотрѣли на него, не понимая совершающейся на ихъ глазахъ перемѣны въ его лицѣ. Оно все какъ-то посвѣтлѣло, ожило и стало нѣжно-ласковымъ и привлекательнымъ. Русая бородка красиво оттѣняла бѣлизну щекъ, губы рдѣли подъ маленькими усиками, большая прядь волосъ упала на бѣлый, высокій лобъ, тонкій носъ казался выточеннымъ изъ мрамора...

Вотъ углы губъ чуть-чуть задрожали, и въ нихъ какъ будто что-то засвѣтилось. Тихая улыбка появилась и застыла на губахъ. Онъ спалъ два часа и все время улыбался. Одна Лиля догадывалась, отчего онъ улыбался. Ему, должно быть, опять снился его ребенокъ...

Проснулся Володя въ четыре часа. Короткій, зимній день подходилъ къ концу. Улыбка сошла съ Володинаго лица и замѣнилась грустнымъ и тревожнымъ выраженіемъ.

— Лиличка...—чуть слышно позвалъ онъ.

Лиля наклонилась къ нему такъ низко, что ея маленькое, розовое ушко коснулось его губъ. Онъ тихонько поцѣловалъ его и быстро зашепталъ:

— Лиличка, дѣтка, береги себя и... его... Не плачь и не волнуйся много, если что-нибудь случится. Ему это можетъ повредить... Для меня, Лиля... обѣщаешь?..

Вмѣсто отвѣта, она прижалась къ нему и разрыдалась. Володя забезпокоился.

— Ну, вотъ видишь... видишь... значитъ, ты меня не любишь?.. А, вѣдь, если онъ умретъ—меня тогда совсѣмъ, совсѣмъ не будетъ съ тобой... Лиля, перестань-же!.. дѣтка!..—

— Не буду... не буду больше...—говорила Лиля и плакала еще сильнѣе.

Володя тревожно приподнялся на локтяхъ и опять упалъ на подушку.

— Лиля, пойми-же, ты *меня* убиваешь этимъ!.. Мама, Ирма скажите-же Лилѣ, что ей нельзя такъ плакать и убиваться!..

Ирма насильно оторвала Лилю отъ Володи, за котораго она судорожно цѣплялась руками, отвела её въ уголъ, цѣловала её и сама съ ней плакала. Къ Володѣ подошелъ отецъ. Его большое, старое лицо казалось дѣтски-застѣнчивымъ и виноватымъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать и, видимо, затруднялся.

Володя посмотрѣлъ ему въ лицо и понялъ. Онъ жалко и болѣзненно усмѣхнулся и тихо спросилъ:

— Вы насчетъ священника, папа?.. Позовите...

Отецъ почему-то забезпокоился и, суетливо оправляя постель и одѣяло, смущенно и быстро говорилъ:

— Онъ уже здѣсь, Володя... сейчасъ зайдетъ... Нужно, знаешь... все-таки лучше...

Старикъ торопливо вышелъ изъ комнаты и черезъ минуту ввелъ молодого, красиваго священника. Всѣ вышли изъ комнаты, низко склонясь, какъ-будто ихъ придавило то, что должно было неизбѣжно наступить. А Володя приподнялся, сѣлъ и улыбнулся тому, что это удалось ему безъ посторонней помощи. Въ немъ было чувство маленькой тревоги, но оно походило на то, что онъ испытывалъ въ дѣтствѣ, когда мать раздѣвала его, передъ купаньемъ. Лицо священника, доброе и благодушное, располагало къ себѣ Володю. Онъ зналъ его давно. Этотъ священникъ, по просьбѣ родителей, приходилъ усовѣщевать Володю, уговаривая его бросить его незаконную, грѣховную

связь. Тогда Володя гнѣвно оборвалъ его и попросилъ уйти. А теперь ему почему-то пріятно было видѣть его.

— Здравствуйте, батюшка,—улыбаясь, сказалъ Володя,—вотъ при какихъ исключительныхъ обстоятельствахъ намъ пришлось снова встрѣтиться...

Батюшка развязывалъ на столѣ свой узелокъ, облачался и молчалъ, видимо смущенный этими исключительными обстоятельствами. А Володя въ какомъ-то нервномъ возбужденіи продолжалъ:

— Знаете, батюшка, умирать вовсе не такъ трудно и страшно, какъ я думалъ раньше... Все зависитъ отъ того, какъ относишься къ своему исчезновенію и при какихъ условіяхъ исчезаешь...

Онъ говорилъ слабымъ голосомъ, но такъ легко и свободно, что священникъ, приглашенный къ „умирающему", осторожно покосился на него и что-то смущенно пробормоталъ. Володя нарушалъ обычай тишины, смиренія и слезъ умирающихъ, и батюшкѣ это не нравилось. А въ Володѣ совсѣмъ не было чувства близкой смерти, и онъ говорилъ о ней, какъ и тогда, когда былъ здоровымъ, какъ о чемъ-то далекомъ и почти несуществующемъ.

— Я, напримѣръ,—говорилъ Володя, розовый отъ возбужденія,—исчезну при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: послѣ меня останется ребенокъ, часть меня... можетъ быть, и весь я... какъ вы думаете, батюшка?

Онъ готовъ былъ завести долгій разговоръ на эту тему и не прочь былъ-бы даже поспорить, если-бы это оказалось нужнымъ. Но батюшка, услышавъ о ребенкѣ, строго нахмурилъ брови и, ничего не отвѣчая, подошелъ къ нему съ дарами.

Володя сконфуженно замолчалъ, поблѣднѣлъ... возбужденіе упало, и онъ безсильно откинулся на подушку...

По окончаніи таинства всѣ вошли въ комнату. Володя лежалъ тихій, спокойный и свѣтлый и смотрѣлъ на всѣхъ такъ, какъ-будто точно и окончательно рѣшилъ трудный и долго мучившій его вопросъ. Онъ глазами подозвалъ къ себѣ Лилю и шепнулъ ей на ухо:

— А какъ ты назовешь его, Лиля?..

Лиля не успѣла отвѣтить, потому что въ комнату вошелъ докторъ и прямо подошелъ къ постели. Онъ тоже, очевидно, поразился видомъ Володи, но ничего не сказавъ, взялъ его руку, вынулъ часы и сталъ считать пульсъ. Ирма, Лиля и мать стояли въ изголовьи Володи, и глаза ихъ наполнялись слезами. Отецъ стоялъ въ ногахъ и, не моргая, смотрѣлъ въ лицо доктору. А Володя смотрѣлъ на окно, въ стеклахъ котораго вдругъ засіялъ случайной полоской золотой свѣтъ вечерняго солнца. Ему вспомнился недавній сонъ: садъ, дѣвушка съ тремя лиліями, темная сила, увлекавшая его въ какую-то черную, холодную, бездну... Онъ уходитъ, и все оглядывается на плачущую дѣвушку, и вдругъ съ болью и отчаяньемъ вскрикиваетъ:

— Лиля!..

Лиля наклоняется къ нему черезъ спинку кровати и цѣлуетъ его въ мокрый, холодный лобъ. Прикосновеніе ея теплыхъ губъ отрезвляетъ его... Тишина, въ которой всѣ стоятъ вокругъ него, поражаетъ его, и онъ тревожно переводитъ глаза съ лица доктора на лицо отца и обратно. Вотъ онъ замѣтилъ почти неуловимый взглядъ доктора, брошенный отцу, и въ то-же время почувствовалъ въ области сердца щемящую боль и тоску. „Пульсъ падаетъ",—подумалъ онъ, и ему стало жутко и страшно. Онъ закинулъ голову, чтобъ увидѣть Лилю, мать и сестру. Онѣ поняли его движеніе, подошли и стали около него сбоку, а онъ, тревожно прислушиваясь къ тому, что дѣлалось съ его сердцемъ, молча и серьезно смотрѣлъ

на нихъ, переводя глаза съ одной на другую...

Вдругъ онъ испуганно прошепталъ:

— Мама...

Мать быстро наклонилась къ нему, и онъ поцѣловалъ её.

Потомъ поцѣловалъ отца и Ирму и попросилъ ихъ:

— Берегите Лилю...

Лиля припала къ нему лицомъ и грудью и охватила его руками, какъ-будто онъ уходилъ отъ нея и она хотѣла его удержать. Онъ поцѣловалъ её и успѣлъ сказать:

— Володей... назови...

Грудь его судорожно поднялась и опустилась... Онъ сталъ хвататься свободной рукой за одѣяло, простыню, стѣну, какъ будто падалъ и старался удержаться... Чувствовалась мука и ужасъ утопающаго. Вотъ онъ затихъ, уронилъ руку, вытянулся... Глаза остановились и застеклились... Еще одинъ долгій, свистящій вздохъ...

Докторъ выпустилъ его руку и тихо сказалъ:

— Уже...

Вл. Ленскій.

Хуго Ванденбергъ. Историческое развитіе Японіи. Отъ основанія государства до Цусимскаго боя. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Трейденъ. СПБ. 1905 г. Цѣна 30 к.

Съ начала русско-японской войны появилось и заграницей, и у насъ немало книжекъ о Японіи, дающихъ понятіе, къ сожалѣнію, лишь о современномъ состояніи этой страны, какъ-будто страна эта не имѣла прошлаго, достойнаго хоть какого-нибудь вниманія. Русскія книжки, посвященныя ей, представляютъ собою наскоро состряпанныя компиляціи, сдобренныя извѣстнаго свойства и духа патріотизмомъ, и не выдѣляются изъ полуграмотной рыночной дешевки. Политическая жизнь страны опредѣляется въ нихъ субъективною мѣркою подчасъ очень заносчивыхъ авторовъ, а бытовая—наблюденіями издалека сквозь чужую, нерѣдко ложную призму, Иной компиляторъ щегольнетъ свѣдѣніями даже въ области естествознанія, коснувшись природы Японіи, и съ важностью истаго ученаго сообщитъ: „тамъ цвѣты пышны, великолѣпны, но лишены аромата, птицы имѣютъ яркія перья, но не поютъ". Большаго не требуйте отъ компиляторскихъ скороспѣлокъ, далекихъ отъ плодовъ научной зрѣлости... Въ итогѣ: настоящее Японіи остается загадочнымъ, а прошлое таинственнымъ; по исторической-же справкѣ Японія начала основываться съ 660 г. до Рождества Христова, когда не было ни Россіи, ни многихъ другихъ государствъ. Слѣдовательно: страна эта—одна изъ старѣйшихъ въ мірѣ, и, надо полагать, имѣетъ какую нибудь исторію въ связи съ исторіей всего человѣчества; а намъ, до нынѣшней войны, не было извѣстно—что въ прошломъ и что въ настоящемъ Японія; кто прежде и кто теперь японцы. отъ незнанія Японіи и японцевъ мы и терпимъ неудачи. Мы проглядѣли одно, прозѣвали другое, и на все это указываетъ намъ умная. дѣльная книжка Хуго Ванденберга, надняхъ появившаяся у насъ въ прекрасномъ переводѣ г. В. Трейдена, и дающая краткую исторію Японскаго государства съ основанія его до Цусимскаго боя. Хуго Ванденбергъ—строгій историкъ, взвѣшивающій на вѣсахъ безпристрастія прошлое и настоящее Японіи, отношенія ея къ другимъ державамъ и отношенія другихъ державъ къ ней; но онъ и не безстрастный наблюдатель всего, что совершается нынѣ на Дальнемъ Востокѣ. Хорошо изданная самимъ-же г. В. Трейденомъ книжка должна привлечь къ себѣ вниманіе интересующихся страною Восходящаго Солнца ея двадцати-пятивѣковой исторіей, переданной кратко и картинно.

Радіусъ.

День думскаго женщины-врача въ С.-Петербургѣ. Разсказъ женщины-врача Е. Сланской. СПБ. Ц. 40 к.

Разсказъ этотъ, изданный послѣ смерти автора, былъ, десять слишкомъ лѣтъ тому назадъ, подъ заглавіемъ „По визитамъ", напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы". Помнится, онъ обратилъ тогда на себя вниманіе газетной критики, встрѣтившей его благосклонно, и заставилъ говорить о себѣ среди читающей публики, изъ которой авторомъ получено нѣсколько сочувственныхъ писемъ. Два изъ нихъ, наиболѣе характерныя, приложены теперь къ напечатанному отдѣльной книжкою разсказу. „Прочитавъ вашу статью, пишетъ нѣкто, я почувствовалъ какъ-бы почву подъ собою: я ясно увидѣлъ, что люди

есть и дѣло есть, но люди эти такъ скромно и кропотливо несутъ свой тяжелый, подчасъ самоотверженный трудъ на пользу ближнему, меньшему брату, что ихъ надо искать. Общество не только не цѣнитъ такого труда, но, пожалуй, и смѣется надъ нимъ. Да, прочитавши ваши замѣтки, я прямо почувствовалъ какое-то нравственное удовлетвореніе, душевный покой; во мнѣ воскресла вѣра въ людей, въ живое, благое дѣло; во мнѣ явилось неудержимое желаніе отъ души искренно поблагодарить васъ за то удовольствіе, доставленное вашею статьею, котораго я давно не испытывалъ. Такъ вяло и безсодержательно идетъ жизнь, въ особенности въ нашей —ной средѣ, къ которой пишущій эти строки имѣетъ несчастье принадлежать, что живое слово о простомъ, но живомъ дѣлѣ выводитъ изъ оцѣпененія. Такое именно дѣйствіе произвела на меня ваша статья". Другое письмо, не менѣе искреннее, свидѣтельствуетъ о томъ, что—по словамъ издателя —разсказъ Е. Сланской „занималъ нѣкоторое мѣсто въ числѣ данныхъ, имѣвшихся въ виду при рѣшеніи въ благопріятномъ смыслѣ вопроса о возстановленіи врачебныхъ курсовъ". Что же представляетъ собою, какую цѣнность имѣетъ онъ для насъ? Само названіе этого разсказа обѣщаетъ много интереснаго, и насколько скромною дѣятельность женщины-врача ни представлялась-бы, однако же никому и ни въ какомъ случаѣ не можетъ она казаться легкою и заурядною. Въ жизни—не все героизмъ, прославляемый трубами и литаврами, не всѣ люди въ ней — герои эпической силы и красоты, достойные мраморнаго и бронзоваго безсмертія. Жизнь обнаруживаетъ часто героическое въ простомъ, но плодотворномъ трудѣ, героя—въ томъ, кто если не умираетъ за ближняго, то безкорыстно трудится для родины, для родного народа, для окружающей среды. Вспомните прекрасный разсказъ Глѣба Успенскаго „Чуткое сердце", разсказъ о земской акушеркѣ Аннѣ Петровнѣ Ивановой, которая очень устала, нуждаясь въ отдыхѣ, но, уѣзжая недѣли на двѣ для отдыха къ своей старухѣ-матери, все-таки взяла *не только необходимые въ ея дѣлѣ инструменты, но и книжки для народнаго чтенія, лечебники, календари, даже кое-что изъ дѣтской одежды*. Анны Петровны Ивановы — не героини красивыхъ и занимательныхъ романовъ; онѣ выше героинь—соль земли. Сила ихъ въ здравомысліи, въ знаніи, трудолюбіи терпѣніи. За разсказомъ покойной Е. Сланской видится, чувствуется этотъ кроткій, плѣнительный образъ русской женщины, способной на самоотверженіе, на подвигъ. Развѣ тѣ мытарства, которыя проходитъ каждый день женщина-врачъ, мытарства, описанныя, въ разсказѣ, не подтверждаютъ въ сильной степени это? Мы не должны забывать, что разсказывается о думскомъ женщинѣ-врачѣ, который работаетъ несравненно болѣе вольнопрактикующихъ, а зарабатываетъ значительно менѣе. У думскаго женщины-врача и кругъ паціентовъ иной: все—бѣднота забитая, невѣжественная. Мало борьбы съ болѣзнями, борьбы упорной осторожнымъ, заботливымъ леченіемъ, борись еще съ гигиеническими условіями, въ которыхъ находятся больные! Возможно ли правильное леченіе, если больной замурованъ въ грязныхъ, тѣсныхъ конурахъ, въ сырыхъ, покрытыхъ плесенью, углахъ, гдѣ и здоровому человѣку дышать трудно? Какою тяжестью должны ложиться на душу врача, особенно женщины, впечатлѣнія отъ видѣннаго, слышаннаго, пережитаго въ теченіе ужаснаго дня! А невѣжество больныхъ, полудовѣрчивыхъ, нерѣдко и недовѣрчивыхъ, все же идущихъ лечиться, если не вспомнился рецептъ какого-нибудь лекаря-шарлатана или деревенскаго знахаря? И съ чѣмъ только не приходится считаться! Вотъ одна картина: „Входитъ въ пріемную женщина съ дѣвочкою, которую она уже приводила ко мнѣ прежде,—у дѣвочки была на шеѣ большая плотная опухоль. Я назначила ей дѣлать припарки къ опухоли: опухоль смягчилась, образовался нарывъ и вскрылся. Женщина очень довольна, благодаритъ меня, говоритъ, что теперь все хорошо,—только вотъ язва не заживаетъ. Развязываетъ платокъ съ опухоли—и я вижу: на язву налѣплены зеленые березовые листья, — значитъ, примѣнена уже своя терапія. Я осторожно снимаю листья и, пока ничего не говоря, кладу ихъ въ тазикъ, стоявшій тутъ же на тубаретѣ; промываю язву водою съ карболкою, сыплю въ нее іодоформомъ: но не успѣла я отойти къ шкафу, чтобы взять ваты и бинтъ, какъ вдругъ мать, вѣроятно изъ желанія помочь мнѣ, протянула руку къ тазику, взяла испачканный гноемъ березо-

вый листъ, поплевала на него и моментально опять налѣпила его на язву". Вотъ другая картина: „Входитъ баба съ груднымъ ребенкомъ—въ первый разъ. Записавъ его въ книгу, спрашиваю, что съ ребенкомъ. „Кричитъ, не унимается день и ночь, грудь мало беретъ". Велю положить ребенка на столъ и распеленать, причемъ прежде всего обращаю вниманіе на то, какъ содержится ребенокъ—чистъ ли онъ, вымытъ ли и чисто ли бѣлье? Какъ въ большинствѣ случаевъ, оказывается—ни то, ни другое не соблюдается: ребенокъ не мытъ, должно быть, недѣли двѣ, пеленки и рубашенка испачканы, грязныя. Начинаю читать нотацію. „Какъ же тебѣ не грѣхъ, не стыдно—держать ребенка въ такой грязи! Ужъ если ты къ докторамъ принесла его такимъ, такъ дома, вѣрно, и еще грязнѣе его водишь".—„Боялась, родная, боялась купать то его: думала — хуже бы не было отъ купанья-то". Третья картина. „Изъ-за перегородки выползаетъ и направляется ко мнѣ въ сидячемъ положеніи старикъ: руками опирается въ полъ, ноги двигаетъ впередъ: „полечи, родная! ради Христа полечи! дай мнѣ только вступить на ноги-то; самъ-бы прибрелъ къ тебѣ, да распухли какъ колоды". Старикъ начинаетъ развязывать свои ноги: сначала разматываетъ веревочки, тесемочки, обрывочки,—все это служитъ ему вмѣсто бинта,—потомъ начинаетъ снимать лоскуточки, тряпочки, и суконныя, и холщевыя, и ситцевыя,—кусочки ваты, войлока, бумажки, все, что дѣтишки не находили на дворѣ мягкаго, — все тащили къ старику, и онъ, за неимѣніемъ настоящимъ тряпокъ, все это и укладывалъ на свои язвы, чтобы помягче было. Грязь на ногахъ и вонь отъ нихъ были ужасныя! „Чѣмъ лечишь?" „Да вотъ—кто что скажетъ: маслицемъ отъ лампадки, когда бабы дадутъ,—золотою, песочкомъ присыпалъ; сказали—хорошо табакомъ засыпать: дюже кусало отъ табаку-то; а то ребятишки скорлупокъ отъ яицъ приносили: говорятъ—тожъ хорошо потолочь и засыпать. Да все пользы нѣтъ! Когда ходилъ, клалъ еще изъ-подъ коровы теплое,—много тогда дряни-то вышло: а все не заживаетъ"... Цѣлый рядъ такихъ и еще болѣе ужасныхъ картинъ невѣжества столичной бѣдноты, голодной и недужной, найдемъ въ разсказѣ Е. Сланской, но довольно и трехъ, взятыхъ нами для характеристики того положенія, въ которомъ находится „думскій женщина-врачъ", и — не въ одномъ Петербургѣ, а во всѣхъ другихъ густо-населенныхъ городахъ. Впрочемъ, и въ деревняхъ не лучше. Сила невѣжества, можно сказать, универсальна. Вспомнимъ стихотворный афоризмъ Пушкина:

Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ...

Чѣмъ больше будетъ „друзей человѣчества", замѣчающихъ невѣжество, а главное борющихся съ нимъ, тѣмъ разумнѣе, здоровѣе, радостнѣе, легче современемъ будетъ жизнь человѣческая. Русская женщина, просвѣщенная, гуманная, принадлежитъ тоже къ „друзьямъ человѣчества", и едва ли *другая* въ мірѣ затронула, между прочимъ, женскій вопросъ такъ сильно, какъ она—то Ковалевская, то Философова, то Стасова, то Сланская. Пусть онѣ различны по родамъ дѣятельности и не равны по заслугамъ, но каждая изъ нихъ воплощаетъ въ себѣ все лучшее, неотъемлемое отъ русской женщины. Къ этому убѣжденію приводитъ и разсказъ Е. Сланской, который, по выходѣ въ свѣтъ, не даромъ же вызвалъ большое сочувствіе, какъ въ печати, такъ и въ обществѣ.

Н. А. П.

Осипъ Дымовъ, Солнцеворотъ. Изданіе „Содружества". Спб. 1905 г.

„Солноворотъ" (намъ думается, и проще, и согласнѣе съ духомъ языка, нежели „солнцеворотъ") подѣленъ на „Весну", „Лѣто", „Осень", „Зиму". И въ эти уже рубрики включены, общимъ счетомъ, 23 небольшія вещицы. Авторъ, видимое дѣло, принадлежитъ къ числу „взыскующихъ" новыхъ путей для искусства слова. Въ сборникѣ почти нѣтъ ни фабулъ, ни портретовъ, ни діалоговъ. Это скорѣе всего—стихотворенія въ прозѣ; тутъ и расположеніе отдѣльныхъ мѣстъ и прямыя повторенія имѣютъ, очевидно, въ виду извѣстную музыкальность. Мы не говоримъ уже о преобладающемъ лиризмѣ піесокъ. Съ другой стороны г. Дымовъ занимаетъ воображеніе читателя живописью: пейзажи, одухотворенные, олицетворенные, чуть не жестикулирующіе, у него на каждомъ шагу; зарисовываются и мертвая, и не мертвая природа, и разно-

образнѣйшіе предметы окружающаго міра. Въ итогѣ, на всѣхъ этихъ поприщахъ своего художества г. Дымовъ главнымъ образомъ, что-ли—*импрессіонистъ*. Въ своихъ очеркахъ авторъ выдѣляетъ и окрашиваетъ для насъ—мигъ вешняго романа, дуновеніе ночи надъ моремъ, „волшебство" луны, проблескъ радости и т. п. Хотя сборникъ, несомнѣнно, преслѣдуютъ цѣли образнаго творчества, но у г. Дымова неустанно работаетъ отвлеченная логика—постоянно задѣвается область философскихъ синтезовъ, научныхъ гипотезъ и т. п. Онъ съ отмѣннымъ сочувствіемъ цитируетъ Ибсена—и своимъ „Солнцеворотомъ" стремится вслѣдъ за другими испытателями новыхъ художественныхъ формъ и выраженій—поэтически *символировать* жизнь человѣка, человѣчества, вселенной, наконецъ. Пока что—безпристрастный читатель можетъ свидѣтельствовать о *литературности* сборника—еще не больше. Но... крайностей особой *стилизаціи* лучше г. Дымову остерегаться-бы: „черезъ окно падаетъ лунный свѣтъ, и черный переплетъ *покорно*, какъ *распластанное волшебство*, лежитъ прямоугольникомъ на полу". „Туманъ заката все еще былъ окрашенъ кровью. Казалось, что кровь шла отсюда, изъ этой деревни... кровь поднималась къ небу"... и пр. и пр. На стр. 137 между прочимъ напечатано—„молодые таланты сплошь и рядомъ вдохновляются не жизнью, а ея отраженіемъ, ея химическимъ осадкомъ въ лабораторіи чужого обобщенія". Да, пожалуй, и у подлинныхъ дарованій нерѣдко подражательность обыкновенная переходная болѣзнь, какъ корь у дѣтей. Но съ чужими „химическими осадками" въ собственныхъ произведеніяхъ можно вѣдь остановиться на чистомъ ремесленничествѣ, чего, конечно, мы не пожелаемъ г. Дымову.

А. Налимовъ.

Сборникъ молодыхъ писателей. Спб. Книгоиздательство Я. Левенштейна и О. С. Іодко. 1905.

Редакція поясняетъ въ предисловіи, что „молодые писатели" выступили съ собственнымъ сборникомъ, такъ какъ они дорожатъ „свободой творчества", независимостью; объединяются только—„исканіемъ правды жизни, чистой красоты и вѣчнаго добра"! Что-жъ! Естественныя, законныя пожеланія, стремленія безукоризненныя... Можно и должно, конечно, привѣтствовать г. г. авторовъ и за то, что они самостоятельно взялись за коллективную работу: подобное союзничество у насъ—рѣдкость. Сборникъ изданъ приглядно и по своему внутреннему содержанію благоприличенъ. Но и... не больше. Эта „молодая", что-ли поросль, начальные шаги, въ данномъ своемъ видѣ — не сулятъ еще никакихъ надежныхъ плодовъ. Ни у кого изъ авторовъ „Сборника" не загорѣлся еще явственный негасимый огонекъ—„священной жертвы Аполлону"! Обращаясь безъ посредниковъ къ публикѣ, къ обществу, г. г. „молодые писатели"—пока что—еще недостаточно, невсемѣрно пережили эту тягу къ „правдѣ жизни", не довольно обвѣивались „красотой", и „добромъ". Г.г. авторы „Сборника" цѣнятъ независимость своего труда: они позволятъ и намъ безъ стѣсненій высказывать свои впечатлѣнія. Въ книгѣ находимъ 11 именъ. Г. А. Ануфріевъ предложилъ очеркъ „Роза" и „Изъ женской лирики": 1. Минувшее. 2. Сейчасъ чужіе. 3. Taedium vitae. 4. Элегія". Роза—молодая, но горбатая еврейка, живущая съ своею матерью—бѣдной торговкой. Здѣсь у г. Ануфріева—почти нѣтъ повѣствованія; но выслѣжена болѣе или менѣе цѣльно психологія неудачницъ, отмѣчены бытовыя черточки. Въ „женской лирикѣ", пожалуй, обильнѣе нѣкоторая литературность; но она по преимуществу перепѣваетъ пріѣдающіяся, теперь столь ходячія душеизліянія и яко-бы философствованія въ мрачномъ вкусѣ. Леонидъ Бѣлинскій помѣстилъ разсказъ „Рача" и „Женщина"! Эти вещицы, можетъ быть, наиболѣе выдающіяся въ сборникѣ то бойкостью пера, то высотою тона, нѣкоторою идейностью, хотя подчасъ и узковатою. Г. Алексѣева съ своею „Блѣдною" и г. Нэлли съ „Любовью"—захотѣли предъявить свои образцы „модернизированной" беллетристики. Вышло нѣчто жалкое. Г. Е. Гуро и г. Воротынскій коснулись дѣтства и отрочества—частью въ „психологическомъ", частью въ „бытовомъ" родѣ. Имъ, какъ и г. Тѣневу („На зарѣ") удались нѣкоторые снимки съ натуры, записи подлинныхъ наблюденій. „Въ старомъ замкѣ" г. Михайловскаго—совсѣмъ, если хотите, недурно изложенный разсказъ

про „привидѣніе“. Но при такомъ *внѣшнемъ—внутреннее* очерка — пустовато. Г. А. Ксаковъ занялся „народомъ“. Одинъ очеркъ автора напоминаетъ Глѣба Успенскаго, другой чуть-чуть и Николая Успенскаго. Про печальный романъ сообщаетъ г. Федотовъ („Въ дорогѣ“). „Исторія одного увлеченія“ г. Германа чаще фотографированіе и не безъ шероховатостей въ стилѣ. „Выдумка“ у него не ладится, грубовата. Но проблескиваетъ и искренній лиризмъ.

А. Налимовъ.

Сабининъ, А. Х. Проституція. Историко-профилактическій этюдъ. Ц. 1 р.

На книжномъ рынкѣ, среди массы полезныхъ и безполезныхъ книгъ, время отъ времени появляются тякія книги, которыя не должны оставаться незамѣченными. Онѣ не только могутъ, но и должны интересовать насъ. Одной изъ такихъ книгъ я считаю книгу г. Сабинина „Проституція“. Въ самомъ дѣлѣ, уже одинъ простой перечень частей книги, каковы: 1) Проституція, 2) Сифилисъ и венерическія болѣзни, 3) Половое воздержаніе и 4) Профилактика проституціи,— уже одинъ этотъ перечень показываетъ, что авторъ занятъ не случайнымъ моднымъ вопросомъ, не легкой злободневной темой, а серьезнѣйшимъ вопросомъ, который настолько же старъ и сложенъ, насколько стары и безуспѣшны тѣ усилія, которыми и отдѣльныя личности, и цѣлыя общественныя группы пытались и пытаются уничтожить зло, именуемое проституціей.

Посмотримъ, однако, какое значеніе придаетъ самъ авторъ вопросу о проституціи.— „Проституція сдѣлалась настоящимъ бичемъ современнаго общества. Въ ея тенетахъ задыхаются народныя массы, гибнетъ морально и физически человѣчество... Самое драгоцѣнное въ обществѣ и государствѣ—семья, уже значительно поколеблена въ своихъ устояхъ разростающейся по всѣмъ направленіямъ зловонной общественной язвой“...

Начиная такими словами свое предисловіе, авторъ нѣсколько дальше говоритъ: „Не сифилисомъ и венерическими болѣзнями только страшна проституція, но гораздо больше тѣмъ, что отъ нея гибнетъ духовная сила и мощь народа“...

Читая эти и дальнѣйшія строки предисловія, вы видите, что „давно наболѣвшему“ вопросу о проституціи авторъ придаетъ огромное значеніе. Въ его глазахъ проституція не простое зло, а бичъ человѣчества, и онъ задается цѣлью разсмотрѣть ее „не съ одной только медицинской точки зрѣнія, но и съ моральной, и юридической сторонъ“.

Собственно проституціи посвящена первая, большая половина книги. Здѣсь „во всей своей грязной наготѣ“ представлены авторомъ „развратъ и проституція былыхъ временъ“, и передъ читателемъ проносится невыносимо тяжелая „мрачная картина нравственнаго порабощенія, угнетенія и насилія“, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ совершалъ мужчина надъ женщиной.—Не сгущая красокъ, но въ тоже время и намѣренно не смягчая ихъ, авторъ рисуетъ эту картину, по поводу которой самъ же потомъ говоритъ: „Какое страшно тяжелое чувство остается послѣ ознакомленія съ исторіей проституціи“.—Нисколько не сглаживается это чувство и при чтеніи дальнѣйшихъ главъ, которыя знакомятъ читателя съ проституціей въ новѣйшія времена. Напротивъ, если, читая первыя главы, читатель можетъ успокаивать себя мыслью, что „все это, правда, было, но, къ счастью, прошло“, то, читая послѣднія главы — о проституціи въ наше время—онъ уже безсиленъ подыскать себѣ подобное утѣшеніе...

Очень интересна глава XIII, посвященная вопросу о легализированіи и регулированіи разврата, въ особенности же обстоятельно и живо изложены тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ о полной несостоятельности системы регламентаціи и объ аболиціонистскомъ движеніи. Г. Сабининъ—ярый аболиціонистъ, и сильныя нападки его на систему регламентаціи проституціи тѣмъ для насъ интереснѣе, что нѣкогда, „въ началѣ своей врачебной и литературной дѣятельности“, онъ самъ находился подъ вліяніемъ этой системы, за раціональность которой даже высказывался въ спеціальной печати.—„Но аболиціонистскія идеи, настойчиво проникавшія въ большую публику“, говоритъ авторъ, „побудили меня снова взяться за изученіе къ этому времени уже богатой литературы по вопросу о проституціи и отнестись сугубо критически къ обѣимъ системамъ борьбы съ проститу-

ціей. Въ результатѣ этого получилось то, что я кореннымъ образомъ измѣнилъ свое прежнее воззрѣніе на проституцію, какъ на неизбѣжное, терпимое, а потому и регулируемое зло“.

Вторая часть книги посвящена сифилису и венерическимъ болѣзнямъ. Въ ней, между прочимъ, авторъ усиленно подчеркиваетъ ту мысль, что сифилисъ, эта, какъ онъ выражается, „медленная хроническая смерть“ ведетъ къ вырожденію человѣческаго рода. Считая главнымъ источникомъ распространенія сифилиса и венерическихъ болѣзней—тайную и поднадзорную проституцію, авторъ—въ то же время—доказываетъ полную санитарную несостоятельность почти повсемѣстно практикуемаго періодическаго врачебнаго освидѣтельствованія проститутокъ.

Всего изъ одной небольшой главы состоитъ третья часть книги, затрагивающая вопросъ о половомъ воздержаніи, и предъявлять къ ней большія требованія нельзя. Тѣмъ не менѣе многимъ сторонникамъ внѣбрачныхъ половыхъ сношеній можно посовѣтовать ознакомиться съ этой главой, и въ особенности тѣмъ родителямъ и воспитателямъ, дѣти и воспитанники которыхъ находятся уже наканунѣ наступленія половой зрѣлости.—„Не отрицая того, что половое влеченіе свойственно здоровому человѣку“, авторъ не находитъ возможнымъ согласиться съ тѣмъ, „чтобы люди цивилизованные не могли сдерживать это влеченіе безъ всякаго ущерба физіологическимъ отправленіямъ организма и тѣмъ болѣе въ юношескомъ возрастѣ, когда питательный матеріалъ и физическая энергія должны расходоваться на многія растительныя и духовныя потребности“.

Рядомъ собственныхъ соображеній, подкрѣпленныхъ выдержками изъ извѣстныхъ авторовъ, г. Сабининъ доказываетъ ложность распространеннаго въ современномъ обществѣ взгляда на половую потребность мужчины, находя, что до полнаго развитія половой зрѣлости мужчина и можетъ, и долженъ ограничивать эту потребность.

Наибольшій интересъ должна представлять четвертая часть книги („Профилактика проституціи“), содержащая въ себѣ выводы и заключенія автора о возможныхъ и необходимыхъ мѣрахъ борьбы съ проституціей. Какъ аболиціонистъ, авторъ преисполненъ надеждъ на то, что исчезновеніе проституціи будетъ совершаться „попутно съ расширеніемъ образованія, гражданскихъ правъ, практической дѣятельности женщинъ, съ организаціей труда послѣднихъ, съ воспитаніемъ подростающаго поколѣнія въ чувствахъ уваженія къ женщинѣ и т. д.“.

Высказывая въ „Профилактикѣ проституціи“ свои соображенія о томъ, какія изъ мѣръ борьбы составляютъ обязанность государства, и какія могутъ и должны быть осуществлены обществомъ, авторъ заканчиваетъ эту статью слѣдующими словами: „Мы твердо увѣрены, что наступитъ такое время, когда проституція будетъ побѣждена нравственнымъ возрожденіемъ и нравственной энергіей“.

Гр. Т.

Носковъ, Н. Д. Наши самоучки. А. В. Кольцовъ.

Подъ общимъ заглавіемъ „Наши самоучки“ редакція журнала „Всходы“ намѣревается, повидимому, выпустить въ свѣтъ рядъ біографическихъ очерковъ, и „А. В. Кольцовъ“, написанный г. Носковымъ, представляетъ собою первый изъ этихъ очерковъ, предназначаемыхъ, какъ и всѣ вообще изданія „Всходовъ“, для дѣтей школьнаго возраста.

Біографіи замѣчательныхъ людей могутъ имѣть большое воспитательное вліяніе на дѣтей, и намѣреніе „Всходовъ“ заслуживаетъ полнаго сочувствія. Неизвѣстно, что дадутъ „Наши самоучки“ въ цѣломъ. Мало одной хорошей идеи, необходимо еще умѣлое ея осуществленіе. Что же касается перваго очерка, то онъ, какъ мы увидимъ ниже, составленъ вполнѣ удачно и потому заслуживаетъ вниманія тѣхъ, кто интересуется книгами, предназначенными для дѣтей.

Однимъ изъ главныхъ достоинствъ этого очерка слѣдуетъ признать то, что г. Носкову удалось избѣжать всѣхъ тѣхъ крупныхъ недостатковъ, которыми обыкновенно грѣшатъ подобные очерки и о которыхъ я, рискуя затянуть настоящую замѣтку, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ.

Составленіе біографическихъ очерковъ многіе, по какому то недоразумѣнію, считаютъ дѣломъ очень легкимъ. Въ этомъ можно убѣдиться, просмотрѣвши десятокъ—другой подобныхъ очерковъ, значительное

большинство которыхъ не выдерживаетъ даже снисходительной критики. Пріятное исключеніе изъ этого, на мой взглядъ, общаго правила, представляютъ книжки Павленковской біографической библіотеки, составленныя, въ общемъ, съ большимъ умѣньемъ. Что же касается другихъ подобнаго рода изданій, то здѣсь неумѣлость большинства біографовъ въ особенности сказывается на очеркахъ, предназначенныхъ для дѣтей школьнаго возраста. Въ рѣдкомъ случаѣ вы не встрѣтите большихъ неточностей и даже искаженій фактовъ, дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто въ жизни описываемаго лица. „Было бы занимательно, а точность... Кому она нужна? Читатель, если и замѣтитъ искаженіе,—не взыщетъ". Такъ разсуждаютъ гг. біографы, и ужъ вы, какъ себѣ хотите, а точности отъ нихъ не требуйте.—Но и передавая неточно тотъ или иной фактъ, или даже „придумывая собственные" факты, можно тѣмъ не менѣе—мало погрѣшить противъ даннаго лица. Необходимо лишь, чтобы такіе факты — поступки или разговоры,—приведенные въ біографіи, не противорѣчили дѣйствительной психологіи этого лица. Къ сожалѣнію, это удается немногимъ.

Не менѣе часто грѣшатъ гг. біографы и противъ другого основного требованія литературной критики—противъ объективности. Вмѣсто безпристрастнаго отношенія къ изображаемой личности или окружающей эту личность обстановкѣ, вы сплошь и рядомъ встрѣчаете тенденціозность автора, усиленно, а иногда и не безъ навязчивости, проводящаго какой-нибудь „свой" взглядъ.

На ряду съ этими біографами можно встрѣтить и такихъ, которые—словно изъ боязни быть тенденціозными—впадаютъ въ другую крайность: они не пристрастны, а безстрастны, какъ машина, какъ автоматъ.

Біографическій очеркъ г. Носкова не только свободенъ отъ приведенныхъ недостатковъ, но и отличается нѣкоторыми положительными достоинствами, дѣлающими его очень цѣннымъ для школьныхъ библіотекъ.

Отказавшись, вопреки установившемуся обыкновенію, отъ справокъ и выписокъ изъ церковныхъ или полицейскихъ книгъ, авторъ въ первой и третьей главѣ кратко и просто знакомитъ читателя съ однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ жизни поэта. Живо и задушевно разсказываетъ онъ о томъ времени, когда юноша Кольцовъ усиленно посѣщаетъ книжную лавку Кашкина.

Самъ нѣкогда блуждавшій въ потемкахъ и, въ поискахъ за свѣтомъ, прошедшій тяжелый путь, Кашкинъ—какъ рыбакъ рыбака—угадываетъ въ юномъ знакомомъ родственную ему недюжинную натуру, неудержимо стремящуюся къ свѣту и знанію. И читатель вполнѣ уясняетъ себѣ ту важную роль, какую сыгралъ въ жизни Кольцова книгопродавецъ Кашкинъ, такъ строго отнесшійся къ первому опыту юнаго поэта.—Выясняя значеніе, которое имѣли для Кольцова самъ Кашкинъ, его лавка и устраивавшіеся въ его квартирѣ вечера, г. Носковъ, между прочимъ, говоритъ: „Лавка Кашкина явилась для него (Кольцова) своего рода школой. Самъ книгопродавецъ — учителемъ и близкимъ человѣкомъ. Отъ него отъ перваго въ Воронежѣ услышалъ юноша: „Читай и учись! Разсѣй съ души туманъ непросвѣщенія"... Эти вечера, на которыхъ Кольцовъ свелъ первое знакомство съ воронежскимъ кружкомъ интеллигентныхъ людей, дѣйствовали на него освѣжительно".

Не менѣе хорошо выясняетъ г. Носковъ то вліяніе, которое имѣла на Кольцова дружба съ Серебрянскимъ, „чуткою своей душой угадавшимъ въ незрѣлыхъ еще стихахъ юнаго прасола дремлющее большое дарованіе". Съ интересомъ читается посвященная этому вопросу глава шестая, гдѣ авторъ, между прочимъ, слѣдующими словами характеризуетъ роль Серебрянскаго: „Сверстникъ Алексѣя Васильевича, онъ могъ хорошо понять думы и мечты своего друга. Если Кашкинъ своими совѣтами „разсѣять туманъ непросвѣщенія" поддерживалъ страсть Кольцова къ чтенію, то съ помощью Серебрянскаго такое чтеніе приняло вполнѣ опредѣленное направленіе"... „Серебрянскій первый приложилъ строгую мѣрку къ стихамъ своего друга"...

Столь же удачно справился авторъ и съ другой задачей—выяснить ту роль, какую сыграли въ жизни поэта его многочисленныя литературныя знакомства и связь съ литературными кругами Москвы и Петербурга. Судьба, щедро одарившая прасольскаго сына поэтическимъ талантомъ, заботливо сводила его съ такими людьми, которые „на перебой" съ охотой, и даже съ увлеченіемъ, дѣлали все для того, чтобы

дать развернуться и окрѣпнуть крупному дарованію самоучки-поэта. И Кольцовъ, отецъ котораго только и думаетъ о томъ, чтобы выработать изъ сына „заправскаго прасола“, — Кольцовъ, которому съ ранняго дѣтства приходилось „не только проводить дни и ночи въ степи, въ разъѣздахъ по деревнямъ, но и уходить съ головою въ торговлю“,--этотъ же Алеша Кольцовъ, по волѣ судьбы, находитъ себѣ друзей не только въ лицѣ лучшихъ воронежцевъ, какими были Кашкинъ и Серебрянскій, но и въ лицѣ такихъ замѣчательныхъ современниковъ, какъ жившіе въ то время въ Москвѣ Станкевичъ, Бѣлинскій, Аксаковъ и группировавшіеся около нихъ лучшіе люди. Прасольскія дѣла не только заставляютъ поэта мыкаться по базарамъ и продавать съ возовъ сало, но и даютъ ему возможность бывать и въ Петербургѣ, гдѣ та же заботливая судьба вводитъ его уже не въ опостылѣвшій ему міръ торговыхъ людей, а въ міръ литературный,—и онъ, „невѣдомый никому прасолъ“, близко сталкивается съ такими людьми, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, Гоголь и другіе выдающіеся писатели.

Перечисляя десятки лицъ, встрѣча съ которыми имѣла болѣе или менѣе важное значеніе для поэта, передавая различныя событія, такъ или иначе повліявшія на развитіе поэтическаго дарованія Кольцова, или описывая современное поэту провинціальное воронежское общество или литературный міръ Москвы и Петербурга, авторъ очерка проявляетъ очень цѣнное для біографа качество — умѣнье группировать описываемыхъ лицъ и многочисленныя подробности и положенія и соблюсти то, что лучше всего назвать „перспективой въ изображеніи среды“. Вотъ почему одинаково легко и съ интересомъ читаются и тѣ главы очерка, въ которыхъ авторъ знакомитъ читателя съ домашней обстановкой и той средой, въ которой протекли дѣтскіе годы поэта. Мало словъ потратилъ авторъ на возсозданіе образовъ отца и матери Кольцова, а между тѣмъ эти образы, въ особенности первый, нарисованы не только вѣрно, но и достаточно ярко.

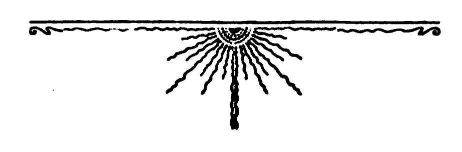
Въ жизни каждаго поэта особенный интересъ представляетъ то время, къ которому относятся первые зачатки поэтическаго вдохновенія, и этому времени въ жизни Кольцова авторъ отводитъ въ очеркѣ подобающее мѣсто.

Лучшія страницы очерка раскрываютъ передъ читателемъ внутренній міръ поэта, рисуютъ его душевное состояніе въ различные моменты жизни. Такъ, хорошимъ чувствомъ согрѣта та глава, въ которой авторъ передаетъ грустную исторію первой любви поэта. Но лучше, удачнѣе всего написаны страницы, рисующія ту продолжительную внутреннюю борьбу, которую переживалъ поэтъ послѣ того, какъ понялъ всю разницу между своею воронежскою жизнью и жизнью въ Москвѣ среди друзей, между жизнью „земного праха“ и жизнью „земного духа“.

Не свободенъ очеркъ г. Носкова и отъ недостатковъ или—вѣрнѣе—промаховъ. И хотя промахи эти, по сравненію съ перечисленными достоинствами книжки, весьма незначительны, тѣмъ не менѣе указать хотя бы одинъ изъ нихъ, главнѣйшій, я считаю необходимымъ.

Дѣло въ томъ, что, выясняя значеніе Кольцова въ русской литературѣ, авторъ слишкомъ мало вниманія удѣляетъ мотивамъ творчества Кольцова. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ именно въ данномъ очеркѣ, предназначенномъ для дѣтей, необходимо, по возможности, яснѣе указать, съ соотвѣтствующими ссылками на стихотворенія, что любилъ поэтъ, во что онъ вѣрилъ, что жаждалъ, къ чему стремился самъ и къ чему призывалъ другихъ. Издана книжка, какъ всѣ вообще книжки „Всходовъ“, вполнѣ добросовѣстно. Рисунки, сопровождающіе текстъ, за исключеніемъ 2—3-хъ, выполнены хорошо. Цѣна книжки невысока.

Г. Т.

Хроника русской жизни.

I. Манифестъ 6 августа.—Государственная Дума и ея учрежденіе.—Отзывы русской и иностранной печати.—Разборъ положенія о думѣ.—Комиссіи и особыя совѣщанія.—Проекты и дѣйствительность.—II. Вопросъ объ учебныхъ заведеніяхъ.—Когда откроются занятія.—Учрежденіе студенческой „опричнины".—„Возстановленіе порядка" въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—„Крамольные" курсы.—III. Рабочіе и крестьянскіе безпорядки.—Националистское движеніе латышей.—Какъ возстановляютъ порядокъ.— Военное положеніе и усиленная охрана.

После долгихъ и тщетныхъ ожиданій, наконецъ, 6 августа появился Высочайшій Манифестъ объ учрежденіи народнаго представительства въ видѣ Государственной Думы.

Манифестъ этотъ гласитъ слѣдующее:

Государство Россійское созидалось и крѣпло неразрывнымъ единеніемъ Царя съ народомъ и народа съ Царемъ. Согласіе и единеніе Царя и народа—великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ, отстоявшая ее отъ всякихъ бѣдъ и напастей, и является донынѣ залогомъ ея единства, независимости и цѣлости, матеріальнаго благосостоянія и развитія духовнаго въ настоящемъ и будущемъ.

Въ Манифестѣ Нашемъ, данномъ 26 февраля 1903 года, призывали Мы къ тѣсному единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества для усовершенствованія государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя въ мѣстной жизни. И тогда озабочивала Насъ мысль о согласованіи выборныхъ общественныхъ учрежденій съ правительственными властями и объ искорененіи разлада между ними, столь пагубно отражающагося на правильномъ теченіи государственной жизни. О семъ не переставали мыслить Самодержавные Цари, Наши Предшественники.

Нынѣ настало время, слѣдуя благимъ начинаніямъ Ихъ, призвать выборныхъ людей отъ всей земли Русской, къ постоянному и дѣятельному участію въ составленіи законовъ, включивъ для сего въ составъ высшихъ государственныхъ учрежденій особое законосовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Въ сихъ видахъ, сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти, признали Мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили Положеніе о выборахъ въ Думу, распространивъ силу сихъ законовъ на все пространство Имперіи, съ тѣми лишь измѣненіями, кои будутъ признаны нужными для нѣкоторыхъ находящихся въ особыхъ условіяхъ, ея окраинъ.

О порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго по вопросамъ общихъ для Имперіи и сего края узаконеній будетъ указано нами особо.

Вмѣстѣ съ симъ повелѣли мы министру внутреннихъ дѣлъ безотлагательно представить Намъ къ утвержденію правила о приведеніи въ дѣйствіе Положенія о выборахъ въ Государственную Думу, съ такимъ разсчетомъ, чтобы члены 50 губерній и области Войска Донского могли явиться въ Думу не позднѣе половины января 1906 года.

Мы сохраняемъ всецѣло за Собою заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи учрежденія Государственной Думы, и когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному, не преминемъ дать по сему предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія.

Питаемъ увѣренность, что избранные довѣріемъ всего населенія люди, призываемые нынѣ къ совмѣстной законодательной работѣ съ Правительствомъ, покажутъ себя предъ всей Россіей достойными того Царскаго довѣрія, коимъ они призваны къ сему великому дѣлу, и въ полномъ согласіи съ прочими государственными установленіями и съ властями, отъ Насъ поставленными, окажутъ Намъ полезное и ревностное содѣйствіе въ трудахъ Нашихъ на

благо общей Нашей Матери Россіи, къ утвержденію единства, безопасности и величія Государства и народнаго порядка и благоденствія.

Призывая благословеніе Господне на труды учреждаемаго Нами Государственнаго установленія, Мы съ непоколебимою вѣрою въ милость Божію и въ непреложность великихъ историческихъ судебъ, предопредѣленныхъ Божественнымъ Промысломъ дорогому Нашему Отечеству, твердо уповаемъ, что съ помощью Всемогущаго Бога и единодушными усиліями усиліями всѣхъ своихъ сыновъ Россія выйдетъ съ торжествомъ изъ постигшихъ ее нынѣ тяжкихъ испытаній и возродится въ запечатлѣнныхъ тысячелѣтнею ея исторіей могуществѣ, величіи и славѣ.

Данъ въ Петергофѣ въ 6-й день августа въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одинадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*"

Новый законъ не вызвалъ особенныхъ восторговъ ни въ нашей, ни въ заграничной прессѣ: всѣ ждали чего-то большаго. Несомнѣнно, однако, и его нужно считать большимъ шагомъ впередъ: перейдена грань, отдѣляющая приказную Россію отъ Россіи будущей, хотя приказный строй и не побѣжденъ еще.

„Признали нашу зрѣлость, какъ говоритъ „Сынъ От.",—но опека не снята. По закону, мы все еще не народъ, не признанная группа, а лишь человѣческая пыль, отдѣльные посѣтители нашей родины. По прежнему мы не можемъ итти на помощь пухнущему отъ голода брату нашему безъ разрѣшенія урядника, по прежнему печать безмолвія на нашихъ устахъ, попрежнему цензурныя клещи давятъ наши мозги. Попрежнему личность гражданъ ничѣмъ не гарантирована. Вотъ почему мы не испытываемъ радости даже въ этотъ торжественный день".

Другія передовыя газеты приблизительно говорятъ тоже, и только юродивыя „Моск. Вѣд.", считая опубликованный актъ „громадною уступкою, полученною отъ правительства революціонными партіями", съ ужасомъ раздумываютъ „о томъ шагѣ, который сразу направилъ Россію въ безпросвѣтный мракъ неизвѣстной будущности"...

Иностранная пресса въ общемъ довольно скептически смотритъ на новое государственное учрежденіе, но все таки признаетъ несомнѣнную его важность.

„Какъ бы то ни было, — говоритъ, напримѣръ, L'Indépendance Belge,—но новый законъ обозначаетъ поворотъ въ исторіи русскаго народа. Считавшійся до сихъ поръ ничѣмъ, русскій народъ сталъ, наконецъ, кое-чѣмъ. Правда, пока еще не знаютъ его воли, права его еще пренебрегаются, но онъ уже существуетъ, онъ — здѣсь, онъ — на стражѣ своихъ благъ... Въ великой крѣпости всевластной бюрократіи пробита брешь, —первая побѣда, одержанная духомъ свободолюбія въ Россіи".

Въ заключеніе „Ind. B." полагаетъ, что прогрессивнымъ элементамъ слѣдуетъ воспользоваться всѣми наличными средствами въ цѣляхъ проведенія реформъ, болѣе широкихъ и вѣрнѣе отвѣчающихъ потребностямъ страны.

„L'Action" обозрѣваетъ сумму затраченныхъ усилій и приходитъ къ выводу, что русскимъ народомъ отвоеванъ крохотный уголокъ въ правительственномъ механизмѣ.

„Размѣстятся ли тамъ всѣ его надежды и желанія?"—спрашиваетъ пессимистически газета.

Изъ англійскихъ газетъ, даже консервативный „Globe" замѣчаетъ, что новое учрежденіе является продуктомъ чрезвычайной осторожности и робости. А „Pall Mall Gazette" говоритъ про Государственную Думу, что она напоминаетъ генеральные штаты конца 18 вѣка во Франціи.

Нѣмецкая пресса болѣе детально разсматриваетъ положеніе о Думѣ. Напримѣръ,— „National-Zeit." обращаетъ вниманіе на слѣдующіе пункты новаго закона.

Ст. 15 „Учрежденія" гласитъ, „членъ Государственной Думы" можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти", но эта послѣдняя, какъ извѣстно, находится въ Россіи всецѣло подъ вліяніемъ администраціи. То же относится къ 20 и 22 статьямъ. Публичность засѣданій подчинена, по статьямъ 38 и 43, исключительно усмотрѣнію предсѣдателя. Статьи 52 и 53 представляютъ въ извѣстныхъ случаяхъ государственному совѣту разсматривать законопроекты безъ предварительныхъ заключеній Государственной Думы, но государственный совѣтъ — учрежденіе чисто бюрократическое.

Эта боязнь бюрократизма, въ связи съ отсутствіемъ элементарныхъ правъ гражданина, проскальзываетъ и въ нашей прессѣ, которая настойчиво указываетъ, что безъ осуществленія этихъ правъ и прежде всего свободы выборовъ Дума едва ли выполнитъ свою цѣль — способствовать успокоенію Россіи.

Въ „Словѣ“ напечатанъ чрезвычайно характерный и поучительный разговоръ бюрократа съ журналистомъ, изъ котораго мы беремъ самое существенное.

Бюрократъ. Не совсѣмъ уясняю себѣ, чему вы собственно обрадовались, г.г. журналисты? Пробѣгая холоднымъ разумомъ статьи только что обнародованнаго законоположенія, я затрудняюсь найти въ немъ хотя бы намекъ на какую-нибудь *новизну* въ существующемъ режимѣ. *Все остается абсолютно по старому*. Я даже склоняюсь къ мысли, что „бюрократическое всевластіе“, какъ нынче въ модѣ выражаться, пожалуй, даже усиливается орнаментомъ призрачнаго народовластія. Какъ и встарь, дѣла будемъ вершать *мы*, но создается фикція, будто самъ народъ становится хозяиномъ своей судьбы, что, конечно, только намъ на руку.

Журналистъ. Простите. Неужели, однако, вы ставите ни во что появленіе на сценѣ исторіи 412 новыхъ умныхъ дѣловитыхъ людей?

Бюрократъ. Да когда это будетъ? Черезъ шесть мѣсяцевъ! Мало ли что можетъ произойти! Поѣздъ исторіи обладаетъ ходомъ и впередъ, и назадъ, какъ вѣрно и то, что по нашимъ правамъ поѣзда у насъ нерѣдко стоятъ на мѣстѣ часъ, когда по росписанію положено всего три минуты... Когда я вдумываюсь въ нашу исторію, что такое настоящій моментъ? Не садимся ли мы въ тотъ самый вагонъ, который поданъ былъ нѣкогда для Государственной Думы Сперанскаго? Поѣздъ, значитъ, простоялъ на мѣстѣ цѣлыхъ сто лѣтъ! Сейчасъ дали первый звонокъ къ отходу, но развѣ мы не знаемъ изъ житейской практики, сколько времени пройдетъ, пока надумаютъ дать второй, потомъ третій звонокъ, затѣмъ свистокъ кондуктора, свистокъ локомотива... Потомъ машинистъ начнетъ раскачиваться, дернетъ впередъ, не беретъ! Осадитъ назадъ... Но оставимъ даже это болѣе чѣмъ основательное сомнѣніе, допустимъ, что 412 новыхъ, — вѣдь вы на этомъ дѣлаете удареніе—умныхъ дѣловитыхъ людей, дѣйствительно, появились на сценѣ нашей исторіи. Что же дальше? Ну, эти новенькіе, по неопытности гимназистовъ заявятъ требованіе свободы слова. Имъ отвѣтятъ, что г. Кобеко какъ разъ занятъ этимъ вопросомъ. Они возбудятъ ходатайство объ ускореніи дѣла. Ну, г. Кобеко напишетъ соотвѣтственную бумагу, и онъ, конечно, ни на одну іоту не усилитъ интенсивности своей работы, да если бы и захотѣлъ это сдѣлать,—не сможетъ, ибо въ атмосферѣ канцелярской тайны всегда возможно затормозить дѣло, а то и вовсе свести его на нѣтъ...

Журналистъ. Значитъ, по вашему, свободы слова намъ не ждать?

Бюрократъ. Конечно, нѣтъ!—Какъ не хотите, вы или — простите, — неспособны вникнуть въ реальную сущность вещей! Да кто же дастъ вамъ свободу слова, когда она грозитъ цѣлости нашихъ интересовъ?! Побрякушки, маскарадъ—это, сколько угодно, но не свободу слову, которая, наряду съ другими условіями, конечно, несовмѣстима съ бюрократизмомъ...

Бюрократія совсѣмъ не думаетъ и не желаетъ отказываться отъ своего положенія.

Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Однако, нужно довольствоваться пока и тѣмъ, что есть. И потому, многіе возлагаютъ все таки нѣкоторыя упованія на первые выборы.

„Далеко не все, — говоритъ „Русское Слово“, — но весьма многое зависитъ отъ первыхъ выборовъ. Къ нимъ надо готовиться спокойно и увѣренно. Данныя условія являются крайне неблагопріятными для развитія нормальной предвыборной агитаціи. Сознательные выборы безъ агитаціи немыслимы. Искусственная агитація принесетъ громадный вредъ, а она, несомнѣнно, окажется искусственной, если не будетъ поставлена въ свободныя условія нормальнаго развитія“.

Одно же изъ этихъ условій нормальнаго развитія,—единственное, имѣвшееся пока въ распоряженіи русскаго общества— право собраній, вытекавшее изъ указа 18-го февраля, упразднено одновременно съ опубликованіемъ учрежденія Государственной Думы. Теперь уже и

„тѣнь законности общественныхъ собраній исчезла. А между тѣмъ, — говоритъ

„Наша Жизнь",—общество не можетъ такъ или иначе не высказаться, оно должно же подготовляться и къ будущимъ выборамъ, и къ будущему участію въ самой Государственной Думѣ. Между прочимъ, въ газетахъ уже появились сообщенія, что въ скоромъ времени предстоитъ совѣщаніе высшихъ чиновъ мѣстной администраціи, т. е. губернаторовъ, по вопросу объ организаціи выборовъ. Но нельзя же допустить, чтобы фактическое руководство выборами дѣйствительно производилось администраціей. Если признано необходимымъ привлеченіе къ участію въ обсужденіи законодательныхъ „предположеній" представителей народа, то, конечно, это привлеченіе должно быть свободнымъ.

„Тѣмъ съ большимъ основаніемъ необходимо указать, что основными требованіями данной минуты должны быть свобода печати, слова и собраній, и чтобы администрація стояла не какъ заинтересованная сторона, а лишь какъ охранительница внѣшняго порядка".

Оцѣнивая съ своей стороны всѣ особенности новаго государственнаго учрежденія, „Право" находитъ, что при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ нынѣ находится наше отечество, необходимо объединеніе освободительныхъ силъ

„на почвѣ положительнаго отношенія къ участію въ выборахъ, и тогда и предвыборный моментъ, и выборы, и Дума дадутъ новыя, несоизмѣримыя ни съ чѣмъ, до сихъ поръ бывшимъ въ ихъ распоряженіи, силы освободительнымъ элементамъ. Если тѣ лица, которыя выступали въ качествѣ „самозванцевъ", теперь скажутъ то же самое, какъ народные представители, то отъ голоса ихъ падутъ іерихонскія стѣны безъ новыхъ жертвъ, которыхъ и безъ того русская жизнь принесла болѣе чѣмъ достаточно.

„Во всякомъ случаѣ — несомнѣнно одно: въ первый разъ въ нашей исторіи на русское общество возлагается серьезная и непосредственная отвѣтственность за ближайшія судьбы родины, и нужно желать, чтобы оно оказалось на высотѣ серьезности момента и вдумчиво отнеслось къ предстоящей задачѣ".

Между тѣмъ, не говоря уже о нѣкоторыхъ необъяснимыхъ странностяхъ новаго закона (относительно числа выборныхъ), нужно очень умно провести выборы, чтобы получить мало-мальски благопріятные результаты *).

Въ самомъ дѣлѣ, изъ кого главнымъ образомъ будетъ слагаться будущая Дума?

„Если бы,—говоритъ „Нов. Вр.,"—результаты выборовъ опредѣлились въ прямомъ соотношеніи съ численностью отдѣльныхъ группъ выборщиковъ на губернскихъ съѣздахъ, то эти данныя должны бы привести къ несомнѣнному убѣжденію, что преобладающее мѣсто, а слѣдовательно и преобладающій голосъ въ Думѣ будетъ принадлежать крестьянскимъ депутатамъ. Подсчитывая приведенные итоги крестьянскихъ депутатовъ, выборы которыхъ представляются обезпеченными, мы имѣемъ, во-первыхъ, 51 депутата, обязательно выбираемыхъ крестьянами и изъ крестьянъ, по одному изъ каждой губерніи и области; во-вторыхъ, 102 депутата отъ 45 губерній и областей, въ которыхъ на выборахъ крестьяне имѣютъ абсолютное большинство голосовъ; въ третьихъ—отъ 40 до 54 депутатовъ изъ 11 губерній, въ которыхъ крестьянскіе выборщики могутъ по своей численности имѣть сильное вліяніе на выборы. Итого—отъ 193 до 207 депутатовъ.

---

*) Такъ, В. Водовозовъ, между прочимъ, указываетъ въ „Н. Жизни" на слѣд. „Въ Московской губерніи въ собраніи выборщиковъ имѣется одинъ выборщикъ отъ волостей Московскаго уѣзда, одинъ отъ съѣзда землевладѣльцевъ (это въ общей сложности на 150.000 жителей) и 8 отъ съѣзда городскихъ избирателей Москва изъ Московской губерніи выдѣлена; между тѣмъ въ Московскомъ уѣздѣ, кромѣ Москвы, не имѣется ни одного города. Какъ же выбираются эти 8 выборщиковъ? На этотъ вопросъ въ законѣ нѣтъ отвѣта.

Точно также Астраханскій уѣздъ посылаетъ семь городскихъ выборщиковъ, а откуда они берутся, если Астрахань выдѣлена въ особый избирательный округъ, неизвѣстно; Кишиневскій уѣздъ, изъ котораго Кишиневъ выдѣленъ въ особый избирательный округъ, все же посылаетъ выборщика въ губернское избирательное собраніе, но почему то только одного. Виленскій уѣздъ тоже одного, а Екатеринославскій уѣздъ — 11, хотя въ немъ тоже, кромѣ выдѣленнаго Екатеринослава, не имѣется ни одного города.

Въ Бессарабской губ. одни уѣзды, съ населеніемъ въ 60 тыс. посылаютъ 3 выборщиковъ, а другіе, гдѣ всего 13 тыс.,— 4-хъ, и т. п.

Иными словами, около половины всѣхъ членовъ Думы.

Какіе же крестьяне попадутъ въ депутаты? Вспомнимъ, что по Положенію они должны сначала собраться въ волостяхъ—выбирать выборщиковъ для уѣздныхъ съѣздовъ; депутаты послѣднихъ съѣзжаются въ губернскій городъ и уже здѣсь выбираютъ депутатовъ въ Думу. Если вспомнить ограниченный бюджетъ нашего крестьянина, въ массѣ, да еще въ нынѣшнее безденежное и голодное время,—затѣмъ, что и въ первомъ, и во второмъ, и въ третьемъ случаѣ собранія будутъ происходить подъ бдительнымъ окомъ администраціи, начиная съ урядника и земскаго начальника и кончая губернаторомъ, то, кажется, каждому будетъ ясно, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ депутаты попадутъ только состоятельные крестьяне, при томъ угодные начальству, т. е. кулаки и міроѣды. Другіе же то будутъ лишены возможности, изъ за недостатка средствъ, совершать переѣзды изъ села въ волость, изъ волости въ „уѣздъ“, оттуда—въ „губернію“, а третьи, которые рѣшатся, положимъ, на это, но будутъ не угодны начальству, просто на просто будутъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ (а выискать его не трудно) лишены физической возможности даже присутствовать на выборныхъ собраніяхъ. А разъ они не присутствуютъ, то, по Положенію, не могутъ быть и избраны въ выборные и потомъ — въ депутаты.

На основаніи этого параграфа Положенія, у администраціи всегда представляется возможность во время убрать не угоднаго ей депутата. И это не только по отношенію къ крестьянамъ, а по отношенію и ко всѣмъ гражданамъ русской земли.

Но допустимъ даже, что администрація не вездѣ будетъ злоупотреблять своею властью,—и въ депутаты попадутъ кое-гдѣ истинные избранники народа. Къ чему же способны будутъ эти темные, полуграмотные люди? гдѣ имъ разбираться въ тонкостяхъ проектовъ законовъ?! Еще высказаться огуломъ по какому нибудь общему вопросу, напр., о войнѣ или мирѣ, они съумѣютъ. А какъ они будутъ разбирать болѣе частныя дѣла?

Между тѣмъ ихъ — подавляющая масса!

А представимъ себѣ, что, вслѣдствіе вышеуказаннаго, въ крестьянскіе депутаты попадутъ кулаки (а выбрать 1—2 кулаковъ на губернію легко)! Какой защиты своихъ интересовъ могутъ ждать отъ нихъ крестьянскія массы? Выгодно ли такимъ депутатамъ настаивать, напр., на улучшеніи крестьянскаго положенія (прирѣзкѣ земли и т. п.), когда это противорѣчитъ ихъ собственнымъ интересамъ; когда все ихъ благополучіе строится на разоренности крестьянъ?—Нужно быть очень наивнымъ, чтобъ требовать отъ нихъ такого великодушія...

Точно также, разсматривая Положеніе о городскихъ выборщикахъ и обративъ вниманіе на высокій цензъ квартиронанимателей, можно безошибочно предсказать, что въ представители отъ городовъ въ Думу попадутъ, главнымъ образомъ, купцы и промышленники. А каковъ этотъ элементъ, доказываетъ исторія городскихъ общественныхъ учрежденій.

Во всякомъ случаѣ и этотъ элементъ, вмѣстѣ съ крестьянскимъ, будетъ носить строго консервативный характеръ.

Остаются земскіе депутаты. На нихъ одна надежда. Но прежде всего—это все-таки въ массѣ буржуа, во 2-хъ, и здѣсь административные капканы такъ ловко устроены, что не трудно задержать при помощи нхъ всѣ „нежелательные“ элементы.

Остаются нѣкоторые передовые „земцы“, которымъ, вѣроятно, какъ-никакъ удастся, счастливо миновавъ Сциллы и Харибды, попасть въ члены Думы. Но... ихъ будетъ подавляющее меньшинство.

Что будетъ представлять изъ себя Дума при такомъ подборѣ членовъ, — не трудно вообразить. Оттого „Русь“, напр., и далека отъ розовыхъ надеждъ на будущую Думу.

„Крестьянскіе „выборы“ съ четырьмя заставами и широкимъ полемъ для исключительнаго проявленія административныхъ назначеній,—говоритъ газета,—съѣзды крупныхъ землевладѣльцевъ, городскія избирательныя собранія изъ представителей богатой буржуазіи въ большихъ центрахъ, лавочники въ маленькихъ, полное исключеніе какъ класса рабочихъ, промышленныхъ и торговыхъ, такъ и класса интеллигентныхъ тружениковъ, сельскихъ и городскихъ,—все это рельефно показываетъ, какія совершенно искусственныя препятствія поставлены при

такихъ исключительно классовыхъ выборахъ, да еще на столь узкихъ основаніяхъ, для проявленія истиннаго представительства отъ народа"...

Необходимо еще отмѣтить, что одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Думы, — финансовый вопросъ (о порядкѣ разсмотрѣнія смѣтъ министерства и государ. росписи доходовъ и расходовъ) сначала будетъ отданъ на разсмотрѣніе особой комиссіи, Высочайше учрежденной Указомъ 6 авг., подъ предсѣдательствомъ д. т. с. графа Сольскаго, изъ членовъ Госуд. Совѣта, министровъ и др., т. с. Стишинскаго, д. т. с. Шидловскаго, ген.-маіора Трепова и др. Эта комиссія и опредѣлитъ порядокъ, въ какомъ Дума будетъ разсматривать смѣты (это же совѣщаніе, занятія котораго начнутся въ началѣ сентября, разрѣшитъ вопросъ о выборахъ въ Думу отъ губерній Царства Польскаго, областей Уральской и Тургайской, Сибири, Туркестана и Кавказа. Говорятъ, общее число депутатовъ отъ этихъ областей не будетъ превышать 140 чел., такъ что вся Дума будетъ состоять изъ 550 чел.).

Что касается предметовъ засѣданій будущей Думы, то, по слухамъ, въ первую очередь на совѣщаніе поступятъ вопросы: 1) о новомъ городовомъ положеніи, 2) о крестьянской реформѣ, 3) еврейскій вопросъ, 4) о введеніи всеобщаго и обязательнаго обученія, 5) объ измѣненіи земскаго положенія, а также, какъ уже извѣстно, будутъ представлены работы комиссій, созванныхъ на основаніи Высочайшихъ указовъ послѣдняго времени.

Первое собраніе будетъ обставлено съ необычайной торжественностью, и открытіе работъ народнаго представительства состоится въ присутствіи Августѣйшихъ Особъ, членовъ государственнаго совѣта, министровъ, начальниковъ главныхъ управленій, а также представителей иностранныхъ державъ, находящихся при русскомъ Дворѣ. За двѣ недѣли до начала сессіи будетъ происходить съѣздъ членовъ государственной думы, для предварительнаго предъявленія полномочій и провѣрки таковыхъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что одновременно съ обнародованіемъ Манифеста 6 августа былъ изданъ Указъ Сенату *объ отмѣнѣ Указа 18 февр.*, разрѣшавшаго свободное обсужденіе вопросовъ государственнаго благоустройства. Указомъ 6 авг. *„вопросъ о государственной реформѣ считается исчерпаннымъ"*, какъ заявилъ новый московскій ген.-губернаторъ. ген. П. Дурново.—Поэтому „всѣ права, которыя предоставлены общественнымъ организаціямъ этимъ манифестомъ, уже утрачиваютъ силу. *Дальнѣйшая созидательная работа въ частныхъ совѣщаніяхъ уже не потребуется"*, а разъ это такъ, то естественно, что ген.-губернаторъ рѣшилъ не допускать „въ Москвѣ какихъ бы то ни было частныхъ совѣщаній, земскихъ съѣздовъ или какихъ бы то ни было коллективныхъ обсужденій государственныхъ вопросовъ въ частныхъ собраніяхъ, а равно и въ земствахъ".

Да и не въ одной Москвѣ.

Положимъ, на дѣлѣ Указъ 18 февр. постоянно урѣзывался и толковался администраціей по своему. Но теперь не осталось уже и призрачной свободы. Впрочемъ, мудрено было и примѣнять его, если, какъ видно изъ опубликованнаго постановленія Комитета Министровъ, съ 25 іюня 1904 г. впредь до 4 сентября 1906 года половина Россіи состоитъ на положеніи частью усиленной охраны, частью — военнаго положенія. Именно, съ 1904 года въ положеніи усиленной охраны рѣшено и впредь оставить губерніи: С.-Петербургскую, Московскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Кіевскую, Подольскую и Волынскую; города Ростовъ на Дону, Таганрогъ и Нахичевань, Таганрогскій округъ, село Касперовку, станицу Гниловскую и желѣзодѣлательный заводъ Пастухова, области войска Донского; гор. Елисаветградъ, посады Богоявленскъ, Калиновку и Воскресенскъ, мѣстечки Варваровку и Кривой Рогъ, Криворогскіе рудники и Гданцевскій рудоплавильный заводъ, Херсонской губерніи; Покровскій и Шуйскій уѣзды и гор. Иваново-Вознесенскъ, Владимірской губерніи; градоначальства С.-Петербургское, Московское, Одесское и Николаевское и мѣстности, подвѣдомственныя кронштадтскому военному губернатору; затѣмъ Закаспійскую обл., Саратов. губ., Тифлисскую, Курляндскую (военн. пол.), Варшав. у. (военн. пол.), Одесскій у., Симферопольск. губ.

Во всякомъ случаѣ первые выборы въ Думу будутъ, несомнѣнно, представлять большой интересъ. Но къ чему приведутъ они,—покажетъ близкое будущее.

Пока же мы должны обратиться къ настоящему, къ тѣмъ комиссіямъ и совѣщаніямъ, которыя до послѣдняго времени занимали вниманіе Общества, какъ продуктъ бюрократической системы.

= Изъ многочисленныхъ комиссій, возникшихъ въ этомъ году, между прочимъ, въ началѣ лѣта закончило свои работы Высочайше утвержденное *совѣщаніе для пересмотра дѣйствующаго учрежденія сената.* По слухамъ, выроботанный совѣщаніемъ проектъ въ главнѣйшихъ чертахъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ.

Сенатъ становится высшимъ независимымъ и авторитетнымъ органомъ надзора за законностью и высшей инстанціей административнаго суда. Отъ надзора сената освобождаются только высшія государственныя установленія, каковы, напримѣръ, государственный совѣтъ, комитетъ министровъ, кромѣ того—не подчиняются сенату: опекунскій совѣтъ, канцелярія Его Величества и министерство Двора.

Сенату предоставляется широкое право толкованія закона и законодательной иниціативы. Въ томъ случаѣ, если сенатъ изъ доходящихъ до него дѣлъ замѣтитъ превышеніе или бездѣйстіе власти, безпорядокъ въ управленіи или какія-либо злоупотребленія должностныхъ лицъ или установленій, онъ принимаетъ мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка и имѣетъ право привлечь виновныхъ къ дисциплинарной отвѣтственности. Министры и генералъ-губернаторы въ данномъ случаѣ не составляютъ исключенія.

Расширяется сенатское право ревизій, причемъ ревизіи подлежатъ и центральныя установленія.

Если сенатъ найдетъ, что представляемое министромъ для обнародованія Высочайшее повелѣніе испрошено съ отступленіемъ отъ законнаго порядка, то безъ обнародованія возвращаетъ, съ указаніемъ соотвѣтственныхъ условій испрошенія названнаго повелѣнія. Министры и всѣ должностныя лица, которымъ по какимъ-либо основаніямъ принадлежатъ особыя полномочія, доносятъ сенату о всѣхъ принимаемыхъ въ силу этихъ полномочій чрезвычайныхъ мѣрахъ и причинахъ ихъ настоятельности. Вопросы такого рода должны разсматриваться въ департаментѣ внѣ очереди. Если сенатъ найдетъ, что принятыя мѣры превышаютъ министерскія полномочія, то отмѣняетъ чрезвычайныя мѣропріятія своей властью. Сенатъ наблюдаетъ, чтобы въ чрезвычайныхъ случаяхъ принятыя помимо закона исключительныя мѣры не дѣйствовали сами собою болѣе шести мѣсяцевъ.

Сенатъ повѣряетъ законность представляемыхъ для распубликованія министерскихъ распоряженій и или разрѣшаетъ приведеніе ихъ дѣйствіе или отмѣняетъ въ цѣломъ или въ части. Такую же отмѣну сенатъ можетъ предпринять, если замѣтитъ, по доходящимъ до него дѣламъ, отступленіе отъ закона въ министерскомъ циркулярномъ предписаніи.

Судя по этому проекту, предполагается значительно ограничить произволъ министровъ и контролировать ихъ дѣйствія. Все дѣло лишь въ томъ, будетъ ли этотъ проектъ утвержденъ, и если будетъ, какъ будетъ примѣняться.

О другихъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ за истекшій мѣсяцъ было мало извѣстій. Такъ, извѣстно только, что Совѣщаніе подъ предс. графа А. Игнатьева, *по пересмотру установленныхъ для охраны госуд. порядка исключительныхъ законоположеній*, проектировало сохраненіе правилъ объ охранѣ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, каждый разъ по тщательному разсмотрѣнію вызывающихъ необходимость его причинъ.

Однако, дѣйствительность показываетъ, что эта „чрезвычайность“ по прежнему понимается очень широко, по представленію какого нибудь губернатора или усмотрѣнію Министра Внутр. Дѣлъ,—и цѣлыя области объявляются на положеніи усиленной охраны. а то и военнаго положенія...

= Точно также и *Комиссія по дѣламъ печати* намѣтила было либеральные проекты реформъ, а въ дѣйствительности у печати сокращаются и тѣ крошечныя права, какія она имѣетъ. Такъ, недавно Госуд. Совѣтъ предоставилъ М-стру Вн. Дѣлъ единолично пріостанавливать періодическія изданія, представляя Сенату о мотивахъ запрещенія, который окончательно и рѣшаетъ во-

просъ о существованіи или закрытіи изданія. Казалось бы, что эта мѣра какъ бы контролируетъ М-стра, но кто вспомнитъ, сколько времени можетъ пройти отъ запрещенія изданія до разсмотрѣнія дѣла о немъ Сенатомъ, тотъ пойметъ, къ чему ведетъ эта мѣра.

Здѣсь кстати вспомнить, что уже 40 лѣтъ существуютъ „временныя" правила о печати. За это время періодическія изданія получили свыше 700 административныхъ взысканій, въ томъ числѣ около 300 предостереженій и болѣе 200 запрещеній розничной продажи.

Временная пріостановка была объявлена около 110 изданіямъ, изъ которыхъ почти половину (53) составляютъ подцензурные газеты и журналы.

Навсегда закрыты были за истекшія сорокъ лѣтъ 27 изданій, изъ нихъ 6—по Высочайшему повелѣнію („Современникъ", „Русское Слово", „Москвичъ", „Кіевскій Телеграфъ", „Собесѣдникъ" и „Сѣверный Вѣстникъ"), 2—по рѣшенію сената, на основаніи ст. 148 уст. ценз., („Москва" и „Русское Обозрѣніе") 17—по постановленію особаго совѣщанія министровъ, на основаніи примѣч. къ ст. 148, („Моск. Телеграфъ", „Отеч. Записки", „Здоровье", „Свѣточъ", „Дроэба", „Заря", „Сибир. Газета", „Русская Жизнь", „Новое Слово", „Ардзаганъ", „Начало", „Русскій Трудъ", „Сѣв. Курьеръ", „Жизнь", „Россія", „Русская Земля"—послѣ выхода четырехъ номеровъ—и „Квали") и 2 по распоряженію генералъ-губернаторовъ („Правда" и „Фаланга"). Наконецъ, тремъ изданіямъ („Гражданину", „Новому Времени" и „Руси") было сдѣлано за помѣщенныя въ нихъ статьи „строгое внушеніе". Изъ 17 періодическихъ изданій, временно пріостановленныхъ послѣ 1882 года, подлежали, на основаніи прим. къ ст. 144 уст. о ценз., особому порядку цензурованія 16, изъ которыхъ въ настоящее время издается лишь семь („Рус. Вѣдомости", „Бирж. Вѣдомости", „Сынъ Отечества", „Хозяинъ", „Гражданинъ", „Восходъ", „Восточное Обозрѣніе"), а остальныя девять погибли въ борьбѣ съ независящими обстоятельствами".

= Что касается *Совѣщанія о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьян. землевладѣнія,* подъ предс. И. Горемыкина, то оно недавно разсылало по волостямъ циркуляры съ извѣщеніемъ „о вызовѣ выборныхъ отъ крестьянскаго населенія для доставленія Совѣщанію отвѣтовъ и объясненій по подлежащимъ обсужденію совѣщанія вопросамъ, касающимся землеустройства и хозяйственнаго быта разныхъ родовъ крестьянскаго населенія государства". При этомъ объявлялось, что „порядокъ избранія крестьянами своихъ довѣренныхъ будетъ своевременно установленъ и объявленъ населенію". А самый вызовъ отъ крестьянъ предполагается осенью текущаго года, „когда работы совѣщанія будутъ достаточно къ тому подготовлены".

Проектируемая мѣра, несомнѣнно, имѣла бы чрезвычайно важныя послѣдствія, если бы, во-первыхъ, выборные отъ крестьянъ имѣли не совѣщательный, а рѣшающій голосъ, какъ и другіе члены Совѣщанія, во-вторыхъ, самые выборы уполномоченныхъ происходили правильно, безъ административнаго давленія. Иначе результатъ отъ такихъ делегатовъ будетъ такой же, какъ въ бывшей комиссіи Шидловскаго отъ присутствія делегатовъ отъ рабочихъ. А между тѣмъ—не такое теперь, видно, время, чтобы съ крестьянами обошлись внимательнѣе, нежели съ рабочими...

= Странные слухи носятся и о *Комиссіи о свободѣ совѣсти*: въ ней уже выдвигается на первую очередь вопросъ объ установленіи для каждой религіи границъ религіозной пропаганды. Поводомъ къ возбужденію этого вопроса послужила записка одного изъ членовъ Комиссіи о послѣдствіяхъ указа о вѣротерпимости отъ 17 апрѣля, обнаружившихся въ Западномъ краѣ, Въ запискѣ говорится, что съ опубликованіемъ указа 17 апрѣля православіе стало въ невыгодное положеніе, ибо въ этомъ краѣ не имѣетъ *ни такихъ средствъ, ни такихъ дѣятелей,* которыми располагаютъ католики и потому оказалось безсильнымъ бороться съ полонизмомъ, пропаганда котораго, по мнѣнію составителя записки, принимаетъ все болѣе политическій характеръ.

Занятія комиссіи предположено вести ускореннымъ образомъ, съ разсчетомъ покончить ихъ текущей осенью и результаты представить на разсмотрѣніе государственной думы.

И здѣсь, значитъ, открыто сознаются въ

своемъ безсилiи вести защиту религiозныхъ убѣжденiй путемъ слова, а, какъ и прежде, предпочитаютъ вернуться къ силѣ, хотя, кажется, указываемые въ запискѣ факты краснорѣчиво говорятъ именно противъ примѣненiя силы въ данномъ случаѣ.

= Наконецъ, что касается *комиссiи по рабочему вопросу*, подъ предс. М-стра Фин. Коковцева, то „Т. Пр. Газ.“ сообщаетъ слѣд. проектъ, объ измѣненiи карательныхъ статей за стачки и досрочное расторженiе договоровъ:

1. Если прекращенiе работы или невыходъ на нее рабочихъ повлекли за собою невозможность продолжать производство въ заведенiи или какой-либо его части, то завѣдующiй фабрикою или заводомъ можетъ немедленно расторгнуть договоръ съ означенными рабочими. Каждому изъ сихъ рабочихъ предоставляется, однако, искать съ владѣльца фабрики или завода вознагражденiе за 7 дней со времени прiостановки работъ, если онъ докажетъ, что прекращенiе имъ работы или невыходъ на нее послѣдовали по уважительной причинѣ, какъ-то: вслѣдствiе болѣзни, насилiя, принужденiя и т. д.

2. Въ случаѣ невозможности продолженiя работъ въ заведенiи или части его за прекращенiемъ работы или невыходомъ на нее части рабочихъ, по отношенiю къ прочимъ рабочимъ прiостановившаго свою дѣятельность заведенiя или части его, завѣдывающему фабрикою или заводомъ предоставляется расторгнуть договоры, причемъ рабочiе въ правѣ получить заработную плату за 7 дней со времени прiостановки работъ.

Карательныя статьи закона, касающiяся стачекъ и досрочнаго расторженiя договора о наймѣ, проектируется измѣнить такимъ образомъ, что рабочiе въ заведенiяхъ по водоснабженiю, канализацiи и освѣщенiю, въ случаѣ самовольнаго ухода съ работъ, — если отъ этого произойдетъ остановка дѣйствiя заведенiя, — подвергаются аресту до 3 мѣс., равно какъ и подстрекатели ихъ.

Что касается завѣдующихъ заводомъ или фабриками, то наказанiе ихъ за проступки по ст. 1359, 1359[1] улож. о наказ., если эти проступки повлекли за собою принятiе чрезвычайныхъ мѣръ для подавленiя безпорядковъ,—опредѣляется арестомъ до 3 мѣс. и лишенiемъ права завѣдывать фабрикою или заводомъ на срокъ до 2 лѣтъ.

Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ, по проекту, промышленники и рабочiе какъ-бы уравниваются въ правахъ.

= Въ заключенiе отмѣтимъ, что предполагается открытiе занятiй *осодой комиссiи* подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера, ген. П. Л. Лобко. Задача комиссiи—*пересмотръ существующихъ во всѣхъ министерствахъ и главныхъ управленiяхъ штатовъ и окладовъ и возможное сокращенiе того и другого.* Въ комиссiю войдутъ представители отъ всѣхъ министерствъ и главныхъ управленiй. Свои занятiя комиссiя предполагаетъ начать въ началѣ августа и закончить не позже октября.

Учрежденiе этой комиссiи, очевидно, вызывается общимъ оскудѣнiемъ государственныхъ средствъ, замѣчаемымъ въ послѣднее время, вслѣдствiе войны.

II.

Скоро должны возобновиться занятiя въ учебныхъ заведенiяхъ. Мы говоримъ *должны*, но, судя по многимъ признакамъ, по крайней мѣрѣ по отношенiю къ высшимъ учебнымъ заведенiямъ, едва ли можно ожидать возобновленiя занятiй раньше января будущаго года.

Носятся упорные слухи, что вопросъ о высшихъ учебныхъ заведенiяхъ будетъ предложенъ на разсмотрѣнiе Государственной Думы. Впрочемъ, это не мѣшаетъ министерствамъ настаивать на возобновленiи занятiй въ обычный срокъ—въ сентябрѣ. При этомъ, слѣдуя классическому правилу divide et impera, съ цѣлью отдѣлить „вредныхъ козлятъ“ отъ „благонравныхъ“ студентовъ, нѣкоторыя министерства (напримѣръ, Нар. Просвѣщенiя и б. Землед. и Госуд. Им.) вводятъ такъ называемые условные переходы съ курса на курсъ, чтобы тѣ „благонравные“ студенты, которые пожелаютъ заниматься, могли въ теченiе зимы пройти очередной курсъ и выдержать настоящiй экзаменъ; въ Горномъ же институтѣ вводится для этой же цѣли предметная система, дающая возможность значительно сократить курсъ ученiя. Понятно, въ обоихъ случаяхъ вводится поправка, что условные переводы, равно какъ и предметная система допускаются лишь „въ случаѣ возбужденiя студентомъ

соотвѣтствующаго ходатайства и *неимѣнія препятствій* къ удовлетворенію таковаго со стороны" начальства.

Прошеній объ условномъ переводѣ подается очень много; такъ, въ Моск. У. подано до 2,700, въ Кіевскомъ до 1,500 и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, осенью же будутъ продолжаться государственные экзамены, такъ какъ весною и лѣтомъ держали ихъ очень немногіе (напр., въ СПБ. У. выдержали эти экзамены всего 87 чел.). Въ другихъ университетахъ—и того менѣе. Каково будетъ положеніе этихъ господъ, въ виду извѣстнаго постановленія нѣкоторыхъ корпорацій, напримѣръ, адвокатской, не принимать въ свою среду кончившихъ въ 1905 г.,—говорить еще преждевременно.

Помимо того, начальство высшихъ учебныхъ заведеній принимаетъ всяческія мѣры, чтобы съ одной стороны охранить своихъ питомцевъ отъ „тлетворнаго" вліянія ихъ „вредныхъ" товарищей, съ другой—и ихъ уединить отъ общенія съ рабочими. Въ послѣднемъ случаѣ учебное начальство находится въ трогательномъ единодушіи съ полиціей.

Такъ, полиція признала въ настоящее время нежелательнымъ пребываніе студентовъ-практикантовъ на фабрикахъ и заводахъ, особенно, студентовъ-евреевъ. И вотъ, по слухамъ министерство Нар. Просвѣщенія намѣрено предложить начальникамъ высшихъ учебныхъ заведеній всѣхъ учебныхъ округовъ воздержаться на будущее время отъ подобныхъ командировокъ студентовъ-евреевъ, *не взирая на практическую важность такихъ командировокъ для высшаго спеціальнаго техническаго образованія*.

Мало того, студентовъ думаютъ совершенно уединить, для чего предполагаютъ уже всѣ Высшія Уч. Заведенія перевести изъ крупныхъ центровъ въ небольшія селенія.

Какихъ это будетъ стоить расходовъ, — объ этомъ умалчиваютъ; была бы лишь „тишь да гладь, да Божья благодать".

Но верхомъ канцелярской изобрѣтательности является проектъ пресловутаго Попечителя Моск. Уч. Округа Некрасова, (nota bene—*бывшаго профессора и ректора*), додумавшагося для борьбы съ крамолой среди студенчества до учрежденія студенческой „опричнины" добраго стараго времени. Эта опричнина имѣетъ уставъ, гдѣ сказано, что она „обороняется и обороняетъ товарищей отъ террора и насилія законно организованной товарищеской силой" (§ 2).

Уставъ этотъ, очевидно, скопированъ съ знаменитаго устава Опричнины Грознаго; для большей убѣдительности мы совѣтовали бы только прямо списать оригиналъ: цѣль-молъ корпораціи—„выметать и грызть крамолу"... Такъ будетъ точнѣе.

Итакъ, опричнина или, по современной терминологіи, черная сотня учреждается въ стѣнахъ старѣйшаго университета въ Россіи.

Нечего и говорить, что такая „реформа" вызываетъ общее возмущеніе.

„Это—нѣчто безпримѣрное, говоритъ „С. Отеч.". — показывающее этическій и гражданскій уровень нѣкоторыхъ дирижирующихъ представителей вѣдомства, призваннаго вести дѣло просвѣщенія въ Россіи. По проекту г. Некрасова, предсѣдателемъ этой „корпораціи" должно быть лицо, состоящее „по штатной государственной учебной службѣ въ должности не ниже VI кл.". Здѣсь, повидимому, нужно разумѣть инспектора студентовъ, такъ какъ едва ли кто-либо изъ профессоровъ согласится принять на себя эту весьма сомнительную миссію". И далѣе: „проекты, подобные только-что разсмотрѣнному, были бы немыслимы при университетской автономіи, какъ уничтожающіе университетъ. Но автономія эта можетъ существовать лишь въ правовомъ государствѣ, которое само по себѣ создаетъ полную гарантію спокойствія, нужнаго для учебныхъ занятій,—спокойствія, котораго, конечно, не можетъ дать „черная сотня", хотя бы и университетская"...

Такими - то мѣрами думаютъ водворить спокойствіе среди студенчества. Ну, а если и онѣ не помогутъ? — спросятъ насъ. — Тогда,—безаппеляціонно отвѣчаетъ начальство,—закроемъ всѣ высшія учебныя заведенія.

Пропадай все,—лишь былъ бы порядокъ! Да здравствуетъ же „опричный" порядокъ! Очевидно, уроки политической мудрости Грознаго плотно засѣли въ головахъ нашихъ „просвѣтителей", — и они чрезъ 3 вѣка отлично помнятъ ихъ. Давай имъ Богъ и впредь съ такою же точностью помнить уроки исторіи!

„Порядка“ рѣшили придерживаться и относительно средних и низших учебныхъ заведеній. Съ этой цѣлью Министромъ Нар. Просв., ген.-лейт. Глазовымъ, былъ изданъ недавно циркуляръ для Попечителей, гдѣ, указавъ на возникающіе въ послѣднее время въ учебной средѣ разные незаконные союзы и собранія, рекомендуется, „въ видѣ неотложной задачи, возможно умственное и моральное воздѣйствіе къ тому, чтобы заставить этимъ путемъ лицъ, уже примкнувшихъ къ симъ союзамъ, отъ нихъ отдѣлиться, а не вступившихъ въ нихъ воздерживаться отъ всякаго участія въ какихъ бы то ни было союзахъ и собраніяхъ, пока таковые не будутъ признаны законными, къ лицамъ же въ данномъ случаѣ упорствующимъ примѣнять закономъ установленныя мѣры“.

Циркуляръ трогательно описываетъ, что „М-ство Нар. Просв. „не только не препятствуетъ, но охотно идетъ на встрѣчу благому почину въ дѣлѣ учрежденія всякаго рода ученыхъ и педагогическихъ обществъ, имѣющихъ цѣлью содѣйствіе развитію отечественной науки, расширенію знаній учащихъ, улучшенію постановки педагогическаго дѣла и т. д. Въ соотвѣтствіи съ симъ министерство при возникновеніи необходимости измѣненій въ ходѣ ученаго и учебнаго дѣла и между прочимъ при заканчиваемой нынѣ выработкѣ реформы учебныхъ заведеній не сторонится мнѣній опытныхъ педагоговъ, а наоборотъ, собирая ихъ въ соотвѣтствующія комиссіи, даетъ имъ полную возможность своимъ вѣскимъ совѣтомъ придти министерству на помощь въ этомъ отвѣтственномъ дѣлѣ“...

„Съ другой стороны,—говорится въ циркулярѣ,—Министерство „предоставляетъ широкій просторъ доброму вліянію учащихъ на учащихся, озабочиваясь, рядомъ съ этимъ, осуществленіемъ своего настойчиваго желанія пользоваться содѣйствіемъ въ семъ дѣлѣ и со стороны родителей учащихся“.

„Изъ изложеннаго нельзя не усмотрѣть, какъ далеки отъ истины шумныя сѣтованія названныхъ союзовъ и собраній объ имѣющей будто у насъ мѣсто оторванности школы отъ жизни и о подавляющемъ учебное дѣло бюрократизмѣ“...

Словомъ, и здѣсь „крамольники“ только вводятъ безпорядокъ въ благоустроенное дѣло: „все идетъ хорошо въ этомъ лучшемъ мірѣ“... Такъ можно было бы озаглавить циркуляръ. И бюрократъ ни въ чемъ не виноватъ; виноваты тѣ крамольники, которые сѣтуютъ, въ своихъ незаконныхъ собраніяхъ, на будто бы неудовлетворительную постановку у насъ учебнаго дѣла. Напротивъ, генералъ Глазовъ циркулярно установляетъ, что у насъ все идетъ отлично.

А разъ это такъ, то поэтому намъ не нужны никакія тамъ общеобразовательные курсы для народныхъ учителей. Что еще это за новшество?! Попробовали, и будетъ. Правда, на нихъ съѣзжалось отъ 150 до 600 слушателей. Лекціи читались по самымъ разнообразнымъ предметамъ: исторіи, педагогикѣ, психологіи, физіологіи, школьной гигіены, исторіи литературы, русской исторіи, физикѣ, ботаникѣ, химіи, біологіи, исторіи искусства, сравнительному языкознанію, математикѣ, праву, зоологіи, географіи, богословію. Лекторами большею частью выступали преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній, при чемъ обыкновенно на однихъ курсахъ участвовало не болѣе пяти лекторовъ.

Ни къ чему! Благопопечительное Министерство за то знаетъ, что полезно для просвѣщенія, что—нѣтъ, и потому замѣчательно послѣдовательно запрещаетъ ихъ въ Москвѣ, и въ Курскѣ, и въ Тулѣ, Черниговѣ... словомъ, по всѣмъ градамъ и весямъ.

Вотъ развѣ сельско-хозяйственные курсы Бартошевича еще можно разрѣшить. Тамъ, кажется, полный порядокъ: „г. Бартошевичъ излагалъ растеніеводство и животноводство въ видѣ разсказовъ изъ прошлой своей жизни, въ видѣ патетическихъ рѣчей о самобытности русскаго мужика, который благодаря своему геніальному творчеству создалъ грандіознѣйшую машину-соху и т. п. Другой его сотрудникъ отуманивалъ слушателей какой-то наукой, которую онъ называлъ ботаникой, третій водилъ ихъ въ поле на практическія работы, состоящія въ томъ, что онъ зонтикомъ показывалъ способы распашки“.

Учителями здѣсь были благонравные студенты I и II курса и практиканты—ученики землед. училищъ.

Но неблагодарные народные учителя, изволите видѣть, остаются недовольны, по крайней мѣрѣ саратовскіе, отрывокъ изъ отчета которыхъ мы привели выше. Вотъ послѣ этого и заботься о просвѣщеніи! А, вѣдь,

для курсовъ была отведена цѣлая... конюшня, виноватъ, сарай, въ Мраморномъ Дворцѣ!

Нѣтъ, не цѣнятъ нынче благодѣяній!

Да и вообще, къ чему всѣ эти курсы, бесѣды и т. п.?! Прежде всего—послушаніе и порядокъ. Недавно, напримѣръ, тотъ же изобрѣтательный попечитель московскаго учебнаго округа разослалъ во всѣ народныя училища циркуляръ, строжайше воспрещающій учителямъ означенныхъ училищъ *не только вести съ учениками бесѣды по вопросамъ, касающимся внутренней жизни или войны, но даже отвѣчать на эти вопросы* по этому поводу самихъ учениковъ.

Это—такъ! Это—порядокъ!

Еще большій „порядокъ" царитъ въ духовныхъ заведеніяхъ, какъ пишетъ въ „Наш. Жизни" одинъ бывшій питомецъ ихъ. „Здѣсь—„полная нетерпимость (я знаю одного товарища, котораго нѣсколько лѣтъ назадъ исключили за чтеніе Достоевскаго), въ тоже время потачка всѣмъ дурнымъ инстинктамъ. Нигдѣ такъ не пьютъ и нигдѣ нравственность не стоитъ такъ низко, какъ въ семинаріяхъ. Это—всѣмъ извѣстно. Извѣстенъ и девизъ благонамѣренности: „*Лучше пейте, чѣмъ заниматься самообразованіемъ*".

„Пишущій эти строки,—говорится далѣе въ письмѣ,—былъ свидѣтелемъ, какъ „система" въ лицѣ „школьныхъ начальниковъ, губила и калѣчила людей за одну ихъ попытку протестовать, за одно желаніе выбиться изъ той кабалы, которая закрываетъ дѣтямъ духовенства всюду двери и обрекаетъ ихъ на ненавистное существованіе. На моихъ глазахъ выключали самыхъ лучшихъ изъ нашихъ товарищей, и исключеннымъ не было числа"...

Недурной *порядокъ*?!..

Для поддержанія его нѣкоторыя учебныя начальства не останавливаются предъ массовымъ исключеніемъ даже малолѣтнихъ гимназистовъ и реалистовъ, какъ это было недавно въ Люблинѣ и др. городахъ, а теперь проектируется въ Черниговѣ за бывшіе зимой безпорядки и неурядицы, „принимавшія иногда довольно острый характеръ, что выражалось въ битьѣ оконъ, въ рѣзкихъ крикахъ на гимназическую администрацію и въ уходѣ гимназистовъ съ уроковъ".

А что же воспитанники? Воспитанники начинаютъ отвѣчать „благорасположенному начальству" такими дерзкими рѣчами, какъ та, съ которою одинъ кончившій Ковенскую гимназію обратился къ собравшемуся педагогическому персоналу:

„Я скажу вамъ, г.г. педагоги, нѣсколько словъ отъ имени большинства моихъ товарищей. Восемь лѣтъ вы намъ читали поученія, позвольте и намъ хоть одинъ разъ сдѣлать то же.

„Восемь лѣтъ тому назадъ мы вступили въ стѣны этого заведенія веселыми, жизнерадостными мальчиками, готовыми на высокіе порывы, съ чистой, открытой для всего хорошаго душой. Мы жаждали свѣта, любви и ласки; но вмѣсто хлѣба мы получили камень; и вотъ теперь, по истеченіи 8-ми, а для многихъ гораздо болѣе, лѣтъ мы выходимъ изъ стѣнъ этого учебнаго заведенія лишенные вѣры въ себя и людей, измученные долголѣтней борьбой съ вами, не пріобрѣтя никакихъ знаній, съ горькимъ сознаніемъ, что мы безплодно потеряли столько лучшихъ лѣтъ нашей жизни.

„Мы не выносимъ изъ нашей гимназической жизни ни одного свѣтлаго воспоминанія, ни одинъ свѣтлый лучъ не освѣщаетъ этого темнаго царства невѣжества и попранія правъ личности.

„Уходя отсюда, мы всѣ проникнуты однимъ чувствомъ; это чувство—ненависть къ воспитавшему насъ учебному заведенію, ненависть къ общимъ условіямъ жизни, создавшимъ учебныя заведенія такого типа.

„Съ этимъ чувствомъ мы всѣ разстаемся съ гимназіей, съ этимъ чувствомъ разстануться съ ней и всѣ будущіе воспитанники подобной гимназіи".

Вотъ онъ, результатъ того „сердечнаго попеченія", о которомъ было возвѣщено въ бытность Министромъ Нар. Просвѣщенія ген. Ванновскаго!

Впрочемъ, чтобы показать, что и оно не даромъ существуетъ, М-во Нар. Просвѣщенія, по слухамъ, вводитъ новую реформу; именно, говорятъ, съ начала предстоящаго 1905—6 учебнаго года *въ гимназическій курсъ вводится преподаваніе двухъ новыхъ предметовъ:* законовѣдѣнія и философской пропедевтики. Курсъ этихъ предметовъ распредѣленъ на два года между VII и VIII классами, причемъ въ пред-

стоящемъ году преподаваніе будетъ происходить только въ VII кл.: законовѣдѣнія одинъ разъ, а философской пропедевтики два раза въ недѣлю. Съ 1906—7 учеб. г. преподаваніе этихъ предметовъ должно продолжаться въ VII классѣ при двухъ урокахъ по каждому изъ нихъ. Относительно философской пропедевтики признано необходимымъ ограничиться преподаваніемъ въ VII кл. психологіи, а въ VIII—логики. Ученымъ комитетомъ выработаны для этихъ предметовъ соотвѣтственныя программы.

Что это будетъ за логика и психологія,—пока воздерживаемся говорить до разсмотрѣнія учебниковъ по этимъ предметамъ.

III.

Рабочіе безпорядки по прежему занимаютъ общее вниманіе, охватывая собою громадные районы. Такъ, въ Сормовѣ бастуютъ до 14 тыс. рабочихъ, на Путиловскомъ заводѣ (въ СПБ.)—до 13 тыс., въ Ивановѣ-Вознесенскѣ не работаетъ свыше 35 тыс.

Во многихъ мѣстахъ забастовки сопровождаются грабежами и насиліями, а также погромомъ. Иногда эти печальныя явленія вызываются упрямствомъ фабрикантовъ, не желающихъ идти ни на какія уступки. Такъ было, напримѣръ, въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. Здѣсь, 24-го іюня рабочіе, выслушавъ отвѣтъ фабрикантовъ, заявили, что они теперь окончательно убѣдились, что фабриканты сами не хотятъ мирнаго разрѣшенія стачки, а потому рабочіе отнынѣ слагаютъ съ себя данное раньше обязательство, въ которомъ они,—по словамъ „Рус. Вѣд.“,—ручались за мирное теченіе стачки.

„Депутаты рабочихъ тутъ же сложили съ себя свои депутатскія полномочія, заявивъ, что они не въ силахъ дольше сдерживать своихъ товарищей-рабочихъ. Собраніе закончилось бурными рѣчами, и толпа, крайне возбужденная, разошлась. Тотчасъ же въ городѣ начался разгромъ лавокъ и магазиновъ“. Впрочемъ, нѣкоторые лавочники откупались данью въ пользу забастовщиковъ—кто за 5 р., за 10 и даже за 50 руб. и тогда магазины оставлялись безъ разгрома а на дверяхъ и окнахъ дѣлались отмѣтки: „Не трогать: получено въ пользу голодающихъ товарищей столько-то“. Конечно, вслѣдъ за этимъ по городу начались казачьи разъѣзды и замѣтно стали посвистывать кое-гдѣ казачьи нагайки. Городъ опять принялъ тревожное настроеніе. Опять въ воздухѣ запахло кровью...

Большая часть забастовщиковъ относится къ забастовкѣ вполнѣ сознательно и старается не предъявлять неразумныхъ требованій.

Въ селѣ Тейковѣ, Влад. губ., на фабрикѣ Каретниковыхъ произошелъ слѣд. характерный случай.

Первоначально на ней были установлены убыточныя расцѣнки, и новымъ акціонерамъ пришлось ихъ значительно понизить. Рабочіе первое время забастовали, но затѣмъ, когда два члена правленія вступили въ непосредственные переговоры съ выборными и пригласили послѣднихъ ознакомиться съ заводскими книгами, выборные убѣдились, что администраціи представлялось только два выхода—или понизить расцѣнку работъ, или совсѣмъ закрыть фабрику. Когда выборные объяснили это остальнымъ рабочимъ, тѣ тотчасъ согласились вернуться на фабрику и приступить къ работамъ.

Вообще рабочая масса стала въ послѣднее время значительно больше развитой. „Волжскій Листокъ“ рисуетъ, напр., слѣд. картину изъ жизни Сормовскаго рабочаго, какая наблюдается теперь.

„Рабочіе съ праздничными лицами, ихъ жены съ ребятами, молодежь заводская—ежедневно тянутся изъ разныхъ концовъ Сормова; идутъ въ поле, гдѣ происходятъ собранія, на которыхъ обсуждаются вопросы, касающіеся ихъ нуждъ. Такія собранія въ Сормовѣ происходятъ совершенно открыто,—полиція не препятствуетъ.

„На собраніяхъ произносятся рѣчи почти преимущественно на злобу дня. Говорятъ о войнѣ, о правительственныхъ комисіяхъ, о рабочемъ движеніи въ разныхъ городахъ и т. п. Говорятъ также много о крестьянскихъ волненіяхъ, оппозиціонномъ, по отношенію къ бюрократіи, настроеніи буржуазныхъ слоевъ населенія и т. п.

„Вообще, сормовскій рабочій проснулся отъ умственной спячки и почувствовалъ необходимость выясненія всѣхъ вопросовъ, такъ или иначе касающихся его, какъ пролетарія.

„Вначалѣ собранія были не столь многочисленны, какъ послѣднее время, собира-

лось всего до 1,000 человѣкъ, теперь же происходятъ собранія очень часто по 5—6 тысячъ. На всѣхъ собраніяхъ царитъ полный порядокъ. Рѣчи ораторовъ слушаются съ полнымъ вниманіемъ".

Достигнувъ нѣкотораго развитія, рабочій, конечно, начинаетъ предъявлять къ жизни не только экономическія требованія, но и общественно политическія. Между тѣмъ наиболѣе заинтересованное въ рабочемъ вопросѣ Министерство Финансовъ упорно игнорируетъ политическій характеръ рабочаго движенія, рѣшивъ, что всѣ забастовки безусловно прекратятся по урегулированіи исключительно экономическихъ сторонъ вопроса.

Однако, и этого регулированія въ послѣднее время не замѣчается. Напротивъ, при малѣйшей забастовкѣ заводъ или фабрику велятъ прикрыть, какъ бы заставляя голодомъ рабочихъ смириться и вести себя смирно.

Нѣкоторые кабинетные прожекторы рекомендуютъ, кромѣ того, мѣру, проектированную для студентовъ—разселеніе фабрикъ и заводовъ по небольшимъ населеннымъ центрамъ. Какъ будто эта мѣра сама по себѣ способна предотвратить рабочее движеніе!

Словомъ, видно желаніе измором взять рабочихъ, не давая имъ ничего существеннаго.

Ни о какихъ комиссіяхъ съ участіемъ рабочихъ теперь и рѣчи нѣтъ. Напротивъ, всѣхъ депутатовъ даже прежнихъ комиссій всячески преслѣдуютъ, лишая ихъ работы, какъ это происходитъ, напримѣръ, съ депутатами въ бывшей комиссіи Шидловскаго, которые теперь буквально голодаютъ.

Политика уступокъ, которой придерживалась было одно время бюрократія, опять уступила прежнему способу дѣйствія—голодовкѣ и нагайкѣ. Чтобы заставить рабочихъ скорѣе смириться, запрещается даже помогать имъ: пускай молъ околѣваютъ съ голоду, крамольники.

Бюрократія попрежнему игнорируетъ и причины рабочаго движенія, и результаты его, обнаруживающіеся по всей Россіи.

„Русск. Вѣд." съ безпощадной ясностью очерчиваютъ ту экономическую пропасть, которая съ каждымъ днемъ разверзается все шире и шире подъ вліяніемъ стихійнаго движенія, охватившаго всѣ классы населенія.

„Самыя выгодныя дѣла никого теперь не привлекаютъ: иностранцы отказываютъ въ кредитѣ самымъ солиднымъ фирмамъ, а это грозитъ многочисленными банкротствами, новыми многомилліонными убытками. Да и можно ли съ увѣренностью смотрѣть на завтрашній день, когда вслѣдъ за пріемомъ московской депутаціи, открывавшимъ, казалось, новую эру нашей внутренней политики, поселившимъ увѣренность въ скоромъ созывѣ народныхъ представителей, началось безпощадное преслѣдованіе газетъ, высказавшихъ лишь то, что говорила московская депутація; когда вмѣсто отмѣны усиленной охраны и цѣлаго ряда исключительныхъ законовъ многія мѣстности поставлены на военное положеніе, при чемъ броженіе не только не ослабѣваетъ, а еще усиливается. Событія въ Лодзи, съ которыми приходится знакомиться по иностраннымъ газетамъ, до сихъ поръ мало выяснены; еще менѣе понятно то, что совершилось въ Одессѣ и цѣломъ рядѣ другихъ городовъ; поэтому неизвѣстно, въ какой мѣрѣ все это вызываетъ необходимость въ примѣненіи законовъ военнаго времени. Если все это усиливаетъ тревогу въ обществѣ, то неудивительно, что тѣ же обстоятельства повліяли и на биржу. Спекуляція, начавшаяся у насъ въ первыхъ числахъ мѣсяца, имѣла нѣкоторое время опору въ твердомъ настроеніи западноевропейскихъ биржъ по отношенію къ нашимъ фондамъ, но наши сосѣди скоро убѣдились, что бюрократія продолжаетъ вести прежнюю политику. При полной независимости нашей биржи отъ иностранныхъ, слабое настроеніе послѣднихъ распространилось и на нашъ рынокъ, бумаги снова начали падать.

Совершенно правильно заключеніе газеты;

„Чѣмъ дальше бюрократія будетъ дѣлать попытки удержать въ своихъ рукахъ власть, чѣмъ больше будетъ отсрочиваться созывъ народныхъ представителей, чѣмъ меньше правительственные проекты будутъ удовлетворять потребностямъ общества и его идеаламъ,—тѣмъ труднѣе будетъ умиротворить страну и предупредить неминуемое банкротство"...

Еще грознѣе неутихающее аграрное движеніе, къ которому присоединяется въ нынѣшнемъ году страшный призракъ—голодъ,

охватывающій громадный районъ въ 15 губерній.

Грядущее бѣдствіе, какъ совершенно справедливо говоритъ въ „Рус. Вѣд.“ Сѣверянинъ, будетъ много страшнѣе голодовки 1891 г.

„Несчастія неурожая въ этомъ году захватываютъ самые широкіе слои нашего сельскаго населенія въ періодъ сельскаго броженія. Глубокое недовольство своимъ положеніемъ, подавлявшійся вѣками гнета протестъ, возрастающая нужда, избѣгнуть которой масса надѣется только расширеніемъ оскудѣвшаго надѣла, проясняющееся сознаніе своего безправія, — всѣ эти бѣды русской деревни выросли за послѣднія $1^1/_2$ десятилѣтія въ огромной пропорціи и, достигнувъ, кажется, предѣла человѣческой выносливости, столкнулись въ общемъ руслѣ историческаго роста народа съ „бурно разыгравшимся рабочимъ движеніемъ“.

Это движеніе, пришедши въ деревню изъ города, не могло такъ или иначе не отразиться на крестьянткомъ населеніи.

„Сельскій рабочій, требующій вслѣдъ за своимъ городскимъ товарищемъ повышенія платы или сокращенія рабочаго дня, и по своимъ понятіямъ, и по всему своему міросозерцанію близокъ крестьянину, у насъ онъ почти всегда самъ крестьянинъ ближней деревни или сосѣдняго села. Мечтая о повышеніи заработной платы, рабочій-крестьянинъ не можетъ не думать о томъ, что еще лучше было бы работать не на помѣщика, а на себя. Задумываясь надъ тѣмъ, какъ бы заполучить въ свои руки ту помѣщичью землю, которую онъ иногда въ глубинѣ души даже считаетъ своею, крестьянинъ не можетъ не придти къ заключенію, что если бы рабочіе или половники отказались эту землю обрабатывать, то помѣщикъ, не имѣя съ своихъ полей никакого дохода, и самъ бы отъ нея отступился. А нужда, голодъ стоятъ за плечами и поднимаютъ въ сердцахъ энергію отчаянія. И сплетеніе всѣхъ тѣхъ идей образуетъ то странное, своеобразное, грозное, непонятное для иностранцевъ явленіе, которое съ начала весны идетъ по всей Россіи и на оффиціально-чиновничьемъ языкѣ носитъ названіе „аграрныхъ волненій“.

Уже теперь начинаютъ показываться грозные признаки будущихъ событій, какъ показываютъ оффиціальныя совѣщанія о безпорядкахъ на Кавказѣ, въ Царствѣ Польскомъ, въ Приволжскомъ районѣ и Прибалтійскомъ краѣ.

Предъ нѣкоторыми описываемыми картинами блѣднѣютъ ужасы Одесскихъ событій (17 іюня), вызванныхъ бунтомъ матросовъ на „Потемкинѣ“.

На Кавказѣ кончилась ревизія сенаторомъ Кузьминскимъ въ Баку. Произведенными изслѣдованіями выяснены многія явленія національнаго, экономическаго и полицейскаго характера, имѣвшія несомнѣнное вліяніе на зарожденіе и развитіе прискорбныхъ февральскихъ событій, размѣры которыхъ вызвали возбужденіе сенаторомъ уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ полиціи, въ томъ числѣ двухъ полиціймейстеровъ по обвиненію въ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ особо важныя послѣдствія.

Тревожное состояніе *Баку*, хотя нѣсколько улеглось, не можетъ, однако, считаться устраненнымъ. Малѣйшій поводъ, какъ уличная драка, шумное паденіе вывѣски, случайный выстрѣлъ, вызываетъ панику: прохожіе разбѣгаются, лавки закрываются. Нахичеванскія и эриванскія событія тоже оказали свое дѣйствіе.

Ревизія административныхъ учрежденій обнаружила многіе недостатки управленія, рѣзко отражающіеся на населеніи, личная и имущественная безопасность котораго остается неогражденной, несмотря на учрежденіе конной полицейской стражи.

Въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа, напр., въ Кутаисѣ, Поти и Кутаисской губ., судя по отмѣнѣ 3 авг. введеннаго 23 іюня здѣсь военнаго положенія, стало немного потише. За то, въ центрѣ, въ Горійскомъ у., Тифлисской губ. безпорядки не только не ослабѣваютъ, а даже усиливаются. Тамъ, по словамъ „Тифл. Листка“ каждый день „происходятъ столкновенія между помѣщиками и крестьянами. Всякія отношенія населенія Средней Карталиніи съ правительственными учрежденіями прекращены. Въ Цхинскомъ ущельи между мѣстными жителями безъ различія національности установилось прочное и тѣсное единеніе. Часто въ Цхинвали пріѣзжаютъ осетины и выборнымъ лицамъ отъ общества поручаютъ разрѣшеніе спорныхъ и сложныхъ дѣлъ. Воспрещено всякому об-

ращаться въ сельскій или мировой судъ. Кто не исполняетъ этого распоряженія, тому объявляють бойкотъ".

Предпринятый, по приказу Намѣстника, объѣздъ уѣзда примирительной комиссіей во главѣ съ кн. Амилахвари — мало помогъ дѣлу,—и отношенія между крестьянами и помѣщиками ухудшились. „Лишь немногіе помѣщики согласились принять предложенную крестьянами $^1/_{10}$ часть урожая. Платить же по прежнему $^1/_4$ рожая крестьяне отказались безусловно".

Между тѣмъ крестьянамъ обѣщаются всевозможныя льготы. Имъ говорятъ, что они будутъ надѣлены казенными землями, выкупы частныхъ земель совершатся посредствомъ учреждаемаго на Кавказѣ крестьянскаго банка; въ школахъ преподаваніе будетъ вестись на родномъ языкѣ; отношенія къ духовенству будутъ урегулированы.

Въ имѣніяхъ Великаго князя Николая Михаиловича, дѣйствительно, увеличены крестьянскіе надѣлы, при чемъ пока Управленіе не спрашиваетъ арендныхъ денегъ...

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа, видя бездѣятельность администраціи, населеніе само принимаетъ на себя ея функціи. Такъ, въ началѣ іюля въ Сухумѣ, по словамъ „Черном. В" происходилъ народный судъ надъ мазуриками, которыхъ и приговорилъ къ изгнанію изъ города.

Подъ конецъ засѣданія народнаго суда явились казаки „возстановлять порядокъ".

Въ *Царствѣ Польскомъ*, повидимому, также далеко не спокойно, хотя и прекратились массовыя столкновенія съ полиціей и войсками, имѣвшія мѣсто въ іюнѣ въ Варшавѣ и Лодзи и вызвавшія тамъ введеніе военнаго положенія. За то по прежнему происходятъ единичныя нападенія на полицію и на военныхъ. Рѣдкій день проходитъ безъ такихъ событій. А въ уѣздахъ по прежнему волнуются крестьяне.

Сильнѣе всего за послѣднее время волненія разразились *въ Прибалтійскомъ краѣ*, гдѣ къ чисто экономическимъ причинамъ безпорядковъ присоединились и національныя. Большинство природнаго населенія края—эсты и латыши вѣками находились въ угнетеніи у господствующей, нѣмецкой народности. И вотъ теперь приходится расплачиваться за старые грѣхи: особенно волнуются латыши, подстрекаемые „латышскою социалъ-демократическою партіею" и „латышскимъ рабочимъ союзомъ", образовавшимися въ 80-тыхъ годахъ.

Латыши спѣшатъ выместить на нѣмцахъ всѣ вѣковыя обиды и униженія: они разрушаютъ замки ненавистныхъ бароновъ, угоняютъ ихъ скотъ, жгутъ сѣно, разгромляютъ сельскія управленія. Движеніе носитъ характеръ анархическій, какъ говоритъ оффиціальное сообщеніе: бунтующіе селяне выбрасываютъ и разрываютъ портреты Государя Императора, разгромляютъ помѣщичьи экономіи и призываютъ населеніе къ поголовному возстанію.

„Въ послѣднее время,—говоритъ оффиціальное сообщеніе, — возникшее въ Курляндской губерніи движеніе превзошло все, происшедшее до сего времени въ Прибалтійскомъ краѣ. Возстаніе среди сельскихъ рабочихъ, руководимыхъ дѣятелями революціонныхъ организацій, приняло угрожающіе размѣры, захвативъ собою почти весь Добленскій уѣздъ и части уѣздовъ: Митаво-Баусскаго, Фридрихштадтскаго, Туккумскаго, Гольдингенскаго, Виндавскаго, Газенпотскаго и Гробинскаго. Революціонныя вспышки проявились, слѣдовательно, въ восьми уѣздахъ изъ всѣхъ десяти уѣздовъ Курляндской губерніи. Уборка хлѣба мѣстами уже прекратилась, такъ какъ вооруженныя шайки повсюду сгоняютъ рабочихъ съ полей, стрѣляютъ изъ револьверовъ и нападаютъ на помѣщичьи усадьбы, предавая огню хлѣба и хозяйственныя постройки, какъ это случилось, напримѣръ, въ имѣніи Петерфельдъ и въ Добленскомъ пасторатѣ. Особенное вниманіе обращается революціонерами на архивы и канцеляріи волостныхъ правленій, гдѣ съ большою тщательностью предаются сожженію всѣ документы, на основаніи которыхъ составляются призывные списки. Очевидная цѣль такого образа дѣйствій — затруднить мобилизацію и даже сдѣлать ее, какъ полагаютъ агитаторы, невозможною. Согласно отрывочнымъ телеграфнымъ донесеніямъ, 26-го іюля крестьянскіе безпорядки охватили весь Баусскій и Туккумскій уѣзды, при чемъ не далеко отъ границы Курляндской губерніи собралась шайка въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, которая произвела до 60 ружейныхъ выстрѣловъ въ казаковъ, но послѣдніе разсѣяли толпу; толпа, однако, вскорѣ вновь собралась и двину-

лась по риго-орловской и виндавской железной дорогѣ, разрушая и телеграфные столбы. Въ Гроссъ-Вюрцовской волости разрушена телефонная станція".

„Вслѣдъ затѣмъ толпа сельскихъ рабочихъ демонстрантовъ разграбила въ тотъ же день кассы и архивы Гаррезенской, Грюнгофской, Альтбергфридской, Брандербургской и Ауфмюндской волостей, Митаво-Баусскаго уѣзда, разнесла казенную винную лавку и забрала оружіе въ усадьбахъ Баусскаго уѣзда. Затѣмъ толпа уничтожила также архивы и дѣлопроизводства въ волостяхъ Анненбургской, Гофнумбергской, Панкельгофской и Ливенберзенской, разгромила винныя лавки въ Гейденфельдѣ, Берстельнѣ, Гросъ-Элеѣ, Анненбургѣ, а также въ Штобенѣ".

„Изложенныя въ семъ сообщеніи событія, свидѣтельствующія въ особенности о полной дезорганизаціи, внесенной революціонными партіями въ мѣстную общественную и политическую жизнь Курляндской губерніи, а также систематическое нарушеніе государственнаго порядка, сопровождающееся преступленіями противъ личной и имущественной безопасности проживающихъ тамъ лицъ, привели къ объявленію въ Курляндской губерніи, согласно состоявшемуся о томъ 6-го августа сего года Высочайшему повелѣнію, военнаго положенія".

Очевидно, вѣковой гнетъ нѣмцевъ лишилъ латышей всякаго терпѣнія, а отъ нѣмцевъ ненависть населенія перешла и къ русскимъ властямъ, всегда становившимся въ Прибалтійскомъ краѣ на сторону нѣмцевъ. Теперь мы пожинаемъ то, что посѣяли раньше.

Было бы въ высшей степени наивно объяснить эти волненія однимъ подстрекательствомъ „злонамѣренныхъ лицъ": не будь благопріятной почвы, никакіе подстрекатели ничего не добились бы. Нѣтъ, и здѣсь причины волненій лежатъ глубже, въ тяжеломъ экономическомъ положеніи, осложненномъ еще національной враждой.

Исключительно подстрекательствомъ „злонамѣренныхъ агитаторовъ" полиція объясняетъ и возникновеніе крестьянскихъ безпорядковъ въ Приволжскомъ районѣ, именно въ Аткарскомъ, Петровскомъ, Саратовскомъ и Балашовскомъ уѣздахъ Саратовской губерніи.

„Безпорядки эти,—заявляетъ въ своемъ сообщеніи Департаментъ полиціи,—начались еще въ концѣ мая, выразившись „массовыми ночными и явными денными покосами, потравами и поджогами у мѣстныхъ землевладѣльцевъ и нападеніями на чиновъ полиціи. Наряду съ симъ въ Аткарскомъ уѣздѣ начались забастовки сельскохозяйственныхъ рабочихъ съ насиліями надъ желающими работать крестьянами, а также сборища въ лѣсахъ съ участіемъ лицъ, прибывшихъ изъ Саратова, при чемъ были постановлены приговоры о недозволеніи никому снимать земли у помѣщиковъ дороже 10 рублей за десятину".

„Принятыми мѣстною губернскою властью мѣрами, при содѣйствіи вызванныхъ войскъ, безпорядки эти были прекращены".

Однако, какъ видно изъ дальнѣйшаго, прекращеніе это продолжалось недолго,—и уже въ первыхъ числахъ іюня безпорядки возобновились въ с. Туркахъ (Балаш. у.), затѣмъ перешли въ Аткарскій и Сердобскій уѣзды, а въ концѣ іюня—въ Саратовскомъ уѣздѣ и Петровскомъ. Вызваны были войска и казаки, кои, какъ водится, и „водворяли порядокъ, при чемъ одновременно, 21 іюня, какъ говоритъ полицейское сообщеніе, имѣло мѣсто слѣдующее происшествіе: оставившій демонстративно службу весь медицинскій персоналъ Балашовскаго уѣзда проводилъ послѣдній день въ мѣстной гостиницѣ, при чемъ забастовавшіе врачи и нѣкоторыя посторонніе лица за обѣдомъ стали громко пѣть пѣсни противоправительственнаго характера. Вскорѣ противъ гостиницы собралась толпа до двухъ тысячъ лицъ, озлобленныхъ противъ врачей за оставленіе ими службы въ земствѣ, и рѣшила расправиться съ ними самосудомъ, при чемъ успѣла уже взломать ворота въ гостиницѣ. Въ виду сего на мѣсто происшествія немедленно, въ сопровожденіи сотни казаковъ, прибылъ губернаторъ, который переписалъ всѣхъ оказавшихся въ гостиницѣ врачей, а собравшейся толпѣ разъяснилъ, что виновные врачи будутъ подвергнуты законной отвѣтственности и что во избѣжаніе безпорядка, въ которомъ обвинили бы обывателей, онъ, губернаторъ, рѣшилъ врачей тотчасъ же съ поѣздомъ удалить изъ города и потому проситъ жителей, преданныхъ законности, охранять порядокъ. При появленіи губернатора толпа пропѣла народный гимнъ и обѣщала не прибѣгать къ насилію. Когда же губернаторъ лично выводилъ

изъ гостинницы врачей, для препровожденія ихъ подъ конвоемъ казаковъ на вокзалъ желѣзной дороги, нѣкоторыя лица изъ толпы стали бросать въ нихъ камни, при чемъ губернаторъ Столыпинъ лично получилъ ударъ въ руку, повредившій ему палецъ, и съ большимъ трудомъ ему удалось оградить уѣзжавшихъ врачей отъ насилія буйствовавшей толпы. Во время этихъ безпорядковъ казаками нанесены были нѣкоторымъ лицамъ удары нагайками, не имѣвшіе, однако, сколько-нибудь серьезныхъ послѣдствій. На вокзалѣ встрѣтила врачей небольшая кучка лицъ, которыя наносили удары входившимъ на станцію, но толпа эта вскорѣ была разсѣяна, и врачи были отправлены въ поѣздѣ изъ Балашова"...

Итакъ, сообщеніе считаетъ Балашовское избіеніе дѣломъ усердствовавшихъ патріотовъ. По общему же мнѣнію, здѣсь просто на-просто оперировала „черная сотня", подъ руководствомъ полицейскаго пристава Сахарова, который, не смотря на запрещеніе (можетъ быть, видимое только?) исправника и присутствіе губернатора открыто подстрекалъ толпу къ избіенію; и толпа была не въ 2 тысячи, а всего въ 100—200 человѣкъ. Вообще въ Саратовской губ. дѣйствія черной сотни строго организованы. „Для этой цѣли, — пишетъ г. Танъ въ „Русск. Вѣд."—произносятся проповѣди съ церковной каѳедры и даже расклеиваются соотвѣтственныя воззванія. Такая черносотенная агитація приноситъ свои плоды, хотя, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, избіенію подвергаются не тѣ Ѳедоты".

Незадолго предъ этимъ 10 іюля „черная сотня" также „работала" въ Н.-Новгородѣ. „Русск. Сл." говоритъ: „День 10 іюля будетъ навсегда памятенъ жителямъ Н.-Новгорода. На Острожной площади происходилъ настоящій погромъ. Избивали всѣхъ хорошо одѣтыхъ, имѣющихъ интеллигентный видъ. Били барышень, дамъ, учащихся, учащихъ, каждаго попадающагося интеллигента. Толпа хулигановъ съ гиканьемъ носилась по площади и при видѣ интеллигентовъ съ криками: „Вотъ они, бей ихъ", бросалась на нихъ и била смертнымъ боемъ. Одну даму, проходившую мимо, хулиганы двумя ударами по лицу сбили съ ногъ и избили ее, лежащую на панели, до потери сознанія. Случайные прохожіе закрывали лицо руками и бѣжали дальше, чтобы не видѣть этого ужаса. Когда изъ одного дома былъ данъ выстрѣлъ, хулиганы разбили этотъ домъ. Убитъ Гейнце, бывшій членъ товарищества для устройства спектаклей въ народномъ домѣ. Убитый—молодой человѣкъ. Трупъ его едва признали, до того онъ обезображенъ. Изувѣченныхъ и раненыхъ, вѣроятно, не менѣе 70—80.

По поводу этого возмутительнаго событія „Нижег. Земская Газ." пишетъ: „Какой-то кровавый туманъ повисъ надъ несчастною измученною страною, кровавыми слезами можно оплакать эти ужасы безсмысленнаго взаимнаго истребленія.

„А между тѣмъ, среди темнаго люда и въ городѣ, и въ деревнѣ продолжаются, какъ видно изъ газетъ и сообщеній изъ уѣздовъ, все прежніе неосмысленные толки, что во всѣхъ современныхъ бѣдствіяхъ и нестроеніяхъ виновны какіе-то „внутренніе враги", „забастовщики", „злонамѣренные агитаторы" „студенты" и т. д.

„Пусть хоть ужасъ нижегородскаго побоища заставитъ задуматься людей, забывшихъ совѣсть и Бога и съ легкимъ сердцемъ подстрекающихъ темный людъ къ подобнымъ расправамъ съ „внутренними врагами", „забастовщиками", „жидами" и т. п.".

Между тѣмъ „патріотическія" операціи черной сотни все расширяются: тревожные симптомы ея дѣйствій, хулиганы, что-то стали частенько заявлять о себѣ и въ Житомірѣ, и въ Екатеринославѣ, и въ Минскѣ, наконецъ, въ Ригѣ. А въ далекой Перми и тихой Рязани появились казаки, — также вносящіе немалую тревогу въ смущенные умы обывателей, не знающіе, какъ и избавиться отъ своихъ „охранителей"...

Рѣшивъ принять мѣры для прекращенія безпорядковъ, Министерство Внутрен. Дѣлъ возложило особую миссію на земскихъ начальниковъ. Именно, оно циркулярно предписало, черезъ губернаторовъ, земскимъ начальникамъ безотлагательно объѣхать всѣ волости своего участка и на мѣстѣ ознакомиться съ нуждами и потребностями крестьянскаго населенія, а также съ его настроеніемъ и отношеніемъ къ текущимъ исключительнымъ событіямъ.

О всемъ замѣченномъ земскіе начальники обязаны немедленно доносить губернатору. Коротко и ясно!

Гр. Ф-тъ.

Учрежденіе Государственной Думы.

I. О составѣ и устройствѣ Государственной Думы.

1. Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ, по силѣ основныхъ законовъ, чрезъ государственный совѣтъ къ Верховной Самодержавной власти.

2. Государственная Дума образуется изъ членовъ, избираемыхъ населеніемъ Россійской Имперіи на пять лѣтъ на основаніяхъ, указанныхъ въ положеніи о выборахъ въ Думу.

3. По указу Императорскаго Величества Государственная Дума можетъ быть распущена до истеченія пятилѣтняго срока (ст. 2). Тѣмъ же указомъ назначаются новые выборы въ Думу.

4. Продолжительность ежегодныхъ занятій Государственной Думы и сроки ихъ перерыва втеченіе года опредѣляются указами Императорскаго Величества.

5. Въ составѣ Государственной Думы образуются общее собраніе и отдѣлы.

6. Отдѣловъ въ Государственной Думѣ должно быть не менѣе четырехъ и не болѣе восьми. Членовъ въ каждомъ отдѣлѣ полагается не менѣе двадцати. Ближайшее установленіе числа отдѣловъ Думы и состава ихъ членовъ, а также распредѣленіе дѣлъ между отдѣлами зависитъ отъ Думы.

7. Для законнаго состава засѣданій Государственной Думы требуется присутствіе: въ общемъ собраніи—не менѣе одной трети всего числа членовъ Думы, а въ отдѣлѣ—не менѣе половины входящихъ въ его составъ членовъ.

8. Расходы по содержанію Государственной Думы относятся на счетъ государственнаго казначейства.

II. О предсѣдателяхъ Государственной Думы и ея отдѣловъ.

9. Предсѣдатель Государственной Думы и его товарищъ избираются Думою изъ числа ея членовъ на годъ, по истеченіи коего тѣ же лица могутъ быть вновь избираемы. Предсѣдатель, кромѣ указаннаго въ статьѣ 3 случая, исполняетъ свои обязанности впредь до новаго выбора предсѣдателя. Избранный на послѣдній годъ пятилѣтія (ст. 2) предсѣдатель исполняетъ свои обязанности до окончанія пятилѣтія. Въ случаѣ отсутствія предсѣдателя, обязанности его исполняетъ его товарищъ.

10. Предсѣдатель Государственной Думы всеподданнѣйше повергаетъ на Высочайшее благовоззрѣніе о занятіяхъ Думы.

11. Предсѣдатели отдѣловъ Государственной Думы избираются въ каждомъ отдѣлѣ изъ числа его членовъ на годъ, по истеченіи коего тѣ же лица могутъ быть вновь избираемы.

12. Для соображенія общихъ, возникающихъ относительно дѣятельности Государственной Думы, вопросовъ, подъ предсѣдательствомъ ея предсѣдателя, состоитъ совѣщаніе, въ составъ коего входятъ товарищъ предсѣдателя Думы, предсѣдатели ея отдѣловъ, а равно секретарь Думы и его товарищъ.

III. О членахъ Государственной Думы.

13. Члены Государственной Думы при вступленіи въ Думу даютъ торжественное обѣщаніе по прилагаемой при семъ формѣ.

14. Члены Государственной Думы пользуются полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, и не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями.

15. Членъ Государственной Думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти, а равно не подлежатъ личному задержанію за долги.

16. Членъ Государственной Думы можетъ отказаться отъ сего званія, заявивъ о томъ письменно предсѣдателю Думы.

17. Членъ Государственной Думы выбываетъ изъ ея состава въ случаѣ: *а*) утраты русскаго подданства; *б*) поступленія на дѣйствительную военную службу; *в*) назначенія по гражданской государственной службѣ на должность, соединенную съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, и *г*) утраты ценза, дающаго право на участіе въ выборахъ.

18. Сверхъ указанныхъ въ предшедшей

(17) статьѣ случаевъ, членъ Государственной Думы выбываетъ изъ ея состава также и въ случаѣ наступленія обстоятельствъ, указанныхъ въ пунктахъ *а*, *б*, *д*, *е* и *ж* статьи 7 положенія о выборахъ въ Думу.

19. Членъ Государственной Думы временно устраняется отъ участія въ ея собраніяхъ въ случаѣ: *а*) привлеченія къ слѣдствію или суду по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а* статьи 7 положенія о выборахъ въ Думу или влекущихъ за собою отрѣшеніе отъ должности и *б*) объявленія несостоятельнымъ должникомъ—впредь до опредѣленія свойства несостоятельности.

20. Члены Государственной Думы за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, привлекаются къ отвѣтственности въ порядкѣ и на основаніяхъ, установленныхъ для привлеченія къ отвѣтственности за нарушеніе долга службы членовъ Государственнаго Совѣта (учр. Гос. Сов., ст. 105—113).

21. Признаніе члена Государственной Думы утратившимъ это званіе (ст. 17 и 18), а равно временное устраненіе члена Думы отъ участія въ ея собраніяхъ (ст. 19) зависитъ отъ Правительствующаго Сената.

22. Означенныя въ предшедшей (21) статьѣ дѣла возбуждаются въ Правительствующемъ Сенатѣ по сообщеніямъ предсѣдателя Государственной Думы и разрѣшаются въ первомъ департаментѣ сената окончательно, по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, большинствомъ голосовъ присутствующихъ сенаторовъ, въ случаѣ же равенства голосовъ—по мнѣнію, принятому сенаторомъ, исполняющимъ обязанности первоприсутствующаго.

23. Члены Государственной Думы на время ея занятій получаютъ суточное изъ казны довольствіе въ размѣрѣ десяти рублей въ день. Сверхъ того, членамъ Думы возмѣщаются изъ казны разъ въ годъ путевыя издержки по разсчету пяти копеекъ на версту отъ мѣста ихъ жительства до С.-Петербурга и обратно.

24. Министры и главноуправляющіе отдѣльными частями не состоятъ членами Государственной Думы, но могутъ присутствовать въ ея собраніяхъ и давать разъясненія по дѣламъ какъ лично, такъ равно черезъ своихъ товарищей, или начальниковъ отдѣльныхъ частей центральныхъ управленій либо ближайшихъ помощниковъ сихъ начальниковъ, или же другихъ, уполномоченныхъ министрами и главноуправляющими, должностныхъ лицъ.

25. Сообщеніе разъясненій въ указанномъ предшедшею (24) статьею порядкѣ обязательно для министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, если Государственная Дума, по общему ея собранію или по одному изъ ея отдѣловъ, признаетъ разъясненія необходимыми.

IV. О секретаряхъ Государственной Думы и ея отдѣловъ, канцеляріи Думы и состоящихъ при ней лицахъ.

26. Секретарь Государственной Думы и его товарищъ избираются Думою изъ числа ея членовъ на пять лѣтъ (ст. 2) и исполняютъ свои обязанности впредь до выбора секретаря и его товарища новымъ составомъ Думы.

27. Секретари отдѣловъ Государственной Думы избираются каждымъ отдѣломъ изъ числа его членовъ на пять лѣтъ (ст. 2).

28. Для производства дѣлъ по Государственной Думѣ состоитъ при ней канцелярія.

29. Управленіе канцеляріею Государственной Думы возлагается на секретаря Государственной Думы. Труды его раздѣляетъ товарищъ секретаря Думы. Въ случаѣ, указанномъ въ статьѣ 3, управленіе канцеляріею Думы возлагается, впредь до избранія секретаря новымъ составомъ Думы, на государственнаго секретаря.

30. Исполненіе послѣдовавшихъ со стороны предсѣдателя Государственной Думы и ея отдѣловъ распоряженій въ видахъ поддержанія порядка возлагается на пристава Думы и его помощниковъ.

31. Приставъ Государственной Думы и его помощники въ числѣ, опредѣленномъ штатомъ, назначаются предсѣдателемъ Думы.

32. Правила о порядкѣ назначенія и увольненія служащихъ въ канцеляріи Государственной Думы и состоящихъ при ней лицъ, а равно о прохожденіи ими службы, при семъ прилагаются.

V. О предметахъ вѣдѣнія Государственной Думы.

33. Вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ:

а) предметы, требующіе изданія законовъ и штатовъ, а также ихъ измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія и отмѣны;

б) финансовыя смѣты министерствъ и главныхъ управленій и государственная роспись доходовъ и расходовъ, равно какъ денежныя изъ казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣнныя,—на основаніи особыхъ по сему предмету правилъ;

в) отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи;

г) дѣла объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ или имуществъ, требующемъ Высочайшаго соизволенія;

д) дѣла о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ непосредственнымъ распоряженіемъ казны и за ея счетъ;

е) дѣла объ учрежденіи компаній на

акціяхъ, когда при семъ испрашиваются изъятія изъ дѣйствующихъ законовъ;

ж) дѣла, вносимыя на разсмотрѣніе Думы по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

Примѣчаніе. Вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ также смѣты и раскладки земскихъ повинностей въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не введены земскія учрежденія, а также дѣла о возвышеніи земскаго или городского обложенія противъ размѣра, опредѣленнаго земскими собраніями и городскими думами (пол. зем. учр., ст. 94; гор. пол., ст. 88; пол. общ. упр. гор. С.-Петербурга, ст. 6 и 78).

34. Государственной Думѣ предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ (ст. 54—57). Предположенія эти не должны касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными.

35. Государственной Думѣ предоставляется заявлять министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону правительствующему сенату, о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны министровъ или главноуправляющихъ, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, коими нарушаются, по мнѣнію Думы, существующія законоположенія (ст. 58—61).

VI. О порядкѣ производства дѣлъ въ Государственной Думѣ.

36. Подлежащія обсужденію Государственной Думы дѣла вносятся въ Думу министрами и главноуправляющими отдѣльными частями, а также государственнымъ секретаремъ.

37. Внесенныя въ Государственную Думу дѣла обсуждаются въ отдѣлахъ ея и затѣмъ поступаютъ на разсмотрѣніе Общаго ея Собранія.

38. Засѣданія Общаго Собранія и отдѣловъ Государственной Думы назначаются, открываются и закрываются ихъ предсѣдателями.

39. Предсѣдатель останавливаетъ того изъ членовъ Государственной Думы, который уклоняется отъ соблюденія порядка или уваженія къ закону. Отъ предсѣдателя зависитъ объявить перерывъ засѣданія или его закрыть.

40. Въ случаѣ нарушенія порядка членомъ Государственной Думы онъ можетъ быть удаленъ изъ засѣданія или устраненъ на опредѣленный срокъ отъ участія въ собраніяхъ Думы. Членъ Думы удаляется изъ засѣданія по постановленію отдѣла или Общаго Собранія Думы, по принадлежности, а устраняется отъ участія въ собраніяхъ Думы на опредѣленный срокъ по постановленію Общаго ея Собранія.

41. Въ засѣданія Государственной Думы, по Общему ея Собранію и по отдѣламъ, посторонния лица не допускаются.

42. Предсѣдателю Думы предоставляется разрѣшить присутствовать въ засѣданіяхъ Общаго ея Собранія, кромѣ засѣданій закрытыхъ, представителямъ повременной печати въ числѣ не болѣе одного отъ отдѣльнаго изданія.

43. Закрытыя засѣданія Общаго Собранія Государственной Думы назначаются по постановленію Общаго Собранія или по распоряженію предсѣдателя Думы. По его же распоряженію назначаются закрытыя засѣданія Общаго Собранія Государственной Думы и въ томъ случаѣ, когда министръ или главноуправляющій отдѣльною частью, предметовъ вѣдомства коего касается дѣло, подлежащее разсмотрѣнію Думы, зависитъ, что оно составляетъ государственную тайну.

44. Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ Общаго Собранія Государственной Думы составляются присяжными стенографами и, по одобреніи предсѣдателемъ Думы, допускаются къ оглашенію въ печати, кромѣ отчетовъ о закрытыхъ засѣданіяхъ.

45. Изъ отчета о закрытомъ засѣданіи Общаго Собранія Государственной Думы могутъ подлежать оглашенію въ печати тѣ части, опубликованіе которыхъ сочтетъ возможнымъ либо предсѣдатель Думы, если засѣданіе было объявлено закрытымъ по его распоряженію или по постановленію Думы, либо министръ или главноуправляющій отдѣльною частью, если засѣданіе было объявлено закрытымъ вслѣдствіе его о томъ заявленіи.

46. Министръ или главноуправляющій отдѣльною частью можетъ взять обратно внесенное имъ въ Государственную Думу дѣло во всякомъ его положеніи. Но дѣло, внесенное въ Думу, вслѣдствіе возбужденія ею законодательнаго вопроса (ст. 34), можетъ быть взято обратно министромъ или главноуправляющимъ не иначе, какъ съ согласія на то Общаго Собранія Думы.

47. Заключеніемъ Государственной Думы по разсмотрѣннымъ ею дѣламъ признается мнѣніе, принятое большинствомъ членовъ Общаго Собранія Думы. Въ этомъ заключеніи должно быть опредѣлительно указано согласіе или несогласіе Думы съ внесеннымъ предположеніемъ. Предлагаемыя Думою измѣненія должны быть выражены въ точно установленныхъ положеніяхъ.

48. Законодательныя предположенія, разсмотрѣнныя Государственною Думою, вносятся съ ея заключеніемъ въ Государственный совѣтъ. По обсужденіи дѣла въ Совѣтѣ, положеніе его, кромѣ случая, указаннаго въ статьѣ 49, представляется на Высочайшее благовоззрѣніе въ порядкѣ, установленномъ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта, вмѣстѣ съ заключеніемъ Думы.

49. Законодательныя предположенія, отклоненныя большинствомъ двухъ третей членовъ въ Общихъ Собраніяхъ какъ Государственной Думы, такъ и Государственнаго Совѣта, возвращаются подлежащему министру или главноуправляющему для дополнительнаго соображенія и внесенія вновь на законодательное разсмотрѣніе, если на это послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе.

50. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Государственный Совѣтъ встрѣтитъ затрудненіе принять заключеніе Государственной Думы, дѣло можетъ быть, по постановленію общаго собранія Совѣта, передано для согласованія мнѣнія Совѣта съ заключеніемъ Думы, въ коммиссію изъ равнаго числа членовъ отъ обоихъ установленій, по выбору Общихъ Собраній Совѣта и Думы, по принадлежности. Въ коммиссіи предсѣдательствуетъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта или одинъ изъ предсѣдателей департаментовъ Совѣта.

51. Согласительное заключеніе, выработанное въ коммиссіи (ст. 50), вносится сперва въ Общее Собраніе Государственной Думы, а затѣмъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Если согласительнаго заключенія не будетъ выработано, то дѣло возвращается въ общее собраніе Государственнаго Совѣта.

52. Въ тѣхъ случаяхъ, когда засѣданіе Государственной Думы не состоится по неприбытію положеннаго числа членовъ (ст. 7), подлежавшее разсмотрѣнію дѣло назначается къ новому слушанію не позднѣе двухъ послѣ несостоявшагося засѣданія недѣль. Если же въ теченіе этого срока дѣло къ слушанію назначено не будетъ или засѣданіе Думы вновь не состоится по неприбытію положеннаго числа членовъ, то подлежащій министръ или главноуправляющій отдѣльною частью можетъ, если признаетъ необходимымъ, внести дѣло въ Государственный Совѣтъ для разсмотрѣнія его безъ заключенія Думы.

53. Когда Императорскому Величеству благоугодно будетъ обратить вниманіе на медленность разсмотрѣнія Государственною Думою внесеннаго въ нее дѣла, Государственный Совѣтъ назначаетъ срокъ, къ которому должно послѣдовать заключеніе Думы. Если Дума не сообщитъ къ означенному сроку своего заключенія, то Совѣтъ разсматриваетъ дѣло безъ заключенія Думы.

54. Члены Государственной Думы объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданіи новаго закона (ст. 34) подаютъ письменное заявленіе предсѣдателю Думы. Къ заявленію долженъ быть приложенъ проектъ основныхъ положеній предлагаемаго измѣненія въ законѣ или новаго закона, съ объяснительною къ проекту запискою. Если заявленіе это подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью членами, то предсѣдатель вноситъ его на разсмотрѣніе подлежащаго отдѣла.

55. О днѣ слушанія въ отдѣлѣ Государственной Думы заявленія объ отмѣнѣ или измѣненія дѣйствующаго или изданіи новаго закона извѣщаются министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, къ предметамъ вѣдомства которыхъ заявленіе относится, а также въ подлежащихъ случаяхъ государственный секретарь, съ сообщеніемъ имъ копіи съ заявленія и относящихся къ нему приложеній, не позднѣе, какъ за мѣсяцъ до дня слушанія.

56. Если министръ или главноуправляющій отдѣльною частью или же государственный секретарь (ст. 55) раздѣляетъ соображенія Государственной Думы о желательности отмѣны или измѣненія дѣйствующаго или изданія новаго закона, то даетъ дѣлу движеніе въ законодательномъ порядкѣ.

57. Если министръ или главноуправляющій отдѣльною частью или же государственный секретарь (ст. 55) не раздѣляетъ соображеній о желательности измѣненія или отмѣны дѣйствующаго или изданія новаго закона, принятыхъ въ отдѣлѣ, а затѣмъ и большинствомъ двухъ третей членовъ въ Общемъ Собраніи Государственной Думы, то дѣло представляется предсѣдателемъ Думы въ Государственный Совѣтъ, черезъ который и восходитъ установленнымъ порядкомъ на Высочайшее благовоззрѣніе. Въ случаѣ Высочайшаго повелѣнія о направленіи дѣла въ законодательномъ порядкѣ, ближайшая его разработка возлагается на подлежащаго министра или главноуправляющаго отдѣльною частью или же на государственнаго секретаря.

58. О сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны министровъ или главноуправляющихъ отдѣльными частями, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, въ коихъ усматривается нарушеніе существующихъ законоположеній (ст. 35), члены Государственной Думы подаютъ письменное заявленіе предсѣдателю Думы. Заявленіе это должно заключать въ себѣ указаніе, въ чемъ усматривается нарушеніе закона и какого именно. Если заявленіе подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью членами, то предсѣдатель Думы вноситъ его на обсужденіе Общаго ея Собранія.

59. Принятое большинствомъ членовъ Общаго Собранія Государственной Думы заявленіе (ст. 58) сообщается подлежащему министру или главноуправляющему отдѣльною частью.

60. Министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, не далѣе одного мѣсяца со дня передачи имъ заявленія (ст. 59), сообщаютъ Государственной Думѣ надлежащія свѣдѣнія и разъясненія или же

извѣщаютъ Думу о причинахъ, по коимъ они лишены возможности сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія.

61. Если Государственная Дума большинствомъ двухъ третей членовъ Общаго ея Собранія не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ министра или главноуправляющаго отдѣльною частью (ст. 60), то дѣло восходитъ, черезъ Государственный Совѣтъ, на Высочайшее благовоззрѣніе.

VII. О наказѣ Государственной Думы.

62. Подробности внутренняго распорядка въ Государственной Думѣ, предметы вѣдомства и порядокъ дѣйствія указаннаго въ статьѣ 12 совѣщанія, а также обязанности канцеляріи Думы, ея пристава и подвѣдомственныхъ ему лицъ опредѣляются наказомъ, издаваемымъ Думою въ развитіе правилъ сего учрежденія.

63. Означенный въ предшедшей (62) статьѣ наказъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе черезъ Правительствующій Сенатъ.

Приложеніе къ статьѣ 13.

Торжественное обѣщаніе членовъ Государственной Думы.

„Мы, нижепоименованные, обѣщаемъ предъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности членовъ Государственной Думы по крайнему нашему разумѣнію и силамъ, храня вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому и памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи, въ удостовѣреніе чего своеручно подписуемся".

Приложеніе къ статьѣ 32.

Правила о порядкѣ назначенія и увольненія служащихъ въ канцеляріи Государственной Думы и состоящихъ при ней лицъ, а равно о прохожденіи ими службы.

1. Канцелярія Государственной Думы состоитъ изъ дѣлопроизводителей и ихъ помощниковъ, казначея, присяжныхъ стенографовъ и писцовъ. Число служащихъ въ канцеляріи и оклады ихъ содержанія, а равно суммы на вознагражденіе писцовъ и на канцелярскіе расходы, опредѣляются штатомъ.

2. Назначеніе и увольненіе служащихъ въ канцеляріи принадлежитъ секретарю Государственной Думы.

3. На службѣ въ канцеляріи не могутъ состоять лица, не допускаемыя къ выборамъ въ Государственную Думу на основаніи статьи 7 положенія о выборахъ въ Думу.

4. Не могутъ быть принимаемы на службу въ канцелярію: *а)* недостигшіе гражданскаго совершеннолѣтія; *б)* обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ, и *в)* иностранные подданные.

5. Лица женскаго пола могутъ быть допускаемы къ занятіямъ въ канцеляріи только по письмоводству и счетоводству.

6. Дѣлопроизводители канцеляріи и ихъ помощники назначаются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и пробывшихъ на службѣ государственной или по выборамъ дворянскимъ, земскимъ и городскимъ не менѣе трехъ лѣтъ.

7. Выборъ принимаемыхъ на службу въ канцелярію лицъ зависитъ отъ секретаря Государственной Думы. Предварительно принятія этихъ лицъ на службу секретарь Думы входитъ въ сношеніе съ государственнымъ секретаремъ, безъ согласія котораго означенныя лица не могутъ быть опредѣлены на службу въ канцелярію.

8. Лица, поступающія на службу въ канцелярію, приносятъ присягу на вѣрность службы, если эта присяга не была ими принесена ранѣе.

9. Состоящимъ на службѣ въ канцеляріи воспрещается участіе въ учрежденіи всякихъ торговопромышленныхъ предпріятій и кредитныхъ установленій или въ управленіи ими, а также всѣ вообще частныя занятія, которыя совѣщаніе, указанное въ статьѣ 12 учрежденія Государственной Думы, признаетъ несовмѣстимыми со службою въ канцеляріи Думы.

10. Изъ числа служащихъ въ канцеляріи доступъ въ засѣданія Государственной Думы имѣютъ, сверхъ присяжныхъ стенографовъ, дѣлопроизводители и ихъ помощники.

11. Служащимъ въ канцеляріи воспрещается разглашать свѣдѣнія, которыя стали имъ извѣстны по служебному ихъ положенію, если свѣдѣнія эти оглашенію не подлежатъ.

12. За нарушеніе служебныхъ обязанностей служащіе въ канцеляріи подлежатъ отвѣтственности на основаніяхъ, установленныхъ для должностныхъ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной гражданской государственной службѣ. Права и обязанности начальства сихъ должностныхъ лицъ принадлежатъ, въ отношеніи служащихъ въ канцеляріи, совѣщанію, указанному въ статьѣ 12 учрежденія Государственной Думы.

13. Служащіе въ канцеляріи и ихъ семьи пользуются пенсіями и единовременными пособіями изъ казны примѣнительно къ постановленіямъ общаго устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ по гражданскимъ вѣдомствамъ.

14. Правила, изложенныя въ статьяхъ 3,

4, 8, 9 и 11—13, имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе къ приставу Государственной Думы и его помощникамъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.
Въ Петергофѣ.
6-го августа 1905 года.

Положеніе о выборахъ въ государственную Думу.

I. Общія положенія.

1) Выборы въ Государственную Думу производятся: *а)* по губерніямъ и областямъ и *б)* по городамъ: С.-Петербургу и Москвѣ, а также Астрахани, Баку, Варшавѣ, Вильнѣ, Воронежу, Екатеринославу, Иркутску, Казани, Кіеву, Кишиневу, Курску, Лодзи, Нижнему-Новгороду, Одессѣ, Орлу, Ригѣ, Ростову-на-Дону совмѣстно съ Нахичеванью, Самарѣ, Саратову, Ташкенту, Тифлису, Тулѣ, Харькову и Ярославлю.

Примѣчаніе. Выборы въ Государственную Думу отъ губерній Царства Польскаго, областей уральской и тургайской и губерній и областей: сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ степного и туркестанскаго и намѣстничества кавказскаго, а также выборы отъ кочевыхъ инородцевъ производятся на основаніи особыхъ правилъ.

2) Число членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

3) Избраніе членовъ Государственной Думы по губерніямъ и областямъ (ст. 1, п. *а)* производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ. Собраніе это образуется, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ съѣздами: *а)* уѣздныхъ землевладѣльцевъ; *б)* городскихъ избирателей, и *в)* уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ.

4) Общее число выборщиковъ по каждой губерніи или области, а равно распредѣленіе ихъ между уѣздами и съѣздами устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

5) Избраніе членовъ Государственной Думы отъ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городовъ производится избирательнымъ собраніемъ, образуемымъ, подъ предсѣдательствомъ городского головы или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ: въ столицахъ—въ числѣ *ста шестидесяти*, а въ остальныхъ городахъ—въ числѣ *восьмидесяти*.

6) Въ выборахъ не участвуютъ: *а)* лица женскаго пола; *б)* лица моложе двадцати пяти лѣтъ; *в)* обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ; *г)* воинскіе чины арміи и флота, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ службѣ; *д)* бродячіе инородцы и *е)* иностранные подданные.

7) Кромѣ указанныхъ въ предшедшей (6) статьѣ лицъ, въ выборахъ не участвуютъ также: *а)* подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе ввѣреннаго имущества, укрывательство похищеннаго, покупку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденаго или полученнаго чрезъ обманъ имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою Всемилостивѣйшаго манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; *б)* отрѣшенные по судебнымъ приговорамъ отъ должности—втеченіе трехъ лѣтъ со времени отрѣшенія, хотя-бы они и были освобождены отъ сего наказанія за давностью, силою Всемилостивѣйшаго манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; *в)* состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а* или влекущихъ за собой отрѣшеніе отъ должности; *г)* подвергшіеся несостоятельности, впредь до опредѣленія свойства ея; *д)* несостоятельные, о которыхъ дѣла сего рода приведены уже къ окончанію, кромѣ тѣхъ, несостоятельность коихъ признана несчастною; *е)* лишенные духовнаго сана или званія за пороки, или же исключенные изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ и *ж)* осужденные за уклоненіе отъ воинской повинности.

8) Не принимаютъ участія въ выборахъ: *а*) губорнаторы и вице-губернаторы а равно градоначальники и ихъ помощники—въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностей, и *б)* лица, занимающія полицейскія должности,—въ губерніи или городѣ, по которымъ производятся выборы.

9) Лица женскаго пола могутъ предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участія въ выборахъ своимъ мужьямъ и сыновьямъ.

10) Сыновья могутъ участвовать въ выборахъ, вмѣсто своихъ отцовъ, по недвижимому имуществу и по ихъ уполномочію.

11) Съѣзды избирателей созываются въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, по принадлежности, подъ предсѣдательствомъ: съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ волостей—уѣзднаго предводителя дворянства или лица, его

замѣняющаго, а съѣздъ городскихъ избирателей—городскаго головы губернскаго или уѣзднаго города, по принадлежности, или лицъ ихъ замѣняющихъ. Для уѣздовъ, указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городовъ, образуются въ сихъ городахъ отдѣльные съѣзды городскихъ избирателей уѣзда, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго городского головы. Въ уѣздахъ въ коихъ имѣется нѣсколько городскихъ поселеній, можетъ быть образовано нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ городскихъ избирателей съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, кому предоставляется распредѣлять подлежащихъ избранію выборщиковъ между отдѣльными городскими поселеніями.

12) Въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія обложенною сборомъ на земскія повинности землею въ количествѣ, опредѣленномъ для каждаго уѣзда въ приложенномъ къ сей статьѣ росписаніи; *б)* лица, владѣющія въ уѣздѣ на пенсіонномъ правѣ горнозаводскими дачами въ количествѣ, указанномъ въ томъ же росписаніи; *в*) лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія инымъ, кромѣ земли, недвижимымъ, не составляющимъ торгово-промышленнаго заведенія, имуществомъ, стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже *пятнадцати тысячъ* рублей; *г)* уполномоченные отъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ или землею въ размѣрѣ не менѣе десятой доли количества десятинъ, опредѣленнаго для каждаго уѣзда въ вышеупомянутомъ росписаніи, или инымъ недвижимымъ имуществомъ (п. *в*) стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже *одной тысячи пятисотъ* рублей, и *д)* уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею.

13. Въ архангельской губерніи съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ не образуются, а лица, имѣющія право участія въ нихъ (ст. 12), причисляются въ каждомъ уѣздѣ названной губерніи къ съѣзду городскихъ избирателей. Въ тѣхъ уѣздахъ ставропольской губерніи, въ коихъ не имѣется городскихъ поселеній, лица уплачивающія въ предѣлахъ уѣзда основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія, а также лица, владѣющія въ уѣздѣ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ (ст. 16, пп. *в* и *г*), причисляются къ мѣстному съѣзду уѣздныхъ землевладѣльцевъ, который и избираетъ установленное росписаніемъ (ст. 4) отъ этого съѣзда и съѣзда городскихъ избирателей число выборщиковъ.

14) Означенные въ пунктахъ *г* и *д* статьи 12 уполномоченные отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и отъ священнослужителей избираются на предварительномъ ихъ съѣздѣ. Смотря по мѣстнымъ удобствамъ, или созывается одинъ общій для всего уѣзда съѣздъ, или образуется нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ согласно росписанію, устанавливаемому губернаторомъ. Предсѣдательствованіе на съѣздѣ возлагается на уѣзднаго предводителя дворянства или лицо его замѣняющее.

15) Число уполномоченныхъ, подлежащихъ избранію на предварительномъ съѣздѣ, опредѣляется количествомъ земли, числящейся за лицами, явившимися на съѣздъ, и итогомъ оцѣночной стоимости другого принадлежащаго имъ недвижимаго имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный цензъ, установленный для участія въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ (ст. 12, п.п. *а*, *б* и *в*).

16) Въ съѣздѣ городскихъ избирателей участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія земскимъ сборомъ въ суммѣ не менѣе *одной тысячи пятисотъ* рублей, или требующихъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово - промышленнымъ предпріятіемъ: торговымъ одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ, или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятидесяти* рублей въ годъ; *б)* лица, уплачивающія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше; *в)* лица, уплачивающія въ предѣлахъ города и его уѣзда основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду, и *г)* лица, владѣющія въ уѣздѣ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, указаннымъ въ пунктѣ *а* сей статьи.

17) Въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей участвуютъ выборные отъ волостныхъ сходовъ уѣзда, по два отъ каждаго схода. Выборные эти избираются волостными сходами изъ числа крестьянъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ данной волости, если къ избранію ихъ нѣтъ препятствій, указанныхъ въ статьяхъ 6 и 7, а также въ пунктѣ *б* статьи 8.

18) Въ астраханской губерніи образуется кромѣ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей, одинъ общій съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ астраханскаго казачьяго войска, расположенныхъ въ предѣлахъ какъ астраханской, такъ и самарской и саратовской губерній. Съѣздъ созывается въ городѣ Астрахани, подъ предсѣдадельствомъ лица, назначаемаго наказнымъ атаманомъ, и избираетъ положенное по росписанію (ст. 4) число выборщиковъ въ астраханское губернское избирательное собраніе. Въ области войска Донского и

въ губерніи оренбургской образуется въ каждомъ уѣздѣ, кромѣ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей, на одинаковыхъ съ нимъ основаніяхъ съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ. Уполномоченные отъ станицъ казачьихъ войскъ астраханскаго, донского и оренбургскаго избираются станичными сборами изъ числа членовъ станичныхъ обществъ войсковаго сословія, въ числѣ двухъ отъ каждой станицы. Въ губерніяхъ курляндской, лифляндской и эстляндской уполномоченные отъ волостей избираются на общемъ волостномъ сходѣ изъ числа лицъ, входящихъ въ его составъ. Въ измаильскомъ уѣздѣ бессарабской губерніи, вмѣсто съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей, образуется съѣздъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ общинъ, по одному отъ каждой общины. Уполномоченные эти избираются въ каждой общинѣ общимъ собраніемъ владѣльцевъ надѣльной земли, созываемомъ подъ предсѣдательствомъ примара общины.

19) Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ въ избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе участвуютъ: *а)* лица, владѣющія въ предѣлахъ города на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія городскимъ сборомъ: въ столицахъ — въ суммѣ не менѣе *трехъ тысячъ* рублей, а въ остальныхъ городахъ—въ суммѣ не менѣе *одной тысячи пятисотъ* рублей *б)* лица владѣющія въ предѣлахъ города требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: въ столицахъ —торговымъ предпріятіемъ перваго разряда, промышленнымъ—одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ, или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятисотъ* рублей въ годъ, а въ прочихъ городахъ—торговымъ предпріятіемъ одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основнаго промыславого налога не менѣе *пятидесяти* рублей въ годъ; *в)* лица уплачивающія въ предѣлахъ города основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду, и *г)* лица, уплачивающія въ предѣлахъ города государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше.

20) Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ, для избранія выборщиковъ въ городское избирательное собраніе, городъ подраздѣляется на избирательные участки, соотвѣтствующіе, по числу и границамъ, дѣленію его на полицейскія части. Распредѣленіе между участками подлежащихъ избранію выборщиковъ производится городскою управою или замѣняющимъ ее учрежденіемъ, соотвѣтственно общей численности населенія въ каждомъ изъ участковъ, и утверждается губернаторомъ или градоначальникомъ, по принадлежности.

21) Если нѣсколько лицъ имѣютъ недвижимое имущество (ст. 12, п.п. *а, б* и *в*. ст. 16, п. *а* и ст. 19, п. *а*) въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи, то каждый изъ нихъ считается владѣльцемъ причитающейся на его долю части имущества и согласно сему пользуется правомъ голоса на выборахъ.

22) Въ каждомъ избирательномъ участкѣ, съѣздѣ или собраніи никто не можетъ имѣть болѣе одного голоса.

23) Общій надзоръ за правильнымъ производствомъ выборовъ возлагается, подъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, на губернаторовъ и градоначальниковъ, по принадлежности. Имъ предоставляется требовать отъ подлежащихъ мѣстъ и лицъ свѣдѣнія о ходѣ и порядкѣ выборовъ, а равно обозрѣвать выборныя производства и давать указанія къ обезпеченію правильнаго хода выборовъ.

24) Для повѣрки правильности выборовъ и разсмотрѣнія заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ учреждаются губернскія и уѣздныя по дѣламъ о выборахъ комиссіи.

25) Губернскія по дѣламъ о выборахъ комиссіи образуются, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружнаго суда, изъ управляющаго казенною палатою, предводителя дворянства уѣзда губернскаго города, предсѣдателя губернской земской или по дѣламъ земскаго хозяйства управы, городского головы губернскаго города или лица, его замѣняющаго, одного изъ членовъ окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, и одного изъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по назначенію губернатора.

26) Уѣздныя по дѣламъ о выборахъ комиссіи образуются подъ предсѣдательствомъ члена окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, изъ уѣзднаго предводителя дворянства, мирового или городского судьи, по назначенію съѣзда мировыхъ судей или общаго собранія окружнаго суда, по принадлежности, предсѣдателя уѣздной земской или по дѣламъ земскаго хозяйства управы, городского головы уѣзднаго города, податного инспектора и одного изъ земскихъ начальниковъ, по назначенію уѣзднаго съѣзда.

27) Подача заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ не останавливаетъ выборнаго производства.

28) Въ мѣстностяхъ, въ коихъ нѣтъ губернскихъ предводителей дворянства, указанныя въ семъ положеніи обязанности ихъ возлагаются на особыхъ лицъ, назначаемыхъ Высочайшею Властью. Обязанности прочихъ должностныхъ лицъ, въ семъ по-

ложеніи упомянутыя въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыхъ лицъ не имѣется, исполняются другими соотвѣтствующими по роду обязанностей должностными лицами.

29) Преступныя дѣянія, совершенныя при производствѣ выборовъ въ Государственную Думу, подлежатъ преслѣдованію и наказанію на тѣхъ основаніяхъ, какъ и учиненныя при выборахъ сословныхъ и общественныхъ.

II. Объ избирательныхъ спискахъ.

30) Списки лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, составляются и содержатся въ исправности: по съѣзду уѣздныхъ землевладѣльцевъ—уѣздною земскою управою или управою по дѣламъ земскаго хозяйства, а въ мѣстностяхъ, гдѣ такихъ управъ не имѣется,—уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ, а по съѣзду городскихъ избирателей—городскими управами или учрежденіями, ихъ замѣняющими.

31) Въ указанныхъ въ пунктѣ б статьи 1 городахъ списки лицъ, имѣющихъ право участія въ избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе, составляются и содержатся въ исправности городскою управою или учрежденіемъ, ее замѣняющимъ. Лица, имѣющія право участія въ выборахъ въ нѣсколькихъ избирательныхъ участкахъ (ст. 20), включаются въ списокъ того изъ этихъ участковъ который они сами укажутъ, а если такого заявленія не послѣдуетъ, то включаются въ списокъ того участка, въ которомъ они имѣютъ мѣсто жительства.

32) Въ избирательные списки вносятся лица, кои до составленія подлежащаго списка (ст. 30 и 31) владѣли недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ предпріятіемъ или же уплачивали промысловый налогъ не менѣе одного года, а квартирный налогъ—не менѣе трехъ лѣтъ. При исчисленіи указаннаго срока владѣнія недвижимымъ имуществомъ принимается въ разсчетъ и срокъ владѣнія симъ имуществомъ наслѣдователя въ восходящей линіи. Лица, желающія участвовать въ выборахъ по недвижимому имуществу ихъ женъ, матерей, (ст. 9), обязаны своевременно заявлять о томъ установленію, составляющему избирательный списокъ (ст. 30 и 31).

33) Составленные на основаніи статей 30 и 31 избирательные списки публикуются за шесть недѣль до выборовъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и сверхъ того объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ списковъ.

34) Въ теченіе двухъ недѣль со дня опубликованія избирательныхъ списковъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ заинтересованныя лица могутъ подавать жалобы и заявленія о неправильности и неполнотѣ указанныхъ въ статьѣ 30 списковъ — въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ комиссію, а упомянутыхъ въ статьѣ 31 списковъ — въ губернскую по дѣламъ о выборахъ комиссію.

35) По разсмотрѣніи избирательныхъ списковъ и поступившихъ жалобъ и заявленій, подлежащая комиссія объявляетъ лицамъ, подавшимъ жалобы и заявленія, о своихъ по онымъ постановленіяхъ. Измѣненія, внесенныя въ первоначальные списки, публикуются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающамъ гласность этихъ измѣненій.

36) Послѣ опубликованія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ объ исправленіи списковъ никакія въ нихъ дополненія или измѣненія не допускаются, за исключеніемъ тѣхъ, которыя могутъ послѣдовать въ разрѣшеніе жалобъ, принесенныхъ на постановленіе подлежащей комиссіи, въ установленномъ статьею 47 порядкѣ.

37) Лица, не внесенныя въ избирательные списки или до начала выборовъ утратившія избирательный цензъ, въ выборахъ не участвуютъ.

III. О производствѣ выборовъ.

1) О производствѣ выборовъ въ избирательныя собранія.

38) Въ указанныхъ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ, для производства выборовъ въ городское избирательное собраніе, образуются въ каждомъ избирательномъ участкѣ (ст. 20) избирательныя комиссіи въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, приглашаемыхъ городскимъ головою или лицомъ, его замѣняющимъ, изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ. Порядокъ производства выборовъ въ городскія избирательныя собранія опредѣляется правилами, при семъ приложенными.

39) Способность удостовѣренія личности избирателей и провѣрка ихъ полномочій предоставляется предсѣдателю съѣзда (ст. 3 и 14) или избирательной комиссіи (ст. 38).

40) Выборы на съѣздахъ производятся закрытою подачею голосовъ, посредствомъ баллотировки шарами, а выборы въ городское избирательное собраніе—закрытою подачею голосовъ, посредствомъ записокъ.

41) Выборщики (ст. 3 и 5) и уполномоченные отъ предварительныхъ съѣздовъ (ст. 14) могутъ быть избираемы только изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ въ томъ именно съѣздѣ или участкѣ, гдѣ выборы производятся.

42) Выборщиками отъ избирательныхъ съѣздовъ, а равно уполномоченными отъ

предварительныхъ съѣздовъ, признаются лица, за коихъ подано болѣе половины голосовъ участвующихъ въ съѣздѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ балловъ; въ случаѣ же ихъ равенства — избраніе опредѣляется по жребію.

43) Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ выборщиками, избранными въ городское избирательное собраніе, считаются лица, получившія наибольшее въ избирательномъ участкѣ число голосовъ, хотя бы оно и не достигало половины числа участвовавшихъ въ выборахъ; въ случаѣ равенства голосовъ — избраніе опредѣляется по жребію.

44) По окончаніи выборовъ, съѣзды и избирательныя комиссіи закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется: предсѣдателями съѣздовъ—въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ комиссію, а предсѣдателями избирательныхъ комиссій—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ комиссію.

45) Въ трехдневный срокъ со дня закрытія съѣздовъ и избирательныхъ комиссій заинтересованныя лица могутъ подавать жалобы: въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ комиссію — на неправильности, допущенныя при производствѣ выборовъ на съѣздахъ, и въ губернскую по дѣламъ о выборахъ комиссію—на неправильности, допущенныя при избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе.

46) По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ, уѣздная или губернская комиссія, если усмотритъ къ тому основанія, отмѣняетъ произведенные выборы въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ лицъ, избранныхъ отъ подлежащаго съѣзда или избирательнаго участка. Комиссія о своихъ постановленіяхъ по принесеннымъ ей жалобамъ объявляетъ лицамъ, ихъ подавшимъ.

47) Въ трехдневный срокъ со дня объявленія постановленія уѣздной или губернской по дѣламъ о выборахъ комиссіи заинтересованныя лица могутъ принести жалобу: на постановленіе уѣздной — въ губернскую комиссію, а на постановленіе сей послѣдней — въ Правительствующій Сенатъ. Жалоба подается въ уѣздную или губернскую комиссію, по принадлежности, и представляется, съ необходимыми объясненіями, уѣздною комиссіею въ недѣльный, а губернскою — въ двухнедѣльный срокъ: первою—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ комиссію, а вторую—въ Правительствующій Сенатъ.

48) Списки выборщиковъ въ губернскія избирательныя собранія составляются уѣздною по дѣламъ о выборахъ комиссіею, а списки выборщиковъ въ городскія избирательныя собранія — губернскою по дѣламъ о выборахъ комиссіею. Тѣ и другіе списки безотлагательно публикуются по распоряженію губернатора или градоначальника, по принадлежности, въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ списковъ.

2) О производствѣ выборовъ въ Государственную Думу.

49) Въ каждомъ губернскомъ избирательномъ собраніи прежде всего выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей избираютъ изъ своей среды одного члена Государственной Думы. Сверхъ того, одного члена Думы въ означенномъ избирательномъ собраніи въ губерніяхъ Астраханской и Оренбургской и въ области Войска Донского избираютъ изъ своей среды также и выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ станицъ. Затѣмъ избирательное собраніе въ общемъ своемъ составѣ избираетъ изъ числа всѣхъ имѣющихъ право участія въ немъ выборщиковъ остальное положенное росписаніемъ (ст. 2) число членовъ Думы. Избраніе производится закрытою подачею голосовъ, посредствомъ баллотировки шарами.

50) Городскія избирательныя собранія (ст. 5) избираютъ изъ числа имѣющихъ права участія въ нихъ выборщиковъ положенное на городъ число членовъ Государственной Думы (ст. 2) закрытою подачею голосовъ, посредствомъ баллотировки шарами.

51) Предварительно баллотировки губернскимъ или городскимъ избирательнымъ собраніемъ отмѣчаются закрытою подачею голосовъ, посредствомъ записокъ кандидаты. Кандидаты эти подвергаются засимъ баллотировкѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ голосовъ.

52) Если число лицъ, получившихъ въ губернскомъ или городскомъ избирательномъ собраніи болѣе половины голосовъ, не достигаетъ указаннаго въ приложенномъ къ статьѣ 2 росписаніи для данной губерніи, области или города числа членовъ Государственной Думы, то на слѣдующій день собраніе производитъ тѣмъ же порядкомъ дополнительные выборы недостающаго числа членовъ. Въ случаѣ безуспѣшности этихъ дополнительныхъ выборовъ, на третій день производятъ окончательные выборы недостающаго числа членовъ, причемъ избранными считаются получившіе относительное большинство голосовъ.

53) Въ члены Государственной Думы могутъ быть избираемы только лица, изъявившія на то свое согласіе. Лица, занимающія на гражданской государственной службѣ должность съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, въ случаѣ избранія ихъ въ члены Думы, обязаны оставить занимаемую ими должность.

54) Никто не можетъ баллотироваться въ члены Государственной Думы болѣе чѣмъ въ одномъ избирательномъ собраніи—губернскомъ или городскомъ.

55) Въ члены Государственной Думы не могутъ быть избираемы лица, не знающія русскаго языка.

56) По окончаніи выборовъ губернскія и городскія избирательныя собранія закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется предсѣдателями собраній губернатору или градоначальнику, по принадлежности.

57) Въ трехдневный срокъ со дня закрытія избирательнаго собранія заинтересованныя лица могутъ подавать губернатору или градоначальнику, по принадлежности, жалобы на допущенныя при выборахъ неправильности и нарушеніе установленнаго порядка.

58) Выборное производство, съ принесенными на выборы жалобами и объясненіями по онымъ предсѣдателей избирательныхъ собраній, губернаторъ или градоначальникъ, по принадлежности, представляетъ Правительствующему Сенату въ недѣльный срокъ со дня полученія выборнаго производства.

59) По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ, Правительствующій Сенатъ, если усмотритъ къ тому основанія, отмѣняетъ произведенные выборы въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы отъ подлежащей губерніи, области или города.

60) Указанныя въ предшедшей (59) статьѣ дѣла разрѣшаются въ первомъ департаментѣ Правительствующаго Сената окончательно, по выслушаніи заключенія Оберъ-Прокурора, большинствомъ голосовъ присутствующихъ сенаторовъ, въ случаѣ же равенства голосовъ — по мнѣнію, принятому сенаторомъ, исполняющимъ обязанности первоприсутствующаго.

61) Въ случаѣ отмѣны выборовъ Правительствующимъ Сенатомъ, а равно въ случаѣ выбытія члена Государственной Думы изъ ея состава, если до наступленія срока общихъ новыхъ выборовъ въ Думу остается болѣе года, производятся, по распоряженію Правительствующаго Сената, новые выборы подлежащимъ губернскимъ или городскимъ избирательнымъ собраніемъ въ томъ составѣ выборщиковъ, который избранъ былъ на текущее 5-лѣтіе.

62) Списокъ членовъ Государственной Думы составляется Правительствующимъ Сенатомъ и публикуется имъ во всеобщее свѣдѣніе.

Приложеніе къ статьѣ 38.

Правила о порядкѣ производства выборовъ въ городскія избирательныя собранія.

1) Избирателямъ каждаго избирательнаго участка предоставляется втеченіе мѣсяца до срока, назначеннаго для выборовъ, образовывать для совѣщанія о лицахъ, достойныхъ быть избранными, особыя подготовительныя собранія. О времени и мѣстѣ такихъ собраній избиратели заявляютъ начальнику мѣстной полиціи, который можетъ назначить для присутствованія въ собраніи одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ.

2) На подготовительномъ собраніи могутъ присутствовать лишь избиратели даннаго избирательнаго участка. По требованію представителя полиціи собраніе должно быть немедленно закрыто.

3) Выборы производятся въ помѣщеніяхъ, отводимыхъ для сего городскою управою, по возможности, въ предѣлахъ избирательнаго участка.

4) Каждый избиратель лично вручаетъ свою избирательную записку предсѣдателю избирательной комиссіи.

5) Въ запискѣ указываются имена, отчества и фамиліи лицъ, за которыхъ избиратель подаетъ голосъ, въ числѣ, не превышающемъ общаго числа подлежащихъ избранію по каждому участку. Въ запискѣ не должно быть никакихъ отмѣтокъ, знаковъ, а равно исправленій и подчистокъ ни на лицевой, ни на оборотной сторонѣ; записки, не удовлетворяющія означенному требованію, признаются недѣйствительными.

6) Имя лица, предлагаемаго въ выборщики, не должно повторяться въ одной и той же избирательной запискѣ. Подобныя повторенія, а равно имена лицъ, предположенныхъ въ выборщики сверхъ положеннаго на участокъ числа, считая по порядку записи именъ, при подсчетѣ голосовъ въ соображеніе не принимаются.

7) Выборы продолжаются одинъ день, съ девяти часовъ утра до десяти вечера, и производятся одновременно во всѣхъ избирательныхъ участкахъ. Въ девять часовъ вечера допускъ избирателей въ помѣщеніе избирательной комиссіи для подачи избирательныхъ записокъ прекращается, отъ прибывшихъ же въ это помѣщеніе до девяти часовъ записки принимаются до тѣхъ поръ, пока не будутъ поданы всѣми находящимися въ помѣщеніи.

8) Предсѣдатель избирательной комиссіи, принявъ отъ избирателя записку, тотчасъ же, въ присутствіи послѣдняго, опускаетъ ее въ особый ящикъ чрезъ отверстіе, продѣланное въ крышкѣ. Ящикъ этотъ предварительно принятія записокъ предъявляется присутствующимъ избирателямъ для удостовѣренія въ томъ, что онъ пустъ и не имѣетъ отверстій, кромѣ предназначеннаго для впусканія записокъ. Затѣмъ ящикъ закрывается на замокъ и опечатывается печатью предсѣдателя, а ярлыкъ, на который наложена печать, подписывается предсѣдателемъ, членами избирательной комиссіи и желающими изъ

числа наличныхъ избирателей. О принятіи избирательной записки дѣлается соотвѣтствующая отмѣтка въ избирательномъ спискѣ противъ имени лица, ее подавшаго. По закрытіи засѣданія отверстіе ящика, въ который опускаются записки, опечатывается, и предсѣдатель объявляетъ присутствующимъ число поданныхъ записокъ, которое заносится въ особый актъ, подписываемый предсѣдателемъ и членами избирательной комиссіи.

9) Подсчетъ голосовъ производится, начиная съ слѣдующаго по окончаніи выборовъ дня съ девяти часовъ утра до девяти часовъ вечера, въ засѣданіи избирательной комиссіи, въ которомъ могутъ присутствовать избиратели.

10) По вскрытіи избирательнаго ящика, каждая избирательная записка пронумеровывается и, если она удовлетворяетъ указаннымъ въ статьѣ 5 требованіямъ и не возбуждаетъ сомнѣній среди членовъ комиссіи, то званіе, имя, отечество, фамилія и номеръ по избирательному списку каждаго лица, обозначеннаго въ запискѣ, прочитываются и, по крайней мѣрѣ, двумя членами комиссіи заносятся каждымъ на особыя карточки. Каждая такая карточка подписываетъ лицомъ, ее составившимъ. По вынутіи изъ ящика и просмотрѣ всѣхъ записокъ, комиссія обсуждаетъ записки, вызвавшія сомнѣнія, и о принятомъ ею рѣшеніи, а равно объ основаніяхъ признанія записокъ недѣйствительными составляетъ особый протоколъ, подписываемый предсѣдателемъ и членами комиссіи. Затѣмъ карточки, въ кои внесены предложенныя въ выборщики лица, располагаются по алфавиту указанныхъ въ нихъ фамилій и подсчитываются.

11) Если подсчетъ голосовъ не можетъ быть законченъ въ одинъ день, то по составленіи протокола о числѣ записокъ: *а*) вынутыхъ изъ ящика, *б*) признанныхъ недѣйствительными, *в*) возбудившихъ сомнѣнія и *г*) прочитанныхъ, — означенныя записки, а равно карточки съ именами предложенныхъ въ выборщики лицъ складываются, соотвѣтственно роду записокъ и карточекъ, въ особые пакеты, опечатываемые затѣмъ печатью предсѣдателя комиссіи на ярлыкѣ, подписанномъ всѣми членами комиссіи и желающими изъ числа присутствующихъ при этомъ избирателей. Тѣмъ же порядкомъ опечатывается и ящикъ съ невынутыми записками.

12) По окончаніи подсчета голосовъ и объявленіи именъ лицъ, предложенныхъ въ выборщики, составляется за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ комиссіи, протоколъ, въ который заносятся: *а*) число всѣхъ вынутыхъ изъ ящика записокъ, *б*) число всѣхъ прочитанныхъ записокъ, *в*) число записокъ, признанныхъ недѣйствительными, съ приведеніемъ основаній, къ тому послужившихъ, и *г*) списокъ лицъ, избранныхъ въ выборщики. Затѣмъ избирательныя записки и карточки запечатываютъ въ особые пакеты.

13) Лица, избранныя выборщиками, немедленно извѣщаются о томъ избирательною комиссіею и, если не заявятъ губернской по дѣламъ о выборахъ комиссіи втеченіе трехъ сутокъ со дня полученія извѣщенія объ отказѣ отъ принятія званія выборщика, признаются принявшими это званіе. Въ случаѣ отказа избраннаго лица отъ принятія званія выборщика онъ замѣщается, съ соблюденіемъ того же порядка, слѣдующимъ по списку лицомъ, получившимъ наибольшее число голосовъ.

Предсѣдательствующій въ государственномъ совѣтѣ (подписалъ) *графъ Сольскій.*

Приложеніе къ ст. 2-й.

РОСПИСАНІЕ

числа членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ.

Губерніи, области и города.	Число членовъ Государственной Думы.
1. Архангельская	1
2. Астраханская	—
по городу Астрахани	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	3
3. Бессарабская	—
по городу Кишиневу	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	8
4. Виленская	—
по городу Вильнѣ	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	6
5. Витебская	6
6. Владимірская	6
7. Вологодская	5
8. Волынская	13
9. Воронежская	—
по городу Воронежу	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	11
10. Вятская	13
11. Гродненская	7
12. Область войска Донского	—
по городу Ростову-на-Дону съ Нахичеванью	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	11
13. Екатеринославская	—
по городу Екатеринославу	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	9

14. Казанская . . . . —
  по городу Казани 1
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 9
15. Калужская 5
16. Кіевская . . . . —
  по городу Кіеву 1
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 15
17. Ковенская 6
18. Костромская 6
19. Курляндская 3
20. Курская . . . . —
  по городу Курску 1
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 10
21. Лифляндская . . . . . . —
  по городу Ригѣ . . . 1
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 4
22. Минская 9
23. Могилевская 7
24. Московская . . . . —
  по городу Москвѣ 4
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 6
25. Нижегородская . . . . . . —
  по городу Нижнему-Новгороду . 1
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 6
26. Новгородская 6
27. Олонецкая 3
28. Оренбургская 7
29. Орловская . . . . —
  по городу Орлу 1
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 8
30. Пензенская 6
31. Пермская 13
32. Подольская 13
33. Полтавская 12
34. Псковская. 4
35. Рязанская 8
36. Самарская . . . . —
  по городу Самарѣ 1
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 12
37. С.-Петербургская . . . . . —
  по городу С.-Петербургу . . 6
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 3
38. Саратовская . . . . . . —
  по городу Саратову. . . . 1
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 19
39. Симбирская 6
40. Смоленская 6
41. Ставропольская 3
42. Таврическая 6
43. Тамбовская 12
44. Тверская 8
45. Тульская . . . . —
  по городу Тулѣ 1
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 5
46. Уфимская 10
47. Харьковская . . . . —
  по городу Харькову . . . 1
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 10
48. Херсонская . . . . —
  по городу Одессѣ 1
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздѣ 10
49. Черниговская 10
50. Эстляндская 3
51. Ярославская . . . . . . —
  по городу Ярославлю . . 1
  въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 4

Итого . 412

Въ томъ числѣ отъ городовъ . . 28

Предсѣдательствующій въ государственномъ совѣтѣ (подписалъ) *графъ Сольскій.*

Приложеніе къ статьѣ 4.

РОСПИСАНІЕ

числа губернскихъ выборщиковъ.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: Отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей	Отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	Отъ съѣзда городскихъ избирателей.
1. Архангельская.				
Арахангельскій . .	5	1	4	
Александровскій . .	2	1	1	
Кемскій	3	2	1	
Мезенскій . . .	3	1	2	
Онежскій	3	2	1	
Печерскій	3	2	1	
Пинежскій	3	2	1	
Холмогорскій . . .	3	2	1	
Шенкурскій . . .	7	6	1	
	32	19	13	
2. Астраханская.				
Астраханскій . . .	9	1	1	7
Енотаевскій . . .	6	3	1	2
Красноярскій . . .	5	2	1	2
Царевскій	16	12	1	3
Черноярскій . . .	9	6	1	2
	45*)	24	5	16

---

*) Сверхъ того, пять выборщиковъ избираются общимъ съѣздомъ уполномоченныхъ отъ станицъ астраханскаго казачьяго войска.

3. Бессарабская.

Кишеневскій	11	2	8	1
Аккерманскій	18	12	4	2
Бендерскій	13	6	4	3
Бѣлецкій	14	3	10	1
Измаильскій	16	6*)	7	3
Оргѣевскій	14	2	8	4
Сорокскій	14	4	6	4
Хотинскій	20	8	9	3
	120	43	56	21

4. Виленская.

Виленскій	14	6	7	1
Вилейскій	13	5	7	1
Дисненскій	13	5	7	1
Лидскій	13	5	7	1
Ошмянскій	14	6	7	1
Свѣнцянскій	11	6	4	1
Трокскій	13	7	5	1
	91	40	44	7

5. Витебская.

Витебскій	11	2	4	5
Велижскій	6	1	4	1
Городокскій	7	4	2	1
Двинскій	14	5	4	5
Дриссенскій	6	2	3	1
Лецельскій	9	4	4	1
Люцинскій	7	2	4	1
Невельскій	7	3	3	1
Полоцкій	9	3	4	2
Рѣжицкій	8	3	4	1
Себежскій	6	2	3	1
	90	31	39	20

6. Владимірская.

Владимірскій	9	3	1	5
Александровскій	6	2	1	3
Вязниковскій	5	1	1	3
Гороховецкій	6	3	2	1
Ковровскій	7	2	1	4
Меленковскій	8	2	2	4
Муромскій	7	2	1	4
Переяславльскій	5	2	1	2
Покровскій	10	1	1	2
Судогодскій	6	1	2	3
Суздальскій	7	4	2	1
Шуйскій	10	1	1	8
Юрьевскій	6	2	2	8
	92	26	18	48

7. Вологодская.

Вологодскій	9	3	3	3
Вельскій	8	6	1	1
Грязовецкій	6	3	2	1
Кадниковскій	12	4	7	2
Никольскій	13	11	1	1
Сольвычегодскій	7	5	1	1
Тотемскій	8	6	1	1
Устьсысольскій	5	1	3	1
Устюжскій	9	6	1	2
Яринскій	3	1	1	1
	80	46	21	13

*) По измаильскому уѣзду уполномоченные избираются сельскими общинами.

8. Волынская.

Житомірскій	28	7	12	9
Владиміръ-Волынск.	18	9	7	2
Дубенскій	13	5	6	2
Заславскій	13	5	5	3
Ковельскій	14	7	5	2
Кременецкій	14	6	6	2
Луцкій	17	6	7	4
Новоградъ-Волынск.	23	7	11	5
Овручскій	14	4	8	2
Острожскій	11	4	5	2
Ровенскій	18	4	9	5
Староконстантинов.	12	5	5	2
	195	69	86	40

9. Воронежская.

Воронежскій	14	8	4	2
Бирюченскій	13	7	4	2
Бобровскій	19	8	7	4
Богучарскій	20	15	3	2
Валуйскій	13	7	4	2
Задонскій	8	5	2	1
Землянскій	14	8	4	2
Коротоякскій	11	9	1	1
Нижнедѣвицкій	11	9	1	1
Новохоперскій	13	8	4	1
Острогожскій	18	10	5	3
Павловскій	11	7	3	1
	165	101	42	22

10. Вятская.

Вятскій	13	8	1	4
Глазовскій	24	16	4	4
Елабужскій	15	9	2	4
Котельническій	19	16	1	2
Малмыжскій	18	15	1	2
Нолинскій	12	10	1	1
Орловскій	17	15	1	1
Сарапульскій	27	18	1	8
Слободскій	14	7	4	3
Уржумскій	18	15	1	2
Яранскій	23	19	1	3
	200	148	18	34

11. Гродненская.

Гродненскій	13	4	3	6
Брестскій	14	5	4	5
Бѣлостокскій	13	3	3	7
Бѣльскій	11	4	5	2
Волковыскій	10	5	4	1
Кобринскій	12	5	6	1
Пружанскій	9	5	3	1
Слонимскій	16	7	7	2
Соколкскій	7	5	1	1
	105	43	36	26

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: Отъ волостей.	Отъ станицъ.	Отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	Отъ съѣзда городск. избират.
12. Область войска Донского.					
Черкасскій округъ	17	1	6	9	9
Донецкій	35	1	16	10	8
Первый донской	20	1	11	6	2

Второй донской	18	1	14	1	2
Ростовскій	14	4	2	6	2
Сальскій	7	1	4	1	1
Таганрогскій	30	3	1	17	9
Усть-Медвѣдицкій	18	1	13	2	2
Хоперскій	18	1	12	3	2
	177	14	79	47	37

13. Екатеринославская.

Екатеринославскій	19	2	3	11
Александровскій	19	6	9	4
Бахмутскій	23	2	3	18
Верхнеднѣпровскій	14	2	4	8
Маріупольскій	17	11	2	4
Новомосковскій	17	5	7	5
Павлоградскій	17	5	9	3
Славяносербскій	12	1	1	10
	135	34	38	63

14. Казанская.

Казанскій	15	11	2	2
Козмодемьянскій	8	6	1	1
Лаишевскій	11	6	4	1
Мамадышскій	13	11	1	1
Свіяжскій	9	5	2	2
Спасскій	11	6	4	1
Тетюшскій	12	10	1	1
Царевококшайскій	9	7	1	1
Цивильскій	10	8	1	1
Чебоксарскій	10	6	1	3
Чистопольскій	20	13	4	3
Ядринскій	11	9	1	1
	139	98	23	18

15. Калужская.

Калужскій	8	2	2	4
Боровскій	3	1	1	1
Жиздринскій	16	6	5	5
Козельскій	8	4	3	1
Лихвинскій	6	3	2	1
Малоярославецк.	3	1	1	1
Медынскій	7	3	2	2
Мещовскій	6	2	2	2
Мосальскій	10	5	4	1
Перемышльскій	5	2	2	1
Тарусскій	4	1	1	2
	76	30	25	21

16. Кіевская.

Кіевскій	20	7	6	7
Бердичевскій	19	4	5	10
Васильковскій	21	8	4	9
Звенигородскій	19	8	6	5
Каневскій	18	7	6	5
Липовецкій	14	5	6	3
Радомысльскій	22	7	10	5
Сквирскій	17	6	7	4
Таращанскій	16	7	5	4
Уманскій	22	9	6	7
Чекасскій	21	6	7	8
Чигиринскій	16	6	6	4
	225	80	74	71

17. Ковенская.

Ковенскій	13	2	4	7
Вилькомирскій	13	7	5	1
Новоалександров.	12	7	4	1
Поневѣжскій	13	6	6	1
Россіенскій	14	6	6	2
Тельшевскій	11	5	4	2
Шавельскій	14	6	6	2
	90	35	36	16

18. Костромская.

Костромскій	12	4	3	5
Буйскій	5	2	2	1
Варнавинскій	8	3	4	1
Ветлужскій	8	2	5	1
Галичскій	7	3	3	1
Кинешемскій	9	1	2	6
Кологривскій	7	1	5	1
Макарьевскій	9	4	4	1
Нерехтскій	10	4	2	4
Солигаличскій	4	1	2	1
Чухломскій	4	1	2	1
Юрьевецкій	9	3	1	5
	92	29	35	28

19. Курляндская.

Добленскій	7	2	1	4
Баусскій	3	1	1	1
Виндавскій	4	1	1	2
Газенпотскій	4	1	2	1
Гольдингенскій	4	2	1	1
Гробинскій	8	1	1	6
Иллукстскій	4	1	2	1
Тальсенскій	4	1	2	1
Туккумскій	4	1	2	1
Фридрихштадтскій	4	2	1	1
	46	13	14	19

20. Курская.

Курскій	9	5	3	1
Бѣлгородскій	11	5	2	4
Грайворонскій	12	6	3	3
Дмитріевскій	8	3	4	1
Корочанскій	11	8	2	1
Льговскій	8	3	3	2
Новооскольскій	10	6	3	1
Обоянскій	12	9	2	1
Путивльскій	11	8	5	3
Рыльскій	11	8	3	5
Старооскольскій	10	5	3	2
Суджанскій	10	6	3	1
Тимскій	9	6	2	1
Фатежскій	8	5	2	1
Щигровскій	10	5	4	1
	150	78	44	28

21. Лифляндская.

Рижскій	6	1	3	2
Валкскій	7	2	3	2
Венденскій	7	3	3	1
Верроскій	6	2	3	1
Вольмарскій	8	3	4	1
Перновскій	6	2	2	2
Феллинскій	6	3	2	1
Эзельскій	4	2	1	1
Юрьевскій	11	3	4	4
	61	21	25	15

22. Минская.

Минской	17	4	6	7
Бобруйскій	16	4	9	3
Борисовскій	15	6	8	1
Игуменскій	15	3	10	2
Мозырскій	12	3	7	2
Новогрудскій	15	6	8	1
Пинскій	15	4	9	2
Рѣчицкій	14	6	7	1
Слуцкій	16	5	10	1
	135	14	74	20

23. Могилевская.

Могилевскій . . .	10	2	4	4
Быховскій . . .	9	4	4	1
Гомельскій . . .	14	5	4	3
Горецкій	8	4	3	1
Климовичскій . .	9	4	4	1
Мстиславскій . . .	6	2	3	1
Оршанскій . . .	11	4	6	1
Рогачевскій . . .	14	5	8	1
Сѣнинскій . . .	11	4	6	1
Чаусскій	7	3	3	1
Чериковскій . .	10	3	6	1
	109	40	53	63

24. Московская.

Московскій . . .	10	1	1	8
Богородскій . . .	14	1	1	12
Бронницкій . . .	9	2	1	6
Верейскій . . .	5	1	1	3
Волоколамскій . .	5	2	1	2
Дмитровскій . . .	8	1	1	6
Звенигородскій . .	6	2	1	3
Клинскій	7	1	1	5
Коломенскій . . .	8	1	1	6
Можайскій . . .	3	1	1	1
Подольскій . . .	6	1	1	4
Рузскій	3	1	1	1
Серпуховскій . . .	8	1	1	6
	92	16	13	63

25. Нижегородская.

Нижегородскій . .	8	4	2	2
Ардатовскій . . .	8	2	4	2
Арзамскій . . .	8	5	2	1
Балахнинскій . .	8	1	2	5
Васильсурскій . .	8	4	3	1
Горбатовскій . . .	8	3	3	2
Княгининскій . . .	6	3	2	1
Лукояновскій . . .	12	8	3	1
Макарьевскій . . .	7	3	3	1
Семеновскій . . .	7	4	2	1
Сергачскій . . .	10	5	4	1
	90	42	30	18

26. Новгородская.

Новгородскій . . .	12	4	5	3
Боровичскій . . .	10	3	6	1
Бѣлозерскій . . .	7	1	5	1
Валдайскій . . .	6	2	3	1
Демьянскій . . .	5	2	3	1
Кириловскій . . .	8	4	3	1
Крестецкій . . .	7	2	3	2
Старорусскій . . .	12	7	3	2
Тихвинскій . . .	8	1	6	1
Устюженскій . . .	7	1	5	1
Череповецкій . . .	10	4	4	2
	92	31	45	16

27. Олонецкая.

Петрозаводскій . .	11	5	1	1
Вытегорскій . . .	7	3	2	2
Каргопольскій . .	11	9	1	1
Лодейнопольск. . .	6	3	2	1
Олонецкій . . .	6	2	1	3
Повенецкій . . .	4	2	1	1
Пудожскій . . .	5	3	1	1
	50	27	9	14

28. Оренбургская.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: Отъ волостей.	Отъ станицъ.	Отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	Отъ съѣзда городск. избират.
Оренбургскій . .	36	9	7	13	7
Верхнеуральск. .	15	4	5	3	3
Орскій . . .	15	8	2	1	4
Троицкій . . .	12	1	6	1	4
Челябинскій .	27	14	7	1	5
	105	36	27	19	23

29. Орловская.

Орловскій	8	4	3	1
Болховскій	8	4	3	1
Брянскій	13	4	5	4
Дмитровскій . . .	7	3	3	1
Елецкій	17	8	5	4
Карачевскій . . .	8	4	3	1
Кромскій	7	4	2	1
Ливенскій . . .	18	11	6	1
Малоархангельск. .	12	7	4	1
Мценскій	6	2	3	1
Сѣвскій	10	5	4	1
Трубчевскій . . .	8	3	4	1
	112	59	45	18

30. Пензенская.

Пензенскій . . .	9	2	3	4
Городищенскій . .	10	4	4	2
Инсарскій . . .	11	7	3	1
Керенскій . . .	7	4	2	1
Краснослободскій . .	10	8	1	1
Мокшанскій . . .	7	2	4	1
Наровчатскій . . .	8	6	1	1
Нижеломовскій . .	9	5	3	1
Саранскій . . .	9	4	3	2
Чембарскій . . .	10	5	4	1
	90	47	28	15

31. Пермская.

Пермскій . . .	18	2	9	7
Верхотурскій . .	18	2	7	9
Екатеринбургск. . .	26	4	9	13
Ирбитскій . . .	10	7	1	2
Камышловскій . .	16	12	1	3
Красноуфимскій . .	17	6	8	3
Кунгурскій . . .	9	5	2	2
Осинскій	21	15	3	3
Оханскій . . .	17	9	6	2
Соликамскій . . .	15	3	8	4
Чердынскій . . .	7	3	3	1
Шадринскій . . .	22	18	1	3
	196	86	58	52

32. Подольская.

Каменецъ-Подольск .	17	5	6	6
Балтійскій. . . .	26	12	10	4
Брацлавскій . . .	16	7	6	3
Винницкій . . .	16	5	5	6
Гайсинскій . . .	16	8	6	2
Летичевскій . . .	12	6	5	1
Литинскій . . .	14	6	6	2
Могилевскій . . .	14	5	5	4
Ольгопольскій. . .	19	8	8	3

Проскуровскій	14	6	5	3
Ушицкій	14	6	6	2
Ямпольскій	17	8	8	1
	195	82	76	37

33. Полтавская.

Полтавскій	15	1	8	6
Гадячскій	9	2	5	2
Золотоношскій	15	2	11	2
Зеньковскій	10	1	8	1
Кобелякскій	14	2	11	1
Константиногр.	15	4	9	2
Кременчугскій	16	1	7	8
Лохвицкій	10	1	6	3
Лубенскій	9	1	5	3
Миргородскій	10	1	6	3
Переяславскій	12	1	7	4
Пирятинскій	11	2	6	3
Прилукскій	12	2	7	3
Роменскій	12	1	6	5
Хорольскій	11	1	7	3
	181	23	109	49

34. Псковская.

Псковскій	12	7	3	2
Великолуцкій	7	2	4	1
Новоржевскій	6	2	3	1
Опочецкій	7	3	3	1
Островскій	9	5	3	1
Порховскій	9	3	4	2
Торопецкій	6	1	4	1
Холмскій	5	1	3	1
	61	24	27	10

35. Рязанская.

Рязанскій	14	4	5	5
Данковскій	8	4	3	1
Егорьевскій	10	2	1	7
Зарайскій	8	3	2	3
Касимовскій	11	5	4	2
Михайловскій	10	6	3	1
Пронскій	7	3	2	2
Ранненбургскій	10	5	4	1
Ряжскій	9	4	4	1
Сапожковскій	11	5	5	1
Скопинскій	12	7	3	2
Спасскій	11	6	4	1
	121	54	40	27

36. Самарская.

Самарскій	17	9	4	4
Бугульминскій	20	7	3	10
Бугурусланскій	28	16	9	3
Бузулукскій	34	17	9	8
Николаевскій	33	17	10	6
Новоузенскій	29	17	8	4
Ставропольскій	19	11	5	3
	180	94	48	38

37. С.-Петербургская.

С.-Петербургскій	4	1	1	2
Гдовскій	8	3	4	1
Лужскій	7	2	4	1
Новоладожскій	5	2	2	1
Петергофскій	7	2	2	3
Царскосельскій	8	1	2	4
Шлиссельбургскій	4	2	1	2
Ямбургскій	4	1	2	1
	47	14	18	15

38. Саратовская.

Саратовскій	13	4	7	2
Аткарскій	19	7	9	3
Балашовскій	21	8	9	4
Вольскій	12	5	4	3
Камышинскій	21	14	2	5
Кузнецкій	11	5	3	3
Петровскій	15	7	6	2
Сердобскій	15	6	7	2
Хвалынскій	12	7	3	2
Царицынскій	11	1	1	9
	150	64	51	35

39. Симбирская.

Симбирскій	14	5	4	5
Алатырскій	10	5	2	3
Ардатовскій	12	7	4	1
Буинскій	12	9	2	1
Карсунскій	14	6	7	1
Курмышскій	10	6	3	1
Сенгилеевскій	9	4	3	2
Сызранскій	9	2	4	3
	90	44	29	17

40. Смоленская.

Смоленскій	9	2	2	5
Бѣльскій	10	2	7	1
Вяземскій	6	2	3	1
Гжатскій	5	2	2	1
Дорогобужскій	6	2	3	1
Духовщинскій	8	3	2	3
Ельнинскій	8	3	4	1
Краснинскій	6	3	2	1
Порѣчскій	8	3	4	1
Рославльскій	11	3	6	2
Сычевскій	6	3	2	1
Юхновскій	7	3	3	1
	90	31	40	19

41. Ставропольская.

Ставропольскій	9	4	2	3
Александровскій	9	7	1	1
Медвѣженскій	13	10	1	2
Благодаринскій	10	8	1	1
Прасковейскій	6	4	1	1
	47	33	6	8

42. Таврическая.

Симферопольскій	10	1	3	6
Бердянскій	21	16	2	3
Днѣпровскій	14	5	8	1
Евпаторійскій	5	1	2	2
Мелитопольскій	26	16	7	3
Перекопскій	5	1	3	1
Ялтинскій	6	1	2	1
Өеодосійскій	9	1	4	4
	96	42	31	22

43. Тамбовская.

Тамбовскій	28	13	10	5
Борисоглѣбскій	21	13	6	2
Елатомскій	9	4	4	1
Кирсановскій	18	8	9	1
Козловскій	23	13	7	3
Лебедянскій	10	6	2	2
Липецкій	11	5	2	4
Моршанскій	18	8	7	3
Спасскій	8	6	1	1

Темниковскій	9	3	4	2
Усманскій	14	9	4	1
Шацкій	11	4	6	1
	108	92	62	26

44. Тверская.

Тверской	11	2	1	8
Бѣжецкій	17	9	6	2
Весьегонскій	10	5	4	1
Вышневолоцкій	12	4	5	3
Зубцовскій	7	3	3	1
Калязинскій	8	4	2	2
Кашинскій	8	4	2	2
Корчевскій	8	3	3	2
Новоторжскій	10	4	3	3
Осташковскій	9	3	5	1
Ржевскій	10	3	3	4
Старицкій	10	5	4	1
	120	49	41	30

45. Тульская.

Тульскій	6	2	2	2
Алексинскій	4	2	1	1
Богородицкій	9	4	3	2
Бѣлевскій	4	2	1	1
Веневскій	6	3	2	1
Епифанскій	7	3	3	1
Ефремовскій	9	4	4	1
Каширскій	4	1	2	1
Крапивенскій	6	2	2	2
Новосильскій	10	5	4	1
Одоевскій	5	2	2	1
Чернскій	6	2	3	1
	76	32	29	15

46. Уфимская.

Уфимскій	25	8	11	6
Белебеевскій	29	19	7	3
Бирскій	33	25	6	2
Златоустовскій	12	5	2	5
Мензелинскій	29	20	5	4
Стерлитамакскій	22	11	5	6
	150	88	36	26

47. Харьковская.

Харьковскій	11	5	3	3
Ахтырскій	10	3	2	5
Богодуховскій	11	4	3	4
Валковскій	9	5	3	1
Волчанскій	11	4	4	3
Зміевскій	15	8	4	3
Изюмскій	19	5	7	7
Купянскій	16	9	5	2
Лебединскій	11	4	3	4
Старобѣльскій	23	15	5	3
Сумскій	14	2	4	8
	150	64	43	43

48. Херсонская.

Херсонскій	38	11	15	12
Александрійскій	27	12	11	4
Ананіевскій	17	4	11	2
Елисаветградскій	40	14	17	9
Одесскій	12	4	7	1
Тираспольскій	16	5	8	3
	150	50	69	31

49. Черниговская.

Черниговскій	10	4	3	3
Борзненскій	9	5	2	2
Глуховскій	9	3	3	3
Городнянскій	10	4	4	2
Козелецкій	9	4	3	2
Конотопскій	10	4	3	3
Кролевецкій	9	5	2	2
Мглинскій	9	2	6	1
Новгородъ-Сѣверскій	10	4	4	2
Новозыбковскій	11	4	3	4
Нѣжинскій	11	5	3	3
Остерскій	10	7	2	1
Сосницкій	11	4	4	3
Стародубскій	10	3	6	1
Суражскій	12	5	2	5
	150	63	50	37

50. Эстляндская.

Ревельскій	17	3	6	8
Везенбергскій	13	3	6	4
Вейсенштейнскій	6	2	3	1
Гапсальскій	9	2	6	1
	45	10	21	14

51. Ярославская.

Ярославскій	9	2	1	6
Даниловскій	4	1	1	2
Любимскій	4	1	2	1
Мологскій	7	2	4	1
Мышкинскій	5	2	2	1
Пошехонскій	6	2	3	1
Романово-Борисоглѣбскій	4	1	2	1
Ростовскій	9	3	2	4
Рыбинскій	6	1	1	4
Угличскій	6	2	2	2
	60	17	20	23

Подписалъ предсѣдательствующій въ государственномъ совѣтѣ *графъ Сольскій.*

Приложеніе къ ст. 12.

РОСПИСАНІЕ

количества земли, дающаго право на участіе въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

Наименован. губерн. и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
1. Архангельская.	
Архангельскій	500
Александровскій	600
Кемскій	500
Мезенскій	600
Онежскій	500
Печорскій	600
Пинежскій	600
Холмогорскій	450
Шенкурскій	450
2. Астраханская.	
Астраханскій	525
Енотаевскій	500
Красноярскій	725
Царевскій	375
Черноярскій	525

3. Бессарабская.

Кишиневскій	200
Аккерманскій	200
Бендерскій	300
Бѣлецкій	300
Измаильскій	300
Оргѣевскій	200
Сорокскій	175
Хотинскій	150

4. Виленская.

Виленскій	300
Вилейскій	300
Дисленскій	300
Лидскій	300
Ошмянскій	300
Свѣнцянскій	300
Трокскій	300

5. Витебская.

Витебскій	200
Велижскій	300
Городокскій	300
Двинскій	150
Дриссенскій	200
Лепельскій	200
Люцинскій	200
Невяльскій	200
Полоцкій	200
Рѣжицкій	150
Себежскій	300

6. Владимірская.

Владимірскій	250
Александровскій	250
Вязниковскій	225
Гороховецкій	225
Ковровскій	250
Меленковскій	250
Муромскій	225
Переяславльскій	225
Покровскій	225
Судогодскій	225
Суздальскій	200
Шуйскій	250
Юрьевскій	200

7. Вологодская.

Вологодскій	250
Вельскій	475
Грязовецкій	250
Кадниковскій	325
Никольскій	475
Сольвычегодскій	400
Тотемскій	425
Устьсысольскій	700
Устюжскій	475
Яренскій	800

8. Волынская.

Житомірскій	200
Владиміръ-Волынскій	250
Дубенскій	200
Заславскій	100
Ковельскій	300
Кременецкій	200
Луцкій	300
Новоградъ-Волынскій	250
Овручскій	500
Острожскій	200
Ровенскій	300
Староконстантиновскій	150

9. Воронежская.

Воронежскій	150
Бирюченскій	200
Бобровскій	150
Богучарскій	250
Валуйскій	200
Задонскій	150
Землянскій	125
Коротоякскій	200
Нижнедѣвицкій	150
Новохоперскій	250
Острогожскій	250
Павловскій	200

10. Вятская.

Вятскій	325
Глазовскій	400
Елабужскій	250
Котельническій	325
Малмыжскій	250
Нолинскій	225
Орловскій	350
Сарапульскій	250
Слободскій	475
Уржумскій	250
Яранскій	250

11. Гродненская.

Гродненскій	200
Брестскій	250
Бѣлостокскій	200
Бѣльскій	200
Волковыскій	250
Кобринскій	250
Пружанскій	250
Слонимскій	250
Соколкскій	200

12. Область Войска Донского.

Черкасскій округъ	200
Донецкій	200
Первый донской	200
Второй донской	200
Ростовскій	200
Сальскій	200
Таганрогскій	200
Усть-Медвѣдицкій	200
Хоперскій	200

13. Екатеринославская.

Екатеринославскій	150
Александровскій	150
Баммутскій	150
Вехнеднѣпровскій	150
Маріупольскій	150
Новомосковскій	150
Павлоградскій	150
Славяносербскій	150

14. Казанская.

Казанскій	200
Козьмодемьянскій	175
Лаишевскій	200
Мамадышскій	200
Свіяжскій	200
Спасскій	200
Тетюшскій	200

Царевококшайскій	175
Цивильскій	200
Чебоксарскій	175
Чистопольскій	200
Ядринскій	200
15. Калужская.	
Калужскій	200
Боровскій	200
Жиздринскій	250
Козельскій	200
Лихвинскій	200
Малоярославецкій	200
Медынскій	250
Мещовскій	200
Мосальскій	225
Перемышльскій	300
Тарусскій	200
16. Кіевская.	
Кіевскій	200
Бердичевскій	125
Васильковскій	150
Звенигородскій	100
Каневскій	100
Липовецкій	150
Радомысльскій	300
Сквирскій	125
Таращанскій	150
Уманскій	125
Черкасскій	125
Чигиринскій	125
17. Ковенская.	
Ковенскій	200
Вилькомирскій	200
Новоалександровскій	200
Поневѣжскій	200
Россіенскій	200
Тельшевскій	200
Шавельскій	200
18. Костромская.	
Костромской	250
Буйскій	350
Варнавинскій	350
Ветлужскій	350
Галичскій	350
Кинешемскій	250
Кологривскій	350
Макарьевскіе	325
Солигалическій	225
Нерехтскій	350
Чухломскій	325
Юрьевецкій	250
19. Курляндская.	
Добленскій	125
Баусскій	170
Виндавскій	270
Газенпотскій	200
Гольдингенскій	200
Гробинскій	175
Иллуктсткій	175
Тальсенскій	200
Туккумскій	180
Фридрихштадтскій	200
20. Курская.	
Курскій	150
Бѣлгородскій	175

Грайворонскій	175
Дмитріевскій	200
Корочанскій	150
Льговскій	175
Новооскольскій	150
Обоянскій	150
Путивльскій	175
Рыльскій	175
Старооскольскій	150
Суджанскій	150
Тимскій	150
Фатежскій	150
Щигровскій	125
21. Лифляндская.	
Рижскій	200
Валкскій	300
Венденскій	300
Верроскій	300
Вольмарскій	200
Перновскій	300
Юрьевскій	200
Эзельскій	300
Феллинскій	200
22. Минская.	
Минскій	300
Бобруйскій	400
Борисовскій	400
Игуменскій	400
Мозырскій	600
Новогрудскій	300
Пинскій	400
Рѣчицкій	400
Слуцкій	300
23. Могилевская.	
Могилевскій	250
Быховскій	250
Гомельскій	250
Горецкій	250
Климовическій	250
Мстиславскій	250
Оршанскій	250
Рогачевскій	250
Сѣннинскій	250
Чаусскій	250
Чериковскій	250
24. Московская.	
Московскій	200
Богородскій	175
Бронницкій	200
Верейскій	200
Волоколамскій	200
Дмитровскій	200
Звенигородскій	200
Клинскій	200
Коломенскій	200
Можайскій	200
Подольскій	200
Рузскій	200
Серпуховскій	200
25. Нижегородская.	
Нижегородскій	250
Ардатовскій	250
Арзамасскій	250
Балахнинскій	225

Васильсурскій.	Часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Волги	225
	Остальная часть уѣзда	325
Горбатовскій		250
Княгининскій		250
Лукояновскій		200
Макарьевскій.	Часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Волги	250
	Остальная часть уѣзда	350
Семеновскій		300
Сергачскій		200

26. Новгородская.

Новгородскій	300
Боровичскій	300
Бѣлозерскій	400
Валдайскій	300
Демьянскій	300
Кирилловскій	300
Крестецкій	300
Старорусскій	300
Тихвинскій	300
Устюженскій	300
Череповецкій	300

27. Олонецкая.

Петрозаводскій	475
Вытегорскій	425
Каргопольскій	400
Лодейнопольскій	400
Олонецкій	350
Повенецкій	400
Пудожскій	475

28. Оренбургская.

Оренбургскій	475
Верхнеуральскій	350
Орскій	475
Троицкій	350
Челябинскій	350

29. Орловская.

Орловскій	150
Болховскій	200
Брянскій	250
Дмитровскій	250
Елецкій	125
Карачевскій	225
Кромскій	175
Ливенскій	125
Малоархангельскій	125
Мценскій	175
Сѣвскій	225
Трубчевскій	250

30. Пензенская.

Пензенскій	175
Городищенскій	250
Инсарскій	175
Керенскій	175
Краснослободскій	200
Мокшанскій	175
Наровчатскій	175
Нижнеломовскій	185
Саранскій	175
Чембарскій	175

31. Пермская.

Пермскій	300
Верхотурскій	475
Екатеринбургскій	300
Ирбитскій	350
Камышловскій	350
Красноуфимскій	350
Кунгурскій	300
Осинскій	350
Оханскій	350
Соликамскій	475
Чердынскій	350
Шадринскій	350

32. Подольская.

Каменецъ-Подольскій	150
Балтскій	150
Брацлавскій	150
Винницкій	150
Гайсинскій	150
Летичевскій	150
Литинскій	150
Могилевскій	150
Ольгопольскій	150
Проскуровскій	150
Ушицкій	150
Ямпольскій	150

33. Полтавская.

Полтавскій	150
Гадячскій	150
Золотоношскій	150
Зеньковскій	150
Кобелякскій	150
Константиноградскій	200
Кременчугскій	150
Лохвицкій	150
Лубенскій	150
Миргородскій	150
Переяславскій	200
Пирятинскій	150
Прилукскій	150
Роменскій	150
Хорольскій	150

34. Псковская.

Псковскій	225
Великолуцкій	225
Новоржевскій	300
Опочецкій	300
Островскій	300
Порховскій	275
Торопецкій	300
Холмскій	300

35. Рязанская.

Рязанскій.	Часть уѣзда по правой сторонѣ р. Оки	125
	Остальная часть уѣзда	175
Данковскій		150
Егорьевскій		200
Зарайскій		200
Касимовскій		200
Михайловскій		150
Пронскій		175
Раненбургскій		150
Ряжскій		175
Сапожковскій		175
Скопинскій		150
Спасскій.	Часть уѣзда, расположенная между р. Окою и Парою	175
	Остальная часть уѣзда	200

36. Самарская.

Самарскій	300
Бугульминскій	350
Бугурусланскій	350
Бузулукскій	350
Николаевскій	475
Новоузенскій	550
Ставропольскій	250

37. С.-Петербургская.

Петербургскій.	Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
	Остальная часть уѣзда	225
Гдовскій		275
Лужскій		275
Новоладожскій		275
Петергофскій.	Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
	Остальная часть уѣзда	225
Царскосельскій.	Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
	Остальная часть уѣзда	225
Шлиссельбургскій.	Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
	Остальная часть уѣзда	200
Ямбургскій		200

38. Саратовская.

Саратовскій	200
Аткарскій	250
Балашовскій	200
Вольскій	250
Камышинскій	250
Кузнецкій	250
Петровскій	200
Сердобскій	175
Хвалынскій	250
Царицынскій	400

39. Симбирская.

Симбирскій	250
Алатырскій	200
Ардатовскій	200
Буинскій	250
Карсунскій	250
Курмышскій	200
Сенгилеевскій	250
Сызранскій	250

40. Смоленская.

Смоленскій	225
Бѣльскій	225
Вяземскій	250
Гжатскій	250
Дорогобужскій	250
Духовщинскій	250
Ельнинскій	250
Краснинскій	250
Порѣчскій	225
Рославльскій	225
Сычевскій	250
Юхновскій	225

41. Ставропольская.

Ставропольскій	320
Александровскій	510
Благодаринскій	650
Медвѣженскій	340
Прасковейскій	650

42. Таврическая.

Симферопольскій.	Горныя части уѣзда до черты, опредѣл. Выс. утв. 5-го мая 1835 г. пол. ком. минист. (п. с. з. № 8114).	175
	Остальная часть уѣзда	425
Бердянскій		200
Днѣпровскій		425
Евпаторійскій		250
Мелитопольскій		300
Перекопскій		250
Ялтинскій.	Южная часть уѣзда, расположенная между моремъ и шоссейн. дорог. отъ Алушты до Байдарск. воротъ.	25
	Остальная часть уѣзда	100
Θеодосійскій.	Горныя части уѣзда до черты, опредѣлен. Выс. утв. 5-го мая 1835 г. пол. ком. министр. (п. с. з. № 8114)	200
	Остальная часть уѣзда	475

43. Тамбовская.

Тамбовскій	150
Борисоглѣбскій	150
Елатомскій	175
Кирсановскій	150
Козловскій	125
Лебодянскій	150
Липецкій	150
Моршанскій	175
Спасскій	200
Темниковскій	200
Усманскій	125
Шацкій	200

44. Тверская.

Тверской	225
Бѣжецкій	225
Весьегонскій	225
Вышневолоцкій	225
Зубцовскій	250
Калязинскій	225
Кашинскій	200
Корчевскій	225
Новоторжскій	225
Осташковскій	225
Ржевскій	250
Старицкій	250

45. Тульская.

Тульскій	200
Алексинскій	200
Богородицкій	150
Бѣлевскій	200
Веневскій	175
Епифанскій	150
Ефремовскій	125
Каширскій	200
Крапивенскій	150
Новосильскій	125
Одоевскій	175
Чернскій	150

46. Уфимская.

Уфимскій	250
Белебеевскій	350
Бирскій	350
Златоустовскій	350
Мензелинскій	250
Стерлитамакскій	350

47. Харьковская.

Харьковскій	150
Ахтырскій	150
Богодуховскій	150
Валковскій	150
Волчанскій	200
Зміевскій	250
Изюмскій	250
Купянскій	250
Лебединскій	125
Старобѣльскій	250
Сумскій	125

48. Херсонская.

Херсонскій	Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ город. Херсона и Николаева	200
	Остальная часть уѣзда	350
Александрійскій		200
Ананьевскій		250
Елисаветградскій		200
Одесскій	Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 вер. отъ г. Одессы	200
	Остальная часть уѣзда	250
Тираспольскій		250

49. Черниговская.

Черниговскій	200
Березинскій	150
Глуховскій	200
Городнянскій	200
Козелецкій	200
Конотопскій	150
Кролевецкій	200
Мглинскій	250
Новгородсѣвер.	250
Новозыбковскій	250
Нѣжинскій	150
Остерскій	225
Сосницкій	250
Стародубскій	200
Суражскій	225

50. Эстляндская.

Ревельскій	250
Везенбергскій	250
Вейсенштейнскій	200
Гапсальскій	300

51. Ярославская.

Ярославскій	250
Даниловскій	225
Любимскій	250
Мологскій	225
Мышкинскій	200
Пошехонскій	350
Романово-Борисоглѣбскій	225
Ростовскій	225
Рыбинскій	225
Угличскій	225

Подписалъ: предсѣдательствующій въ государственномъ совѣтѣ *графъ Сольскій.*

1 десетина = около 5 декара.
Имущ. цензъ отъ 625 дк. до 3625 декара земя.

Современная жизнь заграницей.

I. Дипломатія и смерть.—„Общая идея".—Глупыя и кровожадныя обезьяны.—„Нѣмецкое озеро".—Греза Цезаря.—Фельдмаршалъ Робертсъ и революціонный проектъ всенародной милиціи.—II. Проясняющіеся мозги обезьянъ.—Братство рабочихъ.—Шествіе демократіи.—Черногорскій князь „предвидитъ"...—Ситецъ и демократія.—Воля Исторіи.—III. Историческая необходимость.—Американскій имперіализмъ.—Лесть демосу.—Незаконное сожительство.—Ломанная линія исторіи—„Братство" газеты „Sun".—„Политика" будущаго.—IV. Властители исторической сцены—Жизненный нервъ демократіи.—Демократія и націонализмъ въ Венгріи.—Борьба за всеобщее избирательное право.—Красивая страница Исторіи.—„Придемъ всѣ къ урнамъ"!—Счастливые народы.—Торжествующая демократія.

I.

Въ далекомъ Портсмутѣ идутъ переговоры о мирѣ. И въ то же время милліонъ человѣкъ стоятъ подъ ружьемъ, изрѣдка происходятъ „стычки", „рекогносцировки" и пр., и пр. и въ результатѣ— нѣсколько сотъ убитыхъ... Конечно, это странная и, быть можетъ, на взглядъ нѣкоторыхъ непонятная сантиментальность,—но эта смерть наканунѣ мира кажется намъ до ужаса жестокой своей безпощадной нелѣпостью, своимъ трагическимъ безуміемъ, фатальной ложью предразсудковъ и измышленныхъ идолищъ, которымъ люди въ слѣпотѣ своей приносятъ человѣческія жертвы... Да, здѣсь середины нѣтъ. Это или до умопомраченія страшно,—или-же въ высокой степени забавно. Въ далекомъ Портсмутѣ С. Ю. Витте и Комура упорно торгуются, то и дѣло отдаютъ приказаніе въ гостинницѣ приготовить счетъ, такъ-какъ они уѣзжаютъ и... остаются, чтобы продолжать торгъ. А на Далекомъ Востокѣ люди просто умираютъ,— не торгуясь, идутъ на смерть, не задумываясь о томъ, нужна-ли эта смерть измученной и истекающей кровью родинѣ.

Почему мы объ этомъ заговорили? Въ нашихъ обозрѣніяхъ мы, по многимъ причинамъ, ни разу не коснулись текущей войны. И теперь, прислушиваясь съ замираніемъ сердца къ торгу, происходящему въ Портсмутѣ, мы не думаемъ говорить о ней. Упомянули-же мы объ этомъ только потому, что хотимъ подчеркнуть „общую идею", правящую міромъ. Эта „общая идея"—дивно проста и ставитъ человѣчество на одинъ уровень съ обезьянами. Зоологическіе инстинкты матеріальныхъ интересовъ, защищаемыхъ привилегированными классами, въ соединеніи съ полнѣйшимъ неразуміемъ народныхъ массъ—вотъ тѣ „общія идеи" которыя правятъ міромъ. „Люди гибнутъ за металлъ"—смѣется Мефистофель—и надо прибавить: глупо, неразсчетливо гибнутъ.

Иногда начинаетъ казаться, что эти жалкія обезьяны такъ и не сумѣютъ оторваться отъ того узла зоологическихъ инстинктовъ, въ который онѣ вплетены, такъ и будутъ вѣчно бороться и падать безъ конца, пока погибнетъ ихъ родъ,—и солнце ясной мысли никогда не взойдетъ надъ ихъ головой. Кровожадныя и глупыя обезьяны пользуются всякимъ поводомъ, чтобы потрясать оружіемъ и издавать рѣзкіе, воинственные крики. Германскій цезарь хочетъ воспользоваться „затруднительными" обстоятельствами дорогого сосѣда и куетъ желѣзо всюду, гдѣ только возможно. Онъ изолируетъ Францію и предписываетъ свою волю въ Марокскомъ вопросѣ, а теперь хочетъ сдѣлать любопытный опытъ: объявить

Балтійское море закрытымъ. Это обезьяны когда-то дѣлали въ Венеціи—съ Адріатическимъ моремъ, въ Испаніи—съ Мексиканскимъ заливомъ и Тихимъ океаномъ, въ Даніи—съ тѣмъ же Балтійскимъ моремъ: въ одинъ прекрасный день объявляли эти морскія пространства своею собственностью. Но то, что обезьяны дѣлали въ XVI вѣкѣ, казалось въ XX вѣкѣ невозможнымъ. Въ извѣстныхъ предѣлахъ оно такъ и есть, такъ какъ, хотя и призрачное, но существуетъ все-же международное право, признающее моря, соединенныя съ океанами, свободными для международной торговли въ виду общности и солидарности интересовъ всѣхъ народовъ.

Эта попытка интересна для Германіи въ виду ея глухого соперничества съ Англіей изъ-за морского могущества. Какъ извѣстно, мечта о морскомъ могуществѣ—это маленькая слабость великаго Цезаря, и онъ пробуетъ, „пока горячо“, сковать территоріальность Балтійскаго моря. Эта попытка встрѣтитъ, разумѣется, энергичный отпоръ со стороны Англіи и надо думать, что и Швеція не останется этому равнодушна. И въ самомъ дѣлѣ, поднятый берлинскою оффиціальною печатью вопросъ о признаніи территоріальности Балтійскаго моря вызвалъ въ англійскихъ газетахъ статьи, очень рѣзко осуждающія эту идею. „Мысль о закрытіи такого моря, какъ Балтійское,—говоритъ Manchester Cuardian,—можетъ основываться лишь на устарѣлой исторіи морского права, которая стремилась закрѣпить территоріальное значеніе морей путемъ исключенія иностранной каботажной торговли. „Проектъ закрытія Балтійскаго моря, продолжаетъ газета, долженъ встрѣтить со стороны Великобританіи самый рѣшительный отпоръ, если только вообще стоитъ обращать на него какое-нибудь вниманіе. Осуществленіе этого проекта было бы равносильно уничтоженію нашего морского преобладанія на морѣ, сравнительно съ Россіею и Германіей“.

Газета несомнѣнно права въ своемъ предположеніи. Стоитъ выслушать проектъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ обезьянъ, аграріевъ-націоналистовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Возмущенные тѣмъ, что британская эскадра хочетъ посѣтить Балтійское море, они совѣтуютъ германскому правительству закупорить обратный выходъ черезъ проливы для датинской англійской эскадры и въ то же время организовать противъ Англіи европейскую коалицію, причемъ французская атлантическая эскадра вмѣстѣ съ нѣмецкимъ флотомъ должна отправиться къ англійскимъ берегамъ, а французская средиземная и итальянскій флотъ—къ берегамъ Мальты. Тогда окончательно будетъ сокрушена британская мечта о всемірномъ морскомъ могуществѣ, и Балтійское море обратится въ „Нѣмецкое озеро“. Эти проекты любопытны, какъ показатель степени кровожадности этихъ обезьянъ. Они, конечно, слишкомъ далеки отъ исполненія,—хотя-бы потому, что для этого требуется слишкомъ много единодушія среди обезьянъ различныхъ національностей, и можно думать, что они перегрызутся раньше, чѣмъ доберутся до Ламанша. Съ другой стороны,—Исторія знаетъ, что для кровожадной авантюры среди обезьянъ всегда находится достаточно единодушія, и она можетъ насчитать много преступныхъ „аліансовъ“.

Весь этотъ шумъ останется „дивной“ грезой Цезаря на его яхтѣ во время солнечнаго заката и—лаемъ оффиціозныхъ шавокъ въ газетныхъ подворотняхъ. Но невозможное сегодня становится возможнымъ завтра, ибо пока—кровожадность однихъ обезьянъ споритъ съ безграничной глупостью другихъ—до тѣхъ поръ все возможно. Насколько серьезно считаются съ этимъ,—мы можемъ видѣть изъ того интереснаго факта, что государственные люди Англіи предвидятъ столкновеніе съ Германіей въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, отмѣчаютъ передвиженіе войскъ Германіи къ англійскимъ водамъ, сооруженіе военной гавани въ Рокитѣ—и серьезно обсуждаютъ, готовитъ ли Германія высадку десанта на англійскій берегъ, или нѣтъ.

Еще недавно этой мысли не допускали, но въ послѣднее время въ военныхъ кругахъ начинаютъ все болѣе говорить о возможности высадки германскихъ войскъ на англійскомъ берегу. Англійскій фельдмаршалъ Робертсъ считаетъ это возможнымъ и недавно произнесъ по этому поводу горячую рѣчь на собраніи лондонской торговой палаты во дворцѣ лордъ-мэра. Онъ говоритъ, что это вопросъ очень серьезный и что нація должна принять мѣры для за-

щиты, такъ какъ ея наемныя войска стоятъ очень низко въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Что особенно интересно и характерно для Англіи,—такъ это то, въ чемъ фельдмаршалъ страны видитъ спасеніе и радикальное средство. Онъ прямо признаетъ, что всеобщая воинская повинность и весь милитаристскій строй континентальной Европы слишкомъ чуждъ и ненавистенъ свободному духу англійскаго народа, а поэтому онъ настойчиво требуетъ введенія всеобщаго обученія военной гимнастикѣ, военнымъ пріемамъ и стрѣльбѣ и *всенародной гражданской милиціи по образцу швейцарской.*

Онъ находитъ, что для обороны страны эта система—наилучшая, такъ какъ она не только обезпечиваетъ абсолютную безопасность страны, но и дѣлаетъ невозможной даже попытку высадиться. Далѣе онъ указываетъ, что система гражданской милиціи не даетъ развивать милитаризму и, слѣдовательно, это наилучшая система для демократіи, ненавидящей войну. „Я слишкомъ хорошо знаю,—говоритъ онъ,—что такое война, сколько горя и страданій она съ собою приноситъ, чтобы рекомендовать странѣ такія мѣры, которыя могутъ поощрять ее къ войнѣ. Напротивъ, то, что я предлагаю, спасетъ страну отъ войны“.

II.

Эта рѣчь англійскаго фельдмаршала кажется намъ полной глубочайшаго интереса, какъ нѣкоторое подтвержденіе мести друзей человѣчества, что мозги обезьянъ начинаютъ проясняться, и они быть можетъ, превратятся въ людей, а тогда— кровожадность другихъ значительно поубавится. Вѣдь дѣло ясно. Не великодушіе подсказываетъ фельдмаршалу такія рѣчи, такъ какъ мы помнимъ проволочныя загражденія, концентраціонные лагери и многое другое во время англо-бурской войны, которую велъ Робертсъ. Мы помнимъ также кампанію, которую велъ еще недавно онъ же со своими единомышленниками за введеніе всеобщей воинской повинности. Но когда выяснилось, что народъ не допуститъ милитаризма, когда оказалось, что демократія Англіи обладаетъ ясной и здоровой мыслью, то благородный лордъ началъ настоятельно совѣтовать гражданскую милицію.

Да, есть надежда, что,—хотя медленно и далко не повсемѣстно,—солнце мысли все-же восходитъ надъ головою людей. И, какъ мы указывали уже не разъ, — свѣтъ исходитъ изъ организаціи рабочихъ массъ, и только эта организація превращаетъ толпу обезьянъ, служащую мясомъ для пушекъ, въ армію сознательныхъ людей. Надняхъ состоялось засѣданіе комитета различныхъ фракцій англійскихъ рабочихъ и они объявили резолюцію: они протестуютъ противъ „все растущей вражды между господствующими классами Англіи и Германіи“ и объявляютъ, 1) рабочій классъ не питаетъ никакой вражды къ нѣмецкому народу; 2) что рабочій классъ употребитъ всяческія усилія, чтобы заставить капиталистовъ не давать воли своему враждебному чувству; 3) что рабочій классъ постарается заставить правительство уладить спорные вопросы съ Германіей мирнымъ путемъ и 4) что англійскій рабочій классъ приглашаетъ своихъ нѣмецкихъ товарищей къ такой же борьбѣ съ шовинизмомъ и предлагаетъ агитировать за совмѣстное сотрудничество обоихъ народовъ на общую пользу.

Мы указывали недавно на такія же резолюціи нѣмецкихъ, французскихъ, австрійскихъ и итальянскихъ рабочихъ. Солнце разума еще далеко, и не разъ еще кровожадныя обезьяны будутъ натравливать безмозглыхъ обезьянъ другъ на друга. Мечи еще не скоро будутъ перекованы „въ орала“, какъ пророчествуетъ Исаія, ибо слишкомъ много мрака въ народныхъ глубинахъ, слишкомъ тщательно поддерживается этотъ мракъ, и слишкомъ многіе заинтересованы въ этомъ мракѣ, но... тамъ, за горами солнце уже появилось, такъ какъ благородный лордъ Робертсъ рекомендуетъ гражданскую милицію, черногорскій князь вводитъ конституцію въ своей странѣ. Китайская императрица предполагаетъ дать таковую колоссальному Китаю, а въ варварской Турціи ведутъ борьбу на жизнь и смерть младотурки.

Это все явленія одного порядка: идетъ демократія и шагъ за шагомъ, проясняя головы обезьянъ, превращаетъ ихъ въ людей, а люди сумѣютъ оградить себя отъ кровожадности обезьянъ. Идетъ демократія, которой принадлежитъ будущее и счастливы правители, которые своевременно выходятъ

ей навстрѣчу. „Indép. Belge“ говоритъ, что черногорскій князь предвидѣлъ, что при заразительности демократическихъ идей невозможно воспрепятствовать тому, чтобы въ одинъ прекрасный день черногорцы не узнали тѣхъ стремленій, которыя бросаютъ столько народовъ старой Европы въ открытое возмущеніе, и онъ предупредилъ опасность, избавляя этимъ страну отъ опаснаго кризиса, а самого себя отъ униженія быть *принужденнымъ* признать народныя требованія, которыя тогда уменьшили бы его престижъ и его достоинство.

Но шествіе демократіи замѣтно не только въ просыпающейся Черногоріи. Кровожадныя обезьяны, ища рынковъ, забрались въ чужой домъ—въ Китай, навязывая ему ситецъ, граммофоны, крупповскія пушки и... вопреки своему желанію, демократическія идеи тоже попутно. Они подняли такой страшный трескъ изъ своихъ пушекъ, что этотъ колоссъ начинаетъ просыпаться, и въ телеграммѣ изъ Пекина отъ 16-го августа мы читаемъ, что Китайская комиссія уѣзжаетъ въ кругосвѣтное путешествіе. Главная цѣль комиссіи заключается въ изученіи парламентскихъ режимовъ. Вдовствующая императрица намѣрена въ день Новаго года выпустить декретъ объ учрежденіи черезъ 12 лѣтъ парламента въ Китаѣ.

Волею жизни и историческихъ путей, безмозглыя обезьяны должны учиться и прояснять свои головы, дабы привести въ соотвѣтствіе требованія историческаго момента со своими наличными силами. И это должно укрѣплять надежду, что въ борьбѣ за проясненіе головъ однихъ обезьянъ противъ кровожадности другихъ — побѣдятъ стремящіеся къ свѣту. Въ доминѣ еще темно, но солнце разума золотитъ вершины горъ.

Не надо быть фаталистомъ для того, чтобы признавать существованіе исторической необходимости. Эта необходимость ведетъ къ намѣченной цѣли человѣчество, вопреки грезамъ германскихъ цезарей и независимо отъ политической мудрости британскихъ фельдмаршаловъ, или кого-либо другого. Историческая Необходимость все болѣе распутываетъ узелъ зоологическихъ инстинктовъ и все болѣе освобождаетъ изъ него человѣчество. Этотъ процессъ ясенъ и несомнѣненъ для всякаго наблюдателя, и мы можемъ прослѣдить его во всевозможныхъ явленіяхъ современной жизни.

Вотъ передъ нами явленіе „реакціоннаго“ характера — одна изъ волнъ порока империализма. Изъ Вашингтона сообщаютъ въ Нью-Іоркскія газеты, что военное министерство намѣрено предложить конгрессу увеличить армію Соединенныхъ Штатовъ до 250.000 человѣкъ. Предполагается образованіе двухъ новыхъ армій — „регулярнаго запаса“ и „національнаго резерва“. Солдаты этой арміи будутъ получать опредѣленное небольшое мѣсячное вознагражденіе, оставаясь въ то же время при своихъ обычныхъ занятіяхъ. Мы не хотимъ подвергать анализу этотъ военный проектъ,—тѣмъ болѣе, что онъ еще очень далекъ отъ своего осуществленія, — мы указываемъ на это только, какъ на любопытное явленіе, характерное для имперіалистскихъ тенденцій современности. Имперіализмъ-же, какъ мы не разъ указывали, это—вульгарный и грубо-жестокій демократизмъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что имперіализмъ — это грубая лесть мѣщанства демосу и потворство его грубымъ инстинктамъ. Сознательная демократія слишкомъ далека отъ имперіализма, но демократія улицы горячо отзывается на мечты о „міровой политикѣ“ и легко попадаетъ въ тенета буржуазіи, играющей словами „національность“, „патріотизмъ“, „міровое могущество“, „культурная миссія“ и пр. и пр.

Тонкіе имперіалисты и между ними такіе консерваторы, какъ лордъ Биконсфильдъ, хорошо понимали родство этого теченія съ демократизмомъ глупцевъ, и мы присутствуемъ при незаконномъ сожительствѣ „демократіи“ съ аристократіей, какъ оно проявлялось въ политической программѣ Д'Израэли и Рандольфа Черчиля и при заигрываніи буржуазіи съ „самодержавнымъ“ народомъ, какое мы наблюдаемъ хотя бы въ тѣхъ же Соединенныхъ Штатахъ. И сколько бы ни было нелѣпаго, жестокаго, а иногда и кровожаднаго въ этихъ имперіалистскихъ вожделѣніяхъ,—возможно, что и это—одна изъ тѣхъ ломанныхъ линій, которыми движется человѣчество къ далекой цѣли—превращенію всѣхъ обезьянъ въ *людей*.

Возможно, что завоевательная кровожадность имперіалистовъ ведетъ въ конечномъ результатѣ къ тому же братству народовъ,—

возможно, что столкновеніе колоніальныхъ интересовъ, завоеваніе далекихъ рынковъ и насажденіе цивилизаціи въ Азіи и Африкѣ приведетъ къ знакомству всего человѣчества между собою, хотя бы и насильно заключенному. Идея международнаго братства все болѣе охватываетъ міръ, становится все ближе человѣчеству, благодаря идущей демократіи.

Еще на дняхъ Нью-Іоркская газета „Sun“ возбудила вопросъ объ образованіи народнаго союза между Великобританіей, Франціей и Соединенными Штатами съ цѣлью осуществить идею всеобщаго мира и разоруженія. Этотъ первоначально тройственный союзъ объединитъ большую часть культуры и капитала всего міра, и къ нему постепенно должны будутъ присоединиться другія націи. У союза будетъ общій парламентъ, который будетъ вырабатывать нормы международнаго общенія. Такъ пишетъ Нью-Іоркская газета и хотя международное единеніе развивается не путемъ единичныхъ усилій, какъ бы ни были многочисленны участвующія въ нихъ единицы, а увеличеніемъ международной солидарности,—несомнѣнно все же, что въ этой газетной утопіи намѣчается дѣйствительный путь, которымъ должна пойти эволюція международныхъ отношеній.

Мы говорили уже и въ прошломъ обозрѣніи и упоминали выше, что международная солидарность, братство народовъ и истинное единеніе мы встрѣчаемъ только между рабочимъ классомъ различныхъ странъ. И мы видимъ, что соціалъ-демократія, едва выходитъ на историческую арену, сразу же заявляетъ, что „пролетаріи всѣхъ странъ“—братья между собою, а въ послѣднее время, какъ мы отмѣчали, наблюдается стремленіе громко заявить объ этомъ, вмѣшаться въ таинственныя манипуляціи дипломатовъ и властно сказать: „довольно,—мы не хотимъ больше быть объектомъ дипломатической игры,—мы не хотимъ больше быть мясомъ для пушекъ“.

Это дѣлаетъ наиболѣе сознательная часть демократіи; такова будетъ „политика“ будущаго,—быть можетъ недалекаго будущаго, о которомъ Жоресъ говоритъ, что задачей его будетъ „противопоставленіе мирной, открытой, лойяльной дипломатіи международнаго пролетаріата неблагоразумной, жадной и коварной дипломатіи правительствъ капиталистовъ или феодаловъ“.

IV.

Это международное единеніе, о которомъ говоритъ лучшая часть демократіи, еще очень далеко, и всей сценой исторіи владѣютъ пока другія силы. Эти силы бредятъ кровавыми призраками войны и то и дѣло поднимаютъ воинственный шумъ. Австрійское правительство въ послѣднее время проявляетъ энергичную дѣятельность въ сосѣднихъ съ Италіей областяхъ. Въ Далмаціи—маневры, всѣ крѣпости Босніи и Герцеговины подвергаются тщательному осмотру, заводы Тріеста приступили къ постройкѣ контръ-миноносцевъ. Всѣ эти вѣсти не могутъ дѣйствовать особенно успокоительно на добраго сосѣда—Италію и, несмотря на недавнее заявленіе конгресса итальянскихъ и австрійскихъ рабочихъ,—политика правительствъ продолжаетъ идти въ томъ же направленіи.

Оно и понятно: сила и вліяніе рабочихъ массъ прямо пропорціональны ихъ участію въ политической жизни страны. Достаточно вспомнить хотя-бы австрійскую и венгерскую конституцію, чтобы понять, что вліяніе народа на политическую жизнь страны слишкомъ ничтожно. Демократія властно идетъ впередъ, но ея первое требованіе,—вопросъ первой, жизненной необходимости для всего будущаго демократіи во всѣхъ странахъ,—это всеобщее избирательное право для каждаго совершеннолѣтняго гражданина. И мы видимъ, напримѣръ, что въ Венгріи этотъ жизненный вопросъ начинаетъ выдвигаться на первый планъ и оттѣсняетъ чисто-національные вопросы, изъ-за которыхъ велась борьба последнее время.

Мы видимъ что это ведетъ къ расколу оппозиціи, такъ какъ она раздѣляется на либераловъ-конституціоналистовъ и демократовъ. Первые ставятъ на главное мѣсто вопросы о командѣ въ арміи на венгерскомъ языкѣ и другіе національные вопросы. Демократы-же придаютъ главное значеніе вопросу о соціальныхъ и политическихъ реформахъ и въ особенности вопросу о введеніи въ Венгріи всеобщаго избирательнаго права. Соціалистическая и демократическая группа обусловила даже свое участіе въ объединенной оппозиціи обязательствомъ вклю-

чить [illegible] программу реформы избирательнаго [illegible]. Этимъ расколомъ намѣрена воспользоваться корона.

Дѣло въ томъ, что изъ двухъ вопросовъ — о полной національзаціи войска и о демократизаціи избирательной системы — корона склонна къ болѣе существеннымъ уступкамъ во второмъ. Дѣло зашло такъ далеко, что корона можетъ ждать разрыва австро-венгерской уніи и, слѣдовательно, коронѣ выгоднѣе ввести какую угодно демократизацію въ конституціонную систему, лишь бы сохранить свои прерогативы. Это, конечно, еще болѣе увеличиваетъ разстояніе между крайними демократическими группами и венгерскими либералами. И можно предсказать, что какъ бы ни разрѣшился вопросъ о языкѣ команды въ венгерскомъ войскѣ, — въ группировкѣ парламентскихъ партій должны произойти измѣненія, въ основу которыхъ лягутъ общественно-классовыя различія.

Наиболѣе сознательная демократія понимаетъ, что вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ есть вопросъ жизни для нея, и венгерскіе соціалъ-демократы выдвигаютъ его на первый планъ. На дняхъ въ Будапештѣ происходило собраніе десяти тысячъ соціалъ-демократовъ съ цѣлью демонстрировать въ пользу всеобщаго избирательнаго права. На этомъ собраніи рѣзко отличалась объединенная оппозиція, и собраніемъ принята была резолюція, въ которой заявляется по адресу парламентской оппозиціи, чтобы она отказалась отъ своихъ неосуществимыхъ требованій въ вопросѣ объ арміи и направила свои усилія къ реформѣ избирательнаго права, въ противномъ случаѣ рабочій классъ долженъ будетъ выступить противъ оппозиціи. Послѣднія извѣстія подтверждаютъ, что въ объединенной оппозиціи дѣло должно дойти до раскола, такъ какъ націоналисты съ графомъ Аппоньи во главѣ отвергаютъ всякую попытку принести національные интересы страны въ жертву всеобщему избирательному праву, а соціалъ-демократы въ свою очередь рѣзко отрицаютъ программу націоналистовъ, не понимающихъ, что общественно-классовые интересы создаютъ и руководятъ политикой нашихъ дней. Чѣмъ эта исторія окончится, — предсказать трудно, но можно допустить, что усиленная агитація въ странѣ вопроса объ избирательномъ правѣ можетъ повести къ упадку значенія націоналистовъ, а этимъ, конечно, воспользуется правительство, чтобы распустить парламентъ и попытаться создать другое большинство, которое будетъ, быть можетъ, значительно болѣе демократично, но уступчивѣе въ національномъ вопросѣ.

Много темноты — мрачной и страшной висить надъ человѣчествомъ. Много предразсудковъ — иногда красивыхъ, ложноиллюзіонныхъ затемняютъ ему путь. Крайности національзма, — хотя-бы и чистаго, — безъ изувѣрства шовинизма, — все-же затемняютъ ясныя дали будущаго демократіи. Но свободный народъ, — народъ, который въ силахъ заявить открыто и громко свое мнѣніе, — народъ, имѣющій счастье обладать всеобщимъ избирательнымъ правомъ, — такой народъ сумѣетъ разобраться въ своихъ истинныхъ интересахъ, сохраняя и развивая въ то же время свое національное самосознаніе.

Красивую и отрадную для сердца истиннаго друга народа страницу вписала Норвегія и — отчасти — Швеція въ исторію человѣчества. Нѣтъ, мы положительно оно войны за человѣчество: оно все дальше и дальше отодвигается отъ первоначальнаго узла зоологическихъ инстинктовъ. Шведо-Норвежскій конфликтъ имѣлъ всѣ составные элементы для того, чтобы разыграться въ кровавую рѣзню. И вмѣсто этого онъ далъ міру зрѣлище поразительнаго единодушія народа въ стремленіи къ своей цѣли — со стороны Норвегіи и — корректнаго уваженія къ желаніямъ и убѣжденіямъ противника — со стороны Швеціи. Это всенародное голосованіе — красивая картина по силѣ и внутренней правдѣ своей. Всѣ политическія партіи Норвегіи выпустили слѣдующее воззваніе, озаглавленное „къ норвежскимъ избирателямъ“:

„Стортингъ рѣшилъ предложить норвежскимъ избирателямъ вопросъ: согласны они или нѣтъ съ состоявшимся разрывомъ уніи?

Этимъ имѣется въ виду дать всему міру ясное и неопровержимое доказательство, что стортингъ дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ желаніемъ націи, проведя 7-го іюня единогласное постановленіе порвать унію, ставшую несовмѣстимою съ положеніемъ Норвегіи, какъ независимаго государства.

Вопросъ о дальнѣйшей формѣ государ-

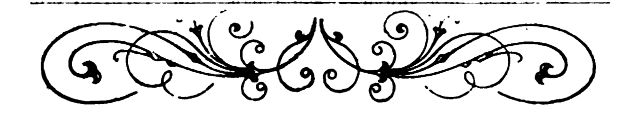
ственнаго устройства въ Норвегіи при этомъ всенародномъ голосованіи совершенно не затрагивается.

„Народные избиратели никогда не призывались къ урнамъ въ болѣе важный для отечества моментъ, чѣмъ нынѣ, никогда содѣйствіе ихъ не имѣло столь крупное значеніе. Для каждаго избирателя должно быть дѣломъ чести и обязанности передъ отчизною дать отвѣтъ на поставленный вопросъ. Всѣ норвежцы должны исполнить это. Голосованіе можетъ пріобрѣсти значеніе, какъ выраженіе воли норвежскаго народа, и стать охраною независимости и гарантіей мира только при общемъ участіи. Чѣмъ болѣе будетъ голосующихъ, тѣмъ болѣе выиграетъ дѣло Норвегіи. Пусть придутъ всѣ. Пусть день 13-го августа будетъ днемъ испытанія любви къ родинѣ. Придемъ всѣ къ урнамъ съ нашими бюллетенями и подадимъ наши голоса за дѣло Норвегіи, которое вмѣстѣ съ тѣмъ—дѣло мира и справедливости".

И весь народъ норвежскій пришелъ къ урнамъ. Спокойно, властно и торжественно-важно онъ заявилъ, почти единодушно, свое твердое рѣшеніе жить отдѣльной жизнью отъ Швеціи, — быть свободнымъ. Парламентъ передалъ черезъ свое правительство это рѣшеніе народа шведскому правительству, и засѣданіе совѣта министровъ рѣшило войти съ Норвегіею въ переговоры относительно рѣшенія различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ расторженіемъ уніи. Можно быть увѣреннымъ, что кризисъ скоро будетъ улаженъ, и миролюбиво улаженъ. Возможно, что король Оскаръ согласится на занятіе норвежскаго престола своимъ сыномъ Карломъ. Но и это должно свершиться согласно волѣ свободнаго, гордаго, властнаго ясно и открыто заявлять свою волю норвежскаго народа. Норвежскій народъ придетъ къ урнамъ и ясно, спокойно-торжественно скажетъ, хочетъ-ли онъ новую династію, или онъ хочетъ объявить свою страну республикой.

Счастливы народы, обладающіе всеобщимъ избирательнымъ правомъ — этимъ жизненнымъ нервомъ демократіи, этой защитой и охраной ея. Всеобщее избирательное право — это первый лозунгъ, это символъ вѣры идущей демократіи и — такъ или иначе, — но демократія всюду завоевываетъ его.

Л. М.

Техника.

„Печка“ для лѣта. Противъ холода легко защититься, если есть въ достаточномъ количествѣ горючій матеріалъ; труднѣе найти защиту отъ жары, такъ какъ вентиляторы вызываютъ сквозной вѣтеръ, а кромѣ того ихъ охлаждающее дѣйствіе весьма неравномѣрно. Одному французскому изобрѣтателю пришла въ голову идея устроить „печь“ для охлажденія жилищъ. Матеріалъ для наполненія печки состоитъ изъ мелкихъ кусочковъ льда, размѣщенныхъ между системою трубокъ, образующихъ внутренность „печки“. Системы трубокъ расположены въ двухъ отдѣленіяхъ одно надъ другимъ и раздѣлены промежуточнымъ пространствомъ съ нѣсколькими промежуточными перегородками. Воздухъ посредствомъ вентилятора вгоняется въ верхній отдѣлъ, тамъ, проходя черезъ слой льда, очищается отъ пыли, охлаждается и переходитъ въ нижній отдѣлъ, откуда вполнѣ очистившійся и охладившійся воздухъ вытекаетъ въ комнату.

Метеорологія.

Вліяніе давленія атмосферы на ходъ часовъ. Опыты, произведенные съ цѣлью опредѣленія вліянія давленія атмосферы на ходъ часовъ, привели, какъ сообщаетъ „Швейцарская газета часового дѣла“ и „Техническая газета Киршгофа“, къ установленію слѣдующаго закона: отклоненія въ ходѣ часовъ приблизительно пропорціональны колебаніямъ воздушнаго давленія.

Такимъ образомъ ходъ часовъ зависитъ отъ высоты мѣста, въ которомъ они находятся. Тѣ же самые часы будутъ имѣть другой ходъ, если ихъ перемѣстить изъ Петербурга на Монбланъ. Они будутъ имѣть даже разный ходъ, помѣстятъ ли ихъ въ первомъ или пятомъ этажѣ одного и того же дома.

Понятно, что дѣйствіе воздушнаго давленія весьма незначительно, и такъ какъ отклоненія въ ходѣ зависятъ еще и отъ другихъ причинъ, то очень трудно установить, какая доля въ уклоненіи хода обусловливается измѣненіемъ атмосфернаго давленія.

Во всякомъ случаѣ это вліяніе оцѣнивается въ одну или двѣ сотыхъ секунды въ 24 часа при измѣненіи давленія на 1 миллиметръ. Возьмемъ меньшее число и посмотримъ, какъ велико уклоненіе въ ходѣ будетъ у часовъ, если ихъ перемѣстить съ уровня моря на Монбланъ.

Вершина Монблана лежитъ на 4800 метровъ выше поверхности моря. Разницу въ воздушномъ давленіи на вершинѣ Монблана и у поверхности моря можно принять

въ 360 миллиметровъ; это соотвѣтствуетъ отклоненію въ ходѣ часовъ на 3,6 секунды въ сутки. Отсюда видно, что вліяніе воздушнаго давленія не ничтожно, когда дѣло идетъ о большомъ различіи въ высотѣ мѣста. Увеличеніе давленія имѣетъ слѣдствіемъ замедленіе хода и наоборотъ. Поэтому наши часы, перенесенные на Монбланъ, стали бы спѣшить. Объясняется это слѣдующимъ образомъ: чѣмъ плотнѣе воздухъ, тѣмъ большее сопротивленіе долженъ преодолѣвать маятникъ часовъ; отсюда отставаніе часовъ. Но другая причина играетъ здѣсь повидимому большую роль; по Гильому, замедленіе обусловливается воздушной оболочкой, захватываемой въ своемъ движеніи маятникомъ; для большихъ карманныхъ хронометровъ достаточно принять эту оболочку массою въ полъ миллиграмма, чтобы объяснить констатируемое отставаніе часовъ.

Ботаника.

Засыханіе вершинъ деревьевъ.— Нѣтъ, кажется, болѣе общеизвѣстнаго факта, какъ уничтоженіе деревьевъ ударомъ молніи. Но до сихъ поръ думали, что молнія поражаетъ лишь отдѣльныя деревья и поэтому лѣсному хозяйству наносятся лишь ничтожныя потери. Въ новѣйшее время однако установлено, что явленіе такъ называемой плоской молніи причиняетъ значительныя поврежденія лѣснымъ участкамъ въ баварскихъ возвышенностяхъ. Какъ уже показываетъ само названіе, разряды плоской молніи происходятъ горизонтально и какъ бы разлиты по поверхности, въ противоположность стрѣловидной формѣ обыкновенной молніи; кромѣ того, первые становятся видимыми вслѣдствіе вспыхиванія (наподобіе зарницы), не сопровождающагося громомъ. Въ окрестностяхъ Мюнхена и въ другихъ мѣстахъ возвышенной части Баваріи въ послѣдніе годы наблюдалось поразительное засыханіе верхушекъ деревьевъ сосенъ, пихтъ, лиственницъ, причины котораго до сихъ поръ были непонятны. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ верхняя треть пораженнаго дерева оказывается темно-бураго цвѣта и отмершей, тогда какъ остальная часть дерева и корни остаются неповрежденными. При этомъ замѣчены были еще подъ отмершей кроной трещины въ корѣ и другія явленія, которыя были извѣстны уже прежде, какъ послѣдствія удара молніи. Это явленіе главнымъ образомъ привело проф. Тубёфа (Tubeuf) къ мысли, что причины засыханія верхушекъ деревьевъ слѣдуетъ искать не въ поврежденіи ихъ гусеницами, а въ плоской молніи, хотя одинъ изслѣдователь и считалъ виновникомъ засыханія гусеницу сосновой листовертки, которая дѣйствительно водится въ тѣхъ мѣстахъ. Рѣшеніе спору между двумя противоположными воззрѣніями далъ экспериментъ надъ посаженными въ горшки молодыми пихтовыми деревцами. Посредствомъ остроумнаго приспособленія проф. Тубёфъ, съ помощью индуктора, въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ подвергалъ верхушки опытныхъ деревьевъ непрерывному дѣйствію слабыхъ разрядовъ, которые по своему дѣйствію должны были быть сходны съ дѣйствіемъ плоской молніи. Черезъ нѣсколько недѣль опытныя деревца имѣли совершенно такой же видъ, какъ пораженныя засыханіемъ вершинъ лѣсныя деревья, вслѣдствіе чего предположеніе проф. Тубёфа получило экспериментальное доказательство.

---

*Редакторъ-издатель **Ф. С. Груздевъ**.*

Дозволено цензурою Спб. 25 августа 1905 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан., 71—6.

ГОДЪ II.

Наука и Жизнь,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

КНИГА IX.

Сентябрь 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1905.

Содержаніе II тома.

(Май—Августъ).

Отд. I. Наука и искусство.

Отд. II. Беллетристика.

Отд. III. Стихотворенія.

Отд. IV.

Отд. V.

Отд. VI.

Отд. VII.

Отд. VIII.

Отд. IX.

Отд. X.

Отд. XI.

Отд. XII.

Отд. XIII. Объявленія.

Приложенія: а) *при журналѣ*:

„Школа химіи“. *Проф. В. Оствальда.* (При № 5).
„Телеграфированіе безъ проводовъ“. *Н. Адамовича.* (При № 6).
„Міровоззрѣніе великихъ мыслителей“. *Д-ра Л. Буссе.* (При № 7).
„Торжество жизни“. *В. Бельше.* (При № 8).

b) Отдѣльно:

„Какъ возникъ міръ“. *Проф. В. Мейера.* (При № 6).

Государственный строй на западѣ.

М. Гарѣлина.

Францiя.

Во мнѣнiи иностранцевъ французъ—существо легкомысленное. И такъ какъ поэты любятъ воспѣвать предметы легкаго, игриваго свойства, то не обошли молчанiемъ и эту нацiю. „Французъ—дитя: онъ, все шутя, разрушитъ тронъ, создастъ законъ“. Другой иностранецъ философски замѣчаетъ: „нацiя, легкомыслiе которой извѣстно, она часто мѣняетъ идеи“. Ссылаются на то, что между 1789 и 1875 годами произведено нѣсколько революцiй и издано 12 конституцiй.

Если присмотрѣться къ конституцiоннымъ текстамъ, то окажется, что они въ этомъ нисколько не повинны. Они какъ разъ покажутся поразительно неприкосновенными. Большинство конституцiй предусматриваютъ возможные случаи ихъ нарушенiя и, приготовляясь къ будущимъ переворотамъ, постановляютъ на этотъ случай необходимый и законный образъ противодѣйствiя. Порой онѣ объявляютъ срокъ, втеченiе котораго онѣ не должны подвергнуться никакимъ измѣненiямъ. Напримѣръ, конституцiя 1791 года была объявлена совершенно неизмѣняемой ни въ чемъ на срокъ 10 лѣтъ. Но то, чего нельзя вырубить топоромъ, всесильное время уносило своимъ бурнымъ теченiемъ. Если серьезно отнестись къ новой французской исторiи и внимательно прослѣдить событiя 19-го вѣка, то не останется мѣста игривымъ куплетамъ о французскомъ легкомыслiи, нельзя будетъ изображать это государство въ каррикатурномъ видѣ вѣтренной парижанки.

Въ наслѣдство XIX-ому вѣку во Францiи осталось отъ великой французской революцiи совершенно новое общественное строенiе государства. Рухнули безчисленныя перегородки, которыя раздѣляли населенiе на множество отдѣльныхъ группъ. И прежде всего безвозвратно распались сословiя, т. е. группы жителей государства, пользующiяся совершенно различными правами и обязанностями. Равенство всѣхъ передъ закономъ—смѣнило навсегда оставленное привиллегированное положенiе отдѣльныхъ частей населенiя. Распались замкнутые, стѣсняющiе промышленность цехи, т. е. ремесленныя товарищества, запрещавшiя заниматься ремесломъ всякому, не принятому въ какой-либо цехъ, а цеховому — браться за работу другого цеха. (Напримѣръ, кузнецъ не имѣлъ права исполнить работу даже слесаря, столяръ—даже плотника и т. д.). Отмѣнена была господствующая государственная религiя и выборъ ея предоставленъ свободному внутреннему влеченiю. Каж-

дый французъ получилъ свободный доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, не взирая на происхожденіе. Однимъ словомъ, во Франціи съ 1789 года утвердился демократическійобщественныйстрой, который втеченіе всего 19-го столѣтія только укрѣплялся и послѣдовательно развивался. Его завершеніемъ было окончательное признаніе даже самовластнымъ императоромъ Наполеономъ III всеобщей подачи голосовъ при избраніи народныхъ представителей и верховной власти народа при установленіи новаго государственнаго строя, при измѣненіи основныхъ законовъ государства.

Но, несмотря на демократизмъ, французскій народъ въ началѣ девятнадцатаго вѣка былъ преданъ монархической идеѣ. Онъ не могъ себѣ представить существованіе и процвѣтаніе Франціи безъ стоящаго во главѣ ея монарха. И только небольшая группа настаивала на томъ, что Франція должна быть республикой, т. е. государствомъ, въ которомъ власть принадлежитъ народу, и этотъ народъ избираетъ и главу государства и всѣхъ членовъ законодательнаго учрежденія. Эта небольшая сначала республиканская партія постепенно разросталась и крѣпла. Четыре раза эта партія овладѣвала высшей властью, но каждый разъ, безсильная передъ монархическимъ большинствомъ населенія, принуждена была уступать.

Во вторую половину вѣка ряды республиканцевъстали быстро пополняться и расти. Уже въ 1869 году самой сильной партіей въ городахъ была республиканская. Деревенскіе востокъ и югъ Франціи, наиболѣе демократичные, примыкали къ ней. И когда въ 1870 году была произведена революція, то она оказалась послѣдней. Установившаяся республика теперь во Франціи охраняется подавляющимъ большинствомъ французовъ, что обезпечиваетъ дальнѣйшее мирное внутреннее развитіе „третьей французской республики". Итакъ, Францію можно разсматривать, какъ арену двухъ партій: республиканской и монархической. Перемѣнное счастье въ борьбѣ этихъ партій отражалось многочисленными государственными переворотами. Не можетъ быть и рѣчи о легкомысліи, потому что не вѣрно представленіе, будто Франція, какъ одно цѣлое, каждое десятилѣтіе мѣняла свои политическія идеи. Исторія государства создается взаимнымъ соперничествомъ партій.

Но почему же перевороты не происходили мирно, какъ это случилось съ Англіей за минувшій вѣкъ? Двѣ причины тому: самое главное, что французское населеніе еще не пріобрѣло того политическаго самосознанія, которое свойственно англійскому. Вѣдь въ XVII вѣкѣ англичане производили же революціи. Съ развитіемъ политическаго опыта населеніе выучивается повелѣвать своимъ могучимъ стойкимъ общественнымъ мнѣніемъ, которое заставляетъ подчиняться ему даже безъ кровавыхъ столкновеній. Вторая причина лежитъ въ особомъ, исключительномъ положеніи французской администраціи. Она была создана Наполеономъ I и какъ была, такъ и до сихъ поръ осталась неизмѣнной. Каждый французскій чиновникъ всецѣло находится въ распоряженіи начальника, слѣпо повинуется ему. Въ то же время и отъ подчиненныхъ онъ требуетъ такого же безпрекословнаго повиновенія безъ всякихъ разсужденій. Хотя они и не пользуются правомъ несмѣняемости, но на дѣлѣ они почти никогда не теряютъ мѣста. Они не подчинены общему суду, а свой судъ мирволитъ имъ и склоненъ извинять ихъ по всякому поводу. Обращаясь съ населеніемъ, какъ со своими подчиненными, французскіе правительственные чиновники нажили себѣ множество враговъ въ обществѣ, но вмѣсто того, чтобы измѣнить свои отношенія къ этому обществу,

они, встрѣчая повсюду враждебное настроеніе, только глубже замыкаются въ свою среду, образуя тѣсный кружокъ, глухой къ общественному мнѣнію, не желающій понимать общественныхъ нуждъ. И вотъ этотъ-то бездушный, безчувственный къ современности правительственный механизмъ и составляетъ самостоятельную и замѣтную силу во французской жизни. Этимъ дисциплинированнымъ аппаратомъ и пользовались партіи, не находя въ прежнее время достаточной поддержки въ сонномъ и вяломъ, равнодушномъ къ политикѣ населеніи. Монархическія партіи такъ же успѣшно защищались правительствомъ какъ и республиканскія; стоило только захватить власть, а администраціи рѣшительно все равно, кому бы ни повиноваться, лишь бы повиноваться. Тѣмъ болѣе, что населеніе и въ томъ, и другомъ случаѣ все-таки находилось въ опытныхъ рукахъ правительства, какъ матеріалъ, подходящій для всякихъ опытовъ. Выходила на первый взглядъ странная вещь: всѣ партіи жаловались на стѣсненіе и неудобство такой администраціи; но получивъ власть, пользовались установившейся администраціей и не пытались ее реформировать. Только чувствомъ самосохраненія можно объяснить это противорѣчіе.

Какъ это ни странно, но именно такое чиновничество способствовало революціямъ. Даже небольшая группа, опирающаяся на незначительную часть населенія, получаетъ заманчивую возможность укрѣпить новый порядокъ: стоитъ только захватить власть, а ее уже поддержитъ чиновничья рать. Но особенно это привлекательно для отдѣльныхъ честолюбцевъ, ищущихъ власти и пышнаго почета. И Франція съ великой революціи до послѣдней республики - это рядъ иллюстрацій, которыя мѣнялись каждое десятилѣтіе, иллюстрацій, подтверждающихъ только что сдѣланный выводъ.

Кромѣ того, любопытно, что въ Англіи произошли крупнѣйшія перемѣны—мирно при конституціи, имѣющей значительныя особенности отъ французской. Англійская конституція вполнѣ допускаетъ самыя крайнія преобразованія. И при томъ для этого не требуется трудно исполнимыхъ условій. Та самая законодательная власть, которая вырабатываетъ обыкновенные законы, вправѣ установить и новые основные. Во Франціи до теперешней республики конституціи всегда указывали очень сложный порядокъ для выработки учредительныхъ законовъ. Думали сдѣлать прочнѣе установившійся строй, и достигали обратнаго, потому что при трудно осуществимомъ конституціонномъ измѣненіи общественные запросы и общественная потребность въ новомъ строѣ не проникали въ герметически закупоренныя, спеціально учредительныя собранія. И прежде чѣмъ тяжеловѣсный порядокъ пересмотра основныхъ законовъ приходилъ въ дѣйствіе, ищущіе преобразованій добивались ихъ насильственными мѣрами; происходила не реформа, а революція. Итакъ „гибкая“ англійская конституція куда лучше защищаетъ государство отъ революціи, нежели „неподатливая“ французская конституція.

Однако, теперешняя французская конституція значительно гибче, чѣмъ прежнія. И можетъ быть отчасти потому третья республика существуетъ вотъ ужъ 35 лѣтъ.

Законодательная власть.

По дѣйствующей конституціи основные французскіе законы (т. е. конституція же) не могутъ быть измѣнены обыкновенными законодательными учрежденіями. Для такихъ измѣненій необходимо, во-первыхъ, чтобы палата депутатовъ (то же, что англійская палата общинъ) и Сенатъ (одинаковый съ палатой лордовъ) по отдѣльности въ своихъ обыкно-

венныхъ засѣданіяхъ рѣшили, что надо пересмотрѣть конституцію. Только послѣ этого, во-вторыхъ, выступаетъ учредительное собраніе, которое называется „Національнымъ Собраніемъ". Оно состоитъ изъ палаты и сената, соединившихся вмѣстѣ и голосующихъ какъ одно собраніе. Вопросы рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

Достоинство такого пересмотра конституціи состоитъ въ томъ, что нѣтъ чрезвычайныхъ препятствій къ такому пересмотру, слѣдовательно, скорѣе можно произвести жизнью вызываемую перемѣну. А еще хорошее качество, выгодно отличающее новый порядокъ отъ прежнихъ: учредительная власть всетаки не уходитъ изъ рукъ обыкновенныхъ законодательныхъ учрежденій. На сцену является лишь нѣкоторая особенность порядка рѣшенія. Этимъ избѣгнута одна серьезная опасность, свойственная прежнимъ французскимъ конституціямъ. Для пересмотра конституціи не требуется, особой исключительной власти, до того бездѣйствовавшей. Иначе эта исключительная власть, временно стоящая надъ обыкновенной законодательной, легко могла бы произвести революцію. Правда, и теперь еще есть недостатокъ такого способа пересмотра: сенатъ неохотно соглашается на пересмотръ, такъ какъ число его членовъ почти вдвое меньше, нежели въ палатѣ, и оттого голоса палатскихъ депутатовъ подавляютъ голоса сенаторовъ. Но съ другой стороны, большинство голосовъ обезпечено за народными представителями; только бы дѣло дошло до Національнаго Собранія.

Обыкновенная законодательная власть, по конституціи, принадлежитъ двумъ собраніямъ—Палатѣ депутатовъ и Сенату. И совершенно безразлично, въ палатѣ или сенатѣ возникъ и разработанъ проектъ закона; на практикѣ, однако сенатъ рѣдко пользуется своимъ правомъ. Обыкновенный путь проектовъ: сначала разрабатываетъ и принимаетъ палата, а затѣмъ голосуетъ и сенатъ, конечно, по отдѣльности. Впрочемъ, есть ограниченіе сената: „законы, касающіеся финансовъ, должны первоначально вноситься въ палату депутатовъ и вотироваться (голосоваться) ею". На практикѣ всѣ законопроекты о государственныхъ доходахъ и расходахъ сенатъ принимаетъ въ томъ видѣ, какъ передаетъ ему палата, безъ особыхъ измѣненій. Лишь въ одномъ Сенатъ всегда ведетъ борьбу: онъ отстаиваетъ жалованье тѣмъ чиновникамъ, должность которыхъ палата хочетъ упразднить, но не обычнымъ путемъ, а стараясь лишить ихъ жалованья, сдѣлать мѣсто безъ вознагражденія и этимъ оставить его навсегда незамѣщеннымъ. Порой Сенатъ вдругъ предложитъ Палатѣ возвысить расходы на ту или другую статью. Обычно слѣдуетъ отказъ. Но бываетъ, что Палата соглашается на это.

До сихъ поръ мы замѣчаемъ большое сходство парламента французскаго съ англійскимъ. Но вся власть при изданіи законовъ находится въ рукахъ парламента, и французскій президентъ, не въ примѣръ англійскому королю, вовсе не играетъ никакой законодательной роли. Поэтому о немъ разговоръ будетъ, какъ о власти административной. По конституціи, онъ только „опубликовываетъ законы, когда они вотированы обѣими палатами". Болѣе существенное право президента заключается въ томъ, что онъ можетъ до обнародыванія уже принятаго палатами закона (установлены особые сроки обнародованія) „потребовать у обѣихъ палатъ новаго обсужденія, *въ чемъ ему не можетъ быть отказано*" (ст. 7 Конст. Зак. 16—18 іюля 1875 г.). При этомъ президентъ обязанъ изложить письменно тѣ соображенія, по которымъ онъ считаетъ нужнымъ вторичное обсужденіе закона. На практикѣ такого требованія со стороны прези-

дента еще ни разу не предъявлялось, вѣроятно, потому, что палаты, даже сознавая свою ошибку, повторили бы первое рѣшеніе, чтобы подчеркнуть свою полную независимость отъ президента. Едва-ли для самолюбія президента интересны такіе рискованные опыты. И если есть какое-нибудь законодательное значеніе за президентомъ, такъ это то, что онъ можетъ предложить проектъ закона, какъ и каждый членъ палатъ.

Наконецъ, у президента есть еще одно право, ставшее мертвой конституціонной буквой. Онъ можетъ распустить палату депутатовъ до срока ея полномочій. Но чтобы отнять у президента возможность произвести государственный переворотъ во время роспуска палаты, конституція прибавляетъ: „съ согласія сената". Но и это право вышло изъ употребленія. Въ послѣдній разъ имъ воспользовался Макъ-Магонъ въ 1877 году. Послѣ роспуска произошли выборы, которые снова дали республиканское большинство въ палатѣ. Консервативное министерство, почувствовавъ себя въ меньшинствѣ, по парламентскому обычаю вышло въ отставку. Президентъ рѣшилъ обойтись безъ депутатовъ и составилъ министерство не изъ членовъ палаты. Палата отказалась войти въ какія бы то ни было сношенія съ этимъ, какъ его прозвали, „дѣловымъ министерствомъ". Президентъ хотѣлъ снова распустить палату, но сенатъ отказалъ ему въ этомъ: еще не была утверждена парламентомъ роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, а приближался новый годъ; пришлось бы взимать налоги по старой росписи, что незаконно. Сенатъ опасался, что произойдутъ кровавыя столкновенія между гражданами, которые откажутся вносить незаконные сборы, и правительствомъ, которое станетъ ихъ взимать. Макъ-Магонъ зналъ, что онъ на порогѣ государственнаго переворота, и готовъ былъ прибѣгнуть къ насиліямъ. Но опасаясь, что войска не всѣ за него (были такія заявленія офицеровъ), уступилъ. Съ тѣхъ поръ президентъ не пытался примѣнить свое бумажное право роспуска палаты.

Палата депутатовъ избирается на четыре года. Она состоитъ въ настоящее время изъ 576 членовъ, изъ нихъ 560 отъ Франціи, шесть отъ Алжира и десять отъ колоній. Палата депутатовъ—собраніе народныхъ представителей, получающихъ за свою работу парламентское вознагражденіе.

Сенатъ—учрежденіе болѣе демократическое, нежели англійская верхняя палата. Въ немъ нѣтъ вовсе наслѣдственныхъ членовъ, а пожизненныхъ только 75, избранныхъ еще въ 1875 году. Остальные 225 изъ 300 членовъ избираются департаментами и колоніями. Срокъ полномочій 9 лѣтъ. По мѣрѣ убыванія числа пожизненныхъ членовъ, ряды которыхъ и такъ значительно порѣдѣли, ихъ мѣста будутъ замѣщаться выборными сенаторами по обыкновенному порядку. Сенаторы не могутъ быть моложе сорока лѣтъ. Въ сенаторы не могутъ быть избираемы лишенные правъ по суду, банкроты, находящіеся подъ опекой и состоящіе на дѣйствительной службѣ въ арміи, флотѣ (за исключеніемъ немногихъ генераловъ, принадлежащихъ къ резерву), члены царствовавшихъ во Франціи семей. Каждые три года сенатъ обновляется на одну третью часть своихъ членовъ. Въ каждомъ департаментѣ сенаторы избираются особой коллегіей (собраніе), большинство членовъ которыхъ принадлежатъ къ городскимъ общинамъ (думамъ). Оттого то Гамбетта однажды и выразился о Сенатѣ, какъ о „Великомъ Совѣтѣ общинъ Франціи".

Характерно, что несмотря на избраніе независимыми учрежденіями мѣстнаго самоуправленія, Сенатъ гораздо консервативнѣе палаты депутатовъ и какъ-то боится всякихъ

болѣе или менѣе крупныхъ реформъ. Можетъ быть, такой составъ сенаторовъ получается потому, что они не прямо избираются мѣстными горожанами, а косвенно (двустепенно): сначала горожане избираютъ членовъ общинъ—выборщиковъ, а потомъ ужъ эти члены—выборщики, избираютъ сенаторовъ.

Эти выборщики получаютъ путевые расходы. Роль Сената въ политикѣ Франціи сдерживающая, какъ и палаты лордовъ въ Англіи. Сенаторы получаютъ вознагражденіе.

Исполнительная власть.

Главою исполнительной власти во Франціи является *президентъ*. Это—лицо, избираемое Національнымъ Собраніемъ, т. е. общимъ собраніемъ обѣихъ палатъ. Срокъ полномочій—семилѣтній По окончаніи одного срока его могутъ выбрать и на слѣдующій. Члены когда-либо царствовавшихъ во Франціи семей въ президенты не допускаются. Президентъ не отвѣтственъ (не можетъ дѣлать зла), кромѣ государственной измѣны, за которую его можетъ предать суду только палата депутатовъ, а судить можетъ только сенатъ. За всѣ распоряженія президента отвѣчаютъ министры, давшіе свою подпись. Конституція прямо требуетъ: „каждый актъ президента Республики долженъ быть скрѣпленъ министромъ", причемъ передъ палатами „отвѣтственъ каждый министръ въ отдѣльности за свои индивидуальныя (личныя) дѣйствія". Президентъ пользуется всей пышностью внѣшняго почета, и это привлекаетъ множество видныхъ общественныхъ дѣятелей къ соперничеству изъ-за президентскаго кресла. А между тѣмъ роль его торжественно-ничтожная: онъ представительствуетъ при различныхъ церемоніяхъ, ведетъ переговоры о международныхъ договорахъ, объявляетъ войну, конечно, все съ согласія парламента, министровъ онъ не избираетъ, а поручаетъ вождю побѣдившей въ парламентѣ партіи составить кабинетъ министровъ, хотя по закону 1871 г. онъ и вправѣ даже увольнять ихъ. Парламентскій обычай и во Франціи оказался очень сильнымъ. Вотъ какъ одинъ англосаксъ Генри Мэнъ выразился про французскаго президента: „Изъ числа существующихъ должностныхъ лицъ нѣтъ ни одного, который занималъ бы болѣе жалкое положеніе, чѣмъ французскій президентъ. Прежніе короли Франціи царствовали и правили. Конституціонный король, по опредѣленію Тьера, царствуетъ, но не правитъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ правитъ, но не царствуетъ. Но президенту французской республики дано въ удѣлъ и не царствовать, и не править".

Министры во Франціи составляютъ, какъ и въ Англіи, кабинетъ отвѣтственный передъ парламентомъ. Разница та, что существующее въ Англіи въ силу обычнаго права или конституціонныхъ соглашеній, во Франціи вылилось въ форму шестой статьи конституціи: „Министры коллективно (совокупно) отвѣтственны передъ палатами за общее направленіе политики правительства и каждый отдѣльно за свои индивидуальныя дѣйствія". Отвѣтственность кабинета, какъ и въ Англіи, двоякая: первая судебная; „палата депутатовъ можетъ возбудить преслѣдованіе противъ министровъ за преступленія по должности. Въ этомъ случаѣ ихъ судитъ Сенатъ". Вторая отвѣтственность передъ парламентомъ заключается въ немедленномъ выходѣ въ отставку, разъ большинство палаты выразило недовѣріе прямо или косвенно признаніемъ какой-нибудь мѣры правительства нежелательной. Первую отвѣтственность называютъ юридической, а вторую политической.

Неудачный текстъ шестой статьи повелъ ко многимъ недоразумѣніямъ. „Министры коллективно отвѣтственны передъ *палатами*"... Несомнѣнно, что правильно понимать

это надо такъ: юридически министры отвѣтственны передъ обѣими палатами, такъ какъ одна изъ нихъ рѣшаетъ привлечь къ суду, а другая уже творитъ самый судъ. Политическая ихъ отвѣтственность сводится къ подчиненію парламентскому большинству, или точнѣе, большинству нижней палаты. И вѣроятнѣе всего, именно совокупность обѣихъ отвѣтственностей имѣли въ виду законодатели, установившіе конституцію. Однако, воспользовавшись неясностью выраженія „отвѣтственны передъ палатами", Сенатъ попробовалъ однажды присвоить и себѣ власть назначенія и смѣщенія министровъ.

Это было въ 1896 году. Въ началѣ года министръ юстиціи, недовольный медлительностью слѣдователя при разслѣдованіи южныхъ желѣзнодорожныхъ злоупотребленій, передалъ все дѣло другому слѣдователю. Сенатъ рѣшилъ выразить министру порицаніе, за вмѣшательство въ ходъ судебнаго процесса: (веденія дѣла). Сенатъ ждалъ министерской отставки. Но палата депутатовъ поспѣшила выразить кабинету свое довѣріе, и глава кабинета Буржуа заявилъ, что не выйдетъ въ отставку, пока того не желаетъ палата. Сенатъ почувствовалъ, что онъ пока безсиленъ, и подчинился, принявъ заявленіе нѣскольких членовъ, чтобы сдѣлать болѣе почетнымъ свое пораженіе: что они протестуютъ противъ отказа министровъ считать себя отвѣтственными передъ Сенатомъ, какъ противъ нарушенія конституціи, но что, хотя какъ сенаторы, они и сохраняютъ свое конституціонное право, они не желаютъ задерживать законодательную жизнь страны. Но министерство не было прочнымъ: оно въ палатѣ видимо начало терять поддержку большинства и вскорѣ по вопросу о подоходномъ налогѣ едва не осталось въ меньшинствѣ. Сенатъ снова почувствовалъ, что наступилъ удобный моментъ настаивать на своемъ, уже разъ отвергнутомъ, требованіи. Выразилъ министерству недовѣріе. Министерство продолжало работать. Тогда Сенатъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, рѣшилъ воспользоваться случайной силой своего положенія. Онъ заявилъ, что отказывается утверждать расходъ на Мадагаскаръ „до тѣхъ поръ, пока передъ нимъ не будетъ стоять конституціонное министерство, пользующееся довѣріемъ обѣихъ палатъ". На этотъ разъ Буржуа не сталъ и бороться, не сталъ дожидаться мнѣнія палаты. Онъ хорошо видѣлъ, что если палата депутатовъ выскажетъ ему по этому спору довѣріе, то не сегодня—завтра онъ все равно принужденъ будетъ уйти. И онъ объявилъ, что „патріотизмъ обязываетъ его удалиться", такъ какъ рѣшеніе сената мѣшаетъ поставить на должную высоту военную службу на Мадагаскарѣ. Палата депутатовъ высказалась тотчасъ же противъ сената, который, по ея мнѣнію, долженъ быть реформированъ. Но Буржуа оказался чуткимъ: черезъ нѣсколько дней палата большинствомъ избрала консервативный кабинетъ министровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ серьезномъ спорѣ палата депутатовъ всегда сумѣетъ заставить сенатъ уступить по вопросу о кабинетѣ министровъ.

Французская администрація можетъ оказывать гораздо большее давленіе на жителей, нежели англійская. У французской полномочія значительно шире англійскихъ. Не стоитъ говорить о циркулярахъ, но вотъ административныя распоряженія, касающіяся не одних чиновниковъ, а правъ гражданъ—во Франціи черезчуръ вліятельны. Президентъ издаетъ эти распоряженія подъ названіемъ ордонансовъ и декретовъ, а министры, префекты (губернаторы), даже мэры (начальники общинъ, на которыя дѣлятся департаменты; мелкая часть губерніи), — подъ названіемъ „постановленій". Конечно, они не должны нарушать законовъ.

Но кто же стоитъ на защитѣ законовъ отъ нарушеній администраціей? Да все та же администрація. Именно ей, или, какъ серьезно говорится, „административному суду“ подается просьба объ отмѣнѣ незаконныхъ административныхъ же распоряженій. Обыкновенные суды пользуются правомъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ отказываться примѣнять такіе декреты и постановленія.

Не совсѣмъ ладно обстоитъ дѣло съ исполненіемъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ (бюджета). Во Франціи она обсуждается только на годъ. Теперь, положимъ, ужъ нѣтъ бывшихъ при французской имперіи злоупотребленій, когда расходы сплошь и рядомъ шли вовсе не на дѣло или не на то дѣло, на которое они ассигнованы. Но еще уцѣлѣла старая система. И тогда какъ въ Англіи установлена „точность прежде всего“, расходы и доходы не переносятся съ одной статьи на другую, во Франціи допущенъ самимъ закономъ нѣкоторый чиновничій произволъ: можно суммы переносить со статей на статьи, до неузнаваемости первоначальнаго плана, лишь бы они были въ предѣлахъ параграфа (т. е. болѣе крупнаго подраздѣленія. такъ, напр., параграфъ — жалованье служащимъ флотскаго экипажа; отдѣльныя статьи—жалованье капитану, жалованье лоцману, матросамъ, машинисту и т. п.). Кромѣ того, изъ года въ годъ при составленіи бюджета нѣсколько параграфовъ выдѣляются: въ нихъ президентъ уполномоченъ сдѣлать добавленія. если его декретъ будетъ одобренъ совѣтомъ министровъ. Наконецъ, при разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, когда парламентъ не въ сборѣ, а время не терпитъ отлагательства, правительство можетъ не только произвести расходы на неотложное дѣло, но даже заимствовать средства изъ чрезвычайныхъ суммъ, можетъ даже сдѣлать заемъ. Въ этихъ случаяхъ втеченіе двухъ недѣль по открытіи парламента правительство должно сдѣлать подробное сообщеніе о своихъ дѣйствіяхъ.

Недостатокъ французскаго государственнаго строя тотъ, что не дано средства противъ различныхъ министерскихъ произвольныхъ дѣйствій. Такъ, если министръ превыситъ разрѣшенные ему закономъ расходы, онъ легко можетъ остаться безотвѣтственнымъ. Судъ парламента, которому онъ можетъ подлежать, черезчуръ тяжеловѣсный механизмъ: онъ приводится въ движеніе лишь въ моменты общаго возбужденія членовъ палатъ, что бываетъ очень рѣдко, если деньги не расхищены, а пошли всетаки на государственныя нужды. Что же касается гражданской отвѣтственности, то не существуетъ такого суда, который могъ бы принудить министра вернуть суммы, истраченныя незаконно.

Въ повседневной жизни населеніе испытываетъ довольно пристальное и мелочное вниманіе попечительнаго начальства. Повсюду замѣчается стремленіе ограничить свободу личности и подчинить ее надзору и контролю правительства. Такъ сложилось издавна и совершенно непонятно для англичанина, привыкшаго къ просторному существованію. Всѣ ремесла и профессіи подчинены во Франціи гораздо больше, чѣмъ въ Англіи, надзору полиціи. Этотъ надзоръ выражается, во-первыхъ, въ обязательности чуть ли не по всякому поводу обращаться за разрѣшеніемъ начальства. Во-вторыхъ, уже разрѣшенная дѣятельность учрежденій, заведеній и отдѣльныхъ лицъ обставлена различными стѣснительными правилами и, все-таки, можетъ быть запрещена по соображеніямъ, по настроенію начальствующаго лица, а не только по суду, когда это нужно ради общаго блага. Право устраивать ассоціаціи (союзы)—очень полезныя въ интересахъ всего государства и отдѣльныхъ лицъ—все еще ограничено: никакое общество, состоящее больше, чѣмъ изъ двад-

цати человѣкъ (за исключеніемъ коммерческихъ предпріятій и ассоціацій лицъ, занятыхъ одной профессіей или ремесломъ) не можетъ быть организовано *) безъ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ или префекта департамента. Вотъ такимъ то образомъ и сосредоточивается большая власть въ рукахъ администраціи: благодаря государственной опекѣ.

Положеніе администраціи въ значительной мѣрѣ зависитъ и отъ того, насколько населеніе привыкло къ самостоятельной общественной работѣ. Лучше всего къ этому пріучаетъ веденіе мѣстныхъ дѣлъ, конечно, если оно не стѣснено различными формальностями, тщательнымъ надзоромъ или прямымъ давленіемъ со стороны. Участіе населенія въ управленіи государственной властью проявляется не всегда. Оно имѣетъ мѣсто только въ моменты выборовъ представителей отъ населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ, кто избираетъ своихъ представителей, невольно все время слѣдятъ за дѣятельностью депутата и всей высшей власти. Они не могутъ не интересоваться этимъ,— иначе зачѣмъ же они воспользовались своимъ политическимъ голосомъ, а не просидѣли во время выборовъ дома. Такимъ образомъ, душою каждый участникъ избранія депутатовъ участвуетъ вмѣстѣ съ этимъ депутатомъ и разсуждаетъ по-своему о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ въ законодательномъ собраніи или имѣющихъ для государства серьезное значеніе. Но согласитесь, что опытность, умѣнье вести общественныя дѣла не пріобрѣтаются однимъ интересомъ да сочувствіемъ.

Только въ живомъ, постоянномъ и сложномъ дѣлѣ пріобрѣтаетъ человѣкъ необходимую сноровку и находчивость, выучивается согласовать личные взгляды съ мнѣніемъ большинства, и въ общей работѣ не отставать отъ другихъ, а соединенными силами, рука объ руку, добиваться общей цѣли. И такая работа, неотложная по своей спѣшности и необходимости, непрерывная, какъ сама жизнь, ее вызывающая, безкорыстная, какъ все, что дѣлается въ интересахъ массы искренними ея доброжелателями, — такая работа, это лучшая школа общественнаго развитія. Умѣнье справляться съ дѣлами своей общины поможетъ разобраться и въ государственныхъ дѣлахъ. Людьми, привыкшими къ самоуправленію, нельзя вертѣть, какъ избирательными игрушками, ихъ нельзя купить, какъ дряблое продажное тѣло. Они—сознательные граждане, понимающіе, что тонкая лесть при случаѣ выразится безцеремоннымъ пренебреженіемъ, а властный окрикъ начальства всегда расчитанъ только на запуганную, стадную группу. Участіе въ мѣстномъ самоуправленіи вырабатываетъ ту политическую порядочность, которая сторонится отъ грязи и подкуповъ, и то политическое достоинство, которое заставляетъ не ограничиваться лишь умываніемъ своихъ рукъ, а и бороться безпощадно и смѣло со всякими отбросами, попадающими въ колеса государственнаго механизма.

И вотъ Франція какъ разъ лишена благодѣтельнаго самостоятельнаго мѣстнаго самоуправленія. Еще въ 1789 году были сметены разныя мѣстныя подраздѣленія. На ихъ мѣстѣ возникли новыя дѣленія государства на части исключительно въ интересахъ управленія. И эти административныя части раздавили когда-то существовавшія мѣстныя организаціи. Отъ прошлаго оставлены лишь общины, но и онѣ отданы подъ надзоръ полицейской власти, такъ что о какомъ-либо широкомъ мѣстномъ самоуправленіи во Франціи говорить не приходится. Зато имѣется такая стройная и неприступная централизація (сосредоточіе власти въ однѣхъ рукахъ), что она

*) Устроено, учреждено.

во всѣхъ частяхъ поражаетъ глазъ поистинѣ „однообразной красивостью“.

Во главѣ каждаго департамента стоитъ префектъ, назначаемый и увольняемый министромъ внутреннихъ дѣлъ, отъ имени президента. Его роль двойственная. Съ одной стороны, онъ агентъ центральнаго правительства и обязанъ проводить политику своего начальства. Съ другой стороны, ему принадлежитъ и веденіе мѣстныхъ дѣлъ; собственно учрежденіе по мѣстнымъ дѣламъ—Генеральный Совѣтъ, избираемый всеобщей подачей голосовъ. Но, во-первыхъ, какъ роспись по мѣстнымъ доходамъ и расходамъ, такъ и многія наиболѣе важныя мѣстныя дѣла рѣшаются окончательно лишь префектскимъ утвержденіемъ; во-вторыхъ, всѣ рѣшенія Генеральнаго Совѣта приводятся въ исполненіе только префектомъ. Кромѣ того, засѣдаетъ Совѣтъ только 2 раза въ годъ не больше мѣсяца—въ первый разъ, и не болѣе двухъ недѣль во второй. Экстренныя засѣданія не могутъ длиться дольше недѣли. Президентъ вправѣ когда угодно распустить Совѣтъ. Денегъ у него мало, дѣла узко-мѣстныя: проведеніе дорогъ, постройка больницъ, забота о школахъ и т. п. Онъ не имѣетъ права касаться вопросовъ общей политики.

Другое, мелкое дѣленіе государства—на общины. Во главѣ ихъ стоитъ мэръ—сколокъ съ фигуры префекта. Хотя онъ и избирается общиной, но обязанъ повиноваться распоряженіямъ своего начальника префекта. Онъ можетъ быть удаленъ отъ должности префектомъ на мѣсяцъ, министромъ—на три, президентомъ—отстраненъ вовсе. Совѣтъ общины избирается всеобщей подачей голосовъ. Всѣ наиболѣе крупныя мѣстныя дѣла утверждаются какимъ-нибудь высшимъ чиновникомъ, который можетъ включить въ смѣту расходовъ и доходовъ нѣкоторыя обязательныя издержки. Совѣтъ не можетъ рѣшать окончательно (т. е. безъ утвержденія чиновниковъ) ни финансовые вопросы, ни проекты сооруженія дорогъ и зданій, ни предложенія продать часть общиннаго имущества.

Такъ распластаны административнымъ давленіемъ мѣстныя французскія учрежденія. А опасеніе правительства, какъ бы его враги не собрались и не выразили протеста, идутъ все дальше. Уже изданы въ недавнее время многочисленныя и строгія запрещенія мѣстнымъ совѣтамъ: выражать какія бы то ни было мнѣнія объ общей политикѣ, входить въ сношеніе другъ съ другомъ по какимъ-либо предметамъ, кромѣ немногихъ, спеціально предусмотрѣнныхъ закономъ и т. п.

Смѣняются французскія поколѣнія, и уносятъ съ собой все больше и больше обломковъ прошлаго. Государственные перевороты все расшатывали громаду воспоминаній, старыхъ привычекъ и подчиненіе авторитету. Политическій строй ея за сто лѣтъ въ корень измѣнился до парламентскаго правленія. Но незыблемы остались два устоя французской общественной жизни: демократическій общественный строй со всеобщей подачей голосовъ и гражданской свободой, да правительственный механизмъ съ безмѣрнымъ стѣсненіемъ для общества и отдѣльныхъ членовъ.

Странно переплелись двѣ вѣтви, идущія отъ разныхъ основаній: демократическое общество — дѣтище великой французской революціи, и выдержанная, послѣдовательно централизованная бюрократія — порожденіе наполеоновскаго генія. Современный строй политическій скажетъ свое рѣшающее мнѣніе. Французскій народъ чрезъ своихъ представителей рано или поздно освободитъ стволъ демократическаго строя отъ тѣсныхъ историческихъ объятій ліаны административнаго всевластія.

Но пока недавняя французская исторія отмѣчаетъ печальную истину.

„Вопреки законамъ, обязавшимъ его хранить нейтралитетъ въ борьбѣ партій, а особенно во время выборовъ, которымъ конституція даровала полную свободу, правительство, какъ во времена имперіи, пускало въ ходъ въ пользу своихъ кандидатовъ администрацію и судебную власть. Имена оффиціальныхъ кандидатовъ вывѣшивались въ правительственныхъ и общинныхъ учрежденіяхъ, съ прибавкой словъ кандидатъ г. маршала Макъ-Магона". Правительство вело въ ихъ пользу агитацію въ оффиціальныхъ государственныхъ изданіяхъ; священники въ ихъ пользу говорили проповѣди, а епископы сочиняли особыя посланія. Не покорные, не желавшіе вмѣшиваться въ политику чиновники смѣщались. Фурту отставилъ мэровъ, имѣвшихъ репутацію самыхъ умѣренныхъ... „Циркуляромъ отъ 9 іюня 1877 года Брольи приказывалъ рабочимъ и всѣмъ служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ голосовать за правительство. Министръ общественныхъ работъ Кайу обѣщалъ мосты, шоссе, желѣзныя дороги, каналы тѣмъ деревнямъ и городамъ, которые будутъ голосовать за правительство". Правда, то дѣло прошлое, и вѣдь Макъ-Магоны стали историческимъ пугаломъ. Однако чиновничество французское и до сихъ поръ осталось французскимъ чиновничествомъ.

Какъ всегда, въ арміи особенно прочны пережитки характернаго прошлаго. Въ 1898 году за разоблаченія противъ арміи по дѣлу Дрейфуса полковникъ Пикаръ сначала содержался въ общей тюрмѣ La Santé. Узнавъ, что его перевозятъ въ военную тюрьму, Пикаръ въ засѣданіи суда всталъ и громко заявилъ: „Этотъ день можетъ быть послѣдній, въ который я говорю публично: сегодня я буду ночевать въ Cherche Midi, и потому считаю нужнымъ предупредить, что я не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые убиваютъ себя"... Эта фраза была вызвана тѣмъ, что еще раньше органы генеральнаго штаба начали распускать слухи, будто Пикаръ во время своего перваго ареста былъ преслѣдуемъ идеей самоубійства. Этими слухами они приготовляли публику на всякій случай. Съ другой стороны, газеты сообщали о самоубійствѣ Лемерсье-Пикара, настоящее имя котораго было Лаллеманъ.

Судебная власть.

Различныя идеи и ученія очень податливы. Какъ дѣти, они воспитываются окружающей средой и приспособляются къ ней. И порой это приспособленіе идетъ такъ далеко, что едва можно узнать общій, одинаковый корень. Такое превращеніе произошло, напримѣръ, съ знаменитымъ ученіемъ Монтескье о раздѣленіи властей. Всматриваясь въ англійскую жизнь, очаровательную своими учрежденіями и неуклонной законностью, Монтескье примѣтилъ, какъ независимо поставлена судебная власть, пользующаяся огромнымъ авторитетомъ. Онъ увидѣлъ и неограниченную волю парламента—законодательнаго учрежденія, и рядомъ дѣйствующую исполнительную власть съ извѣстнымъ кругомъ независимости, конечно, въ предѣлахъ закона. Отсюда требованіе—каждая изъ властей должна дѣйствовать отдѣльно одна отъ другой и быть одна отъ другой независимой. И тогда наступитъ торжество права, торжество законности—необходимое условіе культурной жизни.

Но сразу установилось поразительное различие въ пониманіи англосаксонскомъ и французскомъ и особенно ярко отразилось на взаимоотношеніи исполнительной и судебной властей. Англичане пользовались сильнымъ, авторитетнымъ судомъ общинъ для всей страны. Въ то же время ихъ администрація была очень слаба и не играла въ странѣ видной роли. И вотъ англійскіе выходцы въ Америкѣ, стремясь сохра-

нить независимость судовъ и неприкосновенность правъ частныхъ лицъ, усвоили этотъ принципъ въ томъ смыслѣ, что необходимо охранять *суды* отъ вліянія и контроля другихъ отраслей власти для того, чтобы они могли свободно творить судъ, не обращая вниманія на оффиціальное положеніе тяжущихся или на характеръ возбужденныхъ вопросовъ. Они стремились сохранить англійскую традицію (понятіе, передающееся отъ поколѣнія къ поколѣнію), признающую одинъ законъ для всѣхъ жителей страны отъ самаго скромнаго гражданина до самыхъ высшихъ сановниковъ.

Во Франціи, даже въ концѣ 18 вѣка существовало 13 отдѣльныхъ парламентовъ и въ каждой значительной провинціи—свое особое судебное устройство. Наполеонъ I усовершенствовалъ и прежде сильную правительственную власть, которая рядомъ съ слабыми и не авторитетными судами, не объединенными многолѣтней практикой общаго верховнаго высшаго судебнаго учрежденія, стала въ исключительное положеніе. И французскіе государственные дѣятели истолковали ученіе Монтескье въ томъ смыслѣ, что *правительство* не должно встрѣчать помѣхи со стороны общихъ судовъ, что эти судьи никакимъ образомъ не должны касаться правительственной дѣятельности, не должны преслѣдовать судебнымъ порядкомъ незаконныхъ распоряженій или дѣйствій при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Такъ былъ узаконенъ порядокъ до-революціонной Франціи, защищающій чиновниковъ отъ общихъ судовъ. И во Франціи дѣйствуютъ два совершенно различныхъ суда — одинъ для гражданъ, другой для чиновниковъ,—и благодаря этому исполнительная власть совершенно не зависитъ отъ судебной, такъ какъ руки правительства всегда развязаны, и оно можетъ при желаніи нарушать законъ, не опасаясь общихъ судовъ. Правительство зависитъ отъ судовъ административныхъ, т. е. составленныхъ изъ чиновниковъ же правительства и состоящихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а не юстиціи. И потому французское чиновничество, пользующееся совершенно отличными отъ другихъ гражданъ правами и обязанностями, можно назвать особымъ сословіемъ:

Такимъ образомъ, въ странѣ, гдѣ давно ужъ испарились сословныя привиллегіи и, казалось-бы, не должно быть отъ нихъ остатка, процвѣтаютъ чисто сословные предразсудки, позволяющіе одному слою населенія безнаказанно благоденствовать, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ гражданамъ. И естественно, административные суды, въ сущности, созданы не для того, чтобы раскрывать и карать злоупотребленія, а чтобы скрывать ихъ.

Надо замѣтить, что въ средѣ французской бюрократіи выработались и царятъ свои спеціальныя правила чести и обычаи, независимые отъ общественнаго мнѣнія, несходные съ нимъ. Не удивительно, поэтому, что суды стараются замять все, что позоритъ чиновничью честь, а вѣдь наиболѣе крупныя злоупотребленія по дѣламъ службы и отличаются такимъ характеромъ. Для административныхъ судовъ также очень важно, кто совершилъ незаконныя дѣйствія: мелкая канцелярская сошка или одинъ изъ чиновной знати.

Но самое главное, административные суды не разбираютъ съ безпристрастнымъ отношеніемъ: кто нарушилъ постановленія закона, въ чемъ это нарушеніе заключается и чѣмъ карается. Они разбираютъ прежде всего другой вопросъ: по приказанію или нѣтъ дѣйствовалъ обвиняемый. И если оказывается да, то судъ старается поддержать авторитетъ власти, укрѣпить дисциплину, поощрить своимъ оправданіемъ ревностнаго исполнителя начальническихъ желаній.

Административные французскіе суды, кромѣ того, ограничиваютъ себя и оставляютъ внѣ охраны, на произволъ цѣлыя отрасли правительственныхъ служебныхъ обязанностей. Англо-Саксонскіе писатели указываютъ, что эти суды „рѣшили никогда не вмѣшиваться въ дѣйствія, имѣющія политическій характеръ, и признали, что незаконное закрытіе газеты въ періодъ народнаго волненія было поступкомъ такого рода. Приведенные случаи произошли, положимъ, при Второй Имперіи, но не было бы ничего невѣроятнаго, еслибы то же самое случилось и въ наши дни при какомъ-нибудь народномъ волненіи. Произвольные аресты и невозможность получить за нихъ удовлетвореніе часто вызывали во Франціи жалобы, и надо прибавить, что гарантіи личной свободы и правъ частныхъ лицъ вообще въ настоящее время тѣ же, что было и при Наполеонѣ III", заключаетъ авторъ. И, конечно, чрезмѣрно преувеличиваетъ, оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ законности цѣлымъ рядомъ незаконныхъ и все-таки безнаказанныхъ дѣйствій французской администраціи. Авторъ забылъ, что все-таки министерство, вполнѣ зависимое отъ народныхъ представителей, сообразуется съ настроеніемъ палаты, чуткой къ своимъ избирателямъ. И хотя становясь въ ряды чиновниковъ, министры постоянно проявляютъ склонность сливаться со своими подчиненными и прибѣгать къ пріемамъ самовластія, однако, на нихъ наложена парламентомъ узда, сдерживающая и ихъ подчиненныхъ.

Чѣмъ прочнѣе укрѣпится существующее политическое устройство Франціи, тѣмъ скорѣе наступитъ столкновеніе несовмѣстимыхъ по соображеніямъ, но существующихъ въ жизни силъ: прошлой, сословной въ безсловномъ обществѣ, и новой народной, обладающей верховной законодательной властью и проникнутой однимъ убѣжденіемъ: законы должны быть равны для всѣхъ. Кто побѣдитъ въ неравномъ спорѣ— ясно.

Если разсматривать само „административное право", то оно не составляетъ свода законовъ, приведеннаго къ стройному цѣлому, лишенному противорѣчій. Оно, какъ и англійское общее право, въ значительной части выросло изъ судебныхъ рѣшеній, вошедшихъ въ практику. Разница огромная въ томъ, что вырабатывали англійское право независимые и свѣдущіе судьи, административное же французское— зависимые и исполнительные чиновники.

Надо упомянуть еще о высшемъ судилищѣ, которое рѣшаетъ какому суду — административному или общему—подлежитъ то или иное дѣло. Это учрежденіе состоитъ изъ четырехъ чиновниковъ и трехъ представителей общихъ судовъ. Такимъ образомъ большинство принадлежитъ опять таки правительству.

Ко всему сказанному надо добавить, что обыкновенные судьи во Франціи пользуются независимостью, и даже перемѣщеніе ихъ не можетъ состояться безъ согласія высшаго обыкновеннаго суда. Административные же судьи могутъ быть, когда угодно, удалены президентомъ.

Избирательное право.

Изъ всѣхъ конституціонныхъ государствъ Европы Францію надо поставить на одно изъ первыхъ мѣстъ за ея широкое допущеніе населенія къ выборамъ народныхъ представителей. Еслибы и женщины получили право политическаго голоса и могли выступать народными депутатами, голосованіе можно было бы назвать всенароднымъ. Но женщины такъ еще слабо допущены до политической дѣятельности (лишь въ двухъ штатахъ Австрійской республики и немногихъ штатахъ Сѣверной Америки), что и про такое избирательное право, какъ во Франціи

говорится „всеобщее“. Оно не ограничиваетъ гражданина ни его имущественнымъ положеніемъ, ни его принадлежностью къ тому или классу или сословію, ни его образовательнымъ дипломомъ. Всякій, достигшій совершеннолѣтія (21 годъ), можетъ подавать свой голосъ за того, кто заслуживаетъ его довѣрія. Есть извѣстныя ограниченія, почти одинаковыя во всѣхъ конституціонныхъ странахъ: правомъ голоса не пользуются лишенные этого права по суду, несостоятельные должники, лица, находящіеся подъ опекой, и лица, состоящія на дѣйствительной службѣ въ арміи или во флотѣ. Но не всѣ, пользующіеся активнымъ избирательнымъ правомъ (правомъ избирать депутата), пользуются также и пассивнымъ избирательнымъ правомъ (баллотироваться самому въ депутаты). Кандидатъ (претендующій на должность депутата) долженъ быть не моложе 25 лѣтъ и обладать активнымъ избирательнымъ правомъ. Исключаются однако члены семей, когда-либо царствовавшихъ во Франціи; установлено это изъ опасенія, какъ бы не сдѣлали попытки уничтожить республику и снова учредить монархію.

Чтобы сдѣлать выборы свободными, во Франціи законъ запрещаетъ почти всѣмъ чиновникамъ выставлять свою кандидатуру въ тѣхъ округахъ, гдѣ они занимаютъ болѣе или менѣе видное положеніе и могутъ повліять на избирателей. Ради еще большаго огражденія отъ давленія администраціи, по закону почти всѣ чиновники, за исключеніемъ немногихъ высшихъ, лишаются своихъ мѣстъ, если становятся депутатами. Съ другой стороны, если правительство назначаетъ депутата на какое-нибудь мѣсто, кромѣ министра и его товарища, и онъ соглашается служить, то теряетъ права парламентскаго депутата. Когда же депутатъ дѣлается министромъ, то приславшій его округъ можетъ переизбрать его.

Самая система избранія французскихъ депутатовъ мѣнялась два раза. Сначала — отъ 1876 по 1885 годъ депутаты избирались по системѣ единичныхъ округовъ (Scrutin d'arrondissement), по которой каждый округъ отдѣльно присылаетъ въ палату своего представителя. Слѣдовательно, всего избирательныхъ округовъ столько же, сколько депутатовъ — 576. Но съ 1885 года до 1889 года депутаты стали избираться по списку (Scrutin de liste), каждый списокъ присылался департаментомъ. слѣдовательно всего списковъ было 86. Теперь отъ департамента выставлялось столько же, сколько и прежде депутатовъ. Разница лишь въ размѣрѣ округа. Раньше одинъ депутатъ избирался отъ одного небольшого округа, теперь нѣсколько депутатовъ избирались департаментомъ, который равенъ нѣсколькимъ округамъ. Но въ 1889 году представилась опасность со стороны генерала Буланже, который послѣдовательно выставилъ свою кандидатуру въ пяти департаментахъ и вездѣ былъ избираемъ депутатомъ. Стараясь доказать, что народъ хочетъ его имѣть своимъ главой, онъ собирался продѣлать то же и въ остальныхъ департаментахъ, какъ только тамъ освобождалась бы одна ваканція, наконецъ, предполагалъ на общихъ выборахъ сразу вездѣ выставить свою кандидатуру. Но онъ не успѣлъ привести свой замыселъ въ исполненіе и не достигъ государственнаго переворота. Изъ опасенія подобныхъ продѣлокъ, во Франціи съ 1889 года снова введено избраніе по округамъ.

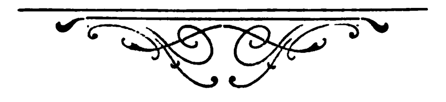
Избирательное право во Франціи прямое, т. е. голосъ подается прямо за депутата, а не такъ, какъ избираютъ во французскій сенатъ: сначала за выборщика, а ужъ выборщикъ—за депутата. Оно и равное, такъ какъ, не въ примѣръ Англіи, каждый правоспособный политически гражданинъ пользуется равно однимъ голосомъ, сколько бы они

ни имѣли домовъ въ разныхъ округахъ. Наконецъ, голоса подаются тайно, т. е. закрытой баллотировкой, чтобы не было извѣстно, за кого голосуетъ избиратель.

Гражданская свобода.

Какъ и въ другихъ конституціонныхъ государствахъ, во Франціи законъ устанавливаетъ свободу и неприкосновенность личности, его жилища, свободу совѣсти, собраній, печати и, съ нѣкоторыми ограниченіями — свободу союзовъ. Остановимся на одномъ изъ недавнихъ сравнительно законовъ, защищающихъ личность отъ произвольныхъ арестовъ. Этотъ законъ дѣйствуетъ съ 1897 года. Въ силу него, каждый арестованный и отправленный въ домъ предварительнаго заключенія долженъ быть допрошенъ немедленно и никакъ не позже 24 часовъ съ момента заключенія. По истеченіи этого срока обвиняемый по распоряженію смотрителя долженъ быть безъ всякаго дальнѣйшаго промедленія препровожденъ къ прокурору республики, который потребуетъ отъ судебнаго слѣдователя немедленнаго допроса. Если слѣдователя не окажется, или онъ по болѣзни или по другимъ причинамъ не можетъ произвести допросъ, обвиняемый допрашивается безъ замедленія предсѣдателемъ суда или назначеннымъ имъ судьей, въ противномъ случаѣ прокуроръ обязанъ приказать немедленно освободить обвиняемаго. Неисполненіе этихъ постановленій закона разсматривается въ общихъ судахъ, какъ уголовное преступленіе (лишеніе свободы), и виновные — тюремные смотрители, прокуроры и т. д.— отвѣчаютъ по законамъ уголовнымъ. При допросѣ слѣдователь прежде всего обязанъ провѣрить, то-ли лицо арестовано, какое слѣдовало, затѣмъ сообщить обвиняемому, за что на него наложенъ арестъ и онъ привлеченъ къ слѣдствію, наконецъ, предупредить, что обвиняемый можетъ, если хочетъ, отказаться отъ всякихъ показаній. Это предупрежденіе требуется записать въ протоколъ. Обвиняемый не можетъ быть допрашиваемъ въ отсутствіи своего защитника, который при предварительномъ слѣдствіи пользуется тѣми же правами, какъ и во время судебныхъ засѣданій,—можетъ допрашивать свидѣтелей и т. п., защитникъ во всякое время имѣетъ право посѣщать арестованнаго. О каждомъ допросѣ онъ извѣщается за 24 часа, и протоколы допроса должны быть представлены въ его распоряженіе на другой же день.

М. Гарѣлинъ.

I.

Женщина, проходя мимо Грибчука, тихо засмѣялась. Опередивъ его шага на три, она какъ то на ходу полуобернулась къ нему и опять громко хихикнула.

Въ смѣхѣ ея веселаго ничего не было. Слышались усталыя хриплыя нотки, чуялось что то дѣланное, что-то вымученное...

Грибчукъ не глядѣлъ на нее: его взглядъ только скользнулъ по ея фигурѣ, съ ногъ до головы, и этого было достаточно, чтобы, въ связи съ ея нервнымъ смѣшкомъ, опредѣлить, кто и что она.

Она была высока, шла она какою-то особенною походкою, словно не просто шла, а какъ то манерно скользила по ослизлой панели, выпятивъ впередъ грудь и обтягивая матеріею платья свои члены.

На ней была въ сущности безобразная шляпа, огромная, неуклюжая, съ большимъ чернымъ страусовымъ перомъ спереди и съ пучкомъ висящихъ некрасивыми фестонами лентъ сзади. Одѣта была она во все черное: черный жакетъ черное платье, черная шляпа.

— Летучая мышь! — подумалъ Грибчукъ.— Летучая мышь! Нетопырь! — пробормоталъ онъ уже вслухъ.—И тоже... смѣется... чортъ бы ее подралъ! Точно на сценѣ! Играетъ!

И ему стало еще досаднѣе, еще скучнѣе, еще тоскливѣе, холоднѣе.

Онъ машинально вынулъ холодныя посинѣвшія руки изъ бездонныхъ кармановъ жиденькаго форменнаго пальто и потеръ ихъ, стараясь возстановить кровообращеніе.

Но холодный сырой вѣтеръ точно ждалъ этого момента: онъ сердито рванулъ полы пальто Грибчука, онъ пробрался въ рукава до локтей, холодокъ поползъ дальше, вверхъ, къ плечамъ и груди тонкими струйками, и Грибчукъ поторопился спрятать холодныя руки опять въ карманы.

— Холодно, коллега? Холодно, студентикъ? Ха, ха, ха!—засмѣялась надъ самымъ его ухомъ возвратившаяся къ нему женщина, заглядывая ему въ глаза изъ подъ полей безобразно огромной черной шляпы,

какъ изъ подъ какого то уродливаго навѣса, и широко улыбаясь блѣдною, холодною улыбкою.

— Хотите быть любезнымъ кавалеромъ, студентикъ?—продолжала она, уже остановившись передъ Грибчукомъ и нервно переступая съ ноги на ногу.

— Ну?—хмуро сказалъ Грибчукъ, не глядя на встрѣченную.

— Угостите покурить! Одну папиросочку. Ха, ха. Только одну! Ха, ха!

Грибчукъ, хмурясь, досталъ изъ внутренняго кармана пальто ветхій, расползающійся портъ-табакъ изъ разслаивающагося, ставшаго какимъ то пухлымъ, словно напитавшагося влагою папье-машэ, и протянулъ его неловко, угловатымъ жестомъ женщинѣ.

Она освободила посинѣвшую большую руку изъ скомканной муфты, на которой лежали нелѣпою грудою искусственныя фіалки съ измочалившимися, толстыми свѣтло - зелеными стебельками, и съ трудомъ раскрыла портъ-табакъ.

— Папиросъ нѣтъ, студентикъ? Одинъ табакъ? Ахъ, какая киньгрусть...

Одна жалость... Крутить надо, а я не умѣю!.. И руки совсѣмъ, совсѣмъ замерзли, захолодѣли... Какъ ледъ! Пальцы не ворочаются! Ей Богу, коллега! Попросила бы васъ, миленькій студентикъ, да боюсь— вы откажетесь...

— Что именно?

— Скрутите папироску! Миленькій, голубчикъ! Не сердитесь на меня. Страсть какъ курить хочется. Прямо, смерть. А сама не умѣю. И не могу, итакъ... Скрутите вы!

Грибчукъ, все болѣе и болѣе хмурясь, взялъ обратно изъ рукъ собесѣдницы свой пухлый портъ-табакъ и досталъ клочокъ желтой папиросной бумаги чтобы скрутить папиросу. Но эта работа плохо удавалась ему: холодный осенній вѣтеръ опять, словно онъ ожидалъ случая посмѣяться надъ этими запоздавшими посѣтителями бульвара, набросился на руки Грибчука, сталъ злобно трепать отсырѣвшій и размягшій листикъ бумаги, плохо державшійся въ его нахолодавшихъ и одеревенѣвшихъ, какъ будто бы даже припухшихъ пальцахъ, сталъ вырывать изъ этихъ пальцевъ одну прядь отсырѣвшаго табаку за другою.

Черезъ нѣсколько секундъ отъ запаса, положеннаго на бумагу, осталось лишь нѣсколько длинныхъ и гибкихъ, рвущихся унестись во мглу нитей, и студенту пришлось снова раскрывать портъ-табакъ, доставать новую щепотку и приниматься за работу заново.

— Пойдемте, коллега, лучше сядемъ! Тамъ, въ затишку...—предложила женщина, смотрѣвшая съ застывающею, какъ на маскѣ, улыбкою на неудачныя попытки студента сдѣлать для нея папиросу.

— Гдѣ сядемъ?—спросилъ Грибчукъ хмуро.

— Вотъ, тамъ. Тамъ затишокъ... Скамеечка есть. За кіоскою. Вотъ, сюда!

Вотъ, вотъ .. Или... Или, можетъ, вамъ неловко со мною сидѣть, студентикъ? Ха, ха, ха!..

— Не говорите глупостей! Все ерунда,—отрѣзалъ Грибчукъ и опустился на скамью. Женщина присѣла рядомъ съ нимъ, подвинувшись совсѣмъ близко къ нему, такъ, что ея нога касалась его ноги, широкія поля шляпы тыкались въ околышъ его фуражки, и по временамъ подхваченная вѣтромъ пола ея длиннаго жакета вдругъ завертывалась и начинала хлопать его по голени. У скамьи, въ вытоптанной постоянными посѣтителями ямкѣ, накопилась лужа дождевой воды, и Грибчукъ чувствовалъ, какъ холодѣютъ его ноги.

Вѣроятно, вода пробирается сквозь трещину резины старыхъ галошъ и наполняетъ ихъ...

Уродливая, кривая папироска была скоро готова. Надо было ее зажечь.

Женщина взяла ее въ ротъ и наклонилась къ Грибчуку, зажигавшему спички. Но закурить папиросу все не удавалось. Одну спичку за другою портилъ Грибчукъ, не достигая цѣли, и съ каждою испорченною спичкою странное чувство досады на все окружающее, на этотъ тянущійся безконечно безлюдный бульваръ, на уродливыя, корявыя, обнаженныя отъ лиственнаго убора деревья, на грязь, хлюпающую подъ остывшими ногами, на приставшую такъ не во время женщину, на самого себя-на все, на все—одолѣвала Грибчука.

Временами онъ съ трудомъ сдерживался отъ желанья бросить на землю эту такъ быстро пустѣющую коробку съ глупыми спичками, втоптать ее въ грязь, чтобъ она кисла въ лужѣ, и...

И уйти, уйти, не оглядываясь.

Но онъ сдерживался, вытаскивалъ изъ полураскрытой коробки одну спичку за другою припухшими, ставшими такими неуклюжими, неловкими пальцами, и чиркалъ ею о шершавый бокъ коробки.

Одну спичку за другою зажигалъ Грибчукъ. А вѣтеръ все смѣялся надъ его усиліями, все дразнилъ его. Онъ иногда вдругъ стихалъ совершенно, когда студентъ только готовился зажечь спичку; за то, когда раздавался слабый трескъ фосфора и вспыхивало голубоватое, робкое пламя, онъ снова накидывался и моментально срывалъ трепещущій, мятущійся огонекъ со вскипающей, плавящейся головки спички. Онъ срывалъ его, чтобы унести этотъ умирающій огонекъ вмѣстѣ съ клубами пронизывающаго тумана, безформенными волнами плывущаго куда то въ невѣдомую даль, цѣпляющагося за голыя, ослизлыя вѣтви корявыхъ деревъ, осѣдающаго влагою на покоробившейся вычурной крышѣ пустого кіоска, подъ защитою котораго Грибчукъ пріютился вмѣстѣ съ своею случайною спутницею.

Грибчукъ не старался разглядѣть лица сидѣвшей рядомъ съ нимъ женщины. Ему до нея не было никакого дѣла... Но каждый разъ, какъ вспыхивала спичка, это лицо, такъ близко, всего на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ находящееся у его лица,—на нѣсколько мгновеній рельефнѣе выдѣлялось изъ туманной мглы и фиксировалось въ мозгу студента.

Особою красотою это лицо не отличалось. Брови были слишкомъ, неестественно широки и темны отъ неискусной, торопливой и грубой подрисовки.

— Жженою пробкою подвела... Дура!—отмѣтилъ злобно и насмѣшливо Грибчукъ.

Широко раскрытые глаза глядѣли какъ-то слишкомъ тревожно, какъ-то жалко, чтобы можно было разглядѣть и понять ихъ красоту, да и темные синіе круги подъ ними выступали слишкомъ замѣтно, контрастируя непріятно съ грубымъ слоемъ дешевыхъ бѣлилъ на худыхъ, впалыхъ щекахъ съ пористою, землистою кожею. Щеки были нарумянены, но сырой вѣтеръ и капли дождя обратили этотъ румянецъ въ какія-то зловѣщія уродливыя пятна, еще болѣе подчеркивавшія худобы женщины.

Ротъ былъ слишкомъ великъ, какъ то растянутъ, вѣроятно, потому, что женщина исхудала. Сморщившіяся, совершенно посинѣвшія губы, расплываясь въ неловкой и робкой улыбкѣ, обнажали мелкіе и неровные зубы.

Лицо молодой женщины—молодость сквозила сквозь общую печать усталости, захудалости, тупости,—это лицо было не лишено нѣкоторой миловидности. Но общее впечатлѣніе было тяжелое: словно отравленъ былъ какимъ то затаеннымъ, далеко, глубоко запрятаннымъ ужасомъ и взглядъ, и тупая улыбка, словно на этомъ лицѣ лежало клеймо постояннаго, даже во снѣ незабываемаго, томящаго, гне-

тущаго, давящаго страха, выраженіе затравленности. Словно человѣкъ съ этимъ улыбающимся привычною улыбкою лицомъ привыкъ опасаться каждую минуту удара по глазамъ, по зубамъ, привыкъ трепетать всѣми фибрами своего изможденнаго тѣла передъ какимъ то надвигающимся, нависающимъ, готовымъ каждое мгновенье обрушиться на него и раздавить его, расплющить,—несчастьемъ...

— А вы сами, симпатичный студентикъ, отчего не курите? А, коллега?!—прервала думы Грибчука женщина.

Папиросу уже удалось, послѣ величайшихъ усилій, закурить, и теперь лицо женщины поминутно освѣщалось разгорающимся огонькомъ ея. Она сидѣла съ навѣтренной стороны отъ Грибчука, и когда, затянувшись, выпускала дымъ папиросы, то вѣтеръ несъ этотъ дымъ прямо въ лицо студенту. Дымъ былъ какимъ - то приторно сладковатымъ. Онъ ѣлъ глаза, онъ, проникая въ легкія Грибчука съ глотками сырого и холоднаго воздуха, вызывалъ желаніе раскашляться.

Грибчукъ не отвѣчалъ.

— Коллега! Слушайте! — снова прервала молчаніе женщина.

— Не называйте меня такъ! Слышите? Вы, какъ васъ тамъ?— хрипло отвѣтилъ, передернувъ прозябшими плечами, Грибчукъ.

— Отчего?

— Отчего? Оттого... Противно. Слышите? Вы, чтобъ васъ... Слышите? Противно... Коллега! Коллега!

— Какой я вамъ „коллега"? Вы, чортъ бы васъ подралъ, сами не понимаете... Коллега! Какой я вамъ „коллега"? Ну?

— Да что же тутъ... обиднаго? Господи?!

Женщина вздрогнула и даже какъ будто отшатнулась отъ студента, отодвинулась. Въ этомъ движеніи опять проскользнуло что-то безконечно испуганное, что - то... звѣриное. Такъ отшатывается, пригибаясь къ землѣ, собака, когда надъ нею занесутъ плеть для удара... Такъ замираетъ затравленный заяцъ, когда его настигаютъ...

Наступило молчаніе.

Туманъ безформенными прядями плылъ впередъ, словно сгущаясь у ближайшаго фонаря и окутывая его лампу какимъ-то желтоватымъ грязнымъ флеромъ. Капли воды сбѣгали съ краевъ крыши кіоска и падали куда - то, звучно шлепаясь о поверхность лужи. Докуренная и брошенная въ сторону рѣзкимъ движеніемъ руки женщины папироска зашипѣла, упавъ на мокрый песокъ...

Грибчукъ хмуро глядѣлъ на противоположный берегъ рѣки, смутно виднѣвшійся громадами зданій во мракѣ ночи. Его собесѣдница какъ то безжизненно покачивалась, сидя на краю скамейки и ковыряя noскомъ ноги скрипѣвшій подъ его давленіемъ песокъ дорожки.

— Послушайте... Вы, какъ васъ...

— Что, колл... студентикъ?—поперхнулась, выпрямляясь, женщина.

— Какъ васъ зовутъ? Кларой? Жозефиной? Маргаритой? Женей?

— Меня? Меня—Лидочкой!

— Лизочкой? Или Лидочкой?

— Лидіею. Лидочкою!

— Ну, отлично. Лидіей, или Лидочкою. Въ сущности все равно. Скажите, женщина, именующая себя Лидочкою...

— Я не женщина.

— А кто же вы?

— Я дѣвушка!

— Дѣвушка? Гм. Такъ и запишемъ. Но это, опять таки, повторяю, въ сущности, все равно. И меня ничуть не интересуетъ. Скажите...

— Что, студентикъ?

— Скажите, почему вы сегодня не дома? Или не въ ресторанѣ какомъ нибудь? Или вообще не гдѣ нибудь, а здѣсь, на бульварѣ?

— Потому что я сегодня еще ничего не заработала.

— А зарабатываете вы какъ и чѣмъ?

Женщина хихикнула и придвинулась къ Грибчуку ближе.

— Ну-съ? Такъ чѣмъ вы „зарабатываете"? Собою торгуете? Себя продаете? Распивочно и на выносъ? Оптомъ и въ розницу? Да?

Женщина испуганно сорвалась со скамьи. Ее точно подхватила холодная волна осенняго вѣтра и понесла вмѣстѣ съ клубами тумана.

Съ совсѣмъ помертвѣвшимъ и холоднымъ лицомъ она прошла мимо Грибчука, подбирая трэнъ своего отяжелѣвшаго сырого платья, словно боясь, что прикосновенье этого платья къ вытянутымъ ногамъ студента еще сильнѣе разсердитъ его, вызоветъ еще рядъ оскорбленій.

На ходу она какъ то безпомощно гнулась впередъ, и шаги ея были робки и неувѣренны.

Однако, ей удалось сдѣлать всего три, четыре шага: Грибчукъ самъ сорвался со скамьи и, нагнавъ уходившую, схватилъ ее за плечо:

— Постойте. Погодите! Не уходите. Я... я не буду! Слушайте. Ну, не сердитесь на меня, Лидочка! Слышите? Ну, простите. Ну, хотите, обругайте меня. Я заслуживаю. Я знаю, что подло съ моей стороны... Ну, хотите,—нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—хотите, такъ ударьте меня. Сильно! Больно ударьте! Только не по лицу. По лицу—я не выдержу... Ударьте. Я вынесу. Ни слова не скажу. Потому—заслужилъ. Я самъ знаю... Какъ папуасъ... Ну, добрая, ну, хорошая, ну, милая...

Не сердитесь, милочка. Не сердитесь? Прощаете? Ну, бѣдненькая моя, ну, славненькая моя, славнюсенькая!

Дѣвушка, придержанная Грибчукомъ и стоявшая снова рядомъ съ нимъ, близко—близко отъ него, такъ, что треплемыя вѣтромъ полы ея жакетки обвивались вокругъ ногъ студента и хлопали по нимъ, не то всхлипнула, не то засмѣялась.

— Я самъ не знаю, что дѣлалъ... Такая злоба накипѣла... Душило меня просто. Знаете, у меня столько горя... Нѣтъ, въ сущности, не горя... Вотъ, у васъ горе. Настоящее горе. А у меня только непріятности... Но большія непріятности... Нервы вымоталъ совсѣмъ. И сначала— крѣпился, а послѣ не выдержалъ. Знаю, страшно вредно мнѣ пить. Отецъ пилъ—такъ и умеръ. Наслѣдственность... И я всегда сдерживаюсь... А тутъ... не могъ! Не выдержалъ. Знаю, нелѣпость форменная... Ну, и все-же не справился съ собою: выпилъ. И выпилъ лишнее. Коньякъ пилъ. Обида!.. Вы только поймите: работалъ, работалъ... Нѣсколько мѣсяцевъ работалъ. Поймите это! Отъ другихъ заработковъ отказывался, потому чтобы тутъ по совѣсти... Плату ждалъ: люди богатые, плата—вѣрная... Отчего и не подождать? Перебивался кое какъ. Тамъ въ долгъ, здѣсь—такъ обойдусь... И вотъ, вдругъ —уѣзжаютъ. Прихожу: какъ же я? — Война, разореніе, обстоятельства... простите, заплатить лишены возможности. Хотите, судитесь, если вамъ не совѣстно...

— Понимаете, Лидочка? Это они мнѣ говорятъ. На урокѣ! Урокъ у меня былъ!.. Вотъ, тутъ, недалеко... Три квартала... Только три квартала отсюда. Хотите, я покажу вамъ домъ этотъ? Идіоты...

— Обманули?— осмѣлѣла женщина.—Обманули? Насъ тоже такъ. часто...

Возьмутъ, время проведутъ, насмѣются, надругаются, душу вымотаютъ, потомъ... гонятъ. Грозятъ еще!—робко вставила она.

— Грозятъ? Подлые, подлые!..

— Больше полиціей... Самъ, смотришь, въ цилиндрѣ, такой франтъ... Думаешь,—ну, счастье твое, Лидка. Хорошо заработала... А оно... полиціею грозитъ...

— Засажу, говоритъ, за развратъ, говоритъ...

— Подлые, подлые... Послушайте, Лидочка! Такъ вы меня прощаете? Право, мнѣ стыдно... Сознаю—я какъ сумасшедшій былъ. Тутъ нездоровится, голова болитъ, ноги тяжелыя... Можетъ—тифъ. Онъ такъ начинается. И на квартирѣ непріятность; задолжалъ сильно... Никогда такъ не должалъ... Ну, тоже—разговоры... До сихъ поръ—хорошо шло все такъ. Семья приличная, тихая.... Работаютъ... И со мною хорошо ладили. И я цѣплялся, признаться, за нихъ... Знаете, не „меблирашки"... Ужасъ тамъ... А тутъ семья, уютно... Привыкъ я такъ... И кредитъ... И вдругъ—придется поссориться, выбираться... И, прибавьте—безъ гроша, безъ гроша, въ сущности...

Я совсѣмъ разстроился. Совсѣмъ, совсѣмъ. Вы пьете? Не говорите: Знаю, что пьете, чтобы забыться... каторжная же жизнь, во всякомъ случаѣ! А мой вопросъ—скотство... Ну, и вы, Лидочка, меня поймете: я самъ былъ готовъ запить... Никогда, въ сущности, серьезно не пилъ. А тутъ... И боязнь наслѣдственности...

Впрочемъ, въ сущности, запить то основательно—трудно. Денегъ нѣтъ. На одинъ разъ хватитъ, а для повтореній—нѣтъ ничего...

Вотъ, я и хожу. Грызу себѣ пальцы... Кажется, готовъ голову о стѣну расколотить... Злоба душитъ.

Съ шести часовъ вечера! Понимаете? Съ самыхъ шести часовъ вечера...

Вѣдь, это же ужасъ одинъ.,. Теперь уже около часу ночи! А я все хожу, все хожу. И думаю. Сталъ было успокаиваться, сталъ мой недавній хмѣль уходить.

Хотѣлъ уже плюнуть на все, идти къ себѣ въ обиталище. А тутъ вы... затронули меня. И меня такая злоба охватила, такая злоба... Знаете, прямо дрожь охватила...

Я знаю, что это—подло. Голубушка! Знаю, говорю...

Ну, милая... Скажите, вы простили меня? Милая, хорошая... Я знаю, что простите...

Я знаю, что вы—хорошая, чистая. Вы ни въ чемъ, ни въ чемъ не виноваты. Знаю, что мы палачи, а вы—жертвы... Но, когда,—десять минутъ назадъ, вы заговорили со мною, я съ трудомъ удержался отъ того, чтобы не... толкнуть васъ. Впрочемъ... Зачѣмъ я лгу? Для чего я лгу? Мнѣ не только оборвать васъ, толнуть, обругать, захотѣлось... Мнѣ ударить васъ... Поймите—ударить. Съ ногъ сбить... Какъ босяку!..

Не пугайтесь. Это прошло. И не вернется. Знаете, волна настроенія.

Я самъ не свой былъ. Въ состояніи невмѣняемости. А теперь я собою овладѣлъ, — вполнѣ овладѣлъ...

Вы милая, вы хорошая, вы добрая. Правда? Вы простили меня?

— Ха, ха, ха!

— Смѣетесь? Ну, вотъ, ну, и хорошо... Ну, и отлично... Но мнѣ самому стыдно.

Хоть вы сто разъ простили бы меня, а мнѣ—стыдно. Хотите, я на колѣни передъ вами стану? Тутъ же, на бульварѣ, въ грязь?

— Что вы, что вы? Еще городовой увидитъ, непріятности будутъ...

— Отчего же?

— Да такъ, студентикъ...

— Ну, не надо... Только, ради Бога, не называйте меня такъ. Прошу васъ!

Это—вульгарно. Меня зовутъ... Меня зовутъ Александромъ Игнатьевичъ. Моя фамилія—Грибчукъ. Видите, до чего я—подлъ? Мнѣ и тутъ хотѣлось васъ Лидочка, обмануть. Хотѣлъ сказать другое имя... Вы понимаете всю подлость человѣческой натуры? Такой порывъ, въ которомъ, все же, столько чистаго и хорошаго, и рядомъ—ложь. Мелкая, глупая, безсмысленная ложь.

Такъ слышите? Меня зовутъ Александромъ Игнатьевичемъ.

— У меня одинъ „обаже“ былъ. Тоже Шурочкою звали...

— Не говорите такъ. Непріятно какъ то, Лидочка! Но вы меня простили?

Совсѣмъ простили? Теперь скажите, добрая, хорошая, милая,— скажите, что вы будете дѣлать? У васъ угла нѣтъ? Вамъ ночевать негдѣ? Не говорите. Ни слова, ни звука!.. Не нужно словъ. Зачѣмъ слова. Вы голодны? Хотите... Только не подумайте чего нибудь... такого..

— Ха, ха, ха... Чего именно?

— Ну, дурного... Ну, что и я вашимъ палачомъ стать хочу. Нѣтъ, я просто...

Ну, какъ сестру... какъ родную сестру. Понимаете? Если бы моя сестра—у меня сестры нѣтъ, но, предположимъ, могла же быть? Ну, такъ вотъ, если бы моя сестра вотъ встрѣтилась со мною такъ на улицѣ. У нея нѣтъ угла. У меня есть уголъ. Ну, и я ей сказалъ, вотъ, какъ вамъ... Вамъ понятна моя мысль, Лидочка? Пойдете со мною? Ко мнѣ? Пойдете? Родная...

Лидочка недоумѣло мотнула головою...

Они пошли.

А вѣтеръ уже унесъ куда то въ невѣдомую даль полосу нахлынувшаго тумана.

Теперь онъ былъ свѣжъ и чистъ. Теперь онъ несся упругими ровными прыжками, какъ бы догоняя кого то ушедшаго отъ него. Теперь онъ не мѣшалъ Грибчуку и Лидочкѣ, а даже какъ будто помогалъ имъ итти...

II.

Грибчукъ жилъ недалеко, такъ что до его квартиры пришлось итти съ бульвара не больше десяти минутъ.

Хоть онъ и дорожилъ своимъ „обиталищемъ“, но на самомъ дѣлѣ въ его убогой комнатѣ не было не только комфорта, но даже хотя бы тѣни уютности.

Стѣны были заклеены грошовыми обоями, видѣвшими, вѣроятно, не одно поколѣніе студентовъ или иныхъ кратковременныхъ жильцовъ „обиталища“. Кверху, къ потолку, эти обои или остались болѣе свѣтлыми, или ихъ рѣзкій тонъ и узоры были смягчены насѣвшею, какъ сѣдина, пылью.

Внизу, особенно у убогаго, покрытаго клеенкою стола, у постели, у полки съ книгами, съ верхней части которой почему то скалилъ насмѣшливо зубы запыленный человѣческій черепъ,—всѣ обои были покрыты цѣлыми серіями разнаго рода пятенъ невѣдомаго происхожденія. А еще ниже—они мѣстами висѣли лохмотьями, мѣстами коробились и пузырились.

Въ комнатѣ было какъ то особенно неприглядно и холодно.

Нѣсколько расшатанныхъ стульевъ, узкая, жиденькая базарная желѣзная кровать съ вылѣзшей наружу, впередъ, покосившеюся ножкою, съ свалявшимся въ блинъ матрацомъ, прикрытымъ дырявымъ грубымъ шерстянымъ одѣяломъ съ узорами „модернъ“, трехногій желѣзный умывальникъ съ растрескаными фаянсовымъ тазомъ и кувшиномъ безъ ручки, убогій столъ, заваленный газетами, книгами, коробками отъ табаку,—столъ, на нѣсколько очищенномъ концѣ котораго стоялъ сиротливо недопитый стаканъ чаю съ кусочками блѣднаго лимона,—да кривая и ржавая вѣшалка для платья,—это была вся меблировка „обиталища“.

Введя Лидочка въ свою комнату, Грибчукъ зажегъ неуклюжую керосиновую лампу, сбросилъ со стола кучу книгъ и газетъ прямо на полъ, очистилъ отъ какого то хлама стулъ возлѣ стола, усадилъ на этотъ стулъ дѣвушку, потомъ спохватился:

— Что же это я? Раздѣвайтесь,

Лидочка! Снимите кофточку. Или это не кофточка? Сакъ? Пальмерстоичикъ? Ахъ, „Гейша"— вы говорите? Ну, все равно. „Гейша", такъ „Гейша". Давайте ее сюда. Я повѣшу! Вотъ, такъ! Галоши сняли? Безъ галошъ? Да что вы? Въ такую погоду? Ай-ай-ай!..

— Такъ пришлось. Старые порвавшись, а на новые не... хватаетъ.

— Ай, ай, ай! Безъ галошъ? Послушайте. Вѣдъ, это же ужасно? Вѣдь, это же чортъ знаетъ, что такое?! А сапоги... то есть, ботинки, по крайней мѣрѣ, цѣлы?

— Протекаютъ. Одна нога мокрая!—равнодушно усталымъ голосомъ, какъ бы сообщая совершенно для нея безразличное извѣстіе, сказала Лидочка.

— Что же дѣлать?—затормошился студентъ,— вы бы, Лидочка, ботинки сняли? Комната теплая...

— Нѣтъ, ужъ лучше такъ... согрѣюсь!

— Чаю хотите?—перемѣнилъ тему разговора Грибчукъ:—чаю, чаю... У меня на спиртовкѣ... въ одно мгновеніе ока. А ѣсть? Ѣсть—хотите? Ну, конечно же, хотите! Я васъ и спрашивать не буду... У меня немного колбасы осталось отъ обѣда. Хлѣбъ есть. Яйца есть—въ лавочкѣ бралъ. Что еще есть? Представьте, водка есть. „Монополька". Ха, ха, ха. Вы смѣетесь? Ну, засмѣйтесь еще разъ. Ну, вотъ, такъ. Знаете, Лидочка? У васъ ужасно милая улыбка!

Лидочка улыбнулась.

— Ну, еще разъ. Ай, ай! Да вы— паинька!—одобрилъ ее Грибчукъ, суетясь около вспыхнувшей голубымъ пламенемъ спиртовки,—знаете, у меня барышня одна была знакомая. Не здѣсь, нѣтъ, не здѣсь... Тамъ, на родинѣ. На югѣ... Полковника одного дочь. Институтка, Хорошенькая такая. Женею звали...

— Предметъ?

— Что такое? Ахъ, да... Нѣтъ, не „предметъ"!.. А это, Лидочка, противное, вульгарное слово. И не повторяйте его. Ну, его! Богъ съ нимъ!.. Ну, такъ вотъ...

Ай, вода закипѣла... Сейчасъ, сейчасъ... Вотъ и нашъ чай готовъ. Вы какой любите? Жидкій? Крѣпкій? Сахару два куска, или три? Хотите, у меня капелька коньяку осталась? Сегодня, послѣ той исторіи, мнѣ такъ нездоровилось, я купилъ. Хорошій коньякъ: полтора рубля бутылка. Конечно, не заграничный... Но, вѣдь, въ сущности— это рѣшительно все равно. Все— фальсификація, не больше. Такъ хотите коньячку? Въ чай? Или такъ? Ай, лампа коптитъ!.. Горѣлка испортилась... Ну, вотъ, такъ. Все обстоитъ благополучно, какъ и должно обстоять.

Угощая дѣвушку имѣвшимися въ запасѣ незамысловатыми яствами и питіями, хозяинъ и самъ какъ-то мимоходомъ, мелькомъ, проглотилъ двѣ три рюмки водки и столько-же коньяку.

Его некрасивое лицо съ точно вылинявшими, неопредѣленными, нехарактерными чертами, лицо болѣзненнаго, никогда недышащаго свѣжимъ воздухомъ, никогда не бодрящаго себя физическою работою человѣка, потомка цѣлаго поколѣнія такихъ же боящихся воздуха и работы людей,— раскраснѣлось. Спиртъ погналъ кровь отъ сердца къ лицу, отогрѣлъ хмурые сѣрые глаза, зажегъ въ нихъ огонекъ, развязалъ руки.

Глаза Грибчука заблестѣли. Движенія его сдѣлались какъ-то увѣреннѣе, красивѣе, свободнѣе. Онъ жестикулировалъ, онъ смѣялся, запрокидывая назадъ голову, такъ что Лидочкѣ былъ виденъ выпятившійся кадыкъ на тонкомъ морщинистомъ горлѣ.

Смѣялась въ отвѣтъ и она, но смѣялась какъ-то робко, словно боясь, что ея громкій смѣхъ кого то оскорбитъ, кого-то разсердитъ.

Смѣясь, Грибчукъ весь содрагался. Онъ какъ то странно приподнималъ вверхъ плечи и въ то

же время засовывалъ руки глубоко, глубоко въ карманы брюкъ, а потомъ вытаскивалъ эти руки, смотрѣлъ машинально на нихъ и нервно мялъ между пальцевъ кусочки чернаго хлѣба, дѣлая изъ нихъ катышки и лепешки.

Иногда, разговаривая, онъ такъ близко придвигалъ свое лицо къ дѣвушкѣ, что дышалъ ей прямо въ лицо отравленнымъ алкоголемъ дыханьемъ. Рѣчь его становилась все безсвязнѣе и безсвязнѣе.

— Только не подумайте чего нибудь дурного, Лидочка!— говорилъ онъ.

— Нѣтъ, вы, Лидочка, дайте мнѣ слово, что ничего дурного обо мнѣ не подумаете. Я не хочу этого. Я вамъ запрещаю это! Я, вѣдь, въ сущности, только искупаю свою вину передъ вами. Какъ сестру... Отчего и не такъ? Вѣдь могла прiѣхать ко мнѣ сестра? Конечно, если допустить, что таковая у меня имѣется... Тссъ! За стѣною разговариваютъ. Правда? Вы тоже слышите? Это означаетъ... Тутъ, вѣдь, тоненькiй простѣнокъ, и туда—все слышно..

Грибчукъ заговорилъ грубымъ, срывающимся шепотомъ.

— Все, все слышно... Это означаетъ, что завтра будутъ предстоять непрiятныя объясненiя...

Лидочка вздрогнула и машинально схватилась за полу „гейши“.

— Стопъ! Что вы? Какъ не стыдно?—остановилъ ее Грибчукъ,— вопервыхъ, на всякiя объясненiя и непрiятности—въ высокой и сугубо высокой степени наплевать. Начихать въ тетрадь съ четвертаго этажа...

А во-вторыхъ, — что за гнусность? Они могутъ претендовать на то, чтобы я не принималъ у себя... подозрительныхъ женщинъ. Такъ. Но сестру? Какое право?

— Я лучше уйду!—затревожилась Лидочка.

— Стопъ. Ни въ коемъ случаѣ. Еще чаю? Ну, коньячку?! Друзья, нальемъ бокалъ виномъ!

Да, вспомнилъ: вы промочили ноги? Да? Не отпирайтесь. Хотите, скиньте ботинки,—я оботру ноги спиртомъ, чтобы вы не простудились? Не хотите? Да почему? Напрасно, напрасно... Слушайте, Лидочка. У меня мысль одна родилась... Только важно—какъ вы отнесетесь къ ней. Самое существенное... Важно, чтобы вы не перетолковали ее въ дурную сторону. Слышите? Важно—понять! Остальное—приложится..

Мысль такая, Лидочка: вы одиноки, я одинокъ. Но раздѣленное одиночество—уже не одиночество.

Одно одиночество—минусъ. Другое одиночество—минусъ. Одно на одно—минусъ на минусъ—уже не минусъ, уже плюсъ.. Это —по математикѣ... Вы знаете, я ни во что теперь уже не вѣрю, кромѣ математики. Мой символъ вѣры—дважды два—четыре. Не три, не пять, не стеариновая свѣчка, а именно—только четыре. Въ Христа я вѣрю, Лидочка. Но знаете—почему? Потому что Христосъ—это вѣчная логика...

Но оставимъ это.

Бросимъ высшiя матерiи... Хотите чаю? И еще коньячку? И я съ вами. Наливаю—это—вамъ. А это—мнѣ!

Поднимемъ бокалы! Содвинемъ ихъ разомъ!

Да здравствуетъ солнце! Да здравствуетъ разумъ!

Стойте. Что я говорилъ? Напомните мнѣ, помогите мнѣ, Лидочка.

— Говорили,—скучаете безъ „предмета“...

— Немного не такъ. Но это, въ сущности,—приблизительно. Ну, такъ вотъ. Я говорилъ о нашемъ общемъ одиночествѣ... Послушайте, милая и хорошая дѣвочка. У меня грѣховъ много...

— Ха, ха, ха. А вы покайтесь!

— Не перебивайте. У меня, говорю, грѣховъ много. Иногда мнѣ страшно хочется искупить хоть чѣмъ нибудь то зло, которое... ко-

торымъ... Ну, словомъ, Лидочка, мы всѣ виноваты. Всѣ, всѣ... Не протестуйте, Лидочка!

Напримѣръ, возьмемъ наши отношенія къ женщинѣ. Боже, какое это скотство! Можно ли придумать хуже?

Скажите, за что я васъ, васъ, милая и хорошая, чистая дѣвушка, сегодня обидѣлъ? За что?

Меня обидѣли. Я захотѣлъ сорвать зло. На комъ? На васъ...

Меня обидѣли! надо мстить. Но мстить, такъ ужъ мстить, чортъ возьми... Прежде всего—кому? Ужъ, конечно, не вамъ...

А я былъ готовъ ударить именно васъ. За что? За то, что тысячи, милліоны моихъ братьевъ затоптали васъ въ грязь? О, мы всѣ подлы. У насъ у всѣхъ звѣрь въ душѣ сидитъ. Не спорьте. Лидочка!

Но я отвлекся отъ основной мысли... И, я вижу, вы зѣваете? А-а-ахъ! И самого потянуло зѣвнуть. Знаете,—зѣвота заразительна... Ну, слушайте, Лидочка! А я потороплюсь кончить. А вы устали, я усталъ... Пора бай-бай.

Только будьте умницею и слушайте внимательно. Главное, я боюсь, чтобы вы не перетолковали моихъ словъ.

Самое главное—понять эти слова —правильно. Это важно, безконечно важно. И для васъ, и для меня.

Если вы ихъ перетолкуете въ другую сторону, это будетъ ужаснымъ оскорбленіемъ для меня, Лидочка. Такъ вы слушаете?

— А у васъ карточекъ вашихъ „предметовъ" нѣту?—перебила сбивчивую и мало понятную ей рѣчь дѣвушка, зѣвая и прикрывая ротъ рукою.

— Карточекъ? Какихъ карточекъ?—остановился недоумѣло Грибчукъ.

— Ну, какихъ нибудь... Ходитъ къ вамъ дѣвица какая нибудь? Ну, или можетъ вы у которой бываетё... А я люблю карточки...

— Оставьте, Лидочка. Это—не важно. Вы послушайте меня. Поймите, на сколько это важно...

Слушайте: вы голодаете? Не всегда? Но иногда? Ага! Такъ и отмѣтимъ. Вы терпите острую нужду. Примѣръ на лицо: въ такую страшную погоду вы ходите чуть ли не босикомъ...

— Ну, ужъ, скажите... У меня и бальныя туфли есть.

— Оставьте, не перебивайте. Затѣмъ, вы переносите всякаго рода униженія. Васъ оскорляютъ. Вы... не обижайтесь, ради всего святого, не обижайтесь! Но вы въ глазахъ общества—поймите, не въ моихъ глазахъ, а въ глазахъ общества,—этого подлаго, фарисействующаго буржуазнаго общества — вы, простите, парія...

Лидочка вздрогнула и сдѣлала большіе глаза.

— Вотъ ужъ неправда. Я не какая нибудь. Я по билету хожу. У насъ строго... хоть сейчасъ покажу...

— Подождите. Бросьте вы этотъ проклятый билетъ... Слушайте. Гдѣ исходъ? Вамъ грозитъ гибель. Не пугайтесь, милая, хорошая, чистая... Но... но вамъ, несомнѣнно, грозитъ гибель. Теперь разсмотримъ другую сторону медали. Стойте. Только сначала—я налью коньяку. Это—вамъ. Это—мнѣ. И еще на рюмку, на полторы осталось...

Теперь пойдемъ дальше.

Я одинокъ. Зарабатываю мало. Рублей сорокъ, сорокъ пять въ мѣсяцъ. Но, послушайте... Вѣдь, если хотите, это не мало. Это—много. Сравните мой бюджетъ съ бюджетомъ главы крестьянскаго дома... Ага! Кромѣ того,—вы обратите вниманіе, что три четверти моихъ коллегъ зарабатываетъ меньше меня. И, кромѣ того, я въ лучшихъ условіяхъ... Я, напримѣръ, могу чертить. А изъ нихъ—почти никто. Потомъ—я научился ретушировать. Представьте, можно этимъ зарабатывать. Да... И такъ далѣе.

Резюмирую: я могу зарабатывать, если захочу, до шестидесяти рублей въ мѣсяцъ.

— Которой дѣвушкѣ счастье, такъ въ мѣсяцъ она заработаетъ...

— Постойте. Не перебивайте! Я потеряю нить мысли. Я говорю: заработки порядочные. На эти деньги могло бы жить два человѣка. Да что я говорю? даже три. Три могло бы жить. Конечно, скромно...

Если бы въ моей душѣ были живы аль-тру-исти-ческія чувства...

Слово „альтруистическія" было произнесено Грибчукомъ съ трудомъ. Оно словно поперхнулся имъ и растянулъ его.

Это почему то произвело странное впечатлѣніе на Лидочку: она припала къ столу грудью, бросила на скатерть свои тоненькія, худыя, длинныя руки, положила голову на нихъ,—и беззвучно разсмѣялась.

Не замѣчая, что она смѣется, Грибчукъ продолжалъ, держась за спинку раскачиваемаго стула:

— Положимъ, въ данный моментъ у меня нѣтъ ни сантима. Но въ жизни современнаго общества играетъ громадную роль кредитъ, и я могу прибѣгнуть къ его помощи... Ну, и такъ далѣе...

Но я все отвлекаюсь отъ основной темы.

Видите ли, дѣло—просто. Очень простое дѣло...

Отъ васъ только зависитъ... Хотите, Лидочка, помогите мнѣ.

— У меня—ни грошика... Прогорѣла совсѣмъ!

— Не то. Вы слушайте! Не перебивая, только слушайте. Но я буду кратокъ. Вы одиноки, я одинокъ. Отчего намъ не соединиться? Только, ради всего святого, не подумайте, что я предлагаю вамъ что нибудь нечистое, безчестное!

Нѣтъ! Будетъ! Довольно грязи! Довольно сладострастныхъ павіановъ. Долой эту мерзость

— Скажите, какой вы... Храбрый! —хихикнула Лидочка.

— Лидочка! Отчего вы не можете быть моею сестрою? Лидочка! Постойте. Еще есть коньякъ. Налейте себѣ. Такъ. И мнѣ. Мерси! Ну, ваше здоровье...

Рюмка разбилась? Чортъ съ нею. Не съ рюмкою жить, а съ добрыми людьми... Слушайте, Лидочка: рѣшено—вы остаетесь у меня ночевать. Конечно, какъ сестра. Какъ сестреночка...

Завтра вы перевозите ко мнѣ свои вещи. Главное—паспортъ. Безъ паспорта у насъ жить нельзя. Вы знаете, какой то умный иностранецъ, Лидочка, сострилъ, что русскій человѣкъ состоитъ изъ трехъ элементовъ,— такъ сказать — изъ души, тѣла и паспорта. Души можетъ и не быть, тѣло—не обязательно. Но паспортъ... О, онъ обязателенъ!..

Итакъ, вы перевозите ко мнѣ всѣ свои вещи. Я достаю денегъ. Пріобрѣтаю вамъ швейную машину... Или, еще лучше—маленькую пишущую машинку. Знаете, теперь есть недорогія: рублей въ сорокъ, пятьдесятъ. И вы начинаете работать. Шить, или писать... И мы будемъ... вмѣстѣ. Но только, какъ братъ и сестра. Только—какъ братъ и сестра.

Скажите, Лидочка, вы согласны? Родная, хорошая, чистая моя—и несчастная сестреночка...

Выпитое давало себя знать: дѣвушка почти безъ перерыва хохотала, отъ времени до времени принимаясь вдругъ почему то безсознательно оправлять расползающуюся прическу. Смѣялась она странно: не такъ, какъ смѣются, когда смѣшно, а такъ, какъ смѣются, когда грозитъ щекотка...

Грибчукъ, все время расхаживавшій по комнаткѣ, теперь уже почти не отходилъ отъ дѣвушки и, говоря, часто дотрагивался то до ея рукъ, горячихъ и влажныхъ, то до ея худыхъ плечъ.

Лампа догорала. Керосина въ ней оставалось мало, на донышкѣ.

Замѣтивъ это, Грибчукъ заторопился:

— Ну, Лидочка, пора бай—бай! Вы ляжете на моей постели. А я— гдѣ нибудь... Вѣдь, въ сущности— постель—это предразсудокъ. Спать даже лучше, здоровѣе—на полу. Пальто вмѣсто матраца—вотъ, такъ. Подъ голову—что нибудь.

Тамъ есть лекціи. Тащите ихъ сюда. Потомъ этотъ сверточекъ. Такъ. Готово. Мое ложе—готово. А вамъ постель, дѣточка, я приготовлю. Вотъ, такъ. Ложитесь теперь, дѣтка.

Лидочка нерѣшительно подошла къ постели и усѣлась на ея краю, улыбаясь и покачиваясь всѣмъ корпусомъ, причемъ ея правая нога чертила узоры на полу.

— Отчего же вы не раздѣваетесь?—освѣдомился Грибчукъ.

— Ахъ, какой я болванъ... Не догадался. Вы стѣсняетесь? Свѣтъ мѣшаетъ? Бѣдненькая моя! До чего васъ замучили, до чего васъ затравили, истерзали! Но я лампу тушу. Вы темноты не боитесь? Ну, и отлично... Ну, теперь ложитесь, спите. Бай-бай! Баиньки!..

Улегшись, Грибчукъ невольно сталъ прислушиваться. Въ той сторонѣ, гдѣ стояла кровать, слышался явственный шорохъ, но онъ сливался съ шумомъ въ ушахъ отъ прилива крови къ пылавшей головѣ студента.

Что то гулко стукнуло, упавъ на полъ:

— Ага! Ботинки сняли, Лидочка? Ну, что? Мокры ноги?—спросилъ Грибчукъ.

Отвѣта не было.

Наступила тишина.

Нѣсколько мгновеній Грибчукъ прислушивался, напрасно ловя звуки. Онъ приподнялся на одномъ локтѣ, напрягая слухъ. Кровь все сильнѣе и сильнѣе приливала къ головѣ, ему сдѣлалось нестерпимо душно, сердце вдругъ дрогнуло и забилось тровожно.

— Лидочка. Вы еще не... не спите? — заговорилъ Грибчукъ. И голосъ его звучалъ какъ то странно, сдавленно, совсѣмъ не тѣми нотками, какими онъ былъ полонъ еще недавно.

— Н-нѣтъ!—шопотомъ отвѣтила Лидочка,—нѣтъ. А что?

— Нѣтъ, я такъ. Знаете, одна мысль пришла въ голову... Спите! Спите! Ничего не бойтесь, дѣтка. Слышите А то я разсержусь... Слышите? Сейчасъ же—бай-бай!

Грибчукъ улегся, но кровь все приливала и приливала къ головѣ, стучала тысячами молотовъ въ вискахъ. Онъ приподнялся, сбросивъ съ себя на полъ ветхій пледъ, которымъ накрылся, уступивъ одѣяло Лидочкѣ. Грибчукъ прислушался. Теперь шороха раздѣванья Лидочки не было слышно. Слышалось только ея неровное и тяжелое, словно сдерживаемое, но все же вырывающееся дыханіе.

Грибчукъ всталъ и сдѣлалъ два шага впередъ, по направленію къ постели протянувъ руки.

Правая рука нагнулась на что то на холодное и условатое—желѣзо спинки кровати. Лѣвая—на что то теплое, упругое, атласистое. Это что то—плечо Лидочки — вздрогнуло подъ рукою Грибчука.

Лидочка опять, какъ при уличной встрѣчѣ съ студентомъ, не то всхлипнула, не то нервно засмѣялась, хихикнула...

* * *

Грибчукъ проснулся позднимъ утромъ.

Погода стояла отвратительная. Въ окно его „обиталища“ лились потоки мутнаго сѣраго свѣта. Въ углахъ убогой комнаты ютились упорно тѣни. За стѣною слышался громкій говоръ, причемъ поминутно раздавались слова:

— Безобразіе... порядочный домъ.. развратъ... уличная тварь...

Повернувшись, Грибчукъ толкнулъ лежавшее на его постели тѣло и въ то же мгновенье вспом-

нилъ весь вчерашній день, все то, что онъ сдѣлалъ, все, что онъ говорилъ этой женщинѣ.

Скрипнувъ зубами, онъ съ тупою злобою взглянулъ въ лицо Лидочки и сейчасъ же отвернулся.

Жгучее чувство отвращенія и злобы, злобы на себя, на эту женщину, и на весь вчерашній вечеръ, сырой и туманный, на сегодняшнее утро, на это убогое „обиталище"— злоба, тупая, холодная и скользская, охватила все существо Грибчука.

Онъ почувствовалъ, какъ волнами нахлынула въ его голову тупая, щемящая боль, забытая въ хмѣльномъ снѣ, онъ почувствовалъ, какъ гнетущее, отравляющее чувство заползло въ грудь и тупою болью отозвалось во всемъ разбитомъ усталостью тѣлѣ.

Онъ торопливо одѣлся и взялъ за плечо Лидочку.

— Послушайте, какъ васъ тамъ? Слышите? Пора вставать!

Лидочка открыла широко слипающіеся, усталые глаза. Въ первое мгновеніе въ нихъ еще не было никакого выраженія.

Но потомъ глаза эти какъ то сразу потускнѣли, померкли, встрѣтясь съ взглядомъ Грибчука,—холоднымъ и враждебнымъ.

— Послушайте! Вамъ русскимъ языкомъ говорятъ: вставайте, и... и уходите! — раздражительно произнесъ Грибчукъ и отвернулся въ сторону стараясь не глядѣть, какъ женщина торопливо одѣвается, сидя на его постели, еще сохранившей теплоту ея тѣла.

Лидочка торопилась, но одѣваніе не удавалось. То ея дрожащіе пальцы не могли справиться съ пуговицами и крючками, то вдругъ затягивалась какая нибудь тесемка, и дѣвушка, все болѣе и болѣе теряясь, тревожно прислушиваясь, возилась надъ кофточкою или лифчикомъ въ теченіе безконечно тянущихся минутъ.

Грибчукъ сидѣлъ у стола, тоскливо глядя на улицу и барабаня пальцами по переплету какого то „руководства".

Подъ руку ему попадались засохшія крошки чернаго хлѣба, впивались во влажную блѣдную кожу ладони, но онъ этого не чувствовалъ. Онъ весь былъ охваченъ, онъ весь былъ проникнутъ однимъ тревожнымъ, саднящимъ чувствомъ...

Дерганье ручки двери дало ему понять, что дѣвушка одѣлась и уходитъ.

Студентъ всталъ, и, не глядя въ лицо Лидочки, отперъ замокъ и распахнулъ дверь.

— Послушайте, вы... Лизочка, Леночка, какъ васъ тамъ...

— Лидочка!

— Ну, Лидочка. У меня... сейчасъ... Ну, понимаете,—заплатить я не могу. Хотите—зайдите завтра. Я достану... Или скажите вашъ адресъ. Я... я пришлю. Я непремѣнно пришлю. Сколько я вамъ долженъ? Ну? Отчего вы молчите? Что за церемонія? Комедія? Не хотите? Ну, и... И не надо. Была бы честь предложена!

Дѣвушка стояла въ корридорѣ, не зная, куда итти.

Грибчукъ, оглянувшись направо и налѣво,—сказалъ ей въ полголоса.—Направо. Потомъ лѣстница налѣво... Слышите. Да идите же! А то кто нибудь выйдетъ... Слышите?

И вошелъ въ свое обиталище.

Тусклый сѣрый свѣтъ ползъ въ окно. Шелъ дождь. Влага сбѣгала извилистыми, капризными ручейками по мутнымъ стекламъ. Въ углахъ еще ютились тѣни ночи...

М. Первухинъ.

Въ цѣпяхъ Шайтана.

РАЗСКАЗЪ

М. Коцюбинскаго.

Перевелъ съ украинскаго

Дм. Донцовъ.

Эмене сидѣла на раскаленной отъ солнца землѣ своего двора. Сегодня—Байрамъ, праздникъ; мать ушла въ комнаты—переспать зной, а отецъ, старый хаджи Бекиръ-Меметъ-оглу, какъ и всѣ правовѣрные, уже во второй разъ отправился въ мечеть. Кругомъ тишина. Лишь со стороны села, съ высокаго стариннаго минарета долетаютъ скрипящіе, какъ немазанное колесо, благочестивые возгласы муллы:

— Ла Алла... иль Алла-а... Магометъ расуль Алла-а...

Эмене, опершись локтями о колѣни, опустила голову на ладони и смотритъ.

Передъ нею, почти прямо изъ-подъ ногъ, сбѣгали внизъ по каменистымъ холмамъ плантаціи табака и винограда. Ровныя линіи кустовъ казались зелеными строчками исполинской раскрытой книги; пятна табака зеленѣли на фонѣ сѣраго камня, будто громадные лишаи.

Еще ниже, вдоль песчаной полосы берега, окруженныя тѣнистыми рощами, бѣлѣли роскошныя дачи „гяуровъ" съ рядами стройныхъ кипарисовъ.

А дальше было море.

Голубое, ослѣпительно - голубое, какъ крымское небо, оно млѣло въ зноѣ лѣтняго дня, дышало легкимъ туманомъ и, нѣжными тонами сливаясь съ далекимъ небосклономъ, очаровывало и манило въ свою чистую, теплую, радостную синеву...

Съ правой стороны горбатою тѣнью легъ въ море Аю-дагъ и, будто томимое зноемъ и жаждою животное, приникъ къ водѣ.

Эмене безучастно смотритъ на знакомый ландшафтъ: ей скучно. Она дѣвушка — „кызъ" — и не для нея это таинственное, полное чаръ, море: она никогда не переплыветъ его, какъ и никогда не перешагнетъ черезъ туманъ суровой Яйлы, что тамъ, за отцовскою избою, за селомъ, грозно вздымаетъ вверхъ свои каменные хребты, отдѣляя край Аллаха отъ стороны невѣрныхъ.

Еще въ будень, когда Эмене, не опуская рукъ, садитъ табакъ, окапываетъ виноградъ, поливаетъ огородъ—она не чувствуетъ скуки; но въ праздникъ, вотъ какъ теперь, когда ворчливая мать уснула, отецъ молится, а работа ждетъ будня—дѣвушка не знаетъ, что съ собою дѣлать.

Кругомъ—мертвая тишина, какъ на землѣ, такъ и въ небѣ. Солнце стоитъ высоко, раскаленная земля пышетъ каждымъ комочкомъ, каждымъ камушкомъ. Горячее, будто изъ огромной печи, дыханіе идетъ отъ земли, съ неба, съ сѣрыхъ каменныхъ громадъ Яйлы. Блѣдный широколистный табакъ насыщаетъ воздухъ наркотическимъ ароматомъ. Въ самомъ воздухѣ разлита скука, о скукѣ тихо журчитъ бѣгущій по камнямъ ручеекъ, отъ скуки скачетъ на цѣпи старый песъ и, глухо позвякивая желѣзомъ, съ хриплымъ ворчаніемъ жалуется небу: Алла—Алла!.. Алла—Алла!..

Одинокая жаба вылѣзла изъ лужи и изрѣдка меланхолически квакаетъ... На темныхъ, лопатообразныхъ фигахъ съ увлеченіемъ, словно сотни трещетокъ, до одури, до самозабвенія, трещатъ цикады.

А все-таки тихо вокругъ, все-таки скучно отъ этихъ однообразныхъ звуковъ.

Эмене наскучило наконецъ сидѣть на горячей землѣ. Съ лѣнивыми движеніями одалиски, она потянулась, расправила гибкіе, молодые члены, поднялась и апатично обвела вокругъ себя глазами. Что ей дѣлать, чѣмъ заполнить скучный праздничный день?

Случайно ея взглядъ остановился на жабѣ. Большая, распластавшаяся, она прижималась брюхомъ къ теплой землѣ, подняла глазастную голову и издаетъ звуки, то тоскливые, полные жалобы и мелодіи, то сердитые, ворчливые, словно въ серединѣ у нея, въ ея большомъ бѣловатомъ чревѣ что-то клокотало.

Эмене осторожно, на цыпочкахъ, начала подкрадываться къ одинокой, какъ и она, жабѣ. Но жаба замѣтила непрошеннаго гостя и съ плескомъ нырнула въ воду, вытянувъ ноги и поднявши со дна цѣлый столбъ мути.

Дѣвушка наклонилась надъ лужею и смотрѣла, какъ, мало-по-малу, муть осѣдала и вода очищалась. Однако и это показалось ей скучнымъ.

Эмене сбросила съ ногъ туфли, зажала между колѣнами красные шаровары, и начала мыть ноги. Ослѣпительное солнце обдавало своимъ блескомъ стройную фигуру татарки, играло на рыжихъ, недавно накрашенныхъ косахъ, желтомъ халатѣ и красныхъ шароварахъ, а подведенныя черною краскою брови и красные, тоже накрашенные, ногти на рукахъ и ногахъ, такъ и блестѣли на солнцѣ, будто покрытые лакомъ.

Дѣвушка плескалась въ теплой водѣ, какъ вдругъ, взглянувъ на прибрежныя дачи, она такъ и застыла, склонившись надъ водою, полная любопытства. То, что заинтересовало ее, было не что иное, какъ трое осѣдланныхъ лошадей у дачнаго крыльца, а около нихъ татаринъ-проводникъ, очевидно, ожидавшій кого-то. Но вотъ, отъ бѣлой стѣны дома отдѣлились двѣ женскихъ фигуры, тонкія, высокія, будто молодые кипарисы, и подошли къ лошадямъ. Тутъ Эмене не выдержала, выскочила изъ воды, и, безъ туфель, шлепая мокрыми ногами, перебѣжала дворъ, прислонилась къ плетню и съ любопытствомъ высунула голову изъ-за дерева. Сердце у нея дрогнуло: она узнала Септара—красу кучукъ-койской молодежи, отчаяннаго проводника, образъ котораго давно уже носитъ въ своемъ сердцѣ бѣдная дѣвушка, хотя не смѣетъ и глазъ поднять на свой идеалъ, какъ это и подобаетъ порядочной татарской „кызъ“. Но тише! Вотъ женщины подходятъ къ лошадямъ. Септаръ подставляетъ ладонь, дама ставитъ на нее ногу, слегка касается его плеча и, какъ мячъ, вскакиваетъ на лошадь... Тц... тц... тц... качаетъ головою Эмене и чувствуетъ, какъ горячая волна крови приливаетъ къ сердцу и къ головѣ.

— Алла—Алла!--Думаетъ Эмене,—ты справедливъ, но зачѣмъ женщинамъ невѣрныхъ лучше живется, чѣмъ правовѣрнымъ?..

Грѣховныя мысли бродятъ въ головѣ у дѣвушки. А вѣдь сегодня Байрамъ, вѣдь сегодня праздникъ! Досадно дѣвушкѣ, что къ ней приступаетъ шайтанъ и нашептываетъ грѣховныя мысли, и волнуетъ дѣвичью кровь... Онъ приковываетъ ея глаза къ тому мѣсту, гдѣ за минуту передъ тѣмъ видѣла она стройнаго проводника и такую, тамъ мало похожую на окружавшую ее, жизнь, и она не можетъ оторвать глазъ, хотя уже ничего не видитъ тамъ, кромѣ опустѣвшаго мѣста передъ крыльцомъ...

Черезъ нѣсколько минутъ топотъ лошадиныхъ ногъ по дорогѣ вывелъ Эмене изъ задумчивости. Дѣвушка встрепенулась, быстро подбѣжала къ частоколу на другомъ концѣ двора и прильнула лицомъ къ отверстію. Сердце билось, какъ рыба въ рукѣ, а глаза жадно пожирали кусочекъ дороги, виднѣвшійся въ щель. Но пусто еще на дорогѣ, никого нѣтъ. Но вотъ загудѣла земля, и показалась кавалькада: впереди дама въ сѣромъ, а за нею другая, въ синемъ; рядомъ съ послѣднею ѣхалъ Септанъ.

Эмене пожирала глазами проводника. А онъ, лихо подбоченясь, выпячивалъ шитую золотомъ грудь и нахальнымъ, хищнымъ взглядомъ окидывалъ даму въ синемъ. На его гладко—выбритомъ, красномъ, лоснящемся, какъ помидоръ, лицѣ, выглядывавшемъ изъ-подъ круглой съ золотымъ верхомъ шапочки, отражалась самоувѣренность съ оттѣнкомъ презрѣнія къ женщинѣ, свидѣтельствовавшая о томъ, что онъ вошелъ во вкусъ жизни проводника и что не одна русская „барыня его любилъ... дэнга давалъ“ и что онъ на эти „денга гулялъ“. Эмене невольно залюбовалась имъ, его крѣпкой, мощной сильной фигурой, плотно обтянутой тонкимъ сукномъ, его наглымъ взглядомъ, который казался ей признакомъ отваги и рыцарскаго духа. Онъ казался ей свѣтлымъ мѣсяцемъ, который отражался въ морѣ ея сердца и простеръ блестящій путь къ счастью.

Внезапно у калитки задребезжалъ разбитый звонокъ Эмене вздрогнула, будто пойманная на мѣстѣ преступленія, и, забывъ о туфляхъ, опрометью бросилась въ сѣни. Звонокъ прохрипѣлъ еще разъ. Это значило, что идетъ чужой мужчина. И дѣйствительно, едва Эмене успѣла спрятаться во дворъ, вошелъ ея отецъ, старый хаджи-Бекиръ, въ сопровожденіи молодого рѣзника Мустафы. Съ этимъ богобоязненнымъ рѣзникомъ, насквозь пропитаннымъ овечьимъ саломъ, старый хаджи вѣчно имѣлъ какія-то дѣла, въ которыхъ будущность Эмене играла не послѣднюю роль.

Какъ разъ въ этотъ моментъ кавалькада выѣхала на самый высшій пунктъ дороги, и стройная фигура Септара отчетливо обрисовалась на фонѣ голубого неба. Хаджи—Бекиръ взглянулъ туда и его глаза блеснули изъ-подъ чалмы. Онъ поднялъ руку и, погрозивъ ею вслѣдъ проводнику, проворчалъ хриплымъ голосомъ:

— Кепéкъ (собака)!

И плюнувъ съ гадливостью вслѣдъ кавалькадѣ, онъ повелъ гостя на веранду, переваливаясь на кривыхъ, какъ у рахитика, татарскихъ ногахъ, и покачивая головою, повязанною бѣлой чалмою. Эта чалма, вмѣстѣ съ длинною бѣлою бородою, придавала ему видъ ветхозавѣтнаго патріарха.

Эмене замѣтила эту сцену и ей сдѣлалось страшно обидно.—Кепéкъ! За что кепéкъ?—Думала она,—за то, что онъ не гнушается гяурами, съ ними ѣстъ, пьетъ, говоритъ? Вѣдь и гяуры-же вѣрятъ въ Аллаха!..

Непривыкшая къ мыслямъ, голова ея какъ-то плохо работала, за то сердцемъ она чувствовала, что тутъ что-то не такъ, что справедливость не на сторонѣ отца, что за Септаромъ нѣтъ никакой вины, что онъ не заслужилъ презрѣнія за свои поступки. Она, бѣдная невольница, за-

ключенная въ тѣсныхъ границахъ своего двора, въ защищенной рѣшеткою, бдительно охраняемой отъ мужского глаза, женской половинѣ— все же имѣла глаза и смотрѣла туда, внизъ, на бѣлѣющія въ роскошныхъ садахъ дачи и не могла не видѣть иной, такъ не похожей на татарскую, жизни, не могла не сравнивать той жизни съ своею. Она, напримѣръ, видѣла тамъ женщину—свободное существо, не рабыню, а товарища мужчины, женщину, которой принадлежалъ, какъ и мужчинѣ, весь міръ... Она видѣла, какъ эта „невѣрная" женщина каталась на лодкѣ, смѣялась, шутила съ чужими мужчинами, какъ она гарцовала на конѣ, или бродила по горамъ и лѣсамъ, заходила въ мечеть, будто къ себѣ въ домъ, тогда какъ она, правовѣрная дочь Аллаха, не смѣетъ даже перешагнуть порога мечети, будто какое-нибудь нечистое существо...—Кепекъ! кепекъ!—думаетъ оскорбленная Эмене и чувствуетъ въ сердцѣ укоры къ отцу, и отчего-то вздыхаетъ, и опять шайтанъ нашептываетъ ей грѣховныя мысли, возмущаетъ ея покой!..

А съ веранды—черезъ рѣшетчатыя окна, доносится скрипучій, монотонный голосъ отца. Старый хаджи, быть можетъ, уже въ сотый разъ повѣствуетъ о своемъ путешествіи въ Мекку. Мать уже проснулась, звенитъ посуда, пахнетъ кофе.

— И пришли мы въ Мекку, къ Эль-Хораму, — тянетъ скрипучимъ голосомъ хаджи-Бекиръ,—и запылало сердце мое великимъ огнемъ радости...

И вдругъ, отчетливо, будто передъ глазами, представляется Эмене картина, которую она наблюдала когда то изъ виноградника и которая сильно поразила ее. Тамъ, у моря, подъ золотистыми отъ заходящаго солнца кипарисами, танцуютъ „гяуры". Будто разноцвѣтныя бабочки порхаютъ дѣвушки по зеленой травѣ, а мужчины подбѣгаютъ къ нимъ, обнимаютъ вотъ такъ поперекъ, жмутъ руки, заглядываютъ имъ въ глаза и несутся вмѣстѣ, словно сорванные вихремъ цвѣты... Пѣсни, смѣхъ, веселые возгласы разносятся по рощамъ, а у Эмене расширяется сердце и горятъ глаза. Очарованная смотритъ она внизъ. — Развѣ гуріи въ раю веселятся такъ съ праведными, — шепчетъ она и не можетъ оторвать глазъ отъ поразительнаго зрѣлища, не можетъ насытиться имъ... Дивный образъ принесла она тогда подъ отцовскую кровлю, и этотъ образъ все чаще и чаще оживаетъ въ ея представленіи, и горитъ, и переливается всѣми цвѣтами радуги...

— И сподобилъ меня милосердный Аллахъ поклониться Каабѣ и очиститься отъ грѣховъ своихъ, прикоснувшись къ Эсваду,— скрипитъ хаджи — Бекиръ, и покрякиваетъ ему въ отвѣтъ богобоязненный рѣзникъ.

Но Эмене не слушаетъ.

Ея взглядъ, какъ и ея мысли, уносятся въ далекое, безбрежное море.

А оно, невинное и чистое, какъ дѣвушка, въ ослѣпительномъ голубомъ одѣяніи, съ ожерельемъ изъ жемчуга—пѣны на шеѣ, радостно улыбается берегу и ласкается, и жмется къ нему, будто влюбленная женщина. Далеко отъ берега играетъ въ морѣ стая веселыхъ дельфиновъ: черныя чудовища, будто стадо бѣсовъ, выпрыгиваютъ изъ глубины, перекувыркиваются въ воздухѣ, ныряютъ въ море и опять взлетаютъ вверхъ, чтобъ снова приняться за свою веселую игру.

А еще дальше, куда только хватаетъ глазъ—по водѣ или по воздуху—легкою тѣнью движется пароходъ, оставляя за собою длинную струю дыма, и расплывается въ синѣющей дали, и исчезаетъ, какъ видѣніе, какъ миражъ... Море вздыхаетъ; свѣжее, солоноватое дыханіе его колышетъ листву, ласкаетъ лицо, бодритъ грудь.

— Эмене! кель мунда!.. (иди сюда!)—раздается во дворѣ пискливый голосъ матери.

Значитъ, гостя уже нѣтъ и можно выйти изъ комнаты.

Эмене вышла на зовъ матери и едва не сшибла съ ногъ двухъ русскухъ дѣвушекъ, которыя разговаривали съ ея матерью, очевидно не понимая другъ друга. Дѣвушки силились что-то объяснить старухѣ жестами, показывали на домъ, на село, но все было напрасно: старуха не понимала, хотя качала головою и дѣлала видъ, что очень хорошо понимаетъ, что имъ нужно. Изъ разговора, однако, ничего не выходило. Сначала гостьи были, видимо, смущены, но, увидѣвъ, что всѣ ихъ старанія напрасны, весело расхохотались.

Это ободрило татарокъ. Эмене, все время только искоса поглядывавшая на дѣвушекъ, подошла ближе и принялась осматривать ихъ съ головы до ногъ. Глаза у нея разбѣгались; все привлекало ея любопытство у этихъ невѣдомыхъ для нея существъ. Сначала она несмѣло прикоснулась къ платью одной изъ дѣвушекъ, потомъ взвѣсила на рукѣ тяжелую косу и съ восхищеніемъ, почмокивая губами, проговорила.

— Карôшъ... карошъ урусъ...

Тѣ смѣялись и не мѣшали ей.

Окончательно ободренная Эмене прямо набросилась на гостей: она гладила ихъ руки, лицо и волосы, заглядывала въ глаза, хлопала по плечамъ, прижимала къ себѣ, разсматривала и ощупывала каждую мелочь ихъ туалета. Причмокивая губами и покачивая головою, она привѣтливо и быстро бормотала что-то на непонятномъ для нихъ языкѣ. Старая татарка тоже не отставала отъ дочери, и скоро дѣвушки очутились какъ бы въ плѣну у дикарей: онѣ начали уже опасаться, если не за цѣлость боковъ, то за костюмы. Не выпуская ихъ изъ рукъ, татарки нанесли всевозможныхъ лакомствъ: угощали ихъ кислымъ молокомъ изъ грязной посуды, свѣжимъ инжиромъ и жареными на овечьемъ салѣ лепешками.

— Кушàй, урусъ—кушàй! — упрашивали онѣ и заглядывали имъ въ ротъ.

Когда гостьи ушли, Эмене долго еще смотрѣла въ слѣдъ смѣлымъ женщинамъ, которыя однѣ, безъ мужчинъ, пришли съ моря и теперь возращаются назадъ, ни передъ кѣмъ не пряча своихъ красивыхъ лицъ.

И опять Эмене одна, и опять ей скучно. Она бродитъ по двору, забѣгаетъ безъ цѣли въ комнаты, всюду ищетъ развлеченія, или какого либо дѣла. Но дѣла нѣтъ, а для развлеченія у татарской дѣвушки одно лишь средство: — наряды. На этомъ она и остановилась. Эмене расчесала и заплела мелкими косичками свои, яркіе, какъ огонь, накрашенные волосы, набросила на себя новый халатъ съ причудливыи узорами и одѣла косынку такъ, что ярко разрисованный конецъ ея закрывалъ, соотвѣтственно этикету, всю фигуру дѣвушки. Потомъ она надѣла на шею свои драгоцѣнности— богатое монисто изъ драгоцѣнныхъ дукатовъ, а на голову надѣла маленькую, густо покрытую монетами, феску. Легкая чадра на плечи и красныя туфли дополняли ея туалетъ. Оставалось еще нарумянить щеки и соединить черною краскою дуги бровей. Когда дѣвушка была готова, то походила на индійскаго божка и была очень довольна собою.

Но на дворѣ, куда она медленно вышла, некому было восхищаться красавицей. Бѣдная дѣвушка вздохнула.

День уже угасалъ. Блѣдное истомленное море лѣниво плескало о берегъ. Каменныя вершины Яйлы розовѣли на голубомъ фонѣ неба, синій мракъ прятался въ расщелинахъ скалъ, а лѣса по скату горъ чернѣли, точно обгорѣлые.

Эмене взглянула вверхъ на село. Прижавшись къ горѣ, оно выглядѣло, будто громадный кусокъ пчелиныхъ сотовъ, поставленный вертикально. Ряды невыбѣленныхъ хатъ съ плоскими земляными кровлями

стояли одинъ надъ другимъ, такъ что крыша одного дома служила дворомъ для другого. Среди цѣлаго лѣса колонокъ, подпиравшихъ навѣсы, чернѣли двери и окна, будто входы въ пещеры, а въ цѣломъ —все это напоминало норы рѣчныхъ ласточекъ на крутомъ берегу рѣки. На плоскихъ кровляхъ, словно клумбы цвѣтовъ, кучками сидѣли женщины, скрашивая своими праздничными нарядами сѣрый фонъ голаго села. Старая генуезская башня, ободранная и изгрызенная зубами времени, стояла вдали, грозно посматривая со своей высоты на татарскій муравейникъ, копошившійся у ея ногъ.

Эмене увидѣла, наконецъ, кого ей нужно. — Братьме-э-э! — закричала она тонкимъ пронзительнымъ голосомъ.

— Эмене-э-э! — послышался отъ села такой-же пискливый отвѣтъ.

Эмене быстро схватила мѣдный кувшинъ и направилась къ „чишмэ" — по воду.

Она бѣжала вверхъ, шлепая туфлями по каменистой дорогѣ—стройная и ловкая, какъ молодая козочка— заранѣе предвкушая наслажденіе отъ всѣхъ мелкихъ сплетенъ будничной жизни татарской женщины, съ какими ожидала ее у „чишмэ" подруга.

Однако, на шоссе она должна была остановиться: знакомая кавалькада рысью промчалась мимо нея—впереди женщины, а за ними красавецъ Септанъ, стройный, съ выпяченною золотою грудью, съ наглымъ, самоувѣреннымъ взглядомъ.

Кавалькада давно уже промчалась, а Эмене все не двигалась съ мѣста и смотрѣла ей вслѣдъ, будто ждала, не вернется-ли ея, исчезавшее изъ глазъ, счастье и не умчитъ-ли и ее съ собою въ широкій вольный свѣтъ изъ тѣсной женской половины подъ отцовскою кровлей?... Кепекъ!—припомнилось ей злобное слово отца и вся, полная ненависти, фигура хаджи.

Сердце у нея упало, слезы задрожали въ глазахъ.

Въ селѣ темно и тихо, лавки заперты, лотки убраны, проводники разсѣдлали своихъ лошадей, продавцы „ямурта„ (яицъ), винограда, чадры и пр. отложили всѣ дѣла до будня; всю эту суету, разсчитывающую на полные карманы гяуровъ, прервалъ праздникъ.

Муэдзинъ въ послѣдній разъ проскрипѣлъ съ минарета „ла Алла", и правовѣрные спятъ. Только издалека доносится шумъ морского прибоя, будто невидимый гигантъ выдыхаетъ изъ груди весь дневной зной, да звѣзды дрожатъ въ ночной прохладѣ, прячась одна за другой за черныя, будто тучи, вершины Яйлы.

У подножія генуэзской башни мерцаетъ свѣтъ. Тамъ въ закопченомъ дымомъ ущельѣ, похожемъ на дупло большого дерева, варится на горячихъ угольяхъ кофе. Вокругъ огня, поджавши, по восточному обычаю, ноги, сидятъ бородатые хаджи въ громадныхъ чалмахъ на головѣ, и простые мусульмане въ фескахъ. Хаджи Бекиръ занимаетъ почетное мѣсто: онъ сидитъ рядомъ съ тщедушнымъ туркомъ въ бѣломъ халатѣ и зеленой чалмѣ. Это софта изъ самого Стамбула; его мудрыхъ и благочестивыхъ рѣчей и собрались послушать правовѣрные.

Всѣ молчатъ, всѣ серьезны.

Даже красавецъ Септаръ, примостившійся невдалекѣ, опершись на кнутъ своими сильными, съ запахомъ лошадинаго навоза, руками, какъ то не такъ гордо выпячиваетъ шитую золотомъ грудь, съ меньшею самоувѣренностью посматриваетъ вокругъ.

Огонь играетъ бликами на красныхъ фескахъ, освѣщаетъ смуглыя лица. Мѣдный кофейникъ шипитъ на огнѣ, далекое море ритмично вздыхаетъ.

Но вотъ уже дымится въ маленькихъ чашкахъ гостей кофе, и софта началъ.

Онъ говорилъ тихо, скрипучимъ, монотоннымъ голосомъ, цвѣтисто и длинно. Онъ началъ отъ Адама. Яркими красками рисовалъ онъ былую славу и величіе татарскаго племени, его битвы съ невѣрными, въ которыхъ знамя Магомета обошло почти полъ міра. Онъ превозносилъ славу и мудрость великихъ хановъ, онъ былъ тронутъ благочестіемъ правовѣрныхъ и открылъ сердце Аллаха, исполненное радостью, доставленною ему вѣрными слугами пророка. Какъ мѣсяцъ среди звѣздъ, какъ орелъ среди птицъ—такими были мусульмане среди другихъ народовъ. Онъ призывалъ въ свидѣтели вѣковѣчныя горы, видѣвшія, въ своей неподвижности, былую славу великаго народа; ссылался на башню, подъ которою сидѣлъ—она помнитъ то время, когда по ея стѣнамъ стекала кровь гяуровъ, а на вершинѣ сіялъ полумѣсяцъ.

Искусно и поэтически разсказывалъ онъ всѣмъ извѣстныя, всѣмъ дорогія народныя легенды, вызывалъ изъ могилъ тѣни святыхъ и героевъ, сложившихъ голову за вѣру и во славу Аллаха и Магомета. Тексты и пророчества изъ корана причудливо, точно узоры искусной ткани, переплетались въ его рѣчи съ народными легендами и чарующимъ флеромъ окутывали прошлое. Въ черныхъ глазахъ Софты горѣлъ огонь, а блѣдное его лицо становилось еще болѣе блѣднымъ. Правовѣрные слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, мѣрно покачиваясь на поджатыхъ ногахъ.

А софта продолжалъ.

Онъ припомнилъ всѣ насилія, учиненныя гяурами надъ правовѣрными. Они уничтожили ихъ царство, разрушили ихъ жилища, разграбили имущество; цвѣтущій когда-то край превратили въ пустыню. Гдѣ тѣ селенія, гдѣ тотъ народъ, который, словно трудолюбивые муравьи, заселялъ нѣкогда плодородную землю? Его нѣтъ, его прогналъ съ его собственной земли врагъ.—Взгляните,—восклицалъ онъ, водя вокругъ рукою,—пустыня, все расхитили невѣрные!.. Они кровью людскою залили берегъ моря, захватили самыя лучшія земли, оттѣснили остатки татаръ въ горы, на камни. Пядь за пядью, шагъ за шагомъ переходятъ татарскія земли въ руки невѣрныхъ, и скоро не будетъ мѣста для святой мечети, негдѣ будетъ даже славить Аллаха и Магомета... Да и будетъ ли кому? Старые обычаи гибнутъ, пропала честность, простота, исчезаетъ страхъ божій, нечестивые заразили грѣховными язвами правовѣрныхъ... развратъ... ракія *)... воровство даже... Алла-Алла! ты видишь!..

И блѣдный, тщедушный турокъ возвелъ руки къ мѣсяцу, который только что вынырнулъ изъ моря и облилъ все своимъ синимъ свѣтомъ.

Въ торжественной тишинѣ слышался лишь отдаленный шумъ морского прибоя, да серебристое, мелодичное стрекотанье южнаго сверчка. Въ далекихъ рощахъ тоненькимъ голоскомъ плакала сплюшка—сплю-ю... сплю-ю... Черныя горы стояли, какъ привидѣнія, и смотрѣли на золотистый лунный путь, который дрожалъ на морѣ и переливался золотой чешуей.

Софта вздохнулъ. Въ его вздохѣ слышалась глубокая скорбь о могучемъ краѣ, состраданіе къ гибели единовѣрнаго народа.

— Но еще не все пропало. Еще милосердный Господь сохранилъ для правовѣрныхъ земли, гдѣ нѣтъ гяура и гдѣ не творятъ насилій надъ вѣрными. Надъ этимъ благословеннымъ краемъ простеръ свою могучую руку справедливый и мудрый султанъ и, какъ мать дѣтей, защищаетъ своихъ подданныхъ. Туда, къ единовѣрцамъ и соплеменникамъ очищаться отъ грѣховъ, спасать свою душу!.. Нечего дожи-

*) Водка.

даться смертнаго часа въ этой нечестивой странѣ, потому что если сложишь здѣсь свои кости, тяжело будетъ вставать на послѣдній судъ среди грѣшнаго, чужого народа. Правовѣрные! Старики и молодые, богатые и бѣдные, слабые и сильные,— отрясите съ вашихъ ногъ прахъ несчастной земли; идите по слѣдамъ благочестивыхъ предковъ вашихъ, берите свое имущество, своихъ женъ и дѣтей и переселяйтесь отсюда подъ могучую десницу правовѣрнаго монарха, туда, къ святымъ мечетямъ, въ освященную стопами пророка землю... И пусть провалится заграбленная гяурами земля, пусть справедливый Господь пошлетъ съ неба огонь, сожжетъ ее и развѣетъ пепелъ по безбрежному морю! Ла Алла иль Алла— Магометъ расуль Алла!..

И софта поднялъ руки и простеръ ихъ надъ землею, будто призывая на нее гнѣвъ грознаго Аллаха.

У хаджи-Бекира горѣла душа. Блестящими глазами смотрѣлъ онъ на софту; онъ видѣлъ спускающійся съ неба огонь, а тамъ, за моремъ, въ далекой перспективѣ, сіяли передъ нимъ мусульманскія реликвіи.

Наступила тишина. Уголья подъ башней уже превратились въ пепелъ, и полная луна все еще смотрѣла съ высоты на собравшихся.

Правовѣрные, однако, сидѣли съ опущенными глазами и, казалось, лукавая улыбка блуждала по ихъ смуглымъ лицамъ.

— Ба,—думали они,—гяуръ, гяуръ... А кто же намъ и даетъ жить, какъ не гяуръ?...

И припомнились имъ всѣ безчисленные ихъ заработки и барыши, доставляемые имъ гяурами. Припомнились всѣ эти „Акурта", виноградъ, молоко, подводы, платы проводникамъ, за квартиры и тому подобные „бакшиши", вся та богатая жатва, которую собираетъ съ гяуровъ не сѣющій и не пашущій татаринъ. Куда имъ переселяться? Зачѣмъ?—спрашивали они себя, и ихъ разбирало желаніе разсмѣяться въ глаза мудрому, но не понимающему положенія вещей софтѣ.

Но они молчали.

Молчаніе, наконецъ, становилось неловкимъ, всѣмъ было не по себѣ, но ихъ выручилъ Септаръ. Онъ подошелъ ближе, оперся своими здоровенными ручищами на кнутъ и сказалъ, обращаясь къ софтѣ:

— Ты говоришь, мудрый человѣкъ,— переселяйтесь отсюда... А скажи самъ, отчего это отъ васъ, изъ Турціи, валитъ къ намъ такая масса ободраннаго рабочаго люда и отбиваетъ у насъ заработки?...

Зачѣмъ имъ идти сюда, если имъ и тамъ хорошо? А ты насъ зовешь туда... Смотри, стезею-ли правды идутъ твои слова?!..—Ты говоришь —гяуръ, невѣрный, а у насъ—богатый гяуръ больше значитъ, чѣмъ двое праведныхъ...

Гяуръ живетъ и намъ жить даетъ. У насъ такъ: на Яйлу ходилъ— деньги заработалъ; по морю поплылъ—деньги заработалъ; гяура возилъ—опять деньги взялъ... Вотъ и сегодня у меня уже пятнадцать рублей,—Септаръ звякнулъ въ карманѣ деньгами—а что дашь ты намъ въ Турціи, гдѣ нѣтъ гяуровъ?...

И, выпятивъ свою шитую золотомъ грудь, онъ нагло уставился на растерявшагося софту, ожидая отвѣта. Правовѣрные даже чмокнули.

Правда, истинная правда! Онъ будто вынулъ изъ ихъ устъ тѣ слова, какія они могли бы сказать въ отвѣтъ софтѣ.

Только сердце хаджи-Бекира вспыхнуло праведнымъ гнѣвомъ и, бросая глазами молніи, онъ крикнулъ Септару:

— Замолчи, проклятый наемникъ гяуровъ!

Но Септаръ не замолчалъ.

— Эй, старикъ, я знаю—ты завидуешь моимъ заработкамъ, которыхъ нѣтъ у тебя, благодаря твоей нетерпимости...

Ахъ, это была правда, старательно, глубоко затаенная правда,—и хаджи не выдержалъ. Пренебрегая своимъ достоинствомъ хаджи, онъ сорвался съ мѣста и все свое негодованіе выплюнулъ въ лицо Септару:

— Кепекъ! асма кепекъ!.. (собака бѣшенная собака!..)

Глаза проводника налились кровью и вылѣзли на лобъ, какъ у барана. Казалось, дѣло кончится плохо, однако, Септаръ сдержался.

— Эй, старикъ! береги свою бороду, когда ты освятилъ ее, — погрозилъ онъ хаджи и, круто повернувшись, пошелъ прочь, насвистывая мотивъ веселаго танца.

Софта остолбенѣлъ. Его черные глаза стали круглыми и большими, въ нихъ свѣтился испугъ. Онъ ожидалъ, что сейчасъ же разступится земля и поглотитъ дерзкаго Септара, или грѣшникъ найдетъ себѣ могилу подъ развалинами башни, по камнямъ разобранной возмущеннымъ народомъ. Но все оставалось по прежнему: земля не разверзалась, башня стояла на мѣстѣ, и даже правовѣрные сидѣли спокойно, будто ничего и не случилось, будто они раздѣляли взгляды Септара. А черезъ минуту начали даже расходиться, отговариваясь тѣмъ, что уже поздно, а завтра ждутъ ихъ дѣла...

Растеряннымъ, изумленнымъ взглядомъ водилъ софта вокругъ себя—въ головѣ какъ будто прояснялось:

— Цѣпи шайтана... цѣпи шайтана!..—шепталъ онъ посинѣвшими губами, повернувъ блѣдное лицо къ возмущенному хаджи-Бекиру.

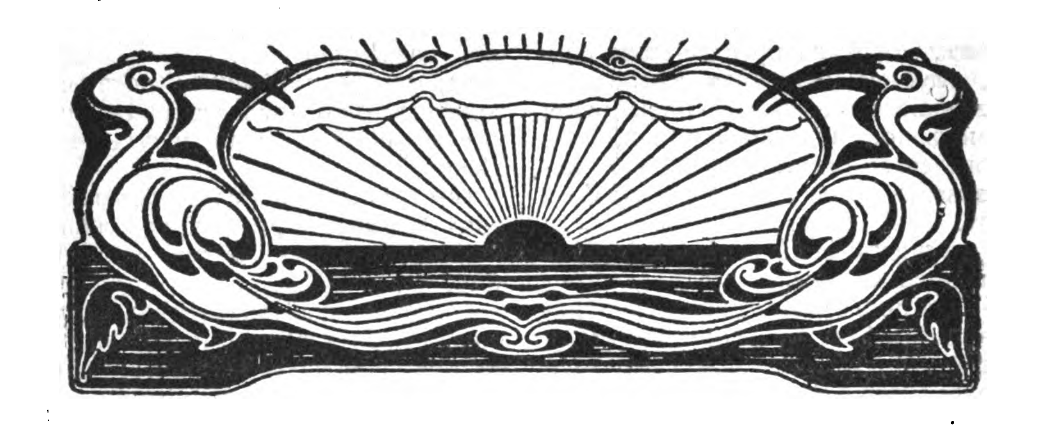
Но тотъ, въ безсильной злобѣ, только плевалъ и посылалъ проклятія...

Послѣдними оставили башню хаджи-Бекиръ и Софта.

Какъ привидѣнія, двигались они по залитой луннымъ свѣтомъ улицѣ, волоча за собою длинныя, головастыя тѣни. Грустные и разочаровательные, изливали они другъ передъ другомъ свою скорбь, и будто сочувствуя имъ, вздыхало вдали море и тоненькимъ голоскомъ плакала въ рощахъ сплюшка...

Дм. Донцовъ.

Психологія слезъ.

Этюдъ К. Мелинана.

Плачутъ люди вслѣдствіе множества удивительно разнообразныхъ причинъ: плачетъ ребенокъ, котораго пожурили, плачутъ при мысли о продолжительной или вѣчной разлукѣ, но плачутъ также и „отъ радости“. Въ театрѣ плачутъ при нѣкоторыхъ трогательныхъ сценахъ, не заключающихъ въ себѣ, однако, ничего печальнаго, напр., при нѣкоторыхъ сценахъ „признаній“. Плачутъ, кромѣ того, отъ жалости, досады и злобы, т. е. подъ вліяніемъ душевнаго волненія, но плачутъ также, оставаясь равнодушными. Имѣютъ-ли всѣ эти случаи что-нибудь общее между собою? Если—нѣтъ, если они происходятъ не отъ одной причины, то посмотримъ, нельзя-ли, по крайней мѣрѣ, свести ихъ къ двумъ или тремъ вполнѣ яснымъ причинамъ, что значительно упростило бы нашу задачу.

I.

Прежде всего замѣтимъ, что сведеніе всѣхъ случаевъ появленія слезъ къ одной общей причинѣ—намъ кажется невыполнимымъ. Мы не думаемъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ слезы вызывались исключительно одной какой-либо психической причиной, одной опредѣленной эмоціей. Кромѣ того, намъ кажется, что эта „потребность въ единствѣ“, столь присущая человѣческому сознанію, не всегда бываетъ хорошимъ вдохновителемъ. Итакъ, допустимъ, что существуютъ нѣсколько причинъ появленія слезъ, и не будемъ стараться непремѣнно подвести ихъ подъ одну какую-нибудь формулу.

Будемъ различать три случая появленія слезъ: слезы, вызываемыя чисто механическими причинами, слезы непроизвольныя и наполовину произвольныя.

Начнемъ съ тѣхъ случаевъ, когда слезы вызываются чисто физіологическими или механическими причинами. На глазахъ показываются слезы, не имѣющія ни малѣйшей связи съ какой-либо эмоціей, но зависящія исключительно отъ чисто физіологическаго процесса, происходящаго въ слезныхъ железахъ. Напримѣръ, зѣвота вызываетъ слезы, при веселомъ смѣхѣ смѣются до слезъ, спазмы при тошнотѣ и рвотѣ выжимаютъ слезы; наконецъ,

вспомнимъ о лукѣ, который представляетъ классическое средство для вызыванія слезъ. Этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно для указанія чисто механическихъ причинъ появленія слезъ.

Въ данномъ случаѣ не безполезно въ общихъ чертахъ объяснить физіологическій процессъ появленія слезъ, ибо онъ остается однимъ и тѣмъ же даже въ тѣхъ случаяхъ, когда слезы вызваны какой-нибудь эмоціей. Физіологическая теорія происхожденія слезъ довольно проста. Извѣстно, что слезы представляютъ нормальное постоянное выдѣленіе жидкости слезными железами, предохраняющей зрительные органы,—слезы, слѣдовательно, представляютъ собою избытокъ выдѣляемой влаги, и ничего болѣе. Какая-же, однако, причина вызываетъ этотъ излишекъ выдѣленія жидкости? По всей вѣроятности онъ образуется въ томъ случаѣ, когда кровеносные сосуды глазъ подвергаются сильному сдавливанію, или, что влечетъ за собою тотъ-же результатъ, когда мышцы глазъ энергично сокращаются. Вотъ почему веселый смѣхъ, сильный кашель и зѣвота вызываютъ у насъ слезы,—во всѣхъ этихъ случаяхъ мышцы глазъ съ силою сокращаются, а кровеносные сосуды сдавливаются.

Этой теоріей легко объяснить и первыя слезы ребенка; онѣ связаны *съ крикомъ*, съ сильными стараніями испустить крикъ (Дарвинъ). Ребенокъ, ощущающій какую-нибудь потребность или боль, испускаетъ пронзительные крики, отчасти, быть можетъ, потому, что они доставляютъ ему нѣкоторое облегченіе, а отчасти потому, что производятъ переполохъ и привлекаютъ къ нему вниманіе родителей. Усиленное выдыханіе, которымъ сопровождается крикъ, производитъ напряженіе и сдавливаніе глазныхъ артерій и венъ, мышцы съ силою сокращаются, и изъ глазъ текутъ слезы. Словомъ, крикъ механически выжимаетъ слезы точно такъ-же, какъ зѣвота и сильный приступъ кашля. Позже, подъ вліяніемъ воли, привычки, воспитанія, крики исчезаютъ, но слезы остаются.

Намъ кажется, что къ этой-же группѣ случаевъ появленія слезъ, объясняемыхъ чисто механическими причинами, можно причислить и слезы, проливаемыя нами въ театрѣ. Часто мы плачемъ во время живой и выразительной декламаціи актера или актрисы, хотя въ дѣйствительности вовсе не такъ сильно растроганы,—слезы въ этомъ случаѣ не имѣютъ никакого отношенія къ какой-либо глубокой эмоціи и являются лишь слѣдствіемъ простого мышечнаго сокращенія. Инстинктивно, въ силу извѣстнаго закона подражанія, мы воспроизводимъ отчасти мимику актера, какъ бы говоримъ съ нимъ, сокращаемъ, подобно ему, личные мускулы, и это сокращеніе, согласно описанному выше механизму, вызываетъ на нашихъ глазахъ слезы.

II.

Теперь перейдемъ къ группѣ тѣхъ случаевъ появленія слезъ, которые обусловлены какими-либо психическими явленіями, какой нибудь эмоціей, но при которыхъ слезы все еще появляются *совершенно непроизвольно*. Бываютъ случаи, когда мы не въ состояніи удержаться отъ слезъ, когда плачемъ подъ непреодолимымъ вліяніемъ чувства. Какое-же это чувство?

На этотъ вопросъ даютъ обыкновенно простой отвѣтъ: слезы вызываются печалью, горемъ. Практическій здравый смыслъ, который зачастую слишкомъ просто смотритъ на вещи, не ищетъ другихъ объясненій,—онъ разъ навсегда рѣшилъ, что слезы являются слѣдствіемъ страданія, какъ смѣхъ слѣдствіемъ радости. Не слѣдуетъ, однако, пренебрегать практическимъ здравымъ смысломъ, который судитъ хотя и грубо, но часто и спра-

ведливо. Сужденіе его скорѣе приходится дополнять, нежели оспаривать.

Приведенная только что формула, выведенная здравымъ смысломъ,—„слезы являются слѣдствіемъ горя",— справедлива, но не полна.

Она справедлива для нѣкоторыхъ случаевъ, и ея, конечно, нельзя отрицать: бываютъ случаи, хотя безъ сомнѣнія рѣдко, но бываютъ, когда мы плачемъ отъ чрезмѣрнаго горя. Существуетъ извѣстная, опредѣленная интенсивность страданія, нѣчто въ родѣ *максимальнаго напряженія*, выше котораго страданіе разрѣшается слезами. Мы усматриваемъ въ этомъ законъ природы, заключающійся въ томъ, что всякое чрезмѣрное напряженіе смѣняется облегченіемъ. Необходимо, однако, признать, что случаи, когда плачутъ подъ непреодолимымъ давленіемъ горя, довольно рѣдки. Гораздо чаще слезы являются слѣдствіемъ другихъ причинъ. Можно привести не болѣе двухъ или трехъ случаевъ, когда взрослый человѣкъ плачетъ вслѣдствіе одного непосредственнаго дѣйствія слишкомъ сильнаго страданія. Случается, что плачутъ послѣ продолжительнаго періода борьбы со страданіемъ: человѣка, положимъ, постигло большое несчастіе, онъ употребляетъ неимовѣрныя усилія, чтобы перенести его, подавить отчаяніе и не предается горю; но вотъ наступаетъ минута, когда борьба становится болѣе не подъ силу, когда страданіе достигаетъ высшей степени напряженія, — тутъ человѣкъ признаетъ себя побѣжденнымъ, предается горю и плачетъ. Въ другихъ случаяхъ слезы появляются подъ вліяніемъ какого-нибудь совершенно ничтожнаго факта,—мы пережили безъ слезъ глубокое отчаяніе, все время мужественно сопротивлялись ему, но достаточно какого-нибудь пустяка, напр., обращеннаго къ намъ слова участія или состраданія, прихода друга, слова жалобы, исходящаго отъ насъ самихъ, чтобы вызвать у насъ рыданія и слезы. Это показываетъ, что страданіе наше достигло высшаго предѣла напряженія, и что наконецъ перешло даже за этотъ предѣлъ,—мы были какъ бы въ состояніи „перенасыщенности" страданіемъ. Поэтому достаточно было жалобы, произнесенной нами самими, чтобы оно разрѣшилось рыданіями и слезами. Наконецъ, *жалость* сама по себѣ выжимаетъ иногда слезы, но это случается чаще всего въ театрѣ и крайне рѣдко въ обыденной жизни, потому что въ театрѣ, благодаря тому, что актеръ приковываетъ все время наше вниманіе и мысль къ безотрадному положенію героя, мы приходимъ въ состояніе эмоціональнаго напряженія. Между тѣмъ въ обыденной жизни жалость наша разсѣивается и отвлекается житейскими заботами, не успѣвая сосредоточиться и пріобрѣсти такую интенсивность.

Итакъ, совершенно справедливо то, что страданіе, переходя извѣстную, опредѣленную границу, вызываетъ слезы. Однако, это объясненіе не исчерпываетъ всѣхъ случаевъ, ибо плачутъ также и при обстоятельствахъ совершенно иного рода. *Нѣжныя эмоціи* тоже сопровождаются слезами; въ театрѣ чувство „благодарности", какъ бы искусственно оно ни было введено авторомъ, почти всегда вызываетъ слезы, то-же относится и къ чувству радости; мать, напр., находитъ свою дочь, которую долгое время считала умершей,—ничего болѣе не надо: весь зрительный залъ плачетъ, хотя въ этой сценѣ нѣтъ ровно ничего горестнаго или печальнаго,—выражается лишь сильная, но радостная эмоція, и тѣмъ не менѣе зрители плачутъ. И въ обыденной жизни очень большая радость часто заставляетъ плакать: напр., два лица, горячо привязанныхъ другъ къ другу, встрѣчающихся послѣ

продолжительной разлуки, плачутъ, хотя въ моментъ встрѣчи вполнѣ счастливы и испытываютъ сильную радость. Эти слезы можно отчасти объяснить мимолетнымъ воспоминаніемъ о перенесенныхъ во время разлуки страданіяхъ, но ясно, что главной причиной ихъ является радость свиданія. Обыденная рѣчь вполнѣ согласуется съ этимъ объясненіемъ,—выраженіе „плакать отъ радости" тоже установлено практическимъ здравымъ смысломъ.

Изъ вышесказаннаго ясно, что нельзя удовлетвориться обыденнымъ сужденіемъ: „слезы являются слѣдствіемъ страданія", и хотя мы не его отвергаемъ, однако находимъ, что оно не исчерпываетъ всѣхъ случаевъ появленія слезъ. Есть, какъ мы видѣли, слезы умиленія, радости, и ихъ нельзя отождествить со слезами, вызванными страданіемъ, не злоупотребляя чрезмѣрно значеніемъ терминовъ.

Необходимо дополнить это объясненіе. Существуетъ еще одна причина, вызывающая слезы, которая не имѣетъ ничего общаго со страданіемъ. Ее можно формулировать въ слѣдующихъ словахъ: *внезапное облегченіе, заступающее мѣсто очень печальной эмоціи* или страданія. Часто слезы показываются въ тотъ моментъ, когда страданіе уже исчезаетъ; въ этомъ случаѣ онѣ являются признакомъ и слѣдствіемъ не страданія, а облегченія. Это явленіе наблюдается при очень сильномъ физическомъ страданіи,—мужественный человѣкъ напр., въ состояніи перенести безъ слезъ мучительную операцію, но послѣ, когда все кончено, и наступаетъ облегченіе, у него неудержимо начинаютъ течь слезы.

Въ этомъ пунктѣ мы сходимся съ мнѣніемъ Ш. Рибо, который въ своемъ сочиненіи *Психологія чувствъ* упоминаетъ также о причинахъ, вызывающихъ слезы. Онъ склоняется къ тому мнѣнію, что слезы являются вовсе не слѣдствіемъ самого страданія, а скорѣе слѣдствіемъ наступающей за нимъ реакціи. „Изліяніе слезъ,—говоритъ онъ,—происходитъ во второй моментъ, т. е. въ моментъ облегченія, когда совершается возобновленіе жизненной энергіи". Объясненіе, которое онъ приводитъ, чисто физіологическаго характера и заключаетъ себѣ много любопытнаго. Оказывается, что появленіе слезъ связано съ повышеніемъ артеріальнаго давленія крови, и такъ какъ въ то время, когда человѣкъ испытываетъ горе, происходитъ не повышеніе этого давленія, а, наоборотъ, ослабленіе, то слезы появляются именно въ моментъ реакціи, когда артеріальное давленіе снова повышается.

Эта теорія примѣнима, по нашему мнѣнію, къ нѣкоторымъ особымъ случаямъ, которые мы сейчасъ опишемъ.

Передъ нами, положимъ, разыгрывается какая-нибудь трогательная сцена *признанія*, напр., въ театрѣ. Развѣ не очевидно, что проливаемыя въ данномъ случаѣ слезы являются слѣдствіемъ не горя, а внезапнаго облегченія, наступающаго послѣ горя? Что происходило съ нами на самомъ дѣлѣ?

Мы переживали вмѣстѣ съ героями пьесы послѣдовательно напряженныя состоянія надежды, ожиданія, страха, безпокойства; авторъ довелъ насъ до высшей степени эмоціональнаго напряженія, котораго мы, наконецъ, не въ состояніи болѣе выдержать. Въ моментъ, когда происходитъ „признаніе", мы испытываемъ максимумъ нетерпѣнія и страха, и вотъ наступаетъ столь долго ожидаемая благополучная развязка, но вмѣстѣ съ тѣмъ наступаетъ и внезапное облегченіе послѣ предыдущаго напряженнаго состоянія, которое и разрѣшается слезами.

Я полагаю, что къ случаямъ, когда „плачутъ отъ радости" въ обыденной жизни, примѣнимо точно такое-же объясненіе. Собственно

говоря, плачутъ потому, что послѣ интенсивныхъ и очень печальныхъ эмоцій слѣдуетъ внезапное облегченіе; обыкновенно „плачутъ отъ радости" въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ тѣмъ долго страдали, въ теченіе долгаго времени стремились къ тому, чтобы увидѣть, напр., горячо любимаго человѣка. Когда это желаніе становится осуществимымъ, возникаетъ такое нетерпѣніе, такой „страхъ умереть раньше свиданія", что страданіе достигаетъ высшей степени напряженія, и когда, наконецъ, наступаетъ столь страстно ожидаемая радость, то она послѣ пережитаго чрезмѣрнаго напряженія чувствъ является сильнымъ облегченіемъ, которое сопровождается слезами.

III.

Такимъ образомъ мы видимъ, что бываютъ случаи, когда слезы появляются непроизвольно, подъ непреодолимымъ давленіемъ эмоціи или подъ вліяніемъ облегченія, слѣдующаго за эмоціей.

Не думаемъ, однако, что это самые частые случаи появленія слезъ; чаще всего появляются слезы, которыя *наполовину произвольны.* Мы часто плачемъ потому, что сильно этого желаемъ, хотя безъ труда могли бы удержаться отъ слезъ; *одни* мы не плакали бы, но при свидѣтеляхъ плачемъ. Разберемъ этотъ случай.

Что слезы до нѣкоторой степени зависятъ отъ нашей воли, это не требуетъ подтвержденія: чтобы согласиться съ этимъ, достаточно вспомнить, что бываютъ лживыя, лицемѣрныя, комедіантскія слезы. Намъ хорошо извѣстно, что лицемѣры и комедіанты часто дѣлаютъ видъ, будто плачутъ, и, кромѣ того, плачутъ не всегда. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что между ними встрѣчаются даже такіе, которые научаются плакать настоящими слезами, оставаясь въ глубинѣ души холодными и, даже болѣе, предаваясь въ это время весьма легкомысленнымъ эмоціямъ.

Изъ этого видно, что воля оказываетъ нѣкоторое вліяніе на появленіе слезъ.

Оставимъ въ сторонѣ лицемѣрныя слезы. Бываютъ многочисленные случаи, когда слезы, хотя и вполнѣ искреннія, наполовину произвольны, когда, напр., мы дѣйствительно испытываемъ эмоцію, но далеко не непреодолимую. Мы могли бы не плакать и все-таки плачемъ, это не ложь, потому что мы переживаемъ дѣйствительную эмоцію, но мы плачемъ отчасти добровольно, ибо отъ насъ зависѣло не плакать. Если нуженъ еще примѣръ, то стоитъ лишь вспомнить о слезахъ „изъ приличія". Среди лицъ, присутствующихъ, напр., на похоронахъ, есть, разумѣется, такія, которыя плачутъ подъ всемогущимъ давленіемъ горестной эмоціи; но вполнѣ очевидно, что есть и такія, которыя плачутъ отчасти изъ приличія: они дѣйствительно, растроганы, но умѣренно, и плачутъ лишь потому, что сильно хотятъ плакать, потому что рѣшаютъ, что въ данный моментъ *слѣдуетъ* плакать. Въ этомъ явленіи, очевидно, участвуетъ воля, хотя участіе ея очень трудно, иногда почти невозможно подмѣтить.

Чѣмъ объяснить это вмѣшательство воли? Почему хотятъ плакать?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, необходимо припомнить, что слезы представляютъ собою особаго рода *языкъ*, способъ выраженія, подобно улыбкѣ, жесту, крику. Тотъ, кто плачетъ передъ свидѣтелемъ, увѣдомляетъ послѣдняго о глубинѣ своихъ чувствъ; видя его плачущимъ, мы заключаемъ, что онъ растроганъ. Слезы имѣютъ свое особое значеніе, о чемъ часто забываютъ при изученіи этого явленія. Всегда ищутъ прежде всего причину его, заранѣе при этомъ рѣшая въ принципѣ, что явленіе это порождается самой эмоціей. Гораздо

правильнѣе искать цѣль, нежели причину, т. е. намѣреніе того, кто плачетъ. Итакъ, слезы являются особымъ способомъ выраженія, но каковъ его смыслъ?

Большей частью смыслъ его слѣдующій: „Я очень несчастливъ и молю васъ о симпатіи и состраданіи“. Плакать—значитъ безмолвно выражать то-же самое, что означаютъ эти слова. Тотъ, кто плачетъ,—во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда могъ бы не плакать,—плачетъ именно съ этимъ большей частью безсознательнымъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ намѣреніемъ: онъ хочетъ вызвать въ насъ состраданіе, участіе. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда страданіе человѣка очень сильно, слезы имѣютъ то-же значеніе—онѣ являются способомъ выраженія, хотя искреннимъ и правдивымъ, но все-же способомъ выраженія. Онъ *хочетъ* плакать, чтобы показать намъ свое несчастіе.

Для подтвержденія такого объясненія слезъ разберемъ нѣкоторые всѣмъ извѣстные случаи—слезы дѣтей, женщинъ и слезы мужчинъ.

Посмотрите на ребенка, который только что упалъ; какъ извѣстно, ребенокъ рѣдко плачетъ тотчасъ послѣ паденія,—онъ поднимается и, если ушибъ не серьезенъ, принимаетъ снова веселый видъ. Если бы никто не обратилъ на него вниманія, онъ, вѣроятно, вовсе не заплакалъ бы, но тутъ бросается къ нему мать, безпокоится, не ушибся ли онъ, жалѣетъ его; тогда и онъ начинаетъ находить свою судьбу крайне плачевной и заливается горькими слезами. Очевидно, слезы его не непреодолимы и не непроизвольны; онъ плачетъ наполовину произвольно, чтобы показать, до какой степени онъ заслуживаетъ жалости, которую выказываютъ по отношенію къ нему, что онъ ея заслуживаетъ даже еще въ большей степени. Онъ плачетъ, наконецъ, чтобы заставить другихъ его утѣшать, „баловать“.

Посмотрите теперь на ребенка, котораго только-что пожурили, и который плачетъ; ясно, что въ большинствѣ случаевъ не интенсивность горя вызываетъ его слезы,—онъ могъ бы не плакать. Онъ плачетъ наполовину произвольно, потому что хорошо знаетъ, что слезы имѣютъ особый смыслъ.

Ребенокъ плачетъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы растрогать жестокаго, побранившаго его человѣка своими слезами, которыя безмолвно выражаютъ слѣдующее: „Видишь, какой ты злой, какъ ты меня огорчаешь! Не брани-же меня болѣе, напротивъ, утѣшь, приласкай“. Затѣмъ, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, у ребенка есть еще и другое, болѣе лукавое намѣреніе,—онъ хочетъ тронуть зрителей, показать имъ, какъ жалка его судьба, сдѣлать ихъ свидѣтелями несправедливости или чрезмѣрной суровости, жертвою которыхъ онъ сдѣлался; въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣднее намѣреніе проявляется необыкновенно ясно. Когда ребенокъ знаетъ, что имѣетъ вѣрныхъ союзниковъ, онъ плачетъ буквально для того, чтобы призвать ихъ на помощь; это часто приходится наблюдать въ семьяхъ, гдѣ отецъ и мать не вполнѣ согласны въ своихъ взглядахъ на воспитаніе или не тактичны; ребенокъ, когда его побранитъ отецъ, плачетъ, чтобы тронуть мать и добиться ея защиты, или наоборотъ. Подобные случаи часто разыгрываются и тогда, когда въ семьѣ присутствуютъ ближайшіе родственники, являющіеся, разумѣется, союзниками ребенка; ребенокъ, получившій выговоръ отъ отца или матери, плачетъ, чтобы сдѣлать свидѣтельницей своего несчастія бабушку и вызвать съ ея стороны помощь.

Слезы женщинъ очень часто скрываютъ въ себѣ такія-же намѣренія. Иногда случается, что жена плачетъ, потому что мужъ сказалъ какое-нибудь грубое или обидное

слово. Бываютъ случаи, когда слезы эти, безъ сомнѣнія, объясняются тѣмъ, что ея обида и досада сильны и нестерпимы; но не всегда это является истинной причиной слезъ. Женщина плачетъ также и чаще для того, чтобы обезоружить мужа, растрогать этого варвара, вызвать въ немъ угрызенія совѣсти, чтобы заставить его обвинить самого себя и попросить прощенія, которое она заранѣе рѣшаетъ не принять. Нерѣдко такъ-же, какъ у ребенка, у нея имѣется другая, болѣе двусмысленная цѣль; если есть свидѣтели, она плачетъ, чтобы разжалобить ихъ, показать имъ, до какой степени жалка ея судьба, или даже для того, чтобы добиться ихъ заступничества, чтобы дать понять имъ, какой тиранъ и палачъ ея мужъ.

Подобно дѣтямъ и женщинамъ, и мужчина плачетъ иногда съ опредѣленнымъ намѣреніемъ. Напр., если онъ плачетъ въ моментъ грустной разлуки, то, конечно, плачетъ нерѣдко отъ чрезмѣрнаго горя, это правда; но часто онъ плачетъ не съ цѣлью обнаружить это горе, а съ цѣлью показать, какъ онъ глубоко несчастливъ. Въ этомъ случаѣ слезы являются чѣмъ-то въ родѣ безнадежной попытки удержать уѣзжающую, или средствомъ показать ей, по крайней мѣрѣ, до чего жестокъ ея поступокъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что слезы служатъ средствомъ для возбужденія симпатіи и жалости, иногда даже средствомъ для того, чтобы добиться помощи.

Это—языкъ содержательный и краснорѣчивый. Мы отнюдь не думаемъ этимъ сказать, что человѣкъ заранѣе холодно рѣшаетъ: „Я буду плакать, чтобы разжалобить присутствующихъ“,—но все-же, хотя и полусознательно, онъ преслѣдуетъ именно эту цѣль. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда горе очень сильно и само по себѣ способно вызвать слезы, плачутъ *особенно охотно*, зная, что эти слезы будутъ замѣчены.

Таково разнообразное значеніе этого языка слезъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ случай, когда слезы означаютъ приблизительно слѣдующее: „Я раздѣляю ваше горе, я преисполненъ симпатіи и участія къ вамъ“. Здѣсь идетъ рѣчь о слезахъ, которыя мы проливаемъ не надъ своей собственной участью, а надъ участью другого: это слезы состраданія и жалости. Ихъ также нельзя объяснять исключительно силой эмоціи, а скорѣе слѣдуетъ объяснять желаніемъ *обнаружить* эту эмоцію.

Это объясненіе имѣетъ много общаго съ остроумной, хотя нѣсколько односторонней, теоріей Шопенгауэра. По его мнѣнію, слезы вызываются не горемъ; онѣ выражаютъ, дѣйствительно, жалость, но *жалость къ самому себѣ*. Онъ проводитъ эту мысль въ очень любопытномъ разсужденіи.

Прежде всего онъ старается доказать, что *плакать—значитъ чувствовать жалость къ самому себѣ*. Можетъ представиться два случая: или я плачу надъ самимъ собою или плачу надъ другимъ. Если я плачу надъ самимъ собой, то меня заставляетъ плакать не непосредственно само горе; во мнѣ происходитъ нѣчто вродѣ раздвоенія сознанія, я начинаю *размышлять* о своей судьбѣ, которая представляется мнѣ крайне жалкой, чувствую состраданіе и жалость къ самому себѣ, подобно тому, какъ чувствовалъ бы это къ кому-либо другому, — короче говоря, становлюсь для самого себя объектомъ жалости. Вотъ почему и ребенокъ не начинаетъ плакать до тѣхъ поръ, пока его не пожалѣютъ,—его, слѣдовательно, заставляетъ плакать *не само страданіе, а представленіе о своемъ страданіи*, т. е. опять-таки жалость къ себѣ. Если я плачу надъ участью другого человѣка, то происходитъ это потому, что я ста-

влю себя на мѣсто того, кто страдаетъ. „Его судьба—говоритъ Шопенгауэръ,—напоминаетъ мнѣ общій удѣлъ всего человѣчества и, вслѣдствіе этого, мой собственный; поэтому можно сказать, что въ данномъ случаѣ я чувствую жалость скорѣе къ самому себѣ, нежели къ другому“.

Вотъ почему всѣ мы плачемъ при видѣ смерти. Слезы наши въ этомъ случаѣ являются не только слѣдствіемъ понесенной нами утраты, скорѣе всего онѣ вызываются мыслью о судьбѣ всего человѣчества, обреченнаго смерти, и въ частности мыслью о нашей собственной судьбѣ. Словомъ, чувство состраданія къ своей собственной судьбѣ, все равно—вызвано ли оно *нашимъ собственнымъ страданіемъ, или страданіемъ кого-либо другого,*—такова причина слезъ.

IV.

Намъ удастся, быть можетъ, еще яснѣе освѣтить это значеніе слезъ, сравнивъ ихъ съ другими формами проявленія нашихъ эмоцій, каковы: внезапное измѣненіе краски въ лицѣ, смѣхъ, улыбка.

Слезы по своему значенію почти противоположны внезапному измѣненію краски въ лицѣ. Существенная разница между этими явленіями заключается въ слѣдующемъ: слезы, какъ мы видѣли, выражаютъ эмоцію, которую часто мы *желаемъ* обнаружить, которую нѣтъ надобности скрывать. Напротивъ, измѣненіе краски въ лицѣ выражаетъ, *вопреки нашей волѣ*, эмоцію, *которую мы усиливаемся скрыть*. Въ какихъ случаяхъ мы краснѣемъ? Всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлаемъ усиліе, чтобы скрыть затаенное чувство. Краснѣютъ отъ *скромности*, напр., когда получаютъ похвалу, доставляющую большое удовольствіе, и когда хотятъ это скрыть, стараясь сохранить равнодушный, безучастный видъ. Краснѣютъ еще отъ *робости*, когда чувствуютъ, что неожиданно сдѣлались предметомъ общаго вниманія присутствующихъ, когда этимъ очень тронуты, но усиливаются скрыть свое волненіе, стараясь принять естественный и непринужденный видъ. Краснѣютъ также отъ *стыдливости*, услыхавъ, напр., какое-нибудь непристойное слово, которое поняли, но хотятъ, однако, „сдѣлать видъ, будто ничего не слышали“, и подражаютъ въ манерахъ тому, кто ничего не слыхалъ и не понялъ. Краснѣютъ отъ *стыда*, будучи пойманными на мѣстѣ преступленія въ совершеніи какого-нибудь низкаго поступка, который всѣми силами хотѣли скрыть.

Предыдущіе примѣры помогутъ намъ доказать ту истину, что слезы часто бываютъ наполовину произвольными. Дѣйствительно, измѣненіе краски въ лицѣ—прекрасный примѣръ, показывающій такую форму проявленія эмоціи, на которую воля не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія. Мы не можемъ ни краснѣть произвольно, ни удержаться отъ того, чтобы не покраснѣть; повидимому, стараніе, какъ бы не покраснѣть, дѣйствуетъ какъ разъ наоборотъ и еще усиливаетъ краску. Это, слѣдовательно, такая форма проявленія душевныхъ движеній, которую нельзя назвать языкомъ, употребляемымъ произвольно. Зато ясно, что слезы въ значительной степени зависятъ отъ воли. Что подумали бы о драматургѣ, который въ числѣ разныхъ сценическихъ указаній помѣстилъ бы слѣдующее замѣчаніе: „Въ этомъ мѣстѣ дѣйствующее лицо краснѣетъ“? Между тѣмъ никто не находитъ ничего неестественнаго въ томъ, что иногда требуютъ, чтобы актеръ плакалъ.

Если мы сравнимъ слезы и смѣхъ, то замѣтимъ, несмотря на очевидную противоположность этихъ двухъ явленій, что они имѣютъ между собою нѣкоторое сходство. Значеніе ихъ,

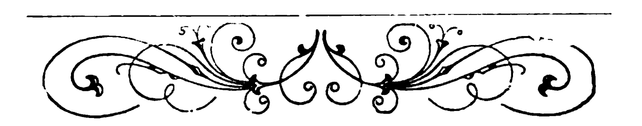
конечно, различно, но зависимость отъ воли почти одинакова.

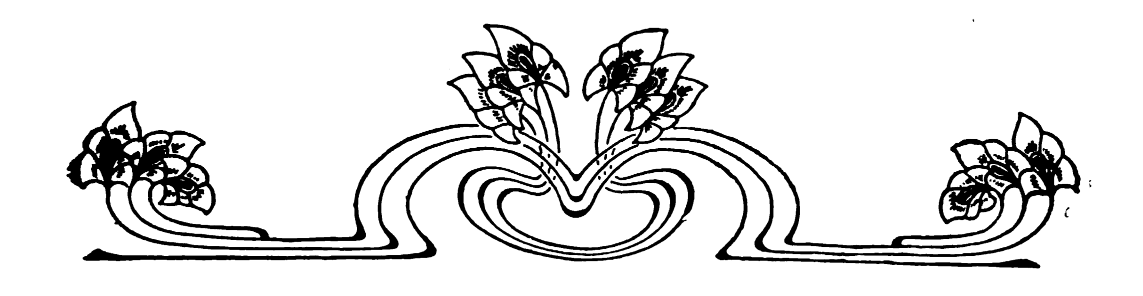
Подобно слезамъ, есть также и смѣхъ безусловно непроизвольный, каковъ, напр., неудержимый хохотъ; есть смѣхъ притворный, лживый, есть, наконецъ, смѣхъ наполовину произвольный. Онъ появляется въ томъ случаѣ, когда ощущаютъ дѣйствительную, хотя весьма умѣренную потребность въ смѣхѣ, которую можно было бы легко подавить, но все-таки смѣются, потому что *желаютъ* смѣяться, чтобы показать окружающимъ, что поняли какую-нибудь шутку, остроту, намекъ и т. д. Слѣдовательно, въ этомъ пунктѣ смѣхъ и слезы имѣютъ между собою много общаго.

Смѣхъ имѣетъ еще другое значеніе; онъ служитъ способомъ для выраженія того, что мы подмѣтили какую-нибудь слабость, какую-нибудь уродливость въ своемъ ближнемъ. Въ этомъ заключается коренная противоположность между слезами и смѣхомъ—смѣхъ является отчасти выраженіемъ „гордости", какъ глубоко замѣтилъ еще Геббсъ, выраженіемъ сознанія своего превосходства и слабости другихъ; слезы, наоборотъ, являются признаніемъ въ слабости, воззваніемъ къ жалости и состраданію, мольбою о помощи. Можно безъ особой натяжки сказать, что смѣхъ есть знакъ ликованія побѣдителя, а слезы—знакъ бѣдствія побѣжденнаго.

Ближе всего стоитъ къ слезамъ смѣхъ отчасти по своему отношенію къ волѣ, отчасти по значенію. Подобно слезамъ, и смѣхъ представляетъ особаго рода языкъ; онъ бываетъ лживымъ, подобно слезамъ; чаще всего его можно считать отчасти произвольнымъ, пускаемымъ въ ходъ съ сознательнымъ намѣреніемъ, отчасти непроизвольнымъ проявленіемъ какой-либо эмоціи. Необходимо, однако, замѣтить, что смѣхъ въ гораздо большей степени, нежели слезы, зависитъ отъ воли,—неудержимой улыбки не бываетъ, улыбаться можно только тогда, когда хочется. Значеніе улыбки и смѣха тоже различно. Очевидно, что существуетъ большая разница между тѣмъ, улыбаются ли *кому-нибудь* или смѣются *надъ* кѣмъ-нибудь. Когда улыбаются кому-нибудь, то своей улыбкой желаютъ выразить симпатію, благосклонность; это безмолвный и необыкновенно разнообразный языкъ, который въ общемъ можно перевести слѣдующими словами: „Я симпатизирую вамъ". Улыбаются, напр., при встрѣчѣ съ другомъ. Когда смѣются *надъ* кѣмъ-нибудь, то значеніе этого смѣха болѣе сложное: въ немъ выражается въ одно и то-же время пренебреженіе къ тому лицу, надъ которымъ смѣются, и расположеніе и благосклонность къ присутствующимъ. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ видно, что между значеніемъ слезъ и улыбки есть нѣчто общее, ибо какъ слезы, такъ и улыбка свидѣтельствуютъ иногда о симпатіи.

Разница, однако, заключается въ томъ, что улыбка выражаетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ жалость, почти никогда—горе. Часто употребляютъ выраженіе „улыбаться отъ жалости", но большей частью то, что этимъ хотятъ сказать, означаетъ улыбку пренебреженія. Наоборотъ, слезы по существу являются не только *физіологическимъ или механическимъ слѣдствіемъ горя, но и особымъ способомъ выраженія* горя и жалости.

Храмъ Ваала.

Храмъ Ваала развалился.
Съ бѣлизною колоннадъ
Тонкимъ стеблемъ перевился
Хищно-цѣпкій виноградъ.

Подъ разрушеннымъ фронтономъ
Поселилася сова,
Дикимъ ревомъ, хищнымъ стономъ
Наполняетъ ночь она.

Дней давно минувшихъ чудо—
Вѣчно брызжущій фонтанъ
Переливомъ изумруда
Не блистаетъ сквозь туманъ.

Идолъ мрачнаго Ваала
Палъ, низринутый во прахъ;
Не вселяетъ, какъ бывало,
Онъ въ сердца священный страхъ.

Мрачны въ храмъ забытый входы.
Вѣютъ жуткой пустотой...
А кругомъ покровъ природы
Блещетъ вѣчной красотой.

Солнце лишь зайдетъ за горы
И наступитъ мракъ ночной,
Пробираяся какъ воры,
Семь жрецовъ идутъ толпой.

Взоры мрачны и угрюмы,
Мраченъ ихъ зловѣщій видъ,
И печать суровой думы
На сухихъ устахъ лежитъ.

Словно выходцы могилы—
Тѣни жизни гробовой—
Въ храмъ запущенный, унылый
Входятъ медленно чредой:

„Сжалься, сжалься, богъ могучій,
„Богъ великій старины;
„Порази громовой тучей
„Ты враговъ своей страны!

„Отними у нихъ свободу,
„Потуши зажженный свѣтъ;
„Богъ отцовъ, верни народу
„Счастье тьмы прошедшихъ лѣтъ!

„Сжалься, сжалься надъ судьбою
„Вѣрныхъ въ вѣкъ тебѣ жрецовъ,
„Покаянною мольбою
„Мы взываемъ, богъ отцовъ“!

Но молчитъ Ваалъ сраженный,
Тихъ жрецовъ зловѣщій кругъ...
Только воронъ полусонный
Злобно каркать началъ вдругъ.

В..Я.

За чертой индивидуализма.

III.

Е. Чириковъ.

По мягкимъ тонамъ творчества къ г-ну Телешеву подходитъ другой молодой писатель — Е. Чириковъ. Но г-нъ Чириковъ, больше чѣмъ г-нъ Телешевъ, уходитъ въ изображеніе провинціальнаго быта людей средней руки. Нельзя не отмѣтить здѣсь замѣчательную выдержанность тона, съ какою авторъ рисуетъ этотъ бытъ. Нигдѣ не видно того сгущенія красокъ, которое въ общемъ такъ свойственно писателямъ этого типа. Авторъ видимо старается остаться безстрастнымъ художникомъ и только во II томѣ своихъ произведеній, гдѣ изъ ряда невинныхъ бытовыхъ картинокъ наначинаютъ выдвигаться общественные вопросы, жгучіе и видимо близкіе сердцу авторы, — кисть въ рукѣ художника начинаетъ дрожать, и на полотнѣ его появляются мазки, выдающіе душевное настроеніе творца, стремящагося направить свои линіи въ одну сторону.

Провинціальный бытъ интересуетъ автора не самъ по себѣ, а большею частью какъ рамка выростающаго

въ ней молодого поколѣнія. Симпатіи къ нему, къ его честнымъ порывамъ, исполненнымъ идеализма и отчасти даже героизма, проглядываютъ во всѣхъ произведеніяхъ г. Чирикова.

Въ центрѣ подобнаго рода разсказовъ нашего автора можно поставить изображенную имъ группу молодежи въ „Чужестранцахъ".

Подготовка молодого поколѣнія къ жизни предстаетъ передъ нами въ цѣломъ рядѣ разсказовъ г. Чирикова, начиная съ дѣтскаго возраста его героевъ. Таковы „Ранніе всходы", „Лошадка", „Предатель", „Обостренныя отношенія", и „Созрѣлъ".

„Ранніе всходы"—это живая картинка дѣтской жизни съ ея радостями и горестями, ея интересами и той своеобразной поэзіей, которой запечатлѣнъ этотъ дѣтскій мірокъ. Рѣдкимъ диссонансомъ врываются въ него отношенія взрослыхъ, такъ часто топчущихъ, въ своемъ нежеланіи проникнуть въ дѣтскую душу, ея святая святыхъ.

Въ разсказѣ „Лошадка" мы видимъ, какъ постепенно въ дѣтскую душу въѣдается грязь отъ окружающаго ее міра взрослыхъ съ съ ихъ опошленіемъ. „Мы жили тогда въ захолустномъ городкѣ",—разсказываетъ герой этой повѣсти,—гдѣ отецъ мой служилъ акцизнымъ чиновникомъ. Помню, мнѣ казалось тогда, что мой папаша очень важный человѣкъ въ городѣ: когда мы шли съ нимъ по улицѣ, будочники отдавали намъ честь, а папаша только махалъ рукою; его называли „вашимъ высокоблагородіемъ", и онъ сильно кричалъ на приходившихъ къ нему просителей и говорилъ, что не оставитъ во рту трехъ зубовъ, или что такъ дастъ по мордѣ, что не два, а три глаза вылѣзутъ на лобъ... Все это убѣдило меня въ могуществѣ отца, я важничалъ и гордился этимъ по дѣтски". Это проглядываетъ и въ дѣтскихъ играхъ мальчика, гдѣ начинается сравненіе между отцами. Какъ омрачаютъ дѣтскую душу подобные грубые предразсудки, могущіе заразить пошлостью на всю жизнь, показываетъ исторія нашего героя съ лошадкой изъ папье-маше, которую онъ не можетъ забыть, даже будучи взрослымъ. Ему дали ее на елкѣ вмѣсто „желѣзной дороги", о которой онъ страстно мечталъ и которая досталась другому потому только, что у того былъ болѣе важный папаша. Больше всего возмутила дѣтскую душу несправедливость, съ которой ей въ первый разъ пришлось столкнуться лицомъ къ лицу,—но именно на это никто не обратилъ вниманія изъ взрослыхъ, и всѣ старались обойти этотъ вопросъ—благо дѣтскій капризъ подъ рукой.

Въ „Обостренныхъ отношеніяхъ" передъ нами не въ мѣру задѣтое дѣтское самолюбіе, съ которымъ особенно надо считаться при воспитаніи, такъ какъ оно можетъ служить рычагомъ и хорошаго, и дурного, смотря по данному ему направленію. Міръ дѣтской души здѣсь опять изображенъ живо и хорошо.

Въ „Предателѣ" мы видимъ маленькое общество съ своими законами, въ духѣ которыхъ и воспитываются его члены. Эти законы (за исполненіемъ ихъ оно строго слѣдитъ) ставятъ его выше общества взрослыхъ, которые до того свыкаются съ разнаго рода компромиссами, что въ результатѣ не замѣчаютъ явнаго противорѣчія между общепризнаннымъ, этическимъ закономъ и своими поступками. Но какъ ни малосложенъ дѣтскій мірокъ, а и въ немъ уже приходится сталкиваться съ проблемами, которыя ведутъ къ началу нравственной раздвоенности. Въ этомъ отразилась вся неустроенность нашей жизни съ враждебными столкновеніями между собою теоріи и практики. Такъ, начало нравственной раздвоенности соприкасается уже съ дѣт-

ской душой Ивана Заплатина, гимназиста I класса. Онъ сказалъ правду, что разбилъ окно не онъ и значитъ несправедливо оставлять его безъ обѣда, когда виноватъ товарищъ его Соколовъ. Инспекторъ похвалилъ его за эту правду, какъ похвалилъ его за нее и отецъ, которому онъ разсказалъ всю эту исторію, — и товарищи назвали предателемъ, ябедникомъ. „Никто на него не обращаетъ вниманія, никто не предлагаетъ ему итти домой вмѣстѣ, никто не окрикнетъ по фамиліи. Заплатинъ Иванъ совершенно забытъ... Заплатина Ивана не существуетъ у нихъ болѣе... Что диванъ, что Заплатинъ Иванъ — имъ все равно"... Для него это, конечно, самое тяжелое наказаніе, и на немъ мальчикъ понемногу убѣждается, что, несмотря на похвалы инспектора и папы, онъ совершилъ проступокъ,— убѣждается, конечно, внутренно, но въ головѣ своей никакъ не можетъ привести въ связь и обосновать дѣтской логикой эти два разновидныя отношенія къ одному и тому же поступку. Притомъ авторитетъ одной стороны случайно подрывается: папа похвалилъ его за правду, а самъ, когда онъ собирался въ клубъ и къ нему пріѣхали отъ больного (онъ докторъ), велѣлъ сказать что его нѣтъ дома, и даже послалъ сказать его, Ваню, котораго только что хвалилъ за правду. Къ тому-же на сторону товарищей переходитъ Груша (горничная) и няня, говоря, что дѣйствительно, изъ всего имъ разсказаннаго, онъ выходитъ предателемъ. Въ результатѣ Ваня чувствуетъ, что онъ сдѣлалъ нехорошо, выдавъ Соколова, хотя и сказалъ правду, и „проклятый вопросъ" о правдѣ всталъ передъ нимъ мучительной загадкой"...

Постепенно молодой умъ начинаетъ оріентироваться въ окружающихъ его противорѣчіяхъ, и первымъ послѣдствіемъ этого является та грань, которую онъ ясно намѣчаетъ между своимъ міркомъ и жизненной теоріей людей практики, воспитавшихъ его. Стѣна непониманія и недовѣрія отдѣляетъ ихъ, и никогда имъ не понять другъ друга, по крайней мѣрѣ при тѣхъ условіяхъ общественной жизни, какія существовали до сихъ поръ.— Съ одной стороны, обитыя крылья, полный индеферентизмъ къ широкому общественному дѣлу и замыканіе въ свою скорлупу личной жизни, семейнаго очага;—съ другой— стремленіе къ широкому полету, къ общественной дѣятельности, которая могла бы поглотить часть этихъ кипящихъ въ душѣ здоровыхъ молодыхъ силъ, еще ничѣмъ не надломленныхъ и жаждущихъ испытать себя.

Такое приблизительно положеніе дѣлъ мы встрѣчаемъ въ разсказѣ г. Чирикова „Созрѣлъ". Гимназистъ получаетъ аттестатъ зрѣлости и приглашеніе явиться къ директору. Тотъ принимаетъ юношу очень любезно, угощаетъ собственными папиросами, чѣмъ приводитъ его въ смущеніе—(мѣсяцъ тому назадъ въ этой же самой комнатѣ директоръ грозилъ выгнать его за куреніе), и въ результатѣ говоритъ: „Такъ вотъ, идите съ миромъ и помните мой послѣдній совѣтъ вамъ: сторониться всякихъ идей"... „Не безпокойтесь, Василій Ѳеофилактовичъ", говоритъ нашъ герой—„я буду стараться безъ идей какъ-нибудь...—успокоилъ я, хотя, конечно, я не настолько глупъ, чтобы думать, что можно обойтись безъ идей... Идея—слово греческое, значитъ мысль". — Очевидно, что директоръ, хотя и цитировалъ по гречески Одиссею, забылъ послѣднее обстоятельство. Затѣмъ, празднуется „зрѣлость". Подгибаловы въ кругу семьи, родственники, знакомые. Начинаются совѣты, пожеланія и допросы, которые по собственному выраженію героя, надоѣдаютъ ему хуже горькой рѣдьки". Они всѣ сходятся въ общемъ къ тому же, о чемъ говорилъ директоръ, т. е. къ необходимости „обойтись безъ идей".

„Ахъ, Егоръ Ивановичъ, вольнодумствуете-съ... Поживете—узнаете. И мы когда-то эти идеи имѣли-съ... Онѣ хороши только въ теоріи, а на практикѣ—миражъ одинъ"... говорятъ гости Подгибалову, когда онъ на приглашеніе играть въ карты отвѣчаетъ, что это чепуха. На вопросъ куда, т. е. на какой факультетъ, онъ поступаетъ, Подгибаловъ говоритъ, что онъ идетъ въ естественники; непосредственно за этимъ слѣдуетъ вопросъ, вызывающій общій интересъ. „А сколько потомъ жалованья?"—спросила тетка."—„Наука, тетя, одно, а жалованье—другое". —„Науку, поди, ѣсть не будешь?"—А, ну васъ!—„Я отвернулся и вышелъ", говоритъ герой. И намъ вполнѣ понятно, какъ глубоко возмущаетъ молодую честную душу это соприкосновеніе съ грубой житейской прозой, съ пошлостью жизни. „Я ничего, господа, не знаю... Главное сдѣлаться честнымъ человѣкомъ!" говоритъ герой, осаждаемый со всѣхъ сторонъ вопросами и совѣтами. Ему отвѣчаютъ: „Въ этомъ мы, Егоръ Ивановичъ, не сомнѣваемся. А все-таки надо же выбрать себѣ карьеру". Это характерное „а все-таки" ясно показываетъ, что „честный человѣкъ" у обывателей въ ихъ программѣ воспитанія стоитъ далеко не на первомъ планѣ. Видимо, не на первомъ планѣ стояло оно и у отца героя, который, подвыпивъ, послѣ празднованія зрѣлости своего сына, пустился съ нимъ въ откровенности и говорилъ: „Все, Егоръ Ивановичъ, можно, все можно, но осторожнось!"—Постепенно опьянѣвъ, онъ переходитъ уже и на другую тему: „Прохвосты" всѣ вы прохвосты! Васъ поишь, кормишь, изъ-за васъ въ долги лѣзешь, петлю на шею надѣвать,—а вы развѣ цѣните? Никогда! Выгонятъ изъ университета, —и все прахомъ пошло! Идеи разныя въ башкахъ заводятся... Какъ можно! Мы хотимъ міровые вопросы разрѣшать! Гдѣ бы поскорѣе кончить, да на мѣсто, родителямъ жилы ослабить,—они начинаютъ погаными идеями головы набивать"... и т. п. Въ результатѣ, говоритъ герой, „мнѣ было грустно, обидно, и хотѣлось разрыдаться... Чего хотятъ отъ меня?.. Мнѣ стало жаль себя и жаль еще чего-то, что мнѣ было такъ близко и дорого, и надъ чѣмъ такъ грубо и безжалостно смѣялись они". И намъ понятно, чего еще было жаль Егору Ивановичу: онъ жалѣлъ то свѣтлое и чистое, что было на днѣ души, ту свѣтлую вѣру въ людей, въ жизнь и въ прекрасное въ ней, которая здѣсь такъ безжалостно попиралась. Это самая благодатная почва для развитія протеста, направленнаго противъ такъ называемыхъ устоевъ жизни, впадающаго по своему озлобленію часто въ крайности, на которыя потомъ съ такимъ торжествомъ указываютъ враги молодежи. Много надо нравственной уравновѣшенности, чтобы удержаться въ данномъ случаѣ отъ увлеченія въ противоположную сторону. Только натуры по самой природѣ своей болѣе созерцательныя, менѣе склонныя къ борьбѣ, способны сохранять въ себѣ „святое недовольство", не переходя границъ, сохранять возможность пониманія, а потому и прощенія. Къ разряду этихъ послѣднихъ натуръ принадлежитъ и нашъ Егоръ Ивановичъ. Вырвавшись изъ дому, этой „тѣсной тюрьмы, гдѣ было такъ душно, душно", онъ жадно впиваетъ прохладу ароматной весенней ночи, смотритъ въ бездонную глубину небесъ, на далекія мерцающія звѣзды, притягивающія его къ себѣ, и само собой невольно разрѣшаетъ мучающее его: „И я,—говоритъ тогда Егоръ Ивановичъ,—пересталъ сердиться на на отца... Обида потухла, и самолюбіе смирилось. Мнѣ жалко стало папу и жаль бѣдную маму, и жаль всѣхъ людей... Зачѣмъ они враждуютъ, зачѣмъ не любятъ другъ друга, какъ братья, какъ дѣти од-

ного отца, который бросилъ на это глубокое синее небо миріады звѣздъ?"...

Затѣмъ наступаютъ годы студенчества, когда весь міръ раздѣляется какъ бы на два лагеря: въ одномъ товарищество съ его идеалами, пылкимъ стремленіемъ къ лучшему будущему, съ его ключемъ бьющими силами, рвущимися на просторъ и свободу; въ другомъ „обывательщина",—съ затхлостью ея атмосферы, слѣпымъ и неумолимымъ гнетомъ, отъ которой молодежь или гордо отворачивается съ презрѣніемъ или, бросая въ лицо ей свой горячій протестъ, вступаетъ въ неумолимую борьбу.

Этотъ періодъ жизни изображается г. Чириковымъ въ двухъ разсказахъ, переданныхъ правдиво и прочувствованно: „Студенты пріѣхали" и „Блудный сынъ".

Въ первомъ изъ нихъ передъ нами два студента, — одинъ сынъ почтмейстера, служащаго въ какомъ-то глухомъ городишкѣ, другой—сынъ огородницы оттуда-же; они оба пріѣзжаютъ на лѣто домой и взбудораживаютъ своимъ пріѣздомъ обывателей, изнывающихъ отъ скуки и лѣни. Они вносятъ въ ихъ жизнь новую живую струю, которую, правда, быстро поглощаетъ обывательская грязь.

„Наумъ"—говоритъ авторъ—сынъ огородницы,—хотя и любилъ праздничныя бесѣды подъ плетнемъ и копанье въ саду и свою грязную „мамыньку", но ему было „тѣсно" и „страшно желалось расширить сферу своей дѣятельности... Наумъ мечталъ о пробужденіи и развитіи сердянскаго *) самосознанія, о борьбѣ съ рутиной и пошлостью, захолустнымъ невѣжествомъ, спячкой и „возмущающимъ душу индиферентизмомъ". Гавринька (сынъ почтмейстера) тоже мечталъ объ этомъ, но при томъ не прочь былъ пріударить и за красивой женой землемѣра, Натальей Михайловной. Но въ этой задуманной имъ по плану борьбѣ болѣе сильнымъ оказывается Наумъ; Гавринька же постепенно самъ втягивается въ „обывательщину", и только скорый отъѣздъ изъ дому спасаетъ его отъ всепоглощающаго мѣщанства, (да это и понятно: вѣдь среда, изъ которой вышелъ Гавринька, вся пропитана мѣщанствомъ). Результаты дѣятельности Наума тоже невелики, — во все-таки ему удалось поддержать одну душу, рвущуюся къ свѣту и, быть можетъ, закрѣпить ея стремленія. Ольга, молоденькая и умненькая дочка дьякона, уже захотѣла „узнать, какъ люди умираютъ отъ честности" и не ограничившись однимъ объясненемъ Наума, попросила у него книги, на которыхъ стоялъ эпиграфъ, привлекшій ея вниманіе. „Милый другъ, я умираю, оттого что былъ я честенъ, но зато родному краю вѣрно буду я извѣстенъ",—тихо и задумчиво повторяетъ она, смотря черезъ окно вдаль въ то время, какъ Наумъ уѣзжаетъ въ университетъ. Ольга тоже рвется теперь всей душой на курсы, къ наукѣ, къ разумному труду.

Столкновеніе этихъ двухъ міровъ—студенческаго и обывательскаго — изображено въ разсказѣ „Блудный сынъ". Для отца блуднаго сына, возвращеніе котораго подъ родной кровъ онъ уже ждетъ, вся судьба его представляется очень просто: Григорія выгнали изъ университета, „потомъ отправили куда-то, потомъ отпустили и скоро опять куда-то отослали; потомъ онъ самъ уже сталъ мыкаться какъ бродяга по свѣту". „Если бы Григорій кончилъ курсъ, теперь не было бы нужды унижаться передъ всякими тамъ Виноградовыми... Сталъ бы Григорій у нихъ земскимъ начальникомъ, жилъ бы въ своемъ имѣніи... Дуракъ! Теперь, вѣрно, кается, да поздно,—близокъ локоть, да не укусишь"!.. Такъ разсуждаетъ старикъ. А Григорій ѣдетъ домой, чтобы

*) Дѣйствіе происходитъ въ г. Сердянскѣ.

„причалить къ пристани“: онъ усталъ, невыносимо усталъ жить этой нервной, полной безчисленныхъ превратностей и терзаній жизнью интеллигентнаго пролетарія“, онъ усталъ отъ страданій, „теперь онъ просто больной и усталый человѣкъ, который хочетъ покоя и отдыха“. И онъ мечтаетъ, что здѣсь „возьметъ клочекъ земли и будетъ работать и жить просто, безъ всякихъ плановъ, какъ живутъ милліоны людей“. Но это оказалось вовсе не такъ просто, какъ ему представлялось въ мечтахъ: и братъ, и отецъ съ его словъ въ этомъ рѣшеніи усмотрѣли всѣ признаки нигилизма и начали, любя, вести аттаку противъ этого врага, погубившаго по ихъ мнѣнію Гришу.

Въ результатѣ между ними возникаетъ полная отчужденность; къ своему брату подпоручику за его грубость, тупость и умственную и нравственную, Григорій чувствуетъ прямо антипатію; отецъ съ первыхъ словъ говоритъ сыну, что народъ— „звѣрье дикое, грубое“, что рано дали ему свободу и напрасно, по его мнѣнію, изъ-за этихъ лѣнтяевъ и пьяницъ губятъ себя мечтатели. Онъ убѣждаетъ сына раскаяться и, боясь, чтобы онъ не дошелъ до отчаянія, безсознательно подливаетъ еще больше горечи въ уже растравленное имъ сердце: онъ передаетъ Гришѣ слова умирающей матери: „Скажи ему, что я прощаю“. Оставшись одинъ, когда отецъ и братъ уѣхали на панихиду къ матери, не взявъ его съ собой изъ-за неподходящаго по ихъ мнѣнію костюма, Григорій отыскалъ карточку матери, снятую съ ними, когда они были еще дѣтьми, и „ему не хотѣлось вѣрить, чтобы мама съ такими добрыми и ласковыми глазами, съ такой любящей, полной материнскаго счастья улыбкой на лицѣ не могла понять, что онъ, Григорій, былъ только честнымъ человѣкомъ, и что онъ не виноватъ ни въ чемъ передъ ними“. Григорій думалъ, что только одна мать могла бы, можетъ быть, понять теперь, какъ и почему все такъ случилось съ нимъ, и если не понять, то повѣрить, что онъ всю жизнь отдалъ людямъ, что теперь онъ усталъ и обезсилѣлъ, что у него болитъ грудь и больше нѣтъ силъ скитаться.

Но окружающіе родные ему люди заросли обывательской корой, погубивъ за ней ту чуткость и нѣжность души, безъ которой самая любовь теряетъ свою силу. И онъ бѣжитъ отъ нихъ, опять идетъ скитаться по бѣлу свѣту, и ему кажется, что онъ никогда не останавливался, „никогда не остановится, а будетъ все безъ конца куда-то ѣхать“; мучительное чувство одиночества и безпріютности охватываетъ вновь его. Отъ себя мы укажемъ, что Григорій не замѣчаетъ одного, въ сущности чрезвычайно важнаго: у него былъ одинъ близкій человѣкъ, понимавшій его если не умомъ, то сердцемъ: это няня Васильевна. „Прости насъ, окаянныхъ! — говоритъ она ему на прощанье,— „а самъ молись за мамашу-то“,—и горячая слеза, упавшая на руку Григорія, подтвердила, сколько чувства теплаго и искренняго скрывалось въ этихъ словахъ. Сила ли женскаго чутья сказалась въ нихъ или природный даръ народа, его психическое проникновеніе, —но во всякомъ случаѣ мы не можемъ не видѣть громадной разницы двухъ развертывающихся здѣсь передъ нами отношеній: съ одной стороны *его прощаютъ*, — съ другой —*сами просятъ прощенія*. Въ затушевкѣ этого факта, намъ кажется, авторъ сильно погрѣшилъ: онъ не могъ не отразиться на больной и впечатлительной душѣ Григорія, не вызвать въ ней извѣстнаго реагированія, (хотя самое упоминаніе подобнаго факта тогда, когда мысль автора очевидно была направлена на другое, свидѣтельствуетъ уже объ его художественномъ тактѣ).

Въ разсказѣ „Чужестранцы“ пе-

редъ нами смѣсь обывательщины и идеализма, жизнь ихъ бокъ о бокъ.

„Бывшіе студенты, акушерка безъ практики, художникъ самоучка, готовящійся на аттестатъ зрѣлости юноша — всѣ эти люди, — говоритъ авторъ,—связанные между собой тайными узами духовнаго сродства, толкавшаго ихъ другъ къ другу, занимали совершенно исключительное положеніе между обывателями города. Казалось, что это были какіе-то иностранцы на чужбинѣ, инстинктивно влекомыя другъ къ другу единствомъ родины, языка, религіи и обычаевъ (135).

Конечно, въ результатѣ они неизбѣжали столкновенія съ обывательскимъ миромъ, и борьба, завязавшаяся между ними при посредствѣ издаваемаго этой кучкой интеллигентовъ „Вѣстника", кончилась полной побѣдой обывательщины. Чужестранцы должны были разсѣяться и съ посохомъ горьковскаго Луки идти искать праведную землю. Побѣда эта, конечно, была чисто внѣшняя,—да иной она и не могла быть: на сторонѣ вѣдь чужестранцевъ стояла сила нравственная и духовная. У одного только представителя этого лагеря надломила она и ее: у художника и по натурѣ и по профессіи, Евгенія Александровича, для котораго по самому призванію его были важны обѣ стороны—и внѣшняя, и внутренняя, а въ первой чужестранцамъ вообще приходилось уступать обывательщинѣ въ виду разныхъ „независящихъ" отъ нихъ обстоятельствъ.

Въ общемъ „Чужестранцы" по сочетанію идеи и формы являются лучшимъ произведеніемъ г. Чирикова.

Не то представляютъ собою „Инвалиды", написанные на ту же тему борьбы, но захватывающіе ее въ послѣдней вспышкѣ: здѣсь много ненужнаго резонерства, подавляющая форму тенденція бѣлой ниткой проходитъ по всему произведенію и непріятно отталкиваетъ читателя.

Въ выводимыхъ здѣсь спорахъ народниковъ и марксистовъ—авторъ не стоитъ, какъ ему слѣдовало бы, въ роли посторонняго наблюдателя, а является и самъ дѣйствующимъ лицомъ, прячущимся только за спины героевъ. Къ своему герою Крюкову авторъ съ первой же страницы становится въ враждебныя отношеніяхъ, хотя и всячески маскируетъ это названіями его „чуткой душой", сердцемъ, „болѣющимъ за всѣхъ оскорбленныхъ и униженныхъ". Истинное же чувство пробивается у автора въ непосредственно слѣдующихъ за этимъ строкахъ: „Человѣкъ съ горячей вѣрой въ силу *какого-то* особаго „уклада" русской народной мысли и народнаго міросозерцанія, съ фантастическими проектами путемъ общины, артели и экомической жизни отчизны чуть-ли не осуществитъ завтра же идеалъ всеобщаго на землѣ счастья,—Крюковъ оторвался отъ дѣйствительности и продолжалъ жить прежними мечтами и воспоминаніями далекой юности... Одинокій членъ обанкрутившагося (?) товарищества на вѣрѣ, Крюковъ не желалъ считаться съ фактами, тираннически распоряжался ими, откидывая непріятные и притягивая за волосы пріятные, и дѣлалъ все это искренно, безъ заранѣе, такъ сказать, обдуманнаго намѣренія". (4—5).

Вторая половина этого опредѣленія Крюкова можетъ быть смѣло отнесена и къ автору въ его отношеніи къ спорамъ народниковъ и марксистовъ. Говоря о Крюковѣ, авторъ заставляетъ насъ вѣрить ему на слово: живымъ, дѣйствующимъ лицомъ онъ является только въ спорѣ, да и то въ результатѣ получается что-то очень странное: этотъ „инвалидъ" прошедшій огонь и мѣдныя трубы", вдругъ приходитъ въ бѣшенство отъ слова молоденькаго марксиста, Игнатовича, брошеннаго въ пылу спора въ слѣдъ ему („психопатъ!"); но это все бы ничего,—

главное, что Крюковъ не можетъ забыть этого слова, онъ признаетъ себя побѣжденнымъ имъ и пишетъ, полубольной, слезное посланіе къ Игнатовичу съ просьбой щадить человѣка и его лысины и „исправлять ошибки народниковъ".

Одно изъ двухъ: или Крюковъ дѣйствительно былъ психопатъ, тогда его нельзя было пускать къ здоровымъ людямъ, и во всякомъ случаѣ нельзя придавать его спору такое значеніе, какое придаетъ ему г. Чириковъ; или, — если онъ былъ здоровый человѣкъ, то противопоставлять его другимъ можно только для каррикатуры, въ виду его непроходимой глупости.

Человѣкъ партіи съ самымъ ничтожнымъ умишкомъ знаетъ клички враговъ и похуже „психопата"; онъ такъ привыкаетъ къ нимъ, что они не вызываютъ у него впослѣдствіи даже слабаго волненія; а для „инвалида" онѣ и подавно не имѣютъ никакого значенія, вылетая тѣмъ болѣе изъ устъ неоперившагося юнца. И признать себя побѣжденнымъ на основаніи одного этого слова (такъ какъ изъ спора ничего подобнаго не вытекаетъ), Крюковъ могъ только „по наущенію" г. Чирикова.

Прямо комическими являются послѣ этого трагически описанные г. Чириковымъ нервное разстройство Крюкова и его смертельная болѣзнь *).

Было бы понятно, если бы подобнаго рода произведеніе принадлежало перу дебютанта въ литературѣ, и странно встрѣтить во 2-мъ т. произведеній г. Чирикова.

Другое впечатлѣніе производитъ разсказъ (во II т.) „Въ отставкѣ", написанный живо и правдиво, но скрывающій за мягкими тонами силу развертывающейся здѣсь передъ нами трагедіи. Обывательскій индиферентизмъ и незаглохшіе, но только подавленные имъ порывы благороднаго идеализма — уживаются въ человѣкѣ и ведутъ его къ страшной нравственной раздвоенности, за которой теряется охота жить.

„Было время,—говоритъ авторъ,— когда часы (Николая Семеновича Рузавина, учителя гимназіи) были новы, щеголяли бѣлизною и свѣжестью своего циферблата, имѣли отличный ходъ съ тенденціей скорѣе забѣгать впередъ, чѣмъ отставать. Тогда они безостановочно шли впередъ, словно разсчитывали дойти наконецъ до какой-то цѣли, до чего-то новаго, неизвѣданнаго и заманчиваго"...

Но прошло много лѣтъ, часы потускнѣли и поняли, что совершаютъ безцѣльный круговоротъ.—Они были двойникомъ Н. С. Рузавина, мечтавшаго когда-то о живомъ, великомъ дѣлѣ воспитанія молодого поколѣнія и въ результатѣ опустившагося до полнаго формализма въ отношеніи къ этому же поколѣнію и даже до вынужденнаго подавленія живыхъ запросовъ его ума.

Въ сопровожденіи надзирателя Куропаткина онъ участвуетъ въ ревизіи по ученическимъ квартирамъ и за имъ же данныя дѣльныя книги вынужденъ участвовать въ исключеніи ученика изъ гимназіи, закрывая ему этимъ всѣ лучшіе пути жизни. Нравственное паденіе здѣсь слишкомъ ярко бросается въ глаза самому Рузавину, благодаря обращеннымъ на него правдивымъ и честнымъ глазамъ его юнаго брата и вызываетъ громкій протестъ со стороны другого „я" Рузавина, которое не можетъ примириться съ своимъ банкротствомъ и заставляетъ Рузавина „почтительнѣйше возвратить свой билетъ на входъ", какъ говорилъ когда-то Карамазовъ.

Активнѣе и горячѣе борьба съ общественнымъ индиферентизмомъ другого представителя идеальныхъ стремленій — земскаго врача Нико-

---

*) Хотя все это—далеко не умное резонерство героевъ не мѣшаетъ „Образованію" (см. рецензію) признать этотъ разсказъ однимъ изъ лучшихъ произведеній г. Чирикова.

лая Григорьевича въ „Лощинѣ межъ горъ“ (т. III).

„Грядущее счастье“, въ которое онъ вѣрилъ, „вливало въ его душу потокъ энергіи, желаніе трудиться и жить для этихъ кроткихъ, безсловесныхъ нищихъ, которыхъ называютъ мужиками и бабами“. Сила энергіи, убѣжденія и жажда подвига чистой юности“ звучитъ въ его пѣснѣ, несущейся въ лунную ночь надъ соннымъ городкомъ.

Но съ первыхъ же шаговъ онъ наталкивается на непреодолимыя преграды не только для какого-либо подвига, въ томъ смыслѣ какъ онъ его понималъ въ эту лунную ночь, но и вообще для мало-мальски хорошаго дѣла. Тѣ бѣдняки, которыхъ онъ лечилъ въ селѣ Поповкѣ по базарнымъ днямъ, нуждались, во-первыхъ, не въ наукѣ, которой только и владѣлъ Н. Г., а нуждались „въ хорошемъ питаніи, спокойствіи и уходѣ, чего именно и не полагалось этимъ невѣжественнымъ людямъ, въ потѣ лица не имѣющимъ возможности ѣсть хлѣбъ свой“. И нельзя сказать, чтобы добросовѣстность молодого врача нравилась паціентамъ, которыхъ онъ поневолѣ задерживалъ, не считаясь съ дорогимъ имъ въ хозяйствѣ временемъ.

„Молодъ... Плохо еще понимаетъ свое дѣло... Подистычъ проворнѣе“...—говорили они, предпочитая быстрый осмотръ ничего не понимавшаго стараго фельдшера.

Такимъ образомъ эта самая дорогая для Николая Григорьевича сторона его дѣятельности незамѣтно отъ него ускользала.

Не удалось ему удержаться и на другой позиціи — своей честности и независимости—удержаться въ смыслѣ побѣды надъ темными силами, которыми вообще у насъ на Руси хоть прудъ пруди. Благодарю именно имъ Н. Г. былъ уволенъ со своей должности въ земствѣ —за „небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ“, что, конечно, пало, какъ говорится, съ больной головы на здоровую. Товарищи же, которые сидя у него наканунѣ этого событія, вторили ему въ прекрасныхъ порывахъ, не только не поддержали Н. Г., но одинъ изъ нихъ даже занялъ его мѣсто. Въ такомъ образѣ дѣйствій небольшой горсточки выдвинутыхъ г. Чириковымъ врачей сказывается характерная черта вообще всей нашей русской интеллигенціи. Историческое развитіе у насъ шло скачками; мы быстро схватывали верхушки, но до полнаго самосознанія въ общественной жизни еще не пришли: мы все еще больше смотримъ на себя, какъ на самодовлѣющую единицу, чѣмъ какъ на разумную часть великаго цѣлаго, интересы котораго намъ близки уже потому, что оно охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ, и мы поневолѣ должны съ нимъ считаться. Только отсутствіемъ этого самосознанія объясняется разбродъ въ одиночку нашей интеллигенціи и ея дѣтская безпомощность при столкновеніи съ реальными общественными задачами.

Черты обывательщины въ „Лощинѣ межъ горъ“ схвачены мѣтко и вѣрно, хотя и съ присущей автору блѣдностью и расплывчатостью красокъ. Въ самую глубину обывательской жизни вводитъ насъ разсказы „Калигула“, „Фаустъ“, Какъ это случилось“.

Общій тонъ автора въ нихъ не измѣняется.

Въ „Калигулѣ г. Чириковъ затрогиваетъ одинъ изъ мотивовъ творчества Достоевскаго, но, не углубляясь въ анализъ, остается на чисто бытовой основѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ возмущеніе человѣка изъ подполья за униженіе своей личности, прорвавшійся, наконецъ, накипѣвшій въ душѣ протестъ и глухое, робкое при этомъ торжество такихъ же оскорбленныхъ и униженныхъ. Все это разыгрывается въ томъ чиновническомъ міркѣ, который вообще болѣе всего ведетъ къ обезличиванію человѣка.

Какъ по выраженной идеѣ, такъ и по художественной формѣ — это одинъ изъ лучшихъ разсказовъ г. Чирикова.

Большею живостью и яркостью сравнительно съ другими отличаются разсказы: „Танино счастье" и „Именинница".

Выступающіе здѣсь типы Сони Мармеладовой, хотя и заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе грубаго реализма, чѣмъ это было въ ихъ первообразѣ, все-таки не чужды идеальной подкладки, которая идетъ въ ущербъ производимому ими впечатлѣнію. Вообще говоря, изъ всѣхъ разсказовъ г. Чирикова по силѣ производимаго впечатлѣнія и отпечатка несомнѣнной талантливости выдѣляется разсказъ „Въ лѣсу", гдѣ авторъ останавливаетъ свое вниманіе на той средѣ, о которой если ему и приходилось говорить иногда въ другихъ разсказахъ, то только мелькомъ *). Крестьянское царство съ его бѣдностью, тьмой и какимъ-то нравственнымъ отупѣніемъ въ безвыходности своей положенія предстаетъ передъ нами въ этомъ разсказѣ. Лицомъ къ лицу съ нимъ здѣсь, какъ и въ „Лощинѣ межъ горъ", стоитъ человѣкъ, полный страстнаго желанія помочь, но безсильный сдѣлать что-либо и мучающійся въ страшномъ нравственномъ одиночествѣ. Но въ испытанномъ притомъ отчаяніи, въ невозможности индеферентизма и въ горячемъ стремленіи выйти изъ своего запутаннаго нравственнаго положенія заключается, отчасти, мнѣ кажется, уже и самъ выходъ: своею личностью, своей работой Павлы Петровичи **) будятъ наши долго спящія силы. Авторъ, случайно заглянувшій въ этотъ медвѣжій уголъ и имѣющій возможность выслушать горячія изліянія настрадавшейся въ одиночествѣ души, говоритъ по этому поводу: „Легко было замѣтить, что вся горечь души, сосредоточившись у него, (Павла Петровича) на одномъ пунктѣ, вертѣлась вокругъ одной главной точки. Нельзя человѣку жить по совѣсти".

*) Въ послѣднее время авторъ коснулся ея и въ своемъ разсказѣ „Тайна", помѣщенномъ въ ж. Міръ Божій за 1904 г.

**) См. „Въ Лѣсу".

Да и какое тутъ житье, когда на глазахъ у васъ „братья во Христѣ", какъ говоритъ Павелъ Петровичъ, ѣдятъ „голодный хлѣбъ", отъ котораго отворачиваетъ носъ и собака барина; когда малѣйшую возможность свободно вздохнуть ближайшее начальство старается закрыть, не останавливаясь для этого передъ хитрыми комбинаціями. Вполнѣ понятно и естественно то впечатлѣніе, которое осталось отъ столкновенія съ такою дѣйствительностью у нашего автора:

„Тутъ близко, рядомъ со мною,— говоритъ онъ, — таилась какая-то безграничная неправда, несправедливость; какое-то громадное зло скрывалось здѣсь подъ покровомъ ночи, въ глухомъ лѣсу, и мою душу не покидало странное смутное сознаніе, скорѣе даже ощущеніе, что я повиненъ въ какомъ-то страшномъ безчеловѣчномъ преступленіи".

„То маленькій человѣчекъ съ слезящимися глазами подползалъ къ моей кровати, просилъ „тенька" *) и спускался головою о полъ; то въ дверь протягивались руки и совали мнѣ ломти „голоднаго хлѣба"; то вдругъ страдальческій обликъ изуродованнаго, окровавленнаго рабочаго наклонялся надъ моимъ изголовьемъ и глухо спрашивалъ:

— Какъ же насчетъ способія, преміи?

— По собственной неосторожности!—произносилъ я уже въ полуснѣ и сердито переворачивался на другой бокъ лицомъ къ стѣнѣ...

Кошмаръ, давящій въ данномъ случаѣ разсказчика, можетъ быть по

*) „Теньки" т. е. возвращенія денегъ; просилъ у Павла Петровича бѣдный мордвинъ, пріѣхавшій за хворостомъ въ лѣсъ: заморенная лошадь пала на обратномъ пути, и купленный хворостъ ему довезти не пришлось.

чистой совѣсти и кошмаромъ всей русской интеллигенціи, — и далеко не лишнее отмѣтить его въ наше время, когда жгучіе вопросы заливаютъ собою все поле жизни до такой степени, что трудно разобраться въ ихъ сравнительной важности.

Въ этомъ разсказѣ съ большей силой сказывается и талантливость г. Чирикова, сумѣвшаго удержать свою идею въ художественной формѣ, не доводя ея ни до давящей тенденціи, ни до идеализированья фактовъ, въ чемъ такъ легко было погрѣшить въ данномъ случаѣ. Но въ общемъ этотъ разсказъ не представляетъ собою, какъ мы замѣтили, raison d'être художника писателя. Это показываетъ и послѣдній обратившій вниманіе читающей публики разсказъ г. Чирикова „На порукахъ" *), гдѣ авторъ возвращается къ излюбленной темѣ борьбы молодаго идеализма и обывательщины. Въ самомъ изображеніи подобной борьбы сказывается уже опытная рука, оперирующая надъ хорошо знакомымъ предметомъ, видно закрѣпленіе роста творчества. Въ немъ нѣтъ ни особенной глубины, ни силы, — да ея и не могла дать обывательщина своими сѣрыми тонами, А тотъ идеализмъ, который горячей волной врывается сюда порой, вызывая на борьбу темныя силы, слишкомъ высокъ для обывательщины и уже потому самому не можетъ ее оттѣнять такъ, какъ оттѣняетъ, напримѣръ, поднявшееся только ступенькой надъ ней самосознаніе чеховскихъ героевъ, вродѣ Андрея въ „Трехъ Сестрахъ", Астрова въ „Дядѣ Ванѣ" и т. п. Въ этомъ быть можетъ и былъ секретъ творчества Чехова, которымъ, конечно, не всѣмъ дано владѣть.

Что касается изданныхъ отдѣльной книжкой пьесъ г. Чирикова, то передѣлка „Калигулы" въ драму „На дворѣ во флигелѣ" показываетъ сама по себѣ, что повѣствовательный родъ гораздо болѣе удается г. Чирикову: разсказъ выигрываетъ при этомъ сравненіи; въ немъ нѣтъ ни тѣхъ натяжекъ, ни той, мы сказали бы, даже наивности, которой страдаетъ драма. Монологи въ ней преобладаютъ надъ дѣйствіемъ, и оттого она является только какимъ-то безжизненнымъ резонерствомъ на тему о маленькихъ людишкахъ.

Нѣсколько лучше драма „Въ погонѣ за славою". Но и здѣсь еще, хотя и въ меньшей степени, проглядываетъ недостатокъ въ дѣйствіи; идея не укладывается въ надлежащія формы, а виситъ какъ бы въ воздухѣ. Особенно неудаченъ типъ художника Козыренко, несмотря на его нѣсколько оживляющее драму остроуміе. Этотъ типъ совершенно невыдержанъ. Безжизниненъ и самъ герой, желающій представить изъ себя какую то глубокомысленную фигуру. Героиня (Вѣра Ник.) хорошо задумана, но автору не удалось очевидно воплотить ее въ соотвѣтствующій художественный образъ. Гораздо удачнѣе второстепенные персонажи драмы, меньше нуждающіеся въ авторской указкѣ.

Драматическому творчеству г. Чирикова—вобще предстоитъ еще расти. Послѣднія драмы его—„Евреи" и „Иванъ Миронычъ" преставляютъ собою поступательное движеніе впередъ въ смыслѣ внѣшней отдѣлки. Здѣсь больше живости, больше движенія, чѣмъ въ первыхъ. Но блѣдность образовъ, отсутствіе сильнаго внутренняго драматизма все тѣ же.

Въ „Евреяхъ" взятъ очень интересный сюжетъ, который самъ въ себѣ заключаетъ много драматизма: это обособленное положеніе еврейства и разыгрывающійся въ концѣ драмы еврейскій погромъ. Но ни молодежь съ ея наклонностью къ космополитизму и внутренней борьбой ея, съ впитываемыми въ нее вѣковыми традиціями, ни старикъ Лейзеръ, свято хранящій завѣты родного народа, ни даже Нахманъ со своимъ горячимъ энтузіазмомъ

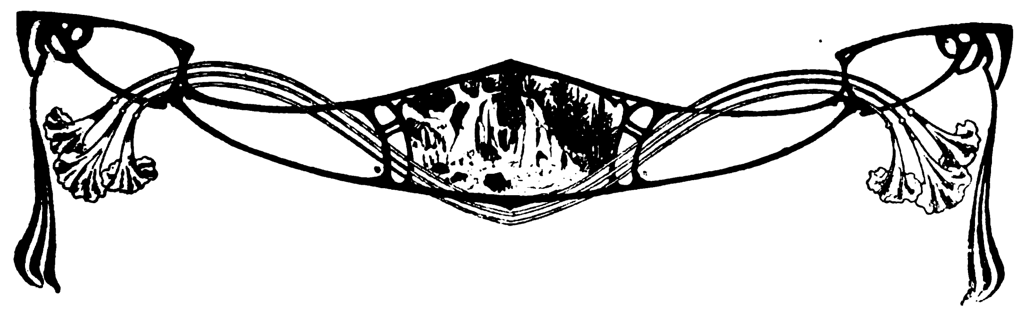
*) См. Сб. „Знаніе".

не передаютъ съ настоящей силой всего трагизма своего положенія.

Въ „Иванѣ Мироничѣ“ г. Чириковъ рисуетъ образъ формалиста педагога, котораго заѣли буква и правила, пропитавшія его домашнюю обстановку. Отдѣльныя мѣста въ пьесѣ подкупаютъ своею живостью и правдивостью, — но въ общемъ блѣдный колоритъ, блѣдные образы и даже маленькій шаржъ въ самомъ Ив. М. Дѣтскіе типы и здѣсь, какъ и въ разсказахъ, наиболѣе удались г. Чирикову. Дочь Ив. М., рвущаяся изъ тѣсной домашней клѣтки къ новой свободной и разумной жизни, мерцающей вдали, и ея братъ, мальчуганъ, растущій почти безъ призора, (отецъ только заставляетъ его учить географію и водитъ насильно ко всенощной, бабушка ограничивается въ его воспитаніи побоями),—единственныя вполнѣ жизненныя лица въ пьесѣ.

Г. Ганжулевичъ.

Школа и политика.

Н. Н. Ворченко.

Наступающій академическій годъ заставляетъ вспомнить минувшій. Онъ былъ тягостнымъ для русской школы и особенно для высшей. Къ сожалѣнію, тѣ нежелательныя стороны академической жизни, которыя до сихъ поръ предполагались въ въ высшей школѣ, теперь навязываются и средней. Правда, нынѣшнее министерство народнаго просвѣщенія ничего новаго не придумало и, судя по его лѣтнимъ циркулярамъ, оно находится въ полномъ соотвѣтствіи со старыми традиціями худшихъ временъ управленія министерствомъ Толстого и Делянова: оно и теперь, какъ во времена призванія чеховъ, озабочено болѣе политикою, чѣмъ учебнымъ дѣломъ.

Такое направленіе дѣятельности министерства, въ ущербъ дѣйствительнымъ нуждамъ народнаго просвѣщенія, конечно, не ново, и мы только отмѣчаемъ, что оно и не отстаетъ отъ другихъ вѣдомствъ въ дѣлѣ „тащить и не пущать". Циркуляры, какъ суррогаты закона, всегда сыпавшіеся по разнымъ вѣдомствамъ, какъ изъ рога изобилія, теперь сочиняются и разсылаются съ удвоенной энергіей. Путемъ циркуляровъ производятся внушенія, предостереженія, разъясненія, дополненія и даже реформы. Словно, предчувствуя неминуемую гибель въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, приказный строй старается превзойти себя...

Въ послѣднее время вошли въ моду циркуляры, запрещающіе критику дѣйствій всякаго начальства, а особенно со стороны подчиненныхъ, обязанныхъ лишь почтительно воспринимать и безпрекословно исполнять указанія власть имущихъ; къ числу такихъ циркуляровъ нельзя не причислить и поучительный циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія, разосланный попечителямъ учебныхъ округовъ 21 іюня 1905 г. (См. „Хронику русской жизни", въ № 8).

Вполнѣ ясно, что министерству въ сущности не важно, полезна или вредна критика постановки школьнаго дѣла. Общество давно уже совсѣмъ опредѣленно высказало свой взглядъ по этому вопросу. Но министерство не считаетъ себя обязаннымъ выслушивать общество. Когда же „сѣтованія" стали облекаться въ форму „единогласныхъ" постановленій разнаго рода собраній, то министерство сочло своевременнымъ для вразумленія, кого слѣдуетъ, прибѣгнуть къ несложной формулѣ „quos ego!" Не менѣе поучительны и отдѣльныя части циркуляра, проливающія новый свѣтъ на дѣло. Если бы циркуляръ не разъяснилъ учащимъ истинный ха-

рактеръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, большинство педагоговъ никогда бы и не узнали, какъ „образцово" поставлена ихъ дѣятельность.

Между тѣмъ отрицательныя стороны ея, на которыя указывало неоднократно общество путемъ печати, стали слишкомъ рѣзкими и до такой степени неоспоримыми, что даже среди самихъ педагоговъ не находится искреннихъ защитниковъ существующей учебновоспитательной системы. Дѣятельность министерства и многихъ проводниковъ его идей настолько уже опредѣлилась. что едва ли можно винить общество въ томъ, что оно откажется возлагать сколько нибудь серьезныя надежды на ту реформу учебныхъ заведеній, о которой упоминается въ циркулярѣ отъ 21 іюня. Подобные циркуляры лишь усиливаютъ тревожное состояніе общества, ибо стало давно общеизвѣстнымъ фактомъ, что политическія тенденціи при организаціи учебной системы до сихъ поръ всегда имѣли преобладающее значеніе, и политикѣ приносились въ жертву интересы дѣйствительнаго просвѣщенія.

Вскорѣ послѣ появленія вышеприведеннаго циркуляра въ газетахъ появилось мнѣніе одного изъ высшихъ представителей министерства юстиціи, уясняющее, что хотя сама организація союзовъ, а равно и цѣли, преслѣдуемыя имъ, имѣютъ характеръ преступный, однако виновность отдѣльныхъ участниковъ въ значительной степени отпадаетъ благодаря тому, что всѣ преступныя дѣйствія производились гласно, что подтверждается главнымъ образомъ опубликованіемъ какъ основныхъ цѣлей, такъ и членскихъ списковъ. Въ виду этого подобные союзы не представляется возможнымъ подвести подъ категорію тайныхъ обществъ, какъ то было угодно министерству народнаго просвѣщенія. Конечно, подобную неосвѣдомленность министерства народнаго просвѣщенія можно отнести и на счетъ того, что называется „междувѣдомственнымъ преніемъ". Одновременно съ этимъ одинъ изъ членовъ министерства внутреннихъ дѣлъ составилъ, какъ говорятъ, докладную записку о мѣрахъ для борьбы съ этими союзами. Въ запискѣ проводится мысль, что уклоненіе союзовъ въ явно преступную сторону происходитъ главнымъ образомъ по причинамъ ихъ нелегальности. Въ виду этого составитель записки находитъ необходимымъ легализировать ихъ, что дало бы возможность направить дѣятельность всѣхъ союзовъ, путемъ незначительныхъ уступокъ съ точки зрѣнія существующихъ установленій, въ сторону, болѣе нормальную и болѣе соотвѣтствующую видамъ правительства. Есть слухъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣйствительно начата разработка законопроекта о правѣ различныхъ общественныхъ группъ соединяться въ союзы. Въ основу законопроекта будетъ положенъ прусскій законъ, устанавливающій явочную систему. Въ сентябрѣ онъ будетъ внесенъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ ожидается его опубликованіе. А пока, „на всякій случай", ретивое вѣдомство съ своей стороны принимаетъ мѣры противъ „крамольниковъ". Такъ, проф. Истринъ сообщаетъ въ „Русск. Вѣд.", что два референта, выступившіе съ своими критическими замѣчаніями въ педагогическомъ обществѣ при Новороссійскомъ Университетѣ, уже испытали на себѣ послѣдствія циркуляра.

Въ началѣ августа въ округъ были приглашены директоры тѣхъ гимназій, гдѣ служатъ референты, и имъ было тамъ сказано, что-де по распоряженію министерства четыре референта не могутъ быть допущены къ преподаванію въ старшихъ классахъ,—нельзя-де служащимъ, по мнѣнію окружного начальства, такъ критиковать свое

вѣдомство. Между тѣмъ бумага министерства, на которую ссылается окружное начальство, не показывается, а просто рекомендуется директорамъ сдѣлать обычное къ началу учебнаго года распредѣленіе уроковъ по указанному плану, т. е. просто собственной властью взять да и отнять чуть ли не всѣ уроки. И дѣйствительно, въ настоящее время всѣ референты оставлены— кто при трехъ, кто при пяти урокахъ".

Въ Московскомъ учебномъ округѣ обошлись еще круче. Тамъ двое преподавателей третьей московской мужской гимназіи, г.г. Страховъ и Пеше, получили отъ своего непосредственнаго начальства приглашеніе оставить занятія въ гимназіи. Поводомъ къ внезапной отставкѣ послужило то обстоятельство, что фамиліи обоихъ преподавателей стояли среди подписей извѣстной записки 140 педагоговъ, начинающейся словами—„Такъ долѣе жить нельзя" и напечатанной въ № 6 „Право".

Привычное для министерства народнаго просвѣщенія внесеніе политики въ учебно-воспитательное дѣло въ рукахъ худшихъ проводниковъ руководящихъ идей и поистинѣ недостойныхъ почетнаго званія педагоговъ превращается въ не что иное, какъ сыскъ, какъ ни грустно признаться, но именно въ полицейскій сыскъ, который такъ глубоко проникъ во всѣ слои общества и заразилъ своемъ тлетворнымъ вліяніемъ дѣятелей самыхъ разнообразныхъ профессій до духовныхъ пастырей и законоучителей средней школы включительно. Недавно стала извѣстна полемика, существовавшая нѣкогда между двумя высшими сановниками двухъ вѣдомствъ, въ которой шла рѣчь о „возложеніи на духовенство полицейско - сыскныхъ обязанностей". Слѣдовательно, существовало небезосновательное убѣжденіе, что стоитъ только издать соотвѣтственный циркуляръ, и наши священнослужители будутъ исполнять сыскныя обязанности не только за страхъ, но и за совѣсть, что они и доказали своею многостороннею дѣятельностью въ качествѣ, напримѣръ, миссіонеровъ въ дѣлѣ борьбы съ сектантствомъ, столь блестяще всегда побѣждавшихъ, путемъ ссылки на авторитетъ мѣстнаго становаго пристава или другой „власти предержащей" и т. д.

Допустимъ, что мы заслужили это, ибо общество получаетъ такого пастыря, какого оно стоитъ, и если оно ничего противъ него не возражаетъ, то, значитъ, довольно имъ. Но если такого духовника или законоучителя даютъ нашимъ дѣтямъ въ школѣ, воля ваша, это не всегда безопасно для семьи, а слѣдовательно и для того же общества. Иллюстраціей къ сказанному можетъ служить слѣдующее письмо Литкенса въ редакцію, напечатанное въ одной газетѣ („Сынъ От.", 12 іюня 1905 г.).

„Позвольте въ вашей газетѣ сказать нѣсколько словъ о странномъ характерѣ нашихъ выпускныхъ экзаменовъ. Я только что кончилъ экзамены при 12-й гимназіи. И на экзаменѣ священникъ Темномѣровъ, говорившій въ свое время о японскомъ характерѣ движенія 9-го января, предложилъ мнѣ разсмотрѣть современныя забастовки съ христіанской точки зрѣнія".

Не говоря о томъ, что за христіанская точка зрѣнія у о. Темномѣрова и у всѣхъ обличителей „японофильского рабочаго движенія", замѣчу, что ничего подобнаго не входило въ программу по закону Божію, и вопросъ былъ предложенъ мнѣ спеціально для испытанія моей благонадежности".

Читатель, допустите на мгновеніе, что вашего сына священникъ-законоучитель убѣждаетъ въ томъ, что вы сами и ваши знакомые чиновники, доктора, учителя, адвокаты и т. п. подкуплены японскимъ золотомъ, и прослѣдите, какъ это дол-

жно отразиться на всемъ мiровоззрѣнiи будущаго гражданина. Невольно приходится допустить, вмѣстѣ съ редакцiей газеты, напечатавшей это письмо, что подобные пастыри, исполняя въ жизни функцiю не iерея Бога Вышняго, а прокурора Куралесыча, дѣйствительно получаютъ „поштучно".

Такъ прiучаютъ къ сыску въ средней школѣ. Въ университетахъ же да и въ другихъ высшихъ заведенiяхъ молодежь прямо задыхается въ объятiяхъ сыска всѣхъ видовъ. При самомъ поступленiи требуется представленiе двухъ карточекъ, получающее совсѣмъ недвусмысленное значенiе. Не хватаетъ только антропометрическихь измѣренiй! Затѣмъ, за студентомъ, какъ эмбрiономъ „внутренняго врага," устраивается самое тщательное наблюденiе—его разговоры подслушиваются, карманы пальто въ шинельной обыскиваются, знакомства контролируются и т. п. Изъ этой атмосферы сыска не освобождаетъ ничто. Въ концѣ концовъ молодой человѣкъ сживается съ нею и вноситъ ее съ собою и въ жизнь.

Этой черты не чужды профессора —„чиновники отъ философiи, филологiи" и т. п., какъ нѣкогда говорилъ пресловутый Магницкiй. Недавно еще газеты оповѣстили, что ректоръ одного провинцiальнаго университета (Казанскаго) далъ офицiальный ходъ анонимному доносу на другого профессора того же университета и получилъ за это письменное выраженiе негодованiя, подписанное болѣе, чѣмъ 40 профессорами. Къ той же категорiи фактовъ принадлежитъ и документъ, опубликованный въ одномъ изъ петербургскихъ ежемѣсячныхъ журналовъ и представляющiй собою прошенiе бывшаго учителя Барскаго городского двухкласснаго училища Ивана Филипповича Лебединскаго, поданное имъ 30 мая 1905 г. на имя Прокурора С.-Петербургскаго Окружного Суда на предметъ привлеченiя къ отвѣтственности вице-директора департамента народнаго просвѣщенiя Николая Ивановича Билибина за ложный доносъ на него С.П.Б. Градоначальнику о томъ, что онъ, Лебединскiй, ходилъ въ департаментъ съ цѣлью убить г. министра народнаго просвѣщенiя.

При склонности министерства народнаго просвѣщенiя дѣлать заимствованiя изъ соотвѣтственныхъ заграничныхъ установленiй ему не мѣшало бы знать, что, напримѣръ, во Францiи средняя школа абсолютно не знаетъ политики, и тѣмъ не менѣе проведенiе въ жизнь принциповъ, лежащихъ въ основѣ французской средней школы, да и всякой иной, англiйской и т. д., вполнѣ удается.

Учителя французской или англiйской средней школы знаютъ, что имъ никто повредить не можетъ, что они гарантированы отъ каприза или усмотрѣнiя какого нибудь чиновника министерства народнаго просвѣщенiя. Но въ то же время они не менѣе хорошо знаютъ, что въ случаѣ признанiя за ними вины ихъ, какъ учителей, ждетъ судъ педагоговъ и профессоровъ. Послѣднiй чрезвычайно строгъ по отношенiю къ тѣмъ учителямъ, которые вносятъ въ стѣны школы политику или религiозный фанатизмъ. Это объясняется тѣмъ, что французская государственная школа находится въ жесточайшей конкуренцiи съ такъ называемымъ свободнымъ обученiемъ, чего, конечно, у насъ пока нѣтъ. Если родители замѣтятъ, что въ лицеѣ, гдѣ учатся ихъ дѣти, ученiе идетъ плохо или ведется небрежно, что дѣти относятся съ антипатiей къ школѣ, что въ ней бываютъ повальныя болѣзни, происходятъ скандалы или даже только „бенефисы", что учителя, наконецъ, вводятъ въ классы политику,—начинаются жалобы, протесты, дѣло переходитъ въ прессу, и школа постепенно пустѣетъ, такъ какъ въ выборѣ другого учебнаго заведенiя за-

трудненія не бываетъ. Надо помнить, что государственная французская или англійская школа не даетъ никакихъ правъ. Можно окончить курсъ съ золотой медалью и все таки не имѣть права поступить въ университетъ. Право это дается только баккалаврамъ, т. е. лицамъ, выдержавшимъ вступительный экзаменъ при университетѣ. Учителя средней школы здѣсь не при чемъ. Можно сказать, что на баккалаврскихъ экзаменахъ одновременно съ учениками экзаменуются и сами учителя. Дѣйствительно, если школьникъ провелъ 8 лѣтъ въ государственной школѣ и затѣмъ признанъ не подготовленнымъ къ слушанію лекцій въ университетѣ, то зачѣмъ же и чему онъ тамъ учился? Вотъ почему иностранная средняя школа дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы ученики шли въ нее охотно и учились успѣшно, чтобы и родители были ею также довольны и чтобы число учениковъ въ школѣ возрастало. Лицей или колледжъ, въ которомъ замѣчается уменьшеніе числа учениковъ, немедленно обращаетъ на себя вниманіе министерства и не рѣдко вызываетъ назначеніе слѣдствія. Въ результатѣ директоръ можетъ потерять мѣсто за то, что не сумѣлъ поставить порученное заведеніе на должную высоту, составить ему хорошую. репутацію и привлечь къ нему симпатіи общества.

А у насъ наоборотъ—частная иниціатива въ дѣлѣ устройства школъ крайне ограничена, а внѣшкольное образованіе поставлено въ такія условія, что у всякаго, кто хочетъ помочь этому дѣлу, опускаются руки, такъ какъ именно эта сфера народной жизни встрѣчала на пути своего развитія больше ненужныхъ стѣсненій и препонъ, чѣмъ всякая другая.

Одна петербургская газета сообщаетъ слѣдующее:

„Недавно донскіе казаки съ театра войны обратились къ станичному атаману константиновской станицы съ просьбой:

„Мы видимъ теперь,—говорилось въ ихъ письмѣ, напечатанномъ въ оффиціальныхъ „Областныхъ Вѣдомостяхъ“,—почему японцы побѣждаютъ. Они—образованные, а мы нѣтъ. Поэтому просимъ позаботиться о нашемъ образованіи“.

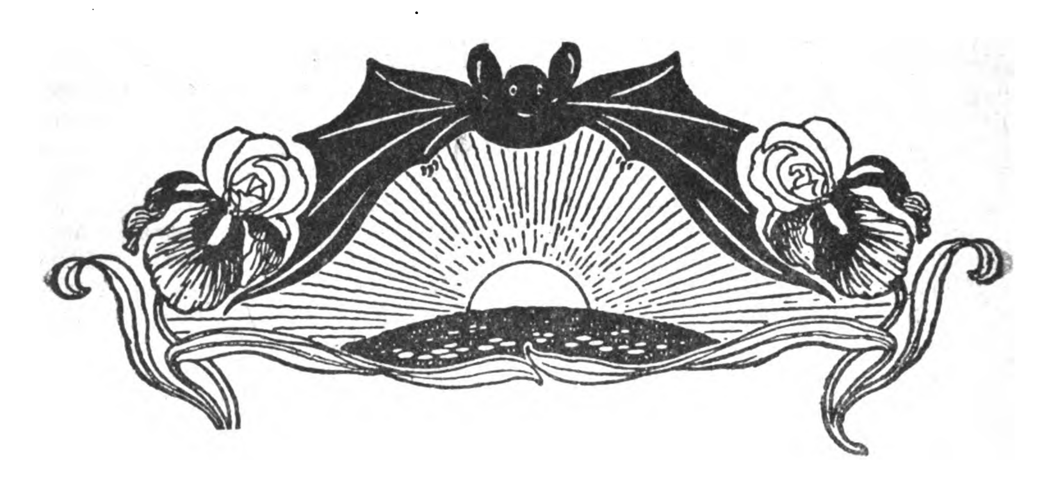
„Нѣсколько другого мнѣнія на этотъ счетъ держится губернаторъ Семирѣченской области г. Іоновъ. Мѣсяца 4 назадъ жители города Пишпека задумали устроить безплатную народную библіотеку-читальню. Они собрали 100 рублей и уже хотѣли было выписать книги. Но, разумѣется, заботливое уѣздное начальство немедленно объяснило, что этого по закону дѣлать нельзя“.

„Если бы вы, къ примѣру, задумали хорошее пьянство или захотѣли бы открыть трактиръ, то ничего... можно. А насчетъ школъ и библіотекъ возбраняется. Надо сначала испросить разрѣшеніе у губернатора“.

„Поневолѣ пришлось обратиться къ г. Іонову. А г. Іоновъ 3 мѣсяца молчалъ и только на четвертый отвѣтилъ: „Нахожу библіотеку излишней, а потому ходатайство отклоняется“.

Въ народной же библіотекѣ до сихъ поръ читателя встрѣчало лишь крайне не здоровое чтеніе. Изъ газетъ, кромѣ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, „Дружескихъ Рѣчей“, „Свѣта“, „Сельскаго Вѣстника“, „Пахаря“ и т. п. антиковъ, деревенское населеніе ничего другого не встрѣчаетъ. Если бы что и попало случайно сверхъ сего въ библіотеку, то, кромѣ всякаго крестьянскаго начальства, на стражѣ стоятъ еще и іереи...

Н. И. Ворченко.

Свобода и необходимость въ ученіи діалектическаго матеріализма.

К. Шелавина.

„Не сознаніе людей опредѣляетъ общественное бытіе, а, наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе".

Марксъ.

„Свобода—есть сознанная необходимость".

Кирсановъ (Роль личности въ исторіи).

„Свобода и необходимость"—роль личности въ исторіи, — эти вопросы всегда волновали, волнуютъ и будутъ волновать общество. Что *я* такое? Что *я могу сдѣлать*? Каковы мои силы и моя участь? — Вотъ рядъ вопросовъ, стоящихъ передъ всякимъ человѣкомъ... Что такое человѣкъ? Подобенъ ли онъ, „червю, осужденному всю жизнь валяться въ пыли проѣзжей дороги, вдыхать въ себя и питаться этой вонючей, смрадной пылью, — какъ говоритъ Гете въ своемъ „Фаустѣ",— или назначеніе человѣка другое?— Можетъ быть, онъ призванъ стать „критически мыслящей личностью"— „героемъ",—призванъ вести за собою толпу все выше и выше къ завѣтнымъ идеаламъ и мечтаніямъ,—какъ единогласно утверждали бр. Бауэры въ Германіи, и авторъ „Историческихъ писемъ", и Н. К. Михайловскій у насъ въ Россіи?

Когда въ 90-хъ годахъ ожесточенно полемизировали двѣ соціологическія школы—„субъективная", во главѣ съ покойнымъ Михайловскимъ, „съ учениками — послѣдователями идей діалектическаго матеріализма, тогда только что перенесенныхъ въ Россію съ запада, однимъ изъ главныхъ вопросовъ этой полемики и былъ вопросъ о „свободѣ и необходимости", о роли личности въ исторіи.

Противники полемизировали страстно, горячо, увлекаясь, въ пылу увлеченія впадая въ крайности, и въ воздухѣ носился оглушительный родъ терминовъ вродѣ „эклектизма", „нашихъ историософовъ" и т. д.—Мы не беремъ на себя смѣлость рѣшить, кто вышелъ побѣдителемъ изъ этой ожесточенной борьбы, — но позволительно спросить у самихъ противниковъ, — добились ли они, чтобы „средній русскій интеллигентъ",—масса читающей публики,

усвоивъ себѣ взгляды той или другой стороны, усвоивъ ясно и опредѣленно, пошли подъ знамена идей этой стороны? Увы! Примѣнительно по крайней мѣрѣ къ „ученикамъ“ мы должны констатировать тотъ печальный фактъ, что этого не случилось.

Когда „ученики“ полемизировали со своими противниками, впечатлѣніе получалось такое: они полемизируютъ для себя, ихъ полемика непонятна или въ лучшемъ случаѣ мало-понятна „среднему русскому интеллигенту“ — широкой массѣ. „Интеллигентъ“ очень мало зналъ и сейчасъ еще очень мало знаетъ... Ему говорили: „роль личности по теоріи діалектическаго матеріализма сводится...—„Помилуйте“, возражалъ интеллигентъ,— что такое діалектическій матеріализмъ — объясните“... Но просьбы были тщетны... и приходилось сознаваться, что этотъ самый интеллигентъ, разсуждая о діалектическомъ матеріализмѣ, опредѣлялъ его слѣдующимъ образомъ— „тамъ, знаете, все сводится къ *экономическому*“.—Что можно требовать отъ такого знающаго человѣка?

Мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы журнальная полемика спускалась на низины популяризаторства доктринъ... Избави Боже! Свободный обмѣнъ мнѣній двухъ сторонъ по всѣмъ вопросамъ ихъ ученій поневолѣ долженъ быть наученъ, и странно было бы требовать, чтобы каждая статья „Die Neue Zeit“ непремѣнно полностью развивала и популяризировала передъ германскимъ бюргеромъ или рабочимъ теорію діалектическаго матеріализма. Въ „Die Neue Zeit“ этого и не дѣлается,—но за этимъ органомъ стоитъ цѣлый рядъ другихъ органовъ журнальной и газетной прессы,—и назначеніе ихъ — популяризація доктрины и полемики. За Каутскимъ, полемизирующимъ съ Бернштейномъ, стоитъ много „черновыхъ работниковъ“,—они въ общедоступной и понятной формѣ говорятъ нѣмецкимъ пролетаріямъ и „обществу“, что такое діалектическій матеріализмъ и въ чемъ ошибки и заблужденія г. Бернштейна, и всѣмъ этимъ достигается то, что полемика двухъ направленій не проходитъ, не задѣвъ совсѣмъ или задѣвъ краешкомъ массу; масса къ ней чутко прислушивается, сознательно относится и идетъ къ той или другой сторонѣ.

Было ли у насъ что либо подобное? — Нѣтъ!.. Логической предпосылкой, очевидно, была твердая увѣренность въ томъ, что идеи діалектическаго матеріализма уже довольно извѣстны и распространены среди читающей массы; и когда констатировано было обратное, все-таки дѣло нисколько не поправилось...

Вышло нѣсколько книгъ по „общимъ вопросамъ“, журналы же остались въ прежнемъ видѣ. А вѣдь давно извѣстно, что тяжелъ нашъ „русскій средній интеллигентъ“ на подъемъ и не сильно льнетъ онъ къ книгамъ и научнымъ трактатамъ...Кто виноватъ? „Ученики“ или общія условія русской жизни, доселѣ полагавшія для популяризаторства очень тѣсные предѣлы, — скажетъ будущее *)...

Наша задача изложить, насколько позволяетъ это ограниченные размѣры очерка, теорію діалектическаго матеріализма и показать, въ какой логической послѣдовательности вытекаютъ изъ сущности этого ученія его положенія о „свободѣ и необходимости“, о роли личности въ исторіи...

Обыкновенно приходится слышать: „діалектическій матеріализмъ“, „экономическій матеріализмъ“, „историческій матеріализмъ“. Намъ ка-

*) Между прочимъ, книга Бельтова: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“, вышедшая въ 1895 году, была „изъята изъ употребленія“ и вышла вторымъ изданіемъ только теперь, черезъ 10 лѣтъ.

жется, что терминъ „діалектическій матеріализмъ“ удачнѣе остальныхъ... Онъ сразу охватываетъ двѣ главнѣйшія стороны, два краеугольныхъ камня теоріи—ея діалектическій методъ мышленія и ея матеріалистическій взглядъ на исторію...

Что такое діалектическій методъ мышленія?

Въ то время, какъ метафизическія направленія разсматриваютъ явленія въ состояніи покоя и безжизненными, каждое отдѣльно подлѣ и послѣ другихъ, діалектическій матеріализмъ разсматриваетъ явленія въ ихъ развитіи, въ ихъ возникновеніи и уничтоженіи,—и въ этомъ сущность его діалектическаго метода. „Въ чемъ, собственно, состоитъ эта безнравственная вещь (діалектическій методъ—*Авт.*), которая ставитъ намъ ловушки и подвергаетъ опасности нашу добродѣтель?—спрашиваетъ К. Каутскій въ своей книгѣ о Бернштейнѣ и отвѣчаетъ цитатой изъ „Фейербаха“ Фр. Энгельса.—„Не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ воззрѣніи, что на міръ должно смотрѣть, не какъ на комплексъ готовыхъ вещей, а какъ на комплексъ процессовъ: кажущіяся прочными вещи, точно такъ же какъ и мысленныя отраженія ихъ въ нашей головѣ,—понятія, — *испытываютъ безпрестанныя измѣненія*, *безпрестанно возникаютъ и исчезаютъ,* и, при всей кажущейся случайности, вопреки всѣмъ временнымъ обратнымъ теченіямъ, въ концѣ концовъ *пролагаетъ себѣ дорогу впередъ дальнѣйшее развитіе.* Двигателемъ же всего является борьба противоположностей“ **).

Что такое „борьба противоположностей“?—„Все существуетъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ не существуетъ“... говорилъ Гераклитъ, представитель древняго греческаго матеріализма... Мы живемъ въ области противорѣчій и противоположностей... Развѣ не противорѣчиво само по себѣ движеніе, когда данное тѣло должно находиться въ одномъ и томъ же самомъ мѣстѣ и не находится въ немъ; развѣ жизнь, даже юная, прекрасная жизнь, вся еще исполненная силъ, красокъ и благоуханія первой молодости, не носитъ въ себѣ зародыши своего антипода — отвратительный, костлявый образъ смерти?!. Въ мірѣ общественныхъ отношеній развѣ первобытный коммунистическій строй съ его общественнымъ способомъ производства и распредѣленія не вызвалъ — свое собственное отрицаніе, діаметральную противоположность, — строй частной собственности, и этотъ строй въ свою очередь развѣ не идетъ стихійно и непреодолимо къ своему отрицанію, — къ тому строю, гдѣ „экспропріирущій“ будетъ окончательно „экспропріированъ“?..—И все, наконецъ, движеніе человѣчества и человѣческаго прогресса изъ царства необходимости въ царство свободы,—развѣ не осязательное противорѣчіе, не олицетвореніе „борьбы противоположностей“?

„Каждое явленіе“, — говоритъ діалектическій матеріализмъ, — „дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя обусловливаютъ его существованіе, рано или поздно, но неизбѣжно превращается въ свою собственную противоположность“ *).

Посаженное зерно даетъ свое собственное отрицаніе — растеніе. Растеніе чрезъ рядъ промежуточныхъ процесовъ даетъ опять свое отрицаніе—зерно. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствіе однѣхъ и тѣхъ же причинъ давало рядъ послѣдовательныхъ отрицаній: растеніе отрицало зерно, и затѣмъ само въ свою очередь отрицалось зерномъ.

Ничто не стоитъ на мѣстѣ, „все течетъ, все измѣняется“, — и нѣтъ силы, которая бы остановила это

*) Русск. изд. Сборникъ статей изд. Львовича 1905, стр. 22.
**) Ibid. стр. 22.

*) Бельтовъ. Къ развитію монистич. взгляда на исторію. 1895. стр. 74.

непрерывное движеніе. Оно подчиняется своимъ законамъ... Мы видѣли уже одинъ—*„отрицаніе отрицанія“*, но есть еще другой, такой же точный и неумолимый. *„Количество переходитъ въ качество — и обратно—качество въ количество“*—формулируетъ его діалектическій матеріализмъ. Это значитъ, что въ данномъ явленіи количественныя измѣненія, постепенно накопляясь, приводятъ, наконецъ, къ качественнымъ измѣненіямъ. Измѣненія накопляются медленно, постепенно... Но стоитъ имъ накопиться, и они переходятъ *фазу*,—количественныя въ качественныя и качественныя въ количественныя. Происходитъ тотъ „перерывъ постепенности“, о которомъ говорилъ Гегель. „Вода при охлажденіи твердѣетъ не постепенно, а сразу; уже охладившись до точки замерзанія, остается жидкостью, если только сохраняетъ спокойное состояніе,—и тогда достаточно малѣйшаго толчка, чтобы она сдѣлалась твердой *). Извѣстная сумма денегъ или цѣнности можетъ быть превратима въ капиталъ. Но для того, чтобы произошелъ этотъ переходъ--количества въ качество, необходима извѣстная „наличность опредѣленнаго минимума денегъ или мѣновыхъ цѣнностей въ рукахъ отдѣльнаго владѣльца денегъ или товаровъ“. Этотъ „минимумъ“ опредѣляется самой ролью капитала въ современномъ экономическомъ строѣ —не только поддерживать жизнь, но и увеличивать богатство,—и когда у владѣльца денегъ или цѣнностей ихъ будетъ столько, что они въ состояніи будутъ выполнить обѣ функціи капитала—нашъ „владѣлецъ“—капиталистъ. Его средства сразу перешли въ капиталъ... Въ процессѣ обращенія количества въ качество произошелъ „перерывъ постепенности“.

Современное естествознаніе полно

*) Gegel. Wissenschaft Der Logih. I изд. г. I, кн. I. 313—314.

такими примѣрами. Укажемъ на обыкновенный и наиболѣе распространенный примѣръ изъ области химіи. Пусть *C* будетъ атомъ углерода, *H*—атомъ водорода, *O*—атомъ кислорода и *n* число заключающихся въ каждомъ соединеніи атомовъ углерода и возьмемъ нѣсколько формулъ изъ такъ называемыхъ гомологическихъ рядовъ углеродистыхъ соединеній. Мы имѣемъ $C_n H_{2n} O_2$—рядъ основныхъ жирныхъ кислотъ. Возьмемъ $n=1$ и получаемъ $C H_2 O_2$—муравьиная кислота, точка кипѣнія 100°. Возьмемъ $n=2$, получается $C_2 H_4 O_2$—уксусная кислота,—118° теперь $n=3$, имѣемъ $C_3 H_6 O_2$—пропіоновая кислота,—140°.

Иными словами, рядъ количественно различныхъ тѣлъ; по мѣрѣ того, какъ мы простымъ количественнымъ прибавленіемъ образовывали ихъ, количественныя измѣненія накопляясь перешли въ качественныя. Мы получили качественно различныя, какъ это видно изъ приведенной выше таблицы, тѣла. Тоже, что въ природѣ, происходитъ и въ исторіи, также количественныя измѣненія накопляясь переходятъ въ качественныя и обратно. „Государства“, говоритъ Гегель, „при прочихъ равныхъ условіяхъ получаютъ различный качественный характеръ лишь вслѣдствіе различія по величинѣ“ *).

Итакъ—*вѣчное движеніе*, *отрицаніе отрицанія*, *переходъ количества въ качество и обратно*,—вотъ главное, что добыто діалектическимъ методомъ, вотъ принципы діалектики.

„Діалектика“, — говоритъ Энгельсъ, — „не болѣе, какъ наука о всеобщихъ законахъ движенія и развитія природы, человѣческаго общества и мышленія **)“.

*) Ibid. стр. 314.

**) „Переворотъ въ наукѣ, произведенный г. Дюрингомъ“. Русск. изд. Яковенко. СПБ. 1904 стр. 198.

Въ исторіи, развитіи общества, царятъ тѣ же законы, что и въ природѣ, царитъ постоянное движеніе, смѣна однѣхъ общественныхъ формъ другими: „ничто не останавливается, все течетъ“... Классическій идеализмъ вѣрно подмѣтилъ это движеніе, указалъ на законы, по которымъ оно совершается, но всякій разъ, какъ передъ идеализмомъ вставало какое-нибудь общественное явленіе, немедленно являлась абсолютная идея, и идеализмъ, по мѣткому выраженію Бельтова, „попадалъ въ тупой переулокъ“. Идеализмъ говорилъ: данное явленіе возникло какъ отрицаніе предыдущаго; при этомъ отрицаніи накопившіяся количественныя измѣненія перешли въ качественныя... Законы діалектики, методы измѣненій и развитія, указаны ясно и опредѣленно. Но *почему* данное явленіе перешло именно въ другое, ему обратно противоположное, гдѣ и въ чемъ коренится причина вѣчной смѣны общественныхъ формъ, формъ человѣческаго мышленія,—идеализмъ этого не выяснилъ. Весь процессъ исторіи, по его мнѣнію,- развитіе единой, вѣчной, абсолютной идеи. Исторія — прикладная логика абсолютной идеи... Извѣстной стадіи лигическаго развитія абсолютной идеи — соотвѣтствуетъ извѣстная общественная форма, извѣстная историческая эпоха...

Отчего смѣнялись общественныя формы, гибли однѣ государства и зарождались другія? Оттого,—отвѣчаетъ идеализмъ,—что такъ развивалось, такъ было опредѣлено развитіе абсолютной идеи, олицетвореніе нашего собственнаго логическаго процесса? Отчего пала Греція? Оттого, что идея прекраснаго, принципъ греческой жизни—могла быть очень непродолжительной фазой въ развитіи всемірнаго духа.— Но вѣдь это ничего не объясняетъ, первопричина процесса не указана, и назойливый вопросъ—почему?—попрежнему стоитъ передъ идеализмомъ, требуя отвѣта, яснаго и опредѣленнаго.—Кромѣ неизмѣнной аппеляціи къ абсолютной идеѣ, „высшему разуму“,—идеализмъ никакого другого отвѣта дать не могъ. И когда этотъ вопросъ становился все болѣе и болѣе настойчивымъ, — а ему въ отвѣтъ уныло, какъ похоронный звонъ, и темно и смутно, какъ осенняя ночь, неслась неизмѣнная „аппеляція“—идеализмъ палъ. Воскресъ матеріализмъ,—но не старый метафизическій матеріализмъ, а новый, взявшій у идеализма все, что было въ немъ цѣннаго,—его діалектическій методъ.

Новое ученіе не стало аппелировать къ абсолютной идеѣ. Расматривая исторію, какъ процессъ вѣчно смѣняющихся формъ (въ этомъ оно сходилось съ идеализмомъ), новое ученіе совершенно перевернуло всю, если такъ можно выразиться, постановку дѣла и установило діаметрально - противоположный идеалистическому и метафизическому — *матеріалистическій взглядъ на исторію*.

Такимъ образомъ мы отъ перваго „краеугольнаго камня“—*діалектики*—перешли ко второму краеугольному камню излагаемой нами теоріи.

„Всѣ великія эпохи человѣческаго прогресса совпадаютъ болѣе или менѣе непосредственно съ эпохами расширенія источниковъ существованія“,—говоритъ Морганъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „Первобытное общество“.

„Въ общественномъ производствѣ“,—читаемъ мы въ предисловіи къ „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“,—люди наталкиваются на извѣстныя, необходимыя, отъ ихъ воли независящія, отношенія,—отношенія производства, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной степени развитія ихъ *матеріальныхъ производительныхъ силъ*. Совокупность этихъ отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальную основу, на которой возвы-

шается юридическая и политическая надстройка".

Карлъ Марксъ, анализируя современное буржуазное общество, и Морганъ—первобытное, съ его коммунистическимъ способомъ производства и распредѣленія, пришли въ сущности къ одному взгляду. „Одинъ и тотъ же законъ развитія былъ найденъ съ двухъ противоположныхъ концовъ цѣпи развитія" *).

По Марксу и Моргану весь прогрессъ человѣчества—развитіе политическихъ учрежденій, права, собственности, науки и религіи, искусства и литературы,—находится въ тѣсной зависимости, неизбѣжно вытекаетъ изъ „расширенія источниковъ существованія", – „матеріальныхъ производительныхъ силъ". (Терминологія Маркса). Развитіе этихъ „матеріальныхъ производительныхъ силъ", т. е. *средствъ производства* общества,—вотъ первопричина всего, вотъ „prima causa movens".

Въ этомъ положеніи—вся сущность матеріалистическаго пониманія исторіи, и оно стало центромъ критики и нападокъ противниковъ діалектическаго матеріализма **). „Какъ могли появиться средства производства и какъ могли развиваться, если бы не было *разума* человѣка, который ихъ изобрѣталъ, создавалъ и улучшалъ?—говорили они... Не орудія слѣдовательно, не средства,—а разумъ человѣка, обладающій способностью развиваться безпредѣльно,—вотъ „первопричина"!..

„Всюду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ открытіями и изобрѣтеніями",—отвѣчалъ діалектическій матеріализмъ,—мы имѣемъ дѣло и съ разумомъ. Безъ разума открытія и изобрѣтенія были бы такъ же невозможны, какъ не возможны они были до появленія на землѣ человѣка... Излагаемое нами ученіе вовсе не упускаетъ изъ виду роли разума, оно только старается объяснить, почему разумъ въ каждое данное время дѣйствовалъ такъ, а не иначе; оно не пренебрегаетъ успѣхами разума, оно старается найти въ нихъ достаточную причину" *). Пояснимъ это...

Человѣку, одаренному сравнительно слабыми и ограниченными силами, предстояла, повидимому, печальная участь погибнуть въ жестокой борьбѣ за существованіе и такимъ образомъ дополнить многочисленные списки „вымершихъ видовъ". И это случилось бы такъ, если бы у человѣка не было рѣзко отличающихъ его отъ всего животнаго міра и одному ему присущихъ качествъ. Благодаря этимъ качествамъ, человѣкъ пережилъ медленныя измѣненія, происходившія въ обитаемой имъ мѣстности подъ вліяніемъ геологическихъ преобразованій, и побѣдилъ враждебную природу, въ борьбѣ съ которой погибали цѣлые роды животнаго царства.

„Человѣкъ никогда не достигъ бы господствующаго положенія въ мірѣ",—говоритъ Дарвинъ,—„безъ употребленія рукъ, этихъ орудій, столь удивительно послушныхъ его волѣ". Эти руки, безъ которыхъ разумъ человѣка, его мысль, гордая и смѣлая, мысль, развитію которой нельзя положить предѣлы,—оказалась бы ничѣмъ, появились у человѣка медленнымъ путемъ развитія и приспособленія.

„Вѣроятно, онѣ образовались въ силу нѣкоторыхъ особенностей географической среды, сдѣлавшихъ полезнымъ физіологическое раздѣленіе труда между задними и пе-

*) Каутскій. Матеріалистическое пониманіе исторіи. 1905 изд. Львовича.

**) Говоря о противникахъ діалектическаго матеріализма, мы преимущественно имѣемъ въ виду школу „субъективной соціологіи", діаметрально противоположную по своимъ воззрѣніямъ ученію діалектическаго матеріализма.

*) Бельтовъ. Монистич. взглядъ на исторію. 1895 стр. 135.

редними конечностями, и успѣхи разума явились отдаленнымъ слѣдствіемъ этого раздѣленія" *).

Итакъ, если, по мнѣнію противниковъ діалектическаго матеріализма, средства производства, находясь въ тѣсной зависимости отъ разума человѣка, не могутъ претендовать на званіе *„первопричины"*, —„prima causa movens", то у *„разума"* еще менѣе шансовъ на это. Являясь „отдаленнымъ слѣдствіемъ" появленія у человѣка рукъ, разумъ и его дѣятельность находятся подъ вліяніемъ еще многихъ и многихъ факторовъ.

Въ соединеніи съ руками разумъ начинаетъ творить... Онъ изобрѣтаетъ орудія — „первыя средства производства"—и этимъ сразу кладетъ огромную пропасть между человѣкомъ и остальнымъ животнымъ міромъ. Но для созданія орудій,— средствъ производства,—разуму нужно присутствіе соотвѣтствующаго матеріала, т. е. необходима извѣстная географическая среда. Силы человѣка, уже говорили мы, слабы и ограничены,—и въ жестокой борьбѣ за существованіе на первобытныхъ стадіяхъ развитія человѣчества, человѣкъ можетъ успѣшно бороться съ окружающей его средой—только въ обществѣ и посредствомъ общества.—„Для человѣка общество,—говоритъ Каутскій,—служитъ только оружіемъ и притомъ самымъ сильнымъ въ борьбѣ за существованіе... Только въ обществѣ и посредствомъ общества человѣкъ поднялся до этой высоты, которую занимаетъ нынѣ, только въ немъ и посредствомъ него можетъ человѣкъ развиваться дальше" **).

Итакъ, извѣстная географическая среда и наличность для человѣка возможности соединяться въ общество *)—вотъ два главныхъ условія, рѣшительнымъ образомъ вліяющія на успѣхи человѣческаго разума. Гдѣ географическая среда благопріятствовала человѣку, такъ, гдѣ она дала ему металлы, необходимыя фауну и флору, удобные, естественные пути сношеній и тотъ умѣренный климатъ, который, по мнѣнію Бокля, является всегда однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ человѣческаго прогресса, —тамъ мысль человѣка, побѣждая природу, все болѣе болѣе подвигалась изъ „царства необходимости" въ „царство свободы". Но гдѣ этого ничего не было, тамъ мысль прозябала, то замороженная льдами сѣвера, то разнѣженная и растомленная знойными лучами южнаго солнца, то изолированная отъ всего міра, и не находила выхода изъ этой изолированности, изъ своего одиночества.

Въ книгѣ Мечникова „Цивилизація и великія историческія рѣки" находится рядъ поучительныхъ примѣровъ вліянія географической среды на развитіе человѣческой культуры. Эти примѣры могутъ служить яркой иллюстраціей и подтвержденіемъ взглядовъ діалектическаго матеріализма на „успѣхи человѣческаго разума". Такъ, оказывается, что культура Египта создавалась подъ вліяніемъ наводненій Нила... Паденіе культуры Милета совпало съ высыханіемъ Латмійскаго озера, Аравіи—съ высыханіемъ рѣкъ (отъ космическихъ причинъ), Палестины—съ уменьшеніемъ влажности климата (отъ лѣсоистребленія), Малой Азіи и Мессопотаміи—отъ высыханія почвы.

„Несомнѣнно,— говоритъ Мечни-

---

*) Ibid. стр. 130.

**) Каутскій. Очерки и этюды. Изд. Львовича, 2-е изд., 1904, стр. 5, гл. I... Марксъ постоянно говоритъ:„ Съ природой борется общественный человѣкъ Gesellchaftmensch.

*) Возможность соединенія въ общество зависитъ отъ удобныхъ путей сношеній, въ общемъ, слѣд., также отъ *географической среды*. Принимая во вниманіе это, мы все таки выдѣлили возможность соединяться въ общество въ особую категорію, въ виду огромной важности этого условія прогресса.

ковъ,—„часть измѣненій къ худшему въ физическихъ условіяхъ существованія должна быть приписываема вредному направленію соціальнаго строя; но эту часть нельзя признать естественной причиной историческаго паденія культурныхъ націй, такъ какъ она сама есть продуктъ этого упадка *).

„Часть измѣненій... должна быть приписываема направленію соціальнаго строя“,— говоритъ Мечниковъ.

Установивъ тѣснѣйшую зависимость „первыхъ успѣховъ человѣческаго разума“ отъ данной географической среды, показавъ, какъ намъ кажется, съ достаточной ясностью, что весь прогрессъ человѣчества,— развитіе „производительныхъ силъ“, а вмѣстѣ съ ними и соціальныхъ отношеній—на первыхъ ступеняхъ человѣческой исторіи является возможнымъ только тамъ, гдѣ существуетъ извѣстная географическая среда, мы перейдемъ къ тѣмъ вліяніямъ, которыя начинаютъ оказывать на „успѣхи разума“ только что возникшія „соціальныя отношенія“,—первые общественные союзы.

Мы привели выше цитату изъ книги Мечникова. Теорія Мечникова—это — географическая теорія развитія общества. Но и этотъ ученый, блестяще проведшій чрезъ все свое сочиненіе одну идею зависимости „каждой фазы соціальной эволюціи, каждаго періода исторіи человѣчества отъ опредѣленнаго состоянія географической „среды“, долженъ былъ въ концѣ концовъ сознаться, что „часть измѣненій... должна быть приписываема измѣненію соціальнаго строя“.

Діалектическій матеріализмъ не говоритъ о „части измѣненій“. Онъ говоритъ: „развитіе производительныхъ силъ, обусловливающее историческое движеніе человѣчества. со времени возникновенія первыхъ общественныхъ сношеній, замедляется или ускоряется тѣми *особыми внутренними законами*, по которымъ совершается дальнѣйшее развитіе этихъ общественныхъ отношеній. Зависимость человѣка отъ географической среды изъ *непосредственной* превращается въ *посредственную*. *Географическая среда* вліяетъ на человѣка черезъ *общественную*.

Возникновеніе этого вліянія, а также дальнѣйшее его развитіе, сущность его и размѣры всего лучше могутъ быть выяснены при анализѣ тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя рука объ руку шли съ развитіемъ производительныхъ силъ, — общественныхъ отношеній со времени появленія перваго общественнаго союза до буржуазнаго общества нашихъ дней.

Въ эпоху такъ называемаго первобытнаго коммунизма, когда не было еще ни скотоводства, ни земледѣлія и люди при помощи жалкихъ первобытныхъ орудій добывали себѣ пищу охотой и рыболовствомъ, 1 квадр. миля земли могла прокормить лишь 20 человѣкъ. Предъ человѣкомъ стояла грозная природа...

На каждомъ шагу она могла стереть его съ лица земли, уничтожить; его окружали болѣе сильныя и лучше приспособленныя къ борьбѣ за существованіе животныя. Защитить себя, поддержать свое существованіе человѣкъ могъ лишь въ совмѣстной работѣ, въ работѣ соединенныхъ въ одно общество индивидуумовъ...

Такимъ образомъ окружавшія человѣка условія, слабое развитіе производительныхъ силъ создали соотвѣтствующій способъ производства, *общественный*. Люди жили небольшими группами, они совмѣстно выходили на охоту, и когда возвращались съ добычей, дѣлили ее поровну между всѣми членами общины. Коммунистическому способу

*) Мечниковъ. Л. Цивилизація и великія историческія рѣки. Гл. V.

производства соотвѣтствовало коммунистическое распредѣленіе.

Такова была „экономическая структура“ общества, о которой Марксъ постоянно говоритъ, какъ о „реальной основѣ“, на которой возвышается „юридическая и политическая надстройка“. Какою-же оказалась эта „надстройка“ въ коммунистической общинѣ, и соотвѣтствовала ли она, такъ ли неизбѣжно вытекала изъ отношеній производства, какъ тѣ вытекали изъ состоянія производительныхъ силъ общества?

Вотъ что говоритъ М. Ковалевскій о состояніи собственности и правовыхъ воззрѣній на собственность, царившихъ въ первобытномъ коммунистическомъ обществѣ. „Движимость, за небольшими исключеніями, была коллективной собственностью цѣлой группы охотниковъ и рыболововъ. Это обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что у наименѣе культурныхъ народовъ охота и рыбная ловля ведется нѣсколькими группами заразъ“ *).

Общественный, слѣдов., способъ производства приводитъ къ праву всего общества на средства производства.

Фр. Энгельсъ въ своей книгѣ „Происхожденіе семьи, собственности и государства“ въ такихъ чертахъ изображаетъ ирокезскій родъ—типичный представитель первобытной коммунистической общины. „Свобода, равенство и братство, хотя и не формулированные, были основными принципами рода. Этимъ объясняется у индѣйцевъ ихъ независимость, свободолюбіе“... Въ этомъ родовомъ союзѣ общественныхъ дѣлъ обыкновенно много, но всѣ они легко рѣшались при коммунистическомъ хозяйствѣ... Все рѣшалось народнымъ собраніемъ мужчинъ и женщинъ подъ предсѣдательствомъ старѣйшинъ, съ равнымъ правомъ голоса для всѣхъ, и хотя въ мирное время выбирался „захемъ“, а въ военное—военачальникъ, большой власти они, особенно первый, не имѣли. Родъ или племенной союзъ постоянно могъ смѣнить ихъ“.

Таковъ ирокезскій родъ. Производство не развито, производительныя силы, какъ у всякой первобытной коммун. общины, минимальны—и это состояніе ихъ намѣчаетъ и устанавливаетъ коммунистическій способъ производства, и его слѣдствіе—коммунистическое распредѣленіе и потребленіе. Общественныя отношенія производства — равенство всѣхъ въ экономическомъ отношеніи, отсутствіе эксплоатаціи труда,—создаютъ такое родовое устройство,—гдѣ фактически царятъ „равенство, „братство и свобода“, о чемъ въ нашемъ буржуазномъ обществѣ говорятъ или какъ о недосягаемыхъ идеалахъ, или какъ о вещахъ, осуществимыхъ въ очень и очень отдаленномъ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣми же силами создаются правовыя понятія и, наконецъ, вся психологія общества. Въ первобытномъ коммунистическомъ строѣ люди свободолюбивы и рѣшительны, нѣтъ цѣлыхъ классовъ рабовъ,—рабовъ тѣла и мысли, нѣтъ цѣлыхъ классовъ „сѣренькихъ“, забитыхъ и обездоленныхъ людей...

Во всѣхъ этихъ случаяхъ данное состояніе производительныхъ силъ, породившее извѣстныя общественныя отношенія, извѣстную „экономику общества, создавало такой по-

---

*) М. Ковалевскій. Происхожденіе и развитіе семьи и собственности. 4-я лекція. Какъ яркій образчикъ „субъективной“ теоріи о происхожденіи собственности, не можемъ не указать на пресловутую теорію Лермина. Человѣкъ по ней чувствуетъ въ себѣ что то такое особенное, чего нѣтъ въ окружающемъ его мірѣ природы. Не видя въ ней ни разума, ни свободной воли, онъ долженъ на всѣ остальные предметы наложить свою властную руку“. „Собственность проистекаетъ изъ сознанія своего права на вещи“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы коснемся вопроса: *откуда* проистекаетъ сознаніе своего права на вещи“.

рядокъ вещей, который намъ кажется теперь идеальнымъ, при взглядѣ на который мы не можемъ удержаться отъ невольнаго крика изумленія и зависти.

Но надо признать, что тоже состояніе производительныхъ силъ обусловило присутствіе въ коммунистическомъ первобытномъ обществѣ многихъ отрицательныхъ сторонъ.

Природа властно царила надъ человѣкомъ, и онъ въ ужасѣ останавливался передъ ея грозными явленіями; жестокая борьба за существованіе вызывала постоянныя войны и столкновенія сосѣднихъ племенъ. Человѣкъ становился жестокимъ и кровожаднымъ; все, что было внѣ его племени, было ему чуждо. ненавистно; его умственный кругозоръ не выходилъ за предѣлы этого своего племени. Царили слѣпое преклоненіе передъ силами природы, тупость, узость, отвращеніе ко всему новому, крайняя бѣдность сознанія.

И вся эта психологія общества цѣликомъ отразилась въ его, т. сказ., „идеалогіяхъ высшаго порядка": первобытной литературѣ, ея сказаніяхъ и пѣсняхъ вольныхъ и свободныхъ, и въ первобытной религіи, сущность которой—въ трепетномъ и боязливомъ преклоненіи передъ грозной природой.

Все въ природѣ и исторіи движется и измѣняется, πάντα ῥεῖ, и ни на минуту не останавливается развитіе производительныхъ силъ. Онѣ развивались и въ первобытной коммунистической общинѣ, и развивались не потому, что такъ „опредѣлила" абсолютная идея, не потому, что являлись „критически мыслящія личности", которыя изобрѣтали орудія, открывали новые источники пропитанія и вели за собой „толпу" по пути техническаго и умственнаго прогреса--нѣтъ!.. Производительныя силы развивались по той простой простой причинѣ, что въ коммунистическомъ строѣ былъ стихійный стимулъ прогресса—„абсолютное перенаселеніе". Мы уже знаемъ, что 1 кв. миля при населеніи, исключительно занятомъ охотой и рыбной ловлей, можетъ прокормить всего лишь 20 человѣкъ. Но населеніе увеличивалось, отъ квадратной мили требовали, чтобы она кормила не 20, а 30, 40, 50 и болѣе человѣкъ, и поневолѣ людямъ въ жестокой борьбѣ за существованіе приходилось изощрять разумъ для открытія новыхъ средствъ производства, искать новыхъ источниковъ существованія...

Тамъ, гдѣ природа дала соотвѣтствующій матеріалъ, люди приручили животныхъ и стали растить сѣмена ржи, овса, маиса и т. п., т. е. стали заниматься одни скотоводствомъ, другіе—земледѣліемъ.

Прямымъ послѣдствіемъ развитія производительныхъ силъ, новой эры въ ихъ развитіи, было паденіе первобытнаго коммунистическаго строя *) и появленіе новаго общественнаго строя — патріархально родового. Насъ потому особенно интересуетъ этотъ строй, что тѣ общественныя формы, которыя мы наблюдаемъ въ немъ, выступаютъ уже какъ противоположныя, отрицающія общественныя формы старой коммунистической общины. Разсматривая эти два строя въ ихъ взаимной связи, развитіи, ихъ уничтоженіи, мы можемъ прослѣдить медленныя измѣненія общественныхъ отношеній, формъ собственности, правовыхъ воззрѣній и т. п., и ясно увидѣть причины этихъ измѣненій.

Въ коммунистическомъ строѣ „движимость, за рѣдкими исключеніями, находится въ общественной собственности",—въ патріархально-родовомъ строѣ, наоборотъ, движимость, за рѣдкими исключеніями, на-

*) Мы имѣемъ въ виду, конечно, тѣ народы, которые стали заниматься скотоводствомъ или земледѣліемъ... Только у этихъ народовъ и могла произойти та смѣна общественныхъ формъ, о которой мы сейчасъ говоримъ.

ходится въ частной собственности. Какъ совершалось развитіе правовыхъ взглядовъ на собственность?

Мы опять обращаемся къ цитированному уже нами М. Ковалевскому и читаемъ у него: „Частная собственность возникаетъ и развивается по мѣрѣ раздѣленія труда относительно только тѣхъ предметовъ, которые добыты личными усиліями отдѣльнаго человѣка". Человѣкъ самъ, своими индивидуальными силами сдѣлалъ какое-нибудь орудіе,—и у него выросло сознаніе, что это орудіе должно быть его *собственностью*, должно быть въ его личномъ владѣніи. Это сознаніе логически послѣдовательно вытекаетъ изъ *житейской практики*. Чтобы научиться хорошо владѣть даннымъ орудіемъ— копьемъ, бумерангомъ, лукомъ, охотникъ долженъ примѣниться къ индивидуальнымъ особенностямъ своего орудія, долженъ по возможности примѣнить его, и къ своимъ индивидуальнымъ особенностямъ. Оружіе всегда должно быть при немъ; онъ приписываетъ ему какую-то таинственную связь съ самимъ собою.

Такимъ образомъ первымъ этапомъ въ развитіи частной собственности является частная собственность сначала на оружіе и потомъ вообще на все созданное примѣненіемъ индивидуальнаго труда—одежду, пищу, украшенія и т. п. Это право личнаго присвоенія было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ свойства тѣхъ вещей, съ которыми имѣлъ человѣкъ дѣло, характера тѣхъ отношеній производства, какое создало состояніе производительныхъ силъ.

Развитіе частной собственности на орудія, пищу и т. д. замѣчается уже въ первобытной коммунистической общинѣ. Когда люди приручили животныхъ и стали заниматься скотоводствомъ,—скотъ, какъ и орудія, явился средствомъ производства. Орудія уже были, предметами частной собственности. Таковыми же стали и стада прирученныхъ домашнихъ животныхъ. Орудія были во владѣніи мужчинъ, скотъ сталъ собственностью мужчинъ, — и это имѣло огромное вліяніе на весь укладъ патріархально-родового общества.

Въ коммунистической общинѣ женщина участвовала въ общественномъ производствѣ. Она была организаторомъ домашняго хозяйства, широко вела его, на ней лежала масса обязанностей, тогда какъ у мужчинъ было только двѣ—война и охота. Женщина была осѣдлымъ элементомъ, мужчина—бродячимъ. Женщина была олицетвореніемъ домашняго очага, его спокойствія и прелестей. Мужчина во время своихъ безконечныхъ скитаній лишь изрѣдка приходилъ къ этому домашнему очагу и приходилъ не какъ полноправный хозяинъ, а почти какъ гость. И царила форма семьи, т. наз. матріархатъ, т. е. владычество матери. Дѣти считались и наслѣдовали по матери, а не по отцу. Была власть матери, но власти отца въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ее теперь, не существовало.

Когда стада домашнихъ животныхъ стали собственностью мужчинъ, мужчина самъ сталъ организовать домашнее хозяйство, изъ бродячаго элемента сдѣлался осѣдлымъ, — и женщина все болѣе и болѣе стала устраняться отъ участія въ общественномъ производствѣ; древняя форма семьи — матріархатъ (Mutterrecht) рухнула, и на смѣну ей выступила новая форма семьи— патріархатъ—власть отца. Дѣти стали называться и наслѣдовать по отцу.

Новая форма семьи принесла и новую форму брака—моногамную, въ то время какъ въ коммунической общинѣ царила полигамія, а затѣмъ т. наз. „парная семья", по существу близкая къ полигаміи. Моногамная форма семьи основывалась на устраненіи женщины изъ общественнаго производства и на подчиненіи ея власти мужчины.

Такъ какъ работы общины стали сложными, появился патріархъ—организаторъ всего хозяйства общины. Накопленіе въ коммунистической общинѣ было невозможно; если кто-либо изъ членовъ общины приходилъ нагруженный добычей болѣе, чѣмъ остальные,—добыча была такого сорта, что сохранять ее было невозможно. Лишнее, что оставалось отъ потребленія, выбрасывалось, но не накоплялось. Человѣкъ жилъ вполнѣ руководствуясь принципомъ „довлѣетъ дневи злоба его". Въ патріархально-родовой общинѣ накопленіе, въ видѣ увеличенія стадъ животныхъ, стало возможнымъ. Патріархъ, какъ организаторъ производства, и его родственники брали себѣ львиную долю въ этомъ накопленіи. Такимъ образомъ общество стало расчленяться на богатыхъ и бѣдныхъ. Прежде плѣнныхъ убивали,—теперь, когда общественное производство расширилось, ихъ заставляли работать: появились рабы, появились эксплоататоры и эксплоатируемые. Стали развиваться ремесла, и появился *обмѣнъ* — въ слабой формѣ; обмѣнъ продуктовъ скотоводства, земледѣлія и ремеслъ, и, какъ слѣдствіе появленія обмѣна—*деньги*. Этимъ общимъ мѣриломъ цѣнности былъ тогда скотъ.

Существовало еще народное собраніе... Но могли-ли по прежнему существовать „не формулированныя свобода, равенство и братство"—въ этомъ обществѣ, — гдѣ уже появились богатые и бѣдные, эксплоататоры и эксплоатируемые, организаторская, постоянная и *наслѣдственная* власть патріарха? Нѣтъ! общество сдѣлало гигантскій шагъ впередъ въ развитіи производительныхъ силъ; изъ первобытнаго коммунистическаго оно если не сдѣлалось, то приблизилось къ товарномѣноеому, но стараго куммунизма, стараго равенства и свободы было уже не вернуть, и само патріархально-родовое общество шло быстрымъ шагомъ къ античному государству Греціи и Рима,—и къ феодальному, только гораздо позже, въ Германіи, Франціи и Англіи и др. странахъ западн. Европы. Въ этихъ государствахъ уже ясно выступили господство однихъ и подчиненіе другихъ; а по мѣрѣ развитія ихъ, все болѣе и болѣе выступалъ на сцену и *антагонизмъ классовъ*.

Такъ одна общественная форма *отрицаетъ* другую, такъ количественныя измѣненія, созрѣвши, даютъ—ein Abbrechen des Allmählichen („перерывъ постепенности"), о которомъ говорилъ Гегель,—и переходятъ въ качественныя, и „первопричина" всего этого—*развитіе производительныхъ силъ*.

Ни въ какомъ общественномъ строѣ антагонизмъ классовъ не выступалъ въ такой рѣзкой и опредѣленной формѣ, какъ въ современномъ буржуазномъ обществѣ. „Современное буржуазное общество,—говоритъ Марксъ,—выросшее на развалинахъ общества феодальнаго, не уничтожило антагонизма классовъ. Оно только замѣнило старые классы, старыя условія угнетенія новыми... Однако, антагонизмъ классовъ теперь упростился. Нынѣ общество все болѣе и болѣе раздѣляется на два обширные вражескіе лагеря, на два враждующіе класса—буржуазію и пролетаріатъ" *).

Современное буржуазное общество характеризуется громаднымъ развитіемъ производительныхъ силъ. Мы уже знаемъ, что стимуломъ прогресса въ первобытномъ обществѣ было „абсолютное перенаселеніе", что жестокая борьба за существованіе заставляла людей отыскивать все новые и новые источники существованія. Когда коммунистическое общество переходитъ въ товарномѣновое, передъ этимъ послѣднимъ, со времени его возникновенія и до нашихъ дней, стоитъ одна задача:

*) Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ. Изд. Алексѣевой, стр. 84.

произвести столько товаровъ, сколько необходимо для все развивающихся и открывающихся рынковъ. Открытіе Америки и морского пути вокругъ Африки, остъ-индскіе и китайскій рынки, колонизаціи Америки—были тѣми причинами, которыя дали гигантскій толчокъ развитію производительныхъ силъ; съ этого времени не прекращалось открытіе все новыхъ и новыхъ рынковъ, не прекращалось и развитіе производительныхъ силъ, — и мы живемъ теперь въ вѣкъ пара, электричества, машинъ и милліардныхъ капиталовъ.

Это состояніе производительныхъ силъ создало капиталистическій способъ производства и рѣзко раздѣлило общество на 2 класса: капиталисты и рабочіе.

„Современная буржуазія является, — говоритъ Марксъ — „продуктомъ долгаго историческаго развитія, продуктомъ цѣлаго ряда революцій въ способахъ производства и обмѣна. Развитіе буржуазіи сопровождается развитіемъ пролетаріата". У буржуазіи въ рукахъ находятся средства производства; пролетарій это человѣкъ, о которомъ словами древняго мудреца можно сказать: „Omnia mea mecum porto"—„все свое ношу съ собою". У пролетарія единственная „собственность"—это пара здоровыхъ рукъ; если для этихъ рукъ есть работа, пролетарій существуетъ, имѣетъ средства пропитанія: если нѣтъ – ему приходится умирать съ голода.

Въ средніе вѣка въ зап. Европѣ въ большинствѣ случаевъ царилъ т. наз. „мелкобуржуазный строй". Мы знаемъ, что на развалинахъ античнаго государства возникло феодальное общество. Во многомъ оно было похоже на первобытныя организаціи, которыя мы разсматривали выше, и вмѣстѣ съ ними примыкало къ типу „натурально хозяйственныхъ обществъ". Оно даже въ нѣкоторомъ отношеніи была ближе къ первобытной, коммунистической общинѣ, чѣмъ къ патріархально-родовому строю: такъ же властно царила природа надъ человѣкомъ. производство и распредѣленіе были гармоничны, не было ни крайней бѣдности, ни богатства, стихійной силой развитія являлось абсолютное перенаселеніе. Но въ феодальномъ обществѣ существовалъ уже институтъ частной собственности... Когда въ IX—X вв. феодальное общество пало, на смѣну ему явился *мелко буржуазный строй*, гдѣ право частной собственности и мелкое производство имѣли превалирующее значеніе. Мелко-буржуазное общество было уже типичнымъ товарнымъ обществомъ: оно производило на рынокъ и для рынка. Царило цеховое устройство, раздѣлявшее мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ, а такъ какъ мастеръ, по цеховому уставу, не имѣлъ права держать болѣе 5 подмастерьевъ, то производство всегда оставалось мелкимъ. До поры до времени оно могло удовлетворять внутренній рынокъ, при невысокомъ уровнѣ народнаго потребленія, и немногочисленные внѣшніе, но когда, съ открытіемъ Америки и новыхъ рынковъ, къ производству стали предъявляться все большіе и большіе запросы, а мелкобуржуазное общество не могло удовлетворительно отвѣтить на нихъ при сравнительно слабомъ развитіи производства, оно пало. Расширеніе рынковъ, торговли и обмѣна вызвало появленіе новаго строя—капиталистическаго, строя крупнаго производства. „Ремесло, опутанное феодальными привилегіями"—„уступило свое мѣсто мануфактурѣ. Мелкая промышленная буржуазія вытѣснила цеховыхъ мастеровъ... Но рынки росли непрерывно, и мануфактура въ свою очередь перестала удовлетворять всѣмъ потребностямъ, и вотъ паръ и машина произвели революцію въ промышленномъ производствѣ! Мануфактуру вытѣснила современная крупная промышленность". (Марксъ).

Современная крупная промышленность—это огромные фабрики и заводы съ тысячами и десятками тысячъ рабочихъ; они выбрасываютъ груды товаровъ на рынки Стараго и Новаго свѣта, заполняютъ ихъ, конкурируютъ между собой и снова производятъ. Современная крупная промышленность — это періодическіе промышленные кризисы, пролетаризація массъ, страшное богатство однихъ и ужасающая нищета другихъ, необычайное развитіе классоваго антагонизма, царство того, что нѣмцы называютъ Klassenkampf—классовой борьбы.

Интересы буржуазіи и пролетаріата діаметрально противоположны. Капиталисты покупаютъ, рабочіе продаютъ свою рабочую силу. Одни хотятъ довести эксплоатацію до maximum'а возможныхъ предѣловъ; стремленія другихъ—совершенно ее уничтожить или по крайней мѣрѣ свести къ минимуму.

Борьба пролетаріата противъ буржуазіи начинается со дня появленія его на свѣтъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обостряется, выражаясь въ болѣе яркихъ и опредѣленныхъ формахъ.

Какъ примиритель, вносящій элементы законности и спокойствія, выступаетъ въ капиталистическомъ строѣ государство. Оно старается урегулировать классовую борьбу, направить ее по мирному руслу; оно издаетъ законы о государственномъ страхованіи рабочихъ, фабричномъ инспекторатѣ, охранѣ труда и т. п. Само буржуазное, оно, защищая буржуазію, хорошо чувствуетъ возрастающую силу пролетаріата и все обостряющуюся классовую борьбу. Съ другой стороны, вся внѣшняя политика современнаго государства, сводящаяся въ сущности къ *политикѣ колоніальной*, т. е. къ отысканію, завоеванію все новыхъ и новыхъ рынковъ, такъ необходимыхъ буржуазіи для сбыта товаровъ,—ясно показываетъ, какъ капиталистическій способъ производства и общественныя отношенія буржуазнаго общества,—т. е. господство буржуазіи, формируютъ внѣшнюю государственную политику.

Если психологія коммунистической общины отличалась цѣлостностью, то въ буржуазномъ обществѣ, расчлененномъ на классы, при наличности ожесточенной классовой борьбы — каждый классъ имѣетъ свою своеобразную психологію. Психологія буржуа и пролетарія—двѣ вещи несовмѣстныя. Буржуа — собственникъ: всѣ его мысли, желанія и надежды—въ области частной собственности. Пролетарій—отнюдь не поклонникъ таковой. Буржуа—поклонникъ индивидуализма—частной иниціативы, частной предпріимчивости и если говоритъ о солидарности,—то лишь въ смыслѣ защиты отъ слишкомъ назойливыхъ требованій пролетаріата и отъ той анархіи производства, которая царитъ въ современномъ обществѣ и выражается въ періодическихъ промышленныхъ кризисахъ; лозунгъ пролетаріата „Въ единеніи сила"! Желанія буржуа—это желанія кучки владѣльцевъ; желанія пролетаріата—это желанія большинства, огромной массы обездоленныхъ.

Буржуазія создала свою политическую экономію, свое право, свою исторію и литературу; пролетаріатъ создалъ то же самое. Если буржуазные историки права говорятъ, что собственность свята и неприкосновенна, что она проистекла изъ выросшаго у человѣка сознанія права на вещи, въ отвѣтъ имъ слышится пролетарскій крикъ: „La proprieté s'est le vol"; если пѣвцы буржуазіи поютъ о буржуазной свободѣ—свободѣ эксплоатаціи, имъ въ отвѣтъ несутся пѣсни пролетаріата, гдѣ тоже говорится о свободѣ, но только пролетарской! Политическая экономія буржуазіи — это протекціонистская и фритредерская школа, классическая политическая экономія до апологетовъ нашихъ дней—„австрійцевъ" во главѣ съ Бемъ-Ба-

веркомъ, Шмоллеромъ и Шеффле; политическая экономія пролетаріата—это Марксъ, Энгельсъ, Каутскій и др. — Буржуазное общество имѣетъ тенденцію непрерывно и со страшной силой развивать производительныя силы. Конкуренція между капиталистами заставляетъ ихъ дѣлать все большія и большія техническія улучшенія, открывать все новые и новые способы примѣненія пара, электричества и рабочей силы. Въ этой страшной, бѣшеной погонѣ за улучшеніемъ производства выживаютъ только самые сильные и богатые; предпріятія концентрируются въ немногихъ рукахъ, масса все болѣе пролетаризируется, — и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ пролетаріатъ, растетъ его классовое самосознаніе и объединенность.

„Буржуазія производитъ прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея пораженіе и побѣда одинаково неизбѣжны" (Марксъ).

Мы видѣли, какъ на всемъ протяженіи исторіи человѣчества дѣйствовали одни неизмѣнные законы, какъ разумъ человѣка подчинялся природѣ, какъ развитіе его зависѣло отъ благопріятной географической среды; мы видѣли, какъ потомъ онъ подпалъ власти экономическихъ отношеній, какъ экономическія условія формируютъ государство, право, какъ классовая борьба создаетъ психологію класса, создаетъ его литературу, политическую экономію... Царила грозная и неумолимая *необходимость* подчиненія сначала географической средѣ, потомъ экономикѣ общества, — и намъ становилось грустно и больно за бѣдный человѣческій разумъ, который казался такимъ гордымъ и сильнымъ, способнымъ развиваться до безконечности. „Я чувствовалъ себя какъ бы раздавленнымъ ужаснымъ фатализмомъ исторіи", — писалъ въ 1883 г. Бюхнеръ въ письмѣ къ невѣстѣ, — отдѣльная личность есть лишь пѣна на поверхности волны, величіе — лишь случай, власть генія — лишь кукольная комедія, спѣшное стремленіе бороться противъ желѣзнаго закона, который въ лучшемъ случаѣ можно лишь узнать, но не подчинить своей волѣ".

Діалектическій матеріализмъ не останавливается въ ужасѣ передъ „желѣзнымъ закономъ", не опускаетъ безнадежно руки, не проповѣдуетъ фатализма. „Свобода есть сознанная необходимость",—говоритъ онъ, — „свобода состоитъ въ основанномъ на пониманіи естественной необходимости господствѣ надъ самимъ собою и надъ внѣшней природой, поэтому она необходимо является продуктомъ историческаго развитія" *).

На первобытныхъ стадіяхъ развитія человѣчества, разумъ человѣка подчинялся, былъ въ зависимости отъ грозной природы; но тамъ, гдѣ сама природа дала ему необходимую географическую среду, человѣкъ воспользовался этимъ и вступилъ въ борьбу съ силами природы. Человѣкъ сталъ *узнавать законы природы* и подчинять ее себѣ. Съ каждымъ новымъ открытіемъ и изобрѣтеніемъ — онъ все менѣе и менѣе дѣлался рабомъ природы, и если не покорилъ ее совершенно,—то утверждать, что этого никогда не случится,—болѣе чѣмъ опасно. Ог. Контъ, какъ извѣстно, сомнѣвался, чтобы когда нибудь былъ узнанъ физическій составъ небесныхъ тѣлъ... Послѣ открытія спектральнаго анализа и успѣховъ астрофизики Клейнъ имѣлъ полное право сказать: „Этотъ примѣръ лишній разъ показалъ, какъ опасно намѣчать предѣлы человѣческой мысли"!..

До сихъ поръ всѣ измѣненія въ экономикѣ, всѣ экономическія революціи происходили стихійно. Экономическія отношенія создавали извѣстную психологію общества; но

*) Энгельсъ. Переворотъ въ наукѣ, произведенный Дюрингомъ, стр. 154.

развитіе производительныхъ силъ продолжалось неустанно, оно не останавливалось ни на минуту, и за старымъ общественнымъ строемъ долженъ былъ послѣдовать новый, за старыми общественными отношеніями новыя. Въ этомъ случаѣ вездѣ медленная психологическая эволюція *предшествуетъ* экономической революціи. Развитіе производительныхъ силъ создало новый классъ—мелкую буржуазію, но пока произошла экономическая революція, произошелъ переходъ отъ ремесла къ мануфактурѣ, буржуазіи предстояло выдержать долгую и упорную борьбу со старымъ реакціоннымъ элементомъ — цеховымъ устройствомъ. Здѣсь буржуазія была передовымъ классомъ съ прогрессивной психологіей наступавшаго экономическаго строя и въ этомъ смыслѣ и называлъ ее Марксъ революціонной. Буржуазія, казалось, „дѣлала исторію". Но увы! это только „казалось! — ибо та же буржуазія въ настоящее время сама изнемогаетъ подъ той анархіей производства, которую породилъ современный капитализмъ, подъ тѣми страшными, все потрясающими кризисами, которые періодически разражаются въ теченіе уже нѣсколькихъ десятилѣтій,—и всѣ попытки буржуазіи организовать производство безуспѣшны и мало къ чему приводятъ. Буржуазія „дѣлала исторію" и теперь сама во власти исторіи!

Время людей „дѣлать исторію" еще не пришло, „необходимость" еще царитъ сурово и непреклонно".

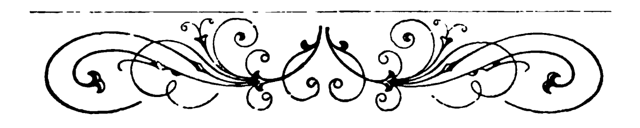
Только когда люди узнаютъ ясно и опредѣленно законы общественнаго развитія, они сумѣютъ подчинить ихъ себѣ, сумѣютъ завоевать „свободу". „Сознавъ, что причина его порабощенія продукту (въ капиталистическомъ строѣ) лежитъ въ *анархіи производства*, производитель („общественный человѣкъ") организуетъ это производство и тѣмъ самымъ подчиняетъ его себѣ". Тогда оканчивается царство *необходимости*, и воцаряется *свобода*... Прологъ человѣческой исторіи сыгранъ, начинается исторія" *).

Теперь мы можемъ понять фразу Энгельса—„свобода необходимо является продуктомъ историческаго развитія".

Разумъ человѣка—продуктъ исторіи, но онъ можетъ развиваться безпредѣльно... И чѣмъ болѣе этотъ разумъ приложитъ усилій къ познанію законовъ той необходимости, какая царитъ надъ нимъ, тѣмъ скорѣе онъ восторжествуетъ надъ этой слѣпой необходимостью. „Знаніе есть сила—и сила есть знаніе", — говорилъ Либкнехтъ. „Развитіе знанія, развитіе человѣческаго сознанія,—вотъ благороднѣйшая задача мыслящей личности въ исторіи, вотъ ея роль въ исторіи. Licht, mehr Licht — это нужно прежде всего, говоритъ діалектическій матеріализмъ. „Слѣпа необходимость лишь по стольку, по сколько она не понята" **)!

К. Шелавинъ.

*) Бельтовъ. Къ развитію etc. стр. 231.
**) Гегель.

Возставшій изъ мертвыхъ.

Габріэля Рейтеръ.

— Знаете-ли, милая фрау Дорритъ,—вы не должны истолковывать этого въ дурную сторону...— Боже мой! молодыя дѣвушки въ наше время такъ чувствительны, такъ нервны... Поймите меня—я ни за что на свѣтѣ не хочу, чтобы мы разстались такъ холодно... Наши дѣти вѣдь друзья! Мари такъ хорошо чувствовала себя въ вашемъ домѣ. Мы съ мужемъ вполнѣ согласны въ томъ, что за послѣдній годъ она развилась прекрасно въ физическомъ отношеніи... и въ духовномъ, нужно добавить...

— Но я, конечно, позаботилась бы о томъ, чтобы молодыя дѣвушки какъ можно рѣже видѣли... новаго жильца... Можно бы также устроить... во всякомъ случаѣ, обѣдать отдѣльно...

— Милая фрау Дорритъ, не питайте никакихъ иллюзій — все это невозможно. Вѣдь онъ вамъ мужъ, а этимъ сказано все.

Фрау Дорритъ замолчала. Послѣдними словами, дѣйствительно, было сказано все.

Посѣтительница встала и протянула руку фрау Дорритъ.

— Я такъ рада, что можно поговорить съ вами наединѣ. Писать же вамъ я не могла—мнѣ это показалось ужаснымъ. Пожалуйста, пришлите мнѣ Мари въ гостиницу. Не правда-ли, вы понимаете, что мы не могли поступить иначе въ интересахъ нашего ребенка?

— Конечно, я вполнѣ понимаю вас!

Обѣ женщины снова пожали другъ другу руки. Профессорша попробовала придать своему рукопожатію оттѣнокъ сердечности, но не встрѣтила отклика.

Фрау Дорритъ осталась одна. Проводивъ посѣтительницу, она вернулась въ комнату и остановилась у двери, смотря вокругъ себя съ безпомощнымъ видомъ.

Весеннія сумерки начинали уже наполнять всѣ углы сѣрыми тѣнями, только у окна было еще свѣтло; тамъ бѣлѣли гіацинты, распространявшіе сильный удушливый запахъ. Было очень тепло, комната была сильно натоплена. Фрау Дорритъ съ безпокойнымъ видомъ провела рукою по лбу; сердце у нея тревожно билось. Она подбѣжала къ письмен-

ному столу, взяла нѣсколько писемъ и при послѣднихъ лучахъ свѣта пробѣжала ихъ, вынимая одно за другимъ изъ конвертовъ; казалось, съ каждымъ движеніемъ новая забота заволакивала тѣнью ея кроткое лицо.

„Изъ десяти осталось у меня только трое“,—подумала она. „Въ концѣ концовъ уйдутъ всѣ. Конечно, это не подходитъ... Нѣтъ, я не должна была бы поступать такъ... Ахъ, Гельга, Гельга“... Въ этомъ вздохѣ вырвалось все ея горе; сдерживаемое много — много лѣтъ, оно вылилось теперь въ потокѣ слезъ, которыя беззвучно и быстро катились по щекамъ фрау Дорритъ. Она поспѣшно осушила ихъ, потому что въ передней послышался стукъ быстрыхъ шаговъ, шорохъ платьевъ, звонкіе дѣвичьи голоса и смѣхъ, и комната начала наполняться свѣжимъ весеннимъ воздухомъ. Всѣ эти молодыя дѣвушки принесли его съ собою въ своихъ платьяхъ и волосахъ. И сейчасъ же началось:— фрау Дорритъ сюда, фрау Дорритъ туда—настоящій штурмъ! Какъ тепло! Весна пришла! А у Гельги шляпа слетѣла! То и дѣло слышалось: фрау Дорритъ, поцѣлуйте меня—я уже окончила свою работу!

— Мы въ лѣсу бросали другъ въ друга сухими вѣтками, mademoiselle попало за воротникъ и она отряхивалась, какъ разсерженный пудель!

— Что за сравненіе, Мари!

— Ахъ, простите, милая, золотая фрау Дорритъ!

— Можно? Можно?

— Ничего нельзя. Вы должны раздѣться и приниматься за работу. Останутся только Гельга и Мари... Мари, для тебя у меня новость. Твоя мама пріѣхала сегодня послѣ обѣда. Mademoiselle проводитъ тебя къ ней въ отель. Она только что была у меня.

— Мама?! Что случилось?

— Иди же, дитя мое. Гельга, мнѣ нужно поговорить съ тобою. Да... Гельга, профессорша хочетъ взять Мари домой за нѣсколько дней до пасхальныхъ каникулъ.

Въ комнату внесли лампу—большую лампу съ шелковымъ розовымъ абажуромъ, комната освѣтилась и стала еще уютнѣе. Гельга съ усталымъ, но довольнымъ видомъ вытянулась на низенькомъ, англійскаго фасона, кресла: она была слегка раздражена тѣмъ, что ея подруга должна была уѣхать такъ скоро, и въ то же время молодой аппетитъ заставлялъ ее съ жадностью посматривать на тарелку съ печеньемъ, которая стояла на чайномъ столѣ.

Теперь фрау Дорритъ должна была сказать ей все. Но какъ начать? Какъ сказать первое слово? Какъ отнесется ко всему этому Гельга? Какъ можно было скрывать отъ ребенка тайну? И зачѣмъ она это сдѣлала?

Можетъ быть... Можетъ быть, Гельга давно уже знаетъ обо всемъ— вѣдь шестнадцатилѣтнія дѣвочки знаютъ иногда гораздо больше, чѣмъ предполагаютъ ихъ матери. Можетъ быть, она сразу пойметъ, въ чемъ дѣло и облегчитъ матери ея задачу.

— Ты помнишь отца?—смущенно спросила ее фрау Дорритъ. Ея темные глаза не смотрѣли на дочь.

— Нѣтъ, мама! — сказала Гельга, громко разсмѣявшись. — Вѣдь мнѣ былъ только годъ, когда онъ умеръ.

— Да, правда. Я забыла. Итакъ, уже пятнадцать лѣтъ прошло... пятнадцать лѣтъ... Конечно, ты не можешь помнить его. Это было ужасное время... страшное время—весь тотъ годъ.

Фрау Дорритъ сидѣла на ручкѣ широкаго кресла; Гельга обнимала ее руками.

— Бѣдная, милая мама!—сказала она.

Вдругъ она спросила о томъ, о чемъ, какъ это ни странно, никогда не спрашивала... Спросила такимъ серьезнымъ тономъ, какъ будто хотѣла сказать,—я уже взрослая и мнѣ можно оказать довѣріе: „Отчего

умеръ папа? Ты мнѣ объ этомъ никогда не говорила".

Фрау Дорритъ долго не отвѣчала ничего, потомъ сказала: „онъ былъ душевнобольнымъ".

И опять наступило долгое молчаніе. Фрау Дорритъ чувствовала, что руки Гельги сжимали ее все крѣпче и крѣпче, а головка ея пряталась у нея на груди.

— Дитя мое,—нѣжно прошептала она, ласково проводя рукой по волосамъ дѣвочки, — мое милое, доброе дитя!

Гельга прошептала наконецъ: „Какъ это ужасно!" и мать тихо отвѣтила:

— Да, дитя, все это очень тяжело... Онъ не могъ, наконецъ, оставаться въ домѣ у насъ. Его помѣстили въ лечебное заведеніе. И тамъ онъ провелъ всѣ эти пятнадцать лѣтъ.

— Мама... мама, онъ живъ?

— Тѣло его жило, но духъ—его душа—мертва... Но Боже мой! Что мы знаемъ объ этихъ тайнахъ? Гельга,—у него не сохранилось никакихъ воспоминаній о насъ. Онъ жилъ среди безумныхъ видѣній... Врачи говорили, что надежда на выздоровленіе очень слаба. И долго я не вѣрила этой надеждѣ. Разъ въ годъ я посѣщала его. Онъ не узнавалъ меня...

Говоря, фрау Дорритъ внимательно слѣдила за дочерью. Гельга была очень блѣдна. Ея вѣки съ красивыми длинными рѣсницами дрожали надъ опущенными глазами; она не рѣшалась взглянуть на мать изъ боязни, что ея взглядъ откроетъ, какъ тяжело ей, и еще усилитъ горе матери.

Это нѣжное, впечатлительное, нервное дитя, зачатое отъ отца, въ мозгу котораго болѣзнь уже произвела тайныя опустошенія, выношенное матерью-мученицей въ тревогѣ и душевной тоскѣ, выросшее съ повышенной чувствительностью, было подобно тѣмъ растеніямъ, развитіе которыхъ можетъ быть пріостановлено солнечнымъ лучомъ, глянувшимъ не въ пору, порывомъ вѣтра, ливнемъ, и которые отъ того вянутъ и гибнутъ.

— Дитя мое, Гельга! — Дѣвушка открыла глаза и на лицѣ ея мать увидѣла выраженіе дикаго ужаса и мыслей, которыя жадно, неудержимо овладѣвали молодымъ умомъ.

— Гельга!—сказала она строго; передъ дочерью стояла теперь не мать, а наставница.—Ты уже большая дѣвочка, ты должна быть благоразумной! Выслушай, *что* мнѣ нужно сказать тебѣ и *почему* я говорю съ тобой обо всемъ этомъ сегодня.—Отцу теперь лучше, гораздо лучше. Это какое-то чудо. Сами доктора крайне удивлены перемѣной, происшедшей въ немъ. Сознаніе вернулось къ нему, и онъ хочетъ жить опять съ нами—по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ пишутъ. Держать его въ лечебницѣ — нѣтъ никакой причины. И онъ снова будетъ жить съ нами, Гельга.

Дѣвушка стояла съ такимъ видомъ, какъ будто ей наносили по головѣ удары молоткомъ, казалось, она совершенно оглушена чѣмъ-то. Напрасно ждала фрау Дорритъ, что дочь скажетъ что-нибудь. Она привлекла ее къ себѣ, ласкала, какъ маленькое дитя, посадила ее къ себѣ на колѣни, шептала ей на ухо нѣжныя, успокоительныя слова.

И Гельга наконецъ начала рыдать у нея на груди сильно и неудержимо. Потомъ, успокоившись немного и благоговѣйно, съ внутреннимъ трепетомъ прошептала: „Это воскресеніе изъ мертвыхъ". И глаза ея, влажные отъ слезъ, приняли торжественное выраженіе.

* * *

Фрау Дорритъ вышла изъ воротъ своего владѣнія—хорошенькой дачи съ большими балконами, цвѣтникомъ и фруктовымъ садомъ, которая ютилась у одного изъ возвышеній при крутомъ подъемѣ дороги. Домъ

этотъ былъ очень дорогъ фрау Дорритъ, какъ всякому дорога собственность, добытая цѣною многихъ усилій, заботъ и труда. Она надѣялась освободить его, благодаря своему учебному заведенію, отъ лежавшихъ на немъ долговъ. Теперь надеждѣ этой не суждено было осуществиться. Такъ думала фрау Дорритъ,— научившаясь вести свои дѣла, какъ мужчина, умно и практично, — проходя по саду, гдѣ красовались фруктовыя деревья, покрытыя пѣной цвѣточныхъ лепестковъ, при малѣйшемъ порывѣ вѣтерка серебристымъ потокомъ падавшихъ на черную плодородную землю... Теперь фрау Дорритъ освобождалась отъ высокой платы, которую вносила за мужа въ лечебное заведеніе. Это, конечно, было облегченіемъ. Но что оно значило въ сравненіи съ сознаніемъ, что испорчено все существованіе? При одномъ извѣстіи, что ея больной мужъ вернется домой, родители забрали у нея всѣхъ ея питомицъ. Она объявила о продажѣ дома, питая въ то же время тайную надежду, что покупателя на него не найдется: ее невыразимо страшила мысль жить на квартирѣ, среди чужихъ людей, съ мужемъ, о состояніи котораго она не имѣла ни малѣйшаго представленія.

Но ничего другого не оставалось дѣлать. Она передумала о всевозможныхъ заработкахъ — о переводахъ, ручной работѣ, обо всемъ, что служитъ подспорьемъ въ нуждѣ женщинамъ, принужденнымъ работать со связанными руками и ногами. А сестра Августа считала ее богатой женщиной! Ей довольно грубо дали понять, какъ чудовищно съ ея стороны не держать при себѣ мужа! Когда фрау Дорритъ попробовала пріискать для него пріютъ, гдѣ онъ могъ бы спокойно окончить свои дни, сестра его подняла настоящую бурю между родственниками, которые, къ слову сказать, нисколько не безпокоились о больномъ, и грозила судомъ принудить жену Августа къ исполненію ея долга. И судъ... фрау Дорритъ согласилась бы все вытерпѣть и сдѣлать, чтобы не приходить снова въ соприкосновеніе съ нимъ. Сестра Августа хорошо знала объ этомъ. Эта женщина преслѣдовала ее съ необыкновенной ненавистью, которую фрау Дорритъ не понимала до тѣхъ поръ, пока время и жизнь не открыли ей глаза. Болѣзнь Августа должна была имѣть какую-нибудь внѣшнюю причину—для родственниковъ его это было неопровержимой истиной. И проще всего приписать вину его женѣ и неудачному браку! Сестрѣ хотѣлось доказать всему свѣту, что болѣзнь Августа не какой - нибудь органическій порокъ, а временное разстройство. Поэтому Августъ и долженъ былъ вернуться въ семью. Фрау Дорритъ чувствовала почти состраданіе къ этой женщинѣ, которая причинила ей такъ много зла, потому что хорошо понимала ея безпокойное стремленіе доказать мужу, дѣтямъ, знакомымъ, что она принадлежитъ къ здоровой семьѣ. Со времени болѣзни Августа она и фрау Дорритъ почти не видѣлись другъ съ другомъ.

Фрау Дорритъ до глубины души была оскорблена обвиненіями, которыя взводили на нее родственники мужа. Поэтому ей не хотѣлось, чтобы между нами и Гельгой установилась близость. Кромѣ того нужно было сохранять отъ нея въ тайнѣ болѣзнь отца. Она поступала такъ по совѣту одного опытнаго психіатра, указаніямъ котораго относительно воспитанія особенно впечатлительныхъ дѣтей она неуклонно слѣдовала. И Гельга такъ чудно расцвѣла, въ ней была такъ мила эта смѣсь любопытства, лукавства и страха, съ которыми она вступала въ жизнь.

О, еслибъ можно было охранять ее такъ и дальше, чтобы не исчезла ея веселая беззаботность!

Фрау Дорритъ пошла еще быстрѣе съ сжатыми губами и съ печаль-

ной складкой между бровями. Она направлялась на ближайшую станцію, гдѣ заказала экипажъ, въ которомъ она хотѣла привести мужа домой. Ей было бы тяжело встрѣтить его подъ любопытными взглядами сосѣдей. Много лѣтъ жила она въ этомъ мѣстечкѣ, гдѣ всѣ считали ее вдовой. Теперь злословіе и пересуды, которыми всегда отличаются маленькіе города, начнутся съ новой энергіей и ея имя, ея жизнь будутъ терзать въ теченіе долгихъ недѣль. Правда, это не особенно безпокоило ее...

Она пережила уже то время, когда ей приходилось учиться противостоять злословію и любопытству чужихъ и друзей.

Это было время, когда болѣзнь ея мужа начала проявляться въ необъяснимыхъ поступкахъ и словахъ, которые, однако, еще не приписывались болѣзни,—время, когда онъ своими дикими выходками въ публичныхъ мѣстахъ нажилъ себѣ злѣйшихъ враговъ — фрау Дорритъ напрасно старалась впослѣдствіи примирить ихъ съ нимъ.

Всѣ эти воспоминанія она старалась подавить въ себѣ, считала ихъ уже навсегда умершими—и вотъ теперь они тѣснились снова въ ея воображеніи, каждое изъ нихъ вставало передъ ней въ отдѣльности, наполняя ея сердце тоской, безпокойствомъ и горечью.

Врачъ, правда, пишетъ, что больной сталъ совершенно спокойнымъ. Такія сцены, какъ въ прошломъ, теперь немыслимы. Къ тому же его физическія силы истощены. Уходъ за нимъ при помощи опытнаго служителя будетъ нетруденъ. Въ такомъ состояніи мужъ ея могъ прожить довольно продолжительное время. Все это было успокоительно. А въ далекое будущее ей не хотѣлось заглядывать! Прежде всего не поддаваться горькимъ воспоминаніямъ! Жизнь надо брать такой, какъ она есть.

Десять лѣтъ тому назадъ фрау Дорритъ страстно добивалась развода—ей было отказано. Врачи не могли рѣшительно отрицать видовъ на выздоровленіе ея мужа, судья же указалъ ей, какъ безчеловѣчно было бы лишить больного—въ случаѣ его выздоровленія—любящей жены, ребенка, тихаго домашняго очага. Тогда Луиза Дорритъ горько разсмѣялась при этихъ словахъ, судья же выразилъ на своемъ лицѣ строгое порицаніе ей. Любящая жена... Развѣ этотъ человѣкъ, бывшій самъ мужемъ и отцомъ, не зналъ, изъ какихъ нѣжныхъ и хрупкихъ элементовъ складывается супружеская любовь? Или не хотѣлъ знать? Какую любовь могла она сохранить въ сердцѣ своемъ къ человѣку, который давно уже, прежде чѣмъ она рѣшилась помѣстить его въ лечебницу, внушалъ ей только отвращеніе и ужасъ? Правда, мало-по-малу, когда ее уже не страшила физическая близость къ нему, она почувствовала къ нему состраданіе и всегда была готова издали заботиться о немъ. Но ей хотѣлось быть свободной, не испытывать этого вѣчнаго страха его возвращенія, — страха, который не покидалъ ее никогда, какъ грозный призракъ.

Безчеловѣчно по отношенію къ больному... Но спросилъ ли кто себя, не безчеловѣченъ ли законъ къ ней, здоровой? Не погубили ли ея силъ этимъ рѣшеніемъ? Злая насмѣшка! Ему, жалкой развалинѣ, человѣку, неспособному исполнять обязанности отца и мужа, ему хотѣли сохранить жену, и ребенка, и домашній очагъ! Ее же, цвѣтущую молодую женщину, оставили въ цѣпяхъ, лишили ее возможности новаго счастья, новой жизни, новой любви, которыхъ требовали всѣ ея здоровые инстинкты, ея сильное прекрасное тѣло, ея тоскующее сердце.

Не непреклонная судьба, а человѣческая воля, хитроумныя человѣческія измышленія сдѣлали ее несчастной,—вотъ что не переставало возмущать фрау Дорритъ. Въ концѣ

концовъ она научилась самоотреченію. Жизнь снова расцвѣла для нея въ ребенкѣ. Всегда окруженная молодостью, она опять могла радоваться міру Божьему съ его вѣчно обновляющейся красотой. Однако, когда она, стремясь къ душевному спокойствію, начинала думать о Гельгѣ, у нея являлась постоянно мысль, что имъ придется разстаться. Это былъ какой-то еще смутный страхъ, охватывавшій ее съ неудержимой силой. Разстаться съ Гельгой, источникомъ ея силы и мужества, съ невыразимо любимымъ ребенкомъ, котораго она такъ охраняла, о которомъ такъ заботилась... Сердце ея разрывалось отъ горя... Ошеломленная имъ, она принуждена была остановиться и закрыть глаза пока не отхлынула волна скорби, оставивъ послѣ себя тупую, ноющую боль. . . . .

. . . .

Съ какой божественной мощью развертывалось вокругъ нея великолѣпіе юной весны съ ея зеленью и цвѣтами! Глазъ наслаждался свѣтлой окраской березъ и благородныхъ каштановъ среди черно-зеленыхъ сосенъ на склонѣ горъ. Яблони на лугу, по которому проходила дорога, стояли отягченныя своими бѣлорозовыми цвѣтами, составлявшими чудесный контрастъ съ угловатыми тощими старыми вѣтками и казавшимися на нихъ еще нѣжнѣе. А внизу, въ высокой травѣ тѣснились въ необыкновенномъ изобиліи сочныя, но нѣжныя цвѣтущія растенія въ тысячѣ различныхъ видовъ — незабудки, вероника, безчисленные желтые одуванчики. Весна въ этомъ году наступила поздно и теперь торопливо разбрасывала свои щедрые дары по плодородной землѣ. Въ воздухѣ стояло благоуханіе и сверкаще носилось будто чье-то дрожащее, прерывистое дыханіе, пѣніе и ликованіе, чувствовалось наслажденіе жизнью, которое охватывало и людей. Пользуясь праздничнымъ вечеромъ, всѣ стремились изъ городка съ его тихими мощеными улицами, сѣрыми башнями и остатками стѣнъ — въ сады, виноградники, въ лѣсъ. Казалось, что всѣ празднуютъ возвращеніе весны. Дѣти въ колясочкахъ помахивали вѣтками съ молодыми зелеными листочками; весь этотъ крикливый маленькій народъ съ ясными веселыми черными глазенками держалъ въ своихъ загорѣлыхъ ручкахъ массу цвѣтовъ.

Взрослыя дѣвушки съ сдержаннымъ говоромъ и смѣхомъ толпами выходили изъ зеленѣющаго лѣса, распространяя благоуханіе ландышей, которые большими пучками были приколоты у нихъ на груди. Отъ города тянулась толпа молодыхъ людей. Это было, повидимому, гимнастическое или пѣвческое общество, потому что впереди шелъ молодой человѣкъ, трудившійся въ потѣ лица своего надъ громаднымъ флагомъ. Всѣ пѣли и махали шляпами, увитыми вѣтками лиственницы, съ кистями сирени, которыя спускались со шляпъ, какъ перья. Казалось, что вся эта молодежь, проходившая мимо дѣвушекъ съ влюбленными улыбками и громкими привѣтствіями, празднуетъ торжество богини жизни, плодородія и любви. Даже на лицахъ стариковъ, которые съ довольнымъ видомъ возвращались домой, съ привязанными къ палкамъ пучками душистой шерошницы для шкафовъ съ бѣльемъ, леталъ отпечатокъ веселья, и они задумчиво улыбались, смотря вслѣдъ процессіи молодыхъ людей.

Фрау Дорритъ знала, что Гельга сидитъ теперь дома и плачетъ. Со времени открытія, сдѣланнаго ей матерью, она часто плакала — чувства ея иначе не могли выражаться, и то, что она могла плакать, было для нея счастьемъ. Здоровье ея разстраивалось, за послѣднія недѣли щеки ея поблѣднѣли и впали. Фрау Дорритъ часто слышала по ночамъ, что она плачетъ втихомолку, уткнувшись въ подушку.—Я такъ упрекаю себя ... призналась она матери

разъ ночью, „я не могу радоваться, что отецъ живъ“. А мы вѣдь должны радоваться мама, что онъ опять здоровъ.—Это такая великая милость Божія,—прибавила она съ трогательнымъ порывомъ.—Но, видишь ли,—робко прошептала она черезъ минуту;—я боюсь... я боюсь“... Фрау Дорритъ, легко ступая босыми ногами, подошла къ ея кровати и присѣла къ ней.

— Скажи, мама, онъ вполнѣ здоровъ—и совершенно такой же, какъ и другіе люди? Почему же всѣ дѣвочки ушли отъ насъ?

— Милая моя, ты не должна забывать, что эта ужасная болѣзнь совершенно истощила его силы. Онъ очень тихъ и погруженъ въ себя, а веселая бѣготня и шумъ молодежи у насъ были бы для него тяжелы.

Какъ мучительны были подобные разговоры!

Вчера Гельга робко спросила у матери, можно ли ей повѣсить надъ входною дверью гирлянду зелени, а комнату отца украсить цвѣтами и не надѣть ли ей бѣлое платье? Фрау Дорритъ покачала головой. — Поставь ему на столъ букетъ ландышей,—сказала она черезъ нѣкоторое время. Вѣдь она сама не знала, какъ встрѣтится съ мужемъ и какъ сложится ихъ совмѣстная жизнь.

Къ чему праздничное убранство? На душѣ у нея было не радостно. Дѣло было въ томъ, чтобы исполнить лишь тяжелый долгъ.

Запахъ ландышей и свѣжей зелени и безъ того причинялъ ей душевную боль. Знакомые запахи часто живо пробуждаютъ въ насъ воспоминанія. Сладкій, одуряющій весенній ароматъ напомнилъ фрау Дорритъ тотъ день, когда она въ первый разъ пріѣхала въ эту мѣстность осмотрѣть виллу, которая впослѣдствіи стала ея собственностью, а тогда отдавалась въ наемъ. Она пріѣхала съ своимъ вѣрнымъ другомъ, Рудольфомъ Ратгеномъ, который первый навелъ ее на мысль заняться воспитаніемъ молодыхъ дѣвушекъ и такимъ образомъ дать опредѣленный смыслъ своей жизни, а дочери обезпечить образованіе. Онъ за нее думалъ и строилъ планы, чтобы сохранить ея энергію и бодрость;—онъ, конечно, мечталъ дать ей счастье, но это ему было не суждено. Она называла его своимъ другомъ и не хотѣла терять его дружбы—отъ большаго они должны были отказаться.

Остаться ея другомъ, утѣшителемъ и совѣтникомъ онъ обѣщалъ ей, когда, разбитая неумолимой судьбой, она въ отчаяніи рыдала передъ нимъ.

О, горькое блаженство послѣднихъ дней, проведенныхъ вмѣстѣ, за которыми должна была послѣдовать разлука!

Она бодро переносила свою жизнь до того дня, когда познакомилась съ Рудольфомъ, до той ночи, которая наступила за этимъ днемъ, когда она не могла спать, молча всматриваясь въ темноту, когда счастье витало около нея и шептало ей: „Знаешь ли ты меня? Знаешь ли, изъ чьихъ глазъ я смотрю на тебя, чьими устами я хотѣла бы прильнуть къ тебѣ? Знаешь ли? Чувствуешь ли? Сознаешь ли ты, что ты молода, здорова и что ребенокъ для тебя еще не все“? Еслибъ я никогда не узнала, какъ онъ меня любитъ, какъ невыразимо любитъ, думалось ей часто, все было бы мнѣ легче переносить! Но она узнала!.. Доброта, отзывчивость, сердечная и нѣжная заботливость, сильная воля,—все это соединилось въ немъ и просило и умоляло ее о любви... И она сдалась такъ охотно! Какъ быстро расцвѣла въ ней надежда. Они съ Рудольфомъ едва могли сдерживать свою любовь — такъ были увѣрены оба, что законъ вернетъ ей свободу. Но судъ произнесъ уничтожающее рѣшеніе.

Стать любовницей Рудольфа она была неспособна. Ей нужна была тихая семейная жизнь, ясная, какъ солнечный день, много дѣтей, мате-

ринскія заботы о нихъ и мужѣ. Она была не изъ тѣхъ женщинъ, любовь которыхъ жжетъ, какъ пламя,—ея любовь была спокойна и ясна, какъ благодатный лѣтній день; такъ писалъ ей Рудольфъ, говоря, что не желаетъ толкать ее на тотъ путь, гдѣ она должна потерять то, что онъ больше всего любилъ въ ней, ясность и веселость характера. Была ли она ему за это благодарна? Она сама не знала—ни прежде, ни теперь. Помнила она только ночи, полныя лихорадочнаго волненія и страсти, дни, когда все ея существо возмущалось противъ невольнаго самоотреченія, когда она скрежетала зубами и въ безсильной ненависти грозила кулаками человѣку, сидѣвшему за желѣзной рѣшеткой въ своей далекой кельѣ. Задушить его, задушить собственными руками стало для нея потребностью. И она рвала его портреты, топтала ихъ ногами и съ злобнымъ отчаяніемъ плевала на нихъ.

А неумолимый законъ непремѣнно хотѣлъ сохранить больному любящую жену! Еслибъ еще Луиза Дорритъ была вѣрующей и видѣла бы въ бракѣ таинство, въ жертву которому приносятся душа и тѣло, еслибъ она была мученицей, которая въ минуты экстаза видитъ надъ собой во всемъ ихъ великолѣпіи разверстыя небеса — но она была воспитана невѣрующими родителями! Она не вѣрила въ небесное блаженство! Она благоговѣла передъ таинствомъ материнства, передъ силой, которую чувствовала въ себѣ, для произведенія на свѣтъ новыхъ молодыхъ существъ, надъ которыми не тяготѣло бы проклятіе, какъ надъ ея Гельгой. И когда люди не позволили ей исполнить призванія, для котораго она была создана, не позволили во имя Бога и нравственности, ей показалось, что они смѣются надъ Богомъ, присутствіе котораго она ощущала вокругъ себя и который дѣйствовалъ по законамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ законами человѣческими. . . . . .

. . . . .

И вотъ опять проснулись въ ней прежнія мученья, опять на сердце легъ тяжелый камень, опять глаза горѣли отъ непролитыхъ слезъ...

Давно побѣдила она въ себѣ чувства. Зачѣмъ же снова заговорила въ ней жгучая тоска о потерянномъ счастьѣ именно сегодня, въ такую неподходящую минуту? Надо собраться съ мыслями!..

Цѣлыми недѣлями, занятая повседневными заботами, она не вспоминала о Рудольфѣ.

Самымъ труднымъ временемъ было для нихъ то, когда оба они цѣплялись за свою дружбу, какъ за тонкую дощечку, на которой хотѣли спастись отъ нахлынувшаго на нихъ моря страсти, но лишь безпомощно носились по его волнамъ! Между тѣмъ всѣ стали находить, что фрау Дорритъ, какъ начальницѣ учебнаго заведенія, неприлично принимать у себя Рудольфа, и она стала приглашать его все рѣже и рѣже; онъ мало-по-малу отдалился отъ нея. Они разстались. Но не злословіе людское разъединило ихъ: оба воспользовались имъ, какъ предлогомъ, потому что не въ силахъ были выносить постояннаго напряженія и тайныхъ мученій, которыя налагала на нихъ холодная дружба. Въ теченіе многихъ лѣтъ они не встрѣчались. Рудольфъ женился, имѣлъ дѣтей. Долой эти мысли... долой...

Въ такомъ настроеніи фрау Дорритъ не могла встрѣтиться съ мужемъ. Она постаралась вызвать въ себѣ состраданіе къ нему, представивъ себѣ его жалкое существованіе въ теченіе долгихъ, долгихъ лѣтъ. Она старалась припомнить его умныя рѣчи и вызвать въ памяти то время, когда она съ нимъ познакомилась и онъ былъ еще здоровымъ и энергичнымъ человѣкомъ. Кто можетъ прослѣдить таинственный процессъ, совершающійся въ больномъ мозгу? Кто знаетъ, не со-

знаетъ ли онъ свое жалкое и позорное положеніе? Если такъ, то какія мучительныя минуты долженъ переживать ея мужъ! Что въ сравненіи съ ними всѣ ея заботы и горе!„. — Но здоровому, полному жизни человѣку, несмотря на всѣ его старанія, страданія больного такъ же мало понятны, какъ и самая смерть. И мысли фрау Дорритъ снова вернулись къ ея собственной жизни. Теперь надо устроить жизнь иначе, думала она; Гельгу не нужно такъ баловать и нѣжить. Трудно будетъ держать даже одну прислугу. Но, можетъ быть, для Гельги будетъ хорошо, если она привыкнетъ работать сама. Бѣдного больного надо окружить нѣжнымъ уходомъ и заботами и преодолѣть свой тайный ужасъ передъ нимъ. Можетъ быть, окажется возможнымъ обходиться безъ служителя, который сопровождаетъ теперь ея мужа и котораго, какъ это ни странно, фрау Дорритъ боялась не меньше, чѣмъ больного. Теперь ей искренне стало жаль мужа, и она такъ же сурово, какъ недавно Гельгу, пожурила себя за свой страхъ передъ нимъ.

Но когда она пришла на маленькую станцію и услышала свистъ приближающаго поѣзда, духъ у нея захватило и въ глазахъ потемнѣло отъ волненія. Поѣздъ остановился. Въ окнѣ купе перваго класса показалось круглое безбородое красное лицо. Фрау Дорритъ тотчасъ же догадалась, что это служитель, присланный съ ея мужемъ изъ лечебницы,—хотя тамъ къ Августу было приставлено для ухода другое лицо. Она приблизилась къ вагону, служитель отворилъ дверь, подошелъ и кондукторъ. Оба они вывели изъ вагона толстого, неповоротливаго человѣка. Служитель тихо предложилъ ему идти впередъ, и тотъ опираясь на его руку, дѣйствительно двинулся въ путь, что сначала всякому показалось бы невозможнымъ для этой тучной фигуры. О багажѣ позаботилась сама фрау Дорритъ.

Прибывшій, повидимому, не замѣчалъ ея и она не знала, нужно ли ей обратить на себя его вниманіе. Черезъ минуту они уже сидѣли въ экипажѣ и ѣхали къ виллѣ, гдѣ ждала ихъ Гельга.

Фрау Дорритъ не могла удержаться, чтобы не прикоснуться къ бѣлой пухлой рукѣ, вяло опущенной на колѣни безформенной фигуры мужа, и не сказать ему сердечнымъ тономъ:—Ты хорошо сдѣлалъ, что вздумалъ пріѣхать къ намъ.

Онъ взглянулъ на нее, нахмуривъ лобъ, и пробормоталъ:

— Почему же мнѣ не пріѣхать къ вамъ? Вѣдь я здоровъ теперь, совершенно здоровъ, понимаешь?

— Ну, конечно, вы совершенно здоровы, господинъ Дорритъ,—воскликнулъ его спутникъ неестественно громкимъ и веселымъ голосомъ.—Я тоже хотѣлъ это сказать. Теперь мы каждый день будемъ гулять по горамъ! Вотъ увидите, вы научитесь еще бѣгать, какъ мальчишка!

Дорритъ разсердился.

— Гулять! Вѣчно вы надоѣдаете мнѣ своими глупыми прогулками! У меня слишкомъ много дѣла.

— Да, да, — воскликнулъ снова служитель съ громкимъ смѣхомъ, надо вѣдь позаботится о коллекціи. Фрау Дорритъ, вы увидите, какая у насъ коллекція! Прекрасная, скажу я вамъ!

Услышавъ ея имя, Дорритъ пристально посмотрѣлъ на жену, но тотчасъ же впалъ въ тихую задумчивость.

Фрау Дорритъ выздоровленіе ея мужа представлялось нѣсколько иначе. Она воображала его чѣмъ-то въ родѣ освобожденія плѣнника, получившаго волю. Ее удивило и почти потрясло равнодушіе, съ какимъ Дорритъ отнесся ко всему происшедшему, и его безучастное отношеніе къ новой обстановкѣ. И все-таки она почувствовала нѣкоторое облегченіе, когда ей стало ясно, что этотъ человѣкъ не можетъ уже

предъявлять къ ней никакихъ требованій.

Въ своей комнатѣ онъ тщательно осмотрѣлъ свой письменный столъ, порадовался, что въ немъ много ящиковъ, и съ удовольствіемъ отперъ и заперъ ихъ всѣ. Потомъ онъ положилъ ключъ въ карманъ и сказалъ служителю: Коллекція помѣстится здѣсь, Шульцъ. Какъ вы думаете, проченъ замокъ? Можно бы еще замкнуть цѣпью.

— Понятно!—Воскликнулъ служитель.—Я схожу къ слесарю и принесу вамъ цѣпь.

Дорритъ сѣлъ въ кресло у окна, вынулъ изъ кармана жилета нѣсколько марокъ и началъ внимательно ихъ осматривать и ощупывать.

Фрау Дорритъ въ нерѣшительности стояла у стола. Она велѣла Гельгѣ оставаться въ своей комнатѣ до тѣхъ поръ, пока ея не позовутъ. Позвать ее теперь или нѣтъ? И остаться-ли ей самой здѣсь или уйти? Обычная ея здоровая энергія внезапно совсѣмъ покинула ее, и она со страхомъ чувствовала, какъ зарождается въ ней незнакомая ей до сихъ поръ неувѣренность.

Къ ней подошелъ Шульцъ и съ дружескимъ видомъ шепнулъ ей:

— Онъ усталъ и скоро заснетъ. Не огорчайтесь только—онъ никогда не говоритъ много. Все хотѣлъ домой. Конечно, толку отъ него мало. Но сердце у него доброе... ахъ, нѣтъ, онъ не таковъ, какъ многіе другіе!

Фрау Дорритъ смѣрила его высокомѣрнымъ взглядомъ. Не вздумалъ-ли онъ утѣшать ее?

— Ужинъ барину подадутъ сюда! — холодно сказала она, выходя изъ комнаты.

Гельгу она нашла въ страхѣ. Дѣвочка притаившись сидѣла на скамеечкѣ, упершись локтями на колѣни и опустивъ голову на руки; когда мать вошла въ комнату, она съ крикомъ вскочила съ мѣста и съ ужасомъ посмотрѣла на нее, потомъ обвила руками ея шею, страстно прижалась къ ней и едва слышно прошептала:

— Мама, правда-ли, что я тоже... могу заболѣть, какъ отецъ? И должна буду жить въ сумасшедшемъ домѣ?

— Богъ съ тобой, дитя мое! Кто тебѣ это сказалъ?

— Анна говоритъ, что у меня въ головѣ и теперь уже не все въ порядкѣ и что это неудивительно, такъ какъ болѣзнь наслѣдственна.

Съ рыданіемъ вырвалось это признаніе изъ бѣднаго испуганнаго сердечка.

— Гельга, какъ ты можешь хоть на одно мгновеніе останавливаться мыслью на всякихъ глупостяхъ, о которыхъ болтаютъ слуги!

— Но, мама... Mademoiselle тоже разсказывала разъ объ одномъ семействѣ, въ которомъ... въ которомъ...

— Гельга, ты любишь меня?—изъ глубины сердца вырвался у матери этотъ вопль. Гельга посмотрѣла на нее изумленными глазами.

— Такъ докажи мнѣ теперь свою любовь. Не затрудняй намъ обѣимъ исполненія серьезной обязанности безполезными выдумками. Овладѣй собою и помоги мнѣ!

— Мама, какъ же я могу помочь тебѣ? — съ раскаяніемъ спросила Гельга тихимъ и робкимъ голосомъ.

— Ты знаешь это, Гельга.

Гельга прижалась влажной отъ слезъ щекой къ рукѣ матери. Обѣ долго стояли молча. Горе отхлынуло отъ сердца молодой дѣвушки и душа ея, осѣненная крыльями материнской любви, успокоилась; подъ ея защитой Гельга чувствовала себя недоступной для страха. А фрау Дорритъ прислушивалась къ шагамъ призрака, котораго она до сихъ поръ умѣла держать вдали отъ дома, но который теперь нашелъ туда доступъ, который будетъ съ ними жить, спать и держать ихъ въ вѣчномъ страхѣ... Но лицо ея не выдавало ея печальныхъ мыслей. Ея темные глаза ласково улыбались доче-

ри. Когда вечеромъ она заставила Гельгу читать себѣ вслухъ, можно было подумать, что само счастье живетъ въ ея уютной комнаткѣ, куда черезъ открытую дверь веранды доносилось благоуханіе бузины и цвѣтущихъ яблонь.

Гельга спросила, не желаетъ-ли отецъ видѣть ее, и мать утѣшила ее, увѣривъ, что утромъ онъ навѣрное захочетъ видѣть ее. На самомъ же дѣлѣ она не знала, сохранилось-ли у мужа воспоминаніе о ихъ ребенкѣ. Каждый годъ она посылала ему фотографическій портретъ Гельги, и врачъ сообщалъ ей, что Дорритъ съ видимымъ удовольствіемъ показываетъ его своимъ сотоварищамъ по лечебницѣ.

Когда на слѣдующій день Гельга вернулась домой съ уроковъ, которые давалъ ей одинъ бывшій учитель гимназіи, она увидѣла, что мать медленно прогуливается по широкой аллеѣ сада съ высокимъ толстымъ господиномъ, и робко остановилась въ отдаленіи, пока фрау Дорритъ не позвала ее.

— Августъ, вотъ наша Гельга!— сказала она.

— Хорошо, хорошо, очень радъ!— пробормоталъ Дорритъ, вѣжливо снимая шляпу, и прибавилъ.—Здравствуйте, фрейлейнъ Гельга! Какъ поживаете?

Фрау Дорритъ увидѣла, какъ кровь прилила къ юному личику и тотчасъ же отхлынула, какъ задрожали вѣки надъ опущенными глазами, которые не рѣшались посмотрѣть прямо передъ собою. Она чувствовала такое же сильное волненіе, какъ и дочь, въ первый разъ стоявшая лицомъ къ лицу съ отцомъ, котораго давно считала умершимъ, на котораго смотрѣла со страхомъ и тайной жаждой чудеснаго, жившей въ молодой душѣ, захваченной приливомъ непонятныхъ ей чувствъ... И въ отвѣтъ на все холодныя слова: „Здравствуйте, фрейлейнъ Гельга! Какъ поживаете?“

— Принеси отцу стулъ поудобнѣе!—спокойно сказала мать. — Мы немного посидимъ здѣсь. Не правда-ли, здѣсь такой прекрасный, широкій видъ на долину?

Онъ утвердительно кивнулъ головой и разсѣянно повторилъ нѣсколько разъ:

— Очень красивый, очень, очень красивый!

Когда Гельга принесла стулъ и шелковую подушку, которую заложила отцу за спину, на его блѣдномъ пухломъ лицѣ мелькнула улыбка. Обернувшись къ фрау Дорритъ, онъ замѣтилъ:

— Очень милое дитя, очень милое!

Фрау Дорритъ странно и умилительно было видѣть, какъ Гельга старалась маленькими услугами и внимательнымъ отношеніемъ къ отцу вызвать на его лицѣ эту слабую улыбку и заслужить одобрительныя слова: „очень милое дитя, очень милое“!

Гордая маленькая Гельга, губы которой прежде постоянно принимали презрительное выраженіе, теперь, казалось, не знала ни презрѣнія, ни отвращенія. Она повязывала безпомощному отцу салфетку, рѣзала ему мясо, шутливымъ материнскимъ тономъ бранила его, когда онъ проливалъ супъ, и обходилась съ нимъ ласково и спокойно, какъ съ ребенкомъ, требующимъ осторожнаго обращенія. Фрау Дорритъ никогда не позволила бы себѣ такого обращенія съ мужемъ изъ боязни оскорбить въ немъ, можетъ быть, не совсѣмъ исчезнувшее чувство собственнаго достоинства. Но Гельга, повидимому, нашла вѣрный тонъ. Сначала отецъ называлъ молодую дѣвушку „вы“, но она ласково запретила ему это, и онъ сталъ говорить ей „ты“. Когда онъ съ недовольнымъ видомъ сидѣлъ на верандѣ. пока она была на урокѣ, видно было, что онъ ее ждетъ. Когда она, помогая ему составить коллекцію, приносила ему безчисленное количество марокъ, которыя письменно

выпрашивала у подругъ, онъ давалъ ей обстоятельныя наставленія, что съ ними дѣлать. Она должна была наклеивать ихъ въ пожелтѣвшія старыя тетради, которыхъ у него были цѣлыя кипы, то четырехугольными фигурами, то звѣздами, то въ видѣ ломанной линіи—какъ нравилось его капризной фантазіи. Тогда лицо его принимало довольное выраженіе, и если Гельга особенно удачно наклеивала марки, онъ обѣщалъ довѣрить ей скрытую въ коллекціи тайну и разъяснить чудесный смыслъ, заключавшійся въ ней. Шульцу онъ съ большой неохотой позволялъ прикасаться къ своему сокровищу и только къ Гельгѣ не питалъ недовѣрія. Къ женѣ онъ относился сдержанно, съ холодной, безсознательной вѣжливостью, къ которой пріучило его долголѣтнее пребываніе въ лечебномъ заведеніи.

Фрау Дорритъ иногда съ грустью спрашивала себя, не сохранилось-ли въ изсохшемъ мозгу, въ потухшихъ чувствахъ, въ какихъ-нибудь таинственныхъ глубинахъ души ея мужа нѣчто въ родѣ инстинкта, благодаря которому онъ могъ догадаться, что лишь съ большимъ трудомъ она преодолѣвала отвращеніе, почти ненависть, которую онъ внушалъ ей, хотя по обращенію его незамѣтно было, что этотъ инстинктъ въ немъ существуетъ.

Въ послѣднее время въ ней пробудилась зависть къ той нѣжной заботливости, которую Гельга расточала отцу. Прежде душа молодой дѣвушки раскрывалась передъ взорами матери, какъ чашечка распустившагося цвѣтка, и фрау Дорритъ съ восхищеніемъ любовалась ея нѣжными, прелестными изгибами.

Теперь между ними стало что-то чуждое. Мать не знала, какія мысли и чувства будило въ Гельгѣ общеніе съ больнымъ отцомъ. На нѣжномъ личикѣ дѣвочки появилось серьезное и зрѣлое выраженіе, показывавшее, что подъ дѣтской веселостью, съ какой она обращалась съ отцомъ, скрывалось многое, что волновало ея юную душу. Казалось, что робость удерживаетъ ее отъ разговоровъ объ отцѣ, что она чувствуетъ на себѣ невидимыя узы, которыя тѣснѣе соединяютъ ее съ отцомъ, чѣмъ съ матерью, и считаетъ своей обязанностью скрывать свои слабости и странности даже отъ матери.

Можетъ быть, никогда за всю свою тяжелую жизнь фрау Дорритъ не чувствовала себя такой безпомощной и одинокой, какъ въ эти недѣли, когда ее лишили привычныхъ занятій съ ея питомицами, когда заботы о насущномъ хлѣбѣ не давали ей спать, когда она видѣла, что въ дочери происходитъ какая-то скрытая отъ нея перемѣна, мучившая ее вдвойнѣ своей загадочностью. Разсудокъ указывалъ ей, что все, сверхъ ожиданія, идетъ хорошо. Ея опасенія, что нервы Гельги не вынесутъ присутствія безчувственнаго идіота, оказались неосновательными. Гельга представляла для несчастнаго даже лучшее общество, чѣмъ она сама. Гельга все время оставалась спокойной, и если ея глаза принимали иногда серьезное и печальное выраженіе, то никто не могъ этому удивляться. Другія чувства были бы для нея неестественны.

И все-таки... все-таки въ душѣ фрау Дорритъ, въ самомъ сокровенномъ уголкѣ ея гнѣздился таинственный страхъ, который она сама не могла бы опредѣлить, страхъ передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ, чему не было имени. Какъ часто, когда постигаетъ насъ какое-нибудь большое несчастье, вспоминаемъ мы, что предчувствіе его было въ насъ раньше, чѣмъ трезвый разсудокъ могъ опредѣлить, съ какой стороны оно явилось. Мы узнаемъ о немъ безсознательно. Благодаря тончайшимъ чувствительнымъ нитямъ на-

шей души, мы открываемъ опасность тамъ, гдѣ она еще остается скрытой для нашего сознанія.

* * *

— Мама!—сказала разъ Гельга,—я думаю, что отецъ не такъ безучастенъ ко всему, какъ мы думаемъ. И, кажется, онъ очень любитъ меня. Посмотрѣла бы ты, какъ ласково взглянулъ онъ на меня вчера, когда я принесла въ его комнату букетъ розъ. Прежде онъ думалъ только о своихъ маркахъ, а теперь его уже интересуютъ розы. Онъ долго смотрѣлъ на нихъ, игралъ ими и... ласково погладилъ меня по рукѣ,—тихо сказала она въ глубокомъ волненіи.—Можетъ быть, со временемъ онъ еще болѣе укрѣпится и будетъ совсѣмъ здоровымъ... Ахъ, мама, я все думаю, какое ужасное учрежденіе эта лечебница... Часто мнѣ приходитъ мысль, что еслибъ отецъ былъ съ нами...

— Милое дитя,—прервала ее фрау Дорритъ,—все это такія вещи, которыхъ ты не понимаешь. Не забывай, что отецъ въ то время былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что его нельзя было держать дома: онъ могъ причинить вредъ или себѣ или другимъ.

Гельга широко раскрыла глаза и замолчала, смотря въ сторону. Потомъ вдругъ обняла мать и прижалась головой къ ея плечу. Фрау Дорритъ чувствовала, что по тѣлу ея пробѣгаетъ нервная дрожь. Наконецъ, она прошептала на ухо матери:

— Мамочка, милая, дорогая мамочка... если я когда-нибудь... Ахъ, не отсылай меня туда... туда, гдѣ былъ отецъ! Ахъ, мама, лучше убей меня тогда... Я такъ боюсь! — воскликнула она вдругъ, умоляюще сложивъ руки. По блѣдному лицу ея катились слезы.—Обѣщай, что ты меня оставишь у себя!

— Дитя, дитя, вѣдь ты же здорова! — съ трудомъ проговорила фрау Дорритъ.—Зачѣмъ мучаешь ты меня? И что ты знаешь о томъ заведеніи, гдѣ жилъ отецъ? Это прекрасное, пріятное мѣсто...

— Да, да!—крикнула дѣвочка внѣ себя.—Такъ говоришь мнѣ ты! Но я знаю, что это невѣрно. О—то, что я узнала, такъ ужасно!

— Гельга, неужели отецъ тебѣ?..—испуганно спросила фрау Дорритъ.

— Отецъ? Ахъ, нѣтъ, не онъ... Шульцъ... Шульцъ много разсказывалъ мнѣ, какъ строго обходятся тамъ съ больными и какъ наказываютъ самыхъ несчастныхъ изъ нихъ, когда они непослушны, а... а многіе совсѣмъ не больны... ихъ помѣстили туда такъ, знаешь ли... изъ мести!

— Гельга, какъ можешь ты выслушивать такія глупыя росказни! Я, право, думала, что въ тебѣ больше благоразумія и достоинства. На будущее время я запрещаю тебѣ подобные разговоры съ прислугой, понимаешь?

Фрау Дорритъ говорила съ непривычной запальчивостью и рѣзкостью; голосъ ея дрожалъ отъ волненія. Пристыженная Гельга молчала. Но, выходя изъ комнаты, она бросила на мать такой холодный и недовѣрчивый взглядъ, какого та никогда до сихъ поръ не видѣла въ кроткихъ глазахъ дѣвочки.

Шульцъ получилъ строгій выговоръ. Онъ сначала отпирался, но когда, несмотря на это, фрау Дорритъ стала упрекать его въ томъ, что онъ отравляетъ воображеніе молодой дѣвушки, онъ злобно отвѣтилъ:

— Что же дѣлать, если барышня такъ любопытна, что отъ ея вопросовъ не знаешь, куда дѣваться? Она разспрашиваетъ о томъ, отъ чего даже нашъ братъ можетъ покраснѣть, ей хочется все знать!

Фрау Дорритъ бросила на него такой презрительный взглядъ, такъ энергично крикнула ему: „Замолчите, безсовѣстный человѣкъ!“ что онъ предпочелъ удалиться, про-

ворчавъ что-то недовольнымъ тономъ.

Онъ лгалъ... лгалъ несомнѣнно... но — фрау Дорритъ знала, что съ дѣвушками въ возрастѣ Гельги приходишь иногда къ удивительнымъ открытіямъ, и потому со страхомъ спрашивала себя: какъ далеко зашелъ въ своихъ разоблаченіяхъ Шульцъ? Много ли вреда нанесли Гельгѣ его открытія? Какъ все это случилось, когда за Гельгой былъ постоянный надзоръ? Когда мать была постоянно дома и вмѣстѣ съ нею? Правда, были прогулки въ саду, во время которыхъ Гельга заботливо водила отца, а Шульцъ ходилъ рядомъ... было время, когда Гельга наклеивала марки на верандѣ, а она, мать, была занята въ кухнѣ... Въ слѣдующіе дни фрау Дорритъ все время держала Гельгу при себѣ, не спуская съ нея глазъ. Но каково было ея изумленіе, когда однажды утромъ, работая съ Гельгой въ кухнѣ, она услышала въ коридорѣ тяжелые шаги и увидѣла передъ собою мужа: съ трудомъ спустился онъ по лѣстницѣ, чтобы отыскать Гельгу, и теперь стоялъ передъ ними съ торжествующей дѣтской улыбкой и радостно звалъ Гельгу: „Пойдемъ гулять"! Можно ли было позволить Гельгѣ итти съ нимъ? Когда отецъ и дочь поднялись по лѣстницѣ, фрау Дорритъ вдругъ охватило странное смѣшанное чувство состраданія, страха и дикой, безумной ненависти и, сжимая кулаки, она мысленно повторяла: „Еслибъ онъ умеръ, умеръ! Онъ отнимаетъ у меня послѣднее! Еслибъ я могла убить его"!

И женщина, вся жизнь которой была самоотреченіе и любовь, стояла у своего очага и обдумывала, какъ можно незамѣтно и вѣрно потушить остатки жизни въ своемъ жалкомъ мужѣ... Неужели это было бы преступленіемъ? Неужели это назвали бы убійствомъ? Неужели сами судьи не оправдали бы обезумѣвшей отъ страха матери? О, законъ...—законъ, — она знала, — безчеловѣченъ!

Такіе планы обдумываются, но не приводятся въ исполненіе,—мелькнула у нея успокоительная и въ то же время мучительная мысль, потому что у нея не хватило мужества освободить себя и ребенка...

Въ это время фрау Дорритъ получила письмо, написанное знакомымъ почеркомъ, котораго она не видѣла цѣлые годы. Голова у нея закружилась, и она положила письмо на столъ, влажными отъ слезъ глазами смотря въ пространство. Потомъ выбранила себя за чрезмѣрную нервную раздражительность, открыла письмо и прочитала его. Рудольфъ Ратгенъ писалъ ей, что онъ путешествуетъ съ женой и дѣтьми и, проѣзжая черезъ городъ, охотно остановится на день, чтобы повидаться со старой знакомой. Жена его заранѣе радуется знакомству съ фрау Дорритъ и будетъ счастлива представить ей своихъ сыновей. Фрау Дорритъ горько улыбнулась и написала, что, разумѣется, съ величайшей радостью ожидаетъ свиданія.

* * *

Всѣ сидѣли въ бесѣдкѣ, вокругъ которой „Маршалъ Ніель" распространяли сильный запахъ своихъ желтыхъ цвѣтовъ. Фрау Дорритъ угощала крѣпышей - мальчугановъ шоколадомъ и пирожнымъ. Говорили о томъ, что дѣти Ратгена похожи на мать не губами, а глазами и походкой. Она соглашалась съ этимъ сама, но ей было больно, что Рудольфъ съ спокойнымъ и довольнымъ видомъ возвращается къ этой темѣ.

Потомъ мальчики бѣгали между цвѣточными грядками и дерновыми лужайками за бабочками. Гельгѣ предложили поиграть съ дѣтьми, но она отказалась, прошептавъ:

— Мама, дай мнѣ посидѣть, я устала.

И дѣйствительно, она имѣла уста-

лый видъ. Фрау Дорритъ замѣтила также, что Ратгенъ съ участіемъ посмотрѣлъ на серьезное худенькое личико съ печальными глазами и погрузился въ задумчивость.

Потомъ заговорили о томъ, чего избѣгали касаться при дѣтяхъ—о присутствіи въ домѣ Доррита. Фрау Дорритъ разсказала о любви Гельги къ отцу, и Ратгенъ замѣтилъ, что она, вѣроятно, испытываетъ пріятное чувство, услаждая ему его старость. Онъ прибавилъ еще нѣсколько словъ о чудесномъ выздоровленіи Доррита и о его трогательномъ желаніи быть въ семьѣ, любовь къ которой, какъ видно, сохранилась неприкосновенной въ глубинѣ его души.

Гельга сидѣла все время съ серьезнымъ видомъ. Теперь она задумчиво сказала: „Я не хотѣла бы такого выздоровленія. Лучше умереть. Гораздо, гораздо лучше“! Она закрыла глаза, голова ея откинулась назадъ, ротъ полуоткрылся. Она походила на молодую мученицу, съ покорностью ожидающую величайшихъ мученій. Ратгену всѣ сказанныя имъ фразы вдругъ показались пошлыми и глупыми.

— Хотѣлось бы мнѣ узнать,—тихимъ и боязливымъ голосомъ сказала Гельга,—какъ это происходитъ, что иногда онъ узнаетъ и, повидимому, любитъ меня, потомъ принимаетъ меня за маму, когда она была молодой и начинаетъ сердито браниться, и или считаетъ меня чужой думаетъ, что я больна и меня привезли лечиться. Вчера вечеромъ онъ привелъ меня въ комнату и сказалъ, что хочетъ показать мнѣ что - то прекрасное. И онъ принесъ всѣ мои портреты, положилъ ихъ на столъ и таинственно и съ гордостью объявилъ мнѣ, что это портреты его дочери, которая очень далеко отсюда. Я сказала ему: папа, вѣдь это все мои портреты, я твоя дочь, я съ тобою. Тогда онъ разсердился и началъ браниться, говоря, что я, глупая, ничего подобнаго не должна воображать о себѣ, что это безстыдство съ моей стороны и что онъ скажетъ доктору, чтобы со мной обращались построже.

За столомъ наступило молчаніе. Всѣ съ опечаленными лицами смотрѣли на цвѣтущій, благоухающій садъ, по которому, какъ быстрыя, спущенныя съ цѣпи гончія, носились мальчики.

Жена Ратгена, чувствовавшая нѣкоторую антипатію къ бывшей возлюбленной своего мужа, подумала: „Какъ все это ужасно непріятно. Лучше не пріѣзжали бы мы сюда“.

Мужъ ея соображалъ: дѣвочку надо увезти отсюда... непремѣнно... я долженъ поговорить объ этомъ съ ея матерью... Это слишкомъ нѣжное растеніе..

А мысли фрау Дорритъ съ утомительнымъ постоянствомъ вертѣлись въ узкомъ заколдованномъ кругу: „морфій единственное средство“, думала она... „Онъ не причинитъ никакихъ страданій... только какъ добыть его, не возбуждая подозрѣній... надо ѣхать, ѣхать далеко, чтобы получить его. Но если захочешь, можно найти способъ. Отчего же не хочу я этого такъ, какъ нужно—всѣми силами души? Зачѣмъ во мнѣ эта трусость“?

Гельга тихо поднялась и пошла на веранду къ отцу. Оставшіеся смотрѣли ей вслѣдъ. Фрау Ратгенъ, замѣтивъ, что мальчики побѣжали за Гельгой, вскочила вдругъ съ испуганнымъ крикомъ и поспѣшно направилась къ нимъ. На нее напала боязнь, что больной можетъ причинить какой-нибудь вредъ дѣтямъ, и она рѣшила не отпускать ихъ отъ себя. „Гельга мнѣ не нравится“, началъ Рудольфъ Ратгенъ, оставшись наединѣ съ фрау Дорритъ. „Можно быть серьезной, но безъ этой безнадежной грусти, которую я замѣчаю въ ея глазахъ“.

Фрау Дорритъ вздохнула. „Что же мнѣ дѣлать? Я часто удивляюсь терпѣнію, съ какимъ она услуживаетъ Августу и угадываетъ его же-

ланія и жалкія обрывки мыслей. Откуда у нея эта душевная сила?

— Сила?—съ сомнѣніемъ сказалъ Ратгенъ. -- Хорошо если это такъ. Боюсь, что тутъ нѣчто другое.

Фрау Дорритъ стиснула его руку, вцѣпившись въ нее со страхомъ утопающаго.

— Ратгенъ... не говорите этого. Это не должно случиться... Это было бы слишкомъ... слишкомъ жестоко.— И она разразилась неудержимыми рыданіями.

— Дорогой другъ, вы сами чрезмѣрно возбуждены, — сказалъ Ратгенъ.—Отдайте намъ Гельгу на время. Уходъ за ней у насъ будетъ хорошій. Черезъ недѣлю мы возвратимся изъ Гейдельберга домой и захватимъ ее съ собой. Что значитъ одинъ годъ разлуки? А здѣсь между тѣмъ трагедія придетъ къ концу. Онъ взялъ за руку плачущую женщину.

— Луиза, я былъ у больного, наблюдалъ за нимъ и мнѣ кажется, что упадокъ силъ у него сдѣлалъ большіе шаги впередъ. Мужайтесь, дорогой другъ! У васъ съ Гельгой долгая жизни впереди. Надо только не допускать эту милую дѣвочку создавать себѣ въ воображеніи трагическую судьбу.

Ратгенъ позвалъ жену и въ подробностяхъ обсудилъ съ ней свой планъ. Между тѣмъ пришла и Гельга, и Марія Ратгенъ сообщила ей, что было рѣшено относительно ея въ ближайшемъ будущемъ.

Лицо Гельги приняло рѣшительное, почти упрямое выраженіе.

— Я останусь здѣсь,—съ твердостью заявила она. — Теперь я не оставлю своихъ родителей.

Ратгенъ улыбнулся и похлопалъ ее по плечу.

— Милое дитя, ваши сомнѣнія очень понятны, но я думаю, что вы согласитесь съ мнѣніемъ вашей матери!—Гельга молча покачала головой. Ее оставили въ покоѣ, считая рѣшеннымъ, что Ратгены черезъ недѣлю возьмутъ ее съ собою.

Фрау Дорритъ принялась за необходимыя приготовленія къ ея отъѣзду, хотя дѣвочка горячо умоляла не отсылать ее изъ дома.

— Видишь ли, мама, — воскликнула она, рыдая,—я знаю, что отецъ почувствуетъ мое отсутствіе. Меня пугаетъ мысль, что онъ останется здѣсь одинъ съ этимъ Шульцемъ.

— Дитя, вѣдь я уже буду здѣсь.

— Ты... да...—съ сомнѣніемъ сказала Гельга.—Ты... Ахъ, мамочка, не сердись на меня, но я вижу, что тебѣ стоитъ большихъ усилій— быть съ отцомъ.

— Дитя, тебѣ вѣдь это тоже стоило нѣкотораго усилія?

Гельга задумчиво смотрѣла передъ собою, опустивъ глаза.—Сначала—да. Но я все думаю, что если я буду добра къ отцу, Господь, можетъ быть, умилосердится надо мною.

— Гельга, если тебѣ приходятъ такія болѣзненно-напряженныя мысли, то для тебя необходимо пожить въ другой обстановкѣ.

— Ты думаешь, мама?— кротко спросила дѣвочка. Тонъ, какимъ она сказала эти слова, тронулъ сердце матери гораздо больше, чѣмъ всѣ ея слезы.

Фрау Дорритъ слышала по ночамъ, что Гельга не спитъ и часто вздыхаетъ, и съ нетерпѣніемъ ждала дня ея отъѣзда, хотя ей тяжело было согласиться съ планомъ, придуманнымъ Ратгеномъ.

Она отвѣчала на скрытую антипатію къ ней г-жи Ратгенъ такимъ же искреннимъ чувствомъ, и втайнѣ была согласна съ Гельгой, которая однажды сказала ей: „Повѣрь мнѣ, мама, фрау Ратгенъ будетъ очень недовольна, если я къ нимъ пріѣду. Я знаю, что она возненавидитъ меня. Я это чувствую и вижу по ея глазамъ. Мама, мама, развѣ ты меня уже не любишь больше, что оставляешь теперь меня одну?

Она заломила руки и, бросившись передъ матерью на колѣни,

прижалась къ ней головой и обвила ее руками. Фрау Дорритъ стала успокаивать ее, сама уже начиная колебаться въ принятомъ рѣшеніи.

Въ концѣ концовъ, кто, кромѣ матери, можетъ быть лучшей поддержкой для дѣвочки, которая борется съ нахлынувшимъ на нее унынiемъ?

Но когда черезъ день послѣ того получилась отъ Ратгена телеграмма, въ которой онъ просилъ, чтобы Гельга была готова къ отъѣзду, такъ какъ онъ заѣдетъ за ней на слѣдующее утро, фрау Дорритъ велѣла принести дорожные сундуки и принялась укладывать вещи Гельги. Гельга смотрѣла на нее молча, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Мама, ты серьезно хочешь отослать меня?—спросила она, наконецъ, тихимъ голосомъ.

— Да, дитя мое,—отвѣтила фрау Дорритъ нѣсколько сурово и рѣзко, потомучто не хотѣла поддаваться слабости.—Твое чрезмѣрное болѣзненное возбужденiе показываетъ, что отъѣздъ для тебя необходимъ.

Гельга быстро вышла изъ комнаты, а фрау Дорритъ продолжала свое занятiе, потомъ пошла къ больному, у котораго надѣялась найти дѣвочку.

Былъ прекрасный теплый лѣтнiй вечеръ. Все сверкало вокругъ, облитое золотистымъ свѣтомъ заходящаго солнца, который потоками струился съ голубого неба, усѣяннаго кое-гдѣ снѣжно-бѣлыми круглыми облаками. — Фрау Дорритъ встрѣтила Шульца, который убиралъ на ночь комнату больного и сказалъ ей, что оставилъ барина часъ тому назадъ въ саду, гдѣ онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Фрейлейнъ Гельги съ нимъ не было. Баринъ, повидимому, спитъ. Это съ нимъ случалось часто: иногда онъ дремалъ по цѣлымъ часамъ. Фрау Дорритъ взяла одѣяло, чтобы прикрыть больному ноги, и вышла.

Дорритъ сидѣлъ подъ яблоней, вѣтки которой гнулись подъ тяжестью спѣющихъ плодовъ; между листьями играло солнце свѣтлыми искрами. Въ воздухѣ стояло жужжанье пчелъ и шмелей, слышался трескъ кузнечиковъ въ высокой травѣ.

Фрау Дорритъ подошла поближе. Голова больного наклонилась и безпомощно свѣсилась на бокъ.

Она подняла ее, чтобы подложить мужу подушку за спину и остановилась, задрожавъ.., руки у нея опустились... Она посмотрѣла на блѣдное лицо съ закрытыми впалыми глазами,—лицо мертвеца... У нея захватило дыханіе.

Настало, наконецъ, освобожденіе... освобожденіе... Она подняла стиснутыя руки и прижала ихъ ко лбу. Богъ все-таки умилосердился надъ нею! Робкимъ осторожнымъ движеніемъ она подняла голову мужа и положила ее на подушку. Присутствіе чужого было бы ей теперь невыносимо...

Лицо мертвеца подъ отягченнымъ плодами деревомъ дышало умиротвореніемъ, проникавшимъ и ей въ душу. Слезы хлынули у нея изъ глазъ, и все ея существо наполнилось чувствомъ святой благодарности судьбѣ, которая избавила ее отъ необходимости добиваться свободы путемъ преступленія.

Наконецъ, она пошла и позвала Шульца. Надо было позвать когонибудь на помощь, чтобы перенести въ домъ тяжелый трупъ и послать за врачемъ. Когда все это было сдѣлано, и покойникъ положенъ на постель, фрау Дорритъ стала искать дочь. Она была довольна, что Гельга увидитъ отца только теперь, когда онъ мирно покоился на смертномъ ложѣ. Гельги въ ея комнатѣ не оказалось, и въ домѣ ея не нашли. Фрау Дорритъ немного удивило, что дѣвочка ушла, не сказавшись ей. Вѣроятно, она хотѣла купить что-нибудь для предстоявшей поѣздки. Тутъ фрау Дорритъ вспомнила, что теперь ей уже

не нужно разставаться съ Гельгой. Она глубоко вздохнула; ей казалось теперь, что никогда уже не придется ей безпокоиться о дочери...

Въ это время ее снова позвалъ врачъ.

Когда она проводила его, было уже темно; она остановилась у дверей, поджидая Гельгу, и увидѣла, что врачъ опять возвращается къ ней съ сосѣдкой, которая только что говорила съ нимъ. И вдругъ она похолодѣла и задрожала отъ ужаса.

Сосѣдка разсказала ей, что встрѣтила Гельгу въ лѣсу; дѣвочка плакала и говорила съ собою.

— Слѣдовало бы поискать еще молодую дѣвушку!—сказалъ врачъ.

— Она хорошо знаетъ дорогу, съ ней ничего не можетъ случиться!—пробормотала мать.—Но все-таки лучше, если я пойду ей навстрѣчу.

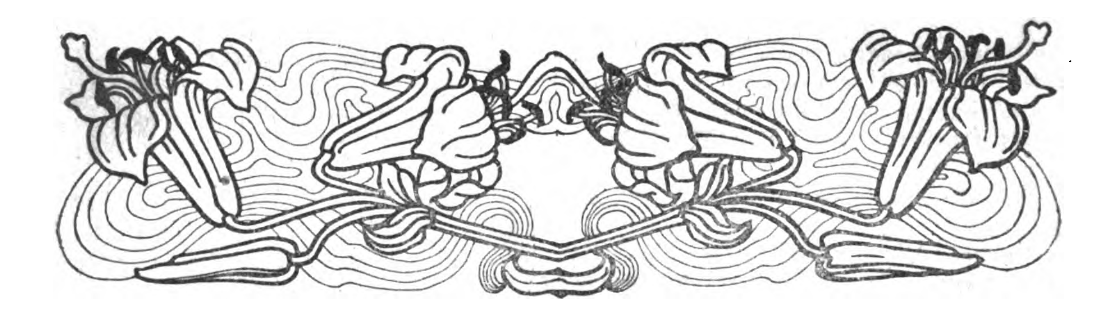
— Я пойду съ вами!—сказалъ врачъ.

На слѣдующее утро, когда солнце величественно всходило надъ сверкающимъ росой зеленымъ лѣтнимъ пейзажемъ, толпа мужчинъ принесла трупъ Гельги въ домъ ея матери. Ее нашли въ пруду, который былъ въ лѣсу на горахъ.

Вѣроятно, она въ темнотѣ потеряла дорогу и упала въ прудъ, предполагали люди.

Но фрау Дорритъ знала лучше, какъ это случилось. Еще ночью она приказала осмотрѣть прудъ...

Прибалтійскія письма.

I.

Въ Ригѣ и на дорогѣ. — Разговоры съ людьми серединки. — Перевертывающійся консерваторъ. — Все благополучно. — Словечко о крестьянскомъ движеніи.— Кабальная запись Карла Страумита.—Краткій комментарій къ контракту.—Стадія петицій.—Прошеніе господину барону.—Какъ крестьянскія петиціи пробираются въ Петербургъ.—Конфликтъ.—Соціалисты.—О, если бы зашли!—Пропаганда.—Прогрессивная партія.—Мещерскій и Шараповъ латышской журналистики.—Партія высокороднаго Рейнеке-Лиса.—Черная сотня и ея средства.—Слухи и ихъ цѣль —Русское общество.

Рига производитъ впечатлѣніе завоеваннаго города. По улицамъ разъѣзжаютъ патрули. Частенько попадаются навстрѣчу сборные отряды—пѣхота и конница, — конвоирующіе здѣшнихъ „бунтовщиковъ". По Суворовской улицѣ два десятка солдатъ и городовыхъ вели четверыхъ рабочихъ. Рабочіе улыбаются и разговариваютъ. Солдаты жмутся кучей. Публика толпится на тротуарахъ и провожаетъ шествіе не особенно дружелюбнымъ взглядомъ.

На улицѣ, около вагоностроительнаго завода, съ утра до вечера виднѣются группы забастовщиковъ. Массой собираться нельзя, такъ они стоятъ пятками или десятками, на разстояніи шаговъ двадцати кучка отъ кучки. Слышенъ горячій нервный говоръ. У воротъ завода и по угламъ полиція. Казаки разъѣзжаютъ взадъ и впередъ.

Я попалъ въ компанію лицъ средняго положенія и среднихъ взглядовъ. Были тутъ и служащіе желѣзныхъ дорогъ, и люди „сами по себѣ". Разговоръ съ мѣста въ карьеръ начался на обычную здѣсь тему.

— Жаль, что вы вчера не пріѣхали. Горѣлъ заводъ Вольфшмидта. Чудная картина была!

Пожалѣлъ и я, что не видалъ пожара. Спросилъ:

— Какъ вы думаете, — случайность это, или иное что?

— Какая случайность! — улыбаются собесѣдники. — Наши случайности извѣстны. Подожгли, и все тутъ. Иначе быть не можетъ.

— А балтійскіе все держатся. Уже три недѣли. Новыхъ рабочихъ не пропускаютъ, дерутся.

— Не понимаю,—азартно заявляетъ одинъ изъ разряда „собственниковъ",— и откуда это они деньги берутъ? Работать не хотятъ, а между тѣмъ посмотрите — каждый день пьяны. Я такъ слышалъ, что имъ кто-то платитъ—вожакамъ по 3 цѣлковыхъ въ день, а другимъ поменьше...

— Кто имъ даетъ денегъ? — прерываетъ благообразный старикъ, желѣзнодорожный служака. — Никто не даетъ. У насъ не Англія—рабочихъ кассъ нѣтъ. А о подкупѣ, что слыхали,—такъ это одна не-

справедливость. Продаютъ свои послѣднія крохи — швейныя машины, бѣлье, вещи мелкія. Находятся подлецы—за безцѣнокъ покупаютъ.

— Совсѣмъ нельзя лавочки держать!—заявляетъторговецъ.—Въдень является человѣкъ двадцать безработныхъ; что спросятъ—даешь. Хоть просятъ то скромненько, все больше изъ съѣстного. А все-таки чистое раззоренье. Пробовалъ не давать—окна побили.

— А что, не слыхали, — спрашиваю,—были пробы выписывать рабочихъ изъ другихъ мѣстъ?

— Какъ не быть, были. Ну, да вѣдь у насъ не скоро такую вещь оборудуешь. Ѣхали по Риго-Орловской рабочіе откуда-то изъ внутренней Россіи. Только за три станціи отъ Риги пришлось разсчитать ихъ и отправить обратно. Наши рабочіе прямо заявили, что взорвутъ поѣздъ.

— Какъ хотите,—заговорилъ волнующійся собственникъ,—а я не понимаю, чего ради они бунтуютъ? Что имъ—жить развѣ худо? Слава Богу, здѣсь житье ничего себѣ, гораздо лучше, чѣмъ на многихъ русскихъ заводахъ.

— Вы, понятно, не знаете, въ чемъ дѣло,—возразилъ ему собеседникъ латышъ. Вы недавно живете въ Ригѣ, не пригляделись. Заработки здѣсь выше, чѣмъ во многихъ русскихъ заводахъ. Да что изъ того! Вы оцѣните жизнь. Развѣ здѣсь можно такъ дешево прожить, какъ напримѣръ въ Черниговской или Нижегородской губерніи? Затѣмъ, возьмите то, что здѣшній рабочій несравненно культурнѣе русскаго. У него есть потребности, о которыхъ русскій пока не имѣетъ понятія. Книги и газеты здѣшнему рабочему такъ же нужны, какъ воздухъ и вода. Кстати—у васъ на Руси пей водичку сколько хочешь, а здѣсь и вода денегъ стоитъ. Здѣшній рабочій заботится объ образованіи своихъ дѣтей, а русскій, въ массѣ, пока еще остается доволенъ простою грамотою. Какъ хотите, а это вѣдь разница...

— Да вольно имъ изъ себя пановъ корчить! Жили-бы себѣ потихоньку, выше то носа не прыгали-бы...

— Вы опять не понимаете. Прошло то времечко, когда и у насъ жили тише воды, ниже травы. Теперь всякъ хочетъ по человѣчески жить, а не существованіе влачить. Да. Всякій понялъ, что онъ — человѣкъ, и имѣетъ такое же право на счастье, какъ вы да я...

— Правильно!—подтвердили всѣ. Только собственникъ не сдавался.

— Вы его не слушайте, — обратился онъ ко мнѣ.—Они просто на просто бунтуютъ изъ-за своего латышскаго царства. Короля себѣ выбрали, всѣ границы распредѣлили. Скоро воцарится, посмотрите, какой-нибудь Лабритъ первый...

— Ну, это ужъ ты, братъ, чепуху завелъ!—заговорили возбужденно другіе.

— Да я вѣдь шучу, — сконфуженно заявилъ собственникъ.

— Хорошенько ежели разобрать,—началъ степенный старикъ, — такъ всѣ эти бунты ни кѣмъ инымъ, какъ хозяевами, и вызваны. Вѣрно. Да вотъ вамъ примѣрчикъ. Въ январѣ грузчики Риго - Орловской дороги забастовали и выставили самое плевое требованіе—прибавить по гривеннику въ день. Бунту не было, а солдатъ вызвали. Со штыкомъ къ горлу—откажись. Но не отказались. Дорога повертѣлась—повертѣлась,—ладно, говоритъ, работай, прибавимъ 8 копѣекъ. Стали работать. Ждутъ—пождутъ,—никакой прибавки нѣтъ. Спрашиваютъ—какъ, скоро-ли? Отвѣчаютъ—ничего не будетъ. И вотъ уже въ іюлѣ новая забастовка. Всѣхъ то ихъ человѣкъ двѣсти. Закрыли дворъ. Извощиковъ не пускаютъ. Положимъ, извощики и сами не пошли — не хотятъ обижать своего брата—рабочаго, да и страшновато: не они, такъ другіе за ослушаніе отплотятъ. Поставили казаковъ. Тѣ промежъ рабочихъ бродятъ и, конечно, ничего не дѣлаютъ. Какъ

тутъ усмирять, ежели никто не бунтуетъ? Ну, и сидятъ грузчики... День, другой, третій, недѣлю, наконецъ. Волей-неволей пришлось дорогѣ въ соглашеніе вступать. И вотъ тутъ-то оказалось, что грузчики поумнѣе стали—требованія свои повысили; гривенникъ само собой да еще права разныя потребовали. И дали имъ. Не хотѣли спервоначалу дать 8 коп., а теперь больше дали. А чтобы было вмѣсто солдатъ да штыковъ сразу сказать:—на тебѣ твои 8 копѣекъ и работай съ Богомъ! Нѣтъ, надо обозлить, до отчаянности человѣка довести...

— Это вѣрно! — подтвердилъ латышъ.—Смотришь, смотришь на всю эту комедію и думаешь — не нарочно-ли въ самомъ дѣлѣ господа фабриканты такъ народъ дразнятъ?

— Ну, а какъ себя чувствуютъ здѣсь русскіе рабочіе? — поинтересовался я.

— На заводахъ? Немножко не тае... Знаете — въ нѣкоторыхъ требованіяхъ рабочіе прямо таки просятъ уволить съ фабрикъ русскихъ и поляковъ.

— Это почему!

— Шпиговъ среди нихъ много... Понимаете?

Я не сразу повѣрилъ сообщенію и намекнулъ: – а національная рознь развѣ тутъ ни при чемъ?

— Совсѣмъ ни причемъ. Къ русскому народу здѣсь вражды нѣтъ. Повѣрьте, что это правда!

Наша бесѣда на злободневныя темы затянулась за полночь, и мнѣ пришлось полюбоваться, какъ гости домой уходятъ. Совсѣмъ по рижски. Отъ дверей до угла дома пришлось конвоировать.

— Да неужели здѣсь такъ опасно? удивился я.

— Даже очень. На глазахъ свидѣтелей людей пластаютъ. Грабежи каждую ночь. Въ такую пору лучше и на улицу не выходить.

Сдали гостей извощикамъ и на случай нумера отмѣтили. А закрывая двери имѣли удовольствіе слышать, какъ въ дальнихъ улицахъ что-то ухнуло, а въ ближнихъ кто-то завопилъ: городовой!

Утромъ я выѣхалъ изъ Риги и полюбовался мѣстами, которыя въ недалекомъ грядущемъ будутъ внесены въ исторію современнаго движенія. Мой сосѣдъ по купе указывалъ мнѣ различные пункты съ надлежащимъ толкованіемъ.

— Видите эту громадную трубу? На ея верхушкѣ развѣвался красный флагъ съ надписью... Рабочіе укрѣпили его и сорвали скобки, по которымъ можно было взобраться на трубу. Здѣсь на многихъ заводахъ продѣлывали это. Приходилось кровельщикамъ и трубочистамъ платить по 25 рублей за сниманіе. А на одномъ заводѣ до сихъ поръ виситъ флагъ,—завернулся вокругъ громоотвода такъ, что не снять. Главное — всѣ пути на верхушку разрушены— и внутри, и снаружи..

Промелькнулъ трамвайный паркъ. По двору тамъ и сямъ расхаживаютъ солдаты.

— Теперь здѣсь пока спокойно. А то вѣдь вздумали было новыхъ служащихъ набирать. Ну, и показали имъ. И вагоны кверху дномъ опрокинули. Жаль смотрѣть...

— А вотъ видите этотъ заводецъ? Здѣсь я на сходкѣ былъ. Интересно. Представьте себѣ — бочка; надъ нею шестъ съ краснымъ флагомъ и зонтикомъ, а на ней — проповѣдникъ. Говоритъ, бестія, какъ книга. Войска было подошли, но администрація завода просила не осложнять положеніе. Ну, уступили полиціи,—красный флагъ сняли. И вотъ этотъ самый проповѣдникъ каждый пунктъ требованій объяснялъ; такъ ловко, краснорѣчиво— заслушаешься. Курьезъ между прочимъ вышелъ: заявили рабочіе объ уменьшеніи жалованья управляющему. А тотъ смѣется: я, говоритъ, господа, какъ хотите, самъ себѣ жалованье убавлять не желаю; жалуйтесь, говоритъ, выше. Рабочіе тоже

посмѣялись, говорятъ: — вы человѣкъ хорошій, мы васъ обидѣть не хотимъ, а все-таки изъ принципа должны требовать обрѣзки... Есть тоже и изъ рабочихъ ораторы важные, просто прелесть...

— А этотъ вашъ проповѣдникъ-то посторонній былъ?—спрашиваю.

— Не знаю. Не узнать. Все теперь тутъ перемѣшалось. А ежели и посторонній, такъ что-же? Такіе люди рабочему по душѣ. Вотъ одного бѣднягу забрали недавно. Отличный парень былъ. Видали — у Александровскихъ воротъ мостъ строится? Ну, такъ вотъ —придетъ, бывало, встанетъ на мостовую стѣнку и давай говорить. Много народу собиралось слушать.

— А вотъ видите это мѣстечко, лѣсочекъ-то? Здѣсь рабочій митингъ былъ. Ахъ, картина! Знаете — плакать хочется. Какъ запѣли—волоса на головѣ шевелятся. Тысячъ пять, не меньше, народу. И все „сознательные"... Понятно, войска пришли. Цѣлая война началась. Ужасъ!...

Миновали окрестности Риги. Направо и налѣво кой-гдѣ пошли мелькать мызы и батрацкія хаты.

— Ну, а что въ деревняхъ дѣлается?—спросилъ я.

Мой собесѣдникъ только усмѣхнулся въ отвѣтъ—развѣ, молъ, не знаете?

— Я про вашъ здѣшній участокъ мало слышалъ.

— Что дѣется? — повторилъ собесѣдникъ. — то, что и вездѣ. Народъ воюетъ съ баронами. А бароны экзекуціи вводятъ. Вотъ недавно былъ случай—въ кирхѣ цѣлая перестрѣлка произошла. Пришло изъ Риги нѣсколько „сознательныхъ" со студентами. А пасторъ заранѣе призвалъ вооруженную охрану изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Началась проповѣдь. Пасторъ вдругъ и говоритъ: — не могу я проповѣдывать, коли въ стадѣ волки есть; прямо на студентовъ указываетъ; они, говоритъ, пришли народъ мутить. Какъ только сказалъ это — одинъ студентъ сейчасъ на каѳедру.—Коли ты, говоритъ, не можешь, такъ мы за тебя постараемся. А въ это время какой-то помѣщикъ бацъ-бацъ въ студента. Тотъ поднялъ руку, прикрыться хотѣлъ. Всю ладонь раздробили. Такъ и убили его. Поднялась суматоха страшная — шумъ, гамъ, стрѣльба. Кто на помѣщиковъ, кто за помѣщиковъ. Пятерыхъ изранили; одинъ управляющій уже умеръ... А потомъ, понятно, войска, схватки и всякая некрасивая штука...

— Почему же это избираютъ кирхи для пропаганды? Такое явленіе меня очень поражаетъ, особенно если припомнить, что въ православныхъ церквахъ ничего подобнаго не замѣчается?

— Тутъ цѣлая исторія. Я вамъ отвѣчу словами одного оратора. Говорилъ онъ такъ: вы, пасторы, обратили домъ молитвы въ домъ народныхъ собраній для проведенія нѣмецкой политики; столѣтіями вы пользовались этимъ зданіемъ для укрѣпленія помѣщичьей силы въ краю; теперь у насъ своя политика и мы, подобно вамъ, считаемъ себя вправѣ пользоваться этимъ домомъ для своихъ цѣлей. Какъ видите — этого въ православныхъ церквахъ и быть не можетъ, пока онѣ не вступятъ въ мѣстную борьбу. Но должно быть вашихъ поповъ лучше учатъ...

— А что?—улыбнулся я.

— Всетаки они капельку помнятъ, что когда-то по землѣ Христосъ ходилъ... А наши объ этомъ основательно позабыли...

На одной изъ промежуточныхъ станцій въ наше купе сѣлъ почтенный субъектъ, котораго я давно зналъ какъ человѣка съ консервативными наклонностями. Я не видался съ нимъ нѣсколько лѣтъ. Разговорились. Тема одна и та-же: волненія. И поразилъ же меня почтенный субъектъ.

— И у меня, говоритъ, мохъ слѣзаетъ. Вѣдь и я когда то кой чѣмъ увлекался, а только жизнь меня кругомъ оконопатила. Пѣсни напри-

мѣръ. Вѣдь я всѣ ихъ знаю. Вотъ хотя-бы „Отрѣшимся". Я ее пѣлъ еще въ семьдесятъ восьмомъ году. Вонъ оно когда! Тоже думали, что обновленіе идетъ...

И онъ началъ декламировать отреченные стихи добраго стараго времени. Смотрѣлъ я на него и глазамъ не вѣрилъ. Не вытерпѣлъ, спросилъ:

— Ну, а какъ теперь думаете? Вѣдь намъ военнымъ положеніемъ угрожаютъ...

— Хоть сто губернаторовъ ставь! —воскликнулъ консерваторъ, приложивъ при сей оказіи энергичное словцо...

Дорога окончилась. Я дома.

— Все-ли благополучно?

— Ничего, слава Богу. Войска прошли въ уѣздъ. Два отряда проѣхали въ Вольмаръ и Венденъ. Подъ Эрмесомъ казаки крестьянскія поля портятъ. Пожалуй, что нибудь случится...

На утро вѣсти изъ Риги: двоихъ убили, три пожара. На слѣдующій день—пожаръ. А еще черезъ два дня—нападеніе на тюрьму,—вывели двухъ политическихъ, убили надзирателей и городового...

Дѣйствительно — слава Богу все благополучно.

Дома сообщилъ одному изъ знакомыхъ, что задумываю писать о крестьянскомъ движеніи.

— Я бы не совѣтовалъ, — замѣтилъ онъ.—Вѣдь вы здѣсь чужакъ, вы многаго не можете понять въ здѣшнихъ отношеніяхъ. Какъ бы вы ни жалѣли народъ, а все-таки его подлиннаго горя вы не можете изобразить при всемъ вашемъ желаніи. Надо испытать все это на своей шкурѣ. Только тотъ представитъ ясно правду, кто самъ вышелъ изъ народа и вынесъ на своихъ плечахъ борьбу съ господами...

Но когда то такой изобразитель явится! А я всетаки попытаюсь дать хоть поверхностный набросокъ причинъ крестьянскаго движенія.

Въ русской печати какъ-то недавно проскользнула замѣтка, что положеніе забалтійскаго крестьянина ничуть не хуже доли русскаго мужика, принужденнаго платить по 20—30 рублей аренды за десятину. Въ большой русской публикѣ вообще распространено мнѣніе, что прибалтійцамъ живется недурно. А на самомъ дѣлѣ здѣсь еще царитъ настоящая барщина нашей дореформенной поры.

— Наша барщина хуже бывшей русской, — говорилъ мнѣ знакомый священникъ.—Вашъ крестьянинъ въ случаѣ нужды зналъ, къ кому обратиться за помощью, и такъ или иначе эту помощь получалъ. А у насъ никто не поможетъ. Помѣщикъ высасываетъ арендатора и бросаетъ, зная, что придутъ другіе, которыхъ такъ же можно будетъ высосать и бросить.

Пусть бы только съ арендатора брали деньги. Нѣтъ. Здѣсь крестьянинъ, кромѣ платежа аренды, самолично поступаетъ въ кабалу вмѣстѣ со своею семьей. Предоставимъ говорить за себя документу. Вотъ одна изъ современныхъ кабальныхъ записей.

— Замокъ - Адзельское мызное правленіе заключило съ крестьяниномъ Карломъ Страумитомъ, послѣ обстоятельнаго уговора, на одинъ годъ нижеслѣдующій контрактъ.

1. Страумитъ принимается батракомъ въ батрачій домъ Шкобра и получаетъ жилище, помѣщеніе для скота, 8 саженъ полутороаршинныхъ дровъ, землю для огорода, 16 пурныхъ мѣстъ полей, 14 пурныхъ мѣстъ луговъ, изъ нихъ 8 пурныхъ лѣсного луга, — и 45 рублей деньгами, уплачиваемыми въ январѣ.

2. За это Страумитъ обязуется исполнять въ пользу имѣнія слѣдующія работы: въ маѣ отработать 20 рабочихъ дней; въ іюнѣ—доставить 150 возовъ навозу, по 25 пудовъ каждый, туда, куда ему укажутъ; покрыть навозомъ 6 пурныхъ мѣстъ полей (т. е. 2 десятины); скосить 6 пур. клеверу, сложить въ кучу, причемъ самому доставить жерди и иной матеріалъ; отслужить на работахъ въ имѣніи 7 дней; въ іюлѣ—скосить 12 пурн. мѣстъ, сѣно просушить и скласть въ кучи или на сѣноваль; скосить 6 пурныхъ мѣстъ озимыхъ хлѣбовъ и сложить въ скирды; въ августѣ —скосить 6 пурныхъ мѣстъ ячменя, сло-

жить въ кучи или скирды съ тщательной уборкой колосьевъ; скосить и убрать 6 пурныхъ мѣстъ овса и гороха; убрать ленъ съ 1 пурнаго мѣста, собрать сѣмена, сложить ленъ въ скирды, вымочить его, гдѣ укажутъ; отпустить свою лошадь на шестидневную мызную работу, а, если это не понадобится, отработать за каждый день по 1½ дня самому; въ сентябрѣ—отпустить лошадь на 6 дней, или отработать самому 9 дней; убрать ½ пурн. мѣста картофеля или моркови для скота и уложить его въ погреба; въ октябрѣ — отработать 20 дней въ имѣніи, въ ноябрѣ—20, въ декабрѣ—10; въ январѣ—отработать 10 дней и сверхъ этого доставить въ имѣніе 10 саженъ готовыхъ 1½ аршинныхъ дровъ оттуда, откуда ему укажутъ; въ февралѣ и мартѣ—срубить 20 саженъ 1½ аршинныхъ и 20 же саженъ аршинныхъ дровъ и заготовить, т. е. срубить, снять кору и доставить на мѣсто столько жердей, столбовъ и прочее, сколько потребуется; за эти же два мѣсяца должно обработать 10 пудовъ льна, тщательно, безъ всякой поддѣлки, подбивки и пр.; если мыза почему-либо потребуетъ отработать ленъ раньше, хотя бы въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ, то батраку надлежитъ это безпрекословно исполнить, а контрактовые рабочіе дни перенести на февраль и мартъ мѣсяцы; въ апрѣлѣ отработать 20 рабочихъ дней. Батракъ долженъ являться въ имѣніе со всѣми необходимыми для работы орудіями.

3. Сверхъ указанныхъ работъ мыза не вправѣ требовать большаго, но въ случаѣ, когда работа потребуется, батракъ обязанъ являться для производства работъ за вознагражденіе—для мужчины 40 коп. въ день и для женщины—25 коп., одинаково, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. За сверхотработанное пурное мѣсто клевера или сѣна уплачивается—1 руб. 25 коп.; пшеницы, ржи, овса, гороха, гречихи—1 рубль 25 к.; ячменя, съ тщательною уборкою колосьевъ—1 руб. 40 коп.

4. Всѣ возлагаемыя на Страумита работы онъ долженъ выполнять самымъ лучшимъ и усерднымъ образомъ, такъ чтобы мызное правленіе могло остаться довольнымъ. Страумитъ отвѣчаетъ за хорошее состояніе скошенныхъ хлѣбовъ въ кучахъ, скирдахъ и пр. въ теченіе 14 дней послѣ того, какъ хлѣбъ скошенъ; порученныя ему отъ мызы вещи, рабочія принадлежности и лошади не должны быть испорчены; за порчу онъ штрафуется и привлекается къ отвѣтственности.

5. За каждый пропущенный день мужской работы высчитывается 50 коп. и за каждый день работы лошади—75 коп., каковыя деньги могутъ взыскиваться судебнымъ порядкомъ; неисполненныя поштучныя работы передаются другому лицу, а съ батрака взыскивается двойная стоимость.

6. Въ семьѣ батрака необходимо быть тремъ сильнымъ рабочимъ и при поштучныхъ работахъ участвовать всѣмъ въ ихъ производствѣ. Батракъ не имѣетъ права держать у себя чужихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые съ Юрьева дня представлены мызному правленію въ качествѣ необходимыхъ помощниковъ труда. Если батракъ пожелаетъ временно отлучиться, то долженъ получить на это дозволеніе; за неразрѣшенныя отлучки налагается штрафъ.

7. Батракъ долженъ добросовѣстно выполнять приказы мызнаго правленія и не имѣетъ права уклоняться отъ труда изъ-за своихъ личныхъ работъ; въ противномъ случаѣ онъ, сверхъ уплаты указаннаго выше вычета, штрафуется. Максимальный размѣръ штрафа — 5 рублей. Батракъ не имѣетъ права жаловаться суду на штрафы, налагаемые правленіемъ. Подъ угрозою штрафа батракъ долженъ быть примѣрнаго поведенія и относиться почтительно къ управляющему и его помощникамъ. Всѣ проступки—потравы скота, воровство, пьянство, — лишаютъ батрака правъ, предоставляемыхъ настоящимъ контрактомъ.

8. Всѣ казенныя и волостныя подати, какъ за себя, такъ и за семейныхъ, Страумитъ доставляетъ и уплачиваетъ самъ.

9. Обрабатывать взятую землю Страумитъ долженъ, какъ опытный земледѣлецъ, но по указаніямъ и порядкамъ, введеннымъ мызою.

10. Озимое должно быть засѣяно въ хорошо удобренной и обработанной почвѣ хорошо всходящими сѣменами; яровое около 10 пурныхъ мѣстъ—въ томъ числѣ ½ пур. мѣста картофеля и не болѣе 1 пурнаго мѣста льна,—такъ же въ хорошо удобренную и обработанную почву. Въ паровое поле безъ кормовыхъ травъ сѣять ничего нельзя. Въ поляхъ и лугахъ въ случаѣ необходимости очищаются и проводятся заново канавы; точно также луга очищаются отъ кустарника и кочекъ. По уходѣ на другое мѣсто Страумитъ оставляетъ своему замѣстителю 4 пурныхъ мѣста всходящихъ озимей, половину вспаханныхъ полей, всѣ жилыя помѣщенія и огражденія въ полномъ порядкѣ и цѣлости, 4 сажени 1½ аршинныхъ дровъ, привезенныхъ на домъ, и такое же количество заготовленныхъ въ лѣсу.

11. Матеріалъ для ремонта жилища батракъ подвозитъ на своей лошади и въ помощь мастеру даетъ отъ себя рабочихъ. Оконныя стекла и рамы батракъ вставляетъ на свой счетъ. Особенно осторожно слѣдуетъ обходиться съ огнемъ, чтобы не произвести въ домѣ пожара.

12. Ригою для обмолота хлѣба Страумитъ пользуется совмѣстно съ другими батраками по установленному порядку. Матеріалъ для приготовленія или поправки рабочихъ орудій выдается по особому позволенію имѣнія.

13. Пастбище для скота и лошади отводится на землѣ батрачьяго дома; батракъ вправѣ держать одну лошадь, а скота столько, сколько возможно прокормить сборомъ корма со своего участка земли. Страумиту воспрещается отдавать косить сѣно половинщикамъ или продавать его; воспрещается подъ угрозою штрафа продавать иливыдавать изъ дома на сторону кормъ и подстилочный матеріалъ.

14. Жилой домъ, пристройки и дворъ должны содержаться въ чистотѣ. За плохое содержаніе какой-либо части взятаго участка правленіе привлекаетъ Страумита къ отвѣтственности и штрафуетъ.

15. Страумитъ въ случаѣ надобности долженъ участвовать въ Замокъ-Адзельскомъ вольномъ пожарномъ обществѣ.

16. Настоящій контрактъ обязуются выполнять обѣ договаривающіяся стороны, въ чемъ правленіе мызы удостовѣряетъ подписью, а Страумитъ — ручаясь за это всѣмъ своимъ имуществомъ.

Предлагаемый документъ чрезвычайно краснорѣчивъ, несмотря на свою дѣловитую сухость. Надо только вдуматься въ каждую статью договора—и тогда станетъ понятною подкладка здѣшняго аграрнаго движенія. Изъ каждаго пункта этого „основательнаго контракта“ такъ и торчитъ фигура прибалтійскаго плантатора, который съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой высасываетъ, высушиваетъ бѣлаго „дядю Тома“ съ латышскимъ обликомъ...

Если подсчитать всю работу Страумита по самой скупой оцѣнкѣ, то въ общемъ окажется, что батракъ даетъ мызѣ своего труда свыше, чѣмъ на 230 рублей. Прибавьте къ этому солидныя подати. Цифра получится почтенная—свыше 20 рублей за десятину (въ томъ числѣ и выгонъ, и паръ) да рабство въ качествѣ преміи. Въ контрактѣ еще многое не досказано; не упомянуто о томъ, что батракъ долженъ мыслить такъ, какъ надо хозяину, защищать всюду личные интересы послѣдняго и прочее. А иначе—штрафы!

Помѣщикъ беретъ отъ батрака почти все, а блага, уступаемыя батраку, имѣютъ весьма сомнительную цѣнность.

Возьмемъ жилище. Оно таково, что въ немъ приличнѣе поселить свиней, нежели людей. Мѣстный народъ удивляется, что русскіе мужики держатъ зимой телятъ въ избѣ; это молъ гадко, дико. А между тѣмъ въ сущности изба новгородскаго или вологодскаго крестьянина кажется дворцомъ въ сравненіи съ неприглядными батрацкими домами. Грубо построенныя каменныя жилья (изъ булыжника), помимо многихъ неудобствъ, очень вредно вліяютъ на здоровье жильцовъ: они едва ли не хуже деревянныхъ строеній.

Про землю и говорить нечего. Здѣсь вообще земля не важна, а сдаваемая въ аренду и совѣмъ никуда не годится. Много силъ надо на нее ухлопать, чтобы кое что получить.

Кромѣ работы и рабства, арендаторъ-батракъ долженъ нести на себѣ всѣ натуральныя и денежныя повинности, лежащія на арендуемомъ участкѣ. И повинности здѣсь особливыя. Взять хотя бы волостные сборы. Мальчики отъ 14 лѣтъ должны уже платить въ волость деньги, независимо отъ платежей своихъ родителей; одинъ изъ близко знамыхъ мнѣ учениковъ городской школы разсказывалъ, что уже второй годъ онъ вноситъ въ волость не меньше двухъ рублей. Гдѣ это видано въ другомъ мѣстѣ?!

Не столько, однако, возмущаетъ арендатора тягота волостныхъ повинностей, сколько сознаніе, что его трудовыя деньги сплошь и рядомъ расходуются крайне недобросовѣстно.

Начальникъ уѣзда заставлялъ, напр., волостныя правленія устраивать подъ пріѣздъ начальства комнаты со всѣми удобствами до мраморныхъ умывальныхъ столиковъ включительно. Такая безалаберная расточительность народныхъ денегъ можетъ взбѣсить кого угодно.

Контракты, подобные приведенному, позволяютъ помѣщикамъ и управляющимъ примѣнять произ-

воль въ самыхъ безграничныхъ размѣрахъ. При желаніи, по контракту можно придраться ко всему: и къ тому, что работа выполнена не усердно, и къ тому, что въ жилищѣ грязно, и къ тому, что у арендатора гость ночевалъ и д. Управляющіе щедро разсыпаютъ штрафы на своихъ подданныхъ и тѣмъ пуще усогубляютъ ихъ горькое положеніе. Не полагается никакихъ милостей, и послѣдній пунктъ договора точно выполняется при самомъ малѣйшемъ нарушеніи поставленныхъ батраку условій:— людей безжалостно выбрасываютъ подъ заборъ, отнимая у нихъ послѣднее жалкое имущество. Изрѣдка мѣстныя газеты сообщаютъ о такихъ случаяхъ, и нельзя безъ чувства глубокаго негодованія прочитывать эти краткія, но выразительныя замѣтки.

Эстляндскіе контракты ничуть не лучше курляндскихъ и лифляндскихъ; одинъ изъ нихъ былъ недавно опубликованъ на страницахъ „Ревельскихъ Извѣстій". Какъ ни скверно положеніе батраковъ, но старики, видавшіе времена похуже, имъ завидуютъ.

— Это еще что!— говорила одна старушка.—Это еще жить можно. А вотъ я то живала не такъ—*за рубль въ годъ* служивала. И кто мнѣ теперь потерянное воротитъ?

Латыши и эсты—народъ сравнительно культурный. Въ силу этого, несмотря на ужасное экономическое положеніе и давнишнюю ненавить къ нѣмцамъ, они всячески пытались избѣжать рѣзкаго конфликта съ господами края. Не сразу начались здѣсь погромы, пожары и убійства. Нѣтъ. Народъ хотѣлъ уладить дѣло мирнымъ путемъ и сталъ подавать баронамъ петиціи объ улучшеніи своей доли. Передъ нами лежитъ одинъ такой документъ. Пусть онъ говоритъ самъ за себя.

„Чередущіеся ежегодно неурожаи, дешевизна запродаваемыхъ нами продуктовъ, высокая арендная плата и невыносимое обложеніе работами,—вотъ причины тому, что наше положеніе столь незавидно. Наши рабочіе и батраки просятъ увеличить имъ содержаніе, сократить время рабочаго дня и вообще улучшить ихъ жизнь. Намъ предстоитъ возвести нѣсколько волостныхъ построекъ, которыя, безъ помощи помѣщика, отнимутъ отъ насъ послѣднюю копѣйку; для покупки сѣмянъ уже третій годъ намъ приходится закладывать свой живой инвентарь. Все это для насъ крайне обременительно. Мы должны пасть подъ такой непосильной ношей. Къ тому же мы не обезпечены отъ притязаній помѣщика, который во всякое время можетъ расторгнуть контрактъ и прогнать насъ съ мѣста, за которое мы такъ дорого платимся своимъ потомъ и кровью.

Всюду стараются улучшить положеніе крестьянина. Только въ нашей волости на наше положеніе не обращаютъ вниманія. На торгахъ продается наше послѣднее имущество—коровы, лошади, сѣмена. Домохозяинъ, приложившій къ созданію хозяйства всю свою силу, лишается имущества и изгоняется изъ подъ своего крова безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Уже многіе помѣщики пошли навстрѣчу просящему крестьянину и оказываютъ ему посильную помощь, уменьшая размѣръ аренды и освобождая этимъ отъ непосильныхъ повинностей, которыя тяжелымъ бременемъ лежатъ на рабочемъ народѣ, истощая его и духовно, и физически.

Мы, арендаторы—хозяева, обращаемся къ вамъ, г. помѣщикъ, съ покорнѣйшею просьбою мирнымъ образомъ удовлетворить наши слѣдущія требованія.

Мы просимъ:

1. —Полной неприкосновенности лицъ, подписавшихъ это прошеніе.

2.—уменьшенія арендной платы на 30%.

3.—установленія срока контрактовъ не менѣе, какъ 6 лѣтъ.

4.—прекращенія произвола и неосновательныхъ нарушеній контракта со стороны помѣщика.

5.—вознагражденія за улучшеніе усадебъ, полей и луговъ.

6.—безплатной выдачи дровъ и строительнаго матеріала.

7.—свободы рыбной ловли въ границахъ усадебныхъ владѣній.

8.—равномѣрнаго распредѣленія общественныхъ работъ между всѣми хозяевами.

9.—уменьшенія арендной платы съ мызныхъ усадебъ.

10.—помощи при несчастныхъ случаяхъ —неурожаѣ, эпидеміи скота— въ видѣ уменьшенія или отсрочки арендной платы.

11.—участія помѣщика въ проведеніи новыхъ дорогъ.

12.—участія помѣщика въ постройкѣ общественныхъ зданій путемъ безплатнаго отвода земельныхъ участковъ и безплатнаго отпуска матеріала на ремонтъ.

13.—отведенія участка земли и безплатнаго отпуска строительнаго матеріала для проэктированнаго волостного училища.

14.—того-же для постройки богадѣльни.

15.—предоставленія права безплатнаго обученія въ мѣстныхъ школахъ дѣтямъ батраковъ.

16.—предоставленія права домохозяевамъ содержать у себя на дому въ случаѣ надобности стороннихъ лицъ.

17.—возвращенія правъ патроната приходу.

Подъ петиціей 103 подписи арендаторовъ—хозяевъ.

Требованія нельзя назвать неумѣренными. Даже и пункты о школѣ и богадѣльнѣ, о дорогахъ и общественныхъ знаніяхъ,— вполнѣ резонны. А между тѣмъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ помѣщики внимали голосу петицій; полного удовлетворенія просьбъ не было нигдѣ.

Крестьяне, убѣдившись, что попытки призвать помѣщиковъ къ мирному соглашенію безполезны, измѣнили путь предъявленія своихъ желаній и обратились съ петиціями непосредственно къ правительству. Бароны всѣми мѣрами старались не допускать крестьянскихъ бумагъ по назначенію и, кажется, успѣвали въ этомъ. Мнѣ разсказывали объ одномъ особенно характерномъ случаѣ, разыгравшемся на этой почвѣ.

Составили крестьяне петицію. Подписалось 30 человѣкъ. Помѣщики заволновались. Узнали они, что петиція не будетъ отправлена по почтѣ, такъ какъ народъ боится подкупа почтовыхъ чиновниковъ, которые могутъ уничтожить документъ. Назначили дозорныхъ для того, чтобы перехватить бумагу у нарочнаго, задержавъ послѣдняго подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Народъ предвидѣлъ это и потому обратился къ православному священнику съ просьбою доставить петицію, куда слѣдуетъ. Такого нарочнаго и бароны слопать не могутъ. Священникъ согласился, испросилъ у преосвященнаго благословеніе, но онаго не получилъ и принужденъ былъ отказаться отъ мысли помочь народу.

Крестьяне, не зная истинной подкладки дѣла, заподозрили священника въ измѣнѣ; пошелъ слухъ, что его подкупили бароны. Мнимому измѣннику стали устраивать не особенно пріятныя серенады. Но за священника вступился псаломщикъ: чтобы положить конецъ клеветѣ и безразсудному преслѣдованію, онъ самъ вызвался ѣхать въ Петербургъ. Тайно выѣхалъ онъ изъ мѣстечка, благополучно проскользнулъ чрезъ баронскіе корданы и добрался до уѣзднаго города. Отсюда онъ направился въ столицу, а тамъ лично понесъ дорогой документъ въ Государственный Совѣтъ. Понятно—его не приняли и разсуждать не стали. Пошелъ онъ искать сильныхъ міра, но изъ этого тоже толку не получилось. Наконецъ, какой-то сердобольный швейцаръ указалъ ему дачный адресъ нѣкоего высокопоставленнаго лица. Псаломщикъ поѣхалъ на дачу, добился аудіенціи и ухитрился вручить особѣ свой документъ подъ личную росписку даже съ именной печатью. Возвратился псаломщикъ домой, но и тутъ курьезъ: иниціалы особы случайно совпали съ иниціалами мѣстнаго крупнаго помѣщика. Много пришлось еще потратить труда, чтобы доказать народу, что петиція попала въ надежныя руки.

Вѣра въ значеніе петиціи продержалась здѣсь недолго. Помѣщичья неуступчивость, питаемая безграничной жаждой наживы, затыканіе народной глотки изъ корыстныхъ видовъ и нетактичное пользованіе военною силой для исключительной охраны господскихъ интересовъ вызвали, наконецъ, неизбѣжный конфликтъ, именуемый нынѣ „революціоннымъ“ движеніемъ. Не русская интеллигенція, не иностранные агенты-агитаторы, а сами бароны, не сумѣвшіе обуздать свой волчій аппетитъ, заставили народъ прислуши-

ваться къ голосу соціалъ-демократовъ и революціонеровъ. Больше, они заставили народъ родить изъ народныхъ нѣдръ сильныя группы дѣятелей движенія.

Намъ кажется, что контрактъ Страумита въ достаточной степени объясняетъ разгромъ волостныхъ правленій, баронскихъ замковъ и пасторатовъ. Не призывные списки и метрики уничтожаетъ народъ, а эти проклятыя кабальныя записи, не позволяющія народу дышать.

Въ настоящее время здѣсь идетъ рѣшительная борьба между двумя рѣзко-противоположными партіями, борьба, передъ которой блѣднѣютъ интересы всѣхъ остальныхъ партій.

Одна изъ нихъ—глубоко патріотическая, руссистѣе русскихъ русская, консервативная партія бароновъ. Другая—непризнаваемая, безправная преслѣдуемая закономъ. Нѣтъ ей правъ на существованіе, но она, наперекоръ стихіямъ, существуетъ. Мы говоримъ о соціалистахъ. Ихъ „преступная“ партія далека отъ слабости. Кромѣ организованныхъ кружковъ и союзовъ, къ ней примыкаютъ рати рабочаго люда и крестьянъ, этихъ соціалистовъ по инстинкту. Существуетъ она давно и выросла, какъ говорилось выше, изъ самыхъ нѣдръ мѣстной народной жизни. А сильна она не столько количествомъ союзниковъ, сколько своимъ нравственнымъ значеніемъ. Дѣятели этой партіи—дѣти народа; они живутъ тою же жизнью, какъ ихъ братья и отцы, а потому вліяніе ихъ на народъ неизмѣримо; между ими и народомъ нѣтъ пропасти, столь знакомой русскому интеллигенту. Программа партій общеизвѣстна. Національная окраска подпущена къ ней въ мѣру. Мнѣ много и часто приходилось разсуждать съ передовыми латышами и эстами, но рѣзкаго выраженія сепаративныхъ стремленій съ ихъ стороны я не встрѣчалъ. Хотятъ они свободы языка и обученія, хотятъ широкаго земства, хотятъ земли; а о полной автономіи края нигдѣ нѣтъ и рѣчи.

Партія ведетъ дѣятельную пропаганду. Кромѣ множества кружковъ и союзовъ, разсѣянныхъ по городкамъ и мѣстечкамъ края, въ этомъ дѣлѣ принимаютъ участіе и одиночки, не вошедшіе въ организацію, а дѣйствующіе на свой страхъ и совѣсть. Наибольшій расцвѣтъ пропаганды совпадаетъ съ развитіемъ мѣстнаго движенія. Не агитація вызвала движеніе, а само движеніе вызвало усиленную агитацію. Мнѣ передавали такой фактикъ. Двое молодыхъ людей, пробираясь деревнями, встрѣчаютъ старика. Изъ любопытства справляются, не заходили ли сюда въ край агитаторы.

— О, если-бы зашли!—отвѣчаетъ восторженно старикъ, пристально вглядываясь во встрѣчныхъ.—О, если бы зашли! Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ, но тогда мои старыя ноги получили бы крылья: я обѣжалъ бы всю волость, я досталъ бы хорошихъ лошадей; вездѣ бы я говорилъ, что они пришли; во всѣ мѣста я помчалъ бы ихъ птицей. О, если бы зашли!

Народъ, какъ видите, самъ призываетъ къ себѣ учителей новой жизни, онъ ждетъ ихъ, какъ желанныхъ вожаковъ. Человѣкъ въ красной рубашкѣ, молчаливо прошедшій по волости, уже однимъ прохожденіемъ вызываетъ цѣлое движеніе... Народъ изболѣлся, изнервничался. При такомъ состояніи, понятно, агитація имѣетъ значительный успѣхъ...

Пропаганда, какъ и вездѣ, выражается распространеніемъ листковъ, воззваній, брошюръ и пр. на мѣстныхъ и русскомъ языкахъ. Листки изготовляются массами и въ большинствѣ доходятъ по назначенію. Даже женщины изъ лѣсу вмѣстѣ съ грибами приносятъ цѣлыя пачки отреченной литературы и читаютъ съ удовольствіемъ. Преслѣдованіе агитаторовъ на ходѣ пропаганды замѣтно не отражается. Многіе изъ

интеллигенціи ведутъ съ рабочими и крестьянами собесѣдованія, разъясняя партійную программу. Около Риги партія неоднажды собирала громадные митинги рабочихъ, сильно дѣйствовавшіе на массу своею обстановкой и грандіозностью.

Принадлежа къ нелегальнымъ, соціалистическая партія не поддается даже приблизительному подсчету. Изъ легальныхъ наиболѣе сильного можно признать латышскую прогрессивную партію. Къ ней принадлежитъ подавляющая часть интеллигенціи—журналисты, писатели, врачи, адвокаты, учителя и др. Къ ней же примыкаетъ значительная часть лицъ съ руссофильскимъ направленіемъ, между прочимъ нѣкоторые православные священники. Весь этотъ цвѣтъ латышскаго народа производитъ на наблюдателя замѣчательно отрадное впечатлѣніе опредѣленностью своихъ взглядовъ, стойкостью убѣжденій и непоколебимою вѣрою въ лучшее будущее края. Однако, и у латышей есть свои Мещерскіе и Шараповы, къ счастью, немногочисленные: консервативная партія здѣсь не особенно сильна. Есть здѣсь журналистъ, нѣкій Вейнбергъ, по духу родной братъ нашего князя. Онъ въ своей газетѣ занимается исключительно сыскомъ и доносами; между прочимъ, онъ *единолично* ходатайствовалъ передъ правительствомъ, чтобы не была дана свобода печати; говорятъ, что онъ же содѣйствовалъ закрытію передовой латышской газеты, выходившей въ Петербургѣ; своихъ земляковъ онъ иначе не называетъ, какъ революціонерами.

Другой—недурной латышскій писатель и журналистъ—Нѣдра—завидуетъ лаврамъ нашего Шарапова. Онъ придумалъ интересный способъ борьбы съ движеніемъ.

— Присылайте мнѣ, господа читатели, всѣ нелегальные листки и брошюры, а я взамѣнъ буду высылать свои книжки, гдѣ всѣ возмутительныя ученія мною будутъ опровергнуты...

Партія консерваторовъ - нѣмцевъ, искренно ненавидимая, сильна поддержкой правительства. Она объемлетъ всѣхъ собственниковъ. Я не слыхалъ, чтобы кто нибудь изъ мѣстнаго дворянства принадлежалъ къ какой нибудь иной партіи. Съ замѣчательнымъ единодушіемъ дворянство поднялось на защиту родины отъ внутренняго врага. Во всѣхъ рѣчахъ и поступкахъ благороднаго дворянства такъ и сквозитъ сверхъестественная благонамѣренность. Благонамѣренность высокороднаго Рейнеке—Лиса!

Говорятъ, — движеніе латышей сильно содѣйствовало тому, что нѣмцы, успѣвшіе втереть очки кому слѣдуетъ, занимаютъ вновь кардинальныя позиціи въ краѣ. Не знаю, насколько это справедливо. Ихъ поведеніе какъ будто бы говоритъ о другомъ. Въ борьбѣ они лишены хладнокровія, подобающаго силѣ, кидаются отъ одной мѣры къ другой и иногда выказываютъ явную растерянность.

Многое изъ ихъ дѣйствій сближаетъ мѣстное дворянство съ россійскими черными сотнями. Высокородные бароны недалеко отошли отъ нашихъ мясниковъ и сапожниковъ, которыхъ полицейское воспитаніе предшествующихъ лѣтъ и нѣкая мзда за усердіе воздвигаетъ на подвиги избіенія интеллигенціи. Въ одномъ разница—здѣсь: и воспитаніе посолиднѣе, и мзда, въ случаѣ удачи, покрупнѣе. Тутъ пахнетъ не рублемъ на водку, а милльонами, которые при удачѣ вновь польются въ дворянскія кассы. Ничего, что деньги эти смердятъ кровью и потомъ мужика; баронамъ такой запахъ милѣе всякаго иного: за нѣсколько столѣтій они привыкли по достоинству цѣнить этотъ каннибальскій букетъ.

Черная сотня мѣстныхъ патриціевъ выдвинула противъ движенія цѣлый арсеналъ тушительныхъ средствъ. По примѣру предковъ, бароны вызываютъ изъ Германіи добро-

вольцевъ для завоеванія непокорнаго народа. Понятно, идутъ сюда нѣмецкіе хулиганы и люди сомнительныхъ профессій, жаждущіе подъ шумокъ нажиться за счетъ новоявленныхъ россійскихъ патріотовъ. Студенты Юрьевскаго университета изъ корпорантовъ составляютъ милицію для борьбы съ мужиками; слухъ о такомъ гражданскомъ подвигѣ дворянской молодежи прошелъ по страницамъ мѣстныхъ газетъ и до сихъ поръ не опровергнутъ. Наконецъ, многіе изъ дворянъ добровольно принимаютъ на себя выполненіе полицейскихъ обязанностей. Явленіе послѣдняго порядка, однако, замѣчалось и ранѣе. Всѣ, напр., высшія полицейскія должности въ Курляндіи заняты мѣстными дворянами. Въ Лифляндіи находились охотники служить по полиціи безъ жалованья, и лица довольно звонкихъ фамилій не гнушались должностью простого пристава. Служили они по дворянски—дули встрѣчнаго и поперечнаго въ хвостъ и гриву. Знавалъ я одного изъ такихъ хватовъ: въ теченіе нѣскольких мѣсяцевъ службы онъ многихъ переколотилъ безнаказанно; все было ему спущено, хотя среди побитыхъ были, напр., и учитель, и чиновникъ судебнаго вѣдомства.

Драпируясь въ тогу „россійскаго патріота", балтійское дворянство пытается доказать и, кажется, уже для извѣстныхъ сферъ доказало, что движеніе латышей носитъ специфическій характеръ, чрезвычайно опасный для имперіи, рѣзко-антиправительственный, враждебный русской народности. Почему эти враги русскаго народа оскверняютъ собственныя кирхи, а не православныя церкви, почему они нападаютъ на пасторовъ, а не на священниковъ, почему они бьютъ нѣмцевъ, а не русскихъ,—не понятно. Очевидно,—для нашего устрашенія? Едва-ли.

Натяжки въ дворянскихъ объясненіяхъ черезчуръ рѣжутъ глазъ плохо замаскированнымъ стремленіемъ во что бы то ни стало уронить мѣстныя народности во мнѣніи русскаго народа.

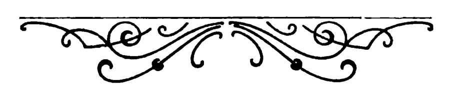
Подобными же объясненіями соткана здѣсь путаная сѣть слуховъ, предполагающая въ конечной цѣли посѣять вражду между народностями. Такъ, напр., были созданы слухи о томъ, что мѣстные языки не допускаются въ школу благодаря усиліямъ прибалтійскаго русскаго общества. Въ нѣмецкой печати появилось утвержденіе, что революціонная пропаганда занесена въ край русской интеллигенціей...

Какъ видите, работа чистая: пусть подерется народъ съ народомъ, пусть кары правительства обрушатся на русскихъ, и тогда можно будетъ на развалинахъ поселить нѣмецкихъ колонистовъ...

Къ чести мѣстнаго русскаго общества надо замѣтить, что оно искренно желаетъ, чтобы права эстовъ и латышей были признаны и уважены. Въ этомъ отношеніи оно далеко ушло отъ нѣмцевъ-русскихъ патріотовъ. Одна изъ мѣстныхъ газетъ по этому поводу отлично сказала:—„русское общество не увлечется „истинной ролью консервативнаго нѣмецкаго элемента", ибо русское общество отлично помнитъ, что консерватизмъ этотъ направленъ для консервированія своихъ исключительныхъ привиллегій съ равнодушіемъ къ остальной судьбѣ Россіи".

Будемъ ждать, когда для прибалтійскаго края наступитъ свое 19 февраля.

Ферментъ.

Деревенскія впечатлѣнія.

Ростъ „народнаго самосознанія“. — Крестьянская газета. — Деревенская цензура. — „Запретная газета и книги. — Вліяніе войны. — Миръ внутри Россіи. — Государственная Дума и деревня. — Волостные сходы.—Волостные суды.

Жизнь не стоитъ. Она смѣло идетъ все впередъ, все впередъ и на каждомъ шагу своего безконечнаго шествія создаетъ новыхъ людей и новыя формы существованія этихъ людей.

Tempora mutantur.

Измѣняется все, ибо все растетъ и выростаетъ до размѣровъ, казавшихся раньше совершенно невозможными.

И народъ, простая народная масса выросла за послѣднее время въ огромную величину — необъятную по своей силѣ и значенію.

Если сравнить современную жизнь нашей народной массы съ той, напримѣръ жизнью, которую она вела десятка два-три лѣтъ тому назадъ, то разница получится огромная.

Народъ растетъ и выросъ — это несомнѣнно. У него теперь новые интересы, новыя требованія, симпатіи и желанія. Онъ идетъ смѣло и радостно къ тому, надъ чѣмъ недавно еще смѣялся, чего даже боялся.

25 лѣтъ тому назадъ была война, и простой народъ почти не зналъ ни того—зачѣмъ и почему эта война, ни—тѣмъ болѣе—новостей и подробностей войны, которыя такъ нужны были для оставшихся дома женъ, дѣтей и отцовъ.

Да и откуда было узнавать? Изъ газетъ? Но ихъ почти не было, и относились тогда къ нимъ съ недовѣріемъ и даже опасливо.

— Кто ихъ знаетъ, что пишутъ тамъ, въ газетахъ-то?!

Одинъ знакомый редакторъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ незадолго до объявленія турецкой войны въ разговорѣ съ однимъ офицеромъ спросилъ:

— Читали вы послѣднія газеты?

Офицеръ презрительно ухмыльнулся и сказалъ:

— Газеты?! Я никогда не читаю газетъ!!

— Какъ-же это такъ?! — удивился редакторъ.—Вѣдь это для васъ-же важно. Вотъ не нынче—завтра объявятъ войну. А вы, не читая газетъ, и не узнаете объ этомъ.

— Объ этомъ, — отвѣтилъ офицеръ, — я узнаю изъ приказа. Кромѣ приказовъ, я ничего не читаю!

Если такъ относились къ газетѣ представители среднихъ слоевъ населенія, то простой народъ совсѣмъ, конечно, игнорировалъ ее и не пользовался ею.

О войнѣ народъ узнавалъ тогда случайно— на станціи, въ лавкѣ, у проѣзжихъ.

И въ результатѣ получалась слѣдующая, набросанная еще Успенскимъ въ его „Деревенскомъ Дневникѣ“ картина отношенія деревни къ новостямъ войны:

— Не слыхалъ-ли ты, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь?

— Нѣтъ... Что-то, бытто, слышно... Расшибли, говорятъ.

— Кто? Гдѣ расшибли?

— Да болтали тамъ, на станціи, наши, бытто, расшибли что-то... Муку, говорятъ, сблаговѣстили у турокъ, оченно довольно...

— Да гдѣ? Кто кого расшибъ-то?

— А ужъ не могу вамъ въ точности... Слышно, что сорокъ бытто тысячъ... Не то муки, не то въ плѣнъ... али какъ... Ужъ точно не могу вамъ...

„Въ точности" никто ничего не зналъ: „не то муки, не то въ плѣнъ... али какъ".

Нынѣшняя, или какъ теперь уже можно сказать, только-что закончившаяся война показала нѣчто другое.

Народная масса, деревня проявила внезапно огромный интересъ и ко всѣмъ отдѣльнымъ событіямъ войны, и къ самой сущности ея.

Въ народѣ, въ деревнѣ возникла поэтому настоятельная потребность къ газетѣ.

И газета пошла въ деревню. Но какая газета?!

Большая, важная столичная газета, которая относится къ простому деревенскому обывателю нѣсколько свысока, не желая снизойти до его потребностей, до его пониманія.

— Хочешь — читай, не хочешь — не читай.

И деревенскій читатель читалъ. Читалъ и ничего не понималъ. Читалъ, и потомъ просилъ:

— Прочитать-то я прочиталъ, а теперь ты мнѣ объясни.

Въ деревнѣ въ послѣднее время народился даже спеціальный типъ—толкователь газеты, бродяжничающій по ярмаркамъ и деревенскимъ базарамъ.

И самъ ничего почти не понимая, этотъ толкователь толковалъ такъ, что у деревенскаго обывателя создавалось чрезвычайно туманное представленіе о войнѣ. И въ концѣ концовъ народъ почти ничего не зналъ о войнѣ. Но знать-то вѣдь нужно. Вѣдь война—событіе огромной исторической важности.

Деревня хотѣла прежде всего знать—что такое эта война, съ чего возникла она, деревня усиленно старалась вскрыть „идейную" сторону войны, она безпомощно философствовала, оперируя надъ матеріаломъ сомнительной достовѣрности, а газеты предупредительно сообщали ей массу непонятныхъ даже и присяжному газетному читателю терминовъ, — спеціально-военныхъ, техническихъ, говорили о послѣднихъ словахъ военнотехническихъ наукъ, тогда какъ деревня не знаетъ еще азбуки этихъ наукъ.

И эти шарады и ребусы могли способствовать только созданію того завѣдомо-отрицательнаго и пренебрежительнаго отношенія къ газетѣ, которое при означенныхъ условіяхъ вполнѣ естественно и которое несравненно хуже самаго примитивнаго деревенскаго невѣжества.

А въ конечномъ результатѣ недостаточной приспособленности газетъ къ пониманію народной массы и незначительнаго распространенія газетъ, въ связи, конечно, съ общимъ низкимъ уровнемъ умственнаго развитія деревенскаго обывателя, оказалось вполнѣ возможнымъ и, пожалуй, естественнымъ то отношеніе къ военнымъ событіямъ, которое ничуть не лучше описаннаго Успенскимъ.

Въ одной деревнѣ, напримѣръ, въ средней Россіи ко мнѣ обратились съ такимъ вопросомъ:

— А что, батюшка, эти самые японцы—обезьянки что-ли какія?

— Какъ такъ обезьянки?—удивился я.

— Да что-же это они такъ на русскихъ-то набросились?! Вѣдь мы ихъ не трогаемъ. Нѣтъ, они, должно быть, обезьяны!

Это смѣшно, но надъ этимъ можно и призадуматься. Вѣдь какъ-ни-какъ идемъ-же мы впередъ, и если наряду съ этимъ безусловнымъ наступательнымъ движеніемъ у насъ возможны еще явленія и случаи, отбрасывающіе насъ къ давно минувшимъ временамъ, то нужно что-нибудь предпринять противъ этого.

А изъ всего — одинъ выводъ: наряду съ различными радикальными реформами и измѣненіями во всѣхъ областяхъ нашей жизни, настоятельно и давно уже нужна простая, дешевая, толковая газета, которая понятнымъ языкомъ говорила-бы обо всемъ, что интересуетъ ее — эту безпомощную въ своей жаждѣ знать и учиться народную массу.

И такъ какъ народная и особенно деревенская масса интересуется не одной только войной, и у нея есть много другихъ интересовъ, заботъ и нуждъ, то эта простая и дешевая газета должна взять на себя и роль вообще „деревенской" газеты, о которой мечталъ еще Успенскій. Но здѣсь нуж-

но оговориться: деревенской—не *крестьянской*. „Крестьянская газета“, какъ таковая—предпріятіе и безцѣльное, и почти невозможное, хоть бы просто потому, что очень трудно опредѣлить схему интересовъ и нуждъ крестьянъ, какъ сословія, независимо отъ ихъ, далеко не всегда сходящихся экономическихъ и производныхъ отсюда интересовъ. Еще Успенскій, не смотря на всю свою преданность идеѣ солидарности и общности крестьянскихъ интересовъ, долженъ былъ признать наличность дифференціаціи нашей деревни. Какъ шла дальше и эволюціонировалась экономическая жизнь русскаго крестьянства, объ этомъ говорить нечего. Она навиду, ибо всѣмъ извѣстно, что есть, напримѣръ, крестьяне, у которыхъ ни кола, ни двора, крестьяне, умирающіе голодной смертью, и крестьяне, выбирающіе купеческія свидѣтельства.

Какъ установить общность и солидарность ихъ интересовъ, понятій и вѣрованій? И возможно ли это?!

Между тѣмъ, недавно одинъ изъ столповъ „Новаго Времени“ г. Меньшиковъ выступилъ съ проектомъ созданія такой именно „крестьянской газеты“, при чемъ заявилъ, что „желателенъ *одинъ* печатный органъ для крестьянства. Если ихъ будетъ два, то начнется печальная грызня, которая всюду—и особенно у насъ — обезсиливаетъ роль печати“.

Г. Меньшиковъ своимъ замѣчаніемъ о „печальной грызнѣ“ самъ же убиваетъ свою идею о необходимости *одной* только газеты для крестьянства. Вѣдь „грызня“ естественно предполагаетъ наличность двухъ элементовъ среди крестьянства, которымъ есть изъ-за чего „грызться“. Слѣдовательно, пропагандируемая г. Меньшиковымъ крестьянская газета, избѣгая „грызни“, будетъ обслуживать интересы только одного изъ этихъ элементовъ, ибо нельзя примирить непримиримое и съ одинаковой горячностью кричать объ интересахъ и нуждахъ и буржуа изъ крестьянъ, и деревенскаго пролетарія!

А вопросъ о томъ, какой именно изъ этихъ элементовъ крестьянства имѣетъ больше шансовъ на вниманіе къ себѣ со стороны „одного печатнаго органа для крестьянства“, большихъ обсужденій не требуетъ.

Г. Меньшиковъ даетъ кстати и ключъ къ разрѣшенію этого вопроса въ видѣ сообщенія, что къ нему обратилась группа проживающихъ въ Петербургѣ крестьянъ съ просьбой помочь имъ въ созданіи крестьянской газеты.

Въ Петербургѣ изъ представителей крестьянскаго сословія проживаютъ: рабочіе, которые, кстати сказать, ровно ничѣмъ, кромѣ паспорта, съ своимъ сословіемъ не связаны, затѣмъ—прислуга, мелочные торговцы, и наконецъ — довольно солидная численно группа—разбогатѣвшіе крестьяне, владѣльцы различныхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, подрядчики и пр.

Кажется, не нужно особой проницательности, чтобы понять, что эта именно послѣдняя группа, номинально связанная еще съ крестьянскимъ сословіемъ, хлопочетъ о своей „крестьянской“ газетѣ—и не столько ради чуждыхъ имъ интересовъ своего сословія, сколько въ цѣляхъ скорѣйшей и наиболѣе выгодной ликвидаціи своихъ дѣлъ съ этимъ сословіемъ.

„Крестьянство,—говоритъ г. Меньшиковъ, еще крѣпко держится своихъ преданій, оно еще хочетъ жить по старинѣ, *ничуть, однако*, не отказываясь отъ своихъ новыхъ правъ и обязанностей. Въ государственную думу явятся выборные отъ крестьянъ на равныхъ правахъ съ выборными отъ другихъ сословій. Простые, хотя и крайне важные государственные и бытовые вопросы крестьяне и теперь въ состояніи рѣшать не хуже представителей другихъ слоевъ, но, конечно, явятся болѣе трудные и сложные вопросы, къ которымъ они мало подготовлены. Крестьянству нужно имѣть надежный печатный органъ, въ которомъ всѣ эти вопросы обсуждались бы основательно, добросовѣстно, отражая вѣрно мысли, чувства и коренныя убѣжденія народа“.

Народъ, выдвигаемый г. Меньшиковымъ, это, кажется, тотъ народъ, который фигурируетъ обыкновенно на театральныхъ сценахъ: всѣ одѣты въ красныя рубахи, у всѣхъ длинныя бороды. Больше ничего и не требуется. Публика не разсматриваетъ паспортовъ статистовъ, она не требуетъ доказательствъ принадлежности этихъ статистовъ къ „народу“.

У г. Меньшикова дѣло обстоитъ точно такъ же. Крестьянинъ, значитъ—народъ, хотя бы у одного крестьянина была одна только

десятина земли въ чухломскомъ уѣздѣ, а у другого—десять лавокъ въ Петербургѣ. Костюмъ у обоихъ — въ видѣ званія „крестьянинъ“ — одинъ и тотъ же. И г. Меньшиковъ не смущается тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ изъ этихъ статистовъ, разыгрывающій сегодня самаго настоящаго крестьянина, завтра же выступитъ въ роли купца первой гильдіи, который будетъ кричать:

— Мы все можемъ! Мы за все заплатимъ!

„Вмѣстѣ съ выраженіемъ дѣйствительно крестьянскихъ нуждъ, газета, — думаетъ г. Меньшиковъ,— будетъ лучшею школою просвѣщенія въ этой области. *Высшіе классы* встрѣтятъ въ ней мысль народную въ ея первоисточникѣ. Народъ же найдетъ въ ней не только сознаніе бѣдствій, но и способы бороться съ ними. Крестьянству должны быть открыты понятія, оправданныя наукою о законодательствѣ, и опытъ образованныхъ странъ. Только основательно и всесторонне подготовленное крестьянство будетъ въ силахъ выполнить съ честью великое свое призваніе въ государственной думѣ“.

Стариной вѣетъ отъ этихъ елейныхъ разсужденій г. Меньшикова.

„Наука о законодательствѣ“, „великое призваніе въ государственной думѣ“ — все это бѣлыми нитками и очень грубымъ швомъ пришито къ тому проекту изданія „единственной и крестьянской газеты, съ которымъ обращались къ г. Меньшикову петербургскіе лавочники изъ крестьянъ.

И всетаки—повторяемъ—простая толковая и дешевая газета—нужна, нужна для простой и бѣдной народной массы—въ городѣ ли живетъ она, или въ деревнѣ—безразлично.

Нельзя сказать, чтобы не было совсѣмъ у насъ „дешевыхъ“ газетъ. Какъ же! Есть: „Свѣтъ“, „День“...

Есть и въ провинціи дешевыя изданія, насильно втирающіяся въ деревню: „Губернскія Вѣдомости“, съ обязательными подписчиками, которые говорятъ обыкновенно собирающимъ подписку полицейскимъ:

— Если ужъ это такъ нужно, то возьмите съ насъ подписныя деньги, но газету свою пожалуйста не присылайте!

Убѣдительно просятъ объ этомъ. „И денегъ не жалко, только отвяжись“—такъ приблизительно формулируетъ деревня свое отношеніе къ „газетамъ“, настойчиво добивающимся своего распространенія. А отсюда одинъ выводъ: нужна газета совсѣмъ новаго типа, дешевая, толковая.

* * *

Наряду съ насильнымъ распространеніемъ желательныхъ администраціи газетъ, другой фактъ—фактъ усиленнаго преслѣдованія газетъ, книгъ и брошюръ, распространеніе которыхъ въ деревнѣ почему-либо непріятно различнымъ чинамъ администраціи.

Администрація, нисколько не смущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ существуетъ уже такъ или иначе узаконенная двойная и тройная цензура, смѣло налагаетъ въ этихъ случаяхъ еще собственную свою цензуру, никакими законами не предусмотрѣнную.

Она дѣйствуетъ просто.

— Это запретная!—объявляетъ она, отбирая у деревенскаго обывателя газету или брошюру, прошедшія уже всѣ надлежащія цензуры.

И спорить, и прекословить въ этихъ случаяхъ бываетъ безполезно и небезопасно, ибо каждый деревенскій администраторъ располагаетъ властью засадить въ кутузку и надлежащимъ способомъ „проучить“.

— Это запретная!—строго заявилъ урядникъ, увидѣвъ у одной крестьянки с. Лѣтнево, макарьевскаго уѣзда, брошюру „Англія“, изданную съ разрѣшенія цензуры.

И урядникъ прочелъ крестьянкѣ, заинтересовавшейся Англіей, надлежащее внушеніе, а брошюрку отобралъ и представилъ по начальству. Послѣ этого начался допросъ:

— Откуда взяла книгу? О чемъ разговаривала? Съ каждымъ вопросомъ недоумѣніе бѣдной женщины все возрастало, и въ концѣ-концовъ она поняла, что Англія—одно, а Россія – совсѣмъ другое. Объ Англіи она узнала изъ книги, о Россіи—изъ жизни подъ контролемъ деревенскаго начальства. Отсюда выводъ: жизнь сильнѣе книги.

„Надо замѣтить,—прибавляетъ къ сообщенію объ этомъ случаѣ „Нижег. Листокъ“— что фактъ отобранія „Англіи“ въ макарьевскомъ уѣздѣ далеко не единичный“.

Не знаю, какъ относительно „Англіи“, а случаи отобранія другихъ книгъ и брошюръ являются далеко не единичными не для од-

ного только макарьевскаго уѣзда; они замѣчаются повсемѣстно въ Россіи. И это теперь, когда, подъ вліяніемъ войны, все такъ внезапно измѣнилось въ нашей жизни, когда все выросло и ростетъ все выше и шире, требуя новыхъ словъ, новыхъ дѣлъ и грандіозныхъ реформъ!

* * *

„Среди множества непоправимаго скоро зла война сдѣлала народу,—говоритъ г. Купчинскій въ „Руси“,—одно доброе дѣло: она дала толчекъ къ пробужденію въ народѣ критики и самосознанія... Не однимъ „сосѣднимъ державамъ и всему міру“ она указала множество тягостныхъ, губительныхъ недочетовъ въ режимѣ всего государства, она указала ихъ также и темному люду, не привыкшему критиковать то, чему онъ вѣритъ, и пріученному къ слѣпому повиновенію эксплоатирующихъ „представителей власти“, писарей, урядниковъ, земскихъ и прочихъ начальниковъ“.

Это несомнѣнно. Прежде крестьянинъ жаловался на земскаго врача:

— Ему земство деньги платитъ, а онъ не принимаетъ насъ. Зря за насъ платятъ, што-ли?

Теперь крестьянинъ говоритъ:

— Мы ему деньги платимъ, а онъ служить намъ не хочетъ!

Прежде мужика спросишь:

— Сколько тебѣ земля даетъ?

— Да рубликовъ 55 въ годъ выколачиваемъ... ежели все на деньги перевести...

— А подати сколько?

— Подать не считаю; оброку двадцать пять рублей деньгами платимъ; кабы не платить—80 рублей въ годъ имѣли-бы...

А теперь мужикъ говоритъ:

— Восемьдесятъ рублей всего въ годъ земля даетъ... не считая расходовъ... одного оброку двадцать пять рублевъ... Ни одинъ служащій такого процента не платитъ... Какое-бы большое жалованье онъ не получалъ!

Эта перемѣна взглядовъ и сужденій нашей деревни создалась, безусловно, подъ вліяніемъ войны и сопутствующихъ ей измѣненій во всѣхъ сферахъ нашей жизни, и г. Купчинскій несомнѣнно правъ, утверждая, что война „дала толчекъ къ пробужденію въ народѣ критики“.

Послѣ войны—миръ, послѣ тѣхъ ужасовъ, которые, какъ тяжелый кошмаръ, давили собой все послѣднее время нашу жизнь, настаетъ теперь свѣтлая пора, новая эпоха. Миръ пришелъ не извнѣ только, онъ родился и внутри нашей жизни, давно уже ждавшей умиротворенія и обновленія.

Залогомъ этого обновленія является учрежденіе Государственной Думы.

Почти всѣ сошлись во взглядахъ, что въ настоящемъ своемъ видѣ Государственная Дума не удовлетворяетъ назрѣвшихъ уже потребностей, но никто не рѣшился отрицать того, что Рубиконъ всетаки перейденъ, что шагъ впередъ сдѣланъ.

И если говорить о деревнѣ, то несомнѣнно, что она много выиграетъ, отъ новой реформы, ибо, прежде всего, получитъ въ Государственной Думѣ очень солидное представительство. Крестьяне, какъ *сословіе*, будутъ имѣть много голосовъ въ Думѣ. 51 кандидатъ по числу 51 губерніи Европейской Россіи — это число представителей крестьянства уже обезпечено. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне будутъ имѣть, пожалуй, преимущество сравнительно съ другими двумя группами выборщиковъ, а это преимущество можетъ имъ дать еще приблизительно 104 кандидатовъ. (Разсчетъ не совсѣмъ вѣрный, какъ увидимъ изъ „Хрон. рус. жизни“.—*Ред.*)

Но какъ относятся къ народному представительству крестьяне—теперь, наканунѣ выборовъ, когда все представляется еще такъ неяснымъ и неопредѣленнымъ?!

Указаній объ этомъ имѣется въ текущей печати не мало, но обрисовываютъ они указанное отношеніе крестьянъ далеко не одинаково. Констатируется, съ одной стороны, вполнѣ сознательное и толковое отношеніе, ясное пониманіе всей важности и сущности совершившейся реформы нашего государственнаго быта, замѣтна, судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ, большая проникновенность этой реформой, намѣчается опредѣленность дѣйствій, необходимыхъ въ предвыборное время и, съ другой стороны, указывается на полную неосвѣдомленность деревенской массы относительно этой грандіозной реформы и на неподготовленность ея къ воспріятію всѣхъ огромныхъ результатовъ, вызываемыхъ положеніемъ о Государственной Думѣ. Это различіе отношеній объ-

ясняется, конечно, и различіемъ мѣстностей, которыхъ касаются указанія, и различіемъ степеней общей культурности населенія, его грамотности, сравнительной доступности газетъ и прочихъ условій.

Огромную роль въ смыслѣ способствованія болѣе сознательному и толковому отношенію деревенской массы къ сущности реформы играетъ, конечно, содѣйствіе со стороны.

Интересный примѣръ, наряду съ другими, представляетъ въ этомъ отношеніи дѣятельность русскаго уѣзднаго предводителя дворянства кн. П. Д. Долгорукова, который въ теченіе цѣлаго мѣсяца объѣзжалъ всѣ волости русскаго уѣзда и лично читалъ на волостныхъ сходахъ рѣчи князя С. Н. Трубецкого и М. П. Ѳедорова, произнесенныя 6 іюня при представленіи Государю, и отвѣтныя слова Государя депутаціи.

На всѣхъ сходахъ перебывали, по сообщенію „Русск. Вѣдом., тысячи крестьянъ, стекавшихся изъ самыхъ отдаленныхъ деревень. Вездѣ читались указанныя рѣчи, послѣ которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ велась оживленная бесѣда по поводу представительства и ожидаемыхъ реформъ. Крестьяне проявили самый живой интересъ къ предстоящимъ преобразованіямъ и особенно къ способамъ проведенія черезъ Государственную Думу соціально экономическихъ запросовъ деревни. Крестьяне охотно и довѣрчиво обращались въ князю съ разнообразными вопросами. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ крестьяне подали кн. Долгорукову чрезвычайно интересныя записки и заявленія, затрагивающія разныя деревенскія нужды. Небывалое появленіе на волостныхъ сходахъ предводителя дворянства, уважаемаго земца, сообщеніе имъ рѣчей 6 іюня и, впервые, вполнѣ свободное обсужденіе на сходахъ способовъ удовлетворенія наболѣвшихъ нуждъ деревни „вызывали, — какъ разсказываютъ „Русск. Вѣдом.",—неподдѣльный и радостный энтузіазмъ среди населенія рузскаго уѣзда. Крестьяне всюду высказывали глубокую благодарность по адресу депутаціи 6 іюня и, привѣтствуя представителя ея кн. П. Д. Долгорукова, устраивали ему шумныя оваціи и подносили адреса.

„И все это выливалось непосредственно, безъ какого-либо участія и воздѣйствія интеллигентныхъ силъ, вопреки утвержденію „Моск. Вѣд.", будто на сходы и совѣщанія крестьянъ командировались мѣстные земцы (третій элементъ), въ задачу которыхъ входили якобы насилованіе и подготовка мнѣній крестьянъ. Ложь „Моск. Вѣд." была уже указана въ „Русск. Вѣд.". Можетъ подтвердить, что на сходкѣ участвовали исключительно крестьяне, и мнѣнія ихъ были вполнѣ свободны, открыты и не стѣсняемы".

Нѣтъ необходимости пояснять, что если бы вездѣ представлялось возможнымъ входить въ такія совмѣстныя съ крестьянами обсужденія различныхъ нуждъ деревни и, въ частности, говорить и толковать по поводу учрежденія Государственной Думы и грядущихъ реформъ, то успѣхъ дѣла обновленія нашей жизни былъ бы достигнутъ скорѣе и полнѣе.

Но дѣятельность кн. Долгорукова является почти единственной въ своемъ родѣ.

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи замѣчается, наоборотъ, какъ разъ теперь, наканунѣ намѣченнаго обновленія нашей жизни, тенденція все прижать, „тащить и не пущать".

Не только-что предвыборная агитація, пропаганда и комментированіе идеи народнаго представительства, даже просто чтеніе положенія о Государственной Думѣ считается еще запретнымъ для многихъ обывателей Россійской Имперіи.

* * *

Государственная Дума, долженствующая сыграть въ дальнѣйшей жизни нашей деревни крупную и рѣшающую роль, составляетъ собой только часть цѣлаго ряда другихъ реформъ, въ которыхъ давно уже нуждается деревня.

Солидная пріуроченность выборовъ представителей крестьянства въ Государственную Думу къ волостнымъ сходамъ ставятъ, напримѣръ, вопросъ о необходимости немедленной реорганизаціи этихъ сходовъ.

Дѣло въ томъ, что отчасти самъ законъ, а главнымъ образомъ произволъ и личное усмотрѣніе администраціи создали такое положеніе, что волостные сходы являются отнюдь не выборными учрежденіями, а составляются болѣе или менѣе случайно по усмотрѣнію волостного старшины.

Что же касается участія на волостныхъ сходахъ добровольцевъ, то таковое участіе

совсѣмъ устранено закономъ, по которому на волостные сходы допускается только одинъ изъ каждыхъ десяти домохозяевъ.

Такимъ образомъ волостной сходъ является совсѣмъ не избирательнымъ учрежденіемъ, и предоставленіе именно ему избирательныхъ для участія въ Государственной Думѣ правъ противорѣчитъ основному принципу Положенія о Думѣ, согласно которому въ нее должны войти лица „свободно отъ народа избранныя и довѣріемъ общественнымъ облеченныя".

Несовершенство нашихъ волостныхъ сходовъ вызываетъ невольное пожеланіе, чтобы или выборы въ Государственную Думу были предоставлены не волостнымъ сходомъ, а всѣмъ правоспособнымъ хозяевамъ волости, или же самые волостные сходы были надлежащимъ образомъ реорганизованы.

Наряду съ вопросомъ о волостныхъ сходахъ стоитъ вопросъ о волостныхъ судахъ, также требующихъ надлежащей реорганизаціи, какъ уже объ этомъ отмѣчалось на страницахъ „Науки и Жизни".

Сами дѣятели нынѣшнихъ волостныхъ судовъ отмѣчаютъ ихъ недостатки.

Волостной писарь г. Б—скій такъ, напр., характеризуетъ составъ и дѣятельность этихъ судовъ въ одной газетѣ:

„Если бы петербургскіе законосоставители, пишетъ онъ, хоть разъ въ жизни могли видѣть, что творится въ этихъ судахъ, они бы сами себя наказали за то, что допускаютъ его существованіе. Пьянство, подкупъ судей и свидѣтелей, взяточничество, подношенія, крикъ, гамъ, нерѣдко ругань— вотъ волостной судъ!.. Лучшіе изъ крестьянъ страшатся этого суда и избѣгаютъ его, какъ заразы, а для худшихъ онъ является мѣстомъ, гдѣ можно выпить и заработать нѣсколько денегъ; для нѣкоторыхъ же волостныхъ писарей — это источникъ побочныхъ доходовъ, иногда очень большихъ".

Интересенъ общій тонъ этихъ и многихъ другихъ жалобъ крестьянъ на существующую организацію и дѣятельность волостныхъ судовъ и прочихъ учрежденій. Это—тонъ людей, давно уже убѣдившихся въ неправотѣ и ненормальности окружающихъ условій жизни и только теперь рѣшившихся высказать въ страстныхъ и отрывочныхъ выраженіяхъ свое недовольство, свое горе и исканіе новыхъ путей и условій существованія.

— Такъ жить дольше нельзя!

Это чувствуется въ каждомъ письмѣ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ фактѣ, совершающемся въ послѣднее время.

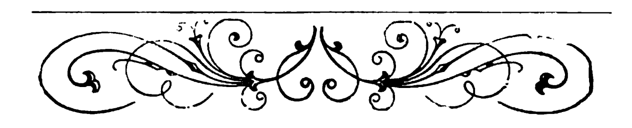
— Нужно жить по-новому.

Этого хотятъ, объ этомъ мечтаютъ теперь даже тѣ, которые робко таились раньше на самомъ „днѣ" нашей жизни, не смѣя говорить, не смѣя думать.

А теперь думаютъ, говорятъ и требуютъ.

И это свидѣтельствуетъ о томъ, что мы всетаки растемъ, что жизнь не стоитъ, что она идетъ безостановочно, не смотря на всѣ препятствія и преграды, все впередъ, все впередъ...

Печальный.

Хроника русской жизни.

I. Государственная Дума.—Ея „права“ и „но“.—Дума и комиссіи „свѣдущихъ“ людей. — Значеніе Государственнаго Совѣта. — Данныя числа и разсчетъ по справедливости.—Предстоящія Думѣ дѣла.—Наши финансы.—Общее настроеніе внутренней политики и „ожиданія“.—Кабинетъ министровъ. II. Автономія высшихъ учебныхъ заведеній.—Зачѣмъ она дана и къ чему можетъ привести.—Сходки студентовъ и ихъ постановленія о возобновленіи учебныхъ занятій.—Симптомы конфликта студентовъ съ профессорами.—Академическая свобода и репрессіи.—Нравоучительныя поученія проф. Соколова и А. Введенскаго.—2-й академическій съѣздъ.—Среднее и низшее образованіе.—III. Рабочіе и аграрные безпорядки.—Политика фабрикантовъ.—„Цари капитала“ и пролетаріатъ.—Что обуздаетъ аппетиты хозяевъ?—Наглядные примѣры, отчего происходятъ крестьянскія волненія.—Кавказскія дѣла.—Разгромъ и сожженіе нефтяныхъ промысловъ.—Тактика гг. нефтепромышленниковъ.—Рабочіе въ роли классическихъ Макаровъ.—Умиротворительные комитеты.—Тифлисская кровавая баня.

Государственная Дума и ея установленіе попрежнему привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе.

Мы уже говорили въ предыдущей хроникѣ, что вообще представляетъ собою это дѣтище бюрократіи. Теперь остановимся на нѣкоторыхъ деталяхъ.

Прежде всего — о „*правахъ*“ будущей Думы.

При внимательномъ чтеніи положенія о Думѣ каждому кидается въ глаза, что въ сущности всѣ предоставленныя Думѣ „права“ сводятся „на нѣтъ“ той „обстановкой“, которая создается для использованія этого „права“.

Дѣйствительно, Дума имѣетъ право обсуждать всѣ законы, но... для окончанія этого обсужденія можетъ быть назначенъ правительствомъ срокъ, послѣ котораго обсужденіе, хотя бы и не законченное, прекращается. Дума имѣетъ право „обсуждать“ бюджетъ, но... она не можетъ имѣть ровно никакого вліянія на обсужденіе этого бюджета, не можетъ отказывать правительству въ кредитахъ. Дума имѣетъ право дѣлать запросы министрамъ, но... они могутъ отвѣчать на эти запросы чрезъ мѣсяцъ. Дума имѣетъ право контролировать дѣятельность администраціи и можетъ дѣлать замѣчанія по поводу этой дѣятельности, но... она обязана каждый разъ указать, какой именно законъ въ данномъ случаѣ нарушенъ. Наконецъ, Дума обсуждаетъ всѣ законы, но... она лишена права касаться „основныхъ законовъ Имперіи“. Правда, въ манифестѣ есть обѣщаніе дальнѣйшихъ „усовершенствованій“ въ государственномъ строѣ, буде они станутъ необходимы, но мы теперь еще не знаемъ, каковы будутъ эти усовершенствованія, а пока можно сказать, что будущая Дума нисколько не отличается отъ тѣхъ комиссій „свѣдущихъ“ людей, какія уже неоднократно собирались, „отцвѣтая, не успѣвши расцвѣсть“.

Сходство Думы съ „комиссіями“ подтверждается тѣми порядками, какіе будутъ царить въ ней. Такъ, подобно комиссіямъ, Дума будетъ собираться келейно: публика не будетъ допускаться. Отчеты о преніяхъ въ Думѣ должны провѣряться не ею самою, а ея предсѣдателемъ. Вопросъ о закрытіи засѣданія для представителей печати также будетъ рѣшаться не думой, а тѣмъ же предсѣдателемъ. Члены Думы пользуются „полной свободой слова“, но — они предаются Сенатомъ (а не самимъ собраніемъ представителей) суду за преступленія, совершенныя ими при исполненіи ихъ служебныхъ...

то бишь, общественныхъ обязанностей (напримѣръ, какъ остроумно выразилась одна нѣмецкая газета, за „оскорбленіе“ министра выраженіемъ ему непочтенія при провѣркѣ его дѣйствій).

Что будетъ представлять изъ себя такая Дума, легко вообразить: она или немедленно потонетъ въ глубинѣ всенароднаго равнодушія (если не больше—презрѣнія), или немедленно же и вопреки всѣмъ 63 параграфамъ... превратится въ другое Собраніе.

Роль комиссіи „свѣдущихъ людей“ невольно приходитъ на умъ и при сопоставленіи правъ Думы по отношенію къ Государственному Совѣту, этому высшему бюрократическому учрежденію.

„По идеѣ, положенной въ основаніе акта 6-го августа и ясно выраженной въ манифестѣ,—говоритъ „С. О.“,—Государственная Дума призывается устранить вѣковое средостѣніе, воздвигнутое бюрократіей между Верховною властью и народомъ. Однако, если принять во вниманіе мѣсто, отведенное актомъ 6-го августа государственному Совѣту, то нужно придти къ выводу, что бюрократія даже получила существенное приращеніе силы“.

Дѣйствительно, по смыслу положенія о Думѣ, роль этого народно-представительнаго органа—служить лишь подготовительною ступенью для Государственнаго Совѣта, такъ какъ *всякое постановленіе Думы должно сначала удостоиться одобренія бюрократическаго учрежденія* (Государственнаго Совѣта), а потомъ уже получить верховную санкцію.

„Очевидно,—говоритъ далѣе „С. От.“,—что этимъ самымъ мнѣніе бюрократическаго учрежденія признается болѣе цѣннымъ и болѣе компетентнымъ, чѣмъ мнѣніе народа въ лицѣ его представителей“.

И въ то же время „Учрежденіе Государственной Думы“ не только охраняетъ прерогативы бюрократіи и спасаетъ ея авторитетъ, но даетъ еще ей, въ лицѣ Государственнаго Совѣта, широкую возможность въ значительной мѣрѣ—если не всецѣло—парализовать дѣятельность представительнаго органа. Таковъ, по крайней мѣрѣ, фактическій и логическій выводъ изъ статей 50 и 51 „Учрежденія“, предусматривающій случаи разногласія между Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ“.

Въ итогѣ, статья 50 и 51 „дѣлаютъ Государственный Совѣтъ полнымъ хозяиномъ положенія и отводятъ Государственной Думѣ роль скромной законосовѣщательной комиссіи или комитета изъ *свѣдущихъ людей* при Совѣтѣ. Болѣе вѣрный способъ охранить незыблемость бюрократическихъ началъ трудно было и придумать“.

Таковъ выводъ почтенной газеты, подтверждающій наше мнѣніе. Такъ и будемъ глядѣть на нее.

Но посмотримъ, далѣе, хоть въ этой то скромной роли („свѣдущихъ людей“) удовлетворястъ ли Дума требованіямъ справедливости, есть-ли, дѣйствительно, будущіе члены Думы, хотя по отношенію къ *своимъ* избирателямъ—настоящіе представители ихъ интересовъ.

Увы!—разсчетъ д-ра Жбанкова, приведенный въ томъ же „С. От.“, разубѣждаетъ насъ и въ этомъ. Приведемъ сущность его разсчетовъ.

„Общее число губернскихъ выборщиковъ 5,831,—говоритъ онъ,—кромѣ того, городскихъ выборщиковъ въ 20 городахъ, выбирающихъ самостоятельно членовъ думы, 1,760,—слѣдовательно, всѣхъ выборщиковъ 7,591*). И эта небольшая кучка людей, изъ которыхъ каждый представляетъ 17,000 русскихъ гражданъ, будетъ за всѣхъ остальныхъ рѣшать *до извѣстной степени* судьбы Россіи посредствомъ выбора членовъ Думы“.

„Распредѣляются выборщики такъ: отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей (и въ 3-хъ губерніяхъ отъ казачьихъ станицъ) 2,532, что составляетъ одну треть всѣхъ выборщиковъ; отъ съѣздовъ землевладѣльцевъ 1,945—немного болѣе одной четверти всѣхъ, и отъ городовъ 3,114—немного болѣе 2/5 всѣхъ. Какъ же относятся эти числа выборщиковъ къ числу населенія городовъ и деревень? Отвѣчаютъ ли они принципу справедливости? Далеко нѣтъ. По переписи 1897 г., населенія Россіи около 126,5 милл.,

*) Съ прибавленіемъ выборщиковъ отъ Польши, Финляндіи, Кавказа, Сибири, эта цифра нѣсколько уменьшится. Всѣ послѣдующія вычисленія мы также дѣлаемъ безъ этихъ областей; съ ними процентныя отношенія измѣнятся, но незначительно, и не измѣнятъ основныхъ выводовъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, отъ Царства Польскаго будетъ въ Думѣ 36 депутатовъ, по разсчету 4 чел. на 1 гмину.

изъ нихъ сельскаго около 110 милл.—87 проц.—и городского 16,6 милл.—13 проц.; первое превышаетъ второе почти въ 7 разъ.

Стало быть, составъ выборщиковъ и населенія таковъ:

	Крестьяне.	Землевладѣльцы.	Горожане.
Выборщики	43,5 проц.	33,5 проц.	23 проц.
Населеніе*)	91 „	1 „	8 „

„Сравнивая эти отношенія, мы видимъ, какія огромныя преимущества даны горожанамъ и особенно землевладѣльцамъ, сравнительно съ крестьянами. Такъ, землевладѣльцы, составляющіе только 1 процентъ всего населенія, составляютъ треть выборщиковъ а горожане, вмѣсто 8 процентовъ, — почти четверть всѣхъ выборщиковъ“

„Еще важнѣе соотношеніе выборщиковъ по отдѣльнымъ губерніямъ, такъ какъ составъ ихъ въ губернскомъ съѣздѣ рѣшаетъ вопросъ и о выборахъ. За исключеніемъ двухъ столичныхъ губерній, во всѣхъ остальныхъ крестьяне составляютъ громадное большинство, но не такъ дѣло обстоитъ съ выборщиками. Только въ 15 губерніяхъ число выборщиковъ отъ волостей преобладаетъ надъ суммой выборщиковъ остальныхъ двухъ группъ; во всѣхъ остальныхъ 36 губерніяхъ послѣдніе превышаютъ число крестьянскихъ выборщиковъ, а въ 8 даже одни городскіе выборщики превышаютъ деревенскихъ. Вполнѣ естественно ожидать, что въ упомянутыхъ 36 губерніяхъ выборщики двухъ послѣднихъ группъ, въ силу большей общности своихъ интересовъ, могутъ согласиться между собой провести своихъ и провалить крестьянскихъ кандидатовъ въ члены Думы. Нужно къ этому добавить, что и въ первыхъ 15 губерніяхъ преобладаніе крестьянскихъ выборщиковъ часто такъ незначительно, по 4—6 человѣкъ, что стоитъ нѣсколькимъ крестьянамъ не явиться на выборы, и перевѣсъ будетъ опять на сторонѣ остальныхъ двухъ группъ. Могутъ указать, что крестьянамъ дано право сначала избрать своихъ членовъ Думы, по 1 на губернію, но вѣдь эти 51 только 1/8 всѣхъ членовъ Думы, а крестьяне составляютъ 87 проц. всего населенія! Кромѣ того горожане въ 20-ти городахъ, также независимо отъ другихъ, выбираютъ 28 своихъ представителей“.

„Еще болѣе не соотвѣтствуетъ численному составу населенія соотношеніе въ отдѣльныхъ губерніяхъ выборщиковъ отъ крестьянъ и землевладѣльцевъ. Какъ бы ни было различно число послѣднихъ въ разныхъ губерніяхъ, но, во всякомъ случаѣ, ихъ вездѣ гораздо меньше, чѣмъ крестьянъ. И, однако, въ 18 губерніяхъ выборщиковъ отъ первыхъ больше и иногда очень значительно, чѣмъ отъ крестьянъ, а въ двухъ губерніяхъ, Минской и Полтавской, выборщики отъ землевладѣльцевъ превышаютъ численно даже сумму выборщиковъ отъ крестьянъ и горожанъ.

„Наконецъ, соотношеніе между числомъ членовъ думы и количествомъ населенія въ отдѣльныхъ губерніяхъ и городахъ также довольно различно: отъ 500.00 до 290,000 населенія на 1 члена думы.

„Еще два слова о городскомъ цензѣ: всякій собственникъ, имѣющій имущество въ 3,000 р. въ столицахъ и въ 1,500 р. въ остальныхъ городахъ, — полноправный гражданинъ, а лицо, платящее въ столицахъ за квартиру менѣе 1320 р., т. е. почти половину всей недвижимой собственности перваго или почти всю стоимость имущества второго, еще не созрѣло для участія въ выборахъ. Если цѣнить людей на деньги, то надо же быть послѣдовательнымъ. Необходимо отмѣтить и еще одну предусмотрительность, имѣвшую въ виду исключить возможно большее число людей свободныхъ профессій отъ выборовъ, это — *цензъ осѣдлости*: квартиронаниматели пріобрѣтаютъ право только по истеченіи трехъ лѣтъ“.

„Однимъ словомъ, — заключаетъ д-ръ Жбанковъ,—полное пренебреженіе численными соотношеніями различныхъ группъ населенія, вычеркиваніе однихъ въ пользу другихъ и масса другихъ очевидныхъ несообразностей и недоумѣній отличаютъ настоящіе выборы, и это было и будетъ всегда, когда назначаются выборы не на тѣхъ основаніяхъ, которыхъ желало русское общество“.

„Теперь лишены вполнѣ естественныхъ и справедливыхъ правъ гражданина масса крестьянъ, почти всѣ рабочіе, громадное большинство ремесленниковъ-мѣщанъ, большинство лицъ свободныхъ профессій, весь

*) Населеніе здѣсь взято безъ 20 самостоятельныхъ городовъ; точное число землевладѣльцевъ намъ неизвѣстно, но, конечно, оно не превыситъ 1 проц. всего населенія.

третій элементъ и всѣ женщины! Заранѣе можно сказать, что какъ бы хорошо ни прошли выборы, на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на истинно народные, свободные выборы".

Значитъ, будущую Думу едва ли справедливо назвать даже „комиссіею *свѣдущихъ* людей".

И такому-то учрежденію придется вершить государственныя дѣла. Правда, отъ многихъ *важныхъ дѣлъ* ее, навѣрно, *освободятъ*. Но все таки хоть для виду кое что и останется, и прежде всего, пожалуй, дѣла финансовыя, которыя требуютъ такого же скорѣйшаго упорядоченія, какъ и дѣла внутренней политики.

Вопросомъ о русскихъ финансахъ интересуются и не у насъ только, а и за-границей. Недавно вышла, напримѣръ, на нѣмецкомъ языкѣ книга Георга Бернгардта „Бѣдная—богатая Россія". Въ ней, на основаніи детальнаго анализа русскихъ финансовъ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ неутѣшительнымъ выводамъ;

1) Ни одинъ русскій бюджетъ, опубликованный за послѣдніе 15 лѣтъ, не заслуживаетъ никакого довѣрія, ни по своему техническому составленію, ни по достовѣрности числовыхъ данныхъ.

2) Займы русскаго государства достигли высоты, ни въ коемъ случаѣ не соотвѣтствующей платежной способности народа.

3) Эти займы только въ весьма незначительныхъ случаяхъ дѣлались для продуктивныхъ цѣлей; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ они были необходимы или для приведенія бюджета въ равновѣсіе, или для того, чтобы имѣть запасы золота на случай краха.

4) Русскія желѣзныя дороги не являются доходнымъ государственнымъ предпріятіемъ, а, наоборотъ, приносятъ убытки. Онѣ далеко не представляютъ той дѣйствительной стоимости, которая стоитъ въ государственномъ балансѣ! Да и винная монополія, прибавимъ мы, — не смотря на колоссальный валовой доходъ, даетъ все таки чистой прибыли менѣе, чѣмъ раньше.

5) Русское лѣсное хозяйство находится въ отчаянномъ состояніи.

6) Основа русскаго народнаго хозяйства— земледѣліе, принесено въ жертву чисто финансовымъ интересамъ отдѣльныхъ министровъ финансовъ. Усиленіе вывоза за-границу привело къ цѣнамъ, не вознаграждающимъ труда: русскій крестьянинъ не въ состояніи выносить тягостей налоговъ.

7) Данныя о развитіи, промышленности, составленныя Витте, способны вполнѣ ввести въ заблужденіе.

8) Русскія банковыя дѣла ведутся съ полнымъ произволомъ и совершенно не представляютъ никакихъ гарантій, что и въ будущемъ будутъ поставлены лучше.

Въ концѣ концовъ Бернгардтъ приходитъ въ своей книгѣ къ тому выводу, что единственнымъ выходомъ для Россіи является ея реорганизація политическаго строя. Формы государственнаго хозяйства, кредитоспособность страны совершенно не отдѣлимы отъ ея политическаго строя, а потому анализъ ея финансоваго хозяйства неизбѣжно долженъ привести къ анализу ея политическихъ формъ; иначе русскіе финансы могутъ перейти подъ контроль западно-европейскихъ кредиторовъ, — что уже совсѣмъ позорно для національнаго самолюбія,—прибавимъ мы.

И при такомъ-то положеніи финансовъ у насъ находятъ возможнымъ платить Линевичу и Куропаткину по 140 тыс. жалованья, давать 20-тысячныя пенсіи, по 15—20 тысячъ выдавать гг. министрамъ на переѣзды съ одной квартиры на другую!! Особенно счастливы въ этомъ отношеніи гг. генералы (Сахаровъ, Редигеръ, Палицынъ, Поливановъ и др.), щедро получавшіе на „переѣзды" тысячи рублей, когда на самомъ дѣлѣ можно было смѣло обойтись и сотнями.

Говорятъ, государственный контролеръ, ген. Лобко, готовитъ докладъ о несоотвѣтственности такихъ выдачъ въ настоящее затруднительное для государственнаго казначейства время. И давно пора! Вспомнимъ хотя бы японскіе оклады жалованья: гдѣ у насъ сотни тысячъ, у нихъ—тысячи, у насъ десятки тысячъ, у нихъ—сотни рублей. А дѣло то, какъ показала война, они знаютъ, пожалуй, во столько же разъ лучше.

Вотъ какія дѣла придется разрѣшать будущей Думѣ. А вопросы „внутренняго нестроенія", учебные, аграрные, рабочіе и иные?!

Для того, чтобы только разобраться въ этихъ, порою сильно запутанныхъ (и все больше запутываемыхъ) вопросахъ, необходимо прежде всего ввести свободу печати и

свободу слова, равно какъ и для правильности выборовъ въ самую Думу. А этой свободы, несмотря на ходящіе слухи,—ни укороченной, ни полной, повидимому, и не будетъ. Да и странно было бы ожидать ее, не совмѣстимую съ бюрократическимъ строемъ, разъ этотъ строй остается въ прежней роли.

Даже больше того — въ виду созванія Думы, этотъ строй усиливается, такъ какъ въ помощь Государственному Совѣту, для объединенія министровъ и ихъ *дѣятельности*, вновь учреждается Кабинетъ Министровъ съ первымъ министромъ во главѣ.

Кромѣ того, и общее настроеніе нашей внутренней политики не таково, чтобы мечтать о какой либо „свободѣ". Напротивъ, суровыя мѣры репрессіи считаются болѣе, чѣмъ когда либо, необходимыми. На Кавказѣ власти допустили полный разгромъ, небывалый по размѣрамъ, нефтяныхъ промысловъ и, въ оправданіе, ссылались на недостаточность вооруженной силы,—а теперь въ разгромленный Баку посылаютъ полки за полками; въ Остзейскомъ краѣ введенное въ Курляндской губ. военное положеніе думаютъ распространить и на сосѣдніе уѣзды Лифл. губ. Даже мирная до сихъ поръ Финляндія наполняется войсками, словно и тамъ ждутъ чего-то.

И, въ результатѣ, благія намѣренія такъ и остаются намѣреніями, какъ видно хотя бы изъ состоявшагося недавно совѣщанія министровъ.

Здѣсь, по слухамъ, *большинство* высказалось за возможно скорую отмѣну положенія объ усиленной охранѣ и за отмѣну широкихъ полномочій, предоставленныхъ мѣстной администраціи по наложенію взысканій, производству обысковъ и возбужденію судебныхъ преслѣдованій. Но вотъ одинъ изъ присутствующихъ на совѣщаніи заявилъ, что, *съ отмѣной репрессій, трудно будетъ ручаться за спокойствіе въ странѣ,— и большинство взяло назадъ свое предложеніе.*

И тутъ, значитъ, насъ сочли „несозрѣвшими". Тѣмъ удивительнѣе, на первый взглядъ, кажется, пресловутая автономія, которой такъ жаждали учащіе и учащіеся, и которая была, наконецъ, объявлена Императорскимъ Указомъ 27 августа.

На ней стоитъ остановиться и разсмотрѣть вопросъ поподробнѣе.

II.

Указъ объ автономіи Университетовъ, распространенный скоро и на всѣ другія высшія учебныя заведенія, 1) предоставляетъ право Совѣту и факультетамъ выбирать ректора (или директора) и декановъ, 2) заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни возлагаетъ на отвѣтственность Совѣта; 3) уничтожаетъ самостоятельность инспекціи, ввѣряя ее ректору (директору) и 4) разбирательство по студенческимъ дѣламъ ввѣряетъ профессорскому дисциплинарному суду (на основ. правилъ 27 авг. 1902 г.).

Такимъ образомъ дана высшимъ уч. заведеніямъ долго жданная академическая автономія, — и вездѣ уже приступили къ выбору Начальниковъ Высшихъ Учебныхъ Заведеній.

Ближайшимъ послѣдствіемъ автономіи будетъ, кажется: возвращеніе пострадавшихъ за свои убѣжденія и уволенныхъ профессоровъ и студентовъ, допущеніе въ Университеты женщинъ и уничтоженіе процентныхъ ограниченій, затѣмъ свобода науки,— и мирный ходъ учебныхъ занятій будетъ обезпеченъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется съ перваго взгляда.

Но, не говоря уже о странности дарованія „свободы" высшимъ учебнымъ заведеніямъ въ то время, какъ всѣ другія „свободы" по прежнему находятся подъ запретомъ, невольно задаешься вопросомъ, для чего дана академическая свобода и къ чему она *можетъ* повести.

Указъ 27 авг. основывается на желаніи „водворенія въ высш. уч. зав. правильнаго теченія академической жизни". Объ этомъ говоритъ по поводу указа и пресса; наконецъ, согласно ему, дѣлаютъ теперь постановленія и студенты—немедленно возобновить занятія.

Постановленія студенческихъ сходокъ въ этомъ отношеніи довольно единодушны. Правда, какъ видно изъ рѣшенія сходки московскихъ университантовъ, они „согласны возобновить занятія, но съ тѣмъ, чтобы одновременно участвовать и въ освободительномъ движеніи".

Одинъ московскій студентъ въ открытомъ письмѣ къ пр.-доц. Гольцеву прямо за-

являетъ: „если студенты и приступятъ теперь къ занятіямъ, то не для того, чтобы погрузиться въ науку, а для того, чтобы собраться съ силами и влиться въ могучій потокъ общественнаго движенія“.

Нельзя,—говоритъ онъ,—„отдаться сполна наукѣ, когда русская жизнь выбрасываетъ изъ своихъ нѣдръ все новые ужасы“... „Студенчество переросло рамки академической жизни“.

Авторъ письма горячо возстаетъ противъ призыва „къ старческому благоразумію“ теперь, когда и самой автономіей профессора „нравственно обязаны“ именно „студенчеству и той передовой части народа, которыя умѣли стойко отстаивать свои права“.

Г. Гольцевъ и др. профессора, призывая студентовъ къ ученію, высказывали опасеніе, какъ бы иначе „не сыграть въ руку реакціи“.

Но и это „практическое соображеніе“ кажется автору письма негоднымъ: все равно,—говоритъ онъ,—„органы истинно-русскаго хамства“ всегда сумѣютъ извратить съ „лакейскимъ злорадствомъ“ смыслъ совершающихся событій“.

Это письмо, по нашему мнѣнію, является типичнымъ выраженіемъ настроенія большинства нашего студенчества, какъ показали постановленія студенческихъ сходокъ, происходившихъ въ теченіе сентября почти во всѣхъ университетскихъ городахъ и особенно многолюдныхъ, понятно, въ Петербургѣ и Москвѣ.

На этихъ сходкахъ подавляющее большинство студентовъ, высказываясь за открытіе учебныхъ занятій, въ то же время открыто выставило свое намѣреніе принять дѣятельное участіе въ политической жизни страны.

И вотъ на этой-то почвѣ,—мы опасаемся,—и произойдутъ разногласія между профессорами и студентами, столь желательныя для людей извѣстнаго сорта и столь вредныя для дѣла свободы.

Характерный эпизодъ въ этомъ отношеніи разыгрался на сходкѣ студентовъ Спб. Политехникума, 12 сент., гдѣ участвовало свыше 900 студ. Политехнич. Института и свыше 1.000 чел. студ. другихъ техническихъ заведеній Петербурга.

По приглашенію студентовъ, на сходку явилась вся корпорація профессоровъ и преподавателей Политехникума. Отъ лица всѣхъ профессоровъ говорилъ проф. Постниковъ. Въ прочитанной имъ резолюціи говорилось, что *если студенты не приступятъ къ обычнымъ, регулярнымъ занятіямъ или станутъ устраивать въ стѣнахъ Института политическіе митинги*, въ такомъ случаѣ *всѣ профессора, преподаватели, доценты и лаборанты* считаютъ для себя невозможнымъ продолжать академическія занятія въ институтѣ и *выходятъ въ отставку*. Тотчасъ же въ массѣ студентовъ опредѣлились три различныхъ теченія. Одно за начало занятій безъ устройства политическихъ митинговъ въ стѣнахъ иститута, другое придерживалось общедоступныхъ митинговъ въ аудиторіяхъ института, и, наконецъ, третье стояло за продолженіе забастовокъ. Цѣлый рядъ ораторовъ доказывалъ невозможность правильныхъ академическихъ занятій въ виду серьезности историческаго момента, переживаемаго Россіей, и призывалъ къ единенію въ вопросахъ политической тактики всей академической семьи—профессоровъ и студентовъ. Сходка продолжалась до $10^1/2$ час. вечера. Въ концѣ была вынесена резолюція, за продолженіе забастовки баллотировало 73 чел., за занятія — 728. Изъ числа вотировавшихъ за занятія 700 *студентовъ**) *стояло за устройство политическихъ митинговъ въ общежитіи*, 20—противъ и 8 воздержалось отъ подачи голоса.

Резолюція сходки гласитъ: 1) студенчество будетъ фактически осуществлять право собраній, предоставивъ помѣщеніе общежитій для митинговъ и сходокъ и защищая это право всѣми средствами, которыя находятся въ его распоряженіи; 2) студенчество будетъ стремиться къ расширенію аудиторіи въ формѣ вечернихъ лекцій но вопросамъ общественнаго характера для всѣхъ желающихъ; 3) студенчество будетъ осуществлять завоеванную академическую свободу въ самой широкой формѣ“.

Услышавъ такую резолюцію, гг. профессора, очевидно, не ожидавшіе ея, опѣшили и заявили, что они считаютъ нужнымъ „перерѣшить свое рѣшеніе“. Недурно!

---

*) Подавали голосъ очевидно только студенты Политехникума.

Спб. Университанты постановили „прекратить политическую забастовку" и приступить къ занятіямъ, *въ цѣляхъ сплоченія и объединенія студенчества.*

Приблизительно въ такомъ же родѣ высказались и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Эти факты кажутся сами въ высшей степени знаменательными: свидѣтельствуя о замѣчательномъ единодушіи студенчества и его настойчивости, они показываютъ, что въ массѣ наша учащаяся молодежь отставляетъ на второй планъ дѣйствительное возстановленіе учебныхъ занятій въ это смутное переходное время, а считаетъ долгомъ выступить прежде всего въ качествѣ политическихъ дѣятелей.

Пылкія, увлекающіяся молодыя сердца, очевидно, не пойдутъ ни на какіе компромиссы и вовсе не думаютъ успокоиться на дарованной академической автономіи. Ихъ политическія воззрѣнія уже извѣстны.

Съ другой стороны, профессорская корпорація, люди, опять таки въ громадномъ большинствѣ, положительные, солидные, не идутъ дальше обыкновенныхъ либеральныхъ (вѣрно, либерально-буржуазныхъ) мечтаній. Достигнутой автономіей они дорожатъ больше всего, какъ показало письмо прив.-доц. Гольцева, вызвавшее рѣзкій отпоръ со стороны студентовъ, — а также рѣшеніе профессоровъ Спб. Политехникума.

Профессора *ни за что не согласятся на нѣкоторыя требованія студентовъ,*—и разногласія, а то и столкновенія между обѣими сторонами станутъ неизбѣжными,

Не этого ли и добиваются г. г. бюрократы?

До сихъ поръ профессора и студенты шли дружно, рука объ руку, что, очевидно, кое-кому не нравилось. Не дай Богъ, если они разойдутся опять, какъ уже разошлись хозяева съ рабочими, а имущіе классы, вообще — съ неимущими. Теперь единеніе болѣе, чѣмъ когда либо, необходимо, а на разъединеніи только и строитъ разсчеты на побѣду колеблющійся старый строй.

А симптомы во всякомъ случаѣ—довольно угрожающіе, разъ профессоры вездѣ отказываютъ въ желаніи студентовъ разрѣшить входъ на лекціи и на сходки постороннихъ лицъ. Съ этимъ едва ли согласятся студенты. Конфликтъ можетъ кончиться отказомъ отъ своихъ должностей профессоровъ или по крайней мѣрѣ—выборнаго начальства А тогда конецъ академической автономіи!

Очевидно, репрессіи по прежнему считаются необходимой мѣрой. Повидимому, къ такому мнѣнію примыкаютъ и нѣкоторые профессора, правда, довольно архаическаго учрежденія, какимъ является Спб. Инст. —Филологическій Институтъ.

Здѣсь студенты, въ числѣ 74 изъ общаго числа 105 чел., заявили, что они приступятъ къ занятіямъ, только по удовлетвореніи своихъ требованій. Именно, они писали въ своей резолюціи: наше „*заведеніе, по своимъ задачамъ и цѣлямъ, является созданіемъ силъ и интересовъ, имѣющихъ очень мало общаго съ интересами народа.* Исходя изъ этого взгляда, мы считаемъ основательный пересмотръ институтскаго устава и нормировку дальнѣйшей жизни института на болѣе жизненныхъ и цѣлесообразныхъ началахъ насущнѣйшей и безусловно необходимой задачей даннаго момента. Залогъ же достиженія этого новаго лучшаго будущаго мы видимъ въ немедленномъ распространеніи на нашъ институтъ принциповъ автономіи и академической свободы, возвѣщенныхъ указомъ отъ 27-го августа".

Чрезъ два дня конференція профессоровъ торжественно объявила студентамъ, что требованія ихъ не будутъ уважены, такъ какъ-де Институтъ *совсѣмъ не нуждается ни въ какихъ преобразованіяхъ.* Не нужно и автономіи, ибо, по мнѣнію конференціи, „Институтъ при настоящемъ своемъ составѣ пользуется, автономіей (!?) въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это дается университетамъ врем. прав. 27 авг. А проф. Соколовъ въ своей рѣчи серьезнымъ тономъ прибавилъ еще, что *академической свободой они пользуются въ неограниченныхъ размѣрахъ, ибо никто не мѣшаетъ студентамъ „учиться", сколько имъ угодно* (!!).

Другой проф., когда-то популярный г. Введенскій *), еще лучше сказалъ, что

*) Въ послѣднее время этотъ же профессоръ увѣковѣчилъ свое имя въ исторіи

„требованія студентовъ для конференціи — *мало понятны*". А прекращеніе занятій есть нарушеніе дисциплины, а потому кара—необходима. Кара же эта—общепринятая—исключеніе. Кто не заявитъ немедленно о желаніи учиться, тотъ, если поступилъ на 1-й курсъ, увольняется, равно и оставшіеся на второй годъ на к. н. курсѣ, остальные остаются на 2-й годъ, а то, можетъ быть, также будутъ уволены.

Словомъ, средство извѣстное! Конференція, принявшая такое соломоново рѣшеніе, состоитъ изъ профессоровъ: В. В. Латышева (дир.), С. М. Середонина (инсп.), Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, А. К. Бороздина, Г. В. Форстена, С. К. Булича, Ѳ. Ѳ. Соколова, А. И. Введенскаго, И. И. Холодняка, Н. Н. Томасова и Н. А. Гельвиха.

Странное что-то творится и въ Горномъ Институтѣ, какъ это видно изъ состоявшагося 12-го сентября засѣданія Спб. группы академическаго союза профессоровъ, на которомъ былъ поднятъ вопросъ о возвращеніи въ горный институтъ шести профессоровъ, ушедшихъ въ 1904 году изъ-за такъ называемаго „коноваловскаго конфликта".

Закрытой баллотировкой рѣшено: „возвращеніе шести ушедшихъ профессоровъ не повлечетъ за собою умиротворенія горнаго института", хотя на поставленный вопросъ о частичномъ возвратѣ профессоровъ подавляющее большинство членовъ высказалось въ утвердительномъ смыслѣ.

Что это значитъ? Почему, повидимому, признается нежелательнымъ возвращеніе всѣхъ 6 ушедшихъ профессоровъ, тѣмъ болѣе пользующихся симпатіями студентовъ? Почему возвращеніе ихъ не удовлетворитъ студентовъ? Значитъ, ихъ болѣе удовлетворитъ продолжающееся изгнаніе профессоровъ? Да и кто, помимо самихъ студентовъ, можетъ, наконецъ, рѣшить вопросъ объ умиротвореніи ихъ, если о томъ заходитъ рѣчь? Повторяемъ, тутъ что-то странно!

Во всякомъ случаѣ едва ли такое отношеніе группы акад. союза умиротворитъ самихъ профессоровъ между собою и вообще профессоровъ—со студентами.

просвѣщенія, по слухамъ, обратившись къ министру Нар. Просв. ген.-лейт. Глазову съ предложеніемъ закрыть на время созыва государственной думы всѣ высшія учебныя заведенія...

Наконецъ, плохія вѣсти идутъ и изъ Харьковскаго Технич. Института, попавшаго въ руки небольшой кучки „русскаго собранія". Здѣсь около половины профессоровъ было уволено, благодаря воздѣйствію бывшаго директора Шиллера. Оставшіеся же, воспользовавшись автономіей, *поспѣшили* избрать въ директоры проф. Мухачева, члена „русскаго собранія".

Послѣ такихъ фактовъ, въ виду общаго волненія, охватившаго вездѣ студенчество, мы не очень-то вѣримъ въ дѣйствительное возобновленіе занятій, по крайней мѣрѣ, до новаго года, хотя сами профессора, повидимому, считаютъ это дѣло рѣшеннымъ и уже составили планъ возобновленія занятій. Такъ, почти вездѣ они, во-первыхъ высказались противъ условныхъ переводовъ. Во вторыхъ, предположили оставить студентовъ на тѣхъ же курсахъ, а такъ какъ полукурсовыя программы уже пройдены студентами, то профессора должны читать курсъ, который обычно читается во второмъ полугодіи. Что же касается студентовъ послѣдняго выпускного курса, то послѣ рождественскихъ каникулъ должны быть назначены выпускные экзамены.

Очень вѣроятно, что вслѣдствіе какихъ либо непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, многія учебныя заведенія, особенно университеты, будутъ закрыты на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ виду этого слѣдуетъ остановиться на вопросѣ *о вольномъ университетѣ*,—вопросѣ, поднятомъ еще на II Съѣздѣ Гор. и Земскихъ Дѣятелей, въ Москвѣ, 6 авг. и потомъ горячо поддержанномъ на Академическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ 25—28 августа.

По поводу этого проекта проф. кн. Е. Трубецкой говорилъ, что „не будучи связана ни правительственными требованіями, ни обязательной программой преподаванія, ни постояннымъ числомъ каѳедръ, такая высшая школа отличалась бы по сравненію со школой государственной большей подвижностью. Поэтому въ дѣлѣ улучшенія высшаго образованія она могла бы оказать существенныя услуги, вводя новые предметы и новые, еще неиспробованные методы преподаванія".

Кромѣ того,—говоритъ онъ,—„открывая

свои двери всѣмъ русскимъ гражданамъ безъ различія пола, національности, вѣроисповѣданія и независимо отъ оффиціальнаго образовательнаго ценза, вольная высшая школа могла бы способствовать распространенію научныхъ знаній въ широкихъ кругахъ общества, нынѣ отстраненныхъ отъ высшаго образованія.

Наконецъ, „въ случаѣ, если въ переживаемый нами острый періодъ борьбы за обновленіе государственнаго строя, реорганизованная правительственная школа временно прекратитъ свое существованіе, вольная высшая школа можетъ оказаться единственной".

На основаніи вышеизложеннаго, съѣздъ постановилъ:

признать, что осуществленіе идеи вольной высшей школы составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ академическаго объединенія. Въ виду этого, поручить петербургскому и московскому бюро озаботиться доставкою къ слѣдующему съѣзду подробнаго проекта организаціи школы.

„По выработкѣ проекта организаціи высшей школы, озаботиться немедленнымъ его опубликованіемъ и распространеніемъ въ возможно широкихъ кругахъ общества; для этой цѣли сообщить его земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, а также существующимъ бюро объединенія земскихъ и городскихъ дѣятелей, разнаго рода профессіональныхъ объединеній и т. д.

„Поручить петербургскому бюро объединенія обратиться своевременно къ названнымъ выше учрежденіямъ и объединеніямъ, и ко всему обществу съ просьбой о возможно широкомъ идейномъ и матеріальномъ содѣйствіи осуществленію важнаго національнаго дѣла, созданія вольной высшей школы".

Для почина дѣла, чрезъ проф. Ковалевскаго, одно неизвѣстное еще лицо пожертвовало уже недвижимое имущество въ 1/2 милл. рубл., приносящее дохода 20 тыс. ежегодно, а другое до 500 тыс. рубл. капитала.

Можно надѣяться, что идея вольной высшей школы встрѣтитъ въ настоящее время общее сочувствіе.

Заговоривъ о Съѣздѣ Академическаго Союза, нужно замѣтить, что организація его встала на твердую почву. Въ 13 городахъ при высшихъ школахъ образовались уже 44 мѣстныхъ группы союза, а число членовъ союза достигло почтенной цифры 1.650—приблизительно 2/3 всего наличнаго преподавательскаго состава русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

На послѣднемъ съѣздѣ участвовало 112 представителей 39-ти высшихъ учебныхъ заведеній *).

Имѣя за собою сочувствіе избранныхъ ихъ товарищей, члены съѣзда съ полнымъ правомъ, какъ представители большинства академическихъ корпорацій, могли принять слѣд. резолюцію по поводу возстановленія учебныхъ занятій.

„Признавая, что и въ настоящее время въ странѣ не существуетъ еще тѣхъ условій, которыя могли бы обезпечить желатель-

---

*) Въ съѣздѣ принимали участіе 91 делегатъ: *изъ Петербурга*—Э. Ф. Зѣлинскій, М. И. Ростовцевъ, А. Л. Добіашъ, Н. А. Лосскій, В. Л. Комаровъ, А. И. Каминка, А. С Ломшаковъ, М. А. Шателенъ, Н. Н. Саввинъ, Д. Н. Монастырскій, Левинсонъ-Лессингъ, И. С. Щегляевъ, Л. Г. Богаевскій, М. Е. Евангуиловъ, В. В. Половцевъ, П. С. Коссовичъ, Г. Н. Бочъ, И. А. Быковъ, Н. А, Пушинъ, Н. С. Курнаковъ, Н. И. Подкопаевъ, Перримондъ, В. Арциховскій, А. А. Кадьянъ, Надежда Н. Гернетъ, С. Е. Савичъ, В. А. Фауссекъ, Н. А. Трифоновъ, И. П. Долбня, В. А. Беклемишевъ: *изъ Москвы*--Н. А. Каблуковъ, К. А. Темирязевъ, В. М. Хвостовъ, В. В. Бобынинъ, А. Н. Варнекъ, М. Н. Гернетъ, Н. И. Сакулинъ, И. Кистяковскій, А. П. Гавриленко, В. Й. Гриневецкій, К. В. Сидоренко, Б. И. Угрюмовъ; В. М. Чаплинъ, А. Г. Дояренко, Н. Н. Худяковъ, П. А. Велиховъ, В. И. Образцовъ, К. А. Цвѣтковъ, С. Г. Крапивинъ; *изъ Кіева*—Н. М. Гайдуковъ, А. М. Левшинъ, А. М. Лучицкій, Е. Н. Трубецкой, В. Г. Бажаевъ, Ю. М. Вагнеръ, В. К. Заленскій, С. А. Ивановъ; *изъ Харькова*—Н. А. Гредескулъ, Д. М. Синцовъ, В. А. Стекловъ, Т. Е. Тимофеевъ, А. Н. Фатѣевъ; *изъ Казани*—В. Н. Ивановскій, В. В. Чиртковскій; *изъ Одессы*—В. Л. Буницкій, П. В. Казанецкій, В. А. Косильскій, В. Ф. Каганъ, Н. К. Лысенковъ, Л. А. Тарасевичъ, Е. Н. Щепкинъ. *изъ Варшавы*—А. В. Вульфъ, Ю. В. Вульфъ: Д. Ф. Синицинъ, А. Е. Щербакѣ; *изъ Юрьева*—М. А. Дьяконовъ, Д. М. Лавровъ, А. Н. Миклашевскій, Н. В. Культашевъ, М. И. Ростовцевъ; *изъ Томска*—С. Е. Сабининъ, Д. В. Алексѣевъ, П. М. Богаевскій, Н. И. Карташевъ: *изъ Ново-Александріи*—Н. И. Скворцовъ, В. П. Смирновъ: *изъ Екатеринославля* –А. М. Терпигоревъ; *изъ Ярославля* –Е. Н. Темниковскій, Е. Д. Синицкій; *изъ Нѣжина*—В. К. Пискорскій и *изъ Парижа*—М. М. Ковалевскій. Кромѣ того, приняли участіе въ съѣздѣ 7 лицъ, приглашенныхъ организаціоннымъ бюро: С. Н. Вулгаковъ, А. В. Горбуновъ, Н. Н. Баженовъ, Н. Зелинскій, П. Аргутинскій, Д. Д. Плетневъ, и Л. И. Лутугинъ.

ную нормальную дѣятельность школъ, но глубоко сознавая въ то же время неисчислимый вредъ, причиняемый странѣ прекращеніемъ въ ней организованной научной работы и высшаго образованія, съѣздъ пришелъ къ заключенію, что высшія учебныя заведенія, несмотря на все еще длящіяся тяжелыя условія, должны начать свои учебныя занятія, конечно, при отсутствіи какихъ-либо административныхъ принудительныхъ мѣръ, къ этому направленныхъ. Угрозой для спокойнаго теченія занятій остаются кровавыя событія, происходящія въ странѣ, попрежнему царящій административный произволъ при отсутствіи элементарныхъ благъ политической свободы. Положеніе усиленной охраны, дѣйствующее во всѣхъ университетскихъ городахъ, создаетъ постоянно событія, которыя способны разстроить и остановить жизнь учебныхъ заведеній. Условія же военнаго положенія въ Одессѣ и Варшавѣ таковы, что здѣсь, въ частности, по мнѣнію съѣзда, правильная академическая жизнь въ настоящее время не возможна, самое же возобновленіе занятій грозитъ повлечь за собою поистинѣ страшныя послѣдствія какъ для учащихся, такъ и для учащихъ. Кромѣ того, оставшійся безъ измѣненія строй самихъ высшихъ учебныхъ заведеній представляетъ серьезнѣйшее препятствіе къ установленію нормальной жизни въ нихъ.

Если же, по прежнему, въ высшія школы будетъ вмѣшиваться полицейская администрація, то члены акад. корпорацій сочтутъ себя вынужденными „отказаться отъ участія въ занятіяхъ".

Послѣ этого, рѣшивъ на слѣд. засѣданіяхъ вопросъ о вольной школѣ, а также о равноправіи женщинъ, при поступленіи ихъ въ высшія учебныя заведенія, съѣздъ постановилъ, предъ своимъ закрытіемъ, слѣд. резолюцію,—(цитируемъ по „Слову):

„Раздѣляя со всѣми прогрессивными элементами русскаго общества чувство глубокой неудовлетворенности учрежденіемъ Государственной Думы, которое стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ началами правильнаго народнаго представительства, но въ то же время принимая во вниманіе, что и предвыборная агитація, и участіе въ новомъ учрежденіи къ числу прежнихъ средствъ борьбы присоединяетъ новый путь для достиженія принятыхъ нами ранѣе политическихъ началъ (политическая резолюція 1-го съѣзда) и что въ зависимости отъ состава Думы въ значительной степени находится переходъ Россіи къ болѣе правильнымъ политическимъ формамъ,—съѣздъ признаетъ, что участіе въ выборахъ является необходимымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ признаетъ, что необходимымъ условіемъ сознательнаго отношенія страны къ предстоящимъ выборамъ служитъ немедленное *признаніе за всѣми русскими гражданами*, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, *права собраній, свободы слова и неприкосновенности личности*".

Если положеніе высшихъ школъ грозитъ, какъ можно опасаться, новыми осложненіями, то положеніе среднихъ и низшихъ школъ еще плачевнѣе. Никакой, даже призрачной свободой, онѣ не пользуются. Захочетъ начальство — казнитъ, захочетъ—помилуетъ. Такъ, оно помиловало тифлисскихъ семинаристовъ, уволенныхъ было за безпорядки, но продолжаетъ казнить минскихъ и иныхъ учениковъ духовныхъ школъ; по прежнему неукоснительно исполняется правило—всякая вина виновата,—и еще недавно въ Перми попечитель учебнаго округа г-нъ Заіончковскій предложилъ г-жѣ Л. В. Барбатенко, имѣющей здѣсь частную женскую гимназію, оставить должность начальницы послѣдней.

Распоряженіе это мотивировалось тѣмъ, что г-жа Барбатенко принимала участіе въ демонстраціи 14-го мая, когда полиція разогнала педагоговъ, хотѣвшихъ устроить въ Перми союзъ и собравшихся на первое засѣданіе. Усматривая въ распоряженіи г-на Заіончковскаго явный произволъ, г-жа Барбатенко отказалась его исполнить и увѣдомила г. попечителя, что если онъ будетъ настаивать, то частная гимназія будетъ закрыта.

Это означаетъ, что 230 дѣвочекъ останутся за бортомъ школы... Родители въ крайней тревогѣ. Составляется петиція министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ.

О подобныхъ же репрессіяхъ сообщаютъ изъ Одессы. Здѣсь лица, читавшія весной въ засѣданіяхъ педагогическаго отдѣла историко-филологическаго общества „доклады о современномъ положеніи средней школы", участвовавшія въ составленіи совмѣстной

резолюціи и отправившія эту резолюцію въ комитетъ министровъ, нынѣ получили пониженіе по службѣ, лишены нѣкоторыхъ уроковъ, а одинъ докладчикъ совершенно лишенъ возможности преподавать въ гимназіи, гдѣ онъ состоитъ учителемъ".

Мало того, существующія при Новороссійскомъ университетѣ ученыя общества получили отъ мѣстнаго учебнаго начальства предложеніе не допускать на свои засѣданія публику—хотя, по закону, засѣданія на нихъ публичны. И придется, пожалуй, для соблюденія формы,—какъ это стало практиковаться въ послѣднее время въ Суд. Палатахъ,—приглашать „публику"—въ видѣ наряда городовыхъ!

О низшихъ школахъ мы и не говоримъ: здѣсь кто только не изображаетъ изъ себя „начальства", начиная съ писаря и старшины?! А ужъ „земскій"—въ нѣкоторомъ родѣ—персона, недаромъ харьковскіе учители выразили „необходимость полнаго устраненія отъ участія въ народномъ образованіи земскихъ начальниковъ".

Къ сожалѣнію, *если обстоятельства не измѣнятся*, нашей школѣ долго еще придется испытывать это нежелательное вмѣшательство посторонняго элемента.

III.

Рабочіе и аграрные безпорядки, охватившіе и центръ, и окраины Имперіи, мѣстами ослабѣвающіе, мѣстами вспыхиваютъ снова съ угрожающей силою. Волненія, повидимому, грозятъ охватить и спокойную доселѣ Финляндію, судя по тому, что въ послѣднее время туда спѣшно стали отправлять войска, въ томъ числѣ и артиллерію. Поводомъ къ этому, какъ можно догадываться, послужили находки въ финляндскихъ шхерахъ, на островахъ, ящиковъ съ оружіемъ и патронами. На сколько серьезно дѣло, пока трудно сказать. Но близкое будущее покажется, насколько оправдывается посылка войскъ.

Войска требуются и на Кавказѣ, гдѣ происходитъ, съ одной стороны, междоусобная война между татарами и армянами, съ другой—поднимается вооруженное возстаніе.

Въ то же время не утихаютъ и рабочіе безпорядки, хотя сами рабочіе, доведенные до отчаянія продолжительной забастовкой и связанной съ ней голодовкой, во многихъ мѣстахъ уже идутъ на уступки, вызывая злорадныя улыбки торжества у хозяевъ.

Смирить рабочихъ голодовкой, повидимому, составляетъ теперь цѣлую систему у хозяевъ. Въ газетахъ недавно еще описывались потрясающія картины голода у лишенныхъ работы Путиловскихъ рабочихъ. Продано все, что можно продать; заложено послѣднее платье. А впереди грозитъ еще холодъ... Необходима самая широкая помощь несчастнымъ, а между тѣмъ не всегда и помогать-то позволяютъ.

Но исторія съ Путиловскимъ заводомъ—не первая и не послѣдняя. Послѣ январьскихъ дней все чаще стали повторяться случаи закрытія крупныхъ заводовъ и фабрикъ, вызванныя не банкротствомъ хозяевъ, а политикой; закрытія, имѣющія цѣлью „донять голодомъ". Такъ поступили въ Петербургѣ хозяева ткацкой фабрики Паля, которые, послѣ долговременнаго закрытія фабрики, приняли на старыхъ условіяхъ только благонадежныхъ рабочихъ. Такъ, уже разъ, послѣ январьской стачки, поступили на Путиловскомъ заводѣ, такъ дѣлали на казенныхъ—Обуховскомъ и Семянниковскомъ. Тоже было въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, въ Ригѣ, Лодзи, Варшавѣ, Батумѣ, Юзовкѣ, на Уралѣ. Недавно тотъ же рецептъ приняла Высоковская мануфактура въ Московск. губ. и Управленіе мастерскихъ Екатерининской жел. дор. и, наконецъ, совсѣмъ недавно было сообщено о закрытіи Сормовскаго завода.

Значитъ, предъ нами не случайное, не единичное явленіе. Предъ нами, очевидно, опредѣленная, разсчитанная политика „царей капитала". Можно ли въ этомъ сомнѣваться, если, напр., въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, съ началомъ стачки, фабриканты уѣзжаютъ изъ города и упорно отказываются отъ всякихъ переговоровъ съ рабочими; когда же, послѣ 5 недѣль голода, послѣдніе сообщаютъ о согласіи на тѣ грошевыя уступки, которыя фабриканты давали до стачки, то фабриканты не даютъ никакого отвѣта, упорно скрываются въ „нѣтехъ", такъ что даже чиновникъ М-ства Фин. (г. Ланговой) долженъ былъ усиленно разыскивать ихъ, чтобы добиться какого нибудь отвѣта? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что передъ нами опредѣленная политика,

когда Сормовскій заводъ закрываютъ съ объясненіемъ, что вѣчныя стачки не позволяютъ де хозяевамъ вести предпріятія, между тѣмъ въ Сормовѣ почти не было за этотъ годъ стачекъ?

Промышленность, это лелѣянное дитя правительства,—дѣло общественное. И потому нужно оградить разыгравшіеся аппетиты хозяевъ постановленіемъ: если владѣлецъ не соглашается самъ вести производство, отдать его дѣло въ распоряженіе городскихъ или земскихъ учрежденій. Нужно думать, что веденіе фабрикъ и заводовъ земствами или думами обезпечитъ рабочимъ болѣе сносныя условія, чѣмъ тѣ, при которыхъ имъ теперь приходится работать.

Подобно рабочимъ безпорядкамъ, нужно бы внимательно вглядѣться и въ аграрныя волненія, въ ихъ настоящія причины, чтобы найти средства утишить ихъ.

Изъ статьи г. Фермента читатели узнаютъ о настоящихъ причинахъ аграрныхъ волненій въ Прибалтійскомъ краѣ. А что служитъ главною причиною для современныхъ волненій на нашемъ югѣ,--можетъ показать слѣд. сообщеніе намъ изъ *Ставрополя*.

Въ Ставроп. губ., въ Александровскомъ у., находятся громадныя владѣнія Удѣловъ (115 тыс. десятинъ). И вотъ здѣсь-то, на почвѣ арендныхъ отношеній, разыгрываются самыя безобразныя явленія. Прежде всего, почти вся эта земля арендуется 20 кулаками, и только 1 тысяча десятинъ — крестьянскими обществами. Но это не все еще. Обыкновенно годовая аредная плата со стороны крупныхъ арендаторовъ колеблется между 1 р. 40 к. и 2 р. 50 к. (изрѣдка—3 р. 50 к.), тогда какъ крестьяне за такую же землю платятъ 6 р.—6 р. 50 к. Въ этомъ году крестьянскія общества хотѣли снять въ аренду еще 1.000 дес. (тоже по 6 р.),—Удѣлы отказали. Характерно и то, что срокъ аренды для крестьянъ не можетъ продолжаться больше 3 лѣтъ а крупные арендаторы могутъ снимать и 12 лѣтъ Комиссіи Горемыкина, занятой важными вопросами—можно ли крестьянамъ собирать грибы въ казенномъ лѣсу или нѣтъ, конечно, некогда заниматься такими „пустяками". А слѣдовало бы...

Иначе вотъ что происходитъ, какъ пишутъ изъ того же Ставрополя.

Окрестные крестьяне захватили 200 дес. городской земли. Спѣшно проводятся канавы, и возводятся постройки. При малѣйшей попыткѣ къ вмѣшательству со стороны администраціи населеніе угрожаетъ оказать вооруженное сопротивленіе. Власти пока бездѣйствуютъ, хотя у нихъ есть и солдаты, и казаки. Что-то будетъ?

А „радикализмъ" горійскихъ и иныхъ кавказскихъ поселянъ, открыто заявляющихъ, что помѣщики пусть довольствуются 1/10 урожая въ уплату за аренду земли, а то и того имъ не дадутъ?!

Между тѣмъ пока единственнымъ средствомъ для умиротворенія считается усиленіе репрессіи,—и еще недавно, въ началѣ сентября, варшавскій ген.-губернаторъ подтвердилъ приказомъ по войскамъ—дѣйствовать безпощадно оружіемъ, чтобы вселять страхъ и ужасъ.

Однако, это излюбленное средство что-то плохо подѣйствовало на Кавказѣ, и тамъ неурядицѣ и конца не предвидится. Къ рабочимъ и аграрнымъ волненіямъ здѣсь, какъ извѣстно, присоединились кровопролитныя усобицы между татарами и армянами. Введя въ заблужденіе русскія власти и устроивъ февральскую рѣзню армянъ въ Баку, повторивъ ее вскорѣ въ Эривани и Нахичевани, татары въ концѣ концовъ подняли открытое возстаніе, принимающее все болѣе и болѣе грозныя формы. Возстаніе это не можетъ быть подавлено, пока въ составѣ кавказской администраціи и полиціи остаются на службѣ мусульмане-чиновники, явно и тайно покровительствующіе движенію, тормазящіе мѣропріятія высшей русской власти, направленныя къ подавленію возстанія. Послѣ нахичеванской, эриванской и бакинской рѣзни мусульмане пристава, околоточные, городовые и стражники, даже изъ тѣхъ. которые были замѣшаны въ погромахъ, спокойно продолжаютъ нести службу. Въ зангезурскомъ, джеванширскомъ и шушинскомъ уѣздахъ мусульмане-чиновники также остаются на службѣ, тайно помогаютъ татарамъ, снабжая оружіемъ, сообщая имъ секреты мѣропріятій русскаго начальства.

Власти пока бездѣйствуютъ, а это бездѣй-

ствіе наводитъ татаръ на дерзкій вопросъ: „Развѣ русскіе еще существуютъ, вѣдь Японія покончила съ ними, а мы побьемъ остальныхъ". Все время получаются все новыя свѣдѣнія о звѣрствахъ татаръ.

Говорятъ, кавказскіе мусульмане образовали тайное общество „иттихатъ", что значитъ единеніе, грозящее отъ имени 400-милліоннаго мусульманства истребленіемъ армянъ во всемъ мірѣ.

Находясь передъ лицомъ такого грознаго движенія, всеобщее убѣжденіе таково, что необходимо, помимо скораго усиленія войсковыхъ частей Кавказа, вооружить также христіанъ образованіемъ охранныхъ командъ добровольцевъ подъ руководствомъ русскихъ офицеровъ. Ходатайство объ этомъ, къ сожаленію, намѣстникомъ отклонено. Необходимо также предать суду и немедленно наказать хотя бы главарей татарскаго движенія, ибо приходится констатировать тотъ печальный фактъ, что кавказскіе суды съ февраля не рѣшили ни одного дѣла касательно неслыханныхъ злодѣяній.

Наконецъ, 22 и 23 августа произошелъ невѣроятный фактъ почти полнаго уничтоженія всей громадной нефтяной площади (Балаханы, Сабунчи, Романы и Забратъ), около 24 кв. вер. и—самой богатой въ мірѣ—Биби-Эйбата. Въ 2 дня погибло до 1,800 вышекъ, на возстановленіе которыхъ потребуется до 18 мил. рублей. Кромѣ того, милліоновъ 14 нужно на постройку казармъ и вообще помѣщеній служащихъ. таким образомъ, всего—до 30 милл. рубл. А если принять въ соображеніе, что эти работы затянутся на 9 мѣс., то нефтепромышленность наша потеряетъ до 94 милл. рубл., а вмѣстѣ съ расходомъ на возстановленіе промысловъ, до 120 милл., что падаетъ на 133 фирмы, изъ которыхъ 25—крупныхъ, а остальныя—мелкія и среднія.

Разгромъ и пожаръ промысловъ сопровождался взаимной рѣзней татаръ и армянъ (попало, впрочемъ, и русскимъ) и всякими неистовствами.

Эту безпримѣрную въ исторіи Россіи катастрофу бакинскіе нефтепромышленники, въ запискѣ, поданной министру финансовъ, объясняютъ тѣми „порядками, какіе существовали и существуютъ понынѣ въ дѣлахъ охраны нефтяныхъ промысловъ отъ преступныхъ покушеній злонамѣренныхъ лицъ", и прежде всего недостаточнымъ штатомъ полиціи, принужденной, въ виду своего безсилія, бездѣйствовать.

„*Видя всю безпомощность полиціи, нефтепромышленники вынуждены были откупаться отъ разбойниковъ, путемъ передачи съ подряда всей промысловой охраны тѣмъ же разбойникамъ*, состоящимъ изъ жителей Балаханы, Сабунчи, Романы и Забратъ, сдѣлавшимъ разбои своимъ отхожимъ промысломъ, послѣ изъятія изъ ихъ владѣній нефтеносныхъ земель, отошедшихъ къ казнѣ",—говоритъ эта записка.

„Получается слѣдующая картина: Нѣсколько подрядчиковъ, завѣдомыхъ разбойниковъ даже по полицейской регистраціи, держатъ на откупѣ за извѣстную помѣсячную плату, достигающую громадной суммы, всю имущественную и личную безопасность Балахано-Сабунчино-Романинской площади".

„Послѣ введенія въ Баку, въ февралѣ, военнаго положенія, *была назначена коммиссія подъ предсѣдательствомъ д. с. с. Кохановскаго, и результатомъ этихъ совѣщаній при участіи нефтепромышленниковъ было то, что оффиціально удостовѣрено о невозможности избранія при наличныхъ условіяхъ другого способа охраны, какъ откупъ отъ разбойниковъ.*

Между тѣмъ грабежи и даже убійства не только не прекращались, а даже усилились: Баку сталъ пустѣть, такъ какъ всѣ, кто могъ, бѣжали оттуда. Тогда „Совѣтъ съѣзда и бакинскій биржевой комитетъ обратились къ генералъ-губернатору *съ просьбой разрѣшить организацію собственной вооруженной охраны. Въ этомъ имъ было отказано*".

„При такой обстановкѣ правовой жизни бакинскихъ промысловъ возникло сначала рабочее движеніе, а затѣмъ и разыгрался армяно-татарскій конфликтъ. *Достаточно было мѣстной администраціи возстановить работы и прекратить апрѣльскую забастовку нынѣшняго года при содѣйствіи татаръ, какъ они сдѣлались хозяевами положенія, чувствуя безсиліе власти*".

Въ концѣ записки нефтепромышленники ходатайствуютъ для предотвращенія подобныхъ же явленій въ будущемъ выселить за

предѣлы промысловой площади „сельское населеніе Балахановъ, Сабунчей, Романовъ и Забрата, представляющее изъ себя разбойничьи и воровскія гнѣзда“, по выраженію записки, да, кстати, и самихъ рабочихъ, отведя имъ жилища внѣ промысловъ. Наконецъ, гг. составители записки, какъ водится, просятъ прислать побольше войска, чтобы силою усмирять непокорныхъ, скромно умалчивая, конечно, о своихъ надеждахъ при помощи этого же войска подавлять малѣйшее недовольство рабочихъ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе эксплоатировать ихъ.

Точно также гг. нефтопромышленники умалчиваютъ въ своей запискѣ и о главныхъ виновникахъ происшедшаго погрома; напротивъ, очень прозрачно намекаютъ, напримѣръ, г. Нобель, на дѣятельность „крайнихъ рабочихъ партій“, будто бы и вызвавшихъ катастрофу.

Между тѣмъ въ уничтоженіи нефтяныхъ промысловъ шайками головорѣзовъ, какъ оказывается, весьма значительную роль сыграла нанятая (несмотря на оффиціальный отказъ въ этомъ администраціи) нефтепромышленниками для *охраны промысловъ* разбойничья команда. Газета „Баку“ подтверждаетъ, что „лезгины—„караульные“ не только не препятствовали, но сами усердно помогали грабежу... Они служили лазутчиками и шпіонами, вели переговоры съ сосѣдними бандами, которыхъ приводили для грабежа, и сами съ ними вмѣстѣ грабили свои же промысла.

„Еще подлѣе, еще откровеннѣе поступали караульные *армянскихъ* промысловъ. Послѣ воскресной сходки по первому сигналу они ушли; также исчезли и многіе рабочіе мусульмане, чтобы на другой день являться совмѣстно съ бандами изъ сосѣднихъ деревень на поджоги и грабежи“.

Въ маѣ нефтепромышленники,—и армяне, и татары, — были очень довольны, когда тѣ-же вооруженные хулиганы-„охранители“ силой и угрозами прекратили забастовку рабочихъ, а совсѣмъ недавно татарская и армянская буржуазія трогательно сошлись на одномъ пунктѣ—борьбѣ съ стремленіями рабочихъ къ улучшенію своего положенія. Поэтому армянскіе буржуа дѣятельно нападали на газету „Баку“ за оглашеніе вопіющихъ фактовъ эксплоатаціи рабочихъ. Но „надо отдать справедливость гг. бакинскимъ капиталистамъ,—говоритъ въ „Сын. От.“ К. Пономаревъ,—они слишкомъ грубо пытались замаскировать мнимымъ „разжиганіемъ національныхъ страстей“ борьбу труда и капитала, слишкомъ наивна была ихъ попытка съ помощью „комитета по умиротворенію“ заглушить протестующіе противъ эксплоатаціи голоса интеллигенціи и рабочихъ, и, сославшись на „политическую борьбу“, тѣмъ самымъ вызвать административныя репрессіи и съ ихъ подмогой прижать покрѣпче рабочаго“.

„Послѣ декабрьскихъ и январьскихъ забастовокъ добрыхъ отношеній между рабочими и нефтепромышленниками не было. Многія нефтепромышленныя фирмы не выполнили даже тѣхъ обязательствъ передъ рабочими, которыя онѣ приняли.

„Господа нефтепромышленники безъ различія національностей — татары, армяне, русскіе англичане, и французы—думали сдѣлать ловкій ходъ—терроризовать рабочихъ своей разбойничьей охраной, и за это жестоко поплатились. Промысла сожгли и разграбили татары съ помощью ихъ собственной „охраны“.

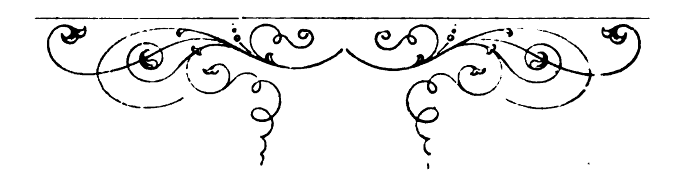
Такимъ образомъ, нефтяные промысла погибли въ значительной мѣрѣ благодаря близорукой политикѣ господъ нефтепромышленниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разорилось и 30-тысячное рабочее населеніе промысловъ, нанесенъ многомилліонный ущербъ всей странѣ и связаннымъ съ нефтью другимъ отраслямъ промышленности и всему населенію страны...

Однако, и этотъ страшный урокъ, повидимому, не пошелъ въ прокъ, – и опять образовался „умиротворительный комитетъ“, по 10 человѣкъ со стороны богатыхъ татаръ и армянъ, отвѣчающихъ за имущественныя потери вслѣдствіе преступленій на національной почвѣ. Соглашеніе это, къ которому пришли обѣ стороны, вступаетъ въ силу съ 1 окт. и продолжается по 1 янв. 1907 г. Насколько оно поможетъ улаженію взаимныхъ недоразумѣній,—Богъ вѣсть. Одно несомнѣнно: рабочимъ отъ этого соглашенія едва ли будетъ лучше. На нихъ по прежнему будутъ валиться всѣ шишки,—и много еще кровавыхъ дней увидитъ Кавказъ, въ родѣ Тифлисской „кровавой бани“ 30 авг., о которой сообщилъ недавно телеграфъ. Дѣло было такъ. Въ 8 часовъ вечера, въ

зданіи городской думы собралась многочисленная сходка рабочихъ. Администрація потребовала, чтобы собравшіеся разошлись. Когда это требованіе не было исполнено, вызвана была сотня казаковъ. Часть ихъ, спѣшившись, стала силою удалять рабочихъ; тогда раздалось изъ толпы нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ. Командиръ сотни приказалъ открыть огонь. Произошло нѣчто ужасное. Втеченіе получаса безпрерывно грохотали выстрѣлы, пачками и залпами. Случайно оказавшаяся публика металась по всѣмъ направленіямъ, разгоняемая казаками. Среди пострадавшихъ многіе ранены шашками. Пострадало много публики, проходившей тогда въ этой бойкой части города по Эриванской площади и смежнымъ улицамъ. Среди пострадавшихъ много учащейся молодежи. До поздней ночи продолжалась уборка убитыхъ и раненыхъ, которые были доставлены въ Михайловскую больницу въ вагонахъ трамвая, фургонахъ и фаэтонахъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ больницы, убитыхъ свыше ста человѣкъ; количество раненыхъ гораздо больше; часть ихъ отвезена домой. Число раненыхъ приводится въ извѣстность. (По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ убитыхъ всего 23, а раненыхъ—50,—цыфры, значительно, какъ видно, расходящіяся съ показаніями очевидцевъ).

Можно-ли такими мѣрами дѣйствительно умиротворить Кавказъ,—вопросъ, конечно, лишній. А между тѣмъ намъ до сихъ поръ не указываютъ другихъ мѣръ.

Гр. Ф—тъ.

Современная жизнь за-границей.

I. Демократія и единеніе.—Конгрессы.—Партейтагъ свободомыслящихъ.—Сладкія рѣчи и Magenfrage.—Egalité и желѣзный кулакъ.—Libérté и пустой желудокъ.—Прекраснодушныя „тысяча думушекъ".—Одна думушка пролетаріата.—Волны прекрасныхъ рѣчей и плотина буржуазіи.—Доктрина „свободной мысли" и логическіе выводы.—„Это, вѣроятно, приведетъ насъ къ соціализму". II. Гордый человѣкъ и узкій профессіоналистъ.—Скромная реформа и широкіе горизонты.—*А.* и *В.*—Трэдъ-Юніонъ и рабочія партіи.—Надежда Бёрнса на ближайшіе выборы.—Увѣренность Джемса Секстона.—Тяжкодумный рабочій.—„Это, вѣроятно, приведетъ насъ къ соціализму".—Стройные ряды гордыхъ людей.—Узкіе профессіоналисты принуждены *B sagen*.—Ростъ количества гордыхъ людей.—Ихъ праздникъ. III. Демократія и единеніе.—Борьба народа съ короной.—Ловкій ходъ.—Казалось...—Святой испугъ и демократическій демонъ.—„Оба хуже".—Въ Каноссу къ вождямъ народа.—Непріемлемо.—Послы народа отбыли ровно въ три.—Агитаторъ Францъ-Іосифъ.—Революціонная дѣятельность Тиссы, Глуховскаго, Гаука...

Каждая эпоха имѣетъ свои характерныя черты, наиболѣе ей свойственныя, наиболѣе полно ее выражающія,—и иногда въ одномъ словѣ можно уловить эту черту, однимъ словомъ опредѣлить и запечатлѣть главный моментъ данной эпохи. *Единеніе* и *организація силъ*—вотъ главныя черты современной жизни, въ нихъ ея внутренняя сущность, и если-бы мы должны были въ двухъ словахъ опредѣлить нашу эпоху, то мы сказали-бы: *демократія* и *единеніе*; намъ кажется, что этими двумя словами мы намѣтили бы главные моменты всей безумномятущейся современной жизни.

Демократія овладѣваетъ все болѣе и болѣе исторической ареной и ведетъ борьбу за свое будущее господство въ мірѣ. Властители исторической арены сегодняшняго дня понимаютъ, что здѣсь поднятъ вопросъ о самой жизни ихъ, что „вдвоемъ—имъ тѣсно на землѣ", и старый міръ въ конвульсіяхъ агоніи ведетъ послѣднюю борьбу за существованіе. Демократія все болѣе организуется, все тѣснѣе сдвигаетъ свои ряды, чтобы всей массой пойти на приступъ, все болѣе начинаетъ понимать, что ея сила—въ *единеніи*, въ общемъ планомѣрномъ движеніи, въ стройной организаціи.

Съ этой точки зрѣнія насъ не могутъ не интересовать конгрессы, которые такъ характерны для нашей эпохи, какъ частичное выраженіе основной тенденціи современности—стремленія къ *единенію*. За послѣднее время мы видимъ въ Германіи, Франціи, Англіи цѣлый рядъ конгрессовъ, съѣздовъ, конференцій. Это одинъ изъ характерныхъ моментовъ жизни зарубежной, и мы остановимся на этомъ.

Свободомыслящая народная партія имѣла свой „партейтагъ", на которомъ горячо обсуждался вопросъ объ отношеніи партіи къ другимъ либеральнымъ нѣмецкимъ партіямъ. Была внесена резолюція, что партейтагъ твердо высказывается за сохраненіе самостоятельности партіи и въ то же время за соглашеніе и совмѣстныя дѣйствія съ другими либеральными группами и партіями какъ при выборахъ, такъ и въ рейхстагѣ.

Мы не будемъ останавливаться на многихъ мелкихъ съѣздахъ и конгрессахъ,—мы даже не остановимся на интернаціональномъ съѣздѣ криминалистовъ. Всѣ эти съѣзды, какъ таковые, характерны, какъ мы сказали, для нашей эпохи,—но мы обратимъ вниманіе на тѣ изъ нихъ, на которыхъ организуется борющаяся демократія, или элементы, ведущіе борьбу съ нею. „Свободомыслящая народная партія"—это, ко-

нечно не демократія, которой принадлежитъ будущее, и она имѣетъ ясно выраженный *буржуазный* характеръ, но она хранитъ завѣты истиннаго либерализма, она твердо держится принциповъ правовой жизни государства и—поэтому—не можетъ быть отнесена къ числу враговъ демократіи.

Эта партія—одна изъ послѣднихъ могиканъ отживающаго прекраснодушнаго либерализма, въ которомъ экономическіе интересы отодвигались на задній планъ, а впереди стояли отвлеченные принципы политическаго либерализма. Подъ шумъ такихъ прекрасныхъ рѣчей и при яркомъ свѣтѣ политической свободы буржуазія хорошо устроила свои дѣла и достаточно ясно отвѣтила на жгучіе запросы жизни демократіи. Демократія поняла, что die sociale Frage ist eine Magenfrage, и больше не позволитъ себя обойти сладкими рѣчами. Положеніе достаточно выяснилось для обѣихъ сторонъ, но не для „свободомыслящихъ". Эти прекраснодушные люди наивно продолжаютъ вѣрить въ „égalité, fraternité",—способныя будто-бы существовать безъ поддержки желѣзнаго кулака демократа, и при liberté на пустой желудокъ...

Конгрессъ этихъ добрыхъ людей происходилъ недавно и въ Парижѣ. Это былъ третій международный конгрессъ свободомыслящихъ. Помимо французскихъ членовъ конгресса, число которыхъ достигаетъ 1.600 человѣкъ, на съѣздъ собралось болѣе 1000 представителей свободомыслящаго направленія изъ другихъ странъ. Программа работъ конгресса заключаетъ въ себѣ слѣдующіе пункты: 1) планъ новой энциклопедіи; 2) нравственность безъ божества; 3) отдѣленіе церкви отъ государства; 4) національная и международная пропаганда свободомыслія; 5) свободомысліе и стремленіе ко всеобщему миру. Какъ видимъ, планъ работъ слишкомъ разнообразенъ и энциклопедиченъ для того, чтобы быть плодотворнымъ и способнымъ къ творческой работѣ. Дѣло въ томъ, что чистые принципы науки и гуманитарнаго либерализма не слиты у нихъ съ единой борьбой, наполняющей всю современность—съ борьбою пролетаріата. Они только прекраснодушные „свободомыслящіе" и на самомъ дѣлѣ,—слишкомъ неопредѣленны, неясны даже ихъ контуры, чтобы дать имъ право называться *партіей*.

Интересно воззваніе центральнаго совѣта французской федераціи свободной мысли. Въ этомъ воззваніи они заявляютъ, что наступилъ моментъ, когда дѣятели свободной мысли должны соединиться въ солидную и постоянную организацію, такъ какъ наука выработала новое сознательное и критически-продуманное міровоззрѣніе, открывающее въ перспективѣ „конкретное, земное, относительное, единственно возможное, а слѣдовательно, и единственно истинное счастіе". Во имя этого они призываютъ къ единенію и къ образованію одной могущественной федераціи, такъ какъ они предвидятъ борьбу на жизнь и смерть съ клерикально-капиталитической реакціей, и только единеніе, дисциплина и методическая тактика могутъ гарантировать побѣду въ этой борьбѣ. „Только путемъ тѣснаго союза и единства дѣйствій мы завоюемъ индивидуальную свободу—это необходимое орудіе нашего политическаго, экономическаго и соціальнаго освобожденія".

Но здѣсь прекраснодушные мечтатели упираются въ стѣну,—вѣрнѣе, въ страшную крѣпость современнаго буржуазнаго строя. Забавно, что они сами принуждены признать это. Шовлонъ, напримѣръ, излагая доктрину свободной мысли, приходитъ къ выводу, что основной задачей ихъ партіи должна быть борьба съ клерикально-капиталистическимъ міровоззрѣніемъ и церковно-религіознымъ обскурантизмомъ. Единственнымъ средствомъ проведенія въ жизнь ихъ идей является широкое образованіе массъ, уясненіе и популяризація научнаго міросозерцанія въ глубинахъ народныхъ.

Но ...и прекраснодушный Шовлонъ тоже принужденъ признать, что, кромѣ научныхъ схемъ и горныхъ высотъ отвлеченной мысли, существуетъ цѣлый міръ будничныхъ возможностей,—безконечная цѣпь практической осуществимости. Онъ принужденъ согласиться, что для пріобрѣтенія научнаго знанія народъ долженъ обладать досугомъ, нѣкоторымъ матеріальнымъ благосостояніемъ, обезпечивающимъ ему матеріальную и моральную независимость. Доктрина „свободной мысли" приходитъ чисто-логическимъ путемъ къ выводу, что современныя экономическія отношенія должны быть измѣнены и—думаетъ свободомыслящій ораторъ—„это вѣроятно приведетъ насъ къ соціализму".

Такимъ образомъ, говоря о необходимости широкаго образованія народныхъ массъ, доктрина свободной мысли приходитъ къ отрицанію себя, какъ партіи дѣйствія. Къ этому-же она принуждена придти, когда говоритъ о необходимости истинной политической свободы, о необходимости нравственнаго воспитанія массъ и пр., и пр.. Всюду доктрина *свободной* мысли свободно приходитъ къ логическому выводу, не можетъ не придти къ нему. И выводъ этотъ ясенъ и несомнѣненъ: современныя экономическія отношенія должны быть измѣнены и „это, вѣроятно, приведетъ насъ къ соціализму".

II.

Итакъ, люди свободной мысли и научнаго изслѣдованія приходятъ къ выводу, что современныя экономическія отношенія должны быть измѣнены. Разсмотримъ же теперь конгрессы и съѣзды не прекраснодушныхъ доктринеровъ, а людей дѣла, стремящихся къ измѣненію „современныхъ экономическихъ отношеній", ведущихъ борьбу на жизнь и смерть за это „измѣненіе". Здѣсь есть люди широкой мысли и великихъ мировыхъ идеаловъ, мечтающіе о свободномъ и гордомъ человѣкѣ, и люди узкой практики, — „профессіоналисты", старающіеся только смягчить невыносимый гнетъ сегодняшняго дня.

Такой политикой—чисто-демократической, но далеко не крайней, отличаются молодыя австралійскія республики. Недавно въ парламентъ Южной Австраліи внесенъ правительствомъ законопроектъ, предоставляющій государству право принудительнаго выкупа изъ частнаго владѣнія имѣній, въ видахъ колонизаціи ихъ мелкими арендаторами. Этою мѣрою имѣется въ виду разрѣшить вопросъ о болѣе густомъ населеніи колоніи, обширныя пространства которой въ настоящее время находятся въ непроизводительномъ пользованіи частныхъ собственниковъ. Какъ ни скромна эта реформа, но она несомнѣнно представляетъ первый шагъ на пути къ націонализаціи земли.

Съ этой точки зрѣнія, даже скромная борьба „профессіоналистовъ"—союзовъ рабочихъ—несетъ большую историческую миссію. Дѣло такъ просто и ясно. Wer *A* gesagt hat,—muss auch *B* sagen... Принудительный выкупъ земли можетъ привести къ націонализаціи ея, а профессіональные рабочіе союзы могутъ перейти въ стройную соціалъ-демократическую организацію. Такое теченіе замѣтно даже въ средѣ консервативнѣйшихъ въ мірѣ рабочихъ союзовъ—въ англійскомъ трэдъ-юніонѣ. Мы видимъ, напримѣръ, что конгрессъ рабочихъ союзовъ въ Англіи отклонилъ предложеніе о сліяніи трехъ крупныхъ рабочихъ организацій только потому, что среди нихъ есть организаціи, понимающія необходимость независимой рабочей партіи, не идущей на буксирѣ буржуазныхъ партій парламента. Эта партія считаетъ необходимой политическую борьбу рабочихъ союзовъ и смотритъ на трэдъюніоны, какъ на отживающую партію.

По мнѣнію представителя машиностроительныхъ рабочихъ, Бернса, предстоящіе парламентскіе выборы должны расчистить атмосферу и показать, которая изъ рабочихъ организацій можетъ разсчитывать на наиболѣе полное выраженіе стремленій рабочаго класса. А на конгрессѣ трэдъ-юніоновъ президентъ конгресса, Джемсъ Секстонъ—къ слову сказать, одинъ изъ самыхъ энергичныхъ и серьезныхъ сторонниковъ идеи международнаго соціализма—прямо заявилъ въ своей рѣчи при открытіи конгресса, что теперешнему обществу необходимо добровольно признать принципъ, въ силу котораго человѣкъ имѣетъ право на трудъ у себя дома; иначе капиталистическое общество будетъ вынуждено къ такому признанію самымъ непріятнымъ для себя образомъ. Далѣе, Секстонъ заявилъ, что англійскіе рабочіе должны образовать свою собственную партію въ парламентѣ, которая равно держалась бы вдали отъ обѣихъ партій, и либеральной, и консервативной, поддерживая каждую изъ нихъ лишь постольку, поскольку это обезпечиваетъ здравое, прогрессивное законодательство. Англійскій рабочій консервативенъ, но какъ ни трудно,—говоритъ Секстонъ,—втемяшить эту идею въ головы тяжкодумныхъ рабочихъ, однако, въ концѣ концовъ, она должна туда проникнуть. Единственное спасеніе рабочаго движенія заключается въ образованіи независимой рабочей партіи.

Такъ говорилъ президентъ трэдъ-юніоновъ, и намъ становится ясно, что англійскіе рабочіе очень скоро werden B sagen. Они скоро поймутъ, что экономическія отно-

шенія требуютъ не только исправленія, а радикальнаго измѣненія и вмѣстѣ съ французскимъ свободомыслящимъ они скажутъ: „Это, вѣроятно, приведетъ насъ къ соціализму“.

Нѣмецкая рабочая масса давно организована и идетъ стройными рядами... Надняхъ происходилъ конгрессъ соціалъ-демократовъ въ Іенѣ. Въ программу занятій этого съѣзда вошли вопросы о партійной организаціи и объ отношеніи партіи къ вопросу о всеобщей политической забастовкѣ. По послѣднему вопросу въ германской соціалъ-демократіи возникли нѣкоторыя разногласія, поведшія даже къ образованію, если не выдѣленію, особой группы соціалистовъ-революціонеровъ. Здѣсь тоже былъ поставленъ вопросъ объ объединеніи соціалъ-демократическихъ организацій съ профессіональными рабочими союзами.

Мы только-что указывали, что въ консервативнѣйшей рабочей партіи—въ англійской, профессіональные союзы принимаютъ все болѣе соціалистическій характеръ. Еще замѣтнѣе, конечно, это явленіе въ Германіи. Отчасти это происходитъ отъ того, что съ ростомъ соціалъ-демократической партіи все большее число ея членовъ оказывается въ то же время членами профессіональныхъ союзовъ,—отчасти же вслѣдствіе неизбѣжной тенденціи всякаго рабочаго движенія стать движеніемъ соціалистическимъ. Въ настоящее время эти профессіональные союзы почти сливаются съ соціалъ-демократическою партіею, и не хватаетъ только формальнаго объединенія ихъ между собой. Было внесено предложеніе въ этомъ смыслѣ,—и теперь, несомнѣнно, недалеко то время, когда это объединеніе состоится.

Интересно, что конгрессъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ не могъ не отмѣтить по поводу привѣтствія, полученнаго отъ англійскихъ соціалистовъ и рабочихъ союзовъ, что англійское рабочее движеніе принимаетъ все болѣе соціалистическій характеръ.

На это указывалъ Эдуардъ Бернштейнъ въ своей рѣчи, въ которой онъ предсказываетъ, что это явленіе еще усилится послѣ того, какъ рабочіе получатъ достаточное представительство въ парламентѣ. Онъ увѣренъ, что на будущихъ выборахъ обезпечено избраніе 30—50 кандидатовъ, выставленныхъ рабочими организаціями. Затѣмъ на конгрессѣ было доложено о послѣднихъ выборахъ въ Эссенѣ и въ Шварцбургъ-Рудольфштадтѣ. Послѣдніе выборы показываютъ непрекращающійся приростъ соціалъ-демократіи, и объ этомъ было заявлено на конгрессѣ. Наконецъ, конгресъ дебатировалъ вопросъ о праздновании перваго мая, по поводу котораго Фишеромъ внесено была слѣдующая резолюція:

„Празднованіе перваго мая является установленною рабочими конгрессами демонстраціею, направленною къ поддержанію классовыхъ требованій и классовой борьбы и служащею идеѣ международнаго мира. Дѣйствительность и успѣшность этой демонстраціи служатъ задачею для всѣхъ политически и профессіонально организованныхъ рабочихъ. Въ качествѣ классовой демонстраціи, празднованіе перваго мая встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны правительства и капиталистовъ, но это не должно служить для рабочаго класса поводомъ къ отказу отъ этой демонстраціи. Согласно съ постановленіями международныхъ рабочихъ конгрессовъ въ Парижѣ 1889 г., въ Брюсселѣ 1891 г., въ Цюрихѣ 1893 г., въ Лондонѣ 1896 г,, въ Парижѣ 1900 г., и въ Амстердамѣ 1904 г., германская соціалъ-демократія считаетъ всеобщее прекращеніе работъ наиболѣе достойною формою майской демонстраціи. Поэтому съѣздъ ставитъ въ обязанность рабочимъ и рабочимъ организаціямъ содѣйствовать повсемѣстному прекращенію труда въ день перваго мая“.

III.

Демократія и единеніе — лозунгъ современности, и сила этого лозунга огромна. Мы не разъ останавливались на борьбѣ, которую ведетъ венгерскій народъ съ короной. Это любопытная и красивая страница исторіи. За послѣднее время было вписано нѣсколько новыхъ строкъ, ярко подчеркивающихъ, до какой степени демократія и единеніе—лозунгъ современности. Мы, кажется, упоминали уже о ловкомъ ходѣ, употребленномъ короной въ этой игрѣ. Въ водоворотъ страстей, сосредоточенныхъ вокругъ вопроса о національзаціи венгерскаго войска, былъ брошенъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Буржуазныя партіи боятся этого почти такъ же, какъ средневѣковый

чортъ—креста,—и корона надѣется принудить ихъ этимъ къ молчанію. А съ другой стороны корона покупаетъ поддержку демократическихъ партій въ обмѣнъ за всеобщее избирательное право.

Казалось, что коалиція оппозиціи потерпѣла пораженіе. Но это только казалось, такъ какъ корона первая испугалась вызваннаго ею демократическаго демона, императоръ Францъ-Іосифъ не одобрилъ выработаннаго министерствомъ Фейервари законопроекта о введеніи въ Венгріи всеобщаго избирательнаго права, кабинетъ подалъ въ отставку,—и вожди оппозиціи вызваны во дворецъ для совѣщаній.

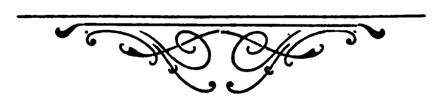
Положеніе трагическое: съ одной стороны—демократическая реформа, а съ другой — національзація венгерскаго войска. Императоръ Францъ-Іосифъ находитъ, что „оба хуже“ и... вызываетъ къ себѣ Франца Кошута и Юлія Андраши... Это, конечно, почти позорно и похоже на путешествіе въ Каноссу на поклонъ—не къ папѣ, а къ представителямъ воли народной...

Но пріемъ ихъ въ „Шлоссѣ“ былъ поистинѣ забавенъ. Императоръ ихъ принялъ сердито, не подалъ руки и далъ имъ свою написанную программу, въ которой не оказалось ни одной уступки. Зачѣмъ же было въ такомъ случаѣ приглашать оппозицію? Императоръ приказалъ вести переговоры черезъ Голуховскаго, и оппозиція коротко отвѣтила, что предложенія короны непріемлемы и что дальнѣйшіе переговоры могутъ быть ведены только черезъ венгерскаго подданнаго. Тогда корона пошла на уступки и отрядила Чираки. Венгерскіе вожди выставили свои требованія и сказали, что будутъ ждать отвѣта императора черезъ Чираки, но прибавили, что въ три часа уходитъ ихъ поѣздъ на Буда-Пештъ. Они ждали Чираки до половины третьяго и уѣхали. Пріѣхавшій черезъ 10 минутъ Чираки никого не засталъ. Въ Буда-Пештѣ народъ встрѣтилъ вождей криками: „долой династію, да здравствуетъ революція“!

Несомнѣнно одно, что императоръ Францъ-Іосифъ прекрасно сыгралъ въ данномъ случаѣ роль революціонера-агитатора. Это свиданіе съ оппозиціей было великолѣпно по своей наивной нелѣпости и политической безтактности. Лойяльная парламентская оппозиція была доведена до того, что передаетъ послу императора черезъ прислугу отеля, что они уѣхали. Чираки опоздалъ. Бываютъ моменты, когда посолъ императора не долженъ опаздывать на свиданіе съ послами народа.

„Императоръ не потрудился даже узнать послѣднихъ предложеній коалиціи и, вызвавъ ея вождей на аудіенцію, не далъ имъ возможности говорить“—пишетъ „Frankfurter Zeitung“.—Болѣе полугода корона поступаетъ революціонно съ лойяльной парламентской оппозиціей, стараясь изо всѣхъ силъ революціонизировать ее“. Столько энергіи и настойчивости не можетъ не принести своихъ плодовъ,—и Венгрія, быть можетъ, наканунѣ революціи, — быть можетъ, дѣятельность Тиссы, Голуховскаго, Гаука не будетъ забыта венгерскимъ народомъ...

Л. М.

К. Каутскій. Пролетаріатъ и общественный строй (Комментарій къ положеніямъ, принятымъ на Эрфуртскомъ съѣздѣ въ 1891 году) изд. „Буревѣстникъ“ Одесса, 1905, стр. 163, цѣна 60 к.

Карлъ Каутскій—одинъ изъ даровитѣйшихъ послѣдователей и учениковъ Маркса. Русской читающей публикѣ онъ знакомъ по вышедшимъ у насъ „Очеркамъ и этюдамъ“ „Очеркамъ по Исторіи культуры“ „Аграрному вопросу„ и по мелкимъ брошюрамъ, вышедшимъ послѣднее время. Лежащая передъ нами книга—комментарій къ положеніямъ принятымъ на Эрфуртскомъ съѣздѣ 20 Октября 1891 года. Мы не имѣли мѣста, чтобы познакомить читателей съ этими положеніями, и поэтому можемъ только отослать къ брошюрѣ Либкнехта, вышедшей недавно въ изданіи книгоизд. „Молотъ“, подъ заглавіемъ „Наши цѣли“. Тамъ подробно излагается и приводится почти цѣликомъ программа принятая Эрфуртскимъ партейтагомъ.

Книга Каутскаго—это теоретическое обоснованіе программы Эрфуртскаго съѣзда.

Она раздѣляется на 5 крупныхъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ говоритъ объ упадкѣ мелкаго производства, о гибели его въ борьбѣ съ все развивающимися и развивающимся капитализмомъ. Капиталистическій способъ производства съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разрушаетъ еще сохраняющіеся пережитки феодализма и мелко-буржуазнаго строя и стихійно-неумолимо раздѣляетъ общество на два враждебныхъ класса—буржуазію и пролетаріатъ. Поэтому во 2-й и 3-й части Каутскій подробно говоритъ о пролетаріатѣ и буржуазіи. Мы сказали, что общество раздѣлено на два *враждебныхъ* класса... Капиталистическій способъ производства порождаетъ эти враждебные классы, классовый антагонизмъ, *классовую борьбу*. 5-я часть книги посвящена вопросу о классовой борьбѣ. Наконецъ, въ 4-й части авторъ говоритъ о *государствѣ будущаго*, о необходимости этого государства, о его строеніи.

Книга „Пролетаріатъ и общественный строй“, какъ и все, что принадлежитъ перу К. Каутскаго, написана блестящимъ и въ то же время понятнымъ языкомъ. Русское изданіе почти цѣликомъ воспроизводитъ оригиналъ... Переводъ безусловно хорошъ. Упрекнуть книгоиздательство можно пожалуй лишь въ сравнительно высокой цѣнѣ книги.

К. И.

Фридрихъ Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Изд. „Общественной Пользы“ переводъ Е. К. и И. Н. Леонтьевыхъ. СПБ. 1905 стр. 319 Цѣна 1 руб.

Когда К. Маркса и Фр. Энгельса противники марксизма обвиняютъ въ апріорныхъ построеніяхъ, поспѣшныхъ обобщеніяхъ и т. п.—лучше всего указать этимъ проницательнымъ критикамъ на сочиненія двухъ великихъ основателей теоріи историческаго матеріализма. Книга Энгельса „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“ вышла въ 1845 году, когда автору ея было всего 24 года. И вотъ что говорилъ 24-лѣтній Энгельсъ, обращаясь въ своей книгѣ къ рабочимъ Великобританіи. „Изученію

его (положенія рабочаго класса) я посвятилъ самое серьезное вниманіе и изучилъ разнообразные оффиціальные и неоффиціальные документы, посколько былъ въ состояніи раздобыть ихъ, но все это не удовлетворило меня. Я покинулъ общество и застольные кружки... и посвятилъ свой досугъ почти исключительно сношеніямъ съ настоящими рабочими... Я радуюсь и горжусь и тѣмъ, и другимъ".

Книга Энгельса это не сборникъ оффиціальныхъ сообщеній о жизни и положеніи англійскихъ рабочихъ,—нѣтъ! это плодъ тщательнаго и неустаннаго наблюденія.

По рожденію и воспитанію Энгельсъ былъ буржуа. Но онъ сдѣлалъ тотъ шагъ, который необходимъ буржуа, для познанія жизни пролетаріата. Онъ порвалъ и внутренно, и внѣшне съ буржуазіей, онъ бросилъ „портвейнъ и шампанское среднихъ классовъ" онъ всецѣло сталъ на *точку зрѣнія пролетаріата*. Поэтому то книга его, каждая строка этой книги дышетъ глубокою любовью къ униженному и обездоленному и въ то же время могучему, стихійно-растущему классу, поэтому то черезъ 47 лѣтъ—въ 1892 году Энгельсъ могъ сказать „разсматривая юношескій трудовой нахожу, что мнѣ нечего стыдиться его".

Мы настоятельно рекомендуемъ читателямъ книгу Энгельса. У насъ вообще очень мало книгъ по рабочему вопросу, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, и появленіе каждой новой книги можно только привѣтствовать... Тѣмъ болѣе это относится къ книгѣ Энгельса. Читатель найдетъ въ ней яркое изображеніе положенія англійскихъ рабочихъ ихъ жизни,—изображеніе, мѣстами доходящее до лирическаго пафоса; и одушевленія читатель найдетъ въ ней цѣлый рядъ статистическихъ свѣдѣній, массу живыхъ картинъ изъ жизни пролетаріата, услышитъ голосъ этого пролетаріата, въ тѣхъ отрывкахъ писемъ рабочихъ и ихъ разговоровъ, которые приводитъ авторъ. Мы не можемъ здѣсь не указать на одно письмо простого рабочаго—Роберта Пундера, живущаго въ Лидсѣ, какъ называетъ его Энгельсъ. Это письмо потрясаетъ... Почти наивное, оно полно глубокой искренности, скрытыхъ слезъ и негодованія. Рабочій пишетъ, какъ его товарищъ Джо посѣтилъ своего знакомаго Джека и засталъ послѣдняго за штопаньемъ чулковъ... Когда Джо спросилъ его, почему онъ дѣлаетъ это не мужское дѣло,—Джекъ объяснилъ, что онъ много лѣтъ уже безъ работы; а работаетъ его жена—„Нѣтъ, Джо, сказалъ онъ, въ этой мѣстности есть достаточно работы для женщинъ и дѣтей, но для мужчинъ ея нѣтъ"... И Джекъ много говорилъ, жаловался и плакалъ.., „И вотъ, когда Джо все это услыхалъ, онъ сталъ проклинать фабрики, фабрикантовъ и правительство всѣми проклятіями, которымъ онъ научился съ молодыхъ лѣтъ на фабрикѣ".

Особенно интересны въ книгѣ главы, гдѣ авторъ говоритъ о психологіи буржуа и рабочаго (см. главы „*Выводы*" и Положеніе занимаемое буржуазіей по отношенію къ пролетаріату). Здѣсь въ живыхъ образахъ встаетъ та пропасть, которая раздѣляетъ капиталиста-предпринимателя и „свободнаго", но лишеннаго средствъ производства пролетарія, ярко вырисовываются темныя стороны жизни пролетарія — пьянство, развратъ... Но авторъ говоритъ объ этихъ темныхъ сторонахъ съ глубокой грустью и сожалѣніемъ, и опредѣленно указываетъ причины, вызывающія эти явленія. Великолѣпно обрисованъ образъ сухого, черстваго буржуа, поклоняющагося только золотому тельцу, „недопускающему, по выраженію Карлейля, иного отношенія между людьми, какъ разсчета на наличныя", и прогрессивный складъ психологіи пролетаріата. Интересна глава „Рабочее движеніе", гдѣ Энгельсъ говоритъ и о чартистскомъ движеніи. О чартизмѣ, кстати сказать, у насъ знаютъ очень мало, такъ что эта глава является тѣмъ болѣе цѣнной...

Книга Энгельса написана въ 1845 году. Тѣ отношенія производства и распредѣленія, которыя царили въ Англіи въ 50-хъ годахъ, по существу не измѣнились, ибо капиталистическій способъ производства еще не уничтожился, а развивается безпредѣльно. Но формы эксплоатаціи труда, —и наконецъ, что особенно важно, все растущее и растущее объединеніе рабочаго класса—уже не тѣ, что въ 45 году прошлаго столѣтія. Энгельсъ понималъ это и предпослалъ своему труду обширное пре-

дисловіе ко 20-му изд. это предисловіе дополняетъ книгу, какъ и тѣ примѣчанія къ ней, которыя помѣчены 1892 годомъ.

Повторяемъ, мы желаемъ книгѣ Энгельса самаго широкаго распространенія... Издана она хорошо, и цѣна, при большомъ объемѣ (319 стр.) поставлена сравнительно недорогая и доступная. (1 р.).

К. И.

Артуръ Шопенгауэръ. Афоризмы о житейской мудрости. (Parerga Paralipomena). Перев. профессоръ Z. и Елены Левицкой-Роголя, подъ редакціей издателя Н. Зинченко Ц. 1 р. 50 к.

Великій нѣмецкій философъ Шопенгауэръ, родившійся въ 1788 г. и умершій въ 1860 г., пользуется въ Россіи широкою извѣстностью. Имя Шопенгауэра впервые прозвучало у насъ чуть-ли не въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Его любилъ и переводилъ покойный Фетъ, позднѣе—г. Черниговецъ. Шопенгауэромъ восхищался гр. Л. Толстой, долго находившійся подъ вліяніемъ этого мыслителя, что замѣтно какъ на „Исповѣди“, такъ и на „Крейцеровой сонатѣ“. Понятіе о научномъ пессимизмѣ едва-ли не исключительно отъ Шопенгауэра исходитъ для большинства, не знакомаго съ исторіей философіи, и подкрѣпляется плѣнительною, хотя суровою, простотою этого прозорливаго мудреца. Шопенгауэръ, какъ истый мудрецъ, велъ замкнутую жизнь, однако-же не чуждался людей, въ которыхъ возмущало его только все глупое, стадное, пошлое. Первымъ научнымъ трудомъ Шопенгауэра была диссертація: „О четверoякомъ корнѣ закона достаточнаго основанія“. Затѣмъ написанъ имъ трактатъ: „О цвѣтахъ и краскахъ“, вызванный бесѣдами съ Гете, долго интересовавшимся изслѣдованіями въ той-же области. Въ 1818 г. онъ окончилъ главнѣйшій свой трудъ „Міръ, какъ воля и представленіе“, доставившій потомъ всемірную извѣстность. Вотъ все, что знаетъ о Шопенгауэрѣ такъ называемое большинство публики, состоящее изъ читателей, довольствующихся легковѣсной энциклопедіей. Шопенгауэръ, при жизни, не былъ оцѣненъ, какъ геніальный мыслитель. Онъ не достигъ до своей славы которая вспыхнула въ знаменательный моментъ разочарованія, охватившая интеллигентнѣйшихъ людей послѣ многихъ обманутыхъ надеждъ, неосуществившихся стремленій, когда братство, равенство и свобода оказались призратными, когда, не безъ горечи, можно было повторить изреченіе нашего Писарева: „иллюзіи исчезаютъ, факты остаются“. Безпощадная правда Шопенгауэра острой сталью вонзилась въ язвы самодовольной глупости, надменнаго невѣжества, ходульнаго шарлатанства. Съ ожесточеніемъ онъ нападалъ на Гегеля, который нѣкогда изрекъ, какъ непреложную истину: „что дѣйствительно, то и разумно“. Шопенгауэръ вырвалъ много плевелъ въ области науки. Его этика, философія, психологія, неразрывно связанныя съ эстетикою, являются можно сказать, мудростью Прекраснаго и Вѣчнаго, вѣчнымъ и прекраснымъ Мудрости. Достаточно прочитать только одни „Афоризмы“ его, чтобы убѣдиться въ этомъ, чтобы почувствовать себя бесѣдующимъ съ мудрецомъ, который, глубоко презирая все стадное пошлое, однажды сказалъ: „самые высшіе классы со всѣмъ ихъ блескомъ, великолѣпіемъ и чванствомъ, со всею ихъ пышностью и разнаго рода тщеславіемъ могутъ сказать себѣ: наше счастіе заключается совершенно внѣ насъ: его мѣстонахожденіе въ головахъ другихъ людей“.

Шопенгауэръ—великій стилистъ, и переводить его поэтому не легко. Переводъ г. Левицкой-Рогуля не лишенъ даже изящности. Многіе афоризмы снабжены подчасъ мѣткими примѣчаніями редактора-издателя. Книга напечатана на хорошей бумагѣ четкимъ шрифтомъ; къ ней приложены портретъ и автобіографія знаменитаго философа.

Н. Н.

Подъ осень. Стихотворенія Н. Б. Хвостова. 1901—1904. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

Имя автора этой симпатичной книжки должно быть знакомо преимущественно читателямъ „Вѣстника Европы“. Оно, время отъ времени, появляется тамъ подъ стихами, впрочемъ, болѣе переводными, чѣмъ оригинальными. Владѣющій, повидимому, прекрасно французскимъ языкомъ, г. Хвостовъ безукоризненно передаетъ намъ, въ своихъ художественныхъ переводахъ, замѣчательнѣй-

шаго, послѣ В. Гюго, и любимѣйшаго теперь поэта во Франціи, возвышеннаго и простого, Франца Коппэ, его небольшія, полныя жизни и красоты, поэмы. Оригинальныя стихотворенія г. Хвостова проникнуты благородствомъ мысли, сердечности; они звучны, нерѣдко мелодичны, какъ старинный романсъ, и сравненіе это подходитъ, вообще, къ самому содержанію большинства піесъ, особенно характерныхъ. Выдающимися можно признать слѣдующія: „Жизнь“, „Горный орелъ“, „Ласки моря“, „Вѣчный вопросъ“, „На святой недѣлѣ“, „Святитель Митрофанъ (преданіе) и „Женщинѣ-врачу“. Приведемъ послѣднее:

Идя съ отзывчивой душой
Смягчать страданья человѣка,
Ты бодро путь держала свой
Тропой тернистой четверть вѣка.

Ты не страшилась невзгодъ:
Подъ грохотъ грозъ, подъ вой метели
Съ челомъ открытымъ шла впередъ,
Стремясь къ своей великой цѣли.

Твоя къ познанію любовь,
Твои заботливыя ручки
Вернули многихъ къ жизни вновь
И утомили мило муки.

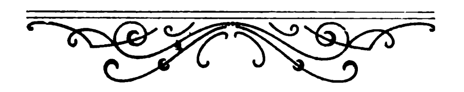
Кому страдальца такъ понять
И помощь дать въ часы недуга,
Какъ той, чье имя—дочь иль мать,
Сестра иль нѣжная супруга!

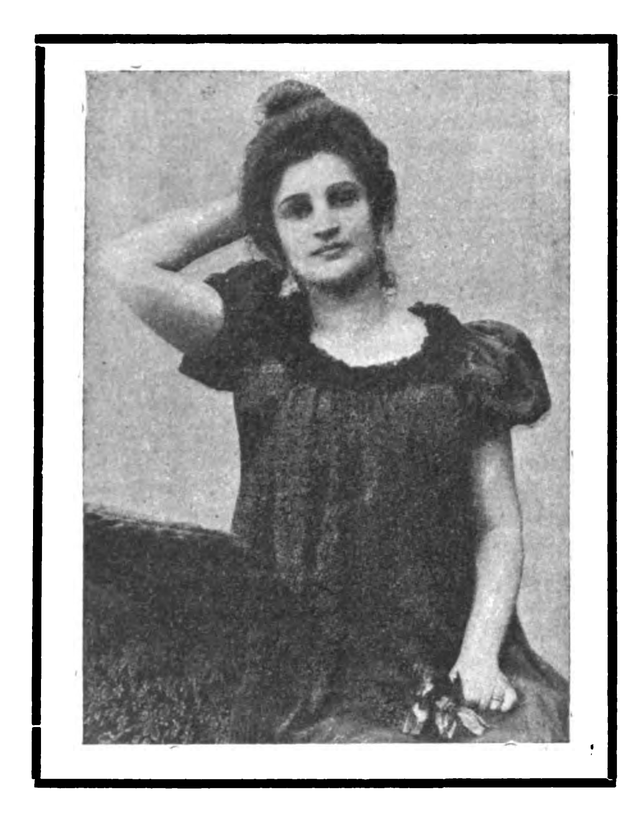
Они у ногъ его стоитъ,
Раскрывъ надъ нимъ участья крылья...
И чудеса любовь творитъ,
Гдѣ умъ смолкаетъ отъ безсилья!

Названіе книги „Подъ осень“ не соотвѣтствуетъ ея содержанію, потому что въ большинствѣ стихотвореній—бодрое молодое, свѣтлое; въ нихъ мягкая элегичность—безъ глубокихъ вздоховъ грусти, безъ неудержимыхъ слезъ ея и безъ тоски, жгуче хватающей за сердце.

Изданная изящно, книга украшена рисункомъ на обложкѣ: хмурое небо, отражающееся въ свинцовыхъ водахъ; увядающія деревья, блекнущіе цвѣты, а подъ обложкою—во многихъ стихахъ—совсѣмъ не осеннія, такъ сказать, настроенія.

Н. А. П.

М. А. Лохвицкая.

(По поводу ея кончины) *).

За послѣдніе нѣсколько лѣтъ въ молодой русской поэзіи—въ противовѣсъ литературному теченію нашихъ модернистовъ—обозначился новый кружокъ, новая школа молодыхъ художниковъ, изъ которой вышли самые своеобразные и самые даровитые изъ нашихъ лириковъ и беллетристовъ.

Принадлежащіе къ числу ихъ такіе авторы, какъ Ив. Бунинъ, А. Ѳедоровъ, Ал. Будищевъ и Мирра Лохвицкая воскресили у насъ тотъ здоровый и свѣжій импрессіонизмъ, который беретъ свое начало отъ богатой красками, звуками, ароматами и мелодіями поэзіи Фета.

Вмѣсто блѣдныхъ перепѣвовъ западноевропейскихъ лириковъ декаданса и символизма, которымъ посвятили себя Бальмонтъ, Брюсовъ и ихъ адепты, вмѣсто холоднаго и вялаго отраженія кошмарной фантастики Э. По, болѣзненно-развитаго рефлектированья и болѣзненной обостренности чувствъ Бодлера, мертвыхъ отвлеченностей Малларме или своеобразія Вилье-де-Лиль, Адана, Верхарна, Метерлинга и пр., вмѣсто всего этого заимствованнаго, чужого, грубо и ремесленнически отраженнаго въ образцахъ собственной лирики, — названные выше поэты вышли на прямой путь искренней, интимной и совершенно своеобразной художественности. На единственно вѣрный путь, которымъ долженъ идти поэтъ, чуткій къ голосу своего призванія.

Какъ бы ни были скромны дарованія названныхъ поэтовъ, но они вмѣстѣ съ нѣсколькими другими крупными художниками—среди всеобщаго увлеченія новыми, заим-

---

*) Намѣтивъ для себя цѣль—воспроизвести характернѣйшія черты литературнаго облика поэтессы, мы не коснулись того, что есть слабаго и блѣднаго среди ея произведеній.

ствованными мотивами поэзіи — остались вѣрны призванію *личнаго, собственнаго, оригинальнаго* творчества, которое одно лишь и можетъ назваться таковымъ. И въ исторіи современной поэзіи должна быть сохранена и эта особенность ихъ литературной дѣятельности.

Хранителями завѣтовъ истинно-творческой поэзіи, той поэзіи, высшій расцвѣтъ которой обнаружился въ созданіяхъ Пушкина и Лермонтова, а затѣмъ — Фета, Тютчева, Щербины, Майкова и Полонскаго, истинными хранителями завѣтовъ этой поэзіи должны по всей справедливости быть названы именно такіе поэты, какъ вступившій ранѣе Фофановъ, а послѣ него Бунинъ, Ѳедоровъ и Лохвицкая. Только у нихъ вы услышите душистое весеннее вѣяніе красоты, жизни, юности, вмѣсто тѣхъ холодныхъ измышленій эротики, мистицизма и философствованій, которымъ предаются на страницахъ своихъ органовъ представители „крайней лѣвой" нашего декаданса въ литературѣ.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ вольностей ея стихотворной техники, а также широкой и живой оригинальности, Мирру Лохвицкую причисляли также къ лагерю поборниковъ символизма. Но это была несомнѣнная и грубая ошибка, ибо таланту этой поэтессы, въ натурѣ которой лежала свободная и могучая непосредственность жизненныхъ переживаній и ихъ творческихъ отраженій, ничто не могло быть въ такой мѣрѣ противно, какъ холодная и бездушная символизація нашихъ жрецовъ декаданса, одѣвающихъ каждую мысль и каждый образъ въ деревянную одежду сухого и скучно вымышленнаго символа. Нѣтъ, Лохвицкая, какъ поэтъ, была слишкомъ чутка къ художественному образу и переживаемому чувству, которые и отражались въ ея музыкальномъ стихѣ съ живой и красивой непосредственностью, минуя насильственную обязательность символа или какой либо эстетической тенденціи. Благодаря этой-то свободѣ творчества на страницахъ поэтессы отразилась съ живой и красивой своеобразностью та *женственность*, которая у многихъ другихъ писательницъ не могла пробиться сквозь кору условныхъ пріемовъ. Простота и искренность—это именно то, что дѣлало Лохвицкую истиннымъ поэтомъ. Живое чувство накипало и росло въ ней и изливалось почти непроизвольно яркой музыкальной фразой, съ пышной образностью и отпечаткомъ жгучаго, нервнаго темперамента, какимъ надѣлена была поэтесса.

Особенности ея дарованія истекаютъ прежде всего изъ самой натуры поэтессы. Въ силу того, что она обладала настоящимъ лирическимъ дарованіемъ, которому богатство красокъ, звуковъ, мотивовъ и чувствъ давала сама интенсивная и глубоко-живая жизнь автора, ея творчество отражаетъ прежде всего красоту и силу ея переживаній и отражаетъ вообще своеобразный и плѣнительный обликъ поэтессы.

Исторія ея выступленія на литературное поприще и роста таланта чрезвычайно интересна.

Появленіе перваго тома ея мелодій, сказокъ, сонетовъ, элегій и пѣсенъ, сопровождавшееся увѣнчаніемъ книги Лохвицкой Пушкинской преміей, было для большой публики совершенной неожиданностью. Созрѣваніе ея таланта произошло незамѣтно, въ тишинѣ, вдали отъ читающей толпы, замѣтное лишь для немногихъ близкихъ поэтессы. Послѣ того, какъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ появилось нѣсколько незамѣченныхъ элегій и сказокъ, вдругъ появляется цѣлая книга созрѣвшаго молодого таланта, дышащаго свѣжестью и благоуханіемъ. И можно сказать, что изъ всѣхъ многочисленныхъ лириковъ, расцвѣтшихъ въ саду нашего современнаго Геликона, Лохвицкая съ наибольшимъ правомъ можетъ выдержать сравненіе съ развернувшейся неожиданно махровой алой розой, нѣжной чашей прозрачно-розовыхъ лепестковъ и слитаго съ ними весенняго аромата.

Уже первыя стихотворенія Лохвицкой — первые робкіе опыты обнаруживаютъ своеобразность ощущеній и замысловъ, но замѣтную банальность формы. Чувствуется борьба новичка-поэта съ самимъ собой, борьба съ неподдающейся формой, стремленіе вслушаться въ чувство и вѣрно передать его, но неумѣніе заключить это чувство въ образъ. За ними, за этими первыми опытами, виднтся обликъ задумчиваго, грезящаго подростка, жизнь котораго кажется ему обаятельной и загадочной и слишкомъ сложной для того, чтобы можно было преодолѣть волненіе передъ будущимъ, жажду ея, и от-

даться спокойному творческому отраженію ея картинъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что умъ поэтессы работалъ очень своеобразно. Между прочимъ, въ буржуазной критикѣ не разъ слышались упреки по адресу ея, заключавшіеся въ томъ, что Лохвицкая въ своемъ творчествѣ остается чужда общечеловѣческихъ идей и мотивовъ и замыкается въ узко-личную сферу воспѣванія любви. Критики, славшіе эти упреки, грѣшили, во-первыхъ, противъ основного закона художественнаго творчества относительно того, что поэтъ въ своемъ творчествѣ долженъ быть вѣренъ своей индивидуальности, не насилуя себя въ томъ, что составляетъ его настоящее призваніе и настоящую сферу его труда. Кромѣ того, тѣ же критики не замѣчали того, что упрекъ въ узкости и неразвитости не могъ быть вѣренъ по отношенію къ Лохвицкой ужъ потому, что ея стихотворенія обличали въ ней богатѣйшее литературное и эстетическое развитіе, а также ту высокую художественную чуткость, *которая безъ культуры ума и таланта быть не можетъ.* Утонченная красота ея стиха, которая у вульгарнаго стихотворца никогда такой изысканной нѣжности не достигнетъ, музыкальность строфы, умѣнье строго выдержать общій тонъ или настроеніе вещи, дать точный и четкій художественный рисунокъ, наконецъ, ея познанія въ области средневѣковой литературы, знаніе этой эпохи вообще и умѣнье возсоздать ее въ характерныхъ колоритныхъ чертахъ—все это совершенно снимаетъ съ Лохвицкой необдуманный и скороспѣлый упрекъ въ умственной узкости, въ неразвитости. Этотъ музыкальный лирикъ по своей духовной высотѣ былъ значительнѣй многихъ изъ тѣхъ, кто бросалъ ей презрительные упреки.

Но исключительность содержанія ея творчества, мнѣ кажется, объясняется именно своеобразіемъ ея мышленія, подчиненнаго особымъ условіямъ. У Лохвицкой, этой въ высшей степени женственной натуры, сотканной почти цѣликомъ изъ прозрачнаго пламени чувствъ, настроеній и ощущеній, странно отсутствовала способность отвлеченнаго рефлектированія. Въ ней не было жизни одного лишь холоднаго, логически мыслящаго ума, самостоятельно оперирующаго съ матеріалами мышленія. Ея женственный, изящнаго склада умъ работалъ въ полномъ соотвѣтствіи съ жизнью чувствъ, онъ былъ подчиненъ имъ, проникался ими, и поэтому вся умственная энергія поэтессы уходила на то, къ чему влекла ее потребность красоты, желанье поэзіи, въ сторону поэтическихъ образовъ и созерцаній. Въ этомъ сказалось ничто иное, какъ гармоничная цѣльность натуры поэтессы, и упрекать ее за отсутствіе въ ея творчествѣ гражданскихъ мотивовъ такъ же безцѣльно и нелѣпо, какъ слать упреки Некрасову за то, что среди его вырванныхъ скорбью и тоской пѣсенъ нѣтъ отраженій спокойныхъ эстетическихъ созерцаній. Натура поэта, складъ его личности диктуетъ ему произведенія, единственно возможныя для него. Требовать отъ поэта чуждыхъ его душѣ мотивовъ—значитъ требовать насилія его надъ самимъ собой.

И къ этой цѣльности, къ этому полному обнаруженію индивидуальныхъ свойствъ ума, души и таланта Лохвицкая пришла самопроизвольно, руководимая инстинктомъ своего прекраснаго дара, который не долго былъ въ зенитѣ своей силы и такъ быстро угасъ. Подростокъ, робко трогающій тонкія струны лиры своего поэтическаго таланта, еще не освоившійся съ богатствомъ, сложностью ея звуковъ и оттѣнковъ ихъ, превращается въ женщину, дивно владѣющую своимъ инструментомъ и со спокойной увѣренностью трогающую его чистыя и нѣжно звучащія струны. Любовь, материнство, ревность, грезы, тоска любви, тоска одиночества, жажда жизни, жажда красоты, полнота наслажденья—вотъ струны ея благороднаго инструмента, на которомъ поэтъ играетъ уже какъ мастеръ, знающій, что если онъ тронетъ такую-то струну, то выразительный звукъ передастъ такой-то оттѣнокъ чувства.

Особенность Лохвицкой, какъ поэта, особенно ясно обнаружится, если ее сравнить съ такимъ холоднымъ и отвлеченно-рефлектирующимъ авторомъ, какъ Бальмонтъ. Между тѣмъ, какъ у Лохвицкой нѣжное, музыкально-выразительное и страстное слово является только лишь для передачи волнующаго поэтессу, только что пережитаго и слитаго съ ея личной жизнью чувства, у Бальмонта—слова, стихи имѣютъ самостоятельное значеніе, и онъ красоту творчества по-

лагаетъ не въ могучей образности поэта, не въ яркомъ отраженіи жизни, а въ красотѣ сочетаній словъ, дающихъ холодную и ничего не говорящую душѣ музыку. Какъ истинный поэтъ, Лохвицкая вкладываетъ въ стихъ индивидуальность и такъ сказать собственность переживаній. Между тѣмъ какъ Бальмонтъ даетъ намъ *отраженіе* тѣхъ чувствъ, которыя уже были мощно отражены въ творчествѣ Уайльда, Аннунціо, Боддлера, а въ стихахъ Бальмонта являются лишь блѣднымъ перепѣвомъ, лишеннымъ первоначальной силы передачи ихъ и той мощной образности, которою обладаетъ лишь поэтъ, облекающій въ слово личное, собственное, а не заимствованное богатство идей, мотивовъ, чувствъ и настроеній.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что причина лежитъ здѣсь въ большей полнотѣ жизненности, которою сравнительно съ авторомъ „Тишины" была надѣлена Лохвицкая. Эта-то органическая сила богато одаренной натуры била въ ея стихахъ прозрачнымъ и „огнецвѣтнымъ" фонтаномъ музыкальныхъ и свѣжеобразныхъ стиховъ.

Чрезвычайно трудно ея творчество подчинить въ разсмотрѣніи какой нибудь системѣ, разбить на отдѣлы, для того, чтобы прослѣдить характернѣйшія изъ чертъ ея таланта. Развитіе его отражается тысячами всевозможныхъ интересныхъ для психолога деталей во всѣхъ вещахъ всѣхъ отдѣловъ ея книги. Лохвицкая, — какъ художникъ, какъ лирикъ, какъ женщина — есть нѣчто единое, цѣльное, глубоко своеобразное и своеобразно плѣнительное. Поэтому въ творчествѣ ея можно сдѣлать лишь чисто внутреннее расчлененіе, прослѣдивъ тѣ изъ сторонъ ея творчества, въ которыхъ съ особенной силой блеснувшій художественный талантъ, даръ живой изобразительности обнаружилъ ту субъективную, чисто личную пріязнь поэтессы къ чему либо въ жизни, которая и раскрываетъ самыя яркія черты ея, какъ поэта и женщины, ибо въ вещахъ своихъ она прежде всего явилась поэтомъ-женщиной.

Сперва — робкимъ подросткомъ, неувѣренно грезящимъ о счастьи; потомъ, когда приливъ жизни все усиливался въ душѣ, она почувствовала ростъ душевныхъ, творческихъ силъ, и сознаніе этого звучитъ въ ея стихахъ. Смутный образъ того опьяняющаго счастья, къ которому звала ея душу болѣзненно чувствуемая красота, сталъ съ теченіемъ времени не далекимъ и призрачнымъ миражемъ, но чѣмъ-то совершенно реальнымъ, возможнымъ и доступнымъ для свободно развившихся духовныхъ силъ поэта-женщины. Она сознала въ себѣ силу захвата, осуществленія чудной сказки своего счастья, потому что Лохвицкая прежде всего была не преждевременно усталой и безсильной пѣвицей декаданса чувствъ и настроеній, а человѣкомъ, съ большимъ запасомъ жизненности и живыхъ силъ, натурой гармонически-здравой, въ которой обостренность воспріятій была признакомъ не болѣзненной нервной возбужденности, а именно избытка жизненныхъ глубокихъ чувствъ. И эта сила чувствуется и въ раннихъ ея стихотвореніяхъ.

Если-бъ счастье мое было вольнымъ орломъ,
Если-бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,

поэтесса заставила бы его упасть къ ея ногамъ, сразивъ его мѣткой стрѣлой. Еслибъ оно жемчужиной лежало на днѣ моря, она спустилась бы за ней въ эти пространства подводнаго покоя. Если бы цвѣтокъ ея счастья росъ на самой недоступной крутизнѣ горъ, она взобралась бы за нимъ на вершины и сорвала бы его.

Нельзя не признать, что мы не часто видѣли въ творчествѣ поэта отраженной такую спокойную увѣренность жизненныхъ силъ.

Лирики и на западѣ, и у насъ воспѣвали томленіе любви, жажду любви, одиночество влюбленнаго, тоску неутолимыхъ желаній и, наконецъ, блаженство отдѣльныхъ мгновеній. Но оригинальность и совершенная своеобразность Лохвицкой въ томъ, что она первая дала намъ въ своемъ творчествѣ поэму той живой, сильной своимъ здоровьемъ, своей красотой, своей жаждой—жизни, которая полно и ярко осуществляетъ всѣ завѣтныя мечты, весь трепетъ желаній, всю музыку разлитой въ мірѣ красоты. Отраженіе здоровой жизненности, яркаго расцвѣта, осуществленія грезъ и желаній,—вотъ что дала поэтесса въ своихъ стихахъ. И если она казалась замкнутой въ мірѣ однѣхъ лишь экзотическихъ, музыкальныхъ и яркихъ переживаній, то виной тому — цѣльность и здоровая непосредственность ея натуры. Въ ней не было меланхолической рефлексіи сѣ-

верныхъ лириковъ, ихъ душевныхъ надломовъ, ихъ трагедій жажды жизни и отсутствія ея, расцвѣта для жизни и увяданія опять таки безъ полноты этой жизни. Нѣтъ, Лохвицкая расцвѣтала и, развернувшись пышной розой поэзіи, насладилась и солнцемъ, и воздухомъ, и вѣтромъ, и влагой росы, и свѣжестью ночи, и зноемъ полдня, и непосредственность своихъ наслажденій, своихъ переживаній сохранила во всемъ ихъ ароматѣ въ строкахъ своихъ стиховъ.

Вотъ почему она кажется не сѣверной, а южной женщиной. Въ ней нѣтъ робкой граціи сѣверянки, дѣтской прелести ея наивности, безпомощности и внутренно-страстной мечтательности. Наоборотъ, въ Лохвицкой есть иная, противоположная обаятельность: сильной и властной натуры, въ которой мощь жизненности слишкомъ сильна для того, чтобы она могла жить только лишь робкой грезой и ожиданіемъ. Нѣтъ, натура поэтессы—изъ тѣхъ, которыя сами идутъ и берутъ свое счастье, съ той красотой свободной и гордой рѣшительности, съ той граціей обнаженной непосредственности, которыя свойственны женщинамъ Бернъ-Джонса и Данта Габріеля Россети...

Въ поэмахъ Лохвицкой отражена такая же натура. Подпавшая обаянію своей любви, она силой этого чувства можетъ стать самовольно рабыней и наслаждаться

Минутнымъ счастьемъ одалиски
Предъ повелителемъ своимъ.

Но это рабство самопроизвольное, причиной котораго служитъ именно живая непосредственность натуры. Въ основѣ же своей—это сильная, ярко и глубоко живущая женщина, дѣлающая свою жизнь матеріаломъ для искренняго и страстнаго творчества. Лохвицкая была изъ такихъ натуръ.

II.

Намъ необходимо было выяснить основныя черты личности поэтессы, для того, чтобы такимъ образомъ стали ясны главнѣйшіе мотивы ея творчества и ихъ коренная своеобразность. Важнѣйшая задача критическаго разсмотрѣнія произведеній поэта заключается именно въ томъ, чтобы прослѣдить, по выраженію И. С. Тургенева, корни, питающіе его творчество, а для этого необходимо обращаться къ той художественной своеобразности, которую представляетъ собой поэтъ. Основныя черты личности Лохвицкой даютъ намъ ключъ къ ея поэзіи, неразрывно связанной съ интимной жизнью поэтессы.

Ея чуткость къ природѣ и богатая образность въ стихахъ явились вслѣдствіе именно той полноты жизненности, какой надѣлена была Мирра Лохвицкая. Дыханье ранней весны, въ которомъ свѣжесть воздуха сливается съ тонкимъ ароматомъ только что распустившихся первыхъ весеннихъ цвѣтовъ; горячій зной лѣта, опьяняющій, душистый, золотой зной, раскрывающій чаши розъ, лилій, нарциссовъ, златооковъ, настурцій и туберозъ; прозрачная ясность воздуха осеннихъ аллей, рѣзкій запахъ увядающей листвы, рождающій смутныя, томительно-острыя желанія,—все это дышетъ изъ раскрытыхъ листовъ книгъ Лохвицкой. Свою жажду жизни, свое желаніе красоты она какъ-то непроизвольно сливала съ жизнью природы и часто образами природы символизировала неясный обликъ своимъ грезъ, какъ напр., въ стихотвореніи: „Настурціи“:

И цвѣты настурцій—будто сонъ—
Обвили стеклянный мой балконъ...
...И мечты нездѣшней красоты
Обвиваютъ душу, какъ цвѣты...

Ея пышный расцвѣтъ, зенитъ ея музыкальнаго творчества выразился въ полной силѣ въ 3-ьемъ томѣ стихотвореній и поэмъ. Вдохновенная образность и мучительно-острое чувство жизни даютъ ей возможность съ непроизвольной легкостью отражать въ картинахъ стиховъ природу и самое дыханіе жизни въ ней. Поэтесса касается всѣхъ угловъ міра, она рисуетъ въ лѣтній полдень свой сѣверный запущенный садъ, гдѣ среди деревьевъ и буйно разросшихся травъ расцвѣтаютъ синіе глазки ириса; мечта уноситъ ее въ оазисы южно-африканскихъ пустынь, гдѣ караванъ царицы Балкисъ движется на встрѣчу „саронскому лотосу“ Соломону... Она съ художественной рельефностью воспроизводитъ покои средневѣковыхъ рыцарскихъ замковъ, гдѣ въ одиночествѣ ждетъ покинутая красавица своего мужа... Наконецъ, въ царствѣ абсолютной фантазіи — рисуется ей сказочный замокъ короля-волшебника, утопающій въ дивной пышности царственно разросшихся розъ... И всюду, на фонѣ жизненной красоты, среди аромата цвѣтовъ, лазури воздуха, гор-

ныхъ вершинъ и цвѣтущихъ долинъ — рисуется обликъ страстно-грезящей и страстно-жаждущей жизни женщины...

По истинѣ, избытокъ жизненныхъ силъ томилъ и мучилъ поэтессу, оттого-то ея „пѣсни“ звучали порой искренней жалобой и пѣвучей, красивой печалью.

Эта органическая, непосредственная мощь натуры требовала прежде всего такой же непосредственной реализаціи силъ въ самой жизни, въ чистомъ процессѣ ея. Мирра Лохвицкая была именно изъ тѣхъ натуръ, которымъ меньше всего нуженъ рабочій затворническій кабинетъ. И это звучитъ въ каждой строкѣ ея лирики. Но расцвѣтъ поэтессы была не дологъ. И уже передъ концомъ жизни упадокъ жизненныхъ силъ отразился и на творчествѣ.

Любовь въ этомъ творчествѣ поэтессы озаряется необыкновенной красотой. Подобно пѣвцу „Пѣсни пѣсней“, міръ въ расцвѣтѣ молодой любви и страсти представляется ей въ обаяньи весенней цвѣтущей красоты. Не грубое, низменное ощущеніе отражается здѣсь, но утонченная музыка чувствъ, для которой фономъ служитъ дѣвственная свѣжесть природы.

Сколько таинственной прелести въ предощущеньи момента, когда развернется цвѣтокъ любви, и послышится его нѣжное и мучительное благоуханіе. Полупрозрачной дымкой покрытъ этотъ міръ весеннихъ грезъ и за ней, за этимъ покрываломъ чувствуется что-то яркое, освобождающее, открытое, лазурной, зовущей далью. Въ одномъ изъ стихотвореній Лохвицкая символизируетъ это чувство предощущенья жизненнаго расцвѣта: четыре всадника летятъ мимо ея окна, — всадникъ весенняго разсвѣта весь — роса, сіянье и свѣжесть, всадникъ знойнаго полдня, дышащій изнуряющимъ зноемъ, всадникъ тихаго вечера, когда подъ вѣтромъ закачались цвѣты и пахнула въ окно прохлада и, наконецъ, всадникъ голубой звѣздной ночи.—Вотъ часъ осуществленья. Открываются всѣ ставни и окна: пусть вливается прохлада воздуха, напоенная запахомъ цвѣтовъ. „Всадникъ въ темномъ — тихо подъѣхалъ и сталъ подъ окномъ“. Къ нему выходитъ грезящая героиня поэмы.

Въ своихъ сонетахъ Лохвицкая съ благородной силой искренняго художника изливала свои признанія. Нѣкоторые изъ нихъ по чеканкѣ стиха и выразительности образовъ достигаютъ скульптурной рельефности. Въ нихъ не искусственная поддѣлка подъ древнюю обнаженность признаній, а неслыханный до того голосъ женской чарующей страсти. Въ нихъ сила искренняго чувства нашла себѣ художественное, простое и яркое воплощеніе.

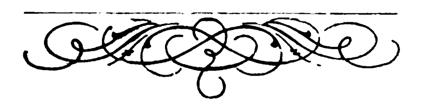
Въ исторіи русской поэзіи Лохвицкая займетъ почетное мѣсто, а среди поэтовъ послѣднихъ десятилѣтій — несомнѣнно первое мѣсто. Опустѣвшія послѣ вдохновеннаго элегика Апухтина и искренняго, мечтательнаго Надсона мѣста на нашемъ Геликовѣ занялись Фофановымъ, Минскимъ, Мережковскимъ, а позднѣе — Бунинымъ, Ѳедоровымъ и Лохвицкой. Она шла въ своемъ творчествѣ самостоятельнымъ путемъ, и все сдѣланное ею добыто ею не путемъ техническаго труда и художественной выработки, а скорѣе путемъ смутнаго поэтическаго инстинкта, которымъ руководилъ избытокъ душевныхъ силъ.

Напряженіе этихъ силъ перерождалось въ прозрачную струю ея полнаго аромата и свѣжести творчества.

Умерла Лохвицкая по своему завѣту:

> Я хочу умереть молодой,
> Облетѣть неувядшимъ цвѣткомъ,
> Закатиться небесной звѣздой.

Арскій.

Химія.

Полученіе радія изъ урана. До настоящаго времени установлено, что собственною радіоактивностью обладаютъ пять простыхъ тѣлъ (элементовъ)—уранъ, торій, полоній, радій и актиній. Одни изъ этихъ веществъ, кромѣ радіацій, испускаютъ изъ себя еще матеріальныя частицы, имѣющія характеръ газа и называемыя эманаціей, а другія — нѣтъ. Изъ вышеназванныхъ элементовъ всеобщее вниманіе привлекъ на себя особенно радій, какъ наиболѣе характерный съ точки зрѣнія радіоактивности; другіе же элементы поэтому остались менѣе изученными, а нѣкоторые даже и совсѣмъ еще не изслѣдованными. Между тѣмъ дальнѣйшее изученіе радіоактивности привело къ заключенію, что всѣ вообще *радіоактивныя явленія сопровождаются распадомъ атомовъ радіоактивныхъ элементовъ.* Чрезвычайно важные и интересные результаты въ этомъ направленіи дали недавно опубликованныя изслѣдованія Содди, Рутерфорда и Болтвуда касательно радіоактивности соединеній урана и торія, изъ которыхъ уранъ до послѣдняго времени разсматривался, какъ элементъ, не образующій никакихъ эманацій*). Работы этихъ ученыхъ явились продолженіемъ изслѣдованій В. Крукса, который выдѣлилъ изъ урановыхъ солей какое то активное вещество, осаждая азотно-кислый уранъ аммі-акомъ и обрабатывая осадокъ углеамміачною солью, при чемъ получалась неактивная растворимая окись урана и сильно активное вещество въ видѣ осадка. Это послѣднее Круксъ назвалъ ураномъ—иксъ (x). Когда Содди и Гутерфордъ повторили опыты Крукса, то нашли, что уранъ-x, приготовленный по этому способу, испускаетъ только „бета—лучи", а оставшійся уранъ—только „альфа-лучи". Самое же важное въ опытахъ Содди и Гутерфорда заключается въ томъ, что уранъ—иксъ, а равно и найденный Рутерфордомъ торій-иксъ, обладающіе способностью дѣйствовать на фотографическую пластинку, вначалѣ теряемою ураномъ и торіемъ, въ свою очередь со временемъ лишаются ея, между тѣмъ какъ основные матеріалы, изъ которыхъ выдѣлены уранъ—иксъ и торій—иксъ, съ теченіемъ времени снова пріобрѣтаютъ первоначальную способность, при чемъ изъ нихъ опять могутъ быть выделены новыя количества урана—иксъ и торія—иксъ. Эти факты Рутерфордъ съ самаго начала объяснялъ тѣмъ, что уранъ и торій, подвергаясь какимъ то измѣненіямъ въ строеніи своихъ атомовъ, постепенно превращаются въ

*) Philosophical Magazine. 1905 стр. 768—779. Soddy; Phil Mag. 1905. стр. 599 Boltwood.

новыя вещества, съ одной стороны— въ уранъ—иксъ и торій—иксъ, испускающія „бета—лучи“, а съ другой стороны—въ какія то еще неизвѣстныя вещества, испускающія только „альфа-лучи“. Потерю же ураномъ—иксъ и торіемъ—иксъ способности этихъ веществъ дѣйствовать на фотографическую пластинку Рутерфордъ объясняетъ (для торія) выдѣленіемъ потока матеріальныхъ эманацій. Объ уранѣ же этого нельзя было раньше сказать потому, что урановыхъ эманацій въ то время никто не наблюдалъ, и только въ 1904 г. Содди замѣтилъ, что уранъ, долго содержимый въ хорошо закупоренной склянкѣ, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ также развиваетъ эманацію со всѣми ея специфическими свойствами.

Къ этому времени Хэгглисомъ, а затѣмъ и другими учеными было установлено, что радій вслѣдствіе какого то процесса, сопровождаемаго расцепленіемъ его атомовъ на части, еще болѣе мелкія, даетъ спектръ гелія, т. е. одинъ элементъ какъ бы переходитъ въ другой, обладающій значительно меньшимъ атомнымъ вѣсомъ (ат. вѣсъ гелія—4.). Въ силу этого Содди предположилъ, что радій, котораго атомный вѣсъ (по Кюри—224) меньше атомнаго вѣса только двухъ элементовъ—урана (ат. вѣсъ—240) и торія (ат. вѣсъ—232)—самъ въ свою очередь можетъ быть разсматриваемъ, какъ продуктъ распада атомовъ этихъ веществъ. Такое заключеніе казалось ему тѣмъ болѣе праводоподбнымъ, что, во-первыхъ, радій получается всегда изъ урановой руды, а во-вторыхъ, Рутерфордомъ была высказана мысль, что и полоній представляется лишь промежуточною формою, сопровождающею процессъ распада атомовъ радія (Phil. Mag. 1904. стр. 636).

Методъ, положенный Содди въ основаніе его изслѣдованія, состоялъ въ томъ, что самымъ тщательнымъ образомъ опредѣлялось количественное отношеніе урана и радія, заключавшихся въ цѣломъ рядѣ образцовъ тѣхъ минераловъ, изъ которыхъ добываются оба названные элемента. Для этой цѣли сравнивалась активность эманацій, производимыхъ даннымъ количествомъ радія, съ активностью минерала, содержащаго вполнѣ опредѣленное количество урана. Оказалось, что пропорція этихъ веществъ во всѣхъ изслѣдованныхъ образцахъ остается всегда постоянною—около одной милліонной (точнѣе $^{1}/_{1.350.000}$). Такое постоянство отношенія Содди призналъ за одно изъ главныхъ доказательствъ достовѣрности своего предположенія.

Такимъ образомъ все болѣе обосновывается мысль о переходѣ урана въ радій, радія—въ полоній, а затѣмъ въ гелій и, слѣдовательно, все болѣе нарушаются установившіеся взгляды на элементарность простыхъ тѣлъ.

Согласно послѣднимъ сообщеніямъ (Comptes Rendus des Séances de l'acadèmie des sciences. t. 141. p. 383; Debierne.), выдѣленіе гелія замѣчено и изъ открытаго Debiern,омъ актинія. Какъ извѣстно, изъ воднаго раствора солей радія, выдѣляется гремучая смѣсь (H_2+O), въ которой Рамзаемъ и Содди и былъ обнаруженъ гелій. Такое же свойство теперь доказано Дебіерномъ и относительно актинія. Отсюда видно, что конечнымъ продуктомъ распада атомовъ радіоактивныхъ веществъ пока можно признать гелій.

Итакъ, найдены новые штрихи, какъ бы дополняющіе ту картину образованія простыхъ тѣлъ, которую нарисовалъ В. Круксъ еще въ 1886 г. Согласно его взглядамъ, всѣ химическіе элементы возникли изъ какой то первичной матеріи—протила (слово составлено Круксомъ по аналогіи съ протоплазмою), при чемъ сначала образовались элементы съ низшимъ атомнымъ вѣсомъ, затѣмъ болѣе тяжелые и наконецъ элементы наибольшаго атомнаго вѣ-

са и потому наименѣе устойчивые, какъ уранъ и торій. Круксъ разсматривалъ возникновеніе элементовъ, какъ результатъ химической эволюціи, т. е. и здѣсь по его мнѣнію наблюдается Дарвиновскій принципъ—преобладаніе наиболѣе сильнаго, почему существующіе элементы и представляются достаточно прочными.*).

Н. Адамовичъ.

Метеорологія.

Нѣкоторые опыты съ вихревыми кольцами. Вопросъ о такъ называемомъ разстрѣливаніи грозовыхъ облаковъ вызвалъ уже значительное число интересныхъ изслѣдованій о вихревыхъ кольцахъ, которыя дали уже объясненія нѣкоторыхъ пунктовъ этой проблемы, не приводя однако къ окончательному ея рѣшенію въ цѣломъ. Сообщаемые далѣе опыты г. Лампа дѣлаютъ новый интересный вкладъ для рѣшенія этого вопроса.

Явленіе, происходящее при разстрѣливаніи грозового облака, происходитъ такимъ образомъ: вихревое кольцо, произведенное выстрѣломъ изъ градобойной мортиры,—обезвреживаетъ тучу съ градомъ, проникая изъ болѣе теплой и менѣе плотной среды въ болѣе холодную и болѣе плотную атмосферу градовой тучи. Что происходитъ при этомъ переходѣ вихревого кольца изъ одной среды въ другую, удалось теперь установить г. Лампа посредствомъ опытовъ надъ жидкостями и газами. Вихревыя кольца производились съ помощью извѣстнаго аппарата: ящика съ твердыми и одной эластической стѣнкой; въ стѣнкѣ, лежащей противъ эластической, продѣлано отверстіе для выхода вихревыхъ колецъ; для опытовъ съ жидкостями аппаратъ приготовлялся небольшой величины изъ латуни, для газовъ же большой ящикъ изъ папки; путемъ окрашиванія содержимаго аппарата вихревыя кольца дѣлались видимыми.

Съ помощью этого аппарата очень хорошо можно наблюдать, какъ при очень легкомъ давленіи на перепонку въ жидкости образуется выпуклость на подобіе шляпки гриба, при болѣе сильномъ нажатіи эта шляпка отшнуровывается, вывертывается и превращается въ кругообразное вихревое кольцо. Очень легко производить такимъ способомъ прохожденіе одного вихря черезъ другой, наталкиваніе вихря на твердую стѣнку и при достаточно сильномъ толчкѣ водоворотъ, производимый на поверхности жидкости вихревымъ кольцомъ. При достаточной энергіи удара въ эластическую стѣнку вихревое кольцо вырывалось изъ массы жидкости черезъ поверхность наружу, причемъ оно принимало видъ продолговатой капли. Если вихревое кольцо направлялось подъ косымъ угломъ къ поверхности жидкости, то оно не испытывало отраженія, а прилегало къ поверхности и жидкость кольца растекалась дальше параллельными струями.

Опыты съ двумя расположенными другъ надъ другомъ несмѣшивающимися жидкостями производились пока съ водой и керосиномъ; вихревыя кольца производились въ водѣ и направлялись или перпендикулярно или подъ косымъ угломъ къ раздѣлительной поверхности. При незначительной энергіи толчка, вызвавшаго вихревое кольцо, раздѣлительная поверхность играла такую же роль какъ твердая стѣнка; при возрастающей силѣ вихревото кольца равновѣсіе на раздѣлительной поверхности нарушалось и наконецъ она прорывалась. Вихревое кольцо, перейдя въ керосинъ, сей-

---

*) Профессоръ Петръ Кюри, открывшій въ сотрудничествѣ со своею супругою, урожденною Складовскою, радіоактивные элементы полоній и радій, въ августѣ сего года избранъ въ члены Парижской Академіи Наукъ.

Н. А.

часъ-же принимало форму капли; она проходила черезъ раздѣлительную поверхность и двигалась дальше, какъ брошенное тѣло, не обнаруживая явленія распространенія во всѣ стороны. Въ менѣе плотной средѣ капля имѣло то направленіе, которое имѣло вихревое кольцо въ болѣе плотной средѣ. Подобное же явленіе наблюдалось при переходѣ вихревого кольца изъ менѣе плотнаго керосина въ болѣе плотную воду. Если брались жидкости смѣшивающіяся другъ съ другомъ, то въ общемъ наблюдалось то же самое, только поверхность капли, проникшей черезъ раздѣлительный слой изъ одной среды въ другую, обнаруживала явленія болѣе быстраго смѣшенія жидкостей и образовывала облако, въ которомъ еще явственно можно было замѣтить вихревое движеніе ядра. Сама же раздѣлительная поверхность существенныхъ измѣненій не испытывала.

Опыты съ воздухомъ и углекислымъ газомъ дали такіе же результаты, какъ и опыты съ жидкостями. Пограничный слой довольно рѣзко обозначался при помощи паровъ соли амміака, которые осаждались въ воздухѣ и образовывались въ угольной кислотѣ; самый вихрь дѣлался видимымъ тоже при помощи паровъ амміачной соли. При прохожденіи вихревого кольца въ томъ или другомъ направленіи изъ одной среды въ другую не замѣчалось и слѣда преломленія.

Можно считать установленнымъ, какъ существенный результатъ описанныхъ экспериментовъ, что вихревое кольцо не отражается при встрѣчѣ съ твердой стѣнкой и равнымъ образомъ не уклоняется отъ своего пути, т. е. не испытываетъ преломленія при переходѣ изъ одной среды въ другую.

Такимъ образомъ вихревыя кольца въ своихъ свойствахъ обнаруживаютъ замѣчательную аналогію съ рентгеновскими лучами. Найденный результатъ даетъ возможность лучше оріентироваться въ этихъ явленіяхъ математическому анализу, которому приходится здѣсь наталкиваться на значительныя трудности“.

Ботаника.

О необыкновенно-быстромъ ростѣ эвкалипта мы уже можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе по разнымъ рисункамъ, помѣщавшимся въ журналѣ.

Родина эвкалипта—Австралія. Изъ его около 160 родовъ большая часть какъ извѣстно отличается необыкновенно быстрымъ ростомъ; среди нихъ находятся самыя высокія деревья земли (до 150 метровъ). Вслѣдствіе чрезвычайно сильнаго испаренія листьевъ эвкалиптовыя деревья извлекаютъ изъ почвы огромныя количества воды и поэтому могутъ служить средствомъ для оздоровленія болотистыхъ мѣстностей. Такое дѣйствіе произвели эвкалиптовыя деревья въ нездоровой мѣстности Tre Fontane, гдѣ монахи тамошняго траппистскаго монастыря съ 1869 года производили разсадку эвкалиптовъ.

Разсадка деревьевъ производилась съ значительными промежутками; поэтому весь лѣсной участокъ совершенно лишенъ тѣни, чему способствуютъ своеобразные вѣчнозеленые саблевидныя листья, обращенные къ солнцу своими краями, а не широкой поверхностью, какъ это бываетъ обыкновенно; такое расположеніе листьевъ является результатомъ приспособленія эвкалипта къ необыкновенной сухости, которая часто чрезвычайно сильно вредитъ деревьямъ въ Австраліи. Чаще всего мы встрѣчаемъ и узнаемъ гладкую, отстающую полосами кору вида Eucalyptus globulus; другой же видъ, съ жесткой, похожей на сосновую корой, которая такъ тверда, что англичане прозвали этотъ видъ

эвкалипта Ironbark („желѣзный лубъ").

Древесина эвкалиптовъ весьма цѣнна для поддѣлокъ и въ качествѣ горючаго матеріала. Однако въ Tre Fontane дерево продается просто на вѣсъ.

Опыты съ перекрестнымъ оплодотвореніемъ (Lecture du Sablon. Comptes rendus 1903, t. CXXXVII. p. 1298—1299).

Авторъ скрещивалъ дыни и огурцы, чтобы установить, вліяетъ-ли перекрестное оплодотвореніе на химическій составъ плодовъ. Затѣмъ онъ опредѣлялъ содержаніе сахара и крахмала въ мякоти плодовъ: 1) дыни (Cucumis melo), оплодотворенной цвѣтенью дынныхъ цвѣтовъ, 2) дыни, оплодотворенной цвѣтенью цвѣтовъ огурца (Cucumis sativus), 3) огурца, оплодотвореннаго цвѣтенью дыни и 4) огурца, оплодотвореннаго цвѣтенью огурца. Мы приводимъ полученныя имъ весьма характерныя цифры по отношенію къ содержанію сахара:

1. Дыня × дыня 24,3%
2. дыня × огурецъ . . . 5,8%
3. огурецъ × дыня . . . 1,3%
4. огурецъ × огурецъ . . 1,1%.

Вліяніе цвѣтени огурца выразилось, такимъ образомъ, въ значительномъ пониженіи содержанія сахара, тогда какъ, наоборотъ, цвѣтень дыни не вызывала образованія сахара въ огурцахъ. При скрещиваніи двухъ различныхъ расъ огурца было замѣчено уменьшеніе въ общемъ содержаніи углеводовъ, такъ что даже цвѣтень расы болѣе богатой углеводами вызывала уменьшеніе въ содержаніи ихъ.

Отсюда вытекаетъ выводъ для практики, что нельзя рекомендовать вмѣстѣ культивировать различныя огуречныя растенія, принадлежащія къ одному роду. Въ дѣйствительности среди садовниковъ распространено мнѣніе, что сосѣдство огурцовъ къ выращиваемымъ дынямъ вредно вліяетъ на качество послѣднихъ. Это мнѣніе получило теперь благодаря опытамъ автора экспериментальное обоснованіе.

Вліяніе минеральнаго питанія на полъ растеній. Согласно давнимъ наблюденіямъ, въ особенности Молліара, повидимому, полъ нѣкоторыхъ растеній не всегда является фиксированнымъ въ ихъ сѣменахъ. Ввиду этого естественно возникалъ вопросъ, не оказываетъ-ли питаніе своего воздѣйствія на развитіе того или другого пола. Для рѣшенія этого вопроса Лоранъ *) втеченіе семи лѣтъ высѣивалъ на своемъ опытномъ полѣ шпинатъ, коноплю и Mercurialis annua, придавая землѣ различное удобреніе, въ которомъ преобладало одно изъ слѣдующихъ веществъ: азотъ, кали, фосфорная кислота, известь, хлористый натрій.

На коноплѣ Mercurialis annua Лорану не удалось установить никакого очевиднаго вліянія питательныхъ веществъ на число мужскихъ или женскихъ стеблей. Напротивъ на шпинатѣ, въ особенности на одной опредѣленной разновидности (Epinard de Hollande) удалось доказать опредѣленное вліяніе. Посѣвы голландскаго шпината дали нѣкоторое число растеній, главная ось которыхъ носила преимущественно женскіе цвѣты, тогда какъ мужскіе преобладали на боковыхъ вѣтвяхъ; были стебли, на которыхъ выросло лишь немного мужскихъ и большое количество женскихъ цвѣтовъ. Вліяніе питанія на образованіе пола согласно результатамъ, полученнымъ Лораномъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Избытокъ азотистаго или известковаго удобренія далъ большее количество мужскихъ стеблей; кали и фосфорная кислота увеличивали количество женскихъ стеблей. Сѣмена растеній, выращенныхъ при избыткѣ азота, производили меньше мужскихъ и больше женскихъ стеблей

*) Comptes rend. 137, S. 689 u. ff. Natur. Rundschau.

и на индивидуумахъ, на которыхъ и мужскіе и женскіе стебли появляются вмѣстѣ (однодомныхъ), было преобладаніе женскихъ цвѣтовъ. Наоборотъ, избытокъ кали, фосфорной кислоты или извести дѣйствуетъ такимъ образомъ, что сѣмена производили больше мужскихъ стеблей и большее количество мужскихъ цвѣтовъ на однодомныхъ растеніяхъ.

Потомство однодомныхъ растеній состояло преимущественно изъ мужскихъ стеблей; женскіе и однодомные отростки появлялись приблизительно въ одинаковомъ количествѣ. Такъ какъ и однодомныя растенія несли на себѣ больше мужскихъ, чѣмъ женскихъ цвѣтовъ, то авторъ полагаетъ, что и ихъ можно разсматривать какъ мужскія растенія, на которыхъ развилось лишь нѣкоторое количество женскихъ цвѣтовъ,

---

Опыты разведенія растеній, содержащихъ желѣзо. На Вѣнской сельскохозяйственной бактеріологической станціи для защиты растеній, какъ сообщаетъ „Wissen f. All.“ въ настоящее время производятся интересные опыты. Извѣстно, какую важную роль играютъ соли желѣза для человѣческаго организма. Искусственно изготовленныя желѣзо-содержащія питательныя вещества, введенныя въ организмъ, не всегда производятъ надлежащее дѣйствіе, такъ какъ заключающееся въ нихъ желѣзо, иногда даже въ значительныхъ количествахъ, не вполнѣ ассимилируется въ этой формѣ тѣломъ. Исходя изъ новыхъ соображеній, что потребность организма въ желѣзѣ можетъ покрываться растительной пищей, изслѣдователи этого вопроса предприняли цѣлый рядъ опытовъ, съ той цѣлью, чтобы увеличивъ содержаніе желѣза въ растеніяхъ, создать для человѣческаго организма естественный питательный матеріалъ, который будетъ доставлять желѣзо въ достаточномъ количествѣ и притомъ въ легко усвояемой формѣ. Первая проба была произведена со шпинатомъ, разведенномъ на землѣ, къ которой было примѣшано значительное количество щдрата окиси желѣза. Высѣянный шпинатъ выросъ какъ нормальный, причемъ содержаніе желѣза въ немъ оказалось въ семь разъ выше обыкновеннаго. Это уже можно считать благопріятнымъ результатомъ, такъ какъ это количество желѣза вполнѣ покрываетъ требованія въ желѣзѣ, предъявляемыя съ лечебными цѣлями и при этомъ желѣзо здѣсь вводится въ организмъ въ формѣ, лишенной какихъ бы то ни было недостатковъ, всегда связанныхъ съ лучшими искусственными препаратами желѣза. Вѣроятно, и другія растенія содержащія желѣзо будутъ обладать тѣми же свойствами. Можно надѣяться, что въ результатѣ получится не только выигрышъ для медицины, но и у огородничества окажется новая хорошо оплачивающаяся отрасль производства.

Физика.

Явленіе Допплера въ электрической искрѣ.—Извѣстно, что при перескакиваніи электрической искры между двумя электродами, отъ послѣднихъ отрываются частицы вещества и начинаютъ свѣтиться, такъ что призматическое разложеніе свѣта искры даетъ спектральныя линіи вещества электродовъ. Для установленія скорости движенія этихъ свѣтящихся частицъ, а это весьма важно для познанія сложнаго явленія электрическаго разряда, производились уже нѣкоторыя изслѣдованія, но они давали результаты, болѣе или мѣнѣе отличающіеся другъ отъ друга въ зависимости отъ метода опредѣленія этой скорости.

Шустеръ и Гемзалехъ (1900) пропускали искры вдоль щели спектроскопа, и въ тоже время быстро продвигали мимо окулярной трубы спектроскопа, въ направленіи пер-

пендикулярномъ къ длинѣ щели, фотографическую пластинку, на которой запечатлѣвались спектральныя линіи. Тогда спектральныя линіи оказывались не прямыми, но кривыми, и фигура ихъ давала (принимая въ соображеніе скорость самой пластикки для скорости свѣтящихся частицъ отъ нѣсколькихъ сотъ метровъ до 2000 метровъ въ секунду. Шекъ (1901) приблизительно вычислилъ скорость несущихся частицъ паровъ металла, считая при своихъ опытахъ продолжительность электрическаго разряда въ 10^6 секунды. Такъ какъ въ этотъ промежутокъ времени пары металла свѣтятся уже за серединой разстоянія между электродами, то отсюда можно заключить, что за этотъ періодъ времени пары металла переносятся отъ электрода на такое разстояніе. Если принять разстояніе между электродами за 0,5 см., то получается скорость частицъ металла въ 5000 метровъ въ секунду. Другой методъ опредѣленія скорости частицъ состоитъ въ примѣненіи принципа Допплера, играющаго такую важную роль въ акустикѣ и въ астрофизикѣ, гдѣ онъ служитъ для опредѣленія скорости движенія звѣзды по направленію линіи зрѣнія земного наблюдателя. Какъ извѣстно, Допплеръ уже въ 1841 году обратилъ вниманіе физиковъ на то, что высота звука или свѣтового впечатлѣнія повышаются или понижаются смотря по тому, будетъ ли звучащее (или свѣтящее) тѣло приближаться или удаляться отъ наблюдателя. Въ первомъ случаѣ до органа чувствъ доходитъ большее число волнъ, въ послѣднемъ же случаѣ меньшее число волнъ, чѣмъ тогда, когда источникъ звука или свѣта неподвиженъ. Представимъ теперь себѣ, что мы смотримъ въ направленіи электрической искры, внутри которой летятъ свѣтящіяся частицы отъ одного электрода къ другому,—тогда свѣтъ, достигающій глаза, будетъ имѣть большее (если искра приближается) или меньшее (если она удаляется отъ насъ) число колебаній и будетъ сильнѣе или слабѣе преломляться призмой, чѣмъ когда свѣтящіяся частицы остаются неподвижно на одномъ мѣстѣ; такимъ обратомъ спектральныя линіи паровъ металла электродовъ оказываются сдвинутыми.

Ангштромъ (1855) первый примѣнилъ Допплеровскій принципъ къ изученію явленій эликтрическаго разряда. Но ни онъ, ни другіе наблюдатели не могли доказать движенія свѣтящихся частицъ паровъ металла. Позднѣе (1902) Молеръ при своихъ опытахъ устанавливалъ электроды перпендикулярно къ щели спектроскопа и фотографировалъ спектръ съ помощью диффракціонной рѣшетки; затѣмъ онъ поворачивалъ электроды на 180° (тогда искра проскакивала опять перпендикулярно къ щели спектроскопа, но уже въ противоположномъ напраправленіи) и фотографировалъ спектръ на ту же самую пластинку. Сдвиганія спекторальной линіи отвѣчали тогда двойной скорости свѣтящихся частицъ и дали въ результатѣ число въ 740 метровъ въ сек. Этотъ методъ недавно (Annalen der Physiki 13, 1904) усовершенствовалъ Гагенбакъ тѣмъ, что онъ устанавливалъ перпендикулярно къ щели двѣ пары электродовъ одну надъ другой. Обѣ пары сообщались съ однимъ индукціоннымъ аппаратомъ, и токъ послѣдовательно проходилъ черезъ обѣ пары, но черезъ одну въ одномъ и черезъ другую въ противоположномъ направленіи. Такимъ путемъ устранялись ошибки отъ мелкихъ уклоненій спектральныхъ линій вслѣдствіе сотрясенія аппарата и другихъ случайныхъ причинъ. Спектръ получился съ помощью рѣшетки. Тщательныя измѣренія сфотографированныхъ спектральныхъ линій указали на чрезвычайно незначительное ихъ сдвиганіе, откуда вытекало заключеніе, что высшая граница возможной ско-

рости свѣтящихся частицъ въ искрѣ не превышаетъ 280 метровъ въ сек. Это число гораздо ниже тѣхъ, которыя выводились изъ прежнихъ измѣреній. Оно дѣлаетъ вѣроятной гипотезу, что частицы металла сначала съ громадной скоростью выбрасываются электродами и затѣмъ лишь вслѣдствіе отскакиванія отъ противоположнаго электрода начинаетъ совершать колебальныя движенія и свѣтиться, не испытывая другихъ механическихъ измѣненій. Но тогда всякая оптическая метода опредѣленія скорости металлическихъ частицъ оказывается непримѣнимой.

Молнія и электрическіе трамваи. Своеобразное явленіе, замѣченное уже во время бури 14 апрѣля 1902 г. наблюдалось также въ сильную грозу разразившуюся въ воскресенье 1-го мая 1904 года надъ Берлиномъ. Все болѣе выясняется, какъ сообщаетъ журналъ „Elektrizitad", что воздушные провода городской электрической желѣзной дороги представляютъ прекрасную защиту для тѣхъ рядовъ домовъ, мимо которыхъ тянутся провода. Во время первой майской грозы надъ Берлиномъ произошло по меньшей мѣрѣ отъ 30—40 электрическихъ разрядовъ, и все же молніей было затронуто лишь одно единственное зданіе, да и то на Трифтъ-штрассе, по которой не проходитъ линія трамвая. Наоборотъ, въ 23 случаяхъ, молнія ударила въ распредѣлительные ящики и столбы, по крайней мѣрѣ въ трехъ случаяхъ въ самые провода и была обезврежена громоотводами. Особенно замѣчательно при этомъ, что большинство ударовъ молніей произошло внутри Берлина и избѣгая высоко расположенныхъ пунктовъ, падало на распредѣлительные ящики, часто находящіеся вплотную у симыхъ домовъ. Хотя провода трамвая оказались наиболѣе воспріимчивыми къ электрическимъ разрядамъ, — сообщеніе по электрическому трамваю нисколько не пострадало. Всѣ вагоны снабжены предохранительнымигромоотводами, которые дѣлаютъ невозможнымъ проникновеніе электрическаго тока внутрь вагона.

Новая гипотеза для объясненія сѣвернаго сіянія. Изъ многихъ гипотезъ о природѣ сѣвернаго сіянія до сихъ поръ еще ни одна—въ томъ числѣ и новѣйшая гипотеза Арреніуса и Беркланда, не въ состояніи были дать объясненіе всѣмъ наблюдавшимся явленіямъ и статистически установленнъмъ фактамъ. Нордманъ недавно предложилъ новую гипотезу, по которой солнце посылаетъгерцовскіяэлектрическіяволны, вызывающія въ высшихъ слояхъ атмосферы извѣстные свѣтовые феномены сѣвернаго сіянія. Нордманнъ показываетъ, какимъ образомъ можно экспериментально изслѣдованными герцовскими электрическими волнами объяснить всѣ наблюдавшіеся факты. Особенно интересно, что эта гипотеза даетъ возможность сдѣлать выводы относительно пространственнаго распредѣленія сіянія и колебаній въ его силѣ, въ зависимости отъ времени; связь сіяній съ магнитными бурями также находитъ себѣ правдоподобное толкованіе, и вообще ни одинъ изъ наблюдавшихся фактовъ не представилъ неодолимыхъ трудностей для теоріи. Правда, до сихъ поръ еще не удалась доказать присутствія на землѣ посылаемыхъ солнцемъ герцовскихъ лучей, даже на большихъ высотахъ, гдѣ ихъ искалъ Норманнъ. Но это еще не говоритъ противъ ихъ существованія, и попытка Нордманна во всякомъ случаѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Редакторъ-издатель Ф. С. Груздевъ.

Дозволено цензурою Спб. 27 сентября 1905 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан.. 71—6.

ГОДЪ II.

Наука и Жизнь.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

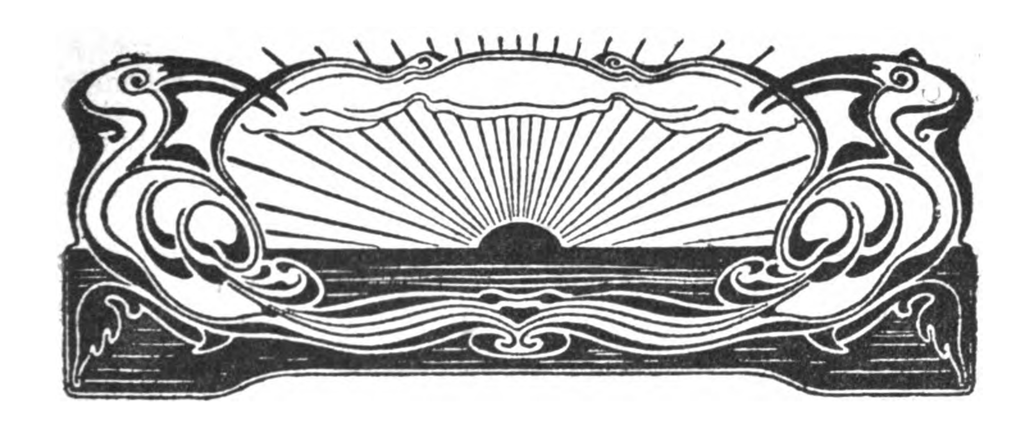
Ф. С. ГРУЗДЕВА.

КНИГА X—XI.

Октябрь — Ноябрь 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1905.

Къ аграрному вопросу.

(„Аграрный вопросъ“. Сборникъ статей. Изданіе князя П. Долгорукова и И. И. Петрункевича. Москва 1905 г.).

Конст. Шелявина.

„Имѣемъ мы по одной лошади, по коровѣ и никакъ негдѣ пасти, потому что у *насъ очень мало земли своей*... Мы крестьяне, трудящіеся, бѣдные, несчастные, лѣто работаемъ на помѣщика, зима придетъ—ѣсть нечего; пойдешь къ помѣщику взять хлѣба или корму за деньги или на обработки придешь,—онъ чай пьетъ, въ другой разъ обѣдаетъ, въ третій отдыхаетъ, да пока находишься на него, и не стоитъ то, за чѣмъ ходишь... Начальство изъ помѣщиковъ и помѣщики одинъ другого просятъ и судятъ, какъ хотятъ“...

Такъ писали крестьяне хутора Найденова, Ново-Ивановской волости въ Суджанскій сельско-хозяйственный комитетъ, и это простое, безхитростное, наивное изображеніе своей бѣдности, вѣчнаго недоѣданія и безправія, — въ то же время въ высшей степени образно и сильно. Образно и сильно этой именно простотой и наивностью, образно и сильно тѣми скрытыми, душащими слезами негодованія предъ своимъ безсиліемъ и безвыходнымъ положеніемъ, которыхъ такъ много накопилось вѣками въ груди русскаго крестьянина, которыя перешли въ его пѣснь, такую же сѣрую, тоскливую и однообразную, какъ сама его тоскливая и сѣрая жизнь, которыя порой вырываются у него криками злобы и мести...

Русскій крестьянинъ бѣднѣетъ; съ каждымъ годомъ все меньше и меньше остается у него для обработки земли,—и часто, въ послѣдніе годы даже очень часто, ему приходится уходить и съ этого ничтожнаго клочка земли. Крестьянинъ становится свободнымъ пролетаріемъ, передъ нимъ грозно стоитъ альтернатива—остаться ли въ деревнѣ и испробовать всѣ средства для поддержанія своего существованія—включительно до конокрадства и другихъ подобныхъ „промысловъ“,—или идти продавать свою рабочую силу, свои „свободныя рабочія руки“... И въ большинствѣ случаевъ крестьянинъ поступаетъ такъ, и становится батракомъ у помѣщика или фабричнымъ рабочимъ въ городѣ... Малоземелье развивается быстро и неудержимо, съ

каждымъ годомъ захватываетъ все новыя и новыя области, и вмѣстѣ съ тѣмъ несоразмѣрно-тяжелыми налогами и повинностями, которые несетъ русское крестьянство, вмѣстѣ съ безправнымъ положеніемъ русскаго крестьянина, мракомъ и невѣжествомъ, царящими въ деревнѣ, — оно дѣлаетъ свое страшное разрушительное дѣло... И какъ таковое, малоземелье—вопросъ огромной важности, вопросъ настоящаго, вопросъ ближайшей аграрной политики, требующій немедленнаго разрѣшенія, широкихъ аграрныхъ реформъ...

Гдѣ, въ какихъ сторонахъ и условіяхъ русской жизни коренятся причины существованія и прогрессивнаго развитія малоземелья, что предпринималось и что надо предпринять въ борьбѣ съ нимъ? Рядъ отвѣтовъ, объединенныхъ болѣе или менѣе одинаковымъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ ихъ авторовъ, болѣе или менѣе одинаковыми взглядами этихъ авторовъ на современное положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи, мы находимъ въ вышедшемъ недавно въ Москвѣ изданіи кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича „Сборникъ статей по аграрному вопросу“.—Съ содержаніемъ этой книги и имѣетъ въ виду познакомить читателя нашъ очеркъ.

* * *

Въ Россіи крестьянъ около 85% всего населенія. Если сравнить въ этомъ отношеніи Россію съ З. Европой, то сразу въ глаза бросается огромная разница въ процентномъ отношеніи крестьянскаго населенія ко всей остальной массѣ населенія. Во Франціи и Германіи, напр., земледѣліемъ кормится вдвое меньшая часть населенія (46—36%), въ Англіи земледѣліе служитъ источникомъ существованія всего 1/8 части жителей (12%). Все остальное населеніе живетъ на Западѣ промышленностью, торговлей или личными услугами — государству и частнымъ лицамъ [1]).

Здѣсь можно вполнѣ согласиться съ И. И. Петрункевичемъ, что въ настоящее время Россія—страна по преимуществу земледѣльческая [2]).

По закону 19 февраля 1861 года крестьяне, — помѣщичьи, государственные и удѣльные, получили всѣ вмѣстѣ около 112.000.000 десятинъ; къ 1900 г. площадь крестьянскаго землевладѣнія достигла 130.000.000 десятинъ, увеличившись такимъ образомъ на 18.000.000 десятинъ (т. е. приблиз. на 15—16%).

Въ 1860 году сельское населеніе равнялось 50 мил. душъ обоего пола: къ 1900 г. оно возросло на 72%, дойдя до солидной цифры 86 мил. При этомъ мужское населеніе возростало сильнѣе женскаго: съ 23 мил. оно поднялось до 43 мил., т. е. увеличилось на 86%.

Даже и въ этой примитивной, грубо-начертанной схемѣ возрастанія населенія и площади крестьянскаго землевладѣнія можно съ достаточной ясностью, не обладая даже большой долей проницательности, увидѣть основную причину крестьянскаго малоземелья. „Количество земли“,—говоритъ проф. Герценштейнъ, — отведенной крестьянамъ, увеличивалось, несмотря на всѣ усилія крестьянъ расширить свои владѣнія, весьма медленно, населеніе же возрастало гораздо быстрѣе. Вслѣдствіе этого явилось несоотвѣтствіе, которое становилось съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе“ [3]).

Если мы обратимся теперь къ положенію 19 февраля 1861 года и разсмотримъ, какъ распредѣлены были эти 112.000.000 десят. среди 50 милліоннаго крестьянскаго населенія [4]), то увидимъ слѣдующую, не

[1]) Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, т. I стр. 236. Спб. 5-е изд. 1904 г.

[2]) Сборникъ, стр. XVII.

[3]) Національзація земли. Сборникъ, страница 84.

[4]) Точнѣе 23 милліоннаго, ибо на душу женскаго пола надѣлъ не полагался.

лишенную интереса и назидательности, картину.

Редакціонныя комиссіи, вырабатывавшія правила о надѣленіи землей крѣпостныхъ, стояли за сохраненіе тѣхъ надѣловъ, которыми крестьяне пользовались въ 1859 году. Но землевладѣльческому дворянству, строго чтившему принципъ частной собственности, и при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ аппелировавшему къ справедливости высшаго порядка и инстанціи, такая программа показалась слишкомъ роскошной для крестьянскаго населенія Россіи. Землевладѣльческое дворянство, вѣрное преданіямъ старины и исполненное страстнаго желанія отстоять свои владѣльческіе интересы, сразу вступило въ непримиримую борьбу съ „либеральнымъ" направленіемъ редакціонныхъ комиссій. Результаты этой дворянской оппозиціи не замедлили обнаружиться. Вмѣсто того, чтобы дать крестьянамъ надѣлы, которыми они пользовались наканунѣ своего освобожденія, полностью, были установлены такъ наз. *максимальныя и минимальныя нормы надѣловъ*.

Эти казуистическія „нормы" были какъ нельзя болѣе по вкусу г.г. помѣщикамъ. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ. Брался существовавшій въ то время надѣлъ крестьянина, и затѣмъ устанавливался *максимумъ* возможнаго для освобожденнаго крестьянина надѣла; съ другой стороны, брался и *минимумъ*, т. е. наименьшая, но все таки „возможная" норма надѣльной крестьянской земли. Такъ какъ г.г. помѣщики, при опредѣленіи этихъ нормъ, логической предпосылкой, очевидно, постоянно имѣли слабое развитіе у русскаго крестьянина обычныхъ человѣческихъ потребностей и полнѣйшее отсутствіе культурныхъ, то неудивительно, что послѣ каждаго новаго періода работъ комиссій, нормы высшихъ надѣловъ подвергались постояннымъ урѣзкамъ. Кромѣ того, были еще установлены правила о *прирѣзкѣ земли* отъ помѣщиковъ крестьянамъ, въ случаѣ если надѣлы послѣднихъ были меньше установленной минимальной нормы и, наоборотъ, отрѣзки земли у крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, если крестьянскіе надѣлы оказывались выше опредѣленнаго максимума. Въ этихъ „правилахъ" землевладѣльческое дворянство лишній разъ доказало, что соблюдать и свято чтить интересы и исконные прерогативы своего сословія, отстаивать ихъ въ борьбѣ и проводить въ жизнь—оно въ высшей степени способно [1]). Согласно установленнымъ правиламъ, у помѣщика нельзя было отрѣзать земли крестьянамъ (въ томъ случаѣ, когда даже надѣлъ ихъ при крѣпостномъ правѣ былъ меньше минимальной нормы), если у помѣщика въ его личномъ, непосредственномъ владѣніи состояло не болѣе 1/3 общаго количества прилежащихъ къ его имѣнію угодій; въ противномъ случаѣ прирѣзка земли крестьянамъ допускалась, но опять-таки въ такой мѣрѣ, чтобы у помѣщика осталось не менѣе 1/3 удобной земли въ его непосредственномъ владѣніи. Съ другой стороны, помѣщикъ могъ отрѣзать у крестьянъ землю (тогда, когда ихъ надѣлъ и не превышалъ опредѣленнаго закономъ максимума) въ томъ случаѣ, если у него оставалось менѣе 1/3 общаго количества угодій удобной земли [2]).

Практика не замедлила обнаружить, къ чему вели эти „нормы" и „правила". „Отрѣзка земель отъ крестьянскихъ надѣловъ", — говоритъ проф. Мануйловъ,—представляла обычное явленіе, а прирѣзка, согласно предположеніямъ комиссій, дѣйствительно могла носить *„лишь характеръ исключенія"* [3]).

---

[1]) Мы, конечно, исключаемъ либеральную часть дворянства.

[2]) Сборникъ, стр. 18.

[3]) Проф. Мануйловъ. Поземельный вопросъ въ Россіи. Сборникъ, стр. 16.

При освобожденіи государственные крестьяне получили въ среднемъ 6,7 десятинъ на душу, удѣльные—4,9 десятинъ, помѣщичьи—3,2 десятинъ. Эти надѣлы при томъ экстенсивномъ хозяйствѣ, которое велось и ведется понынѣ русскимъ крестьянствомъ, конечно, не гарантировали крестьянину, въ особенности сравнительно хуже надѣленному помѣщичьему, довольное и мирное житіе. Если же къ недостаточному надѣленію землею присовокупить знаменитую *градацію повинностей*, установленную положеніемъ 19 февраля 1861 г., то мрачныя тучи, нависшія надъ головой русскаго крестьянина съ момента его освобожденія, начинаютъ все болѣе и болѣе сгущаться. Трудно сказать, какими высшими соображеніями права и политической экономіи руководствовались редакціонныя комиссіи, устанавливая эту „градацію". По ней наибольшему обложенію подлежала *первая десятина*, какъ требующая, по мнѣнію членовъ редакціонной комиссіи, наибольшей затраты труда и капитала. Вторая, третья и послѣдующая десятины облагались меньшими платежами. На практикѣ это приводило къ тому, что при уменьшеніи надѣла, повинности, хотя и уменьшались, но уменьшались непропорціонально и, напримѣръ, въ Симбирской губерніи помѣщикъ, при выкупѣ крестьянами высшаго надѣла, получалъ отъ 30 до 36 руб. за десятину, а при выкупѣ низшаго (1/3 высшаго)—отъ 45 до 51 руб. за десятину „благодаря только болѣе высокой оцѣнкѣ первой десятины"[1]) Неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ отсюда являлось то, что помѣщики старались, чтобы крестьяне выкупали менѣе земли.

Если до сихъ поръ намъ приходилось видѣть землевладѣльческое дворянство старающимся только сохранить свои права и прерогативы, если до сихъ поръ дворянство являлось лишь одушевленнымъ алчными и корыстными стремленіями, то, съ другой стороны, нельзя ему отказать и въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ порывовъ великодушія. Такъ, помѣщики *дарили* крестьянамъ 1/4 установленнаго высшаго надѣла (максимума), но отъ крестьянина требовали отказа отъ остальной части надѣльной земли, которая отходила къ помѣщику. Такихъ крестьянъ—„дарственниковъ"—было въ 37 губерніяхъ около 600.000 чел. (около 0,9% всѣхъ помѣщичьихъ), и они сразу выдѣлились въ группу малоземельныхъ, въ будущемъ у которыхъ не было ничего, кромѣ ихъ собственной прелетаризаціи... Крестьяне въ то время не знали стараго латинскаго стиха „Quid-quid id est, timeo Danaos et dona ferentes", и кромѣ того ихъ заставляли такъ дѣлать страхъ передъ высокими выкупными платежами, давленіе со стороны помѣщиковъ и пр. Словомъ, хотя великодушіе и было до нѣкоторой степени проявлено, все же и „интересы", и „прерогативы" были соблюдены.

Крестьянъ дарственниковъ, какъ указывали мы уже выше, было около 600.000 чел. въ 37 губерніяхъ. Хотя и въ микроскопическихъ размѣрахъ,—они все же были надѣлены землей. Гораздо тяжелѣе оказалось положеніе бывшихъ „дворовыхъ" крестьянъ, которые совершенно не получили земельныхъ надѣловъ. Они сразу образовали *беззземельную* массу, массу въ 720.000 человѣкъ.

Таковы были основныя причины, давшія гигантскій толчокъ развитію малоземелья въ Россіи и заложенныя въ самой сущности реформы 61 г., какъ „компромисса между владѣльцами, желавшими освобожденія крестьянъ безъ земли или съ завѣдомо-недостаточными надѣлами, и тѣми, которые находили, что цѣль реформы заключалась въ созданіи

---

1) Записка Н. В. Всеволжскаго, предсѣдателя симбирской казенной палаты (1902). Цитируемъ по ст. Мануйлова стр. 17.

у насъ класса не только лично-свободныхъ, но и экономически-самостоятельныхъ поселянъ-собственниковъ"[1]).

* * *

Малоземелье существовало уже тотчасъ послѣ введенія положенія 19 февраля"[2]),—говоритъ проф. Мануйловъ. Если мы обратимся къ фактамъ, то увидимъ, что это дѣйствительно было такъ. Проф. Ю. Э. Янсонъ въ своемъ „Опытѣ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ", вышедшемъ въ свѣтъ въ 1877 году, т. е. 15—16 лѣтъ послѣ паденія крѣпостного права, относительно черноземной полосы пришелъ, напр., къ заключенію, что „не только средніе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, не достигающіе вообще 3-хъ десятинъ, но и высшіе въ 3—3½, даже надѣлы части государственныхъ крестьянъ не могутъ обезпечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянскаго населенія". Кромѣ того, проф. Янсонъ нашелъ, что въ той же черноземной полосѣ по крайней мѣрѣ половина, а мѣстами и больше надѣловъ — въ 2 съ небольшимъ десятины и даже меньше.

Эти цифры сами по себѣ такъ краснорѣчивы, что комментировать ихъ, добавлять къ нимъ, кажется, ничего не приходится.

Малоземелье, такъ быстро развившееся въ продолженіи всего лишь 15 лѣтъ со дня 19 февраля 1861 г., продолжало стихійно, неудержимо развиваться. Сельско-хозяйственная статистика дала относительно очень точныя цифры. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе ярко характеризующія ростъ малоземелья въ Россіи.

Въ Симбирской, напр., губерніи надѣлъ на ревизскую душу за 40 лѣтъ сократился въ слѣдующей пропорціи:

У бывшихъ государств. съ 4,2 д. до 1,3 д.
" " удѣльныхъ " 4,3 " до 1,3 "
" " помѣщичьихъ " 2,6 " до 0,9 "

Въ Курской губерніи надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ съ 2¾ десятинъ сократились до 1 десятины. На основаніи данныхъ изслѣдованій Центральнаго Статистическаго Комитета, проф. Мануйловъ опредѣляетъ количество населенія, обладавшаго въ черноземной полосѣ надѣлами отъ 1 до 2 дес., въ 2,2 мил., а надѣлами не свыше десятины—болѣе 767 тыс. чел. Для нечерноземныхъ губерній соотвѣтствующими цифрами будутъ 506 тыс. и 228 тыс. человѣкъ.

Рядомъ со все растущимъ малоземельемъ начинаетъ наблюдаться и усиленное развитіе безземелья, т. е. пролетаризація крестьянскихъ массъ. Въ Херсонской губерніи число безземельныхъ равняется приблизительно 200.000 душъ; особенно много безземельныхъ въ губерніяхъ Бессарабской, Ковенской, Кіевской, Нижегородской, Новгородской и Астраханской. По отношенію къ общему числу дворовъ безземельные дворы для Европейской Россіи даютъ въ среднемъ круглую цифру 7%.

* * *

Чтобы яснѣе представить себѣ весь ужасъ положенія русскаго крестьянина, обреченнаго стихійнымъ процессомъ развитія малоземелья вести хозяйство на 1-й, 2-хъ а въ худшемъ случаѣ—даже на 0,9 дес. земли, нужно припомнить, что Россія – страна по преимуществу экстенсивнаго сельскаго хозяйства, страна трехпольной системы, первобытныхъ земледѣльческихъ орудій.

Разговоры о такъ наз. интенсификаціи крестьянскаго хозяйства въ Россіи, т. е. о введеніи у насъ интенсивнаго сельскаго хозяйства, господствующаго въ настоящее время на Западѣ, ведутся уже не одинъ

[1]) Сборникъ, стр. 19.
[2]) Сборникъ, стр. 21.

годъ, не одинъ ученый трактатъ написанъ объ этомъ, и не одного сторонника пріобрѣла себѣ эта идея. Но... интенсивное хозяйство почему то не прививается, а широко и властно господствуетъ прежняя, старая и первобытная форма. И крестьянинъ въ тискахъ этой первобытной экстенсивной системы веденія сельскаго хозяйства, въ тискахъ душащаго его малоземелья, все болѣе и болѣе бѣднѣетъ, все скорѣе идетъ къ своей собственной пролетаризаціи. Такъ,— „если признать губерніи съ долей остатка зерна и картофеля до 17 пудовъ на 1 человѣка не имѣющими достаточно пищи, то таковыхъ въ періодъ 1892—1897 гг. приходилось 18 на 50 губерніи Европейской Россіи; губерній, имѣющихъ хлѣба лишь достаточно для личнаго прокормленія (17—22 пуда), оказалось 12. Надо замѣтить, что при этомъ въ разсчетъ принимались не только надѣльныя, но и арендованныя земли“ [1]). О томъ, какъ не развито потребленіе русскаго крестьянина, какъ примитивны его потребности и какъ плохо даже онѣ удовлетворяются, говорить много не приходится. Если находятся тѣ „изъ стаи славной“, которые склонны быть твердо увѣрены въ обратномъ,—спорить съ этими проницательными людьми, убѣждать ихъ является дѣломъ малоуспѣшнымъ и, пожалуй, производительнымъ настолько же, насколько производительной явилась бы попытка... остановить, скажемъ, теченіе Дуная. Крестьянину нечего ѣсть, онъ голодаетъ, но часто и очень часто ему бываетъ некуда дѣвать свои рабочія руки. По разсчету Комиссіи по оскудѣнію центра, общее число работниковъ, потребное для уборки урожая со всей площади хлѣбныхъ посѣвовъ на надѣльныхъ земляхъ, составляло въ 1900 г. 11.360.200 чел. обоего пола; въ дѣйствительности же наличное число мѣстныхъ крестьянъ обоего пола въ рабочемъ возрастѣ составляло въ томъ же году 44.724.800, т. е. избытокъ рабочихъ силъ сельскаго населенія равнялся 33 мил. человѣкъ [1]).

Крестьянство всѣми силами старалось выйти изъ своего безвыходнаго положенія. Оно переселялось за Уралъ, въ Сибирь, въ Степной край, оно покупало, арендовало: производило цѣлый рядъ мелкихъ захватовъ у помѣщиковъ необходимыхъ угодій. Аграрный вопросъ все болѣе обострялся, начиналъ принимать опредѣленныя формы, настоятельно требовалъ своего разрѣшенія. Наконецъ, вспыхнули массовыя крестьянскія возстанія, началось аграрное движеніе. „Компромиссъ 61 г.,—говоритъ И. И. Петрункевичъ,— не обезпечившій хозяйственнаго положенія крестьянской массѣ; непрерывная милитарная политика правительства, преслѣдовавшаго прежде всего военное могущество страны; полицейскій гнетъ, лишеніе страны политической свободы и участія въ государственномъ управленіи—неизбѣжно должно было привести страну къ политическому и экономическому кризису и къ аграрному конфликту именно въ той острой формѣ, которая является лишь симптомомъ роста самосознанія народныхъ массъ, не находящихъ законныхъ средствъ для выхода изъ своего тяжелаго экономическаго и правового положенія“ [2]).

* * *

Насъ могутъ спросить: если малоземелье возникло не сегодня, а существовало чуть ли не на другой день послѣ изданія манифеста 19 февраля, то неужели не было никакихъ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ борьбѣ съ малоземельемъ, къ облегченію

[1]) Лохтинъ. Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи. Цитируемъ по статьѣ проф. Мануйлова. Сборникъ, стр. 29.

[1]) Сборникъ, стр. 31.
[2]) Сборникъ, стр. XVI.

участи русскаго крестьянина, къ разрѣшенію аграрнаго вопроса. Мы сейчасъ какъ разъ будемъ говорить объ этихъ „мѣропріятіяхъ" и остановимся на двухъ изъ нихъ, наиболѣе важныхъ и существенныхъ, всего болѣе подававшихъ большія надежды, не оправдавшихъ даже малыя. Эти „мѣропріятія" — переселенія и крестьянскій земельный банкъ.

На первый взглядъ, идея „переселеній" кажется не только недурной, но и въ высшей степени многообѣщающей. Крестьянское населеніе съ 1861 г. увеличилось на 72%; къ площади крестьянскаго землевладѣнія прибавилось 18 мил. десятинъ, т. е. она увеличилась на 16%. Создалось несоотвѣтствіе между населеніемъ и площадью землевладѣнія, явился „избытокъ населенія", „лишніе люди", „абсолютное перенаселеніе". Если находятся еще свободныя земли въ Сибири, въ Степномъ краѣ и т. д. то, конечно, „избытокъ населенія" надо туда перебросить... Равновѣсіе будетъ соблюдено, земли станетъ у всѣхъ много, и воцарятся миръ, порядокъ и тишина.

Мы нарочно поставили рядъ словъ въ кавычкахъ. Это старая терминологія Мальтуса. Теперь уже рѣдко къ ней аппелируютъ, рѣдко аппелируютъ и къ „абсолютному перенаселенію". Когда бокъ-о-бокъ съ крестьянскими землями лежатъ частновладѣльческія и иныя земли, и площадь однихъ частновладѣльческихъ равняется 96 мил. десятинъ[1]), то поневолѣ приходится больше говорить объ *относительномъ*, а не *абсолютномъ* перенаселеніи; но твердая увѣренность въ существованіи „свободныхъ земель" болѣе или менѣе продолжаетъ существовать. Въ послѣднее время точныя работы въ этой области, правда, нѣсколько поколебали эту „твердую" увѣренность... Прекрасная статья А. А. Кауфмана „Переселеніе и его роль въ аграрной программѣ" [1]) окончательно разбиваетъ иллюзію существованія „свободныхъ земель".

„При оцѣнкѣ нашего колонизаціоннаго земельнаго фонда",—говоритъ этотъ знатокъ переселенческаго дѣла,—„приходится... выяснить, что годно для заселенія *при данномъ подборѣ переселенцевъ, при данной степени ихъ благосостоянія и при данномъ ихъ культурномъ уровнѣ*" [2]). Приходится, стало быть, прежде всего опредѣленно установить „подборъ переселенцевъ", т. е. откуда, изъ какой полосы идетъ ихъ всего больше, установить уровень ихъ благосостоянія и ихъ культурный уровень, и затѣмъ уже съ этой точки зрѣнія разсматривать, какія „свободныя земли" можно использовать для переселенческаго дѣла. Какъ выяснено данными статистики, всего интенсивнѣе совершается переселеніе въ Сибирь и др. мѣста изъ южной черноземной полосы Европейской Россіи. Съ 1885—1900 гг. переселилось въ Сибирь изъ черноземной полосы 980 тыс., или 81,3%, изъ нечерноземной 226 тыс., или 18,7% всего переселенческаго движенія. Поэтому и приходится всего болѣе считаться со „степенью благосостоянія и культурнымъ уровнемъ" жителей черноземной полосы, приходится задать вопросъ, какія земли подойдутъ къ ихъ требованіямъ на землю, и ихъ техникѣ, и т. пр.

Сибирь не одна является тѣмъ мѣстомъ, куда направляются переселенцы. Существуетъ еще Закавказскій край, Туркестанъ, Степной край и, наконецъ, казенныя, удѣльныя земли, т. наз. „казенныя оброчныя статьи, т. е. та часть государственныхъ земель, которую казна эксплоатируетъ путемъ сдачи въ аренду. По мнѣнію нѣкоторыхъ,— говоритъ Кауфманъ, „правительству, прежде чѣмъ заботиться о переселеніи прироста населенія въ Сибирь,

[1]) Сборникъ, стр. 66.

[1]) Сборникъ, стр. 134—169.
[2]) Сборникъ 137. Курсивъ не нашъ.

слѣдовало бы принять мѣры къ равномѣрному разселенію внутри Европейской Россіи, гдѣ тоже еще много не густо населенныхъ мѣстъ, и продается много разныхъ земель"[1]).

Ни о Закавказьѣ, ни о Туркестанѣ нельзя сказать, чтобы переселенческое дѣло могло быть тамъ организовано въ широкихъ размѣрахъ. На Закавказьѣ всей земли считается около $2^1/_2$ мил. десятинъ. Но изъ всего наличнаго колонизаціоннаго запаса около 50% могутъ быть использованы только въ будущемъ; огромное же количество десятинъ „зимнихъ пастбищъ" оказываются рѣшительно непригодными для заселенія ихъ выходцами изъ русской черноземной полосы: это—безплодныя степи, культура которыхъ невозможна безъ искусственнаго орошенія, а „условія развитія его здѣсь гораздо менѣе благопріятны, чѣмъ, напр., въ сосѣднемъ Туркестанѣ"[2]). Туркестанъ можетъ дать очень много земли, и земли очень хорошаго качества,—знаменитый средне-азіатскій лёесъ, отличающійся, при достаточномъ орошеніи, высокимъ плодородіемъ, — но въ то-же время и очень мало такъ необходимой для культуры этого края воды. Въ среднемъ, на переселенческую семью орошеніе обойдется отъ 500 до 1500 рублей, а будетъ ли русская ирригаціонная техника въ состояніи выполнить грандіозный проектъ искусственнаго орошенія милліоновъ десятинъ, — это, конечно, вопросъ, надъ которымъ очень и очень стоитъ призадуматься. Но что важнѣе всего,—и въ Закавказьѣ, и въ Туркестанѣ есть *свое населеніе*,—и одно энергично будетъ предъявлять спросъ на землю, а другое—на воду. Въ Закавказскомъ краѣ фактически царитъ уже малоземелье, — въ Кутаисской, напр., губерніи 60—70% всего населенія малоземельные, а относительно Туркестана А. А. Кауфманъ говоритъ слѣдующее: „оросительною водою даже осѣдлое населеніе Туркестана не вездѣ достаточно обезпечено (оросительная вода въ Туркестанѣ дороже, чѣмъ земля)... „Нельзя забывать, затѣмъ, о 2-хъ милліонномъ кочевомъ населеніи Туркестана, которое... въ большинствѣ еще не вышло изъ начальныхъ стадій окончательнаго перехода къ осѣдлости и земледѣлію и поэтому использовало пока лишь ничтожную часть той оросительной воды, какая въ будущемъ потребуется ему"... Эта будущая потребность... не можетъ быть оставлена безъ вниманія"[1]). Такимъ образомъ возможность переселенія въ Туркестанъ мѣстными условіями этой страны ставится въ очень тѣсные предѣлы.

Если мы обратимся теперь къ Сибири и къ той роли, которую играла и будетъ играть въ переселенческомъ дѣлѣ эта страна, то прежде всего наталкиваемся на фактъ систематическаго, постояннаго уменьшенія числа переселяющихся туда изъ Россіи крестьянъ. Въ періодъ 1891—1895 гг. уже только 55% „ходоковъ" нашли себѣ землю въ Сибири; въ 1903 г. процентъ нашедшихъ себѣ землю колеблется между 31,9 и 19,9.

Въ то же время возрастаетъ число обратныхъ переселеній изъ Сибири. За пятилѣтіе 1899—1903 гг. обратныхъ переселенцевъ было около 18,8%.

Чѣмъ объяснить эти явленія? Неподходящими для русскихъ переселенцевъ климатическими условіями страны, почвой и т. пр., или плохой организаціей переселенческаго дѣла?.. „Если смотрѣть",—говоритъ А. Кауфманъ,—на вопросъ съ чисто количественной стороны, земель въ коренной Сибири много. Но это—не тѣ земли, какія нужны нашему, реальному, конкректному переселенческому дѣлу, и ихъ несоотвѣтствіе потребностямъ послѣдняго, хотя и можетъ

1) Сборникъ 139.
2) Сборникъ 145.

1) Сборникъ 147.

быть смягчено, но не можетъ быть устранено ни проложеніемъ дорогъ, ни какими бы то ни было другими мѣрами экономическаго и попечительнаго характера: тайга всегда останется тайгой и, въ предѣлахъ возможнаго предвидѣнія не будетъ привлекать переселенца изъ черноземной полосы [1]).

У насъ остаются еще Степной край и земли, находящіяся въ Европейской Россіи—казенныя, удѣльныя и т. наз. „казенныя оброчныя статьи". Условія климата и почвы земель степного края гораздо болѣе подходящи для выходцевъ черноземной полосы, чѣмъ таковыя же условія Сибирскихъ земель. Если разграничить весь Степной край на двѣ полосы,—сѣверную и южную, то относительно южной полосы можно придти къ слѣдующему, далеко не утѣшительному выводу. „Крайне рискованное уже въ широтѣ Акмолинска земледѣліе верстъ на сто южнѣе становится окончательно невозможнымъ; здѣсь требовалось бы искусственное орошеніе, но возможность сколько ниб. широкаго его развитія безусловно исключается крайней недостаточностью запасовъ годной для полива воды, которой далеко не хватило бы даже для мѣстныхъ киргизовъ" [2]). Въ Семипалатинской области изъ семи милліоновъ дес. изслѣдованныхъ земель—годныхъ для заселенія найдено лишь 360,000 дес.

Лучше условія для заселенія въ сѣверной части Степного края. Но... большую часть удобныхъ земель этой части уже заняло и продолжаетъ занимать туземное, переходящее изъ кочевого положенія къ земледѣлію, киргизское населеніе страны. Для переселенія здѣсь поэтому можно использовать лишь незначительные излишки.

Обратимся теперь къ Европейской Россіи, къ тѣмъ землямъ, о которыхъ многіе говорятъ, какъ о предназначенныхъ играть огромную роль въ переселенческомъ дѣлѣ, какъ о тѣхъ, къ которымъ—первымъ должно обратиться правительство и заселить ихъ избыткомъ населенія. Здѣсь мы наталкиваемся прежде всего на государственныя земли и „казенныя оброчныя статьи", и въ обоихъ случаяхъ рисуется картина для переселенческаго дѣла отнюдь не въ привлекательныхъ и радужныхъ краскахъ. Дѣло въ томъ, что государственныя земли Россіи—пространства, по преимуществу заполненныя лѣсомъ, и по преимуществу лежащія на сѣверѣ (94 мил. десят. изъ 107 мил.), т. е. для выходцевъ изъ черноземной полосы, отнюдь непригодныя. Конечно, онѣ могли бы быть использованы для заселенія ихъ мѣстнымъ, приспособившимся къ климату и почвѣ, населеніемъ, но какъ относительно этого, такъ и остальныхъ 13.000,000 дес. казенныхъ лѣсовъ, лежащихъ въ центральныхъ и иныхъ губерніяхъ Россіи, можно сказать, что „къ использованію этихъ площадей для колонизаціонныхъ цѣлей придется относиться съ крайней осторожностью, такъ какъ интересы страны настоятельно требуютъ болѣе бережнаго, нежели до сихъ поръ, отношенія къ ея лѣснымъ богатствамъ" [1]).

„Казенныя оброчныя статьи" (общая площадь ихъ немного болѣе 4 мил. дес.) отдаются казной въ аренду мѣстному населенію. Даже оставивъ въ сторонѣ естественныя условія этихъ земель (детальныя изслѣдованія, кстати, въ настоящее время только начались), приходится прежде всего признать фактъ существованія постоянныхъ столкновеній интересовъ мѣстныхъ крестьянъ

---

[1]) Сборникъ, стр. 151. Тѣ земли, которыя нужны русскому переселенцу въ Сибири и Пріамурьѣ, уже заняты. Все остальное, „на что можно расчитывать—это лишь лѣсныя земли, необъятная тайга".

[2]) Сборникъ, стр. 153.

[1]) Сборникъ, стр. 140.

арендаторовъ съ интересами переселенческаго дѣла. „Трудно разрѣшимый конфликтъ между интересами переселенія и нуждами землеустройства мѣстныхъ крестьянъ безъ всякаго сомнѣнія сильно сократитъ возможность использованія казенныхъ земель“ [1]), — говоритъ А. А. Кауфманъ.

Все, что говорилось относительно казенныхъ земель, примѣнимо и къ землямъ удѣльнымъ (ихъ въ 49 губ. болѣе 7 мил. дес.). Значительная часть ихъ—лѣсныя пространства, а остальныя земли, сельско-хозяйственныя угодія, находятся въ арендѣ, т. е. эксплоатируются мѣстнымъ крестьянствомъ... Словомъ, точно такъ же, какъ и въ вопросѣ о заселеніи государственныхъ земель, выступаютъ на первую очередь и „лѣсоистребленіе“ и „конфликтъ“.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ весь существующій наличный запасъ „свободныхъ земель“. Конечно, было бы сравнительно очень легко рѣшить аграрный вопросъ, уничтожить малоземелье или, по крайней мѣрѣ, остановить его стихійное развитіе — одной организаціей переселенческаго дѣла, однимъ выдѣленіемъ „избытка населенія“ въ „свободныя земли“... Но когда этихъ земель слишкомъ мало, когда все, что можетъ быть использовано, уже почти использовано, тогда нечего и думать „о широкомъ развитіи переселеній, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ мѣстностей, которыя до сихъ поръ признавались наиболѣе нуждающимися въ разрѣженіи населенія“, и „съ увѣренностью можно ожидать, что переселеніе изъ черноземной полосы, послѣ немногихъ еще лѣтъ, должно будетъ прекратиться или упасть до ничтожнаго размѣра“,—тогда и роль переселенія въ аграрной программѣ является „*ролью третьестепенною*“. Переселеніе не рѣшитъ и не можетъ рѣшить аграрнаго вопроса... „Но“,—говоритъ А. Кауфманъ,—„оно все таки остается весьма серьезнымъ *фактомъ* народной жизни и, какъ таковой, заслуживаетъ самой теплой заботливости“ [1]).

[1]) Сборникъ, стр. 142.

* * *

Если идея переселеній „избытка населенія въ свободныя земли“ находила себѣ очень много сторонниковъ и горячихъ защитниковъ, то нельзя сказать, чтобы какъ идея, такъ и дѣятельность Крестьянскаго поземельнаго банка имѣли таковыхъ. И этому способствовали и способствуютъ цифры.

На первый разъ кажется страннымъ: „какъ могутъ обмануть цифры? Цифры—это воплощенная точность; цифры,—и только цифры, могутъ дать ясную, точную и опредѣленную картину положенія дѣла“... Съ нѣкоторыхъ поръ однако къ цифрамъ, въ особенности къ одному разряду ихъ, фабрикуемому въ бюрократическихъ канцеляріяхъ,—стали относиться довольно скептически,—и въ этомъ, конечно, нельзя не усмотрѣть знаменія времени.

По даннымъ отчетовъ Крестьянскаго банка, все обстоитъ въ высшей степени благополучно. Въ теченіе 20-лѣтняго періода банку удалось способствовать переходу къ крестьянамъ свыше 7 мил. дес. земли; благодаря банку, каждый годъ отъ 120 до 132 тысячъ крестьянъ имѣютъ возможность увеличивать свою надѣльную землю, въ финансовомъ отношеніи банкъ поставленъ очень прочно... Все это вѣрно, и все это очень хорошо, и все это, все таки, не помѣшало проф. Герценштейну придти къ заключенію, „что банкъ не въ силахъ вывести крестьянство изъ нужды, что для этого *необходимы другія учрежденія, построенныя на иныхъ началахъ*“ (курсивъ не нашъ [2]). При оцѣнкѣ дѣятельности Крестьян-

[1]) Сборникъ, стр. 169.
[2]) Сборникъ, стр. 170.

скаго поземельнаго банка, ему могутъ предъявить такой, напримѣръ, коварный вопросъ: „дѣйствовалъ ли банкъ, какъ учрежденіе, преслѣдующее интересы коммерческіе, или какъ учрежденіе, проникнутое намѣреніями характера государственнаго: бороться съ малоземельемъ, содѣйствовать благопріятному разрѣшенію аграрнаго кризиса“?.. И если банкъ въ свое оправданіе скажетъ, что задача его, по предписанію Государственнаго Совѣта, была гораздо „скромнѣе“ и состояла въ томъ, что онъ, выдавая ссуды наиболѣе состоятельной части земледѣльческаго населенія, долженъ былъ содѣйствовать развитію мелкой частной поземельной собственности и оказать несомнѣнную услугу государству образованіемъ класса мелкихъ собственниковъ (которые, по мнѣнію того же Государственнаго Совѣта, повсемѣстно служатъ источникомъ экономическаго процвѣтанія страны и вѣрной опорой гражданскаго порядка), — то банку можно отвѣтить простымъ разсмотрѣніемъ его дѣятельности. Мы постараемся именно „разсмотрѣть“, а не заняться „обозрѣніемъ“ дѣятельности банка, начиная съ основанія, т. е. съ 1883 г., и кончая нашимъ временемъ; мы постараемся остановиться на главныхъ сторонахъ дѣятельности Крестьянскаго поземельнаго банка и на ихъ значеніи для всего крестьянства Россіи.

„Коммерческая точка зрѣнія“, говоритъ проф. Герценштейнъ,—„безусловно требуетъ, чтобы банкъ отдавалъ предпочтеніе зажиточнымъ покупщикамъ, такъ какъ затрата собственныхъ средствъ до нѣкоторой степени гарантируетъ прочность сдѣлки. Затративъ собственныя средства, покупщикъ не такъ легко разстанется съ землей и употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить ее за собою. Не то представляетъ заемщикъ, который полностью переводитъ на себя всю покупную сумму въ видѣ долга. Какъ только покупка оказывается невыгодной, онъ бросаетъ землю. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и банкъ“[1])... Практика показала, къ чему приводитъ „эта точка зрѣнія“ банка. Расширить свои владѣнія, свою надѣльную землю можетъ только крестьянинъ *состоятельный*, располагающій въ моментъ покупки у банка земли средствами, достаточными для внесенія въ банкъ *доплаты*, т. е. разницы между всей стоимостью покупаемой земли и ссудой, выданной Крестьянскимъ банкомъ. Располагаетъ ли малоземельный крестьянинъ, счастливый обладатель надѣла въ 1—1½ десятины, такими наличными средствами?—Намъ кажется, что мало найдется людей, способныхъ утверждать это. И если крестьянинъ не располагаетъ, то развѣ путь пріобрѣтенія земли посредствомъ банка не оказывается для него закрытымъ и недоступнымъ? Малоземельные крестьяне могли бы еще пріобрѣтать землю *обществами*. Но поземельный банкъ предпочитаетъ продавать землю отдѣльнымъ лицамъ и *товариществамъ*, принципъ же этихъ товариществъ таковъ: „получаетъ земли больше тотъ, кто вноситъ больше денегъ въ общую сумму „доплаты“. Такимъ образомъ „въ товариществахъ“ опять-таки преимущество принадлежитъ крестьянамъ состоятельнымъ. Но этого мало. „Очень часто, по словамъ г. Семенова[2]), крестьяне, не имѣя собственныхъ средствъ для покрытія требуемой банкомъ доплаты, вынуждены добывать для нея деньги такими способами, при которыхъ купленная земля не только не можетъ поднять благосостоянія покупщиковъ банка, а, напротивъ, ведетъ къ ихъ неизбѣжному разоренію“. Крестьяне продаютъ скотъ, дѣлаютъ займы у кулаковъ, исто-

---

1) Сборникъ, стр. 176—177.

2) Гродненскій комитетъ. Сборникъ, стр. 178.

щаютъ землю и т. пр. Очень часто случается, что состоятельные крестьяне, купивъ посредствомъ банка землю, отдаютъ ее потомъ за высокую плату въ аренду бѣднѣйшимъ и малоземельнымъ. Въ харьковскомъ губернскомъ комитетѣ говорилось о случаѣ, еще болѣе тяжело отражающемся на малоземельныхъ крестьянахъ, и вытекающемъ всецѣло изъ политики Крестьянскаго банка. Оказывается, что съ пріобрѣтеніемъ извѣстной части владѣльческихъ земель крестьянскими товариществами (составленными изъ наиболѣе состоятельныхъ крестьянъ) поднимается сейчасъ же арендная плата на остальныя земли, которыя, такимъ образомъ, дѣлаются еще болѣе недоступными для бѣднѣйшихъ элементовъ"[1]).

Къ такимъ послѣдствіямъ приводитъ „точка зрѣнія банка", и что бы ни говорили о его благихъ намѣреніяхъ,—создать въ Россіи мелкое частное землевладѣніе, въ концѣ концовъ, самъ собою напрашивается одинъ только выводъ, такъ ясно формулированный проф. Герценштейномъ: „Крестьянскій банкъ уподоблялся частнымъ банкамъ... Онъ не въ состояніи съ успѣхомъ бороться съ малоземельемъ и не можетъ содѣйствовать прочному улучшенію крестьянской массы"[2]).

Кромѣ „коммерческой точки зрѣнія" Крестьянскаго банка, принесшей такіе великолѣпные плоды, существуетъ еще другая сторона дѣятельности банка,—*это его тенденція безостановочно повышать цѣны на землю.*

„Чрезвычайная нужда въ землѣ, ощущаемая за послѣднее время крестьянами, особенно южной части черноземной полосы, и отсутствіе у крестьянъ перспективнаго разсчета заставляютъ крестьянъ соглашаться на всякія цѣны, лишь бы только имъ не приходилось много доплачивать наличными деньгами. Органы Крестьянскаго банка часто предупредительно соглашаются въ такихъ случаяхъ на самыя высокія оцѣнки и выдаютъ ссуды въ высшемъ, установленномъ закономъ размѣрѣ по отношенію къ покупной цѣнѣ"..[1]). Это „предупредительное согласіе" Крестьянскаго банка служитъ источникомъ биржевой спекуляціи, бѣшенаго возрастанія цѣнъ на землю. У спекулянтовъ и частныхъ банковъ, дающихъ ссуды этимъ спекулянтамъ, впереди всегда, какъ маякъ, освѣщающій путь, и ободряющій, лежитъ—успокоительная увѣренность въ томъ, что земли, которыя спекулянты посредствомъ частныхъ банковъ пріобрѣли въ свое владѣніе, будутъ съ большой прибылью проданы ими крестьянамъ... Крестьянскій банкъ даетъ страстно-рвущимся къ землѣ крестьянамъ очень высокія ссуды; эти ссуды изъ рукъ крестьянъ цѣликомъ попадутъ въ руки продавцовъ - спекулянтовъ, и ловкіе продавцы не только окупятъ свои затраты, но и возьмутъ немалую долю прибыли. Въ этой атмосферѣ купли и продажи, биржевой спекуляціи—все болѣе и болѣе выростаютъ аппетиты спекулянтовъ; съ другой стороны, крестьянинъ въ силу тяжкой необходимости готовъ давать какія угодно цѣны на землю; ему нужны только большія ссуды,—и крестьянскій банкъ „предупредительно" выдаетъ ссуды, соглашается на высокія оцѣнки, — а отъ совокупности всего этого цѣны на земли, безъ увеличенія доходности этихъ земель, все увеличиваются. Въ Саратовской губерніи въ 1886 г. десятина земли чрезъ посредство Крестьянскаго банка пріобрѣталась за 41,8 руб.; въ 1899 г. она стоила уже 77,9 руб.; въ 1900 г.—80,6 руб.; въ 1901 г.—87,7 рублей. О томъ, какъ возвышаются оцѣнки банка, краснорѣчиво говорятъ слѣ-

[1]) Сборникъ, стр. 180.
[2]) Ibid. 184.

[1]) Сборникъ, стр. 187.

дующія цифры[1]): въ 1899 г. подесятинная оцѣнка была 72 руб., въ 1900 г. — 76 руб., въ 1901 г. — 81 руб. и въ 1902 г.—93 руб,

По мнѣнію Елецкаго сельскохозяйственнаго комитета, „Крестьянскій банкъ изъ учрежденія, призваннаго приходить на помощь малоземельнымъ крестьянамъ, превращается часто въ пособника биржевой игры. Нежелательность такого превращенія", — заключаетъ комитетъ,—„очевидна внѣ спора".

Предположимъ, что дѣятельность Крестьянскаго поземельнаго банка измѣнится въ двухъ направленіяхъ—сначала въ одномъ, потомъ въ другомъ, и посмотримъ, что будетъ тогда. Предположимъ, во-первыхъ,—банкъ все сдѣлаетъ для того, чтобы крестьяне въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ пріобрѣтали въ свое владѣніе землю. Онъ отмѣнитъ доплаты, уменьшитъ проценты по займамъ, облегчитъ формальныя условія пользованія банковымъ кредитомъ... Что явится неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого? Крестьяне съ усиленной стремительностью набросятся на выдаваемыя имъ ссуды, съ усиленной стремительностью начнутъ проявлять свою дѣятельность спекулянты, „бѣшенный ажіотажъ земельной спекуляціи" не исчезнетъ, а усилится, разовьется... Вѣдь, нельзя же въ самомъ дѣлѣ, серьезно думать, что циркуляры министерства финансовъ, въ коихъ указывается и предупреждается, „что спекуляція на землю связана съ опасными послѣдствіями", остановятъ въ моментъ страстной все болѣе и болѣе разгорающейся игры спекулянтовъ. „Въ борьбѣ съ ажіотажемъ,"—говоритъ проф. Герценштейнъ, „никакія воззванія къ благоразумію не могутъ дѣйствовать отрезвляющимъ образомъ". А разъ не уничтожится биржевая игра, нечего и думать, нечего питать розовыя надежды на то, что крестьяне достаточно пріобрѣтутъ себѣ земли. „Чѣмъ больше будутъ выдаваемыя ссуды, тѣмъ шире для частныхъ землевладѣльцевъ будетъ возможность учитывать въ свою пользу не только настоящіе, но и будущіе доходы крестьянскаго хозяйства"[1]).

Обратимся теперь къ обратному предположенію. Банкъ сократилъ операціи, уменьшилъ объемъ дѣятельности... Ссудъ, безъ которыхъ крестьяне не въ состояніи уже покупать землю, нѣтъ. Спросъ на землю сразу уменьшится, падаетъ ея цѣна, а вслѣдствіе страшнаго уменьшенія числа крестьянскихъ покупокъ, замираетъ и ажіотажъ поземельной спекуляціи,—но вмѣстѣ съ тѣмъ не безполезнымъ является и вопросъ: „для чего теперь существованіе Крестьянскаго банка, назначеніе котораго—увеличить площадь крестьянскаго землевладѣнія и который этого не дѣлаетъ"? Иными словами, подобно первому,—обратное предположеніе даетъ мало утѣшительнаго относительно дѣятельности банка. „Крестьянскій банкъ не принадлежитъ къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя могутъ вывести наше сельское населеніе изъ бѣдственнаго положенія, въ какое ставитъ его малоземелье"[2]),—вотъ заключеніе проф. Герценштейна.

* * *

Переселенія и Крестьянскій банкъ, говорили мы выше,—главнѣйшія мѣропріятія правительства, направленныя къ разрѣшенію аграрнаго вопроса, наиболѣе подававшія большія надежды—и не оправдавшія малыя. Но ими не исчерпывается еще вся дѣятельность правительства, все его „аграрное законодательство". Отмѣнена подушная подать, понижены выкупные платежи, облегчены паспортныя стѣсненія, воспрещено от-

[1]) Мы беремъ сейчасъ цифры среднія, т. е. не для какойниб. отдѣльной губерніи.

[1]) Сборникъ, стр. 191.
[2]) Ibid., стр. 197.

чужденіе надѣльной земли путемъ досрочнаго выкупа, организованъ меліоративный кредитъ. Мы не будемъ говорить подробно объ этихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, а лишь вспомнимъ слова И. И. Петрункевича о нихъ[1]). Всѣ они", — говоритъ Петрункевичъ, — „одинаково пропитаны духомъ бюрократизма и лишены жизненности, благодаря чему одни изъ нихъ остались мертворожденными, другія далеко не оказали той пользы, которую могли принести, и въ общемъ не предотвратили аграрнаго кризиса"[2]). А разъ аграрный кризисъ не предотвращенъ, разъ, напротивъ, онъ все болѣе и болѣе зрѣетъ и ставитъ страну съ каждымъ годомъ все въ болѣе „опасное положеніе",— то этотъ кризисъ настоятельно требуетъ своего разрѣшенія; на очередь должны выступить широкія аграрныя реформы, новѣйшее, порвавшее всякую связь съ эпохами и вѣрованіями стараго традиціоннаго бюрократизма, аграрное законодательство... Такимъ образомъ мы приходимъ къ „аграрной программѣ", къ разрѣшенію вопроса „что надо дѣлать"?

Нами было уже указано, что теоретическія воззрѣнія авторовъ „Аграрнаго вопроса" болѣе или менѣе одинаковы; поэтому и взгляды ихъ на измѣненіе аграрной политики, проведеніе аграрныхъ реформъ, за исключеніемъ, конечно, нѣкоторыхъ, совпадаютъ и взаимно дополняютъ другъ друга... А это, въ связи съ постановленіями Московскаго совѣщанія по аграрному вопросу, происходившаго въ Москвѣ 28 и 29 апрѣля нынѣшняго года (доклады, читанные тамъ, вошли въ излагаемый нами сборникъ), даетъ возможность обрисовать болѣе или менѣе ясными чертами „аграрную программу" авторовъ сборника, ихъ отвѣтъ на вопросъ „что надо предпринять въ борьбѣ съ стихійно-растущимъ малоземельемъ".

Въ той ужасной атмосферѣ нищеты, безправія, невѣжества и темноты, которой дышетъ русскій крестьянинъ, не возможны, конечно, окажутся непроизводительными какія-бы то ни было реформы. Поэтому прежде всего необходимо измѣненіе всей, если такъ можно выразиться, *политической конъюнктуры страны...* Но помимо этого, насажденіе культурныхъ началъ, развитіе сельско-хозяйственной техники встрѣтятъ неодолимое препятствіе въ тѣхъ десятинныхъ и чуть ли не полудесятинныхъ надѣлахъ, которыми такъ изобилуетъ Россія. „Огромный процентъ безлошадныхъ и безхозяйственныхъ дворовъ",—говоритъ В. Е. Постниковъ,—„имѣетъ во многихъ мѣстностяхъ свой коренной источникъ; безъ сомнѣнія въ этомъ фактѣ (измельчаніе надѣловъ, ограниченность крестьянскаго землепользованія) есть извѣстный minimum, ниже котораго крестьянское хозяйство не можетъ опускаться, потому что оно становится тогда невыгоднымъ и даже невозможнымъ"[1]). Малоземелье, слѣдовательно, вліяя на развитіе сельскохозяйственной техники, необходимо вліяетъ, препятствуетъ прогрессу крестьянскаго хозяйства. Въ Московской губерніи неравномѣрное распространеніе травосѣянія по уѣздамъ объясняется, какъ это было указано на послѣднемъ губернскомъ земскомъ собраніи (1905 г.), не только различнымъ характеромъ промысловъ и неодинаково удачной постановкой дѣла агрономической помощи въ уѣздахъ, но и различной степенью малоземелья, за извѣстнымъ предѣломъ препятствующаго переходу къ травосѣянію[2]).

„Единственнымъ средствомъ рас-

---

[1]) Слова, относящіяся и къ крестьянскому банку и къ организаціи переселенческаго дѣла.

[2]) Сборникъ, стр. XX.

[1]) Южно-русское крест. хоз., стр. 141. Цитируемъ по статьѣ Мануйлова. Сборникъ, стр. 48.

[2]) Сборникъ, стр. 48.

ширенія крестьянскаго землепользованія",—говоритъ проф. Мануйловъ,—является дополнительное надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ землей"[1]). Совѣщаніе по аграрному вопросу формулировало это положеніе такимъ же образомъ и подробно разработало его въ 4 пунктахъ своей программы[2]). „Фондомъ для дополнительнаго надѣла, — говорится тамъ, — должны служить не только государственныя земли, но и земли другихъ владѣльцевъ (удѣльныя, монастырскія и частновладѣльческія), такъ какъ лишь при условіи выкупа доли частновладѣльческихъ земель поземельная реформа можетъ дать ощутительные результаты"... и дальше: „частновладѣльческія земли, предназначаемыя для расширенія надѣловъ, должны быть выкуплены государствомъ" (п.п. 7 и 8).

Отрѣзки частновладѣльческихъ земель, конечно, могутъ вызвать со стороны владѣльцевъ бурю негодованія и протеста; но если припомнить, что принципъ *государственной необходимости* часто и очень часто вторгается принудительнымъ началомъ въ сферу частнаго владѣнія[3]), то можно и къ этому взрыву негодованія отнестись довольно спокойно, тѣмъ болѣе, что гг. владѣльцевъ вовсе не хотятъ экспропріировать безвозмездно. Но рядомъ можетъ возникнуть другой вопросъ—гораздо болѣе, чѣмъ первый, возбуждающій сомнѣнія... Хватитъ ли земель для того, чтобы надѣлить крестьянъ хотя до нормъ высшаго указного надѣла положенія 1861 г.? Обращаемся къ статистикѣ... Для того, чтобы надѣлить землей въ 50 губ. Европ. Россіи всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ въ настоящее время въ своемъ владѣніи меньше максимума надѣла 1861 г., потребовалось бы земли всего 32—33 мил. дес. Казенныя и удѣльныя земли могутъ дать около 6,8 мил. дес.,—и такимъ образомъ сумма выкупа изъ частнаго землевладѣнія выразится въ круглыхъ цифрахъ 25—26 мил. дес. земли, а за вычетомъ купчихъ крестьянскихъ земель, которыя должны быть сосчитаны съ надѣльными, при опредѣленіи размѣра дополнительнаго надѣла 21—23 мил. дес. Такъ какъ частновладѣльческая земля, за вычетомъ лѣсныхъ пространствъ, составляетъ 55 мил. дес., то выкупъ является вполнѣ возможнымъ, и притомъ оставляющимъ въ рукахъ частновладѣльцевъ, кромѣ лѣсныхъ пространствъ, еще болѣе 1/2 существующаго количества сельско-хозяйственныхъ угодій.

Къ такому же заключенію приходитъ проф. А. А. Чупровъ. „Результаты произведенныхъ мною вычисленій, несмотря на всю неполноту и приблизительность," говоритъ онъ,—„позволяютъ сдѣлать выводъ, что для надѣленія нуждающихся земледѣльцевъ до нормъ высшихъ и указныхъ надѣловъ Положенія 19 февраля 1861 г. земли въ Европейской Россіи хватитъ, и останется еще немало на долю собственниковъ"[1]).

Итакъ, земли хватитъ, но дѣло еще въ томъ, что вся выкупная операція значительно упрощается и облегчается для государства благодаря страшной задолженности частнаго землевладѣнія. Къ 1 января 1897 г. задолженность землевладѣнія выразилась въ суммѣ 1.359 мил., къ 1 января 1904 г. она возрасла до 2,074 мил., т. е. увеличилась снова больше, чѣмъ на 700 мил.[2]). „Разсматривая выкупную операцію",—говоритъ проф. Герценштейнъ, „я долженъ признать, что она въ значительной степени облегчается существованіемъ огромнаго долга, лежащаго на частномъ землевладѣніи"[3]).

[1]) Сборникъ, стр. 62.
[2]) 6-й, 7-й, 8-й и 9-й.
[3]) Напр., отчужденіе земли подъ проводимую желѣзную дорогу, запрещеніе вырубать „собственный" владѣльца лѣсъ и т. пр.

[1]) Сборникъ, стр. 236.
[2]) Ibid., стр. 210.
[3]) Ibid., стр. 210.

Если все т. обр. условія благопріятны для проведенія реформы, то нелишнимъ является заглянуть нѣсколько далѣе, посмотрѣть, что дастъ реформа...

„Путемъ предлагаемой реформы та часть крестьянскаго населенія, которая страдаетъ отъ остраго малоземелья, получила бы... на 50—60% больше того земельнаго пространства, которымъ она пользуется въ настоящее время, считая и внѣ надѣльную аренду. Другими словами, землепользованіе малоземельнаго населенія расширилось бы противъ существующаго болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза“[1]).

Если мы точно также коснемся вопроса, кому будетъ принадлежать экспропріированная у помѣщиковъ земля, — государству или крестьянамъ, то отвѣты получатся разные. Проф. Герценштейнъ, напр., не берется рѣшить этого вопроса, ему должно,—говоритъ онъ,—предшествовать принципіальное признаніе необходимости выкупа государствомъ“[2]). Но проф. Мануйловъ наиболѣе цѣлесообразнымъ считаетъ выкупъ государствомъ земель въ свое владѣніе и затѣмъ отдачу ихъ въ долгосрочную (напр. 12 лѣтъ) аренду крестьянамъ „по умѣреннымъ цѣнамъ, устанавливаемымъ особыми органами общественно-государственнаго характера“[3]).

„Для прочнаго улучшенія экономическаго благосостоянія деревни, такъ же, какъ и въ интересахъ развитія и усовершенствованія земледѣлія, помимо дополнительной прирѣзки земли земледѣльцамъ, необходимо законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній“... гласитъ 10 пунктъ „постановленій“, принятыхъ московскимъ совѣщаніемъ по аграрному вопросу. Проф. Мануйловъ признаетъ царящую въ Россіи неупорядоченность арендныхъ отношеній одной изъ главныхъ причинъ, задерживающихъ развитіе сельскаго хозяйства. Наше законодательство, — говоритъ онъ, — придерживается въ этомъ отношеніи правила, по которому все, вложенное въ землю арендаторомъ, по окончаніи срока аренды, переходитъ къ собственнику земли безъ всякаго вознагражденія арендатора... Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ крестьянинъ, нанимающій землю погодно, не находитъ никакого разсчета затрачивать на обработку больше того, что можетъ окупиться въ теченіе года“[1]). Если вспомнить, что площадь внѣнадѣльныхъ крестьянскихъ арендъ въ 183 уѣздахъ, т. е. половинѣ общаго числа ихъ, опредѣляется въ 10 мил. дес., а только въ 163 уѣздахъ число арендующихъ дворовъ составляетъ $1^1/_2$ мил., т. е. около 37% всего наличнаго числа, то станетъ яснымъ, какой огромной важности является вопросъ урегулированія арендныхъ отношеній.

Въ чемъ должно выразиться это урегулированіе? Оно должно установить прочно и неизмѣнно четыре главныхъ пункта: 1) прочное пользованіе арендаторомъ землей, 2) обезпеченіе за арендаторомъ права на вознагражденіе за неиспользованныя улучшенія, 3) регламентація арендной платы за арендуемую землю и 4) охрана интересовъ собственника. „Но“,—говоритъ проф. Мануйловъ, „если положеніе арендатора упрочено закономъ, то его собственный интересъ будетъ побуждать его правильно вести хозяйство и обращаться съ арендуемой землей, какъ съ своей собственной. Поэтому упорядоченіе аренды служитъ гарантіей интересовъ самого собственника“[2]).

Мы представляемъ теперь себѣ главные моменты предстоящей реформы; это при непремѣнномъ условіи измѣненія политической конъ-

---

1) Ibid., стр. 69.
2) Ibid, стр. 223.
3) Ibid, стр. 71.

1) Сборникъ, стр. 49.
2) Сборникъ, стр. 83.

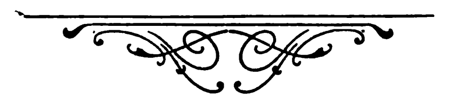

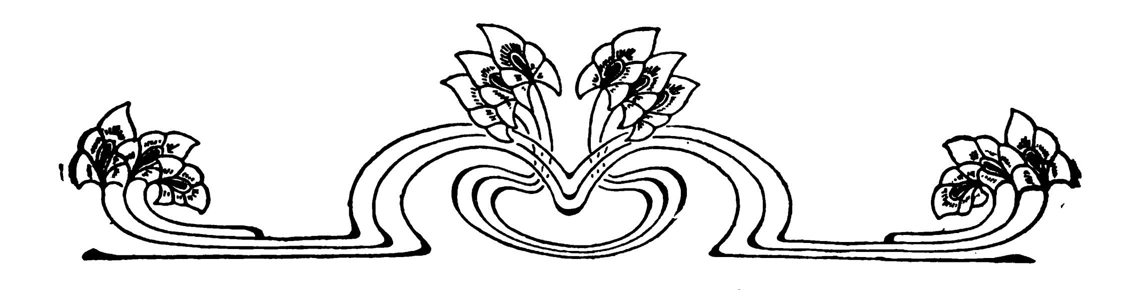
юнктуры страны, дополнительный надѣлъ и упорядоченіе аренды... Но каковъ будетъ составъ тѣхъ органовъ, которые послѣ введенія у насъ представительнаго образа правленія, т. е. измѣненія политической коньюнктуры, будутъ призваны осуществить аграрную реформу?.. Проф. Денъ въ краткихъ чертахъ говоритъ или скорѣе „высказываетъ пожеланіе" о составѣ и роли этихъ органовъ. Въ каждой губерніи должны быть учреждены губернскія поземельно - устроительныя комиссіи. Члены ихъ должны имѣть хорошую подготовку: половина можетъ быть юристовъ, знающихъ агрономію, и половина агрономовъ, обладающихъ извѣстными познаніями въ области права... Необходимы и члены—знатоки мѣстныхъ условій... Участіе въ комиссіи для ея членовъ должно быть занятіемъ обязательнымъ. Далѣе: члены—представители мѣстныхъ интересовъ избираются губернскими собраніями, члены специалисты (врачи и агрономы) назначаются правительствомъ. Создается одно центральное поземельно-устроительное учрежденіе—высшая инстанція для губернскихъ комиссій и, наконецъ, въ качествѣ исполнительныхъ органовъ губернскихъ комиссій, въ каждомъ уѣздѣ учреждаются особые комиссары, подчиненные комиссіямъ. Таковы „пожеланія" проф. Дена, таковъ предлагаемый имъ методъ проведенія въ жизнь аграрной реформы.

* * *

Нашъ очеркъ конченъ. Мы имѣли въ виду познакомить читателя съ теоретическими воззрѣніями и программой авторовъ „Аграрнаго вопроса" —представителей болѣе или менѣе одинаковаго взгляда на положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи, представителей одной партіи... И какъ проникнутые лишь намѣреніемъ „ознакомленія", мы не думали ни подвергать критикѣ воззрѣнія и программу составителей сборника, ни вступать съ ними въ полемику... Съ другой стороны, мы старались избавить очеркъ отъ утомительныхъ подробностей и обильныхъ статистическихъ данныхъ. Говоря, напр., о переселеніяхъ и крестьянскомъ банкѣ, мы совершенно не коснулись исторіи дѣятельности крестьянскаго банка и очень слабо исторіи переселенческаго дѣла,—но это и не входило въ наши задачи... Намъ хотѣлось только выяснить наиболѣе ярко и всесторонне полную неспособность какъ банка, такъ и переселеній уничтожить малоземелье въ Россіи, рѣшить аграрный вопросъ. И если мы это сдѣлали, если сумѣли точно и вѣрно передать мысли авторовъ „Аграрнаго вопроса" и ихъ программу,—то считаемъ свое дѣло законченнымъ, и цѣль—достигнутой.

Конст. Шелавинъ.

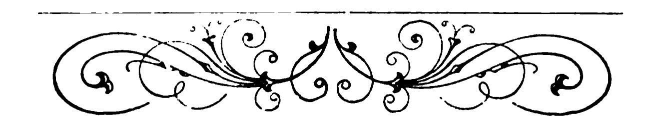

Вулканъ.

Долго-долго жизнью бурною, кипучей,
    Не жилъ безпробудно спавшій великанъ;
Долго-долго грудью огненной, могучей
    Не дышалъ, грозившій бѣдами, вулканъ.
И огня, и дыма изъ своей утробы
    Онъ, неустрашимый, долго не металъ,
Мирныя жилища превращавшій въ гробы
    И въ осколки груды потрясенныхъ скалъ...
Извергавшій гнѣвно камни, съ быстротечной
    Лавою горячей, вихремъ изъ себя,
Нѣсколько столѣтій спитъ онъ, спитъ, безпечный,
    Ничего живого больше не губя.
Гдѣ онъ, извергаясь, лилъ потокомъ лаву,
    Плодороднѣй почва, гуще нивы тамъ,
Миртовыя рощи выросли на славу
    И цвѣты явились; солнце льнетъ къ цвѣтамъ,
Любитъ ихъ росою, влагой напоенныхъ;
    Каждый лучъ находитъ въ лепесткахъ пріютъ...
Въ глубинѣ лазурной, въ рощахъ благовонныхъ
    Птицы-чаровницы цѣлый день поютъ.
Пышная природа! Чудныя картины!
    Это — міръ счастливцевъ, сильныхъ міра—край;
А въ сырыхъ низинахъ ихъ рабы, кретины,
    Съ завистью, взираютъ на далекій рай.
Тамъ, какъ-бы больная на предсмертномъ ложѣ,
    Жизнь полубезгласна; тамъ ни явь, ни сонъ...
Голоса несчастныхъ: „жить хотимъ мы тоже!“
    Въ высь идутъ, въ протяжный выростая стонъ;

Сильные-же міра, слыша ихъ, смѣются,
Тщетно обличаетъ и грозитъ пророкъ:
„Зло царитъ! Потоки слезъ горючихъ льются...
Богъ къ жестокимъ будетъ скоро самъ жестокъ.
Изъ низинъ печальныхъ скоро эти слезы
Выступятъ, высоты горныя зальютъ...
Слышите-ли Бога гнѣвнаго угрозы?
Горе тѣмъ, кто алченъ, кто во злобѣ лютъ!
Горе сильнымъ міра! Горе всѣмъ гнетущимъ
Слабыхъ, беззащитныхъ! Горе не рабамъ,
О неправдахъ вашихъ къ Богу вопіющимъ,
Горе вамъ, тираны! Горе, горе вамъ!“
Между сильныхъ міра страшное смятенье,
Но они боятся не горючихъ слезъ,
Гибелью грозящихъ, и не обличенья
Вѣщаго пророка, не его угрозъ...
Подъ землей, какъ будто съ воемъ урагана,
Слышенъ гулъ громовый; пробѣгаетъ дрожь
Съ низа до вершины мрачнаго вулкана;
Онъ уже на что-то грозное похожъ...
Кто живетъ на высяхъ, тѣмъ спасаться трудно,
Кто живетъ въ низинахъ, тѣмъ Свободой данъ
Выходъ изъ неволи... Спавшій безпробудно
Сотни лѣтъ проснулся, наконецъ, вулканъ!

Николай Пановъ.

Эволюція Русской Чугунки.

(желѣзнодорожный фельетонъ).

Стараго Пассажира.

Ни въ одной области человѣческаго труда не наблюдается такихъ поразительныхъ контрастовъ, какъ на желѣзной дорогѣ, съ ея многолюднымъ штатомъ всевозможныхъ наименованій. До сихъ поръ превосходительный начальникъ дороги, получая до 20 тысячъ въ годъ при готовой квартирѣ и щедрыхъ командировочныхъ, не гнушается брать себѣ львиную долю въ... 1800 рублей изъ эксплоатаціоннаго излишка, распредѣляемаго въ наградныя маленькимъ служащимъ. А изъ этихъ послѣднихъ есть терпѣливые труженники, которые довольствуются съ семьей 18-рублевымъ жалованьемъ.

Загляните въ жилье такого незамѣтнаго работника: грязь, убожество, холодъ, болѣзни. Желѣзнодорожный генералъ сюда не заглянетъ. А между тѣмъ, тутъ живетъ тотъ самый стрѣлочникъ, который зачастую исполняетъ всякую работу, какую поручаетъ ему начальство, не замѣчая, какъ проходитъ день и ночь за этой работой, а когда онъ приходитъ къ своей стрѣлкѣ, онъ смотритъ на это, какъ на отдыхъ, не въ силахъ одолѣть своего сна и спросонья переводитъ стрѣлку, когда половина поѣзда прошла уже мимо. Доподлинно будетъ извѣстно въ лѣтописяхъ желѣзнодорожной исторіи, что виновникъ такого крушенія не измученный стрѣлочникъ, а тотъ инженеръ, распредѣлитель смѣтъ и работъ, который допустилъ такой порядокъ вещей.

Таковъ отголосокъ пережитаго. И юпитерствующій генералъ, и самый послѣдній стрѣлочникъ, конечно, служатъ одному и тому-же дѣлу. Дѣло это огромной государственной важности, функціи котораго въ тѣсной зависимости съ развитіемъ торговли, промышленности, народнаго просвѣщенія, со всею экономическою жизнью страны. Всеобщая желѣзнодорожная забастовка посадила-бы на мель цѣлое государство, и подъ этой страшной угрозой какъ-то легче признавать возможность улучшеній... Однако, отъ признанія до исполненія еще далеко.

Время массовой эксплоатаціи желѣзнодорожныхъ рабочихъ, при полномъ порабощеніи ихъ, теперь миновало. Правда, положеніе ремонтныхъ рабочихъ все еще ужасно, но зато уже повсемѣстно пробудилось сознаніе, что не только

работа желательна и безъ этого удручающаго гнета, но и сама по себѣ работа при измѣнившихся условіяхъ будетъ гораздо производительнѣе. Прошло то время, которое охарактеризовано старинными куплетами:

Желѣзный путь... Большой процентъ
Рабочихъ голодаютъ,
А воротилы дивидендъ
Исправно получаютъ.
Вдругъ поѣздъ врагъ столкнулъ въ оврагъ,
Тамъ сшиблись двѣ машины,
А отчего?.. Отвѣтитъ всякъ:
„Совсѣмъ вотъ безъ причины"!

Рабочіе голодать теперь не соглашаются, а требуютъ повсюду улучшенія своего положенія, и если имъ отказываютъ—они просто уходятъ. Правда, попрежнему неунывающіе воротилы получаютъ крупный дивидендъ, что, безъ сомнѣнія, служитъ одной изъ причинъ того общепризнаннаго явленія, что пассажирское движеніе приноситъ нашимъ дорогамъ только убытокъ. Еще-бы не убытокъ!.. Теперь намъ впрочемъ, позволено мечтать, что Государственная Дума (разумѣется, современемъ) поубавитъ аппетиты многихъ нашихъ воротилъ, въ томъ числѣ и желѣзнодорожныхъ.

Однимъ изъ яркихъ доказательствъ повсемѣстно пробуждающагося теперь стремленія къ улучшенію своего быта до сихъ поръ молчаливыхъ и всегда на все согласныхъ скромныхъ труженниковъ—служитъ непрестанная борьба, какую упорно ведутъ въ защитѣ своихъ правъ на пенсію желѣзнодорожные служащіе. Въ первый разъ такъ открыто выступаетъ на общественную арену какъ-будто-бы министерская реформа, проводимая въ жизнь сквозь немолчныя требованія свободно-выбраннаго начала. Все поднялось и заговорило... Начальство освобождаетъ служащихъ отъ занятій—только, Бога ради, собирайтесь, потолкуйте, разсудите по совѣсти, не ударьте лицомъ въ грязь, покажите себя достойными делегатами, честно отстаивающими интересы младшаго брата!..

Такого оживленія по всему фронту желѣзнодорожной арміи еще не наблюдалось. Въ печати стало коегдѣ (хотя очень робкими голосами) обсуждаться pro и contra пенсіонныхъ и сберегательно-вспомогательныхъ кассъ. Въ самомъ дѣлѣ, имѣли право поинтересоваться люди о судьбѣ своихъ денегъ, аккуратно вычитаемыхъ изъ жалованья для... созданія пенсіи въ будущемъ. Вычитаніе это производилось десятки лѣтъ, таинственный ларчикъ открылся только недавно: содержимое удивило и опечалило всѣхъ.

Оказалось, что работникъ, получающій 600 рублей въ годъ, послѣ 20-лѣтней службы получитъ пожизненную пенсію что-то вродѣ 1 р. 23 к. въ мѣсяцъ! Не забудемъ, что вычеты такого служащаго составятъ сумму (за 20-лѣтній срокъ) около 800 р. съ процентами, т. е. почти тысячу. Отъ такихъ сюрпризовъ всѣ возжаждали пересмотра уставовъ. Вмѣсто обѣщанной обезпеченности выходило какое-то издѣвательство!..

Къ этому надо присоединить и то обстоятельство, что изъ денегъ по всѣмъ русскимъ дорогамъ отъ пенсіонныхъ и сберегательныхъ вычетовъ образовались очень солидные капиталы, и есть основаніе предположить, что возвратить ихъ теперь цѣликомъ государство не въ состояніи. Вообще насколько затруднительно возвращеніе такихъ суммъ, показываетъ слѣдующій характерный случай.

Въ главныхъ вагонныхъ мастерскихъ Александровскаго завода въ Петербургѣ (вѣдомства министерство путей сообщенія) недавно было уволено 20 человѣкъ рабочихъ за то, что они выкатили въ мѣшкѣ ненавистнаго мастера. Пришлось возвращать рабочимъ ихъ ссудо-сберегательные вычеты... Понадобилось 65 тысячъ. Эти деньги пришлось взять изъ государственнаго

казначейства авансомъ, да и то большинство рабочихъ пришлось принять обратно (кромѣ 20 коноводовъ), а мастера, которому такъ симпатизировала рабочая среда, благоразумно убрали въ 2-хъ мѣсячный отпускъ и есть основаніе думать, что этотъ человѣкъ служить больше на заводѣ не будетъ.

Тенденція всячески отлынивать отъ того, чтобы возвращать пенсіонные вычеты, замѣтна была повсемѣстно, и невольно рождался въ умѣ дерзкій вопросъ: а что, если легенда, будто пенсіонные милліоны пошли на покрытіе части тѣхъ колоссальныхъ затратъ, какія ухлопала „безобраз“-овская авантюра на Ялу—похожа на правду?.. Дыма безъ огня, говорятъ, не бываетъ. Когда на Либаво-Роменской дорогѣ общимъ собраніемъ служащихъ было рѣшено ликвидировать дѣла пенсіонной кассы и деньги возвратить служащимъ, возбудивъ въ то же время ходатайство о государственномъ страхованіи послѣднихъ, примѣръ этотъ оказался заразителенъ: другія дороги тоже нашли въ себѣ мужество вынести такую-же резолюцію на своихъ собраніяхъ. Вопросъ только въ томъ, въ какой мѣрѣ осуществимы на практикѣ подобныя рѣшенія. Типичную опасливую осторожность проявили нѣкоторыя дороги наканунѣ собранія выборщиковъ. (На каждой дорогѣ разрѣшены были собранія такихъ выборщиковъ для выбора двухъ делегатовъ въ министерскую коммиссію). А именно: были изданы приказы о сохраненіи сберегательно-вспомогательной кассы. Маневръ былъ изъ удачныхъ; люди вынуждены были испускать вздохи облегченія и сознаваться:

— Слава Богу! не пропадутъ наши денежки.

Избраніе делегатовъ вездѣ происходило очень оживленно, и съ попутными преніями весьми любопытнаго свойства. Юго-Западныя дороги переусердствовали и вмѣсто двухъ избрали четверыхъ делегатовъ. Въ управленіи Харьково-Николаевской дороги собраніе нашло невозможнымъ участіе въ съѣздѣ делегатовъ своихъ уполномоченныхъ, познакомившись съ условіями, при которыхъ должно происходить совѣщаніе. Въ управленіи М.-В.-Рыбинской ж. д. управляющій дорогою Н. Д. Байдакъ вступилъ въ споръ со служащими, убѣждая ихъ, что они могутъ свободно высказываться, а служащіе доказывали, что поручить изложеніе истинныхъ своихъ желаній они не могутъ уже потому, что нѣтъ свободы собраній, слова и печати. Г. Байдакъ осерчалъ и уѣхалъ.

Въ управленіи Николаевской дороги на собраніи выборщиковъ по какому-то недоразумѣнію предсѣдателемъ былъ выбранъ г. Калашниковъ, который убоялся присутствія дамъ, корреспондентовъ и сторожей и удалилъ ихъ изъ залы. Своимъ некорректнымъ и неумнымъ предсѣдательствомъ онъ все время мѣшалъ выясненію работъ коммиссіи. Представитель сл. движенія Р. О. Климкевичъ никакъ не могъ доложить собранію выработанный имъ проектъ устава вспомогательно-сберегательной кассы: ему не давали слова. Наконецъ, терпѣнію наступилъ конецъ и г. Климкевичъ заявилъ;

— Въ такомъ случаѣ я собраніе выборщиковъ покидаю.

Предсѣдатель ничего не нашелъ сказать, кромѣ краткаго:

— Прощайте.

Подъ конецъ, однако, недоразумѣніе разъяснилось, и при выборѣ делегатовъ кратковременный предсѣдатель сошелъ на нѣтъ или былъ „прокаченъ на вороныхъ“. Очень дѣльный проектъ устава выработалъ М. Т. Елизаровъ. Сущность его сводится къ слѣдующему.

Для установленія размѣра вычетовъ со служащихъ, послѣдніе раздѣлены на шесть классовъ:

I	классъ	размѣръ	содержанія	до	400	рублей		включит.	
II	„	„	„	отъ	401	до	800	рублей.	
III	„	„	„	„	801	„	1200	„	
IV	„	„	„	„	1201	„	1600	„	
V	„	„	„	„	1601	„	2000	„	
VI	„	„	„	„	2001	„	2400	„	

Съ лицъ, получающихъ свыше 2400 р., удержанія исчисляются только съ этой суммы—2400 р. и права, пріобрѣтаемыя ими на полученіе пенсіи, опредѣляются тоже максимальнымъ содержаніемъ 2400 р. Сообразно этому подраздѣленію производятся ежемѣсячные вычеты:

Со служащихъ	VI	класса	въ 1-ый	годъ	5%,	остальное время	10%
„	V	„	„	„	4%.	„ „	8%
„	IV	„	„	„	3%,	„ „	6%
„	III	„	„	„	2%,	„ „	4%
„	II	„	„	„	1½%,	„ „	2%
„	I	„	„	„	1%,	„ „	1%

Приплата отъ казны каждому участнику кассы, въ зависимости отъ числа прослуженныхъ лѣтъ выражается слѣдующими процентами отъ получаемаго содержанія:

для служащихъ	I	класса	—12.
„	II	„	—11.
„	III	„	— 9.
„	IV	„	— 7.
„	V	„	— 5.
„	VI	„	— 3.

По выслугѣ правъ на пенсію всѣ участники кассы раздѣлены на двѣ категоріи: 1) агенты активной службы (поѣздные. станціонные въ мастерскихъ, заводахъ и депо), служба которыхъ сопряжена съ рискомъ для жизни и между прочимъ вступившіе въ число участниковъ кассы не моложе 30 лѣтъ, и 2) всѣ остальные участники кассы.

Полная пенсія, равная среднему годовому содержанію за послѣдніе 3 года службы, выдается безъ всякаго медицинскаго освидѣтельствованія участникамъ кассы I категоріи по прослуженіи 25 лѣтъ, а II-ой —30 лѣтъ.

Подобнаго участія къ судьбѣ служащихъ нынѣ дѣйствующій уставъ не проявляетъ, и остается желать отъ всей души, чтобы основанія проекта г. Елизарова вошли въ министерскую реформу пенсіонной кассы цѣликомъ. На такомъ прочномъ фундаментѣ легко возвести солидное зданіе упорядоченія всей желѣзнодорожной жизни.

А пока можно установить одно: хотя конечный результатъ покотиловской коммиссіи неизвѣстенъ, но уже черная сотня побѣждена честнымъ здравомыслящимъ элементомъ. Огромная семья желѣзнодорожныхъ служащихъ прозрѣла, и провести себя на мякинѣ не дастъ. Рядъ засѣданій коммиссіи прошелъ, а какія измѣненія въ нынѣшнемъ уставѣ желательны—до сихъ поръ не выяснено. Зато общій колоритъ засѣданій одинаково благопріятный; каждый день отъ службъ разныхъ желѣзныхъ дорогъ поступаютъ по телеграфу горячія привѣтствія за „правильную постановку дѣла“, въ надеждѣ, что коммиссія „не сойдетъ съ намѣченнаго ею пути“.

Дѣлать нечего! Придется уступить во многихъ пунктахъ и признать человѣческія права тѣхъ, кто и за людей до сихъ поръ не почитался. Уступило-же начальство (и не могло иначе) рабочимъ сортировочнаго вагоннаго парка Николаевской желѣзной дороги, когда они учинили оригинальную забастовку—забастовку на законномъ

основаніи. Такой пріемъ носитъ названіе „итальянской обструкціи“ и примѣнялся на этой же дорогѣ впервые въ 1877 году.

Въ началѣ нынѣшняго года эти рабочіе, подобно другимъ желѣзнодорожнымъ служащимъ, подавали начальству петиціи объ улучшеніи своего положенія. Послѣдовалъ замаскированный отказъ въ видѣ обѣщаній, въ извѣстномъ кругу не обязательныхъ для исполненія... Ждали—ждали рабочіе, да, наконецъ, извѣрившись, рѣшили поступать по инструкціи да по циркулярамъ.

Смыслъ такого рѣшенія, имѣющаго характеръ серьезной угрозы, станетъ понятенъ, если знать, что инструкція со всѣми циркулярами собственно существуетъ для очистки начальнической совѣсти, да для того, чтобы удобнѣе отбояриваться отъ выдачи пособій за увѣчья однимъ и тѣмъ-же законнымъ поводомъ: „собственная неосторожность!... уклоненіе отъ инструкціи!“ На практикѣ-же инструкція съ циркулярами не пригодна; жизнь выработала свои правила, которыми сортировочный паркъ и руководствовался. Такъ напр., рабочіе сцѣпляли и расцѣпляли вагоны, въ интересахъ сохраненія времени, до полной остановки поѣзда; сортировались вагоны по вѣтвямъ за одну, другую и т. д. стрѣлки подталкивающимъ паровозомъ, который останавливался передъ стрѣлкой, а вагонъ катился по инерціи за стрѣлку и останавливался домашними пріемами— подкладываніемъ подъ колеса бревенъ и проч. Толкнувъ одинъ вагонъ, паровозъ шелъ назадъ, во время его хода отцѣпляли другой вагонъ, съ такимъ разсчетомъ, что остановка поѣзда заставала вагонъ уже отцѣпляемымъ совершенно... Такимъ образомъ подталкивались за стрѣлки всѣ сортируемые вагоны, можетъ быть съ рискомъ для жизни рабочихъ, но съ громаднымъ сбереженіемъ времени.

Такой способъ сортировки, называемый американскимъ, равно какъ и сцѣпка или расцѣпка вагоновъ на ходу или множество другихъ правилъ, продиктованныхъ жизнью и освященныхъ многолѣтнею практикой—строго воспрещаются инструкціей и циркулярами. Руководство этими послѣдними увеличиваетъ вчетверо время, потребное для работы.

Результатомъ такого поведенія рабочихъ была такъ называемая „пробка“ или закупорка парка. 3 сентября товарные поѣзда опоздали изъ Петербурга отправленіемъ на 16 часовъ, 4-го—на 30, а 5-го начальникъ дороги принималъ депутатовъ и просилъ помилосердствовать, твердо обѣщая съ января будущаго года прибавить жалованье... Депутаты отвѣчали:

— Мы, ваше пр-ство, по инструкціи!

Вынимали изъ кармана печатные законы и показывали... Средство борьбы совершенно новое и такое, противъ котораго наша бюрократія защиты пока не придумала, потому что она сама сочиняла несерьезную инструкцію и непримѣнимые къ жизни циркуляры, тѣмъ самымъ надѣвъ на свою шею петлю, которую теперь можно и подтянуть.

Вотъ почему я позволю себѣ питать надежду, что интеллигентное ядро служащихъ, которое несетъ труды по выработкѣ улучшеній пенсіоннаго устава, добьется цѣною своихъ усилій болѣе свѣтлаго будущаго.

* * *

Кипитъ немолчная борьба; медленнымъ, черепашьимъ ходомъ, но все же идетъ впередъ распорядокъ сложной, разнообразной въ своихъ отвѣтвленіяхъ желѣзнодорожной жизни. Объ одномъ приходится жалѣть, что столичная печать почему-то упорно замалчиваетъ всѣ вопіющіе факты, которыми все-же богата лѣтопись нашихъ желѣз-

ныхъ дорогъ. Считаю долгомъ привести характерные изъ этихъ фактовъ.

На Николаевской дорогѣ продолжаются систематическія опаздыванья поѣздовъ благодаря... новой сигнализаціи. Трудно придумать болѣе курьезную причину, а между тѣмъ она почти единственная. Особенно грѣшатъ противъ росписанія поѣзда мѣстнаго сообщенія, обыкновенно переполненные служащими. Поѣздъ № 34, который долженъ приходить въ Петербургъ въ 10 ч. 10 м. утра, обыкновенно опаздываетъ то на 20, то на 40 м. то на полтора часа. Вѣчно одинъ и тотъже отвѣтъ на вопросъ о причинѣ нелѣпой стоянки: „семафоръ закрытъ". Кондукторская бригада иронизируетъ:

— Хотѣли, стало быть, сдѣлать получше, а выходитъ похуже, чѣмъ было!

И въ самомъ дѣлѣ, проклянешь нововведеніе или, лучше сказать, наше неумѣніе имъ пользоваться. Вотъ на выдержку нѣсколько датъ.

2 августа поѣздъ № 37, отошедшій изъ Петербурга въ 7 ч. вечера, пришелъ благополучно на свою предпослѣднюю обстановку на ст. Рябово, съ опозданіемъ на 10 м. и вдругъ пошелъ заднимъ ходомъ, сталъ на запасный путь, пропустилъ скорый, опять стоялъ, но уже на главномъ пути довольно долго и пришелъ въ Любань съ опозданіемъ на 1 ч. 5 м. Причина: семафоръ былъ закрытъ.

9 августа поѣздъ № 41, выйдя изъ Петербурга въ 4 ч. 30 м. дня едва не потерпѣлъ крушенія. На 23-й верстѣ (передъ Колпино) вдругъ неожиданная остановка и довольно энергичная. Стоящіе на ногахъ падаютъ на колѣни къ сидящимъ. Оказывается, многимъ были ясны зловѣщіе признаки надвигающагося несчастья: въ дно переднихъ вагоновъ слышались тяжелые удары желѣзомъ, на вагонѣ III кл. № 773 была сорвана подножка. Съ паровоза слышны были тревожныя восклицанія, прерывистыя всхлипыванія пара... Кондукторская бригада до того растерялась, что вмѣсто остановки поѣзда пыталась спасаться бѣгствомъ, забывъ, конечно, о своихъ познаніяхъ, выказываемыхъ ими на экзаменахъ, безъ которыхъ ихъ-бы не приняли на службу... По крайней мѣрѣ, видѣли кондукторовъ, которые уже прицѣливались, какъ-бы безопаснѣе соскочить на ходу поѣзда. Однако, одинъ изъ пассажировъ (В. А. Янишевскій) къ счастью не потерялся и остановилъ поѣздъ поворотомъ ручки автоматическаго тормаза. Пассажиры вышли изъ вагоновъ, обступили густой толпой паровозъ и узнали слѣдующее.

На паровозѣ (№ 43) на среднемъ колесѣ лопнулъ бандажъ. Мѣдныя и стальныя части были изуродованы до неузнаваемости; среднее колесо, лишенное обода, которымъ оно катилось по рельсу, висѣло въ воздухѣ, кулиса отъ поршня согнулась въ дугу, помостъ, идущій кругомъ паровознаго кузова, въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ сорванъ. На ось пострадавшаго колеса былъ намотанъ толстый желѣзный стержень, упершійся свободнымъ концомъ вверхъ... Если-бы этотъ конецъ уперся въ землю—кто знаетъ, какія-бы еще сотрясенія перенесъ паровозъ?.. Если-бы бандажъ лопнулъ на переднемъ, ведущемъ колесѣ—катастрофа была-бы неминуемой, ибо тотчасъ-бы пострадали отъ разрыва цилиндры и произошелъ-бы взрывъ пара. Да и при наличіи свершившагося—не затормази г. Янишевскій поѣзда, еще нѣсколько саженей,—и несчастье уже нельзя было-бы предотвратить: поѣздъ шелъ полнымъ ходомъ, путь дѣлалъ закругленіе, вагоны были биткомъ набиты пассажирами... Причина? Причина и по сіе время въ секретѣ для всѣхъ, кто имѣлъ случай ѣхать въ этомъ поѣздѣ, или кто слыхалъ объ этомъ рѣд-

комъ и до рѣдкости счастливомъ приключеніи.

Потребовали изъ Колпино вспомогательный паровозъ, который и доволокъ поѣздъ (съ испорченнымъ паровозомъ № 43 на буксирѣ) на станцію. Теперь зададимъ вопросъ: какъ осматриваютъ паровозы, которые послѣ каждаго путешествія поступаютъ въ круглое зданіе депо? Какъ могли выпустить для обслуживанья пассажирскаго поѣзда паровозъ № 43?.. Всѣ газеты трогательно согласились замолчать этотъ случай.

10 августа поѣздъ № 41,—вотъ невинный курьезъ!— долженствующій отойти въ 4 ч. 30 м. послѣ третьяго звонка... не двинулся съ мѣста. Проходитъ минута, другая, третья... Прошло 10 минутъ. Почему-же не трогается поѣздъ?..

— Паровозъ безъ воды!..

Поистинѣ уважительная причина. Прицѣпили другой паровозъ, въ которомъ была вода, и поѣхали.

Зато приводить всѣ дни, когда поѣзда опаздывали изъ-за того, что крыло семафора было опущено—не хватитъ мѣста. Причина эта дѣйствуетъ и понынѣ, служа источникомъ непріятностей для служащихъ, вынужденныхъ опаздывать въ свои конторы изъ-за какого-то семафора. Впрочемъ, не лучше обстоитъ дѣло на Варшавской и на М.-В.-Рыбинской жел. дорогахъ: поѣзда имѣютъ большую слабость къ опозданіямъ изъ-за самыхъ неуважительныхъ причинъ, большая часть которыхъ для публики скрыты или непонятны.

Впрочемъ, опозданія еще полбѣды. Гораздо хуже, когда вовсе не хватаетъ вагоновъ. Какъ извѣстно, вагонный голодъ царитъ теперь повсемѣстно въ странѣ: многое множество вагоновъ безвозвратно поглотила война. Но есть дорога, на которой не хватаетъ даже пассажирскихъ вагоновъ: эта дорога—Николаевская.

За все время войны главныя вагонныя мастерскія этой дороги снарядили на Д. В. четырнадцать поѣздовъ. Это что-нибудь да значитъ. Это создало довольно печальное явленіе, а именно: всѣ вагоны въ поѣздахъ мѣстнаго сообщенія (на участкѣ Петербургъ—Любань)—забракованы при осмотрѣ въ главныхъ мастерскихъ и назначены либо въ большой ремонтъ, либо на сломъ. Тѣмъ не менѣе вагоновъ нѣтъ—и эти вагоны обращаются перевозя ежедневно тысячи людей и—*пока* благополучно.

Если-бы какой-нибудь знатный пассажиръ, отправляясь въ Москву съ курьерскимъ поѣздомъ, садясь въ великолѣпный вагонъ, зналъ о тѣхъ неисправностяхъ, какія существуютъ въ поѣздѣ—онъ-бы не поѣхалъ. А между тѣмъ знатный пассажиръ, не помышляя ни о какихъ техническихъ недочетахъ, преспокойно ѣдетъ въ уютномъ купэ или салонѣ, сладко ѣстъ и пьетъ, сладко спитъ, просыпается въ Москвѣ, послѣ чего съ тѣмъ же комфортомъ ѣдетъ обратно. Всѣмъ распоряжается властный господинъ случай.

Распоряженіями этого сорта обезпечивается благополучное пассажирское движеніе на этой дорогѣ иначе трудно объяснить счастливый результатъ приключенія на 23-й верстѣ съ поѣздомъ № 41 девятаго августа. Намъ передавали, что при браковкѣ одного изъ багажныхъ вагоновъ истлѣвшее дерево легко было раздѣлить по кускамъ, захватываемымъ двумя пальцами, между которыми оно растиралось въ порошокъ. Вагонъ держался только цѣлостью желѣзной обшивки... Словомъ, вагонъ отслужилъ свою службу буквально до послѣднихъ силъ.

Другая причина, увеличивающая опасность движенія по всѣмъ поѣздамъ мѣстнаго сообщенія дорогъ, примыкающихъ къ Петербургу, это—чрезвычайная грязь на вагонахъ. Третій классъ изъ зеле-

наго обратился почти въ черный, второй,—изъ желтаго въ темнокоричневый, первый—не отличишь отъ третьяго. Если вспомнить, что такой-же слой грязи и пыли на тележкѣ вагона, на его движущихся частяхъ, то мое сужденіе объ опасности отъ этихъ нежелательныхъ наслоеній не покажется преувеличеннымъ. И все это потому, что нѣтъ времени мыть вагоны.., Пришелъ поѣздъ въ 10 ч. 10 м. изъ Любани, а въ половинѣ одиннадцатаго въ томъ-же составѣ отправляется въ Колпино.

Только г.г. инженеры не стѣсняются отсутствіемъ вагоновъ. Такъ напр., на участкѣ Тапсъ и Ревель Балтійской дороги ежедневно къ утреннимъ и вечернимъ поѣздамъ прицѣпляется вагонъ I класса для ревизора движенія этого участка, и въ вагонѣ этомъ, какъ намъ доподлинно извѣстно, г. инженеръ перевозитъ своихъ знакомыхъ дамъ. Пусть пассажиры тѣснятся въ проходахъ и на площадкахъ, хотя они и платили за билеты свои денежки! Зато дамы, имѣющія счастья быть знакомыми съ инженеромъ, ѣздятъ изъ Ревеля въ Тапсъ и обратно не только безплатно, но и съ комфортомъ. Если допустить на дорогѣ 6 участковъ и предположить, что начальники всѣхъ этихъ участковъ не менѣе изобрѣтательны, то выходитъ, что Балтійская дорога, вопреки всякимъ законамъ божескимъ и человѣческимъ, ежедневно отдаетъ во власть инженерамъ два превосходныхъ поѣзда, конечно, не съ испорченными вагонами. Дорогѣ съ такой незначительной провозоспособностью поистинѣ грѣшно позволять себѣ такія вольности. Вопятъ о пощадѣ даже начальники станцій...

Однако, не всегда мольба о пощадѣ заставляетъ начальство сжалиться. Вотъ одно изъ доказательствъ обратнаго, весьма, впрочемъ, курьезнаго свойства.

Приказомъ по Николаевской дорогѣ за № 152 объявлено, что по 1 февраля текущаго года изъ суммъ, поступившихъ отъ служащихъ на патріотическія пожертвованія— назначено въ Александровскій комитетъ о раненыхъ 24862 р. 83½ коп. Деньги эти, какъ своевременно въ комитетъ не внесенныя, перечислены въ депозиты управленія Николаевской дороги, и служащимъ былъ сдѣланъ запросъ,—куда пожелаютъ они направить эту сумму? Вотъ тутъ и возникло недоразумѣніе! Въ нѣкоторыхъ службахъ показали нѣсколько графъ, куда можно исключительно направить эти деньги, и одна изъ графъ носила странный заголовокъ: „на веденіе войны съ Японіей". Хотѣли-было служащіе направить эти деньги въ капиталъ сберегательной кассы — говорятъ: „не позволено". Такъ нѣкоторые, скрѣпя сердце, и поставили деньги свои въ графу только что мною названную. Прикажетъ начальство— приходится и войну поддерживать, давно прекращенную! .

Въ заключеніе своего бѣглаго обзора не могу не привести очень яркой иллюстраціи изъ жизни желѣзнодорожныхъ служащихъ: пусть она послужитъ послѣдней вѣхой на пути, по которому ковыляя шествуетъ желѣзнодорожный прогрессъ. Вѣха печальная, но и она полезна, подобно фонарю, что на шестѣ надъ топкой ямой грязи. Озаренная свѣтомъ гласности, она предостережетъ многихъ отъ опасности или хотя отъ перспективы замарать себя грязью.

Такъ какъ оповѣщеніе происходящаго уже попало на столбцы газетъ, то я назову кое-какія имена полностью, а дорога тѣмъ самымъ сама себя узнаетъ.

Одинъ маленькій служащій г. М. услышалъ отъ болѣе опытнаго служащаго г. А. (дѣло происходитъ въ службѣ сборовъ одного изъ петербургскихъ управленій) слѣдующій вопросъ:

— Желаете хорошо идти по службѣ?

— Кто же этого не желаетъ?.. Какая наивность!..

— Ну, такъ вотъ дайте взятку нашему Плинку.

— Возьметъ-ли онъ?...

— Сумѣйте дать. Вамъ надо купить золотые часы, ну, не дорогіе тамъ, открытые, рублей за пятьдесятъ, вотъ и все... Въ видѣ подарка. А тамъ ужъ я вамъ все устрою.

Сказано—сдѣлано. Г. М. беретъ ссуду и покупаетъ часы, передавая ихъ г. А., а тотъ уже отъ себя обѣщаетъ передать ихъ всемогущему г. Плинку.

Проходитъ время, достаточно для выясненія плодовъ сдѣлки. Ничего! Тогда г. А. говоритъ г. М-му:

— Знаете что?... Дайте еще сто рублей. Часовъ оказалось мало. Я уже вѣрно знаю, на себѣ испыталъ, а я, какъ видите, чудесно иду по службѣ...

— Да какъ же я передъ женой оправдаюсь такимъ расходомъ?—сказалъ озадаченный г. М.,—она и то меня ѣстъ за то, что я ссуду взялъ, не вѣритъ, что часы купилъ...

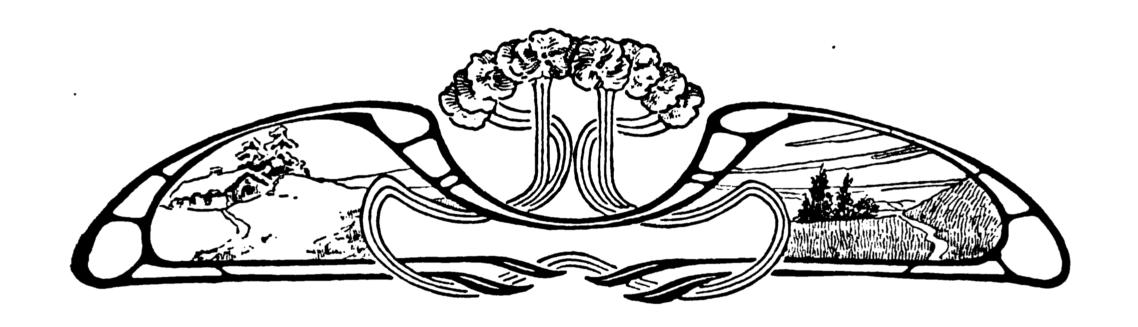
— Ахъ, Боже мой!.. Какіе пустяки!.. Въ такомъ случаѣ, я вамъ дамъ росписку...

Росписка дается по всѣмъ правиламъ, съ полнымъ обезпеченіемъ, кому часы и за что... Въ результатѣ г. М. отказался давать сто рублей, дѣло получило огласку и уже г. Гогинъ, начальникъ II отдѣла, помѣстилъ въ „Нашей Жизни" оправдательное письмо, ровно ничего не разъясняющее. Назначена для разслѣдованія коммиссія. Обнаружены уплата (систематическая, впродолженіе долгихъ лѣтъ) денегъ за вечернія занятія, которыхъ не существовало, взяточничество, вымогательство, словомъ, немало грязи. Хорошо, что печать заговорила объ этомъ фактѣ, и замолчать его уже не удастся.

Нуженъ, очень нуженъ очищающій пламень, чтобы смести все безсовѣстное, хулиганское, всѣ осколки, огрызки бюрократическаго произвола, которыми занеряшено огромное дѣло желѣзнодорожнаго хозяйства. Иначе трудно идти впередъ, а впередъ идти необходимо, и отставать теперь не годится.

Старый Пассажиръ.

Латышскiе поэты.

I. Райнисъ.

I.

На ясное небо восходитъ свѣтило.
Народу жрецы возвѣщаютъ уныло:
— На свѣтлое солнце опасность идетъ!—
И плачетъ довѣрчивый, темный народъ
За солнце, пресвѣтлое солнце.

— Да. Солнце поглотятъ враждебныя силы,
И въ тьму погрузится земля, какъ въ могилу...
Не лучше ль при тускломъ мерцаньи свѣчей
По сумрачнымъ кельямъ молиться жарчѣй
За солнце, пресвѣтлое солнце?—

— Не лучше-ль отчаянье въ сердцѣ посѣявъ,
Взывать, чтобъ смягчились сердца у злодѣевъ?
За то, чтобы солнца не смѣли скрывать,
Не лучше-ль покорность врагу обѣщать
За солнце, пресвѣтлое солнце?—

Ахъ, люди! жрецамъ въ перепугѣ не вѣрьте:
Пресвѣтлое солнце не вѣдаетъ смерти...
На время сокрыто сiянье вѣнца,
Чтобъ трепетнѣй бились людскiя сердца
За солнце, пресвѣтлое солнце.

II.

Подъ натискомъ бури упали тѣ сосны,
Что высились прежде у моря на дюнахъ...
Онѣ на востокъ жадный взоръ устремляли,
Не кланяясь бурямъ, не прячась стояли,
— Ты насъ повалила, враждебная буря,
Но станемъ мы снова бороться съ тобою...
Стенанья несемъ мы къ дали, насъ манящей;
Шумитъ въ каждой вѣтви гнѣвъ, сердце палящій...—
Могучія сосны, разбитыя бурей,
На волны морскія сошли кораблями.
И гордо вздымалась ихъ мощная грудь
Предъ бурей, къ дали преграждающей путь.
— Кидай свои волны, морская пучина,
Но все же достигнемъ мы царства отрады...
Пусть волны насъ хлещутъ, пусть буря насъ бьетъ,
Мы все же тамъ будемъ, гдѣ рдѣетъ восходъ!—

III.

...Тѣла ихъ украдкой въ могилу поклали
И накрѣпко землю кругомъ притоптали...
И скрыли навѣки-бы, если могли-бъ,
Нашъ цвѣтъ, что за будущность нашу погибъ.
Но развѣ исчезнетъ великая сила?
Нѣтъ! кто лишь коснется ихъ славной могилы,
Тотъ, духомъ могучимъ исполнясь, герой,
Хоть скованъ,—не скованъ, а кинется въ бой...
Когда онѣмѣютъ усталыя руки,
Припомните павшихъ безумныя муки;
Могилъ не забудьте, священныхъ могилъ,
Гдѣ столько положено доблестныхъ силъ.

Пер. И. Мордвинова.

— Если вы хотите имѣть дѣло съ честнымъ торгашемъ,—всегда заходите въ мою лавку, — сказалъ мнѣ Саметъ-Асанъ, отпуская стеариновую свѣчу въ бумагу, истрепанную и закапанную чернилами.

Розовыя щеки Асана при этомъ сдѣлались почти багровыми и вся мощная его фигура пропитана была самодовольствомъ и сознаніемъ, что торгашеская репутація фирмы Саметъ-Асана—внѣ всякаго сомнѣнія. Репутацію эту онъ оберегалъ ревниво; также ревниво относился къ своимъ покупателямъ, населившимъ одинъ изъ многолюдныхъ окраинныхъ кварталовъ города, и если кто изъ нихъ заходилъ въ лавку армянина, торговавшаго напротивъ, Асанъ не могъ воздержаться отъ упрека.

— Армянину, сосѣдъ, вѣришь больше. Русскій начальникъ и русская женщина армянину больше вѣрятъ.

Асанъ глубоко страдалъ отъ предпочтенія, оказываемаго армянину, какъ русскимъ начальникомъ, такъ и русской женщиной. но обиду свою онъ умѣлъ запрятать въ самый тайный уголокъ сердца. въ которомъ, правду сказать, разныхъ обидъ накопилось множество. Заискивающе—ласково, трогательно—нѣжно встрѣчалъ Асанъ измѣнившихъ ему покупателей и особенно покупательницъ, нѣжность къ которымъ у Асана достигала особеннаго напряженія. Онъ слегка загораживалъ дорогу „прекрасной русской дѣвушкѣ“ и жестами приглашалъ ее въ свою лавку. Такая политика Асана однажды чуть было не окончилась для него скверной исторіей. Онъ загородилъ путь дѣвушкѣ, которая истолковала это, какъ намѣреніе оскорбить ее, и забила тревогу. Собралась публика, въ дѣло вмѣшался студентъ-туземецъ, и Асанъ едва-едва ускользнулъ отъ протокола. Его спасло въ этомъ случаѣ бездѣйствіе „власти“: городовой, несмотря на энергичный зовъ студента, явился лишь тогда, когда въ немъ уже не было надобности. Когда публика разошлась, Асанъ замѣтилъ, какъ ядовито улыбался армянинъ-конкурентъ, и Асанъ рѣшилъ, что между этимъ армяниномъ и студентомъ, вмѣшавшимся въ исторію съ дѣвушкой, есть что-то общее.

— Христіане вездѣ враги! — рѣ-

шилъ Асанъ и затаилъ новую обиду въ сердцѣ своемъ.

Очень часто, въ тоскливомъ ожиданіи покупателей, Асанъ располагался на циновкѣ и вытягивалъ изъ своей груди тоскливые, унылые звуки, какъ будто въ лавкѣ рыдала душа человѣка, страдающаго отъ безнадежной любви по родинѣ, или изнывающаго въ тяжелой неволѣ, въ оковахъ, подъ гнетомъ безпросвѣтнаго рабства. Это былъ мотивъ для пѣсни, но не пѣснь, ибо словъ, готовыхъ для нея, не было у Асана и каждый разъ онъ что-нибудь импровизировалъ на этотъ мотивъ, очень часто свои личныя воспоминанія, полныя трагизма. Мотивъ этотъ знакомъ всѣмъ, жившимъ въ Закавказьѣ. Его можно услышать среди пирующихъ бековъ, среди путешествующихъ, работающихъ или праздносидящихъ мусульманъ; его можно услышать въ городѣ, въ деревнѣ, въ полѣ, около хитро расписанной скрипучей арбы, на пароходѣ, на желѣзной дорогѣ.

Вотъ вырвались и понеслись изъ груди Асана дребезжащіеся, качающіеся звуки: онъ вспоминаетъ себя мальчикомъ. Онъ—въ школѣ, подъ руководствомъ мудраго Муллы изучаетъ коранъ. Въ небольшой комнаткѣ столпились ученики около лежащаго на полу мальчика, и этотъ мальчикъ—Асанъ. Ноги его привязаны къ палкѣ, которую держатъ два товарища. Мулла гибкою тростью наноситъ по пяткамъ Асана ударъ за ударомъ. Невыносимую боль испытываетъ мальчикъ, но его сердце ожесточено, онъ часто участвовалъ въ подобныхъ сценахъ наказанія, и Мулла не услышитъ отъ него ни единаго звука. Ай, давно это было! Ай, давно это было! поетъ Асанъ. Гдѣ этотъ мудрый Мулла, гдѣ его гибкая, злая трость! по чьимъ пяткамъ гуляетъ она? Ай, мудрый Мулла! Ай, живи, живи, мудрый Мулла!—Асанъ вдругъ вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, прикладываетъ къ лѣвой щекѣ изогнутую ковшемъ руку, и вотъ вырвался и понесся изъ подъ нея стонъ, это персидскіе чиновники выколачиваютъ изъ Асана подати; ему угрожаютъ пытками, но Асанъ умоляетъ чиновниковъ потерпѣть на немъ недоимки; онъ пойдетъ въ большой-большой городъ и тамъ заработаетъ деньги. Вотъ онъ пробирается на берегъ Каспійскаго моря и попадаетъ на персидское парусное судно, которое пойдетъ въ этотъ городъ, откуда земляки Асана возвращаются съ большими деньгами море страшное, но судно не боится его; оно большое, трехмачтовое. Вотъ оно вышло въ море страшное, негостепріимное. Въ пути его встрѣчаетъ сильный вѣтеръ, онъ треплетъ судно, какъ щепку, и судно погибаетъ. Асана спасли рыбаки. Онъ благодаритъ Аллаха, — и вмѣсто ноющихъ, тоскливыхъ нотъ въ напѣвъ его врываются звуки человѣка, впавшаго въ религіозный экстазъ.

На рыбныхъ промыслахъ Саметъ Асанъ быстро поправился.

И когда онъ первый разъ укрѣпилъ къ неводу свою лямку, остальные рабочіе почувствовали, что движеніе невода сдѣлалось легче, свободнѣе. Напрягая свои уже изношенныя и истерзанныя силы, рабочіе, глядя на энергію новаго пришельца, думали, что вотъ, если-бы они были такими свѣжими, какъ этотъ широкоплечій „азіатъ", то не роптали бы на то, что законъ не дозволяетъ имѣть на одну неводную тягу рабочихъ болѣе того, чѣмъ допускается это по правиламъ рыболовства. Асанъ, натянувъ лямку, приникалъ лицомъ къ неводу, и изъ его здоровой груди вырывались и неслись глухіе, монотонные звуки, которые гудѣли и расплывались въ сосѣднихъ камышахъ, и рабочимъ дѣлалось отъ этого тоскливо на душѣ.

Вскорѣ Асанъ такъ освоился съ новой работой, что, казалось, она превратилась для него въ главный нервъ его жизни; безъ нея онъ безпомощно бродилъ по берегу, или,

сидя на ожившей подъ вліяніемъ осеннихъ дождей травѣ, безцѣльно глядѣлъ на грязножелтую муть рѣки, напоминавшей гороховый супъ. Какъ только возобновлялась тяга, Асанъ прирасталъ къ неводу, и тогда его изогнутая фигура съ туго натянутой лямкой и цѣпкими руками годилась бы для символизаціи упорнаго, безропотнаго, всепобѣждающаго труда. Несмотря на осенній холодъ, Асанъ рѣдко надѣвалъ большіе кожанные сапоги. Рабочіе приняли его сперва враждебно. Они подвергали издѣвательству его національность, и только лишь промысловыя бабы разсматривали Асана съ любопытствомъ, и подъ взглядомъ ихъ онъ еще сильнѣе тянулъ лямку, и однообразный напѣвъ его звучалъ тогда тверже, гуще.

Энергія и трудъ этого пришельца обезцѣнивали въ глазахъ промышленника значеніе работы остальныхъ рабочихъ. „Азіатъ" — одно слово!—ругали его за это товарищи. — Нешто это—человѣкъ! Такъ — дьяволишко какой-то! Запряги его въ телѣгу—на край свѣта потащитъ.

Промысловая интеллигенція (приказчики, конторщики) покатывалась со смѣху, слушая эти отзывы рабочихъ объ Асанѣ.

Вскорѣ, однако, враждебность рабочихъ смѣнилась равнодушіемъ. Они убѣдились, что „азіатъ", охотно дѣлившійся съ ними табакомъ, такой-же человѣкъ, какъ они, лишь болѣе обезличенный и менѣе способный къ какому-либо протесту. Мѣстная Мессалина Гапочка нашла Саметъ-Асана настолько интереснымъ, что рѣшилась, ради него, измѣнить кудрявому приказчику, который возненавидѣлъ за это Асана и вредилъ ему, какъ могъ.

Вспоминая ласки русской женщины, Асанъ веселѣетъ душою и учащаетъ ритмъ своего напѣва.

Послѣ работы Асанъ вмѣстѣ съ другими рабочими шелъ въ теплушку и сушилъ тамъ промокшую, насыщенную водою и слизью рыбы, одежду. Покуривая крѣпкій табакъ, онъ тупо и безразлично смотрѣлъ на очагъ, гдѣ на форсункѣ вспыхивалъ и горѣлъ грязнооранжевымъ цвѣтомъ мазутъ. Вся теплушка была наполнена густыми хлопьями мазутной копоти, которая, какъ черный снѣгъ, падала на все: на стѣны, на нары, на одежду. Нахлобучивъ на голову мѣховую, баранью шапку, „азіатъ" крѣпко засыпалъ.

Задолго до окончанія лова Асанъ узналъ, что на сосѣднемъ промыслѣ работало нѣсколько его соплеменниковъ. Одинъ изъ нихъ сталъ усиленно звать его въ тотъ городъ, въ который раньше такъ стремился Асанъ. Онъ поддался искушенію и взялъ разсчетъ. Аккуратно зашивъ деньги въ толстую бумазейную рубаху, потерявшую свой первоначальный цвѣтъ, Асанъ сѣлъ на берегу, покуривая въ ожиданіи кого-то свою трубку.

Съ рѣки ползъ сѣрый, какъ просѣянный дымъ, туманъ. Вотъ изъ клубящихся его нитей донесся знакомый Асану напѣвъ,—и къ берегу подошла лодка, въ которой сидѣлъ человѣкъ, совершенно похожій на Асана. Асанъ вбродъ добрался до лодки, и, подтягивая другъ другу, эти два человѣка, мало-по-малу, исчезли въ туманѣ, откуда еще короткое время вырывался этотъ напѣвъ и несся на рабочихъ, оставшихся на берегу, какъ гимнъ безропотности и покорности.

Послѣ ухода этого человѣка рабочимъ казалось, что неводъ не идетъ такъ плавно, какъ прежде, и опять у нихъ зашевелился ропотъ въ душѣ на неумолимый и безстрастный законъ, который не считается ни съ физическою дряблостью, ни съ духовнымъ безсиліемъ, но ропотъ теперь былъ сильнѣе и тверже, точно люди эти обрадовались, что предъ ними нѣтъ укора въ лицѣ „азіата", выдресированнаго на родинѣ къ безропотной покорности и спокойно сносившаго и тяжесть закона и гнетъ всей промысловой жизни.

. . . .
. . . .

Громадный городъ встрѣтилъ Асана очень скверно. Здѣсь онъ попалъ въ ряды людей, которыхъ называютъ презрительной кличкой „амшара“. Асанъ надѣлъ на себя ярмо амбала (носильщика), съ которыми въ этомъ городѣ обращались, какъ съ вьючными животными. Люди эти много терпѣли отъ жестокости, пользующейся здѣсь, какъ и всюду, большимъ почетомъ.

Несомнѣнно, будущій историкъ отмѣтитъ наше время, какъ эпоху господства жестокосердія. Богъ жестокосердія побѣдоносно шествуетъ впередъ. Цивилизованные народы прогрессивно воспитываютъ въ себѣ жестокость. Существуютъ общества, занятыя соперничествомъ въ истребленіи животныхъ; издаются даже спеціальные журналы, проповѣдующіе разные способы и пріемы для истребленія животныхъ; существуетъ особая наука, какъ убивать людей, которой заняты образованные военные люди. Жестокосердіе сдѣлалось однимъ изъ рычаговъ семейнаго режима. Дѣти въ такой семьѣ изо дня въ день слышатъ дикіе возгласы: „убью, расшибу“ и сердца ихъ грубѣютъ отъ постепенно развивающейся жестокости.

Въ этомъ же городѣ жестокость поддерживалась еще и первобытной дикостью, и отъ нея не свободны были даже женщины.

Асанъ вспоминаетъ, какъ онъ первый разъ взвалилъ на свои плечи по порученію женщины громадный куль муки. Съ страшно вытянутой шеей, мѣднокрасная кожа которой вытягивалась сильными мышцами, несъ онъ этотъ куль. Сзади шла женщина и понукивала его, какъ осла. Пока Асанъ шелъ по ровной мѣстности, онъ, благодаря своей силѣ, легко справлялся съ ношей, но вотъ на длинномъ пути встрѣтилось препятствіе, которыя въ этомъ городѣ попадаются очень часто: нужно было подняться на гору, куда и съ пустыми руками люди подымаются съ трудомъ. Асанъ не выдержалъ и свалилъ съ себя тяжесть. Это возмутило женщину, и она ударами кулака вновь заставила Асана взяться за ношу. И эту обиду затаилъ въ своей душѣ Асанъ.

Окончивъ работу, Асанъ считалъ выручку и, если средства позволяли, шелъ въ харчевню. Харчевни эти состояли изъ одного лишь очага, сложеннаго на открытомъ воздухѣ. На очагѣ въ большихъ жаровняхъ кипѣли въ салѣ куски баранины. Посѣтители харчевни располагались кругомъ очага, и надъ ними свободно проносилась пыль съ улицъ, загрязняя пищу, но невзыскательные амбалы, питающіеся въ теченіе многихъ дней кускомъ бѣлаго хлѣба, нѣсколькими крупинками сыра, да двумя-тремя ягодами мелкаго изюма, не отличаются особой привередливостью.

Въ жизни этого города было много подлаго, грязнаго, порочнаго и преступнаго. Саметъ - Асанъ мало-помалу познакомился со многими вещами, о которыхъ онъ не имѣлъ до этого времени никакого представленія.

Однажды два человѣка наняли Асана разобрать трубы, проложенныя на нефтяной заводъ. Во время работы нагрянула полиція, которая избила Асана до полусмерти. Оказалось, что подобную работу продѣлываютъ здѣсь мошенники, съ цѣлью хищенія трубъ. Другой разъ, мѣстный домовладѣлецъ нанялъ Асана очищать мусоръ со двора, и когда Асанъ разбрасывалъ соръ на вѣтеръ, который яростными порывами уносилъ соръ далеко отъ дома, опять нагрянула полиція, и опять Асанъ былъ избитъ. Оказалось, что нѣкоторые остроумные довладѣльцы, чтобы избѣжать расходовъ по очисткѣ мусора, придумали использовать для этого силу вѣтра. Въ теченіе долгаго времени они собираютъ мусоръ и, какъ только подуетъ вѣтеръ, разбрасываютъ его. Бумажки, тряпки, мелкія стружки вертятся въ воздухѣ.

и мчатся на городъ со стремительною силою.

Какъ-то разъ къ Асану подошла женщина, закутанная въ дорогую чадру. Она дала ему ребенка и указала адресъ, куда этого ребенка слѣдуетъ отнести. Асанъ принесъ ребенка къ большому, трехъэтажному дому, напоминавшему издали гигантскій фонарь. Въ тѣни этого дома расположились женщины съ дѣтьми. Здѣсь не было слышно дѣтскаго веселаго лепета, ни на одномъ дѣтскомъ личикѣ нельзя было подмѣтить жизнерадостной улыбки. Это были дѣти полнаго одиночества. Нѣкоторыя сидѣли въ колясочкахъ, спящіе, въ сидячемъ положеніи, или опрокинувшись навзничъ. Асанъ видѣлъ, какъ въ глазахъ одного спящаго ребенка копошились мухи, и некому было ихъ согнать, такъ какъ женщины увлеклись разговорами. Около колясочки, въ которой лежалъ какой-то дѣтскій призракъ—жертва худосочія и небрежнаго ухода, стояла нянька и каждый разъ, какъ только призракъ подавалъ слабый голосъ, она катала коляску взадъ и впередъ и до одури закачивала ребенка. На тѣлѣ дѣтей были замѣтны знаки насѣкомыхъ. Нѣкоторыя изъ болѣе взрослыхъ дѣтей ползали по холму и, перебирая попадавшіеся грязные камешки, пробовали ихъ жевать. Асану указали, куда нужно отдать ребенка, но такъ какъ онъ не могъ опредѣленно сказать, гдѣ, откуда и для какой цѣли онъ принесъ ребенка, Асана опять поволокли въ полицію, гдѣ ему сдѣлали практикующееся тамъ внушеніе, и гдѣ Асанъ узналъ, что домъ этотъ пріютъ, куда упрятываютъ люди жертвы своихъ увлеченій. заставляя чужихъ матерей выкармливать и выращивать эти жертвы.

Одно обстоятельство, повліявшее на дальнѣйшую карьеру Асана, довело его до тюрьмы.

Ежедневно систематически на грузовой станціи этого города совершались кражи керосина, — и вся мѣстность станціи, гдѣ помѣщались нефтехранилища, служила ареною грабежей и разбоя.

Обыкновенно на разсвѣтѣ, когда ослабѣвала бдительность стражи, шайки воровъ въ 30—40 человѣкъ съ ведрами, съ кувшинами, съ банками, съ громадными желѣзными бутылями являются сюда и производятъ хищенія керосина даже на ходу поѣзда, во время ночныхъ маневровъ. Керосинъ, добытый такимъ путемъ, питаетъ часть города. Его разносятъ и даже развозятъ по городу сотнями пудовъ. Такимъ воровскимъ промысломъ существуетъ часть бѣднѣйшаго населенія. Случается, что охранная стража вступаетъ въ перестрѣлку съ грабителями, но это не уменьшаетъ размѣровъ грабежа. Вообще грабежи и хищенія на станціи происходятъ чуть ли не каждый день. Асанъ участвовалъ въ такомъ грабежѣ по найму, былъ пойманъ и посаженъ въ тюрьму.

Это такъ повліяло на Асана, что онъ разстался и съ этимъ дѣломъ и занялся торговлей, которую повелъ очень удачно . . . .

. . . .

Въ лавку Асана вошелъ покупатель и прервалъ его воспоминанія.

— Фунтъ халвы!

— Съ большимъ удовольствіемъ.

И Асанъ отпустилъ халву въ такую же бумагу, въ какую отпускалъ стеариновыя свѣчи.

— Коробку сардинокъ!

— Сардинокъ нѣтъ! — виновато говоритъ Асанъ и, вспомнивъ, что у конкуррента—армянина, навѣрное, найдутся сардинки, прибавляетъ съ увѣренностью, — здѣсь ни у кого нѣтъ.

Но покупатель идетъ къ армянину и, получивъ коробку сардинокъ, замѣчаетъ:—а вотъ Асанъ утверждалъ, что здѣсь ни у кого сардинокъ нѣтъ. Этакій плутъ!

— Ты зачѣмъ покупателей отбиваешь?—закричалъ армянинъ Асану.

— Я ничего не говорилъ! — сол-

галъ Асанъ, и отъ лжи ему сдѣлалось досадно до злости, которая зажала у него ненависть къ этому человѣку, заставившему его солгать. Какъ на зло вернулся покупатель и сказалъ:

— Ты, Асанъ, хвастаешь, что самый честный торгашъ, а вмѣсто халвы отпустилъ какую-то замазку. Видно, среди вашего брата честнаго то и днемъ съ огнемъ не отыщешь.

Въ Асанѣ зашевелилась злоба. Онъ нагло посмотрѣлъ на покупателя.

— Зря говоришь. Говори, человѣкъ, правду. Нельзя зря. Хорошій человѣкъ будешь!

Послѣ этого, повидимому, незначительнаго происшествія весь окрайный закоулокъ большого города сталъ поговаривать о томъ, что лавочникъ Асанъ поддѣлываетъ халву, отпускаетъ товаръ, не довѣшивая, въ сдачу норовитъ „всучить" фальшивую монету, нахально пристаетъ къ женщинамъ, дѣвушкамъ и даже къ мальчикамъ и многое другое стали говорить объ Асанѣ. Это подорвало его репутацію, и нѣкоторые постоянные покупатели Асана окончательно перешли на сторону армянина.

Это ли или другія какія-либо торговыя комбинаціи подняли торговлю армянина, и онъ расширилъ свою лавку, нанялъ приказчика. Самъ сталъ носить модную шляпу, бѣлоснѣжные воротнички и изящную дорогую трость.

Асанъ чувствовалъ себя не только на краю банкротства, но и опозореннымъ. Видя передъ собою торжествующаго конкурента, который, какъ думалъ Асанъ, использовалъ простоту и добродушіе Асана, какъ могъ, и своими интригами подорвалъ его репутацію, какъ купца, Асанъ, мало-по-малу, озлоблялъ свое сердце, и его голову стали одолѣвать мучительныя, тревожныя безпокойныя мысли, и не могли ихъ разсѣять ни продолжительныя бесѣды съ Муллой, ни пляски женоподобныхъ мальчиковъ, ни конныя ристалища, устраиваемыя его соплеменниками, лихо гарцовавшими передъ лавкой Асана на рѣзвыхъ скакунахъ.

Саметъ-Асанъ равнодушно смотрѣлъ на все это, и міръ сдѣлался для него незначительнымъ, люди — не сознающими чего-то главнаго и важнаго, чѣмъ полна была теперь душа Асана.

Какъ-то присутствуя на судѣ въ качествѣ свидѣтеля, по дѣлу своего товарища, обвиненнаго въ убійствѣ, Саметъ-Асанъ слышалъ рѣчь защитника и теперь, вспоминая эту рѣчь, хотя и мало ему понятную, онъ находилъ, что этотъ человѣкъ могъ бы понять его.

„Надо замѣтить, — говорилъ защитникъ, — что большая часть преступленій совершается въ Закавказьѣ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ темныхъ, грубыхъ нравовъ и сильно развитаго чувства мести. Отмщеніе врагу для многихъ туземныхъ племенъ является глубоко вкоренившимся обычаемъ, своего рода догматомъ, священною обязанностью, невыполненіе которой покрываетъ позоромъ не только отдѣльную личность, но даже всю его семью и весь его родъ.

„При такихъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ мстительность среди туземцевъ получила самое широкое развитіе и выражается въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ. Не ограничиваясь наиболѣе распространенными способами отмщенія въ видѣ различныхъ покушеній противъ личности (убійствъ, пораненій и увѣченій), туземецъ мститъ своему врагу также и путемъ разрушенія его благосостоянія (поджогами, угономъ скота и пр.), покушеніемъ на честь и доброе имя. Борьба съ этимъ зломъ, пустившимъ глубокіе корни въ общемъ строѣ мѣстной жизни, крайне затруднительна, и для достиженія положительныхъ результатовъ необходимо широкое распространеніе просвѣщенія и гражданственности, нравственное развитіе,

смягчающее нравы. Для того, конечно, потребны многіе годы, настойчивая воспитательная забота.

„Такая характерная особенность мѣстнаго населенія. въ связи со свойственнымъ южнымъ народамъ горячимъ темпераментомъ, приводятъ меня къ заключенію, съ которымъ, я надѣюсь, согласятся и господа судьи, что подсудимый заслуживаетъ оправданія“.

И вотъ теперь Асанъ, припоминая слова защитника, чувствуетъ себя въ положеніи человѣка, которому суждено совершить великое и важное дѣло отмщенья, и это такъ захватило его, что даже преданные ему покупатели, не обращавшіе вниманія на дурную славу о купцѣ Асанѣ, не могли развлечь его, и когда эти люди, такъ желанные прежде, заходили въ его лавку, торговались и расцѣнивали качество товаровъ, Асанъ думалъ одну думу:

— Все это — дешевле хорошаго выстрѣла по врагу!

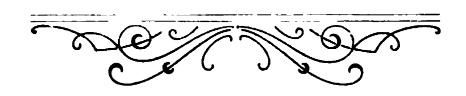
Наконецъ, однажды Саметъ-Асанъ нѣжно и внимательно осмотрѣлъ револьверъ, заряженный полностью, и ушелъ, оставивъ все. Ушелъ, чтобы подстеречь того, кто до сихъ поръ оставался ненаказаннымъ по безсилію и трусости Асана. Асанъ не зналъ иного выхода изъ своего положенія, кромѣ отмщенья, и всякое уклоненіе отъ него признавалъ безсиліемъ и трусостью, нарушеніемъ долга, кладущимъ несмываемое пятно на него, на его семью и на весь родъ его. И если-бы кто-нибудь, узнавъ о тайномъ замыслѣ Асана, пришелъ и сказалъ ему, что врага нужно простить, нужно побѣдить его любовью, онъ призналъ бы такого человѣка искусителемъ. шайтаномъ. Нѣтъ, не для того Аллахъ пощадилъ жизнь Асана на морѣ, чтобы онъ могъ нарушить обычай предковъ.

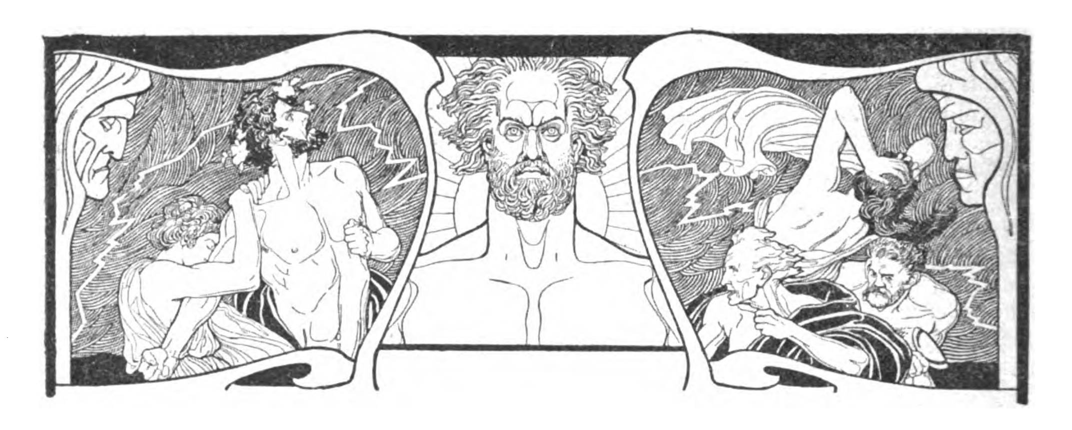
Когда Асанъ свернулъ въ грязную, узкую улицу, онъ увидѣлъ того, кто своею смертью долженъ былъ снять позоръ съ Асана. Асанъ трясся отъ радости, но онъ не сказалъ врагу: „готовься“, а выждалъ, когда врагъ тотъ повернулся къ нему спиною, и тогда трепещущей рукой послалъ вслѣдъ выстрѣлъ.

Подкошенный пулей мѣткой, предательской и смертельной, грохнулся врагъ на тротуаръ,—и легко стало Асану, но ненадолго.

Увидя бездыханнаго врага, онъ вдругъ почувствовалъ, что то, что совершилъ онъ, не такъ важно, какъ оно ему казалось все время, что это страшное, злое дѣло, и оно такъ ошеломило его, что Асанъ даже не пытался скрыться. И когда его арестовали, взяли и повели въ тюрьму, гдѣ не видно ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, передъ Асаномъ поднялась темная завѣса изъ мрачныхъ думъ, на грозномъ фонѣ которой пятнѣлся окровавленный обликъ его врага. И не было теперь у Асана ни яснаго отвѣта, ни твердой увѣренности въ правотѣ его дѣла,—и только иногда сумракъ его думъ, какъ лучъ надежды, прорѣзывали слова адвоката, слышаннаго Асаномъ когда то на судѣ...

П. Ленкоранго.

Выводы и проблемы ученія о размноженіи и наслѣдственности.

Рѣчь, произнесенная въ интернаціональномъ конгрессѣ искусства и науки въ С. Луи (Соед. Шт. Амер.) въ сентябрѣ 1904 г. **Оскаромъ Гертвигомъ.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Е. Т.**

Проблема развитія животнаго міра едва ли не болѣе всѣхъ другихъ занимаетъ умъ естествоизслѣдователя со времени величайшихъ мудрецовъ Греціи и до нашихъ дней, доставляя ему въ то же время въ теченіе долгихъ столѣтій множество трудностей, казавшихся непреодолимыми человѣческимъ силамъ. Особенно это касается таинственной проблемы размноженія. Отсутствіе дѣйствительнаго познанія, котораго старые анатомы не въ состояніи были добыть несовершенными пособіями и методами прежнихъ столѣтій, они старались возмѣстить гипотезами, не имѣвшими, большей частью, никакой продолжительной цѣнности и размножавшимися съ поразительной быстротой, такъ что къ концу 17-го столѣтія ихъ насчитывалось уже болѣе 300. Поэтому, когда знаменитый физіологъ *Галлеръ* въ своемъ объемистомъ руководствѣ къ изученію физіологіи, въ которомъ онъ сдѣлалъ сводку работъ многихъ столѣтій, достигъ главы о размноженіи, онъ началъ ее съ совершенно справедливой тогда жалобы: Ingratissimum opus, scribere de iis, quae multis a natura circumiectis tenebris velata, sensum luci inaccessa, hominum agitantur opinionibus („все покрыто мракомъ").

Только 19 вѣку, вѣку естественныхъ наукъ, суждено было заложить прочный научный фундаментъ для ученія о размноженіи, какъ и для многихъ другихъ отраслей естествознанія. Съ тѣхъ поръ между прошлымъ и настоящимъ произошелъ такой огромный переворотъ, что еслибъ Галлеру, перенесенному въ наши дни, снова пришлось бы писать главу о размноженіи, онъ бы назвалъ ее, навѣрное, въ противоположность къ 1746 году Opus gratissimum („благодарнымъ дѣломъ").

И не благодарная ли это, на самомъ дѣлѣ, задача прослѣдить, какъ въ области, слывшей много столѣтій подрядъ одной изъ наиболѣе таинственныхъ и загадочныхъ, сталъ постепенно все ярче пробиваться свѣточъ науки, и какъ на пути съ успѣхомъ проложенному на впервые

добытой истинѣ стали съ необходимостью и закономѣрностью накапливаться новыя познанія! Поэтому я могу, вѣроятно, разсчитывать на всеобщее вниманіе, если постараюсь дать общій обзоръ результатовъ и проблемъ современнаго ученія о развитии въ области размноженія.

Тема эта соотвѣтствуетъ въ то же время общей программѣ, выработанной нашимъ конгрессомъ. Цѣль ея заключается, вѣдь, въ томъ, чтобы блестящимъ цикломъ рефератовъ, проходящимъ передъ нами, засвидѣтельствовать неразрывную связь всѣхъ отраслей науки между собой. Наша тема намъ покажетъ шагъ за шагомъ, какъ ботаники и зоологи, анатомы и физіологи, изслѣдуя въ области размноженія всеобщія, основныя истины своихъ спеціальныхъ наукъ, тѣмъ самымъ работаютъ другъ другу на руку; какъ каждый успѣхъ одного является непосредственно пригоднымъ другому и, какъ, въ дѣйствительности, существуетъ только одна великая наука жизни, біологія, изслѣдованію которой служатъ отдѣльныя области, въ которыхъ мы съ различныхъ исходныхъ пунктовъ разыскиваемъ золото истины. И въ дальнѣйшей связи еще мы увидимъ какъ опять-таки развитіе біологии въ болѣе, чѣмъ одномъ направленіи, обусловлено развитіемъ остальныхъ наукъ, главнымъ образомъ, физики и химіи и представляетъ, слѣдовательно, неотъемлемый членъ въ закономѣрномъ развитии великаго древа естественныхъ наукъ. Не явились ли, чтобы тотчасъ же привести убѣдительный примѣръ этой необходимой связи,—величайшія открытія, сдѣланныя біологіей въ теченіе 100 лѣтъ, по большей части, при помощи открытій въ области физики, путемъ успѣховъ физической оптики и связанной съ ней техники, давшей намъ въ сложномъ микроскопѣ, доведенномъ трудами Аббе до высшаго совершенства, чудесный инструментъ, приспособленный къ тому, чтобы охватить при посредствѣ его быстрымъ побѣднымъ ходомъ новый міръ мельчайшихъ жизненныхъ величинъ? Великаго расцвѣта достигаетъ эмбріологическое изслѣдованіе особенно съ того момента, какъ философское познаніе установило, что животныя построены изъ мельчайшихъ жизненныхъ единицъ, клѣтокъ, и представляютъ собой также ни что иное, какъ государства соціально-связанныхъ, безчисленныхъ элементарныхъ организмовъ. Толчкомъ къ этому новому познанію эмбріологія обязана изученію анатоміи растеній, обоснованному *Шлейденомъ* ученію о строеніи и происхожденіи растеній изъ клѣтокъ, такъ какъ, опираясь на Шлейдена, *Шваннъ* и животный организмъ поставилъ въ зависимость отъ господства теоріи клѣтокъ.

Съ этого именно времени ученіе о зарожденіи получаетъ свою первую научную основу. Исходный пунктъ жизни, само яйцо, есть ни что иное какъ клѣтка, что въ видѣ предположенія уже высказано было Шванномъ. Также сѣмянныя нити, разсматривавшіяся еще во время Іоанна Мюллера въ видѣ паразитическихъ организмовъ сѣмянной жидкости, похожихъ на инфузорій, были скоро объявлены *Келльнеромъ* животными элементарными частями, такъ какъ онѣ происходятъ изъ клѣтокъ. Итакъ, организмъ производитъ новые себѣ подобные индивидуумы тѣмъ, что изъ общей суммы выдѣляются отдѣльныя клѣтки въ видѣ половыхъ продуктовъ и начинаютъ вести самостоятельную жизнь въ новомъ процессѣ развитія.

Въ то время, какъ до сихъ поръ толчокъ къ прогрессу давала ботаника, теперь, наоборотъ, животная эмбріологія въ ученіи о размноженіи начинаетъ оказывать обратное плодотворное воздѣйствіе на ботанику. Эмбріологу обязательно напрашивается вопросъ: почему яйцо

должно подвергнуться вліянію сѣмени для того, чтобы изъ него могло развиться молодое существо? Почему оно должно, отвлекшись отъ рѣдкихъ случаевъ дѣвственнаго размноженія, быть оплодотворяемымъ? Вопросъ этотъ все время оставался проблемой, настойчиво требовавшей разрѣшенія. Въ общемъ, обстоятельство это объясняли такимъ образомъ, что яйцо, для того чтобы начать свое развитіе и для того чтобы раздѣлиться, нуждается во внѣшнемъ побужденіи, и что этотъ толчокъ къ развитію исходитъ или изъ сѣменной жидкости или изъ сѣменной нити и представляетъ собой химическій процессъ.

Нѣкоторые изслѣдователи, пытавшіеся наблюдать на подходящихъ объектахъ оплодотвореніе подъ микроскопомъ, считали себя въ состояніи установить, что изъ многочисленныхъ сѣменныхъ нитей, приближающихся къ яйцу, нѣкоторыя проникаютъ внутрь, разлагаются и, смѣшавшись съ желткомъ, образуютъ оплодотворяющій факторъ. Одно время вопросъ о проникновеніи сѣменныхъ нитей въ яйцо сталъ жгучимъ злободневнымъ вопросомъ въ наукѣ.

Какое огромное значеніе придавали въ періодъ времени отъ 1850—1855 года наблюденію надъ сѣменной нитью внутри оболочки желтка, ясно видно изъ того, что Барри, такъ же, какъ и Нельсонъ, Кеберъ и Мейснеръ каждый разъ созывали коллегію профессоровъ и докторовъ, чтобы познакомить ихъ съ результатами изслѣдованія и воспользоваться ихъ свидѣтельскими показаніями.

Состояніе науки объ оплодотвореніи до 1875 г. *Вундтъ* обрисовываетъ въ своемъ учебникѣ физіологіи слѣдующими строками: „Существеннымъ условіемъ оплодотворенія, весьма вѣроятно, является проникновеніе сѣменныхъ тѣлецъ въ содержимое яйца, что могло быть доказано на различныхъ классахъ позвоночныхъ животныхъ. Послѣ проникновенія сѣменныхъ тѣлецъ въ яйцо, они очень быстро теряютъ свою подвижность и растворяются въ желткѣ. Какой-либо теоріи или какимъ-либо образомъ обоснованной гипотезой о характерѣ явленій, путемъ которыхъ сѣменные элементы послѣ проникновенія ихъ въ желтокъ вызываютъ въ немъ процессъ развитія, мы не обладаемъ“.

Съ 1875 года ученіе о размноженіи вступило въ новую стадію развитія. Мнѣ тогда посчастливилось во время продолжительной экскурсіи у бухты Виллафранка [1]) открыть болѣе точный ходъ оплодотворенія на чрезвычайно благопріятномъ объектѣ, яйцѣ обыкновеннаго морскаго ежа, Toxopneustes livadus. Такъ какъ у морского ежа полы раздѣлены, и такъ какъ яйца, которыя можно находить въ теченіе почти круглаго года въ зрѣломъ видѣ, очень малы и прозрачны, то представляется очень легкимъ воспроизвести искусственное оплодотвореніе на носителѣ объекта и подъ микроскопомъ. Совершенная прозрачность яйца позволяетъ и при самомъ сильномъ увеличеніи даже мельчайшія явленія узнавать во вре-

[1]) Мои изслѣдованія о первыхъ явленіяхъ развитія въ яйцѣ морского ежа я началъ въ Пасху 1875 года въ Аяччіо, гдѣ я изучалъ, главнымъ образомъ, превращеніе зародышеваго пузырька и ядра при дѣленіи яйца; но тогда мнѣ не удавалось наблюдать процессъ оплодотворенія, хотя мое вниманіе было устремлено также на него. Успѣхъ я имѣлъ только тогда, когда я изъ Корсики вмѣстѣ съ братомъ моимъ, занимавшимся изученіемъ радіолярій, отправился на много недѣль въ Виллафранку и тамъ терпѣливо продолжалъ свои изслѣдованія. Если поэтому *Бельше* въ первомъ томѣ собранія сочиненій: „Männer der Zeit“ (стр. 228) пишетъ: „Оскаръ Гертвигъ сдѣлалъ въ Аяччіо открытія объ актѣ оплодотворенія у морскихъ ежей, которыя составятъ поворотный пунктъ въ исторіи нашего познанія о половомъ актѣ размноженія (одной изъ величайшихъ мистерій во всей природѣ) вплоть до отдаленныхъ временъ“, то здѣсь указаніе мѣста Аяччіо должно быть замѣнено Виллафранка.

мя жизни. На консервированномъ матеріалѣ уже добытое можетъ быть контролируемо и въ нѣкоторыхъ деталяхъ еще точнѣе прослѣжено.

Такимъ образомъ, мнѣ такъ же, какъ и безчисленнымъ изслѣдователямъ, занявшимся съ тѣхъ поръ наблюденіями надъ яйцомъ иглокожихъ животныхъ, удалось одинаковымъ образомъ объяснить сущность процесса оплодотворенія и установить слѣдующее.—(Схема 1).

Изъ многочисленныхъ сѣменныхъ нитей, приближающихся при смѣшеніи половыхъ продуктовъ посредствомъ колеблющагося движенія ихъ конечной нити къ яйцеклѣткѣ, въ нее проникаетъ, пока она остается нормальной и жизнедѣятельной, только одна единственная (фиг. 1 k + m). Мѣсто вступленія замѣтно въ видѣ маленькаго коническаго отростка, бугорка воспріятія (e), которой яйцевая корка протягиваетъ по направленію къ наиболѣе приблизившейся сѣменной нити. Другимъ же доступъ тотчасъ же преграждается тѣмъ, что яйцо выдѣляетъ кругомъ себя какъ бы для защиты, тонкую, но непроницаемую оболочку, Membrana vitellina (фиг. 2 dh) [1]).

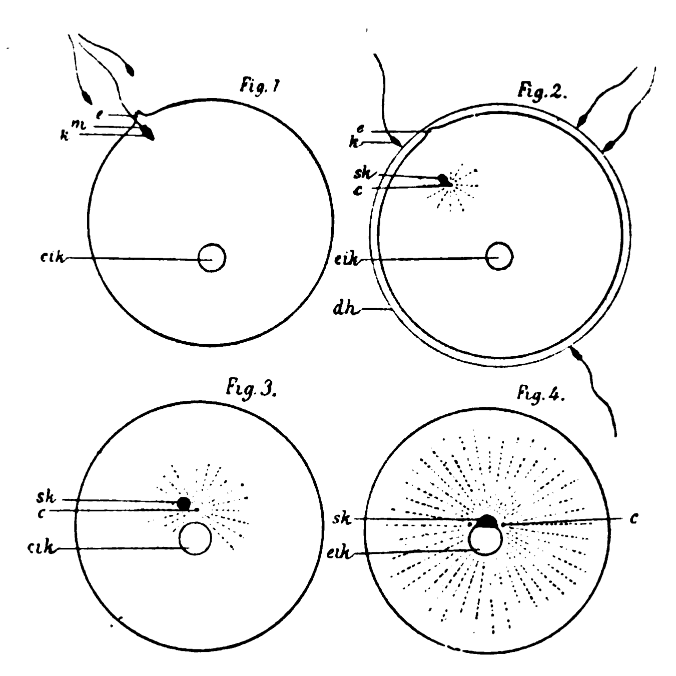

Схема I. Процессъ оплодотворенія яйца Toxopneustes liv.

Фиг. 1. — Зрѣлое яйцо въ моментъ оплодотворенія. Изъ многочисленныхъ сѣменныхъ нитей только *одна* уже проникла въ яйцо, на мѣстѣ, отмѣченномъ бугоркомъ воспріятія (e). Въ сѣменной нити нужно различать головку (k), срединную часть (m) и конечную нить. eik—яйцевое ядро. *Фиг 2.* Оплодотворенное яйцо нѣсколько минутъ спустя выдѣлило желтковую оболочку (dh) (membrana vitellina). Головка и средняя часть отдѣлились отъ конечной нити, которая погибаетъ, и превратились въ сѣменное ядро (sk) и центросому (c). Послѣдняя окружается лучеиспусканіемъ протоплазмы. Разстояніе между сѣменнымъ ядромъ (sk) и яйцевымъ ядромъ (eik) уменьшилось. *Фиг. 3.* Спустя нѣсколько минутъ яйцевое и сѣменное ядро (eik и sk) тѣснѣе сдвинулись въ центрѣ яйца. Первоначально простая центросома удвоилась посредствомъ дѣленія. Лучеиспусканіе протоплазмы вокругъ обоихъ ядеръ увеличилось. *Фиг. 4.*—Яйцевое и сѣменное ядра (eik и sk) лежатъ тѣсно другъ подлѣ друга и сплющились на мѣстѣ прикосновенія. Центросомы расположены на противоположныхъ сторонахъ обоихъ ядеръ. Лучеиспусканіе протоплазмы распространилось по всему желтку.

[1]) Образованіе бугорка воспріятія впер-

Къ внѣшнему теперь непосредственно примыкаетъ *внутренній процессъ оплодотворенія*. Изъ трехъ подраздѣленій, замѣчаемыхъ, какъ извѣстно, на сѣменномъ тѣльцѣ, головки, средней части и недѣйственной конечной нити, послѣдняя отбрасывается и не имѣетъ болѣе значенія для дальнѣйшаго хода. Головка, которая произошла изъ зерна сѣменнообразовательной клѣтки и содержитъ хроматинъ (фиг. 1 k и фиг. 2 sk) начинаетъ, наоборотъ, въ желтковой оболочкѣ превращаться въ маленькій круглый пузырекъ, названный мной сѣменнымъ или сперматическимъ ядромъ (sk) и путемъ воспріятія сока изъ протоплазмы постепенно нѣсколько увеличиваться (фиг. з и 4 sk). Средняя часть (фиг. 1 m) содержитъ маленькій клѣточный органъ, многоизучавшуюся центрозому (фиг. 2 с), которая при дѣленіи ядра играетъ замѣтную и важную роль, несмотря на свою ничтожную величину. Она движется вблизи сѣменного ядра (фиг. 2 sk), и положеніе ея можетъ быть легко узнано также въ живомъ яйцѣ, ибо вблизи нея, очевидно, вслѣдствіе исходящаго отъ нея раздраженія, протоплазма начинаетъ испускать лучистыя линіи и превращается въ лучистую фигуру, какъ желѣзные опилки вокругъ полюсовъ магнита.

Быстро слѣдующія, интересныя явленія въ живомъ яйцѣ начинаютъ теперь приковывать глазъ наблюдателя! Первоначальное ядро яйца и введенное посредствомъ оплодотворенія сѣменное ядро взаимно притягиваются и съ возрастающей быстротой спѣшатъ черезъ желтокъ другъ другу навстрѣчу (фиг. 2, 3 и 4): сѣменное ядро (sk), впереди котораго подвигается всегда его сіяніе съ заключенной въ немъ центрозомой (c), измѣняетъ быстрое свое положеніе, яйцевое ядро (eik) медленнѣе. Скоро оба встрѣчаются въ срединѣ яйца (фиг. 3), гдѣ они окружаются общимъ, распространеннымъ теперь по всему желтку, сіяніемъ. Оба располагаются тѣсно другъ на другѣ (фиг. 4), сплющиваются на мѣстѣ соприкосновенія и теряютъ затѣмъ свое взаимное разграниченіе, образовывая общее ядерное пространство. Яйцевое и сѣменное ядро слились теперь въ простое зародышевое ядро, въ которомъ содержится хроматинъ материнской и отцовской половой клѣтки. Этимъ внутренній процессъ оплодотворенія можетъ быть пока разсматриваемъ, какъ законченный [1]).

вые наблюдаемо было *Фолемъ*, когда онъ, опираясь на мои изслѣдованія, сдѣлалъ процессъ оплодотворенія яйца иглокожихъ предметомъ очень основательной работы („Recherches sur la fécondation et le commencement de l'hénogénie. Женева 1889).

[1]) Два или болѣе ядеръ въ яйцеклѣткѣ были уже до 1875 г. нѣсколько разъ описаны у различныхъ объектовъ (моллюсковъ и нематодовъ) *Варнекомъ* (Warnek „Ueber die Bildung und Entwicklung des Embryos bei Gastropoden". Bullet. de la societé des natur de Moscou. Томъ XXIII), *Бючли* (Bütschli. „Studien über die ersbeu Entwicklungsvorgänge der Eizelle 1876 und die hierze vorausgeqangenen, vorläufigen Mibleilungen) и *Ауербахомъ* (Auerbech. Organologische Studien Heft 2, 1874), также ихъ сліяніе между собой было наблюдаемо. Ни у кого, однако, не явилось мысли разсмотрѣть въ этомъ сущность процесса оплодотворенія, сліяніе яйцевого и сѣменного ядра. Ядра считали новообразованіями (вакуолями) въ яйцѣ, лишившемся прежде ядра. *Бючли* далъ во время своихъ опытовъ зародышевому пузырьку окончательно выдѣлиться, *Ауербахъ* растворялъ его путемъ каріолиза. Также учили, что когда сѣменныя тѣльца проникаютъ въ яйцеклѣтку, они подвергаются въ желткѣ полнѣйшему растворенію.

Ошибочнымъ поэтому является слѣдующее замѣчаніе *Борна* въ появившейся въ 1898 году статьѣ его Anatomischer (Ansieger, томъ XIV № 9): „*Ауербахъ* заложилъ прочное основаніе современному ученію объ оплодотвореніи; не слѣдуетъ никогда забывать, что эта заслуга всецѣло принадлежитъ *Ауербаху*".

Ауербахъ былъ очень далекъ отъ вѣрнаго пониманія явленій. Онъ предполагаетъ только, что посредствомъ сліянія обоихъ ядеръ, вновь возникающихъ въ видѣ вакуолей въ желткѣ на противопо-

На основаніи этихъ наблюденій можно теперь опредѣлить *оплодотвореніе, какъ соединеніе двухъ клѣтокъ, происходящихъ отъ мужского и женскаго индивидуумовъ. Существенное, однако, при этомъ, очевидно, соединеніе или, употребляя выраженіе Вейсмана, Amphimixis яйцевого и сѣменнаго ядеръ.* Никто, вѣроятно, не станетъ сомнѣваться въ томъ что здѣсь рѣчь идетъ объ общемъ біологическомъ законѣ природы, потому что точно такимъ же образомъ, какъ у иглокожихъ, оплодотвореніе происходитъ во всѣхъ классахъ животнаго міра, которые были до сихъ поръ изслѣдованы многочисленными учеными, у кишечнополостныхъ и червей, у оболочниковъ и моллюсковъ, у раковидныхъ и насѣкомыхъ. Какъ у безпозвоночныхъ, этотъ процессъ былъ такъ же прослѣженъ у многочисленныхъ позвоночныхъ животныхъ: млекопитающихъ, пресмыкающихся, земноводныхъ, рыбъ и др.

Открытіе процесса оплодотворенія у животныхъ вызвало непосредственно и въ области растеній соотвѣтствующія открытія. Оплодотвореніе цвѣтковыхъ растеній, изучавшихся раньше многими изслѣдователями безуспѣшно, было объяснено въ теченіе короткаго времени *Страсбургеромъ.* Гійнардъ, Навазинъ и другіе усовершенствовали еще болѣе наше пониманіе въ томъ или иномъ пунктѣ. Теперь узнали, что зернышко цвѣточной пыли, равноцѣнное сѣменной нити животныхъ, у цвѣтковыхъ растеній вводитъ въ яйцеклѣтку завязи сѣменное ядро, которое соединяется съ ея яйцевымъ ядромъ. Еще больше сходство процесса у споровыхъ растеній, такъ какъ здѣсь растительный сперматозоидъ и съ внѣшней стороны очень похожъ на животную сѣменную нить, и оплодотвореніе совершается одинаковымъ образомъ. Тотъ же процессъ оплодотворенія мы наблюдаемъ въ многочисленныхъ случаяхъ даже

ложныхъ сторонахъ яйца, сглаживаются матеріальныя различія „односторонніе недостатки смѣшенія и между обѣими половинами. По его воззрѣнію, потребность въ цѣломъ комплектѣ дѣйствій, главнымъ образомъ, обусловливается особыми свойствами оплодотворенныхъ яицъ нематодовъ, именно ихъ продолговатой формой и своеобразными условіями при актѣ оплодотворенія, когда они, протиснувшись сквозь узкій каналъ, обращаются къ зооспермамъ сперва своей передней полярной областью“.

Въ общемъ, *Ауербахъ* вполнѣ вѣрно высказался насчетъ соотношеній между моими и его изслѣдованіями въ сужденіи о моей работѣ (Ienaer Literaturzeitung, 3-ій годъ, 1876 № 101, стр. 107). Коротко прореферировавъ ея содержаніе, онъ замѣчаетъ: „Наблюденія, касающіяся коньюгаціи двухъ самостоятельно возникшихъ ядеръ въ яйцѣ, соотвѣтствуютъ, какъ отмѣчаетъ авторъ, наблюденіямъ референта, отличаются отъ нихъ, однако, тѣмъ, что авторъ не приписываетъ, подобно референту, обоимъ ядрамъ лишь незначительное, вызванное оплодотвореніемъ, качественное различіе и не разсматриваетъ ихъ, вообще, какъ *новообразованія,* а видитъ скорѣе въ одномъ морфологическій остатокъ зародышеваго пузырька, въ другомъ таковой же сѣменной клѣтки. Очевидно, что, если результаты, добытые авторомъ путемъ дальнѣйшаго развитія матеріала, заимствованнаго у референта, подтвердятся, они *бросятъ новый свѣтъ на актъ оплодотворенія,* конечной цѣлью чего будетъ, такимъ образомъ, соединеніе ядеръ мужской и женской половой клѣтки“.

Къ числу первыхъ, вѣрнымъ образомъ оцѣнившихъ значеніе выработанной мной теоріи оплодотворенія, принадлежитъ *Генсенъ.* Въ своей статьѣ: „Die Physiologie der Zeugung“ въ руководствѣ физіологіи Германна онъ замѣчаетъ въ VI томѣ, 2, стр. 126: „Этотъ взглядъ на оплодотвореніе можетъ быть названъ вполнѣ вѣрнымъ. Онъ углубляетъ наше знаніе о процессѣ оплодотворенія, прибавляя къ принятымъ до сихъ поръ во вниманіе химическимъ и физическимъ моментамъ еще столь важный для жизненныхъ явленій (и для наслѣдственности) *морфологическій моментъ, что въ немъ также принимаетъ участіе въ опредѣленной формѣ матерія.* Этимъ всѣ новыя изслѣдованія о важной роли ядра при дѣленіи клѣтки получаютъ тотчасъ же значеніе для ученія объ оплодотвореніи и одновременно несравненно лучшимъ образомъ, чѣмъ до сихъ поръ, объясняется образованіе направляющихъ пузырьковъ, какъ предварительная стадія для коньюгаціи ядеръ“).

въ царствѣ низшихъ организмовъ: у инфузорій, грибовъ и др.

Путемъ этого такъ прочно обоснованнаго и на огромномъ множествѣ наблюденій опирающагося закона природы полового размноженія былъ рѣшенъ старый споръ, игравшій когда-то большую роль въ исторіи наукъ и занимавшій цѣлыя столѣтія первыхъ естествоизслѣдователей и философовъ, споръ между *овистами* и *анималькулистами*.

Съ 16 до 18 вѣка господствовала *догма преформаціи* (теорія вкладыванія), ученіе, по которому зародышъ существа построенъ уже изъ тѣхъ же органовъ и частей, какъ и оно само, слѣдовательно, представляетъ собой въ существенномъ ни что иное, какъ его чрезвычайно уменьшенный миніатюрный образъ. Большинство естествоизслѣдователей (*Шваммердамъ*, *Гарви*, *Спалланцани*, *Бонне*, *Галлеръ*) считали яйцо преформированнымъ зародышемъ, какъ это и получило краткое выраженіе въ извѣстной фразѣ, „omne vivum ex ovo". Когда же *Лееййвенэкъ*, дѣлая открытія путемъ микроскопа, нашелъ сѣменныя нити въ сѣменной жидкости, у него блеснула мысль, что червеобразныя тѣльца сѣмени, совершающія движенія и уже, благодаря этому, имѣющія извѣстное сходство съ мельчайшими жизненными существами, съ гораздо большимъ, вѣдь, правомъ могутъ быть разсматриваемы, какъ миніатюрныя существа. Онъ составилъ поэтому гипотезу, что сѣменныя тѣльца при оплодотвореніи проскальзываютъ въ яйцо, задачу котораго нужно только въ томъ видѣть, чтобы служить имъ соотвѣтствующей питательной почвой для дальнѣйшаго роста. Никто иной, какъ *Лейбницъ* примкнулъ къ этой гипотезѣ.

И странное дѣло! Въ обѣихъ гипотезахъ, которыя, казалось, другъ друга исключали въ области догмы преформаціи, заключалось зерно истины, потому что, какъ легко можно замѣтить изъ нашей новопріобрѣтенной точки зрѣнія, яйцо и сѣменная нить принимаютъ совершенно одинаковое участіе въ образованіи новаго существа; обѣ онѣ клѣтки, изъ которыхъ одна обладаетъ материнскими свойствами, другая отцовскими; обѣ объединяются для производства смѣшаннаго продукта, унаслѣдовавшаго свойства обоихъ родителей.

Здѣсь снова видно, какъ пріобрѣтеніе естественнонаучныхъ представленій въ области эмбріологіи обусловлено одновременнымъ развитіемъ всей науки; понятно, что старые естествоиспытатели не могли постигнуть сущности размноженія, потому что имъ, при тогдашнихъ несовершенствахъ микроскопа, недоставало представленія объ элементарномъ строеніи организмовъ.

Мысль о сліяніи двухъ организмовъ въ одно единое новое не могла прійти на умъ сторонникамъ теоріи преформаціи. Разъ зародыши представляютъ собой уже миніатюрныя существа, составленныя изъ многихъ органовъ, какъ возможно, чтобъ они попарно соединялись въ одинъ единый организмъ и словно сливались бы со своими органами и тканями въ одно цѣлое?

Для насъ, знающихъ, что зародыши представляютъ собой отдѣлившіяся родительскія клѣтки, слѣдовательно, сравнительно простые элементарные организмы, представленіе объ Amphimixis'ѣ (соединеніи) не заключаетъ въ себѣ подобныхъ трудностей. И къ тому же у насъ, вѣдь, рѣчь идетъ о прочно установившемся фактѣ. Вѣдь, мы уже въ состояніи прослѣдить подъ микроскопомъ соединеніе женской и мужской клѣтки и даже соединеніе ихъ отдѣльныхъ составныхъ частей, особенно ихъ ядеръ и заключающихся въ нихъ элементовъ.

Съ познаніемъ Amphimixis'а (соединенія) сразу становится понятнымъ явленіе сходства между дѣтьми и ихъ родителями, то именно обстоятельство, вѣрнаго объясне-

нія которому естествоиспытатели не могли найти вплоть до 19 вѣка. Дѣти похожи на родителей по тому, что произошли изъ субстанціи отца и матери или, иначе говоря, заключаютъ въ себѣ свойства того и другого.

Изъ этого пункта проблема размноженія и оплодотворенія переходитъ въ труднѣйшую изъ всѣхъ проблемъ, въ *проблему наслѣдственности*. Прежде, однако, чѣмъ заняться болѣе близкимъ разсмотрѣніемъ этой послѣдней, будетъ небезполезнымъ ознакомиться еще съ цѣлымъ рядомъ явленій, стоящихъ въ тѣснѣйшей связи съ проблемами оплодотворенія и наслѣдственности и принадлежащихъ также къ замѣчательнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ современной біологіи. И здѣсь результаты, добытые впервые зоологами и эмбріологами, опредѣляли цѣль изысканій ботаниковъ.

Уже старѣйшими зоологами, Фритцъ Мюллеромъ, Ловеномъ и др. было замѣчено, что изъ яйцеклѣтки различнѣйшихъ животныхъ за нѣсколько времени до или во время оплодотворенія (схема III, фиг. 3, 4, 5 pz^1, pz^2) выдѣляются два крошечныхъ шарика протоплазмы; они были названы *направляющими тѣльцами* (pz^1 и pz^2), потому что на мѣстѣ ихъ выдѣленія изъ желтка начинаетъ обрисовываться первая плоскость дѣленія. Что они означали—оставалось загадочнымъ. Нѣкоторые изслѣдователи думали, что они представляютъ выдѣленіе, освобождаясь отъ котораго, яйцо очищается отъ негодныхъ частей передъ началомъ своего дальнѣйшаго развитія. Послѣ этого *Бючли* удалось наблюдать, что при образованіи этихъ направляющихъ тѣлецъ принимаетъ участіе ядро незрѣлаго яйца, зародышевый пузырекъ, что онъ, превратившись въ ядерное веретенце, выдвигается на поверхность яйца и выталкивается, очевидно, въ формѣ направляющихъ тѣлецъ. Это уже былъ крупный шагъ впередъ, заключавшій въ себѣ, однако, ошибку искажавшую все значеніе этого акта. Ошибка эта скоро была исправлена *Гіардомъ* и мною. Болѣе точное изслѣдованіе показало намъ, что направляющія тѣльца образуются не путемъ выталкиванія, а посредствомъ двухъ настоящихъ, непосредственно другъ за другомъ слѣдующихъ дѣленій и, что при второмъ дѣленіи половина веретенца и хромозомъ остается въ яйцѣ и становится здѣсь ядромъ зрѣлаго яйца. Отъ обыкновеннаго клѣточнаго дѣленія этотъ актъ только тѣмъ отличается, что продукты дѣленія здѣсь столь неравной величины. Направляющія тѣльца теперь лучше назвать *полярными клѣтками*.

Вслѣдствіе чего и съ какой цѣлью, спрашивается теперь, образовываются обѣ маленькія полярныя клѣтки съ такой замѣчательной равномѣрностью во всемъ мірѣ животныхъ? И на этотъ вопросъ скоро былъ найденъ отвѣтъ, благодаря точному изученію превосходнаго объекта наблюденій, яйца Ascaris megalocephala или лошадиной круглой глисты, сыгравшей въ исторіи процесса оплодотворенія такую же огромную роль, какъ и яйцо иглокожихъ. Ея несравнимое превосходство состоитъ въ томъ, что она даетъ намъ возможность хорошо разсмотрѣть дѣйствіе вещества, играющаго важнѣйшую роль при дѣленіи ядра, именно *хроматина*.

Про хроматинъ мы знаемъ изъ изслѣдованій, принадлежащихъ опять-таки къ блестящимъ результатамъ гистологическихъ изысканій послѣднихъ десятилѣтій (см. схему II о дѣленіи ядра и сѣмени), что онъ при началѣ дѣленія ядра превращается въ длинную, вьющуюся хроматинную нить, и что эта послѣдняя во второй фазѣ (фиг. 2) путемъ поперечнаго дѣленія распадается на совершенно опредѣленное число сегментовъ или хромозомъ (ch), образующихъ въ срединѣ ядернаго веретенца (фиг. 3 sp) равномѣрную фигуру, похожую на звѣзду, и назван-

ную звѣздой материнской клѣтки. Вслѣдъ за этимъ каждая хромозома (фиг. 3 ch.) начинаетъ раскалываться по длинѣ на двѣ равныя половины, на обѣ дочернія хромозомы (фиг. 4 ch^1 и ch^2). Совершенно справедливо въ этомъ именно усматриваютъ настоящую задачу сложнаго дѣленія ядра. Обѣ половины отодвигаются

Посредствомъ обширныхъ и сравнительныхъ наблюденій среди различнѣйшихъ классовъ животныхъ удалось установить опредѣленное *числовое соотношеніе хромозомъ;* оно гласитъ: *у всѣхъ клѣтокъ животнаго или растительнаго вида при дѣленіи ихъ ядеръ всегда появляется то же самое количество*

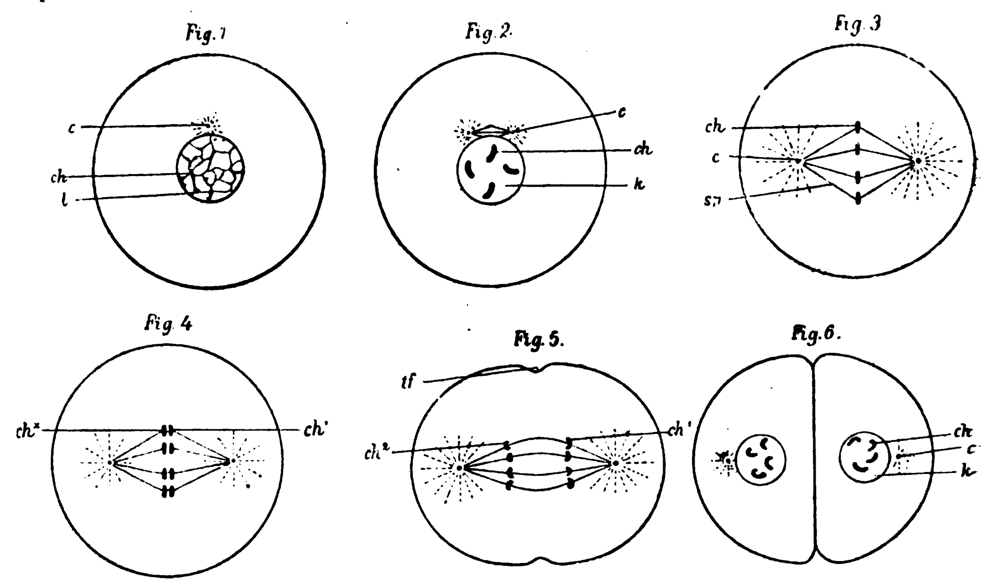

Схема II. Шесть стадій дѣленія клѣтки и ядра (каріокинезисъ).

Фиг. 1. — (Первая стадія). Клѣтка съ покоящимся ядромъ въ видѣ пузырька и центросомой (c). Ядро представляетъ сѣтку съ расположенными на ней крупинками и нитями хроматина (ch) *Фиг. 2* — (Вторая стадія). Во время приготовленій къ дѣленію (предварительная фаза), хроматинъ стянулся въ нить, разложенную потомъ путемъ поперечнаго дѣленія на 4 части (хромозомы). Центросома (c) фиг. 1 раздѣлилась, и между выдѣлившимися частицами образовалось веретенце. *Фиг. 3.* — (Третья стадія). Ядро въ видѣ пузырька разложилось. Обѣ центросомы фиг. 2 больше раздвинулись, и веретенце (sp) между ними значительно увеличилось. Четыре хромозомы (ch) фиг. 2 образовали въ срединѣ веретенца равномѣрно расположенную звѣзду материнской клѣтки. *Фиг. 4.*—(Четвертая стадія). Четыре хромозомы веретенца раскололись каждая по длинѣ на двѣ дочернія хромозомы (ch^1 и ch^2). *Фиг. 5.*—(Пятая стадія). Возникшія отъ продольнаго раздѣленія дочернія хромозомы удалились другъ отъ друга къ противоположнымъ концамъ удлинившагося веретенца, (образованіе двухъ звѣздъ дочернихъ клѣтокъ). Клѣтка начинаетъ въ срединѣ своей (tf) перетягиваться. *Фиг. 6.* — (Шестая стадія). Раздѣленіе теперь вполнѣ закончилось; материнская клѣтка влѣдствіе этого разложена на двѣ половины. Въ каждой дочерней клѣткѣ изъ половины веретенца возникало дочернее ядро въ видѣ пузырька, содержащее хроматинную субстанцію четырехъ дочернихъ хромозомъ (ch). Къ каждому дочернему ядру (k) прилегаетъ центросома (c).

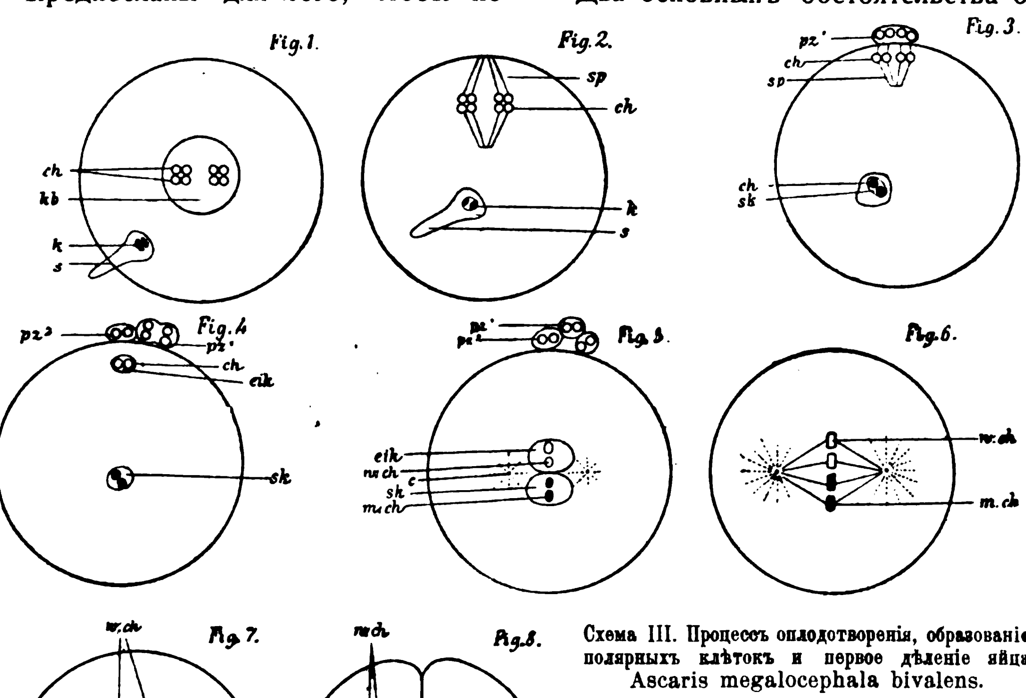
теперь къ противоположнымъ концамъ веретенца ядра (фиг. 5 ch^1 и ch^2) и образуютъ обѣ клѣтки дочернихъ звѣздъ, представляющія послѣ разсѣченія клѣтки на двѣ половины въ каждой основу для дочерняго ядра. Это послѣднее принимаетъ затѣмъ снова форму пузырька (фиг. 6 к.).

хромозомъ, у одного вида 4, у другого 12, или 16 или 24 и т. д.— Число хромозомъ у одного вида Ascaris достигаетъ 14. Въ этомъ-то и благодаря тому обстоятельству, что небольшое число хромозомъ у совпадаетъ съ ихъ значительной величиной заключается огромное превосходство яйца лошадиной кру-

глой глисты для изученія вопроса, интересующаго насъ въ данный моментъ.

Замѣчанія о явленіяхъ дѣленія ядра должны были быть заранѣе предпосланы для того, чтобы понять успѣхъ, достигнутый *ванъ-Бенеденомъ* въ его превосходныхъ изслѣдованіяхъ яйца Ascaris, къ которымъ прибавились скоро такія же превосходныя работы *Бовери*.

Два основныхъ обстоятельства о

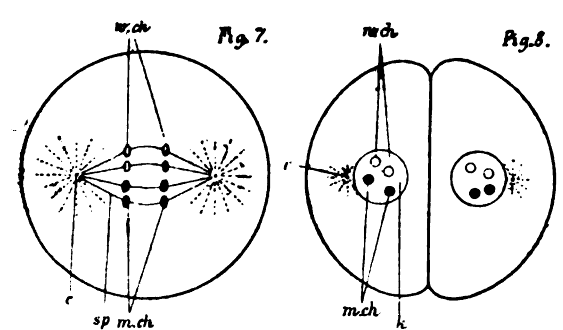

Схема III. Процессъ оплодотворенія, образованіе полярныхъ клѣтокъ и первое дѣленіе яйца Ascaris megalocephala bivalens.

Фиг. 1.—Яйцо въ моментъ оплодотворенія обладаетъ еще зародышевымъ пузырькомъ (kb), въ которомъ хроматинное содержимое расположено въ двѣ группы по четыре хромозомы въ каждой (ch). Сѣмянное тѣльце (s), похожее на остроконечную пулю, на половину проникло въ яйцо. Его ядро (k) составлено изъ двухъ хромозомъ. *Фиг. 2.*—Изъ зародышеваго пузырька возникло веретенце (sp) съ двумя группами хромозомъ (ch) по 4 въ каждой. Сѣменное тѣльце (s) достигло средины. *Фиг. 3.*—Посредствомъ почкованія на томъ полюсѣ яйца, гдѣ въ фиг. 2 лежало веретенце, образовалась первая полярная клѣтка (pz¹). Она получаетъ отъ каждой четверки хромозомъ веретенца двѣ пары хромозомъ (двойки) въ то время, какъ другія двѣ пары хромозомъ (ch) съ половиной веретенца (sp) остаются въ яйцѣ. Сѣменное тѣльце (sk) начинаетъ разлагаться, также и ядро, начинающее превращаться въ пузырекъ. *Фиг. 4.* — Въ такой же степени, какъ первая образуется посредствомъ почкованія вторая полярная клѣтка (pz²). Изъ каждой изъ обѣихъ паръ хромозомъ (фиг. 3 ch) предшествующей стадіи одна хромозома располагается во второй полярной клѣткѣ въ то время, какъ вторая остается въ яйцѣ и образуетъ яйцевое ядро (eik), содержащее вслѣдствіе этого двѣ хромозомы (ch) подобно сѣменному ядру (sk).—*Фиг. 5.* Яйцевое и сѣменное ядро направляются другъ къ другу, пока не прикоснулись но не сливаются. Для отличія ихъ хромозомъ другъ отъ друга, онѣ у яйцевого ядра (eik) отмѣчены въ видѣ свѣтлыхъ круговъ (wch), у сѣменного ядра (sk) въ видѣ черныхъ круговъ (mch), какъ и въ предыдущихъ фигурахъ 1—4. *Фиг. 6.* Яйцевое и сѣменное ядро превратились вмѣстѣ въ веретенце, четыре хромозомы котораго на половину (wch) происходятъ изъ яйцевого ядра, на половину (mch) изъ сѣменного ядра. Полярныя клѣтки, такъ же, какъ и въ фиг. 7 и 8 не указаны. *Фиг. 7.* Женскія (wch) и мужскія хромозомы фиг. 6 раскололись по длинѣ и раздвинулись въ видѣ двухъ группъ дочернихъ хромозомъ; sp. веретенце, с — центросома. *Фиг. 8*—Обѣ раздѣленныя половины яйца содержатъ дочернія ядра, четыре хромозомы которыхъ на половину изъ яйцевого ядра (wch) происходятъ, на половину изъ сѣменного ядра (wch).

дѣйствіи хроматина открыты были на яйцѣ Ascaris (схема III). Первое обстоятельство касается процесса оплодотворенія. Яйцевое и сѣменное ядро (фиг. 5 eik и sk) остаются у Ascaris въ яйцѣ въ теченіе многихъ дней лежать отдѣльно другъ около друга и въ такомъ видѣ готовятся къ образованію перваго, ведущаго къ раздѣленію, веретенца. Изъ хроматинной сѣти возникаютъ вышеописаннымъ образомъ хромозомы: двѣ въ яйцевомъ ядрѣ (фиг. 5 wch), двѣ въ сѣменномъ (ch). Поэтому легко прослѣдить ихъ судьбу при дальнѣйшихъ фазахъ дѣленія и установить, что изъ четырехъ хромозомъ веретенца ядра (фиг. 6) двѣ происходятъ изъ яйцевого ядра (wch), а двѣ изъ сѣменного (mch). Такъ какъ хромозомы въ стадіи звѣздъ материнской клѣтки дѣлятся продольно, такъ какъ послѣ этого ихъ продукты раздѣленія, дочернія хромозомы, откалываются другъ отъ друга уже указаннымъ образомъ (фиг. 7 wch и mch), образуютъ звѣзды дочернихъ клѣтокъ и наконецъ входятъ въ построеніе дочернихъ ядеръ обѣихъ новыхъ клѣтокъ (фиг. 8 wch и mch), то въ данномъ случаѣ найдено *неопровержимое и важное доказательство, что при первомъ актѣ дѣленія оплодотвореннаго яйца дочернее ядро получаетъ въ каждой части дѣленія совершенно одинаковое количество хроматина, какъ отъ яйцевого ядра, такъ и отъ сѣменного ядра.*

Тотъ же самый процессъ, вѣроятно, повторяется и на каждой дальнѣйшей ступени дѣленія, такъ что въ результатѣ ядро каждой тканевой клѣтки составляется изъ эквивалентныхъ количествъ хроматина материнскаго и отцовскаго происхожденія, увеличивающагося еще путемъ роста. Хотя дальнѣйшее равномѣрное распредѣленіе не поддается, какъ въ первомъ актѣ дѣленія, точному учету путемъ наблюденія, но по тому, что мы знаемъ о сущности ядернаго дѣленія, наше предположеніе можно считать въ высшей степени вѣроятнымъ.

Еще важнѣе второе обстоятельство, установленное на яйцѣ Ascaris. *Изъ вышеописаннаго числового соотношенія хромозомъ яйцевое и сѣменное ядро представляютъ исключеніе.* Въ то время, какъ у Ascaris meg. bivalens изъ покоящагося ядра (фиг. 8 k) возникаютъ всегда четыре хромозомы, въ яйцевомъ и сѣменномъ ядрѣ появляется только половина этого числа, именно 2 (фиг. 4 и 5 eik и sk). Какъ объяснить это исключеніе изъ числового соотношенія, чѣмъ оно вызвано? Болѣе точное изученіе происхожденія полярныхъ клѣтокъ у Ascaris'а даетъ на этотъ вопросъ удовлетворительный отвѣтъ.

Уже за долго до возникновенія полярныхъ клѣтокъ въ содержимомъ зародышеваго пузырька происходятъ въ высшей степени замѣчательныя явленія, обратившія на себя по праву величайшее вниманіе и ставшія предметомъ обширныхъ изслѣдованій. Изъ хроматинной сѣти нашего вида Ascaris берутъ свое происхожденіе четыре длинныя нити, распадающіяся преждевременно (обыкновенно это происходитъ на высшей стадіи каріокинезиса) въ продольномъ направленіи пополамъ. Вслѣдъ за этимъ онѣ ложатся по двѣ крестообразно другъ на друга и, постепенно сокращаясь, производятъ четверку хромозомъ (схема III, фиг. 1 ch). Эта стадія можетъ быть доказана на развитіи яйца очень многихъ животныхъ видовъ. Когда теперь зародышевый пузырекъ разлагается, и изъ частей его содержимаго образуется первое полярное веретенце (фиг. 2 sp.), то въ срединѣ его располагаются восемь хромозомъ, связанныхъ въ двѣ четверки (ch). Послѣ каждая четверка перваго полярнаго веретенца дѣлится на двѣ группы съ попарно связанными хромозомами (фиг. 3) (двѣ двойки), изъ

которыхъ одна приходится на долю первой полярной клѣтки (pz[1]), другая (ch) на долю яйца.

Тутъ происходитъ другое, очень замѣтное уклоненіе отъ обыкновенной схемы дѣленія ядра и клѣтки. Въ то время, какъ, вообще, послѣ дѣленія ядерная субстанція всегда переходитъ на нѣкоторое время въ видѣ пузырька въ состояніе покоя, она здѣсь сейчасъ же приготовляется ко второму дѣленію, ведущему къ отдѣленію второй полярной клѣтки. Оставшаяся въ яйцѣ половинка перваго полярнаго веретенца (фиг. 3 sp.) преобразуется сейчасъ же во второе законченное-- веретенце. Въ серединѣ его располагаются обѣ пары хромозомъ. Онѣ дѣлятся сейчасъ же вслѣдъ за этимъ на свои составныя части, изъ которыхъ двѣ принимаются второй полярной клѣткой (фиг. 4 pz[2]), двѣ (ch) остаются въ яйцѣ и составляютъ основу для яйцевого ядра (eik). Изъ всей массы хроматина зародышеваго пузырька (фиг. 1 kb), распредѣлившейся въ восьми хромозомахъ (ch), зрѣлое яйцо сохраняетъ только одну четвертую часть, отъ каждой изъ обѣихъ четвертокъ только одну единственную хромозому (фиг. 4 eik и ch).

Вмѣсто того, чтобы одинъ разъ, какъ при обыкновенномъ дѣленіи ядра, хроматинъ зародышеваго пузырька раздѣлился сразу два раза двумя полярными дѣленіями, т. е. онъ *раздѣлился на четыре части. Отсюда яйцевое ядро* (фиг. 4 eik) *содержитъ только половинное количество хроматина, чѣмъ ядро обыкновенной тканевой или эмбріональной клѣтки* (фиг. 8 k) непосредственно послѣ дѣленія; оно является въ извѣстномъ отношеніи только *половиннымъ ядромъ* и, какъ таковое, представляетъ исключеніе изъ числового закона хромозомъ. *Вейсманъ* назвалъ весь этотъ процессъ, вызывающій уменьшеніе массы ядра и числа хромозомъ на половину, *уменьшающимъ дѣленіемъ*.

Такъ какъ сѣменное ядро (фиг. 3, 4 и 5 sk) Ascaris обладаетъ только половиннымъ числомъ хромозомъ нормальнаго ядра, то легко придти къ заключенію, что и у него также должно было произойти уменьшеніе хроматина, какъ и у яйца путемъ образованія полярныхъ клѣтокъ. Эти-то соображенія и побудили меня искать соотвѣтствующее явленіе и при образованіи сѣмени. Предположеніеоказалось вѣрнымъ [1]). Точное сравненіе образованія яйца и сѣмени у Ascaris указываетъ на существующую между ними полнѣйшую параллель, которую можно прослѣдить до мельчайшихъ деталей. Незрѣлому яйцу съ зародышевымъ пузырькомъ на яйцевой материнской клѣткѣ (Ovocyte) (схема III фиг. 1) соотвѣтствуетъ сѣменная материнская клѣтка (Spermatocyte) (схема IV фиг. 1); какъ та черезъ образованіе полярныхъ клѣтокъ, такъ и эта также претерпѣваетъ уменьшеніе хроматина. И въ ея ядрѣ хроматинъ располагается въ высшей степени характернымъ образомъ, не наблюдаемымъ нигдѣ, кромѣ какъ у половыхъ клѣтокъ, въ двѣ четверки хромозомъ (схема IV фиг. 1 ch). Затѣмъ сѣменная материнская

[1]) Еще до появленія моихъ изслѣдованій *Платнеръ* путемъ изученія образованія сѣмени у сѣтчатокрылыхъ насѣкомыхъ констатировалъ, хоть и менѣе исчерпывающимъ и менѣе сравнительнымъ образомъ, процессъ уменьшенія хроматина при образованіи сѣмени и пришелъ къ слѣдующему заключенію: сѣмена материнской клѣтки (Spermatocyten) соотвѣтствуютъ яйцамъ; два дѣленія, которымъ они подвергаются, соотвѣтствуютъ дѣленіямъ обоихъ направляющихъ веретенецъ. Въ обоихъ случаяхъ происходитъ уменьшеніе хроматиннаго вещества на четверть его первоначальнаго количества, въ то время какъ второе дѣленіе безъ промежуточной стадіи покоя тотчасъ же примыкаетъ къ предшествующему“ (стр. 193).

Platner. Ueber die Bedeutung der Richtungskörperchen. Biologisches Centralblatf, Томъ VII. 1889.

Его-же. Beiträge zur Kenntniss des Zelle und ihrer Teilungserscheinungen. Arch. f. mirkosk. Anat. Томъ XXXIII, 1889.

клѣтка разлагается посредствомъ двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ безъ промежуточной стадіи покоя, дѣленій, сначала на двѣ дочернія клѣтки (фиг. 4), затѣмъ снова посредствомъ другого акта дѣленія, вызывающаго настоящее уменьшеніе, на четыре внучатныя клѣтки (фиг. 7) одинаковой величины. При этихъ явленіяхъ сначала обособляется каждая изъ двухъ четверокъ хромозомъ (фиг. 2 ch и фиг. 3) въ двѣ пары хромозомъ, распредѣляющихся на обѣ дочернія клѣтки (фиг. 4); затѣмъ каждая пара хромозомъ (фиг. 5 ch) распадается еще разъ на свои составныя части (фиг. 6), принимаемыя внучатными клѣтками (фиг. 7). Эти получаютъ, подобно спѣлому яйцу и полярнымъ клѣткамъ отъ каждой четверки (фиг. 1 и 2) только одну единственную хромозому, въ общемъ, слѣдовательно, двѣ (фиг. 7 и 8). Ихъ ядра поэтому также уменьшились на половину.

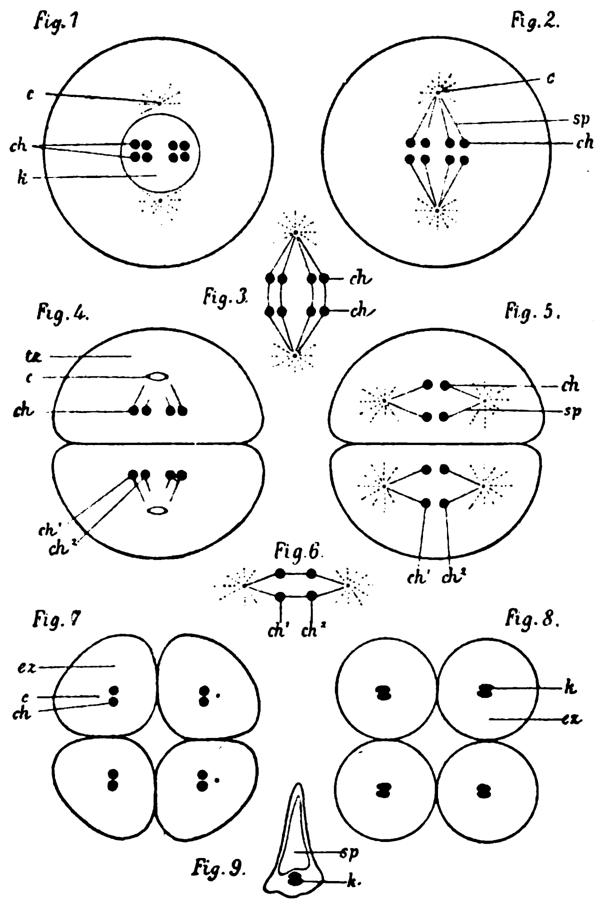

Схема V. (Сперматогенезисъ, или развитіе сѣменныхъ тѣлъ изъ сѣменной материнской клѣтки (spermatocyte) у Ascaris megalocephala bivalens.

Фиг. 1. Сѣменная материнская клѣтка съ ядромъ (k), въ которомъ образовались двѣ четверки хромозомъ (ch) с.—центросома съ сіяніемъ. *Фиг. 2.*—Сѣменная материнская клѣтка, въ которой изъ ядра образовалось веретенце (sp) съ двумя четверками (ch) c—центросома. *Фиг. 3.*—Веретенце, на которомъ каждая четверка распалась на двѣ пары хромозомъ. *Фиг. 4.*—Сѣменная материнская клѣтка раздѣлена на двѣ дочернія клѣтки (tz), изъ которыхъ каждая заключаетъ полверетенца съ двумя парами хромозомъ (ch). Центросома (c) раздѣлилась на двѣ дочернія хромозомы, между которыми расположено новое маленькое веретенце. *Фиг. 5.* Новое веретенце (sp) въ каждой дочерней клѣткѣ увеличилось и приняло въ свою средину обѣ пары хромозомъ (ch^1 и ch^2) *Фиг. 6.*—На веретенцѣ хромозомы (ch^1 и ch^2) каждой пары отдѣлились одна отъ другой и приблизились къ обоимъ полярнымъ веретенцамъ *Фиг. 7.*—Обѣ сѣменныя дочернія клѣтки раздѣлились на четыре внучатныя клѣтки (ez). Изъ нихъ каждая заключаетъ въ себѣ только двѣ хромозомы (одинъ элементъ изъ четверки хромозомъ фиг. 1) и одну центросому (c). *Фиг. 8.*—Обѣ хромозомы сѣменныхъ внучатныхъ клѣтокъ (ez) сплющиваются и образуютъ маленькое, компактное, шаровидное ядрышко (k). *Фиг. 9.* Каждая сѣменная внучатная клѣтка превращается въ сѣменное тѣльце (sp), имѣющее форму остроконечной кучи (k-ядро).

Какова цѣль, задавали себѣ, вѣроятно, уже многіе вопросы, преслѣдуемая столь замѣчательнымъ уменьшеніемъ хроматина, составляющимъ настоящую сущность образованія яйца и сѣмени? Объясненіе легко найти, если поставить въ связь уменьшеніе хроматина со слѣдующимъ за нимъ оплодотвореніемъ и припомнить, что именно путемъ этого послѣдняго въ яйцо

вводится второе ядро, сливающееся съ яйцевымъ ядромъ и удваивающее его хроматинную массу. Изъ двухъ полуядеръ, конечно, составится одно цѣлое ядро, изъ котораго затѣмъ происходятъ всѣ клѣточныя ядра новаго существа. Такимъ образомъ, созрѣваніе и оплодотвореніе яйца играютъ по отношенію другъ къ другу дополняющую роль. Что оплодотвореніе, однако, нуждается для своего дополненія въ уменьшеніи хроматина, вытекаетъ изъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Какъ показалъ намъ числовой законъ хромозомъ, хроматинъ представляетъ собой субстанцію, проявляющую постоянство во всѣхъ ядрахъ животнаго вида, какъ въ отношеніи ихъ массы, такъ и въ отношеніи числа хромозомъ, на которыя она распадается при каріокинезисѣ, далѣе субстанцію, увеличивающуюся путемъ роста вдвое отъ одного дѣленія клѣтки до слѣдующаго для того, чтобы затѣмъ при дѣленіи опять раздѣлиться пополамъ и т. д. Предположимъ теперь, что процессъ уменьшенія не происходитъ, тогда при плодотвореніи соединились бы два цѣлыхъ ядра, результатомъ чего было бы, слѣдовательно, увеличеніе хроматина вдвое противъ противъ нормы. При каждомъ новомъ половомъ размноженіи повторялся бы тотъ же самый процессъ; вслѣдствіе этого въ теченіе поколѣній накоплялась бы масса ядерныхъ веществъ, и между ними и протоплазмой въ короткое время возникло бы несоотвѣтствіе такого рода, что размѣръ клѣтки сталъ бы для нихъ, вообще, недостаточнымъ.

Руководствуясь подобными соображеніями, мы и можемъ сказать: *Уменьшеніе хроматина, предшествующее оплодотворенію, препятствуетъ простѣйшимъ образомъ сліянію двухъ ядеръ, могущему повести къ увеличенію суммы ядернаго вещества и числа хромозомъ у соотвѣтствующаго животнаго вида въ два или много разъ болѣе его нормальнаго количества.*

И при явленіяхъ уменьшенія хроматина рѣчь идетъ объ общемъ біологическомъ законѣ огромнаго значенія. Что удалось наблюдать у одного животнаго вида, постепенно подтверждалось въ безчисленныхъ другихъ случаяхъ у безпозвоночныхъ и позвоночныхъ животныхъ. И опять повторялось то, что мы видѣли уже много разъ до сихъ поръ. Всѣ открытія эмбріологовъ поставили передъ ботаниками новыя проблемы, за изученіе и разрѣшеніе которыхъ они тотчасъ же взялись. Теперь, благодаря возможности болѣе рѣзкой постановки вопроса, удалось постепенно наблюдать у явно—и тайнобрачныхъ растеній явленія, хотя и не столь простыя, какъ въ царствѣ животныхъ, но указывающія все жъ таки на то, что при развитіи растительныхъ половыхъ продуктовъ также происходитъ процесъ уменьшенія хроматина во время постепенныхъ дѣленій ихъ ядеръ на опредѣленныхъ фазахъ; даже у инфузорій и у различныхъ видовъ низшихъ одноклѣтныхъ организмовъ были доказаны соотвѣтствующіе процессы.

Итакъ, мы въ области ученія о размноженіи достигли гораздо большаго, чѣмъ многочисленные факты поддаются выраженію въ немногихъ формулахъ, которыя имѣютъ значеніе для всего органическаго царства и которыя мы, біологи, съ такимъ же правомъ и въ такомъ же смыслѣ можемъ назвать „закономъ", какъ физики и химики называютъ имъ результаты, добытые ими изъ ученія закономѣрныхъ явленій безжизненной природы. Въ теченіе немногихъ десятилѣтій цѣлый рядъ открытій, другъ друга дополняя, какъ бы съ внутренней необходимости другъ къ другу примыкая, углубилъ познаніе о размноженіи въ такой степени, о которой прежде и не мечтали.

И въ центрѣ этихъ открытій стоитъ хорошо поддающаяся изслѣдованію субстанція, содержащаяся въ небольшомъ количествѣ въ ядрѣ клѣтки и обратившая на себя вниманіе біологовъ своими поразительными измѣненіями при дѣленіи ядра—*хроматина*. — Послѣ всѣхъ описанныхъ опытовъ едва ли можно сомнѣваться въ огромномъ значеніи этого удивительнаго вещества для жизни клѣтки. Попытаемся еще нѣсколько глубже проникнуть въ его значеніе. Намъ здѣсь снова придется вернуться къ важной *проблемѣ наслѣдственности*, которой я уже раньше коснулся въ связи съ изложеніемъ теоріи оплодотворенія, дальнѣйшее изложеніе которой, однако, отложимъ на слѣдующій разъ.

Если яйцо и сѣменная нить передаютъ свойства отца и матери новому существу, какъ, спрашивается, объяснить столь неравное участіе обоихъ въ этомъ процессѣ, въ которомъ яйцо передаетъ новому существу во сто и тысячу разъ болѣе субстанціи въ видѣ приданнаго, чѣмъ ничтожная сѣменная нить? Уже *Нэгели* въ своей богатой мыслями книгѣ: Ueber die mechanisch-physiologische Theorie der Abstammungslehre старался путемъ теоретическихъ изысканій дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, предположивъ, что половыя клѣтки состоятъ изъ различныхъ веществъ, не представляющихъ одинаковой цѣнности для передачи въ наслѣдство родительскихъ свойствъ. Одинъ видъ вещества онъ назвалъ идіоплазмой.

Идіоплазма понятіе чисто гипотетическое, такъ какъ Нэгели самъ не указалъ, какая именно субстанція въ клѣткѣ называется идіоплазмой. Реальная основа должна была поэтому еще быть добыта эмпирическими изслѣдованіями. Это было сдѣлано одновременно и независимо другъ отъ друга *Страсбургеромъ* и *мною*, къ которымъ скоро послѣ этого присоедились *Вейсманъ*, *Келликеръ* и другіе [1]).

Исходя изъ явленій каріокинезиса, оплодотворенія и созрѣванія *яйца*, я заключилъ, что субстанція ядра и изъ нея на первомъ планѣ хроматинъ соотвѣтствуютъ идіоплазмѣ Нэгели. Въ доказательство этого можно привести три, какъ мнѣ кажется, очень вѣскихъ основанія.

Во-первыхъ, хроматинъ это единственная, намъ извѣстная субстанція, находящаяся въ точноэквивалентныхъ количествахъ въ яйцевой и сѣменной клѣткѣ. Для доказательства напоминаю еще разъ кратко уже ранѣе описанное, блестящее открытіе фонъ-Бенедена, по которому яйцевое и сѣменное ядро Ascaris meg. bival. обладаютъ одинаковымъ количествомъ и одинаковой величины хромозомами, именно каждое по двѣ.

Сюда надо прибавить, какъ второе основаніе, еще то обстоятельство, что хроматинъ это также единственная субстанція, которая, какъ доказано, переносится въ совершенно равномъ количествѣ съ материнской клѣтки на дочернія клѣтки послѣ того, какъ онъ предварительно увеличился вдвое посредствомъ питанія и роста. Единственно этой цѣли, очевидно, служитъ весь сложный механизмъ каріокинезиса: расположеніе хроматинныхъ частицъ въ видѣ нитей, раскалываніе хромозомъ по длинѣ, перенесеніе ихъ расколовшихся половинъ къ полярнымъ веретенцамъ, и равномѣрное распредѣленіе ихъ на дочернихъ клѣткахъ.

Такимъ образомъ, субстанція, на

[1]) Различныя историческія и критическія соображенія о теоріяхъ оплодотворенія и наслѣдственности были высказаны мной въ моей статьѣ: "Vergleich der Ei- und Samenbildung bei Nematoden". Arch f. mikrosk. Anat. Томъ XXXVI стр. 77–127, 1890 г. и въ "Zeitung Streitfragen der Biologie, тетрадь I, 1894 г. стр. 16.

которой покоится особенность организма, переносится въ видѣ драгоцѣннаго наслѣдства одного поколѣнія клѣтокъ на другое, и тѣмъ самымъ въ принципѣ каждая клѣтка организма дѣлается „идіоплазматически способной“, по выраженію *Нэгели*, стать зародышемъ новаго индивидуума. И въ этомъ находятъ свое объясненіе многочисленныя явленія размноженія. Такъ, мы видимъ у многихъ растеній и низшихъ животныхъ, какъ, въ дѣйствительности, почти каждой мельчайшій, отъ остального организма отдѣленный, комплексъ клѣтокъ въ состояніи воспроизвести изъ себя цѣлое. Изъ корневыхъ клѣтокъ растенія могутъ образоваться почки для надземныхъ частей, а изъ надземныхъ частей у отводковъ могутъ опять произрасти корневыя клѣтки.—Здѣсь рѣчь идетъ только о томъ, чтобы въ клѣткахъ, которыя вслѣдствіе опредѣленнаго хода ихъ развитія должны приспособляться къ особой функціи, заключающіяся въ ихъ наслѣдственной массѣ, но еще дремлющія свойства были бы разбужены и побуждены къ новой жизни, къ опредѣленному развитію.

Въ-третьихъ, наконецъ, для обоснованія нашего взгляда можно привести уменьшеніе хроматина. Я хотѣлъ бы привести его въ видѣ пробы вѣрности нашего воззрѣнія. Не знавъ ничего о тончайшихъ процессахъ, разыгрывающихся при образованіи полярныхъ клѣтокъ, *Нэгели* развилъ изъ чисто-теоретическихъ соображеній необходимость процесса уменьшенія хроматина. „Если при каждомъ размноженіи путемъ оплодотворенія“, замѣчаетъ онъ,— „объемъ идіоплазмы удваивается, то послѣ не очень многочисленныхъ поколѣній идіоплазматическія тѣльца какъ размножатся, что даже въ отдѣльности не найдутъ себѣ болѣе мѣста въ сперматозоидѣ. Вполнѣ необходимо поэтому, чтобы при половомъ размноженіи происходило бы соединеніе родительскихъ идіоплазматическихъ тѣлецъ, не причиняя, однако, соединившимся массамъ соотвѣтствующаго, длительнаго увеличенія этихъ матеріальныхъ системъ“.

Процессъ, предполагавшійся *Нэгели*, скоро послѣ этого былъ открытъ въ развитіи полярныхъ клѣтокъ, но самимъ виновникамъ открытія Эд. ванъ *Бенеденомъ* понятъ инымъ образомъ, и только *Вейсманомъ* признанъ процессомъ, предохраняющимъ скопленіе наслѣдственныхъ массъ вслѣдствіе оплодотворенія. Подобно *Нэгели*, и *Вейсманъ* считаетъ теоретическое предположеніе процесса уменьшенія хроматина, повторяющагося въ каждомъ поколѣніи, столь прочно обоснованнымъ, что, по его мнѣнію, вызывающія его явленія непремѣнно были бы открыты, еслибъ они не содержались уже въ намѣченныхъ имъ фактахъ. Я же, столь же мало, какъ и *Вейсманъ*, сомнѣваюсь въ томъ, что при образованіи полярныхъ клѣтокъ происходитъ теоретически предполагаемое уменьшеніе идіоплазмы.

Если всѣ наши доказательства такъ другъ съ другомъ гармонируютъ, что, вообще, при изслѣдованіи біологическихъ явленій очень рѣдко, то наше предположеніе о томъ, что въ хроматинѣ клѣточнаго ядра дана идіоплазма *Нэгели*, можетъ быть, вопреки возраженіямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, признано рабочей гипотезой, имѣющей полное право на существованіе. И она является въ высшей степени приспособленной служить исходнымъ пунктомъ и руководящей звѣздой для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Сколько новыхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ мы отчасти теперь уже трудимся, отчасти ждемъ его отъ будущаго, эта гипотеза вызываетъ у изслѣдователя?

Происходитъ ли при соединеніи

яйцевого и сѣменного ядра настоящее проникновенiе обѣихъ ихъ идiоплазмы? или онѣ сохраняются самостоятельно другъ подлѣ друга? преходяще ли это или длительно? и какъ соотвѣтственно этому происходитъ процессъ уменьшенiя хроматина?

Сколько вопросовъ вызываетъ затѣмъ происхожденiе мужского и женскаго половъ, далѣе происхожденiе бастардовъ (помѣсей)?

Можно ли найти для законовъ *Менделя*, подтвержденныхъ въ значительной степени новыми опытами надъ бастардами Пчермака, Коренса и де Фриза, морфологическую основу путемъ изученiя развитiя половыхъ продуктовъ у бастардовъ?

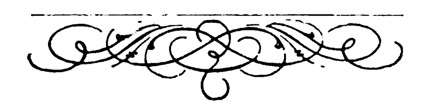
И какiя перспективы открываетъ далѣе слѣдующее соображенiе! Если хроматинъ есть субстанцiя, опредѣляющая особенности каждаго организма, то онъ долженъ имѣть разнообразный составъ у каждаго изъ безчисленныхъ видовъ организмовъ. Въ крошечной массѣ вещества яйцевого ядра или сѣменного, въ видимой только въ микроскопъ головкѣ сперматозоида собраны въ ихъ элементарномъ видѣ безчисленныя особенности, отличающiя одинъ видъ отъ другого. Удастся ли когда-нибудь человѣческому уму глубже проникнуть въ этотъ мiръ мельчайшихъ, намъ теперь невидимыхъ различiй строенiя вещества? Увеличатся ли въ будущемъ средства изслѣдованiя бiолога путемъ открытiя чего-то вродѣ сверхмикроскопа въ такой степени, что мiровоззрѣнiе нашихъ потомковъ такъ же расширится, какъ это нѣкогда случилось при открытiи и примѣненiи сложнаго микроскопа?

Или химику, можетъ быть, настолько удастся проникнуть въ сущность природы бѣлковыхъ тѣлъ, что мы и съ этой стороны можемъ ожидать еще цѣнныхъ открытiй относительно природы и различiй идiоплазмы, слѣдовательно, хроматинной субстанцiи? Кто захотѣлъ бы дерзнуть опредѣлить, гдѣ и какъ далеко положенъ предѣлъ возможности человѣческаго познанiя?

Безконечно далеко лежитъ, навѣрное, въ лучшемъ случаѣ мелькающая передъ нами цѣль. Для достиженiя ея отдѣльныя отрасли современнаго естествознанiя должны будутъ еще болѣе, чѣмъ это уже до сихъ поръ достигнуто трудами руководящихъ умовъ, объединиться въ одну великую общую науку о природѣ путемъ болѣе точнаго установленiя ея предѣльныхъ областей.

Тогда изслѣдователь, который займется этими глубочайшими вопросами жизни, объединитъ въ своемъ лицѣ бiолога, химика и физика; ему придется также проникнуть въ самую глубину этихъ областей знанiя.

Заглядывая въ столь отдаленное будущее съ его неограниченными возможностями, мы должны привести слова, которыми нашъ великiй учитель *Карлъ Эрнстъ фонъ-Бэръ* заканчиваетъ предисловiе къ своей исторiи развитiя животныхъ: „До тѣхъ поръ еще многiе удостоятся награды. Пальму первенства заслужитъ, однако, тотъ счастливецъ, которому суждено будетъ свести созидающiя силы животнаго организма къ всеобщимъ силамъ или жизненнымъ направленiямъ мiрового цѣлаго. Дерево, изъ котораго его колыбель будетъ построена, еще не распустилось".

Памяти кн. С. Н. Трубецкого.

Жизнь въ наше тревожное время
Для многихъ—тяжелое бремя.
Быть надо безстрашнымъ бойцомъ,
Спѣшащимъ въ огонь или сѣчу,
Чтобъ недругамъ выдти на встрѣчу
Отважно съ открытымъ лицомъ.

* * *

За Правду, Добро и Свободу,
За все, дорогое народу,
Боролся ты съ Кривдою злой,
Къ врагамъ выходилъ безъ забрала,
И рѣчь твоя сильно карала
Грязнившихъ святое хулой.

* * *

Мужъ чести, боецъ и философъ,
Рѣшенье насущныхъ вопросовъ
Ты долгомъ гражданскимъ считалъ;
Всегдашній противникъ застоя,
Не зналъ ты въ тревогахъ покоя,
Какъ въ бурю мятущійся валъ.

* * *

Ты ратовалъ въ пышныхъ палатахъ,
Какъ братъ, за страдающихъ въ хатахъ
Бездольныхъ родныхъ деревень:

Тамъ рѣчи твои убѣждали
Не вѣрившихъ въ свѣтлыя дали
И въ близкій торжественный день.

* * *

Мечтая о вольномъ просторѣ,
Волнуясь въ томительномъ спорѣ
Съ враждебными духомъ тебѣ,
Ты умеръ, съ глаголомъ призывнымъ,
Глашатаемъ вѣщимъ и дивнымъ,
Палъ рыцаремъ славнымъ въ борьбѣ.

* * *

Когда себялюбье и страсти
Лишь мертвыхъ не держатъ во власти,
Отчизна лишилась тебя,
Великій заступникъ народный,
И плачетъ, въ тоскѣ неисходной,
О доблестномъ сынѣ скорбя.

* * *

Но знамя твое уцѣлѣло;
Тебѣ неизмѣнные смѣло
Впередъ, въ неоконченный бой,
Съ нимъ бросились мы... Неужели
Не съ нами ты? Нѣтъ! къ прежней цѣли
Стремимся, какъ будто, съ тобой.

Николай Пановъ.

Граница видимаго міра.

Д-ра Дессау.

Въ своемъ стремленіи расширить область, доступную человѣческому воспріятію, современное естествознаніе сдѣлало уже огромныя завоеванія, открывъ нашему взору новые, невидимые для простого глаза міры: при помощи телескопа мы проникаемъ въ безконечно удаленныя отъ насъ глубины пространства, съ другой же стороны--микроскопъ сдѣлалъ доступнымъ намъ міръ мельчайшихъ животныхъ существъ, населяющихъ и землю, и воды, и воздухъ, и доступныхъ нашему глазу лишь при увеличеніи въ много сотенъ разъ. Усовершенствованные микроскопы открывали намъ все болѣе и болѣе мелкія частицы, но тутъ мы скоро, казалось, подошли къ той границѣ, ниже которой наши микроскопы становились безсильны.

Еще недавно одна трехтысячная $\left(\frac{1}{3000}\right)$ и ужъ во всякомъ случаѣ одна три тысячи пятисотая $\left(\frac{1}{3500}\right)$ часть миллиметра считалась границей того, что мы можемъ увидѣть при помощи микроскопа. Однако, и физикѣ, и химіи все болѣе и болѣе приходится имѣть дѣло съ частицами матеріи, которыя по своимъ размѣрамъ лежатъ далеко ниже этой границы. Атомы химическихъ элементовъ, согласно совпадающимъ результатамъ различныхъ методовъ опредѣленія, интересную сводку которыхъ недавно произвелъ лордъ Кельвинъ, имѣютъ въ поперечникѣ одну десямилліонную и во всякомъ случаѣ не болѣе одной милліонной миллиметра; въ электронахъ же, заряженныхъ отрицательнымъ электричествомъ, физикѣ въ послѣднее время пришлось имѣть дѣло съ частицами матеріи, масса которыхъ еще въ тысячу разъ менѣе, чѣмъ масса атомовъ. Всякая попытка увидѣть воочію-электроны или атомы, или хотя-бы даже молекулы, представляющія цѣлыя группы атомовъ, казалась напрасной съ тѣхъ поръ, какъ Гельмгольцъ показалъ, что для анализирующей силы микроскопа существуетъ низшая граница, отъ которой мы уже не очень далеки въ настоящее время: объекты, которые меньше четырехтысячной доли миллиметра, вообще уже не могутъ дать яснаго изображенія. Причина этому лежитъ въ природѣ самого свѣта, который вызывается, какъ извѣстно, необыкновенно быстрыми колебаніями эфира или частичекъ тѣлъ и распространяется въ пространствѣ путемъ волнообраз-

наго движенія частицъ эфира. Всякая точка, которой достигло волнообразное движеніе, становится вслѣдствіе этого исходнымъ пунктомъ новыхъ волнъ, и прямолинейное распространеніе свѣта, которое наблюдается нами при каждодневномъ опытѣ, является простымъ результатомъ взаимодѣйствія всѣхъ отдѣльныхъ рядовъ волнъ.

Гдѣ это взаимодѣйствіе нарушается и свободное распространеніе рядовъ волнъ ограничивается какимъ либо препятствіемъ, тамъ прекращается и прямолинейное распространеніе, и появляется такъ называемое „загибаніе" свѣта, вслѣдствіе котораго свѣтъ проникаетъ въ геометрическую тѣнь тѣла въ видѣ смѣняющихъ другъ друга яркихъ и и темныхъ полосъ. Это загибаніе свѣта, около краевъ крупныхъ предметовъ, можетъ быть обнаружено лишь при помощи особыхъ способовъ; но если отбрасывающее тѣнь тѣло очень мало, и такія тѣла въ большомъ количествѣ расположены близко другъ къ другу,—это явленіе выступаетъ съ полною ясностью, причемъ бѣлый свѣтъ распадается на великолѣпные чистые цвѣта радуги. Этимъ явленіемъ загибанія, диффракціи, объясняются тѣ цвѣта, которые наблюдаются, когда смотрятъ на пламя сквозь какую либо плотную ткань или стеклянную пластинку, обсыпанную тончайшимъ порошкомъ. Изображеніе предмета, даваемое микроскопомъ или какимъ-либо другимъ оптическимъ аппаратомъ, всегда обусловливается прямолинейнымъ распространеніемъ свѣта; если же величина предмета опускается ниже извѣстной границы, изображеніе перестаетъ уже быть возможнымъ, такъ какъ падающій на предметъ свѣтъ большей частью отклоняется въ сторону и вообще уже болѣе не попадаетъ въ объективъ микроскопа.

Однако въ самое недавнее время двумъ изслѣдователямъ, Зидентопфу и Сигмонди *), удалось сдѣлать видимыми даже „ультра-микроскопическія" частички. Отъ полученія яснаго изображенія этихъ частицъ пришлось во всякомъ случаѣ отказаться. Увидѣть же ультра-микроскопическія частицы удалось, когда препаратъ былъ освѣщенъ не такъ какъ обыкновенно съ низу, но съ боку. При этихъ условіяхъ каждая частица отбрасываетъ извѣстный процентъ падающаго на нее свѣта путемъ загибанія (диффракціи) вверхъ и посылаетъ его въ микроскопъ; тогда, если только частицы расположены не слишкомъ близко другъ къ другу, наблюдатель видитъ, правда не самыя частицы въ ихъ истинной величинѣ и формѣ, но во всякомъ случаѣ такое же количество свѣтлыхъ точечекъ, сколько въ полѣ зрѣнія микроскопа присутствуетъ частицъ. Такимъ образомъ этотъ способъ въ основѣ опирается на то же явленіе, вслѣдствіе котораго становится видимымъ путь солнечныхъ лучей въ темной комнатѣ, содержащей въ воздухѣ пыль. Необходимое условіе, чтобы частицы стали замѣтны,—это достиженіе силы свѣта, отбрасываемаго частичками извѣстнаго предѣла, ибо глазомъ воспринимаются только раздраженія, достигшія извѣстной силы. Послѣдняя же зависитъ, съ одной стороны, отъ силы освѣщенія, которое концентрируется на микроскопическомъ объектѣ посредствомъ системы сильныхъ стеколъ, съ другой же стороны, и отъ величины самихъ частичекъ. Эти два обстоятельства уже указываютъ границу, которой можно достичь, идя по этому пути. По мнѣнію Зидентопфа и Сигмонди, и этотъ новый способъ едва-ли дастъ возможность увидѣть частицы размѣровъ молекулъ.

Несмотря на это ограниченіе, тѣ результаты, которые уже достигнуты новымъ способомъ, необыкновенно интересны. Поводомъ къ раз-

*) Annalen der Physik. Bd. 10. S. 1.

работкѣ его послужило желаніе опредѣлить, въ какомъ видѣ находится золото въ такъ называемыхъ рубиновыхъ стеклахъ. Послѣднія обязаны своимъ великолѣпнымъ краснымъ цвѣтомъ незначительному содержанію золота, которое однако находится здѣсь не въ видѣ раствореннаго въ стеклѣ химическаго соединенія, подобно кобальту въ извѣстныхъ синихъ стеклахъ. Здѣсь масса стекла въ расплавленномъ состояніи остается безцвѣтной и только послѣ застыванія и вторичнаго накаливанія стекло принимаетъ иногда фіолетовый или синій, большею же частью красный цвѣтъ. Это заставляетъ предполагать, что внутри стекла металлическое золото распредѣлено въ видѣ мельчайшихъ частицъ; на это же обстоятельство указываетъ и тотъ фактъ, что рубиновое стекло, подобно содержащему пыль воздуху и другимъ „мутнымъ средамъ", разсѣиваетъ въ разныя стороны падающій свѣтъ.

Но обыкновенными способами нельзя прямо доказать присутствія мути въ рубиновомъ стеклѣ, поэтому его часто склонны были считать за родъ *коллоидальнаго раствора.* Отъ обыкновенныхъ растворовъ, какъ, напр., сахара въ водѣ, коллоидальные, къ которымъ относятся растворы клея и клееподобныхъ веществъ, отличаются своею неспособностью проходить черезъ пористыя перепонки; эти вещества, повидимому, не растворены дѣйствительно въ жидкости, а распредѣлены въ ней въ видѣ чрезвычайно мелкихъ частичекъ. Присутствіе такихъ же частичекъ можно ожидать въ рубиновомъ стеклѣ. И дѣйствительно, Зидентопфу и Сигмонди удалось своимъ способомъ не только прямо доказать присутствіе такихъ частичекъ въ стеклѣ, но даже приблизительно опредѣлить ихъ величину при помощи сосчитыванія общаго количества ихъ и измѣренія разстоянія между ними, или же посредствомъ опредѣленія общаго количества содержащагося въ стеклѣ золота. Оказалось, что самыя большія частички обладаютъ поперечникомъ въ сто разъ меньшимъ и слѣдовательно въ милліонъ разъ меньшей массой, чѣмъ частицы, которыя еще доступны наблюденію при помощи обыкновенныхъ микроскоповъ; мельчайшія частицы, которыя можно видѣть при помощи новаго метода, имѣютъ въ поперечникѣ 4—7 милліонныхъ долей миллиметра. Хотя эти частички, вѣроятно, еще не самыя мелкія среди взвѣшенныхъ въ стеклѣ частицъ, уже то, чего въ дѣйствительности удалось достигнуть при помощи новаго метода, приводитъ къ чрезвычайно важному результату; теперь уже возможно различать частички, которыхъ тысяча билліоновъ (1000.000.000.000.000) вѣситъ вмѣстѣ лишь одинъ *миллиграммъ,* т. е. гораздо меньшія количества вещества, чѣмъ тѣ, которыя еще можно обнаружить путемъ окрашиванія пламени и спектральнымъ анализомъ.

Конечно, главная заслуга новаго метода заключается не въ изслѣдованіи окрашенныхъ стеколъ. Онъ не даетъ также большихъ преимуществъ при изученіи растительныхъ и животныхъ клѣтокъ. Собственное значеніе его обнаруживается при изслѣдованіи коллоидальныхъ растворовъ. Важная роль, которую послѣднія играютъ въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ, открываетъ для новаго метода чрезвычайно плодотворное поле изслѣдованія.

Мы уже сообщали о примѣненіи новаго метода Рельшакомъ къ изученію коллоидальныхъ растворовъ; теперь же мы хотимъ привести нѣкоторые результаты новыхъ изслѣдованій Рельмана красящихъ веществъ, о чемъ онъ сдѣлалъ сообщеніе въ концѣ 1903 года на собраніи естествоиспытателей въ Касселѣ *).

---

*) E. Raehlmann. Ультрамикроскопиче-

Первое же преимущество новаго микроскопическаго метода оказывается въ томъ, что здѣсь частички вещества не кажутся уже при сильномъ разведеніи болѣе неокрашенными, болѣе или менѣе темными тѣльцами, плавающими въ водѣ. Благодаря тому, что ихъ разсматриваютъ не въ проходящемъ, а въ отраженномъ свѣтѣ, можно наблюдать ихъ истинный цвѣтъ. Такимъ образомъ въ изслѣдованіи чистоты цвѣтовъ красящихъ веществъ новый микроскопическій методъ даетъ возможность пойти гораздо дальше, чѣмъ это можно было при старомъ способѣ.

Многія красящія вещества, которыя до сихъ поръ считались чистыми и простыми, оказалось, состоятъ изъ группъ частичекъ трехъ или еще болѣе различныхъ цвѣтовъ. При старыхъ методахъ изслѣдованія они давали изображеніе на одной „колбочкѣ" сѣтчатки нашего глаза, вслѣдствіе чего у насъ получалось впечатлѣніе смѣшаннаго цвѣта; тутъ же изображенія частичекъ падаютъ на различные элементы сѣтчатки, вслѣдствіе чего можно распознать ихъ цвѣта и подмѣтить ихъ движеніе. Величина этихъ частичекъ колеблется между 5 или 10 цц (т. е. отъ 0,000.005 — 0,000.010 миллиметра), другими словами около 0,02 длины волны желтаго свѣта; такимъ образомъ намъ приходится здѣсь имѣть дѣло съ частицами вещества, представляющими комплексъ лишь небольшого числа молекулъ.

Другое явленіе, которое было подвергнуто изслѣдованію Рельманомъ—это появленіе смѣшаннаго цвѣта; объектомъ наблюденія онъ избралъ зеленый цвѣтъ, полученный изъ смѣшенія желтаго и синяго красящихъ веществъ. Можно было бы предположить, что зеленый цвѣтъ здѣсь является потому, что оба вещества содержатъ въ себѣ зеленый элементъ, который при смѣшеніи выступаетъ впередъ, тогда какъ оставшіяся части желтаго и синяго цвѣта дополняютъ другъ друга до бѣлаго. Однако это не такъ, по крайней мѣрѣ, для берлинской лазури и желтаго нафтоля *) и др., которыя, какъ оказывается, содержатъ лишь одноцвѣтныя частички. Нѣкоторыя вещества, у которыхъ при помощи микроскопа еще ясно можно различить отдѣльныя желтыя и синія частички, на нашу сѣтчатку производятъ общее впечатлѣніе зеленаго цвѣта. У другихъ же смѣсей, какъ, напр., берлинской лазури и нафтоля, самыя частички при смѣшиваніи измѣняютъ свой цвѣтъ.

Частицы берлинской лазури, смотря по степени разведенія раствора, кажутся то синими, то сине-фіолетовыми или красно-фіолетовыми, частички же нафтоля всегда латунно-желтыми. Если теперь изъ растворовъ этихъ двухъ веществъ составить смѣсь такъ, чтобы она производила явственное впечатлѣніе зеленаго цвѣта, то фіолетовыя частички берлинской лазури кажутся тогда въ микроскопѣ желтокрасными и латунножелтыя частички нафтоля зелеными. Оба эти элемента, желтокрасный и зеленый, вслѣдствіе общаго раздраженія одной и той же колбочки сѣтчатки вызываютъ у насъ впечатлѣніе зеленаго цвѣта. Физіологическая сторона смѣшенія цвѣтовъ, совокупное дѣйствіе двухъ различныхъ цвѣтовъ остается также и здѣсь; но остается еще объяснить измѣненіе цвѣта самихъ частичекъ.

Для объясненія этого факта Рельманъ предлагаетъ слѣдующую теорію. Каждая частичка одного цвѣта окружается оболочкой частичекъ другого цвѣта, и тогда цвѣтъ ядра, просвѣчивающій черезъ оболочку, кажется другимъ; это явленіе онъ уподобляетъ лазурнымъ краскамъ

скія изслѣдованія красящихъ веществъ и ихъ смѣсей. (Перепечатано въ Physikaliche Zeitschrift № 30. 15 Dez. 1903).

*) Динитро-нафтоль, производное нафтиль-амина.

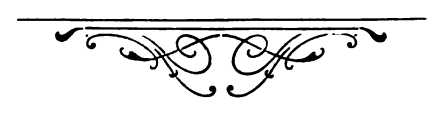
въ живописи, въ которыхъ основной цвѣтъ просвѣчиваетъ черезъ верхнюю оболочку.

Силы, которыя заставляютъ частички держаться вмѣстѣ, могутъ быть электрической природы. Какъ извѣстно, вода разлагаетъ многія растворяющіяся въ ней вещества на іоны, т. е. на электрически заряженныя группы атомовъ. Такимъ образомъ въ физикѣ и химіи уже не ново приписывать водѣ способность сообщать молекуламъ электрическій зарядъ. Чтобы доказать, что здѣсь дѣйствительно появляются электрическіе заряды, Рельманъ подвергалъ растворъ берлинской лазури, нафтоля и ихъ смѣсей дѣйствію электрическаго тока. При этомъ оказалось что токъ кромѣ воды разлагаетъ также зеленую смѣсь, и жидкость у отрицательнаго полюса окрашивалась въ желтый, а у положительнаго въ зеленый цвѣтъ. Желтая жидкость при изслѣдованіи микроскопомъ оказалась нафтолемъ, почти совершенно безъ примѣси берлинской лазури, причемъ частички были собраны въ цѣпи и кучки. Зеленая жидкость у положительнаго полюса оказалась состоящей преимущественно изъ желтокрасныхъ частицъ (берлинской лазури и нафтоля).

При электролизѣ раствора берлинской лазури цвѣтныя частички собирались на положительномъ полюсѣ, жидкость же на отрицательномъ полюсѣ была безцвѣтна. При электролизѣ нафтоля не наступало никакого измѣненія цвѣта. Отсюда слѣдуетъ, что нафтоль является проводникомъ электричества, что частицы берлинской лазури заряжены отрицательнымъ электричествомъ и что въ смѣси частицы нафтоля несутъ положительный зарядъ. Такимъ образомъ на лицо всѣ основанія для теоріи, по которой смѣшанный цвѣтъ является результатомъ окутыванія частичекъ одного вещества частичками вещества другого цвѣта.

Итакъ, если настоящее изслѣдованіе можно считать само по себѣ еще не законченнымъ, оно все же указываетъ на много новыхъ вопросовъ, которые ждутъ своего разрѣшенія. Напримѣръ, вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ окраска ткани. Лежатъ ли частицы красящаго вещества пассивно въ ткани или же они вступаютъ въ связь съ частицами ткани? Какое измѣненіе вновь открытые факты взаимодѣйствія различныхъ цвѣтныхъ лучей на одну и ту же колбочку сѣтчатки должны вызвать въ старой теоріи цвѣтовъ, по которой впечатлѣніе смѣшаннаго цвѣта являлось результатомъ неравномѣрнаго раздраженія каждой изъ трехъ взаимно связанныхъ колбочекъ, тогда какъ равномѣрное раздраженіе ихъ вызываетъ впечатлѣніе бѣлаго цвѣта? Какого рода движеніе мы замѣчаемъ здѣсь: не есть ли это перемѣщеніе іоновъ? и какова причина этихъ движеній?

Итакъ очевидно, что новый методъ пользованія микроскопомъ можетъ еще показать намъ необычайныя явленія, и важность его настолько велика, что не можетъ быть даже приблизительно оцѣнена при первыхъ его шагахъ. Мы можемъ только предчувствовать, какое революціонизирующее дѣйствіе окажетъ новый методъ на поколебленное ученіе объ атомахъ и на другія „основы" нашего научнаго міровоззрѣнія.

Въ глуши.

РАЗСКАЗЪ.

Вл. Ленскаго.

I.

Не смотря на оттепель и распутицу, земскій врачъ Воропаевъ отправился въ поѣздку по своему району, какъ онъ говорилъ — „на ревизію“. Знаменское волостное управленіе извѣстило его о появленіи въ ихъ волости горячки, сопровождаемой красной сыпью, и страшный призракъ пятнистаго тифа, вставшій предъ его глазами, вызвалъ въ всегда спокойномъ и даже флегматичномъ докторѣ необычный приливъ энергіи и жажду дѣятельности. Въ одиннадцать часовъ утра онъ получилъ это извѣщеніе, а въ двѣнадцать — уже трусилъ на земской таратайкѣ по неровной и вязкой отъ растаявшаго снѣга дорогѣ. Больница осталась подъ присмотромъ его жены, Нины Петровны, служившей въ этой-же больницѣ фельдшерицей-акушеркой.

Тотчасъ по отъѣздѣ мужа Нина Петровна вступила въ исполненіе обязанностей завѣдующаго больницей. Она начала обходъ палатъ, которыхъ было всего четыре: заразная, родильная, дѣтская и хирургическая. Ее сопровождала фельдшерица Александра Ивановна, молодая дѣвушка, лѣтъ 23-хъ, нѣжная, свѣжая блондинка съ темными кругами подъ голубыми глазами и съ пышнымъ ореоломъ золотистыхъ волосъ.

Если поставить рядомъ смуглую Нину Петровну, казавшуюся гораздо моложе своихъ тридцати лѣтъ, у которой волосы были черны, какъ воронье крыло, а глаза какъ-будто были наполнены чернымъ свѣтомъ, и свѣтлую Александру Ивановну, то всякій, не задумываясь, скажетъ: „вотъ День и Ночь“, или „Радость и Печаль“, потому что контрастъ этихъ двухъ красивыхъ головокъ усугублялся еще различными выраженіями ихъ лицъ: лицо Нины Петровны, благодаря опущеннымъ книзу угламъ узенькаго рта и влажности глазъ, казалось печальнымъ, всегда готовымъ заплакать; а у Александры Ивановны немного вздернутый носъ, полныя, свѣже-красныя губы и искрящаяся, почти огненная лазурь глазъ дѣлали лицо смѣшливымъ и веселымъ. Докторъ Воропаевъ такъ и называлъ ее „Радостью“: „Ну, Радость вы моя, сдѣлайте то-то“... За это же качество ея лица ее любили и больные и тоже называли „Радостью“...

Въ описываемый день больные всѣхъ палатъ, не исключая даже дѣтской, были удивлены метаморфозой въ лицахъ своихъ фельдшерицъ. Онѣ какъ-будто помѣнялись выраженіями лицъ. Нина Петровна вся какъ-то сіяла радостью, часто смѣялась и много шутила, что было не въ ея обычаѣ, а Александра Ивановна, вопреки установившейся за ней репутаціи веселой и смѣшливой барышни, хмурилась, молчала и все мигала глазами, какъ-будто

силилась удержать подступавшія слезы. Въ хирургическомъ отдѣленіи одинъ изъ больныхъ—молодой парень, оправлявшійся послѣ трудной операціи отнятія кисти лѣвой руки, охваченной „антоновымъ огнемъ“, ожидая, по обыкновенію, отъ Александры Ивановны шутки и смѣха, обратился къ ней съ веселымъ привѣтствіемъ:

— Здравствуйте, Радость вы наша!..

Но Александра Ивановна молча и словно съ укоромъ посмотрѣла на него и опустила глаза. Парень сконфуженно замолчалъ и въ тревожномъ недоумѣніи оглядывался на товарищей по палатѣ, словно спрашивалъ: что случилось?..

А Нина Петровна весело разспрашивала каждаго, какъ спалъ, что чувствуетъ, мѣряла температуру, давала наставленія и все это пересыпала шутками и звонкимъ смѣхомъ.

Это было такъ необычно, что когда онѣ вышли изъ палаты, парень поднялся, сѣлъ, поглядѣлъ имъ вслѣдъ и, обводя всѣхъ удивленно-глупыми, недоумѣвающими глазами, растерянно протянулъ:

— Вотъ чудасія, братцы вы мои!?.

Въ коридорѣ, при переходѣ изъ хирургическаго отдѣленія въ дѣтское, Александра Ивановна, не подымая глазъ, тихо и какъ-будто въ смущеніи спросила:

— Иванъ Васильевичъ пріѣдетъ сегодня?

Нина Петровна искоса посмотрѣла на нее, чуть замѣтно, однимъ уголкомъ рта усмѣхнулась и небрежно проронила:

— Должно-быть, не пріѣдетъ... пишетъ, что дѣла у него много... А впрочемъ...

И прошла въ дѣтскую. Александра Ивановна еще ниже опустила голову и послѣдовала за ней. Въ этой палатѣ Нина Петровна нѣсколько разъ нетерпѣливо спрашивала ее:

— Да что съ вами, Александра Ивановна?..

Потому что та говорила невпопадъ, подавала не то, что нужно было, роняла на полъ инструменты, разбила термометръ и склянку съ лекарствомъ. А на вопросъ Нины Петровны не отвѣчала и упрямо отворачивала отъ нея лицо.

Окончивъ обходъ больныхъ, онѣ прошли въ квартиру Воропаевыхъ, прямо въ столовую,—гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Нина Петровна ѣла съ большимъ аппетитомъ, часто опуская руку въ карманъ бѣлаго передника, гдѣ у нея лежала записка Ивана Васильевича съ тремя словами: „сегодня буду, Никоновъ“, которая все ея существо почему-то наполняла трепетомъ безотчетной радости. А Александра Ивановна забыла, что передъ ней стоитъ тарелка съ жаренымъ цыпленкомъ, и, катая шарики изъ хлѣба, смотрѣла на окно, стекла котораго оттаивали и пропускали въ комнату, прямо къ столу, яркіе, золотые, уже грѣющіе лучи солнца. На ея рѣсницахъ дрожали слезы, которыхъ она не замѣчала.

— Ужасно досадно, — заговорила Нина Петровна, усмѣхаясь однимъ уголкомъ рта,—обѣщалъ пріѣхать и, навѣрно, не пріѣдетъ... А вечеромъ хоть умирай со скуки... Александра Ивановна, отчего-же вы не кушаете?..

Александра Ивановна повернула къ ней лицо и посмотрѣла на нее такъ, какъ-будто хотѣла сказать: что ты хочешь отъ меня? что ты меня мучаешь? Оставь меня...

Нина Петровна смутилась, поймавъ себя на не хорошемъ чувствѣ злорадства и желаніи поиздѣваться. И въ то-же время она не могла побороть въ себѣ какой-то непріязни къ ней, причина которой ей самой была неизвѣстна. Онѣ всегда были дружны и даже любили другъ друга, и отношенія ихъ отличались откровенностью и искренностью. А теперь какъ-будто что-то встало между ними и раздѣлило ихъ, мало того—что-то дѣлаетъ одну другой непріятной и даже — Нина Петровна не смѣетъ признаться себѣ—ненавистной. Она видитъ, какъ Александра Ивановна встаетъ, идетъ къ окну и, положивъ

локти на подоконникъ, а на ладони лицо, плачетъ—это видно по вздрагивающимъ плечамъ,—и въ ней нѣтъ ни малѣйшаго сожалѣнія и состраданія къ этой дѣвушкѣ, которая еще недавно была ей близка и необходима.

Эту непріязнь Нина Петровна почувствовала еще третьяго дня, когда сидѣвшій у нихъ Никоновъ зачѣмъ-то вышелъ съ Воропаевымъ изъ комнаты, и онѣ, оставшись вдвоемъ, вдругъ встрѣтились глазами. Между ними что-то проскользнуло и коснулось ихъ холодомъ отчужденія. Какъбудто онѣ поймали другъ друга на одномъ и томъ-же чувствѣ или мысли, и имъ стало стыдно и непріятно быть вмѣстѣ, и отъ невозможности для каждой удалить другую, подымались и росли злость и непріязнь.

„Что это такое?"—думаетъ Нина Петровна, переставъ ѣсть и перебирая бахрому скатерти. Но она лукавитъ съ собой. Рѣшеніе этого вопроса близко, но подойти къ нему какъ-то страшно и жутко, и она старается отыскать причину ихъ непріязни въ ихъ служебныхъ отношеніяхъ, въ незначительныхъ ежедневныхъ стычкахъ и спорахъ. И то и другое, обыкновенно, не оставляли въ нихъ никакого недоброжелательнаго чувства другъ къ другу, и спустя полчаса онѣ уже мирно разговаривали и дѣлились самыми сокровенными тайнами чувствъ и мыслей. Значитъ, это не то. Что-же?..

Она смотритъ на плачущую Александру Ивановну и думаетъ: „Бѣдняжка влюблена въ Ивана Васильевича". И отъ этой мысли ей становится какъ-то непріятно смотрѣть на Александру Ивановну, и страшно хочется причинить ей острую, жестокую боль, чтобъ она еще сильнѣе плакала, и смѣяться надъ ея болью и слезами. Но опять поймавъ себя на нехорошемъ чувствѣ, она заставляетъ себя сказать:

— Все-же я думаю, что Иванъ Васильевичъ пріѣдетъ сегодня. Вѣдь, вечера у него свободны. Не послать-ли ему записочку? Какъ вы думаете, Саша?..

Плечи Александры Ивановны перестаютъ вздрагивать. Она долго молчитъ и возится — видно, что вытираетъ глаза, — и когда оборачивается—лицо ея сіяетъ, какъ солнце, хотя глаза немного красны и на щекахъ замѣтны слѣды слезъ. Она выдаетъ себя съ головой, но думаетъ, что ея тайна сохранена, и осторожно, немного небрежно и равнодушно, какъ-будто ей все равно, говоритъ, садясь къ столу и принимаясь за цыпленка:

— Пожалуй, пошлите... А то, дѣйствительно, вечеромъ можно умереть со скуки...

Нинѣ Петровнѣ, отъ повеселѣвшаго лица Александры Ивановны становится грустно и какъ-то не по себѣ. Она молчитъ и смотритъ широко раскрытыми глазами, какъбудто прислушиваясь къ тому, что въ ней происходитъ. Александра-же Ивановна весела, ѣстъ съ большимъ аппетитомъ и оживленно, съ увлеченіемъ, забывъ всю свою осторожность, говоритъ объ Иванѣ Васильевичѣ:

— Славный онъ, и съ нимъ никогда не скучно! Онъ все знаетъ и обо всемъ можетъ говорить. А какъ красиво онъ говоритъ! Знаете, у меня дрожь идетъ по всему тѣлу, когда я слушаю его. Это такое наслажденіе!.. Вотъ, говорятъ, что глушь засасываетъ, а, вѣдь, онъ уже пять лѣтъ живетъ въ деревнѣ, и какой свѣжій, умный, развитой! Когда онъ только успѣваетъ работать надъ собой, читать, думать, когда школа отнимаетъ у него почти все время?..

Въ своемъ оживленіи Александра Ивановна не замѣчаетъ пристально устремленнаго на нее взгляда Нины Петровны, въ глазахъ которой, въ ихъ черной, зіяющей глубинѣ тускло свѣтится уже не скрываемая, жгучая ненависть.

Но вотъ Александра Ивановна умолкаетъ. Ей отчего-то становится

холодно и непріятно. Она ежится, кутается въ свой пуховой платокъ, но отъ этого теплѣй не становится, и избѣгаетъ глазами взгляда Нины Петровны. Молчаніе становится тягостнымъ, невыносимымъ. Наконецъ, не выдержавъ, Александра Ивановна, съ помрачившимся лицомъ, встаетъ и уже на ходу къ двери, говоритъ:

— Я пойду къ себѣ... голова болитъ...

Нина Петровна, усмѣхаясь однимъ уголкомъ рта, провожаетъ ее горящими ненавистью глазами, которые та чувствуетъ на своей спинѣ, и оттого торопится уйти. Проходя въ дверь, она больно ударяется плечомъ о косякъ двери и слышитъ за собой тихій, язвительный смѣшокъ...

II.

Въ семь часовъ вечера пріѣхалъ Иванъ Васильевичъ. Десять верстъ ѣзды по распутицѣ нисколько не утомили его, и онъ выглядѣлъ добрымъ и веселымъ. Вообще, онъ никогда не утомлялся. Занятія въ земской школѣ, которою онъ завѣдывалъ, съ семьюдесятью учениками, не лишали его возможности по вечерамъ еще заниматься со взрослыми и устраивать чтенія, а по окончаніи этихъ вечернихъ занятій у него еще хватало силъ читать и учиться самому. Это былъ алчный, двадцатипятилѣтній юноша, трезво и разумно смотрѣвшій на жизнь и съ тою-же трезвостью и разумностью отдававшій себя на служеніе народу, среди котораго онъ выросъ, котораго глубоко любилъ, уважалъ и жалѣлъ. На этой почвѣ онъ сблизился съ докторомъ Воропаевымъ и его женой и, часто бывая у нихъ, вмѣстѣ съ ними обсуждалъ и выискивалъ способы и средства радикальнаго измѣненія тяжелыхъ условій жизни обнищавшаго, истомленнаго, забитаго народа.

Обо всемъ онъ говорилъ красиво и увлекательно, и его смуглое лицо съ черной бородкой и большими, вдумчивыми глазами становилось прекраснымъ, когда онъ касался своего наболѣвшаго мѣста—положенія русскаго народа. Въ пылу негодованія противъ угнетателей и муки за угнетаемыхъ, онъ какъ-будто выросталъ и возбуждалъ въ слушателяхъ тревожное удивленіе и даже нѣкоторый страхъ. У Воропаевыхъ онъ былъ самымъ близкимъ человѣкомъ, и его тамъ называли попросту Ваней.

Какъ-то такъ случилось, что черезъ переднюю, куда вошелъ Иванъ Васильевичъ, какъ разъ въ это время проходила Александра Ивановна. Она выразила удивленіе его неожиданному пріѣзду и въ то-же время густо покраснѣла. Глаза ея еще хранили слѣды недавнихъ слезъ. Никоновъ это замѣтилъ.

— Здравствуйте, моя радость, — сказалъ онъ, вглядываясь въ ея лицо при тускломъ свѣтѣ маленькой стѣнной лампочки,—да вы вовсе печальны!.. Что это значитъ? Какая же вы „радость“ послѣ этого?...

Александра Ивановна смутилась, хотѣла что-то сказать, но въ это время за ними раздался звонскій смѣхъ Нины Петровны.

— У Саши весенняя печаль, Ваня,—говорила она, смѣясь: это хорошая печаль, и ей можно позавидовать.

Никоновъ заглянулъ въ глаза Александры Ивановны, но та быстро отвернулась, вырвала изъ его рукъ свою руку и скрылась въ сосѣднюю дверь.

Онъ пожалъ плечами.

— Ничего не понимаю!—проговорилъ онъ, пожимая руку Нины Петровны.

— А я понимаю!—протянула она въ тонъ ему.

Они молча и серьезно посмотрѣли другъ другу въ глаза, и обоимъ стало почему-то неловко. Никоновъ постарался обратить все въ шутку.

— Вы обѣ нарушаете установленный въ этомъ домѣ порядокъ: „Радость“ вдругъ ходитъ съ заплакан-

ными глазами, а „Печаль" весело смѣется! И я совершенно сбитъ съ толку...

Нина Петровна дѣланно засмѣялась.

— Нужно-же хоть немножко разнообразія, а то ужъ очень скучно, —сказала она, и Никоновъ въ ея словахъ почувствовалъ фальшь, которую она тщетно старалась что-то замаскировать.

Они вошли въ столовую, гдѣ на столѣ уже пыхтѣлъ бѣлый самоваръ и блестѣли подъ висячей лампой на бѣлоснѣжной скатерти стаканы и чашки. Въ комнатѣ было по зимнему тепло, а въ раскрытую форточку влеталъ порывами легкій вѣтерокъ, пахнущій талымъ снѣгомъ и дождевыми облаками.

Нина Петровна разливала чай и казалась чѣмъ-то смущенной. Никоновъ чувствовалъ это, удивленно поглядывалъ на нее и не понималъ, что съ ней. Но ея смущеніе какъ-то странно волновало его и лишало способности говорить. Смущеніе начинало овладѣвать и имъ. Онъ приглядывался къ ней такъ, какъ-будто впервые видѣлъ ее, и впервые почувствовалъ въ ней женщину, красивую, молодую, страстную. Волненіе въ немъ возрастало, и вмѣстѣ съ нимъ поднимался непонятный жутко-сладкій страхъ. Больше всего онъ боялся встрѣтиться съ ней глазами. При встрѣчѣ взглядовъ совершится что-то важное и поправимое. А она, онъ чувствовалъ, смотрѣла на него, и отъ ея взгляда его бросало въ жаръ и лихорадочную дрожь...

Онъ порывисто всталъ, подошелъ къ окну и высунулъ голову въ форточку. Ночь была лунная, облачная; гдѣ-то за облаками невидимкой блуждала луна, но ея легкій свѣтъ чувствовался на бѣлесоватыхъ поляхъ, покрытыхъ сквозистымъ снѣгомъ, уже во многихъ мѣстахъ протаявшимъ до земли. Съ полей и съ неба плылъ вѣтерокъ, въ которомъ мѣшались свѣжіе запахи снѣга и дождевыхъ облаковъ. Его легкое вѣяніе, какъ холодные, недужные женскіе пальцы, скользили по разгоряченному лицу Никонова и тихонько закрывали ему глаза. Волненіе въ немъ улеглось, но онъ долго еще стоялъ у окна, какъ-будто боясь вернуться къ столу. Наконецъ, Нина Петровна позвала его:

— Ваня, пейте чай... остылъ уже...

Голосъ ея звучалъ обычной ласковостью и спокойствіемъ.

Никоновъ совершенно успокоился и вернулся къ столу. Откинувъ со лба волосы привычнымъ движеніемъ головы, онъ посмотрѣлъ на Нину Петровну; она покраснѣла и, низко нагнувшись, нервно замѣшала ложечкой въ стаканѣ, а онъ, уже вполнѣ владѣя собой, заговорилъ ровно и спокойно.

— Весна начинается... Шестая моя весна въ этихъ мѣстахъ... Каждый разъ, когда наступаетъ весна, я волнуюсь отъ мысли: можетъ быть, съ этой весной придетъ и та, другая весна, которая освободитъ, наконецъ, народъ отъ вѣковаго ига нищеты, безправія, невѣжества... Теперь я волнуюсь больше, чѣмъ когда-либо: я чувствую въ воздухѣ эту весну!... Она идетъ, и я слышу ея широкій, свободный шумъ!..

Нина Петровна какъ-то поникла вся и смотрѣла на него съ тоской разочарованія. Ея глаза какъ будто говорили: „ахъ, ты не то говоришь! Неужели ты ничего не видишь, не чувствуешь? Что мнѣ за дѣло до какой-то весны, до какого-то страдающаго народа, когда я сама страдаю?... Пойми меня, пойми: я счастья хочу, для себя — большого, свѣтлаго счастья, и весь міръ для меня-ничто, кромѣ одного тебя"!..

Никоновъ читалъ это въ ея глазахъ, и холодная дрожь чувственнаго страха пробѣгала у него по спинѣ. Онъ говорилъ ровнымъ и, казалось, спокойнымъ голосомъ, и въ то же время думалъ о счастьи—

отдаться очарованію этихъ умоляющихъ глазъ, власти захватывающей, безумной страсти, какой онъ до сихъ поръ никогда не испытывалъ. Но что-то упорно мѣшало. Въ мысли врывалось лицо Воропаева, который ему былъ близокъ и дорогъ: лицо было растерянное и жалкое, какъ-будто уже совершено то, къ чему влекла его какая-то темная, неодолимая сила, и ужасъ холодомъ проникалъ ему въ душу. „Не надо, не надо"!—мысленно восклицалъ онъ, и, пересиливая себя, заставляя себя думать о другомъ, онъ продолжалъ говорить:

— Сегодня я проѣзжалъ черезъ Никольское село и видѣлъ этотъ возмутительный, длиннѣйшій хвостъ очереди у казенной винной лавки, высасывающей изъ крестьянъ ихъ послѣдніе соки. Это какой-то страшный, отвратительный паукъ, присосавшійся къ тѣлу селенія, опутавшій всѣхъ своей грязной, липкой паутиной и сосущій изъ нихъ жизнь, честность, человѣческое достоинство, всѣ лучшія чувства... По дорогѣ я встрѣчалъ пьяныхъ, ругающихся, бьющихъ другъ друга, валяющихся въ грязи, и тоже смотрѣлъ спокойно: вѣдь, весна идетъ... Подъ вліяніемъ весенняго шума проснется самосознаніе, мысль, чувства,—и крестьянинъ удивится и не повѣритъ своему страшному прошлому, когда дѣти станутъ ему разсказывать о немъ... Знаете, Нина Петровна,—уже воодушевившись своими мечтами, воскликнулъ Никоновъ,—пройдетъ какихъ-нибудь три-пять лѣтъ — и отъ кошмара нашей дѣйствительности не останется и слѣда!.. Я теперь уже считаю дни и часы, потому что каждый день, каждый часъ теперь несутъ намъ обновленіе, прекрасное въ своей страшной значительности и знаменательности!.. Какъ хорошо жить и работать въ такое время!..

Дверь съ шумомъ распахнулась, вбѣжала Александра Ивановна и остановилась посреди комнаты. Она имѣла смущенный и растерянный видъ, словно нечаянно открыла и нарушила ихъ интимный tete-a-tete.

— Ахъ, извините,—пробормотала она, какъ-будто конфузясь, но Никоновъ, удивляясь дѣланности ея смущенія, которую онъ тотчасъ-же почувствовалъ, пристально посмотрѣлъ ей въ лицо и замѣтилъ недобрый огонекъ въ ея взглядѣ, брошенномъ на Нину Петровну. Та смѣшалась и густо покраснѣла. Александра Ивановна, что-то бормоча, повернулась къ двери, Никоновъ нагналъ ее у дверей и вмѣстѣ съ ней вышелъ изъ комнаты.

Въ коридорѣ онъ взялъ ее за руку и заглянулъ ей въ глаза. Они были полны слезъ. Онъ ласково и осторожно пожурилъ ее:

— Стыдно вамъ, Саша... Это такъ не похоже на васъ... Что съ вами?...

Она отворачивала отъ него красное лицо, силилась вырвать у него руку и, задыхаясь отъ душившихъ ее рыданій, только прошептала:

— Пустите...

Онъ выпустилъ ея руку. Торопливо, неровной и какой-то неуклюжей походкой она пошла по коридору.

Никоновъ въ недоумѣніи смотрѣлъ ей въ слѣдъ, пока она не скрылась въ сумракѣ дальней двери.

Онъ вернулся въ столовую. Нина Петровна не подымала отъ скатерти глазъ и молчала. Никоновъ не зналъ, какъ загладить впечатлѣніе непріятной сцены.

Онъ боялся каждой минуты молчанія, въ которомъ чувствовалась тяжесть, неловкость и страхъ чего-то, что, казалось, неизбѣжно должно было случиться... Нервно барабаня пальцами по столу, Никоновъ мучительно искалъ, о чемъ-бы заговорить, встряхивалъ головой, откидывая волосы со лба, проводилъ рукой по лбу и волосамъ,

теребилъ бородку и кусалъ усы. Взглядывая на Нину Петровну, онъ чувствовалъ, что волненіе снова охватываетъ его, усиливается, къ головѣ приливаетъ кровь, въ вискахъ стучитъ. Ему хочется схватить въ свои руки эту стройную молодую женщину и сдавить ее такъ, чтобъ она застонала и, безсильная, покорилась его власти, его желаніямъ...

Вѣтерокъ, пахнувшій изъ форточки окна, обдалъ его голову свѣжимъ холодкомъ и отрезвилъ его. Онъ всталъ и широко зашагалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, думая: „это возмутительно, какъ я распустилъ себя! Этакое я животное“!.. Нина Петровна осторожно и робко слѣдила за нимъ глазами...

III.

— Мнѣ эту ночь снился странный сонъ,—заговорилъ Никоновъ, глядя себѣ подъ ноги и продолжая ходить,—какой-то тихій, блѣдный свѣтъ вокругъ меня и во мнѣ. Это не ночь и не день. Я не чувствую жизни и ничего не знаю о смерти. Блуждаю въ такихъ поляхъ, невѣдомыхъ и странныхъ, и свѣтъ, изливающійся на нихъ неизвѣстно откуда—не солнечный и не лунный, — непонятный свѣтъ, который не струится и не лучится, подобно солнечному и лунному. Онъ освѣщаетъ сразу со всѣхъ сторонъ, отъ него ничто не блеститъ и не даетъ тѣней, но все одинаково свѣтится, пронизанное имъ насквозь. Тихія, блѣдныя тѣни бродятъ въ безмолвныхъ, синеватыхъ поляхъ, и сквозь нихъ я вижу небо и темнѣющіе на немъ холмы, и извивающіяся между холмами серебряныя рѣки, и темные, высокіе сады. Бѣлыя тѣни идутъ полями, садятся у рѣкъ, или бродятъ по колѣни въ водѣ, или восходятъ на темные холмы и тамъ стоятъ долго и неподвижно, глядя въ даль и слушая молчанье. Или входятъ въ сады, блуждая тамъ межъ деревьевъ, мелькая бѣлыми одеждами въ зелени вѣтвей, наклоняются къ цвѣтамъ, пьютъ росу съ листьевъ, освѣжаются легкой, холодной пылью фонтановъ, отдыхаютъ на травѣ, собираютъ свѣтляковъ и осыпаютъ ими свои золотистоволосыя головы... И не видно, кто изъ нихъ—женщины, кто—мужчины,—всѣ въ бѣлыхъ, длинныхъ одеждахъ,—кто старъ, кто молодъ: онѣ всѣ одинаковы—эти бѣлыя, чистыя, прозрачныя души-тѣни... Я иду за ними, встрѣчаюсь съ ними, удаляюсь отъ нихъ, подхожу къ нимъ—и каждую я могу обнять и приласкать, потому что мои объятія чисты и мои ласки безгрѣшны. И каждая мнѣ близка и понятна, какъ понятенъ я самъ себѣ, и *всѣхъ* я одинаково люблю, и всѣ меня любятъ. И эта любовь такъ же чиста и прекрасна, какъ ихъ бѣлыя одежды и свѣтлыя, красивыя лица. И никто не говоритъ, потому что слова не нужны: ощущенія и чувства такъ просты, что однимъ прикосновеніемъ руки, однимъ поцѣлуемъ губъ выражается все, чѣмъ живутъ здѣсь и дышутъ— тихая, спокойная, чистая любовь... И никто не торопится, всѣ идутъ ровными, тихими шагами, потому что смерти нѣтъ и жизнь безконечна; и никто не падаетъ, потому что знаютъ дорогу, по которой идутъ, никто не оглядывается назадъ, потому что никого не боятся... Нѣтъ зла—одно добро. Нѣтъ ненависти—одна любовь, нѣтъ страданія—одинъ покой...

Онъ замолчалъ, остановился и посмотрѣлъ на Нину Петровну. Она передернула плечами, какъ-будто ей стало холодно и, не подымая опущенной головы, проговорила не своимъ, а какимъ-то сдавленнымъ, глухимъ голосомъ:

— Я не хотѣла-бы такой жизни... это—смерть...

Потомъ подняла голову и взглянула на Никонова такъ, что вся кровь бросилась ему въ голову и

быстро застучала въ вискахъ. Она вдругъ тихо засмѣялась, встала, закинула руки за голову и, потягиваясь словно отъ нѣги, охватившей ея тѣло, только сказала:

— Ахъ, Ваня...

И начала снова смѣяться тихимъ, мелкимъ, нервнымъ смѣшкомъ, отъ котораго у Никонова пробѣгала по спинѣ холодная дрожь. Она вся дрожала отъ этого смѣшка, который все возросталъ, подымался, становился громче и, наконецъ, перешелъ въ пронзительный, истерическій хохотъ. Хватаясь руками за грудь и горло и стараясь разорвать душившее ее платье, она бросилась въ спальню и тамъ продолжала хохотать, зарываясь головой въ подушки...

Никоновъ стоялъ посреди комнаты и смотрѣлъ на дверь спальни, какъ загипнотизированный. Его что-то неодолимо тянуло изъ сумрака этой двери, за порогомъ которой его ждало какое-то дикое, безумное счастье. Онъ чувствовалъ это всѣмъ своимъ тѣломъ, по жиламъ котораго какъ-будто струился огонь. У него кружилась голова, и сердце сжималось и падало отъ предчувствія непонятнаго, жутко-пріятнаго страха. Онъ прислушивался къ затихающему въ спальнѣ хохоту, и какъ-будто у самаго его уха кто-то шепталъ: иди-же... иди...

И вдругъ стало тихо, и въ этой глубокой тишинѣ послышалось слабое, ласковое, любящее:

— Ваня...

Онъ вздрогнулъ и насторожился. Не ослышался-ли онъ?... И опять изъ спальни легкимъ вздохомъ вылетѣло и прильнуло къ его замирающему сердцу робкое, молящее, зовущее:

— Ваня...

Руки его протянулись къ двери, онъ весь потянулся туда... Губы шевелились и шептали: милая... любимая... иду...

Легкій порывъ ночного вѣтерка хлопнулъ раскрытой форточкой и опахнулъ его горячую, обезумѣвшую голову. Сердце въ немъ сразу упало и какъ-будто перестало биться. „Что-же это я, Господи!..“—подумалъ онъ и провелъ рукой по лбу и волосамъ. Ему стало страшно себя, своего тѣла, съ которымъ ему такъ трудно было совладать. Крадучись, какъ воръ, онъ вышелъ изъ столовой въ коридоръ и, не отдавая себѣ отчета, пошелъ къ выходной двери.

На крыльцѣ онъ увидѣлъ Александру Ивановну, сидѣвшую безъ пальто и съ непокрытой головой на ступеняхъ и тихо плакавшую. Она испуганно подняла голову, когда онъ скрипнулъ дверью, и посмотрѣла на него полными слезъ глазами. Ея лицо освѣтилось радостью, словно она ждала его, и онъ, наконецъ, пришелъ къ ней. Но онъ какъ-то безучастно, непонимающимъ, почти невидящимъ взглядомъ скользнулъ по ней, сошелъ по ступенямъ внизъ и пошелъ по двору, еще покрытому кое-гдѣ сѣрымъ, тающимъ снѣгомъ. И не видѣлъ, что Александра Ивановна еще ниже согнулась и плакала горько и безпомощно, какъ одинокое, обиженное дитя...

Онъ ничего не думалъ и не чувствовалъ. Ему нужно было идти, двигаться, уйти отъ чего-то, что страшной властью тянуло его къ себѣ, въ комнаты, гдѣ онъ оставилъ нетронутымъ счастье— дикое, безумное, полное восторга и ужаса... И онъ старался ускорить шаги, но отчего-то трудно было идти и мучительно хотѣлось вернуться назадъ...

Вдругъ что-то темное выросло передъ нимъ. Онъ подошелъ вплотную къ двери какого-то низкаго, каменнаго строенія, нащупалъ рукой скобку и, открывъ дверь, вошелъ въ низкую, пустую комнату. Въ носъ ударило сыростью погреба и еще чѣмъ-то отвратительно тяжелымъ и удушливымъ, вызывавшимъ представленіе разлагающа-

гося трупа. На окнѣ горѣла и коптѣла маленькая керосиновая лампочка съ отбитымъ стекломъ, освѣщавшая только переднюю часть комнаты. Задняя-же половина была наполнена густымъ сумракомъ, въ которомъ бѣлѣлись длинныя деревянныя скамьи, стоявшія рядомъ, одна подлѣ другой.

„Это мертвецкая", — вспомнилъ Никоновъ и уже повернулся къ двери, чтобы выйти и, вдругъ, скользнувъ глазами по противоположной стѣнѣ, окаменѣлъ отъ ужаса и не могъ тронуться съ мѣста. Это было мучительное состояніе, какое бываетъ иногда во снѣ, когда видишь какой-нибудь ужасъ, чувствуешь необходимость уйти, бѣжать,—и не можешь двинуть ни рукой, ни ногой. Изъ полумрака дальняго угла на него смотрѣло что-то такое безобразное и страшное, чему нѣтъ ни названія, ни опредѣленія. Волосы вставали и шевелились у него на головѣ. Холодный потъ облилъ все тѣло. Единственнымъ побужденіемъ, слѣпымъ, инстинктивнымъ, было — бѣжать, скорѣй, безъ оглядки — но всѣ члены словно одеревенѣли, и онъ потерялъ способность владѣть ими. Только стоялъ и смотрѣлъ и не могъ оторвать глазъ...

Тамъ, въ полутемнотѣ, виднѣлось бѣлое, какъ стѣна, лицо съ черной дырой широко раскрытаго, оскаленнаго рта и съ темными впадинами глазъ, въ которыхъ блестѣли мертвымъ, стекляннымъ блескомъ два бѣлыхъ пятна, безъ зрачковъ—глаза ужаса, Медузы, отъ взгляда которой каменѣли люди.

Эти глаза какъ-будто приковывали его къ себѣ, втягивали въ себя, и все тѣло его холодѣло и дрожало отъ страха, а голова мучительно работала и начинала болѣть отъ страшнаго напряженія понять—что это?..

Послѣднее чувство преодолѣло въ немъ страхъ. Онъ нашелъ въ себѣ силы, чтобъ взять съ окна лампочку и подойти ближе. Свѣтя передъ собой коптящей лампочкой, Никоновъ приблизился и наклонился надъ тѣломъ, лежавшимъ на скамьѣ бокомъ, лицомъ къ нему.

IV.

Это былъ трупъ громаднаго мужика, скрюченный отъ послѣдней смертельной боли, съ распоротымъ животомъ, изъ котораго вывалились и свѣсились со скамьи къ полу внутренности. По обрюзгшему отъ перепоя лицу было видно, что мужика убили пьянымъ. Изъ раскрытаго дикимъ крикомъ рта разило перегорѣлой „монополькой"; глаза такъ сильно закатились, что зрачки совершенно исчезли и виднѣлись одни бѣлки. Одежда на немъ была разорвана и вывалена въ грязи; кисти рукъ, залитыя кровью, запутались въ выпавшихъ синихъ внутренностяхъ...

Съ дрожью ужаса, отвращенія и жалости разсматривалъ Никоновъ разлагающееся тѣло, уже издававшее тяжелое зловоніе. Въ лицѣ этого погибшаго страшной, скотской смертью мужика онъ видѣлъ цѣлый народъ, забитый, жалкій, нищій, гонимый къ гибели пьянствомъ, нуждой, невѣжествомъ, обиліемъ винныхъ лавокъ и недостаткомъ или даже отсутствіемъ школъ и заботливаго братскаго попеченія. „Что *они* сдѣлали съ нимъ!"—съ острой болью негодованія думалъ онъ,—„когда это кончится? Проснется-ли онъ когда-нибудь? И что будетъ, когда онъ вдругъ проснется и потребуетъ отчета за свое порабощеніе, за всѣ вѣковыя муки нищеты, голода, кнута? О, онъ страшно будетъ мстить"!..

При этой мысли Никоновъ почувствовалъ злорадное удовлетвореніе. Съ поблѣднѣвшимъ отъ злости лицомъ онъ поднялъ сжатые кулаки надъ трупомъ и кому-то погрозилъ ими...

Потомъ поставилъ лампочку на

окно, вошелъ, притворилъ дверь и пошелъ черезъ дворъ къ дому.

То, что волновало его тамъ, въ комнатахъ, теперь ему казалось маленькимъ, ничтожнымъ, недостойнымъ человѣка. Главное было въ томъ, что осталось сзади него, въ мертвецкой—этотъ страшный гніющій трупъ крестьянина, убитаго въ состояніи полнаго отупѣнія отъ вина, грязи, нужды, рукой такого-же тупого, озвѣрѣвшаго своего-же брата—крестьянина. Это было такъ чудовищно, страшно, возмутительно, что Никоновъ, весь полный неудержимаго протеста и негодованія, скрежеталъ зубами, билъ себя кулаками въ грудь и былъ готовъ, если-бы предъ нимъ вдругъ встала стѣна, пробить головой эту стѣну и, такимъ образомъ, прорубить дверь и открыть входъ угнетеннымъ и замученнымъ въ царство свѣта, свободы и радости...

„Нужно работать, работать и работать, чего-бы это ни стоило"!..—думалъ онъ, широко шагая по двору, не чувствуя ни холоднаго вѣтра, ни снѣга, отъ котораго промокли его сапоги: „къ черту личная жизнь, личное счастье"!.. Онъ подумалъ о Нинѣ Петровнѣ и Александрѣ Ивановнѣ и ему захотѣлось, чтобы и онѣ думали и чувствовали такъ же, какъ сейчасъ думалъ и чувствовалъ онъ.

Въ столовой онъ увидѣлъ ихъ, сидѣвшихъ въ разныхъ концахъ комнаты въ грустно-мечтательныхъ позахъ. Обѣ были блѣдны, съ заплаканными глазами и смотрѣли такъ, какъ-будто все въ мірѣ и въ жизни для нихъ было потеряно навсегда. При входѣ Никонова онѣ вздрогнули, подняли головы и обмѣнялась взглядомъ, полнымъ жгучей ненависти и тоски. Было видно, что каждая изъ нихъ считала другую виновницей своего горя.

Никоновъ уловилъ ихъ взгляды, и его покоробило и даже смутило немного то, что онѣ такъ непростительно полны своимъ эгоистическимъ желаніемъ счастья только для себя. Но онъ тотчасъ-же подавилъ въ себѣ это непріятное чувство. Спокойно и рѣшительно подошелъ онъ къ Нинѣ Петровнѣ, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Пойдемте со мной, я вамъ что-то покажу... И вы, Александра Ивановна, тоже идите... это нужно...

Онѣ удивленно смотрѣли на него и другъ на друга, но покорно поднялись и пошли за нимъ. Онъ чувствовалъ эту покорность, съ какой обыкновенно собаки идутъ за своимъ господиномъ, и онъ понялъ теперь, что онѣ пойдутъ за нимъ всюду, куда-бы онъ ни захотѣлъ ихъ повести. И это сознаніе радовало его, открывая для него возможность заставить и ихъ думать и чувствовать то, что думалъ и чувствовалъ онъ.

Въ молчаніи прошли они темный дворъ. У дверей мертвецкой Нина Петровна схватила его за руку и что-то хотѣла сказать. Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, какъ-бы приказывая ей молчать. Она покорилась. Вошли. Запахъ сырости и разлагающагося тѣла согналъ послѣднюю краску съ лица Александры Ивановны. Она смертельно поблѣднѣла, и глаза ея испуганно расширились.

Никоновъ взялъ лампочку съ окна и подвелъ ихъ къ трупу. Александра Ивановна, взглянувъ, съ легкимъ крикомъ отшатнулась и закрыла лицо руками. Нина Петровна раздраженно воскликнула:

— Я это видѣла утромъ! Зачѣмъ вы показываете?...

Никоновъ поблѣднѣлъ и дрожащими отъ волненія губами, чуть слышно произнесъ:

— Видѣли?... И вы... могли...

Онъ не договорилъ и отвернулся. Нина Петровна мучительно покраснѣла и виновато опустила голову.

Поборовъ первое впечатлѣніе страха и отвращенія, Александра Ивановна долго, серьезно и молча смотрѣла на трупъ. Потомъ пере-

вела глаза на Никонова и встрѣтила его грустные, съ упрекомъ и тревогой смотрѣвшіе на нее глаза. Они какъ-будто говорили другъ съ другомъ глазами. Что-то необходимое для обоихъ выяснилось,—и они одновременно опустили глаза. У Нины-же Петровны вздрагивали губы, и по щекѣ ползла крупная слеза.

Никоновъ ласково взялъ обѣихъ за руку и повелъ къ выходу. Лицо его свѣтилось спокойной радостью: онъ сдѣлалъ то, что нужно было. Выходя изъ мертвецкой, онъ весело сказалъ:

— А теперь—я поѣду домой! Пошлите, Нина Петровна, кого-нибудь на станцію за лошадьми.

Нина Петровна еще ниже опустила голову. Никоновъ часто оставался у нихъ ночевать, засиживаясь до глубокой ночи, и уѣзжалъ къ себѣ утромъ. И то, что теперь онъ уѣзжаетъ такъ рано, она поставила себѣ въ вину, и шла рядомъ съ нимъ тихо, виновато и покорно. Александра Ивановна пошла впередъ распорядиться насчетъ лошадей. Никоновъ заглянулъ въ лицо Нины Петровны и тихо сказалъ:

— Простите меня, что я такъ... нехорошо... сказалъ вамъ!..

Нина Петровна подняла на него заплаканные, умоляющіе глаза и дрожащимъ голосомъ чуть слышно спросила:

— Вы... не будете... презирать меня?...

Онъ весь заволновался и испуганно заговорилъ:

— Голубчикъ вы мой, да за что мнѣ презирать васъ? Всѣ мы слабые люди, и я не лучше васъ... Полноте, что вы!.. Это все оттого, что мы мало дѣла дѣлаемъ, отъ скуки... А дѣла такъ много, такъ много, что и десять жизней, кажется, мало будетъ, чтобы все передѣлать!..

Они вошли въ комнату и сѣли у стола. У Нины Петровны лицо уже сіяло радостью и покоемъ. Она смотрѣла на Никонова, какъ на что-то новое, чего не видѣла никогда. И Никоновъ отъ этого ея взгляда не испытывалъ того волненія и сладкощемящаго чувства, какія возбуждали въ немъ ея взгляды въ началѣ вечера.

— Знаете,—говорилъ Никоновъ, ласково ей улыбаясь,—бываютъ иногда въ жизни удивительно хорошія минуты... И странно то, что, вѣдь, мы сами дѣлаемъ эти минуты, но дѣлаемъ ихъ отчего-то рѣдко, всего нѣсколько разъ въ жизни. Мы, должно быть, еще не настоящіе люди, не совершенные, много въ насъ ненужнаго, скверннаго, темнаго, отъ чего надо во что-бы то ни стало отрѣшиться!.. Надо много, много работать надъ собой...

Вошла Александра Ивановна. Нина Петровна вздрогнула, посмотрѣла на нее, и внутренняя улыбка, улыбка своей мысли, промелькнула въ ея глазахъ. Она встала и пошла навстрѣчу Александрѣ Ивановнѣ. Та удивленно взглянула на нее, остановилась, а Нина Петровна вдругъ засмѣялась и бросилась ей на шею. Онѣ цѣловались такъ, словно десять лѣтъ не видѣлись.

Подъ окнами зазвенѣли колокольчики и сразу замолкли. Въ коридорѣ послышался голосъ доктора Воропаева.

— Коля пріѣхалъ!— воскликнула Нина Петровна и бросилась въ коридоръ. Послышались поцѣлуи. Потомъ раздался шутливо-сердитый голосъ доктора:

— Пусти, сумасшедшая! Я отъ тифозныхъ! Скажите— радость какая! Давно не видались!...

Онъ вошелъ въ столовую, вытирая платкомъ лобъ, усы и бороду.

— Дождь идетъ,—объявилъ онъ, здороваясь съ Никоновымъ,—вы у насъ, конечно, остаетесь ночевать?

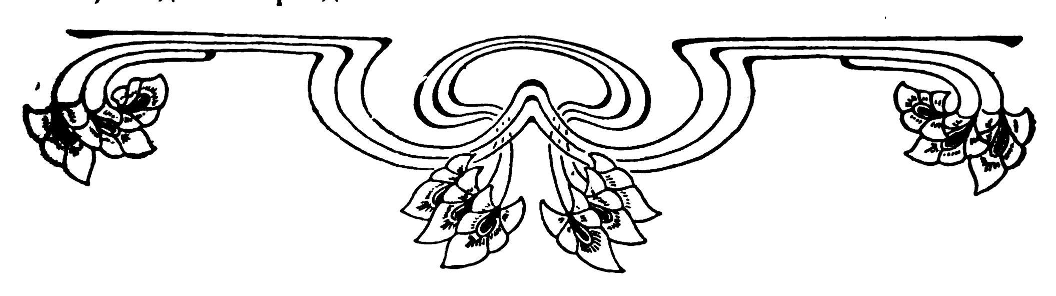
— Конечно, остаюсь... весело отвѣтилъ Никоновъ, забывъ совсѣмъ, что онъ заказалъ лошадей...

Подогрѣли самоваръ. За чаемъ докторъ разсказывалъ:

— Вотъ что, господа. Дѣло серьезное. Въ Знаменскомъ настоящая эпидемія тифа. Земская управа уполномочила меня открыть тамъ временное отдѣленіе лечебницы. Завѣдывать будешь ты, Ниночка, а я буду ежедневно наѣзжать. Вы, Ваня, не показывайте къ намъ носу, что бы не вынести отсюда заразу и не заразить вашихъ ребятъ; когда все пройдетъ—я вамъ напишу. Для васъ Александра Ивановна, остается дезинфекція крестьянскихъ избъ послѣ болѣзни...

Лица всѣхъ стали серьезны. Воцарилось молчаніе. Каждый изъ нихъ увидѣлъ предъ собой мертвое, страшное лицо мужика, лежащаго въ мертвецкой. И на лицѣ каждаго выразилась мысль боли и тоски: „ко всему еще тифъ... Господи, когда-же это все кончится!?...

Вл. Ленскій.

Барабаны.

(ИЗЪ ПѢСЕНЪ БЕРАНЖЕ).

Страхъ и ужасъ мирной жизни и спокойствія тираны,
Барабаны, барабаны, барабаны, барабаны!
Неужели не умолкнетъ никогда вашъ грубый громъ?—
Тромъ-бомъ-бомъ, тромъ бомъ-бомъ, тромъ-бомъ-бомъ,
бомъ-бомъ-бомъ-бомъ!..

Уймите музыку свою:
Политику мечей
Признаться, сильно не люблю,
А шумъ еще сильнѣй.
Страхъ и ужасъ мирной жизни и т. д.

Едва ритмическій вашъ стукъ
Услышу за окномъ
Какъ упадетъ перо изъ рукъ
Надъ начатымъ стихомъ.
Страхъ и ужасъ мирной жизни и т. д.

Окончивъ трудъ, спѣшитъ народъ
На отдыхъ и обѣдъ,—
Ворчливо барабанъ зоветъ,
И отдыха ужъ нѣтъ.
Страхъ и ужасъ мирной жизни и т. д.

Пою я братство, миръ, любовь,—
Ты бьешь въ отвѣтъ: Мечта!
На мостовой всѣхъ партій кровь
По братски пролита.
Страхъ и ужасъ мирной жизни и т. д.

Я помню вѣкъ: подъ грозный бой
Дремалъ народный умъ.
Всѣхъ влекъ къ себѣ военный строй,
Знаменъ побѣдный шумъ.
Страхъ и ужасъ мирной жизни и т. д.

Кто хочетъ славнымъ быть царемъ,
Тотъ знаетъ, какъ толпа
Всегда была подъ этотъ громъ
Безсмысленно глупа.
Страхъ и ужасъ мирной жизни и т. д.

Во Франціи у алтарей
Мы слышимъ барабанъ,
Подъ барабанъ толпу людей
Морочитъ шарлатанъ.
Страхъ и ужасъ мирной жизни и т. д.

Въ могилу дурака съ крестомъ
Подъ грохотъ ихъ несутъ;
Они въ трактирѣ за виномъ
На все походъ забьютъ.
Страхъ и ужасъ мирной жизни и т. д.

Французы! Мы такъ любимъ шумъ
И блескъ галунныхъ лентъ:
Тамбуръ-мажоръ,—безъ лишнихъ думъ,—
Прекрасный президентъ!

Страхъ и ужасъ мирной жизни и спокойствія тираны,
Барабаны, барабаны, барабаны, барабаны.
Неужели не умолкнетъ никогда вашъ грубый громъ?
Тромъ-бомъ-бомъ, тромъ-бомъ-бомъ, тромъ-бомъ-бомъ
Бомъ-бомъ-бомъ-бомъ!

Е. Кривцовъ.

Разсказы Г. Сенкевича.

I. Свѣтъ свѣтитъ во мракѣ.

(Lux in tenebris lucet).

Случаются иногда осенью, особенно въ ноябрѣ, такіе сырые, темные и пасмурные дни, что и здоровому жизнь становится въ тягость. Съ того времени, какъ Каміонка почувствовалъ себя нездоровымъ и пересталъ работать надъ статуей Милосердія, дурная погода стала разстраивать его больше самой болѣзни. Каждое утро, вставъ съ постели, онъ протиралъ большое вспотѣвшее окно мастерской и смотрѣлъ наверхъ, въ надеждѣ увидѣть хоть клочекъ лазурнаго неба, но всякій разъ его ожидало разочарованіе. Тяжелый свинцовый туманъ висѣлъ надъ землей. Хотя дождь не шелъ, но камни мостовой были влажны. Все было мокро, промозгло насквозь и пропитано сыростью, крупныя капли которой, падая съ изгибовъ водосточныхъ трубъ, звучали съ какой-то надоѣдливой монотонностью, какъ-бы отмѣчая лѣниво тянущееся тоскливое время. Окно мастерской выходило на дворъ, къ которому примыкалъ садъ. Трава за частоколомъ зеленѣла какой-то нездоровой зеленью, въ которой чуялась смерть и гніеніе, а деревья, съ остатками желтыхъ листьевъ, съ вѣтвями черными отъ сырости, и вмѣстѣ съ тѣмъ скрытыя туманомъ, казались уже вполнѣ мертвыми. Каждый вечеръ между ними раздавалось карканье воронъ, которыя съ полей и лѣсовъ стягивались уже на зимовку въ городъ и съ громкимъ хлопаньемъ крыльевъ разсаживались на ночлегъ по деревьямъ.

Въ такіе дни мастерская казалась мрачной, какъ склепъ. Мраморъ и гипсъ требуютъ хорошаго освѣщенія, а при такомъ мрачномъ свѣтѣ кажется, что ихъ бѣлизна имѣетъ въ себѣ что-то мертвенное. Изображенія изъ терракоты, теряя всю выпуклость линій, принимали неопредѣленный и почти страшный видъ.

Грязь и непорядокъ усиливали грустный видъ мастерской. На полу лежала толстымъ слоемъ пыль, образовавшаяся изъ раздавленной терракоты и нанесенной съ улицы грязи. Стѣны были мрачныя, только кое-гдѣ украшенныя гипсовыми моделями рукъ и ногъ и не имѣвшія другихъ украшеній. Недалеко отъ окна висѣло небольшое зеркало, надъ нимъ конскій черепъ и букетъ макартовскихъ цвѣтовъ, совсѣмъ почернѣвшихъ отъ пыли.

Въ углу стояла кровать, покрытая старымъ и помятымъ одѣяломъ; около нея шкафикъ съ желѣзнымъ подсвѣчникомъ. У Каміонки не было особой спальни, и онъ ночевалъ въ мастерской. Обыкновенно кровать заслонялась ширмой, но теперь ширма была отодвинута, чтобы больному можно было смотрѣть въ окно, находящееся противъ его ногъ, и наблюдать, не проясняется ли погода. Другое большое окно, продѣланное въ потолкѣ, было снаружи такъ покрыто пылью, что даже въ ясные дни свѣтъ проходилъ въ него сѣро и грустно.

Погода не прояснялась. Послѣ нѣсколькихъ дней темноты, тучи совсѣмъ спустились, воздухъ пропитался сырой мглой и стало еще темнѣе. Каміонка, ложившійся до сихъ поръ въ постель одѣтымъ, почувствовалъ себя хуже, раздѣлся и легъ, какъ слѣдуетъ.

Собственно онъ былъ не столько болѣнъ какой-нибудь опредѣленной болѣзнью, сколько придавленъ, истощенъ и грустенъ. Общая слабость подкосила его. У него не было охоты умереть, но не было и силъ жить.

Долгіе часы скучнаго дня казались ему еще скучнѣе, потому что онъ былъ одинокъ. Жена его умерла около двадцати лѣтъ назадъ, родные жили далеко, а товарищей у него не было. Въ послѣдніе годы знакомые покинули его, потому что онъ сталъ желчнымъ. Сначала это его настроеніе смѣшило всѣхъ, а потомъ, когда каждая шутка стала будить въ немъ долго не остывавшую злость, даже близкіе порвали съ нимъ отношенія.

Ему ставили въ укоръ и то, что съ теченіемъ времени онъ сталъ набожнымъ, и подозрѣвали его искренность. Злословя его, говорили, что онъ ходитъ по церквамъ, чтобы черезъ сближеніе со священниками добиться заказовъ для церквей. Это не было вполнѣ правдой. Можетъ быть, его набожность происходила не отъ глубокой и спокойной вѣры, но она была безкорыстна.

Что еще болѣе усиливало подозрѣніе, — это съ каждымъ годомъ усиливающаяся скупость Каміонки. Онъ нѣсколько лѣтъ изъ разсчета жилъ въ мастерской, питался Богъ вѣсть чѣмъ и такъ разрушилъ свое здоровье, что въ концѣ концовъ лицо его было желтымъ и прозрачнымъ, какъ восковое. Людей онъ избѣгалъ, чтобы кто-нибудь не попросилъ у него какой-нибудь услуги.

Въ общемъ это былъ человѣкъ съ испорченнымъ характеромъ, желчный и несчастливый. Все-таки это была недюжинная натура, если даже его недостатки имѣли свои собственныя артистическія свойства. Тѣ, кто думалъ, что, при своей скупости, онъ долженъ собрать крупный капиталъ, ошибались: Каміонка былъ дѣйствительно бѣднымъ человѣкомъ; все, что зарабатывалъ, онъ тратилъ на гравюры, цѣлый портфель которыхъ лежалъ у него на днѣ шкафа, и которыя онъ отъ времени до времени пересматривалъ и пересчитывалъ съ жадностью ростовщика, считающаго деньги. Онъ скрывалъ, какъ можно старательнѣе, эту наклонность, можетъ быть оттого, что она выросла на почвѣ большого несчастья и глубокаго чувства.

Разъ, приблизительно черезъ годъ послѣ смерти жены, онъ увидѣлъ у антикварія рисунокъ, изображающій Армиду, и въ лицѣ Армиды нашелъ сходство съ лицомъ своей умершей. Онъ пріобрѣлъ этотъ рисунокъ и началъ искать гравюры, сначала только изображающія Армиду, а со временемъ, когда наклонность его стала увеличиваться, то и другія.

Люди, утратившіе дорогое существо, должны привязаться къ чему бы то ни было, иначе они не могутъ существовать. Что касается Каміонки, то никто не повѣрилъ бы, что этотъ чудакъ и эгоистъ любилъ свою жену и любилъ больше жизни.

Возможно, что если бы она не умерла, то жизнь его потекла бы спокойнѣе, счастливѣе и болѣе по людски. Какъ бы тамъ ни было, любовь эта пережила въ Каміонкѣ и его молодость, и его счастливые дни, и даже его талантъ.

Набожность, которая съ теченіемъ времени обратилась въ привычку исполнять только внѣшніе обряды, произошла изъ того же источника. Каміонка, не принадлежа къ людямъ глубоко вѣрующимъ, сталъ послѣ смерти жены молиться, такъ какъ ему казалось, что это единственная вещь, которую онъ можетъ для нея сдѣлать, и что благодаря этому сохранилась еще одна нить, связывающая его съ ней.

Натуры, по виду холодныя, часто умѣютъ любить сильно и глубоко. Послѣ смерти жены, жизнь Каміонки и всѣ его мысли сосредоточились вокругъ воспоминаній о ней и черпали изъ нихъ пищу, какъ паразитное растеніе черпаетъ пищу изъ пня, на которомъ живетъ. Но изъ этого рода воспоминаній человѣческое существо можетъ черпать только отравленные соки, состоящіе изъ большой горести и несчастья. Такъ и Каміонка, отравленный воспоминаньями, гнулся и хирѣлъ.

Если бы онъ не былъ художникомъ, то онъ не пережилъ бы своей утраты, но искусство спасло его: по смерти жены онъ сталъ ваять ей памятникъ. Хотя живые говорятъ, что мертвымъ все равно, въ какомъ гробу не лежать, Каміонкѣ хотѣлось, чтобы его Зосѣ было тамъ хорошо, и онъ работалъ надъ памятникомъ столько же сердцемъ, сколько руками. Благодаря этому, онъ въ первые полъ года не сошелъ съ ума и сжился съ несчастіемъ.

Человѣкъ въ немъ былъ искалѣченъ, но искусство спасло артиста. Съ этого времени Каміонка сталъ существовать только имъ. Люди, которые любуются въ галлереяхъ статуями и картинами, не догадываются, что артистъ можетъ служить искусству честно или нечестно. Въ этомъ отношеніи Каміонка былъ безупреченъ. Онъ не былъ геніемъ, поэтому, можетъ быть, искусство не могло ни заполнить его жизни, ни вознаградить его утраты, — но онъ глубоко уважалъ его и по отношенію къ нему былъ искрененъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ ни разу не обманулъ его, ни разу не покривилъ душой, ни ради славы, ни ради денегъ, ни для похвалы, ни изъ выгоды. Онъ творилъ всегда, какъ чувствовалъ. Въ счастливые дни, когда онъ жилъ, какъ и всѣ люди, рѣчь его объ искусствѣ была искренней, а потомъ, когда отъ него стали сторониться, онъ въ своей одинокой мастерской размышлялъ о немъ съ глубокимъ и благоговѣйнымъ чувствомъ.

Онъ былъ одинокъ, но въ этомъ не было ничего страннаго. Людскія отношенія должны имѣть среднюю мѣру, въ силу которой несчастливые должны быть выключены изъ жизни. По этой причинѣ люди поростаютъ чудачествами и пороками, какъ камень, выброшенный изъ потока, поростаетъ мхомъ, когда перестаетъ тереться о другіе. Съ тѣхъ поръ, какъ Каміонка заболѣлъ, ни одна живая душа не заглядывала къ нему въ мастерскую, кромѣ прислуги, которая два раза въ день приходила ставить самоваръ и подавать ему чай. Съ каждымъ приходомъ она совѣтовала ему пригласить доктора, но онъ, боясь расходовъ, не хотѣлъ согласиться на это.

Наконецъ онъ сильно ослабѣлъ, можетъ быть, потому, что питался однимъ чаемъ. Но у него уже не было охоты ни къ ѣдѣ, ни къ работѣ, ни къ жизни. Мысли его были такъ же вялы, какъ тѣ листья, на которые онъ смотрѣлъ въ окно, и отзывались той осенью, той же непогодой, той же сѣрой мглой. Нѣтъ въ жизни минутъ горше тѣхъ, когда человѣкъ сознаетъ, что все, что онъ долженъ былъ исполнить — исполнилъ, что долженъ былъ пережить—

пережилъ, и что ему въ жизни не остается ничего. Каміонка лѣтъ пятнадцать жилъ уже въ постоянномъ безпокойствѣ, что его талантъ изсякнетъ. Теперь онъ былъ увѣренъ въ этомъ и съ горечью думалъ, что искусство для него погибло. При этомъ онъ чувствовалъ истощеніе и усталость въ каждой кости. Онъ не ждалъ скорой смерти, но не вѣрилъ и въ выздоровленіе. Вообще, у него не было ни малѣйшей искры надежды на что-нибудь.

Если онъ теперь и желалъ чего-нибудь, то это развѣ того, чтобы немного прояснилось и солнце заглянуло бы къ нему въ мастерскую. Онъ думалъ, что тогда получитъ хоть немного успокоенія. Его всегда разстраивала непогода и темнота, такіе дни всегда увеличивали его тоску и угнетенье; а что же теперь, въ то время, когда Каміонка считалъ себя безнадежнымъ?

Каждое утро, когда служанка приносила чай, Каміонка спрашивалъ:

— Не проясняется ли тамъ гдѣ-нибудь по краямъ?

— Куда тамъ, — отвѣчала служанка,—туманъ такой, что человѣкъ человѣка не видитъ.

Больной, получивъ такой отвѣтъ, закрывалъ глаза и оставался долгіе часы безъ движенія.

На дворѣ было тихо, только капли дождя ровно и однообразно стучали по желобу.

Часа въ три пополудни становилось такъ темно, что Каміонкѣ приходилось зажигать свѣчу. При его слабости это удавалось ему съ большимъ трудомъ. Прежде, чѣмъ взяться за спички, онъ долго думалъ; потомъ протягивалъ руку, замѣтная худоба которой, видимая сквозь рукавъ рубашки, наполняла его, какъ ваятеля, отвращеніемъ и горечью. Потомъ, когда огонь былъ зажженъ, онъ неподвижно лежалъ до вечерняго прихода прислуги, съ закрытыми глазами прислушиваясь къ шуму дождевыхъ капель въ желобѣ.

Странной представлялась въ это время мастерская. Пламя свѣчи освѣщало кровать и лежащаго на ней Каміонку, собираясь въ блестящія точки на его лбу, обтянутомъ сухой, желтой и какъ бы полированной кожей. Остальная часть мастерской погружалась въ мракъ, съ каждой минутой становившійся гуще. Но по мѣрѣ того, какъ на дворѣ темнѣло, статуи розовѣли и оживали. Пламя свѣчи то поднималось, то опускалось, и въ этомъ дрожащемъ свѣтѣ онѣ, казалось, опускались и поднимались, какъ будто-бы становясь на цыпочки и желая лучше всмотрѣться въ лицо ваятеля и удостовѣриться, что ихъ творецъ еще живъ. И дѣйствительно, въ этомъ лицѣ была неподвижность смерти. Но время отъ времени синеватыя губы больного слегка двигались, какъ-будто онъ молился или проклиналъ свое одиночество и тѣ докучливыя капли дождя, которыя все время одинаково однообразно отмѣчали ему часы болѣзни.

Въ этотъ вечеръ служанка пришла немного выпивши, а потому разговорчивѣе, чѣмъ всегда. Она сказала:

— У меня столько работы, что я едва могу приходить два раза въ день. Взяли бы вы себѣ монахиню. Сестрѣ не надо платить и она лучше угодитъ больному.

Каміонкѣ понравился этотъ совѣтъ, но какъ всѣ больные, онъ имѣлъ привычку противиться всему, что ему совѣтовали; и онъ отказался. Однако по уходѣ прислуги онъ думалъ надъ этимъ. Сестра милосердія!.. правда, ей платить не надо, а какая помощь и удобство! У Каміонки, какъ у всѣхъ больныхъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, было много непріятностей и ему приходилось бороться съ тысячью мелочей, которыя ему докучали и выводили его изъ терпѣнія. Онъ не разъ лежалъ съ головой, неудобно наклоненной, и не могъ поправить себѣ подушекъ; не разъ ночью ему ста-

новилось холодно, и онъ далъ бы Богъ вѣсть что за стаканъ чаю. Но если ему было трудно зажечь свѣчу, то что же было и пытаться вскипятить себѣ воды. А сестра милосердія дѣлала бы все это со свойственной имъ мягкой добротой. Насколько было бы легче болѣть при такой помощи!

Бѣдняга дошелъ до того, что о болѣзни при такихъ условіяхъ сталъ думать, какъ о чемъ-то желанномъ и пріятномъ, и удивлялся тому, что ему доступно такое счастье.

Ему казалось, что еслибы пришла сестра милосердія и внесла съ собой въ мастерскую немного жизни и успокоенія, то прояснилось бы и на дворѣ, и эти звенящія капли влаги перестали бы преслѣдовать его.

Онъ сталъ сожалѣть, что сразу не согласился на совѣтъ прислуги. Приближалась ночь, длинная и угрюмая, а служанка должна была прійти только утромъ. Онъ чувствовалъ, что эта ночь будетъ для него тяжелѣе всѣхъ предыдущихъ.

Ему пришло въ голову, какъ онъ покинутъ, и, въ противоположность теперешней ночи, прежняя счастливая жизнь стала передъ его глазами. И, какъ за минуту передъ тѣмъ мысли о сестрѣ милосердія, воспоминаніе объ этихъ годахъ чудесно соединилось въ его ослабѣвшемъ мозгу съ понятіемъ о солнцѣ, свѣтѣ и хорошей погодѣ.

Онъ началъ думать о своей умершей и разговаривать съ ней, какъ дѣлалъ всегда, когда ему было очень тяжело. Наконецъ онъ измучился, почувствовалъ слабость и заснулъ.

Свѣча, стоявшая на шкафикѣ, понемногу догорала. Пламя ея изъ розоваго сдѣлалось синеватымъ, потомъ нѣсколько разъ сильно вспыхнуло и, наконецъ, погасло. Мракъ охватилъ мастерскую.

А тѣмъ временемъ на дворѣ капли сырости падали внизъ такъ ровно и такъ угрюмо, какъ будто онѣ были слезами мрака и печали цѣлой природы.

Каміонка спалъ легкимъ сномъ, но вдругъ проснулся съ смутнымъ сознаніемъ, что что-то необычайное дѣлается въ мастерской. Свѣтало. Мраморъ и гипсъ начали бѣлѣть. Широкое венеціанское окно противъ кровати съ каждымъ мгновеніемъ наполнялось блѣднымъ свѣтомъ.

Въ этомъ освѣщеніи Каміонка увидѣлъ какую-то фигуру, сидящую около кровати.

Она сидѣла неподвижно, слегка повернувшись къ окну и склонивъ голову; руки ея были сложены на колѣнахъ и казалось, что она молится. Больной не могъ увидѣть ея лица. Но онъ отчетливо видѣлъ ея бѣлое покрывало и темный абрисъ плечъ, слегка наклоненныхъ.

Сердце его начало биться какъ-то неспокойно, а въ головѣ мелькнулъ вопросъ:

— Когда прислуга могла привести сюда эту сестру милосердія? и какъ она сюда вошла?

Затѣмъ онъ подумалъ, что ему это чудится отъ слабости. Онъ закрылъ глаза. — Черезъ минуту онъ открылъ ихъ снова.—Сестра милосердія сидѣла на томъ же мѣстѣ неподвижно, какъ бы погрузившись въ молитву.

Странное чувство, состоящее изъ страха и большой радости, начало шевелить волоса на головѣ больного. Что-то тянуло его взоры къ этой фигурѣ. Ему казалось, что онъ уже когда-то видѣлъ ее, но гдѣ и когда—онъ не помнилъ. Его охватило неудержимое желаніе увидѣть ея лицо, но бѣлое покрывало мѣшало этому. Каміонка-же, самъ не зная почему, ни окликнуть ее, ни пошевелиться, ни громко вздохнуть не могъ. Онъ чувствовалъ, что страхъ и радость охватываютъ его все сильнѣе, и съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, что это такое.

Тѣмъ временемъ вполнѣ разсвѣло. Что за чудное утро должно было быть тамъ, на дворѣ! Свѣтъ сразу хлынулъ въ окно мастерской такъ сильно и весело, какъ будто теперь

была весна и май. Потоки золотого свѣта, какъ вода въ половодье, начали наполнять комнату, заливая ее такъ могущественно, что статуи какъ бы утонули и растворились въ этомъ свѣтѣ, стѣны слились съ нимъ, затѣмъ окончательно исчезли, и Каміонка очутился въ какомъ-то свѣтломъ пространствѣ безъ границъ.

Въ то же самое время онъ замѣтилъ, что покрывало на головѣ монахини начинаетъ терять свою твердость, края его дрожатъ, таютъ, оно расплывается, какъ свѣтлый туманъ, и также обращается въ свѣтъ.

Монахиня повернула открывшееся лицо къ больному,—и вдругъ покинутый бѣднякъ увидѣлъ въ свѣтломъ ореолѣ знакомыя, любимыя черты своей умершей.

Онъ вскочилъ съ кровати, а изъ груди его вырвался крикъ, въ которомъ отозвались цѣлые годы слезъ, сожалѣнія, горести и отчаянія:

— Зося, Зося!

И, обнявъ ее, онъ прижималъ ее къ себѣ, а она руками его шею.

Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе.

— Ты не забылъ меня,—говорила она,—и вотъ я пришла и вымолила тебѣ легкую смерть.

Каміонка держалъ ее въ объятіяхъ, какъ бы боясь, что благословенное видѣніе исчезнетъ отъ него вмѣстѣ съ этимъ свѣтомъ.

— Я готовъ умереть,—отвѣтилъ онъ,—лишь бы ты осталась со мной!

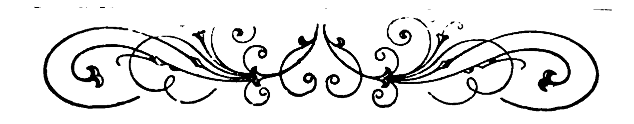
Она улыбнулась ему ангельской улыбкой и, отнимая одну руку отъ его шеи и указывая ею внизъ, сказала:

— Ты уже умеръ: смотри туда!

Каміонка взглянулъ по направленію ея руки и тамъ, подъ ногами, увидѣлъ черезъ окно въ потолкѣ внутренность своей мрачной, одинокой мастерской; въ ней на кровати лежалъ его собственный трупъ съ открытымъ ртомъ, который на пожелтѣвшемъ лицѣ казался черной ямой.

И онъ смотрѣлъ на него, какъ на посторонній предметъ.

Минуту спустя все начало исчезать изъ его глазъ, потому что какой-то ослѣпляющій ихъ блескъ, какъ бы гонимый свѣтлымъ вѣтромъ, шелъ куда-то въ безконечность.......

II. Будь благословенна!

(Индійская легенда).

Разъ, въ ясную лунную ночь, мудрый и великій Кришна глубоко задумался и сказалъ:

— Я думалъ, что человѣкъ лучшее твореніе на землѣ—и я ошибался. Вотъ, передо мной цвѣтокъ лотоса, колеблемый ночнымъ вѣтеркомъ. О, насколько онъ прекраснѣе всѣхъ живыхъ существъ! лепестки его открылись подъ серебристымъ свѣтомъ луны и я не могу оторвать отъ него глазъ!..—Да, среди людей нѣтъ ничего подобнаго,—повторилъ онъ со вздохомъ.

Но черезъ минуту онъ подумалъ:

— Почему бы я, богъ, не имѣлъ могущества создать существо, которое среди людей было бы тѣмъ, чѣмъ лотосъ среди цвѣтовъ. Пусть же будетъ такъ на радость людямъ и землѣ. Лотосъ, обратись въ живую дѣвушку и стань передо мной!

Волны дрогнули, какъ будто ихъ коснулось крыло ласточки, ночь стала свѣтлѣй, луна ярче заблестѣла на небѣ, громче запѣли ночные дрозды, а затѣмъ все умолкло. И чудо совершилось: передъ Кришной стоялъ лотосъ въ образѣ человѣка.

Самъ богъ былъ восхищенъ.

— Ты была цвѣткомъ озера,—сказалъ онъ,—будь же цвѣткомъ моей мысли. Заговори.

И дѣвушка начала шептать такъ тихо, какъ шелестятъ бѣлые лепестки лотоса, когда ихъ цѣлуетъ лѣтній вѣтерокъ.

— Боже, ты далъ мнѣ жизнь,—гдѣ же ты повелишь мнѣ жить? Вспомни, Господи, что, когда я была цвѣткомъ, я вздрагивала и сжимала лепестки отъ каждаго вздоха вѣтерка. Я боялась проливныхъ дождей и бурь, я боялась грома и молніи, я боялась палящихъ лучей солнца. Ты повелѣлъ мнѣ стать воплощеніемъ лотоса, и я сохранила мою прежнюю природу и теперь боюсь, Боже, земли и всего, что на ней находится.—Гдѣ мнѣ повелишь жить?

Мудрый Кришна возвелъ глаза къ звѣздамъ, подумалъ минуту и спросилъ:

— Хочешь жить на вершинѣ горъ?

— Тамъ снѣга, тамъ холодно, Господи: я боюсь.

— Тогда... я построю тебѣ хрустальный дворецъ на днѣ озера.

— Въ глубинѣ водъ живутъ змѣи и другія чудища: я боюсь, Господи.

— Хочешь въ безпредѣльныя степи?

— О, Боже, вихри и бури проносятся надъ ними подобно дикимъ стадамъ...

— Что же мнѣ сдѣлать съ тобой, воплощенный цвѣтокъ?..—А, въ пещерахъ Эллоры живутъ святые пустынники... хочешь жить вдали отъ свѣта, въ пещерахъ?

— Тамъ темно, Боже; я боюсь!

Кришна сѣлъ на камень и подперъ голову рукой. Дѣвушка стояла передъ нимъ, дрожащая и боязливая.

Въ это время заря окрасила небо на востокѣ. Озолотились глубь озера,

пальмы и бамбуки. Дружнымъ хоромъ откликнулись розовыя цапли, голубые журавли, бѣлые лебеди на водахъ, павлины и райскія птицы въ лѣсахъ, и, какъ бы вторя имъ, раздались звуки струнъ лиры и слова человѣческой пѣсни.

Кришна очнулся отъ задумчивости и сказалъ:

— Это поэтъ Вальмики привѣтствуетъ восходъ солнца.

Черезъ мгновеніе раздвинулись гирлянды пурпуровыхъ цвѣтовъ, покрывающихъ ліаны, и надъ озеромъ показался Вальмики.

Увидѣвъ воплощенный лотосъ, онъ пересталъ играть. Перламутровая лира свободно упала изъ его рукъ на землю, руки опустились, и онъ сталъ, онѣмѣвъ, какъ будто великій Кришна обратилъ его въ дерево надъ озеромъ.

А богъ, довольный этимъ, сказалъ:

— Очнись, Вальмики, и заговори!..

И Вальмика промолвилъ:

— ...Я люблю!..

Только это слово онъ помнилъ и его могъ произнести.

Лицо Кришны прояснилось.

— Чудесная дѣвушка, я нашелъ тебѣ жилище на землѣ: живи въ сердцѣ поэта.

А Вальмики повторилъ:

— ...Я люблю...

Воля могучаго Кришны, воля божества начала двигать дѣвушку къ сердцу поэта. Въ то же время богъ сдѣлалъ сердце Вальмики прозрачнымъ, какъ хрусталь.

Прекрасная, какъ лѣтній день, спокойная, какъ волны Ганга, вступила дѣвушка въ назначенное убѣжище. Но, когда она разсмотрѣла глубь сердца Вальмики, лицо ея поблѣднѣло и страхъ охватилъ, какъ холодъ зимы. И Кришна удивился этому.

— Воплощенный цвѣтокъ, — сказалъ онъ, —ты боишься и сердца поэта?

— Боже, — отвѣтила дѣвушка,— гдѣ повелѣлъ ты мнѣ жить?! Тамъ, въ одномъ этомъ сердцѣ, я увидѣла и снѣговыя вершины горъ, и глубину водъ, полную дивныхъ существъ, и степь съ вихрями и бурями, и темныя пещеры Эллоры; и я опять боюсь, о, Боже!..

Но добрый и мудрый Кришна сказалъ:

— Успокойся, воплощенный цвѣтокъ.—Если въ сердцѣ Вальмики лежатъ вѣчные снѣга,—ты будь теплымъ дыханіемъ весны, подъ которымъ они растаютъ; если тамъ глубина водъ,—ты будь жемчужиной въ этой глубинѣ; если тамъ пустынная степь,—посѣй въ ней цвѣты счастья; если тамъ темныя пещеры Эллоры,—будь въ ихъ мракѣ лучемъ солнца...

А Вальмики, къ которому въ это время вернулся даръ слова, прибавилъ:

— ...И будь благословенна!..

Г. Поповъ.

Предательница.

(Изъ современной жизни).

М. Гутмана.

Дверь камеры захлопнулась за ней, лязгнувъ желѣзнымъ засовомъ. Сквозь окошечко въ двери донеслось гулкое эхо и затихло. И шаги приведшаго ее тюремщика затихли.

Нѣсколько мгновеній она простояла среди камеры съ тѣмъ-же окаменѣло-презрительнымъ лицомъ, съ какимъ выдержала долгіе часы упорнѣйшаго обыска, съ какимъ отказалась отвѣчать на вопросы жандармскаго офицера и подписывать протоколъ. Только при прощаніи съ трехлѣтней малюткой Люси, полупроснувшейся, теревшей съ просонья глазки маленькими кулачками, недоумѣло-испуганно посматривавшей на чужихъ бородатыхъ людей, рывшихся по спальнѣ, и на мать, собирающуюся куда то идти ночью,—лицо ея дрогнуло... Дрогнуло оно и теперь, въ тюрьмѣ, когда она вдругъ ярко представила себѣ плачущую, испуганную дѣтку.

— Люси, Люси.

И дыханье вышло стономъ сквозь стиснутые зубы, и хрустнули заломленные надъ головой пальцы.

Потянулись мучительные дни, звенящую пустоту которыхъ можетъ понять лишь человѣкъ, побывавшій въ одиночномъ заключеніи. Дни, послѣ которыхъ, еще долго затѣмъ на свободѣ, остановившіеся глаза какъ-бы всматриваются съ невыразимой сосредоточенностью въ что-то огромно-важное и таинственное, незнакомое этимъ людямъ, безпечно пользующимся свободой и свѣтомъ. И словно мысль безпрестанно возвращается все къ тому-же таинственному, поразившему ее своимъ грознымъ величіемъ...

Такъ прошло долгихъ два мѣсяца, долгихъ шестьдесятъ дней, въ теченіе которыхъ образъ покинутаго ребенка не оставлялъ ее ни на минуту. Ее привели на допросъ, въ особую комнату, тутъ-же въ тюрьмѣ.

Старшій жандармскій офицеръ, производившій у нея обыскъ, сидѣлъ за небольшимъ столомъ, заваленнымъ бумагами, рылся въ нихъ и изрѣдка бросалъ на нее быстрые взгляды. Она стояла передъ нимъ, похудѣвшая, съ горящими черными глазами, но гордая

и спокойная. Въ дверяхъ вытянулись два солдата.

Офицеръ откинулся на спинку стула, бросивъ кипу бумагъ:

— Вы намъ скажете имена!

Въ отвѣтъ послышалось холодное, отрывистое:

— Нѣтъ.

— Запирательства безполезны: они намъ извѣстны. Намъ требуется лишь ваше подтвержденіе.

— Я презираю васъ.

— Вы себѣ вредите.

— Я... презираю... васъ.

— Уведите ее!

Она повернулась и пошла. Но на порогѣ обернулась.

— Почему ко мнѣ не пускаютъ моего ребенка?

Офицеръ отвѣтилъ насмѣшливо:

— Вы его не увидите.

Ее увели и снова заперли.

Когда она осталась одна, желаніе видѣть малютку стало щемящимъ, все поглощающимъ чувствомъ.

Люси, Люси!... Видѣть ее, поцѣловать розовую ножку, услышать милый лепетъ...

Она ходила по камерѣ, быстро и неровно, тяжело дыша. Она безсознательно останавливалась, прикладывала ладони рукъ къ стѣнамъ, и черезъ минуту отдергивала и снова кружилась по камерѣ, шепча:

— Люси, Люси...

Снова потянулись дни,— однообразные, неподвижные въ своемъ однообразіи. Время остановилось, словно скованное міровымъ холодомъ въ своемъ теченіи... Но на этотъ разъ его неподвижность была еще болѣе мучительна, нежели первые дни, потому что жажда видѣть ребенка становилась болѣзненной, пожиравшей душу.

Вскорѣ у нея начались галлюцинаціи. По ночамъ она просыпалась и видѣла около себя на постели Люси. И тогда она вскакивала и ходила по камерѣ, такъ какъ боялась ложиться.

Временами звенящая тишина камеры возбуждала въ ней острое безпокойство, какъ предчувствіе близкой, но невѣдомой еще смертельной опасности. Тогда, чтобы нарушить тишину и задушить безпокойство, она начинала шептать:

— Люси... Люси...

Но шепотъ скоро повышался и переходилъ въ громкій призывный крикъ, безпокойно метавшійся по широкому коридору:

— Люси!.. Люси!..

Въ двери отворялось оконце, и оттуда слышалось угрожающее приказаніе:

— Не кричать!..

И она умолкала. Она начинала бояться — и тишины, и стука дверей, и голоса тюремщиковъ.

О ея призывахъ Люси сообщили жандармамъ. Ее снова призвали на допросъ. Но когда она увидала офицера и передъ ней возстала картина обыска,—силы ея вернулись, и она снова отвѣтила спокойнымъ и гордымъ:

— Нѣтъ!..

Офицеръ пристально осмотрѣлъ ея ставшее землистымъ, осунувшееся лицо и опустилъ глаза на бумагу. Оба молчали. Наконецъ, офицеръ началъ:

— Вы хотите видѣться съ вашей дѣвочкой?

— Почему вы не пускаете ее ко мнѣ?!—негодующе крикнула она.

— Мы не имѣемъ права. Но это легко сдѣлать: назовите намъ имена,—и вы ее увидите

— Вы—подлецъ!..

Ее увели и черезъ недѣлю снова привели. Офицеръ сказалъ:

— Слушайте. Вашъ ребенокъ боленъ. Онъ ежедневно призываетъ васъ и боленъ отъ тоски. Своимъ безполезнымъ упорствомъ вы его губите. Вы всѣ, якобы борцы за человѣчество, вы жестоки и безжалостны къ собственнымъ дѣтямъ! Назовите имена,—и мы сейчасъ приведемъ ребенка. Поймите,—вы его убиваете!..

Блѣдная, какъ смерть, она сдѣ-

лала шагъ къ нему съ угрожающе поднятой рукой, но солдаты схватили ее за руки и увели.

Люси! Люси больна, тоскуетъ по ней, умираетъ...

Она уже не бѣгала по камерѣ, а по цѣлымъ днямъ лежала съ тупымъ отчаяніемъ, положивъ руки подъ голову и устремивъ невидящіе глаза въ потолокъ.

Люси ярко представлялась ей —то беззаботно играющей, то плачущей, то больной и умирающей.

Иногда она вспоминала какую-нибудь проказу Люси,—одну изъ тѣхъ дѣтскихъ выходокъ, такъ неожиданныхъ и необычайно милыхъ для матери,—и улыбалась.

Чаще всего ей представлялась одна забавная выходка Люси передъ сномъ. Живая и шаловливая, она съ большимъ трудомъ поддавалась уговорамъ заснуть. Послѣ цѣлаго часа уговариванія и шалостей въ постели, въ теченіе котораго и мать и дочь въ перемежку заливались смѣхомъ, мать говорила серьезнымъ тономъ:

— Если ты заснешь — я тебѣ дамъ шеколаду.

Люси перестаетъ брыкать ножками. Шеколадъ—это вещь, и она плутовски посматриваетъ на мать.

— А когда ты дашь?—спрашиваетъ она.

— Какъ заснешь—сейчасъ и дамъ.

Люси думаетъ. Затѣмъ, вздохнувъ, ложится на бокъ. Одну ручку она кладетъ подъ щечку, а другую протягиваетъ за спину къ матери и, забавно зажмуривъ глазенки, говоритъ:

— Ну, вотъ я заснула... дай шеколаду!..

Мать заливается веселымъ смѣхомъ и осыпаетъ плутовку безчисленными поцѣлуями. И снова возня и счастливый смѣхъ матери и дочери. А потомъ Люси внезапно засыпаетъ, не договоривъ какое-то забавное, только ею изобрѣтенное слово, съ улыбкой на пухлыхъ губкахъ...

Она вспоминала и улыбалась. Но вдругъ дѣйствительность ударяла по сознанію,—и тогда казалось, что сердце не вынесетъ нахлынувшей боли и тоски.

Она придумывала тысячу комбинацій, замысловатыхъ и въ то-же время безумныхъ по своей невыполнимости, съ цѣлью добиться свиданія, и черезъ минуту сознавала ихъ безуміе, и приходила въ отчаяніе.

Тогда она рѣшила, что была слишкомъ надменна съ офицеромъ.

Постучавъ въ дверь, она сказала вошедшему тюремщику, что желаетъ сообщить нѣчто важное жандармамъ. Черезъ часъ она стояла передъ офицеромъ и, ломая руки, безпомощно глядя на деревянное лицо его, говорила:

— Умоляю васъ... именемъ вашихъ дѣтей.. На одну минуту, въ вашемъ присутствіи...

Но онъ медленно и тягуче повторялъ что-то, одно и тоже.

Слова его едва долетали до ея сознанія—такъ все это было ужасно: и ея униженіе, и болѣзнь Люси, и цѣна, за которую ей предлагали свиданіе съ ребенкомъ. И когда она, наконецъ, уловила общій смыслъ словъ офицера, глаза ея изступленно округлились, и она дико закричала:

— Па-лачъ!..

Ее увели, трясущуюся въ пароксизмѣ изступленія, съ судорожно прижатыми къ груди руками, съ безумнымъ, остановившимся взглядомъ округлившихся глазъ...

Затѣмъ наступила апатія.

Время исчезло. Камера, съ ея по цѣлымъ днямъ неподвижно лежавшей фигурой, вся какъ-бы переполнилась тяжелымъ, угрюмымъ молчаніемъ. Лѣтніе дни уже давно смѣнились осенними сумерками, сгустивъ вѣчныя тѣни камеры. Она лежала съ открытыми глазами. Изъ темныхъ угловъ ползла тишина и наполняла ей голову тихимъ, однотоннымъ звономъ. Тю-

ремщикъ, вносившій и уносившій пищу, до которой она едва дотрагивалась, не могъ выносить тяжелаго, сосредоточеннаго взгляда ея глазъ, ставшихъ огромными, — и отворачивался, встрѣтившись съ нимъ, и спѣшилъ уйти. Она лежала, вслушиваясь въ тишину, слѣдя глазами за тѣнями, упорно и медленно описывавшими полукругъ по камерѣ со стѣны на стѣну, съ утра до вечера.

По ночамъ смутныя, неясныя видѣнія наполняли ея камеру своими силуэтами. То были не земного вида птицы и животныя. Она не боялась этихъ видѣній: они всѣ имѣли грустныя и добрыя очертанія. Замѣтнѣе другихъ выдѣлялась странная птица, примостившаяся какъ-то на гладкой стѣнѣ надъ дверью. Эта птица, вытянувъ шею и распустивъ крылья, начинала едва слышно о чемъ-то шептать, грустно и ласково, словно разсказывая какую-то безконечно печальную сказку, изрѣдка медленно качая головой. Вскорѣ къ ея шепоту присоединялся сочувственный шепотъ другихъ тѣней-птицъ, и камера наполнялась едва уловимымъ, печальнымъ и ласковымъ шепотомъ. Въ этомъ шепотѣ было столько неземной, очищающей скорби, что сердце становилось огромнымъ отъ боли, и изъ глазъ исходили крупныя, медленныя слезы, и текли по вискамъ на подушку. А она лежала, не замѣчая слезъ, и смотрѣла въ темноту, прислушиваясь къ скорбному шепоту...

Она, видимо, угасала съ каждымъ днемъ, и ее стали насильно выводить на прогулку. Съ безучастнымъ видомъ выходила она на небольшой дворикъ, огороженный высокой каменной стѣной, но отъ слабости не могла ходить, и садилась на скамейку. Черезъ полчаса съ тѣмъ-же безучастнымъ видомъ, она возвращалась въ свою камеру, и ложилась, и ждала ночныхъ видѣній съ ихъ скорбно-успокоительнымъ шепотомъ.

Однажды приставленный къ ней тюремщикъ подсмотрѣлъ, какъ она, сдѣлавъ изъ своей маленькой подушки фигуру куклы, тихо укачивала ее на колѣнахъ, улыбаясь и что-то шепча. На другой день, въ то время, какъ она была на прогулкѣ, въ ея камеру внесли и положили на постель какой-то предметъ.

Когда она, вернувшись съ прогулки, медленными шагами смертельно больного человѣка приблизилась къ постели и увидѣла этотъ предметъ,—она отшатнулась и впилась пальцами въ спинку кровати, установившись безумнымъ взглядомъ на нѣчто неизмѣримо дорогое и знакомое... И вдругъ она узнала одно изъ платьицъ Люси.

Съ дикимъ воплемъ кинулась она къ драгоцѣнной вещи, но также внезапно остановилась, и бросилась обратно, къ двери. Къ ней какъ-бы вернулась и былая желѣзная энергія и твердое сознаніе.

Ей не пришлось стучать. Слѣдившій за ней черезъ окошечко тюремщикъ распахнулъ дверь и по первому ея требованію повелъ ее внизъ, въ комнату, гдѣ съ нея снимали допросъ. Она шла, какъ и прежде, твердо и спокойно, съ поднятой головой, и лишь необычайно расширившіеся зрачки глазъ показывали пожиравшее ее внутри пламя.

Первыя слова ея были, когда она предстала передъ жандармомъ:

— Жива-ли Люси?

И когда она услышала утвердительный отвѣтъ, изъ груди ея вырвался глубокій, продолжительный вздохъ. Затѣмъ она сѣла и разсказала все, что отъ нея требовали...

. . . .

. . . .

Черезъ часъ страшнаго ожиданія въ комнату ввели прелестную малютку, съ русыми локонами, рас-

краснѣвшуюся отъ холода, испуганно и удивленно озиравшуюся.

— Люси!!!

Съ воплемъ, въ которомъ вылились всѣ нечеловѣческія страданія, вынесенныя ею за восемь мѣсяцевъ одиночнаго заключенія, кинулась къ ней мать, упала на колѣни и, плача и смѣясь, стала покрывать поцѣлуями голову, руки, лицо...

Дѣвочка забилась и закричала, въ смертельномъ испугѣ отворачиваясь и защищаясь ручками отъ страшнаго, незнакомаго лица съ космами распустившихся сѣдыхъ волосъ...

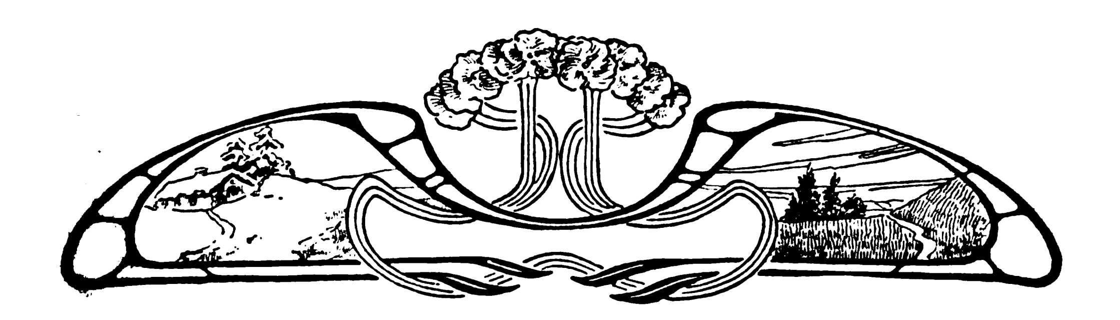
На мгновеніе въ глазахъ матери сверкнуло безуміе и погасло. Сердце перестало биться. Похолодѣвшая отъ надвигающагося ужаса, которому она еще не хотѣла вѣрить, она начала нѣжно и тихо говорить:

— Люси... вѣдь, это я... твоя мама...

Услышавъ знакомый голосъ, ребенокъ быстро затихъ и обернулся, но снова увидѣвъ страшное и незнакомое лицо, забился и закричалъ...

...Ребенка увели, а ее, связанную, въ припадкѣ дикаго умоизступленія, унесли на рукахъ и заперли.

М. Гутманъ.

Богиня.

(ИЗЪ ПѢСЕНЪ БЕРАНЖЕ).

Тебя-ли я видѣлъ? Тѣснился народъ
Шумящей толпой вкругъ твоей колесницы;
Со знаменемъ въ гордо поднятой десницѣ
Ты смѣло и прямо глядѣла впередъ;
Восторженнымъ кликомъ на многіе годы
Увѣнчана славой, прекрасна, горда,
Была ты достойна названья тогда
Богини Свободы.

Руины темницъ возвышались кругомъ.
Сверкало оружье, знамена шумѣли,
Прелестныя дѣвы хвалу тебѣ пѣли,
Летѣли цвѣты непрерывнымъ дождемъ.

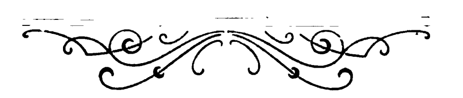
И я, ужъ вкусившій отъ чаши невзгоды,
Ребенокъ, растущій въ нуждѣ сиротой,
Воскликнулъ: Будь матерью мнѣ дорогой,
Богиня Свободы!

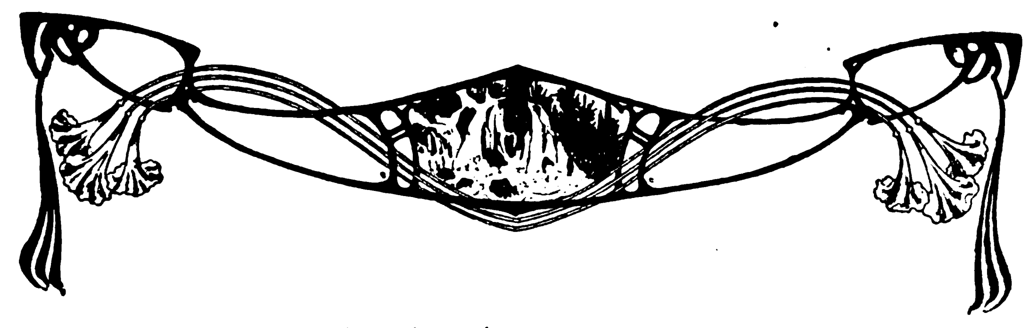
Пила гильотина безъ отдыху кровь...
Но дѣтскій мой умъ понималъ въ этомъ мало,
И пылкое сердце мое волновала
Къ отечеству только святая лобовь...
Ступилъ чужеземецъ за Рейнскія воды;
Все шло на защиту отчизны тогда...
Верни мнѣ мои золотые года,
Богиня Свободы!

Но двадцать лишь лѣтъ,—и потухъ тотъ вулканъ,
Что лавой своею залилъ полвселенной
Два раза пришелъ чужеземецъ надменный
И дань съ насъ собралъ въ свой бездонный карманъ.
Вложивши въ молитву подъ гулъ непогоды
Весь жаръ свой, любовь подаря красотѣ,
Тебя позабыли въ мірской суетѣ,
Богиня Свободы!

Ты вновь предо мною, но пѣснямъ моимъ
Внимаешь, краснѣя, со взоромъ печальнымъ.
Морщины легли на челѣ идеальномъ,
И вижу я: все улетѣло, какъ дымъ,—
Величіе, слава на долгіе годы,
Алтарь, колесница, восторгъ и цвѣты,
И больше, увы, не богиня ужъ ты,
Богиня Свободы!

Є. Кривцовъ.

И. Я. Франко.

(Украинскій писатель).

С. Бачинекаго.

Имя Ивана Яковлевича Франко очень мало извѣстно русской публикѣ; оно по разнымъ причинамъ очень часто замалчивалось въ періодическихъ изданіяхъ. Между тѣмъ, знакомство съ „пѣвцомъ любви и гуманности“ очень бы пригодилось ей. Его художественное творчество стоитъ въ связи съ общественной дѣятельностью, хотя и не подчинено ей. Героями почти всѣхъ его произведеній является „рабочій людъ“, понимаемый, конечно, въ широкомъ, всеобъемлющемъ смыслѣ, т. е. сюда слѣдуетъ отнести всѣхъ вообще, кто такъ или иначе трудится, кто зарабатываетъ своимъ трудомъ насущный кусокъ хлѣба.

Еще при началѣ своей дѣятельности, Франко хотѣлъ показать все житье-бытье украинскаго народа и интеллигенціи, но хотя этотъ громадный трудъ и остался не выполненнымъ вслѣдствіе особыхъ условій существованія, извѣстныхъ изъ его біографіи [1], но все таки много далъ матеріала для уразумѣнія жизни этого народа.

Тяжкое впечатлѣніе производятъ на душу читателя всѣ существа, описанныя Франкомъ. Вездѣ только горе, тяжелый трудъ безъ отдыха [2]; холодъ, голодъ и даже голодная смерть [3]; безвыходная, безысходная нужда [4]), всякаго рода обманы и притѣсненія [5]), непомѣрныя подати и налоги [6]), разнаго рода злоупотребленія [7]), лохмотья вмѣсто одежды, недостатокъ пищи, жизнь въ проголодь, полуразвалившаяся хатенка, полная дыма и копоти,—вотъ матеріальныя условія жизни.

Не лучше и духовная жизнь народа. Ему недоступно ни образованіе, ни чтеніе, ни даже простая грамота. Онъ пребываетъ въ полномъ невѣжествѣ среди тяжелаго труда, съ утра до вечера работаетъ какъ волъ, а остальное время отдыхая въ тревожномъ, болѣзненномъ снѣ. Чтобы забыться отъ такой каторж-

---

1) См. Автобіографія при книгѣ: „Въ Поті Чола“ Львівъ 1890 г.; при польскомъ пореводѣ его разсказовъ „Obrazki galicyjskie“ Lwów 1897 г.; статью его же „Д-ръ Остапъ Терлецький Споминн і матерьяли“, „Зап. Наумов. Товариства ім. Шевченка“ т. I-й; С. Ефремовъ Пѣвецъ борьбы и контрастовъ. „Кіев. Ст.“ 1903. XI—XII.

2) „Лемшина челядь“. „Въ поті чола“ Кіев. 1902, т. I. ст. 5—21.

3) „Цигани“—ib. т. II, стр. 39 58.

4) „Самъ собі винепъ“—ib. т. I. стран. 194 –208.

5) „Ліси і пасовиська“—ib. т. II, стран. 59—76.

6) „Добрий заробокъ“—ib. т. I, стран. 224—233.

7) „Історія одного кожуха“.

ной жизни, у него одно средство — водка,—и онъ пьетъ безъ просыпу, пропиваетъ весь свой заработокъ, пускаетъ по міру забитую жену и дѣтишекъ, губитъ свое здоровье, свою силу и быстрыми шагами приближается къ смерти.

А его безпомощностью пользуются эксплоататоры и хищники, которые цѣпко обхватываютъ и ужъ не выпускаютъ изъ рукъ намѣченныхъ жерствъ. Прочтите повѣсти Франко: „Boa constrictor“ [8]), „Бориславъ сміетьця“ [9]), разсказы: „На работи“ [10]), „Ріпникъ“ [11]), „Наверненый грішникъ“ [12]), „Полуйка“ [13]), „Яць Зелепуга“ [14]), „Вівчаръ“ [15]) и др.—и передъ вами встанетъ безпросвѣтная, мрачная, полная ужаса и безотрадности картина, не имѣющая ни одного свѣтлаго момента, гдѣ бы могъ отдохнуть глазъ читателя.

А сколько такихъ хищниковъ. Посмотрите на нихъ. Вотъ Гава и его братъ Вовкунъ [16]), маленькіе хищники, дѣятельность которыхъ по неволѣ ограничивается узкимъ кругомъ своего родного села, но за то они высасываютъ изъ него все до послѣдней копѣйки; вотъ Шмиль [17]), ограбившій до нитки спасшаго его Василя; Мендель [18]), выманивающій весь заработокъ Ивана, и другой Мендель [19]), обманывающій крестьянина и поджигающій его хату, чтобы скрыть слѣды преступленія; вотъ Юдка Маультроммель [20]), не пощадившій и человѣка, который ему оказалъ когда то крупную услугу; Мордка Шиндеръ [21]), на законномъ основаніи пустившій по міру Миколу Проця; Вольфъ Зильберглянцъ [22]), держащій все въ своихъ рукахъ; Мошка [23]), не пощадившій и единовѣрца и т. д. и т. д., имя которыхъ легіонъ.

Но это все хищники мелкіе, маленькіе. А вотъ и болѣе широкаго полета. Германъ Гольдкремеръ [24]), въ душѣ котораго разгорается страшная горячка, страшная жажда къ деньгамъ, заглушающая всякіе другіе порывы; онъ поставилъ себѣ цѣлью накопленіе богатства, богатства и богатства... И посмотрите, какъ, съ одной стороны, развиваются и множатся его тысячи, а потомъ и милліоны, а съ другой,— какъ сѣются вокругъ него сѣмена бѣдности, несчастія и деморализаціи, тяжесть которыхъ падаетъ, впрочемъ, и не только на окружающихъ его людей, но и на него самого, на его семью, на все, что ему близко и дорого. Еще шагъ,—и передъ вами новый хищникъ, хищникъ-идеалистъ Вачманъ [25]), чрезвычайно опытный ростовщикъ, обходящій всѣ законы, препятствующіе его дѣятельности, направляющій свои сѣти съ разборомъ, только на богатыхъ, помогающій даже крестьянамъ, что дѣлается, конечно, не изъ сантиментальности, а изъ разсчета, что онъ этимъ скорѣй доканаетъ своихъ враговъ, сильныхъ сего міра, которымъ мститъ за смерть своего сына.

Но это все хищники — матеріалисты, которые выманиваютъ только деньги, которыхъ интересуютъ только вопросы матеріальнаго характера; есть и другой сортъ хищниковъ...

8) „Молотъ“ 1878 р.
9) „Сввітъ“ 1881—82 р.
10) „Другъ“ 1877.
11) „Борыславськи оповиданне“ К. 1905, стр. 5—68.
12) Ib. стр. 69—169.
13) Ib. стр. 235—263.
14) Ib. стр. 170—234.
15) Ib. стр. 264—273.
16) „Гершко Гольдмахеръ“ — „Календарь Просьвіта“ 1891 р.; „Гава“—Львівъ, 1888 р.; і „Гава“; „Вовкунъ“—„Зоря“ 1890 р
17) „Наверненій грішникъ“ „Творы“, т. III, К. 1905, стр. 69—169.
18) „Ріпникъ“, ib. 5—68.
19) „Яць Зелепуга“, ib. 160—234.
20) „Слимакъ“, ib. т. I, стр. 209—223.
21) „Самъ собі виненъ“, ib. стр. 194—208.
22) „Учитель“.
23) „До свитла“, „Твори“, т II. стр. 5—38.
24) „Boa constrictor“—„Молотъ“ 1878 р. и „Бориславъ сміетьця“—„Сввітъ“ 1881—82 р.
25) „Перехресни стежкі“—„Літу“.—„Наук. Вістик“ 1900 р

Вотъ красивая свѣтская дама Анеля Ангаровичъ[26]), любящая дѣтей и мужа, но, ради отысканія средствъ, „для домашняго огнища", приличной жизни, сдѣлавшаяся хищникомъ, торговцемъ живого товара. Вотъ хищники-духовные, не ищущіе матеріальныхъ интересовъ, а накладывающіе свои сильныя руки на личность человѣка, на его внутреннюю, духовную жизнь, представителями которыхъ являются Гурманъ[27]), патеръ Гавдентій[28]) и т. д.,—и всѣ они окружаютъ крестьянина, всѣ живутъ на его гибель.

Не находя, на чемъ остановить свой глазъ въ настоящемъ, которое характеризуется всеобщей враждой да борьбой интересовъ, эгоизма и хищничества, авторъ обращается къ прошедшему и въ повѣсти „Захаръ Беркутъ" [29]), въ этой типичной утопіи въ прошедшемъ, рисуетъ самоотверженнаго, жертвующаго всѣмъ ради общаго блага Захара Беркута и его сына Максима, которые хорошо понимаютъ и твердо проводятъ въ жизнь идею силы „громады", общественности, твердо вѣрятъ, вмѣстѣ съ авторомъ, конечно, что только организація общественныхъ силъ дастъ средство избавиться отъ притязаній всевозможныхъ хищниковъ.

Вообще положительныхъ типовъ у Франка мало. Не время, по его словамъ теперь прятать свои раны, а нужно ихъ прямо открыть, что бы можно было бы безпощадно вырвать изъ тѣла. Такъ, у него есть и такъ называемые „праздноболтающіе", которые не прочь, подъ наружной личиной друзей народа, погрѣть свои руки, какъ напримѣръ, герой разсказа „Патріотичні пориви" [30]), патріотъ, обдирающій, какъ липку, представителей „народности"; адвокатъ — Русинъ[31]), — продающій въ нужную минуту своихъ кліентовъ — крестьянъ помѣщику; д-ръ философіи[32]), карьеристъ, который не прочь отречься и принять какія угодно убѣжденія, если это выгодно ему; цѣлая серія ихъ въ повѣсти. „Основи суспіявности" [33]) и въ разсказѣ: „Odi profanum vilgus".

Есть и „погибающіе за великое дѣло любви". Сюда относятся Андрій Темера[34]), рано окончившій свою жизнь; адвокатъ Рафаловичъ[35]); Омелянъ[36]), который, какъ и Темера, всю свою дѣятельность посвятилъ народу, отчасти Чимчикевичъ[37]) и старый священникъ въ поэмѣ „Панські жарти". Вотъ и всѣ болѣе или менѣе симпатичные типы. Какъ видно, этихъ свѣтлыхъ точекъ очень немного среди тьмы и мрака, но это піонеры новой, лучшей жизни, въ которой не будетъ уже ограничена ихъ дѣятельность, чему авторъ глубоко вѣритъ, высказываясь въ стихотвореніи „Каменярі" и сказкѣ „Рубетъ".

Франко—натура боевая, страстная, не скрывающая своихъ симпатій и антипатій. Онъ твердо увѣренъ, что въ концѣ концовъ все таки восторжествуетъ же правда, справедливость и добро, убѣжденъ. что счастье на землѣ обезпечено, но такъ какъ „вѣра безъ дѣлъ мертва", то необходимъ прежде всего трудъ, трудъ и трудъ[38]). Онъ вѣритъ, что препятствія для развитія народовъ пройдутъ, что новая весна обновитъ человѣчество, и потому, во имя этой свѣтлой будущности, зоветъ на борьбу всѣхъ, у кого „сердце чистое, руки сильны, мысль честная",

26) „Для домашньяго огнища" Львівъ, 1897 р.

27) драма „Украдене щасте" Львівъ, 1901 р.

28) „Миссія"—Львівъ, 1898; „Чума"—„Викъ" т. III, К. 1902 р.

29) „Зоря" 1882 р.

30) „Громадськинъ Другъ" 1878 р.

31) „Ліси і пасовиська—„Твори" т. II. К. 1903 р. стр. 59—76.

32) „Вильгельмъ Телль".

33) „Житте і Слово" 1894 г., т. II.

34) „На дні",—„Твори" т. I, стр. 103—193.

35) „Перехресні стежки"—„Літ. Н. Віст." 1900 г.

36) ком. „Учитель".

37) „Чума"—„Викъ" т. III, 1902 г.

38) „Безъ праци". Кіев. 1904 г.

зоветъ на борьбу за святые идеалы человѣчества.

На Франко часто сыпались упреки, что онъ слишкомъ уже пессимистически настроенъ и тенденціозно сгущаетъ краски. Но это несправедливо. Напротивъ, „всѣ почти его произведенія поражаютъ отсутствіемъ искусственной композиціи, всѣ они просты и свѣжи, и если общее впечатлѣніе отъ нихъ получается печальное, иногда удручающее, то это вызывается не мрачнымъ характеромъ таланта автора, не пессимистическимъ міросозерцаніемъ его,—ни того, ни другого на самомъ дѣлѣ не существуетъ,—а условіемъ жизни той среды, которая даетъ больше всего матеріала его перу“ [39]. Вообще же если и можно назвать Франка пессимистомъ, то только въ настоящемъ, относительно же будущаго онъ скорѣе даже оптимистъ и идеалистъ. Да и къ пессимистамъ его можно отнести только съ нѣкоторой осторожностью, такъ какъ вездѣ звучитъ у него бодрый тонъ, вездѣ видна твердая увѣренность въ конечное торжество правды и справедливости, а главное, онъ всегда умѣетъ найти между людьми-звѣрями человѣка-брата и, изображая самыя отвратительныя проявленія человѣка-хищника, постоянно твердитъ, что люди не виноваты: они представляютъ собою продуктъ исторіи и окружающихъ условій; почему ихъ нельзя судить, а нужно выяснить, почему они вышли именно такими.

Есть еще особое свойство пера Франко; онъ любитъ изображать жизненные контрасты, т. е. такія положенія, которыя противорѣчатъ всему, что дѣлается обыкновенно вокругъ, противорѣчатъ всему окружающему, и въ этомъ его талантъ по своей природѣ родственъ Достоевскому и такъ же, какъ и у послѣдняго, у него имѣются зародыши „жестокаго таланта“, только съ той разницей, что Достоевскій, ничѣмъ не сдерживаемый, развилъ до послѣдней степени жестокость своего дарованія, „безпредметно играя мускулами творчества“ [40]. Франко же, наоборотъ, благодаря сильно развитой въ немъ гражданской жилкѣ, сдѣлавшись пѣвцомъ любви и гуманизма, заглушилъ въ себѣ жестокую сторону таланта. Впрочемъ, временами и у него прорывается прирожденная жестокость, что видно, напр., изъ разсказовъ „Гриць, паничъ“ [41], „Мій злочинъ“ [42], повѣстей „Boa constrictor“ [43], „Основи суспільности“ [44] и др. Есть нѣкоторыя жестокія подробности и въ разсказахъ „Мессія“ [45], „На дні“ [46], „До Світла“ [47]; у него есть даже одинъ крупный и сильный типъ, нѣкто Стальский [48], ничѣмъ не уступающій подобнымъ же героямъ Достоевскаго (Свидригайловъ герой „Записокъ изъ подполья“ и др.)

Есть еще одна подробность, которая совершенно невозможна у Достоевскаго: у Франко почти всѣ примѣры жестокости кончаются реакціей и причиняютъ страданія самимъ исполнителямъ. Съ другой стороны, „пребываніе въ тюрьмахъ (по политическимъ убѣжденіямъ, интригамъ и доносамъ поляковъ) познакомило его съ разнообразными типами подонковъ общества и тружениковъ бѣдняковъ, доведенныхъ нуждою и эксплоатаціей до тюрьмы, и доставили ему рядъ темъ для бел-

39) Е. Дегенъ.—Иванъ Франко. „Новое Слово“ 1897, III, стр. 489.

40) Михайловскій. „Жестокій талантъ“.

41) „Літер.—Наук.—Вістникъ“ 1898, VI, стр. 245—323.

42) „Дубове листе“ 1903.

43) „Молотъ“ 1878.

44) „Жите і Слово“ 1898, кн. II.

45) Львівъ. 1898 г.

46) „Твори“ Кіев. 1903 р. т. I, стр. 103—193.

47) Ib. т. II, стр. 5—38.

48) „Перехрестні стежки“—„Літ. Н.-Віст.“ 1900 г.

летристическихъ произведенiй“ [49]), и потому лучшими его литературными произведенiями и являются, безспорно, его маленькiя повѣсти и разсказы изъ быта этой голытьбы, въ особенности изъ быта рабочихъ на бориславскихъ нефтяныхъ прiискахъ.

Благодаря этимъ картинкамъ Франко могъ бы занять почетное мѣсто въ любой европейской литературѣ [50]). Всѣ эти типы „униженныхъ и оскорбленныхъ“ изображены съ такимъ талантомъ, что читатель невольно задумывается надъ судьбой этихъ людей, надъ причинами ихъ страданiй и униженiй.

Лучшей изъ этихъ разсказовъ является повѣсть „На днi“ [51]). Пересказать ее довольно трудно, такъ какъ завязки почти нѣтъ, или вѣрнѣе, она очень элементарна. Молодой студентъ (Андрей Темера), преисполненный самыми возвышенными намѣренiями и стремленiями, вѣчно носящiйся со словами „общественная работа“, „общее дѣло“, „наука“, „свобода“,—по дорогѣ къ своимъ знакомымъ въ деревню, попадаетъ случайно подъ арестъ, какъ безпаспортный, и его, до прибытiя документовъ, сажаютъ въ арестантскую.

Описанiе камеры поразительно и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ ужасъ. Если вообще попасть въ тюрьму не очень сладко, то въ австрiйскую тѣмъ болѣе ужасно. Населенiе камеры, числомъ—цѣлая гамма человѣческихъ лицъ, доходящихъ по нисходящей лѣстницѣ почти до звѣринаго образа. Въ обрисовкѣ типовъ сказывается выдающiйся талантъ. Центральное мѣсто занимаетъ „дiдъ Панько“, прожившiй тяжелую жизнь сначала сапожникомъ, потомъ рабочимъ и, наконецъ, нищимъ; онъ научился ко всему относиться спокойно: ничто, ни голодъ, ни холодъ, ни дурное обращенiе не могли уже его удивить. За то онъ вынесъ изъ этой школы здравый смыслъ и не хочетъ подчиняться ни на шагъ обыденнымъ принципамъ немудренной ходячей морали, чѣмъ достигаетъ того, что общество этого „дна“ не перерѣзалось между собою.

Другой типъ—доморощенный философъ Стебельскiй. Онъ окончилъ гимназiю, любитъ показать свое знанiе и охотно вставляетъ въ разговоръ латинскiя слова.

„Человѣкъ, который во всемъ не можетъ самъ себя обезпечить, задолживается у другихъ. А кто задолживается, тотъ должникъ, долженъ отдать. А если онъ не имѣетъ, что отдать, и не знаетъ, какъ отдать? А тутъ, вѣрите-ли, хлопы, бабы... плачутъ и клянутъ! Спать нельзя ночью... страшно... все слышишь плачъ и проклятiя! А хуже всего эти дѣти—такiя жалкiя, голыя, пухлыя... и не клянутъ, только плачутъ и умираютъ. Какъ мухи гибнутъ... Я черезъ два года не могъ на волосъ заснуть—все этотъ плачъ ночью слышалъ. И долженъ былъ покинуть все [52])“...

Вотъ его логика... Съ тѣхъ поръ онъ живетъ съ того, что самъ заработаетъ: ѣстъ то, что достанетъ трудомъ своихъ рукъ, одѣвается въ то, что самъ сладитъ, спитъ на голой землѣ и пр. „А главное дѣло—мяса не ѣсть, а пера въ руки не брать, потому что мясо доводитъ человѣка до дикости, а перо въ людскихъ рукахъ становится страшнѣе, нежели львиные кости, тигровые зубы или змѣинный ядъ [53])“.

Это—типъ, изъ котораго выходятъ иногда штундисты, а иногда блаженные и юродивые.

---

[49]) А. Крымскiй—Франко И. Я. „Словарь Брокгауза и Ефрона“ 71 полут. стр. 474.

[50]) Очень многiя изъ его произведенiй переведены на разные европейскiе языки, есть и на русскомъ.

[51]) Переводилась на русскiй языкъ нѣсколько разъ — Славинскимъ въ 1901, „Донской Рѣчью“ и др.

[52]) „На днi“. „Въ потi чола“ т. I-й К. 1903 г. стр. 121.

[53]) Ib. стр. 122. Написана въ 1880 г.; Исповѣдь же Л. Н. Толстого появилась позже.

Въ противоположность Стебельскому выведенъ Бовдуръ. Въ последнемъ атрофировались всѣ альтруистическія чувства. Не испытавшій на себѣ никакого цивилизирующаго вліянія ни семьи, ни школы, ни организованнаго общества, онъ говоритъ, какъ первобытный дикарь: „когда я съѣмъ врага—это добро, когда онъ меня съѣстъ — зло". А враги у него всѣ безъ исключенія: чувствуя себя отверженнымъ всѣми, онъ платитъ всѣмъ же непримиримой ненавистью хищнаго звѣря.

Слабѣе всѣхъ очерченъ паничъ, который собственно и есть главное лицо повѣсти. Онъ лишенъ темперамента, необходимаго для общественнаго дѣятеля, сантименталенъ, плаксивъ, и его пустыя, громкія слова, сами по себѣ ничего не означая, могутъ все таки наполнить своимъ звономъ всю жизнь человѣка. Типъ этотъ наиболѣе слабъ—общій недостатокъ Франко неумѣніе создать живой типъ изъ интеллигентнаго класса, особенно, если онъ относится къ этому типу сочувственно.

Не смотря, однако, на этотъ недостатокъ, повѣсть „На дні" есть одна изъ самыхъ яркихъ картинъ человѣческихъ страданій, которыя зависятъ отъ дурной организаціи общества; типы болѣе реальны и лучше обрисованы, чѣмъ у М. Горькаго въ повѣсти того же названія, а многія страницы ея достойны стать рядомъ съ „Записками изъ Мертваго дома" и оставляютъ въ душѣ читателя тяжелое сознаніе того, что и онъ несетъ на своихъ плечахъ отвѣтственность за эти жертвы, что и онъ виноватъ въ страданіяхъ этихъ искалѣченныхъ людей, что и онъ виноватъ за всѣ тѣ общественныя несовершенства, которыя уродуютъ и гнутъ столько человѣческихъ жизней.

Авторъ посвящаетъ многія свои произведенія изображенію дѣтской жизни и психологіи дѣтей, куда принадлежатъ рядъ разсказовъ: „Малий Миронъ", „Оловець", Грицева лікшьна наука", „Schön Schreiben", „Борисъ Грабъ", „Мавка" и др., не считая отдѣльныхъ эпизодныхъ картинокъ въ другихъ произведеніяхъ, напр., въ „Бориславъ сміетьця", „Для домашньяго огнища", которыя вообще и принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ автора. При изображеніи дѣтской жизни, онъ больше всего останавливается на зарожденіи самостоятельной умственной жизни и на первыхъ проблескахъ критической, не шаблонной мысли въ свѣжемъ организмѣ. „Мы знакомимся съ самыми обыкновенными дѣтскими типами: одни любознательны и пытливы, другіе мало способны къ школьной премудрости, всѣ же склонны къ шалостямъ, не лишенные ни дурныхъ инстинктовъ, ни добрыхъ чувствъ, и всѣ изнемогающіе подъ гнетомъ схоластической, никому не нужной науки и педагогическихъ пріемовъ, которые мало уступаютъ пріемамъ нашей старой бурсы. Смертный бой за потерянный карандашъ, смертный бой за написанную не съ того конца цифру, за всякую ошибку и оплошность, побои, ругань и издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ. Неудивительно, что изъ такого ученія Грыцько вынесъ изъ школы нисколько не больше, чѣмъ его старый пріятель-гусакъ зналъ отъ природы" [54]).

Съ внѣшней же стороны на сочиненіяхъ Франко невыгодно отражается кипучая, лихорадочная дѣятельность, зависящая какъ отъ того, что онъ откликается, подобно барометру, на всѣ злободневные вопросы, волнующіе общество, такъ и отъ причинъ, отъ него независящихъ, буквально чтобы не умереть съ голоду, и положенію украинской литературы.

Лучше всего Франко удаются небольшіе разсказы, не требующіе много времени („Лесишина челядь",

[54]) Е. Дегенъ. И. Франко. „Новое Слово" 1897 г. III, стр. 489.

„До світла", „Вівчар", „Грицева шкільна наука", „Малий Миронъ" и пр.). Повѣсти—нѣсколько слабѣе:—сказывается поспѣшность работы.

Къ недостаткамъ Франко нужно отнести—иногда полное отсутствіе перспективы, что замѣчается и въ одной изъ лучшихъ его повѣстей „Для домашньяго огнища".

Содержаніе ея въ двухъ словахъ слѣдующее. Прекрасная дама свѣта Анеля Ангаровичъ, мужъ которой находится гдѣ то въ командировкѣ, для пріисканія средствъ къ жизни, „для домашняго огнища", начинаетъ торговать людскимъ тѣломъ. Когда пріѣзжаетъ ея мужъ, онъ удивленъ происшедшей перемѣной въ обстановкѣ, удивленъ, что его жена живетъ на широкую ногу, хотя доходовъ очень и очень мало, потомъ пораженъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нему его товарищей офицеровъ и, доискиваясь причинъ всему этому, узнаетъ въ концѣ концовъ всю правду. Въ это же время жертвы Анели, не выдержавъ своего положенія, доносятъ на нее полиціи, и въ результатѣ самоубійство ея.

Авторъ сразу вводитъ читателя, безъ всякихъ объясненій, въ середину „події", фабула развивается быстро, масса фактовъ, вся душевная драма, которая начинается у Ангоровича (мужа Анели), переходя разныя стадіи. и приводитъ до катастрофы,—и все это въ 2—3 дня. Завязка развивается предъ самой катастрофой, и оттого повѣсть читается очень легко, но, съ другой стороны—это нагроможденіе фактовъ, такой скорый tempo драмы убиваетъ иллюзію правдоподобности, и повѣсть теряетъ нѣсколько свое художественное впечатлѣніе. Роль Ангоровича—пассивна. На немъ авторъ хочетъ показать, какъ грязная исторія ложится на душу честнаго, неповиннаго ни въ чемъ и полнаго вѣры въ свою жену человѣка. И хотя по сюжету и заглавію его жена должна занимать первое мѣсто, на самомъ дѣлѣ онъ самъ есть центральное лицо, заполняющее собой всю повѣсть; и только, какъ бы въ антрактахъ, выступаетъ, какъ уже второстепенная фигура, его жена. Отъ этого сама героиня Анеля хотя ходитъ, толкуется, говоритъ, но весь ея внутренній міръ, ея характеръ, является невыясненнымъ, необъясненнымъ читателямъ, а если и яснымъ, то по крайней мѣрѣ на половину. Но все-таки она, особенно въ первыхъ частяхъ повѣсти, производитъ впечатлѣніе на душу читателя своимъ сильнымъ, здоровымъ духомъ, полной вѣры въ себя, рѣшительной, не поддающейся страху женщины. Однако характеръ ея все же для читателя остается загадочнымъ. Она или поломанный человѣкъ, обманутая женщина, подъ гнетомъ плохого матеріальнаго ли положенія или отъ недостатка моральности начинающая ту гнусную торговлю, но вмѣстѣ съ тѣмъ выкупающая своими страданіями, душевными муками свое паденіе,—или она безсердечное, тупое животное, человѣкъ безъ морали.

Въ первомъ случаѣ какъ объяснить то, что Анеля про свои душевныя муки и не думаетъ говорить, что она ни разу не ужаснулась того, что дѣлаетъ, да и весь ея характеръ, какъ представилъ намъ авторъ, не даетъ повода думать, что это поломанная, разбитая натура, мучимая тайными тяжелыми муками. Во второмъ случаѣ, какъ объяснить всю любовь ея къ мужу, всю жизнь, отданную дѣтямъ, и что въ послѣднюю минуту своей смертью она выкупаетъ добрую славу своей семьи?.. Загадоченъ и непонятенъ ея характеръ, а попросту не вполнѣ обработанъ авторомъ.

Фигура Ангоровича написана вѣрно, но все таки съ долею идеализаціи. Лучше всего удалась автору его душевная драма—это дѣйствительное мастерство кисти таланта. Прочія лица только мелькаютъ, почти не оставляя слѣдовъ въ душѣ

читателя. Нѣкоторые эпизоды, сценки, хоть и вѣрные, утомляютъ, и изъ нихъ лучшая и безспорная высокая сцена—это примиреніе дѣвушекъ-жертвъ передъ трупомъ ихъ мучительницы.

За недостаткомъ мѣста мы не имѣемъ возможности разобрать прочія повѣсти Франка, какъ то „Основа суспольности“ „Захаръ Беркутъ“, „Boa constrictor“ „Бориславъ сміется“ „Батьковщина“, „Пантолаха“ „Манпулянтка“ „Перехресті стежкі“ и др., по поводу которыхъ можно было бы много поговорить, замѣтимъ только, что особенный интересъ возбуждаетъ послѣдняя, въ которой изображена тернистая жизнь честнаго общественнаго дѣятеля—русина, энергія котораго должна тратиться на борьбу съ мелкими дрязгами и вторженіемъ политическихъ враговъ въ его личную жизнь.

Прибавимъ къ этому, что Франко—реалистъ. Необыкновенно быстро и вѣрно охватываетъ мельчайшія подробности, удачно группируя въ цѣльные образы и картины, что сказывается въ яркости и пластичности изображеній. Маленькая, незначительная подробность, — и передъ вами живое лицо съ его характерными особенностями. „Его вниманіе обращено болѣе на внутреннюю сторону человѣческой личности, и онъ умѣетъ глубоко заглянуть въ душу человѣка и разобраться въ психологическихъ мотивахъ своихъ персонажей. Онъ характеризуетъ ихъ чаще общечеловѣческими чертами, хотя отъ этого они не теряютъ ни національныхъ, ни индивидуальныхъ своихъ особенностей и физіономій“ [55]).

Въ поэзіи Франко остается тѣмъ же пѣвцомъ любви и гуманности. Его стихотворенія—плоды дѣйствительнаго вдохновенія. Всѣ они проникнуты искренней любовью къ бѣднымъ и угнетеннымъ: трагизмъ нищеты и безправія, жестокость нравовъ темныхъ людей, душевная жизнь крестьянъ, это—ихъ обычныя темы. Изъ нихъ одни, болѣе быть можетъ талантливыя и глубокія, менѣе популярны и полны идеалистической грусти на широкіе общечеловѣческіе мотивы, а другія, сдѣлавшіяся въ высшей степени популярны, энергично призываютъ общество на борьбу противъ общественной (политической и экономической) неправды.

Франко, ясно понимающій причины народнаго горя, наглядно изобразилъ его въ своихъ стихотвореніяхъ. Онъ безпрестанно взываетъ о помощи народу, объ исцѣленіи его отъ нищеты. Въ его лирикѣ отражается настроеніе интеллигента дѣятеля. Не чуждъ авторъ и субъективной поэзіи; и на него находитъ по временамъ разочарованіе, и онъ иногда чувствуетъ себя иногда безсильнымъ, разслабленнымъ, разбитымъ (въ стих. напр. „Журавлі“), но это только по временамъ, а потомъ опять смѣло призываетъ къ борьбѣ, и бодро звучитъ увѣренность въ побѣдѣ. Необходимо прибавить, что при его боевой позиціи въ лагерѣ общественной жизни въ его произведеніяхъ почти нѣтъ партійности, люди у него не дѣлятся на враговъ и друзей.

Къ сожалѣнію, въ Россіи почему то не были ни разу изданы стихотворенія Франка [56]).

Заграницей же появились слѣдующія изданія: „З вершинъ и низин“ (1897), „Зив'яле листе“ (л. 1896), „Мій измарагдъ“ (1898), „ ізъ днівъ журби) (1900), „Тюремни сонети“, „Поэми“ (л. 1899) и др., изъ которыхъ, безспорно, на мой взглядъ, лучшимъ является сборникъ „Зив'яле листе“. Это изъ сильныхъ и красивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжнолирическихъ стихотвтреній, посвященныхъ

[55]) С. Ефремовъ. Пѣвцу борьбы и контрастовъ. Кіевъ. Стар. 1903, XI—XII.

[56]) Въ сборникѣ „Викъ“ 1902 г. въ 7 т. напечатано съ десятокъ его стихотвореній, столько же по другимъ изданіямъ—вотъ и все, что мы имѣемъ въ Россіи.

мукамъ нераздѣляемой любви, художественное достоинство которыхъ стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Это, по словамъ С. Ефремова, [57]) „цѣлая скала разнообразныхъ душевныхъ чувствованій, гамма разнородныхъ душевныхъ движеній, идущихъ все cresendo и завершающихся катастрофой, изображена сильно, художественно, настоящимъ поэтическимъ рѣзцомъ. И вообще нужно сказать, что эта „лірична драма“, какъ назвалъ сборникъ „Зівяле листе“ самъ авторъ, достойна занять почетное мѣсто во всемірной литературѣ, рядомъ съ „книгой пѣсень“ Гейне и другими подобными произведеніями“.

Изъ отдѣльныхъ стихотвореній вообще наиболѣе лучшими являются: „Поединокъ“, „Смерть Каіна“, „Притча про житте“, „Похоронъ“ „Барскіе штукі“, „Царь аскетъ“, „Хожденіе русіена зъ нуждою“, Камянщікі“, „Іванъ Вишинскій“ и многочисленныя мелкія, которыхъ нѣтъ возможности перечислить.

Франко — и переводчикъ и уже одной своей переводной дѣятельностью могъ бы составить себѣ имя, причемъ ему можно сдѣлать развѣ только одинъ упрекъ, въ томъ, что онъ иногда переводитъ то, что отъ перевода украинская литература ничего бы не потеряла. Переводилъ же онъ изъ Байрона, Гете („Фаустъ“), Гейне, Шелли, Золя, Тургенева, Щедрина, Некрасова, Помяловскаго, Гоголя („Мертвыя души“) и пр. и вообще чуть ли не изъ всѣхъ европейскихъ языковъ. Произведенія его, какъ популяризатора и публициста, отличаются выдающимися достоинствами и, главное, всѣ они написаны очень легко и толково. Лучшей изъ популярныхъ сочиненій является очеркъ „Панщина і ії скасоване въ 1848 р.“, общедоступное изложеніе крестьянской реформы, котораго, къ слову сказать, еще въ русской литературѣ нѣтъ.

Въ своихъ многочисленныхъ критическихъ и публицистическихъ работахъ онъ всегда отзывается на всякое явленіе въ литературѣ и жизни и всегда на первомъ планѣ ставитъ интересъ трудящихся классовъ, интересъ народа, но, любя Украйну, онъ никогда не уставалъ защищать и другія угнетенныя національности и отдѣльныхъ личностей, твердо помня, что любовь къ родному народу не только не исключаетъ любви ко всѣмъ, но и, напротивъ, одна другую укрѣпляетъ и пополняетъ взаимно.

Съ другой стороны, онъ всегда требовалъ нарожденія, въ европейскомъ смыслѣ слова, интеллигенціи на своей родинѣ (сыны которой, къ слову сказать, больше говорятъ, чѣмъ дѣлаютъ) и своей суровой и подчасъ очень ѣдкой критикой общественныхъ отношеній оказывалъ сильное вліяніе на развитіе и направленіе этой интеллигенціи. Будучи художественнымъ реалистомъ, Франко въ теоріи и на практикѣ признаетъ необходимость и эстетической оцѣнки въ критикѣ, но всегда противъ всякаго абстрактнаго понятія красоты.

Перу его принадлежитъ рядъ блестящихъ характеристикъ, какъ украинскихъ, такъ и другихъ писателей. Изъ работъ теоретическаго характера наиболѣе выдающеюся является: „Ізъ секретівъ поетичноі творчости“ („Літер.—Наук. Вістникъ“ 1898—99 р.). Многія работы его въ области этнографіи и исторіи литературы, по отзывамъ ученыхъ спеціалистовъ, отличаются богатствомъ и разнообразіемъ матеріала и блестящемъ изложеніемъ [58]). Но все таки не смотря на такую почетную и плодотворную дѣятельность Франко,

[57]) Пѣвецъ борьбы и контрастовъ „Кіев. Стар. 1903 XII, стр. 663.

[58]) См. напр., отзывы проф. Крымскаго: „Іоаннъ Вышенскій, его жизнь и сочиненія“ („Кіев. Стар.“ 1895) и проф. Сумцова: „Современная Этнографія“ „Кіев. Стар.“ 1897 и пр.

не смотря на замѣчательнѣйшій разносторонній талантъ его, сердце невольно сжимается болью за него, видя, какъ онъ гибнетъ...

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ положеніи находится украинское слово въ Россіи, всѣмъ извѣстно, что до сихъ поръ еще, не смотря на многочисленные проекты и предложенія, украинскій народъ невѣжествененъ, теменъ и даже больше, чѣмъ кто либо изъ другихъ россійскихъ народовъ. А все виноватъ одинъ циркуляръ, все произошло отъ одного росчерка пера! Этотъ росчеркъ создалъ какъ бы заколдованный, кругъ изъ котораго нѣтъ возможности выходить передовымъ людямъ народа и они, эти самородки — таланты, гибнутъ,—не пополняя собой ряды борцовъ за свободу, ряды тружениковъ на литературной и научной нивахъ. Отъ этого такъ мало и украинскихъ писателей, отъ этого болѣе выдающимся изъ нихъ приходится работать за многихъ, разбрасываться во всѣ стороны, размѣнивать свои таланты на мелкую монету, заботиться о количественной, а не качественной сторонѣ своихъ произведеній, не давая времени имъ выноситься, не думая за будущее, не думая о славѣ, которая быть можетъ суждена имъ, а только объ насущномъ, удовлетворяя нужды сегодняшняго дня.

Это и есть причина того, на первый взглядъ страннаго явленія, что въ украинской литературѣ ея работники поражаютъ своей разносторонностью, какъ ни въ какой, другой литературѣ [59]), но это есть на самомъ дѣлѣ признакъ глубокой драмы, уносящей множество талантовъ.

Прибавьте сюда полное отсутствіе матеріальнаго обезпеченія, когда нужда заставляетъ, чтобы буквально не умереть отъ голода, пріискивать еще какія нибудь постороннія занятія, тогда какъ требуется покой. свободное время, библіотека и пр.; прибавьте почти полное отсутствіе критики, недостатокъ читателей, публики, неустойчивость или даже полное отсутствіе органовъ прессы, наконецъ, преслѣдованія, — и ясно можно представить тѣ условія, въ которыхъ приходится работать украинскимъ писателямъ, ясно сознающимъ при томъ, что они должны гибнуть, но они все таки идутъ на вѣрную смерть... Слава имъ... А все таки, со стороны тяжело смотрѣть на это самоубійство, тяжело... и

Чей то голосъ заглушенный
Тихо плачетъ: — „Помоги“!..

С. Бачинскій.

[59]) Назову только: Кулиша, Конискаго, Гринченко, Крымскаго, Франко, Грушевскаго и мн. др.

Записки неунывающаго россіянина.

(Фамусова).

Я немножко прихворнулъ. Теперь оправившись, приступаю вновь къ обозрѣнію жизни русской, имѣя предъ собою, при чтеніи столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, множество фактовъ—яркихъ, какъ страусовыя перья, оглушительныхъ, какъ ударъ молота по головѣ, хотя бы и крѣпкой.

Впрочемъ, ярче всего — картины дѣйствій и подвиговъ нашихъ доблестныхъ героевъ на Дальнемъ Востокѣ, выступающіе теперь въ ослѣпительной прелести, какъ на экранѣ, въ сообщеніяхъ заграничныхъ, а за ними и россійскихъ телеграфныхъ агентствъ. Созерцая посвоему ихъ, я наслаждаюсь симъ созерцаніемъ, испытывая душою то же, что ощущала нѣкогда пятками, блаженной памяти, помѣщица Коробочка, когда ей, передъ сномъ, чесали пятки. Въ сихъ великолѣпныхъ картинахъ много, такъ-сказать, питательнаго, не менѣе чѣмъ каша изъ муки „Геркулесъ“, для тощаго днесь патріотизма россіянъ, постыдно разочаровавшихся въ своемъ могуществѣ. У меня патріотизмъ иной; ежели его порою ничто не можетъ питать, то онъ самъ собою питается, дѣлая мнѣ пріятное, даже въ первоначалѣ, подобно еще неудовлетворенному пяточному зуду гоголевской героини.

Но что всего оглушительнѣе? О! всеконечно, запоздавшія, по невѣдомой винѣ невѣдомыхъ лицъ, вѣсти съ Дальняго Востока, разумѣется, не о войнѣ, столь славно окончившейся для насъ и позорно для другихъ и прочихъ, нѣтъ, вѣсти о самихъ представителяхъ нашей бранной славы, достойныхъ, надо полагать, не брани, а всяческихъ похвалъ, уже въ сильной степени, полученныхъ храбрымъ г. Стесселемъ за сдачу Портъ-Артура, совершенную лишь по винѣ несвоевременно умершаго генерала Кондратенко, который и былъ виноватъ тѣмъ, что умеръ.

Все это „яркое“ и „оглушительное“ иные, особливо газетные и журнальные писаки, которымъ позволено обличать даже „особъ“, находятъ зазорнымъ и—мало того—постыднымъ, а я нахожу, наоборотъ, достославнымъ. Допустимъ: оно и зазорно, оно и постыдно, такъ утѣшайся русскою поговоркою: „безъ стыда лица не износишь“. Кричатъ о проигранныхъ бояхъ, кричатъ о злоупотребленіяхъ властныхъ лицъ, забывая о растяжимости понятій. Коснусь, напримѣръ, злоупотребленій. Для однихъ — злоупотребленія, а для другихъ—позволю такъ выразиться—доброупотребленія. Тотъ же масштабъ можно приложить и къ проиграннымъ боямъ. Это—все равно, что въ картежной игрѣ: сѣлъ — повезло? Играй! Не везетъ — продолжай! Проигрался въ пухъ и прахъ? Перестань играть! Бѣда не въ томъ, что не мы японцевъ, а японцы насъ побѣдили, а въ томъ, что она стряслась надъ нами въ такой историческій моментъ, когда проявилось вдругъ какое то захирѣніе на всѣхъ стадіяхъ нашей жизни государственной и общественной, когда самая строгость, необходимая вообще до скончанія вѣка, стала донельзя робкою и вялою: будто существуетъ она такъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, чтобы властныхъ людей, все-таки,

нельзя было упрекнуть за ея отсутствіе, да и властные то люди утратили тотъ крѣпкій духъ, которымъ держались устои, нынѣ сильно колеблемые разными послабленьями, вродѣ претендующей на возрастаніе у насъ гласности, раскрывающей уже кое-что тамъ, гдѣ многое, говорятъ, покрыто мракомъ и поднесь.

Вотъ, напримѣръ, пишутъ, основываясь на иностранныхъ сообщеніяхъ, черпая будто бы, изъ достовѣрныхъ источниковъ, и пишутъ смѣло про самого адмирала Алексѣева, дѣйствовавшаго, на мой безпристрастный взглядъ, ни чуть не предосудительно, ежели онъ, пользуясь извѣстнымъ правомъ и руководимый личнымъ желаніемъ, тратилъ по своему усмотрѣнію казенныя деньги и полагалъ при этомъ, что русская казна, какъ истинные патріоты должны полагать, не истощима. Сіе отлично понимаетъ даже такой, сравнительно съ нимъ, малюсенькій человѣчекъ, какъ г. Философовъ, товарищъ Государственнаго Контролера, котораго недавно „Русь", назвавъ по должности, вывела, подъ инициалами имени, отчества и фамиліи, въ качествѣ сердобольнаго поощрителя контрольныхъ курьеровъ за ихъ домашнія ему, г. Философову, услуги. Понимая, что казна есть дойная корова, онъ, не философствуя, выдавалъ одному плѣнившему его курьеру, ни много ни мало, шесть сотъ рублей пособія въ годъ и, несомнѣнно, по ассигновкамъ, каковой суммы, въ теченіе года, онъ не выдалъ бы и бѣднѣйшему изъ чиновъ Государственнаго Контроля, ибо сослался бы на соблюденіе интересовъ Казны. Но я заступлюсь за г. Философова. Онъ дѣлалъ то, что ему нравилось, подобно знаменитому адмиралу Алексѣеву. Телеграмма о семъ адмиралѣ и о его сотрудникѣ Черепъ-Спиридовичѣ облетѣла всю Россію, весь свѣтъ, а господинъ Энапэ, показывавшій мнѣ на-дняхъ цѣлый ворохъ газетъ, перепечатавшихъ её, сочинилъ уже тріолетъ, прославляющій того и другого. Я, всеконечно, воспользовался симъ тріолетомъ, называемомъ: *„Заграничные узоры по русской канвѣ"*.

Есть въ нашей прессѣ изъ Берлина
Корреспонденція одна.
Для охранителей, какъ хина,
Горька, нежданная, она.
Немалыхъ горестей причина —
Корреспонденція одна.

Намѣстникъ Дальняго Востока,
Нашъ Алексѣевъ, адмиралъ,
Средь злободневнаго потока,
Въ „Berliner Tageblatt" попалъ;
Хоть славенъ, все-жъ, не безъ порока
Нашъ Алексѣевъ, адмиралъ...

Мы слѣпо вѣрили газетамъ,
Что Алексѣевъ—Митридатъ
И карамель съ его портретомъ
Здѣсь покупали на расхватъ;
Однако-жъ суть была не въ этомъ,
Что Алексѣевъ—Митридатъ.

Объ укрѣпленьи Портъ-Артура
Онъ не заботился ни чуть.
Что дѣлалъ—говорить цензура
Не позволяла; но, на грудь
Пріявъ и Вакха, и Амура,
Онъ не заботился ни чуть.

Казна у насъ была богата,
Онъ тратилъ не свою казну
И расточалъ обильно злато
На пиршества, какъ на войну,
Не зналъ—чѣмъ кончится расплата...
Онъ тратилъ не свою казну.

Дѣлишки стали очень плохи,
Сомнѣнья стали умъ кусать,
Какъ рѣзвоскачущія блохи,
А на бумагѣ—тишь да гладь.
Всё чаще грудь терзали вздохи,
Сомнѣнья стали умъ кусать.

Въ Москвѣ, плѣнясь ея блинами,
Жилъ сербскій консулъ отставной,
Онъ за торговлю орденами
Былъ высланъ Плеве въ градъ иной.
Въ Парижѣ послѣ, ужъ не съ нами,
Жилъ сербскій консулъ отставной.

Держалъ онъ правду нашу въ путахъ:
Не мало было телеграммъ,
Гласившихъ о январьскихъ смутахъ,
О томъ, что пакостили намъ
Японцы, англичане... Дутыхъ
Немало было телеграммъ!

„Agence Latine" могло-бы скоро
Поссорить съ Англіею насъ:
Едва спаслись мы отъ позора,
Но роковой ужъ пробилъ часъ,
И не успѣла алчныхъ свора
Поссорить съ Англіею насъ.

А Черепъ-Спиридовичъ хватомъ
Себя попрежнему держалъ:
Скандалъ иль деньги... Ультиматумъ!
И струсилъ даже адмиралъ,

Но тотъ, привыкшій къ крупнымъ платамъ,
Себя попрежнему держалъ.
Онъ, какъ магнитомъ, адмирала
На рандэву въ Парижъ привлёкъ.
„Вотъ двѣсти тысячъ... Мало?“—„Мало!“
„Ну, триста?“—„Grand merçi, дружокъ!“
Но онъ „дружка“ изъ-за металла
На рандэву въ Парижъ привлёкъ.
Намѣстникъ Дальняго Востока,
Нашъ Алексѣевъ, адмиралъ,
Хоть поплатился, и— жестоко,
За всё, но это *всё* терялъ,
Какъ смѣлый рыцарь безъ упрёка,
Нашъ Алексѣевъ, адмиралъ.

Изъ того-же края, сирѣчь дальневосточнаго, прикатилась къ намъ еще шумная волна съ не весьма чистою пѣною, изъ коей, подобно прекрасноликой Венерѣ, хотя на нее и непохожій, выскочилъ на каменистый брегъ россійской гласности харбинскій полицеймейстеръ г. Циглеръ. Я не имѣю чести знать его лично; однако же сіе нисколько не мѣшаетъ мнѣ вообразить „одно изъ славныхъ русскихъ лицъ“, со взорами быстрѣе рентгеновскаго свѣта, безпрепятственно проникающаго въ обывательскія души, которыя нерѣдко бываютъ сосудами ежели не крамольныхъ замысловъ, то пакостныхъ желаній подорвать чѣмъ-либо авторитетъ столь важной особы, какъ мейстеръ полиціи.

На бѣду г. Циглера Харбинское общество стало съ нѣкоторыхъ поръ выдѣлять изъ себя людей весьма неблагонамѣренныхъ, во все вникающихъ, все порицающихъ, все обличающихъ и стремящихся къ ниспроверженію существующаго порядка, заведеннаго еще приснопамятнымъ Сквозникомъ-Дмухановскимъ, который былъ, несомнѣнно, благороднымъ человѣкомъ. ибо дворяниномъ былъ. Но онъ имѣлъ склонность ко взятничеству, т. е. къ приниманію вольныхъ и невольныхъ приношеній, тогда какъ г. Циглеръ будто-бы тяготѣетъ ко взиманію исключительно денегъ, за исполненія желаній тѣхъ лицъ, кои даютъ ему тайкомъ деньги. Въ семъ тяготѣніи, особливо исходящемъ непосредственно изъ натуры человѣческой, не нахожу ничего неестественнаго, а тѣмъ паче позорнаго. Зачѣмъ же было какой то г-жѣ Смолко, служившей во время китайскихъ безпорядковъ переводчикомъ, соваться не въ свое дѣло и мѣшать г. Циглеру тяготѣть къ пріобрѣтенію денегъ хотя бы и путемъ, возбраненнымъ строгостью закона? Г-жа Смолко распустила слухъ о подкупности харбинскаго полицеймейстера, который, узнавъ о томъ, пришелъ въ великую ярость и повелѣлъ арестовать ее, однако же не за распусканіе слуха, столь для него невыгоднаго, а за ношеніе мужского костюма. Слѣдуетъ замѣтить, ежели никто не замѣтилъ, что г. Циглеръ и въ ярости великодушенъ; онъ, по всему вѣроятію, не хотѣлъ губить несчастную— по злоязычію — дѣвицу тяжелой, административной или судебной карою, полагаемой закономъ за оскорбленіе власти при исполненіи служебныхъ обязанностей, а онъ ихъ исполнялъ, ибо состоялъ въ г. Харбинѣ мейстеромъ полиціи.

Продерзостная дѣвица не оцѣнила его великодушія и, когда посадили ее въ кутузку, какъ пишутъ, *въ одномъ исподнемъ*, стала требовать верхнее одѣяніе; оно было отнято у нея, такъ какъ было мужское, запрещаемое для ношенія лицамъ женскаго пола; исподнее же составляла женская рубашка; слѣдовательно: г. Циглеръ, предоставившій г-жѣ Смолко быть въ сей рубашкѣ, для ея же несомнѣнной пользы, водворилъ её въ предѣлы законности, ею нарушенной.

Онъ, вѣроятно, хотѣлъ немножко проучить зазнавшуюся, при смазливости своей, дѣвицу; она же изрыгала на него и въ кутузкѣ всяческія хулы, находясь среди плѣнныхъ мужчинъ—японцевъ, которые могли, по возвращеніи изъ плѣна, разгласить ихъ по Японіи. Хулоточивая, буйная сія дѣвица, имѣвшая на себѣ, какъ выше сказано, одно лишь исподнее, просидѣла подъ арестомъ только

три недѣли. Когда тюрьму осматривали начальствующія лица, г-жу Смолко имъ, разумѣется, не показывали, потому что, по мнѣнію г. Циглера, столь нѣжно щадившаго въ ней чувства деликатности, нельзя было показывать её въ рубашонкѣ, успѣвшей въ теченіи трехъ недѣль, всеконечно, и загрязниться, а начальство чистоту любитъ. Изъ дальнѣйшихъ сообщеній явствуетъ, что г. Циглеръ, несомнѣнно, человѣкъ предобрѣйшей души. Онъ пожалѣлъ дѣвицу Смолко, какъ отецъ родной, и предложилъ ей изъ кутузки перейти въ его великолѣпную квартиру и жить съ нею въ любви да согласіи. Будь я на ея мѣстѣ, о! я бы не отвергъ столь пріятнаго и полезнаго сожительства, дѣвица же Смолко, не умѣющая, очевидно, извлекать существенное изъ красоты или смазливости своей, отвергла да сама же теперь и болтаетъ объ этомъ, шатаясь у насъ, въ Питерѣ, по адвокатамъ, надо полагать, не безъ намѣренія поставить неповиннаго ни въ чемъ г. Циглера подъ грозно сверкающій мечъ Ѳемиды.

Попадись она проживающему въ г. Вильнѣ капитану Лидскаго полка Сикстелю, на-дняхъ отправившему чиновника Грязнова „туда, откуда, по словамъ Гамлета, ни одинъ путникъ еще не возвращался“, не то было бы: онъ пристрѣлилъ бы ее. Кстати—о виленской исторіи. Много шума вызвала она въ нашей столичной и провинціальной печати, нерѣдко раздувающей ничтожную искорку въ пламя. Велика, подумаешь, потеря: стало меньше однимъ маленькимъ чиновникомъ! Какъ будто на его мѣсто не нашлось другого. Надо полагать, начальникъ Грязнова и не задумался надъ вопросомъ о замѣщеніи его, а посему и не стоитъ особенно нападать на капитана Сикстеля. Ну, что жъ? Погорячился и убилъ... Не задѣнь его Грязновъ, не затронь честь его мундира въ ресторанѣ, капитанъ, полагаю, не дошелъ бы до состоянія, въ которомъ и я, если бы не застрѣлилъ оскорбителя, то осыпалъ бы его всяческими ругательствами, или надавалъ бы ему тумаковъ, будь къ сему безпрепятственное допущеніе. Такіе факты, какъ зарубленіе саблею, убіеніе выстрѣломъ изъ револьвера мало кого теперь удивляютъ; мнѣ, читающему каждодневно газеты, они и вовсе примелькались, поэтому и не волнуютъ меня. Впрочемъ, я стараюсь, елико возможно, менѣе волноваться.

Ежели, что за послѣднее время и взволновало меня, такъ развѣ смѣхотворное нападеніе журналистовъ-борзописцевъ на земскаго начальника дмитріевскаго уѣзда, достопочтеннаго А. П. Кусакова. Человѣкъ пока не кусается, а они бьютъ его чуть не бамбуковыми палками. За какія же провинности? Пишутъ, онъ будто бы въ судебномъ залѣ, при допросѣ по неизвѣстному мнѣ глуховскому дѣлу, все время, какъ только рѣчь его касалась крестьянъ, говорилъ: „*мой* крестьянинъ... *мои* крестьяне“... Вотъ и все. Не понимаю, какъ можно высмѣивать въ благородномъ человѣкѣ, можетъ быть, привитое воспитаніемъ или врожденное, переданное по наслѣдству, ежели его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ были дворяне и, всеконечно, говорили: „*мой* крестьянинъ... *мои* крестьяне“. Какой-то борзописецъ, понося А. П. Кусакова, который, вѣроятно, когда-нибудь, хе-хе-хе, укусилъ его, заключаетъ свой фельетончикъ такими словами:

„Мы увѣрены, что даже когда нѣкоторые крестьяне дмитровскаго уѣзда будутъ засѣдать въ государственной думѣ и обсуждать законы, обязательные для всѣхъ, въ томъ числѣ и для земскихъ начальниковъ, г. земскій начальникъ А. П. Кусаковъ все-таки скажетъ: „мои крестьяне!“ и даже, пожалуй, добавитъ: „мои дмитріевскіе члены государственной думы“...

Другое получается впечатлѣніе, когда язвитъ господинъ Энапэ. Смѣ-

ешься и, подавляя вздохъ, думаешь: „оборони Богъ, вотъ-вотъ сейчасъ тебя щелкнетъ по носу, и радуешься, ежели не тронулъ, а самъ-то, кабы твоего позора никто не видѣлъ, такъ-бы ему свой носъ и подставилъ, хотя и бьетъ, ой, какъ шибко! А какихъ особъ задѣваетъ то? Страшно сказать! Для него земскіе начальники—что мухи! Нѣтъ, шалишь... подавай мнѣ чиномъ повыше! Онъ самого Доррера не щадитъ. Замѣчу кстати: сей именитый дворянинъ, даже графъ, своимъ мѣстожительствомъ дѣлаетъ честь вѣдь тоже Курской губерніи. Недавно его сіятельство чѣмъ то предъ господиномъ Энапэ проштрафилось, и онъ написалъ на него такую эпиграмму:

Предводитель курскаго дворянства,
Ретоградъ извѣстный, графъ Дорреръ,
Показалъ курянамъ всѣмъ примѣръ
Своего шальнoго постоянства,—
Вызвалъ роту цѣлую солдатъ
Въ сонный Курскъ надняхъ для усмиренья
Мирныхъ гражданъ, да и самъ не радъ,
Какъ забили про него въ набатъ:
„Графъ дошелъ до умопомраченья!"
Онъ дошелъ?! Дивлюся одному:
Помрачать-то нечего ему!

Дѣянія курскаго предводителя дворянства исходятъ не столь отъ ума, несомнѣнно проницательнаго, сколь отъ души, проникнутой беззавѣтной любовью къ отечеству нашему, которое давнымъ давно растерзали бы на части алчные сосѣди-иноземцы, такожде и японцы, если бы въ нѣдрахъ его, сирѣчь, отечества, не воспитывались такіе патріоты, какъ графъ Дорреръ и толико обласканный всею столичною и провинціальною прессою, землякъ его, кн. Касаткинъ-Ростовскій. Въ настоящее время, когда почти всѣ молодые люди ходятъ ежели не въ студенческихъ мундирахъ, то фуражкахъ, такъ-что студента отъ не студента не разберешь, а студенты, какъ извѣстно, первые стараются почтеннымъ людямъ нагрубить, трудно, при встрѣчѣ съ ними, особливо на улицѣ, воздержаться — не говорю—отъ словеснаго порицанія, трудно воздержаться отъ неодобрительной улыбки. Будь гр. Дорреръ, кн. Касаткинъ-Ростовскій, наконецъ, я— ну, всеконечно, мы либо скажемъ порицательное слово, либо воззримъ съ иронической улыбкою на молодежь; она же сейчасъ и закуражится, начнетъ придираться, скандалить, привлекая къ себѣ вниманіе проходящихъ и даже проѣзжающихъ. На сей почвѣ, всюду, гдѣ есть не только хоть одинъ студентъ, но и достаточно полстудента, всегда возникаетъ недоброе, какъ въ мѣстахъ высокочтимыхъ графа и князя, такъ, напримѣръ, и подъ Ометовымъ—въ какой губерніи, увы! не вѣдаю, ибо въ газетѣ не показано, а посему-то цитатою изъ нея слагаю съ себя отвѣтственность за могущую быть географическую ошибку.

Подъ Ометовымъ нашла себѣ мѣстопребываніе партія „патріотовъ"—хулигановъ, задавшихся цѣлію перевоспитанія русскихъ гражданъ способами, присущими дѣятелямъ такого рода.

Съ недѣлю тому назадъ изъ города возвращался мастеръ N. и онъ уже благополучно дошелъ почти до деревни, какъ вдругъ на него налетѣли „добры" молодцы съ крикомъ и бранью: „Бей его, крамольника, всыпай ему хорошенько, пусть знаетъ нашихъ". Оглушенный ударами мастеръ полетѣлъ въ яму, очнувшись онъ обратился къ „героямъ".

— „Что вы дѣлаете, мошенники, за что бьете мирныхъ гражданъ"?

— Мы бьемъ „скубентовъ" гордо отвѣчали хулиганы, „а на тебѣ студенческая фуражка, вотъ и получай". Мастеръ показалъ свою истасканную, когда то студенческую фуражку, и хулиганы убѣдились, что избили не того, кого хотѣли.

— „Другой разъ не будетъ носить такую" послали они въ догонку...

Около этого же мѣста на другой день разыгралось тоже характерное для переживаемаго нами времени. Въ поддевкѣ съ кудрявой шевелюрой идетъ молодой человѣкъ. На него наскакиваютъ хулиганы: „а, сицилистъ, бей его!" Удивленный „сицилистъ" задаетъ вопровъ, за что—„не носи долгихъ волосъ, мы этакихъ будемъ учить".

Я тоже сказалъ бы, ежели нынѣ длинные волосы не обрѣтаются у простецовъ наивныхъ въ чести: „остригись!" А кто добровольно стричься не пожелаетъ, того, подъ конвоемъ, тащилъбы въ нарочно, для

поголовнаго всюду стриженія, въ открытыя, на счетъ казны, парикмахерскія. Надѣюсь, казна не была бы въ убыткѣ, такъ какъ подлежащіе къ снятію обывательскіе волосы могли бы пригодиться, напримѣръ, для подушекъ и матрацовъ, необходимыхъ въ госпиталяхъ, казенныхъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ; вообще же казна могла бы въ повсемѣстно открытыхъ магазинахъ торговать какъ сими предметами, такъ, всеконечно, и обывательскими волосами, можетъ быть и на другое, что нибудь потребными. Существованіе Черной Сотни я оправдываю даже тѣмъ, что оно вызываетъ идеи, вродѣ моихъ, имѣющія и государственное и экономическое значеніе. Порицать Черную сотню я боюсь: узнаетъ меня, пожалуй, при встрѣчѣ, и обидитъ старика; предоставляю сіе моему безстрашному поэту.

Черная сотня.

(Современная баллада).

Въ аду, на престолѣ сидитъ Сатана,
На жезлъ опираясь рукою;
Не радость былая, а злоба видна
Въ очахъ, омраченныхъ тоскою.
Имѣетъ онъ жалкій, измученный видъ,
Какъ будто лишенъ произвола
И, словно рѣшая, никакъ не рѣшитъ
Вопросъ о закупкахъ для ада въ кредитъ.
О сложномъ ремонтѣ престола.

Но онъ полновластенъ, могучъ и богатъ
Чертями, ихъ скопищемъ вѣрнымъ;
Объятый не гаснущимъ пламенемъ, адъ
Наполненъ весь запахомъ сѣрнымъ.
Усердствуютъ черти, напрасно баклушъ
Не бьютъ, пребывая на свѣтѣ;
Творятъ они каверзы, ловко къ тому-жъ,
Грѣхи размножаютъ, не счесть—сколько душъ
Попало въ ихъ цѣпкія сѣти.

А все-жъ Сатана не доволенъ такой,
Безспорно, полезной работой;
Нарушенъ его вожделѣнный покой
О новыхъ раздорахъ заботой.
Ему перессорить всѣхъ въ мірѣ людей
Для цѣлей особенныхъ нужно.
Онъ много придумывалъ разныхъ затѣй,
Имѣлъ-бы въ запасѣ невинныхъ дѣтей,
Зломъ дѣтское сердце недужно!

Призвалъ хитроумнаго секретаря
И молвилъ властитель печально:
„Работаютъ черти, но, кажется, зря...
Всё злое такъ стало банально,
Что я ужъ не знаю—чѣмъ зло обновить,
Пріѣлась былая великость
Дѣяній преступныхъ; хотѣлъ бы повить
Умы бѣленою, весь міръ взбѣленить,
Въ немъ видѣть повальную дикость!"

Подумалъ и по лбу себя секретарь
Ударилъ зеленою пяткой
И—весело: „Эврика! Радуйся, царь!"—
Воскликнувъ, съ улыбкою сладкой.
Онъ робко сперва обратился къ царю
Мгновенно утихшаго ада:
„На тварей двуногихъ я просто смотрю.
Разумная рѣчь не нужна! Хрю-хрю хрю...
Хрю-хрю только свинское надо!

„Всё грубое, стадное ты освини,
Опакости донельзя страсти
Въ ничтожныхъ людишкахъ, и будутъ они
Всецѣло потомъ въ твоей власти.
Ихъ сдѣлай орудьемъ вражды племенной,
Врагами стремящихся къ счастью,
Къ свободѣ и свѣту, чтобъ каждой страной
Они завладѣли, ставъ крѣпкой стѣной
Между населеньемъ и властью.

„Достаточно сотни, лишь сотни пока,
Но ты назови её черной,
Давъ право дубины, законъ кулака,
Мощь наглости глупой, упорной,
И въ центрахъ кипучихъ, и въ сонной глуши
Начнутся скандалы, раздоры..
Пускай подстрекаетъ! Тебѣ—барыши
И выгода тѣмъ, что давно безъ души
Творятъ уже аду поборы"...

Царь ада отъ радости захохоталъ
И обнялъ совѣтчика Хохотъ
Чертей взбудоражилъ. Готовится балъ;
Не молкнетъ веселый свистъ, грохотъ,
Летаютъ драконы и змѣи шипятъ,
Заползали мелкіе гады,
Всю адскую злобу и злѣйшій весь ядъ
Они обнаружить, какъ-будто, хотятъ,
Ловя сатанинскіе взгляды.

А Черная сотня, гдѣ только могла,
Творила ужь черное дѣло;
Тамъ солнце мрачила кровавая мгла,
Идущее къ свѣту рѣдѣло.
Съ тѣхъ поръ къ Правосудью не сыщемъ тропы,
Удары бичей раздаются,
И падаютъ люди, какъ въ полѣ снопы,
Ростутъ черносотенцевъ дикихъ толпы,
Богъ вѣсть—до чего разростутся!

Жизнь давитъ и давитъ, какъ страшный кошмаръ;
Вокругъ-же не люди, а маски!
Послушаешь что говорятъ, въ холодъ въ жаръ
Бросаетъ: всё—быль, а не сказки...
О храмъ просвѣщенія трется свинья,

Хотя ей нужна подворотня...
Хаосъ оголтѣнья, нахрапа, вранья,
Звѣротная одурь съ большого спанья
И подлая Черная сотня!

Значеніе Черной сотни, повидимому, безспорно, ибо повсюду говорятъ про нее, какъ похвально, такъ и порицательно, даже сочиняютъ цѣлыя баллады о высокомъ ея происхожденіи. Куда ни взглянешь, она всюду господствуетъ, какъ нѣчто неизбѣжное. Къ ней, ради спасенія отечества, взывалъ недавно, въ проповѣди, будтобы, человѣконенавистничества а по моему—человѣколюбія, даже Московскій митрополитъ Владиміръ. Сей, достойный включенія въ въ Четь и Минеи, святитель чуть ли не предлагалъ черносотенцамъ засучить рукава и броситься на крамольниковъ, коихъ наши, вольнодумные и вредные вольнодумствомъ, интеллигенты называютъ мирными гражданами. Я со своей стороны превесьма подозрѣваю сродство душъ у вышепоименованнаго, въ справедливомъ гнѣвѣ, ярящагося митрополита и у благочестиваго отца Іоанна Кронштадтскаго, который каждое воскресеніе проклинаетъ россійскую интеллигенцію, гр. Л. Толстого и всѣхъ писателей, дерзающихъ расходиться съ нимъ во взглядахъ на современную жизнь. Московскій митрополитъ и кронштадтскій протоіерей имѣютъ, при единомъ врагѣ, сирѣчь интеллигенціи, единую ненависть, страшную ненависть къ вѣротерпимости, къ свободѣ совѣсти, слова, вообще же, къ освободительному движенію интеллигентнаго русскаго общества, студенчества и рабочихъ, которыхъ, по мнѣнію архипастырей, надо немедленно ввергнуть въ геенну огненную. Оба возстаютъ противъ всеобщаго образованія, народнаго просвѣщенія, и я къ нимъ охотно присоединяюсь. Если вникнуть въ ихъ нелукавыя словеса, то надо будетъ пойти въ ногу всѣмъ съ черносотенцами и нещадно избивать интеллигенцію, студентовъ, такъ называемую, учащуюся молодежь, не давая пощады и тѣмъ рабочимъ, которые, будучи сами крамольниками, сочувствуютъ крамольникамъ, не боясь геенны огненной. И плоды человѣколюбивыхъ наущеній митрополита Владиміра и отца Іоанна уже въ сочной зрѣлости висятъ на древѣ россійской жизни, снизу грызомомъ острозубою и свирѣпо рыкающею гидрою, сирѣчь, революціею: уже интеллигенція, студенты и стакнувшіеся съ ними рабочіе избиваются черносотенцами, во главѣ коихъ стоитъ самъ Треповъ! Все, что держится и авось удержится за Черную Сотню, обязано проповѣдямъ, какъ говорятъ, человѣконенавистниковъ, а по-моему, человѣколюбцевъ, и такихъ особенно, какъ московскій митрополитъ Владиміръ и кронштадтскій протоіерей отецъ Іоаннъ. Да будутъ благословенны ихъ имена нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Отнынѣ уповаю на чудо, что лѣтъ черезъ сто возблагоухаютъ въ мѣстахъ вѣчнаго успокоенія мощи сихъ праведниковъ, а до тѣхъ поръ, ежели будетъ здравствовать Треповъ и не падетъ россійское самодержавіе, вся интеллигенція въ нашемъ отечествѣ исчезнетъ съ крамолою, аки дымъ.

Но воспродолжу обозрѣніе русской жизни. Странно, что у меня газеты перепутаны; многое по сему кажется загадочнымъ, какъ будто произошло или начинаетъ уже происходить. Пишутъ изъ города Льгова... Сей городъ, надо полагать, аховый по малости населенія своего и по небогатости своей, извѣстенъ, помнится, лишь по тургеневскимъ „Запискамъ охотника". Бывъ нѣкогда тамъ въ гостяхъ у новооскольскаго предводителя дворянства, я видѣлъ прославленнаго авторомъ сихъ „Записокъ" чудного и презабавнаго Ермолая съ его Валеткою. Нерѣдко у меня, какъ стараго барина, возникало, вполнѣ понятное каждому барину, желаніе ощутить на своей холеной барской рукѣ лобызательное прикосновеніе къ ней устъ холопскихъ, и Ермолай получалъ отъ меня

на водку всегда полтинникъ, а при щедрости подчасъ и весь цѣлковый. Теперь, вмѣсто нѣкогда покорныхъ и благодарныхъ намъ Ермолаевъ, тамъ обрѣтёшь только крамольниковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ одна корреспонденція, которую передамъ своими словами. Льговскій уѣздный начальникъ, весьма озабоченный искорененіемъ крамольническаго гнѣзда, свитаго, очевидно, и въ городѣ, и въ уѣздѣ, недавно, вкупѣ со становымъ приставомъ и съ городовыми, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ одну изъ частныхъ квартиръ, въ которой, вѣроятно, пѣли этакое—какъ бы сказать? — не цензурное, вродѣ Марсельезы, что ли, и читали, полагаю, недавно вышедшія въ свѣтъ, какъ я слышалъ изъ разговора Чацкаго съ кѣмъ-то, не помню, сочиненія крамольника и безбожника Герцена, ежели не еретическія, политическія, соціало-демократическія произведенія Чернышевскаго, который былъ сосланъ въ Сибирь едва ли не за душегубство. Начальникъ уѣзда, разумѣется, пошумѣлъ немного, но, будучи человѣкомъ добрымъ, все-таки никого и пальцемъ не тронулъ, а вѣдь, при желаніи, при силѣ да власти, могъ-бы и тронуть... Про Новооскольскаго предводителя дворянства, кн. Касаткина-Ростовскаго, извѣстно, что онъ не весьма давно уволилъ и хотѣлъ отдать въ солдаты учителя Бондаренко. То же самое я узналъ только сейчасъ о предводителѣ льговскаго дворянства, г. Стремуховѣ. Сентября втораго явился онъ въ засѣданіе мѣстнаго училищнаго совѣта и показалъ себя благороднѣйшимъ изъ такъ называемыхъ охранителей, обвинивъ пять народныхъ учителей въ „недоброжелательномъ образѣ мыслей", но училищный совѣтъ, состоявшій, очевидно, изъ лицъ, подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи, отвергъ его обвиненья. Скорблю о злополучномъ; онъ забылъ начало извѣстнаго псалма: „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ"...

Перечислю, съ нѣкоторыми объясненіями вскользь, рядъ фактовъ, достойныхъ хотя бы лишь бѣглаго вниманія моего.

Фактъ первый. Въ городѣ Кашинѣ Тверской губерніи нѣсколько лѣтъ продавалъ въ розницу газеты книгопродавецъ Черенинъ, но мѣстный исправникъ, г. Мошинъ, однажды, подозвавъ его къ себѣ пальчикомъ, сказалъ ему назидательно:

— Вотъ что, братецъ. Я нахожу что во ввѣренномъ мнѣ городѣ газеты совсѣмъ не нужны. Если ужъ кто хочетъ ихъ читать, ну, пускай выписываетъ. Къ сожалѣнію, я не могу этому препятствовать. А разрѣшать розничную продажу закономъ предоставлено мнѣ, и нынѣ я это прекращаю и никому на будущее время не разрѣшу.

Однако же, какъ пишутъ, тотъ же исправникъ, надо полагать, имѣвшій свѣдѣнія о несомнѣнной политической неблагонамѣренности Черенина, разрѣшилъ розничную продажу газетъ, всеконечно, вполнѣ политически-благонамѣренному, можетъ быть даже вовсе неграмотному, Завьялову. Тогда Черенинъ, яко бы, несправедливо обиженный, вновь обратился къ исправнику съ просьбою о разрѣшеніи ему опять продавать въ Кашинѣ газеты, но г. Мошинъ паки оставилъ его, такъ сказать, съ носомъ. Книгопродавецъ обратился съ жалобою къ тверскому губернатору на кашинскаго исправника, который отобралъ у него свидѣтельство на право розничной газетной торговли. Вскорѣ же изъ тверского губернскаго правленія было имъ получено увѣдомленіе о томъ, что исправникъ поступилъ правильно и дѣйствовалъ по распоряженію самого губернатора, его сіятельства кн. Ширинскаго-Шихматова.

О, безтолковый, безтолковый, недогадливый, недогадливый! Начни не съ того, съ чего началъ, не тѣмъ

бы ты кончилъ, чѣмъ пришлось, по безтолковости, по недогадливости кончить.

Фактъ второй. Московскій губернаторъ оффиціально предложилъ предсѣдателю коломенской земской управы немедленно пресѣчь среди населенія коломенскаго уѣзда распространеніе врачами дозволенныхъ цензурою изданій по вопросамъ политики.

Одобряю мудрую предусмотрительность его превосходительства на счетъ могущихъ быть злоупотребленій не только отъ ненужныхъ, но и отъ зловредныхъ книгъ.

Фактъ третій. Беру дословно, безъ измѣненій, изъ газеты, дабы не заподозрили меня въ искаженіи факта сего.

„На послѣднемъ земскомъ собраніи въ коломенскомъ уѣздѣ, мѣстный гласный, цензоръ московскаго цензурнаго комитета Ю. П. Бараченевъ произнесъ рѣчь, восхваляющую дореформенные порядки и опекунскую дѣятельность бюрократіи. Присутствуюшая публика бурно негодовала, и, по окончаніи собранія, его со свистомъ и шиканьемъ проводили на улицу".

Не могу одобрить лишь бѣгства. Нужно бы Ю. П. Бараченеву остаться въ земскомъ собраніи и вступить съ обидчиками въ рукопашную полемику.

Фактъ четвертый. Это изъ міра врачебнаго. Но прежде, чѣмъ коснусь сего факта, который сильно возмущаетъ одного журналиста, меня же, наоборотъ, забавляетъ, выражу свое особое, кажется, до сихъ поръ не выраженное мною, мнѣніе относительно фельдшерицъ и акушерокъ. Я всегда взиралъ на нихъ съ понятной всѣмъ брезгливостью, потому, что первыя воняютъ постоянно лекарствами, больше всего—іодоформомъ, даваемымъ кстати и некстати больнымъ, вторыя—фи!—ворочаются руками въ утробахъ роженицъ, и отъ нихъ слышится запахъ человѣческаго мяса. Нравственное впечатлѣніе не менѣе противно: и акушерки, и фельдшерицы, вслѣдствіе изученія, хотя бы и въ малой степени естественныхъ наукъ, дѣлаются безбожницами; но что всего ужаснѣе, такъ, несомнѣнно, ихъ политиканство, коимъ онѣ заражаются, попадая въ студенческіе кружки, которые надо всѣ уничтожить посредствомъ немедленнаго прикрытія всѣхъ университетовъ, а также институтовъ. Тогда, всеконечно, не будетъ и ненавистныхъ мнѣ акушерокъ и фельдшерицъ. Недоброкачественное поведеніе одной даже *фельдшерицы-акушерки*, Н. С. Каневской, вызвало во мнѣ достойное порицаніе. Она служила въ Кривоpогской земской больницѣ, получала, полагаю, приличное жалованье, имѣла готовую квартиру, таковыя же отопленіе, освѣщеніе, что нынѣ особенно цѣнится, но — по неуживчивости своей—лишилась всего, гордо покинувъ службу. Сія г-жа Каневская имѣла, очевидно, зубъ на врача Шанявскаго. Криворогскій же врачъ, по всѣмъ видимостямъ, человѣкъ общительный, веселый, любитъ картишки, пріятельскую компанію съ холостыми попойками, въ чемъ я ничего преступнаго не вижу. Онъ нерѣдко, въ зависимости отъ степеней веселости, и вовсе не являлся въ больницу, и, по моему мнѣнію, отлично дѣлалъ, такъ какъ иной разъ могъ, при излишней веселости, вмѣсто одного лекарства ошибкою закатить другое. Однажды въ Криворогскую больницу привезли мальчика съ оторванной гдѣ-то, во время работы, стопою ноги и женщину съ заворотомъ кишекъ. И баба, и мальчишка, оба кричали неистово, такъ какъ, за отсутствіемъ урядника, вообще начальства, некому было на нихъ прикрикнуть. Врачъ находился не въ больницѣ, а въ клубѣ. За нимъ, всеконечно туда изъ больницы послали, примѣрно часовъ этакъ въ восемь, а врачъ Шанявскій прибылъ на мѣсто лишь въ двѣнадцатомъ часу. Не удивительно. Мало ли что

могло его задержать! Игра въ карты, пріятельская попойка. Та и другая, безъ сомнѣнія, интереснѣе скучной возни съ больными, которые особенно капризны, когда у нихъ, по собственной оплошности, машиною ступню оторветъ или — ни съ того, ни съ сего—заворотъ кишекъ случится. Фельдшерица-акушерка совсѣмъ осрамила врача, заявивъ о немъ въ „Южной Россіи“ что онъ и кричалъ на нее, что онъ и бранилъ ее, что онъ чуть не избилъ, повидимому, строптивую сію человѣчицу.

Будь я редакторомъ газеты, я бы оставилъ втунѣ заявленіе фельдшерицы-акушерки Каневской. Симъ злонамѣреннымъ заявленіемъ она совершила два преступленія: первое — опозорила врача Шанявскаго, второе — отняла у посѣтителей криворогскаго клуба, играющихъ въ карты, достойнаго партнёра, лишила холостую компанію, кутившую часто въ клубѣ, веселаго собесѣдника и ревностнаго собутыльника, ежели опозоренному врачу пришлось уже оставить Криворогскую больницу и уѣхать оттуда, гдѣ ему жилось до появленія каверзной, коварной фельдшерицы-акушерки, всласть легко и беззаботно.

Много толковъ о себѣ вызвалъ своимъ пріѣздомъ къ намъ, съ цѣлью научить насъ уму-разуму, знатный иностранецъ мистеръ Стэдъ, о которомъ я самъ не пророню ни слова, такъ какъ у меня сейчасъ имѣются о немъ стихи господина Энапэ.

Любезный сердцу нашихъ патріотовъ,
Пріѣхалъ къ намъ недавно мистеръ Стэдъ.
Свой тайный планъ въ дорогѣ обработавъ,
Задумалъ онъ имъ поразить весь свѣтъ.
Съ восторгомъ бурнымъ патріоты наши
Встрѣчали гостя: вырвавъ сакъ-вояжъ
Изъ рукъ его, Суворину-папашѣ
Они вручили и кричали: „нашъ!“
Не покидая клѣтчатаго пледа,
Въ цилиндрѣ черномъ появился гость.
Однимъ его, столь скорая, побѣда
Внушала зависть, а другимъ и злость.
Дней пять его кормили до отвала
По всѣмъ меню отчаянныхъ обжоръ.
Охота ѣсть у гостя вдругъ пропала,
Поносъ явился, а потомъ запоръ.
Ему, чуждаясь медицинскихъ правилъ,
Старикъ Суворинъ лилъ касторку въ ротъ,
Мещерскій князь клистиръ искусно ставилъ,
Фланелью Грингмутъ тёръ ему животъ.
Въ безвѣстной схваткѣ ликъ свой исцарапавъ,
Себя представить гостю, прилетѣлъ —
На окрылёномъ плугѣ—самъ Шараповъ,
Знатокъ по части сокровенныхъ дѣлъ,
И предложилъ: хворающаго бритта
Отправить въ баню, парить до-красна,
Хотя-бы онъ молилъ, рычалъ сердито,
Зане сквозь паръ болѣзнь пройти должна.
Убить жида, убивъ, жидовской кровью
Подкрасить Стэда Крушеванъ рѣшилъ;
Онъ къ человѣку братскою любовью
Былъ гостю милъ, былъ чрезвычайно милъ.
По всѣмъ рецептамъ мистеръ Стэдъ лечился:
Прошелъ запоръ, явился вновь поносъ,
Бриттъ разсуждалъ: „затѣмъ-ли ми явился
На глюпый Русь?“ да и повѣсилъ носъ;
Межъ-тѣмъ ему предчувствіе шептало:
„Осуществи свой геніальный планъ!
Здѣсь у тебя сочувственныхъ не мало...
Поможетъ Бергъ, всѣхъ больше—Крушеванъ!“
И полетѣлъ сэръ Стэдъ въ одно собранье,
Воззвалъ къ нему: „хотѣль васъ помирю
Съ народомъ вашъ? Есть у меня старанье...
Сказайте мнѣ потомъ бляжатарю.
Интиллегенты съ калявой покорной
Прыгнутъ предъ вамъ. Исполнитэ совѣтъ!
Травить людей должни ви сотнэй чорной.
Хе-хе-хе-хе... Фотъ я каковъ, сэръ Стэдъ!“
Изъ клѣтки, сверху, попка крикнулъ: „мило!“
Хоръ патріотовъ заревѣлъ тогда:
„Ура!“ У гостя-жъ вдругъ животъ схватило;
Хоть былъ въ восторгѣ, но глядѣлъ уныло,
Краснѣя, Стэдъ отъ явнаго стыда.
Большой скандалъ едва не разыгрался,
Да гость удралъ... былъ очень не здоровъ.
„Уѣхалъ онъ, но духъ его остался!“
Чтобъ всѣхъ утѣшить, молвилъ Комаровъ.

Весьма скорблю, что не удалось мнѣ самому быть въ вышеописанномъ собраніи и познакомиться съ благороднымъ и знатнымъ иностранцемъ, который далъ намъ совѣтъ, несомнѣнно, полезный.

Не довольно-ли пока и сего, занесеннаго въ Записки? Но мнѣ кажется: конецъ сегодня написаннаго не имѣетъ, въ сущности, надлежащаго конца, ибо чего то недостаетъ, какъ будто написанное не достаточно обвѣяно послѣднимъ наисвѣжайшимъ дыханіемъ современности, ежели не считать таковымъ взбудо-

разившій все русское общество приказъ Трепова съ незабвенными, золотыми словами: „патроновъ не жалѣй"! Странно! Чувствую нѣчто смутное, наплывающее на меня изъ нѣдръ жизни. За стѣнами, какъ бы необычное оживленіе... Какое нынче, однако, число? Восемнадцатое! Восемнадцатое октября. Паки можно сказать: странно и даже превесьма странно! Коли не обманываетъ меня мой слухъ, я слышу крики, несущіеся съ улицы. Можетъ быть, по столицѣ, предводительствуя Черною Сотнею, проскакалъ галопомъ по живымъ человѣческимъ тѣламъ самъ Треповъ и крикнулъ: „сѣкимъ башка!" Чудятся мнѣ возгласы: „долой!" А что долой— не разберу.

Звонокъ, кажется? Да, и почтальонъ съ газетой. Значитъ, забастовавшіе, на основаніи общей всероссійской, какой-то стачечной, забастовки, типографіи возобновили работы. Но это „Правительственный Вѣстникъ".

Что? что? Манифестъ. Божіею милостію... Императоръ и... самодержецъ... Немножко отлегло... Самодержецъ... Говорится о смутахъ. Ну, извѣстно: смуты никому не пріятны. Нѣтъ, прочитаю самое существенное и по пунктамъ:

1) Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2) Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ, за симъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку

и 3) Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей.

Фю-фю-фю-фю-ю-ю! Невольно испустилъ я сіе междометіе изъ устъ, собранныхъ въ узелокъ съ отверстіемъ. Вѣдь это, кажется, конституція? Значитъ, начинается новая эра? Стало быть, крамольники своего добились? Манифестъ подписанъ государемъ, ну, всеконечно, не Д. Ф. Треповымъ, и подъ манифестомъ я вижу всеподданнѣйшій докладъ статсъ-секретаря графа Витте. Глаза мои пожираютъ каждую строчку сего доклада. О! Человѣку этому пальца въ ротъ не клади... Знаемъ его! Упраздняетъ бюрократію, пожалуй, и Государственный Совѣтъ упразднитъ. Подозрѣваю, что и онъ крамольникъ, ибо дѣйствуетъ заодно съ либералистами, даже съ соціалистами, можетъ быть съ соціалодемократами, ежели не притворяется. Онъ и Японца обманулъ, не для того ли его и обманулъ, чтобы у насъ конституцію состряпать? Нѣкоторыя фразы, какъ будто, темноваты; вотъ и насчетъ свободы печати, словно, умалчиваетъ, ежели она въ свободѣ слова не заключается. Мнѣ то все равно; покуда я во всемъ не разобрался и умирать не буду, повоздержусь, подтяну себя немножко: авось, все по старому пойдетъ. Охъ, ежели бы пошло! Какъ бы *наши* всѣ возрадовались! Всѣ надежды, всѣ упованія возлагаемъ на Трепова. Сколько бы свободъ не объявлялось, онъ можетъ ихъ всѣ подмѣнить. Чего и фальшивомонетчикъ не выдумаетъ, то изобрѣтетъ сей, во истину, геніальный человѣкъ.

* * *

Пишу чрезъ нѣсколько дней. Страшно вспомнить пережитое въ эти дни. Меня подхватилъ какой-то вихрь и кружилъ, кружилъ, кружилъ до того, что я вообразилъ себя уне-

сеннымъ съ земли въ воздушное пространство. Но впечатлѣнія бытія свидѣтельствуютъ о слишкомъ земномъ и человѣческомъ. Невѣдомая сила вытащила меня изъ логовища моего и повлекла на Невскій проспектъ. Онъ весь, всплошную, былъ занятъ народомъ. Красные флаги, колѣнопреклоненіе предъ ними, крики: „да здравствуетъ конституція!" и пѣніе трикраты презѣло вольныхъ пѣсенъ, все это до сихъ поръ властвуетъ надо мною. Тогда сильно-загипнотизированный вдругъ измѣнившеюся русской дѣйствительностью, и я—грѣшникъ! — нѣсколько разъ крикнулъ: „долой самодержавіе!" и вслѣдъ затѣмъ: „да здравствуетъ конституція!". Но послѣ чего, опомнившись, зажалъ себѣ обѣими руками ротъ, боясь — какъ бы не выкрикнуть: „вифъ ля репюбликъ!"

Вернувшись домой, я старался себя успокоить: дескать, на трубѣ вилами писана ваша конституція, злонамѣренные либералистишки и соціало-демократишки! Мы еще повоюемъ съ вами, повоюемъ. Дѣйствительно, на другой же день *наши* стали подбирать едва объявленную гражданскую свободу подъ нози себѣ, аки врага и супостата. Обѣщанная неприкосновенность личности, при появленіи казаковъ съ нагайками, сразу сошла на нѣтъ: было избито много интеллигентныхъ людей, молодежи, рабочихъ, даже нѣсколько человѣкъ убито выстрѣлами изъ солдатскихъ ружей. Я ликовалъ, я лобызался съ моими единомышленниками; я пророчилъ возстановленіе полицейско-бюрократическаго строя. Мое пророчество, всеконечно, сбылось бы, если бы типографіи не работали, ежели бы газеты не выходили. Продерзость писакъ, изрыгавшихъ пакостную брань на самодержавіе, клеймившихъ одного изъ сильнѣйшихъ его представителей, высокоумнаго, всесторонне-образованнаго, рыцарски-благороднаго Д. Ф. Трепова, превзошли всѣ ожиданія мои, а равно и ожиданія единомышленниковъ. Редакторы, поощрявшіе всячески буемысліе своихъ сотрудниковъ дозволеніемъ хулить полицейско-бюрократическій строй даже въ газетной хроникѣ, стакнулись и рѣшили не посылать своихъ изданій въ цензуру, приговоривъ этимъ цензоровъ, не нужныхъ при новыхъ порядкахъ, къ голодной смерти, такъ какъ вскорѣ само правительство можетъ сказать не нужнымъ теперь цензорамъ: „убирайтесь-ка вы къ черту!" Не будь доселѣ газетъ, по прочтеніи которыхъ все русское общество гаркнуло: „долой Трепова!" и не вмѣшайся не въ свое дѣло гр. Витте, мы вновь ликовали бы, какъ въ тотъ приснопамятный день, когда на нѣсколько часовъ намъ удалось, при помощи огалтѣлыхъ казаковъ и Черной Сотни, сбить съ ногъ гражданскую свободу, которая, однакоже, встала и высоко, еще выше прежняго, вознесла надъ Россіею свое побѣдное знамя.

— Устоитъ ли нашъ благодѣтель Треповъ?—съ воздыханіемъ и горестными слезами вопрошалъ я своего зятя, а зять вопрошалъ меня.

Есть предзнаменованія недобраго. Уже многіе съ бюрократическихъ высотъ или сошли, поскользнувшись на первой ступенькѣ, или полетѣли кувыркомъ. Боюсь за Трепова. Только что получилъ я отъ господина Энапэ юмористическую пѣсенку, сочиненную имъ отъ имени доблестнаго генералъ-майора, который самого себя считаетъ не только спасителемъ Петербурга, но и всей Россіи, ибо ни Петербургъ, ни Россія покуда не погибли.

Пѣсенка патроннаго администратора.

I.

Отецъ мой былъ полувоеннымъ;
Имѣлъ онъ бранный пылъ,
Администраторомъ отмѣннымъ
Въ столицѣ Невской былъ.
По Петербургу ѣздилъ, стоя,
Забравшись въ экипажъ,
Для водворенія покоя
Хватался за палашъ.

Я превзошелъ его немного
Развязностью своей,
Войскамъ приказываю строго:
„Патроновъ не жалѣй!“

II.

Въ предѣлахъ донельзя обширныхъ
Я проявляю прыть,
Стараюсь всюду гражданъ мирныхъ
Въ мятежныхъ превратить.
Чтобъ Верховластіе охотнѣй
Мнѣ вѣрило, мою
Мощь подкрѣпляю Черной Сотней,
Порядокъ создаю.
Она работаетъ ретиво,
Устанетъ,—въ помощь ей
Солдатъ я ставлю, крикнувъ живо:
„Патроновъ не жалѣй!“

III.

Всѣ на меня взираютъ съ дрожью,
Боясь моихъ угрозъ;
Не справлюсь только съ молодежью,
Смѣшу ее до слезъ.
Надъ нелогичностью моею,
Безграмотностью тожъ,
Еще надъ чѣмъ—сказать не смѣю,
Глумится молодежь.
Но чуть на митингъ соберется,
Глумлюся самъ надъ ней,
И громогласно раздается:
„Патроновъ не жалѣй!“

IV.

Я на рабочихъ, какъ на стадо,
Смотрю... Меня пойми!
Забастовали, бить ихъ надо
Казацкими плетьми,
Коль снова забастуютъ, паки
Лупи нещадно ихъ!
Бьютъ огалтѣлые казаки
Попутно и другихъ.
Остался живъ, про истязанья
Заговорить посмѣй,
Отдамъ солдатамъ приказанье:
„Патроновъ не жалѣй!“

V.

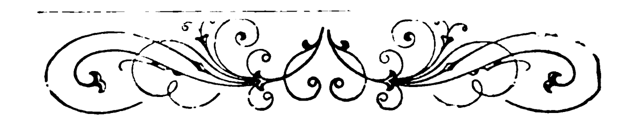
Подобно сказочному змѣю,
Всѣмъ гибелью грожу,
Дѣтей въ расправахъ не жалѣю
И женщинъ не щажу.
Всѣхъ „политическихъ“ давно ли
Изъ тюремъ не пускать
Дерзалъ я противъ высшей воли?
Но слышу: исполать!
Каковъ народъ? Боюсь и пикнуть,
Онъ съ каждымъ днемъ сильнѣй.
А я бы радъ, какъ прежде, крикнуть:
„Патроновъ не жалѣй!“

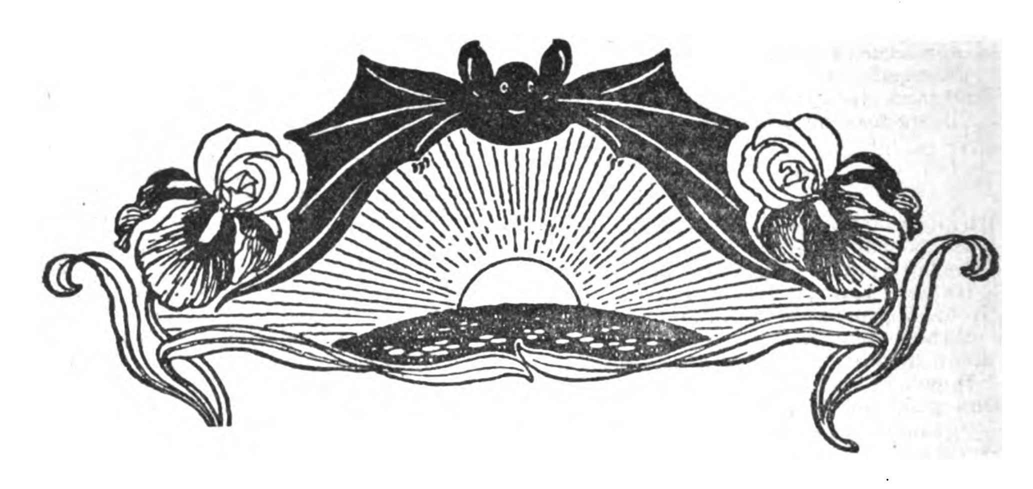
VI.

Вчера во снѣ явился Плеве
И молвилъ: „не моги
Дразнить враговъ! Въ великомъ гнѣвѣ
Сразятъ тебя враги“.
Проснувшись, я прочелъ въ газетахъ:
„Патронщика убрать!“
Моихъ приспѣшниковъ отпѣтыхъ
Увы! слабѣетъ рать.
Въ крови людской до днесь я плавалъ,
Какъ въ маслѣ сыръ... Ей-ей!
Мнѣ, на бѣду, шепнулъ самъ дьяволъ:
„Патроновъ не жалѣй!“

О, горе намъ, горе превеликое! Вчера господинъ Энапэ предрекательно и злорадно пропѣлъ отъ имени Трепова сію пѣсенку, а сегодня, 28-го октября, его уже не стало на славномъ посту. Общество побѣдило: Треповъ убранъ, осмѣянный и униженный. Рухнула наша опора. Не знаю—что дѣлать: умирать или жить? Клейгельса уже хватилъ параличъ... Ай-ай! подергиваетъ въ щекѣ, въ правомъ плечѣ. Ежели это — кандрашка, то—конецъ *„Запискамъ неунывающаго Россіянина“*.

Фамусовъ.

Жизнь и искусство.

М. Далькевича.

IV.

Пути и судьбы искусства въ связи съ культурнымъ и историческимъ развитіемъ народовъ до-христіанскаго періода. Выводы и заключенія. Законы, управляющіе жизнью искусства.

Въ первобытную, доисторическую эпоху каждый отдѣльный человѣкъ былъ для себя всѣмъ: и работникомъ, и художникомъ, по скольку это вызывалось въ немъ его личными потребностями и наклонностями. Только когда человѣчество стало сплачиваться въ огромныя общества, образуя отдѣльные народы съ особымъ языкомъ, обычаями и культурными началами, понадобилось то раздѣленіе и распредѣленіе труда между его отдѣльными членами и группами, которое вызвало къ жизни и существованіе искусствъ, какъ спеціальныхъ профессій.

Мы видѣли, что сознаніе въ себѣ способности къ искусству, способности къ „воспроизведенію и художественному творчеству", зародило, въ свою очередь, въ первобытномъ человѣкѣ и сознаніе своего превосходства среди всего живущаго и постепенно, совмѣстно съ поклоненіемъ таинственнымъ силамъ природы, привело его къ созданію религіознаго культа. Въ этомъ выразился первый результатъ творческой работы духовныхъ силъ человѣка. Зародившись изъ потребности самоукрашенія, искусство кончило воплощеніемъ высшихъ его религіозныхъ представленій.

Первый кругъ жизни искусства былъ завершенъ; оно надолго заняло подчиненное, служебное положеніе и снова должно было начать съ „украшенія", съ служенія религіозному культу, потребностямъ правящихъ и сильныхъ, съ украшенія предметовъ обыденной жизни и обстановки. Среди различныхъ по значенію группъ зарождающагося человѣческаго общества художникъ занялъ лишь скромное мѣсто работника, и прошли тысячелѣтія, пока онъ сталъ „на верху", у власти, когда снова ярко

проявилась творческая сила искусства, способствовавшая созданію новаго религіознаго культа, новыхъ боговъ и воплотившая ихъ въ новые образы.

Первыя сплоченныя человѣческія общества образовались въ Азіи, и нѣкоторыя изъ нихъ, перейдя Суэцкій перешеекъ, завладѣли долиной Нила и основали могучее государство, просуществовавшее семьдесятъ вѣковъ,—первое, о которомъ исторія сохранила опредѣленныя, послѣдовательныя сказанія и гдѣ впервые зародилась цивилизація.

Жизнь всего населенія Египта всецѣло зависѣла отъ разливовъ Нила, обусловленныхъ временами года и способствовавшихъ плодородію почвы. Существенныя, элементарныя жизненныя потребности вызывали прежде всего и главнымъ образомъ работу и громадное напряженіе мысли, ума, требовали продолжительнаго, основательнаго, систематическаго и внимательнаго наблюденія и изученія законовъ природы, климата, всѣхъ условій, обезпечивающихъ самое существованіе.

Окружающія страну однообразныя, безпредѣльныя песчаныя пустыни являлись естественной защитой ея границъ, но не располагали къ жизнерадостности, веселію, къ полной и широкой жизни чувства. Въ образованіи религіознаго культа не было мѣста фантазіи, воображенію. Духовныя силы народа сосредоточились исключительно въ жреческой кастѣ, подчинившей себѣ всю остальную инертную массу, всѣ стремленія которой сводились къ удовлетворенію животныхъ потребностей. Такое подчиненіе, какъ мы видѣли выше *), было естественнымъ и нормальнымъ въ первый періодъ образованія общества, правящая каста не замедлила озаботиться о прочности и неизмѣняемости подобныхъ отношеній, для чего лучшимъ средствомъ являлась религія. Изъ постояннаго наблюденія великихъ явленій природы естественно вытекала мысль о существованіи двухъ началъ: добраго и злаго. Отсюда оставался одинъ шагъ до представленія о единомъ богѣ, о загробной жизни. Но здравый смыслъ подсказывалъ жрецамъ, что такое ученіе было слишкомъ возвышеннымъ для грубой, животной массы, представляло слишкомъ большой просторъ самостоятельному и субъективному чувству каждаго и при широкомъ распространеніи могло лишить ихъ власти надъ человѣческимъ стадомъ. Поэтому народу предоставлялось поклоняться солнцу, таинственнымъ силамъ природы, животнымъ, и религіозный культъ продолжалъ оставаться грубо — матеріальнымъ; самое представленіе о загробной жизни сводилось къ обезпеченію умершимъ неподвижнаго, безбѣднаго дальнѣйшаго существованія, но лишь такого, какимъ они пользовались при жизни. Это было просто, убѣдительно, доступно массамъ и потому придало религіи ту несокрушимую прочность, благодаря которой она, не поддаваясь никакимъ вліяніямъ, просуществовала тысячелѣтія, но не дала развиться творчеству чувства. Такимъ же прочнымъ былъ и политическій строй Египта, отмѣченный исключительнымъ консерватизмомъ. Понадобились вѣка безпрерывныхъ давленій и ударовъ извнѣ, чтобы разрушить это могущественное государство, построенное на устойчивыхъ, прочныхъ основахъ.

Всѣ условія способствовали тому, что въ теченіе столѣтій прочно установился извѣстный складъ народнаго характера, отличительными чертами котораго были: матеріализмъ, неподвижность и великая стойкость, граничившая съ полнымъ застоемъ.

Эта устойчивость и неподвиж-

*) Жизнь и искусство. III. (Наука и Жизнь № 8).

ность выразились и во всѣхъ проявленіяхъ жизни народа. Въ искусствѣ—колоссальные, единственные въ мірѣ по грандіозности сооруженія, но создававшіеся не геніемъ отдѣльнаго человѣка, не творческимъ чувствомъ самостоятельнаго, свободнаго художника, а коллективнымъ трудомъ цѣлыхъ массъ работниковъ, смѣнявшихъ другъ друга изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Эти пирамиды, эти загадочно улыбающіеся сфинксы создаются не вслѣдствіе той радости жизни, которою художникъ спѣшитъ подѣлиться съ другими, не для того, чтобы обезсмертить его имя, а для того, что бы обезсмертить память фараона. Художникъ, обладающій даромъ воспроизведенія, долженъ подавить въ себѣ творческія стремленія, становится безыменнымъ рабомъ своего повелителя и съ сотнями другихъ такихъ же рабовъ убиваетъ свою жизнь на прославленіе его могущества и величія. Сила ума, творчество мысли подчинили себѣ не только животное стадо, но и творчество чувства.

Въ грандіозныхъ статуяхъ таже устойчивость, тоже сознаніе силы и несокрушимости, тоже неподвижное и величавое спокойствіе тысячелѣтней дремоты и въ положеніи тѣла, и въ чертахъ лица съ единственнымъ признакомъ жизни,—таинственной усмѣшкой на чувственныхъ губахъ.

Трудолюбивый, трезвый, уравновѣшенный и мягкій по натурѣ народъ, вступивъ въ жизнь, покорно устраивалъ свое земное благополучіе, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ былъ занятъ заботами о матеріальныхъ благахъ, вырабатывая условія и законы цивилизованной жизни, государственнаго могущества и полезныхъ знаній. Прочно организованная каста жрецовъ зорко слѣдила за этой работой и съ помощью религіознаго культа не допускала ее выйти за предѣлы уже достигнутаго и установленнаго, но и сама застыла въ полной неподвижности. При такихъ условіяхъ для свободнаго полета чувства, для поэзіи и искусства, для прогрессивной творческой жизни—не было мѣста.

Но „потребность воспроизведенія" была еще слишкомъ свѣжа въ молодомъ человѣчествѣ, только что вышедшемъ изъ первобытнаго состоянія, и жизнь искусства хотя и медленно, но пробивалась наружу все настойчивѣе и опредѣленнѣе. Въ древній періодъ, длившийся до 2500 г. до Р. Х., египетское искусство представляетъ дальнѣйшее послѣдовательное развитіе доисторическаго. Храмы сохраняютъ типъ дольменовъ; прогрессъ выражается только въ болѣе правильной и тщательной кладкѣ. Скульптура и у первобытнаго человѣка достигла высокаго совершенства въ изображеніи животныхъ; теперь также искусно воспроизводится и человѣческое тѣло, но лишь въ спокойномъ положеніи. Изваянный изъ камня „Писецъ" Луврскаго музея, деревянный „Староста" и глиняный „Садовникъ" такъ реальны и близки къ натурѣ, что только Греки ушли дальше въ этомъ направленіи, египетское же искусство и на послѣдующихъ ступеняхъ развитія никогда уже не создавало болѣе ничего подобнаго. Живопись также сохраняетъ характеръ первыхъ опытовъ доисторическаго человѣка: животныя представлены гораздо искуснѣе, но люди изображаются только въ профиль, какъ будто художникъ обвелъ контуромъ на стѣнѣ тѣнь, отбрасываемую человѣкомъ, и заполнилъ очерченное пространство сплошнымъ, ровнымъ тономъ краски.

Проходитъ еще полторы тысячи лѣтъ,—и въ искусствѣ появляются новыя формы и мотивы. На стѣнахъ гробницъ картины изображаютъ походы, битвы, идиллическія сцены; формы становятся правильнѣе, хотя не лишены еще прежней угловато-

сти; размѣщеніе фигуръ—свободнѣе.

Но и въ живописи подобныя изображенія не имѣютъ самостоятельнаго значенія, не представляютъ собою художественныхъ произведеній; это только образный разсказъ о событіяхъ жизни и подвигахъ умершаго; исключительное назначеніе такого разсказа — прославленіе покойнаго.

Въ слѣдующее тысячелѣтіе для Египта наступаетъ эпоха всемірныхъ сношеній. Въ это время процвѣтаетъ Вавилонское царство, своеобразная культура въ Сиріи, Финикіи, Малой Азіи и Греціи. Развитіе искуства въ Египтѣ, соприкоснувшемся съ чужими культурами, становится живѣе, не теряя, однако, своей самостоятельности. Въ этотъ періодъ создаются грандіозныя сооруженія. Въ храмахъ впервые внѣшній видъ выражаетъ внутреннее содержаніе, а стѣны сплошь покрыты рядами картинъ, истолковывающихъ значеніе всего зданія. Люди уже изображаются не только въ профиль, но и въ другихъ поворотахъ, въ разнообразныхъ позахъ и движеніяхъ; тона красокъ разнообразнѣе. Появляются сатирическія изображенія, выставляющія человѣка въ смѣшномъ видѣ, въ образѣ животныхъ, и, наконецъ, картины на папирусѣ — древнѣйшія иллюстраціи и миніатюры. Въ обыденной обстановкѣ, въ домашнемъ обиходѣ всѣ предметы превращаются въ мелкія художественныя произведенія. Но въ скульптурѣ наступаетъ очевидный упадокъ: достигнувъ искуснаго реальнаго воспроизведенія человѣка въ спокойномъ положеніи, она безсильна передать не только его душевный міръ, но даже простыя движенія человѣческаго тѣла. Статуи воспроизводятъ тѣ же спокойныя позы, но съ меньшимъ совершенствомъ, дальше отъ правды, условнѣе и манернѣе.

Продолжительныя войны, заботы о сохраненіи и цѣлости государства на цѣлые 500 лѣтъ задерживаютъ дальнѣйшее развитіе искусства, и оно вновь воскресаетъ уже подъ Греческимъ вліяніемъ. Греки насадили въ Египтѣ сѣмена новой культуры, которая все же въ продолженіи трехъ столѣтій не могла совершенно вытѣснить старую, и обѣ находились во взаимодѣйствіи еще за 30 лѣтъ до Р. Х., когда Египетъ сталъ римской провинціей.

Греческое вліяніе выразилось лишь въ томъ, что формы египетскаго искусства стали свободнѣе, мягче, закругленнѣе.

Такимъ образомъ, въ области искусства Египетъ только нѣсколько усовершенствовалъ средства и способы „воспроизведенія", но закрылъ ему дорогу для дальнѣйшаго роста, не допустилъ развиться до тѣхъ предѣловъ, за которыми начинается художественное творчество. Египетъ далъ образцы всѣхъ искусствъ и художественной промышленности, *но лишь въ первоначальномъ, далеко не совершенномъ видѣ*. Наибольшихъ успѣховъ достигло зодчество, какъ тѣсно связанное съ практическими нуждами народа. Скульптура въ совершенствѣ овладѣла вполнѣ реальнымъ воспроизведеніемъ человѣческаго тѣла въ спокойномъ или мало подвижномъ положеніи, въ передачѣ портретнаго сходства и индивидуальныхъ особенностей головы, и затѣмъ стала клониться къ упадку. Живопись не достигла и этихъ результатовъ. Во всѣхъ произведеніяхъ искусства этого практическаго, трезваго, разсудочнаго народа ярко выражается полное безсиліе передать *душевныя* движенія, внутренній міръ человѣка. Ихъ прекраснымъ реальнымъ статуямъ не хватаетъ одухотворенности, нигдѣ не проявляется даже отдаленный намекъ на индивидуальность самого художника. Въ ихъ живописи нѣтъ игры свѣта и тѣни, нѣтъ рельефа и воздуха, краски условны, тона лишь приблизительны и далеки отъ правды.

Эта живопись — не искусство, а образныя письмена.

Природныя и климатическія условія страны, грубо-матеріалистическій религіозный культъ, практическій складъ народнаго характера и глубоко-консервативный политическій строй,—создали неподвижность и застой во всѣхъ проявленіяхъ жизни народа. Въ искусствѣ это выразилось подавленіемъ свободы творческихъ стремленій чувства и полнымъ подчиненіемъ ихъ деспотической власти холоднаго разсудка. Нормальный ростъ искусства, которое такъ сильно проявлялось въ первобытномъ человѣкѣ, теперь систематически подавлялся на протяженіи тысячелѣтій. Здѣсь искусство существовало по инерціи, жило запасами прошлаго, не вышло изъ первоначальной стадіи внутренняго развитія: отъ „самоукрашенія“ и „воспроизведенія“ никогда не поднималось до одухотворенности и творчества.

Поэтому и египетскій народъ не поднялся до выраженія высшихъ человѣческихъ достоинствъ: въ немъ животная сторона преобладала надъ духовной; холодный, практическій умъ—надъ богатою областью чувства, а только полное ихъ равновѣсіе и гармоническое сочетаніе подвигаютъ человѣка на пути къ его высшему назначенію, въ стремленіи къ совершенству, безсмертію и полной власти надъ міромъ.

Этотъ народъ развивался односторонне, жилъ только умомъ, и хотя создалъ себѣ продолжительное и безбѣдное существованіе, но не полное, „старческое“, лишенное глубокой жизненной силы, — радости жизни. Поэтому при всемъ могуществѣ и устойчивости, несмотря на упорное вѣковое сопротивленіе, Египетъ не устоялъ подъ напоромъ болѣе юнаго народа, духовныя силы котораго развивались въ большей гармоніи, и умеръ, не завѣщавъ человѣчеству ничего полнаго, цѣльнаго, законченнаго, а только одни начинанія, завершать которыя пришлось другимъ, болѣе совершеннымъ народамъ. Его міровая роль ограничилась лишь выработкой первоначальныхъ формъ безбѣднаго существованія человѣчества большими массами, государствами, созданіемъ основъ полезныхъ знаній, но высшія духовныя стремленія человѣка не только не проявлялись среди этихъ *„хозяйственныхъ“* заботъ, но подавлялись ими. Они ожили и достигли полнаго проявленія лишь въ благородной эллинской расѣ.

* * *

„О, греки, греки,—вы настоящіе дѣти!“... сказалъ египетскій жрецъ Солону, и въ этомъ восклицаніи выразилась вся расовая противоположность двухъ народовъ. По отношенію къ Египту, духовно состарѣвшемуся съ первыхъ же дней своего существованія, — Эллада дѣйствительно была юной, полной жизненныхъ силъ и стремленій, которыя и создали ея неувядаемое величіе.

Здѣсь мы видимъ картину, діаметрально противоположную той, которую представляетъ собою жизнь египетскаго народа, его исторія и культура.

Природныя и климатическія условія страны, положеніе ея между восточнымъ и западнымъ міромъ, религіозный культъ, непосредственно вытекавшій изъ народной поэзіи, артистическій по самой природѣ своей складъ народнаго характера, политическій строй, отмѣченный неудержимымъ стремленіемъ къ свободѣ,—все способствовало полному расцвѣту духовныхъ силъ, занявшихъ господствующее положеніе во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни. Греческому искусству первому удалось не только достигнуть правды въ реальномъ воспроизведеніи природы, но выразить внутренній міръ человѣка, жизнь и движенія его души, и подняться до истиннаго творчества, законченнаго и совер-

шеннаго. Только здѣсь художникъ перестаетъ быть простымъ работникомъ, слугою другихъ, исполнителемъ чужой воли и требованій, и, на ряду съ философомъ и мыслителемъ, выдѣляется изъ толпы и занимаетъ мѣсто среди властвующихъ и сильныхъ. На Олимпійскихъ играхъ состязаются не только въ силѣ и ловкости; въ нихъ принимаютъ участіе и поэты, художники, и побѣдителю въ области искусства также воздаются почести, а имя его заносится въ исторію.

Отдѣленная отъ другихъ странъ моремъ, а на сѣверѣ горами, Грецiя долго была защищена отъ нашествія чужихъ племенъ и того разрушенія, которому подверглись отдѣльныя государства Восточной Азіи въ самомъ началѣ своей политической и культурной жизни. Благодарная почва страны съ избыткомъ вознаграждаетъ человѣка, не оставляя его празднымъ, но и не требуя сосредоточенности всѣхъ его умственныхъ силъ исключительно на заботахъ о существенномъ, матеріальномъ. Жизнь дается легко и оставляетъ много досуга, не обременяя и не утруждая мысли. Веселыя картины природы, залитой солнцемъ и свѣтомъ, морскіе берега, горы, покрытыя рощами холмы, цвѣтущія долины, мягкій умѣренный климатъ,—все веселитъ душу и ласкаетъ взоръ, все возбуждаетъ усиленную дѣятельность чувства, бодрость, радость, любовь къ этой природѣ, пониманіе и чуткое отношеніе къ ея красотамъ; все располагаетъ къ наслажденію жизнью, а не къ сухой работѣ мысли, даетъ пищу воображенію и фантазіи.

Растянутая до безконечности береговая линія съ безчисленными заливами, бухтами и удобными гаванями,—развиваетъ любовь къ мореплаванію, а жизнь моряка, полная опасностей и приключеній, вырабатываетъ ловкость, смѣлость, гибкость и изворотливость ума, находчивость, предпріимчивость, самостоятельность и безграничную любовь къ свободѣ, порождаетъ пытливость, стремленіе проникнуть все дальше за видимые горизонты, въ таинственную область неизвѣданнаго.

При такихъ условіяхъ не было мѣста для египетской неподвижности и застоя. Здѣсь все призываетъ къ усиленной жизни, смѣлымъ стремленіямъ, страсти и вѣчному движенію. Естественно, что сообразно съ этимъ складывается и религіозный культъ, соотвѣтствующій характеру народа, такой же свѣтлый, радостный, свободный и чувственный. Въ немъ нѣтъ ни грубаго фетишизма и чисто матеріалистическаго представленія о загробной жизни, какой мы видимъ у Египтянъ, ни бездонно-глубокихъ мистическихъ воплощеній индійскаго культа, ни безплотнаго, но грознаго еврейскаго Іеговы. Эллинъ любитъ природу, жизнь и человѣка, достоинства и совершенства котораго онъ ставитъ выше всего, и потому обожествляетъ горы, рѣки, лѣса, вѣтеръ, всѣ явленія природы, легендарныхъ героевъ и создаетъ себѣ боговъ по собственному образу и подобію, впервые доходитъ до *обожествленія человѣка.* Въ такомъ культѣ онъ находитъ полный просторъ поэтическому творчеству, жизненному, трезвому и глубоко реальному. Онъ надѣляетъ боговъ всѣми человѣческими страстями, достоинствами и недостатками: всѣ помыслы, побужденія, дѣйствія, рѣчи и приключенія ихъ тѣ же, которыя народная поэзія приписываетъ своимъ героямъ. Воплощеніе этихъ характеровъ достигаетъ совершенства въ своей цѣльности и естественности: мотивы, руководящіе дѣйствіями и поступками олимпійцевъ, такъ натуральны, что мы не находимъ въ нихъ ни малѣйшей натяжки. Эти боги не могли имѣть моральнаго, воспитывающаго значенія, но ихъ жизненность и самая свобода культа не сковывали философской мысли и послужили источникомъ такого же живаго художественнаго творчества.

Подобное религіозное міровоз-

зрѣніе было органически связано съ характеромъ народа, являлось естественнымъ слѣдствіемъ его природныхъ наклонностей, созданіемъ его коллективнаго творчества, а не плодомъ теоретическихъ умозаключеній жреческой касты, установившей въ Египтѣ такой культъ, который эта группа считала наиболѣе подходящимъ не только для матеріальныхъ выгодъ всего общества, но и для сохраненія своей власти надъ нимъ. Въ Греціи не было ни священныхъ книгъ, ни незыблемыхъ религіозныхъ доктринъ, ни особой жреческой касты, ни кастоваго дѣленія вообще. Рѣзкаго, опредѣленнаго дѣленія народа на инертную, легко подчиняющуюся животную массу и меньшинство, достигшее власти духовной или матеріальной силой,— не существовало потому, что потребность духовнаго творчества и стремленіе къ свободѣ были присущи всей расѣ.

Вся Греція представляла рядъ отдѣльныхъ небольшихъ государствъ, связанныхъ лишь общимъ языкомъ, религіей и характеромъ народа, тѣмъ „эллинскимъ духомъ“, который опредѣленно выразился въ Аѳинахъ. Солонъ раздѣлилъ всѣхъ жителей Аѳинъ на 4 класса по имуществу, но всѣ одинаково имѣли право голоса въ народныхъ собраніяхъ и судопроизводствѣ. Аристократіи въ нашемъ значеніи этаго слова не существовало; всякій могъ возвыситься и достигнуть почестей и славы личными достоинствами: талантомъ, ловкостью, храбростью. На почвѣ общественной свободы расцвѣтаетъ и греческое образованіе и единственное по совершенству искусство, вызываются къ жизни всѣ духовныя силы богато одареннаго народа и ставятъ Аѳины во главѣ всѣхъ греческихъ племенъ, помогаютъ имъ низвергнуть могущество Персовъ и навсегда предоставить Европѣ преобладаніе надъ Азіей. Только здѣсь впервые создается величіе личности, человѣкъ становится самостоятельнымъ, развиваетъ всѣ свои способности, проявляетъ благородныя, высшія человѣческія достоинства, присущія каждому Эллину.

Когда Фидій разсуждалъ съ народомъ о дороговизнѣ сооруженія его „Паллады“ изъ золота и слоновой кости и предлагалъ замѣнить ихъ мраморомъ, то вызвалъ этимъ всеобщее негодованіе. Когда Периклъ въ народномъ собраніи, на обращенные къ нему упреки въ расточительности, предлагалъ всѣ громадныя издержки по украшенію города принять на себя съ тѣмъ, чтобы только его имя было на всѣхъ сооруженіяхъ, весь народъ въ одинъ голосъ потребовалъ, чтобы онъ и впредь не жалѣлъ общественныхъ средствъ для этой цѣли: высшее, исключительно человѣческое стремленіе къ безсмертію было присуще не только избраннымъ, но всей массѣ, и вмѣстѣ съ стремленіемъ къ истинѣ, независимости и совершенству проникло въ эллинскую мораль и философію. Только такой народъ могъ создать міровое искусство. Ничѣмъ не стѣсняемое, оно свободно развивается и совершенствуется вѣками и только здѣсь достигаетъ полнаго расцвѣта.

Зодчество и въ Греціи началось грубыми, неуклюжими сооруженіями, но закончилось созданіемъ нѣсколькихъ совершенныхъ стилей, и если на пути своего развитія заимствовало начальные, отдѣльные элементы, то соединило ихъ въ такое цѣлое, которое не имѣло ничего подобнаго въ предшествовавшемъ и осталось живымъ на все послѣдующее время.

Скульптура у Грековъ, какъ и у всѣхъ народовъ, появляется раньше другихъ видовъ искусства. Она зарождается изъ круглыхъ пластическихъ изображеній, деревянныхъ идоловъ доисторическаго періода, вырубленныхъ изъ куска бревна или доски съ едва намѣченными человѣческими чертами,

Такіе идолы раскрашиваются или одѣваются въ драгоцѣнныя ткани. Помимо прирожденной Грекамъ любви къ человѣку, преклоненія передъ красотой и силой его тѣла, быстрому росту скульптуры способствуютъ постоянныя упражненія въ гимназіяхъ, палестрахъ и въ особенности Олимпійскія игры. Здѣсь художникъ видитъ передъ собой образцовыя формы, разнообразныя позы, повороты и движенія. Чтобы увѣковѣчить память о побѣдителяхъ, тѣла ихъ должны воспроизводиться въ статуяхъ. Благодаря этому греческая скульптура еще до персидскихъ войнъ, въ періодъ отъ 575—475 гг. до Р. Х., вполнѣ овладѣла реальной передачей тѣла со всѣми его подробностями, разработала не только общее, но и всѣ отдѣльныя формы, ихъ отношенія, законы сокращенія мускуловъ, научилась передавать разнообразныя движенія и ставить ихъ въ зависимость отъ душевныхъ состояній человѣка. Такимъ образомъ, еще въ первоначальный періодъ своего существованія, эллинская скульптура значительно превзошла все, что было достигнуто египетской и составляло для послѣдней конечный результатъ работы.

Эллинская живопись, подобно египетской, начинается тоже съ профильныхъ силуэтовъ человѣческой фигуры, изображавшихся черной краской по красному фону греческихъ вазъ. Но даже эти первые живописные опыты несравненно выше египетскихъ. Изображенія человѣка не играютъ роли условныхъ знаковъ, которые служили египтянамъ лишь для передачи содержанія извѣстнаго разсказа. Здѣсь значеніе фигуръ вполнѣ самостоятельное, и онѣ свидѣтельствуютъ о томъ же изученіи, наблюдательности, любви къ человѣческому тѣлу, его подвижности и жизни, которыя проявляются и въ греческой скульптурѣ. Въ послѣдующихъ изображеніяхъ на вазахъ черный цвѣтъ остается только для мужскихъ фигуръ, а женскія передаются бѣлой краской; рисунокъ становится совершеннѣе, мягче, ближе къ натурѣ, намѣчаются подробности тѣла, складки одежды. Съ поверхности вазъ картины переходятъ на стѣны большихъ зданій. Появляются фрески Полигнота, не сохранившіяся до нашего времени, но подробно описанныя Павзаніемъ. Такія фрески, какъ и вазовыя изображенія, не имѣютъ служебнаго значенія египетскихъ повѣствованій о подвигахъ и жизни фараоновъ: это самостоятельныя художественныя произведенія, плодъ субъективнаго творчества художника на миѳологическіе и историческіе сюжеты по его личному выбору и вкусу. Уже эти первые опыты, какъ въ скульптурѣ, такъ и въ живописи, свидѣтельствуютъ о томъ, что греческій художникъ руководится исключительно инстинктомъ воспроизведенія во всей его чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній, и потому быстро достигаетъ свободнаго проявленія и высшаго развитія самостоятельнаго художественнаго творчества.

Дальнѣйшее развитіе греческаго искусства совершается въ Аѳинахъ и здѣсь достигаетъ полнаго расцвѣта лишь послѣ персидскихъ войнъ. Аѳины, стоявшія во главѣ эллинскаго союза во время этой тяжелой борьбы двухъ народовъ, становятся главнымъ центромъ усиленнаго духовнаго развитія страны. Прочно устанавливается свободное демократическое правленіе, и власть вручается Периклу, который пользуется ею лишь для того, чтобы возвеличить Аѳины и озарить ихъ блескомъ народнаго творчества съ помощью ученыхъ, поэтовъ, философовъ, художниковъ, образующихъ штатъ его друзей и сотрудниковъ. Въ Афинахъ сооружаются новые храмы, театры, одеоны, залы для музыкальныхъ собраній и „лесхе“,— „говорильни“,—помѣщенія для мир-

ныхъ собесѣдованій гражданъ. Стѣны этихъ зданій обильно украшаются живописью, которая постепенно со стѣнъ переходитъ на отдѣльныя доски, представляющія самостоятельныя картины.

Живопись, какъ и скульптура, идетъ путемъ реальнаго изученія натуры, миѳологическіе сюжеты постепенно смѣняются бытовыми, изображающими картины обыденной жизни. Въ живописи, какъ и въ скульптурѣ, выражается переходъ греческой поэзіи отъ эпоса къ трагедіи. Всѣ искусства развиваются совмѣстно и послѣдовательно.

Но средства выраженія, „языкъ" живописи, еще далеки отъ законченности. Полнаго развитія формы, полнаго и совершеннаго обладанія всѣми средствами передачи достигла лишь скульптура. Изученіе человѣческаго тѣла, мускуловъ, законовъ ихъ сокращенія —было закончено. Теперь уже передаются мгновенныя, едва уловимыя глазомъ движенія. Наконецъ, въ произведеніяхъ Фидія греческое ваяніе достигаетъ того совершенства, до котораго скульптура болѣе никогда не подымалась.

Въ IV в. до Р. Х. нарушается покой, а съ нимъ и все возраставшее культурное процвѣтаніе Аѳинъ. Кромѣ войнъ между Аѳинами и Спартой, присоединяется почти во всѣхъ городахъ борьба аристократіи съ демократіей. Македонія пользуется междоусобіями, и Филиппъ, а потомъ Александръ пытаются соединить эллинскія племена подъ своей властью. Измѣненіе политическихъ учрежденій ведетъ за собой и измѣненіе въ нравахъ: они становятся мягче, изнѣженнѣе; это отражается и въ искусствѣ. Творческій духъ эллинскаго народа, достигнувъ полнаго расцвѣта, не въ состояніи уже создать ничего болѣе сильнаго, значительнаго, совершеннаго. Искусство перестаетъ прогрессировать и становится лишь тоньше, изящнѣе, изысканнѣе. Оно впервые зародилось въ круглыхъ пластическихъ изображеніяхъ первобытнаго человѣка, и теперь греческая скульптура первая достигаетъ конечной стадіи своего развитія. Послѣ глубокаго и всесторонняго изученія натуры, послѣ здороваго реализма, строгости и возвышенности, овладѣвъ всѣмъ, чѣмъ только возможно было овладѣть, греческое искусство дѣлаетъ послѣдній шагъ: *въ совершенныхъ формахъ воплощаетъ совершенную одухотворенность*; достигнувъ передачи мимолетныхъ движеній человѣческаго тѣла,—такъ же свободно передаетъ и неуловимыя движенія души, становится граціознымъ, чувственно прекраснымъ. Во всемъ начинаютъ проявляться болѣе свободныя, индивидуальныя черты. Отдавъ должную дань служенія религіозному культу и общественнымъ цѣлямъ, искусство теперь служитъ уже самому себѣ, существуетъ само для себя. Во всемъ звучитъ тотъ нѣжный, чарующій, заключительный аккордъ, которымъ заканчивается расцвѣтъ каждаго искусства.

Въ зодчествѣ появляются особенно роскошныя, своеобразныя и свободныя формы. Въ скульптурѣ Фидій довелъ до полнаго совершенства все, что постепенно создавалось до него. Въ его произведеніяхъ исчезаютъ послѣдніе недочеты и шероховатости его предшественниковъ. Созданные имъ боги — воплощеніе величія и благородства въ живыхъ, трепещущихъ формахъ. Но софисты и философы объявили уже войну Олимпу. Боги спускаются на землю и становятся особенно человѣкоподобными: болѣе привѣтливыми, но и болѣе чувственными, страстными. Постепенно и уваженіе къ нимъ ослабѣваетъ. Изображенія ихъ появляются не только въ храмахъ, но и на площадяхъ, въ частныхъ и общественныхъ зданіяхъ, пріобрѣтаютъ болѣе свѣтскій, жанровый характеръ. Религіозное искусство становится миѳологическимъ, а отъ миѳологическихъ олицетвореній природы переходитъ къ литературнымъ

и художественнымъ сюжетамъ. Въ произведеніяхъ Скопаса величіе и благородство Фидія смѣняется проявленіями бурной юношеской души, паѳосомъ, стремительнымъ движеніемъ, страстью. Пракситель, наоборотъ, углубляется „внутрь" жизни души, затрагивая ея нѣжнѣйшія струны, прислушиваясь къ едва уловимому ея шепоту. Онъ воплощаетъ все граціозное, мягкое, женственное. мечтательное, изящно-чувственное. По совершенству техники и обладанія всѣми средствами выраженія оба стоятъ на высотѣ полнаго расцвѣта греческой скульптуры. Фидій закончилъ работу надъ совершенствованіемъ формъ человѣческаго тѣла, надъ *обожествленіемъ человѣка.* Теперь наступило время для индивидуализаціи боговъ сообразно ихъ сущности; Скопасъ и Пракситель *очеловѣчили ихъ*, но лишь тѣмъ, что вдохнули въ нихъ человѣческую жизнь, воплощая ее въ чистой, совершенной, божественной формѣ.

Дальше этого идти было некуда. Въ Египтѣ, за „хозяйственными" хлопотами и заботами, жизнь искусства не вышла изъ первоначальной стадіи „украшенія" и „воспроизведенія", и только въ Греціи потребность воспроизведенія развилась до высоты художественнаго творчества, овладѣвшаго совершенными, законченными формами какъ въ зодчествѣ, такъ и въ скульптурѣ. Только живопись, какъ искусство, появившееся позже, не достигла такого совершенства.

Природныя и климатическія условія способствовали такому складу народнаго характера эллиновъ, отличительныя качества котораго создали величіе личности, мысли, поэзіи и искусства. Такими качествами были: *свободолюбіе, дѣятельность, подвижность и преобладаніе духовныхъ стремленій надъ матеріальными, полное и широкое развитіе жизни и творчества чувства.* Это выразилось въ образованіи религіознаго культа, и въ политическомъ и государственномъ строѣ, и во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни. Все способствовало тому, что высшія духовныя стремленія къ величію человѣка, совершенству, безсмертію и духовной власти заняли господствующее положеніе и подчинили себѣ все грубо-животное, утилитарное, основанное на практическихъ доводахъ холоднаго разсудка. Но въ эллинской расѣ не было той выдержки, послѣдовательности, жестокости и матеріальной силы, безъ которыхъ невозможно созданіе большого, могущественнаго государства. Какъ политическое цѣлое, Греція просуществовала недолго и совершенно распалась, но отъ ея духовной власти человѣчество не освободилось и понынѣ.

Изъ всѣхъ греческихъ племенъ только у Лакедемонянъ проявляются иныя стремленія, но привитыя искуственно, насильственно подавившія обще-эллинскія начала и потому приведшія ихъ къ уродливымъ послѣдствіямъ. Спартанцы, въ силу ихъ особаго положенія, какъ пришлыхъ въ завоеванной странѣ, должны были сосредоточить всѣ свои силы на созданіи матеріальнаго могущества, и ради этого всѣ духовныя стремленія сознательно и систематически подавляются. Ликурговы законы запрещаютъ науки и искусства, осуждаютъ гражданъ на одни и тѣ же физическія упражненія, даже на одно и тоже питаніе. Безчеловѣчная жестокость, хитрость считаются добродѣтелями. Послѣдняя, какъ родственная обще-эллинской ловкости, находчивости и изворотливости, въ періодъ старчества и нравственнаго упадка народа становится общимъ порокомъ на ряду съ продажностью, возникшей отъ бѣдности Грековъ, соприкоснувшихся съ безумной роскошью и богатствами Востока. Послѣдствія такихъ особенностей Спартанцевъ сказались послѣ достиженія ими

силы и выразились въ вѣроломствѣ, насиліи, зависти, безцѣльной жестокости и террорѣ, которыми они старались поддержать свою власть. Это вызвало ненависть къ нимъ во всей Греціи, породило антагонизмъ и вѣчную борьбу между Спартой и Аѳинами. Подобныя качества были слишкомъ противоположны всему „эллинскому духу", который достигъ полнаго выраженія лишь въ Аѳинахъ.

Эллинская раса, подобно египетской, тоже не поднялась до выраженія совершеннаго человѣческаго типа, и здѣсь не было необходимой для этого гармоніи, согласія и полнаго равновѣсія между противоположными, пребывающими въ состояніи вѣчной борьбы духовными силами человѣка, но у Грековъ преобладающей была область чувства.

Поэтому только въ Греціи отдѣльная личность впервые выдѣлилась не только силой ума или физическими преимуществами, но и силой творческаго чувства, которое только теперь заняло подобающее ему мѣсто на ряду съ творчествомъ мысли. Въ Египтѣ художникъ нуженъ былъ обществу, какъ рабочая сила для созиданія матеріальнаго благополучія,—въ Греціи его творческія стремленія свойственны всей расѣ и потому выдвигаютъ его, какъ болѣе одареннаго, въ первые ряды, ставятъ его „у власти", создаютъ ему почетъ и уваженіе: онъ лишь ярче, богаче, полнѣе выражаетъ то, что свойственно каждому эллину. У Египтянъ и восточныхъ народовъ духовное творчество проявлялось односторонне,—въ области мысли,—и было свойственно лишь отдѣльнымъ личностямъ и группамъ, пользовавшимся такимъ преимуществомъ для угнетенія и подчиненія массъ. Въ Греціи духовныя творческія стремленія во всей полнотѣ были присущи всей расѣ и для всего народа служили источникомъ наслажденія и радости жизни.

Только эллинская раса подняла человѣчество изъ того животнаго состоянія, въ которомъ оно прозябало тысячелѣтіями, и развила до совершенной полноты высшія, исключительно человѣческія качества, способности, достоинства и преимущества, выяснила его высшее назначеніе.

Духовная жизнь человѣчества стала богаче, полнѣе, возвысила значеніе человѣка, подчинила себѣ все грубое, животное, что оставалось въ немъ еще, какъ пережитокъ первобытнаго, звѣринаго существованія, и въ этомъ заключалась міровая миссія, высшее назначеніе эллинской расы.

Причиною постепеннаго умиранія народа было то же преобладаніе чувства, которое создало и величіе Греціи: войдя въ основу религіознаго культа, оно способствовало нравственному паденію народа, когда его миссія была закончена. Греческія божества воплощали не только высшія человѣческія достоинства, но и всѣ пороки, которые были освящены и узаконены религіознымъ культомъ. Это создало полное противорѣчіе между религіей и высокой моралью, которой учила греческая философія. Поэтому, когда въ Грецію проникло разлагающее вліяніе Востока, дошедшаго до глубокаго нравственнаго паденія тысячелѣтнимъ животнымъ прозябаніемъ,—въ эллинскомъ народѣ не было ничего прочнаго, устойчиваго, никакихъ незыблемыхъ нравственныхъ началъ, которыя онъ могъ бы противопоставить восточному вліянію. Подчиненіе свершилось тѣмъ легче, что всѣ силы эллинскаго генія ушли на развитіе духовной жизни человѣчества, а разрушеніе политической самостоятельности уничтожало и матерьяльныя силы, и Греція, развращенная Востокомъ, его роскошью, золотомъ и лѣнью,—падала все ниже и ниже, до полнаго и окончательнаго уничтоженія.

Но это разложенiе и полное уничтоженiе Грецiи было разложенiемъ и уничтоженiемъ ея политическаго тѣла и не коснулось вѣчно живаго духа: то, что было создано эллинскимъ генiемъ,—осталось жить на вѣки, и, завѣщанное человѣчеству, обогащаетъ его и до настоящаго времени.

Въ области науки, унаслѣдовавъ лишь ничтожные зародыши ея отъ Египта и Халдеи, Греки создали математику, механику и положили начало естествознанiю и медицинѣ. Въ литературѣ и философiи они до сихъ поръ остаются нашими учителями, какъ и въ зодчествѣ. Ихъ живопись, зародившаяся позже ваянiя, не могла подняться до такого же совершенства. Но Греческая скульптура достигла тѣхъ предѣловъ, выше которыхъ это искусство уже подняться не можетъ, и что бы ни создавалось вновь, все будетъ только повторенiемъ, разновидностью, въ лучшемъ случаѣ достигнетъ того же совершенства другими путями, но не можетъ пойти дальше. Въ этой области Греки исчерпали всѣ средства и довели творчество до апогея, за которымъ неизбѣжно должно было послѣдовать паденiе.

Греческое искусство, въ IV в. до Р. Х. остановившееся въ своемъ прогрессивномъ развитiи, въ III в. уже отмѣчено печатью очевиднаго упадка. „Девятый валъ“ опалъ, крупныя волны, послѣдовавшiя за нимъ и залившiя весь мiръ, все мельчали и мельчали; волненiе стихало,—и прошли столѣтiя прежде, чѣмъ зарябила новая зыбь и поднялось новое волненiе.

Греческое искусство падало вѣками: сначала въ самой Грецiи, потомъ въ греческихъ провинцiяхъ, ставшихъ затѣмъ римскими, наконецъ, въ самомъ Римѣ. Этотъ упадокъ совершался въ томъ же строгомъ, послѣдовательномъ, но обратномъ порядкѣ, въ которомъ происходило и послѣдовательное развитiе эллинскаго искусства: отъ полной одухотворенности въ совершенныхъ формахъ, отъ строгости ихъ и величiя,—оно спускается къ реальному воспроизведенiю, потомъ къ „самоукрашенiю“, вѣрнѣе къ украшенiю обыденной жизни, которое становится все безличнѣе и ничтожнѣе. При этомъ языкъ и средства выраженiя такъ же постепенно слабѣютъ и падаютъ, какъ и самое значенiе искусства и роль художника.

Греческая живопись въ IV в. до Р. Х. идетъ тѣмъ же путемъ изученiя натуры, какимъ шла и скульптура. Въ это время она овладѣла уже техническими средствами, положенiями и мотивами. Въ движенiяхъ и позахъ больше непринужденности, обработка тоньше, свѣтотѣнь опредѣленнѣе, рельефъ ощутительнѣе. Зевксисъ и Парразiй являются реалистами „чистой воды“ и учатъ воспроизводить дѣйствительность до иллюзiи, до полнаго обмана. Возникаютъ школы живописи, гдѣ художники въ теченiе многихъ лѣтъ изучаютъ не только искусство, а также и философiю, исторiю, математику, перспективу. Изъ такой школы вышелъ Апеллесъ, въ произведенiяхъ котораго чувствуется уже легкость и грацiя. Но искусство больше не развивается свободно, изъ республикъ оно переходитъ подъ покровительство царей. Филиппъ приглашаетъ Апеллеса къ своему двору; художникъ занимаетъ видное мѣсто въ числѣ близкихъ царю придворныхъ, пишетъ портреты, аллегорическiя и символическiя картины, но и такiя, которыя прославляютъ Александра Македонскаго.

Не достигнувъ еще той высоты, на которой стояло греческое ваянiе, живопись повернула къ упадку: художникомъ руководитъ не свободное стремленiе къ воспроизведенiю и самостоятельному творчеству, а исполненiе чужой воли; прославленiе своего покровителя.

Изъ властвующаго выразителя высшихъ духовныхъ стремленій народа онъ превращается въ слугу отдѣльной личности, а разъ художникъ вступилъ на этотъ путь, значеніе его быстро падаетъ, какъ и значеніе искусства.

Скульптура долго еще держится на прежнемъ уровнѣ техническаго совершенства, и признаки близкаго упадка едва уловимы лишь въ ея внутреннемъ содержаніи. Въ статуяхъ много жизни, движенія, нервнаго выраженія душевныхъ состояній, но въ нихъ нѣтъ прежней искренности и непосредственности.

Художникъ разсудочно ищетъ эффекта, изысканности, оставаясь холоднымъ, спокойнымъ. Онъ работаетъ усидчиво, старательно, умѣло, съ помощью пріобрѣтенныхъ знаній, а не собственнаго творчества. Онъ уже не можетъ создать ничего новаго собственными силами, а заимствуетъ и повторяетъ формы, созданныя прежней эпохой, комбинируя ихъ на разные лады. Но и эти повторенія „великаго" еще такъ значительны, что подчиняютъ себѣ Римъ, куда не только перевозятся награбленныя греческія статуи, но переселяются и греческіе художники, основываютъ свои школы, и уже тамъ происходитъ дальнѣйшее паденіе Греческаго искусства. Въ это же время и въ скульптурѣ замѣчается поворотъ къ реализму: греческо-македонскій дворъ усиленно поощряетъ скульптурные портреты, и греческое ваяніе постепенно переходитъ на ту же „служебную" дорогу, по которой шла и живопись.

Упадокъ продолжается и за предѣлами Греціи, вездѣ, гдѣ отразилось вліяніе ея творчества.

Александръ Македонскій, воспитанникъ Аристотеля, выросшій среди художниковъ и философовъ, окружавшихъ его отца, усвоилъ всѣ внѣшніе признаки эллинской культуры, и, вмѣстѣ съ великими принципами греческой свободы, насадилъ ее во всѣхъ завоеванныхъ странахъ. Онъ оказывалъ уваженіе къ религіи подвластныхъ народовъ, ихъ нравамъ и обычаямъ и пытался слить въ одно цѣлое Восточную и Западную культуру. Лишь по достиженіи всемірнаго могущества въ немъ проснулся варваръ, и въ послѣдніе годы жизни онъ превратился въ азіатскаго деспота. Но начатое имъ дѣло продолжалось, и „эллинскій духъ" проникалъ все дальше и дальше, отражая свое вліяніе на самыя отдаленныя страны. Черезъ пол-вѣка послѣ смерти Александра, преемники его,—діадохи,—основали собственныя династіи и столицы на берегахъ Нила, Тигра, Оронта и въ Малой Азіи. Вездѣ вырабатывалась новая культура и новое искусство „эллинизма", основа которой оставалась греческой, а мѣнялись лишь внѣшнія формы. Этимъ измѣненіямъ способствовали иноземные элементы, вошедшіе въ греческое искусство на новыхъ мѣстахъ, и въ особенности новый международный духъ крупныхъ городскихъ центровъ, который изъ Александріи распространялся по всему образованному міру.

Это прежде всего отразилось на зодчествѣ. Планы сооруженій отличаются правильностью, приспособляются къ характеру мѣстности и расчитаны на удобства. Зданія принимаютъ колоссальные размѣры, царскіе дворцы занимаютъ цѣлыя части города, все до излишества покрыто богатыми и роскошными украшеніями. Практическій смыслъ городского населенія направилъ всѣ отрасли искусства въ сторону постоянно усиливавшагося реализма и, наконецъ, низвелъ ихъ на служебную роль простого украшенія.

Въ скульптурѣ преобладаетъ безчисленное количество небольшихъ фигуръ изъ базальта, бронзы или мрамора глубоко реалистическаго

характера. Въ нихъ съ большимъ совершенствомъ воспроизводятся сложныя душевныя выраженія и движенія, передается индивидуальный характеръ иностранцевъ, уличные типы и сцены, идиллическія, чувственныя и сладострастныя картины, все, что только художникъ можетъ видѣть, наблюдать въ окружающей его жизни и точно воспроизвести съ помощью еще не утраченныхъ богатыхъ средствъ передачи.

Въ живописи, кромѣ прежнихъ сюжетовъ, все чаще и чаще появляются жанровыя картины на всевозможныя темы, каррикатуры, изображенія уличныхъ типовъ, животныхъ, фруктовъ, съѣстныхъ припасовъ. Широкое распространеніе получаетъ портретная живопись. Картины изображаются на доскахъ, которыя вѣшаются на стѣны, потомъ пишутся прямо на стѣнѣ, такъ же, какъ и колонны, фризы, которые изображаются красками. Такимъ образомъ живопись становится простымъ украшеніемъ жилыхъ помѣщеній. Эта потребность видѣть все вокругъ себя разукрашеннымъ, все сильнѣе овладѣвавшая жителями большихъ городовъ эллинистической эпохи, вызвала къ жизни особенно сильное распространеніе „малаго искусства", которое въ наше время производится художественной промышленностью.

Такимъ образомъ потребность въ произведеніяхъ творческаго искусства, такъ сильно присущая природному Эллину V-го и IV в. до Р. Х., выродилась въ такую же сильную потребность украшенія. Но средства передачи стояли еще на высокомъ уровнѣ, и только въ Римѣ, куда Греческое искусство перешло въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за его полнымъ расцвѣтомъ, оно въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ дошло до полнаго упадка.

* * *

Апеннинскій полуостровъ, бывшій центромъ жизни и развитія римскаго народа, ни по характеру мѣстности и климатическихъ условій, ни по составу народонаселенія не представлялъ той цѣльности и однородности условій, которыя мы видѣли въ Греціи и Египтѣ. Первоначальное населеніе, съ незапамятныхъ временъ занимавшее весь полуостровъ, было вытѣснено на сѣверѣ Кельтами, на югѣ выходцами изъ Греціи, эллинизировавшими эту часть страны, и уцѣлѣло только въ средней Италіи, гдѣ разбилось на отдѣльныя племена, изъ которыхъ образовался римскій народъ. Главная роль при этомъ выпала на долю Этруссковъ и Латинянъ.

Этрусски рѣзко отличались отъ всѣхъ другихъ племенъ, населявшихъ Италію, даже своимъ наружнымъ видомъ, судя по сохранившимся изображеніямъ. Происхожденіе ихъ загадочно; Геродотъ выводитъ его изъ Лидіи, и дѣйствительно многое въ обычаяхъ и архитектурѣ Этруссковъ напоминаетъ Малую Азію, какъ и могущественное жречество и мрачный фантастическій характеръ религіознаго культа съ человѣческими жертвоприношеніями. Въ X в. до Р. Х. они уже составляютъ въ центрѣ Италіи могущественный союзъ, въ V в. теряютъ свою самостоятельность и подпадаютъ подъ власть Римлянъ, но ихъ грубый, жестокій и чувственный характеръ, культура и зарождавшееся искусство не остались безъ отраженія на завоевателяхъ.

Латинское племя съ чистыми, но грубыми и воинственными нравами, окруженное Этрусскамн, Галльскими и Кабельскими племенами, а на югѣ греческими поселеніями, открытое со всѣхъ сторонъ, должно было или объединить ихъ подъ своей властью, или само погибнуть. Главнымъ ихъ поселеніемъ въ VIII в. до Р. Х. становится Римъ. Онъ

возникъ въ странѣ дикой на видъ на холмахъ, покрытыхъ глухимъ лѣсомъ, съ болотами у ихъ подножья, образовавшимися по берегамъ Тибра. Населенію приходилось бороться и съ природой и съ сосѣдними племенами. За этой безпрерывной борьбой не оставалось времени ни для глубокихъ умозрительныхъ выводовъ, ни для развлеченій и наслажденія природой и жизнью; все требовало усиленнаго развитія практической мысли, выработки упорной воли, сильнаго характера, и не только напряженія исключительно умственныхъ способностей, но и созданія матеріальной силы. При такой сосредоточенности лишь извѣстныхъ силъ, жизнь чувства, фантазіи и воображенія, какъ и всѣ высшія стремленія человѣка,—являлась помѣхой, какъ въ Египтѣ и Спартѣ. Но въ Спартѣ такія стремленія подавлялись умышленно, искусственно; въ Египтѣ, съ его многочисленнымъ и разнороднымъ по духовному развитію населеніемъ, объ этомъ заботилась правящая жреческая каста. Среди Латинянъ творчество чувства не только не развивалось, но и не зарождалось въ силу естественныхъ причинъ: маленькое племя съ первыхъ же дней существованія все было проникнуто сознаніемъ своего положенія и угрожавшей ему опасности, оно неизбѣжно должно было сосредоточиться на томъ, чтобы отвратить эту опасность, а упорныя и продолжительныя усилія, направленныя въ одну еторону, постепенно создали характеръ народа, въ которомъ потребность власти стала доминирующей. Римъ трудится, работаетъ надъ созданіемъ своего могущества и покоряетъ Италію, а потомъ и весь міръ.

Сообразно съ этимъ складывается и политическій строй на трезвыхъ, практическихъ основахъ, имѣвшій въ виду могущество и силу. Подобно Греческимъ племенамъ, всѣ Латиняне проникнуты одинаковыми стремленіями, но они направлены не къ духовному творчеству и возвеличенію человѣческой личности, а къ силѣ и могуществу націи. Народомъ руководитъ не творческое чувство, а трезвый практическій умъ, не полетъ фантазіи и высшія стремленія, а заботы о земномъ, будничномъ, существенномъ. Идеалы Римлянъ выражаются въ прочномъ законодательствѣ, въ заботахъ о созданіи могущественнаго государства, — и все подчиняется этимъ стремленіямъ. Въ семьѣ—абсолютная власть отца, неповиновеніе которой карается смертью, но тотъ же отецъ безпрекословно повинуется сыну, если тотъ сталъ гражданиномъ и по занимаемому имъ положенію имѣетъ право повелѣвать. Отсюда и абсолютная власть царя, но такъ какъ онъ избирается народомъ и происхожденіе не даетъ ему никакихъ правъ, то въ нравственномъ отношеніи всѣ равны. Ни кастъ, ни привиллегированныхъ сословій не было въ самомъ Римѣ: всѣ одинаково несли военную службу и пользовались правомъ голоса въ народныхъ собраніяхъ. Такія условія измѣнились лишь тогда, когда Римъ сталъ владыкой міра.

Сосредоточенный на заботахъ о грубой силѣ, власти и матеріальномъ существованіи, Латинянинъ не имѣлъ ни времени, ни потребности, ни способности на созиданіе глубокаго и сложнаго религіознаго культа. Маленькое и однородное государство не нуждалось въ религіи, какъ средствѣ управленія малоразвитыми массами. Въ характерѣ народа не было того преобладанія чувства, жизнерадостности и любви къ человѣку, которыя создали Греческій Олимпъ. Отношеніе его къ религіи просто и поверхностно. Какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, и здѣсь существуетъ поклоненіе стихіямъ и явленіямъ природы, къ этому даже присоединяется обожествленіе отвлеченныхъ идей,—но нѣтъ потребности воплощать ихъ въ человѣческій образъ. Существуетъ и культъ мерт-

выхъ, но онъ только у Этруссковъ отличается большей глубиной и полнотой, приближающей ихъ къ Египтянамъ, Римляне же смотрѣли на это очень просто: мертвые ссылались на поселеніе на берега Леты, а живымъ строго предписывалось помнить о нихъ и молиться объ ниспосланіи имъ лучшей участи. Въ историческія времена Римляне съ большой легкостью перенесли къ себѣ весь греческій Олимпъ въ полномъ составѣ, какъ и всѣ божества другихъ покоренныхъ народовъ съ чисто практической цѣлью возможно большаго сближенія различныхъ націй, растворенія ихъ въ римскомъ народѣ, большей ассимиляціи съ Римомъ. Религія не выражала высшихъ духовныхъ стремленій народа, потому что ихъ не было; не требовала воплощенія въ образахъ, такъ какъ эти „воплощенія", въ видѣ безчисленныхъ статуй, тысячами брались готовыми вмѣстѣ съ чужимъ культомъ; она являлась лишь средствомъ власти, но не власти духовно сильныхъ надъ животной массой, какъ въ Египтѣ,– а власти гордаго Рима надъ чужими народами. Естественно, что такое отношеніе къ религіи, даже безъ малѣйшихъ усилій философовъ и мыслителей, какъ въ Греціи, само собою привело народъ къ полному безвѣрію. Жертвоприношенія обратились въ роскошные пиры, обряды—въ зрѣлища, при чемъ излишества доходили до того, что Римскія власти должны были прибѣгать къ разнымъ репрессаліямъ для защиты нравственности.

Подобный религіозный культъ, какъ и образованіе политическаго строя, являлся слѣдствіемъ народнаго характера, сложившагося отчасти подъ вліяніемъ условій страны, но главнымъ образомъ вслѣдствіе положенія Римлянъ среди другихъ племенъ и ихъ природныхъ качествъ. Послѣ того, какъ Этрусски вошли въ составъ римскаго народа и растаяли въ немъ, упрочилась природная грубость, жестокость и животная чувственность. Но по мѣрѣ возрастанія римскаго могущества, опредѣлялись и тѣ качества, которыя способствовали его созданію: упорная воля, сила характера, неразборчивость въ средствахъ и въ особенности *трезвый, практическій складъ ума, направленный исключительно къ земному существованію, полное подчиненіе ему всѣхъ высшихъ духовныхъ стремленій и жизни чувства и безграничная потребность могущества, власти, земного величія;* послѣднія черты были отличительно римскими

Такія качества помогли Римлянамъ создать прочные законы, съ помощью которыхъ сенатъ управлялъ народомъ, и дисциплинировать волю и разумъ, чтобы сознательно, свободно, но строго подчиняться своимъ правителямъ; наконецъ, превратить весь народъ въ такую военную силу, равной которой не существовало.

Всѣ проявленія жизни народа отразили въ себѣ его характеръ. Сосредоточенность силъ на стремленіи къ могуществу очень скоро подчинила Риму и Этруссковъ, и другія сосѣдніе племена и народы. Покоренные лишались гражданскихъ правъ и превращались въ плебеевъ, количество которыхъ возрастало неимовѣрно, ряды же римскихъ патриціевъ отъ непрерывныхъ войнъ значительно рѣдѣли. Меньшинство грубою силой кулака удерживало въ повиновеніи огромное большинство, управляя имъ жестоко и безчеловѣчно: только патриціи пользовались казенными землями и за долги могли продавать плебея въ рабство вмѣстѣ съ его семьей, не говоря о другихъ безчисленныхъ привиллегіяхъ. Лишь въ IV в. до Р. Х., послѣ продолжительной и упорной борьбы, плебеямъ удалось постепенно отвоевать себѣ сословныя преимущества, а съ окончаніемъ этой внутренней борьбы, могущество Рима возросло въ такой степе-

ни, что у него хватило силъ овладѣть всѣмъ міромъ. Послѣ 80-ти лѣтней войны, въ его власти былъ почти весь Апеннинскій полуостровъ, а въ концѣ II в. до Р. Х. Римъ уже господствовалъ отъ испанскаго побережья до середины Малой Азіи.

Такимъ образомъ Римскій народъ достигъ цѣли своихъ стремленій, но онъ развивался тоже односторонне: потребности животнаго существованія и грубой власти подавляли духовныя стремленія и высшія проявленія творческаго чувства, а это не могло пройти безнаказанно и не породить послѣдствій.

Подобно тому, какъ преобладаніе чувства помогло Греціи исполнить свою миссію и создать міровое искусство, но привело ее къ гибели,—такъ и преобладаніе практическаго разсудка и матеріальной силы, хотя и доставило Риму всемірное могущество, но этимъ самымъ способствовало его медленному, но тоже полному паденію.

Завоеванія имѣли гибельное вліяніе на нравы и учрежденія Римлянъ. Первоначальные законы, осуждавшіе излишества и роскошь, по мѣрѣ возрастанія римскаго могущества пали сами собой, и стремленія къ роскоши и расточительности достигли до предѣловъ полнаго безумія. Несмѣтныя богатства скопились въ рукахъ немногихъ семей, и это нарушило экономическое равновѣсіе. Римляне въ погонѣ за богатствомъ грабили союзниковъ и обворовывали собственную казну. Вельможи становились алчными, народныя массы продажными. Постоянныя войны и даровой трудъ безчисленныхъ рабовъ на поляхъ богачей подорвали сельское хозяйство средняго сословія, и его не стало. Земельная собственность, подобно богатствамъ, тоже скопилась въ рукахъ немногихъ, и все населеніе состояло изъ 200, 300 богатыхъ семей и трехсотъ-тысячной толпы, нищей, голодной, жадной, облѣнившейся, неспособной къ труду и развращенной, грубые, животные инстинкты которой не сдерживались ни религіей, ни какими бы то ни было нравственными принципами; эти озвѣрѣлыя массы требовали „хлѣба и зрѣлищъ“ и готовы были на все. Гладіаторскіе кулачные бои, перешедшіе отъ Этруссковъ, превратились въ публичныя оргіи жестокости и кровожадности, для которыхъ тысячи людей дрессировались въ умѣніи ловко убивать другъ друга. Знатные патриціи во время пира съ наслажденіемъ любуются пляской дѣвочекъ: онѣ пляшутъ на рукахъ между воткнутыми въ землю вверхъ остріемъ кинжалами до тѣхъ поръ, пока какая нибудь изъ нихъ не устанетъ и, свалившись, не умретъ отъ смертельныхъ порѣзовъ. Въ Греціи законъ каралъ не только за убійство раба, но и за жестокое съ нимъ обращеніе,—въ Римѣ каждый воленъ въ жизни и смерти своего раба, можетъ продать его, оторвавъ отъ семьи, а Полліонъ бросаетъ ихъ въ садки живыми, чтобы доставить своимъ любимымъ миногамъ удовольствіе покушать живого мяса. Даже римскія матроны обладаютъ особыми иголками, которыми они прокалывали ладони своимъ рабынямъ за малѣйшую оплошность, и съ легкимъ сердцемъ посылаютъ ихъ на смерть.

Римскій народъ все глубже и глубже погружался въ чисто животное существованіе, дошелъ до полнаго притупленія нравственнаго чувства, потери сознанія человѣческаго достоинства,—до полнаго озвѣрѣнія. Прежнее равенство исчезло безслѣдно. Армія, раньше состоявшая исключительно изъ гражданъ, теперь представляла собою несмѣтную толпу алчныхъ, жестокихъ и жадныхъ солдатъ, за добычу и золото готовыхъ служить каждому, убійцъ, не знавшихъ ни законовъ, ни государства, ни отечества. Такая же жадная, но голодная толпа дошла до полнаго одичанія. Аристократія стала тщеславной, заносчивой и не зная никакихъ ограниченій, прово-

дитъ время въ грубыхъ, животныхъ наслажденіяхъ, пьянствѣ, гнусномъ развратѣ, бѣшеныхъ оргіяхъ и жестокихъ выходкахъ самодурства и разнузданности. Учрежденія, создавшія силу Рима, когда онъ былъ небольшимъ государствомъ, становятся непригодными для имперіи съ 80 милліоннымъ населеніемъ. Перемѣна республиканскаго образа правленія на абсолютную власть Императоровъ не въ состояніи спасти расшатаннаго государства. Внутреннія, гражданскія смуты, возстанія рабовъ, нападенія сосѣднихъ народовъ, безпрерывныя войны, способствуютъ общему разложенію трупа, въ которомъ исчезли уже послѣдніе признаки духовной жизни, и подъ напоромъ варваровъ Римъ падаетъ окончательно и на вѣки, а съ нимъ прекращается и существованіе римскаго народа. Римляне до такой степени ассимилировались съ завоеванными народами, что, не обладая болѣе не только духовными потребностями, но и нравственными достоинствами, по утратѣ политической самостоятельности,—обезличились и совершенно измельчали.

Понятно, что при такихъ условіяхъ у такого народа не только не могло создаться самостоятельное искусство, но и присвоенное изъ тщеславія чужое должно было дойти до полнаго упадка.

Одинъ изъ героевъ Виргилія говоритъ: „Пусть другіе отличаются искусствомъ ваянія изъ бронзы, пусть другіе оживляютъ мраморъ, ты-же, Римлянинъ, помни, что твоя роль—управлять народами".

Въ этой фразѣ—краткая, но полная характеристика и всей дѣятельности и стремленій Рима, и его отношенія къ искусству.

Разбогатѣвшій лавочникъ, не интересующійся ничѣмъ и не признающій ничего, кромѣ своей денежной силы, изъ тщеславія и грубаго желанія „утереть носъ барамъ",—убиваетъ сотни тысячъ на постройку дворца въ стилѣ „модернъ", украшаетъ стѣны дорогими картинами „декадентовъ послѣдней формаціи", которыя вѣшаетъ вверхъ ногами, и окружаетъ себя толпой льстивыхъ художниковъ — прихлебателей, за щедрыя подачки подносящихъ ему титулъ „мецената". Все это онъ въ глубинѣ души презираетъ, но тѣшится удовлетвореніемъ той нелѣпой, уродливой потребности, которая выражается одной фразой „моему нраву не препятствуй".

Таково же отношеніе къ искусству и Рима, съ тою лишь разницею что онъ даже не покупаетъ художественныя произведенія, а просто ихъ грабитъ, а грекъ - художникъ часто является его рабомъ въ буквальномъ значеніи этого слова, какъ и воспитатель его дѣтей, учитель, секретарь, чтецъ и т. п.. Понятно, что подобный „рабъ" такъ же презираетъ своего господина и за его глупое чванство, и за отсутствіе художественнаго чутья, вульгарность, грубость, и за смѣшную манію корчить изъ себя мецената.

То, что для грека составляетъ святыню, вызываетъ высокомѣрное презрѣніе Римнянина, но онъ изъ тщеславія усваиваетъ греческій языкъ, принятый въ высшемъ обществѣ, предоставляя родной „плебсу", и притворяется любящимъ и понимающимъ искусство, хотя самъ до него не снисходитъ.

Римъ пригоняетъ искусство къ практическимъ, будничнымъ сторонамъ жизни и подчиняетъ холодному уму и разсудку то, на что ушли всѣ высшія творческія силы эллинской росы.

Первыми художниками и зодчими въ Римѣ были Этрусски, строившіе и городскія стѣны и храмы, и украшавшіе ихъ статуями. Но и этрусское искусство то же было заимствовано сначала у Финикіянъ, потомъ у Грековъ, хотя выразилось грубѣе у этого жестокаго, мрачнаго народа, любившаго кровь, убійства, все животное и чувственное: на картинахъ въ этрусскихъ гробницахъ

представлены умершіе, наслаждающіеся обжорствомъ; статуи ихъ аляповаты и угловаты. Но во всѣхъ ихъ произведеніяхъ видна наблюдательность, трезвое и реальное отношеніе къ природѣ, на что указываютъ превосходныя бронзовыя изваянія животныхъ и портреты.

Такимъ Этрусское искусство перешло и въ Римъ, гдѣ во II в. до Р. X., послѣ покоренія Греціи, совершенно подпало эллинскому вліянію, и изъ смѣшенія этихъ элементовъ образовалось нѣчто новое, что принято называть „римскимъ искусствомъ", представляющимъ въ сущности лишь дальнѣйшее паденіе Греческаго.

Наиболѣе самостоятельнымъ является римское зодчество, болѣе всего соотвѣтствующее практическому генію народа. Но и здѣсь теряется чистота греческихъ стилей: они перемѣшиваются и нагромождаются безъ всякой художественной логики. Римскія зданія больше поражаютъ колоссальностью и бьющей въ глаза роскошью отдѣлки, чѣмъ изяществомъ и гармоніей формъ. Гораздо значительнѣе такія римскія сооруженія, какъ грандіозные акведуки, военныя дороги, мосты, отличавшіеся не только полной цѣлесообразностью съ ихъ практическимъ назначеніемъ, но и несокрушимой прочностью, благодаря которой многія изъ нихъ сохранились и до настоящаго времени.

Римскія мозаики и фрески исполнялись греческими мастерами, а потомъ ихъ учениками. Содержаніе миѳологическихъ, бытовыхъ сценъ и даже пейзажей въ большинствѣ случаевъ чисто греческое. Исторія Рима и Италіи почти не вдохновляетъ художниковъ; часто они воспроизводятъ картины Зевксиса и другихъ знаменитыхъ греческихъ мастеровъ, дошедшія до насъ лишь въ описаніяхъ. Вначалѣ, подъ такими картинами художника подписываютъ свои имена и исполненіе стоитъ еще на высокомъ уровнѣ, но постепенно падаетъ все ниже и ниже; картины играютъ роль орнамента, простого украшенія стѣны, назначеніе котораго „развлекать глазъ", и исполняются безыменными ремесленниками, замѣняя современные обои.

Такая же судьба постигла и греческую скульптуру, проникшую въ Римъ еще въ совершенныхъ образцахъ, но римскіе ученики Грековъ, какъ и переселившіеся сюда греческіе художники, въ послѣдующее время ограничились лишь копіями съ этихъ оригиналовъ. Въ самостоятельныхъ произведеніяхъ они стремятся только къ вѣрному воспроизведенію дѣйствительности, почему лучшими произведеніями этого періода являются портреты: фигуры въ ростъ, конныя статуи и бюсты. Затѣмъ скульптура, какъ и живопись, играетъ служебную роль и въ барельефахъ воспѣваетъ подвиги римскихъ полководцевъ. Такія произведенія на аркѣ Тита и колоннѣ Трояна отличаются еще тщательной и точной передачей натуры, но постепенно все ниже и ниже опускается не только значеніе самого искусства, но и средства выраженія: типы императоровъ на бюстахъ становятся все болѣе варварскими, а исполненіе ихъ все небрежнѣе и аляповатѣе. Наконецъ, паденіе доходитъ до того, что когда въ IV в. по Р. X. понадобились барельефы для тріумфальной арки Константина Великаго, — уже некому было ихъ исполнить, и пришлось для ея украшенія обобрать другіе, раньше существовавшіе памятники.

Такъ постепенно искусство, зародившееся въ грубыхъ изваяніяхъ первобытнаго человѣка, дошло до полнаго совершенства въ Элладѣ, затѣмъ спустилось съ Олимпа въ лакейскую римскаго хищника, и здѣсь—захирѣло и зачахло, а художникъ, другъ и сотрудникъ Перикла и Александра Македонскаго,—превратился въ раба и безымяннаго ремесленника. Полный кругъ жизни искусства былъ завершенъ. Начавшись татуировкою дикаря, оно поднялось до воплощенія въ совершенныхъ формахъ высшихъ духовныхъ представленій че-

ловѣка и спустилось до прежняго украшенія его жизненнаго обихода.

Но еще задолго до такого паденія эллинское искусство проникло вслѣдъ за римскими легіонами въ отдаленнѣйшія страны древняго міра и, слившись здѣсь съ элементами вновь зарождавшагося новаго искусства молодыхъ варварскихъ племенъ, полныхъ жизни и юношеской силы, вновь ожило для того, чтобы съ новыми средствами,—живописью,—описать такой же кругъ, подняться такъ же высоко и упасть, быть можетъ,—такъ же низко.

Въ Египтѣ искусство зарождалось, въ Греціи достигло полнаго расцвѣта, въ Римѣ погибло. Здѣсь были поэты, писатели, историки, ораторы, ученые, но они не прибавили ничего къ тому, что было создано въ Элладѣ; ни одна область духовнаго творчества не достигла того совершенства, до котораго поднялось греческое ваяніе. Римскій народъ былъ первымъ, который въ области духовнаго творчества не создалъ *ничего* и оставилъ человѣчеству роковое наслѣдство.

Римское право вдохновляло всѣ новѣйшія законодательства, но созданное исключительно практическимъ, трезвымъ умомъ — оно не оставляетъ мѣста для совѣсти и внутренняго убѣжденія, которое складывается столько же вслѣдствіе работы разсудка, какъ и чувства.

Эти законы породили тотъ формализмъ, вслѣдствіе котораго ловкое мошенничество можетъ остаться безнаказаннымъ, а довѣрчивый человѣкъ—обобраннымъ на законномъ основаніи. Понадобились вѣка работы для улучшенія подобнаго законодательства, и все же сущность его осталась неизмѣнной. Позднѣйшіе римскіе законы, постепенно измѣняясь, привели къ преобразованію древняго рабства въ болѣе мягкое крѣпостное право, но этимъ научили человѣчество тому лицемѣрію, которое, измѣняя внѣшнія формы, оставляло нетронутой жестокую сущность, и въ итогѣ создало современный „рабочій вопросъ" и умноженіе пролетаріата.

Римская администрація первая подала примѣръ того, какъ управлять огромными массами людей посредствомъ превращенія ихъ въ стадо безгласныхъ животныхъ. Всѣ покоренные Римомъ народы были совершенно развращены, обезличены и обезсилены или стерты съ лица земли. Египетъ, Греція, восточныя государства—не существуютъ болѣе, а Испанія и сама Италія послѣдовательно превратились въ самыя слабыя государства Европы. Только тѣ народы, которые раздавили римское могущество, а не подчинились ему, сохранили свои жизненныя начала. Даже великое и чистое христіанство среди міазмовъ, выдѣлявшихся отъ разложенія Рима, превратилось въ могущественную организацію, которая стремилась не къ совершенству человѣка, а къ подчиненію его своей матеріальной власти, и не гнушалась такими средствами, какъ дѣятельность Іезуитовъ и инквизиціи. Растлѣвающее вліяніе „Вѣчнаго города" было такъ могущественно, что, спустя полторы тысячи лѣтъ, Наполеонъ, проникшись римскими стремленіями, подъ предлогомъ защиты народныхъ интересовъ, сталъ лишь бичемъ и тираномъ Европы.

Римское правительство послужило образцомъ абсолютныхъ монархій и показало, что править народомъ можно, опираясь не на высокія личныя достоинства, а на грубую военную силу и „мудрую" политику, т. е. хитрость, лицемѣріе, двуличность, вѣроломство, предательство, лживость и всѣ человѣческіе пороки, возведенные въ высшія достоинства.

Наконецъ, муниципальныя учрежденія Римлянъ помогли человѣчеству создать и устроить громадные городскіе центры, тѣ очаги противоестественной жизни, въ которыхъ зарождается все уродливое, ненор-

мальное и, какъ зараза, распространяется по міру.

Римъ жилъ животной жизнью и правилъ міромъ властію всесокрушающаго кулака, до безконечности развилъ всѣ способности практической мысли и холоднаго ума, въ ущербъ духовному творчеству. Грецiя погибла, но разбудила высшія, духовныя стороны человѣка и создала имъ вѣчную жизнь. Римъ не только самъ погибъ, но разрушилъ все, что съ нимъ соприкасалось, разбудилъ въ человѣкѣ звѣря, укрощеннаго творчествомъ Греціи, и вооружилъ его могущественной силой безпощаднаго „животнаго" ума. Это на тысячелѣтія задержало духовный ростъ и совершенствованіе человѣческой расы, и она до сихъ поръ барахтается въ безплодныхъ усиліяхъ освободиться отъ такого наслѣдства.

* * *

Египетъ, Греція и Римъ такъ или иначе принимали участіе въ жизни того искусства, которое впослѣдствіи стало европейскимъ. Въ сторонѣ отъ этого движенія остались другія государства древняго міра: Китай, Индія и Іудея.

Огражденный пустынями, горами и моремъ отъ всего міра, Китай до настоящаго времени живетъ исключительно тѣми практическими заботами о земномъ благополучіи, которое мы видѣли въ Египтѣ.

И здѣсь климатическія и почвенныя условія страны вызывали въ людяхъ необходимость сосредоточить всѣ свои силы прежде всего на земномъ существованіи и выработали въ нихъ трудолюбіе, терпѣніе, дѣятельность, а по мѣрѣ усложненія жизни — ловкость, юркость и изворотливость. Однообразіе и неизмѣняемость условій въ теченіе тысячелѣтій привели къ такому же застою и глубокому консерватизму, но создали и однородность стремленій, и свойственную всей массѣ узкую, элементарную, но глубоко практическую мудрость. Поэтому въ Китаѣ нѣтъ ни дѣленія на касты, ни жреческаго сословія, ни знати, ни рабства. Все держится мудрымъ ученіемъ Конфуція, упростившаго и религіозный культъ до почитанія неба, какъ родины предковъ, и самихъ предковъ, какъ устроителей существующаго благополучія.

Это оказалось проще, доступнѣе и устойчивѣе даже египетскаго строя.

Въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ существуетъ литература, книгопечатаніе, полезныя практическія знанія и изобрѣтенія, но ни въ чемъ не проглядываетъ потребность высшихъ человѣческихъ стремленій, отсутствуетъ духовная жизнь и способность творчества, все застываетъ въ разъ уже опредѣлившихся формахъ. Живопись и скульптура воспроизводятъ видимое, но предпочтительно грубое, вульгарное, чувственное и не подымаются съ этого уровня.

Искусство все время прозябаетъ на низшихъ ступеняхъ своего развитія и служитъ лишь „украшеніемъ" жизненнаго обихода. Вся „человѣчность" Китая выразилась исключительно въ удобной для общежитія гуманной морали, но при всей его практической мудрости, этотъ народъ не играетъ никакой роли въ духовномъ развитіи человѣка, и потому всѣ другія расы относятся къ Китаю пренебрежительно и лишь эксплоатируютъ его, какъ всякое животное, какимъ бы оно ни было полезнымъ и смышленымъ и какъ бы мудро ни устроилось въ собственномъ стадѣ.

* * *

Тотъ же китайскій и египетскій застой болѣе, глубокій и прочный консерватизмъ, но созданный діаметрально противоположными условіями, мы находимъ въ Индіи.

Горячій тропическій климатъ, рос-

кошная сказочная природа разжигаютъ фантазію, воображеніе, располагаютъ къ поэтическимъ грезамъ, къ созданію сверхъестественныхъ, чудовищныхъ образовъ. Плодородіе почвы, требующее лишь минимума затраты силъ, оставляетъ много досуга для работы чувства и отвлеченной мысли, направляетъ ее „отъ земли“ въ высь, гдѣ она, не скованная никакими преградами, расплывается въ безпредѣльности.

Пришлые арійцы подчиняютъ себѣ мѣстныхъ аборигеновъ, нѣтъ однородности населенія, и потому раздѣленіе его на касты сообразно силѣ и преобладающимъ стремленіямъ еще рѣзче и строже, чѣмъ въ Египтѣ. Жреческая каста еще могущественнѣе и замкнутѣе. Она деспотически подчиняетъ себѣ не только миролюбивое, покорное, первоначальное населеніе страны и обращаетъ его въ низшую касту, но такъ же и всѣ остальныя, и даже держитъ въ зависимости раджей и царей. Все предусмотрѣно законами Ману, ограничивающими всѣ проявленія жизни народа и отдѣльнаго человѣка, всѣ отношенія, и устанавливающими строгое кастовое подчиненіе. Одни брамины имѣютъ право толковать и объяснять священныя книги, быть учеными и поэтами, въ ихъ кастѣ сосредоточивается не только созданіе религіознаго культа, но и все творчество духа, всѣ силы, свободныя отъ мірскихъ заботъ о практическихъ мелочахъ жизни.

Въ религіозныхъ представленіяхъ выражается вся расплывчатость мысли и фантастическое чувство индійской расы: безплотные фантастическіе абстракты перемѣшаны съ миѳологическими олицетвореніями природы и съ воплощеніями нравственныхъ достоинствъ; строгій монотеизмъ уживается съ поэтическимъ многобожіемъ, а самая необузданная пантеистическая фантазія—съ самымъ сухимъ дуализмомъ. Но творчество научной мысли проявляется съ такой силой, какую мы видимъ только въ Греціи.

Создается шесть самостоятельныхъ философскихъ системъ, чистая математика обогащается алгеброй, изобрѣтеніе которой долго приписывалось арабамъ, астрономія съ древнѣйшихъ временъ обладаетъ знаніями, лишь впослѣдствіи пріобрѣтенными Европой, достигаетъ высокаго развитія языкъ съ риторикой и грамматикой. Нарождается грандіозный народный эпосъ, поэтическіе образы котораго по своей искренности, задушевности и сердечности близки каждому человѣку не смотря на вычурность и баснословность миѳологической окраски. Нѣтъ только исторіи. Народъ, никогда не представлявшій собою національной единицы, принадлежавшій исключительно своей кастѣ и внѣ ея не знавшій другихъ формъ общественности,— не могъ создать ни исторіи, ни государственнаго могущества. Поэтому Индія легко подчиняется иноземцамъ, переходитъ изъ рукъ въ руки, но это совершенно не отражается ни на ея литературѣ, ни на соціальномъ и религіозномъ строѣ, ни на свободѣ духовнаго творчества. Въ Египтѣ жрецы пользуются религіей и своею властью для созданія матеріальнаго благополучія и силы своего народа,—въ Индіи брамины создаютъ своей кастѣ неограниченное могущество, но пользуются имъ не для народнаго единства, а для обезпеченія полной свободы духовнаго творчества мысли. Они не „пекутся о земномъ“: мысль ихъ стремится въ безграничную высь, а религія—не къ загробной жизни, —а къ уничтоженію личности и полному сліянію съ божествомъ, Брамой.

Но какъ въ религіи, такъ и въ поэзіи у этого мечтательнаго народа съ необузданной фантазіей нѣтъ чувства мѣры и опредѣленности стремленій. Образы ихъ боговъ и героевъ расплывчаты, вита-

ютъ какъ грезы, уходятъ въ безмѣрное и не имѣютъ формъ, поддающихся воплощенію; все направлено къ тому, чтобы сдѣлать божественный или поэтическій образъ *какъ можно менѣе похожимъ на человѣка.* Тенденція діаметрально противоположная эллинской. Это, естественно, отражается на жизни пластическихъ искусствъ и подавляетъ ее.

Въ индійскихъ статуяхъ нѣтъ ни рѣзко очерченныхъ мускуловъ, ни реальной передачи тѣла, ничего „земнаго", какъ и въ ихъ міровозрѣніи. Боги и герои если не чудовищны, то безличны и отличаются другъ отъ друга только аттрибутами. Нѣсколько рукъ или головъ для выраженія силы или мудрости, соединеніе съ звѣриными формами, символизирующими то или иное качество,— все говоритъ о полномъ безсиліи передать не только внутренне, духовное, но и реально правдивое. Художникъ принадлежитъ къ третьей кастѣ,—мастеровыхъ; самое *право* творчества ему не дозволено, онъ рабъ чужой воли, слѣпой исполнитель чужихъ указаній, а потому и искусство въ Индіи едва подымается до ступени „воспроизведенія" и сосредоточивается на украшеніи предметовъ религіознаго обряда и обыденной жизни, хотя по затѣйливости, сложности и фантастичности мотивовъ доходитъ до изысканности.

Неподвижная Индія, погруженная въ отвлеченныя размышленія и мечты „не отъ міра сего", въ области пластическихъ искусствъ не играла видной роли: ей не хватало для этого эллинской радости и наслажденія жизнью, безграничной любви къ человѣку. Но въ сферѣ выспренней мысли ея значеніе огромно: отсюда философскія и религіозныя идеи распространились по всему міру и дали зародыши новому, послѣдующему духовному творчеству.

* * *

Только у одного исключительнаго народа, причастнаго къ культурной работѣ древняго міра, искусство никогда не подымалось выше самыхъ элементарныхъ формъ простого украшенія. Мирное, пастушеское племя, кочуя со своими стадами съ одного пастбища на другое, жило въ такихъ условіяхъ, при которыхъ не могла развиться потребность пластическаго воспроизведенія. Моисеевъ законъ строго воспрещалъ изображенія человѣка, которыя легко могли стать идолами для неокрѣпшаго въ единобожіи народа, а отсутствіе храмовъ и постоянныхъ жилищъ, въ періодъ начальныхъ вѣчныхъ странствій всего племени,—не вызывало необходимости въ сложныхъ и разработанныхъ украшеніяхъ.

Постоянная жизнь среди природы, однообразіе которой не нарушалось ни рѣзкими линіями, ни кричащими тонами, торжественная тишина и величавый покой пустыни, съ распростертымъ надъ ней ровнымъ южнымъ небомъ, ночью загоравшимся далекими огнями звѣздъ, глубокое, ничѣмъ не нарушаемое уединеніе,— все располагало къ тихому размышленію, побуждало углубляться въ себя, въ свою душу, искать связи между ея жизнью и жизнью природы, сосредоточить всѣ силы ума и чувства, всѣ творческія духовныя стремленія исключительно на разгадкѣ причинъ и сущности бытія. Скромныя потребности не отвлекали къ мірскому, насущному. Свободный духъ парилъ высоко и искалъ Бога; путемъ умозрительныхъ заключеній и высокаго подъема чувства стремился къ тому величію, совершенству, безсмертію, и могуществу, котораго другіе искали путемъ искусства.

Только здѣсь созрѣла великая идея единаго Бога; на созданіе ея ушли всѣ творческія силы народа безъ остатка, и плодъ этого высшаго творчества, граничащаго съ откровеніемъ, избранный народъ береж-

но охранялъ въ теченіе всей своей многострадальной жизни. Изъ этой идеи возникло Христово ученіе, сила, устремившаяся на спасеніе человѣчества изъ той животной грязи, въ которую его погрузило наслѣдіе озвѣрѣлаго Рима.

Настала новая эра, а съ нею вновь ожили высшія стремленія человѣка; искусство еще разъ достигло той высоты, до которой впервые поднялось въ Греціи, создало новыя формы и новыя средства выраженія.

* * *

Этотъ бѣглый обзоръ исторической и культурной жизни древнихъ народовъ, которые первыми выступили на міровую арену, даетъ намъ возможность установить законы, управляющіе жизнью искусства.

Присущее человѣку и опредѣленно выразившееся съ первыхъ же дней его существованія стремленіе къ совершенству, величію и безсмертію, въ теченіе дальнѣйшей жизни проявляется крайне различно у различныхъ народовъ, въ зависимости отъ различныхъ условій, но всегда въ одинаковой и строгой зависимости отъ послѣднихъ.

Человѣчеству, сплотившемуся въ большія общества предстояла, простая по существу, но колоссальная по трудности исполненія задача: устроить свою жизнь такъ, чтобы животныя потребности его удовлетворялись, не мѣшая безконечному развитію его духовнаго „Я", основанному на творчествѣ духа и анализѣ ума.

Подобная задача оказалась слишкомъ сложной не только для отдѣльной расы, ио и для всего человѣчества, которое, постепенно подвигаясь на этомъ пути впередъ, еще и теперь очень далеко отъ конечной цѣли. Какъ мы видѣли, различные народы играли различную роль въ этой созидательной работѣ, подобно отдѣльнымъ группамъ въ государствѣ или отдѣльнымъ членамъ общества, изъ которыхъ каждый дѣлаетъ то, на что онъ способенъ, и вноситъ свою лепту въ общее дѣло, или остается пассивнымъ, безполезнымъ, или же наконецъ, является вреднымъ, тормозящимъ работу и разрушающимъ уже созданное. Древнѣйшія расы,—Египетъ и Китай,—вложили всѣ силы на обезпеченіе первыхъ, насущныхъ потребностей животнаго существованія. Индія и Греція, болѣе матеріально обезпеченныя самой природой, сосредоточились на удовлетвореніи потребностей духа, первая — въ области отвлеченной мысли, вторая—на творчествѣ чувства. Римъ, обладавшій лишь грубой силой, захватилъ все, созданное другими, но оказался безсильнымъ не только способствовать дальнѣйшему развитію, но даже сохранить награбленное; онъ лишь разрушилъ всю работу человѣчества и погрузилъ его въ прежнее животное существованіе, облеченное лишь въ иныя внѣшнія формы. На долю молодыхъ народовъ, явившихся на смѣну древнему міру, достались лишь загаженныя крохи растраченнаго наслѣдства. На этихъ развалинахъ прошлаго они принялись за новую созидательную работу.

Забытый Китай дремалъ въ своемъ одиночествѣ и влачилъ жалкое, животное существованіе.

Сообразно съ этимъ то расширялась, то замирала дѣятельность той стороны духовнаго творчества, которая выражается искусствомъ и даетъ ему жизнь. Въ Египтѣ, Китаѣ, Индіи и Іудеѣ оно существуетъ лишь въ зародышевой формѣ „украшенія", или едва достигаетъ слѣдующей стадіи,—реальнаго воспроизведенія, и вполнѣ развивается и становится „искусствомъ" лишь въ Греціи. Въ Римѣ постепенно замираетъ и спускается снова до первоначальной формы „украшенія".

Но нѣтъ такого народа и та-

кихъ условій, при которыхъ эта потребность отсутствовала бы совершенно: она органически связана съ жизнью и существованіемъ человѣка, и прозябаетъ въ зачаточномъ состояніи, развивается до высоты искусства, или падаетъ, но всегда на основаніи однихъ и тѣхъ же постоянныхъ и опредѣленныхъ законовъ.

Природныя и климатическія условія, какъ и положеніе страны, въ которой живетъ и развивается народъ, создаютъ его характеръ, сообразно съ которымъ образуется соціальный и политическій строй и религіозный культъ. Въ этомъ характерѣ проявляются или животныя, или высшія духовныя стремленія народа. Сообразно съ этимъ *искусство прозябаетъ или развивается.*

Преобладаніе матеріалистическихъ стремленій, сильно выраженный практическій складъ народнаго характера, какой мы видимъ въ Египтѣ и Китаѣ, порождаютъ застой въ жизни народа, задерживаютъ его вѣками въ предѣлахъ чисто животнаго прозябанія, влекутъ за собой постепенную атрофію его высшихъ, присущихъ только человѣку стремленій. *Тогда и жизнь искусства проявляется слабо и не подымается надъ уровнемъ первоначальныхъ ея проявленій.* Если же, при такомъ складѣ характера, всѣ стремленія народа направлены не только къ исключительно земному благополучію, но и къ подчиненію себѣ другихъ посредствомъ грубой силы и матеріальнаго могущества, какъ у Римлянъ, то это постепенно приводитъ народъ къ одичанію, способствуетъ его полному паденію, разложенію и духовной смерти. *Тогда и жизнь искусства замираетъ и доходитъ до полнаго упадка.*

Преобладаніе духовной дѣятельности способствуетъ продуктивности культурной работы народа, обогащаетъ и возвышаетъ человѣчество, создаетъ жизнь и безсмертіе. *Искусство принимаетъ дѣятельное участіе въ этой созидательной работѣ, растетъ и развивается вмѣстѣ съ жизнью.*

Подобная продуктивность значительно уменьшается при одностороннемъ и усиленномъ развитіи отвлеченной мысли, угнетающей художественное творчество, что мы видимъ въ Индіи; *тогда искусство занимаетъ подчиненное мѣсто и не прогрессируетъ.*

Но когда въ духовной жизни народа доминирующимъ является творчество чувства, вытекающее изъ наслажденія жизнью и избытка силъ, оно не подавляетъ творческой мысли. Ихъ совмѣстная работа создаетъ особенную полноту и цѣльность духовнаго творчества, совершенствуетъ человѣка, создаетъ величіе и вѣчную жизнь народа. Только при этихъ условіяхъ, какъ въ Греціи, *искусство достигаетъ полнаго расцвѣта и само становится совершеннымъ.*

Такимъ образомъ полная жизнь искусства или его прозябаніе свидѣтельствуютъ или о совершенствованіи человѣческой расы, или о приближеніи человѣка къ животному состоянію.

Кромѣ этихъ общихъ положеній, исторія человѣчества даетъ намъ ясныя указанія на то, что жизнь искусства протекаетъ по слишкомъ опредѣленнымъ и прочно установившимся законамъ, мѣняясь лишь внѣшне, а не по существу: *искусство совершаетъ одинъ и тотъ же кругъ въ своемъ развитіи и приходитъ къ тому, съ чего началось, чтобы описать новый, болѣе широкій, обогащаясь всякій разъ все новыми и новыми средствами выраженія и воздѣйствія.* Первобытный человѣкъ, начавъ съ самоукрашенія, воспроизводитъ потомъ самого себя, потомъ все его окружающее, потомъ свои чувства, фантазіи, мысли и, наконецъ, воплощаетъ высшія духовныя и религіозныя представленія въ идолахъ и

дольменахъ. Въ этотъ періодъ средства выраженія еще грубы и крайне несовершенны. Въ историческій періодъ въ Египтѣ и Греціи искусство идетъ тѣмъ же путемъ послѣдовательнаго развитія, которое завершается уже совершенными формами передачи въ греческой скульптурѣ, и затѣмъ, въ томъ же послѣдовательномъ обратномъ порядкѣ спускается до полнаго паденія въ Римѣ.

По мѣрѣ постепеннаго роста искусства и достиженія имъ совершеннаго развитія, измѣняется роль и значеніе художника: изъ безыменнаго работника, теряющагося въ массахъ, онъ постепенно выдѣляется и занимаетъ мѣсто среди владыкъ міра, и имя его становится достояніемъ исторіи; но съ постепеннымъ паденіемъ искусства и его значенія,—художникъ снова исчезаетъ въ толпѣ и снова становится безыменнымъ ремесленникомъ и даже рабомъ.

Въ началѣ своей жизни искусство исполняетъ подчиненную роль: оно *служитъ* человѣку, его знаніямъ, общественнымъ цѣлямъ и религіозному обряду до тѣхъ поръ, пока занято лишь украшеніемъ его, но становится свободнымъ, самостоятельнымъ и *достигаетъ власти надъ людьми, когда воплощаетъ религіозныя или духовныя представленія человѣка въ ясныхъ и совершенныхъ формахъ*. Только тогда оно уже непосредственно, *само по себѣ*, является источникомъ высшихъ духовныхъ наслажденій, и затѣмъ постепенно снова занимаетъ подчиненное положеніе, спускаясь все ниже и ниже.

Совершенныя средства передачи, постепенно выработанныя отдѣльными, исключительными, богатоодаренными единицами, — становятся доступными многимъ, въ рукахъ которыхъ они, однако, постепенно грубѣютъ, понижаются и теряются. Точно также и потребность въ искусствѣ, способность наслаждаться его высшими проявленіями, которая опредѣленно и сильно проявляется лишь въ небольшой группѣ человѣческаго общества, наиболѣе духовно одаренной и развитой,—смѣняется усиленной потребностью самоукрашенія, которая широко распространяется въ массахъ. Поэтому вездѣ, послѣ того, какъ искусство достигаетъ апогея своего развитія, наступаетъ эпоха процвѣтанія и усиленнаго размноженія предметовъ „малаго искусства“, художественной промышленности, богатства, излишества и особенной изысканности въ украшеніяхъ, какъ зданій, такъ и предметовъ и условій обыденной жизни. Но и эта потребность, какъ и средства передачи, постепенно слабѣетъ и падаетъ. Такимъ образомъ, чѣмъ выше поднимается искусство, чѣмъ сосредоточеннѣе, сильнѣе и ярче проявленія его жизни, тѣмъ ограниченнѣе число его истинныхъ поклонниковъ и цѣнителей; но масса, слѣдующая за такими поклонниками вначалѣ лишь изъ подражанія и тщеславія, постепенно проникается потребностью къ искусству и сильно воспринимаетъ его, какъ только оно снизойдетъ до ея пониманія, сдѣлаетъ первый шагъ съ наивысшей ступени развитія. *Падая въ теченіе столѣтій, искусство проникаетъ въ людскую массу все ниже и глубже, но лишь для того, чтобы вмѣстѣ съ этой массой вновь подняться, стремиться все выше и выше, и подымать за собою на высоту жизни все большіе и большіе кадры достойныхъ и сильныхъ.*

Полное проявленіе жизни искусства, какъ слѣдствіе наивысшаго подъема творческаго чувства, такъ же непосильно на долгое время отдѣльному народу или расѣ, какъ и всякій продолжительный подъемъ чувства непосиленъ отдѣльному человѣку, и совершается по такимъ же законамъ постепеннаго наростанія и пониженія, чередующимся, какъ волны, и смѣняющимъ другъ друга. *Поэтому и жизнь искусства подвержена вѣчнымъ измѣненіямъ и*

безостановочной подвижности въ ея проявленіяхъ.

Потребность и способность къ искусству, присущая въ той или иной мѣрѣ отдѣльной расѣ или народу, представляетъ собою опредѣленную величину, возрастаніе или пониженіе которой совершается медленно, на протяженіи многихъ столѣтій. Но распредѣленіе всей массы этой потребности или способности между отдѣльными особями народа подвержено постояннымъ и правильнымъ измѣненіямъ. Эта способность то концентрируется и является достояніемъ немногихъ, исключительныхъ единицъ,—геніевъ,—то, отхлынувъ отъ центра, раздробляется среди массъ, мельчая все больше и больше для того, чтобы потомъ опять устремиться къ центру. Геніи создаютъ великій расцвѣтъ искусства, раздробленіе способствуетъ его постепенному паденію, но подготовляетъ массы къ появленію и должной оцѣнкѣ новыхъ геніевъ, *способствуетъ постоянному прогрессу человѣка — звѣря на пути отъ животнаго состоянія до совершеннаго очеловѣченія, и въ этомъ движеніи искусство является однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ двигателей.*

Но помимо характера народа и его предрасположенія и способности къ искусству, правильность и равномѣрность вѣчнаго движенія въ жизни искусства зависитъ и отъ различныхъ второстепенныхъ и временныхъ условій.

Деспотизмъ, кастовое и сословное дѣленіе, ограничивающее переходъ отдѣльной личности изъ подчиненнаго въ болѣе свободное состояніе, каковы бы ни были его духовныя преимущества, скудныя природныя средства страны, какъ и необезпеченность отдѣльнаго человѣка, обусловливающія сосредоточеніе всѣхъ силъ исключительно на работахъ о животномъ существованіи, скопленіе огромныхъ людскихъ массъ въ искусственныхъ городскихъ центрахъ, создающихъ ненормальныя условія жизни и нарушающихъ органическую связь человѣка съ природой, — все это отражается на жизни искусства отрицательно, способствуетъ ея ослабленію, паденію или искаженію, какъ бы сильно она ни рвалась наружу.

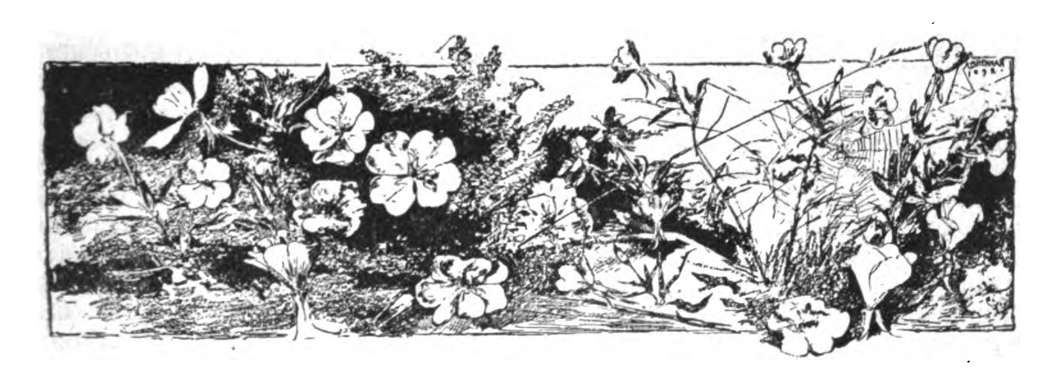
И обратно: полная свобода народа или отдѣльной личности и ихъ матеріальная обезпеченность, способствующія сохраненію и свободному проявленію силъ, близость и общеніе съ природой, обусловливающія нормальное ихъ развитіе, и тотъ избытокъ, который порождаетъ обостренное сознаніе и радость жизни,—такія условія создаютъ потребность въ искусствѣ даже тамъ, гдѣ природная способность и склонность къ нему не отличается особенной силой.

И такъ, искусство по существу вѣчно, неизмѣнно и органически присуще всему человѣчеству, но жизнь его проявляется у различныхъ народовъ неодинаково. Проявленія жизни искусства подчинены опредѣленнымъ законамъ, правильно и постоянно измѣняются, и въ этихъ измѣненіяхъ нѣтъ и быть не можетъ ничего случайнаго и произвольнаго. Въ какомъ бы положеніи ни было искусство, оно всегда является показателемъ не только духовнаго развитія и характера народа, но и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всей его жизни, съ которою неразрывно связана и жизнь самого искусства.

Христіанскій періодъ въ жизни человѣчества указываетъ на это такъ же опредѣленно и точно, какъ и древній языческій и доисторическій. Тѣ же законы управляютъ и жизнью русскаго искусства. Ознакомившись съ ними, мы найдемъ отвѣты на всѣ вопросы, разрѣшеніе которыхъ составляетъ задачу настоящаго очерка.

М. Далькевичъ.

(*Окончаніе въ слѣд. №-рѣ*).

Женскій вопросъ.

Б. Глѣбова.

Мы живемъ въ счастливое время—время великаго переворота, который обновитъ весь строй нашей жизни и дастъ могучій толчекъ прогрессу.

Во всѣхъ слояхъ нашего общества, отъ верху до низу, вездѣ замѣчается усиленное движеніе. Изъ безсознательнаго, какимъ было оно вначалѣ, движеніе начинаетъ переходить въ болѣе и болѣе сознательное.

Вмѣсто стихійной толпы на сцену исторіи начинаютъ выступать строго организованныя и дисциплинированныя арміи съ ясно сознаннымъ идеаломъ будущаго. Понятно, идеалы будущаго различны у различныхъ классовъ населенія, но пока всѣхъ ихъ до нѣкоторой степени объединяетъ одно великое стремленіе—водрузить знамя свободы въ нашей многострадальной родинѣ.

Какъ назоветъ исторія наше время—эпохой ли великой реформы, или, что можно съ большой достовѣрностью предполагать, нѣсколько иначе—для насъ теперь не важно; важно отмѣтить лишь то, что этотъ великій переворотъ не явится панацеей отъ всѣхъ золъ и нестроеній нашей соціальной жизни. Онъ долженъ лишь дать условіе, дать обстановку, при которой съ болѣе или менѣе равными силами будетъ происходить та великая борьба двухъ современныхъ классовъ, которая приведетъ человѣчество къ настоящему, не фальсифицированному идеалу свободы, равенства и братства.

Слѣдовательно, вниманіе широкихъ слоевъ населенія должно быть теперь обращено на созданіе такой обстановки, которая является наилучшей для свободнаго общества, а не есть какой-либо куцый компромиссъ, который придется вновь и вновь передѣлывать.

Однимъ изъ условій для свободнаго развитія общества является болѣе полное, болѣе всестороннее разрѣшеніе женскаго вопроса, являющагося даже въ наиболѣе передовыхъ свободныхъ странахъ въ роли пасынка, находящагося въ благоволеніи у однихъ слоевъ общества и вызывающаго негодованіе другихъ по поводу „безумства нашего времени“ и „сумашествія эмансипаціонныхъ затѣй“. Даже сами женщины еще не вполнѣ сознательно относятся къ своему кровному дѣлу и слишкомъ вяло заявляютъ свое притязаніе на равноправность половъ.

I.

Уже съ давнихъ временъ женщина является существомъ угнетеннымъ. Формы этого угнетенія въ различныя времена и у различныхъ народовъ были разныя, но угнетеніе само по себѣ оставалось. Въ сравненіи со всѣми угнетенными, женщина имѣетъ то преимущество, что она первая попала въ рабство.

Всякое соціальное угнетеніе коренится въ экономической зависимости угнетаемаго отъ угнетателя. Въ такомъ именно положеніи находилась женщина съ очень давнихъ временъ до нашихъ дней; это повсюду подтверждается исторіей развитія человѣческаго общества. Поэтому часто приходится слышать ложное, поверхностное и фальшивое во всѣхъ отношеніяхъ разсужденіе о томъ, что „такъ было вѣчно“ и необходимое слѣдствіе отсюда—„такъ будетъ вѣчно“. Систематическое изслѣдованіе отношеній половъ, начиная съ первобытныхъ временъ, имѣетъ особенно важное значеніе потому, что этимъ будетъ доказано, что если въ прошломъ все измѣнялось, то и для будущаго нѣтъ никакихъ исключеній.

Изслѣдованія же антропологовъ, какъ Бахофенъ, Тайлоръ, Макъ Ленанъ, Леббокъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Морганъ со своимъ солиднымъ трудомъ, обоснованнымъ и пополненнымъ Фр. Энгельсомъ рядомъ фактовъ экономическаго и политическаго характера, показываютъ, что не все обстояло такъ, какъ обстоитъ въ данную минуту. Было время, когда говорили о матримоніатѣ, о mater familias, вмѣсто pater familias, а отчизна называлась дорогой страной матери. Родъ, тогдашняя общественная ячейка, основывался на общности имущества и обладалъ коммунистическимъ хозяйствомъ. Женщина являлась главной руководительницей и вождемъ семейнаго товарищества и пользовалась большимъ почетомъ въ домашнихъ и общественныхъ дѣлахъ семьи и рода. Она разбирала споры, исполняла обязанности судьи и даже отправляла богослуженіе въ качествѣ жрицы. Личность женщины считалась неприкосновенной, и убійство матери являлось самымъ тяжкимъ преступленіемъ, месть за которое падала не только на преступника, но и на другихъ членовъ его семьи.

Во время гинекократіи царствовало состояніе сравнительнаго мира. Отношенія были простыя, образъ жизни примитивный. Отдѣльныя колѣна уважали чужія границы. Если же происходило нападеніе, то мужчины обязаны были защищаться, а женщины сильно поддерживали ихъ. Въ родѣ своемъ женщины твердо держали власть въ своихъ рукахъ.

Объясняется это тѣмъ, что добываніе жизненныхъ припасовъ стояло еще очень низко и должно было удовлетворять лишь очень несложнымъ потребностямъ; дѣятельность мужа и жены была по существу одинакова.

Но время не стояло на одномъ мѣстѣ. Роды расширялись и все болѣе и болѣе приходили въ столкновеніе другъ съ другомъ. Добываніе пищи становилось труднѣе, и потребовалась извѣстная доля интенсификаціи хозяйства и раздѣленія труда. Съ возрастаніемъ раздѣленія труда возникло не только раздѣленіе обязанностей, но и раздѣленіе работъ. Рыболовство, охота, скотоводство требовали особыхъ знаній и стали достояніемъ мужчинъ. Женщины, связанныя въ своей дѣятельности своими половыми особенностями, были устранены отъ этихъ занятій. Хлѣбопашество значительно раздвинуло кругъ дѣятельности и создало богатство жизненныхъ средствъ. Мужчина, дѣятельность котораго въ этомъ развитіи стояла на первомъ

планѣ, сдѣлался хозяиномъ всѣхъ этихъ богатствъ и источниковъ дохода; ростъ послѣднихъ, въ свою очередь, подготовилъ почву для торговли, вызвавшей новыя соціальныя измѣненія.

Это время было временемъ гибели материнскаго права.

Личная собственность, которую мужчина пріобрѣталъ посредствомъ своихъ новыхъ занятій, не уживалась болѣе со старымъ коммунистическимъ строемъ. Частные интересы были совершенно противоположны интересамъ старой родовой организаціи. Значеніе ея падало все болѣе и болѣе.

Съ этимъ освобожденіемъ отъ стараго родового устройства быстро пало вліяніе и значеніе женщины. Мужъ, сдѣлавшійся частнымъ собственникомъ, получилъ интересъ къ дѣтямъ, которыхъ онъ могъ бы считать законными и сдѣлать своими наслѣдниками.

Поэтому онъ навязалъ женщинѣ запретъ общенія съ другими мужчинами. Себѣ же онъ, напротивъ, предоставилъ право, наряду съ женой или даже нѣсколькими женами, завести столько наложницъ, сколько позволяли ему его средства.

Необходимымъ слѣдствіемъ этого развитія частной собственности и подчиненія женщины мужчинѣ была проституція. Я не буду говорить о тѣхъ причинахъ, вытекающихъ изъ экономической зависимости женщины, которыя толкали ее на этотъ скорбный путь. Однѣ только психологическія причины—свобода по сравненію съ рабствомъ брака—уже были достаточны для этого. Возникло гетерство, оказавшееся гораздо благодарнѣе брака. Имена и слава нѣкоторыхъ гетеръ дошли и до нашихъ дней, въ то время, какъ имена законныхъ женъ давно уже забыты.

Появились публичные дома, ношеніе роговъ мужьями, педерастія и лесбосская любовь, проституированныя женщины и мужчины и т. п. прелести господства частной собственности.

Въ Римскомъ государствѣ этотъ угаръ насилія и разврата достигъ своего апогея, пока не наступила реакція въ видѣ христіанства. Оно воплотило въ себѣ оппозицію противъ животнаго матеріализма, господствовавшаго среди римской знати, оно представило собою возстаніе массъ противъ насилія.

Но выросши изъ нѣдръ іудейства, которое придерживалось полной безправности женщинъ, оно возвѣстило презрѣніе женщинѣ. И хотя несчастная женщина охотно и горячо приняла новое ученіе, но христіанство плохо ее вознаградило.

Христіанство уже не могло спасти Римскаго государства, ослабленнаго разлагающимъ вліяніемъ рабства. Римъ палъ, и на сцену исторіи выступили новыя государства, созданныя новыми народами и развившія новыя соціальныя отношенія. На смѣну рабства пришелъ феодальный, крѣпостническій строй.

Я не буду здѣсь касаться вопроса о томъ, какимъ образомъ и вслѣдствіе какихъ причинъ появились эти новыя соціальныя отношенія, потому что это отвлекло бы насъ далеко въ сторону, замѣчу лишь, что жизнь неумолимо толкала человѣчество именно по этому пути, и что въ Римѣ даже уже намѣчалась тенденція перехода къ новымъ формамъ жизни.

Но новыя формы жизни не принесли женщинѣ облегченія.

При своемъ паденіи, Римская имперія передала христіанской Европѣ всѣ свои пороки. Послѣдніе особенно процвѣтали въ Италіи и оттуда, въ значительной степени благодаря сношеніямъ нѣмецкаго духовенства съ Римомъ, проникли въ Германію. Громадное число духовенства, состоявшаго большею частью изъ сильныхъ молодыхъ лю-

дей, половая страсть которыхъ разжигалась праздной жизнью, должно было, вслѣдствіе вынужденнаго безбрачія, искать удовлетворенія половой потребности на незаконномъ пути и вносило растлѣвающую разнузданность во всѣ слои общества. Мужскіе и женскіе монастыри часто лишь тѣмъ отличались отъ публичныхъ домовъ, что въ нихъ жизнь велась еще болѣе распутная, и преступленія, особенно дѣтоубійства, легче было скрывать.

И повсемѣстно, какъ мрачный признакъ насилія, висѣло jus primae noctis, позволявшее феодалу или его замѣстителю растлѣвать всякую крѣпостную дѣвушку, вступающую въ бракъ.

Положеніе женщины ухудшалось еще тѣмъ, что вмѣстѣ съ произволомъ феодаловъ, число женщинъ было значительно выше числа мужчинъ. Причинами такого явленія могли служить многочисленныя войны и большая смертность среди мужчинъ.

Толпы „свободныхъ" женщинъ бродили по дорогамъ въ качествѣ музыкантшъ, пѣвицъ и т. п. Въ отрядахъ наемниковъ онѣ составляли отдѣльныя части съ собственнымъ начальникомъ. Во всѣхъ большихъ городахъ существовали дома терпимости, — городскіе, землевладѣльческіе или церковные,—доходъ съ которыхъ поступалъ въ соотвѣтственную кассу. Дома эти пользовались особымъ покровительствомъ оффиціальныхъ властей.

Но тѣже власти, которыя покровительствовали проституціи, создали ужасныя наказанія для бѣдной оставленной жертвы. Дѣтоубійца, въ отчаяніи умертвившая своего ребенка, подвергалась мучительной смертной казни, въ то время, какъ объ обольстителѣ никто даже не спрашивалъ. Измѣна со стороны жены вызывала для нея позорный столбъ, на измѣну же мужа набрасывалось покрывало христіанской любви.

Но въ общемъ среднимъ вѣкамъ были чужды лицемѣрная пустота, трусость и затаенная похотливость нашего времени. Здоровая чувственность нашла своего толкователя въ Лютерѣ, который говоритъ въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій; — „Женщина настолько же можетъ обходиться безъ мужа, какъ безъ ѣды, питья, сна или другихъ естественныхъ потребностей. Такъ же мало мужчина можетъ обходиться безъ женщины. Причина та, что въ натурѣ столь же глубоко коренится потребность производить дѣтей, какъ ѣсть и пить. Поэтому Богъ снабдилъ тѣло жилами, членами, истеченіями и всѣмъ, что необходимо для этой цѣли. Кто хочетъ мѣшать этому и перечить природѣ,— не хочетъ ли мѣшать тому, чтобы природа была природа, чтобы огонь не жегъ, чтобы вода не мочила, чтобы человѣкъ не ѣлъ, не пилъ и не спалъ"?.

Вообще великій реформаторъ развивалъ удивительно радикальные взгляды на бракъ, разводъ, супружескія отношенія и т. п., а потому средневѣковая жена послѣ реформаціи почувствовала себя нѣсколько лучше въ этой новой обстановкѣ, чѣмъ во времена господства католицизма.

Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи реформація вызвала религіозныя войны и преслѣдованія. Войны уничтожили мужчинъ, женщины были въ избыткѣ. Мѣстности, охваченныя этимъ движеніемъ, были разорены, населеніе деморализировалось. Презрѣніе къ женщинѣ въ это время сдѣлало большіе успѣхи, всеобщая бездѣятельность легла бременемъ на ея плечи. Ко всему этому прибавилась крайне алчная насильственная экспропріація крестьянскихъ семействъ жадной аристократіей.

Въ городахъ дѣла шли не лучше. Раньше женщины могли заниматься во всѣхъ ремеслахъ въ качествѣ работницъ и предпринимательницъ.

Теперь многія отрасли промышленности пришли въ упадокъ, особенно промышленности художественной, тѣсно связанной съ католическимъ культомъ.

Среди аристократіи опять воцарилась полнѣйшая распущенность нравовъ, сдѣлавшаяся въ концѣ концовъ обычнымъ явленіемъ, не вызывающимъ никакихъ нападокъ.

Наоборотъ, замужняя женщина класса буржуазіи жила въ строгомъ уединеніи, число ея работъ и обязанностей было такъ велико, что она должна была находиться на своемъ посту съ утра до ночи; нужно было исполнять не только ежедневную домашнюю работу, которую и нынѣ несутъ женщины средняго достатка, но приходилось заниматься массой такихъ работъ, о которыхъ и понятія не имѣетъ современная женщина. Она должна была прясть, ткать, бѣлить, изготовлять бѣлье и платье, варить мыло, свѣчи, пиво, словомъ,—она была настоящей чумичкой, и единственнымъ ея отдохновеніемъ было воскресное посѣщеніе церкви.

Но экономическая эволюція шла все впередъ и впередъ. Открытіе Америки и т. п. революціонировало старое ручное производство. Возникла мануфактура, которая, въ свою очередь, развилась въ крупную промышленность. Въ различныхъ мѣстностяхъ возникло массовое производство въ формѣ мануфактуръ. Потребовались новыя рабочія силы, между прочимъ, и женскія. Женщина попала въ водоворотъ капиталистическаго способа производства, которымъ старыя формы были сметены съ лица земли, и въ настоящее время она выступаетъ сильной конкуренткой мужчины благодаря дешевизнѣ своего труда.

II.

Независимо отъ того, является ли женщина существомъ угнетеннымъ въ качествѣ пролетарія, она въ современномъ обществѣ господства частной собственности является имъ уже въ качествѣ представительницы своего пола. Масса всевозможныхъ стѣсненій, о которыхъ понятія не имѣетъ мужчина, встрѣчаетъ ее на каждомъ шагу. Множество общественныхъ правъ и привиллегій недоступны женщинѣ. Она страдаетъ въ качествѣ существа соціальнаго и полового, и трудно опредѣлить, какое изъ этихъ двухъ золъ большее.

Между всѣми естественными потребностями человѣка, послѣ голода и жажды, самымъ сильнымъ является половое влеченіе—стремленіе къ поддержанію рода. Оно настолько глубоко коренится во всякомъ нормально развитомъ человѣкѣ, что, по достиженіи извѣстной зрѣлости, до извѣстной степени обусловливаетъ физическое и духовное здоровье человѣка. Особенно ясно это будетъ видно, если мы примемъ новѣйшую теорію, объясняющую половое влеченіе и удовлетвореніе, какъ актъ взаимнаго питанія. Отсюда неудивительно, когда половое воздержаніе въ зрѣломъ возрастѣ у обоихъ половъ такъ отзывается на нервной системѣ, главнымъ образомъ, и на организмѣ вообще, что ведетъ къ тяжелымъ разстройствамъ и отклоненіямъ—малокровію, истеріи, нимфоманіи или сатиріазису, а иногда къ помѣшательству и даже къ смерти.

„Конечно", говоритъ Кленке въ своемъ сочиненіи „Женщина, какъ супруга", „у нравственнаго человѣка потребность въ половомъ общеніи подчинена моральнымъ принципамъ, вырабатываемымъ разумомъ; но нѣтъ никакой возможности, даже при самой безграничной свободѣ воли, принудить умолкнуть въ себѣ потребность къ сохраненію рода,—потребность, вложенную отъ природы въ каждый здоровый живой организмъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нормальныя личности мужского или женскаго пола не испол-

няли своей *обязанности* по отношенію къ природѣ, это происходило не въ силу непринужденнаго рѣшенія, даже тамъ, гдѣ эти личности, обманывая себя, выставляли его проявленіемъ свободной воли, а въ силу *опредѣленныхъ общественныхъ факторовъ, суживающихъ естественное право* и имѣющихъ своимъ слѣдствіемъ не только увяданіе органовъ, но и налагающихъ печать вырожденія и полового извращенія на весь организмъ; это проявляется и во внѣшнемъ видѣ, и въ характерѣ и влечетъ за собой нервныя разстройства и болѣзненныя состоянія тѣла и духа. Мужчина пріобрѣтаетъ внѣшность и характеръ женщины, женщина—мужчины, такъ какъ противоположность половъ не достигла нормальнаго размѣра, человѣкъ остался „одинокимъ", не получивъ полнаго развитія своего „я", главнаго пункта въ своемъ существованіи".

Такимъ образомъ, точная наука учитъ, что каждое человѣческое существо не только дерзаетъ удовлетворять свои потребности, но что оно должно ихъ удовлетворять, для того, чтобы достигнуть наивысшаго совершенства.

Чего достигнулъ въ отношеніи удовлетворенія половыхъ обязанностей строй, основанный на капиталистическомъ способѣ производства и частномъ присвоеніи собственности, намъ краснорѣчиво разсказываютъ наши доктора, госпитали, лѣчебницы для душевно-больныхъ, тюрьмы и т. п.

Какъ показываютъ цифры, главный контингентъ страдающихъ душевнымъ разстройствомъ вербуется изъ безбрачныхъ и овдовѣвшихъ. Въ 1882 г. въ Пруссіи на каждыя 10,000 гражданъ одинаковаго общественнаго положенія приходилось: неженатыхъ сумасшедшихъ 33,2; незамужнихъ 29,3; женатыхъ сумасшедшихъ 9,5; замужнихъ 9,5; овдовѣвшихъ мужчинъ 32,1; женщинъ 25,6. Понятно, нельзя видѣть причины душевнаго разстройства исключительно только въ неудовлетвореніи половыхъ потребностей. Въ такомъ случаѣ число сумасшедшихъ мужчинъ должно бы быть гораздо меньшимъ, такъ какъ мужчина гораздо легче можетъ удовлетворить свое чувство съ помощью проституціи.

Но нужно всегда помнить, что кромѣ непосредственнаго физіологическаго чувства, въ человѣкѣ заложено стремленіе къ идеальной духовной любви, удовлетвореніе которой совершенно отсутствуетъ въ проституціи.

Вліяніе неудовлетворенныхъ половыхъ отношеній ярче всего выступаетъ въ числѣ самоубійцъ среди женщинъ и мужчинъ. Въ общемъ, во всѣхъ странахъ число самоубійцъ-мужчинъ значительно больше числа женщинъ; такъ на каждую тысячу самоубійцъ-женщинъ приходилось:

въ Англіи	отъ 1872—76 г.г.	2,861	мужч.
„ Швеціи	„ 1870—74	„ 3,310	„
„ Франціи	„ 1871—76	„ 3,695	„
„ Италіи	„ 1872—77	„ 4,000	„
„ Пруссіи	„ 1871—78	„ 4,239	„
„ Австріи	„ 1873—78	„ 4,586	„ *).

Но въ возрастѣ отъ 21 до 30 л. у всѣхъ народовъ Европы число самоубійствъ среди женщинъ выше, чѣмъ среди мужчинъ; это обусловливается, какъ полагаетъ Эттингенъ, половыми причинами. Въ Пруссіи процентное отношеніе самоубійствъ въ возрастѣ отъ 21 до 30 л. въ среднемъ было:

въ 1869—72 г.г. { среди мужчинъ: 15,8.
среди женщинъ: 21,4

Тоже самое можно видѣть и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ.

Нельзя признать здоровыми такія условія, которыя препятствуютъ нормальному удовлетворенію естественныхъ потребностей и влекутъ къ такимъ послѣдствіямъ, какъ душевное разстройство и даже самоубійство.

---

*) Фонъ-Эттингенъ. Статистика морали.

Теперь возникаетъ вопросъ, исполнило-ли общество возложенную на него задачу—предоставленія своимъ членамъ разумнаго существованія и удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей?

Защитники существующаго кричатъ, что „бракъ и семья суть основы общества“.

Основой брачнаго союза является взаимная любовь между мужчиной и женщиной. Разъ мужчина и женщина полюбили другъ друга, обязанностью ихъ является прежде всего уяснить себѣ, насколько ихъ физическія и духовныя качества отвѣчаютъ такому союзу. Но отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ послѣдовать свободно. А это можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда отсутствуетъ всякій матеріальный интересъ, и имѣется доля разсудочности и вдумчивости. Но, къ сожалѣнію, оба эти условія совершенно отсутствуютъ въ современномъ бракѣ, и нашъ бракъ всецѣло зависитъ отъ экономическихъ факторовъ. Яркимъ подтвержденіемъ этого положенія является Франція. Разбитая на множество участковъ земля уже не можетъ больше дробиться, чтобы дать пропитаніе человѣку. И, покоряясь этому, французскій крестьянинъ создалъ извѣстную двухдѣтную систему, получившую значеніе соціальнаго института, который поддерживаетъ населеніе Франціи на одной высотѣ.

Не надо думать, что двухдѣтная система есть исключительная принадлежность Франціи. Она проявляется и во всѣхъ другихъ цивилизованныхъ странахъ, въ большей или меньшей степени, смотря по густотѣ населенія. Она проявляется и у насъ въ Россіи, гдѣ ее можно замѣтить въ грубой и наивной формѣ, когда крестьянская семья радуется смерти ребенка.

Такимъ образомъ, мы опять возвращаемся къ временамъ варварства. Отличіе состоитъ только въ томъ, что варвары дѣлали свое дѣло гораздо прямолинейнѣе. Убійство лишняго ребенка совершалось съ дозволенія племени и съ обоюднаго согласія мужа и жены. Въ распространеніи же аборта нашъ строй совершенно похожъ на строй варваровъ и дикарей.

„Schomburgk полагаетъ, что причиной частыхъ абортовъ въ британской Гвіанѣ являются чрезвычайно *тяжелый трудъ* тамошнихъ женщинъ и ихъ *тщеславіе*.

Chardin разсказываетъ, что персіанки производятъ себѣ выкидыши съ цѣлью удержать своихъ мужей отъ ухаживанія за другими женщинами.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ женщину наталкиваетъ на выкидышъ *тяжелый трудъ*, который она несетъ, такъ какъ ей угрожаетъ бремя материнства. Поэтому аборты были распространены у туземокъ обѣихъ Америкъ во время испанскаго господства“ *).

Все это описаніе вполнѣ можно примѣнить къ современному строю. И у насъ женщины крупно - и средне - буржуазныхъ слоевъ абортируютъ съ цѣлью сохраненія красоты, женщины же мелко - буржуазныхъ слоевъ и пролетаріата абортируютъ по причинѣ тяжелаго труда.

Разъ мы признали, что нашъ современный бракъ всецѣло зависитъ отъ экономическихъ причинъ, то совершенно приходится оставить въ сторонѣ разсужденія о святости и неприкосновенности брака. Люди, говорящіе это, иллюзируютъ или, хуже того, обманываютъ другихъ. Современный бракъ сдѣлался предметомъ спекуляціи, со всѣми присущими послѣдней пороками. Беря себѣ жену, мужъ думаетъ и о томъ, чтобы взять за ней приданое. И никогда въ прежнее время бракъ въ такой цинической формѣ, такъ сказать, на открытомъ рынкѣ не становился предметомъ спекуляціи, какъ

*) Lombroso et Ferrero. Женщина преступница и проститутка.

теперь. Главнымъ образомъ эта спекуляція распространена среди имущихъ классовъ, —среди неимущихъ она не имѣетъ значенія. Какъ и на биржѣ, такъ и тутъ главную роль играютъ сводничество, обманъ, плутовство, поддѣлка и т. п. Человѣческія личности не играютъ тутъ никакой роли: деньги уравниваютъ всѣ недочеты и уничтожаютъ всѣ пороки.

Брачными бюро въ настоящее время заграницей являются страницы большинства газетъ, пестрящія вполнѣ откровенными предложеніями. Въ Россіи еще не ввелось этого обыкновенія, но, судя по первымъ ласточкамъ („Русское Слово" и, кажется, „Одесскія Новости"), скоро и тутъ мы „догонимъ Европу".

Нѣтъ ничего удивительнаго, что черезъ нѣкоторое время послѣ брака—дальнѣйшее сожительство становится невозможнымъ, если не произошло взаимнаго приспособленія и установленія извѣстнаго modus vivendi. Въ противномъ случаѣ мужъ начинаетъ искать удовлетворенія на сторонѣ. Женщинѣ много труднѣе найти подобный исходъ *), и въ концѣ концовъ она рѣшается потребовать у мужа разводъ, хотя положеніе разведенной далеко не изъ завидныхъ. Этимъ то и объясняется, что большинство требованій о разводѣ поступаетъ со стороны женщинъ. Такъ, просьбъ о раздѣльномъ жительствѣ поступило во Франціи:

	Въ среднемъ на годъ отъ женщинъ.	Въ среднемъ на годъ отъ мужчинъ.
съ 1856—1861 г.	1.729	184
„ 1861—1866 „	2.135	260
„ 1866—1871 „	2.591	330 **).

Не смотря на всѣ ограниченія, чинимыя закономъ при требованіяхъ со стороны женщинъ развода, не смотря на голосъ общественнаго мнѣнія, не смотря на матеріальную необезпеченность,—статистика показываетъ намъ, что женщины въ 7 разъ чаще имѣютъ причины для развода. Это достаточно характеризуетъ какъ современныхъ мужей, такъ и современный бракъ, главнымъ образомъ.

Возрастающее число разводовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что брачныя отношенія въ общемъ сдѣлались неблагопріятнѣе и что увеличилось число причинъ, разрушительнымъ образомъ вліяющихъ на бракъ.

Одновременно съ возрастаніемъ количества разводовъ происходитъ значительное сокращеніе числа браковъ. Число остающихся до смерти холостыми все болѣе и болѣе увеличивается, возрастъ брачущихся все болѣе и болѣе повышается.

Главнѣйшей изъ причинъ, затрудняющихъ вступленіе въ бракъ, слѣдуетъ признать все болѣе и болѣе усиливающуюся конкурренцію, являющуюся плодомъ противорѣчія между капиталистическимъ общественнымъ способомъ производства и частнымъ присвоеніемъ собственности. Продолжительные промышленные кризисы, вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ, повышеніе квартирныхъ цѣнъ, въ связи съ полнѣйшей неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, когда неожиданно можно очутиться на улицѣ безъ работы и безъ куска хлѣба,—заставляетъ многихъ совершенно отказаться отъ брака.

Въ буржуазныхъ слояхъ общества препятствіемъ для вступленія въ бракъ отчасти служитъ сама женщина, воспитываемая по большей части къ тому, чтобы сначала жить на содержаніи отца, а затѣмъ мужа. Несвободная экономически и общественно, она видитъ въ бракѣ матеріальное обезпеченіе, она зависитъ отъ мужа и дѣлается частью его имущества. Вслѣдствіе этого

*) Мужъ создалъ себѣ двѣ морали: одну для себя, другую для жены. Одну, разрѣшающую ему любовь со всѣми женщинами, другую—дозволяющую женщинѣ любить одного только мужа въ награду за навсегда утерянную свободу. А. Дюма. „Monsieur Alphonse".

**) Bridel, la Puissance Maritale.

она изобрѣтаетъ всѣ способы, чтобы привлечь къ себѣ мужчину.

Такъ же, какъ и въ области индустріи, женщины также конкуррируютъ въ области отыскиванія мужей. Потому то женщины меньше ладятъ между собой, чѣмъ мужчины. Каждая стремится затмить другую своими нарядами и „талантами" и каждая завидуетъ другой. Отсюда происходитъ та лихорадочная смѣна женскихъ модъ, которая наблюдается въ настоящее время.

Нужно замѣтить, что большая часть вины въ этомъ отношеніи должна быть отнесена на долю мужчины, съ давнихъ поръ руководившагося извѣстнымъ выраженіемъ: „Мужчина созданъ для войны, а женщина для отдохновенія воина" *).

У насъ господствуютъ довольно сомнительныя понятія о воспитаніи вообще и о женскомъ, въ частности. Что и женшина должна обладать силой, смѣлостью и рѣшительностью, считается неприличнымъ, хотя никто не отвѣтитъ—почему? Женщина стѣснена, по возможности, во всемъ, даже въ своей одеждѣ. Послѣдняя мѣшаетъ женщинѣ свободно упражнять свои силы, вредитъ ея тѣлесному развитію и возбуждаетъ въ ней чувство слабости и безпомощности. Это платье грозитъ опасностью здоровью всѣхъ, потому что является созидателемъ пыли всегда и всюду.

Вслѣдствіе плохого воспитанія и погони за мужемъ, у женщинъ развились отчасти нѣкоторыя специфическія черты—реакціонность, вѣтренность, неразсудительность и т. д., и т. д. Эти черты дали даже поводъ Ломброзо и Ферреро написать цѣлую книгу—„Женщина преступница и проститутка",—гдѣ почтенные авторы придерживаются того мнѣнія, что женщина—большой ребенокъ, лгунья par excellence, непостоянна въ любви, неспособна ни къ чему героическому, пуста, любитъ наряды et caetera.

*) Нитцше, „Такъ говорилъ Заратустра".

Но мы отклонились отъ своей задачи. Итакъ, число мужчинъ, отказывающихся по различнымъ причинамъ отъ брака, постоянно возрастаетъ. Большая часть ихъ приходится на такъ называемые высшіе классы и сословія, потому что они ставятъ болѣе высокія требованія. Но вообще всѣ эти причины оказываютъ свое вліяніе на уменьшеніе числа браковъ во всѣхъ слояхъ общества. Такимъ образомъ совѣтъ женщинѣ искать свое спасеніе въ бракѣ звучитъ въ настоящее время насмѣшкой. Женщина принуждена выступить самостоятельно на арену борьбы за существованіе и она, какъ мы увидимъ, выступаетъ.

III.

Одновременно съ паденіемъ брака и прелести брачныхъ отношеній, на сцену жизни выступаютъ суррогаты его—проституція и сопутствующій ей развратъ.

Мужчина находится въ особенно благопріятныхъ условіяхъ. Послѣдствія близости съ женщиной падаютъ исключительно на нее, мужчина же не несетъ ни труда, ни отвѣтственности. Это удобное положеніе создало ту необузданность половыхъ требованій, которой отличается большая часть мужчинъ. Такъ какъ сотни причинъ мѣшаютъ законному удовлетворенію полового влеченія въ бракѣ, то его ищутъ за предѣлами семьи.

Проституція, такимъ образомъ, дѣлается необходимымъ соціальнымъ институтомъ буржуазнаго общества.

Необходимо, однако, оговориться, что проституція не есть созданіе исключительно буржуазнаго общества. Какъ мы видѣли, она была развита и въ античномъ мірѣ, и въ феодальномъ обществѣ.

Проституція совершенно отсутствовала исключительно въ первобытныя времена господства комму-

нистическихъ отношенiй. При равенствѣ матерiальнаго положенiя и при свободѣ половыхъ отношенiй для проституцiи нѣтъ мѣста.

Какой-нибудь усердный изслѣдователь можетъ раскрыть десятки мемуаровъ и записокъ различныхъ путешественниковъ и на основанiи такого матерiала обвинить первобытныя времена чуть-ли не въ „свальномъ грѣхѣ", но можно заранѣе сказать ему, что въ своемъ изслѣдованiи онъ стоялъ исключительно на точкѣ зрѣнiя современнаго буржуазнаго общества, не считаясь съ объективной дѣйствительностью и принимая свободу отношенiя половъ за современную свободу проституцiи.

Проституцiя отличается отъ свободнаго полового общенiя,—которое по нравамъ и соцiальному устройству первобытныхъ временъ признается само собою понятнымъ и ничуть не отталкивающимъ, тѣмъ,—что въ проституцiи женщина продаетъ свое тѣло *изъ-за матерiальныхъ выгодъ* одному мужчинѣ, или же цѣлому ряду мужчинъ.

Такой порядокъ могъ водвориться и дѣйствительно водворился только при наступленiи господства частной собственности.

Въ то время, какъ въ Спартѣ, при господствѣ коммунистическихъ началъ, не знали слова „соблазнитель", въ Афинахъ Солонъ санкцiонируетъ устройство государственныхъ публичныхъ домовъ—диктерiй.

Съ дальнѣйшимъ развитiемъ частной собственности развивалась и проституцiя и вмѣстѣ съ ней перешла и въ наше капиталистически-буржуазное общество, принявъ и нѣкоторыя, характеризующiя это общество, черты.

Однимъ изъ этихъ отличiй современной проституцiи является ея законодательная охрана и стремленiе государства организовать во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ центрахъ систему надзора за публичными домами и проститутками. Нѣчто подобное можно было наблюдать и ранѣе, но государственный надзоръ въ античное и феодальное время не отличался, да и не могъ отличаться, тѣми размѣрами и той систематичностью, какiя мы можемъ наблюдать въ современномъ централизованномъ государствѣ, обладающемъ сложнымъ аппаратомъ управленiя. Какъ и все, надзоръ за проститутками поставленъ здѣсь на крупно-капиталистическую ногу.

Такой образъ дѣйствiй государства является вполнѣ согласованнымъ со взглядами современниковъ. Извѣстный своими изслѣдованiями въ области половыхъ болѣзней и проституцiи, д-ръ Parent-Duchatelet *) въ Парижѣ заявляетъ, что „проституцiя неискоренима, потому что она тѣсно связана со всѣмъ общественнымъ устройствомъ". Нашъ знаменитый изслѣдователь въ этомъ же направленiи проф. Тарновскiй стоитъ вполнѣ на такой же точкѣ зрѣнiя: „Уничтожьте пролетарiатъ, распустите армiи, сдѣлайте образованiе доступнымъ въ болѣе короткiй срокъ, дайте возможность вступать въ бракъ всѣмъ желающимъ, гарантируйте имъ спокойствiе въ семейной жизни и убѣдите всѣхъ жить нравственно и по закону христiанскому и тогда... и тогда— все-таки будетъ существовать проституцiя". Многоуважаемый профессоръ беретъ на себя большую смѣлость, дѣлая подобное заключенiе. Съ уничтоженiемъ пролетарiата, т. е. эксплоатируемыхъ, едва у кого появится нужда *продавать* свое тѣло *изъ-за матерiальныхъ условiй*, что является отличительнымъ признакомъ проституцiи.

Въ согласiи-то съ такими взглядами государство, какъ мы говорили выше, ввело надзоръ за проституцiей.

Введенiе этого надзора имѣетъ разную исторiю въ различныхъ

*) De la prostitution dans la ville de Paris.—D-r Parent-Duchatelet.

странахъ, но отличительный признакъ его тотъ, что онъ введенъ подъ давленіемъ побѣдоноснаго шествія проституціи.

Единственная страна, не имѣющая никакого надзора и регламентаціи для проституціи—Англія. Но и тамъ дѣлались попытки въ этомъ направленіи, и только подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, отнесшагося къ этимъ попыткамъ какъ къ ограниченію Habeas-Corpus Act'a—закона, гарантирующаго неприкосновенность личности, онѣ были оставлены.

Въ Германіи законы о проституткахъ различаются въ различныхъ королевствахъ. Въ Пруссіи въ 1845 г. былъ запрещенъ организованный развратъ. Результатомъ этого запрещенія было громадное развитіе венерическихъ болѣзней. Поэтому съ 1871 г., не дозволяя публичныхъ домовъ, закономъ была допущена одиночная проституція. Такой же опытъ былъ продѣланъ въ 1861 г. въ Баваріи. Для надзора за проститутками созданы особые врачебно-полицейскіе комитеты, куда каждая зарегистрованная проститутка, подъ страхомъ различныхъ взысканій, обязана являться для медицинскаго освидѣтельствованія.

Въ Россіи проституція оффиціально была запрещена еще при Николаѣ I. Ст. 155, т. XIV св. зак. (изд. 1890 г.) гласитъ, что „никто не долженъ снискивать себѣ пропитаніе непотребствомъ своимъ или другихъ лицъ". Не смотря на столь ясный смыслъ закона, развитіе проституціи заставило правительство приступить къ регламентаціи ея административнымъ порядкомъ, и въ 1843 г. проституція была объявлена терпимою. Въ томъ же году въ С.-Петербургѣ былъ учрежденъ врачебно-полицейскій комитетъ для надзора за проститутками. Въ 1844 г. такой же комитетъ былъ учрежденъ въ Москвѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ.

Достигаетъ ли государственный надзоръ своей цѣли—предотвратить распространеніе венерическихъ заболѣваній и сифилиса,—вопросъ довольно спорный. Нѣтъ сомнѣнія, что врачебному надзору изъ числа *зарегистрованныхъ* проститутокъ удается извлекать имѣющихъ *явные* признаки заболѣванія. Но характеръ этихъ болѣзней часто таковъ, что онѣ не легко и не скоро распознаются, и для устраненія опасности требовалось бы многократное ежедневное изслѣдованіе. Но это совершенно невозможно въ виду большого количества проститутокъ и связанныхъ съ надзоромъ большихъ затратъ. Когда въ теченіе часа приходится осмотрѣть 30—40 проститутокъ, врачебный осмотръ превращается въ фарсъ. Цѣлесообразность этой мѣры парализуется еще тѣмъ, что мужчины, переносящіе заразу, остаются внѣ всякихъ надзоровъ. Только что осмотрѣнная проститутка черезъ часъ можетъ заразиться и до ближайшаго осмотра переноситъ заразу на цѣлый рядъ посѣтителей. Контроль не только оказывается призрачнымъ, но, совершаясь по командѣ и не женщинами-врачами, а мужчинами, оскорбляетъ стыдливость и окончательно убиваетъ послѣднюю каплю стыда въ проституткѣ. Кромѣ того, эти полицейскія мѣры весьма затрудняютъ и даже дѣлаютъ окончательно невозможнымъ возвратъ проститутки къ приличному занятію. Подверженная полицейскому контролю, женщина погибаетъ для общества; она быстро идетъ „ко дну". Государство, желающее полицейскимъ путемъ регулировать проституцію, забываетъ, что оно обязано одинаково охранять оба пола, а оно между тѣмъ портитъ морально и безчеститъ женщину. Всякая система оффиціальнаго надзора имѣетъ слѣдствіемъ полицейскій произволъ, лишеніе правовыхъ гарантій, обезпечивающихъ всякую личность, даже величайшаго преступника, отъ произвола и насилія. Такъ какъ это на-

рушеніе права создается только по отношенію къ женщинѣ, то создается неестественное неравенство между мужскимъ и женскимъ поломъ. Женщина низводится на степень какого-то средства; какъ съ личностью, съ ней перестаютъ считаться. Она становится внѣ закона.

Противорѣчіе между теоріей и практикой законодательныхъ постановленій различныхъ государствъ вполнѣ подтверждаетъ, что проституція является необходимымъ соціальнымъ институтомъ современнаго общества, какъ полиція, регулярное войско и т. д. Предложеніе женщинъ, въ качествѣ предмета удовольствій, растетъ даже быстрѣе, чѣмъ спросъ на нихъ. Ухудшающіяся соціальныя условія, нужда, соблазнъ, стремленіе къ роскоши и какъ будто беззаботной жизни создаютъ кандидатокъ во всѣхъ слояхъ общества. Число проститутокъ не поддается точному опредѣленію. Полиція можетъ дать свѣдѣнія только о женщинахъ, имѣющихъ проституцію своимъ главнымъ занятіемъ; относительно же тѣхъ, для которыхъ проституція составляетъ побочное ремесло, невозможно сдѣлать никакого учета. Но и приблизительныя цифры громадны. Въ Лондонѣ уже въ концѣ 60-хъ годовъ насчитывалось до 80,000 проститутокъ. По даннымъ, собраннымъ муниципальнымъ совѣтомъ въ Парижѣ, число проститутокъ возрасло къ 1889 году до 120,000.

Въ Россіи, по свѣдѣніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета,—причемъ нужно замѣтить, что свѣдѣнія эти очень не точны,—къ 1 августа 1889 года числилось 1210 домовъ терпимости съ 7840 находившимися въ нихъ женщинами. Къ этому числу нужно прибавить 9768 одиночекъ. За тотъ же годъ, по свѣдѣніямъ медицинскаго департамента, публичныхъ домовъ было $2^1/_2$ тысячи, число же явно проституировавшихъ достигало свыше 30,000 женщинъ. Въ С.-Петербургѣ медико-полицейскому комитету было извѣстно въ 1894 г. 365 квартирныхъ хозяекъ, содержавшихъ проститутокъ. Въ Москвѣ въ 1844 г. считалось публичныхъ женщинъ 459; въ 1853 г.—1599; въ 1866 г.—1916; въ 1868 г.—3294 женщины *). Созванный въ 1897 году съѣздъ по обсужденію мѣръ борьбы противъ сифилиса далъ нѣкоторыя цифры развитія проституціи. Оказалось, что за 5 лѣтъ (1889—93 г.г.) число публичныхъ домовъ доходило до 1262, тайныхъ притоновъ—1232; число проститутокъ въ домахъ терпимости достигало 15,365, одиночекъ—20,287; задержанныхъ по подозрѣнію было 14,258.

Если принять при этомъ во вниманіе слова Шашкова, что число явныхъ проститутокъ составляетъ отъ $^1/_5$ до $^1/_{10}$ всѣхъ женщинъ, промышляющихъ развратомъ, то число проститутокъ выразится приблизительно цифрами 175,000—350,000, что не будетъ преувеличеніемъ.

Наибольшее число проститутокъ вербуется среди женщинъ нуждающихся классовъ. Поразительно велико число проститутокъ изъ служанокъ, горничныхъ, бѣлошвеекъ, портнихъ, модистокъ, фабричныхъ работницъ и т. п. Случайныя обстоятельства: смерть отца, матери, безработица, недостаточная заработная плата, нужда, обманчивыя обѣщанія, обольщеніе, разставленныя сѣти,—вотъ что привело ихъ къ погибели. Число проститутокъ растетъ въ той же мѣрѣ, какъ и число женщинъ, занимающихся въ различныхъ отрасляхъ промышленности и ремесла, заработная плата которыхъ высока, чтобы умереть, но низка, чтобы жить. Развитію проституціи содѣйствуютъ также промышленные кризисы, войны и другія общественныя несчастія.

Модные магазины, напр., всегда наполнены женщинами, тайно промышляющими развратомъ. Въ Мо-

*) Шашковъ. Очеркъ исторіи русской женщины.

сквѣ, по словамъ врачебно-полицейскаго комитета. „всѣ почти дѣвушки, живущія при магазинахъ дамскихъ модъ, не исключая даже дѣвушекъ въ возрастѣ 13—14 лѣтъ, близко знакомы съ развратомъ и часто поступаютъ въ больницу съ развившеюся сифилитическою заразою" *).

Въ 1868 г. въ Петербургѣ считалось 2,288 явныхъ проститутокъ. Въ томъ числѣ:

Мѣщанокъ	508
Солдатскихъ дочерей и женъ	492
Крестьянокъ	658
Уроженокъ финляндскихъ	111
„ остзейскихъ	198
„ западнаго края	22
Евреекъ	19
Привиллегированныхъ сословій	55
Воспитанницъ	8
Ремесленницъ	39
Купеческаго сословія	3 **)

Эти цифры подтверждаются данными Обозненко. По его свѣдѣніямъ, въ С.-Петербургѣ наибольшій процентъ проститутокъ даютъ крестьянки—47,6%; затѣмъ слѣдуютъ мѣщанки—30,1%; дочери чиновниковъ составляютъ—1,2%, а дворянки только 0,8%.

Большинство женщинъ, вступающихъ на путь проституціи, съ ранней молодости не знали радостей семейной жизни и родительскихъ ласкъ. По даннымъ Дубровскаго, только 3,6% проститутокъ имѣютъ отца и мать; 3,3—отца; 5,7—мать; 87,4%—круглыя сироты.

Проститутки обыкновенно рано вступаютъ на свою тернистую дорогу и живутъ не долѣе 22—25 лѣтъ. Изъ числа петербургскихъ проститутокъ 70% не старше 25 лѣтъ. По свидѣтельству Кузнецова, въ Петербургѣ и Москвѣ публичная женщина изнашивается впродолженіе 5 лѣтъ, и каждыя 5 лѣтъ личный составъ здѣшнихъ проститутокъ совершенно обновляется. Значительная часть ихъ сходитъ въ могилу, преимущественно отъ чахотки и изнурительнаго поноса.

Кромѣ гибели массы женщинъ, занимающихся проституціей, другимъ проявленіемъ неестественнаго развитія половыхъ потребностей служитъ громадное распространеніе венерическихъ болѣзней. Въ настоящее время не найдется ни одного уголка Европы, гдѣ бы сифилисъ не имѣлъ болѣе или менѣе обширнаго распространенія. Эпидеміи, вродѣ холеры, благодаря внезапному появленію и непосредственному вліянію, являются ужасомъ для населенія, и хотя едва равняясь по злокачественности, они далеко отстаютъ отъ сифилиса по своей распространенности.

Сифилитическій ядъ самый упорный по своему вліянію и труднѣе всего поддается излѣченію. Много лѣтъ спустя послѣ болѣзни, когда, кажется, никакихъ слѣдовъ уже не осталось, послѣдствія заразы часто обнаруживаются у жены бывшаго сифилитика или у ребенка; цѣлый рядъ болѣзней у замужнихъ женщинъ и дѣтей обязанъ своимъ происхожденіемъ бывшему сифилису супруговъ. Слѣпорожденные, слабоумные и идіоты являются по большей части вслѣдствіе бывшихъ родительскихъ грѣховъ.

Долго, очень долго укоряли мы Западъ за его крайнюю развращенность и превозносили относительное цѣломудріе своего отечества. Но когда это лицемѣріе было сброшено, когда мы открыли глаза—цѣломудренная страна оказалась залитой потоками сифилитическаго яда. Все болѣе и болѣе мы убѣждаемся, что относительно проституціи Россія не уступаетъ другимъ странамъ, а по степени своего сифилитическаго зараженія превосходитъ всѣхъ.

Даже по оффиціальнымъ даннымъ за 1892 г. въ Европейской Россіи на 25,987,414 зарегистрованныхъ больныхъ приходилось 693,342 сифили-

*) М. Кузнецовъ. Проституція и сифилисъ въ Россіи.

**) Шашковъ. Очеркъ исторіи русской женщины.

тика; въ Сибири на 491,233 больныхъ—8,747 сифилитиковъ*); а всего въ Имперіи на 26,741,036 больныхъ приходилось 715,288 сифилитиковъ. Въ Петербургѣ при 1,035,529 жителяхъ на 849.690 зарегистрованныхъ больныхъ было 7,100 сифилитиковъ; въ Москвѣ при 811,412 жителяхъ сифилитиковъ было 27,274; въ Варшавѣ при 498,448 жителяхъ было 3,008 сифилитиковъ.

Эти цифры, конечно, нельзя считать даже сколько нибудь близкими къ дѣйствительности. Сифилисъ у насъ значительно болѣе распространенъ въ деревняхъ, чѣмъ въ городахъ; объ его опасности тамъ не имѣютъ представленія, а потому не считаютъ нужнымъ обращаться къ врачу. Поэтому сифилитиковъ приходится считать не десятками тысячъ, а милліонами. Сифилисъ распространяется здѣсь не только половымъ путемъ, но главнымъ образомъ—внѣполовымъ. Съѣздъ 1897 г. по обсужденію мѣръ борьбы противъ сифилиса призналъ, что такимъ именно путемъ заражается 80—90% больныхъ сифилисомъ въ деревнѣ.

Въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ масса жителей заражена сифилисомъ. „Въ селеніяхъ,—говоритъ Кузнецовъ,—нерѣдко можно встрѣтить больныхъ, у которыхъ, приподнимая остатокъ ихъ носа, легко можно видѣть надгортанный хрящъ и отверстія евстахіевыхъ трубъ; при чемъ твердое небо съ прилежащими мягкими частями и весь внутренній скелетъ носа у нихъ безслѣдно разрушены болѣзненнымъ процессомъ. Встрѣчаются пораженные субъекты, у которыхъ, лишь съ небольшими промежутками здоровой кожи, все тѣло покрыто безчисленнымъ количествомъ глубокихъ и обширныхъ язвъ, съ рѣзко обрѣзанными краями, являющихся послѣдствіемъ гуммозныхъ опухолей“ *).

Это урожай, собираемый съ посѣянной въ обильномъ количествѣ проституціи.

Мы видимъ, какъ наши соціальныя условія создаютъ пороки, развратъ и болѣзни всякаго рода. Все общество приходитъ въ безпокойное состояніе. Но больше всего отъ такого положенія вещей страдаютъ женщины.

Множество женщинъ чувствуетъ это и ищетъ спасенія. Раньше всего онѣ требуютъ экономической самостоятельности и независимости; онѣ требуютъ, чтобы и женщины, наравнѣ съ мужчинами, были допущены во всѣ отрасли дѣятельности, на которыя онѣ способны по своимъ физическимъ и духовнымъ силамъ; онѣ требуютъ допущенія ихъ ко всѣмъ такъ называемымъ „либеральнымъ“ профессіямъ. Справедливы-ли эти требованія? Исполнимы-ли? Помогутъ-ли ихъ положенію?

Постараемся разобраться въ этихъ вопросахъ.

IV.

Мы видѣли, что причинами женскаго движенія въ различныхъ странахъ являются: ростъ числа одинокихъ женщинъ вслѣдствіе уменьшенія количества браковъ и экономическая нужда.

Развитіе средствъ производства разрушило экономическую основу дѣятельности женщины внутри семьи. Это развитіе создало, однако, одновременно условія для дѣятельности женщинъ въ обществѣ.

Женщины и дѣвушки мелкобуржуазнаго класса были вынуждены приняться за какую-нибудь профессію. Онѣ обратились, по скольку это было возможно, къ свободнымъ профессіямъ, къ художественной промышленности, къ торговлѣ.

Женщину же изъ народа тѣ-же

*) По свидѣтельству Кузнецова, все инородческое населеніе Сибири заражено и вымираетъ отъ сифилиса.

*) Кузнецовъ. Проституція и сифилисъ въ Россіи.

экономическія условія, разрушившія сферу ея прежней дѣятельности, привели къ совершенно новой аренѣ труда—къ индустріи.

По мѣрѣ того, какъ совершенствуются машины и техники, а усиливающееся раздѣленіе труда требуетъ все менѣе и менѣе силы, женщина начинаетъ находить большое поле для приложенія своихъ силъ. Добродѣтельные предприниматели очень скоро оцѣнили преимущества женскаго труда. Матеріальныя требованія женщинъ гораздо ниже, чѣмъ требованія мужчинъ. Благодаря своей половой организаціи, обусловливающей болѣе частыя, чѣмъ у мужчины, физическія растройства, она вынуждена предлагать свои услуги дешевле. Женщина обладаетъ, далѣе, большимъ терпѣніемъ, большей эластичностью пальцевъ и болѣе развитымъ вкусомъ, что дѣлаетъ ее для многихъ работъ болѣе способной, чѣмъ мужчину. Поэтому съ примѣненіемъ машиннаго труда женщина сдѣлалась желаннымъ гостемъ въ промышленности. Тотъ, кто направляетъ свои взоры исключительно на непрерывный рядъ поразительныхъ изобрѣтеній, порожденныхъ 19-мъ вѣкомъ, и ничего не знаетъ о соціальной и политической эволюціи, могъ бы ожидать встрѣтить освобожденное отъ тяжкаго труда, здоровое и счастливое человѣчество. Но ничего подобнаго онъ не находитъ. Машины поставили народныя массы въ зависимость отъ ихъ владѣльцевъ; поскольку онѣ, вслѣдствіе своей величины и сложности или въ силу введенія механической двигательной силы, обусловили введеніе фабричной системы, онѣ выгоняли людей изъ ихъ дома, ихъ собственной мастерской, лишали ихъ самостоятельнаго существованія и втянули къ себѣ на службу женщинъ, такъ какъ для нихъ требовались необученныя рабочія силы, причемъ наиболѣе дешевыя были наиболѣе желательны. Поэтому развитіе женскаго труда всего сильнѣе тамъ, гдѣ больше всего развито пользованіе машинами *). Особенно ясно видно это въ Англіи. Уже въ 1839 г. лордъ Эшли говорилъ, что изъ 419,560 фабричныхъ рабочихъ въ Великобританіи женщинъ было 242.296; въ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ 56,25% всѣхъ рабочихъ были женщины, въ шерстяныхъ—69,5%, въ шелковыхъ—70,5%, въ льнопрядильныхъ—70,5% **). Въ 1859 году англійскій фабричный инспекторъ Роб. Бэкеръ констатировалъ, что число мужчинъ-рабочихъ увеличилось со времени 1835 года на 92%, число-же женщинъ—на 131%. Съ 1841 года до 1891 года, т. е. за 50 лѣтъ, число мужчинъ увеличилось на 53% ***). Всюду—въ глиняной и фаянсовой промышленности, въ промышленности для добыванія топлива, газа, химическихъ веществъ, для обработки мѣховъ, кожи, для выдѣлки клея, деревянныхъ издѣлій, каретъ, бумаги, текстильныхъ издѣлій, платья, пищи, питья, табаку, часовъ, инструментовъ, игрушекъ, въ печатномъ и переплетномъ дѣлѣ, даже въ такихъ отрасляхъ промышленности, которыя, казалось бы, совершенно не приспособлены для женщинъ, какъ, напр., въ мѣдно-литейной, въ рудникахъ и каменноугольныхъ копяхъ, въ кирпичномъ производствѣ—женщина все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ мѣсто ****).

Такое громадное расширеніе арены женскаго труда, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтило сначала сильное противодѣйствіе со стороны работниковъ-мужчинъ. Изъ-за непониманія экономическихъ причинъ, дѣйствующихъ съ неумолимостью рока, женщина-работница подвергалась такимъ же преслѣдованіямъ,

*) Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма.

**) Фр. Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи.

***) Гобсонъ, ibid.

****) Гобсонъ, ibidem. и К. Марксъ, Капиталъ.

какъ и первыя ускоряющія и облегчающія трудъ машины. Это было вполнѣ естественно. Такъ же, какъ и съ изобрѣтеніемъ машинъ, въ нашемъ обществѣ, основанномъ на господствѣ частной собственности, съ выступленіемъ женщины въ качествѣ конкуррентки мужчинъ произошло сильное паденіе заработной платы.

Кромѣ того, въ началѣ своего выступленія, женщина, вслѣдствіе меньшаго пониманія своихъ интересовъ, показала отсутствіе въ себѣ товарищеской солидарности и чувства собственнаго достоинства. Во многихъ мѣстахъ, во время борьбы рабочихъ съ предпринимателями, она выступала въ качествѣ штрейкбрехера и такимъ образомъ являлась виновницей пораженія рабочихъ.

Особенно крупное возростаніе женскаго труда наблюдается въ мелкой промышленности; это говоритъ за то, что мелкая промышленность сохраняетъ свою позицію исключительно лишь благодаря усиленному примѣненію плохо оплачиваемаго женскаго труда.

По отношенію къ Россіи и существующей въ ней разницѣ между заработками мужчинъ и женщинъ, нужно замѣтить, что на нашихъ фабрикахъ, какъ сообщаетъ г. Дементьевъ, замѣчается особенность, сильно отличающая нашу заработную плату отъ платы въ Англіи и Америкѣ. Заработки женщинъ у насъ гораздо болѣе приближаются къ мужскимъ.

По отношенію къ 109 фабрикамъ, обнимающимъ всѣ производства, вошедшія въ изслѣдованіе г. Дементьева, заработки мужчинъ и женщинъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Заработная плата на своихъ харчахъ.

	Число рабочихъ.	Сумма выработки въ мѣсяцъ. Руб.	Коп.	Средній заработокъ въ мѣсяцъ. Руб.	Коп.	Величина заработка, принимая муж. за 100.
Взросл. мужчины	15,017	212,748	85	14	16	100
„ женщины	8,676	89,817	69	10	35	73,09
Подростки муж. п.	977	7,239	87	7	41	52,33
„ женскаго пола	184	1,209	11	6	56	46,33
„ обоего	1,161	8,448	98	7	27	51,34
Малолѣтн. муж. пола	1,419	7,259	95	5	11	36,09
„ женскаго пола	852	4,298	11	5	04	35,59
„ обоего	2,271	11,558	06	5	08	35,88 *)

По отношенію къ Америкѣ и въ особенности къ Англіи, принимая заработокъ взрослаго мужчины за 100, заработки женщинъ и др. выразятся слѣдующими цифрами:

	Моск. губ.	Массачузетсъ.	Англія.
Женщины	73,09	51,39	40,92
Подростка	51,34	43,04	29,06
Малолѣтняго	35,88	32,15	9,56 **)

Такое приближеніе заработка женщины къ мужскому въ Россіи

*) Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ.

**) Дементьевъ, ibidem.

объясняется исключительно низкой заработной платой мужчинъ. Предпринимателю невозможно болѣе убавить заработную плату женщинъ, иначе она помретъ отъ голода. Въ среднемъ для всѣхъ производствъ заработная плата въ Московской губ., Англіи и Массачузетсѣ выражается по Дементьеву въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Моск губ.	Англія.	Массачузетсъ
Мужчины	14 р. 16 к.	45 р. 43 к.	64 р. 46 к.
Женщины	10 р. 35 к.	18 р. 59 к.	33 р. 62 к. *)

Эта разница въ заработной платѣ между мужчиной и женщиной существуетъ во всѣхъ странахъ свѣта. И женскій трудъ не только оплачивается хуже мужского, но и бываетъ болѣе продолжительнымъ. Привыкшая въ домашнемъ хозяйствѣ работать съ утра до поздней ночи, женщина и въ промышленности не умѣетъ противостоять предъявляемымъ къ ней чрезмѣрнымъ требованіямъ. Въ фабрикаціи цвѣтовъ, предметовъ модъ, въ бѣлошвейныхъ мастерскихъ и т. п. онѣ понижаютъ свою плату тѣмъ, что берутъ сверхурочную работу на домъ, надъ которой просиживаютъ до полуночи*).

Такимъ образомъ женщина прочно заняла свое мѣсто въ промышленности. Въ свою очередь женскій трудъ подвергается конкурренціи дѣтскаго труда, а всему рабочему классу въ общемъ приходится выносить безпощадную борьбу съ все болѣе и болѣе вытѣсняющей его машиной. Это обычный порядокъ въ современной индустріи, и желать искоренить женскій и машинный трудъ—значитъ желать повернуть назадъ колесо исторіи, значитъ выказать безграничное невѣжество въ пониманіи экономическихъ и общественныхъ условій нашего времени. Все это вполнѣ естественно и совершается въ силу экономическаго развитія. Дико только то, что, при господствѣ частной собственности, прогрессъ въ области труда становится орудіемъ нужды и горя и служитъ лишь для того, чтобы выбрасывать на мостовую все новыя и новыя тысячи честнаго и трудолюбиваго люда.

Такимъ образомъ, современное развитіе, увлекши женщину-пролетарку въ водоворотъ индустріи, совершенно избавило ее отъ своихъ прежнихъ обязанностей. Фабрика изготовляетъ все лучше, практичнѣе и дешевле, и поэтому теперь почти отсутствуетъ производство для домашняго потребленія.

Точно тоже случилось и съ женщинами класса буржуазіи, безразлично—обратились ли онѣ къ какому-нибудь труду или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ это принесло имъ облегченіе, для вторыхъ же предоставило время заняться культивированіемъ тончайшихъ ощущеній и настроеній во всѣхъ видахъ и смыслахъ.

Несомнѣнно, что постоянное расширеніе женскаго труда окончательно разстраиваетъ семейную жизнь и ведетъ къ расторженію ея.

На основаніи этого нѣкоторые люди поднимаютъ вопль о гибели домашняго очага, гдѣ находилъ себѣ отдыхъ мужчина-работникъ, о заброшенности дѣтей и т. д., и т. п.

Подходя къ этимъ вопросамъ, мы должны спокойно обсудить, составляетъ ли нашъ *домъ* самое лучшее мѣсто, въ которомъ слѣдуетъ сосредоточить столько работы, а наши жены и матери представляютъ ли наиболѣе пригодныхъ лицъ для этой работы? Къ величайшему сожалѣнію и даже ужасу нѣкоторыхъ лицъ, приходится отвѣтить на этотъ вопросъ безусловно отрицательно.

Особенно хорошо доказываетъ это положеніе въ своей книжкѣ „Женщины и экономическое отношеніе“ Шарлотта Стетсонъ, внучка знаменитой Гарріетъ Бичеръ-Стоу и

*) Дементьевъ, idem.

**) Для иллюстраціи положенія женщины-работницы можетъ служить замѣтка М. И. Покровской — „Условія жизни петербургской фабричной работницы“. — „Женскій Вѣстникъ“, № 3, мартъ 1905 года.

и одна изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ современной Америки.

„Домъ представляетъ единственное мѣсто на землѣ, гдѣ ни одинъ изъ составляющихъ его индивидовъ не пользуется уединеніемъ. Семья есть аггрегатъ лицъ разныхъ возрастовъ, половъ и темпераментовъ, связанныхъ вмѣстѣ половыми узами и экономическою необходимостью; и привязанность, которая должна существовать между членами семьи, скорѣе ослабляется, чѣмъ усиливается подъ давленіемъ экономической зависимости. Близость, поддерживаемая экономическими условіями,— не та близость, въ которой наиболѣе нуждается человѣчество *).

Прогресивно развивающаяся индивидуализація человѣческихъ существъ требуетъ отдѣльнаго помѣщенія для каждаго индивида. Такая потребность признается до нѣкоторой степени въ семейной жизни, но для громаднаго большинства это оказывается невозможнымъ. Для женщинъ особенно отдѣльная комната является роскошью, доступной только для богатыхъ. Какое вліяніе оказываетъ такого рода скопленіе на современнаго человѣка, можно наблюдать среди скученнаго населенія нашихъ большихъ городовъ, гдѣ цѣлая семья должна тѣсниться въ одной комнатѣ, причемъ получаются послѣдствія самаго унизительнаго свойства.

Къ такимъ же выводамъ мы придемъ и относительно домашняго обихода, кухни, состоящихъ въ завѣдываніи у женщинъ. Приготовленіе пищи не безвредная игра фантазіи, а до нѣкоттрой степени— наука и искусство. Оно требуетъ обширныхъ знаній относительно питательныхъ свойствъ разныхъ веществъ. Какъ наука, оно соприкасается съ гигіеной. Кулинарное дѣло, какъ и другія отрасли человѣческаго труда, требуетъ специализаціи. Всѣ успѣхи на этомъ поприщѣ были достигнуты исключительно профессіоналами—поварами, химиками и т. п. Большинство хозяекъ, сами того не подозрѣвая, только доказываютъ свое невѣжество въ этихъ вещахъ. Приготовляемая ими пища обходится во всѣхъ отношеніяхъ дороже и хуже качествомъ. Торговцы безсовѣстно надуваютъ ихъ, отпускаютъ фальсифицированные продукты, и приходится издавать обязательныя постановленія, чтобы хотя сколько-нибудь оградить бѣдныхъ хозяекъ отъ мошенничества торговцевъ.

Подобно тому, какъ въ поваренномъ дѣлѣ мы стараемся обучить какую-нибудь отдѣльную кухарку, такъ и при воспитаніи ребенка мы хотимъ наставить каждую отдѣльную мать и требуемъ улучшенія условій обстановки даннаго дома. Нельзя, конечно, отрицать чувства глубокой любви матери къ ребенку и желанія воспитать его возможно лучшимъ образомъ. Но мы достигли той стадіи развитія, когда прогрессъ человѣчества требуетъ высшей спеціализаціи индивидовъ и болѣе широкой сознательности. Въ противномъ случаѣ воспитаніе ребенка будетъ напрасной потерей времени, и впослѣдствіи ему самому придется тратить время на то, что совершенно незамѣтно, безъ всякихъ усилій, но въ тоже время очень глубоко могло быть заложено въ него въ дѣтствѣ. И вотъ для воспитанія дѣтей въ духѣ современной фазы человѣческой жизни наша домашняя среда оказывается недостаточной, а изолированная, зависимая женщина—неспособной. Что было пригодно при прежнемъ примитивномъ общественномъ строѣ, то является негоднымъ, задерживающимъ прогрессъ въ наше сложное, полное кажущихся противорѣчій и лихорадочно-быстро идущее время.

Такимъ образомъ жалѣть о разрушеніи семейныхъ отношеній совершенно не приходится. Первая и главнѣйшая причина заключается въ

*) Стетсонъ: Женщина и экономическое положеніе.

томъ, что это совершенно безполезно, такъ какъ экономическое развитіе, не считаясь съ нашимъ желаніемъ или нежеланіемъ, неумолимо ведетъ къ гибели современныхъ семейныхъ отношеній.

„Буржуазія сорвала покровъ сантиментальности, прикрывавшій семейныя отношенія, и свела ихъ къ простымъ денежнымъ отношеніямъ“ *).

Во-вторыхъ, современная семья все болѣе и болѣе перестаетъ удовлетворять людей относителъно покоя, комфорта и воспитанія дѣтей. Все это и воспитаніе дѣтей главнымъ образомъ—переносится и должно быть перенесено изъ семьи въ общество, изъ рукъ женщины въ руки спеціалистовъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Женщина будетъ не только какъ хозяйка, но и какъ мать, свободна выбирать себѣ общественную дѣятельность сообразно своимъ индивидуальнымъ способностямъ и наклонностямъ и согласно потребностямъ общества. Ея соціальное положеніе все болѣе и болѣе уподобится положенію мужчины, и всѣ сантиментальныя жалобы ни на іоту не смогутъ измѣнить этого факта.

V.

Несмотря на ясно выраженный ходъ экономическаго и соціальнаго развитія, господствующій классъ современнаго общества—буржуазія, въ своихъ законахъ и политическихъ учрежденіяхъ, продолжаетъ оставаться по отношенію къ женщинѣ на старой точкѣ зрѣнія. Какъ существо, предназначенное для домашней жизни и угожденія мужчинѣ, женщина и въ законахъ является зависимымъ и подчиненнымъ поломъ.

Законодательство европейскихъ государствъ построено на римскомъ правѣ, признававшемъ лишь людей состоятельныхъ, собственниковъ. Мужчины, составлявшіе законы, не преминули поставить женщинъ въ подчиненное положеніе. Въ Римѣ существовали римскіе граждане и *жены римскихъ гражданъ*, но не было гражданокъ. Подобное же отношеніе осталось и до нашихъ дней.

Особенно отсталое законодательство по отношенію къ женщинѣ существуетъ во Франціи, во многихъ кантонахъ Швейцаріи и въ Бельгіи. По code civil во Франціи мужъ могъ требовать развода въ случаѣ невѣрности жены, жена же въ такомъ случаѣ могла требовать развода только тогда, когда мужъ приводилъ любовницу къ себѣ въ домъ, 27-го іюля 1884 г. этотъ параграфъ былъ уничтоженъ введеніемъ новаго закона о разводѣ, но въ уголовномъ уложеніи эта разница продолжаетъ существовать. За прелюбодѣяніе жена наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ, мужъ же, опять таки если онъ приводитъ любовницу къ себѣ въ домъ, подвергается *денежному* взысканію отъ 100 до 2000 франковъ. Въ Бельгіи судятъ немного справедливѣе, но всетаки двоякимъ образомъ. Подъ вліяніемъ Франціи подобные же законы создались въ Испаніи и Португаліи.

Во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи, какъ и въ Германіи, женщина, вступая въ бракъ, подпадаетъ подъ опеку мужа. Она не можетъ безъ согласія мужа и двухъ родственниковъ предстать передъ судомъ даже тогда, если у нея имѣется какая-либо торговля. Мужъ долженъ защищать жену. Она не можетъ быть свидѣтельницей при заключеніи договоровъ и т. п. Но въ уголовномъ отношеніи она признается совершеннолѣтней: ея свидѣтельскія показанія могутъ повести человѣка на казнь, а за преступленія она подвергается такимъ же нака-

*) К. Марксъ и Фр. Энгельсъ. Коммунистическій манифестъ.

заніямъ. Мужъ завѣдуетъ, по code civil, личнымъ имуществомъ жены, можетъ продавать ея имѣнія, закладывать ихъ и т. п. Подобные порядки, кромѣ Франціи, существуютъ въ Бельгіи, Люксембургѣ. Нидерландахъ, Испаніи, Португаліи, Швеціи, Даніи и большей части Германіи. Къ странамъ, въ которыхъ господствуетъ полная независимость жены въ отношеніи своего имущества, принадлежатъ: Россія, Италія, Великобританія и Ирландія.

По бернскому уложенію, даже *заработки* жены принадлежатъ мужу. Этотъ законъ господствуетъ во многихъ кантонахъ Швейцаріи, во Франціи и въ Бельгіи.

Въ воспитаніи дѣтей и устройствѣ ихъ судьбы имѣютъ власть въ большинствѣ странъ почти исключительно отцы.

Въ Россіи женщина страдаетъ много въ качествѣ *лица, приписаннаго къ чужому паспорту*. Вообще въ Россіи паспорта представляютъ изъ себя пережитокъ крѣпостныхъ временъ, отъ котораго давно бы слѣдовало отказаться. Они доставляютъ русскимъ обывателямъ массу неудобствъ и стѣсненій, ничего въ сущности не предупреждая и не охраняя. Кто хочетъ мошенничать—мошенничаетъ, кто хочетъ скрыться —скрывается.

Отмѣны паспортовъ должны особенно желать женщины вообще, а замужнія въ особенности. Параграфъ гражданскихъ законовъ, глася щій: „Изъ числа лицъ въ предшедшей статьѣ (10) указанныхъ, лица мужского пола, недостигшія 17-лѣтняго возраста, если не находятся на государственной службѣ, *а лица женскаго пола, не достигшія 21 года и не состоящія въ замужествѣ, могутъ получать отдѣльные виды на жительство не иначе, какъ по просьбѣ родителей и опекуновъ, либо съ согласія попечителей, а замужнія женщины, независимо отъ ихъ возраста,—не иначе, какъ съ согласія ихъ мужей*", при выходѣ замужъ буквально закрѣпощаетъ женщинъ мужьямъ и нерѣдко ставитъ ихъ въ безвыходное и очень тяжелое положеніе.

Вопіющее неравенство въ законахъ привело наиболѣе передовыхъ женщинъ къ сознанію необходимости политическихъ правъ. Угнетенныя, безправныя, отовсюду вытѣсняемыя женщины имѣютъ не только право, но и обязанность всѣми средствами бороться за достиженіе независимаго состоянія.

Великая французская революція разрушила всѣ препоны и вызвала небывалое броженіе умовъ. На сцену выступили также и женщины. Многія изъ нихъ уже до того принимали участіе въ той духовной борьбѣ, которая волновала въ то время все французское общество.

Политическія неурядицы, застой въ промышленности и торговлѣ—все это роковымъ образомъ выдвигало на сцену, кромѣ общегосударственныхъ вопросовъ, вопросъ чисто женскій. Появилась масса агитаціонныхъ брошюръ, памфлетовъ, посвященныхъ этому вопросу; женщины посылали многочисленныя депутаціи и подавали петиціи, взывая о помощи въ ихъ трудномъ положеніи.

Публичное выступленіе женщинъ трудящагося класса не ограничивалось однако петиціями и памфлетами. Шестое октября 1789 года было днемъ ихъ тріумфа. Голодная нужда въ Парижѣ и слухи о скандальныхъ происшествіяхъ въ Версалѣ усилили возбужденіе парижскаго населенія, но на дѣло отважились женщины, работницы предмѣстій и базарныя торговки. Послѣ штурма ратуши и требованій хлѣба онѣ, въ числѣ 8000 человѣкъ, направились въ Версаль. Этотъ революціонный актъ принадлежитъ женщинамъ, подобно тому, какъ актъ 14 іюля принадлежалъ мужчинамъ. *Мужчины завоевали Бастилію, жен-*

щины—короля и тѣмъ самымъ—королевство *).

Въ октябрѣ 1789 года громадное число женщинъ подало въ Національное Собраніе петицію о томъ, чтобы было установлено равенство между мужчиной и женщиной, чтобы женщинѣ была предоставлена свобода труда и занятій соотвѣтственно ея силамъ и способностямъ.

Но ни революціонные акты, ни мирныя петиціи не произвели надлежащаго дѣйствія: французская женщина осталась неуравненной въ правахъ съ мужчиной. Первая бурная аттака была отражена противниками не только потому, что ихъ было еще очень много, но и потому, что цѣль самого движенія была еще не достаточно ясна, и всѣ трудности, связанныя съ его достиженіемъ, недостаточно взвѣшены и опредѣлены.

Подъ вліяніемъ теоріи и практики французской революціи женщины и въ другихъ странахъ Европы остались за флагомъ.

Въ настоящее время положеніе вещей совершенно измѣнилось. Произошелъ значительный переворотъ въ условіяхъ жизни, а вмѣстѣ съ нимъ и въ положеніи женщины. Современный соціальный и политическій строй долженъ интересовать женщину въ большей степени, чѣмъ въ любомъ изъ предшествовавшихъ періодовъ. Ей не безразлично, измѣряется ли численность постоянной арміи десятками или сотнями тысячъ сильныхъ, здоровыхъ молодыхъ людей; ей не безразлично, покровительствуетъ ли существующая политика войнѣ или миру, затрудняется ли удовлетвореніе насущнѣйшихъ жизненныхъ потребностей налогами, вызывающими фальсификацію съѣстныхъ припасовъ и ложащимися на семью тяжелымъ бременемъ. Кромѣ того, женщина уплачиваетъ прямые и косвенные налоги изъ своихъ собственныхъ заработковъ и доходовъ. Система воспитанія также должна имѣть для женщинъ величайшій интересъ. Продолжительность рабочаго дня, ночной, воскресный и дѣтскій трудъ, предохранительныя мѣры въ фабрикахъ и мастерскихъ, страхованіе рабочихъ и т. п.,—всѣ эти вопросы также близко касаются женщинъ, какъ и мужчинъ. Относительно состоянія многихъ отраслей промышленности, въ которыхъ исключительно или преимущественно заняты женщины, рабочіе мужчины или не имѣютъ никакихъ свѣдѣній, или же эти свѣдѣнія отличаются крайней неполнотой. Предприниматели изъ-за личныхъ интересовъ склонны умалчивать о разныхъ неустройствахъ, виновниками которыхъ являются они сами; фабричная инспекція въ большинствѣ случаевъ не простирается на тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ исключительно заняты женщины; кромѣ того, личный составъ ея еще крайне недостаточенъ, а между тѣмъ именно въ этихъ-то отрасляхъ промышленности фабричная инспекція часто являются особенно необходимой. Стоитъ только вспомнить о рабочихъ помѣщеніяхъ въ нашихъ большихъ городахъ, въ которыхъ скучены швеи, портнихи, модистки и т. д. Оттуда рѣдко доносится до насъ голосъ жалобы, и до нынѣ туда не проникла еще фабричная инспекція. Наконецъ, участвуя въ торговлѣ, женщина заинтересована въ ходѣ торговой и таможенной политики. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что женщина съ тѣмъ же правомъ, какъ и мужчина, можетъ требовать своей доли вліянія на ходъ и развитіе общественной жизни путемъ участія въ законодательной работѣ. Участіе женщины въ общественной жизни содѣйствовало бы значительному подъему послѣдней и раскрыло бы передъ нами новые горизонты.

*) Л. Бланъ. Исторія французской революціи.

Извѣстный естествоиспытатель и послѣдователь Дарвина Альфредъ Уоллесъ выразился по этому вопросу слѣдующимъ образомъ: „Еслибъ мужчины и женщины пользовались свободой слѣдовать своимъ лучшимъ инстинктамъ, еслибъ они получали возможно лучшее воспитаніе, еслибъ были устранены всѣ ложныя ограниченія, покоящіяся лишь на случайности рожденія, еслибъ во главѣ общественнаго мнѣнія стояли мудрѣйшие и достойнѣйшіе представители, которые сумѣли бы систематически завоевывать уваженіе къ этому мнѣнію со стороны молодежи,—тогда водворилась бы система подбора, которая реформировала бы, обновила и возродила бы все человѣчество. До тѣхъ поръ, пока женщины будутъ принуждены смотрѣть на бракъ, лишь какъ на средство избавиться отъ бѣдности и одиночества, онѣ всегда будутъ отставать по сравненію съ мужчинами. Поэтому первое средство эмансипации женщины —это устраненіе всѣхъ ограниченій, препятствующихъ имъ конкуррировать съ мужчинами на всѣхъ поприщахъ промышленности и различныхъ профессій. Но мы должны идти дальше и предоставить женщинѣ возможность пользоваться и политическими правами".

Настоящее обозрѣніе постепеннаго хода и развитія женскаго вопроса носитъ конспективный характеръ и не претендуетъ на полноту и всестороннее разсмотрѣніе его.

По данному вопросу написаны, пишутся и будутъ еще написаны много томовъ различныхъ изслѣдованій, разсматривающихъ его и въ цѣломъ, и по частямъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Насколько возможно, мы постараемся сдѣлать выводы, сами собой напрашивающіеся при изученіи женскаго вопроса.

Социальное тѣло современнаго общества больно и его надо лѣчить. Конкурренція и завист предпринимателей и капиталистовъ отдѣльныхъ странъ между собою принимаетъ на международной почвѣ характеръ борьбы между двумя народами и, поддерживаемая политической слѣпотой широкихъ слоевъ населенія, вызываетъ небывалыя вооруженія, изобрѣтеніе различныхъ адскихъ орудій истребленія и войны, гдѣ тысячи молодыхъ и здоровыхъ жизней гибнутъ ad majorem gloriam капитала и узурпаторовъ власти.

Борьба за существованіе въ соціальной жизни принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Война всѣхъ противъ всѣхъ разгорается все сильнѣе и немилосерднѣе и ведется безъ выбора средствъ *).

Преступленія всякаго рода и ихъ постоянное увеличеніе находятся въ тѣснѣйшей связи съ соціальнымъ состояніемъ общества. Для устраненія зла создаются все новыя и новыя учрежденія, придумываются все новыя полумѣры, оказывающія весьма слабое воздѣйствіе на положеніе вещей. Полиція, войско, судебный персоналъ и тюрьмы постоянно ростутъ и увеличивается, но отъ этого нисколько не увеличивается внутренняя и внѣшняя безопасность.

Знаменіе нашего времени это—массовое обнищаніе, съ одной стороны, и непомѣрное обогащеніе—съ другой. Богатства все болѣе и болѣе концентрируются въ рукахъ немногихъ, и увеличивается число обанкрутившихся. Массы быстрыми шагами идутъ къ пролетаризаціи. Число рабочихъ уменьшается съ концентраціею производства и увеличивающейся производительностью труда. Кризисы дѣлаются явленіемъ постояннымъ и интернаціональнымъ.

Такой порядокъ вещей не можетъ продолжаться вѣчно. Каждый новый шагъ по пути экономиче-

*) См. „Путешествіе Гулливера къ Гуигвгнамъ" Дж. Свифта. Злобная и сильная сатира на людей—Іэху.

скаго развитія все болѣе и болѣе приближаетъ насъ къ тому времени, когда современныя бѣдствія, дойдя до своего апогея, сдѣлаются невыносимыми и очевидными для всѣхъ и потребуютъ немедленнаго устраненія.

Угнетеннымъ классомъ въ настоящее время является пролетаріатъ, вызванный къ жизни буржуазнымъ ходомъ развитія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является могильщикомъ этихъ буржуазныхъ отношеній. „Пролетарское движеніе есть движеніе огромнаго большинства и въ интересахъ огромнаго большинства. Пролетаріатъ, самый низшій слой современнаго общества, можетъ подняться и выпрямиться лишь путемъ коренного переустройства оффиціальнаго общества“ *).

Женщины въ своей массѣ страдаютъ въ двойномъ отношеніи: вопервыхъ, вслѣдствіе соціальной и общественной зависимости отъ мужчинъ и, во-вторыхъ, вслѣдствіе экономической зависимости, въ которой находятся всѣ женщины вообще, а женщины-пролетаріи въ особенности. Поэтому вопросъ объ эмансипаціи женщины является въ своемъ послѣднемъ видѣ экономическимъ вопросомъ, стоящимъ въ тѣснѣйшей связи съ рабочимъ вопросомъ вообще, и только въ связи съ этимъ послѣднимъ получитъ свое окончательное рѣшеніе.

Женскій и рабочій вопросъ, неразрывно связанные между собой, получатъ свое разрѣшеніе только въ переустроенномъ обществѣ, тогда, когда будетъ уничтожена зависимость труда отъ капитала.

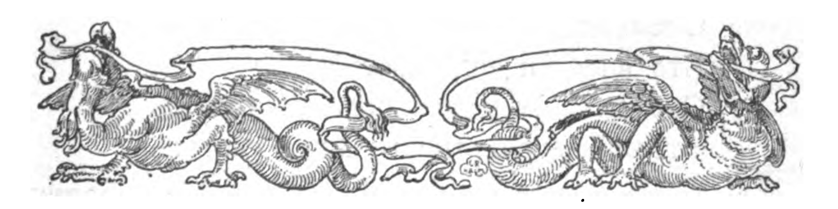
Въ настоящее время всѣ, искренно болѣющія душой за дѣло эмансипаціи, женщины должны всецѣло слиться съ великимъ пролетарскимъ движеніемъ, выставившимъ на своемъ знамени идеалы братства, равенства и свободы.

„Въ грядущей борьбѣ пролетаріямъ нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей; пріобрѣтутъ же они цѣлый міръ“ *).

Борисъ Глѣбовъ.

*) К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Коммунистическій манифестъ.

*) К. Марксъ и Ф. Энгельсъ, ibidem.

Въ тюрьмѣ.

Стѣны холодныя, мрачно, темно...
Звукъ одинокихъ шаговъ замираетъ;
Тускло бѣлѣетъ съ рѣшеткой окно,
Мѣсяцъ свой лучъ какъ-то робко роняетъ.

Тамъ, за стѣною, весь въ лунномъ сіяніи,
Спитъ шумный городъ безрадостнымъ сномъ.

Кажется, стихло людское страданіе,
Замерла злоба въ безсильи нѣмомъ.

Только въ моемъ, истомленномъ страданіемъ
Сердцѣ тревога не хочетъ уснуть,
Только полна роковымъ ожиданіемъ
Страшной тоскою сжимается грудь.

Долги безсонныя ночи тоскливыя,
Страхъ одиночества душу гнететъ.
Чу... въ корридорѣ шаги торопливые.
Голосъ какой-то приказъ отдаетъ.

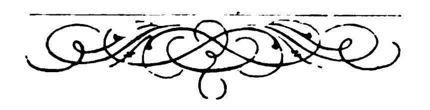
Скрипнули двери на петляхъ заржавленныхъ.
Щелкнулъ желѣзный замокъ...
Смѣха то звукъ иль рыданій подавленныхъ
Вздрогнулъ въ тиши и замолкъ?

Снова подъ сводомъ шаги. Удаляются,
И затихаетъ звонъ шпоръ.
Новый товарищъ. Стучу... Отзывается.
Стукомъ ведемъ разговоръ.

— „Кто вы? Откуда? Такого-то знаете?“
— Знаю, и онъ уже взятъ.
— „Долго-ль сидите? Суда ожидаете?“
— Жду, да съ судомъ не спѣшатъ.

Смолкли... У каждаго мрачныя думы.
Что впереди еще ждетъ?
Смотритъ холодная полночь угрюмо,
Страхъ неизвѣстности душу гнететъ.

З. Ю. Балина.

Хроника русской жизни.

I. „Изъ записной книжки СПБ. хроникера.—Манифестъ 17 окт.—Радость и ужасы.—Свобода дана или только объщана?—„И тутъ бюрократія осталась вѣрна себѣ“.—Положеніе гр. Витте.—Второй скорбный Манифестъ.—Что дала намъ „смута“.—Свобода печати; какъ она получилась.—Паденіе столбовъ бюрократизма.—Отходная Трепову и Побѣдоносцеву.—Куда дѣваются народныя деньги. II. Новыя недоразумѣнія съ Манифестомъ 17 окт.—Конституція или Самодержавіе?—Акты о Польшѣ и Финляндіи.—Что о нихъ можно сказать?—Юридическое значеніе Ман. 17 окт.—Практическіе результаты его.—Русскій мартирологъ городовъ.—Каины-братоубійцы.—„Сожженіе гражданъ Томска“.—Гдѣ виновники?—Что ждетъ нашу родину?—Зипунная армія.—Мечты и дѣйствительность.—Поучительный примѣръ для Россіи. III. Высшія учебныя заведенія.—Разладъ между профессорами и студентами.—Право и насиліе.—Къ чему приводитъ „самодержавіе“ народа“.—Результатъ увлеченій. IV. Тактика соціалъдемократовъ.—Послѣдняя забастовка.—Чего можно опасаться.—Примѣръ побѣды безъ капли крови.—Какъ остановить новые потоки крови?—Отъ малаго къ большому, а не наоборотъ.

I.

„Какъ мало прожито, какъ много пережито“!—можно сказать про минувшій октябрь и первую половину ноября.

За этотъ, сравнительно, короткій промежутокъ времени мы пережили и высшія радости гражданской свободы, и ужасы „опричнины“, видѣли примѣры замѣчательнаго единодушія, и гибельные, кровавые раздоры; видѣли блескъ блеснувшей зари свободы и рѣки крови, топившей эту свободу, воочію убѣдились въ слабости правительства и въ то же время испытали всѣ прелести режима „плети и штыка“.

„Октябрьскіе“ дни въ Петербургѣ, Москвѣ и др. городахъ Россіи превзошли, быстрою смѣною отъ глубочайшей радости къ невыразимому горю, и „февральскіе“, и „мартовскіе“ дни въ Парижѣ...

Вся страна пришла въ движеніе; вѣковые устои поколебались, глухое броженіе, бродившее въ народѣ все время послѣдней войны, сразу вылилось наружу и, словно бѣшеный потокъ, вырвавшійся на свободу, грозило снести все...

Петербургъ въ эти незабвенные дни былъ настоящимъ пульсомъ страны. Но толчокъ къ общему движенію былъ данъ не имъ, а Москвою, гдѣ происходилъ цѣлый рядъ организаторскихъ Съѣздовъ разныхъ Союзовъ, быстро появлявшихся въ послѣднее время, безъ всякаго при томъ разрѣшенія „начальства“.

На одномъ изъ такихъ Съѣздовъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, была, между прочимъ, принята резолюція — забастовать и прекратить движеніе всѣхъ дорогъ, пока правительство не удовлетворитъ предъявленныхъ ему требованій (о повышеніи платы, пониженіи рабочаго дня, упорядоченіи службы на жел. дор. и пр.).

Это было искрой, брошенной въ бочку пороха: къ идеѣ забастовки быстро присоединились и другіе Союзы (инженерный, врачей, учителей и пр.), а также рабочіе всѣхъ промышленныхъ заведеній, къ тому времени уже объединившіеся подъ началомъ своихъ выборныхъ, такъ называемаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Словно по волшебству, вся жизнь стала останавливаться: поѣзда перестали ходить, жизнь въ промышленныхъ заведеніяхъ замерла, стали примыкать къ забастовкѣ конторщики, аптекари, ученики школъ и пр.

И это — вездѣ, по всей Россіи. Кратко

хронику Петербургской жизни можно изложить слѣд. штрихами „Нов. Жизни“ (новой газеты соц.-демокр. направленія, появившейся недавно въ Петербургѣ).

14 окт.

— Петербургъ раздѣляется на 4 военныхъ района съ 4-мя генералами во главѣ. Каждый генералъ получаетъ широкія полномочія насчетъ стрѣльбы.

— Къ забастовкѣ примыкаетъ большинство страховыхъ обществъ, банковъ и частныхъ конторъ.

— Закрываются всѣ среднія учебныя заведенія и школы.

— Шансы графа А. П. Игнатьева на премьерство растутъ.

— Въ нѣкоторыхъ частяхъ города перестаетъ дѣйствовать водопроводъ.

— На Невскомъ отъ Николаевскаго вокзала до Казанскаго собора гаснетъ электричество.

— На улицахъ патрули.

— Въ большинствѣ театровъ представленія отмѣняются.

— Въ университетѣ митинги: писателей, конторщиковъ, желѣзнодорожниковъ, инженеровъ, рабочихъ, студентовъ, гимназистовъ, реалистовъ и мн. др.

— Митинги: въ технологическомъ институтѣ, высшихъ женскихъ курсахъ, въ академіи художествъ, на курсахъ Лесгафта и другихъ уч. зав.

— Наборщики бастуютъ.

— По Николаевской жел. дор. пришли 3 поѣзда.

— Телефонное сообщеніе въ городѣ прекращается.

— 17 союзовъ примыкаютъ къ забастовкѣ.

— 4 члена союза инженеровъ: Ковалевъ, Макаровъ, Готлибъ и Кирпичниковъ арестованы.

— Союзъ мастеровъ и техниковъ бастуетъ.

— Приказъ „патроновъ не жалѣть“ бездѣйствуетъ.

15.

— Бастуютъ аптеки; въ аптекахъ Сергіевской, Спасопреображенской, Владимірской и у Каменнаго моста разбиты окна, послѣ чего онѣ закрываются.

— Бастуютъ мировые судьи, окружный судъ и палата.

— Забастовали учителя всѣхъ женскихъ институтовъ.

— Въ военно-медицинской академіи организуются санитарные отряды.

— Санитарные отряды формируются въ женскомъ институтѣ, на высшихъ женскихъ курсахъ и въ другихъ уч. зав.

— Военный министръ закрываетъ военно-медицинскую академію.

— Высшіе женскіе курсы и женскій медицинскій институтъ закрываются.

— На фабрикѣ Пельцера убитъ 1 рабочій, ранено 2 солдата.

— На митингѣ рабочихъ Обуховскаго завода постановлено не давать продовольствія казакамъ.

— Служащіе сената и государственной типографіи бастуютъ.

— Численность патрулей увеличивается.

— Шансы Витте падаютъ.

— Приказъ „патроновъ не жалѣть“ бездѣйствуетъ.

16.

— Служащіе Государственнаго банка бастуютъ.

— Весь городъ въ войскахъ.

— Технологическій институтъ осаждается по всѣмъ правиламъ военнаго искусства; въ осажденномъ институтѣ 83 студента и профессоръ.

— Бастуютъ: главная телеграфная станція, электрическія о-ва: Сименсъ и Гальске, Шуккертъ и „Надежда“.

— Солдаты, работающіе на электрическихъ станціяхъ, обратились къ рабочимъ съ просьбой снять ихъ.

— Забастовала Финляндская жел. дор.

— Войскамъ, исполняющимъ патрульную службу, увеличивается содержаніе.

— Приказъ „патроновъ не жалѣть“ бездѣйствуетъ.

17.

— Забастовка растетъ.

— Улицы переполняются войсками.

— Всѣ учебныя заведенія осаждаются войсками.

— Войска на улицѣ прибываютъ.

— Вечеромъ объявленъ манифестъ.

— Приказъ „патроновъ не жалѣть“ начинаетъ дѣйствовать.

— Осажденный технологическій институтъ подвергался обстрѣлу.

— Графъ Витте начинаетъ принимать депутаціи.

— Вышелъ 1-й номеръ „Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“.

— Манифестъ расклеивается на улицахъ.

Манифестъ былъ объявленъ слѣдующаго содержанія:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ имперіи Нашей великой скорбію преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя нѣразрывно съ благомъ народа и печаль народа—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству державы Нашей. Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ предначѣченныхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства.

На обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы, на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе началъ общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку, и

3. Установивъ, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностію дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей,—призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ родиной, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напречь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Однако, и Манифестъ не много помогъ,—и хроникеръ „Нов. Жизни“ продолжалъ въ томъ же духѣ заносить въ свою записную книжку:

18.

— Народъ огромными толпами съ красными флагами привѣтствуетъ свободу.

— Войска успокоиваютъ публику шашками и пулями.

— Графъ Витте принимаетъ депутацію.

— Приказъ „патроновъ не жалѣть“ дѣйствуетъ crescendo.

— Черносотенцы и хулиганы избиваютъ свободныхъ гражданъ.

— У технологическаго института стрѣльба усиливается.

— Графъ Витте принимаетъ еще одну депутацію.

— Конногвардейцы работаютъ шашками.

— Типографія „Сына Отечества“ подвергается тщательному обыску.

— Корнетъ Фроловъ наноситъ 3 раны проф. Е. В. Тарле.

19.

— Манифестъ о свободахъ заклеивается Треповскимъ приказомъ, подтверждающимъ готовность разстрѣливать.

— Изъ автономнаго университета изгоняется публика и тутъ же избивается.

— Всѣ высшія учебныя заведенія закрываются; у входовъ стража.

— На Выборгской сторонѣ рѣзня; убитыхъ и раненыхъ около 200 человѣкъ.

— Графъ Витте принимаетъ 4 депутаціи.

— Приказъ „патроновъ не жалѣть“ дѣйствуетъ во всю.

20.

— Треповскій „манифестъ“ заклеивается правительственнымъ сообщеніемъ, возвѣщающимъ, что пока дѣйствуютъ старые законы.

— Черная сотня „работаетъ“, поощряемая полиціей.

— Графъ Витте принимаетъ депутаціи и говоритъ „не какъ графъ, а какъ русскій человѣкъ“.

— Приказъ „патроновъ не жалѣть“ дѣйствуетъ.

21.

— Весь городъ въ войскахъ.

— Рѣзня утихаетъ.

— Графъ Витте ведетъ газетные разговоры „не какъ графъ“...

— Черная сотня работаетъ.

— Апраксинцы и сѣнновцы организуются.

— Пріемъ депутацій у графа Витте продолжается.

22.

— Обнародована амнистія.

— Рабочій Совѣтъ назначаетъ торжественныя похороны погибшихъ на улицахъ.

— Треповъ напоминаетъ о патронахъ.

— Графъ Витте ищетъ министровъ и принимаетъ депутаціи.

— Рабочій Совѣтъ отмѣняетъ похороны, заявляя, что дастъ сраженіе, когда пролетаріатъ подготовится.

— Таганцевъ отказался отъ портфеля министра народнаго просвѣщенія.

23.

— Невскій съ утра переполняется народомъ.

— Войска и патрули спрятались внутри дворовъ.

— Витте ищетъ министровъ.

— По распоряженію администраціи, погромъ черной сотни отложенъ.

— А. Постниковъ отказывается отъ портфеля министра народнаго просвѣщенія.

— Патрули появляются на улицахъ.

— Треповскій приказъ „патроновъ не жалѣть“ бездѣйствуетъ.

24.

— Черная сотня дѣятельно подготовляется.

— Витте ищетъ министровъ.

— Патрули оставляютъ улицы и размѣщаются внутри домовъ.

— А. Ф. Кони отказывается отъ портфеля министра народнаго просвѣщенія.

— Вечернія газеты назначаютъ новыхъ министровъ.

— Витте заявляетъ, что онъ хотя и говорилъ, но собственно ничего не говорилъ.

— Треповъ собирается уйти.

25.

— Газеты окончательно назначаютъ министровъ.

— Кн. Е. Н. Трубецкой собирается отказаться отъ портфеля министра народнаго просвѣщенія.

— Патрули на улицахъ и въ домахъ.

— Треповъ не уходитъ.

— Витте ищетъ министровъ.

— Витте переѣзжаетъ въ запасный дворецъ.

26.

— Кн. Е. Н. Трубецкой еще не отказался отъ портфеля.

— Ищутъ министровъ.

— Газеты дѣлаютъ 7-ую перетасовку министровъ „по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ“.

— Треповъ уходитъ, но не скоро.

„Хроника“ кончилась до... новой забастовки, объявленной 3 ноября, но, къ счастью, на этотъ разъ скоро прекращенной (7 ноября).

Манифестъ 17 октября на первый разъ всюду вызвалъ взрывъ неописуемой радости. Газеты запестрѣли восторженными статьями.

„Итакъ, мечты осуществились,—писало „Р. Слово“ въ первомъ № своего обновленнаго изданія.—Рухнули мертвыя цѣпи—не во снѣ, а въявь, и изъ крови и стоновъ, изъ руинъ и костей человѣческихъ вышла новая, граждански обновленная Россія“...

Всюду ругали безумство бюрократовъ, доведшихъ страну до небывалыхъ въ исторіи

человѣчества потрясеній, съ восторгомъ и благоговѣніемъ обращали взоры на самоотверженную учащуюся молодежь и рабочихъ, самоотверженно добивавшихся свободы, облекали вѣчною славою мучениковъ свободы, наконецъ, требовали полной амнистіи за всѣ такъ называемыя политическія преступленія.

Свобода казалась уже неотъемлемой... Всѣ поздравляли уже другъ друга „съ конституціей", такъ какъ пунктъ 3 Манифеста всѣмъ казался ограничивающимъ самодержавіе, а если кого и смущалъ оставшійся неизмѣннымъ (въ началѣ манифеста) титулъ самодержца, то его объясняли въ историческомъ смыслѣ, какъ понимали его первые московскіе цари, въ смыслѣ независимости отъ внѣшнихъ государей.

Повидимому, всѣхъ ослѣпляла видимая категоричность пунктовъ Манифеста, и никто, въ угарѣ радости, не замѣчалъ предыдущихъ строкъ:... „объединить дѣятельность высшаго правительства... на обязанность правительства возлагаемъ выполненіе... воли"...

А въ нихъ-то и было все дѣло. Стоило обратить на нихъ вниманіе,—и „свободы" оказывались совсѣмъ еще не данными: онѣ должны были пройти обычный циклъ канцелярской волокиты, т. е.: 1) сначала объединиться Правительству, 2) затѣмъ собраться ему и порѣшить что-нибудь, 3) наконецъ, рѣшенное имъ утвердить Государю.

Дальнѣйшія правительственныя разъясненія это и подтвердили. И что же оказалось: намѣченныя свободы пока, до настоящаго времени (15 ноября) прошли только первую стадію. Правительство объединилось: учрежденъ Совѣтъ Министровъ съ гр. Витте во главѣ (при чемъ морской, военный, м-ръ Двора и иностр. дѣлъ ему не подчинены). Теперь отъ Витте и его Правительства нужно ждать „исполненія непреклонной воли" Государя. А когда онъ исполнитъ ее дѣйствительно,—Богъ вѣсть.

Съ трудомъ составивъ министерство изъ обычныхъ бюрократовъ, онъ, видимо, пытается, съ одной стороны, затушить всюду разгорающійся пожаръ, съ другой—не слишкомъ дразнить бюрократію, все еще чувствующую себя въ силѣ. Получается положеніе между двухъ стульевъ: ему не довѣряетъ и придворная камарилья, и передовыя партіи умѣренныхъ (земцевъ), а радикальныхъ партій онъ самъ побаивается привлечь къ совмѣстной работѣ (да и онѣ не довѣряютъ ему).

И повторяется прежняя исторія. Страна волнуется; цѣлыя рѣки невинной крови заливаютъ города и села, а гр. Витте говоритъ: „подождите, господа, не все сразу. Вотъ возстановимъ порядокъ, тогда и свобода будетъ".

Между тѣмъ, несмотря на энергичныя мѣры, „порядокъ" не только не возстановляется, а все болѣе разстраивается.

Волненія охватываютъ уже самыя дебри Россіи и грозятъ перейти въ анархію. Но бюрократія и тутъ остается вѣрна себѣ и вмѣсто дѣйствительныхъ мѣръ—созывъ учредительнаго Собранія на началахъ прямого, равнаго, всеобщаго и тайнаго избранія—опять прибѣгаетъ къ палліативамъ.

Поднялся мужикъ... громитъ усадьбы, жжетъ, рѣжетъ...

И 3 ноября объявляется новый Манифестъ объ уменьшеніи съ 1 янв. 1906 г. на половину выкупныхъ платежей, а съ 1 янв. 1907 г. о совершенномъ прекращеніи ихъ, какъ будто нашъ крестьянинъ такъ простъ, что будетъ платить теперь выкупные платежи. Да онъ и раньше-то съ трудомъ платилъ ихъ, а теперь и совсѣмъ перестанетъ. Не проще ли было немедленно прекратить взиманіе выкупныхъ платежей?

Послѣдній Манифестъ далъ поводъ „Сынъ Отеч." къ ѣдкой статьѣ.

„Второй скорбный манифестъ...—говоритъ онъ. — „Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей,—читали мы 17 октября,—великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше"... „Скорбь" правительства оказалась тогда связанной—такова ужъ логика вещей — съ „милостями" народу, съ такими милостями, какихъ ни разу онъ не получалъ по случаю „радостныхъ событій". „Глубокою скорбью,—читаемъ мы теперь, — наполняетъ сердце Наше смута, перешедшая въ селенія нѣкоторыхъ уѣздовъ, гдѣ крестьяне чинятъ насиліе въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ"... И эта скорбь опять оказалась связанной съ „милостями", съ такими милостями, какихъ тщетно цѣлые десятки лѣтъ ждали крестьяне. „Насилія и преступленія,—говорится въ манифестѣ 3 ноября,—не улучшатъ положенія крестьянъ"... Но мы обязаны смотрѣть прямо

въ глаза дѣйствительности и съ болью въ сердцѣ должны признать, что *только смута, только преступленія и насилія* оказались способными заставить правительство признать хотя нѣкоторыя нужды народа. Цѣлую сотню лѣтъ—сначала въ лицѣ героевъ и мучениковъ, потомъ въ лицѣ почти всего общества и народа—страна рвалась къ свободѣ. Тщетны, однако, были всѣ усилія и жертвы, всѣ мольбы и требованія,—только „неслыханная смута" заставила правительство признать—признать, но не удовлетворить еще—основные постулаты гражданской свободы"... И далѣе: „Становится прямо страшно, когда подумаешь, сколько еще преступленій и насилій будетъ совершено, какая еще неслыханная смута понадобится, чтобы заставить правительство признать и удовлетворить хотя бы только главныя и самыя неотложныя нужды народа"...

„Мы должны признать, что не правительство, а „смута" сложила съ крестьянъ выкупные платежи, и сложила ихъ раньше, чѣмъ появилось объ этомъ извѣстіе въ „Прав. Вѣстникѣ". Въ цѣломъ рядѣ мѣстностей крестьяне отказались уже вносить подати, во многихъ губерніяхъ они находятся въ открытомъ возстаніи... Выколачивать оклады и недоимки сдѣлалось все равно уже невозможнымъ, оставалось только признать это правительственнымъ актомъ"...

И у кого хватитъ смѣлости сказать, что это—не такъ?

Не „смута" ли дала права и рабочимъ, въ уменьшеніи рабочаго дня и повышеніи рабочей платы? Не смута-ли сдѣлала теперь хотя петербургскую печать свободной?

О свободѣ печати много толковали. Все ожидали какихъ либо результатовъ отъ комиссіи Кобеко, но... комиссія только разсуждала да составляли протоколы. А дѣло не подвигалось. Наконецъ, и россійское терпѣніе лопнуло. Видя, что отъ Кобеко и К° ждать нечего, рѣшили попросту сами упразднить цензуру. И упразднили, основываясь на Манифестѣ 17 октября, хотя и тамъ свобода слова (и печати) была только *обѣщана*.

Починъ дѣла взяли на себя наиболѣе обезпеченные и наиболѣе заинтересованные въ уничтоженіи цензуры петербургскіе газетные издатели. Образовавъ между собою „Союзъ въ защиту свободы слова", они постановили, за взаимною порукою, *прекратить всякія сношенія съ цензурнымъ вѣдомствомъ* и выпустили 20—21 октября *первые свободные нумера*. За газетчиками пошли журналисты, составившіе свой союзъ, также свергнувшій цензуру. Наконецъ, къ тому-же рѣшенію примкнули СПБургскіе типографы и книгоиздатели.

31 окт. послѣдніе, въ числѣ 52 представителей отъ разныхъ фирмъ, явились на первое Учредительное Собраніе Союза СПБ. Книгоиздателей.

Настроеніе у собравшихся было сначала неопредѣленное, колеблющееся. Но рѣзкая, прямая рѣчь явившагося сюда представителя Союза типографскихъ рабочихъ прекратила всѣ колебанія.

„Я присланъ сюда,—заявилъ онъ,—не просить васъ, не убѣждать, чтобы вы игнорировали цензуру. Какое-бы рѣшеніе вы ни приняли, мы найдемъ мѣры исполнить наше рѣшеніе, а мы постановили, чтобы послѣ пятницы, 4 ноября, не вышла ни одна книжка съ помѣткой о цензурѣ. Если понадобится—мы сумѣемъ примѣнить къ нѣкоторымъ типографіямъ не только пассивный, но и активный бойкотъ. И вотъ я спрашиваю у васъ, что рѣшили вы? Мы съ васъ снимаемъ всякую отвѣтственность, мы, рабочіе, добьемся для васъ свободы печати, безъ всякаго риска съ вашей стороны. А вѣдь эта свобода вамъ будетъ даже просто выгодна. Такъ сдѣлайте-же для нея хоть что-нибудь. Вы обязаны сдѣлать это. Вы обязаны поддержать насъ хотя-бы матеріально. Впрочемъ, вы можете и этого не сдѣлать,—тутъ ваше право. Но помните: у насъ есть могучее оружіе противъ васъ—бойкотъ. Мы только огласимъ, что такіе-то и такіе-то отказали въ помощи, хотя-бы денежной, когда за нихъ боролись, голодали и погибали въ борьбѣ. Мы не просимъ, мы требуемъ того, что намъ слѣдуетъ, на что мы имѣемъ право разсчитывать"!

Рѣчь делегата покрыли дружные продолжительные аплодисменты. Послѣдовавшія пренія закончились принятіемъ большинствомъ всѣхъ противъ одного такой резолюціи:

„Мы, представители книгоиздательскихъ фирмъ, присоединившись къ постановленію делегатовъ повременной печати, рѣшили немедленно осуществлять свободу печати до изданія законовъ, реализирующихъ провоз-

глашенный манифестомъ 17 окт. принципъ. Поэтому, признавая, что печать не можетъ подлежать отвѣтственности за содержаніе высказываемыхъ ею мнѣній, если только этимъ не совершается какого-либо общаго преступленія, за которое издатели должны отвѣчать только передъ судомъ присяжныхъ, мы постановляемъ игнорировать дѣйствующій цензурный уставъ и впредь всѣ наши изданія выпускать въ свѣтъ, не считаясь ни съ предварительной, ни съ запретительной цензурой".

Для проведенія въ жизнь принятаго рѣшенія, по предложенію особой подготовительной комиссіи, избранной частнымъ совѣщаніемъ книгоиздателей еще 26 октября, союзомъ книгоиздателей было постановлено:

„I. Осуществленіе книгоиздателями свободы печати по отношенію къ періодическимъ изданіямъ можетъ быть достигнуто только при активной поддержкѣ со стороны союза тружениковъ печатнаго дѣла и съ согласія владѣльцевъ типографій.

II. Союзъ тружениковъ печатнаго дѣла на общемъ собраніи, состоявшемся 30 сего октября, на коемъ присутствовало свыше 2,000 членовъ, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ постановилъ оказать активную поддержку осуществленію свободы печати и для неперіодичестихъ изданій, подобно тому, какъ это ими рѣшено по отношенію къ газетамъ и журналамъ. Средствами для осуществленія своего постановленія союзъ намѣтилъ: а) отказъ набирать и печатать рукописи, разрѣшенныя къ печати цензурнымъ вѣдомствомъ; б) бойкотъ типографій, продолжающихъ сношенія съ цензурой для выпуска изданій въ свѣтъ; в) снятіе рабочихъ съ тѣхъ типографій, въ коихъ, вопреки означенному постановленію, работы будутъ производиться, не останавливаясь при этомъ даже предъ физическимъ воздѣйствіемъ.

III. Владѣльцы типографій организуются для защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ въ союзъ, который имѣетъ также въ виду и содѣйствіе осуществленію свободы печати.

IV. Съ своей стороны для осуществленія намѣченныхъ предварительнымъ совѣщаніемъ книгоиздателей цѣлей Союзъ книгоиздателей постановляетъ:

1) Образовать союзъ книгоиздателей для борьбы за свободу печати. 2) Члены союза обязываются: а) прекратить всякія сношенія съ цензурнымъ вѣдомствомъ, какъ по предварительной, такъ и разрѣшительной цензурѣ, по отношенію ко всякаго рода изданіямъ, безъ исключенія; б) бойкотировать тѣ типографіи, которыя откажутся исполнять означенное постановленіе союза; в) прекратить отпускъ всѣхъ своихъ изданій тѣмъ книгопродавцамъ, которые откажутся имѣть у себя на складѣ хотя-бы одно изданіе, потому что оно вышло безъ предварительной или разрѣшительной цензуры, а также и тѣмъ, которые послѣ срока, опредѣленнаго общимъ собраніемъ союза книгоиздателей, будутъ принимать къ себѣ для продажи петербургскія изданія, прошедшія черезъ какую-либо цензуру; г) прекратить всякія сношенія по помѣщенію публикацій и посылкѣ изданій для отзывовъ съ тѣми періодическими изданіями, которыя дадутъ у себя мѣсто для публикацій или отзывовъ о процензурованныхъ изданіяхъ, вопреки предварительному сообщенію о томъ бюро союза; д) подчиняться всѣмъ постановленіямъ союза, безотносительно къ тому, участвовалъ тотъ или иной членъ въ данномъ постановленіи или нѣтъ. 3) Для поддержки работниковъ печатнаго дѣла, которые могутъ пострадать при осуществленіи свободы печати для неперіодическихъ изданій, учреждается особый фондъ изъ единовременныхъ и экстренныхъ членскихъ взносовъ, основанія и размѣры которыхъ опредѣляются общимъ собраніемъ или уполномоченнымъ имъ бюро. 4) Войти въ сношенія со всѣми союзами и обществами, причастными къ печатному дѣлу для совмѣстной борьбы за осуществленіе свободы печати. 5) Войти въ центральный комитетъ союза союзовъ съ предложеніемъ бойкотировать всѣми входящими въ него профессіональными союзами тѣ типографіи и книжные магазины, которые откажутъ въ своемъ содѣйствіи осуществленію задачи союза. 6) Оповѣщать путемъ повременной печати общество о тѣхъ лицахъ и фирмахъ, которыя тѣмъ или инымъ образомъ будутъ препятствовать осуществленію свободы печати, съ предложеніемъ бойкотировать ихъ.

При опредѣленіи размѣра перваго единовременнаго взноса въ фондъ для поддержанія рабочихъ былъ принятъ минимумъ въ 25 руб. Тутъ-же было собрано 6,000 р.

Наконецъ, только „смута“ и она одна сразила и столбовъ бюрократизма, сошедшихъ со сцены подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія.

Такъ, ушли недавній диктаторъ СПБ. ген. Треповъ и „Русскій Торквемада“, какъ называютъ б. оберъ-прокурора Синода, К. П. Побѣдоносцева.

Печать устроила обоимъ подходящія проводы, напутствовавъ „теплыми“ словами.

Такъ, говоря о Треповѣ, „Новости“ выражаются: „Генералъ Треповъ былъ яркимъ представителемъ разваливающагося бюрократическаго режима... Въ качествѣ министра полиціи онъ не съумѣлъ оградить страну отъ опасной и небывалой еще въ Россіи бойни. Въ качествѣ петербургскаго генералъ-губернатора онъ причинилъ Россіи неисчислимый вредъ тѣмъ, что настойчиво зажималъ ротъ столичной періодической печати и стремился обставить тайной то, что должно было быть извѣстно всѣмъ и каждому. Вынужденное молчаніе русской печати довело Россію до гибельной войны съ Японіей, оно довело ее до позорнаго положенія въ Финляндіи, въ Царствѣ Польскомъ, на Кавказѣ; оно, наконецъ, довело до ужасной возможности кровавой междоусобицы. И въ этомъ послѣднемъ болѣе всего повиненъ генералъ Треповъ, въ роли петербургскаго генералъ-губернатора запиравшій послѣдніе спасительные клапаны, чрезъ которые могъ еще вырваться излишній паръ“...

Въ газетѣ „Наша Ж.“ ушедшему временщику были посвящены слѣдующіе стихи:

Колыбельная пѣсня.

(Музыка г.-м. Трепова).

Спи, младенецъ, годъ за годомъ,
Баюшки-баю;
Четыремъ такимъ свободамъ
Я отходную спою,
Я писать указы стану
Твердою рукой,
Дамъ покой тебѣ, смутьяну:
„Со святыми упокой“!

Если мало эскадроновъ,
Слабо хлещетъ плеть,
Для тебя я и патроновъ
Не хочу жалѣть.
Приложу къ тому всѣ силы,
Чтобъ создать покой:
Нѣтъ покойнѣе могилы,
„Со святыми упокой“!

Я изъ дядекъ буду старшимъ,
Вотъ тебѣ мой сказъ,
И наклею надъ Монаршимъ
Треповскій указъ.
Тамъ—свобода „арестантамъ“,
Здѣсь—свободнымъ крестъ,
Разъясню манифестантамъ
Царскій манифестъ.

Хороните павшихъ съ миромъ,
Говорите рѣчь,—
Ей въ отвѣтъ, сливаясь съ клиромъ,
Прогремитъ картечь.
Брызнетъ кровь, по лентѣ красной
Потечетъ рѣкой...
Спи, младенецъ, мой прекрасный,
„Со святыми упокой“!

Я—порядка оборона,
Всюду озарю
Свѣтомъ факеловъ Нерона
Конституціи зарю.
Спи, дитя, подъ сводомъ склеповъ,
Насъ не безпокой;
Пропоетъ свободѣ Треповъ:
„Со святыми упокой“!

Еще больше досталось другой закатившейся „звѣздѣ самовластья“, оберъ-прокурору Синода, К. П. Побѣдоносцеву.

„Это—злой геній Россіи, чье одно имя наполняло ужасомъ и презрѣніемъ не одно русское сердце“,—говоритъ о б. оберъ-прокурорѣ „Сам. Курьеръ“.—Больше двадцати лѣтъ онъ держалъ въ кандалахъ русскую свободу; больше двадцати лѣтъ онъ виталъ надъ Россіей, какъ злой демонъ, нашептывая о необходимости держать народъ въ безправіи, нищетѣ и невѣжествѣ. Больше двадцати лѣтъ онъ жалъ и душилъ общественность и, издѣваясь, топталъ ногами лучшія человѣческія чувства...

„Кто не знаетъ старыхъ, изъ устъ въ уста переходившихъ виршей:

„Побѣдоносцовъ—для себя,
„Доносцевъ—для царя
„И бѣдоносцевъ—для народа“..

И дѣйствительно: къ чему-бы вы ни прикоснулись въ изстрадавшейся родинѣ, какую бы темную сторону ее не взяли,—всюду вы столкнетесь прежде всего съ именемъ этого „великаго инквизитора“.

Кто проповѣдывалъ постоянный мракъ?

— К. П. Побѣдоносцевъ.

— Кто прививалъ въ Россіи принципы Іоанна Грознаго?.. Кто довелъ ее до обнищанія?..

— К. П. Побѣдоносцевъ.

— Кто былъ врагомъ суда присяжныхъ, врагомъ печати?..

— К. П. Побѣдоносцевъ.

— Кто налагалъ свою тяжелую руку на человѣческую совѣсть? Кто заставлялъ ее гнуться по своему хотѣнію?

— К. П. Побѣдоносцевъ.

— Кто подавалъ голосъ за то, чтобы задержать ростъ Россіи!.. Кто обагрилъ ее кровью и позоромъ Цусимы?

— К. П. Побѣдоносцевъ.

— Кто постоянно пѣлъ о томъ, что русскій человѣкъ — это скотъ, съ которымъ и нужно обращаться по скотски?.. Кто народовластіе считалъ „великой ложью"?..

— К. П. Побѣдоносцевъ.

— Кто хохоталъ своимъ безсердечнымъ смѣхомъ надъ страданіями Россіи?.. Кто велъ ее по пути національныхъ распрей и крови?

— К. П. Побѣдоносцевъ.

— Кто въ сообществѣ со своимъ другомъ В. К. Плеве устраивалъ избіеніе евреевъ?

— Кто наложилъ свою руку на имущество армянскихъ церквей и заставилъ Кавказъ купаться въ океанахъ крови?

— К. П. Побѣдоносцевъ.

А вспомните тѣ гоненія, ту дикую травлю, которую предпринялъ К. П. Побѣдоносцевъ въ своихъ охотахъ за старообрядцами.

Вспомните, какъ по порученію К. П. Побѣдоносцева, казаки громили Никольскій скитъ (въ Кубанской области). Вспомните, какъ, не удовольствуясь насиліемъ надъ живыми, онъ вымещалъ свою злобу на мертвыхъ...

И вотъ теперь онъ сошелъ со сцены русской жизни...

Сошелъ почти одновременно съ другимъ злымъ геніемъ Россіи (только, конечно, въ меньшемъ масштабѣ) г. Клейгельсомъ...

Брыжжетъ разсвѣтъ...

Смута также помогла разрѣшить жгучій вопросъ: *Куда уходятъ народныя деньги?*—Мы уже сообщали, какъ ген. Куропаткину оставили 120.000 р. жалованья главнокомандующаго, какъ десятки тысячъ шли для переѣзда генераловъ изъ квартиръ. Теперь на сцену выступаютъ новые факты. Оказывается, за труды по управленію покойный М. М. Драгомировъ, до самой смерти проживая въ Конотопѣ, получалъ 43,120 р. въ годъ, ген.-адъютантъ Кахановъ 21,000, ген.-адъютантъ графъ Шуваловъ 20,000 р., баронъ Таубе 20,500 р. Названныя лица—члены государственнаго совѣта, нормальный же окладъ годового содержанія государственнаго совѣта выражается въ суммѣ 12,000 р. Наконецъ, въ газетахъ появилось извѣстіе, что г. Побѣдоносцевъ получилъ въ пожизненное обладаніе домъ духовнаго вѣдомства, въ которомъ онъ жилъ ранѣе. На „содержаніе" этого дома будетъ по прежнему же отпускаться 30 тысячъ рублей въ годъ въ видѣ воздаянія за особыя заслуги Побѣдоносцева передъ государствомъ. „Сынъ Отеч." по этому поводу пишетъ. „Какъ бы ни были велики эти „заслуги", а думается, что нарушать законы все-таки не слѣдуетъ: за свою службу г. Побѣдоносцевъ можетъ разсчитывать только на пенсію, и нигдѣ въ законѣ не указано, что отставные оберъ-прокуроры должны получать дома для жительства да еще по 30 тысячъ „на штукатурку". Но, спрашивается все таки, какимъ же образомъ столь безцеремонное отношеніе къ закону могло проявиться теперь, послѣ манифеста 17 октября, когда чиновная камарилья хоть изъ приличія должна бы сократить свои аппетиты? Увы! аппетиты камарильи остались прежніе, и мы на каждомъ шагу видимъ, какъ расхищается народное добро: переѣзжаетъ какой нибудь военный прокуроръ на новую квартиру—ему на „переѣздъ" (т. е. на наемъ ломовыхъ извозчиковъ?) отпускаютъ 10 тысячъ рублей; поселяется новый министръ на казенной квартирѣ—ему отпускаютъ сотни тысячъ на обстановку (у Куропаткина, говорятъ, отдѣлка одной только столовой стоила большого состоянія); уѣзжаетъ крупный чиновникъ на покой въ провинцію — ему назначаютъ 40, 50 и 70 тысячъ годового содержанія. И такъ на каждомъ шагу: аренды, сумасшедшія пенсіи, единовременныя пособія, суммы „на представительство", суммы въ безотчетное распоряженіе и вообще суммы, суммы, суммы! Если же ко всѣмъ этимъ тратамъ, производящимся гласно и якобы на основаніи закона, присовокупить все то, что было украдено и что нагло расхищается теперь, то въ конечномъ итогѣ получится такая цифра, отъ которой можетъ потемнѣть въ глазахъ. А мужикъ между тѣмъ кряхтитъ и по копѣечкѣ, по грошику насыпаетъ золотую гору для прожорливой стаи хищниковъ: исправники выколачиваютъ подати, взыски-

вают недоимки, продают съ аукціоннаго торга мужицкіе самовары, уводятъ съ мужицкаго двора коровъ—и все это для того, чтобы камарилья строила себѣ дворцы, покупала дачи любовницамъ и, по горло зарывшись въ чужія деньги, помыкала народомъ и разстрѣливала его за „бунты"!

Какой чудовищный позоръ и какая жестокая наглость!

„Но скоро, скоро ужъ придетъ конецъ этому золотому вѣку безстыдства и скоро нашъ народъ повторитъ то же самое, что кричалъ французскій народъ своей камарильѣ: „Каналья, ты ѣшь мой хлѣбъ"!..

Кстати, ужъ прибавимъ, что благодаря той же „смутѣ" и вызванной ею къ жизни свободной печати мы обязаны раскрытіемъ тайны, окутывавшей исторію бывшаго начальника охраннаго отдѣленія Судейкина и бѣгство Дегаева. Эти любопытныя страницы недавней исторіи Россіи получили теперь нѣкоторое освѣщеніе въ „Сарат. Дневникѣ".

„Кто можетъ повѣрить,—читаемъ мы въ этой газетѣ,—что одно время полиція руководила дѣйствіями „исполнительнаго комитета", имѣвшаго цѣлью освобожденіе Россіи путемъ террористическихъ покушеній на высокопоставленныхъ лицъ.

„Конечно, полиція-то при этомъ имѣла въ виду не освобожденіе Россіи, а свои собственныя цѣли.

„Кто повѣритъ, что агенты полиціи подготовляли покушеніе на В. К. Плеве и великаго князя Владиміра Александровича?

„Между тѣмъ все это было, и потому что все это уже въ исторіи, никто не въ силахъ снять съ русской полиціи этого клейма, какъ дѣлаются попытки снять клейма, только что положенныя.

„Въ восьмидесятыхъ годахъ, когда реакція задушила освободительное движеніе, во главѣ его осталась горсточка людей, среди которой, къ несчастію, замѣшался предатель провокаторъ по фамиліи Дегаевъ.

„Онъ вошелъ въ сношенія съ жандармомъ Судейкинымъ и выдалъ ему всѣхъ членовъ исполнительнаго комитета.

Этими цѣнными данными „самоотверженный" и „преданный долгу" жандармъ рѣшилъ воспользоваться для собственной карьеры.

„Дѣло было задумано тонко.

„Прежде всего рѣшено было, что Дегаевъ устроитъ ложное покушеніе на самого Судейкина. Покушеніе не удается. „Потрясенный" этимъ, Судейкинъ долженъ былъ заболѣть. Въ это время „исполнительный комитетъ" долженъ былъ организовать покушеніе на Д. А. Толстого, министра внутреннихъ дѣлъ.

Послѣ этого убійства Судейкинъ предполагалъ выздоровѣть, при помощи Дегаева открыть убійцъ и отправить ихъ на висѣлицу.

Утомленный „самоотверженной" дѣятельностью, Судейкинъ попалъ-бы въ отставку и, награжденный генеральскимъ чиномъ (онъ на это надѣялся), уѣхалъ-бы въ деревню.

Въ это время Дегаевъ долженъ былъ организовать два новыхъ покушенія: на В. К. фонъ Плеве—тогда только что начинавшаго жандармскую карьеру, и великаго князя Владиміра Александровича.

Къ кому бы обратилось русское правительство послѣ совершенія этихъ двухъ страшныхъ покушеній?

Разумѣется—къ Судейкину.

Вѣдь, онъ уже однажды разоблачилъ организованное покушеніе на графа Д. А. Толстого. Его, а никого другого, призвало-бы правительство въ трудную минуту. Судейкинъ при помощи того-же Дегаева накрылъ-бы всю революціонную организацію и перевѣшалъ-бы всѣхъ членовъ „исполнительнаго комитета". Въ награду за это Судейкинъ разсчитывалъ получить постъ диктатора съ неограниченными ничѣмъ полномочіями, а предателя Дегаева обѣщалъ назначить директоромъ департамента полиціи.

Такимъ образомъ, во главѣ русскаго правительства, устранивъ власть самодержавнаго царя Александра III, очутился-бы убійца двухъ важныхъ чиновниковъ и великаго князя, а во главѣ полиціи сталъ-бы бывшій революціонеръ и организаторъ убійствъ Дегаевъ.

Выработавъ этотъ планъ, заговорщики приступили къ его исполненію. Судейкинъ снабжалъ Дегаева казенными деньгами на поѣздки внутрь Россіи и заграницу, платилъ Дегаеву жалованье, выдавалъ ему и другимъ нелегальнымъ лицамъ паспорта.

Но довести этотъ дьявольскій планъ до конца не удалось.

Даже предатель Дегаевъ не выдержалъ

той бездны гнусности, куда его влекъ чиновникъ русской полиціи...

Судейкинъ погибъ прежде, чѣмъ ему удалось осуществить свой сатанинскій планъ.

II.

„Смута“ разъяснила и вывела на свѣтъ Божій много. А бюрократія по прежнему только затемняетъ все.

Манифестъ 17 окт. и позже не переставалъ служить поводомъ къ недоразумѣніямъ, не смотря на изданное вскорѣ послѣ него Правительственное Сообщеніе, что всѣ „свободы“, обозначенныя Манифестомъ, только *обѣщаны*, а *не даны уже*, что „все будетъ дано“, когда „возстановится порядокъ“ (обычная бюрократическая увертка).

И все-таки нѣкоторые органы печати продолжаютъ называть актъ 17 окт. россійской „конституціей“, признавая, что „этимъ актомъ Самодержавная власть сама себя ограничила“.

На этомъ основаніи, напр., газета „Слово“ называетъ даже „не конституціоннымъ“ изданный чрезъ 5 дней, 22 окт. Манифестъ объ отмѣнѣ объявленныхъ въ ген.-губернаторство Бобрикова исключительныхъ законовъ для Финляндіи (3 февр. 1899 г., 12 іюня 1901 г. и 31 іюня 1902 г.) и возстановленіи конституціоннаго режима, бывшаго въ Финляндіи до Бобрикова.

Другая газета „Новости“, точно также находитъ неконституціоннымъ Правительственное Сообщеніе 31 окт. о введеніи военнаго положенія въ 10 губерніяхъ Привислинскаго края Царства Польскаго). „Правительству,—говорятъ „Нов.“,—не слѣдовало забывать, что послѣ манифеста 17-го окт., оно не только лишилось права отмѣнять гдѣ-либо общія гражданскія права, но и *не имѣетъ права* разрѣшать безъ согласія народнаго представительства какіе-либо учредительные вопросы, какъ въ частностяхъ, такъ и, тѣмъ болѣе, въ принципѣ“.

„Даже если допустить, что въ Россіи продолжаетъ существовать самодержавіе, и то дѣйствіе манифестовъ не можетъ быть ни отмѣняемо, ни отсрочиваемо иначе, какъ Высочайшими-же повелѣніями, а безыменнаго „правительственнаго сообщенія“ для этого недостаточно“.

Оба органа прессы, какъ видно, не хотятъ понять, что *никакой конституціи на самомъ дѣлѣ нѣтъ*, что она только обѣщана и войдетъ въ силу („никакой законъ не войдетъ въ дѣйствіе безъ согласія Думы“) *только* по собраніи Думы. А когда она соберется, еще Богъ вѣсть.

Нѣтъ пока и „свободъ“: онѣ должны явиться однимъ изъ первыхъ актовъ новаго высшаго правительства, котораго, судя по всему, до 17 окт. *не существовало*: оно явилось съ утвержденія гр. Витте Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и съ организаціей этого Совѣта. А Совѣтъ и до сихъ поръ не сорганизованъ; гр. же Витте пока не торопится съ объявленіемъ обѣщанныхъ свободъ: „порядокъ-де не возстановленъ“.

И кончится дѣло, пожалуй, тѣмъ, что всѣ „свободы“, какъ и свободу печати и сходокъ возьмутъ насильно, когда *въ дарованіи ихъ* и нужды не будетъ. Но это, понятно, нисколько не измѣняетъ существа дѣла, что *никакой конституціи нѣтъ пока*, какъ ясно говоритъ и Манифестъ 17 окт., и послѣдовавшее за нимъ правительственное разъясненіе.

Любопытно, между тѣмъ, что даже смиренные „мнихи“, люди, „отрекшіеся отъ міра и всѣхъ прелестей его“, впадаютъ въ ту же ошибку, что и газеты. Такъ, сообщаютъ, что одинъ изъ петербургскихъ викаріевъ, еп. Антонинъ, на дняхъ, во время богослуженія, *отказался* поминать Государя, какъ Самодержца, заявивъ въ Синодѣ (куда его призвали „для братскаго внушенія“), что съ изданіемъ Манифеста 17 окт. Государь Императоръ пересталъ быть Самодержцемъ!

Возвращаясь къ актамъ о Польшѣ и Финляндіи (22 и 31 окт.), мы должны заявить, что Манифестъ 17 окт. въ сущности *въ настоящемъ* ничего не измѣнилъ, а потому акты 22 и 31 окт. являются, *съ юридической стороны, вполнѣ законными*, и странно бы оспаривать ихъ законность, какъ *актовъ Самодержца. Съ практической стороны* мы думаемъ, что акты эти изданы *поспѣшно:* ибо, разъ Государь, *съ объявленіемъ Думы, ограничиваетъ* свою власть, то всѣ важнѣйшія государственныя дѣла (къ какимъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и актъ о Финляндіи) *могли бы быть отложены до Собранія Госуд. Думы.*

Равнымъ образомъ могъ быть отложенъ до той же поры и актъ о Польшѣ.

Что же касается до замѣчанія „Новостей", то этимъ актомъ будто бы узурпированы Высочайшія права, разъ Самодержавіе еще существуетъ, то оно опять таки въ корнѣ неправильно: разъ Манифестомъ 17 окт. *ничего пока не было дано*, слѣд., и Польшѣ, то и отмѣнять (Правительственнымъ распоряженіемъ 31 окт.) Манифестъ 17 окт. было нечего: вѣдь, „свободы" Правительство не дало еще, слѣд., и объявленіе репрессіи Польшѣ *съ юридической стороны* было правильно.

Мы нарочно такъ долго останавливаемся *на юридическомъ значеніи* Манифеста 17 окт., чтобы выяснить настоящую точку зрѣнія, которая теперь, въ пылу страстей, повидимому, часто совершенно теряется.

Другое дѣло—*практическая сторона*. О, она громадна! И понятый, какъ *не слѣдуетъ*, Манифестъ 17 окт. сыгралъ странѣ большую роль. Онъ наполнилъ гордымъ сознаніемъ близкаго успѣха смѣлыя сердца борцовъ за свободу, онъ сплотилъ воедино всѣхъ передовыхъ людей, онъ заставилъ примкнуть къ движенію прогрессистовъ робкія, еще колебавшіяся души (а ихъ неисчислимыя массы), но... за то онъ же, этотъ знаменательный актъ 17 окт. обнаружилъ для всей Россіи силу черной рати; онъ вывелъ на свѣтъ всѣхъ таившихся въ тиши участковъ и т. п. учрежденій злобно-шипящихъ гадовъ, поклонниковъ мрака и насилія,—и многострадальная исторія Русской революціи увеличилась новою кровавою страницею, а длинный списокъ мучениковъ за свободу — новымъ мартирологомъ... уже не отдѣльныхъ личностей, а цѣлыхъ городовъ, залитыхъ кровью.

Говорятъ, каждая страна хоть разъ въ своей жизни испытала эти ужасы; въ одномъ мѣстѣ (Швеція) они перешли въ исторію подъ названіемъ „Шведской кровавой бани", въ другой (Франція)—Варѳоломеевской ночи, въ третьей (Италія)—Сицилійской вечерни. Ну, а великая Россія въ этомъ отношеніи превзошла всѣхъ: у нея на пространствѣ 4—5 дней разомъ явились и „бани", и „ночи", и „вечерни", все вмѣстѣ.

Кровью заливались цѣлые десятки городовъ; ужасы свирѣпыхъ насилій испытали десятки тысячъ народа... Словно вернулись времена Опричины Грознаго, когда на утѣху кровожадной челяди отдавались цѣлыя области,—а кровожадный и въ то же время трусливый тиранъ дрожащею рукою, еще пахнувшею человѣческою кровью, теряя счетъ своимъ жертвамъ, лицемѣрно вписывалъ въ свой неразлучный синодикъ: „помяни, Господи, убіенныхъ мною, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси"...

Но Иванъ былъ великъ и въ жестокости, и въ покаянномъ смиреніи. Нынѣшніе же убійцы и насильники, превзойдя своего учителя въ трусости, прячутся за спины другихъ и только себя изобличаютъ въ полномъ ничтожествѣ. Ихъ кровожадность—просто торгашеская сдѣлка наемныхъ убійцъ (итальянскихъ браво), ихъ политика — политика человѣческихъ выродковъ, цинично говорившихъ: „послѣ насъ—хоть потопъ"...

Тѣнь Грознаго царя содрогается при видѣ этихъ безсмысленныхъ жестокостей, направленныхъ на невинныхъ людей съ гадкимъ чувствомъ животнаго страха даже не за свою шкуру, нѣтъ... за возможность еще въ продолженіе нѣкотораго времени имѣть возможность сладко пить и ѣсть.

Это — братоубійцы Каины, ослѣпленные злобнымъ чувствомъ зависти, это—Іуды-предатели, продавшіе за 30 сребренниковъ Человѣка-Бога, это—фарисеи, нагло промѣнявшіе на разбойника Носителя Высшей Правды...

Болѣзненно мнительный Иванъ IV былъ звѣрски кровожаденъ, но онъ умѣлъ и искренно каяться, онъ испытывалъ угрызенія совѣсти, приносившія ему, можетъ быть, не меньшія страданія, чѣмъ мученія, испытываемыя жертвами его жестокости.

А чувствуютъ ли хоть какія нибудь угрызенія современные опричники и палачи? Тяготитъ ли ихъ пролитая кровь?..—Навѣрно, нѣтъ: вѣдь, и для угрызеній совѣсти нужно имѣть *душу*, а ея то и нѣтъ у нихъ: брюхо заполнило у нихъ все существо, подобно тому, какъ у нѣкоторыхъ животныхъ (коловратокъ) все существо самца превратилось, за ненадобностью другихъ органовъ, въ одинъ производительный аппаратъ. Современные опричники ушли не далеко отъ этихъ ничтожныхъ животныхъ: и у нихъ только брюхо и этотъ аппаратъ...

И этимъ субъектамъ (названіе „человѣка" черезчуръ почетно для нихъ) поручено было

„возстановлять порядокъ"! Они и „возстановили", по своему, конечно, оставивъ за собою тысячи убитыхъ, десятки тысячъ раненыхъ, раззоренныя жилища, погромъ, пожары и раззореніе.

Вотъ онъ, этотъ зловѣще краткій, но небывало страшный мартирологъ городовъ, гдѣ происходили указываемые ужасы:

Н.-Александрія, Любл. губ. (19 окт.), Аккерманъ, Бесс. губ. (23 окт.), Армавиръ, Куб. обл. (25 окт.), Бахмутъ, Екатер. губ. (21 окт.), Балта, Под. губ. (22 окт.), Баку, Брянскъ, Орл. губ. (22 окт.), Великія-Луки, Пск. губ. (20 окт.), Вольскъ, Сарат. губ. (23 окт.), Вильна, (19 окт.), Винница, Под. губ. (21—22), Вязьма, Смол. губ., (19 окт.), Гадячъ, Полт. губ. (21—22), Геническъ, Тавр. губ. (20), Голта, Херс. губ. (22), Екатеринославъ (22), Елизаветградъ (19—23), Золотоноша, Полт. губ., Иваново-Вознесенскъ, Влад. губ., Казань (20—23), Каменецъ-Подольскъ (20), Кіевъ (19—23), Кишиневъ (19—21), Клинецъ, Черн. губ. (21), Козелецъ, Черн. губ. (23), Кострома (20), Кривой Рогъ (31), Кременчугъ, Полт. губ. (20—22), Кролевецъ, Чер. губ. (23), Кронштадтъ (24—27), Курскъ (23), Кутаисъ, Мардаровка, Херс. губ. (23), Маріуполь, Мглинъ (20), Минскъ, Москва, Никополь, Херс. губ. (23), Николаевъ, (19—21), Новорыбковъ, Черн. губ. Новгородъ-Сѣверскъ (19—21), Обухово, Кіевск. губ. (22), Одесса (20—23), Ольвіополь, Херс. губ. (22), Орелъ (20—21), Орша, Мог. губ. Раздѣльная, Херс. губ. (22), Ромны, Полт. губ. (19—23), Ростовъ на Дону (22), Саратовъ (19), Севастополь (20), Семеновка, Черн. губ. (27), Симферополь, Смоленскъ (19), Стародубъ (20), Судажъ, Черн. губ. (23), Тверь, Тирасполь, Херс. губ., Тифлисъ, Томскъ, Умань, Кіев. губ. (21), Харьковъ, Херсонъ, Ярославль, (20—21), Юзовка, Екатер. губ. (22), Феодосія (20—23).

63 города и селенія, изъ нихъ чуть не половина (28) губернскихъ, гдѣ жертвъ погрома были тысячи; больше всего въ Одессѣ (600 убитыхъ и 5000 чел. ранено), въ Томскѣ (500 убито и 1000 ранено), въ Феодосіи (до 400 *сожжено живыхъ*). И какое утонченно-жестокое разнообразіе проявляли сторонники „порядка": они „наводили порядокъ", то разстрѣливая изъ орудій цѣлые дома (въ Одессѣ), то поджигая громадные дома съ обитателями, женами и дѣтьми и *кидая въ огонь* спасавшихся (въ Феодосіи и Томскѣ).

Простится ли эта страшная жертва Молоху убогимъ выродкамъ Ивановыхъ опричниковъ? Грозный хоть оправдывалъ свои звѣрства политикой и государственными интересами, а чѣмъ оправдаются эти ублюдки—Каины? Земля содрогается отъ ихъ злодѣйствъ, и изъ поколѣнія въ поколѣніе перейдетъ проклятое имя опричника XX вѣка, заклейменное позоромъ всеобщаго презрѣнія. Богъ и люди проклянутъ ихъ, а земля не приметъ въ свои нѣдра смрадные останки этихъ чудовищъ XX вѣка.

Въ назиданіе потомству и въ поученіе Европы мы приводимъ здѣсь, въ качествѣ образца, подлинное описаніе очевидца (изъ „Сам. Газ.") объ одномъ такомъ сатанинскомъ дѣлѣ именно, — *о сожженіи гражданъ г. Томска*:

„19 октября въ томскомъ городскомъ театрѣ состоялся огромный митингъ: присутствовало на немъ тысячъ 5—6 человѣкъ. Этотъ митингъ былъ вызванъ избіеніемъ казаками учащихся на Воскресенской горѣ, гдѣ кромѣ учащихся были избиты присяжный повѣренный Вологодскій и предсѣдатель томскаго окружнаго суда г. Витте (дѣло происходило около зданія суда), пытавшіеся заступиться за дѣтей. На митингѣ присутствовала приглашенная городская дума, которая обѣщала принять противъ лихихъ казацкихъ наѣздовъ и полиціи самыя рѣшительныя мѣры. Эти мѣры вылились въ такую форму: потребовать немедленнаго удаленія казаковъ, привлечь къ уголовной отвѣтственности полиціймейстера Никольскаго, управляющаго избіеніемъ дѣтей, и потребовать немедленнаго удаленія его; образовать городскую милицію изъ 100—200 человѣкъ.

Здѣсь же на митингѣ былъ оглашенъ и Высочайшій манифестъ. Присутствовавшіе на митингѣ рѣшили собраться на другой день въ 3 часа, но, увы, не суждено было исполниться этому рѣшенію. Съ утра 20 октября стали носиться слухи о готовящемся избіеніи черной сотней студентовъ, евреевъ и интеллигенціи. Въ средѣ темнаго люда стали упорно распускать слухи, будто въ соборѣ одинъ изъ студентовъ выстрѣлилъ въ образъ Николая Чудотворца, а купецъ Кутеринъ, запасшись разрѣшеніемъ губернатора и благословеніемъ архіерея Макарія, рѣшилъ устроить патріотическую манифестацію; для того, чтобы патріоты держали себя во время шествія развязнѣе, организаторъ выкатилъ имъ бочку вина. Около полицейскаго управленія манифестанты получили портретъ Государя и подкрѣпленіе изъ переодѣтой полиціи. Взвились національные флаги, и выпившая кампанія тронулась на Почтамтскую улицу, дошла до дома городской управы и начала выбивать окна и ломиться въ двери, чтобы уничтожить крамолу, свившую себѣ

здѣсь да въ городскомъ театрѣ гнѣздо. Какъ разъ въ это время въ городской управѣ шла раздача револьверовъ и повязокъ городской милиціи. Милиціонеры дали по воздуху нѣсколько выстрѣловъ—черная сотня оставила аттаку управы и направилась къ собору. Около архіерейскаго дома толпа остановилась: на балконѣ появился благословляющій владыка, который, кстати сказать, передъ тѣмъ говорилъ съ церковной кафедры, что русскій истинный народъ долженъ въ настоящую трудную минуту сплотиться и употребить всѣ усилія для уничтоженія крамолы. Получивъ благословеніе, толпа пошла дальше, къ собору, служить молебенъ. За толпой слѣдовала изъ управы милиція. На углу Соборной площади черносотенцы набросились на милицію и одного изъ милиціонеровъ ударили коломъ. Милиція дала залпъ, и толпа прекратила нападеніе. Явились нѣсколько ротъ солдатъ и сотня казаковъ. Командующій войсками заявилъ, что онъ разстрѣляетъ милицію, такъ какъ она не утверждена губернаторомъ. (Тотъ же самый губернаторъ, Азанчевскій, выразилъ наканунѣ городской депутаціи свое удовольствіе по поводу учрежденія городской милиціи). Чтобы спастись отъ солдатскихъ пуль, милиція, состоящая изъ 54 человѣкъ, скрылась въ желѣзно-дорожный домъ службы пути и тяги; сюда же скрылись нѣсколько сотъ гражданъ, спасшихся отъ избіенія, происходившаго послѣ молебна на глазахъ у всѣхъ войскъ; въ этомъ же зданіи находились также и желѣзнодорожные служащіе, получавшіе въ этотъ день жалованье,—такъ что всего народа набралось сотъ до шести человѣкъ. Послѣ заявленія командующаго войсками темная сила почувствовала себя госпожей положенія. Началась правильная осада: съ одной стороны расположились войска, съ другой казацкая сотня, а впереди нихъ озвѣрѣвшая чернь, которая рыскала по площади и убивала студентовъ; стоило только показаться синему околышу студенческой фуражки, какъ можно было, не глядя сказать, что однимъ борцомъ за свободу стало меньше. Кровь стынетъ, когда вспомнишь кровавыя картины, происходившія на площади и около нея: вотъ на снѣгу валяется истязаемый студентъ, вокругъ него лужа крови, онъ еле дышетъ, а на него со всѣхъ сторонъ сыплются удары: бьютъ ножками столовъ, кольями, желѣзными пластинами, пинками... Озвѣрѣлая толпа оретъ: „вамъ Самодержавія не надо"... „Да, не надо! Помните", говоритъ костенѣющимъ языкомъ студентъ, и тутъ же получаетъ такой ударъ коломъ по головѣ, что отъ нея остается какая то безформенная масса... Вотъ бѣжитъ гимназистка подростокъ, и ее буквально раздираютъ на двое... Вдали убѣгаетъ отстрѣливаясь изъ револьвера кассиръ Генеральнаго общества страхованія жизни Донинъ, но онъ не ушелъ: его догналъ казакъ, взмахомъ шашки разсѣкъ ему черепъ, и мозгъ и кровь смѣшались со снѣгомъ... А тамъ еще и еще жертвы свободы. Но большой ужасъ около дверей желѣзнодорожнаго дома: тамъ масса труповъ. Выбѣгающій ловится, обирается до нитки и убивается.

Пріѣхалъ Губернаторъ и предложилъ осажденнымъ выйти къ озвѣрѣлой толпѣ. Одинъ инженеръ (не помню его фамиліи), получилъ честное слово отъ Губернатора, что будетъ спасенъ, попытался выйти изъ зданія и былъ на глазахъ у администраціи и войска растерзанъ толпой... Толпѣ, наконецъ, надоѣли отдѣльныя жертвы: она рѣшила разомъ уничтожить всѣхъ крамольниковъ. Раздался звонъ ко всенощной, звонъ смиряющій,—и желѣзнодорожныя зданія нижній этажъ освѣтился зловѣщимъ заревомъ. Огненные языки забѣгали по всѣмъ направленіямъ, густые облака дыма душили укрывшихся въ верхнихъ этажахъ, въ окнахъ замелькали человѣческія фигуры, запахло жаренымъ мясомъ, и понеслись душу раздирающіе вопли, а толпа кричала: „Ура, да здравствуетъ свобода"... Вотъ изъ окна показывается какая то женская фигура, она пытается по водосточной трубѣ спуститься съ третьяго этажа, раздается выстрѣлъ, женщина спускается, другой—женщина цѣла, третій—и жертва при дикомъ хохотѣ падаетъ мертвой къ ногамъ убійцъ. Изъ другого окна мужчина съ поразительной цѣпкостью пробирается на крышу, бѣжитъ по ней, выстрѣлъ,—и несчастный скатывается въ водосточный желобъ; огненные языки, выбиваясь изъ подъ крыши, лижутъ его, но онъ не чувствуетъ, его уже не стало... Тамъ на крайнемъ углу въ окнѣ показываются двѣ фигуры, мужчина и женщина, еще моментъ,—и они въ объятіяхъ бросаются внизъ: лучше разбиться о камни... Фигуры людей продолжаютъ мелькать; казаки, соскучившись ожиданіемъ, даютъ залпы по окнамъ, и несчастные, обреченные все равно на гибель, гибнутъ отъ казацкихъ пуль... Наконецъ, потолокъ зданія обрушивается и погребаетъ всѣхъ, кто не успѣлъ разбиться или погибнуть отъ пули. Толпа ликуетъ. Сходится въ кружки и рѣшаетъ собраться на завтра. Уже утро. Догораетъ и театръ. Въ немъ не было замѣчено людей, но его всетаки сожгли, какъ мѣсто преступныхъ митинговъ. Послѣ пожара, въ подвалѣ театра оказалось шесть живыхъ человѣкъ, четверыхъ спасли солдаты, а двоихъ убила черная сотня.

21 октября начался погромъ еврейскихъ магазиновъ. Разгромили магазины „Слосманъ и Шуръ", Заславскаго и др. Громилы ходили съ портретомъ Государя и иконой Николая Чудотворца, подносили къ намѣченному магазину портретъ Государя, ставили его около стѣнки, снимали шапки, крестились, цѣловали Николая Угодника и принимались за топоры и ломы. Имъ помогали и казаки. Въ деревни награбленное увозилось возами, въ Томскѣ за истокомъ (окраина) образовались цѣлые склады. Золото продавалось за безцѣнокъ: золотые часы, напр., навязывались за 2—3 рубля; студенческая же форма въ магазинахъ уничтожалась. 22 октября начался погромъ еврейскихъ домовъ: тамъ не только грабили, но били и убивали. Такъ происходило до 2-хъ часовъ дня; съ этого времени власть надъ Томскомъ была передана начальнику мѣстнаго гарнизона, громилы моментально были успокоены, и на другой день при осмотрѣ солдатскихъ ружей 26 изъ нихъ оказались съ разбитыми прикладами.

Николай Романовъ.

Что можно прибавить еще къ этому страшному разсказу?

„Гдѣ же однако, завязка этихъ кровавыхъ

трагедій—спрашиваетъ „С.-Отеч.“—Гдѣ прологъ ея? Кто виноватъ въ этой ворвавшейся въ наше столѣтіе средневѣковой рѣзнѣ“?

И даетъ на нихъ слѣдующій отвѣтъ:

„Судебное слѣдствіе уже раскрыло скрытый механизмъ этихъ дней „краснаго смѣха“, и имена главныхъ виновниковъ почти у всѣхъ на устахъ. Они сами выдали себя съ головой... Двойственная политика правительства была слишкомъ ясна. Тайныя намѣренія сильной придворной партіи не скрылись ни отъ европейской печати, ни отъ русскихъ прогрессивныхъ газетъ. Для всѣхъ было ясно: если бы правительство не мечтало о возвратѣ утерянной власти, оно не вело бы двойственной опасной игры. Если бы правительство твердо стало на путь конституціонныхъ реформъ, оно не продолжало бы держаться системы излюбленныхъ имъ полумѣръ“.

„Мы еще не забыли, съ какой свирѣпой энергіей разгонялись самыя невинныя сходки совершенно мирныхъ людей. Мы еще не забыли, какими геройскими средствами подавлялись всякія попытки народа мирнымъ путемъ исходатайствовать у самодержавія хоть небольшое улучшеніе судьбы“.

„Почему же теперь у правительства опустились вдругъ руки? Почему не было принято цѣлыми днями никакихъ ни рѣшительныхъ, ни предохранительныхъ мѣръ? Почему армія была безучастной свидѣтельницей грабежей и насилій, и провинціальные представители правительственной власти во многихъ городахъ сами вели черныя сотни и войска на погромъ?“

„Неужели, словно по щучьему велѣнію, во всей странѣ чуть ли не въ одинъ день самъ собой загорѣлся пожаръ?“

„Да, мы знаемъ, что народъ теперь возбужденъ и жадно ловитъ всякіе слухи, что онъ представляетъ темную массу, которую легко вызвать на всякій погромъ. *Мы знаемъ, что обновленіе жизни выброситъ на улицу цѣлый штатъ людей, служившихъ для поддержки самыхъ гнусныхъ сторонъ сгнившаго строя и озлобленныхъ противъ всякихъ реформъ*. Мы знаемъ, наконецъ, что самодержавные сатрапы отданныхъ на съѣденіе губерній не могутъ особенно привѣтствовать законный порядокъ, ограничивающій ихъ безконтрольную власть.

...„Но мы не знаемъ, были ли посланы секретные циркуляры въ тотъ день, когда явно былъ обнародованъ манифестъ... Трудно повѣрить, чтобы господа губернаторы сами осмѣлились игнорировать этотъ обязательный для нихъ правительственный актъ. Трудно повѣрить, чтобы господа провинціальные сатрапы осмѣлились безъ тайныхъ инструкцій издавать безсмысленные приказы, закрывать газеты, запрещать собранія; чтобы они осмѣлились съ неслыханной наглостью становиться во главѣ черныхъ сотенъ и направлять армію не на защиту мирныхъ гражданъ, а на поддержку нападеній сформированныхъ самой полиціей хулиганскихъ командъ. Мы не вѣримъ, чтобы полиція безъ вѣдома власти съ откровеннымъ безстыдствомъ смѣла бы составлять свои проскрипціонные списки интеллигенціи, студентовъ и евреевъ; чтобы вся черносотенная контръ-революція велась открыто у всѣхъ на глазахъ; чтобы весь правительственный механизмъ безъ молчаливаго согласія сверху могъ смѣло вести разрушеніе истекающей кровью страны.

„Одно изъ двухъ: или, фальсифицируя голосъ народа черной контръ-революціей, администрація желаетъ вернуть прежнюю власть, или у правительства нѣтъ силъ укротить развращенныхъ сатраповъ, шпіоновъ и всю эту черную армію, которая у самодержавія такъ долго была правой рукой. Если вѣрно первое, если цѣною гибели лучшихъ силъ страны хотятъ создать новое царство позора и тьмы, жаждущіе этого сами подписываютъ свой приговоръ. Если же вѣрно второе, если наверху нѣтъ ни рѣшимости, ни силы пойти новымъ путемъ, самъ народъ, не ожидая оффиціальныхъ повѣстокъ, долженъ взять въ свои руки успокоеніе страны. Народъ долженъ стянуть всю Россію сѣтью однородныхъ союзовъ и клубовъ, покрыть всю страну тысячами стрѣлковыхъ обществъ и вооруженныхъ дружинъ; онъ долженъ создать свой центральный органъ, который вырвалъ бы жизнь изъ водоворота кровавыхъ событій и подготовилъ бы созывъ учредительнаго собранія на основѣ провозглашенныхъ всей страною избирательныхъ правъ“.

Что ждетъ нашу несчастную родину впереди,—неизвѣстно. Но всѣ данныя говорятъ за то, что погромы — только прологъ того рѣшительнаго сраженія, къ которому гото-

вится отживающій бюрократическій строй противъ новыхъ вѣяній. По всей вѣроятности предстоятъ новые ужасы, новые погромы. Бюрократія, несмотря на уроки, видно, не хочетъ еще признать себя побѣжденной. Она прибѣгаетъ къ новымъ увверткамъ, новымъ злокозненнымъ планамъ своей іезуитской политики. Тутъ все: и пуганіе ужасами, и льстивыя увѣщанія, и обѣщанія, обѣщанія безъ конца.

„Обѣщать все, что угодно, и, по возможности, меньше исполнять",—вотъ ея лозунгъ. И обѣщаютъ, а потомъ заявляютъ, что обѣщанное будетъ дано только тогда, когда возстановится порядокъ. А такъ какъ послѣднее дѣлается такъ, что „порядокъ" все болѣе и болѣе нарушается, то и исполненіе обѣщаній все затягивается. Наконецъ, доносятся тревожныя вѣсти, будто бы отъ самого Витте: „Россія еще не созрѣла для свободы; ея желаетъ только кучка революціонеровъ".

Какъ, а грандіозныя стачки рабочихъ, а постановленіе 20 союзовъ, насчитывающихъ тысячи членовъ? Неужели и это—только кучки? Кого же тогда считать за народъ: мелкихъ лавочниковъ, мясниковъ, хулигановъ, полицію?!!

Между тѣмъ смута все болѣе охватываетъ государство.

Теперь уже „крамольничаетъ" и простой народъ, мужики—землеробы, эти безотвѣтные, забитые селяне, которые, по властному призыву Грингмутовъ, Мещерскихъ и К°, должны ополчиться на измѣнниковъ интеллигентовъ, задавшихся коварною цѣлью лишить мужиковъ тѣхъ драгоцѣнныхъ правъ, какими они владѣютъ. А „права" эти, дѣйствительно, такъ велики, что не жаль „и животы свои положить за нихъ". Въ самомъ дѣлѣ, право *своего* суда, праваго, милостиваго (хотя и направляемаго отеческою дланью „земскаго", а то и —ведеркомъ другимъ водки), право на *свою* землю (гдѣ мужику великодушно представляется право умирать голодною смертью на саженныхъ „полосахъ"), право самостоятельнаго рѣшенія *своихъ* дѣлъ... для вящщаго благополучія міроѣдовъ, право, вырабатывая на душу 20—30 руб. въ годъ, около 8 рублей отдавать въ видѣ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ... Да мало ли какія права даны русскому мужичку, лишить которыхъ покушается „подкупленная врагами отечества" интеллигенція! „Бить ихъ, воровъ—крамольниковъ",—съ пѣною у рта кричатъ „охранители" съ Страстного Бульвара и Спасской,—бить батоги нещадно"!..

И вдругъ, на глазахъ остолбенѣлыхъ „ревнителей блага отечества" декораціи картины мѣняются: послушные волѣ начальства (потому—отъ Бога установлено!) мужики начинаютъ „бить" и бьютъ основательно всѣхъ, на кого „тычутъ перстами" „охранители", а потомъ, войдя въ азартъ, совершенно неожиданно обрушиваются на „охранителей": начинается грандіозный разгромъ дворянскихъ и купеческихъ экономій, избіеніе полиціи, штурмъ полицейскихъ управленій и др. явленія въ томъ же родѣ.

„Караулъ, грабятъ",—проносится по всей странѣ. „Куда, мерзавцы?! Это—свои"! —кричатъ „защитникамъ", но расходившіяся страсти уже не поддаются ни окрикамъ, ни увѣщаніямъ, ни плетямъ, ни пулямъ. Сѣрая, зипунная армія уже совершенно ошалѣла и претъ по инерціи, не отдавая себѣ отчета въ своихъ поступкахъ. Просыпается старая, доселѣ скрывавшаяся, но никогда не угасавшая ненависть къ бѣлой кости, ненависть голоднаго брюха къ сытому. Пробуждается исконная страсть забитаго существа „потѣшиться" надъ своимъ угнетателемъ, не разбирая, гдѣ и кто онъ, является сладость самоудовлетворенія: „хоть часъ, да мой"...

„Охранители" задумываются... и начинаютъ бить отбой. Но плотина уже прорвалась, и валы катятся все дальше и дальше, широко разливаясь по необозримымъ равнинамъ. Какъ отъ камня, брошеннаго въ стоячее болото, расходятся все расширяющіеся круги, такъ и толчки, данные искусными (на этотъ счетъ) руками Грингмутовъ, Мещерскихъ и К°, распространяются все далѣе, взбудораживая болото и поднимая на ноги всѣ подонки.

„Отбой" ужъ данъ, командиры уже сами сожалѣютъ о своей необдуманной атакѣ *), а ретивые подчиненные и примкнувшіе къ нимъ добровольцы, выйдя изъ повиновенія, все еще кричатъ „бей въ мою голову", „все прощается"... Къ нимъ присоединяются

*) Хотя въ городахъ все еще не отказываются отъ нея.

и голоса тѣхъ пастырей, которые, забывъ завѣтъ Христа и слушаясь только „конфиденціальныхъ“ предписаній, разжигаютъ народныя страсти...

И бьютъ направо и налѣво: сжигаютъ хутора; палютъ заводы, дававшіе заработокъ тысячамъ народа; громятся лавки,—хулиганы торжествуютъ. А „охранители“ не знаютъ, какъ и унять свою команду...

Этого ли „порядка“ ждали „охранители“? Или мало и его, и они хотятъ, чтобы доведенный до отчаянія народъ сталъ въ конецъ истреблять себя, какъ истребляли себя фанатическіе „самосожигатели“ въ Петровское время?

Не насталъ бы конецъ народному „терпѣнію“! Разбуженная страшная мужичья сила все равно потребуетъ какого-нибудь выхода изъ своего положенія,—и едва ли казацкія плети дадутъ ей „мирное успокоеніе“: исторія Россіи уже давала намъ убѣдительные примѣры такого истощенія терпѣнія; она же, впрочемъ, указываетъ намъ и средство успокоенія, исконное, испытанное средство—Всенародный Земскій Соборъ, какъ мѣру возстановленія нарушенной непосредственной связи между народомъ и Верховнымъ Правительствомъ.

Нечего и говорить, что этотъ Соборъ долженъ быть безсословнымъ, а члены его должны быть избраны на основаніи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.

Пора же, наконецъ, понять это правительству! Чего оно боится? Вліянія крайнихъ лѣвыхъ и провозглашенія республики? Но вѣдь мужикъ вовсе не республиканецъ. Происходившій лѣтомъ въ Москвѣ 1-й Крестьянскій Съѣздъ показалъ это: не смотря на то, что сюда наѣхали самые передовые и красные крестьяне, произносившіе самые коммунистическія рѣчи (объ отобраніи безъ выкупа частновладѣльческихъ, государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ и монастырскихъ земель, — на чемъ они и порѣшили), большинство изъ нихъ высказывалось за монархію.

О республикѣ теперь нечего и мечтать: и этого не слѣдуетъ забывать нашимъ революціонерамъ. Мы понимаемъ, что въ настоящій моментъ, когда страсти разыгрываются, воображеніе работаетъ больше, и холодный разсчетъ отступаетъ на второй планъ.

Но, вѣдь, въ дѣлѣ государственномъ одного чувства мало. Нужно же, наконецъ, считаться съ данными условіями мѣста и времени. „Рабочіе желаютъ республики“!—говорятъ намъ,—„а они проявили уже свою силу“. Допустимъ. Но что такое 1—2 милл. масса рабочихъ противъ 90 милл. крестьянъ? Спросите *ихъ*, чего они желаютъ, а тогда и стройте свои планы.

Это—разъ. Затѣмъ, обратите вниманіе на любопытный фактъ въ сосѣдней странѣ. Она и меньше гораздо нашей, и культурнѣе, (тамъ *всѣ* грамотны) и однообразнѣе по составу населенія (мы говоримъ о Норвегіи). Наконецъ, она только что отдѣлилась отъ королевской Швеціи и уже по одному этому должна бы питать не особенную пріязнь къ коронѣ. И что же?—При общемъ голосованіи, по вопросу о формѣ правленія, *пять-шестыхъ* населенія высказалась за королевскую васть.

Что же толковать о насъ, когда у насъ 2 грамотныхъ на 100, пространство страны неизмѣримо, населеніе разноплеменное?!

Между тѣмъ горячія головы не хотятъ этого понять и продолжать рѣзко ставить вопросъ о республикѣ, да еще соціалистической, и этимъ прямо-таки пугаютъ не только имущіе классы, но крестьянъ, которые никогда не согласятся на соціалистическое устройство; крестьянину нужно прежде всего земли. На этомъ зиждутся всѣ его упованія. Но вовсе не слѣдуетъ думать, что, получивъ землю, онъ успокоится, какъ его заграничный собратъ. Нѣтъ, крестьянинъ пойметъ необходимость и свободы слова, свободы совѣсти, собраній и пр.

Особенно теперь, когда, въ придачу къ произволу „властей предержащихъ“, онъ на своей шкурѣ испыталъ „воздѣйствіе“ казацкихъ ордъ, избивающихъ мужчинъ, грабящихъ среди бѣла дня, насилующихъ женщинъ, словомъ, экспериментирующихъ въ духѣ „блаженной памяти“ опричнины Грознаго.

Мужикъ, въ массѣ, глубоко еще монархиченъ. Это—фактъ, съ которымъ нужно серьезно считаться.

Да не есть ли это и инстинктивное политическое чутье („гласъ народа—гласъ Божій“), вѣрнѣе понимающее положеніе дѣлъ, чѣмъ самые рьяные знатоки соціологіи?—Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить, какими некрасивыми картинами сопровождается избраніе

президента даже въ образованной Америкѣ, сколько тутъ тратится непроизводительно денегъ (избраніе, напримѣръ, нынѣшняго президента Рузвельта обошлось его сторонникамъ болѣе 100 милл. рублей), то, право, *дешевле* и проще имѣть постояннаго Главу Государства, если конечно, послѣдній живетъ въ живомъ и тѣсномъ общеніи со своимъ народомъ, если ни одинъ государственный актъ не проходитъ въ жизнь безъ согласія Государственной Думы" (см. Манифестъ 17 окт.).

Итакъ, и проще, и полнѣе, и, наконецъ, *дешевле*—конституціонно -демократическая монархія. Окраинные вопросы можно бы было довольно удачно разрѣшить объявленіемъ полной равноправности народностей и введеніемъ губернскихъ Думъ, съ губернскими конституціями. Словомъ, сохраняя Монархію, приспособить къ Россіи федеральную конституцію Сѣв. Ам. Соед. Штатовъ и конституціи отдѣльныхъ Штатовъ.

Вотъ идеалъ, къ которому, по нашему убѣжденію, должны стремиться всѣ благомыслящіе. И *честному* правительству, и его органамъ (не тѣмъ, конечно, которые устраиваютъ погромы) вся стать согласиться на это: это будетъ и спокойнѣе, и выгоднѣе для нихъ.

И это нужно дѣлать какъ можно скорѣе, иначе, пожалуй, оправдаются зловѣщія предсказанія мистера Стэда (редактора Review of Reviews), который, возвратясь изъ своей неудачной поѣздки въ Россію, говорилъ въ кругу лондонскихъ журналистовъ:

„Европѣ очень скоро придется посылать соединенныя экспедиціи въ Россію, какъ посылала она экспедиціи въ Китай во время боксерскаго возстанія. Одну экспедицію придется послать въ Петербургъ для освобожденія посольствъ, которыя народъ будетъ держать въ осадѣ, другую—въ Одессу, для умиротворенія Черноморья. О третьей экспедиціи позаботится императоръ Вильгельмъ, который водрузитъ германскій флагъ въ Варшавѣ. Въ Россіи же подымется темная масса, и тамъ погибнутъ всѣ, не облеченные въ „мужицкую одежду".

Что касается Польши, то эти предсказанія находятъ себѣ оправданіе въ темныхъ слухахъ о вмѣшательствѣ Вильгельма II и его готовности нѣмецкою силою подавить волненія русскихъ поляковъ, чтобъ „его нѣмецкимъ полякамъ не повадно было", конечно.

III.

Въ одной изъ предыдущихъ хроникъ, указывая на академическую автономію, мы говорили, что, при отсутствіи другихъ „свободъ", она можетъ повести только къ раздорамъ между профессорами и студентами.

Наши предположенія оправдались, къ сожалѣнію. Получивъ автономію, всѣ высшія учебныя заведенія, по приглашенію студенчества, скоро превратились въ арену многолюдныхъ, часто бурныхъ и безпорядочныхъ политическихъ митинговъ, гдѣ принимали участіе не только студенты, но и посторонняя публика.

Правда, эти митинги сыграли огромную роль въ обновленіи и сплоченіи нашего общества. Они заражали духомъ свободы сотни консервативныхъ элементовъ, включая городовыхъ, устроившихъ митингъ въ СПБ. Университетѣ. На митингъ являлись для цѣлей объединенія приказчики, прислуга, трубочисты, извощики... Волна освободительнаго движенія охватила всѣ слои населенія.

Но, въ то же время, нужно сознаться, академическая жизнь замерла. Профессорскія коллегіи тщетно протестовали противъ вторженія постороннихъ элементовъ въ стѣны Высш. Уч. Зав.,—ихъ не слушали. Наконецъ, гдѣ по распоряженію коллегій профессоровъ, гдѣ, чаще, по распоряженію администраціи, Высш. Уч. Заведенія были закрыты, и академическая жизнь такимъ образомъ прекратилась.

Тщетно профессора взывали къ благоразумію студентовъ. Въ отвѣтъ они получили слѣдующее письмо отъ Центральнаго Студенческаго Органа (въ Москвѣ), напечатанное въ „Русс. Вѣд." (передаемъ его вкратцѣ).

„Вы много разъ выдавали себя за защитниковъ автономнаго университета. Во имя собственнаго спокойствія и непрошенныхъ заботъ о чужой безопасности, вы продали эту автономію и находящихся въ немъ—передавъ его въ руки администраціи. Вы закрыли университетъ, игнорируя студенчество. Пусть это останется на вашей совѣсти, автономная коллегія. Закрытіе университета въ настоящее время не допустимо. Единственно имѣющее—хотя сколько-нибудь—значеніе закрытія—это настоящее тревожное

состояніе подъ вліяніемъ черносотеннаго искусственнаго движенія. Поэтому студенты не могутъ сочувствовать. Мы—пролетаріатъ, и совмѣстными усиліями въ боевой готовности должны идти съ университетомъ впереди движенія,—дать отпоръ этимъ темнымъ силамъ. Университетъ долженъ функціонировать, и наша тактика въ отношеніи использованія его останется прежняя. Закрытіе университета это услуга реакціонерамъ—это козырь въ руки черной сотни, которая можетъ поднять голову и повѣрить своимъ силамъ. Студенты, выступая на путь революціонной борьбы, требуютъ открытія университета.

Послѣднее выраженіе сразу раскрываетъ цѣль открытія—для революціонной борьбы.

„Эта тактика, — говоритъ П. Струве въ своемъ „Освобожденіи",—продиктована студенчеству соціалъ-демократической партіей и состоитъ въ томъ, чтобы сразу выливать политическую борьбу въ самыя рѣзкія формы, во чтобы то ни стало и всенепремѣнно обострять конфликты, въ томъ убѣжденіи, что изъ этихъ конфликтовъ выйдетъ „революція" со всѣми ея желательными послѣдствіями, учрежденіемъ демократической республики, и т. д.

На самомъ дѣлѣ изъ этой тактики выходитъ до сихъ поръ одно: глубокій разладъ между профессорской корпораціей и студенчествомъ и остановка академической жизни. „Демократическая республика" остается пока въ возгласахъ и резолюціяхъ, а закрытіе учебныхъ заведеній становится реальностью".

„Соціалъдемократы винятъ въ этомъ исходѣ профессорскую корпорацію, только что получившую извѣстныя права автономіи, и не останавливаются передъ самыми яростными нападками. Между тѣмъ, что достигнуто этой тактикой?—„Достигнуто многое, а именно: 1) невозможность для желающихъ учиться студентовъ слушать лекціи и вообще входить для занятій въ университетъ, 2) невозможность для студентовъ пользоваться свободой студенческихъ собраній, 3) глубокое взаимное отчужденіе между профессорами и студентами, т. е. расколъ въ значительныхъ и вліятельныхъ группахъ разныхъ поколѣній русской интеллигенція.

„Своей тактикой соціалъдемократы, такимъ образомъ, ведутъ или, вѣрнѣе, уже привели дѣло къ забастовкѣ. Но эта забастовка осуществляется не при условіяхъ той полной солидарности учащихся и учащихъ, какая была въ прошломъ году, а при условіи разъединенія между этими двумя элементами. Забастовка эта не можетъ никому импонировать и есть факторъ разброда и дезорганизаціи интеллигенціи.

„Профессора, помимо принципіальныхъ возраженій противъ превращенія университетовъ въ „революціонныя" трибуны, такъ превосходно формулированныхъ въ послѣдней рѣчи ректора Московскаго Университета князя С. Н. Трубецкого, конечно, руководятся чисто практическими соображеніями. Такое превращеніе—въ данныхъ условіяхъ русской политической жизни—приведетъ къ разгрому и закрытію университетовъ". (Что и случилось дѣйствительно въ Москвѣ, Харьковѣ и др. городахъ).

„Допустимъ даже, — продолжаетъ П. Струве,—что высшими учебными заведеніями слѣдовало бы воспользоваться, какъ орудіемъ завоеванія свободы собраній. Даже изъ этого упрощеннаго взгляда на значеніе высшихъ учебныхъ заведеній въ общественно-политическомъ развитіи Россіи вовсе не вытекала бы тактика соціалъ-демократіи, тактика, въ силу которой студенты призываются просто *диктовать свою волю совѣтамъ* и дѣйствовать черезъ ихъ головы. Если бы соціалъдемократы дорожили дѣйствительно завоеваніемъ *права собраній*, то они не прибѣгали бы къ методу дѣйствій, равносильному немедленному прекращенію такихъ собраній (устройство собраній въ учебное время несовмѣстимо съ вотированнымъ самими сходками продолженіемъ занятій) и, кромѣ того, сознательно стремились бы не только къ простому осуществленію собраній, а къ общественной и общественно-внушительной постановкѣ вопроса о правѣ собраній. Даже устройство забастовки ради этой цѣли мы поняли бы. Теперь-же пріостановка занятій получилась не какъ рѣшеніе студенчества и профессоровъ, а какъ результатъ тактики, которая представляетъ своеобразное сочетаніе анархіи съ диктатурой: анархіи, поскольку пользованіе свободой собраній совершается съ вопіющимъ нарушеніемъ законныхъ (не только формально, но по существу законныхъ) интересовъ и сотоварищей, и профессоровъ, —диктатуры, поскольку студенчество научается дѣйствовать съ полнымъ игнорированіемъ другого фактора акад. жизни, профессоровъ".

Въ равной мѣрѣ, съ точки зрѣнія права, въ высшей степени страннымъ кажется и начатый студентами СПБ. Университета бойкотъ 7 преподавателей.

„Что означаетъ „бойкотъ“ этихъ лицъ, занесенныхъ, по зловѣщему выраженію газеты „Русь“, въ „проскрипціонный списокъ“?, спрашиваетъ, Струве. — Непосѣщеніе ихъ лекцій? Но это есть осуществленіе студентами принадлежащаго имъ права — слушать или не слушать лекціи того или другого профессора. Дѣло, очевидно, сводится не къ этому, а къ физическому воспрепятствованію чтенія лекцій бойкотированными профессорами, къ чему уже нѣкоторая часть студенчества и приступила. Это уже есть прямое насиліе, принципіально тождественное съ тѣмъ произволомъ, противъ котораго теперь борется новая Россія. По отношенію къ двумъ профессорамъ рѣшеніе бойкотировать прямо и мотивировано простымъ констатированіемъ ихъ „реакціонерства“. Но, вѣдь, интересы общества, интересы большинства стоятъ вездѣ на первомъ планѣ и „антиобщественныя убѣжденія наказуемы“, — говорятъ СПБ. студенты. Но, вѣдь это — доктрина самодержавія народа Руссо; во имя этого „самодержавія народа“ дѣйствовалъ „Комитетъ общественнаго спасенія“ и отрубались головы. И что же изъ этого вышло?

„Salus populi въ одинъ прекрасный день перевели на Salvum fac imperatorem и пропѣли его „соборне“, во всемъ архіерейскомъ орнатѣ, въ Нотръ-Дамскомъ Соборѣ“.

„Въ этомъ виновата буржуазія, говорятъ соціалъдемократы. Буржуазія тутъ не причемъ. Виноватъ культъ силы, т. е. та философія, на которую въ тяжелые пароксизмы освободительной горячки сбивается не одинъ ясный умъ и не одна смѣлая душа. Это старое начало, которое цѣпляется за новую жизнь и ее отравляетъ“.

А между тѣмъ эта тактика упорно поддерживается студентами. Мало того, за ними идутъ и мальчики, ученики среднихъ заведеній, начиная *терроризировать* постановленія совѣтовъ угрозами примѣнить грубую силу (были случаи въ Спб.). Подражая старшимъ, они уже не знаютъ удержу въ своихъ требованіяхъ и доходятъ до такихъ *дикихъ и смѣшныхъ* (иначе нельзя назвать) постановленій, какъ свободное *избраніе* учениками своихъ учителей“. Хороши будутъ педагоги, избранные такими „компетентными“ судьями, какъ мальчуганы 14—15... Отчего же тогда не разрѣшить и ученикамъ народныхъ школъ избирать своихъ учителей!? Права одинаковыя!

IV.

Заговоривъ о соц.-демократіи, мы считаемъ долгомъ указать, что стачечная тактика соціалъ-демократовъ таитъ въ себѣ большія опасности и можетъ окончиться только фіаско, какъ безусловно справедливо, по нашему мнѣнію, разсуждаетъ тотъ же г. Струве.

„Ни для кого не тайна, что новѣйшее стачечное движеніе въ Россіи слагается изъ двухъ моментовъ: 1) изъ стихійнаго броженія и стремленія къ улучшенію своего положенія, охватившаго рабочія массы и 2) изъ стачечной пропаганды революціонныхъ партій. Въ каждомъ отдѣльномъ явленіи вліяніе этихъ двухъ моментовъ распредѣляется своеобразно, но можно смѣло утверждать, что есть рядъ случаевъ, въ которыхъ главной силой является стачечная пропаганда, предпринимаемая съ политическими цѣлями. Въ этомъ пунктѣ заключается опять-таки основная ошибка соціалдемократіи. Не вдаваясь въ обсужденіе очень сложнаго и спорнаго вопроса о всеобщей стачкѣ, мы можемъ, однако, смѣло сказать, что частичныя стачки—по общему правилу—ни съ какими цѣлями, кромѣ экономическихъ, не могутъ быть устраиваемы. И рабочія массы, участвующія въ стачкахъ, несомнѣнно дѣлаютъ это не только преимущественно, но и исключительно ради экономическихъ цѣлей. Для того же, чтобы стачка имѣла смыслъ и оправданіе съ экономической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія достиженія лучшихъ условій труда, она должна быть соображена со всей экономической обстановкой данной отрасли труда и съ даннымъ моментомъ. Можно смѣло сказать, что въ цѣломъ рядѣ стачекъ послѣдняго времени ихъ инициаторы не то что совершали ошибки противъ этого правила, но и вовсе о немъ не думали, не думали отчасти потому, что были даже вовсе незнакомы съ условіями труда тѣхъ рабочихъ, которые по ихъ инициативѣ вступали въ стачечную борьбу.

„A la longue такое нарушеніе экономическаго здраваго смысла должно привести къ

фіаско и дискредитированію соціалъдемократіи.

„Намъ могутъ указать, что приписывая такую роль въ стачечномъ движеніи соціалъ-демократической инициативѣ, мы сами опровергаемъ наше собственное утвержденіе, что пролетарскими массами соціалъдемократія не владѣетъ. На самомъ дѣлѣ противорѣчіе тутъ только видимое. То стачечное движеніе, которое происходитъ въ Россіи, не могло бы происходить, если бы сами рабочія массы были проникнуты соціалъдемократизмомъ и были политически и экономически организованы, т. е. если бы соціальдемократическая партія была партіей рабочей. Русскія стачки происходятъ такъ легко, несмотря на огромный вредъ, приносимый ими рабочимъ, потому что рабочіе въ этой борьбѣ дѣйствуютъ инстинктивно, слѣпо, безъ мысли объ организаціи, а соціалъдемократы исходятъ изъ мысли, что всякая стачка можетъ быть орудіемъ политическихъ цѣлей.

„Опасность теперешняго стачечнаго движенія русскихъ рабочихъ заключается въ томъ: 1) что, часто будучи совершенно не соображено съ объективными экономическими условіями и даже нуждами самихъ рабочихъ, оно готовитъ имъ пораженія и 2) что изъ этихъ пораженій можетъ съ стихійной силой вырости у самихъ рабочихъ противореволюціонное настроеніе.

„Революція“ тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, можетъ оказаться контрреволюціей“.

И послѣднее дѣйствительно начинаетъ подтверждаться не только отсутствіемъ единенія въ дѣлѣ проведенія послѣдней стачки (объявленной 2 ноября), но и расколомъ, который произошелъ среди рабочихъ массъ благодаря ей.

Послѣдняя стачка, какъ извѣстно, явилась результатомъ постановленія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ 1 ноября, объявившаго такъ:

„Царское правительство продолжаетъ шагать по трупамъ. Оно предаетъ полевому суду смѣлыхъ кронштадтскихъ солдатъ арміи и флота, возставшихъ на защиту своихъ правъ и народной свободы. Оно затянуло на шеѣ угнетенной Польши петлю военнаго положенія.

„Совѣтъ рабочихъ депутатовъ призываетъ революціонный пролетаріатъ Петербурга посредствомъ общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, и посредствомъ общихъ митинговъ протеста выразить свою братскую солидарность съ революціонными солдатами и матросами Кронштадта и революціоннымъ пролетаріатомъ Польши.

„Завтра, 2-го ноября, въ 12 часовъ дня, рабочіе Петербурга прекращаютъ работу съ революціонными лозунгами: „Долой полевые суды! Долой смертную казнь! Долой военное положеніе въ Польшѣ и по всей Россіи“!

Однако, даже аналогичный Комитетъ въ Москвѣ высказался противъ забастовки. Въ самомъ СПБ. одни бастовали, другіе нѣтъ. Рабочіе раздѣлились. Произошли крупныя недоразумѣнія. Союзы интеллигентовъ тоже раздѣлились по этому вопросу. Напр., въ Союзѣ учителей низшей школы приняли резолюцію о забастовкѣ, предложенную револ. ораторами, но, не надѣясь провести ее большинствомъ, даже не баллотировали, довольствуясь одобрительными возгласами нѣкоторыхъ лицъ.

Между тѣмъ со всякой забастовкой, какъ со всякимъ героическимъ (сильно-дѣйствующимъ) средствомъ, нужно быть крайне осторожнымъ: нужно точно разсчитывать и экономическую важность ея, и моментъ, и другія условія. А именно этого-то, боимся, и не было соблюдено при провозглашеніи послѣдней стачки.

Прежде всего, эта стачка явилась черезчуръ скоро послѣ первой, когда рабочія массы еще не успѣли оправиться отъ тяжелыхъ послѣдствій первой стачки. Правда, теперь приняли за правило распредѣлять тяжесть этихъ послѣдствій на хозяевъ, заставляя ихъ платить за стачечное время хотя бы половину. Но и это средство—обоюдоострое: вѣдь, и хозяева могутъ не выдержать; не нужно забывать, что вслѣдствіе сокращенія сбыта нѣкоторыхъ фабрикантовъ, производство ихъ и безъ того является убыточнымъ. А при уплатѣ за стачечное время—и подавно, и многія фабрики могутъ совсѣмъ закрыться, что повлечетъ за собою въ настоящее безработное время страшное бѣдствіе для рабочихъ (уже носятся слухи, что 70 фабр. и заводовъ готовы закрыться). Если же убытки хозяевъ, по обыкновенію, будутъ переложены на потребителей, выйдетъ также далеко не хорошо, такъ какъ и потребитель давно уже „кряхтитъ“ подъ тяжестью налоговъ.

Вообще тактика соціалъдемократовъ и соц.-революціонеровъ внушаетъ намъ серьезныя опасенія. Боже сохрани насъ — бросать камнями въ борцовъ освобожденія. Имена ихъ — священны для насъ. Но будемъ же прямо глядѣть въ глаза: въ ней порою мало обдуманности и разсчетливости и много страстности и увлекательности, не идущихъ къ мѣсту въ политикѣ.

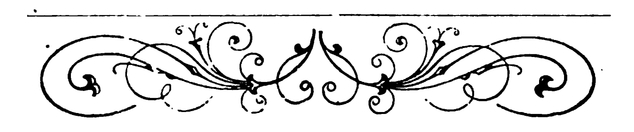
Зачѣмъ было пугать массы, въ глубинѣ еще глубоко монархическія, мечтами о республикѣ, да еще соціалистической, съ обобществленіемъ собственности.?— Этимъ движеніе сразу оторвало отъ себя народъ, и пропасть между нимъ и интеллигенціей еще больше увеличилась. Требовали бы минимальнаго—конституціонной монархіи, и, можетъ быть, избѣжали бы погромовъ евреевъ и интеллигенціи. Что же дѣлать, если народныя массы такъ настроены?—Съ ними, повторяемъ, необходимо считаться, иначе страшныя рѣки крови потекутъ по странѣ.

Учитесь выдержанности у норвежцевъ, пожалуй, у тѣхъ же финляндцевъ: не задаваясь широкими мечтами, они твердо установили цѣль и прямо шли къ ней. Въ результатомъ — *побѣда безъ капли крови*. Развѣ это не знаменательно? — А мы? Мы пока почти ничего не пріобрѣли. Не имѣютъ ничего и поляки, носившіеся было съ мечтами о востановленіи старой Польши. Почему? Да все благодаря той же славянской страстности, не позволяющей, задавшись к. н. опредѣленною цѣлью, неотступно, всѣмъ, неуклонно идти къ ней, не отклонясь въ сторону, не увлекаясь мечтами. Финны показали намъ убѣдительный примѣръ, *какъ добиваться свободы*.

Мы предчувствуемъ, за эти строки насъ обвинятъ чуть ли не въ измѣнѣ свободѣ и квасномъ патріотизмѣ. Между тѣмъ и мы глубоко сочувствуемъ стонущимъ подъ гнетомъ бюрократизма массамъ. Но это не мѣшаетъ намъ трезво глядѣть на вещи. Неужели лучше будетъ, если польются новые потоки братской крови? Или наступитъ общая анархія, какъ уже теперь наступаетъ, напр., у крестьянъ, безсмысленно сжигающихъ драгоцѣнные запасы хлѣба и сѣна?

Вѣдь, скоро настанетъ общій голодъ. Нужно же одуматься! Нужно же сплотиться во имя порядка, пока не поздно. Что мечтать о невозможномъ, когда не достигнуто и малое? Выдержки больше, послѣдовательности и практичности преслѣдуемыхъ плановъ, господа, — и тогда свобода обезпечена, свобода не буржуазная только, но и демократическая!!

Гр. Ф-тъ.

Столичная и Провинціальная жизнь.

I. „Усложненіе жизни“.—Понятіе законности.—2-й и 3-й Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей.—Гастроль „знатнаго иностранца“.—Резолюціи городскихъ думъ, крестьянскихъ обществъ и пр.—1-й и 2-й Крестьянскій съѣздъ.—Резолюція съѣзда отечественныхъ психіатровъ.—Общая освободительная тенденція всѣхъ резолюцій и постановленій послѣдняго времени.—Положеніе 6 августа и манифестъ 17 октября. II. Современное настроеніе.—„Начальство“ и Союзъ Почт.-Телегр. чиновниковъ.—Ростъ самосознанія у крестьянъ.—Переходъ къ активной дѣятельности.—Приговоры малорусскихъ и великорусскихъ крестьянъ.—Броженіе въ войскѣ.—Письмо въ газеты офицеровъ по поводу поступка г. Фролова.—Рѣчь лейт. Штейна.—Настроеніе нашихъ плѣнныхъ въ Японіи.—Ихъ обращеніе къ товарищамъ. III. Современныя политическія партіи и ихъ программы.—Революціонныя партіи.—Партія освобожденія и права.—Чья возьметъ?

Лѣтъ пять тому назадъ, одинъ извѣстный и талантливый русскій писатель указалъ между прочимъ на „усложненіе жизни“, какъ на характерный признакъ времени.

Замѣчаніе это было по существу вполнѣ основательнымъ. „Усложненіе жизни“, несомнѣнно, замѣчалось въ то время, но предѣльной своей интенсивности оно достигло только теперь. И только теперь собственно и можно говорить о настоящемъ, чрезвычайномъ „усложненіи жизни“. Жизнь послѣдняго времени въ своемъ постепенномъ осложненіи дошла, наконецъ, до предѣловъ, казавшихся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, совершенно немыслимыми. И это усложненіе проявилось прежде всего въ томъ, что перемѣшались всѣ понятія. Что законно и что незаконно, что возможно и недопустимо—съ этимъ не разбираются теперь самые строгіе законники. И въ конечномъ результатѣ оказывается возможнымъ и допустимымъ все то, такъ недавно еще съ трудомъ мыслимо, что захватывается насильно, чего хотятъ и чего настоятельно требуютъ и добиваются.

Съѣзды, митинги,—какими законами предусмотрѣны они, за какими номерами и за чьими подписями выданы разрѣшенія на нихъ?!

Депутаты бакинскихъ рабочихъ, участвовавшіе въ совѣщаніи нефтепромышленниковъ, не безъ ироніи говорили министру финансовъ, что они совершили огромную массу беззаконій прежде, чѣмъ выступили въ этомъ совѣщаніи. Самая мысль объ участіи была незаконной. Но рабочіе собрались, что опять-таки было незаконно, и вопреки всякимъ законамъ выбрали депутацію. Депутація безъ всякихъ законныхъ основаній пріѣхала въ Петербургъ и приняла участіе въ совѣщаніи, на что также не имѣла никакихъ узаконенныхъ правъ. И такъ какъ все это, не смотря на дѣйствующія узаконенія, оказалось фактически-возможнымъ и выполнимымъ, то невольно возникала мысль о возможности расширенія понятія „законность“, до тѣхъ предѣловъ, которые устанавливалъ, напримѣръ, шиллеровскій разбойникъ Францъ, говоря, что „предѣлы нашей силы—вашъ законъ“.

Жизнь послѣдняго времени съ убѣдительной ясностью доказала основательность этого афоризма.

Какъ извѣстно, лѣтній общеземскій съѣздъ принужденъ былъ столкнуться съ полиціей. Полиція приходила и спрашивала:

— По какому праву?

И этимъ дѣло заканчивалось.

Осенній земскій съѣздъ (2-й) былъ уже признанъ явно-законнымъ, и доказательствомъ законности было присутствіе на съѣздѣ представителя администраціи г. Воронина. На

съѣздѣ участвовали 97 представителей отъ земствъ, 66—отъ городовъ и 16—отъ окраинъ.

Всѣ вопросы, обсуждавшіеся съѣздомъ, были первостепенной важности, но самымъ важнымъ былъ, конечно, вопросъ объ отношеніи къ Государственной Думѣ, и этотъ вопросъ былъ рѣшенъ не въ пользу бойкота. Члены съѣзда категорически высказались противъ бойкота. За бойкотъ высказался только одинъ изъ членовъ съѣзда г. Шишковъ (изъ Самары) который старался доказать, что даже простое требованіе этики не позволяетъ принять участіе въ Думѣ, положеніе о которой создано бюрократіей безъ участія общественныхъ и народныхъ силъ и противорѣчитъ мыслямъ и желаніямъ общества.

Предложеніе бойкота вызвало пренія и страстныя возраженія.

— Мы пойдемъ въ Думу,—говорилъ противникъ бойкота г. Родичевъ,— не для того чтобы вступать въ компромиссы и лгать, а для того, чтобы открыто передъ лицомъ бюрократіи высказать требованія народа...

— Борьба пойдетъ и въ самой Думѣ, и за стѣнами ея!—говорилъ другой противникъ бойкота Е. И. де-Роберти. — Привиллегія тѣхъ, которые въ Думѣ—итти первыми на приступъ. Мы будемъ выбирать не сторонниковъ 6 августа, а смертельныхъ враговъ. Мы пошлемъ ихъ не для полученія суточныхъ, а для борьбы...

Представитель г. Ковно заявилъ, что Положеніе 6 августа—перчатка, брошенная намъ бюрократіей.

— И эту перчатку мы смѣло поднимаемъ!

Особенно горячей была рѣчь представителя Польши г. Врублевскаго, который, между прочимъ сказалъ: „Если мы не явимся въ Думу, о насъ забудутъ. Если-же и вы не явитесь, то насъ будутъ слушать другіе, которые вмѣсто хлѣба подадутъ намъ камень.

Въ результатѣ долгихъ и страстныхъ преній была принята слѣдующая резолюція:

„Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей полагаетъ, что Государственная Дума, имѣющая быть созванной на основаніи закона 6 августа 1905 г., не является народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что выборное собраніе, объединяющее значительную часть общественныхъ силъ на всемъ пространствѣ Имперіи, можетъ послужить средоточіемъ и точкой опоры для общественнаго движенія, стремящагося къ достиженію политической свободы и правильнаго народнаго представительства, признано желательнымъ, чтобы русскіе граждане, примкнувшіе къ политической программѣ, установленной совѣщаніями земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. и 22—26 апрѣля 1905 г. и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 г., вошли въ возможно большемъ числѣ въ Государственную Думу и образовали тамъ сплоченную группу съ цѣлью достигнуть черезъ ея посредство гарантій гражданской свободы и равенства, указанныхъ въ постановленіяхъ совѣщаній 6—9 ноября 1904 г., и введенія народнаго представительства на началахъ, установленныхъ совѣщаніями земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. и 22—26 апрѣля 1905 г. и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 г.“.

Проектъ политической программы, составленный организаціоннымъ бюро подвергся очень обстоятельному и горячему обсужденію, и въ результатѣ программа эта была принята въ слѣдующемъ видѣ:

1) Обезпеченіе правъ личности, свободы слова и печати, свободы сходокъ, собраній и союзовъ; 2) установленіе выборовъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права; 3) рѣшающій голосъ для Думы при обсужденіи законопроектовъ, восходящихъ на утвержденіе верховной власти; 4) рѣшающій голосъ Думы при обсужденіи государственной смѣты и всѣхъ финансовыхъ мѣръ; 5) право Думы постояннаго контроля за законностью и правильностью дѣйствій министровъ.

Длиннѣйшій докладъ организаціоннаго бюро по вопросу о правахъ національностей и о децентрализаціи управленія и законодательства также вызвалъ много оживленныхъ замѣчаній.

Между прочимъ, г. Кашкаровъ (изъ Калуги) сказалъ относительно этого доклада:

— Онъ относится къ области фантазіи и можетъ только скомпрометировать нашъ съѣздъ.

Нѣкоторые участники съѣзда также высказались противъ обсужденія этого доклада въ виду сложности выдвигаемыхъ имъ вопросовъ. Г. Якушкинъ высказалъ по этому поводу подозрѣніе, что тѣ, которые уклоняются отъ обсужденія доклада, боятся за существованіе централизаціи. А г. Кокошкинъ негодующе заявилъ:

— На прежнихъ собраніяхъ насъ не пугала сложность вопросовъ; мы разрѣшали ихъ, не заботясь о позднемъ времени и просиживая по 3—4 часа сверхъ положеннаго срока. Теперь какъ будто выходитъ, что мы не уклонялись отъ разрѣшенія сложныхъ и серьезныхъ вопросовъ, касающихся лишь насъ, коренныхъ русскихъ, живущихъ въ центральной Россіи. А когда дѣло коснулось окраинъ и другихъ народностей, населяющихъ Россію, то мы вдругъ утратили возможность и силу.

Въ концѣ концовъ было рѣшено обсудить вопросъ хотя-бы относительно автономіи Польши, и резолюція съѣзда по этому вопросу была вынесена въ смыслѣ необходимости выдѣленія Царства Польскаго въ особую автономную единицу съ сеймомъ, избираемымъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, при условіи сохраненія государственнаго единства Имперіи и установленія возможности исправленія границъ между Царствомъ Польскимъ и сосѣдними губерніями по обоюдному соглашенію какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, въ соотвѣтствіи съ племеннымъ составомъ мѣстнаго населенія и его желаніями.

Резолюція эта была принята всѣмъ собраніемъ, за исключеніемъ А. И. Гучкова.

Затѣмъ цѣлый рядъ участниковъ съѣзда указалъ на крайнюю несправедливость и нежелательность дѣйствующей у насъ съ момента возникновенія Московскаго государства политики обрусенія. Представитель Сибири г. Поповъ просилъ своихъ товарищей по съѣзду ради справедливости, ради спокойствія и блага Россіи пощадить національности, разбросанныя среди русскихъ. Г. Александровъ (изъ Екатеринослава) говорилъ:—Стоитъ только проѣхать двѣ губерніи, гдѣ сосредоточены двѣ національности, чтобы почувствовать тотъ ужасъ и позоръ, къ которымъ привела наша обрусительная политика.

Многіе участники съѣзда категорически высказывались за автономію и федератизмъ, какъ за права, которыя, несомнѣнно, принадлежатъ народностямъ населяющимъ Россію.

Въ заключеніе собраніе подавляющимъ большинствомъ голосовъ приняло резолюцію о гарантіи всѣмъ населяющимъ Имперію народностямъ права культурнаго самоопредѣленія, полной свободы употребленія различныхъ языковъ, свободы собраній, союзовъ учебныхъ заведеній и пр.

По вопросу о децентрализаціи управленія съѣздъ постановилъ, что кругъ дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ простираться на всю область мѣстнаго управленія, включая сюда и полицію безопасности и благочинія, за исключеніемъ лишь тѣхъ отраслей управленія, которыя въ условіяхъ современной Государственной жизни необходимо требуютъ централизаціи. Мѣстные представители центральной власти должны слѣдить только за законностью дѣятельности органовъ самоуправленія, а при возникающихъ спорахъ право рѣшенія принадлежитъ суду.

По вопросу о децентрализаціи законодательства съѣздъ постановилъ, что послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго народнаго представительства, съ конституціонными правами для всей Имперіи, долженъ быть открытъ путь для установленія мѣстной автономіи.

Въ послѣднемъ засѣданіи съѣзда организаціонное бюро доложило слѣдующія три программы:

Аграрная программа.

1) Увеличеніе площади землепользованія, основаннаго на началахъ личнаго труда, какъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, такъ и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ — земледѣльцевъ, — государственными, удѣльными и кабинетскими землями, а въ случаѣ надобности отчужденіе государствомъ части частновладѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ.

2) Отмѣна выкупныхъ платежей.

3) Широкая организація государственной помощи для переселенія, разселенія и устройства хозяйственнаго быта поселенцевъ.

Реорганизація для этой цѣли крестьянскаго банка.

4) Законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній: упроченіе пользованія арендованной землей, обезпеченіе правъ арендатора на произведенныя имъ, но неиспользованныя къ окончанію арендваго срока затраты на улучшеніе; противодѣйствіе чрезмѣрному повышенію арендныхъ цѣнъ путемъ ихъ урегулированія.

5) Пересмотръ законодательствъ о наймѣ на сельскія работы съ цѣлью установленія равноправности договаривающихся сторонъ. Учрежденіе инспекціи труда на однородныхъ началахъ съ фабричною. Распространеніе на сельскихъ рабочихъ фабричнаго (рабочаго) законодательства, примѣнительно къ условіямъ земледѣльческой промышленности.

6) Развитіе различныхъ видовъ мелкаго и меліоративнаго кредита коопераціи въ видахъ подъема благосостоянія сельскаго населенія и улучшенія сельскаго хозяйства.

7) Облегченіе размежеванія земель и обмѣна земельныхъ участковъ.

8) Широкое содѣйствіе подъему сельскаго хозяйства. Установленіе условій, благопріятныхъ для процвѣтанія обществъ, союзовъ и вообще всякаго рода объединеній, направленныхъ къ улучшенію земледѣлія.

Программа по рабочему вопросу.

1) Свобода профессіональныхъ союзовъ на основаніи общаго права союзовъ и собраній.

2) Признаніе стачекъ законнымъ средствомъ защиты рабочими своихъ интересовъ.

3) Реформа фабричнаго (рабочаго) законодательства и распространеніе его на всѣ отрасли фабрично-заводской и ремесленной промышленности и усиленіе законодательной охраны труда. Обезпеченіе за фабричной инспекціей надлежащей самостоятельности и независимости отъ полицейскихъ властей.

4) Установленіе 8-ми часоваго дня во всѣхъ производствахъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ эта мѣра будетъ признана практически неосуществимой. Урегулированіе сверхъ-урочныхъ работъ.

5) Учрежденіе примирительныхъ палатъ при участіи представителей труда и капитала.

6) Обязательное государственное страхованіе на случай смерти, увѣчій, болѣзни и на старость. Изысканіе мѣръ борьбы съ безработицей и облегченіе участи безработныхъ.

7) Организація кредита для ремесленниковъ, содѣйствіе коопераціи ремесленнаго труда.

Экономическая и финансовая программа.

1) Развитіе прямыхъ налоговъ, на основаніи прогрессивнаго подоходнаго обложенія, въ связи съ пониженіемъ косвеннаго обложенія вообще и отмѣною косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости.

2) Постепенное, соотвѣтственно съ положеніемъ отдѣльныхъ производствъ, пониженіе таможеннаго тарифа въ цѣляхъ техническаго подъема промышленности и удешевленія предметовъ массоваго потребленія.

3) Содѣйствіе развитію производительности народнаго труда. Пересмотръ устава о промышленности въ смыслѣ облегченія условій промышленной дѣятельности. Явочный порядокъ открытія промышленныхъ заведеній.

4) Реформа государственнаго банка въ смыслѣ освобожденія отъ опеки министерства финансовъ и приспособленія къ нуждамъ всѣхъ классовъ населенія.

Послѣ долгихъ и горячихъ обсужденій этихъ программъ съѣздъ постановилъ поручить бюро продолжать начатую имъ работу для представленія результатовъ ея ближайшему съѣзду. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ постановилъ разослать эти программы на мѣста и просить мѣстныя учрежденія подвергнуть всѣ положенія разсмотрѣнію съ точки зрѣнія какъ общихъ началъ, такъ и особыхъ условій отдѣльныхъ мѣстностей Россіи.

Затѣмъ было рѣшено внести всѣ пункты этихъ программъ въ воззванія къ народу и присоединить къ нимъ программу народнаго образованія, которая требуетъ введенія всеобщаго безплатнаго начальнаго образованія съ расширеніемъ курса школы и передачей ея органамъ мѣстнаго самоуправленія, увеличенія числа среднеучебныхъ заведеній, свободы преподаванія, автономіи высшихъ учебныхъ заведеній, доступа въ нихъ женщинъ, свободы общественной и частной иниціативы въ дѣлѣ преподаванія и пр.

15 сентября съѣздъ былъ закрытъ.

Нельзя не замѣтить, что выставленные московскимъ съѣздомъ пункты въ значительной степени объединяющаго, такъ сказать, характера. Правда, съѣздъ выразилъ желанія, главнымъ образомъ, умѣренной прогрессивной части русскаго общества, но подъ выраженіемъ политическихъ, напримѣръ, требованій могутъ подписаться всѣ вообще передовыя партіи.

Несомнѣнно, что въ дальнѣйшей своей дѣятельности всѣ эти партіи пойдутъ разными путями, но на первыхъ порахъ намѣченный съѣздомъ путь можетъ и долженъ быть общимъ для всѣхъ нихъ. Исходная станція, на которой рѣшено собраться всѣмъ, чтобы итти сначала вмѣстѣ, несомнѣнно, должна удовлетворить всѣхъ.

Конечно, сторонники того взгляда, что наша земская партія проникнута специфически-классовымъ духомъ, не могутъ не назвать эту партію „либерально-буржуазной", хотя-бы и съ демократическимъ оттѣнкомъ. Они не прочь даже „предостеречь" интеллигенцію, ибо земская партія, по ихъ разсчетамъ, какъ только займетъ прочное положеніе, немедленно-же откажется отъ демократическаго принципа, который она выставляетъ теперь въ качествѣ приманки, и будетъ отстаивать исключительно узко-сословные интересы.

Въ какой мѣрѣ основательны эти предположенія и насколько поэтому умѣстны „предостереженія" — говорить объ этомъ, намъ кажется, излишне.

Послѣдній Съѣздъ земскихъ и Городскихъ Дѣятелей, также происходившій въ Москвѣ (конч. 15 ноября), занимался главнымъ образомъ вопросомъ объ отношеніи къ положенію, созданному Маниф. 17 окт.

Угрожающее общей анархіей состояніе крестьянства и др. безпорядки привели земцевъ къ мысли во что бы то ни стало поддержать правительство гр. Витте, если, конечно, оно „будетъ проводить конституціонныя начала Манифеста правильно и послѣдовательно".

„Исходя изъ этихъ соображеній, — говорится въ резолюціи съѣзда, — съѣздъ считаетъ необходимымъ для водворенія порядка въ странѣ „немедленное изданіе акта о примѣненіи къ созыву народныхъ представителей всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ и формальную передачу первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій для выработки, съ утвержденія Государя, конституціи Россійской имперіи и закона объ автономномъ устройствѣ Польши, для переустройства на демократическихъ началахъ земскаго и городского самоуправленій и для проведенія иныхъ мѣръ, необходимыхъ при установленіи новаго правопорядка".

„Кромѣ того, на первое собраніе должно быть возложено установленіе основныхъ началъ земельной реформы и принятіе необходимыхъ мѣръ въ области рабочаго законодательства".

Затѣмъ, съѣздъ постановилъ „поручить организаціонному бюро разработать вопросъ о примѣненіи началъ автономнаго устройства ко всѣмъ областямъ".

Кромѣ того, резолюціи Съѣзда содержатъ требованія отмѣны усил. охраны и военнаго положенія вездѣ, о разслѣдованіи погромовъ, о всеобщей амнистіи по политич. дѣламъ; вопросъ же „о самостоятельности Польши" считаетъ „подлежащимъ разрѣшенію Перваго Собранія народныхъ представителей Россіи"...

Словомъ, Съѣздъ требовалъ пока немного, а всѣ вопросы, вытекающіе изъ современной неурядицы, рѣшилъ предоставить усмотрѣнію собранія народныхъ представителей; тогда какъ Крест. Съѣздъ самъ намѣтилъ уже рѣшеніе многихъ вопросовъ. Очевидно, Правительство гр. Витте вполнѣ можетъ опереться на г.г. земцевъ, но успокоитъ ли это „землю",—еще неизвѣстно.

Другимъ любопытнымъ событіемъ московской жизни, слѣдовавшимъ непосредственно за земскимъ съѣздомъ, былъ докладъ „знатнаго иностранца" В. Стэда, подъ заглавіемъ „Дума съ точки зрѣнія англичанина".

Какъ извѣстно, Стэдъ пріѣхалъ въ Россію со спеціальной цѣлью научить русское общество, какъ надлежитъ ему вести себя въ нынѣшнія трудныя времена. Времена, дѣйствительно, трудныя, но почему этотъ „знатный иностранецъ" взялъ на себя роль того „барина", на котораго надѣются, что вотъ-молъ пріѣдетъ онъ и все разберетъ, — это уже дѣло его совѣсти.

Докладъ Стэда очень убѣдительно доказалъ всѣмъ, насколько плохо знакомъ „знатный

иностранецъ“ съ кореннымъ настроеніемъ русскаго общества и его желаніями.

Государственная Дума явилась, по мнѣнію Стэда, вѣрнымъ средствомъ исцѣленія всѣхъ недуговъ русскаго народа.

Стэдъ выразилъ даже удивленіе, почему русская интеллигенція недовольна положеніемъ 6 августа и не восторгается Думой. Правда, и самъ Стэдъ не прочь думать, что „не слѣдуетъ разсматривать проэктъ Думы, какъ нѣчто законченное: это начало, первый шагъ и, на мой взглядъ, храбрый шагъ впередъ къ созданію выборнаго представительнаго учрежденія“.

Но въ общемъ мистеръ Стэдъ оказался настроеннымъ очень оптимистически, и это его настроеніе вызвало ожесточенную критику со стороны слушателей „знатнаго иностранца“.

Ф. И. Родичевъ говорилъ о недовѣріи русскаго общества къ бюрократіи, созданномъ цѣлыми вѣками. И это недовѣріе не могло быть поколеблено довѣріемъ, возвѣщеннымъ сверху.

А. М. Александровъ замѣтилъ, что Стэдъ напоминаетъ ему человѣка, который пріѣхалъ съ веселой свадьбы въ домъ, гдѣ лежитъ больной, и удивляется, почему здѣсь не весело.

Въ общемъ, возраженія Стэду носили такой горячій и страстный, съ примѣсью негодованія, характеръ, что „знатный иностранецъ“ долженъ былъ почувствовать себя неловко. И на минуту онъ, кажется, дѣйствительно, понялъ, что совершилъ большую нетактичность, явившись въ Россію поучать доброжелательному отношенію къ мѣропріятіямъ правительства, но скоро-же самообладаніе вновь вернулось къ нему, и онъ предложилъ признать резолюцію митинга относительно предоставленія русскому народу четырехъ основныхъ свободъ.

П. Н. Милюковъ основательно замѣтилъ, что русское общество охотно принимаетъ резолюцію, когда собирается подъ своей личной отвѣтственностью, но что едва-ли удобно принимать какую-либо резолюцію въ этомъ собраніи, спеціально разрѣшенномъ „знатному иностранцу“.

И въ результатѣ предложенная Стэдомъ резолюція была отклонена.

Недовольствуясь первымъ неудачнымъ опытомъ просвѣщенія русскаго общества, Стэдъ поѣхалъ просвѣщать провинціальныхъ „варваровъ“.

Прежде всего онъ явился „въ деревню, въ глушь, въ Саратовъ“.

Но саратовская интеллигенція высказалась относительно антимизма Стэда и положенія Россіи съ такой ясностью, что Стэдъ послалъ въ „Times“ статью съ указаніемъ на крайне-тревожное настроеніе и на необходимость немедленной радикальной реформы, не ожидая Государственной Думы.

Эта перемѣна во взглядахъ „знатнаго иностранца“ очень непріятно поразила извѣстнаго саратовскаго дѣятеля графа Уварова, который въ письмѣ въ редакцію „Слова“ недоумѣвающе вопрошаетъ: „Неужели такъ запугали г. Стэда въ Саратовѣ, что онъ уже не видитъ, что бушуетъ и мечется сравнительно небольшая кучка, а вся народная громада спокойно ждетъ начала выборовъ, къ которымъ она призвана Монаршей волей“?

Вѣроятно, г. Стэдъ увидѣлъ нѣчто иное, чѣмъ хотѣлось гр. Уварову, и это ему очень не нравится.

Во всякомъ случаѣ, гастроли по провинціи оказались полезны и для г. Стэда. Вотъ ужъ, дѣйствительно: пришелъ, увидѣлъ и... *понялъ...*

Очень опредѣленное отношеніе русскаго общества къ Государственной Думѣ и необходимымъ реформамъ, которое, наконецъ, понялъ мистеръ Стэдъ, проявилось и въ цѣломъ рядѣ резолюцій городскихъ думъ и другихъ общественныхъ учрежденій. Такъ, вологодская управа выразила убѣжденіе въ томъ, что осуществленіе задачъ, изложенныхъ въ манифестѣ 6 августа, возможно лишь при непремѣнномъ условіи немедленнаго дарованія всему населенію Россіи основныхъ правъ гражданственности: свободы слова и печати, собраній и союзовъ, неприкосновенности личности каждаго при полной амнистіи для всѣхъ лицъ по политическимъ дѣламъ, и что для полнаго умиротворенія страны необходимо установленіе всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права и полноправнаго участія думы въ осуществленіи законодательной власти. Однородныя резолюціи постановили виленская, минская, нахичеванская и др. думы.

Интереснымъ въ ряду другихъ, однород-

ныхъ, представляется и приговоръ крестьянъ Роменской волости, Тверской губерніи, постановившихъ требовать отъ правительства, чтобы „въ государств. думу были избираемы всѣмъ народомъ, не считаясь съ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ, чтобы личность крестьянина и всего народа была неприкосновенна, чтобы народу была дана свобода совѣсти, слова, печати, сходокъ, союзовъ и стачекъ, чтобы всѣ лица, пострадавшія за свои убѣжденіи, были немедленно освобождены“.

„Всѣ правительственныя учрежденія должны находиться подъ контролемъ народныхъ представителей, крестьяне должны быть освобождены отъ опеки чиновничества. Оброчная подать и всѣ косвенные налоги должны быть отмѣнены, а взамѣнъ ихъ введены налоги прогрессивно-подоходные; фабрично-заводская промышленность и вообще вопросы пролетаріата должны быть нормированы въ интересахъ рабочихъ“.

Въ смыслѣ наиболѣе полнаго показателя отношенія крестьянской массы къ переживаему моменту является грандіозный 1-й всероссійскій крестьянскій съѣздъ. Съѣздъ этотъ происходилъ въ Москвѣ еще въ началѣ августа, но только недавно появилось въ „Правѣ“ подробное сообщеніе о немъ г-на Блеклова.

Толчкомъ къ зарожденію идеи крестьянскаго союза послужила, по словамъ г. Блеклова, предпринятая московской администраціей еще весной нынѣшняго года попытка учинить опросъ мнѣнія крестьянъ по разнымъ злободневнымъ вопросамъ. Заботою устроителей этого опыта было исключительно — набрать коллекцію такихъ отзывовъ, которые сходились-бы съ реакціонными вожделѣніями. Совѣщанія устраивались секретно, и приглашались на нихъ исключительно „благонамѣренные“ крестьяне. Разумѣется, при такихъ условіяхъ отзывы получались „благопріятные“. Но когда остальная масса крестьянъ московской губерніи узнала объ этихъ совѣщаніяхъ, то стала также собираться и дѣлать свои постановленія, совершенно противоположнаго характера.

Въ результатѣ въ маѣ состоялся первый съѣздъ крестьянъ московской губ., который постановилъ о необходимости образованія крестьянскаго союза и выставилъ политическія требованія.

А въ августѣ, благодаря дальнѣйшему развитію идеи крестьянскаго союза, собрался и всероссійскій крестьянскій съѣздъ.

Конечно, наиболѣе обстоятельно и горячо крестьяне высказывались относительно земли. „Вопросъ о землѣ—самый больной вопросъ для крестьянина,—говорилъ одинъ изъ членовъ съѣзда. — Эту струну нельзя больше натягивать—лопнетъ“.

Но одной землей не проживешь—это тоже сознано крестьянами. Идея народнаго представительства усвоена уже ими.

„Мои товарищи, — говорилъ на съѣздѣ одинъ крестьянинъ,—хорошо понимаютъ, что нужно, чтобы государство управлялось выборными отъ народа, чтобы безъ ихъ спроса въ нашъ карманъ не залѣзали, чтобы исполнять тѣ законы, которые народу желательны“.

На съѣздѣ была признана необходимость общихъ всероссійскихъ, областныхъ и губернскихъ съѣздовъ, состоящихъ изъ делегатовъ мѣстныхъ союзовъ, причемъ постановленія всероссійскаго съѣзда являются обязательными для всего союза.

Единогласно былъ принятъ пунктъ программы, касающійся свободы совѣсти, слова, печати, собраній, союзовъ, стачекъ. Единогласно-же признана необходимость учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права.

Возрастъ для участвующихъ опредѣленъ 20-лѣтній. Принято равноправіе женщинъ.

По земельному вопросу были сдѣланы слѣдующія постановленія: 1) частная земельная собственность должна быть уничтожена; 2) должны быть отобраны безъ выкупа земли монастырскія, церковныя, удѣльныя, кабинетныя и государева и 3) у частныхъ владѣльцевъ земля должна быть отобрана частью за вознагражденіе, частью безъ вознагражденія, на условіяхъ, опредѣленныхъ учредительнымъ собраніемъ.

Въ концѣ засѣданія было постановлено выразить отъ имени съѣзда горячій привѣтъ братьямъ — фабричнымъ рабочимъ и было принято съ очень большимъ одушевленіемъ предложеніе почтить вставаніемъ память всѣхъ борцовъ, павшихъ за дѣло политическаго освобожденія Россіи.

Слѣдующій съѣздъ крестьянъ, намѣченный къ созыву тоже въ Москву, встрѣтилъ категорическое запрещеніе.

Гр. В. Н. Бобринская, ходатайствовавшая о разрѣшеніи съѣзда и заявившая ген. Трепову, что сдѣланы уже всѣ приготовленія къ созыву съѣзда и что запрещеніе можетъ вызвать безпорядки, спросила, между прочимъ, прибѣгнетъ-ли правительство къ насильственнымъ мѣропріятіямъ. Ген. Треповъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ утвердительно.

Но остановятъ-ли такія запрещенія ростъ самосознанія русской деревни и могутъ-ли они помѣшать окончательно деревенской массѣ, такъ или иначе высказывать свои нужды и желанія?—Конечно, нѣтъ. А каково вообще настроеніе русской деревни видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго любопытнаго заявленія, поданнаго крестьянами села Обозновки предсѣдателю елисаветградской земской управы:

„Народа въ селѣ нашемъ много, а земли у насъ нѣтъ, а потому въ томъ безпомощно—темномъ положеніи, въ которомъ мы находимся, намъ съ каждымъ годомъ становится труднѣе жить на свѣтѣ. Война, которую затѣяли наши враги, взяла у насъ многихъ нашихъ односельчанъ, изъ которыхъ нѣсколько душъ, будучи ранеными, возвратились къ намъ, и отъ нихъ мы узнали, что враги наши—японцы во всѣхъ сраженіяхъ, къ нашему горю, оказались выше насъ: и на сушѣ, и на морѣ—вездѣ ихъ перевѣсъ. И вотъ мы думали, почему это такъ выходитъ? Почему люди, которыхъ мы называли азіатами, необразованными и дикарями, вдругъ всегда и во всемъ берутъ верхъ надъ нами? А на дѣлѣ оказалось вотъ что: если и есть необразованные, такъ это мы, и уже мы стали больше похожи на азіатовъ, чѣмъ японцы. У насъ солдаты неграмотные и темный народъ, а ихній солдатъ каждый образованный, грамотный и больше понимаетъ, чѣмъ нашъ офицеръ. Это все потому, что правительство ихнее имѣетъ заботу о народѣ. Тамъ вездѣ школы и учатъ въ нихъ не такъ, какъ у насъ. А у насъ что? Есть школа земская, есть и приходская, но онѣ ни къ чему не ведутъ: если грамотѣ научатъ, и ту скоро забываемъ. Поэтому мы полагаемъ: солдатъ у насъ берутъ, кровь мы проливаемъ за вѣру и отечество, казна съ насъ подати требуетъ и налоги устанавливаетъ, — такъ намъ должны-же дать что нибудь взамѣнъ этого. А потому имѣемъ честь покорнѣйше просить ваше выс—діе доложить это наше ходатайство настоящему земскому собранію. Мы просимъ установить обязательное и безплатное обученіе дѣтей нашихъ, устроивъ для этого школу, въ которой наши дѣти обучались-бы всесторонне, что есть на свѣтѣ и отъ чего это происходитъ, обучались-бы полной грамотѣ, а не по верхамъ, какъ теперь; обучались-бы ремеслу нашему, кто къ чему охоту имѣетъ и желаніе, и могли-бы выйти людьми умнѣе, какъ у японцевъ, а не темные и полуграмотные, какъ теперь у насъ. И обученіе должно быть на счетъ казны. Мы терпѣли всю жизнь бѣду и недостатокъ; пусть хоть наши дѣти увидятъ лучшую долю. Мы прожили жизнь впроголодь и въ невылазномъ трудѣ и нуждѣ и, можетъ быть, хоть наши дѣти будутъ счастливѣе насъ. Тогда и у насъ будетъ вѣра въ отечество. А теперь и вѣры нѣтъ, и отечество въ плохомъ положеніи".

Лучшимъ доказательствомъ роста самосознанія нашей деревни является тотъ фактъ, что крестьянскій союзъ уже къ 1 Съѣзду насчитывалъ болѣе 100,000 членовъ въ 42 губерніяхъ Европейской Россіи, а ко 2-му съѣзду—болѣе 500 тыс. человѣкъ.

Закрывшійся 10 ноября 2-й Крестьянскій Съѣздъ, состоявшій изъ 500 членовъ, большею частью крестьянъ, подтвердивъ прежнія постановленія свои, выразилъ рѣзкое недовѣріе и къ Думѣ, и къ Манифесту 17 окт., постановивъ:

1) Не выбирать ни въ выборщики, ни въ уполномоченные въ Государственную Думу, т.-е. бойкотировать ее.

2) Считать врагами народа всѣхъ, кто будетъ принимать участіе въ выборахъ въ Государственную Думу.

3) Немедленно открыть широкую предвыборную агитацію и выбирать только въ учредительное собраніе на основаніи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія.

4) Если возможно, то раздѣлить уѣзды на избирательные округа.

„Учредительное Собраніе, по 1 представ. отъ каждыхъ 100.000 чел., безъ различія пола, народности и вѣроиспов., собрать не

позднѣе февраля 1906 г., о чемъ объявить немедленно закономъ. Крестьянство рѣшило добиться этого, для чего входитъ въ соглашеніе съ рабочими, жел. дор. и др. союзами.

„Въ настоящее время Съѣздъ, обсудивъ мѣры для скорѣйшей передачи земли народу, постановилъ: а) не покупать совершенно земли у владѣльцевъ, не брать ее въ аренду, не входить ни въ какіе другіе земельные договоры, б) въ случаѣ, если требованія народа не будутъ удовлетворены, крестьянскій союзъ прибѣгнетъ на общей земледѣльческой забастовкѣ, именно: отказать владѣльцамъ частныхъ хозяйствъ всѣхъ наименованій въ рабочей силѣ и всѣмъ закрыть ихъ". Далѣе, „на преслѣдованіе крестьянскаго союза, имѣющаго цѣлью осуществить народныя требованія съ наименьшими жертвами, Союзъ отвѣтитъ отказомъ въ уплатѣ податей, поставленіи рекрутовъ и запасныхъ, потребуетъ изъ сберегательныхъ кассъ изъ банковъ всѣ свои вклады и крестьянскіе капиталы и закроетъ всѣ винныя лавки".

„Въ знакъ того, что совѣщаніе делегатовъ крестьянскаго союза смотритъ на начатое дѣло, какъ на святое дѣло всего крестьянства, оно постановило прекратить употребленіе вина". Наконецъ, „Съѣздъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что, по достиженіи народомъ власти, представители союза въ учредительномъ собраніи будутъ считать незаконными и потому не подлежащими возврату всѣ государственные займы, заключенные послѣ 10-го ноября сего года до учредительнаго собранія. Всякая-же отсрочка платежей (процентовъ) по уже заключеннымъ до 10-го ноября сего года займамъ будетъ признана ими за новый заемъ".

Далѣе, „признавая всѣ сущест. сельс., вол., уѣзд. и губ. власти вредными для народа", Съѣздъ рѣшилъ: „Населеніе должно пользоваться полною свободою по выбору должностн. лицъ и по веденію своихъ обществ. дѣлъ. Новое устройство на этихъ основаніяхъ должно быть установлено учредит. собраніемъ. До тѣхъ же поръ крест. союзъ рѣшилъ устранить власть чиновниковъ и дворянъ надъ крест. населеніемъ, для чего, во 1-хъ, постановляетъ не представлять сельск. и вол. приговоровъ на утвержденіе зем. начальниковъ, а приводить ихъ въ исполненіе по постановленію сходовъ; 2) ни по какимъ дѣламъ, къ зем. начальникамъ не обращаться; 3) не давать зем., волостн. и мірск. подводъ чиновникамъ и полиціи, не давать квартирн. и дорожн. денегъ, не посылать разсыльныхъ, сотскихъ и десятскихъ; 4) смѣнить всѣхъ, тянущихъ руку властей, крест. должностн. лицъ и выбирать и посадить на ихъ мѣсто людей, угодныхъ населенію; 5) отмѣнить всѣ мірск. и вол. сборы, которые сходы признаютъ для крестьянъ безполезными.

Кромѣ того, Съѣздъ постановилъ выразить сочувствіе кронштадтскимъ матросамъ (и сожалѣніе о грабежахъ), и свое негодаваніе по поводу еврейскихъ погромовъ.

Слѣд. Съѣздъ, по 2 представ. отъ каждаго уѣзда, рѣшено созвать не позже 15 янв. 1906 г., а, если нужно, то и раньше.

Какъ отнеслось правительство гр. Витте къ такимъ радикальнымъ постановленіямъ крестьянъ,—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, съ ними нужно считаться. И тутъ чѣмъ скорѣе будутъ сдѣланы реформы, тѣмъ лучше. Иначе пожаръ охватитъ всю Россію, и тогда будетъ поздно. Пока же, *еще стоя на почвѣ права*, можно удовлетворить справедливыя претензіи крестьянъ хотя бы выкупомъ части частныхъ владѣній на счетъ государства, какъ это предлагаютъ земцы *).

Съ 9 по 11 сентября въ Кіевѣ засѣдалъ съѣздъ отечественныхъ психіатровъ. Съѣздъ этотъ, исходя изъ того, что въ причинахъ нервно-психическихъ заболѣваній значительное мѣсто занимаютъ соціально-политическіе факторы, и что попраніе правъ человѣческой личности всегда отражается тягостнымъ образомъ на нервно-психическомъ состояніи человѣка, особенно, когда это попраніе достигаетъ такой степени, что личность не гарантирована отъ внезапнаго обыска и ареста по одному лишь подозрѣнію въ политической неблагонадежности, когда человѣкъ изъ-за своихъ убѣжденій ссылается и заключается въ одиночную тюрьму, гдѣ калѣчатся его духовныя силы, когда возможны даже тѣлесныя наказанія вопреки августовскому манифесту 1904 г., когда происходятъ на глазахъ у всѣхъ массовыя

*) См. ст. „аграрный вопросъ" въ началѣ настоящаго №.—*Ред.*

убійства на улицахъ со многими неповинными жертвами, и признавая такой порядокъ вещей глубоко ненормальнымъ и въ то-же время вытекающимъ непосредственно изъ условій общегосударственнаго режима, высказался:

1) въ пользу безотлагательнаго устраненія административно-полицейскаго произвола и предоставленія населенію основныхъ правъ человѣка и гражданина въ видѣ обезпеченія свободы личности, печати и слова, собраній и союзовъ; и

2) за немедленное освобожденіе борцовъ за идею въ лицѣ такъ-называемыхъ политически обвиняемыхъ изъ мѣстъ ихъ заключенія. Съѣздъ выразилъ въ то же время увѣренность, что съ установленіемъ прочнаго правопорядка, на началахъ истиннаго представительства, явленія, подобныя вышеуказаннымъ, не могутъ происходить нигдѣ въ Россіи, не исключая и наиболѣе удаленныхъ ея окраинъ. Затѣмъ, признавая актомъ величайшаго позора для человѣчества смертную казнь, 2-й съѣздъ отечественныхъ психіатровъ выразилъ негодованіе и протестъ противъ примѣненія ея въ Россіи.

Освободительная тенденція постановленій съѣзда психіатровъ является характерной для цѣлаго ряда постановленій всѣхъ вообще съѣздовъ, собраній и митинговъ послѣдняго времени, на которыхъ высказывали свои желанія и требованія самыя разнообразныя и въ общемъ очень многочисленныя группы населенія. Общее количество всѣхъ постановленій и резолюцій послѣдняго времени такъ много и всѣ они, не смотря на различныя положенія ихъ авторовъ и на нѣкоторое разнообразіе деталей выдвигаемыхъ требованій, настолько сходятся въ одномъ и самомъ главномъ—въ требованіи *свободъ*, что представляется труднымъ и излишнимъ останавливаться на отдѣльныхъ постановленіяхъ и резолюціяхъ.

Важны не они сами по себѣ, а объединяющая ихъ тенденція, важна общая оцѣнка переживаемаго Россіей критическаго момента, и эта оцѣнка проявилась очень опредѣленно въ общемъ требованіи предоставленія народу основныхъ правъ человѣка и гражданина.

Положеніе 6 августа заняло роль центральнаго пункта, вокругъ котораго группировались всѣ постановленія и резолюціи послѣдняго времени, или высказывавшіяся категорически отрицательно относительно Государственной Думы или-же мирившіяся съ ней, какъ съ первымъ шагомъ на пути обновленія нашей жизни. И теперь, когда положеніе 6 августа даже самимъ законодателемъ признано несоотвѣтствующимъ истиннымъ потребностямъ русской жизни, когда новымъ манифестомъ 17 октября, хотя-бы предположительно говоря, намѣченъ рядъ новыхъ уступокъ росту общественнаго самосознанія, всѣ прежнія постановленія и резолюціи различныхъ общественныхъ группъ и учрежденій теряютъ уже свой интересъ.

Жизнь властно вступаетъ въ свои права, и самые забитые люди начинаютъ заявлять недовольство существующимъ и желанія лучшаго будущаго.

Характернымъ показателемъ можетъ служить учрежденіе Союза Почтово-Телеграфскихъ чиновниковъ. Обыкновенно всѣ возникшіе въ послѣднее время Союзы, объединившіеся въ Союзъ Союзовъ, появлялись, правда, противъ желанія начальства, тѣмъ не менѣе при молчаливомъ согласіи его. Не то было съ новымъ Союзомъ, какъ видно изъ „Правит. Сообщенія“.

Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ доложилъ совѣту министровъ, что нѣкоторыми чиновниками, служащими по почтово-телеграфному вѣдомству въ Москвѣ, выработанъ уставъ всероссійскаго почтово-телеграфнаго союза, напечатанный въ издающейся въ Москвѣ газетѣ „Вечерняя почта“, экземпляры коей разсылались во всѣ почтово-телеграфныя учрежденія Имперіи съ приглашеніемъ служащихъ примкнуть къ означенному союзу. Дальнѣйшія свѣдѣнія указываютъ, что многіе чиновники заявили образовавшемуся въ Москвѣ центральному бюро названнаго союза о своемъ вступленіи въ члены онаго и вслѣдъ затѣмъ, по отзывамъ мѣстныхъ начальствующихъ лицъ, въ средѣ чиновъ почтово-телеграфныхъ учрежденій возникло броженіе, вредно отзывающееся на правильномъ теченіи дѣятельности почты и телеграфа.

Изъ опубликованнаго, какъ выше сказано, устава союза видно, что онъ имѣетъ цѣлью „коренным образомъ улучшить матеріальное и служебно-правовое положеніе почтовыхъ и телеграфныхъ служащихъ, а также и защиту ихъ корпоративныхъ интересовъ. Для этого союзъ стремится къ установленію та-

кого порядка, при которомъ выработка всѣхъ правительственныхъ законоположеній и мѣропріятій, касающихся служащихъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, находилась бы въ рукахъ служащихъ". При этомъ присовокупляется, что „въ виду того, что такой порядокъ даже и при измѣненномъ манифестомъ 17-го октября государственномъ строѣ не возможенъ, союзъ и выставляетъ требованіе полной гражданской свободы и народнаго представительства на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, безъ различія пола и національности".

Затѣмъ, изъ отдѣльныхъ положеній устава усматривается, что на обязанность членовъ союза и его мѣстныхъ органовъ возлагается, между прочимъ, изысканіе способовъ отстаиванія интересовъ служащихъ дпередъ произволомъ начальства; устройство различныхъ собраній, лекцій и митинговъ для обсужденія какъ профессіональныхъ, такъ и общественно-политическихъ вопросовъ. Кромѣ того, предусматривается, что изъ числа поступающихъ обязательныхъ членскихъ взносовъ 15 проц. отчисляется на организацію забастовки и 50 проц. въ забастовочный фондъ.

На основаніи всего этого Управл. М-ствомъ Вн. Дѣлъ доложилъ Совѣту М-стровъ, что чиновники, объявившіе себя членами упомянутаго союза, не могутъ оставаться на службѣ по почтово-телеграфному вѣдомству и что Всемилостивѣйшій манифестъ 17-го октября, который, по мнѣнію примкнувшихъ къ союзу чиновниковъ, даровалъ имъ право объединяться въ союзы, не имѣетъ и не могъ имѣть въ виду лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, связанныхъ присягой и въ силу сей присяги обязанныхъ подчиняться, по служебнымъ дѣламъ, установленнымъ въ законѣ условіямъ дисциплины".

Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Министра, и.. тѣмъ не менѣе Союзъ сформировался, и число членовъ его все растетъ. Мало того представители союза властно потребовали удаленія со службы г. Севастьянова, новаго начальника почтъ и телеграфовъ угрожая въ противномъ случаѣ общей забастовкой... И по всему видно, что имъ принуждены будутъ уступить.

Самосознаніе коснулось и крестьянъ. Мы уже сообщали объ образованіи Крестьянскаго Союза, насчитывающаго теперь сотни тысячъ членовъ. Теперь, 6 окт., въ Москвѣ открылся 2-й съѣздъ Союза.

Подобно рабочимъ Союзамъ, и Крестьянскій Союзъ начинаетъ уже сознавать свою силу.

Такъ, намъ передаютъ, что въ Харьковской губ. Союзъ охватилъ уже 5 уѣздовъ и переходитъ къ активной политикѣ. Напр., Сумскій отдѣлъ Союза объявилъ недавно, что крестьяне въ продолженіе 4 сутокъ не должны ни покупать въ Сумахъ чего либо, ни продавать туда. Объявлено также запрещеніе покупать вино изъ казенныхъ лавокъ.

Все это—факты, наводящіе на серьезное размышленіе.

А вотъ фактъ изъ жизни великорусскаго крестьянина.

Какъ извѣстно, въ бюро крестьянскаго союза въ огромномъ количествѣ отовсюду изъ разныхъ мѣстъ Россіи стали поступать приговоры крестьянскихъ обществъ по поводу 17-го октября.

Предъ нами — любопытный образецъ такихъ приговоровъ.

„1905 г., октября 31-го дня, мы, крестьяне Московской губ., Волоколамскаго уѣзда, Марковской волости, селенія Маркова, бывъ сего числа на общемъ сходѣ, имѣли сужденіе о причинахъ, которыя привели русскій народъ къ невѣжеству, нищетѣ, голоду, японской войнѣ съ ея позорнымъ миромъ и, наконецъ, къ неслыханнымъ до сего волненіямъ, смутѣ и кровавому междоусобію.

„По нашему искреннему и глубокому убѣжденію, перечисленныя невзгоды и несчастія произошли отъ того, что всѣ безъ исключенія трудящіяся массы Россійскаго государства до сего времени не только не пользовались никакой поддержкой правительства, а, наоборотъ, цѣликомъ были отданы въ полный и безотчетный произволъ небольшой группы господствующихъ классовъ—дворянъ, чиновниковъ и богатыхъ капиталистовъ.

„Крестьянство въ теченіе тысячи лѣтъ потоками своей крови и пота поливало необъятную ширь русской земли: оно покорило Сибирь, Литву, Польшу, Крымъ, Кавказъ, Туркестанъ и прочія страны, а что досталось отъ всѣхъ этихъ пріобрѣтеній на долю труженика-мужика? Огромнѣйшая часть лучшихъ земельныхъ угодій была роздана задаромъ разнымъ любимцамъ изъ придворной знати; на золотыхъ пріискахъ Сибири и не-

смѣтныхъ богатствахъ Урала хозяйничаютъ нѣсколько знатныхъ фамилій изъ дворянъ и крупныхъ капиталистовъ; неизсякаемые запасы кавказской нефти почти задаромъ розданы лицамъ, стоявшимъ у власти, изъ которыхъ одни перепродали ее иностранцамъ, а другіе остаются хозяевами дѣла и до сихъ поръ; въ Литвѣ царятъ различные бароны, захватившіе чуть-ли не всю Литовскую землю въ свои руки. Польша превратилась въ сплошную громадную фабрику, гдѣ капиталъ окончательно поработилъ трудъ.

„И такъ вездѣ, всегда и всюду у насъ господствуетъ и всѣми управляетъ или знатный дворянинъ, или богатый капиталистъ, трудящемуся же народу предоставлялось отказаться отъ всякаго духовнаго и умственнаго просвѣщенія, работать, сколько вытерпятъ силы, безпрекословно повиноваться распоряженіямъ всякаго начальства и слугамъ капитала, жить въ тѣсныхъ, темныхъ, грязныхъ и сырыхъ избахъ, питаться впроголодь мякиннымъ хлѣбомъ, картошкой и другой грубой пищей; если же не хватитъ заработка и на такое скудное существованіе, трудящимся людямъ, съ дозволенія начальства, предоставлялось поѣдать и другъ друга, примѣромъ чему могутъ послужить послѣднія событія на Кавказѣ.

„Въ такомъ положеніи находилось крестьянство во времена крѣпостного права, въ такомъ, за рѣдкими исключеніями, оно пребываетъ и посейчасъ. Всѣ огромнѣйшія пространства лучшихъ земельныхъ угодій, какъ, напримѣръ, лѣса, заливные луга остаются и послѣ освобожденія въ рукахъ помѣщиковъ; крестьяне получили лишь небольшіе надѣлы, въ площадь которыхъ весьма нерѣдко врѣзались клиньями такъ-называемые отрѣзки, безъ которыхъ крестьянамъ обойтись невозможно, и ихъ волей-неволей приходится арендовать, уплачивая различными отработками, такъ какъ за деньги отрѣзки помѣщики сдавать не желаютъ, боясь остаться безъ рабочихъ рукъ. Необходимо также имѣть въ виду и то, что за надѣльную землю съ крестьянъ назначены невозможно высокіе выкупные платежи, погашенію которыхъ не предвидится конца.

„Но сказаннымъ отнюдь не ограничилась политика государства, направленная къ разрушенію хозяйственнаго быта крестьянъ. Не давъ крестьянству почти ничего, правительство чиновниковъ всю свою мудрость направило на то, чтобы лишить трудящіеся классы какой-либо возможности стать на ноги: все, что потребляетъ крестьянинъ-рабочій, все, что для него является предметомъ первой необходимости,—чай, сахаръ, спички, водка, табакъ, керосинъ и проч.,—все это обложено громаднымъ акцизомъ. Кромѣ того, правительство оказывало за государственный счетъ, т. е., главнымъ образомъ, за крестьянскій, постоянную поддержку крупнымъ капиталистамъ и фабрикантамъ, накладывало пошлины на иностранные товары, создавало торговые банки, строило желѣзныя дороги и т. д., на долю же крестьянина изъ государственнаго бюджета не перепадало почти ничего. Оставляя народъ нищимъ, чиновники старались оставить его и рабомъ. Царь Александръ II даровалъ начала крестьянской свободы, нужно было развить ихъ, расширить права народа, ввести его въ кругъ управленія государствомъ. На дѣлѣ же вышло какъ разъ наоборотъ: освобожденные отъ произвола помѣщиковъ, трудящіеся классы очутились во власти чиновниковъ. Чиновникъ забралъ въ свои руки все: и власть, и судъ, и имущество, и честь, и жизнь людей, и, наконецъ, святая святыхъ русскаго народа — его вѣру. Ни о какихъ правахъ крестьянину до сего времени не позволялось и думать: распоряжались, судили его, отнимали его имущество, надругались надъ нимъ кто и какъ хотѣлъ, а съ введеніемъ земскихъ начальниковъ онъ уже цѣликомъ отданъ въ рабство чиновниковъ-дворянъ. Ни въ своихъ общественныхъ, ни въ семейныхъ, ни въ личныхъ, ни въ имущественныхъ дѣлахъ крестьянинъ не смѣлъ ступить шагу безъ разрѣшенія этого крестьянскаго царя и бога, какъ сами себя величали многіе земскіе начальники. Далѣе, чиновникамъ выгодно было народное невѣжество, поэтому они тормозили всякіе пути къ просвѣщенію: задерживали открытіе школъ, сокращали и искажали программу преподаванія, не допускали въ народныя библіотеки и читальни никакихъ сколько-нибудь обстоятельныхъ книгъ, могущихъ пробудить крестьянское самосознаніе.

„Такимъ образомъ, всѣ переживаемыя нашей родиной несчастія произошли отъ того, что надъ русскимъ народомъ все время властвовала небольшая кучка дворянъ, купцовъ и чиновниковъ: они продали ему за безбожно высокую цѣну небольшіе надѣлы плохихъ

угодій, они чуть-ли не задаромъ заставляли народъ работать исключительно на нихъ, они обложили народъ всякими непосильными податями, они безконтрольно распоряжались личностью и имуществомъ народныхъ массъ, они водили народъ на убійство и истребленіе другихъ народовъ, они держали народъ въ рабствѣ и невѣжествѣ, они заставляли его голодать. Народъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и возсталъ. Крестьяне и рабочіе захотѣли тоже жить по-человѣчески: они захотѣли нести теперь не однѣ обязанности, а имѣть и права; они захотѣли такой же свободы, какой пользуются дворяне и богатые люди; народъ хочетъ не только повиноваться, но и приказывать, народъ хочетъ самъ вести государственное и общественное хозяйство, народъ хочетъ зорко слѣдить, какъ будутъ выполнять его волю министры и другіе чиновники.

„Разумѣется, всѣмъ паразитамъ трудящагося населенія, которые въ теченіе вѣковъ безнаказанно сосали его кровь, народное движеніе послѣдняго времени пришлось не по душѣ: эти господа думаютъ и теперь сбить съ толку народную массу, они кричатъ, что эта смута, это междоусобіе устроено кучкой людей-крамольниковъ, идущихъ противъ Царя и православной вѣры. Нѣтъ, это неправда; это не смута, не междоусобіе, это встаетъ послѣ глубокаго сна русскій народъ-богатырь; это онъ стряхиваетъ съ своихъ рукъ и ногъ ржавыя цѣпи рабства и нищеты. И, конечно, не паразитамъ-черносотникамъ остановить или задержать это движеніе народа къ свободѣ.

„Самъ Царь заявилъ, что „благо Россійскаго государя неразрывно связано съ благомъ народнымъ“. Онъ, „даруя населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ“, призываетъ выборныхъ отъ народа раздѣлить съ нимъ власть надъ русской землей, установивъ, какъ незыблемое правило, чтобы „никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей“.

„Вполнѣ раздѣляя чувства, одушевляющія Царя и передовыхъ борцовъ за освобожденіе русскаго народа, мы, крестьяне, всецѣло присоединяемся къ настоящему освободительному движенію и заявляемъ“...

(Далѣе идутъ требованія: объ уничтоженіи сословій, о всесословной волости, о всеобщей и прямой подачѣ голосовъ въ Думу, о замѣнѣ косвенныхъ налоговъ прямыми, о надѣленіи крестьянъ землею на счетъ государства, о всеобщемъ безплатномъ образованіи и пр.).

Какая точная обрисовка современнаго положенія вещей, какой широкій взглядъ на вещи! Можно-ли, послѣ этого, отказать нашему народу въ умѣ и способности самоуправляться, въ чемъ высказываютъ ярое сомнѣніе непрошенные радѣтели народа à la Мещерскій, Грингмутъ, Бергъ и К°?

Наконецъ, броженіе коснулось и самой консервативной части нашего общества — военнаго сословія. Бунтъ на „Потемкинѣ“, исторія въ Либавѣ, Кронштадтѣ (въ 20-тыхъ числахъ окт.), наконецъ, въ Владивостокѣ ясно указали на недовольство одной части войска — флота — своимъ положеніемъ. Правда, въ виду недостатка организаціи, все дѣло свелось къ погрому и грабежу со стороны приставшихъ къ матросамъ хулигановъ, и потому эти возмущенія такъ скоро были подавлены. Ну, а будь организація?..

Вѣдь, Севастополь недавно еще нѣсколько дней (14—17 ноября) почти былъ въ рукахъ возставшихъ матросовъ и солдатъ. И на этотъ разъ не было погромовъ и пожаровъ: видимо, организація дѣйствуетъ. Что же будетъ потомъ, когда недовольство охватитъ все войско, и явится хорошая организація?!

Неужели и теперь — медлить съ реформами!!!

До сихъ поръ, повидимому, броженіе, начавшееся среди матросовъ и распространяющееся среди солдатъ, находило болѣе благопріятную почву для своего развитія среди нижнихъ чиновъ.

Но теперь оказывается, что въ извѣстномъ отношеніи не надеженъ и офицерскій составъ.

Въ „Руси“ напечатано письмо 12 офицеровъ гвардіи, трехъ офицеровъ арміи и одного офицера спеціальнаго рода службы слѣд. содержанія: „Корнетъ Фроловъ*), добровольно взявшій

*) „Отличился“ въ СПБ., при подавленіи „безпорядковъ“ во дни 20—22 октября.

на себя роль палача по отношенію къ беззащитной безоружной толпѣ, опозорилъ не только себя и часть, гдѣ онъ служитъ, но и каждаго, носящаго мундиръ русскаго офицера. Это не можетъ остаться безнаказаннымъ. Мы присоединяемъ свой голосъ къ пяти гвардейскимъ офицерамъ, но предлагаемъ другую реальную мѣру. Корнету Фролову предоставляется одинъ мѣсяцъ, съ 1 ноября по 1 декабря, для того, чтобы реабилитироваться судомъ или же очистить отъ себя русскую армію мѣрою, которая покажется ему наиболѣе цѣлесообразной. Если къ указанному сроку корнетъ Фроловъ не приметъ нужныхъ мѣръ, объявить военный бойкотъ не только ему, но и всему полку конной гвардіи, какъ бы пассивно одобряющему преступленіе вышеназваннаго офицера. Этого можно достичь: 1) исключеніемъ офицеровъ названнаго полка изъ клубовъ и неизбраніемъ ихъ въ члены всевозможныхъ комитетовъ и коммисій, общихъ для всего гвардейскаго корпуса; 2) не прикладывать руки къ козырьку при встрѣчѣ съ офицерами коннаго полка и 3) не приглашать ихъ на праздники другихъ частей корпуса".

Къ этому заявленію присоединились и другіе офицеры. И теперь среди СПБ. офицеровъ настойчиво уже ходитъ мысль—обратиться къ начальству съ заявленіемъ, чтобы войско освободили отъ полицейской службы. Да и вообще офицеры собираются сообща „выяснить свое отношеніе къ текущимъ событіямъ".

Правда, „начальство" всячески противодѣйствуетъ этому... но „міръ—великая сила", какъ показало послѣднее время,—и противъ массы трудно спорить.

И офицеры начинаютъ выдѣлять изъ своей среды народныхъ трибуновъ, въ родѣ лейтенанта Шмидта въ Севастополѣ.

Въ качествѣ оратора г. Шмидтъ выступилъ 20-го октября при погребеніи жертвъ участниковъ мирной манифестаціи у тюрьмы въ ночь полученія манифеста. Нужно замѣтить, не смотря на отсутствіе полиціи порядокъ на похоронахъ поддерживался образцовый, хотя собрались десятки тысячъ народа. Послѣ преданія землѣ убитыхъ къ братской могилѣ подошелъ П. П. Шмидтъ. Тихимъ, но полнымъ глубокой вѣры голосомъ началъ:

— У гроба подобаетъ творить однѣ молитвы, но да уподобятся молитвѣ слова любви и святой клятвы, которую я хочу произнести здѣсь вмѣстѣ съ вами. Когда радость переполнила души усопшихъ, то первымъ ихъ движеніемъ было идти скорѣе къ тѣмъ, кто томится въ тюрьмѣ, кто боролся за свободу и въ минуту общаго великаго ликованія былъ лишенъ этого высшаго блага. Они, неся съ собою вѣсти радости, спѣшили передать ее заключеннымъ, они просили выпустить ихъ и за это были... убиты. Они хотѣли передать другимъ высшее благо жизни, и за это лишились самой жизни. Страшное, невиданное преступленіе! Великое, непоправимое горе! Теперь ихъ души смотрятъ на насъ и вопрошаютъ безмолвно:

— Что же вы сдѣлаете съ этимъ благомъ, котораго мы лишены навсегда; какъ вы воспользуетесь свободой; можете ли вы обѣщать намъ, что мы—послѣднія жертвы произвола?

— И мы должны успокоить смятенныя души усопшихъ, мы должны поклясться имъ въ этомъ!

Ораторъ остановился, окинувъ взглядомъ десятки тысячъ окружавшаго его народа, какъ-бы съ вопросомъ: кто со мной?

Гробовая тишина, напряженное вниманіе царили кругомъ...

— Клянемся имъ въ томъ, — зазвенѣлъ окрѣпшій его голосъ,—что мы никогда не уступимъ никому ни одной пяди завоеванныхъ нами человѣческихъ правъ! Клянусь!— воскликнулъ ораторъ, поднявъ обѣ руки къ верху, какъ бы призывая само небо въ свидѣтели этой могучей клятвы.

— Клянусь!—пронесся за нимъ многотысячный голосъ народа.

— Клянемся имъ въ томъ, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положимъ за сохраненіе нашей свободы.

— Клянусь! Клянусь!—повторила толпа.

Ораторъ какъ-бы выросъ. Онъ уже владѣлъ народомъ и продолжалъ все болѣе и болѣе могучимъ голосомъ:

— Клянемся имъ въ томъ, что свою свободную общественную работу мы всю отдадимъ на благо рабочаго неимущаго люда.

— Клянусь! Клянусь! Клянемся!—пронеслось въ воздухѣ.

— Клянемся имъ въ томъ,—продолжалъ вдохновенно лейтенантъ,—что между нами не будетъ ни еврея, ни армянина, ни по-

ляка, ни татарина, ни русскаго, а что мы всѣ отнынѣ будемъ равные граждане великой свободной Россіи. Клянусь!

И повторенное народомъ „клянусь" раскатилось по всѣмъ прилегающимъ холмамъ.

— Клянемся имъ въ томъ, что мы доведемъ ихъ дѣло до конца и добьемся всеобщаго избирательнаго, равнаго для всѣхъ права. Клянусь!

Передъ народомъ былъ ужъ не ораторъ, а властный трибунъ, за которымъ готова идти многотысячная толпа.

— Клянемся имъ въ томъ, — раздался вновь стальной голосъ оратора,—что если намъ не будетъ дано всеобщее избирательное право, мы снова провозгласимъ великую россійскую забастовку. Клянусь!—окончилъ ораторъ.

„Клянусь!" раскатилось громомъ по всѣмъ окрестностямъ.

Ораторъ кончилъ. Его цѣловали, обнимали...

Лейтенантъ, блѣдный и слабый послѣ высокаго духовнаго напряженія, смѣшался съ толпой. Его надгробное всенародное слово останется на всю жизнь въ душѣ слушателей: такъ непривычно сильно было оно.

(За эту рѣчь смѣлый ораторъ былъ арестованъ. Ему грозило суровое наказаніе, если бы общество не вступилось за него и не потребовало, согласно просьбѣ г. Штейна, гласнаго суда присяжныхъ. И требованія общества были уважены: лейтенанта, уволивъ со службы, освободили). Теперь, по слухамъ г. Шмидтъ сдѣлался начальникомъ возставшаго флота въ Севастополѣ и далъ сраженіе правит. войскамъ, но скоро принужденъ былъ сдаться...

Если такъ настроены находящіяся здѣсь войска, то что же можно ожидать отъ 80,000 нашихъ плѣнныхъ въ Японіи? И дѣйствительно, испытавъ весь ужасъ позора безславной войны и сознанія своей полной невиновности въ происшедшемъ съ ними, они, конечно, съ жаромъ набросились на свободную прессу, которую доставляли имъ тѣ же японцы.

Свободное время дало возможность и солдатамъ, и офицерамъ обсудить общее положеніе,—и они прозрѣли, прозрѣли на горе бюрократіи, заставившей ихъ испытывать труды, лишенія и безславный плѣнъ.

Теперь вотъ какія краснорѣчивыя обращенія къ родинѣ шлютъ, напримѣръ, плѣнные офицеры изъ Японіи.

Къ офицерамъ.

„Во всѣхъ городахъ Японіи, гдѣ размѣщены мы, военно-плѣнные офицеры и нижніе чины, образовались либеральные офицерскіе кружки, поставившіе себѣ въ задачу пропаганду революціоннаго движенія какъ между себѣ равными, такъ и среди нижнихъ чиновъ.

„Главная задача нашихъ кружковъ подготавливать опытныхъ инструкторовъ для Россіи какъ въ офицерской, такъ и въ солдатской средѣ, сохраняя при этомъ тѣсную связь между собою и послѣ возвращенія въ Россію.

„Движимые любовью къ своему отечеству, мы прекрасно понимаемъ, что только путемъ самыхъ коренныхъ реформъ въ государственномъ строѣ Россія будетъ въ состояніи поднять армію на должную высоту, иначе она снова и очень легко подвергнется тяжкому позору.

Вѣдь, какъ мы, офицеры, такъ и солдаты одинаково жертвовали своею жизнью за отечество, терпѣли голодъ и холодъ со всѣми лишеніями военнаго времени, многіе изъ насъ страдали отъ ранъ, а многимъ суждено было остаться на всю жизнь калѣками.

„Одно наше горе заключалось въ томъ, что большинство изъ насъ и всѣ безусловно солдаты не знали, за что мы идемъ отдавать наши жизни и здоровье. Обманывали насъ и морочили во всемъ, даже въ томъ, что касалось прямого нашего дѣла.

„Испытавъ позоръ тяжелаго плѣна, послѣ цѣлаго ряда пораженій, мы не въ состояніи больше переносить угнетающаго режима въ Россіи и во имя военной чести, замаранной благодаря несостоятельности въ нашемъ отечествѣ самодержавія и корыстнаго правленія бюрократіи, требуемъ политической свободы, свободы слова, личности, печати, сходокъ, обществъ и равенства національностей. Словомъ, требуемъ самой широкой, обезпечивающей народную свободу конституціи.

„Товарищи! Вѣдь мы покрыты теперь позоромъ, нашъ мундиръ и честь поруганы, и только благодаря существующему государственному строю.

„Не нашъ ли долгъ обезпечить армію отъ подобныхъ ужасовъ на будущее время?

„Солдаты всегда шли и пойдутъ за нами, если только потребуется ихъ сила, чтобы сломить уже надломленную мощь отживающаго самодержавія.

Маціямо, Японія,
16 авг. 1905 г.

Если вспомнить, что плѣнные большею частью храбрецы, бывшіе всегда впереди, то вышеприведенное письмо получитъ особый смыслъ. Недаромъ съ эвакуаціей плѣнныхъ у насъ не торопятся. Возвратившіеся изъ плѣна портъ-артурцы и другіе герои покажутъ г.г. Фроловымъ и К°, показывающимъ свою храбрость на беззащитныхъ, *въ чемъ они* понимаютъ истинную храбрость воина.

Въ самой арміи все громче и громче раздаются теперь голоса, указывающіе на невозможное состояніе нашей арміи.

Любопытная рѣчь на эту тему была произнесена въ Асхабадскомъ военномъ Собраніи 6 ноября г. Дьяковымъ, служившимъ 8 лѣтъ артилл. офицеромъ.

Онъ имѣлъ мужество открыто обнажить тѣ язвы, которыми гноится наше „воинство“.

„Наша армія,—говоритъ между прочимъ онъ,—служитъ не народу, не отечеству, а правительству; интересы народные нашей арміи чужды, она ихъ не понимаетъ и не хочетъ понимать“... Она „является паразитомъ своего народа, она сосетъ его, какъ дойную корову, она разоряетъ народъ, причиняетъ народу зло за добро и т. д.“. Почему же это такъ? Потому, что „правительство умышленно держитъ армію въ невѣжествѣ, закрывая ей глаза, чтобы она не поняла своего истиннаго положенія“. „Путемъ цѣлаго ряда обмановъ, путемъ притупленія человѣческаго разума наше бюрократическое правительство достигаетъ того, что наша армія превращается въ слѣпое орудіе, въ машину, которая поддерживаетъ власть и престижъ правительства“... И далѣе: „Бюрократизмъ сдѣлалъ то, что мы сами не стали уважать свою армію. Бюрократы—офицеры учили: „званіе солдата—почетное званіе“, а на доскахъ нашихъ городскихъ садовъ, по распоряженію тѣхъ же бюрократовъ, писали: „входъ собакамъ и нижнимъ чинамъ воспрещается“...

„Господа! —взывалъ офицеръ.— „Надо создать народную армію, а не правительственную, надо, чтобы армія присягнула народу во главѣ его представителей въ учредительномъ собраніи, надо создать могучую духомъ армію, прекрасно обученную, сознательную армію, а не слѣпое орудіе. „Для того, чтобы создать новую армію, нужны талантливые, безкорыстные и горячо преданные военному дѣлу люди, имъ надо дать широкій ходъ, не стѣсняясь ни чинами, ни лѣтами, ни дипломомъ“. „Солдатъ долженъ быть любимымъ дѣтищемъ своего народа, предметомъ его постоянныхъ заботъ. Армія можетъ быть и не велика, но она должна быть сильна духомъ“... „Дисциплина разума должна преобладать надъ дисциплиной палки“. „Вотъ какова, на мой взглядъ, должна быть народная армія, не такая, какъ у насъ“...

Однако, оратору не дали кончить: послышались негодующіе голоса протестантовъ,—и лекція была прекращена.

А развѣ г. Дьяковъ сказалъ неправду? Нѣтъ, „правда черезчуръ колола глаза“...—и ихъ умышленно закрыли. На долго ли только такой способъ лѣченія такъ будетъ дѣйствителенъ?

При общемъ революціонномъ настроеніи, охватившемъ всѣ слои народа, всѣ состоянія и сословія, за исключеніемъ развѣ полиціи и хулигановъ, неудивительно, что и у насъ, какъ на Западѣ, стали образовываться политическія партіи, отъ самыхъ смѣлыхъ, красныхъ, до партіи „русскихъ людей“ приверженцевъ старыхъ порядковъ (но эта партія самая малочисленная), тогда какъ раньше знали только двѣ, да и то нелегальныя партіи, соціалъ-демократическую и соціалъ-революціонную.

Въ настоящее время больше всего говорятъ о слѣд. партіяхъ: 1) правая —монархисты—конституціоналисты („Союзъ русскихъ людей“) и русская партія промышленниковъ и купцовъ, 2) центръ,—прогрессивная промышленная партія и партія правового порядка, а также партія 17 окт. и партія свободомыслящихъ, народохозяйственная и т. п., 3) умѣрен. лѣвая, —конституціонно-демократическая партія, радикальная партія и партія соціальныхъ и экономическихъ реформъ, 4) крайняя лѣвая, россійская соціалъ-демократическая партія (фракція боль-

шинства и фракція меньшинства) и соціально-революціонная партія.

Однако, нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ еще не сформировались окончательно, а нѣкоторыя, повидимому, сливаются другъ съ другомъ. Хроникеръ не успѣваетъ заносить въ свою хронику растущія, какъ грибы, партіи. И это характерное знаменіе времени: общее возбужденіе находитъ въ нихъ естественный выходъ...

Самая популярная у молодежи и среди рабочихъ, несомнѣнно, соціалъ-демократическая партія, открыто выставляющая своимъ лозунгомъ республику, а въ сферѣ аграрнаго вопроса требующая экспропріаціи земли безъ выкупа.

Программа ея слѣд.

1) Самодержавіе народа, т. е. сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ представителей народа и образующаго одну палату;

2) Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборахъ какъ въ законодательное собраніе, такъ и во всѣ мѣстные органы самоуправленія для всѣхъ гражданъ и гражданокъ, достигшихъ 20 лѣтъ; тайное голосованіе при выборахъ; право каждаго избирателя быть избраннымъ во всѣ представительныя учрежденія; двухгодичные парламенты; жалованье народнымъ представителямъ:

3) Широкое мѣстное самоуправленіе; областное самоуправленіе для тѣхъ мѣстностей, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и составомъ населенія;

4) Неприкосновенность личности и жилища;

5) Неограниченная свобода совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ;

6) Свобода передвиженія и промысловъ;

7) Уничтоженіе сословій и полная равноправность всѣхъ гражданъ независимо отъ пола, религіи, расы и національности;

8) Право населенія получать образованіе на родномъ языкѣ, обезпечиваемое созданіемъ на счетъ государства и органовъ самоуправленія необходимыхъ для этого школъ; право каждаго гражданина объясняться на родномъ языкѣ на собраніяхъ; введеніе родного языка наравнѣ съ государственнымъ во всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ;

9) Право на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства;

10) Право каждаго лица преслѣдовать въ обычномъ порядкѣ передъ судомъ присяжныхъ всякаго чиновника;

11) Выборность судей народомъ;

12) Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа;

13) Отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви;

14) Даровое и обязательное общее и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16 лѣтъ; снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства.

Какъ основного условія демократизаціи нашего государственнаго хозяйства, Россійская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія требуетъ: *отмѣны косвенныхъ налоговъ и установленія прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства.*

Въ интересахъ охраны рабочаго класса отъ физическаго и нравственнаго вырожденія, а также и въ интересахъ развитія его способности къ освободительной борьбѣ, партія требуетъ:

1) Ограниченія рабочаго дня восемью часами въ сутки для всѣхъ наемныхъ рабочихъ;

2) Установленія закономъ еженедѣльнаго отдыха, непрерывно продолжающагося не менѣе 42 часовъ, для наемныхъ рабочихъ обоего пола во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства;

3) Полнаго запрещенія сверхурочныхъ работъ;

4) Воспрещенія ночного труда (отъ 9 ч. вечера до 6 час. утра) во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ онъ безусловно необходимъ по техническимъ соображеніямъ, одобреннымъ рабочими организаціями;

5) Воспрещенія предпринимателямъ пользоваться трудомъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ (до 16-ти лѣтъ) и ограниченія рабочаго времени подростковъ (16—18 лѣтъ) 6-ю часами;

6) Воспрещенія женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ онъ вреденъ для женскаго организма; освобожденія женщинъ отъ работы въ теченіе 4-хъ недѣль до и 6-ти недѣль послѣ родовъ, съ сохраненіемъ заработной платы въ обычномъ размѣрѣ за все это время;

7) Устройства при всѣхъ заводахъ, фабрикахъ и другихъ предпріятіяхъ, гдѣ работаютъ женщины, яслей для грудныхъ и малолѣтнихъ дѣтей; освобожденія женщинъ, кормящихъ ребенка, отъ работы не рѣже, чѣмъ черезъ три часа, на время не менѣе, чѣмъ на полчаса;

8) Государственнаго страхованія рабочихъ на случай старости и полной или частичной потери способности къ труду за счетъ спеціальнаго фонда, составленнаго путемъ особаго налога на капиталистовъ;

9) Воспрещенія выдачи заработной платы товарами; установленія еженедѣльнаго срока расплаты деньгами по всѣмъ безъ исключенія договорамъ о наймѣ рабочихъ и выдачи заработка въ рабочее время;

10) Запрещенія предпринимателямъ производить денежные вычеты изъ заработной платы, по какому-бы поводу и для какого-бы назначенія они ни дѣлались (штрафы, браковка и проч.);

11) Назначенія достаточнаго количества фабричныхъ инспекторовъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства и распространенія надзора фабричной инспекціи на всѣ предпріятія, употребляющія наемный трудъ, не исключая казенныхъ (трудъ домашней прислуги входитъ также въ сферу этого надзора); назначенія инспектриссъ въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ примѣняется женскій трудъ; участія выбранныхъ рабочими и оплаченныхъ государствомъ представителей въ надзорѣ за исполненіемъ фабричныхъ законовъ, а также за составленіемъ расцѣнковъ, пріемкой и браковкой матеріала и результатовъ работы;

12) Надзора органовъ мѣстнаго самоуправленія, съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ, за санитарнымъ состояніемъ жилыхъ помѣщеній, отводимыхъ рабочимъ предпринимателями, равно какъ за внутреннимъ распорядкомъ этихъ помѣщеній и за условіями отдачи ихъ въ наймы, — въ цѣляхъ огражденія наемныхъ рабочихъ отъ вмѣшательства предпринимателей въ жизнь и дѣятельность ихъ, какъ частныхъ лицъ и гражданъ;

13) Учрежденія правильно организованнаго санитарнаго надзора во всѣхъ предпріятіяхъ, употребляющихъ наемный трудъ, при полной независимости всей врачебно-санитарной организаціи отъ предпринимателей; безплатной медицинской помощи для рабочихъ за счетъ предпринимателей, съ сохраненіемъ содержанія во время болѣзни;

14) Установленія уголовной отвѣтственности нанимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда;

15) Учрежденія во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства промысловыхъ судовъ, составленныхъ поровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей;

16) Возложенія на органы мѣстнаго самоуправленія обязанности учредить посредническія конторы по найму мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ (биржи труда) во всѣхъ отрасляхъ производства съ участіемъ въ ихъ управленіи представителей отъ рабочихъ организацій.

Въ цѣляхъ-же устраненія остатковъ крѣпостного порядка, которые тяжелымъ гнетомъ лежатъ непосредственно на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ, партія требуетъ прежде всего:

1) Отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе;

2) Отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей;

3) Возвращенія крестьянамъ денежныхъ суммъ, взятыхъ съ нихъ въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей; конфискаціи съ этой цѣлью монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, а также имѣній удѣльныхъ, кабинетскихъ и принадлежащихъ лицамъ царской фамиліи; а равно обложенія особымъ налогомъ земель землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращенія суммъ, добытыхъ этимъ путемъ, въ особый народный фондъ для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ;

4) Учрежденія крестьянскихъ комитетовъ: а) для возвращенія сельскимъ обществамъ (посредствомъ экспропріаціи или — въ томъ случаѣ, если земли переходили изъ рукъ въ руки,—выкупа государствомъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія) тѣхъ земель, которыя отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія; б) для передачи въ собственность крестьянъ на Кавказѣ тѣхъ земель, которыми они пользуются, какъ временно-обя-

занные, хизаны и проч.; в) для устраненія остатковъ крѣпостныхъ отношеній, уцѣлѣвшихъ на Уралѣ, на Алтаѣ, въ Западномъ Краѣ и въ другихъ областяхъ государства;

5) Предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ.

Осуществленіе этой программы Россійская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія видитъ въ насильственномъ переворотѣ и созывѣ *учредительнаго собранія*.

— — —

Къ партіи соц.-демократической примыкаетъ недавно (всего 3 ноября) сформировавшаяся радикальная партія (организаторы: прис. пов. Маргуліесъ, пр.-доц. Спб. Унив. Рихтеръ, землевл. Дмитріевъ и др., пр.-доц. Медиц. Акад. Олейниковъ, врачи Геллать, Жихаревъ и др.)

Она выставила слѣдующую программу:

1) Партія признаетъ наиболѣе законченною формою политическаго строя—демократическую республику.

При конституціонной-же формѣ правленія партія, оставаясь вѣрной своей программѣ, считаетъ необходимымъ строго парламентарный строй съ министрами, избираемыми изъ членовъ парламентскаго большинства и отвѣтственными предъ народными представителями не только за нарушеніе закона, но и за направленіе политики.

2) Считая анти-демократическою такую двухпалатную систему, при которой верхняя палата избирается членами губернскихъ земствъ, хотя-бы и реформированныхъ на демократическихъ началахъ, радикальная партія не считаетъ цѣлесообразной и такую верхнюю палату, которая избирается на основаніи всеобщаго, равнаго и прямого голосованія и поэтому останавливается на требованіи одной палаты.

3) Далѣе, радикальная партія считаетъ нужнымъ установить принципъ широкой національно-политической автономіи. Принципъ автономіи лишь нѣсколькихъ крупныхъ областей, имѣющихъ въ недалекомъ прошломъ политическую самостоятельность, не можетъ удовлетворить всѣ тѣ національности въ Россіи, которыя никогда не имѣли политической автономіи или, хотя и имѣли, но представляютъ теперь количественно и территоріально сравнительно незначительныя массы.

Удовлетвореніе законнаго стремленія и такихъ національныхъ массъ къ политической автономіи можетъ быть допущено безъ всякаго ущерба для цѣлости Россіи, распространеніемъ политической автономіи, наряду съ административною, на мелкія территоріальныя единицы.

Не представляя изъ себя ничего утопическаго при широкомъ развитіи земскихъ учрежденій, и нынѣ надѣленныхъ административною, а частью и законодательною автономіею, федерація небольшихъ территоріальныхъединицъ, или соединенные россійскіе штаты дадутъ возможность всѣмъ національностямъ осуществить, хотя бы на незначительной территоріи, дорогія имъ національно-культурныя задачи въ самой широкой степени. Сверхъ того, только такіе соединенные штаты съ широкою мѣстною законодательною и административною автономіею могутъ сохранить полноеединство Россіи.

4) Партія считаетъ необходимымъ вмѣстѣ съ широкою федералистическою системою осуществленіе въ штатахъ права референдума, являющагося необходимою предпосылкою народовластія.

5) Далѣе, партія требуетъ полнаго, безъ какихъ бы то ни было оговорокъ и ограниченій, распространенія на женщинъ политическихъ правъ.

6) Наконецъ, партія требуетъ немедленнаго уничтоженія всѣхъ сословныхъ различій, отличій, всѣхъ титуловъ, чиновъ, знаковъ отличій и т. д.

7) Въ сферѣ рабочаго вопроса радикальная партія, относясь глубоко сочувственно къ задачамъ соціалистическихъ партій, признаетъ необходимость вмѣшательства общества въ отношеніе между работодателями и работающими, необходимость привлеченія рабочихъ классовъ къ участію какъ въ разрѣшеніи конфликтовъ между ними и работодателями, такъ въ надзорѣ за условіями труда, а также осуществленіе всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя въ своей совокупности составляютъ минимумъ требованій соціалистическихъ партій.

8) По аграрному вопросу радикальная партія останавливается на необходимости:

1. Образованіе земельнаго фонда.

а) путемъ экспропріаціи безовсякаго вознагражденія земель государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и церковныхъ;

б) путемъ экспропріаціи за минимальное вознагражденіе частновладѣльческихъ земель;

в) путемъ неотчужденія земельныхъ участковъ, принадлежащихъ городамъ и мѣстечкамъ.

II) Установленія максимальнаго предѣла частнаго владѣнія землею съ тѣмъ, чтобы экспропріаціи подлежало все количество земли, превышающее этотъ максимумъ владѣнія.

III. Отдачу изъ земельнаго фонда земель только въ арендное пользованіе лично обрабатывающимъ землю.

9) Въ сферѣ финансовой партія стоитъ за единый прогрессивный подоходный налогъ и прогрессивный налогъ на наслѣдство.

10) Далѣе, партія требуетъ полнаго отдѣленія церкви отъ государства и школы отъ церкви.

11) Въ дѣлѣ народнаго образованія партія стоитъ за безплатное и обязательное первоначальное обученіе.

12) Партія требуетъ широкой реформы существующихъ условій военнаго строя и военной службы введеніемъ милиціи.

О соціалъ-революціонерахъ мы не говоримъ, такъ какъ программа ихъ сходна съ соц.-демократами, и различіе, намъ кажется, существуетъ лишь въ способахъ достиженія цѣли, да и тутъ много общаго: насильственный переворотъ.

Соц.-демократическая и новая радикальная партіи, не смотря на увлеченіе ими, врядъ ли, однако, окажутся господствующими. И вотъ почему. Прежде всего, ихъ цѣль,—республика, намъ кажется, еще долго будетъ неосуществимой; да и удобна ли, полезна ли республика при разноплеменности населенія Россіи, ея громадномъ протяженіи, а, главное, при глубокомъ невѣжествѣ громадной массы населенія? Это—разъ. Затѣмъ, часть партійной программы — экспропріація безъ выкупа земли, не говоря уже о неправомѣрности, встрѣтитъ отчаянное сопротивленіе и можетъ вызвать острый конфликтъ съ сосѣдними странами.

Вѣдь, вспомнимъ, сколько чужихъ милліардовъ вложено въ русскія предпріятія! А развѣ Россія въ силахъ воевать со всѣмъ міромъ?

Экспропріація земли (безъ выкупа), такъ же, какъ и экспропріація фабрикъ — пока еще утопія. И напрасно пылкіе умы останавливаются на ней, когда предстоитъ завоевать еще тотъ minimum правъ, безъ котораго тяжело жить.

Вотъ почему намъ кажется, что наибольшимъ успѣхомъ должна пользоваться правовая партія умѣренныхъ демократовъ, или конституціонно-демократическая, задачи которой прекрасно очерчены г. Струве въ его „Освобожденіи“.

„Партія эта,—говоритъ онъ—формируется въ эпоху, когда въ русской жизни имѣются уже на лицо другія партіи съ рѣзко обозначенными программами и тактическими тенденціями.

„Эти послѣднія партіи, соціалъдемократическая и соціальнореволюціонная, суть группы, которыя сами желаютъ быть и считаться „революціонными“: они проникнуты убѣжденіемъ, что и политическія, и соціальныя реформы, въ которыхъ нуждается Россія, должны быть осуществлены насильственнымъ путемъ, т. е. что эти реформы не только будутъ такъ осуществлены, но что такой путь ихъ осуществленія есть единственный желательный, къ которому надлежитъ всячески стремиться, подготовляя въ этомъ смыслѣ умы въ народѣ и обществѣ и, по возможности, создавая послѣдовательный рядъ конфликтовъ между правительствомъ и народомъ для этой именно цѣли.

„Конституціонно-демократическая партія въ этомъ смыслѣ не является и не можетъ являться партіей „революціонной“. Она имѣетъ въ виду достиженіе опредѣленныхъ политическихъ цѣлей, а вопросъ о средствахъ осуществленія этихъ цѣлей принципіально рѣшаетъ въ пользу средствъ мирныхъ. Противъ такого рѣшенія обыкновенно выдвигается соображеніе, что только тѣ права утверждены прочно, которыя отвоеваны самимъ обществомъ. Но это указаніе можетъ только по недоразумѣнію выдвигаться, какъ аргументъ противъ мирныхъ средствъ борьбы. Принципу „завоеванія“ мирныя средства нисколько не противорѣчатъ. Съ нашей философско-политической точки зрѣнія вопросъ о мирномъ или немирномъ характерѣ средствъ въ принципѣ долженъ быть рѣшенъ въ пользу средствъ мирныхъ или правовыхъ, фактически же рѣшеніе этого вопроса зависитъ гораздо больше отъ правительства, чѣмъ отъ борющихся за свободу общественныхъ

группъ. Насъ могутъ заставить силой отвѣчать на силу; но мы не можемъ насильственное нападеніе возвести въ руководящее начало тактики.

„Въ процессѣ борьбы за свободу вся политическая программа „крайнихъ“ партій можетъ быть, такъ сказать, развернута самими событіями, но это не значитъ, чтобы эта программа вся была объективно обоснована уже въ настоящемъ политическомъ состояніи страны. Такъ, ходъ событій во Франціи съ 1789 г. привелъ къ республикѣ; такъ, въ пуританскую революцію Англія пришла тоже къ республикѣ, но Робеспьеръ и Кромвель не были республиканцами въ силу программы, а стали таковыми въ силу событій, которыя, конечно, вытекали одно изъ другого, но которыя—какъ это ясно a priori и какъ это еще яснѣе ощущалось самими дѣйствующими лицами, не подчинялись никому fatum'у, внѣ воли людей лежащему.

„Требованіе республики, провозглашаемое соціалъдемократической и соціальнореволюціонной партіей, есть требованіе программы, а не жизни, вытекаетъ изъ доктрины, а не изъ событій. Но и какъ программное, оно не обладаетъ объективной политической необходимостью. Отъ требованій — всеобщаго избирательнаго права, гражданскихъ свободъ, законодательнаго характера представительства отъ этихъ требованій никакая демократическая партія не можетъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, отказаться. Но *требованіе республики сразу же потеряетъ всякую тѣнь смысла*, даже того условнаго, который оно имѣетъ въ русскихъ условіяхъ, *если будетъ осуществлена конституціонно- парламентарная монархія съ широко-демократической конституціей*. Въ этомъ случаѣ сами соціально-революціонныя партіи, оставивъ это требованіе въ программахъ, въ пропагандѣ должны будутъ снять его съ очереди, какъ потерявшее всякую почву въ условіяхъ дѣйствительности.

Вотъ почему, прежде всего, конституціонно-демократическая партія не можетъ вписать этого требованія въ свою программу,

„Гораздо глубже по существу другой пунктъ расхожденія конституціонно-демократической партіи съ „революціонными“ партіями. Конституціонно-демократическая партія будетъ заключать въ своемъ составѣ и несоціалистовъ, и соціалистовъ. Но соціализмъ она не впишетъ въ свою программу, ибо даже тѣ соціалисты, которые примкнутъ къ этой партіи, будутъ принадлежать къ числу такихъ соціалистовъ, которые — и по теоретическимъ, и по практическимъ соображеніямъ—не дорожатъ никакой доктринальной формулировкой соціализма и, не поклоняясь идолу частной собственности, не молятся также и фетишу коммунизма.

„Аграрный вопросъ несомнѣнно возбудитъ въ самой конституціонно-демократической партіи серьезныя разногласія теоретическаго свойства: въ партіи будутъ, навѣрное, и убѣжденные сторонники національзаціи земли, и принципіальные противники этой идеи. Но въ своей экономической программѣ наша партія не можетъ отправляться ни отъ какихъ доктринальныхъ плановъ не только всего народнаго хозяйства, но даже и одного только аграрнаго строя.

„Она должна стоять на почвѣ реальной политики. Частная земельная собственность не будетъ для нея „табу“, но, съ другой стороны, она должна *категорически и принципіально отвергнуть идею экспропріаціи безъ вознагражденія, т. е. конфискаціи частновладѣльческихъ земель*. Идеѣ конфискаціи наша партія должна, безъ колебаній и недомолвокъ, противопоставить идею выкупа части частновладѣльческихъ земель *на государственный счетъ* въ пользу трудового крестьянства. Конфискація помѣщичьей земли, какъ извѣстно, занимаетъ центральное мѣсто въ программѣ и пропагандѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и популярна и въ средѣ передового крестьянства. Въ виду этого, необходимо неустанно разъяснять полную правовую, экономическую и финансовую несостоятельность этой идеи. Конфискація чьей бы то ни было собственности должна быть отвергнута, какъ вопіющее нарушеніе правового принципа, какъ мѣра, которая подорветъ въ корнѣ общественное правосознаніе.

„Это—принципіальная сторона вопроса. На нее слѣдуетъ теперь же обратить вниманіе. Но ею дѣло не ограничивается. Конфискація частной земельной собственности въ Россіи разомъ подорветъ ея государственный кредитъ и тѣмъ неминуемо навле-

четъ на Россію государственное банкротство съ самыми тягостными международными послѣдствіями. Когда будетъ объявлено, что въ Россіи законно пріобрѣтенная собственность будетъ захвачена безъ вознагражденія, Россія тѣмъ самымъ исключитъ себя изъ международнаго финансоваго общенія и создастъ у себя небывалый финансовый крахъ, въ которомъ могутъ погибнуть всѣ пріобрѣтенія революціи и который проложитъ путь реакціи.

„Въ виду того, что идея *конфискаціи* помѣщичьей земли пользуется въ крестьянской массѣ весьма естественной популярностью и что крестьянская масса можетъ быть поднята во имя этой *дикой* идеи, что будетъ стоить крестьянству безчисленныхъ жертвъ и отклонитъ его отъ разумной борьбы за право въ формахъ права,—конституціонно-демократическая партія должна категорически размежеваться съ представителями этой идеи. Въ этомъ пунктѣ, въ виду его огромнаго принципіальнаго и практическаго значенія, необходима не допускающая никакихъ сомнѣній ясность. Очень жаль, если на крестьянскомъ съѣздѣ не нашлось людей, которые спокойно, но энергично выяснили бы не только правовую, но и финансовую несостоятельность идеи конфискаціи и крайнюю опасность для самого крестьянства распространенія въ немъ подобныхъ фантастическихъ идей, которыя могутъ принести ему только горькое разочарованіе".

„Будемъ же,—заключаетъ Струве,—смѣло и твердо бороться за принципы свободы и права! Пусть наша партія будетъ *активной и принципіальной* партіей *освобожденія и права*"!

Несомнѣнно, когда первый взрывъ увлеченія пройдетъ, и настанетъ пора серьезнаго анализа, а главное—когда послѣдніе бюрократы сойдутъ со сцены, и ихъ возмутительное поведеніе не будетъ возбуждать народныя страсти,—партія освобожденія и права войдетъ въ силу, хотя, быть можетъ, часть программы ея (напр., по вопросу объ окраинахъ *) и измѣнится.

*) Въ этомъ вопросѣ редакція ж. „Наука и Жизнь" держится, хотя также демократическаго, но нѣсколько отличнаго отъ партіи г. Струве взгляда; но объ этомъ послѣ.—*Ред.*

Некрологи.

---

† Князь С. Н. Трубецкой.

30 сент. въ Спб. умеръ князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой, извѣстный философъ и первый выборный ректоръ возродившагося къ новой жизни московскаго университета. Ранѣе князь Трубецкой пользовался извѣстностью только среди ученыхъ и среди небольшой части публики, живо интересовавшейся его „Критической метафизикой“ и выходившимъ подъ его редакціей журналомъ „Вопросы философіи и психологіи“. Но затѣмъ онъ сталъ извѣстенъ всей мыслящей Россіи, чутко прислушивавшейся къ его мнѣніямъ, какъ энергичный вождь нашего общественнаго движенія, радѣтель интересовъ обновляющейся родины нашей. Наконецъ, въ послѣднее время къ общей его дѣятельности прибавилась еще и дѣятельность университетская. Любимый молодежью, онъ весь полонъ былъ заботъ о возможно лучшей постановкѣ университетской жизни и науки, для чего и прибылъ въ Петербургъ на совѣщаніе у министра народнаго просвѣщенія, гдѣ и постигъ его смертельный недугъ.

Князь Трубецкой сошелъ съ жизненной сцены въ самомъ расцвѣтѣ своего огромнаго дарованія и своей общественной дѣятельности. Онъ родился въ 1862 году въ Московской губерніи и воспитывался въ калужской гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ московскаго университета. Здѣсь началась и его профессорская дѣятельность, когда въ 1888 году онъ былъ приглашенъ читать лекціи философіи въ качествѣ приватъ-доцента. Въ слѣдующемъ году онъ блестяще защитилъ магистерскую диссертацію „Метафизика въ древней Греціи“, а въ 1900 году — докторскую „Ученіе о Логосѣ“. Въ томъ же году онъ былъ утвержденъ въ званіи профессора по каѳедрѣ философіи. Обѣ диссертаціи князя Трубецкого относятся къ философско-историческимъ трудамъ его, тогда какъ обширная статья его „Основанія идеализма“, по поводу которой съ нимъ полемизировалъ другой нашъ замѣчательный мыслитель, Б. Н. Чичеринъ, принадлежитъ къ его работамъ въ области метафизики. Послѣ Н. Я. Грота князь Трубецкой принялъ на себя редакцію журнала „Вопросы философіи и психологіи“, въ которомъ помѣщенъ рядъ его статей, которыя, подобно остальнымъ его работамъ, отличаются глубиною философской мысли и необыкновеннымъ изяществомъ изложенія. Князь Трубецкой откликнулся и на философскія теченія въ нашей литературѣ; ему, между прочимъ, принадлежитъ статья, характеризующая міросозерцаніе талантливаго беллетриста и мыслителя К. Н. Леонтьева, называющаяся „Разочарованный славянофилъ“ и помѣщенная въ „Вѣстникѣ Европы“, гдѣ напечатаны также его статьи „Противорѣчія нашей культуры“, „Вл. Соловьевъ“, „Въ защиту идеализма“ и др. Князь Трубецкой — оригинальный мыслитель, тѣмъ не менѣе онъ не безъ основанія считается однимъ изъ убѣжденныхъ послѣдователей Владиміра Соловьева. Надо ли говорить, что въ исторіи русской науки и русской общественности имя кн. Трубецкого, тѣсно связанное съ вопросомъ о Государственной Думѣ, останется жить навсегда („Слово“)? Общество и студенты устроили, какъ извѣстно, своему „борцу за свободу“ торжественныя гражданскія похороны въ Москвѣ

и проводы въ Спб. Простой русскій обыватель, до сихъ поръ видавшій лишь, какъ пышно хоронятъ генераловъ, въ первый разъ убѣдился теперь, какъ чествуютъ своихъ вождей передовые русскіе люди.

---

† М. Ю. Гольдштейнъ.

Въ лицѣ Михаила Юльевича Гольдштейна, убитаго въ Архангельскѣ 20 окт. во время погрома, русская жизнь лишилась талантливаго и разносторонняго работника. По профессіи покойный былъ химикъ и педагогъ. Родившись въ 1853 г., онъ получилъ за границею степень доктора философіи, стоялъ затѣмъ ассистентомъ по химіи при медико-хиругической академіи, въ 1890 получилъ степень магистра (за диссертацію „Матеріалы къ вопросу о высотахъ подъема соляныхъ растворовъ въ капиллярныхъ трубкахъ"), а съ 1891 г. читалъ въ качествѣ приватъ-доцента курсъ теоретической химіи въ петербургскомъ университетѣ. Труды его по химіи и естественнымъ наукамъ вообще довольно многочисленны. Но, помимо нихъ, М. Ю. находилъ время и для работы на общественномъ поприщѣ. Съ 1894 по 1900 г. онъ подъ псевдонимомъ „Cardanus" сотрудничалъ въ „Новостяхъ" живыми и интересными фельетонами и статьями на публицистическія темы. Онъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей петербургскаго педагогическаго общества. Наконецъ, привлеченіе его къ суду въ 1900 г. по дѣлу о „Контрабндистахъ", высылка его въ 1901 г. въ Новгородъ за подпись на протестѣ литераторовъ по поводу избіенія у Казанскаго собора и послѣдовавшій вскорѣ затѣмъ арестъ и высылка его въ Архангельскъ за храненіе типографскихъ принадлежностей показали, какъ близки были ему наиболѣе дорогіе для нашего общества освободительные идеалы. Въ Архангельскѣ онъ съ трудомъ поддерживалъ свое существованіе, между прочимъ при помощи устроенной имъ частной химической лабораторіи, пока теперь, наканунѣ, осуществленія этихъ идеаловъ, не погибъ жертвою организованной полицейскими властями черной сотни... „Н. Ж.".

И. М. Сѣченовъ.

(† 2-го ноября).

Покойный родился въ 1829 г. и первоначальное образованіе получилъ въ инженерномъ училищѣ, которое окончилъ въ 1847 г. По окончаніи курса, онъ поступилъ въ саперы и на этомъ посту пробылъ въ Кіевѣ около трехъ лѣтъ. Въ 1850 г. онъ вышелъ въ отставку и поступилъ вольнослушателемъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. Сдавъ экзаменъ на лѣкаря въ 1856 году, онъ отправился заграницу, гдѣ спеціально занялся изученіемъ физіологіи. Ему удалось своими выдающимися работами обратить на себя вниманіе первѣйшихъ физіологовъ того времени (Дюбуа-Реймона, Людвига, Гельмгольца и др.), въ лабораторіяхъ которыхъ онъ и совершалъ свои первые научные шаги. Онъ вернулся на родину уже съ большимъ именемъ и, по защитѣ диссертаціи на доктора медицины, получилъ въ 1860 году предложеніе занять мѣсто адъюнктъ профессора по кафедрѣ физіологіи въ военно-медицинской академіи. Здѣсь И. М. рядомъ замѣчательныхъ работъ о рефлексахъ головного мозга завоевалъ себѣ извѣстность даже въ широкихъ кругахъ публики, такъ какъ своими изслѣдованіями пріоткрылъ таинственную завѣсу, скрывающую отъ насъ механизмъ духовной работы человѣка, и подчинилъ математическимъ законамъ проявленія нетлѣнной и невѣсомой души... Замѣчательно, что эти работы навлекли на И. М. неудовольствіе высшихъ сферъ, которыя стали относиться къ нему, какъ къ вольнодумцу и опасному „матеріалисту", расшатывавшему вѣковые устои. Зато одновременно росла популярность И. М. въ рядахъ молодой Россіи, которая цѣнила въ немъ не только ученаго, но и чуткаго къ нуждамъ страны гражданина. И. М. не ушелъ отъ міра сего въ сферы чистой науки, не удалился отъ жизни въ тихій кабинетъ ученаго. Совершая рядъ труднѣйшихъ работъ по спеціальнымъ вопросамъ (физіологіи крови и нервной системы), онъ въ то-же время заботился о популяризаціи естественно-научныхъ свѣдѣній: онъ перевелъ нѣсколько учебниковъ, читалъ лекціи, помѣщалъ статьи въ журналахъ подъ общими заголовками: Физіологическіе очерки". „Физіологія расти-

тельныхъ процессовъ", „Психологическіе этюды", „Элементы мысли" и др. Въ 1870 г. И. М. переселился въ Одессу, гдѣ занялъ каѳедру физіологіи на естественномъ факультетѣ Новороссійскаго университета, на которой оставался до 1876 г., когда перешелъ на ту-же каѳедру въ петербургскій университетъ. Въ 1889 г. онъ переѣхалъ въ Москву и поступилъ въ московскій университетъ въ качествѣ приватъ-доцента. Съ 1891 г. до 1896 г. онъ занималъ каѳедру профессора. Затѣмъ онъ каѳедру оставилъ, но не переставалъ работать и руководить спеціальными занятіями студентовъ.

Свою работоспособность и желаніе работать онъ сохранилъ до самой смерти, что такъ рѣдко наблюдается среди нашихъ профессоровъ. Несмотря на свой 76-лѣтній возрастъ, онъ стоялъ въ первыхъ рядахъ науки и съ напряженнымъ интересомъ слѣдилъ за всѣми ея побѣдами. Скончался отъ отека легкихъ („Нов.").

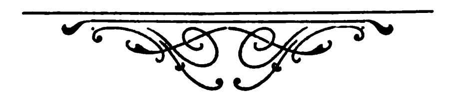
---

† Проф. А. И. Таренецкій.

3-го ноября скончался отъ апоплексическаго удара начальникъ военно-медицинской академіи проф. А. И. Таренецкій. А. И. родился въ 1845 г. въ Саксоніи. Окончивъ курсъ въ веймарской классической гимназіи, онъ слушалъ лекціи въ іенскомъ университетѣ. Въ 1864 г. А. И. пріѣхалъ въ Россію и поступилъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ на первыхъ же порахъ заинтересовался анатоміей, пользуясь руководствомъ знаменитаго проф. Грубера. Еще будучи студентомъ, онъ велъ практическія занятія по анатоміи. По окончаніи курса въ 1869 г. онъ, въ виду перехода д-ра Лесгафта, прозектора Грубера, профессоромъ въ Казань, былъ назначенъ исправляющимъ должность прозектора. Въ 1884 г., когда было возстановлено преподаваніе описательной анатоміи, оно было поручено А. И. Въ 1886 г. онъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ, а съ выходомъ въ отставку проф. Грубера, онъ явился его преемникомъ. Въ 1897 г. А. И. былъ избранъ въ академики, а въ 1901 году, послѣ смерти В. В. Пашутина, назначенъ начальникомъ военно-медицинской академіи.

Многочисленныя работы А. И. касаются нормальной и патологической анатоміи, тератологіи и антропологіи.

Какъ начальникъ академіи, онъ отличался сердечностью и отзывчивостью, но не всегда могъ, по условіямъ режима, идти навстрѣчу стремленіямъ студенчества. („Нов.").

Современная жизнь за границей.

Стройная картина. — Близится гроза. — Либеральныя подачки. — „Все“ или „что нибудь“. — „Буржуазія всѣхъ странъ—соединяйтесь“! – „Стройся“! соціалъ-демократіи. II. Иллюзорность „правъ человѣка“.—Ясный путь.—Лозунгъ демократіи въ Австро-Венгріи.—Рейхстагъ привилегированныхъ требуетъ всеобщаго избирательнаго права.—Сегодня дать, не то завтра возьмутъ.— Пражская демонстрація.—Гдѣ, когда и на чемъ останавливается народная буря? — Какъ управлять Австро-Венгріей?—Дикое побоище въ Брюннѣ. — Австро-Венгрія должна демократизироваться. III. Просто, ясно и отвратительно...—„Довольно“!—Опасность братства пролетаріата.— Ярость предсмертныхъ судорогъ.—Закрытіе биржи труда. — Преслѣдованіе Эрве. — Программа антимилитарной лиги.—Соціалистическая пропаганда въ итальянской арміи.—Можно-ли арестовать идущую исторію? — Логически развивающаяся посылка. — „Равенство“ и общественная благотворительность.—Съ барона или съ кошелька начинается человѣкъ?—Старая коллекціонерша готовится сказать „довольно“. — Абсурдъ безработицы. — „Непріемлемо“?—Надвигается „завтра“...

I.

Съ той „высоты“, на которую необходимо подняться наблюдателю, чтобы видѣть передъ собою весь „лѣсъ“ и чтобы въ то же время „деревья“ еще не потеряли своихъ очертаній,—протекшій мѣсяцъ представляетъ собою стройную и ясную картину.

Въ старой измученной Европѣ идетъ яростная борьба между двумя мірами: исторія осудила старый буржуазный строй, но новый еще не народился, и муки рожденія его безпредѣльны. Мы это видимъ во Франціи, гдѣ всѣ темныя силы организуются, чтобы вести борьбу на жизнь и смерть съ новымъ міромъ, видимъ и въ Венгріи, гдѣ національная борьба должна отступить передъ борьбою демократіи за свое первое право—всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Поднялись и въ Австріи бурныя волны такого-же движенія, а „свободная“ Швейцарія, въ лицѣ своихъ буржуазныхъ слоевъ, съ силой отчаянія нападаетъ и силится ставить преграды дальнѣйшему развитію рабочаго класса въ своей странѣ.

Надвигается рѣшительная битва, близится гроза яростнаго сраженія, и нѣмецкіе соціалъ-демократы на Іенскомъ партейтагѣ принимаютъ въ принципѣ всеобщую политическую забастовку, какъ мѣру защиты на случай возможной реакціи. Вождь нѣмецкой соціалъ-демократіи ставитъ вопросъ: что такое случилось, что заставило соціалъ-демократію ставить вопросъ о массовой забастовкѣ и опредѣлить свое къ ней отношеніе? Каково положеніе дѣлъ въ Германіи и каковы тѣ средства, съ помощью которыхъ можно выйти изъ этого положенія? И Бебель подвергаетъ анализу исторію партіи за послѣдніе годы.

Послѣ общихъ выборовъ 1903 г., когда количество голосовъ, поданныхъ за соціалъ-демократовъ, поднялось съ двухъ милліоновъ до трехъ, а количество депутатовъ въ рейхстагѣ возрасло съ 51 до 80, — правящіе классы Германіи пришли въ ужасъ и поняли, что либеральными подачками имъ не удастся оторвать массы отъ соціалъ-демократовъ. Они поняли, что и наиболѣе смѣлыя, на ихъ взглядъ, соціальныя реформы не могутъ все-же примирить соціалъ-демократію съ существующимъ строемъ; они поняли, что люди, имѣющіе право, — а въ ближайшемъ будущемъ, быть можетъ, и силу—взять *все*, не могутъ и не захотятъ примириться съ *чѣмъ-нибудь*. Они это поняли, —и теперь близится

моментъ, когда раздастся крикъ: „буржуазія всѣхъ странъ—соединяйтесь“, — и растетъ ихъ классовое самосознаніе и крѣпнетъ ихъ наступательная сила.

Анализируя дальше общее положеніе дѣла, Бебель отмѣчаетъ, что буржуазія все болѣе уясняетъ себѣ всю важность всеобщаго избирательнаго права для демократіи и все страстнѣе борется противъ него. Избирательное право все болѣе урѣзывается въ Гамбургѣ, Саксоніи и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соціалъ-демократія наиболѣе многочисленна, и терпятъ его только во имя германскаго единства для всей Имперіи. Бебель отмѣчаетъ, что уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права для выборовъ въ рейхстагъ представляетъ наиболѣе сладкую мечту всѣхъ буржуазныхъ элементовъ страны, и онъ предвидитъ тяжелыя столкновенія на этой почвѣ, такъ какъ демократія не можетъ позволить вырвать изъ своихъ рукъ это единственное орудіе самозащиты. Въ этой надвигающейся реакціи Бебель справедливо видитъ объясненіе того, что вопросъ о масссовой стачкѣ поставленъ на очередь.

Дѣлая смотръ наличнымъ силамъ, Бебель не можетъ не видѣть все значеніе въ данномъ случаѣ профессіональныхъ союзовъ. Эти робкія души сегодняшняго дня, держащіяся за свои горшки съ мясомъ и не желающія знать широкихъ перспективъ грядущей жизни,—необходимо нужны при проведеніи идеи о массовой забастовкѣ, такъ какъ безъ ихъ присоединенія забастовка не будетъ всеобщей и, слѣдовательно, не будетъ дѣйствительна. И Бебель въ своей рѣчи неотразимо доказываетъ, что защита всеобщаго избирательнаго права для профессіональныхъ союзовъ еще болѣе жизненно - необходима, чѣмъ для партійныхъ союзовъ.

Борющаяся партія сумѣетъ создать необходимую организацію и въ моменты реакціи, какъ это дѣлали соціалъ - демократы подъ давленіемъ бисмарковскихъ исключительныхъ законовъ. Профессіональные-же союзы съ ихъ мирной дѣятельностью будутъ въ корнѣ разбиты при воцареніи реакціи въ странѣ,—и Бебель предлагаетъ резолюцію, согласно которой какъ партійные, такъ и профессіональные союзы призываются къ организаціи массъ, къ просвѣщенію ихъ и къ уясненію имъ ихъ гражданскаго долга. Массы должны безпрерывно подготовляться къ надвигающейся рѣшительной борьбѣ, и если моментъ борьбы этого потребуетъ, то массовая политическая забастовка можетъ быть принята, какъ очень тяжелое, но рѣшительное средство, на которое пролетаріатъ, быть можетъ, будетъ вынужденъ пойти. За эту резолюцію высказалось 288 голосовъ и только 14 было противъ.

Таковъ былъ іенскій смотръ демократической партіи въ Германіи.

II.

Да, логическое развитіе основныхъ принциповъ буржуазіи, ею-же построенныхъ, медленно, но неотвратимо ведетъ ее къ гибели. Она боролась за свою жизнь, она не могла примириться съ рабскимъ состояніемъ, въ которомъ пребывала въ эпоху феодализма— и она начертала на своемъ знамени „права человѣка и гражданина“. Она боролась за свободу для „избраннаго общества“, но должна была дѣлать это подъ флагомъ борьбы за свободу для всѣхъ, — и „права человѣка и гражданина“ огненными буквами внѣдрились въ сознаніе демоса; онъ все болѣе уясняетъ себѣ всю иллюзорность равенства въ правахъ безъ равенства во владѣніи, все яснѣе и отчетливѣе онъ видитъ свой путь — и никакими силами его невозможно свести съ него.

Онъ все яснѣе видитъ, что для экономической борьбы ему необходима политическая сила,—и борьба за всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе становится его первымъ лозунгомъ.

Мы только что слышали, какъ реагируетъ на это нѣмецкая соціалъ-демократія, но еще болѣе интересныя—и часто неожиданныя— формы принимаетъ этотъ лозунгъ дня въ Австро-Венгріи.

Австрійская палата, составленная изъ депутатовъ привилегированныхъ курій, гдѣ болѣе 350 депутатовъ посланы привилегированными избирателями, высказалась большинствомъ въ 155 голосовъ за неотложность введенія всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Противъ этого было 114 голосовъ, и такимъ образомъ *неотложность* новаго закона не могла пройти, такъ-какъ для этого по австрійской конституціи требуется большинство 2/3 голосовъ. Неотложность не принята палатой, но тотъ фактъ,

что и въ этомъ рейхстагѣ оказалось такое крупное большинство, уяснившее себѣ всю необходимость—вѣрнѣе, неотвратимость всеобщаго избирательнаго права,—полонъ глубочайшаго значенія. Крупное большинство рейхстага привилегированныхъ само заноситъ руку на свои привилегіи,—конечно, не ради „прекрасныхъ глазъ“ отвлеченной справедливости, а только потому, что оно уяснило себѣ неотвратимость допущенія выросшихъ политически народныхъ массъ къ участію въ управленіи страною.

У этихъ полутораста человѣкъ сознаніе менѣе затемнено грубыми эгоистическими интересами,—и они поняли, что приличнѣе сегодня дать самимъ, доброю волею то, что завтра „честью“ попросятъ. Этотъ фактъ глубоко интересенъ потому, что онъ съ несомнѣнностью доказываетъ всю силу демократизаціи Австріи, всю близость выступленія и въ Австріи широкихъ народныхъ массъ на политическую арену. Народныя массы проснулись, и въ различныхъ углахъ страны происходятъ выразительныя демонстраціи въ пользу всеобщаго избирательнаго права.

Въ Прагѣ, напримѣръ, чешскіе рабочіе устроили грандіозную демонстрацію. Массы рабочихъ съѣхались изъ сосѣднихъ городовъ и шли изъ предмѣстій къ центру. Были устроены 60 митинговъ, на которыхъ ораторы вкратцѣ указали на значеніе всеобщей избирательной системы для рабочаго класса. Болѣе 60.000 человѣкъ участвовали въ этой демонстраціи,—и стройными, дисциплинированными рядами, одѣтые въ праздничныя платья съ красными цвѣтами въ петлицахъ, они направились къ городской ратушѣ. Тамъ организаторами демонстраціи была вручена оберъ-ландмаршалу Богеміи, князю Лобковичу, петиція, которую тотъ обѣщалъ передать въ областной сеймъ.

Волны народнаго движенія въ Австріи поднимаются все выше, и 114 привилегированныхъ законодателей, кажется, очень скоро должны будутъ согласиться на народную „просьбу“.

Здѣсь произошло любопытное явленіе, на которое мы, кажется, указывали еще въ прошломъ обозрѣніи. Народъ—какъ бездонное море, и глубины его соединены между собою часто невидимыми путями. Буря, начавшаяся въ одномъ мѣстѣ, разражается въ другомъ и совершенно неожиданно высоко поднимаетъ волны—въ третьемъ.

Тиссы, Гаучи и самъ Францъ-Іосифъ старательно революціонизировали Венгрію: путями, противными конституціи венгерской, они боролись противъ національной коалиціи. Какъ послѣднее средство для внесенія раскола въ коалицію и для привлеченія симпатіи народныхъ массъ, былъ выставленъ Фейервари проэктъ всеобщаго избирательнаго права для Венгріи. Вся демократія Венгріи горячо откликнулась на это и... хотя Францъ-Іосифъ теперь самъ боится вызваннаго народнаго движенія,—ему придется все-же примириться съ нимъ и пойти до конца, такъ какъ при существующихъ условіяхъ нѣтъ возможности управлять ни Австріей, ни Венгріей, ни Богеміей, ни Галиціей и пр. и пр., — и Австро-Венгрія представляетъ собою жалкое зрѣлище разлагающейся страны,—задыхающейся отъ собственнаго зловонія.

Рейхстагъ, гдѣ противъ 353 представителей привилегированныхъ избирателей стоятъ только 72 депутата *пятой куріи* (въ которой сосредоточено избраніе на основаніи всеобщаго избирательнаго права), не можетъ заниматься ничѣмъ другимъ, кромѣ узкихъ личныхъ, или національныхъ счетовъ и препирательствъ,—онъ не можетъ дать ничего другого, какъ только явить міру поразительныя по своей скандалезности и неприличію сцены: обструкціи, переходящія въ неприличную ругань, и ругань, переходящую въ уличную драку. Австрія разрываема на части національностями, входящими въ составъ ея, и это только и исключительно потому, что элементы народа, способные стать выше мелкаго шовинизма, — истинно-демократическая часть народа—всѣми силами не допускаются къ избирательнымъ урнамъ, — къ прямому участію въ управленіи страной.

И въ этой несчастной странѣ происходятъ такія дикія и кровавыя сцены, какъ побоище происходившее недавно въ Брюннѣ. Въ столицѣ Моравіи, въ Брюннѣ, происходилъ національно-германскій конгрессъ, созванный австрійскими пангерманистами. На этомъ конгрессѣ были произнесены вызывающія рѣчи въ отношеніи къ чешскому населенію — заявлялось, что „Брюннъ—нѣмецкій городъ и таковымъ онъ долженъ оставаться“ и пр. Чехи не могли молчать и отвѣтили контръ-

демонстраціей. Въ результатѣ отвратительное побоище, которое умиротворяла полиція съ обнаженными шашками, и 124 легко и тяжело раненныхъ рыцарей нѣмецкаго и чешскаго шовинизма.

Соціалъ-демократы нѣмецкіе и чешскіе не участвовали, конечно, въ этомъ побоищѣ,—точно такъ же, какъ они не участвуютъ въ „національныхъ“ дракахъ Вѣнскаго рейхстага. Правительство не можетъ не сознавать, что рейхстагъ станетъ работоспособнымъ, едва въ него вступятъ представители народа,избранныевсеобщимъголосованіемъ,—но такой работоспособности рейхстага оно боится и предпочитаетъ безконечныя обструкціи и министерства, вскакивающія, какъ лихорадочные прыщи.

Но буря, поднятая въ Венгріи, докатилась и до Австріи,—недаромъ Францъ-Іосифъ такъ испугался проекта Фейервари, — и мы несомнѣнно присутствуемъ при перерожденіи Австро-Венгріи и ея близкомъ вступленіи на путь демократизаціи.

III.

Дѣло въ томъ, что высокія дипломатическія проблемы и сложныя государственныя дѣла имѣютъ иногда въ сути своей очень простую подоплеку, доступную пониманію простыхъ смертныхъ. Это достаточно просто, ясно и... отвратительно. Въ интересахъ Тиссы, барона Гауча, Кербера и другихъ лихорадочныхъ прыщей, стоящихъ у кормила,—не примирять національные интересы, а всѣми силами разжигать національную вражду, — точно такъ же, какъ въ интересахъ имъ подобныхъ—не вести человѣчество къ разоруженію и всеобщему замиренію, а, напротивъ того, превратить все человѣчество въ военные лагери, ощетинившіеся другъ противъ друга милліонами блестящихъ сталью штыковъ.

Ибо когда нѣмецъ перестанетъ ненавидѣть чеха, французъ нѣмца, англичанинъ француза, русскій англичанина и т. д.,—то что они, стоящіе у кормила, будутъ дѣлать? Когда эта кровавая пелена спадетъ съ глазъ народа, онъ не потерпитъ болѣе этихъ прыщей и ясно и твердо заявитъ: „довольно“! Довольно колоніальной политики, протекціонистской наглости, мірового разбоя, имперіалистскихъ авантюръ и безстыдныхъ „сферъ вліянія“... Довольно! Будетъ-ли это когда?

И поэтому-то трусливая блѣдность покрываетъ ихъ лица, когда они слышатъ проповѣдь братства народовъ,—того *истиннаго* братства, которое явится логическимъ выводомъ общности и неразрывности интересовъ пролетаріата всѣхъ странъ. Когда имъ говорятъ, что люди—братья и нельзя проливать кровь ближняго, то они ханжески соглашаются съ этимъ, но когда соціалисты начинаютъ принимать участіе во внѣшней политикѣ и проповѣдуютъ братство пролетаріевъ всѣхъ странъ, то ихъ охватываетъ ярость предсмертныхъ судорогъ.

Буржуазія Франціи, напримѣръ, глубоко возмутилась антимилитаристской пропагандой Эрве, и биржа труда тщательно очищается отъ антимилитаристскихъ крайнихъ элементовъ. Администрація биржи изгнала синдикатъ неквалифицированныхъ рабочихъ, и вслѣдъ затѣмъ статистическое бюро, субсидируемое правительствомъ, получило приказъ очистить помѣщеніе биржи.

Эрве и Ле-Гери, написавшіе и расклеившіе антимилитаристскія афиши съ обращеніемъ къ рекрутамъ, преданы суду. Предано суду также нѣсколько секретарей синдикатовъ.

Въ Алжирѣ, гдѣ въ биржѣ труда и на стѣнахъ города были расклеены антимилитаристскія афиши, биржа по постановленію муниципальнаго совѣта закрыта.

Глубоки и страшны язвы человѣчества: эти постановленія муниципалитетовъ въ Алжирѣ и въ Ліонѣ сдѣланы не буржуа, а рабочими-же, у которыхъ кровавая пелена продолжаетъ застилать глаза. Въ Ліонѣ, напримѣръ, соціалистъ Оганьеръ, стоящій во главѣ муниципалитета, умудряется соединить соціализмъ съ шовинизмомъ: это онъ поднялъ гоненіе на крайнихъ антимилитаристовъ.

Все глубокое значеніе этого антимилитарнаго похода прекрасно выражено въ программѣ антимилитарной лиги, основанной въ Люцернѣ, въ Швейцаріи. „Ниспроверженіе существующаго соціальнаго строя, — пишетъ эта лига въ своей программѣ, — требуетъ, въ качествѣ непремѣннаго предварительнаго условія, отнятія у буржуазнаго класса орудія его могущества — военной силы. Вслѣдствіе этого лига всѣми средствами, включая сюда и политическія, рѣшила стремиться къ разрушенію послѣдней. Антимилитарная лига постановила вести дѣятельную пропаганду

своихъ идей путемъ печати". Но буржуазія чувствуетъ всю опасность для нея такой пропаганды, и мы видимъ, что всюду приняты особо-строгія мѣры противъ пропаганды новыхъ ученій въ военной средѣ.

Въ послѣднее время въ Италіи надѣлалъ много шума арестъ цѣлой группы лицъ, подозрѣваемыхъ въ пропагандѣ среди солдатъ идей антимилитаризма. Забавно, что всего за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ военный министръ опубликовалъ приказъ, въ которомъ выражалъ свое удовольствіе по поводу отсутствія соціалистической пропаганды въ войскахъ. Соціалистическая печать отвѣтила на этотъ приказъ ироническимъ указаніемъ, что военному министру не все извѣстно, что дѣлается среди войска.

Но никогда еще арестъ не останавливалъ идущую Исторію,—и эти аресты, конечно, тоже не остановятъ пропаганды соціализма въ итальянскомъ войскѣ. Исторія—это логическое развитіе разъ данной посылки, это—медленно, съ трагическими перерывами, но все-же безпрерывно осуществляемая необходимость. „Люди рождаются и пребываютъ свободными и равными въ правахъ", сказала Декларація Правъ освободившагося третьяго сословія столѣтіе тому назадъ.—и медленно, но неотвратимо развивается эта посылка, и выясняется, что равенства въ правахъ не можетъ быть при тѣхъ безумныхъ экономическихъ контрастахъ, которые имѣютъ мѣсто въ современномъ буржуазномъ строѣ... Посылка дана,—она будетъ развиваться и дойдетъ до вывода...

Равенство въ правахъ, неприкосновенность личности и всѣ прочія блага современнаго правового государства, быть можетъ, никто не имѣетъ въ такой полнотѣ, какъ англійскій гражданинъ,—но что остается отъ этого „равенства" въ странѣ, гдѣ можетъ произойти случай, подобный происшедшему на-дняхъ? Недавно одинъ соціалистъ-рабочій былъ преданъ суду по обвиненію въ смерти своего ребенка, а виновенъ онъ былъ въ его смерти потому, что, будучи безъ работы и безъ всякихъ средствъ къ существованію, онъ медлилъ обратиться къ общественнымъ учрежденіямъ за помощью для своего ребенка, боясь потерять свои политическія права.

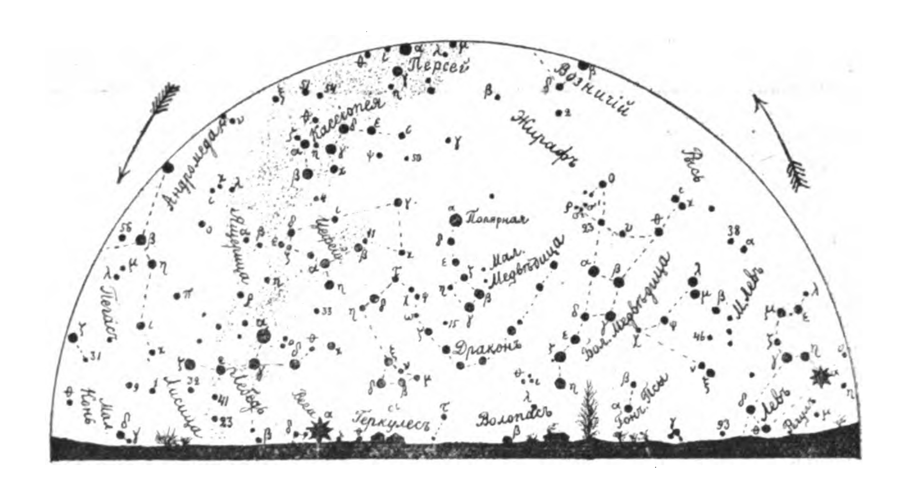
Дѣло въ томъ, что, по буржуазному міросозерцанію, человѣкъ начинается съ извѣстнаго матеріальнаго достатка, и по англійскому закону, тотъ, кто пользовался общественной помощью, даже даровой помощью общественнаго врача, становится не-человѣкомъ, лишается части гражданскихъ правъ, не имѣетъ права быть избирателемъ. Этотъ соціалистъ, надо думать, не щеголялъ политическимъ абсентеизмомъ и страстно боролся за свое право быть избирателемъ. Это стоило ему ребенка, а буржуазныя ханжи привлекаютъ его къ суду. Безъ равенства въ правахъ, буржуа долженъ вернуться къ тому времени, когда человѣкъ начинался съ барона, а при равенствѣ въ правахъ онъ долженъ будетъ рано или поздно дойти до послѣдняго вывода—до равенства во владѣніи.

Исторія — старая коллекціонерша, — она долго собираетъ абсурды и безумія текущей жизни, признавая или какъ-бы даже не сознавая ихъ безумія, но коллекція ея становится все больше и больше, и она заявляетъ, наконецъ, „довольно". Она долго смотритъ хотя-бы на такой абсурдъ, имѣющій мѣсто при современномъ строѣ всегда, но особенно усилившійся теперь—на абсурдъ „безработицы". Въ милліонномъ городѣ, въ Лондонѣ, при милліардномъ богатствѣ — въ одной только части его, въ Пойларѣ изъ 168-ми тысячъ населенія болѣе 10 тысячъ человѣкъ прибѣгаютъ къ общественной помощи. Они не хотятъ цѣною смерти дѣтей своихъ купить себѣ избирательное право и они пользуются общественной благотворительностью...

Но посылка развивается и, быть можетъ, они поймутъ, что это не „благотворительность", а нѣчто, принадлежащее имъ по праву. „Въ рабочей средѣ къ этому вопросу (о безработицѣ) относятся болѣе рѣзко, чѣмъ когда-бы то ни было, и на многихъ собраніяхъ безработныхъ высказывались открытыя угрозы по адресу правящихъ классовъ".

Головы людей медленно освѣщаются яснымъ сознаніемъ, но то, что было непріемлемымъ и невозможнымъ вчера, можетъ стать допустимымъ сегодня и свершившимся фактомъ завтра.—Жизнь въ Европѣ неотразимо идетъ къ рѣзкому и рѣшительному переустройству. Конечно, вопросъ о точномъ опредѣленіи этого „завтра" слишкомъ труденъ для разрѣшенія, но съ извѣстной высоты съ несомнѣнностью очевидно, что это „завтра" идетъ... Мощное, ясное, свободное—оно приближается къ намъ...

Л. М.

Видъ сѣвернаго неба въ 10 ч. 28 м. в. (по Пулковскому времени) 1 декабря 1905 г. подъ 48° 50′ сѣвер. шир.

Астрономическія явленія

ВЪ НОЯБРѢ и ДЕКАБРѢ 1905 г.

Звѣздное небо. О помѣщаемыхъ здѣсь картахъ звѣзднаго неба подробно сказано въ книгѣ I настоящаго журнала за текущій годъ.

Изъ наиболѣе интересныхъ объектовъ звѣзднаго міра, доступныхъ наблюденію въ небольшую астрономическую трубу, можно указать слѣдующіе:

Покрытіе звѣздъ Луною: 25, 26 и 27 ноября; 4 и 22 декабря.

Перемѣнныя звѣзды: Альголь, λ Тельца, δ Цефея.

Двойныя звѣзды: ψ и ζ Рыбъ, γ Андромеды, σ и θ Тельца, θ и δ Оріона, Мицаръ, Касторъ, ι Рака (поздно ночью), 12 α Борзыхъ Собакъ (рано утромъ).

Звѣздныя скопленія: въ Персеѣ, Плеяды, Гіады, въ Близнецахъ и Ясли (поздно ночью).

Туманности: въ Андромедѣ и Оріонѣ.

Солнечная система. Помѣщаемыя ниже ежемѣсячныя астрономическія таблицы *(эфемериды)* заключаютъ въ себѣ на каждый день извѣстныя данныя, относящіяся къ Солнцу, Лунѣ и наиболѣе доступнымъ для наблюденія планетамъ. Пользованіе этими таблицами не представляетъ затрудненій. (См. на слѣд. страницѣ).

Восходъ и заходъ солнца и луны и прохожденіе луны черезъ меридіанъ зависятъ не только отъ того или другого дня въ году, но и отъ географическаго положенія мѣста наблюденія. Данныя, помѣщенныя въ ежемѣсячныхъ таблицахъ, относятся къ Парижу (по среднему гражданскому времени) и предназначены лишь для опредѣленія, указаннымъ ниже способомъ, таковыхъ же данныхъ для любого пункта.

Среднее время въ истинный полдень— это то, которое должны показывать „средніе" (гражданскіе часы) въ моментъ вступленія центра солнца на меридіанъ, когда „истинные" (солнечные) часы показываютъ полдень. Данныя, помѣщенныя въ ежемѣсячныхъ таблицахъ, относятся къ Пулкову и измѣняются въ зависимости отъ долготы мѣста наблюденія, но настолько незначительно, что при пользованіи Пулковскими эфемеридами для любого пункта получится ошибка не болѣе $^1/_4$ минуты,—точность, вполнѣ достаточная для времени, опредѣляемаго по сол-

Н О Я Б Р Ь.

Числа мѣсяца. Ст. ст.	Нов. ст.	Съ нач. г. Прошло дней	Прошла часть.	Солнце. Восх.	Заходъ.	Средн. время въ истин. полдень.	Луна. Восходъ.	Прохожденіе черезъ мерид.	Заходъ.	Возрастъ.	Число стар. стиля.
			0,	ч. м.	ч. м.	ч. м. с.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	дней	.
1	14	304	8323	7 8	4 20	11 44 27	6 17 в.	1 11 у.	8 50 у.	17,2	
2	15	305	8351	7 10	4 19	11 44 36	7 1	1 59	9 46	18,2	1
3	16	306	8378	7 12	4 18	11 44 46	7 51	2 49	10 38	19,2	11
4	17	307	8405	7 13	4 16	11 44 57	8 49	3 40	11 25	20,2	21
5	18	308	8433	7 15	4 15	11 45 9	9 2	4 31	0 6 в.	21,2	
6	19	309	8460	7 16	4 14	11 45 22	10 59	5 22	0 43	22,2	1
7	20	310	8488	7 18	4 13	11 45 36	—	6 13	1 16	23,2	11
8	21	311	8515	7 19	4 12	11 45 50	0 11 у.	7 4	1 46	24,2	21
9	22	312	8542	7 21	4 11	11 46 05	1 25	7 56	2 15	25,2	
10	23	313	8570	7 22	4 10	11 46 21	2 41	8 49	2 45	26,2	1
11	24	314	8597	7 23	4 9	11 46 38	4 0	9 43	3 16	27,2	11
12	25	315	8624	7 25	4 9	11 46 56	5 20	10 40	3 50	28,2	21
13	26	316	8652	7 26	4 8	11 47 14	6 40	11 39	4 30	29,2	
14	27	317	8670	7 28	4 7	11 47 34	7 56	0 39 в.	5 17	0,8	1
15	28	318	8707	7 29	4 6	11 47 54	9 6	1 39	6 11	1,8	11
16	29	319	8734	7 31	4 6	11 48 14	10 6	2 38	7 12	2,8	21
17	30	320	8761	7 32	4 5	11 48 35	10 56	3 35	8 17	3,8	
18	1 (Декабрь.)	321	8789	7 33	4 4	11 48 57	11 38	4 27	9 23	4,8	1
19	2	322	8816	7 35	4 4	11 49 20	0 12	5 17	10 29	5,8	11
20	3	323	8843	7 36	4 3	11 49 43	0 41	6 3	11 33	6,8	21
21	4	324	8871	7 37	4 3	11 50 7	1 7	6 47	—	7,8	
22	5	325	8898	7 38	4 3	11 50 31	1 30	7 30	0 37 у.	8,8	
23	6	326	8926	7 39	4 2	11 50 56	1 53	8 12	1 39	9,8	7
24	7	327	8953	7 41	4 2	11 51 22	2 17	8 54	2 40	10,8	13
25	8	328	8980	7 42	4 2	11 51 48	2 42	9 37	3 41	11,8	21
26	9	329	9008	7 43	4 2	11 52 14	3 9	10 21	4 42	12,8	30
27	10	330	9035	7 44	4 1	11 52 41	3 40	11 8	5 43	13,8	
28	11	331	9062	7 45	4 1	11 53 8	4 16	11 56	6 43	14,8	10
29	12	332	9090	7 46	4 1	11 53 36	4 58	—	7 41	15,8	
30	13	333	9117	7 47	4 1	11 54 4	5 46	0 46 у.	8 35	16,8	

ПЛАНЕТЫ.

Прохожденіе черезъ Пулковскій меридіанъ.

Венера.
10 ч. 20 м. у.
10 „ 30 „ „
10 „ 40 „ „

Марсъ.
4 ч. 27 м. в.
4 „ 19 „ „
4 „ 10 „ „

Юпитеръ.
0 ч. 34 м. у.
11 „ 45 „ в.
11 „ 0 „ „

Сатурнъ.
6 ч. 24 м. в.
5 „ 46 „ „
5 „ 8 „ „

Уранъ.
2 ч. 37 м. в.
1 „ 59 „ „
1 „ 22 „ „

Фазы луны.
3 ч. 35 м. у. ☾
6 „ 48 „ в. ●
8 „ 39 „ „ ☽
1 „ 47 „ у. ○

Въ 1 ч. 6 м. у. *солнце* вступаетъ въ знакъ Стрѣльца.

Д Е К А Б Р Ь.

Ст. ст.	Нов. ст.	Прошло дней	Прошла часть.	Солнце. Восх.	Заходъ.	Средн. время въ истин. полдень.	Луна. Восходъ.	Прохожденіе черезъ мерид.	Заходъ.	Возрастъ.	Число стар. стиля.
			0,	ч. м.	ч. м.	ч. м. с.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	дней	
1	14	334	9145	7 48	4 2	11 54 32	6 42 в.	1 37 у.	9 25 у.	17,8	
2	15	335	9172	7 48	4 2	11 55 1	7 44	2 28	10 8	18,8	1
3	16	336	9199	7 49	4 2	11 55 30	8 50	3 19	10 46	19,8	11
4	17	337	9227	7 50	4	11 55 59	9 59	4 10	11 20	20,8	21
5	18	338	9254	7 51	4 3	11 56 28	11 11	5 0	11 51	21,8	
6	19	339	9282	7 51	4 3	11 56 28	—	5 51	0 19 в.	22,8	1
7	20	340	9309	7 52	4 3	11 57 28	0 24 у.	7 41	0 47	23,8	11
8	21	341	9336	7 53	4 3	11 57 58	1 39	7 33	1 16	24,8	21
9	22	342	9364	7 53	4 4	11 58 28	2 55	8 26	1 47	25,8	
10	23	343	9391	7 53	4 4	11 58 58	4 13	9 22	2 23	26,8	1
11	24	344	9418	7 54	4 5	11 59 28	5 29	10 20	3 4	27,8	11
12	25	345	9446	7 54	4 6	11 59 58	6 42	11 19	3 54	28,8	21
13	26	346	9473	7 54	4 7	12 0 28	7 48	0 19 в.	4 51	0,3	
14	27	347	9501	7 55	4 7	12 0 58	8 44	1 18	5 54	1,3	1
15	28	348	9528	7 55	4 8	12 1 27	9 31	2 14	7 1	2,3	11
16	29	349	9555	7 55	4 9	12 1 57	10 10	3 6	8 10	3,3	21
17	30	350	9583	7 55	4 9	12 2 26	10 42	3 55	9 17	4,3	
18	31	351	9610	7 56	4 10	12 2 55	11 10	4 41	10 22	5,3	1
19	1 (1906 г. Январь.)	352	9637	7 56	4 11	12 3 24	11 34	5 25	11 26	6,3	11
20	2	353	9665	7 56	4 12	12 3 53	11 57	6 11	—	7,3	21
21	3	354	9692	7 56	4 14	12 4 22	0 11 в.	6 55	0 40 у.	8,3	
22	4	355	9720	7 55	4 15	12 4 51	0 40	7 38	1 42	9,3	
23	5	356	9747	7 55	4 16	12 5 20	1 8	8 20	2 45	10,3	7
24	6	357	9774	7 55	4 17	12 5 49	1 29	9 0	3 47	11,3	13
25	7	358	9802	7 55	4 18	12 6 18	1 52	9 45	4 48	12,3	20
26	8	359	9829	7 54	4 19	12 6 47	2 16	10 29	5 49	13,3	28
27	9	360	9856	7 54	4 20	12 6 16	2 41	11 16	6 49	14,3	
28	10	361	9884	7 54	4 22	12 7 45	3 8	—	7 47	15,3	9
29	11	362	9911	7 53	4 23	12 8 9	3 39	0 49	8 36	16,3	
30	12	363	9939	7 53	4 25	12 8 38	4 15	1 42	9 25	17,3	
31	13	364	9966	7 52	4 26	12 9 7	4 57	2 27	10 9	18,3	

Венера.
10 ч. 51 м. у.
11 „ 7 „ „
11 „ 25 „ „

Марсъ.
4 ч. 1 м. в.
3 „ 51 „ „
3 „ 40 „ „

Юпитеръ.
10 ч. 15 м. в.
9 „ 32 „ „
8 „ 54 „ „

Сатурнъ.
4 ч. 32 м. в.
3 „ 55 „ „
3 „ 20 „ „

Уранъ.
0 ч. 45 м. в.
0 „ 9 „ „
11 „ 35 „ у.

Фазы луны.
2 ч. 10 м. в. ☾
6 „ 5 „ у. ●
3 „ 15 „ в. ☽
6 „ 7 „ у. ○

Въ 2 ч. 5 м. дня *солнце* вступаетъ въ знакъ Козерога. *Начало зимы.*

нечнымъ часамъ. А потому поправокъ для полученія болѣе точнаго *мѣстнаго* средняго времени въ истинный полдень мы не приводимъ.

Возрастъ Луны данъ въ таблицахъ для средняго Пулковскаго полдня. Для полученія мѣстнаго времени достаточно лишь сдѣлать, указаннымъ ниже способомъ, переводъ одного времени въ другое.

Прохожденіе планетъ черезъ меридіанъ дано для Пулкова. Строго разсуждая, для каждой планеты необходимо брать здѣсь особыя, вообще говоря, мелкія поправки на долготу (самая большая въ предѣлахъ нашей Имперіи — 2 минуты для Чукотскаго мыса). Но, принимая во вниманіе, что намъ это время нужно узнать только для того, чтобы опредѣлить, когда искать планету на южной части неба, гдѣ она бываетъ выше всего надъ горизонтомъ и потому наиболѣе удобна для наблюденій, ошибкой до 2-хъ минутъ вполнѣ возможно пренебречь.

Фазы Луны и вступленіе солнца въ знаки зодіака (начало временъ года) даны для Пулкова. Для полученія мѣстнаго времени явленій достаточно лишь сдѣлать, указаннымъ ниже способомъ, переводъ одного времени въ другое.

Вычисленіе восхода и захода солнца. Помѣщаемая ниже таблица заключаетъ въ себѣ *поправки*, посредствомъ которыхъ, по даваемому ежемѣсячными таблицами времени восхода солнца въ Парижѣ, можно вычислить время восхода того же свѣтила для любого географическаго пункта, лежащаго въ предѣлахъ между 34^0 и 64^0 сѣверной широты. Стоящій передъ поправкой знакъ плюсъ (+) показываетъ, что она должна быть *прибавлена* къ времени восхода солнца въ Парижѣ, а знакъ минусъ (—), что она должна быть *вычтена* изъ того же времени. (См. на слѣд. страницѣ).

Поправка на заходъ солнца равна поправкѣ на его восходъ, но съ обратнымъ знакомъ, т. е., если первая должна быть *вычтена*, вторую нужно *прибавить*, и наоборотъ.

Поправки въ таблицѣ даны черезъ каждые 10 дней; для промежуточныхъ эпохъ должны вычисляться пропорціональныя части.

Приведемъ примѣръ пользованія такой таблицей поправокъ.

Требуется опредѣлить время восхода и захода солнца 13-го ноября стараго стиля 1905 года въ Смоленскѣ?

Широта Смоленска $= 54^0\ 47'$, или $54{,}8^0$, каковая заключается между 54^0 и 56^0.

На 4-е ноября отыскиваемъ поправку: $+ 19$ минутъ для 54^0 и $+ 27$ минутъ для 56^0, разница на 2^0 равняется такимъ образомъ $+ 8$ минутамъ, что даетъ 4 мин. на 1^0. Отсюда для $54{,}8^0$ получимъ: $+ 19$ м. $+$ $+ (4$ м. $\times 0{,}8) = + 22{,}2$ мин.

На 14 ноября имѣемъ: $+ 22$ мин. для 54^0 и $+ 31$ м. для 56^0; разница $= + 9$ минутамъ. Отсюда для $54{,}8^0$ получимъ: $+ 22$ м. $+ (4{,}5$ м. $\times 0{,}8) = + 25{,}6$ мин.

Такъ какъ разница за 10 дней (съ 4 по 14) равна $+ 3{,}4$ мин., для 1 дня она будетъ $= + 0{,}34$ мин., а для 9-ти дней (съ 4 по 13 ноября) $= + 0{,}34 \times 9 = + 3{,}06$ м.

Такимъ образомъ, соотвѣтствующая поправка для 13-го ноября $= + 22{,}2$ мин. $+ 3{,}06$ м. $= + 25{,}26$ м., или, за округленіемъ, $+ 25$ минутамъ.

Отсюда для 13 ноября мы получимъ:

Восходъ солнца въ Парижѣ	7 ч.	26 м.
Поправка со своимъ знакомъ		+ 25 „
Восходъ солнца въ Смоленскѣ	7 „	51 „
Заходъ солнца въ Парижѣ	4 ч.	8 м.
Поправка съ обратнымъ знакомъ		— 25 „
Заходъ солнца въ Смоленскѣ	3 „	43 „

Вычисленіе восхода, захода и прохожденія луны черезъ меридіанъ. *Прохожденіе луны черезъ меридіанъ (кульминація).* Луна ежедневно опаздываетъ вступленіемъ на меридіанъ въ среднемъ на $50^1/_2$ мин. въ сутки или на $2{,}104$ сек. въ одну минуту. Поэтому для небольшихъ долготъ поправку на кульминацію найдемъ, умножая $2{,}104$ сек. на число минутъ долготы (выраженной во времени) мѣста отъ Парижа. Поправка *придается* ко времени кульминаціи луны въ Парижѣ, если это мѣсто

Поправки на восходъ и заходъ солнца для 34° — 64° сѣв. широты.

ШИРОТА.	34°	36°	38°	40°	42°	44°	46°	48°	50°	52°	54°	56°	58°	60°	62°	64°
	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.
Январь . . 8	−40	−36	−31	−26	−21	−16	−10	− 3	+ 4	+12	+20	+29	+39	+50	+68	+88
18	34	31	27	22	18	13	8	2	3	10	17	25	33	42	57	72
28	27	25	21	18	14	10	6	2	3	8	14	20	27	34	44	56
Февраль . 7	20	18	16	13	11	8	5	2	2	6	10	15	20	25	31	39
18	14	12	11	9	7	5	3	1	1	4	7	10	13	17	18	24
28	6	6	5	4	3	2	1	0	0	2	3	4	6	8	6	8
Мартъ . . 9	+ 1	+ 1	+ 1	+ 1	+ 1	+ 1	+ 0	+ 0	− 0	− 1	− 1	− 1	− 1	− 2	− 5	− 6
19	9	8	7	6	4	3	2	0	1	3	4	6	8	11	16	20
29	16	14	13	11	8	6	4	1	2	5	8	12	16	20	28	35
Апрѣль . . 8	23	21	18	15	12	9	6	2	3	7	12	17	23	29	41	50
18	30	27	23	20	16	12	7	2	3	9	15	22	30	38	54	68
28	37	33	29	24	19	14	9	2	4	11	19	27	36	46	68	86
Май . . . 8	43	38	33	28	23	16	10	3	5	12	22	31	42	53	81	107
18	47	42	37	31	25	18	11	3	5	14	24	35	46	59	94	123
28	51	45	40	34	27	20	12	4	6	15	26	37	49	63	104	138
Іюнь . . . 7	52	47	41	35	28	20	13	4	6	16	27	38	51	65	108	145
17	52	46	40	34	27	20	12	4	6	16	26	38	50	64	106	142
27	49	44	38	32	26	19	11	3	5	15	25	36	48	61	98	129
Іюль . . . 7	45	40	35	29	24	18	10	3	5	13	23	33	44	56	87	111
17	39	35	31	26	21	15	9	3	4	12	20	29	38	49	74	93
27	33	30	26	23	17	13	8	2	3	10	17	24	32	41	61	76
Августъ. . 6	26	24	20	17	14	10	6	2	3	8	13	19	26	33	48	59
16	19	17	15	13	10	7	4	1	2	6	10	14	19	24	33	41
26	12	11	9	8	6	5	3	1	1	4	6	9	12	15	21	26
Сентябрь . 5	5	4	4	3	3	2	1	0	0	2	2	4	5	6	9	11
15	− 3	− 2	− 2	− 2	− 1	− 1	− 1	− 0	+ 0	+ 1	+ 1	+ 2	+ 2	+ 3	+ 1	+ 2
25	10	9	8	6	5	4	3	0	1	3	5	7	9	12	13	17
Октябрь. . 5	17	15	13	11	9	7	4	1	2	5	8	12	17	27	24	30
15	24	22	19	16	13	9	6	2	2	7	12	17	23	30	36	45
25	31	28	24	20	16	12	7	2	3	9	16	22	30	39	49	62
Ноябрь . . 4	38	34	29	25	20	15	9	3	4	11	19	27	36	47	61	78
14	43	39	34	28	23	17	10	3	4	13	22	31	42	53	72	93
24	47	42	37	31	25	19	11	4	5	14	24	34	46	58	82	106
Декабрь. . 5	50	44	39	33	26	20	12	4	5	15	25	36	48	61	87	113
14	50	44	39	33	26	20	13	4	5	15	25	36	48	61	88	116
19	49	43	38	32	26	19	12	4	5	15	25	35	47	60	87	113
29	45	40	35	30	24	18	11	3	5	13	23	33	44	56	79	102

лежитъ къ западу, и *вычитается* изъ него, если оно расположено къ востоку отъ Парижа.

При значительной разности долготъ Парижа и даннаго мѣста слѣдуетъ суточное запаздываніе кульминаціи луны опредѣлить непосредственно изъ ежемѣсячныхъ таблицъ, находя разность между смежными кульминаціями (даннаго числа и слѣдующаго или предыдущаго), и взять часть этой разности, сообразуясь съ долготой.

Примѣръ. Опредѣлить время кульминаціи луны въ Саратовѣ 3-го ноября 1905 г.

Взявъ разность времени прохожденія луны черезъ меридіанъ Парижа 3 и 2 ноября (если бы долгота мѣста была не восточная, а западная, то слѣдовало бы брать разность между кульминаціями 4 и 3 ноября), найдемъ суточное опозданіе луны = 50 мин. Восточная долгота Саратова относительно Парижа = 2 ч. 54 м. 57 с. = 2,9 ч., слѣдовательно поправка на долготу будетъ

$$50 \text{ м.} \times \frac{2{,}9}{24} = 6{,}04 \text{ мин.}$$

Имѣемъ:

Время кульминаціи луны въ Парижѣ 3 ноября	2 ч.	49 м. у.
Поправка на долготу = 6,04 = 6 м.		— 6 „ „
Время кульминаціи луны въ Саратовѣ	2 „	43 „ „

Восходъ и заходъ луны. Время, протекающее между моментами восхода или захода свѣтила и временемъ его кульминаціи, называется полудневнымъ интерваломъ восхода или захода.

Зная лунные интервалы для Парижа (по вышеприведеннымъ таблицамъ эфемеридъ, гдѣ даны восходъ, кульминація и заходъ луны въ Парижѣ на каждый день), легко вычислить ихъ для любой широты между 34° и 60°, посредствомъ поправокъ, взятыхъ изъ помѣщаемой ниже таблицы. Числа первой колонны даютъ въ часахъ и минутахъ полудневные интервалы для Парижа. Наверху прочихъ колоннъ означена широта и въ самой колоннѣ—поправки.

Поправки на восходъ и заходъ луны для 34° — 60° сѣверн. широты.

Интервалы.		34°	36°	38°	40°	42°	44°	46°	48°	50°	52°	54°	56°	58°	60°
ч.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.
3	30	— 69	— 62	— 54	— 46	— 37	— 28	— 17	— 6	+ 8	+ 21	+ 36	+ 51	+ 67	+ 85
	40	64	58	50	43	35	26	16	5	7	20	33	47	62	79
	50	59	53	47	39	32	24	15	5	6	18	30	44	58	74
4	0	55	49	43	36	29	22	13	4	6	17	28	40	53	68
	10	50	45	39	33	27	20	12	4	5	15	25	37	49	62
	20	46	41	36	30	24	18	11	3	5	14	23	33	45	57
	30	41	37	32	27	22	16	10	3	4	12	21	30	40	52
	40	37	33	29	24	20	14	9	3	4	11	19	27	36	46
	50	33	29	26	21	17	13	8	2	3	10	17	24	32	41
5	0	29	26	22	19	15	11	7	2	3	8	14	21	28	36
	10	25	22	19	16	13	9	6	2	3	7	12	18	24	31
	20	20	18	16	13	11	8	5	2	2	6	10	15	20	26
	30	17	15	13	11	9	6	4	1	2	5	8	12	16	21
	40	13	11	10	8	7	5	3	1	1	4	6	9	12	16
	50	9	8	7	6	5	3	2	1	1	3	4	6	9	11
6	0	5	4	4	3	2	2	1	0	0	1	2	3	5	6
	10	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1
	20	+ 3	+ 3	+ 3	+ 2	+ 2	+ 1	+ 1	+ 0	— 0	— 1	— 2	— 2	— 3	— 4
	30	7	7	6	5	4	3	2	1	1	2	4	5	7	9
	40	11	10	9	7	6	4	3	1	1	3	6	8	11	14
	50	15	14	12	10	8	6	4	1	2	4	8	11	15	19
7	0	19	17	15	13	10	7	5	2	2	6	10	14	19	24
	10	23	21	18	15	12	9	5	2	2	7	12	17	22	29
	20	28	24	21	18	14	11	6	2	3	8	14	20	26	34
	30	32	28	24	21	17	12	7	2	3	9	16	23	31	39
	40	36	32	28	23	19	14	9	3	4	11	18	26	35	44
	50	40	36	31	26	21	16	10	3	4	12	20	29	39	50
8	0	44	40	35	29	23	17	11	3	5	13	22	32	43	55
	10	49	43	38	32	26	19	12	4	5	15	24	35	47	60
	20	53	48	42	35	28	21	13	4	6	16	27	39	51	66
	30	58	52	45	38	31	23	14	4	6	17	29	42	56	71
	40	62	56	49	42	34	25	15	5	7	19	32	46	61	77
	50	67	60	53	45	36	27	17	5	7	21	35	49	65	93

Поправка + : придается къ восходу, вычитается изъ захода.
Поправка — : вычитается изъ восхода, придается къ заходу.

Знакъ *плюсъ* (+), стоящій около поправки, показываетъ, что полудневный интервалъ на данной широтѣ *меньше* парижскаго; тогда восходъ луны будетъ позднѣе, а заходъ—раньше. Такимъ образомъ, положительная поправка должна *придаваться* ко времени восхода луны въ Парижѣ и *вычитаться* изъ времени ея захода въ Парижѣ. Обратно будетъ при стоящемъ около поправки знакѣ минусъ (—). Вообще табличная поправка берется: со своимъ знакомъ для восхода и съ обратнымъ знакомъ для захода луны.

Примѣръ. Опредѣлить мѣстное время восхода и захода луны въ Саратовѣ 3 ноября 1905 года.

Изъ ноябрьской таблицы имѣемъ:

Восходъ луны въ Парижѣ 3 ноября	7 ч.	51 м.	в.	полуден. интервалъ восхода=7 ч. 49 м.
Слѣдующая кульминація луны въ Парижѣ (4 ноября) .	3 „	40 „	у.	
Предыдущая кульминація луны въ Парижѣ (3 ноября)	2 „	49 „	„	полуден. интервалъ захода=7 ч. 49 м.
Предыдущій заходъ луны въ Парижѣ (3 ноября) .	10 „	38 „	„	

Широта Саратова $= 51^0\ 32'$, или $51{,}53^0$, каковая заключается между 50^0 и 52^0. Отыскиваемъ для интервала 7 час. 40 мин. поправку: — 4 м. для 50^0 и — 11 м. для 52^0, разница на 2^0 равняется такимъ образомъ 7 мин., что даетъ 3,5 мин. на 1^0. Отсюда для $51{,}53^0$ получимъ: $-[4+(3{,}5 \times 1{,}53)] = -9{,}35$ мин.

Для интервала 7 ч. 50 м. имѣемъ поправку: — 4 м. для 50^0 и — 12 м. для 52^0; разница $=$ 8 мин., что даетъ на 1^0 разницу въ 4 мин. Отсюда для $51{,}53^0$ получимъ: $-[4+(4 \times 1{,}53)] = -10{,}12$ минутъ.

Такъ какъ разница на 10 мин. (между интервалами 7 ч. 40 м. и 7 ч. 50 м.) равна $10{,}12 - 9{,}35 = 0{,}37$ м., для 1 минуты она будетъ 0,087 м., а для 9 мин. (между интервалами 7 ч. 40 м. и 7 ч. 49 м.) — $0{,}087 \times 9 = 0{,}333$ м.

Такимъ образомъ, для восхода луны получится слѣдующая поправка: $-(9{,}35 + 0{,}33) = 9{,}68$ мин., или за округленіемъ, — 10 мин.

Въ данномъ случаѣ, полудневные интервалы восхода и захода оказались равными между собою. Если же они были бы различны, то нужно было бы опредѣлить, подобно опредѣленію поправки для восхода луны, и поправку для ея захода.

Итакъ, въ результатѣ получимъ:

Восходъ луны въ Парижѣ 3 ноября	7 ч.	51	м. в.
Поправка на восходъ съ своимъ знакомъ		—10	„ „
Поправка на кульминацію съ своимъ знакомъ (получ. выше)		+25	„ „
Восходъ луны въ Саратовѣ 3 ноября	8 „	6	„ „
Заходъ луны въ Парижѣ 3 ноября	10 ч.	38	м. у.
Поправка на заходъ съ обратнымъ знакомъ		+10	„ „
Поправка на кульминацію съ своимъ знакомъ		+25	„ „
Заходъ луны въ Саратовѣ 3 ноября	11 „	13	„ „

Таблица явленій въ системѣ Юпитера.

Въ ноябрѣ.

Числа мѣсяца.	Явленіе **).	Моментъ явленія *).			
1	III Ec. D.	7 ч.	12,4	м.	веч.
	III Oc. R.	9 „	42	„	„
2	II Ec. D.	2 „	7,4	„	утр.
	II Oc. R.	5 „	7	„	„
	I Sh. I.	5 „	44	„	„
3	I Ec. D.	2 „	57,3	„	„
	I Oc. R.	5 „	20	„	„

Числа мѣсяца.	Явленіе **).	Моментъ явленія *).			
3	II Sh. I.	8 „	30	„	веч.
	II Sh. E.	11 „	5	„	„
4	I Sh. I.	0 „	12	„	утр.
	I Sh. E.	2 „	25	„	„
	I Ec. D.	9 „	26,1	„	веч.
	I Oc. R.	11 „	46	„	утр.
5	II Ec. D.	3 „	24,8	„	веч.

*) По Пулковскому времени; для полученія мѣстнаго времени явленія достаточно лишь сдѣлать переводъ одного времени въ другое (см. кн. I настоящаго журнала за текущій годъ).

**) Значеніе римскихъ цифръ и буквъ объяснено въ книгѣ V настоящаго журнала за текущ. годъ.

Числа мѣсяца.	Явленie.			Моментъ явленія.				
5	II	Oc.	R.	6	„ 13	„	веч.
	I	Sh.	I.	6	„ 41	„	„
	I	Sh.	E.	8	„ 54	„	„
6	I	Ec.	D.	3	„ 54,8	„	„
	I	Oc.	R.	6	„ 12	„	„
7	I	Sh.	E.	3	„ 22	„	„
8	III	Ec.	D.	11	„ 12,5	„	„
9	III	Oc.	R.	0	„ 58	„	утр.
	II	Ec.	D.	4	„ 42,2	„	„
10	I	Ec.	D.	4	„ 52,2	„	„
	II	Sh.	I.	11	„ 8	„	веч.
11	I	Sh.	E.	1	„ 43	„	утр.
	I	Sh.	I.	2	„ 7	„	„
	I	Sh.	E.	4	„ 19	„	„
	I	Oc.	D.	11	„ 18	„	„
12	I	Oc.	R.	1	„ 30	„	„
	III	Sh.	E.	3	„ 7	„	веч.
	II	Oc.	D.	5	„ 54	„	„
	II	Ec.	R.	7	„ 29,6	„	„
	I	Sh.	I.	8	„ 35	„	„
	I	Sh.	E.	10	„ 48	„	„
13	I	Oc.	D.	5	„ 44	„	„
	I	Ec.	R.	7	„ 58,2	„	„
14	II	Sh.	E.	3	„ 1	„	„
	I	Sh.	I.	3	„ 4	„	„
	I	Sh.	E.	5	„ 17	„	„
15	I	Ec.	R.	2	„ 27	„	„
16	III	Oc.	D.	2	„ 47	„	утр.
	III	Ec.	R.	4	„ 50,2	„	„
18	II	Sh.	I.	1	„ 46	„	„
	I	Sh.	I.	4	„ 1	„	„
	II	Sh.	E.	4	„ 21	„	„
19	I	Oc.	D.	1	„ 2	„	„
19	I	Ec.	R.	3	„ 24,6	„	утр.
	III	Sh.	I.	5	„ 17	„	веч.
	III	Sh.	E.	7	„ 8	„	„
	II	Oc.	D.	8	„ 7	„	„
	I	Sh.	I.	10	„ 30	„	„
	II	Ec.	R.	11	„ 4,7	„	„
20	I	Sh.	E.	0	„ 43	„	утр.
	I	Oc.	D.	7	„ 28	„	веч.
	I	Ec.	R.	9	„ 53,4	„	„
21	II	Sh.	I.	3	„ 4	„	„
	I	Sh.	I.	4	„ 58	„	„
	II	Sh.	E.	5	„ 39	„	„
	I	Sh.	E.	7	„ 11	„	„
22	I	Ec.	R.	4	„ 22,2	„	„
25	II	Sh.	I.	4	„ 24	„	утр.
26	I	Oc.	D.	2	„ 46	„	„
	III	Sh.	I.	9	„ 16	„	веч.
	II	Oc.	D.	10	„ 20	„	„
	III	Sh.	E.	11	„ 9	„	„
27	I	Sh.	I.	0	„ 24	„	утр.
	II	Ec.	R.	1	„ 39,9	„	„
	I	Sh.	E.	2	„ 37	„	„
	I	Oc.	D.	9	„ 12	„	веч.
	I	Ec.	R.	11	„ 48,6	„	„
28	II	Sh.	I.	5	„ 42	„	„
	I	Sh.	I.	6	„ 50	„	„
	II	Sh.	E.	8	„ 18	„	„
	I	Sh.	E.	9	„ 6	„	„
29	I	Oc.	D.	3	„ 39	„	„
	I	Ec.	R.	6	„ 17,6	„	„
30	II	Ec.	R.	2	„ 57,6	„	„
	I	Sh.	E.	3	„ 34	„	„

Въ декабрѣ.

Числа мѣсяца.	Явленie.			Моментъ явленія.			
3	I	Oc.	D.	4 ч.	31	м.	утр.
4	II	Oc.	D.	0 „	35	„	„
	III	Sh.	I.	1 „	17	„	„
	I	Sh.	I.	2 „	19	„	„
	III	Sh.	E.	3 „	10	„	„
	II	Ec.	R.	4 „	15,2	„	„
	I	Sh.	E.	4 „	32	„	„
	I	Oc.	D.	10 „	58	„	веч.
5	I	Ec.	R.	1 „	14,1	„	утр.
	II	Sh.	I.	8 „	20	„	веч.
	I	Sh.	I.	8 „	48	„	„
	II	Sh.	E.	10 „	56	„	„
	I	Sh.	E.	11 „	1	„	„
6	I	Oc.	D.	5 „	24	„	„
6	I	Ec.	R.	8 „	13,0	„	веч.
7	III	Oc.	R.	2 „	15	„	„
	III	Ec.	D.	3 „	15,8	„	„
	I	Sh.	I.	3 „	16	„	„
	III	Ec.	R.	4 „	56,1	„	„
	I	Sh.	E.	5 „	29	„	„
	II	Ec.	R.	5 „	32,9	„	„
8	I	Ec.	R.	2 „	41,8	„	„
11	II	Oc.	D.	2 „	51	„	утр.
	I	Sh.	I.	4 „	14	„	„
12	I	Oc.	D.	0 „	44	„	„
	I	Ec.	R.	3 „	39,6	„	„
	I	Sh.	I.	10 „	43	„	веч.
	II	Sh.	I.	10 „	58	„	„

Числа мѣсяца.	Явленіе.	Моментъ явленія.
13	I Sh. E.	0 „ 56 „ утр.
	II Sh. E.	1 „ 35 „ „
	I Oc. D.	7 „ 10 „ веч.
	I Ec. R.	10 „ 8,5 „ „
14	III Oc. D.	3 „ 59 „ „
	II Oc. D.	4 „ 00 „ „
	I Sh. I.	5 „ 11 „ „
	III Oc. R.	5 „ 41 „ „
	III Ec. D.	7 „ 16,5 „ „
	I Sh. E.	7 „ 24 „ „
	II Ec. R.	8 „ 8,4 „ „
	III Ec. R.	8 „ 58 „ „
15	I Ec. R.	4 „ 37,3 „ „
16	II Sh. E.	2 „ 55 „ „
19	I Oc. D.	2 „ 31 „ утр.
20	I Sh. I.	0 „ 37 „ „
	II Sh. I.	1 „ 37 „ „
	I Sh. E.	2 „ 50 „ „
	I Oc. D.	8 „ 58 „ „
21	I Ec. R.	0 „ 4,2 „ „
	II Oc. D.	6 „ 19 „ веч.
	I Sh. I.	7 „ 6 „ „
	III Oc. D.	7 „ 26 „ „
	III Oc. R.	9 „ 11 „ „
	I Sh. E.	9 „ 19 „ „
	II Ec. R.	10 „ 44 „ „
	III Ec. D.	11 „ 17 „ „
22	III Ec. R.	0 „ 59,9 „ утр.
	I Oc. D.	3 „ 25 „ веч.
	I Ec. R.	6 „ 33 „ „
23	I Sh. I.	1 „ 35 „ „
	II Sh. I.	2 „ 57 „ „
	I Sh. E.	3 „ 58 „ „
	II Sh. E.	5 „ 33 „ „
24	I Ec. R.	1 „ 2 „ „
25	III Sh. I.	1 „ 19 „ „
	III Sh. E.	3 „ 16 „ „
27	I Sh. I.	2 „ 33 „ „
	I Oc. D.	10 „ 46 „ „
28	I Ec. R.	1 „ 59,9 „ утр.
	II Oc. D.	8 „ 41 „ веч.
	I Sh. I.	9 „ 1 „ „
	III Oc. D.	10 „ 58 „ „
	I Sh. E.	11 „ 14 „ „
29	III Oc. R.	0 „ 47 „ утр.
	II Ec. R.	1 „ 19,7 „ „
	I Oc. D.	5 „ 14 „ веч.
	I Ec. R.	8 „ 38,5 „ „
30	I Sh. I.	3 „ 30 „ „
	II Sh. I.	5 „ 35 „ „
	I Sh. E.	5 „ 43 „ „
	II Sh. E.	8 „ 12 „ „
31	I Ec. R.	2 „ 57,8 „ „

Падающія звѣзды. Ноябрь очень богатъ потоками падающихъ звѣздъ, декабрь—бѣденъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе:

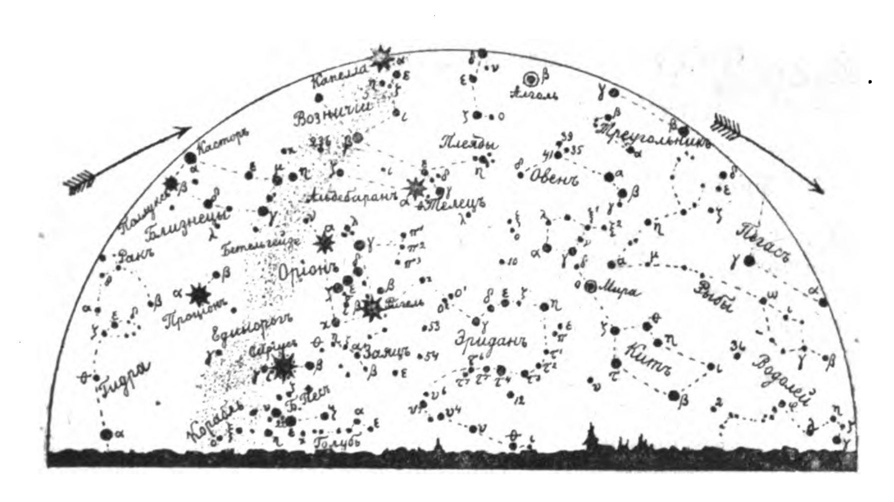
				Мѣстоположеніе радіанта.
1	ноября	—	вблизи	0 Персея и ζ Льва *(Леонцы).*
1	„	—	„	2348 Брадлея.
3	„	—	„	μ Бол. Медвѣдицы *(Минориды).*
7	„	—	„	ω^2 Тельца.
10—18	„	—	„	γ Андромеды *(Андромедиды,* или *Біелиды).*
12—15	„	—	„	μ Бол. Медвѣдицы *(Минориды).*
14	„	—	„	ω^2 Тельца.
15	„	—	„	α Персея.
18	„	—	„	η Персея.
18—28	„	—	„	α—β Близнецовъ *(Геминиды).*
23	„	—	„	ζ Тельца *(Тауриды II).*
23	„	—	„	254 Піацци IX час.
26—29	„	—	„	α Близнецовъ.
27—29	„	—	„	ι Бол. Медвѣдицы.
16—23	декабря	—	„	β Волопаса *(Квадрантиды).*
19—31	„	—	„	N Волосъ Вереники.
20	„	—	„	ζ Рака.

Болиды. Можно ожидать: 1, 2, 7, 8, 16, 17, 19, 20, 25, 26, 28 и 29 ноября; 1, 2, 6, 7, 8, 9, 14, 15, 20 и 21 декабря.

Зодіакальный свѣтъ. Въ хорошіе безлунные вечера виденъ на западѣ, вскорѣ послѣ захода Солнца (а также на востокѣ, утромъ, незадолго передъ восходомъ Солнца) и тѣмъ лучше, чѣмъ южнѣе и дальше отъ городовъ и фабрикъ расположено мѣсто наблюденія. Но вообще, ноябрь, и, въ особенности, декабрь мало благопріятны для этого рода наблюденій.

Переводъ даннаго времени въ мѣстное—см. книгу I настоящаго журнала за текущій годъ.

Н. П. Двигубскій.

Видъ южнаго неба въ 10 ч. 28 м. в. (по Пулковскому времени) 1 декабря 1905 г. подъ 48° 50′ сѣв. шир.

Зоологія.

Причины разноцвѣтной окраски крыльевъ бабочекъ. Остроумную теорію длія объясненія чудеснаго великолѣпхя цвѣтовъ на крыльяхъ дневныъ бабочекъ предложилъ недавно въ „Physikolische Zeitschrift“ русскй физикъ Косоноговъ. Опыты показали, что чрезвычайно тонко распыленные металлы и другія вещества отливаются великолѣпными цвѣтами, что обусливается какъ нужно думать, отраженіемъ свѣта. Въ соотвѣтствіи съ различною длиною волны разныхъ цвѣтовъ зернышки въ 0,769 миллиметра отливаются ярко пурпурно-краснымъ цвѣтомъ величиною въ 0,507—зеленымъ и т. д.

Крылья бабочекъ, какъ теперь извѣстно, покрыты множествомъ чешуекъ на подобіе кровельной черепицы. На параллельныхъ ребрахъ этихъ чешуекъ сидятъ маленькія зернышки, величина которыхъ различна въ разныхъ частяхъ крыльевъ и у различныхъ породъ. Косоноговъ старался установить, имѣютъ ли эти зернышки какъ разъ такіе размѣры, которые согласно вышеупомянутой теоріи свѣта достаточны, чтобы производить оптическій резонансъ, т. е. различные цвѣта. И дѣйствительно размѣры зернышекъ въ различныхъ частяхъ крыльевъ точно такіе же, какіе были у металлическихъ зернышекъ, вызывавшихъ соотвѣтственные цвѣта. Такимъ образомъ великолѣпіе цвѣтовъ крыльевъ бабочекъ нашло себѣ удовлетворительное физическое объясненіе.

Органы свѣченія у птицъ. Въ то время какъ способность свѣтиться весьма распространена у морскихъ животныхъ и обнаруживается у различнѣйшихъ классовъ, отъ простѣйшихъ до рыбъ,—эта способность у сухопутныхъ обитателей наблюдается относительно рѣдко. Нѣкоторыя миріаподы (тысяченожки), но главнымъ образомъ насѣкомыя: Lampyris (нашъ Ивановъ червячокъ). Phosphaenus, Luciola и т. д. обладаютъ способностью свѣтиться. Напротивъ, до сихъ поръ еще остается подъ сомнѣніемъ, существуютъ ли высшія сухопутныя позвоночныя, обладающія способностью свѣтиться. Въ этомъ отношеніи мы обладаемъ лишь немногими и совершенно не провѣренными наблюденіями. Въ своей книгѣ о „Свѣтящихся растеніяхъ и животныхъ“ Гадо де Кервиль упоминаетъ объ одной суринамской жабѣ, у которой наблюдалось свѣченіе во рту. Далѣе, способностью свѣтиться будто бы обладаетъ ночная цапля (Ardea nycticola и цапля Ardea coerulea). Пока не существуетъ болѣе точныхъ наблюденій—свѣченіе во рту жабы можно объяснить тѣмъ, какъ это и дѣлаетъ

Кервиль, что животное проглотило свѣтящееся насѣкомое; свѣченіе же цапли объясняется атмосферическими причинами. Свѣченіе волосъ въ темнотѣ у многихъ млекопитающихъ вызывается электричествомъ (которое развивается при треніи, какъ напр. у кошки). Свѣченіе труповъ животныхъ общеизвѣстный фактъ и удовлетворительно объясняется присутствіемъ бактерій. Наконецъ, свѣченіе глазъ въ темнотѣ многихъ млекопитающихъ, какъ, напр., у оленя и у хищниковъ кошачьей породы, является, вѣроятно, слѣдствіемъ излученія поглощеннаго за день солнечнаго свѣта.

Интересныя наблюденія, вполнѣ точныя и установленныя, сообщаютъ теперь о явленіяхъ свѣченія нѣкоторыхъ породъ птицъ. Это—австралійская птица Gould Amandin (Phoëphila Guldiae), разводимая любителями за свое прекрасное опереніе, а въ особенности за свою способность фосфоресцировать. У этого великолѣпнаго зяблика по обоимъ угламъ рта находятся двѣ сильно отливающія синимъ цвѣтомъ бородавки, которымъ приписывалась способность свѣченія, хотя было сомнительно, является ли это самостоятельнымъ свѣченіемъ или же это явленіе происходитъ вслѣдствіе сильнаго отраженія свѣта. Недавно профессоръ Кукъ въ Лейпцигѣ поставилъ своей задачей изслѣдовать это явленіе. Онъ сажалъ маленькаго великолѣпнаго зяблика въ фотографическую темную камеру, и въ полутьмѣ эти органы сильно свѣтились; если камера затемнялась вполнѣ, свѣченіе органовъ сразу совершенно пропадало. Затѣмъ изслѣдователь снова черезъ тонкую щель пропускалъ свѣтъ и наблюдалъ характерное явленіе отраженія. Такимъ образомъ было явственно показано, что свѣченіе это обусловливается не фосфоресценціей, а есть только явленіе отраженія свѣта.

Точное гистологическое изслѣдованіе показало, что синія бородавки состоятъ изъ двухъ слоевъ соединительной ткани, между которыми лежатъ крупныя звѣздообразныя пигментныя клѣтки буровато-желтаго цвѣта. Эти пигментныя клѣтки функціонируютъ, какъ рефлекторы, подобно кристалламъ мочекислаго аммонія въ органахъ свѣченія лампиридъ. Объясненія синяго отлива бородавокъ Кукъ не даетъ. Возможно, что это происходитъ оттого, что свѣтъ прежде, чѣмъ попадаетъ на темный пигментный слой, проходитъ черезъ „мутную среду“ (соединительную ткань). Такъ объясняется, напримѣръ, голубой цвѣтъ радужной оболочки человѣческаго глаза. Относительно біологическаго значенія бородавокъ лейпцигскій изслѣдователь, въ согласіи съ прежними наблюдателями, полагаетъ, что онѣ, вѣроятно, служатъ матери, приносящей кормъ голоднымъ птенцамъ, для отыскиванія ихъ клювовъ. Великолѣпные зяблики (Prachtfink) строютъ свои гнѣзда такъ, что остается открытымъ лишь маленькое отверстіе.

Вымираніе животныхъ въ восточной Африкѣ. Въ іюньскомъ засѣданіи Берлинскаго общества землевѣдѣнія извѣстный путешественникъ по Африкѣ и любитель спорта Шиллингсъ сдѣлалъ докладъ, въ которомъ утверждалъ, что огромный животный міръ, населяющій однообразныя африканскія степи, особенно въ восточной части материка, находится въ состояніи быстраго вымиранія. Нужно спасать, что еще возможно спасти, путемъ устройства охранительныхъ станцій. Совершенно исчезъ уже настоящій гну, бонту-антилопа, маленькая (лошадиная) антилопа, бѣлый носорогъ, горная зебра и квагга.

Въ высокой степени страдаетъ повидимому, жираффа, едви ли меньше слонъ, который уже окончательно исчезъ во многихъ областяхъ, носорогъ (преслѣдуемый за свою свирѣпость), гиппопотамъ (ради шкуры),

антилопы и дикая лошадь (зебра) и т. д. Нѣсколько больше шансовъ на сохраненіе имѣютъ лѣсные звѣри, которымъ гораздо легче укрываться отъ опасности, чѣмъ степнымъ животнымъ. Что касается слоновъ, то ихъ избиваютъ въ невѣроятномъ количествѣ. За послѣдніе десять лѣтъ на одинъ только антверпенскій рынокъ поступило три милліона килограммовъ слоновой кости, клыки отъ 185.000 слоновъ, а такъ какъ среди нихъ много можно видѣть маленькихъ клыковъ очевидно совершенно молодыхъ слонятъ, то естественно возникаетъ вопросъ, какъ долго можетъ тянуться такое хищническое хозяйство. На развитіе слоновой охоты не мало повліялъ налогъ на хижины, такъ какъ налогъ выплачивается натурой и большей частью слоновой костью.

Географія.

Глубины европейскихъ озеръ. Въ обширномъ трудѣ, помѣщенномъ въ журналѣ „Берлинскаго Общества землевѣдѣнія“ В. Гальбфассъ приводитъ таблицы главнѣйшихъ данныхъ относительно 873 европейскихъ озеръ, по собственнымъ изслѣдованіямъ и вычисленіямъ и кромѣ того взятымъ изъ существующей литературы съ самымъ точнымъ указаніемъ источниковъ. Изъ 27 озеръ Европы, которые, согласно надежнымъ даннымъ, достигаютъ глубины въ 200 метровъ и больше, 14 находятся на скандинавскомъ полуостровѣ и среди нихъ наиболѣе глубокихъ четыре (Хорнинъ — дальсватнъ—486 метр., Міозенъ 452 метр., Зальсватнъ и Фоснаессъ—445 метр. и Тинсьо 438 метр., всѣ въ Норвегіи); далѣе 10 въ Альпахъ и въ предгорьяхъ ихъ, 2 въ Шотландіи, 1 въ Македоніи. Весьма мало вѣроятно, чтобы кромѣ Ладожскаго озера, наибольшая глубина котораго еще твердо не установлена, существовали еще другія европейскія озера съ максимальной глубиной выше 200 метровъ, развѣ только въ Шотландіи или Норвегіи. Всѣ большія озера Европы лежатъ или по окраинамъ большихъ горъ или въ областяхъ геологическихъ обваловъ. 17 изъ нихъ имѣютъ поверхность ниже уровня моря. Изъ собственно горныхъ озеръ наиболѣе глубокое, по видимому, расположенное на высотѣ въ 1968 метровъ надъ уровнемъ морявъ Пиренеяхъ Голубое озеро (Lac Bleu) съ максимальной глубиной въ 120,7 метр. Въ Германіи кромѣ Бодензее только лишь Вальхензее, Кёнигсзее и Штарнбергзее обладаютъ максимальной глубиной свыше 100 метр.

Въ Сѣверной Германіи Драцигзее въ Помераніи въ 83 м., въ Западной Германіи Пульвермаръ въ 76 метр. самое глубокое озеро; замѣчательно совершенно обособленно расположенное въ 50 метр. глубиною Арндзее въ Альтмаркѣ и Бернсгейзерскій-клобукъ обвалочная котовина въ Рӧнѣ*) въ 47 метр. глубиною.

Цвѣтъ озеръ. Измѣренія прозрачности озеръ (изслѣдованію подвергалась вода различныхъ германскихъ и швейцарскихъ озеръ въ различныя времена года и въ разные часы дня и при разнообразнѣйшихъ внѣшнихъ условіяхъ) показали, что цвѣтъ озеръ не зависитъ отъ прозрачности воды; этотъ цвѣтъ присущъ самой водѣ и въ глубокихъ слояхъ мѣняется только въ интенсивности. Различная температура воды также не оказываетъ никакого вліянія на цвѣтъ; ея измѣненія, даже внезапныя, не оказывали никакого вліянія на абсорбціонную способность воды, тогда какъ, наоборотъ, цвѣтъ воды можетъ вліять на ея температуру, постольку, поскольку извѣстный цвѣтъ сильнѣе поглощаетъ красные (тепловые) лучи. Удалось доказать, что исключительно лишь раствореніе въ водѣ различныхъ веществъ обусловливаетъ ея специфическій

*) Горная цѣпь съ Баваріи.

цвѣтъ. Наиболѣе часто вода окрашивается известью и органическими веществами; первая въ большихъ количествахъ окрашиваетъ воду въ зеленый цвѣтъ, тогда какъ органическія вещества придаютъ водѣ желтоватый или буроватый оттѣнокъ. Обоими этими веществами оказалась богата вода изслѣдованныхъозеръ. ВъВалькензее,Кохельзее, Вурмзее и Женевскомъ озерахъ содержаніе извести колеблется между 49,8 и 80,4 частей на тысячу, тогда какъ содержаніе органическихъ веществъ варьируетъ между 13,8 и 23,86 на тысячу. Кромѣ этихъ веществъ, опредѣленную окраску водѣ придаютъ также и другія растворенныя вещества. Результаты изслѣдованій приводятъ къ тому выводу, что цвѣтъ всякаго озера, а также вообще водъ является собственнымъ специфическимъ цвѣтомъ, который представляетъ модификацію собственнаго основного цвѣта чистой воды въ зависимости отъ содержанія различныхъ веществъ, что въ свою очередь зависитъ отъ геологическаго состава почвы самого бассейна и ближайшихъ окрестностей.

Земной рай въ Африкѣ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ Африкѣ открывается еще недавно почти невѣдомая часть материка и не только для торговли, но и для обыкновеннаго туриста, путешествующаго не съ научными цѣлями, а ради удовольствія и спорта. Секретарь управленія областью Уганда, прибывшей недавно оттуда въ Лондонъ, сообщилъ нѣкоторыя интересныя данныя о развитіи Уганды представителю (корреспондентскаго) Бюро Рейтера. Пассажирское движеніе по Угандской дорогѣ необыкновенно возрасло, и желѣзнодорожную службу по направленію къ озеру Викторія пришлось увеличить вдвое. Болѣе 10.000 туристовъ ожидается къ наступающему сезону путешествій. Въ то время какъ десять лѣтъ тому назадъ путешествіе было сопряжено съ огромными трудностями и требовало расхода въ 2000 фунтовъ стерлиинговъ, теперь путешественникъ съ полнымъ удобствомъ, при расходѣ лишь въ 25 фунтовъ стерлинговъ, въ двѣ недѣли проникаетъ въ самое сердце Уганды. Ландшафты по описанію секретаря протекторатства необыкновенно живописны. Онъ сравниваетъ страну съ огромнымъ зоологическимъ садомъ, гдѣ стадами бродятъ дикія животныя. Однажды во время путешествія ему пришлось проѣзжать равниною Капити черезъ огромное стадо зебръ, болѣе чѣмъ въ 50.000 головъ. Затѣмъ путешественникъ видѣлъ страусовъ, носороговъ и жираффъ, вся же равнина была буквально усѣяна газелями. Стада зеберъ расположились прямо на полотнѣ дороги и разступались только чтобы пропустить поѣздъ. Еще интереснѣе, чѣмъ животныя, оказались туземные обитатели. Въ Ковирондо очевидно полагаютъ, что еще идутъ лишь первые дни послѣ сотворенія міра, съ тѣмъ только различіемъ, что африканскіе Адамы и Евы еще не успѣли замѣтить своей наготы и вмѣсто того, чтобы прятаться за яблонями, преспокойно шествуютъ вдоль линіи дороги, съ корзинами съ хлѣбомъ на головахъ, которыя они несутъ въ гавань Портъ-Флурансъ. Большая часть туземцевъ ходитъ совершенно нагишомъ, однако, европейскаго путешественника это не шокируетъ, такъ какъ онъ чувствуетъ, что здѣсь въ этой нетронутой странѣ онъ принадлежитъ природѣ. Путешествіе по озеру Викторія занимаетъ около недѣли, и пароходъ при этомъ проходитъ мимо всѣхъ англійскихъ и нѣмецкихъ станцій. Путь пролегаетъ черезъ красивѣйшую часть группы острововъ Зезе и Бавума. Глазъ не устаетъ восхищаться водными потоками, живописными группами пальмъ на берегахъ и бѣлой лентой прибоя, неописуемо красивы. Въ смыслѣ здоровья путешественнику нечего бояться. Пер-

вые изслѣдователи захватили въ этой мѣстности лихорадку, но теперь это вполнѣ здоровая страна. Мистеръ Кенингемъ прожилъ безъ перерыва здѣсь со своимъ семействомъ пять лѣтъ, причемъ никто изъ семьи ни разу серьезно не болѣлъ; онъ самъ страдалъ, когда пріѣхалъ легочной болѣзнью, а тамъ уже совершенно выздоровѣлъ и вполнѣ убѣжденъ, что мѣсячное пребываніе въ этомъ раю можетъ принести значительное облегченіе, если не полное выздоровленіе, страдающимъ легочными и горловыми болѣзнями. Словомъ, настоящій рай, если только секретарь Уганды не склоненъ изображать прелесть своего новаго отечества въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ.

Медицина и гигіена.

Пищевареніе и работа. Извѣстно, что напряженная работа вскорѣ послѣ принятія пищи нарушаетъ пищевареніе и можетъ даже совершенно пріостановить его. При этомъ количество желудочныхъ выдѣленій болѣе или менѣе сильно сокращается. Умственная работа можетъ произвести такое же дѣйствіе. Также и обратно: работа пищеваренія понижаетъ духовную дѣятельность во всѣхъ формахъ. Французскій изслѣдователь Фере́, какъ сообщаетъ „Mesiciniche Woche" произвелъ нѣсколько интересныхъ экспериментовъ, чтобы установить, въ какихъ размѣрахъ работа пищеваренія понижаетъ мышечную дѣятельность. Онъ нашелъ, что это пониженіе гораздо значительнѣе, чѣмъ мы могли предполагать. Втеченіе перваго часа, слѣдующаго за принятіемъ пищи, работа производится безъ утомленія и едва достигаетъ половины работы, произведенной натощакъ; и это уменьшеніе отъ начала къ концу перваго часа становится все болѣе значительнымъ. Съ 75% (приблизительно) втеченіе первыхъ десяти минутъ работоспособность послѣдней четверти часа падаетъ до 10%. Вліяніе пряностей и всякаго рода прибавочныхъ возбудителей, какъ табакъ и алкоголь, обнаруживается весьма явственно, такъ какъ они устраняютъ утомленіе, однако лишь на весьма короткое время, которое никогда не превосходитъ десяти минутъ; послѣ этого усталость появляется снова и притомъ въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ безъ употребленія этихъ возбудителей со скоропреходящимъ дѣйствіемъ.

Редакторъ-издатель **Ф. С. Груздевъ.**

Digitized by Google

ГОДЪ II.

Наука и Жизнь,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

КНИГА XII.

Декабрь 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1905.

Содержаніе III тома.

(Сентябрь—Декабрь).

Отд. I. Наука и искусство.

Отд. II. Беллетристика.

Отд. III. Стихотворенія.

Отд. IV.

Отд. V.

Отд. VI.

Отд. VII.

Отд. VIII.

Отд. IX.

Отд. X.

Отд. XI. Объявленія.

Приложенія: a) *при журналѣ*:

b) *отдѣльно:*

ВОСКРЕСЕНІЕ АДА

(Изъ послѣднихъ произведеній *).

Одно изъ самыхъ послѣднихъ произведеній гр. Л. Н. Толстого— „Воскресеніе Ада“,—небольшая вещица, замѣчательная тѣмъ, что въ ней, какъ въ фокусѣ, собраны главнѣйшіе пункты воззрѣній яснополянскаго философа, церковно-догматическихъ и соціальныхъ. Съ обычною рѣзкостью и прямолинейностью, переходящею иногда въ грубость, Л. Н. проводитъ здѣсь свои оригинальные взгляды на Церковь, современный соціальный строй и на всю вообще культуру современнаго человѣчества. Взгляды его на церковь уже извѣстны, хотя бы изъ опредѣленія Синода, отлучившаго Л. Н. Толстого отъ церкви; болѣе или менѣе извѣстны и соціальныя воззрѣнія, его мнѣнія о государственной власти, законахъ и пр. Но, кажется, нигдѣ еще геніальный творецъ „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“ не проводилъ такихъ рѣзкихъ прямолинейныхъ взглядовъ на культуру человѣчества и ея значеніе, нигдѣ не доходилъ до такого полнаго отрицанія всего, что добыто трудомъ сотенъ предъидущихъ поколѣній, на чемъ зиждется вся исторія человѣчества. Дальше, кажется, некуда идти: это полное отрицаніе всего, *нигилизмъ* въ полномъ смыслѣ этого слова. Геніальный художникъ-писатель, увлекшись идеею, что въ современной жизни царитъ сатана, что всѣ проявленія человѣческаго духа—проявленія духа зла, считаетъ самое понятіе о жизни ложнымъ... При такомъ воззрѣніи остается принять одно — что самое лучшее для человѣка погрузиться въ небытіе-нирвану. Этому-ли учитъ насъ прошлое человѣчества? Къ этому-ли мы должны стремиться?

Мы, однако, послушаемъ, что говоритъ нашъ философъ.

I.

„Это было въ то время, —начинается „Воскресеніе Ада“, — когда

---

*) Эта статья была уже набрана, но запрещена цензурой, какъ и многія другія произведенія гр Толстого. Къ сожалѣнію, у насъ потерялся французскій оригиналъ, откуда мы взяли ее, —и мы не можемъ теперь возстановить полностью многихъ отрывковъ. Впрочемъ, и того, что осталось, вполнѣ довольно для характеристики соціальныхъ взглядовъ Толстого.—*Ред.*

Христосъ открылъ людямъ свое ученіе. Оно было такъ ясно, такъ легко было послѣдовать ему, до такой степени оно освобождало людей отъ зла, что было невозможно не принять его, и ничто не могло задержать его распространенія. Вельзевулъ, отецъ и начальникъ всѣхъ демоновъ, пришелъ отъ этого въ большое безпокойство.

„Онъ хорошо понималъ, что его власть надъ людьми навсегда рушится, если только Христосъ не откажется отъ своей пропаганды. Онъ былъ смущенъ, однако, не терялъ мужества и натолкнулъ оставшихся ему вѣрными фарисеевъ и книжниковъ — клеветать и мучить Христа какъ можно больше. Въ то же время онъ подавалъ совѣты ученикамъ Христа бросить Его и бѣжать. Онъ надѣялся, что позорное осужденіе, поруганія, бѣгство учениковъ и, наконецъ, самыя страданія и смерть на крестѣ заставятъ Христа въ послѣдній моментъ отречься отъ своего ученія. А это отреченіе должно было разрушить всю силу ученія Христа.

„На крестѣ произошла развязка. И когда Христосъ воскликнулъ: „Боже мой, Боже мой, зачѣмъ ты покинулъ меня“?— Вельзевулъ торжествовалъ. Онъ схватилъ приготовленныя для Христа оковы и, наложивъ на собственныя ноги, попробовалъ, не разорвутся-ли онѣ, когда ихъ наложатъ на Христа. Вдругъ съ высоты креста раздались слова: „Отче, прости имъ: не вѣдаютъ бо, что творятъ“, потомъ Христосъ произнесъ: „Совершилось“ и испустилъ духъ“.

„Вельзевулъ понялъ, что все пропало для него. Онъ хотѣлъ было снять со своихъ ногъ оковы и убѣжать, но не могъ тронуться съ мѣста: оковы стали толще и задержали его. Онъ хотѣлъ было подняться при помощи своихъ крыльевъ, но не могъ расправить ихъ,— и видитъ онъ: Христосъ въ свѣтоносномъ вѣнцѣ стоитъ на порогѣ Ада, а оттуда выходятъ грѣшники, начиная съ Адама и кончая Іудой. Видитъ онъ, что всѣ демоны бросились въ бѣгство; видитъ: стѣны Ада со всѣхъ сторонъ рушатся безъ шума. Дьяволъ не могъ болѣе перенести этого и съ пронзительнымъ воемъ исчезъ подъ землею, которая разверзлась подъ нимъ.

II.

„Прошло 100, 200, 300 лѣтъ... Вельзевулъ не считалъ времени. Густой мракъ и мертвое молчаніе царили кругомъ его. Онъ оставался распростертымъ, неподвижнымъ, старался не думать о томъ, что произошло, и, однако, мысли его останавливались на этомъ, и въ своемъ безсиліи онъ возненавидѣлъ виновника своей гибели.

„Вдругъ, — онъ не понималъ, не зналъ, сколько сотенъ лѣтъ прошло уже, — онъ услышалъ надъ собою звуки, похожіе на топотъ ногъ, стоны, крики, скрежетъ зубовный. Вельзевулъ поднялся и сталъ прислушиваться. Что Адъ могъ воскреснуть послѣ побѣды Христа,—онъ не могъ повѣрить этому; однако, топотъ, стоны, крики, скрежетъ зубовный стали все болѣе и болѣе ясными. Вельзевулъ поднялся, освободилъ свои косматыя ноги, съ непомѣрно выросшими копытами (оковы, къ его изумленію, упали съ нихъ сами собой), и свободно шевеля расправленными крыльями, издалъ свистъ, которымъ онъ нѣкогда сзывалъ своихъ рабовъ и подчиненныхъ. Не успѣлъ онъ перевести духъ, какъ надъ нимъ открылось отверстіе, вспыхнулъ красный огонь,—и толпа демоновъ, толкая другъ друга, наполнила чрезъ отверстіе подземелье Ада, потомъ, подобно воронамъ вокругъ падали, они расзѣлись кругомъ Вельзевула. Демоны были большіе и малые, толстые и сухопарые, съ хвостами длинными и короткими, съ рогами острыми и витыми. Одинъ изъ нихъ, съ перели-

ной на плечахъ, совершенно нагой, блестящаго чернаго цвѣта, съ безбородымъ лицомъ, съ беззубымъ ртомъ, съ огромнымъ, отвислымъ животомъ, присѣлъ на корточки предъ Вельзевуломъ и, то закрывая широко, то открывая и вращая своими огненными глазами, съ улыбкой завилялъ своимъ тонкимъ длиннымъ хвостомъ.

III.

— Что значитъ весь этотъ шумъ?—спросилъ Вельзевулъ, указывая на землю надъ собою.—Что тамъ происходитъ?

— Все то же! Ничего не измѣнилось!—отвѣчалъ лоснящійся демонъ.

— Но развѣ тамъ есть грѣшники?—спросилъ Вельзевулъ.

— И даже много!—отвѣчалъ демонъ.

— А что стало съ ученіемъ Того, Кого я не хочу называть?

Дьяволъ въ пелеринѣ улыбнулся. Кругомъ раздался почтительный смѣхъ.

— Это ученіе ничего не можетъ сдѣлать противъ насъ!—послышался чей-то голосъ.

— Они не вѣрятъ въ него!—проговорилъ дьяволъ въ пелеринѣ.

— Но это ученіе, навѣрное, спасало людей отъ насъ, и Онъ освятилъ его Своею кровію!—сказалъ Вельзевулъ.

— Я измѣнилъ его, это ученіе!—проговорилъ дьяволъ въ пелеринѣ, быстро ударяя о землю своимъ хвостомъ.

— Какъ измѣнилъ?

— О, это произошло само собой. Мнѣ достаточно было только немного подсобить людямъ!

Ну, разскажи покороче, какъ это сдѣлалось!

Дьяволъ въ пелеринѣ, опустивъ голову, смолкъ, какъ бы размышляя, потомъ началъ.

— Когда совершилось ужасное дѣло,—и Адъ рухнулъ, а нашъ отецъ и господинъ покинулъ насъ,—началъ онъ,—я отправился въ мѣста, гдѣ распространялось это ученіе, которое должно было погубить насъ: мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какъ живутъ люди, исповѣдующіе его. И я увидѣлъ, что тѣ, кто слѣдовалъ ему, были совершенно счастливы, и что мы не имѣли бы успѣха у нихъ. Они не возставали другъ противъ друга, не поддавались женскимъ обольщеніямъ; одни не вступали въ бракъ, другіе, хотя не отказывались отъ брака, но имѣли только одну жену; не владѣли собственнымъ имуществомъ: у нихъ все было общее; они не защищались противъ тѣхъ, кто нападалъ на нихъ, и воздавали добромъ за зло. И ихъ жизнь была такъ хороша, что и другіе увлекались ею. При видѣ этого я рѣшилъ уже, что для насъ все погибло, и готовъ былъ покинуть эти мѣста, какъ случилось одно обстоятельство, само по себѣ незначительное, но показавшееся мнѣ заслуживающимъ вниманія, — и я остался: именно, между этими людьми, одни, оказалось, вѣрили, что всѣ должны быть обрѣзаны и не должны ѣсть жертвеннаго мяса, между тѣмъ другіе были убѣждены, что можно обойтись безъ обрѣзанія и ѣсть все. И я принялся внушать и тѣмъ, и другимъ, что это чрезвычайно важное различіе, и что ни та, ни другая изъ противоположныхъ партій не должна уступать, такъ какъ дѣло идетъ именно о томъ, какъ угодить Богу. И они повѣрили мнѣ, и споры ихъ стали ожесточеннѣе. Споры перешли въ ругань...

(Здѣсь Толстой не могъ удержаться отъ своихъ обычныхъ нападокъ на Вселенскую церковь, на общепринятые церковные обряды, наконецъ, на самые догматы. Мы не станемъ приводить его порою насмѣшливыхъ, порою грубо оскорбительныхъ выраженій; замѣтимъ только, что великій писатель и философъ показалъ себя довольно плохимъ догматистомъ, съ плеча и крайне односторонне разрѣшая та-

кіе вопросы, надъ рѣшеніемѣ которыхъ безуспѣшно трудились лучшіе умы всѣхъ вѣковъ христіанской эры...)

. . . .
. . . .

IV.

. . . .

Считая себя единственными толкователями божественнаго закона и убѣдивъ въ этомъ другихъ, нѣкоторые люди стали высшими судьями человѣчества. Пріобрѣтя такую огромную власть, они, естественно, возгордились и стали развращенными, вызвавъ этимъ негодованіе и вражду. Тогда для борьбы со своими врагами, не имѣя другого оружія, кромѣ насилія, они начали преслѣдовать, убивать, жечь всѣхъ, не признававшихъ ихъ власти, и въ силу своего положенія они оказались въ необходимости основать на своемъ ученіи оправданіе своей дурной жизни и своей жсстокости, которую они примѣняли по отношенію къ свомъ врагамъ; что они и сдѣлали.

V.

— Однако, ученіе было такъ просто и ясно, — проговорилъ Вельзевулъ, не желая еще вѣрить, что его слугамъ удалось то, чего не въ силахъ былъ совершить и самъ онъ,—что его невозможно было измѣнить. *„Поступай съ другимъ такъ, какъ ты хочешь, чтобы поступали съ тобой“*. Какъ можно иначе толковать это?

— О, для этого люди прибѣгли по моему совѣту, къ различнымъ средствамъ!—отвѣчалъ дьяволъ въ пелеринѣ.— Тамъ, на землѣ, есть разсказъ объ одномъ добромъ волшебникѣ, который, чтобы спасти одного человѣка отъ козней злого волшебника, превратилъ его въ пшенное зерно; но злой волшебникъ превратился въ пѣтуха и склевалъ бы зерно, если бы добрый волшебникъ не покрылъ его цѣлою мѣрою пшена. И злой волшебникъ не могъ ни съѣсть всего пшена, ни найти то зерно, которое онъ искалъ. Также точно и съ истиннымъ ученіемъ Христа...

(Тутъ опять слѣдуютъ непереводимыя нападки Толстого на Церковь и противорѣчіе ея ученія, по его мнѣнію, съ завѣтами Евангелія. Задѣвается и таинство Евхаристіи и пр.).

. . . .

Дьяволъ въ пелеринѣ опять заворочалъ своими глазами и открылъ огромный, до ушей ротъ.

— Это очень хорошо!—замѣтилъ Вельзевулъ и улыбнулся, и всѣ демоны разразились взрывами смѣха.

VI.

— Значитъ, ничего не измѣнилось, по прежнему и развратъ, и грабежи, и убійства?—весело спросилъ успокоенный Вельзевулъ.

Демоны также весело заговорили разомъ, желая похвастаться предъ начальствомъ.

— Не такъ, какъ раньше, но лучше, чѣмъ раньше!— вскричалъ одинъ.

— Развратъ не пребываетъ въ однихъ только прежнихъ квартирахъ!—зарычалъ другой.

— Грабежи теперь еще хуже, чѣмъ прежде!—выкрикнулъ третій.

— У насъ даже не хватаетъ времени приготовлять жаровни для убійцъ!—прорычалъ четвертый.

— Не кричите разомъ!— остановилъ демоновъ Вельзевулъ.—Я хочу выслушать только того, кого спрашиваю! Пусть приблизится приставленный къ разврату и разскажетъ мнѣ, какъ онъ устраивается съ учениками Того, Кто запретилъ мѣнять женъ, не глядѣть на женщинъ въ вожделѣніемъ. Кто изъ васъ завѣдуетъ развратомъ?

— Я, — отвѣтилъ, подползая къ Вельзевулу, одинъ дьяволъ, брюнетъ съ женоподобнымъ видомъ,

съ раздутымъ лицомъ и чавкающимъ ртомъ. Онъ выступилъ впередъ, присѣлъ на корточки, наклонилъ голову на бокъ и, продѣвъ конецъ хвоста между ногъ, началъ пѣвучимъ голосомъ, шевеля кисточкой хвоста.

— Мы пользуемся какъ прежними способами, употреблявшимися еще тобой, нашъ отецъ и господинъ, когда ты былъ еще въ раю, и которые предали намъ весь родъ людской, такъ и новымъ.

(Тутъ идутъ разсужденія Толстого о церковномъ бракѣ и пр. нападки на брачныя церемоніи и пр.).

Женоподобный дьяволъ смолкъ, и вытеревъ кончикомъ хвоста слюну на губахъ, наклонилъ голову на другой бокъ и безмолвно уставился глазами въ Вельзевула.

VII.

— Просто и хорошо! — проговорилъ Вельзевулъ.—Одобряю!

— Кто приставленъ къ грабежамъ?

—Я,—отвѣчалъ, выходя изъ рядовъ, толстый дьяволъ съ большими загнутыми рогами на лбу, закрученными вверхъ усами и огромными безобразными лапами.

Подползши, подобно другимъ, къ властелину и подкрутивъ по военному усы, онъ сталъ ожидать разспросовъ.

— Тотъ, Кто разрушилъ адъ,— проговорилъ Вельзевулъ, — училъ людей жить, *какъ птицы небесныя*, и заповѣдовалъ отдавать тому, кто *проситъ рубашку,— и платье*, прибавивъ, что для спасенія нужно отдать все свое имущество. Какъ же могли вы вовлечь въ грабежъ людей, слышавшихъ такія слова?

— А мы дѣлаемъ это,—отвѣчалъ дьяволъ и усами величественно поднимая,—такъ же, какъ сдѣлалъ нашъ отецъ и господинъ при избраніи Саула въ цари...

. . . .

(Здѣсь идутъ радикальныя возрѣнія Толстого о власти, налогахъ и пр.).

— Грабежъ теперь широко распространенъ во всемъ мірѣ. Народы, считающіе себя христіанами, грабятъ, подъ разными, весьма странными предлогами, особенно подъ предлогомъ распространенія христіанства, всѣхъ, у кого только есть, что пограбить. Благодаря развитію общественныхъ и государственныхъ займовъ, грабятъ не только современныя поколѣнія, но будущія. Вслѣдствіе этого въ наше время грабежи явные, т. е. отнятіе силою кошелька, лошади, одежды, составляютъ едва 1 милліонную часть всѣхъ легальныхъ грабежей, которые безпрерывно практикуются всѣми людьми, кто только имѣетъ возможность дѣлать это. Въ наше время безнаказанный, скрытый грабежъ и вообще желаніе грабить стали настолько распространенными между людьми, что главною цѣлью жизни почти всѣхъ людей является грабежъ, который умѣряется только борьбою грабителей между собою.

VIII.

— Не дурно!—проговорилъ Вельзевулъ.—Ну, а убійцы? Кто завѣдуетъ убійствами?

— Я,—отвѣчалъ, отдѣляясь отъ рядовъ, дьяволъ кроваваго цвѣта съ клыками, выходящими изо рта, съ острыми рогами и большимъ хвостомъ, неподвижно торчащимъ кверху.

— Какъ же ты могъ измѣнить въ убійцъ учениковъ Того, Кто сказалъ: „*не воздавай зломъ за зло*", „*люби своихъ враговъ*"? Какъ, повторяю, ты сдѣлалъ этихъ людей убійцами?

— Мы употребляли для этого сначала старое средство,—отвѣчалъ красный дьяволъ, взрывъ оглушительнымъ голосомъ,—вызывая въ людяхъ жадность, ненависть, мщеніе, гнѣвъ. Потомъ мы прибѣгли также къ древнему средству, внушивъ властямъ, что самый лучшій способъ разучиться человѣчеству

убивать состоитъ въ томъ, чтобы учителя людей сами публично убивали убійцъ. Это средство не только снабжаетъ насъ убійцами, но и приготовляетъ ихъ.

. . . .

(Опять Толстой обрушивается на Церковь, ея догматы и обряды, между прочимъ, и на христіанскій бракъ).

. . . .

IX.

— А убійцы на войнѣ? Какъ они могутъ существовать среди учениковъ Того, Кто призналъ *всѣхъ людей за дѣтей одного отца* и училъ *любить враговъ*?

Красный дьяволъ засмѣялся, извергнувъ изо рта пламя и дымъ, и весело ударилъ себя по спинѣ толстымъ хвостомъ.

— Мы прибѣгаемъ къ такому средству—заявилъ онъ.— Мы внушаемъ каждому народу, что онъ, такой-то именно народъ, и есть самый лучшій въ мірѣ. Deutschland über alles, Frankreich, England, Rüssland über alles *), и долженъ господствовать надъ другими. И такъ какъ мы внушаемъ всѣмъ народамъ то же самое, то они, постоянно видя себя въ опасности отъ своихъ сосѣдей, всегда готовы защищаться и пылаютъ ненавистью одни къ другимъ. И чѣмъ болѣе готовятся защищаться съ одной стороны, пылая ненавистью къ сосѣдямъ, тѣмъ болѣе готовятся также и съ другой стороны, тѣмъ болѣе увеличивается взаимная ненависть, такъ что въ настоящее время всѣ люди принявшіе ученіе Того, Кто называлъ насъ убійцами, всѣ безпрерывно и преимущественно заняты приготовленіемъ къ убійствамъ и продолженіямъ ихъ.

*) „Германія, Франція, Англія, Россія — выше всѣхъ народовъ“. Замѣчательно что авторъ, очевидно, умышленно влагаетъ въ уста дьяволу нѣмецкія слова.—*Ред.*

X.

— Это остроумно!—проговорилъ Вельзевулъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Но какже люди ученые, свободные отъ лжи, не видятъ всего этого?

— Они не могутъ!—проговорилъ увѣреннымъ тономъ какой-то дьяволъ матово-черный, одѣтый въ плащъ, съ низкимъ, выпуклымъ лбомъ, съ членами, лишенными мускуловъ, и большими торчащими ушами,—только что выползшій впередъ другихъ.

— Почему?—сурово спросилъ Вельзевулъ, недовольный увѣреннымъ тономъ дьявола въ плащѣ.

Не смущаясь окрикомъ Властителя Ада, дьяволъ въ манто, не торопясь, сѣлъ, по восточному подогнувъ подъ себя поджарыя ноги, и началъ тихимъ, увѣреннымъ тономъ.

— Они не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ я постоянно отвлекаю ихъ вниманіе отъ того, что они могутъ знать и въ знаніи чего нуждаются; я направляю ихъ на то, въ чемъ они нисколько не нуждаются и чего никогда не узнаютъ!

— Какъ же ты достигъ этого?

— Я это дѣлалъ и продолжаю дѣлать разными способами, смотря по эпохамъ!—отвѣчалъ дьяволъ въ манто. Сначала я внушалъ людямъ, что самое важное для нихъ было— знать взаимныя отношенія лицъ Троицы, происхожденіе Христа, его природу, сущность Бога и пр. И эти разсужденія настолько занимали ихъ, что они не думали больше, какъ имъ нужно жить; не нуждались въ знаніи того, что говорилъ ихъ учитель о жизни. Потомъ, когда они такъ запутались въ этихъ разсужденіяхъ, что перестали даже понимать, что говорятъ, я внушалъ однимъ, что самое важное для нихъ было понять и объяснить, что писалъ одинъ человѣкъ по имени Аристотель, жившій за 1000 лѣтъ въ Греціи; другимъ я внушилъ, что самое важное для нихъ—найти ка-

мень, при помощи котораго можно дѣлать золото, и эликсиръ, который излѣчивалъ бы всѣ болѣзни и дѣлалъ людей безсмертными. И самые умные, самые ученые между ними посвятили этому всѣ свои умственныя силы.

Что касается тѣхъ, кто не интересовался этимъ, я внушалъ имъ, что самое важное было знать, земля ли вращается вокругъ солнца или—солнце вокругъ земли. И когда они узнали, что земля вращается, а не солнце и разсчитали число милліоновъ километровъ, составляющее разстояніе солнца отъ земли, они были очень счастливы и съ тѣхъ поръ безпрерывно со рвеніемъ изучаютъ все новыя разстоянія звѣздъ, хотя знаютъ, что эти разстоянія не имѣютъ, да и не могутъ имѣть конца, и что само число звѣздъ безконечно, и они нисколько не нуждаются въ знаніи этого. Кромѣ того, я внушилъ имъ, что имъ важно знать происхожденіе всѣхъ звѣрей, всѣхъ червей, растеній, всѣхъ животныхъ, безконечно малыхъ.

И хотя они не имѣли никакой нужды знать это, и хотя абсолютно ясно, что невозможно и знать это, —ибо существуетъ безконечное число животныхъ, такъ же, какъ и звѣздъ.—они посвящаютъ этимъ изысканіямъ и другимъ подобнымъ же явленіямъ матеріальнаго міра всѣ свои умственныя силы и очень удивляются, что чѣмъ болѣе они узнаютъ, въ чемъ не имѣютъ надобности, тѣмъ болѣе вселенная остается неизвѣстною для нихъ. И хотя очевидно, что въ будущемъ и по мѣрѣ ихъ изысканій, то, что имъ останется узнать, станетъ все болѣе и болѣе увеличиваться, предметы изысканій станутъ все болѣе и болѣе сложными, а сами пріобрѣтаемыя знанія—все менѣе и менѣе приложимыми къ жизни,—все это нисколько не смущаетъ ихъ. Безусловно убѣжденные въ важности своихъ занятій, они продолжаютъ искать, проповѣдовать, писать, печатать и переводить съ одного языка на другой всѣ свои изысканія и разсужденія, въ большинствѣ случаевъ безполезныя, а если даже они случайно и оказываются полезными, то только для наслажденія меньшинства—богатыхъ или для того, чтобы ухудшить положеніе большинства—бѣдныхъ.

А для того, чтобы люди никогда не догадались. что единственная вещь необходимая для нихъ,—утверждeніе законовъ жизни, которые указаны въ ученіи Христа, я внушаю имъ, что они не могутъ знать законовъ духовной жизни, что всякое религіозное ученіе — только ошибка и суевѣріе и что единственное средство для нихъ узнать, какъ надо жить,—это погрузиться въ науку,—которую я нарочно изобрѣлъ для нихъ и которая называется соціологіею; *состоитъ она въ изученіи способовъ худой жизни древнихъ (? Ред.)*; такъ что, вмѣсто того, чтобы стараться лучше жить по ученію Христа, они полагаютъ, что имъ стоитъ только изучить жизнь древнихъ и тогда они сумѣютъ изъ этого ученія вывести общіе законы жизни и, для того, чтобы жить хорошо, имъ останется только сообразоваться въ своей жизни съ этими законами. которые они создаютъ.

И для того, чтобы еще болѣе утвердить ихъ въ этомъ заблуженіи, я внушаю имъ, что существуетъ извѣстная послѣдовательность знаній, которая называется наукою, и утвержденія ея непогрѣшимы.

А какъ только считающіе себя людьми науки увѣрятся въ своей непогрѣшимости, они, естественно, провозглашаютъ за непроложныя истины глупости, не только самыя безполезныя, но и нелѣпыя, которыя они не могутъ, разъ высказавши ихъ, отрицать.

Вотъ почему я говорю, что до тѣхъ поръ. пока я буду внушать имъ уваженіе, рабство по отношенію къ этой наукѣ, которую я нарочно

изобрѣлъ для нихъ, они никогда не поймутъ ученія, которое едва не погубило насъ.

XI.

— Очень хорошо! Благодарю!— произнесъ Вельзевулъ, и лицо его освѣтилось удовольствіемъ. — Вы заслужили награду, . и я достойно вознагражу васъ.

— А мы? Вы забыли о насъ!— раздались голоса другихъ демоновъ разныхъ цвѣтовъ, большихъ, маленькихъ, косолапыхъ, жирныхъ, тощихъ.

— А вы что дѣлаете?— спросилъ Вельзевулъ.

— „Я—дьяволъ прогресса“!— „Я—раздѣленія“! - „Я—путей сообщенія труда“!—„Я—печати“!—„Я— искусства“!—„Я—медицины“!—„Я-культуры“!—„Я—исправленія нравовъ“!—„Я—одурѣнія“!—„Я—благотворительности“!—„Я—соціализма“!—„Я—феминизма“!— Хоромъ закричали демоны, толкая другъ друга, чтобы приблизиться къ Вельзевулу.

— Говорите отдѣльно да покороче!—произнесъ Вельзевулъ.— Ну, ты,—обратился онъ къ дьяволу прогресса техники,— что ты дѣлаешь?

— Я внушаю людямъ, что чѣмъ больше они будутъ дѣлать разныхъ предметовъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше будутъ чувствовать себя. И люди, посвящая свою жизнь производству предметовъ, дѣлаютъ ихъ все больше и больше, хотя эти предметы совершенно безполезны для тѣхъ, кто заставляетъ дѣлать ихъ, и недоступны для тѣхъ, кто создаетъ ихъ.

— Хорошо!—А ты? — спросилъ Вельзевулъ дьявола раздѣленія труда.

— Я внушаю людямъ, что, такъ какъ можно дѣлать вещи быстрѣе машинами, чѣмъ людьми, то нужно превратить людей въ машины, и они дѣлаютъ это, а люди, превращенные въ машины, ненавидятъ тѣхъ, кто устроилъ это превращеніе.

— Это также хорошо! А ты?—сказалъ Вельзевулъ дьяволу путей сообщенія.

— Я внушаю людямъ, что имъ нужно для ихъ блага, возможно быстрѣе перемѣнять мѣсто. И люди, вмѣсто того, чтобы улучшать каждый свою частную жизнь на мѣстѣ, проводятъ ее большею частью въ путешествіяхъ съ мѣста на мѣсто, и очень гордятся, когда могутъ сдѣлать въ часъ 50 килом. и болѣе.

Вельзевулъ также выразилъ свое одобреніе. Послѣ этого демона изъ рядовъ вышелъ дьяволъ печати. Его дѣло,—объяснилъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы сообщать какъ можно большему числу людей все, что было сдѣлано или написано позорнаго и нездороваго въ мірѣ.

Дьяволъ искусства доложилъ, что подъ видомъ утѣшенія и возбужденія возвышенныхъ чувствъ между людьми онъ возбуждаетъ ихъ къ порокамъ, представляя послѣдніе въ привлекательной формѣ.

Дьяволъ медицины объяснилъ, что его роль—внушать людямъ, что самое важное для нихъ заботиться о тѣлѣ. А такъ какъ заботы о тѣлѣ безконечны, то люди, которые предаются имъ при помощи медицины, забываютъ не только о жизни другихъ, но и о своей собственной.

Дьяволъ культуры объяснилъ, что онъ внушаетъ людямъ, что пользоваться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ занимаются демоны прогресса, раздѣленія труда, путей сообщенія, печати, искусства, медицины—родъ добродѣтели, и что человѣкъ, имѣющій ее, можетъ быть вполнѣ доволенъ собой и не искать ничего лучшаго.

Дьяволъ воспитанія сказалъ, что онъ доказываетъ людямъ, что, живя дурно и не зная даже, въ чемъ состоитъ добрая жизнь, они могутъ учить дѣтей доброй жизни.

Дьяволъ исправленія нравовъ сообщилъ, что учитъ людей, что, будучи сами порочными, они могутъ исправлять людей, преданныхъ порокамъ.

Дьяволъ одурѣнія донесъ, что онъ заставилъ людей повѣрить, что вмѣсто того, чтобы стараться избавиться отъ своихъ страданій, причиненныхъ дурною жизнью, живя лучше, для всѣхъ людей будетъ несравненно выгоднѣе погружаться въ забвеніе, одурманивая себя винами, опіумомъ, табакомъ, морфиномъ.

Дьяволъ благотворительности сказалъ, что онъ внушаетъ людямъ, что воруя пудами и возвращая обокраденнымъ золотниками, они добродѣтельны и не нуждаются въ совершенствованіи.

Дьяволъ соціализма похвастался, что, во имя высшаго порядка человѣческой жизни, онъ проповѣдуетъ людямъ вражду классовъ.

Дьяволъ феминизма сообщилъ, что ради наибольшаго усовершенствованія порядка жизни, онъ возбуждаетъ, кромѣ ненависти между классами, еще ненависть между полами.

— Я—комфортъ, я—моды! — закричали и завыли другіе демоны, подползая къ Вельзевулу.

— Ужъ не считаете ли вы меня настолько старымъ и глупымъ, что я не могу понять, что разъ самое *понятіе о жизни ложно*, то и все, что могло бы быть вредно для насъ, все безусловно дѣлается полезнымъ для насъ?! Довольно, благодарю всѣхъ!—и, взмахнувъ крыльями, онъ поднялся.

Демоны окружили Вельзевула цѣпью, на одномъ концѣ оказался дьяволъ въ пелеринѣ, на другомъ— дьяволъ въ плащѣ, изобрѣтатель науки. Они протянули другъ другу лапы, и кругъ замкнулся. И всѣ дьяволы съ громкимъ хохотомъ, воемъ, свистомъ принялись кружиться и плясать вокругъ Вельзевула, махая хвостами.

И начальникъ демоновъ, расправивъ свои крылья и трепеща ими, плясалъ посреди нихъ, высоко поднимая свои косматыя ноги. А вверху, надъ Адомъ, раздавались крики, плачъ, стоны и скрежетъ зубовный...

Л. Толстой.

Вѣчная память.

Слагается новая пѣснь торжества.
Сложилась. Могучи и горды,
Проснувшейся силы стальныя слова
Сплелись въ громовые аккорды.
Пою. Но зачѣмъ же словамъ въ перебой
Клокочутъ у горла рыданья?
Зачѣмъ, удушая, свинцовой волной
Нахлынули къ сердцу страданья?
Вѣдь сброшены крѣпи мучительныхъ путъ,
И тьма, и насилье въ отмѣнѣ...
Предъ взорами духа полками идутъ
Замученныхъ славныя тѣни.
За подвигъ что можемъ вамъ, павшимъ, отдать?
Чѣмъ вашему дару отвѣтимъ?
Рыдай, моя бѣдная родина—мать,
По милымъ схороненнымъ дѣтямъ...
Ихъ подвиги въ ризу поэмъ облеки,
Отдай имена ихъ народу,
Ихъ памяти свѣтлой зажги маяки
Законности, правды, свободы...
И плачь... Не дойдутъ ни дѣла, ни слова
До взятыхъ могильнымъ покоемъ...
Слагается новая пѣснь торжества...
Великая слава героямъ!

И. Мордвиновъ.

8-ми часовой рабочій день.

А. Семенова.

I.

Въ послѣднее время все чаще и чаще, рѣзче и настойчивѣе раздаются голоса, требующіе сокращенія рабочаго дня. Это требованіе выставляется современному обществу всѣми прогрессивно-демократическими партіями. Весь рабочій классъ Западной Европы борется за него, потому что въ желаніи достигнуть 8-ми часового рабочаго дня кроется желаніе оздоровить рабочихъ, дать имъ полную возможность развиваться нравственно и физически.

Оглянитесь кругомъ, присмотритесь къ тому, чего за послѣднія десятилѣтія достигла человѣческая культура. Осуществилось все то, что когда-то въ формѣ неясныхъ, фантастическихъ намековъ разсказывалось въ сказкахъ. Появились ковры-самолеты—курьерскіе поѣзда и электрическіе трамваи, летящіе съ неимовѣрною быстротой. Силы природы утилизируются; ничто не пропадаетъ даромъ. Строятъ роскошные театры, общественныя бани, дома-дворцы, хоть и уступающіе роскошью и причудливостью внѣшнихъ формъ домамъ древнихъ римлянъ, но за то во много разъ превосходящіе ихъ по своимъ удобствамъ.

Оглянитесь кругомъ: никогда еще наука не стояла такъ высоко, никогда такъ высоко не подымалась человѣческая культура, и никогда еще не было такой страшной эксплоатаціи одного класса другимъ.

Рабочій, только что строившій мраморный дворецъ, весь обитый внутри бархатомъ и залитый волнами электрическаго свѣта, этотъ самый рабочій идетъ спать, полуголодный, въ свою грязную лачугу, прикрываясь грязными лохмотьями, такъ мало походящими на тотъ бархатъ, который онъ только что держалъ въ рукахъ. Изъ созданнаго имъ богатства онъ не воспользовался абсолютно ничѣмъ. Гдѣ же тутъ та высшая справедливость, которая царитъ надъ міромъ? Гдѣ? Нигдѣ никогда не было такой бѣдности, какая теперь встрѣчается на каждомъ шагу.

Въ средніе вѣка бѣдность была единичнымъ явленіемъ, съ которымъ вполнѣ могла бороться частная благотворительность. Всемогущій Богъ наказывалъ людей бѣдностью за грѣхи. Бѣдность же посылалась Небомъ въ видѣ испытанія слабымъ людямъ. Но съ теченіемъ времени, съ развитіемъ капитализма, старое сельское хозяйство начало разрушаться. Въ города потянулись длинныя вереницы крестьянъ, лишившихся земли. Тѣ изъ нихъ, которые не нашли мѣста на фабрикахъ и заводахъ, составили собою безработную

армію. Появилось массовое нищенство, съ которымъ уже не могла бороться частная благотворительность. Необходимо было принять рѣшительныя мѣры, найти радикальныя средства для борьбы съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ.

Появился цѣлый рядъ проектовъ, частью гуманныхъ, частью грубо-циничныхъ, которыми предполагалось уничтожить страшное зло. Но бѣдность массъ оказывалась тою гидрой, у которой выросталъ цѣлый рядъ головъ, вмѣсто каждой отрубленной. Напрасно правительства клеймили бѣдняковъ, высылали ихъ изъ предѣловъ страны. Развивающееся капиталистическое производство имѣло своей основой существованіе пролетаріевъ.

Это была оборотная сторона медали: богатство однихъ могло существовать лишь за счетъ бѣдности другихъ. Поэтому всякій борющійся противъ бѣдности народныхъ массъ боролся одновременно и противъ тѣхъ, въ рукахъ кого находились богатства.

Между тѣмъ появились въ промышленности машины; грубая физическая сила человѣка была замѣнена цѣлымъ рядомъ планомѣрныхъ движеній механизмовъ. Не было болѣе надобности въ крѣпкихъ, здоровыхъ мужчинахъ. Ихъ работу съ равнымъ успѣхомъ могли выполнять женщины и дѣти. Всѣ члены семьи рабочаго были привлечены на службу капиталу: число свободныхъ рабочихъ рукъ увеличилось до небывалыхъ размѣровъ. Одновременно съ этимъ увеличилась и длина рабочаго дня: капиталисту необходимо было вернуть сумму, затраченную на покупку дорогихъ машинъ, на сооруженіе новыхъ фабричныхъ построекъ и т. д. Рабочіе превратились въ живыя машины. Они отдыхали лишь тогда, когда отдыхала машина, т. е. тогда, когда ее смазывали или чинили.

Рабочій классъ началъ вырождаться; появились эпидеміи, повальныя болѣзни; пьянство и развратъ никогда еще не достигали такихъ ужасающихъ размѣровъ. Гибель грозила всей промышленности. Во избѣжаніе этого оставалось только одно средство: государственная охрана труда рабочихъ, по крайней мѣрѣ защита самыхъ слабыхъ и безпомощныхъ элементовъ этого класса—дѣтей и женщинъ.

Съ этого времени (конца XVIII вѣка) начинается длинная и упорная борьба за лучшее будущее трудящихся массъ. Эта борьба разбудила, вызвала къ жизни пролетаріатъ. Она показала рабочимъ ихъ мѣсто и роль среди другихъ общественныхъ классовъ. Пролетаріатъ объявилъ капиталистамъ войну, которая окончится лишь тогда, когда съ лица земли исчезнетъ капиталистическій способъ производства.

II.

Мы не будемъ здѣсь излагать длинную исторію той борьбы, которая велась и ведется въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ за охрану труда,— и того противодѣйствія, которое оказывали предприниматели рабочимъ, ищущимъ лучшей жизни.

Вполнѣ достаточно указать на тѣ доводы, которые выставляются капиталистами противъ освободительнаго движенія рабочихъ.

Видите-ли, самъ Богъ устроилъ такъ, что на землѣ существуютъ бѣдные и богатые. На обязанности послѣднихъ лежитъ заботиться не только о матеріальныхъ нуждахъ. но и о духовныхъ и моральныхъ запросахъ первыхъ. Отъ уменьшенія рабочаго времени рабочіе стали бы меньше зарабатывать. Вслѣдствіе увеличенія стоимости производства. капиталисты разорятся: они не будутъ въ состояніи выдерживать иностранной конкурренціи; придется закрыть фабрики и заводы,—и тѣ самые рабочіе, которые стремились

къ улучшенію своего быта, окажутся въ крайне тяжеломъ положеніи. Армія безработныхъ увеличится до ужасающихъ размѣровъ; преступленія будутъ совершаться такъ часто, какъ никогда. Пролетаріатъ погрязнетъ, какъ въ мутной тинѣ, въ пьянствѣ и развратѣ. Таковы въ общемъ доводы, высказываемые предпринимателями. Эти красивыя фразы, мнимыя заботы о благѣ трудящихся массъ въ былое время убѣждали и даже умиляли наивныхъ людей.

Исторія англійскихъ трэдъ-юніоновъ показываетъ, что даже среди рабочихъ находились люди, которые, вѣря словамъ предпринимателей, ратовали противъ сокращенія рабочаго дня. На первый взглядъ дѣйствительно кажется вполнѣ естественнымъ, что рабочій зарабатываетъ тѣмъ меньше, чѣмъ меньше количество времени онъ работаетъ. Поэтому на любомъ собраніи трэдъ юніоновъ, гдѣ дебатируется вопросъ о рабочемъ днѣ, выступаютъ молодые члены этого союза съ заявленіемъ, что они предпочли-бы увеличеніе дохода расширенію ихъ свободнаго отъ работы времени.

„Тогда, —говоритъ Сидней Веббъ*) —поднимаются одинъ за другимъ старые члены и объясняютъ, что когда они были молодыми женатыми людьми, они смотрѣли также, но опытъ фабричной жизни научилъ ихъ, что выигриваемое на числѣ рабочихъ часовъ теряется на нормѣ заработной платы“. „Должностное лицо трэдъ-юніона,— говоритъ онъ далѣе,— читающее руководство по политической экономіи, излагаетъ тогда свою аргументацію въ болѣе систематической формѣ. Когда предприниматель нанимаетъ рабочаго за столько то въ недѣлю, то длина рабочаго дня составляетъ, очевидно, необходимую составную часть договора о наймѣ. Рабочій, соглашающійся работать большее число часовъ за ту же плату, сбиваетъ цѣну своимъ товарищамъ также неизбѣжно, какъ если бы онъ согласился работать то же число часовъ за меньшую плату. Онъ продаетъ часъ своего труда за болѣе низкую плату. Слѣдовательно, для всѣхъ рабочихъ, получающихъ повременную плату,—поденную, недѣльную, мѣсячную — требованіе нормальнаго рабочаго дня есть необходимое условіе сохраненія нормальнаго уровня ихъ заработной платы.

Съ точки зрѣнія трэдъ-юніоновъ вопросъ не менѣе ясенъ и въ томъ случаѣ, „когда преобладаетъ плата сдѣльная или повременная“.

Въ самомъ дѣлѣ, по утвержденію трэдъ-юніоновъ, въ каждомъ занятіи рабочихъ существуетъ извѣстный минимумъ и максимумъ заработной платы, въ предѣлахъ которыхъ она колеблется. Норма ея для рабочихъ опредѣляется въ значительной степени тѣми потребностями, которыя существуютъ у рабочихъ, занятыхъ въ данномъ производствѣ *).

Въ томъ случаѣ, когда время рабочаго не ограничено никакими рамками, нѣкоторые исключительно сильные физически рабочіе будутъ работать съ утра и до вечера. Ихъ недѣльный или мѣсячный заработокъ будетъ значительно превышать среднюю заработную плату другихъ рабочихъ, занятыхъ въ томъ же производствѣ. Вполнѣ понятно, что предприниматели при наймѣ рабочихъ будутъ указывать на эту высокую заработную плату; такую сумму, скажутъ они, можетъ при прилежаніи заработать всякій другой. Этотъ исключительно долгій рабочій день станетъ общимъ во всемъ производствѣ. А такъ какъ потребности въ среднемъ останутся тѣ же самыя, то плата за штуку

---

*) Сидней и Беатриса Веббъ. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма.

*) Это положеніе было высказано впервые Адамомъ Смитомъ и принято позднѣйшими экономистами.

будетъ понижаться до тѣхъ поръ, пока средній недѣльный заработокъ не опуститься до прежняго. Практика трэдъ-юніоновъ вполнѣ подтверждаетъ эти доводы; поэтому трэдъ-юніоны всегда настаиваютъ на нормальномъ рабочемъ днѣ. Сокращеніе рабочаго дня *не понижаетъ* заработка рабочаго.

Въ большинствѣ случаевъ первоначально рабочіе относятся крайне недовѣрчиво къ введенію нормальнаго рабочаго дня. Имъ кажется, что уменьшеніе рабочаго времени отразится на ихъ матеріальномъ положеніи. Поэтому они требуютъ гарантіи, что каждый изъ нихъ будетъ при нормальномъ рабочемъ днѣ получать такую же заработную плату, какъ и прежде. И когда жизнь указываетъ имъ на неправильность ихъ прежняго взгляда, то желаніе установить нормальный рабочій день все глубже внѣдряется въ ихъ сознаніе.

Въ настоящее время нормальный (8-ми часовой) рабочій день введенъ повсемѣстно въ видѣ *законнаго учрежденія* въ англо-австралійскихъ колоніяхъ—Новой Зеландіи, Викторіи и Новомъ Южномъ Валлисѣ.

Въ Европѣ въ данную минуту нѣтъ еще ни одного государства гдѣ бы 8 часовой рабочій день былъ учрежденіемъ законнымъ, обязательнымъ для всѣхъ предпріятій. Онъ встрѣчается какъ отдѣльное мѣропріятіе, находящееся въ зависимости отъ гуманности и разумности отдѣльныхъ предпринимателей. Такъ, въ 1901 г. во Франціи соціалистическій министръ торговли Миллеранъ ввелъ 8 часовой рабочій день въ мастерскихъ телефоннаго, телеграфнаго и почтоваго вѣдомствъ, оставивъ, конечно, безъ пониженія заработную плату. Производительность труда не уменьшилась. Гор. Краковъ ввелъ его у себя на газовыхъ заводахъ, а нѣкоторые нѣмецкіе и австрійскіе капиталисты на своихъ фабрикахъ. Даже въ Россіи 8 часовой рабочій день введенъ на нѣкоторыхъ заводахъ. Интересныя свѣдѣнія даетъ по этому поводу инженеръ Александровъ, кокоторый ввелъ 8 часовой день въ нѣскольких мастерскихъ Тальботовской фабрики Воткинскихъ заводовъ.

Рядъ вычисленій, сдѣланныхъ имъ, показалъ, что при уменьшеніи безполезной (мертвой) работы въ валикахъ и маховикѣ, увеличеніи живой (полезной) работы въ машинѣ благодаря правильной установкѣ золотниковъ и, наконецъ при значительномъ повышеніи работоспособности машины чрезъ повышеніе давленія въ котлахъ, интенсивность труда должна возрасти.

Послѣ ремонта фабрики и введенія указанныхъ техническихъ улучшеній фабрика стала работать на три смѣны по 8 часовъ съ 1/2 часовымъ перерывомъ на завтракъ. Техническіе результаты получились слѣдующіе:

1) Продуктивность работы на фабрикѣ повысилась въ 2 1/2—3 раза. 2) Угаръ металла значительно понизился, тогда какъ качество выработаннаго металла улучшилось.

Для рабочихъ результаты были таковы:

1) Повышеніе заработной платы. Прокатный мастеръ при расцѣнкѣ по 3/4 коп. за пудъ вмѣсто прежнихъ 1 р. 10 коп. сталъ вырабатывать по 1 р. 50 коп. при расцѣнкѣ, пониженной до 5/8 коп. Въ общемъ заработная плата повысилась до 36%.

2) У рабочихъ появилось лишнее свободное время. Вмѣсто прежнихъ 12 часовъ они работали всего 8,

3) Количество рабочихъ занятыхъ на фабрикѣ возросло на 50%. Вмѣсто прежнихъ двухъ смѣнъ потребовалось три.

Въ данномъ случаѣ отъ введенія 8 часового рабочаго дня выиграли обѣ стороны—какъ наемные рабочіе, такъ и предприниматели. И этотъ выигрышъ, выгода, которую получилъ заводъ, явились не за

счетъ уменьшенія рабочей платы, не за счетъ повышенія прибавочной стоимости, а исключительно за счетъ лучшаго использованія силъ природы и труда человѣка.

Отсюда одинъ, вполнѣ ясный и опредѣленный выводъ: сокращеніе рабочаго дня вызываетъ улучшеніе и усовершенствованіе машинъ. И рабочіе, борясь за сокращеніе рабочаго дня, тѣмъ самымъ борются за прогрессъ техники, за лучшую организацію труда.

Изъ приведеннаго примѣра видно, что при улучшеніи техническихъ условій труда на желѣзодѣлательномъ заводѣ и при уменьшеніи рабочаго дня до 8 часовъ какъ рабочіе, такъ и предприниматели не потерпѣли убытка. Вполнѣ аналогичный фактъ былъ подмѣченъ въ 1898 году и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Какъ извѣстно, закономъ 2-го іюня 1897 года рабочій день былъ сокращенъ съ 24 часовъ въ сутки до 21½ часа. Результаты не замедлили сказаться. Такъ, въ ткацкой промышленности, на тѣхъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ техническія условія за это время не измѣнились, произошло слѣдующее *): получилось увеличеніе производительности отъ уменьшенія рабочаго времени на 3.96%. Слѣдовательно, на 3.96% увеличилась интенсивность труда.

И это не единичные примѣры; ихъ можно насчитать тысячи въ исторіи какъ западно-европейской, такъ и русской промышленности. Всюду, гдѣ сокращается рабочій день, поднимается интенсивность труда, улучшается качество продукта. Замѣчено, что рабочіе портятъ наибольшее количество матеріала вечеромъ: больше же всего въ субботу вечеромъ. Очевидно, недѣльная работа безъ значительныхъ перерывовъ для отдыха, сильно отражается на вниманіи рабочихъ.

*) Д. Ф. О причинахъ, вліяющихъ на производительность труда на русскихъ фабрикахъ (Рус. Вѣд.) 1904 г.

Итакъ, нормальный рабочій день приноситъ выгоду фабрикантамъ и заводчикамъ. Почему же, спрашивается, они всѣми силами противодѣйствуютъ уменьшенію рабочаго дня?

Мы не будемъ касаться западноевропейскихъ предпринимателей. Укажемъ лишь на русскихъ заводчиковъ, на тепличное растеніе— русскую промышленность, живущую въ настоящій моментъ въ совершенно исключильныхъ условіяхъ.

При современныхъ политическихъ условіяхъ, возможно, конечно, дальнѣйшее сокращеніе рабочаго дня: отмѣна цѣлаго ряда необязательныхъ сверхъ-урочныхъ работъ, сокращеніе рабочаго дня на 1—1½ часа, нормировка обязательныхъ сверхъ-урочныхъ работъ тамъ, гдѣ онѣ необходимы по техническимъ условіямъ и т. д. *Но радикальная реформа положенія рабочаго, сокращеніе рабочаго дня до 8 часовъ, возможна лишь въ тѣхъ областяхъ промышленности, гдѣ пользуются высоко-квалифицированнымъ трудомъ,* напр., на машиностроительныхъ, желѣзодѣлательныхъ и др. подобныхъ заводахъ.

Законодательная же нормировка рабочаго дня включаетъ въ себя всѣхъ рабочихъ, безъ различія родовъ промышленности. При наличности закономъ установленнаго 8-ми часового рабочаго дня, 8 часовъ работаютъ одинаково и слесари въ желѣзнодорожномъ депо, и чернорабочіе ситценабивной фабрики.

Длина рабочаго дня въ высшей степени тѣсно связана со всѣми сторонами жизни рабочаго. Чѣмъ продолжительнѣе время, проводимое рабочимъ на фабрикѣ, чѣмъ длиннѣе его рабочій день, тѣмъ меньше пользуется онъ благами жизни, тѣмъ дешевле обходится ему жизнь. Стало быть, при длинномъ рабочемъ днѣ рабочій довольствуется минимальной заработной платой. Чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ грубѣе, необразованнѣе рабочій, тѣмъ ниже

его духовные запросы и потребности. Поэтому сокращенiе рабочаго дня вызываетъ непремѣнно повышенiе расцѣнокъ, развитiе духовныхъ потребностей и коллективной самодѣятельности рабочихъ *).

Можно принять за правило, что % интенсификацiи **) труда, сопровождающiй сокращенiе рабочагодня, отстаетъ отъ % этого сокращенiя въ своемъ ростѣ; иначе капиталистамъ незачѣмъ было бы бороться противъ сокращенiя дня, выставляемаго рабочими, и вся классовая борьба свелась бы къ нулю. Въ отдѣльныхъ производствахъ, гдѣ чуть не главную роль играетъ вниманiе рабочаго, % интенсификацiи труда можетъ даже превышать % сокращенiя рабочаго дня. Чѣмъ болѣе развита въ данномъ производствѣ техника, чѣмъ выше стоитъ машинное производство, тѣмъ выгоднѣе сокращенiе рабочаго дня, ибо тѣмъ меньше утомляется вниманiе рабочаго. Поэтому развитiе капиталистическаго производства, замѣна всевозможныхъ ручныхъ станковъ хорошими машинами, благопрiятствуетъ улучшенiе этой стороны жизни рабочихъ. Въ томъ же случаѣ, если % интенсификацiи труда не покрываетъ % сокращенiя рабочаго дня, или же, въ лучшемъ случаѣ, равенъ ему, заработная плата рабочаго понижается или остается прежней. Между тѣмъ сокращенiе рабочаго дня всегда сопровождается повышенiемъ заработной платы. Этотъ плюсъ къ прежней заработной платѣ можетъ имѣть своимъ источникомъ только болѣе высокую расцѣнку единицы труда. Другими словами, параллельно сокращенiю рабочаго дня повышается стоимость труда; рабочiй получаетъ болѣе высокую плату за единицу труда ***).

Русская промышленность находится въ высшей степени жалкихъ условiяхъ. Запертая покровительственными пошлинами, словно крѣпкими желѣзными замками, за крѣпкою каменной стѣной, она не имѣетъ себѣ конкуррентовъ. Предпринимателю не приходится заботиться о качествѣ своихъ товаровъ; онъ заранѣе увѣренъ, что они не залежатся у него. Правительство усиленно покровительствуетъ промышленности, и это покровительство тяжело отзывается на положенiи русскаго рабочаго. На неимовѣрно высокiя пошлины, которыми обложены западно-европейскiе товары, иностранныя государства отвѣчаютъ пошлинами на русскiе сельскохозяйственные продукты. Сельскiе хозяева терпятъ двойной ущербъ: они теряютъ на низкой цѣнѣ своихъ продуктовъ и одновременно на высокой цѣнѣ промышленныхъ издѣлiй. Всѣ капиталы страны отвлекаются отъ земледѣлiя къ фабрично заводской промышленности; сельское хозяйство разоряется.

Рабочiе бѣгутъ изъ деревни въ городъ, увеличиваютъ собою армiю безработныхъ, конкуррируютъ съ рабочими, занятыми въ промышленности. Благодаря этой конкурренцiи рабочiе, занятые постоянно въ фабрично-заводскихъ производствахъ, теряютъ тѣ выгоды, которыя могла бы дать имъ покровительственная система; всѣ выгоды попадаютъ только незначительной кучкѣ капиталистовъ. Имъ гораздо выгоднѣе вести дѣло съ разнородной, дезорганизованной массой, чѣмъ съ развитыми, понимающими свои интересы рабочими. При существующемъ строѣ имъ выгоденъ длинный рабочiй день уже по одному тому, что рабочiй, занятый цѣлый день въ производствѣ, не имѣетъ времени, не можетъ сорганизоваться для правильной, планомѣрной борьбы съ капиталомъ.

Рабочiй пролетарiатъ—сила, страшная, могучая сила, которой принадлежитъ будущее въ исторiи. Это

*) Прокоповичъ. Длина рабочаго дня.

**) Интенсификацiя - наибольшее напряженiе.

***) Ibid.

сила, предъ которой преклоняется и которой должна уступить со временемъ даже сила царя-капитала. Капиталисты отлично знаютъ это. Они знаютъ, что могущество пролетаріата въ организованности; и потому они, какъ только могутъ, препятствуютъ рабочимъ организоваться. Капиталисты знаютъ, что съ сокращеніемъ рабочаго дня повысится заработная плата рабочихъ, повысится умственный и нравственный уровень рабочихъ, и тогда наступитъ страшный для нихъ моментъ пораженія. Борясь противъ 8-ми часового рабочаго дня, они борются за свое могущество, владычество, которымъ они пользовались столько вѣковъ.

Въ борьбѣ за нормальный рабочій день пролетаріату оказываютъ противодѣйствіе не одни только фабриканты и заводчики. Бюрократическое правительство не менѣе капиталистовъ заинтересовано, въ томъ, чтобы рабочій день былъ по возможности длиннымъ. Вѣдь, въ противномъ случаѣ личность рабочаго подымется такъ высоко, что столкновенія съ отживающимъ свой вѣкъ режимомъ станутъ неизбѣжными. Бюрократія боится этого момента; всѣми силами она старается отдалить его. Этимъ только можно объяснить ту страшную, нечеловѣческую борьбу, которою рабочимъ удается вырвать всякій законъ о нормировкѣ рабочаго дня. Для достиженія закона 2 іюня 1897 г. потребовался цѣлый рядъ стачекъ. Только тогда хозяева мануфактуръ, гдѣ были стачки, сочли возможнымъ обратиться съ ходатайствомъ о сокращеніи рабочаго дня въ министерство финансовъ.

Правительство вполнѣ ясно и отчетливо сознаетъ, каковы будутъ послѣдствія сокращенія рабочаго дня: эти послѣдствія для него гораздо опаснѣе и страшнѣе, чѣмъ всѣ стачки и движенія. Поэтому рабочіе могутъ разсчитывать на удовлетвореніе своихъ требованій лишь въ томъ случаѣ, когда законодательная власть перейдетъ изъ рукъ бюрократіи къ нимъ, то есть лишь тогда, когда вмѣсто всевозможныхъ уродливыхъ явленій, выкинутыхъ на поверхность жизни—вродѣ Булыгинской Государственной Думы—будетъ Учредительное Собраніе, выбранное на основаніи прямого, всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права.

III.

Что же дастъ пролетаріату 8-ми часовой рабочій день? Не утопія ли это, придуманная праздными головами гуманныхъ мыслителей?—Нѣтъ. Необходимость сокращеннаго рабочаго дня признавалась не за желательное благо, а за необходимость лучшими людьми, имена которыхъ записаны золотыми буквами на страницахъ человѣческой культуры. Достаточно вспомнить имена Гельвеція, Томаса Моруса и Кампанеллы. Они выставляли требованіе нормальнаго рабочаго дня для оздоровленія человѣчества, для поднятія его благосостоянія.

8-ми часовой рабочій день сократитъ перепроизводства и кризисы. Въ настоящее время, при капиталистическомъ способѣ производства, человѣческій трудъ чрезвычайно производителенъ. Такъ, напримѣръ, въ ткацкой промышленности одинъ рабочій при посредствѣ машины вырабатываетъ въ теченіе дня въ тысячу разъ больше, чѣмъ лучшая прядильщица на ручномъ станкѣ. Въ погонѣ за наживой фабриканты наводняютъ своими произведеніями всѣ лавки, магазины; на рынкѣ оказывается значительно больше товаровъ, чѣмъ того требуютъ покупатели. Наступаетъ общій застой въ дѣлахъ, затѣмъ крахъ. Закрывается цѣлый рядъ мелкихъ фабрикъ, тысячи рабочихъ остаются на улицѣ безъ куска хлѣба и гроша въ карманѣ. Ослабить перепроизводство можно лишь сокращені-

емъ рабочаго дня. Только тогда нѣсколько уменьшатся кризисы: уменьшится количество безработныхъ. При нормальномъ рабочемъ днѣ къ участію въ производствѣ будетъ привлечено большее количество лицъ. Въ данное время, при введеніи въ промышленность машинъ, армія безработныхъ возросла до такихъ ужасающихъ размѣровъ, о которыхъ всего столѣтіе назадъ нельзя было даже подумать. Развивающаяся техника увеличиваетъ еще болѣе эту армію. Вполнѣ понятно, что безработный и дурно оплачиваемый рабочій отличается очень низкой покупательной способностью. Поэтому часть фабрикатовъ вывозится заграницу. Въ случаѣ же сокращенія рабочаго дня и слѣдующаго отсюда увеличенія числа рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, и повышенія ихъ заработной платы, количество покупателей и ихъ потребительная способность возрастаетъ. Такимъ образомъ *въ качествѣ продавцевъ* фабриканты сами заинтересованы въ введеніи восьмичасового рабочаго дня.

Однако, отъ введенія восьмичасового рабочаго дня не слѣдуетъ ожидать большаго, чѣмъ онъ можетъ дать. Нѣкоторые американскіе и англійскіе участники профессіональныхъ союзовъ утверждаютъ, что введеніе его въ промышленность будетъ началомъ золотого вѣка на землѣ. Такъ ли это? Въ нѣкоторыхъ государствахъ введенъ 8 часовой рабочій день; и все-таки они не избавились вполнѣ отъ кризисовъ, безработицы неимущихъ и отъ постояннаго увеличенія резервной арміи. „Именно сокращеніе рабочаго времени,—говоритъ авторъ книги „*Что такое рабочій день*"?,—посредствомъ увеличенія интенсивности труда сгладило недочетъ въ рабочихъ часахъ: оно можетъ также въ переходное время и въ отдѣльныхъ отрасляхъ труда, какъ, напримѣръ, въ желѣзнодорожной службѣ, повести къ извѣстному, хотя и не отвѣчающему ожиданіямъ, увеличенію числа требуемыхъ рабочихъ рукъ. Съ другой стороны, оно можетъ уменьшить спросъ на рабочихъ, такъ что сокращеніе рабочаго времени не можетъ повести къ измѣненію численнаго отношенія между занятыми и незанятыми рабочими".

Кромѣ того, введеніе въ промышленность восьмичасового рабочаго дня повлечетъ за собой успѣхи въ области техники. Появится цѣлый рядъ новыхъ, усовершенствованныхъ машинъ, которыя потребуютъ для своего обслуживанія меньше людей, чѣмъ требуется въ настоящее время.

Умноженіе капиталовъ, затрудненія при помѣщеніи ихъ, развитіе промышленности, суживающее область міроваго рынка, всѣ эти причины все болѣе и болѣе увеличиваютъ промышленную безработную армію и вызываютъ кризисы. Этого не можетъ устранить восьмичасовой рабочій день.

Итакъ, восьмичасовой рабочій день повліяетъ только *отчасти* на устраненіе безработной арміи, перепроизводство и кризисы. Но есть еще другія стороны жизни, вліяніе на которыя восьмичасового рабочаго дня будетъ громадно. Это— народная нравственность, здравіе и образованіе.

Въ Англіи послѣ сокращенія рабочаго времени установлено, что рабочіе стали покупать значительно больше книгъ, болѣе времени посвящать семьѣ и разумнымъ развлеченіямъ. Въ одномъ городѣ послѣ сокращенія рабочаго дня количество членовъ общества трезвости возросло на 50%. И эти 50% состоятъ сплошь изъ рабочихъ. Англійская фирма Мондъ, Бруннеръ и К° говоритъ, что съ введеніемъ сокращеннаго рабочаго дня значительно улучшилось здоровье рабочихъ и уменьшилось пьянство. Обращаться къ содѣйствію полиціи для усмиренія буйныхъ не было болѣе надобности. У крѣпкихъ, здоровыхъ

физически, не подверженныхъ алкоголизму рабочихъ будетъ и болѣе здоровое потомство. Будетъ крѣпче семья, прочнѣе связь между родителями и дѣтями.

Капитализмъ разрушилъ семью. Онъ оторвалъ отъ дома мать, отца и дѣтей и разбросалъ ихъ на разныя фабрики. Нерѣдко случается такъ, что всѣ члены семьи, живя очень далеко отъ того промышленнаго предпріятія, гдѣ имъ приходится работать, видятся другъ съ другомъ лишь по праздникамъ разъ въ нѣсколько дней. Вполнѣ понятно, что въ такихъ случаяхъ о правильномъ воспитаніи дѣтей не можетъ быть и рѣчи. Дѣти, не работающія на фабрикѣ, предоставлены самимъ себѣ Безъ надзора они гибнутъ, развращаясь нравственно и физически. Положеніе женщинъ-работницъ тоже не завидно. Усталыя отъ продолжительнаго труда на фабрикахъ, при негигіеническихъ, тяжелыхъ условіяхъ, онѣ, возвратившись домой, уже не могутъ нести домашнюю работу и поэтому или вовсе не исполняютъ ее, или исполняютъ крайне плохо, что отражается на всей семьѣ.

Нѣтъ надобности говорить о связи между грубостью и необразованностью человѣка и преступностью. Чѣмъ менѣе развитъ человѣкъ, тѣмъ легче и чаще совершаетъ онъ преступленія—это общеизвѣстный фактъ. И поэтому сокращенный рабочій день, подымающій уровень умственнаго развитія рабочаго, дастъ ему возможность большее количество времени проводить дома, больше отдавать своей семьѣ, воспитанію своихъ дѣтей. 8 часовой рабочій день сократитъ число совершаемыхъ преступленій. Бракъ, служащій въ настоящее время для усталаго физически рабочаго средствомъ удовлетворить свои физіологическія потребности, станетъ дѣйствительнымъ духовнымъ союзомъ двухъ сознательныхъ людей.

-- Борясь за 8 часовой рабочій день, пролетаріатъ борется за поднятіе уровня народной нравственности. И жизнь, факты проведенія на фабрикахъ и заводахъ нормальнаго рабочаго дня, показываютъ, что именно такъ. То, чего не могли создать сотни тысячъ дешевыхъ брошюрокъ для народа, трактующихъ о вредѣ и ужасныхъ послѣдствіяхъ пьянства и распутства, создается нормальнымъ рабочимъ днемъ.

8 часовой рабочій день дастъ государству болѣе крѣпкое физически и нравственно новое поколѣніе. Онъ улучшитъ, сдѣлаетъ болѣе крѣпкими и совершенными устои современной жизни. Но обновить ее вполнѣ онъ не можетъ: этого нельзя отъ него ждать. До тѣхъ поръ, пока существуетъ капилистическій способъ производства, кладущій свою властную руку на согнутую, измученную спину рабочаго, невозможно обновленіе старой жизни. Рабочій по прежнему останется пролетаріемъ, полуголоднымъ нищимъ, испытывающимъ на себѣ весь тяжкій гнетъ эксплоатаціи имущихъ классовъ, работающимъ для того, чтобы небольшая кучка капиталистовъ могла пользоваться всѣми благами жизни. На 8 часовомъ рабочемъ днѣ останавливаться нельзя. Это не болѣе, какъ этапный пунктъ, за которымъ открываются новыя перспективы лучшаго будущаго. Выставляя требованія 8-ми часового рабочаго дня, пролетаріатъ ни на минуту не долженъ забывать остальныхъ требованій, предъявленныхъ имъ современному обществу.

Кромѣ 8-ми часового рабочаго дня, въ интересахъ охраны трудящихся массъ отъ физическаго и нравственнаго вырожденія, а также въ интересахъ развитія его способности къ освободительной борьбѣ за благо и лучшее будущее всего человѣчества, пролетаріатъ долженъ выставить слѣд. требованія:

1) Установленіе закономъ еженедѣльнаго непрерывнаго отдыха, про-

должающагося подрядъ не менѣе 42 часовъ для наемныхъ рабочихъ обоего пола во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства.

2) Полное запрещеніе сверхъурочныхъ работъ.

3) Воспрещеніе ночного труда (отъ 9 часовъ вечера до 6 часовъ утра) во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ онъ безусловно необходимъ по техническимъ соображеніямъ, одобреннымъ рабочими организаціями.

4) Воспрещеніе предпринимателямъ пользоваться трудомъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ (до 16 лѣтъ) и ограниченіе рабочаго времени подростковъ (16—18 лѣтъ) шестью часами.

5) Воспрещеніе женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ онъ вреденъ для женскаго организма; освобожденіе женщинъ отъ работъ въ теченіе четырехъ недѣль до и шести недѣль послѣ родовъ, съ сохраненіемъ заработной платы въ обычномъ размѣрѣ за все это время.

6) Устройство при всѣхъ фабрикахъ, заводахъ и другихъ предпріятіяхъ, гдѣ работаютъ женщины, яслей для грудныхъ и малолѣтнихъ дѣтей, освобожденіе женщинъ, кормящихъ ребенка, отъ работы не рѣже, чѣмъ черезъ три часа, на время не менѣе, чѣмъ на полчаса.

7) Государственное страхованіе рабочихъ на случай полной или частичной потери къ труду и старости за счетъ спеціальнаго фонда, составленнаго путемъ особаго налога на капиталистовъ.

8) Вопрещеніе выдачи заработной платы товарами; установленіе еженедѣльнаго срока расплаты деньгами по всѣмъ безъ исключенія договорамъ о наймѣ рабочихъ и выдачи имъ заработка въ рабочее время.

9) Запрещеніе предпринимателямъ производить денежные вычеты изъ заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначенія они ни дѣлались (штрафы, браковка и пр.).

10) Назначеніе достаточнаго количества фабричныхъ инспекторовъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства и распространенія надзора фабричной инспекціи на всѣ предпріятія, употребляющія наемный трудъ, не исключая казенныхъ (трудъ домашней прислуги входитъ также въ сферу этого надзора); назначеніе инспектриссъ въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ примѣняется женскій трудъ, участіе выбранныхъ рабочихъ и оплаченныхъ государствомъ представителей въ надзорѣ за исполненіемъ фабричныхъ законовъ, а также за составленіемъ расцѣнокъ, пріемкой и браковкой матеріала и результатовъ работы.

11) Надзора органовъ мѣстнаго самоуправленія, съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ, за санитарнымъ состояніемъ жилыхъ помѣщеній, отводимыхъ рабочимъ предпринимателями, равно какъ за внутреннимъ распорядкомъ этихъ помѣщеній и за условіями отдачи ихъ въ наймы, въ цѣляхъ огражденія наемныхъ рабочихъ отъ вмѣшательства предпринимателей въ жизнь и дѣятельность ихъ, какъ частныхъ лицъ и гражданъ.

12) Учрежденіе правильно организованнаго санитарнаго надзора во всѣхъ предпріятіяхъ, употребляющихъ наемный трудъ, при полной независимости всей врачебно-санитарной организаціи отъ предпринимателей; безплатной медицинской помощи для рабочихъ за счетъ предпринимателей, съ сохраненіемъ содержанія во время болѣзни.

13) Установленіе уголовной отвѣтственности нанимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда.

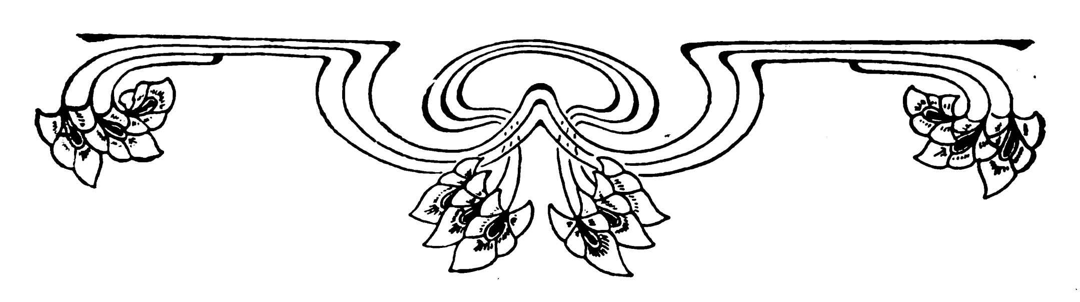
14) Учрежденіе во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства промысловыхъ судовъ, составленныхъ поровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей.

15) Возложеніе на органы мѣстнаго самоуправленія обязанности учредить посредническія конторы

по найму мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ (биржи труда) во всѣхъ отрасляхъ производства, съ участіемъ въ управленіи представителей отъ рабочихъ организацій.

Эти требованія—не утопія, не плодъ фантазіи досужаго ума. Они выставлены самой жизненной изъ существующихъ рабочихъ партій—Россійской Соціаль - Демократической Рабочей Партіей. Проведеніе ихъ въ жизнь вполнѣ возможно при существующихъ отношеніяхъ производства. Они, соединенные съ требованіемъ восьмичасового рабочаго дня, дадутъ возможность развиваться гармонически личности рабочаго. Но нужно всегда помнить, что никакія блага жизни не даются даромъ. Единственный путь для достиженія ихъ—это борьба. И эти блага будутъ достигнуты тѣмъ легче, чѣмъ менѣе будутъ дробиться силы борющагося пролетаріата, чѣмъ лучше и тѣснѣе съорганизуется и сплотится онъ. Сила борющихся въ единеніи. И предъ этой мощной силой великаго сознательнаго пролетаріата не могутъ устоять никакія темныя силы реакціи и рутины.

А. Семеновъ.

Нынче.

Небеса пламенѣютъ отъ заревъ...
Въ сонномъ воздухѣ гулко ударивъ,
Дальній выстрѣлъ то тамъ или сямъ
Прогрохочетъ порой по лѣсамъ,

И зловѣще безлюдна дорога,
И жутка деревень тишина...
И тоска, и боязнь, и тревога...
Въ мукахъ роста трепещетъ страна...

Отовсюду ужасныя вѣсти
О насильяхъ, о битвахъ, о мести,
О разгулѣ кровавыхъ забавъ,
О попраньи священнѣйшихъ правъ...

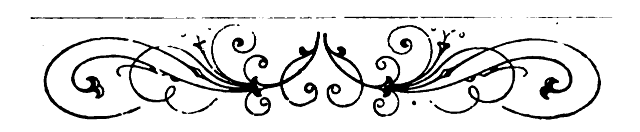
Въ страхѣ старцы лепечутъ молитвы,
Словно міру конецъ настаетъ...
Молодежь жаждетъ воли и битвы
И восторженно гимны поетъ.

И съ надеждой мильоны народа
Повторяютъ свой лозунгъ:—свобода!
Даже дѣти въ наивной игрѣ
Отвѣчаютъ горячей порѣ...

Что-бъ ни стало—смотрю я безъ страха:
Пусть въ пожарѣ страны я сгорю.
Суждена-ли мнѣ жизнь или плаха,—
Все жъ увидѣлъ я воли зарю.

И умру я безъ жалобъ, безъ стона,
Возглашая слова Симеона,
Твердо вѣря, что русскій народъ
Выходъ къ правдѣ и свѣту найдетъ...

М.

Ночью.

РАЗСКАЗЪ

М. Гутмана.

Въ госпиталѣ Трофимову было скучно. Въ палатѣ кромѣ него находилось еще пять солдатъ, но всѣ они были изъ другихъ ротъ, да кромѣ того трое изъ нихъ были чѣмъ-то тяжко больны, не вставали и почти безпрерывно стонали слабымъ, протяжнымъ стономъ. И ему, здоровому и крѣпкому человѣку, становилось отъ этого тоскливо. Въ этотъ день скука усугублялась еще непріятнымъ ощущеніемъ въ глазахъ, такъ какъ съ утра докторъ пустилъ ему въ глаза атропину, и цѣлый день всѣ окружающіе предметы казались ему огромными и водянисто-расплывчатыми, и онъ ходилъ, придерживаясь за койки.

Госпиталь находился подъ горой, на берегу моря, на окраинѣ города, а насупротивъ, черезъ улицу, темнѣло мрачное двухъ этажное зданіе городской тюрьмы. Море служило единственнымъ развлеченіемъ для Трофимова. На берегу, подъ палящими лучами южнаго солнца, цѣлый день бродили и лежали больные, и ихъ желтые халаты выдѣлялись странными пятнами на фонѣ голубого моря и грязно сѣрой каменистой почвы берега. Такого-же грязно-сѣраго цвѣта были и госпиталь, и тюрьма, а все вмѣстѣ составляло какъ-бы продолженіе расположенныхъ вдали нефтяныхъ промысловъ, казавшихся издали остатками сожженныхъ пирамидъ, обвитыхъ чѣмъ-то чернымъ, липкимъ и грязнымъ. Оттуда при попутномъ вѣтрѣ доносился смѣшанный гулъ и вздохи пара, иногда слышался заглушенный ревъ фонтана. И если ночью порывы вѣтра заносили этотъ ревъ въ госпиталь, то казалось, что гдѣ-то прорвалась огромная плотина, и что на улицѣ бушуетъ непогода. Мимо госпиталя, къ промысламъ и обратно, часто пробѣгали пароходы и грязныя, покрытыя липкой нефтью, наливныя баржи.

Итти къ морю надо было мимо тюрьмы. Каждый разъ, когда Трофимовъ шелъ здѣсь, онъ съ жуткимъ любопытствомъ засматривалъ въ рѣшетчатыя окна и прислушивался къ доносившемуся оттуда гулу голосовъ. Иногда къ рѣшеткѣ прижималось блѣдное лицо, смуглое и бородатое, повидимому, не русское, и молча вперяло въ Трофимова черные, блестящіе глаза. Трофимовъ смущенно и нервно ежился и спѣшилъ пройти. Онъ уже зналъ, что въ этомъ корпусѣ находились наиболѣе тяжкіе преступники, убійцы и бѣглые каторжники.

Но особое любопытство Трофимова возбуждалъ угловой корпусъ, гдѣ, какъ ему сказали, находились „политическіе“. Изъ окна, выходившаго на море, часто выглядывали молодыя лица, то веселыя, то угрюмыя. Трофимова страннымъ образомъ привлекало то обстоятельство,

что эти молодые „барины“, какъ онъ ихъ называлъ, сидятъ въ тюрьмѣ не за воровство и не за убійство.

На дняхъ съ однимъ изъ нихъ, бѣлокурымъ и въ очкахъ, онъ завязалъ знакомство. Со стороны моря можно было въ окно переговариваться съ политическими. Изъ города передъ закатомъ солнца иногда приходила молодая дѣвушка и, какъ-бы прогуливаясь, проходила мимо окна. Если по близости не было часового или надзирателя, дѣвушка успѣвала перекинуться черезъ окно нѣсколькими словами. Попадались часовые, которые, завидя ее, нарочно уходили за уголъ, чтобы не мѣшать, или предупреждали о приближающемся надзирателѣ. Но были и такіе, что бросались на нее съ ружьемъ или-же, злобно оскаливъ зубы, поднимали вверхъ ружье и кололи штыкомъ въ рѣшетку окна. Въ одно изъ такихъ посѣщеній дѣвушка осмотрѣлась кругомъ и, видя лишь одного Трофимова въ желтомъ халатѣ, размахнулась и швырнула въ рѣшетку окна свертокъ бумагъ, а молодой человѣкъ въ очкахъ, просунувъ сквозь рѣшетку обѣ руки, поймалъ свертокъ на лету.

Трофимовъ осклабился и произнесъ.

— Ловко!..

Дѣвушка и бѣлокурый засмѣялись, при чемъ бѣлокурый крикнулъ Трофимову:

— Хочешь, и тебѣ дамъ?

— Давай...

Изъ окна отдѣлился сложенный четыреугольникомъ бумажный пакетикъ и полетѣлъ внизъ. Трофимовъ подхватилъ.

— Если надо будетъ еще — приходи, дамъ!—кричалъ бѣлокурый.

Въ госпиталѣ Трофимовъ прочелъ „бумажку“ и показалъ ее нѣсколькимъ солдатамъ. Одинъ изъ нихъ, дослуживавшій послѣдній годъ поваръ, рыхлый и вѣчно больной, угрюмо сказалъ ему:

— Пропадешь ты съ этой бумажкой... сожги...

Трофимовъ только головой тряхнулъ, но бумажку поваръ все таки сжегъ.

Послѣ этого Трофимовъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, проходя мимо окна политическихъ и видя бѣлокураго, хитро и ласково улыбался ему, а бѣлокурый отвѣчалъ веселой улыбкой, причемъ забавно морщилъ носъ и губы, или дѣлалъ шутливо-испуганное лицо. Трофимовъ смѣялся.

Въ этотъ вечеръ Трофимовъ, едва оправившись отъ атропина, выбралъ минуту, когда на берегу никого не было, и крикнулъ бѣлокурому:

— Нѣтъ-ли еще?..

Бѣлокурый ушелъ въ глубь камеры и черезъ минуту показался у рѣшетки, но въ это мгновеніе изъ-за угла вышелъ надзиратель. Трофимовъ быстро отвернулся, но успѣлъ услышать голосъ бѣлокураго:

— Приходи ночью!..

Надзиратель подозрительно оглядѣлъ Трофимова и сердито буркнулъ:

— Чего шляешься?..

Трофимовъ ушелъ и рѣшилъ ждать ночи.

Въ госпиталѣ засыпали рано. Въ палатѣ, гдѣ лежалъ Трофимовъ, на стѣнѣ горѣла небольшая жестянка, слабо освѣщая рядъ кроватей. Подъ тонкими желтыми одѣялами выпукло обрисовывались неподвижныя фигуры больныхъ, казавшіяся при слабомъ освѣщеніи непомѣрно большими. Раздавалось равномѣрное дыханіе, похожее больше на сдавленный стонъ, съ характернымъ присвистомъ... Трофимовъ ждалъ, лежа на койкѣ. Прошелъ фельдшеръ, брюзглый и пропахшій алкоголемъ не молодой мужчина, дѣлая послѣдній осмотръ больныхъ. Вошелъ въ палату служитель, опустилъ ниже огонь въ лампѣ и, зѣвая и почесываясь, медленно удалился, шаркая босыми ногами... Изъ сосѣдней палаты донесся болѣзненный стонъ, видимо, — спросонья — и снова затихъ... Трофимовъ всталъ и прислонился лицомъ къ окну. Во

дворѣ, въ служительскомъ флигелѣ, горѣлъ огонь и мелькали тѣни. Но вскорѣ огонь потухъ, и тѣни исчезли...

Госпиталь спалъ...

Трофимовъ, скинувъ халатъ и оставшись въ одномъ бѣльѣ, безшумно отворилъ двери и вышелъ въ длинный корридоръ. Здѣсь, въ концѣ корридора, горѣла такая-же небольшая жестянка, какъ и въ палатѣ, а въ другомъ концѣ, у выходной двери спалъ на койкѣ служитель. Затаивъ дыханіе, Трофимовъ дошелъ до двери и прислушался. Служитель мѣрно дышалъ... Трофимовъ обернулъ подоломъ рубахи дверной крюкъ, чтобы не гремѣлъ, дернулъ его и выскользнулъ во дворъ.

Оставалось еще перелѣзть черезъ заборъ, такъ какъ ворота были на замкѣ. Трофимовъ перебѣжалъ дворъ къ сторонѣ забора, выходившей къ морю, быстро взобрался и спрыгнулъ на берегъ... Потомъ осмотрѣлся, опустился на четвереньки и поползъ по направленію къ тюрьмѣ...

Было темно и тихо. Откуда-то, изъ черной дали, дышавшей тепломъ и влагой, надвигалось огромное море и съ тихимъ рокотомъ взбиралось на берегъ, а когда волна отливала обратно, потревоженные ею мелкіе камни тихо шептались. Гора казалась темной, безформенной громадой, и, уходя въ даль, открывала полукругъ далекой бухты, усѣянной электрическими огоньками пристаней... На промыслахъ мерцали огоньки, смутно чернѣли пирамиды вышекъ.

Часовой мѣрно шагалъ мимо фасада корпуса политическихъ и невольно задерживался подъ окномъ угловой камеры, въ которой арестантъ, повидимому, не спалъ, такъ какъ тѣнь его то появлялась, то исчезала у окна. Темная южная ночь давила одиночествомъ и заставляла инстинктивно искать признаковъ человѣка...

Гдѣ-то вблизи послышался, приближаясь, гулкій, размѣренный топотъ шаговъ. Часовой подтянулся — приближалась смѣна. Изъ-за угла появился отрядъ солдатъ съ разводящимъ во главѣ... Черезъ нѣсколько минутъ новый часовой зашагалъ вдоль корпуса...

Едва затихли шаги ушедшей смѣны, часовой поднялъ съ земли камень и швырнулъ въ освѣщенную рѣшетку окна. Тѣнь приблизилась.

— Кто это?.. послышалось изъ-за рѣшетки.

— Я, Василій Митричъ... Селезневъ...

— А! Здравствуй...

Часовой поставилъ передъ собой ружье, облокотился на него,—и въ тишинѣ ночи полился шопотъ арестанта и часового...

— Литература есть, Василій Митричъ?

— Есть. Надо развѣ?

— Дайте.

— Подставь ружье!

Часовой поднялъ къ рѣшеткѣ штыкъ, и черезъ минуту на штыкѣ забѣлѣла бумажка. Онъ опустилъ ружье, положилъ бумажку въ карманъ, но въ это время инстинктивно оглянулся... и замеръ...

Кровь ударила въ голову и залила уши звономъ... Потомъ разомъ сковало ноги, и встали дыбомъ волосы на головѣ...

Прямо на него, съ земли, поднималась бѣлая фигура, съ большой бритой головой, безумно-страшная въ своемъ неожиданномъ появленіи...

Цѣлый вихрь мыслей и ощущеній завертѣлся въ головѣ часового. Бѣглый арестантъ... бумажка... судъ... приговоръ...

Губы его безпомощно и беззвучно шевелились... и вдругъ раздалось отрывисто и хрипло, какъ лай:

— Стой!.. Не иди!.. стрѣлять буду!..

А бѣлая фигура, шагнувъ впередъ, злобно зашипѣла:

— Чего орешь, дьяволъ!..

Часовой взялъ ружье на перевѣсъ...

Передъ его глазами было лицо его однополчанина и пріятеля Трофимова, но напуганное безумнымъ страхомъ воображеніе отказывалось замѣнить призракъ реальностью... Онъ и видѣлъ Трофимова, и не видѣлъ.

Трофимовъ шагнулъ еще и зашепталъ сердито.

— Отдай бумажку!.. Мнѣ обѣщано...

Часовой окончательно узналъ Трофимова. И вдругъ безумный ужасъ замѣнился злобой. Онъ замахнулся прикладомъ.

— Пошелъ къ чорту!.. не дамъ...

— Отдай, говорю... мнѣ баринъ съ вечера обѣщалъ...

— Проваливай въ свой шпиталь, не то такъ те дербулызну прикладомъ... Шляется тутъ по ночамъ. Какую тебѣ еще бумажку?

— Не видалъ, нешто...

Но въ это время изъ-за рѣшетки донесся смѣющійся шопотъ:

— Отдай ему... другую дамъ...

Часовой досталъ бумажку и швырнулъ ее Трофимову. Тотъ сунулъ за пазуху и, довольный, поползъ обратно въ госпиталь...

А часовой снова поднялъ штыкъ къ рѣшеткѣ и черезъ минуту на штыкѣ снова бѣлѣла бумажка,

Тѣнь за рѣшеткой исчезла. Часовой мѣрно шагалъ вдоль зданія. Пережитый острый моментъ страшной опасности наполнилъ его веселымъ возбужденіемъ. Онъ вспоминалъ страшную фигуру Трофимова, улыбался и шепталъ:

— Ишь, дьяволъ...

И щупалъ бумажку въ карманѣ.

Море тихо плескалось, и безмолвная ночь сливалась съ безбрежнымъ горизонтомъ...

М. Гутманъ.

I.

Іюньская бѣлая ночь, полная нѣги и обмана, широко раскинула надъ истомленной землей свою тонкую, какъ паутина, сѣть, сотканную изъ безумныхъ грезъ, едва уловимыхъ звуковъ, проблесковъ и сонныхъ видѣній. И все замерло, и робко притаилась жизнь, изрѣдка лишь выдавая свое присутствіе: откуда-то издалека доносились не то людскіе голоса, не то всплески веселъ, не то стоны, не то дребезжаніе телѣги. По временамъ, въ глубинѣ лѣса, раздавался рѣзкій протяжный крикъ невѣдомой ночной птицы, или сквозь дымку тумана мерцалъ одинокій свѣтъ забытаго догоравшаго костра, а надъ рѣкой, забывъ обо всемъ въ порывѣ любви, безстрашно пѣлъ соловей. Въ этотъ поздній часъ проселочной дорогой, по направленію къ глухому селу Пропойску, порывистой бодрой походкой пробирался человѣкъ средняго роста, съ небольшой котомкой за спиной, одѣтый въ платье странствующаго деревенскаго торговца. По внѣшности, не внушающей ни малѣйшихъ подозрѣній, никакъ нельзя было въ немъ признать человѣка, имя котораго въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ не разъ упоминалось въ газетахъ и въ откровенныхъ разговорахъ, въ связи съ нѣкоторыми печальными событіями того еще очень памятнаго времени, внушая иному отвращеніе и негодованіе, а иному даже удивленіе, смѣшанное со страхомъ или восторгомъ.. Мѣстность таинственному страннику, повидимому, не была знакома: по временамъ онъ оглядывался и останавливался, какъ будто соображая, куда идти. Вскорѣ по сторонамъ дороги показались строенія, и странникъ убавилъ шагу, осторожно проходя мимо дворовъ, гдѣ раздавался лай собакъ, видимо, избѣгая встрѣчъ съ рѣдкими прохожими и украдкой заглядывая въ окна, въ которыхъ еще мелькали рѣдкіе, запоздалые огоньки. Наконецъ, онъ остановился у

одной избы почище, съ крылечкомъ и довольно большими окнами, и заглянулъ въ освѣщенную горницу. Близъ окна за столомъ, согнувшись надъ какой-то работой, сидѣла женщина лѣтъ подъ тридцать, съ усталымъ блѣднымъ лицомъ много испытавшей и перечувствовавшей на своемъ вѣку труженицы. При ровномъ свѣтѣ простой рабочей лампы онъ разглядѣлъ ее и узналъ задумчивое лицо и кроткіе голубые глаза, одинъ взглядъ которыхъ вызывалъ въ немъ когда-то бурю страсти. Хотя онъ былъ не изъ чувствительныхъ, но сердце его дрогнуло не то отъ жалости къ ней, не то отъ тоски о безвозвратно ушедшемъ счастьѣ и минувшихъ восторгахъ. „Ну, прошло, такъ чего хныкать о томъ, что было и быльемъ поросло“, сейчасъ-же заговорила въ немъ мысль, ревниво слѣдившая за чувствомъ. И онъ тутъ-же даже черезчуръ успокоился. Его блѣдное мужественное лицо, окаймленное роскошными черными волосами, сохраняло обычное холодное и даже нѣсколько рѣзкое выраженіе, а большіе мрачные глаза такъ даже искрились насмѣшкой, когда онъ, оправившись отъ невольнаго волненія, рѣшилъ наконецъ постучаться.

— Кто тамъ? — раздался ея тихій встревоженный голосъ.

— Свой, отопри. По дѣлу пришелъ!—тихо отозвался прохожій.

— По дѣлу? Ночью?

— Да отопри-же. Не бойся... Письмо отъ Грузова принесъ.

— Отъ Вани! — вскрикнула женщина, въ торопяхъ открывая дверь.

— Не узнаешь? — проговорилъ страннымъ тономъ прохожій, жмурясь отъ свѣта лампы.

Теперь и она его узнала.

— Ваня! Ваня!—въ восторженномъ забвеніи шептала она дрожащими губами, задыхаясь, цѣлуя его суровое лицо и не замѣчая, что онъ не отвѣчаетъ на ея поцѣлуи.

— Что, не ждала? Не узнала даже сначала?—проговорилъ онъ, усаживаясь за столомъ въ углу.

Она смотрѣла на него тѣмъ преданнымъ взглядомъ, какимъ умѣетъ смотрѣть только собака на своего господина, да безпредѣльно любящая женщина.

— Да, тебя мудрено узнать! Перемѣнился, возмужалъ, — отвѣчала она. — Но что это ты кулакомъ такимъ нарядился?! Волоса въ скобку, затылокъ даже подбритъ; высокіе сапоги, шаровары, поддевка...

— Эхъ ты, простота, не догадалась... Видишь-ли, я теперь какъ будто и не я, а борисоглѣбскій мѣщанинъ Кондратъ Валежниковъ.

— Ахъ, да, я и забыла... Но какъ ты меня нашелъ?

— Да очень просто. Довелось проѣзжать черезъ здѣшній уѣздный городъ, а тамъ отъ нашихъ узналъ, что ты здѣсь. Въ какой ты однако глуши живешь! Насилу добрался, цѣлый день шагалъ. Пѣшкомъ—отлично; главное, не такъ замѣтно. Выждалъ вечера тутъ недалеко на постояломъ дворѣ. У васъ рано спать ложатся. Теперь во всемъ селѣ почти всѣ огни потушены. Разспрашивать неловко. Ну, сталъ подглядывать въ окна, какъ заправскій шпіонъ, и нашелъ-таки.

— А я ужъ думала, — заговорила взволнованно женщина, -- что никогда не свидимся. Ты не хотѣлъ даже или не могъ ни разу написать мнѣ. Какъ мучилась я разными предположеніями. За то теперь наговоримся...

— Да нечего и разсказывать. Ты всю мою жизнь знаешь, а развязка не за горами. Жаль, началъ-то я не умно, сразу карты всѣ свои открылъ. Очень ужъ мы всѣ откровенны были: душу на распашку, все для идеи! Не успѣлъ отвѣдать жизни, какъ уже въ ссылку попалъ, все равно, что въ могилу. Но все-таки воскресъ въ концѣ концовъ, воскресъ, то есть бѣжалъ. И вотъ теперь съизнова жить собираюсь; въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы новорожденный, въ тридцать то лѣтъ, ха, ха, ха!.. Ничего, впрочемъ, это не такъ страшно, какъ кажется сначала. Те-

перь я уже не Иванъ Грузовъ, не осужденный преступникъ, а борисоглѣбскій мѣщанинъ Кондратъ Валежниковъ. Только и всего.

Говоря, онъ посмѣивался тихимъ нервнымъ смѣхомъ, а ей вдругъ стало грустно. Она сознала въ эту минуту, что вѣчно будетъ болѣть о томъ, что вызываетъ въ немъ только злобу. А вѣдь жизнь ихъ неразрывно связана: въ захватывающей радости свиданія она почувствовала это еще сильнѣе, чѣмъ въ горѣ разлуки на многіе годы; въ тяжкія минуты отчаянія и полной неизвѣстности она не упрекала его въ своемъ горѣ; у ней не было для него упрековъ. Она понимала, что онъ тутъ не причемъ, но ей тяжко было слушать его странный смѣхъ въ эту минуту.

— Да, Ваня, нѣтъ у насъ радостныхъ словъ послѣ долгой разлуки. Мы точно прокляты. Да не мы только одни. Гдѣ она, радость? Не вѣрится даже, что она есть еще на свѣтѣ. Вотъ встрѣтились, на радость-ли? А разлука?.. Страшно подумать! Десять лѣтъ, десять лѣтъ никакой вѣсти, ни слова отъ тебя, тихо какъ въ могилѣ! Знаешь, первые годы я все думала, что съ ума сойду отъ безъисходной тоски. Безуміе, не правда-ли?! Вѣдь знала же я, что любовь наша одно мгновеніе, ничто передъ злобой жизни, что, раньше или позже, намъ придется разстаться, опомниться. И все-таки, когда пришла разлука, не хватило силъ, какъ не хватило силъ раньше пройти мимо другъ друга, отказаться отъ невозможнаго счастія любви. Не понимаю, какъ я могла вынести тогда страшную пытку разлуки, а вскорѣ затѣмъ родовъ. Нѣсколько оправившись, при первой возможности, я бѣжала съ груднымъ ребенкомъ изъ Петербурга. Случайно забрела сюда. Тутъ всѣ сначала съ удивленіемъ на меня смотрѣли: угораздило-же попасть въ такую трущобу, гдѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Но впрочемъ это лучше даже вышло. Мнѣ повезло. Время тогда все-таки спокойнѣе было. Удалось пристроиться. Да вѣдь я только работы искала и хлѣба, такъ за что же было меня и гнать отсюда? И хотя я была, на ихъ взглядъ, что называется „благородная", или, говоря проще, подозрительная, но меня все-таки не скрутили и не представили по начальству. Паспортъ у меня все-таки былъ въ порядкѣ. Впрочемъ, сначала меня здѣсь только терпѣли. Потомъ меня даже полюбили, по своему, конечно, какъ нужнаго человѣка. Мнѣ удалось здѣсь найти дѣло. Благо никто не мѣшалъ. Село очень ужъ глухое. Я стала сельской повитухой, стала понемногу лечить, да ребятъ здѣшнихъ грамотѣ учить. Да нашего Сашу надо было выкормить, выростить, учить. О, теперь онъ уже большой, лѣтъ на двѣнадцать выглядитъ, а какъ развитъ! Только припадочный онъ у меня, вотъ горе-то. Ахъ, какіе ужасные припадки у него бываютъ!—проговорила она съ печальнымъ лицомъ.

— Ну, это пустяки, съ годами пройдетъ. Я тоже въ дѣтствѣ припадками падучей болѣзни страдалъ, подобно Магомету, ха, ха, ха... Нервный былъ, страсть! А потомъ какъ рукой сняло. И онъ окрѣпнетъ, выправится.

— Только бы сберечь его и выростить. Вѣдь въ немъ все мое счастіе. Безъ него я погибла бы навѣрно; не вынесла бы нашей разлуки. И приходилось же мнѣ, особенно на первыхъ порахъ, страшно бѣдствовать и крѣпко работать, почти безъ надежды на лучшее будущее. Только этотъ трудъ и спасъ мою душу отъ безъисходнаго отчаянія. Трудъ да любовь...

— Что-то ужъ очень ты о своихъ чувствахъ распространяешься! Не растворились-ли твои убѣжденія въ кислятинѣ этихъ самыхъ чувствъ?!—прервалъ онъ ее нетерпѣливо.

— Да что-жъ такое убѣжденіе, какъ не мысль, ставшая чувствомъ?—возразила она горячо. — Ты правъ:

убѣжденіе не мирится съ враждебными ему чувствами, убѣжденіе — смерть всякаго другого чувства. А смерть—страданіе. Я много выстрадала, но еще, видно, не до конца: не всѣ чувства вымерли. Значитъ-ли это, что у меня нѣтъ убѣжденій? Такъ вѣрь же мнѣ: если-бы любовь къ тебѣ была забвеніемъ тѣхъ мыслей, которыя ты заронилъ мнѣ въ душу, то лучше разлука, разлука навсегда!

— Слишкомъ ужъ торжественно сказано,—впрочемъ понятно.—Вижу, что намъ не надо съизнова повторять нашъ старый символъ вѣры, да и некогда: я вѣдь здѣсь на самое короткое время. Пріѣхалъ, конечно, не природой наслаждаться, а по дѣлу, съ нѣкоторымъ, то есть, предложеніемъ къ тебѣ: Лена, хочешь быть моей законной супругой?

— То есть какъ супругой? — растерялась она отъ неожиданнаго оборота рѣчи. Счастливая, застѣнчивая улыбка озарила на мгновеніе ея лицо.

— Что, изумлена? Впрочемъ, быть можетъ, я не совсѣмъ точно выразился; ужъ, конечно, я за себя не поклянусь всю жизнь проворковать съ тобою. Я вѣдь хлопочу изъ-за Кондрата Валежникова, для него и прошу твоей руки. Можешь впрочемъ выбрать любую фамилію, если эта тебѣ не нравится. Что въ имени тебѣ моемъ; Ивановъ, Скотобойниковъ, Дубоносовъ, Карповъ, не все-ли равно, лишь-бы дѣло подвигалось?

— Да что-жъ это такое? къ чему? —смутилась она еще болѣе.

— Дѣло въ томъ, что мнѣ, т. е. Кондрату Валежникову, во чтобы то ни стало, надо обзавестись уютной, тихой квартиркой въ Питерѣ и вообще принять видъ вполнѣ благонамѣреннаго гражданина. Хозяйка до зарѣзу нужна, а взять мнѣ ее не откуда, ты одна годишься для этой роли: репутація твоя безупречна, видъ вполнѣ подходящій, а главное—не выдать друга: въ твоей вѣрности я не сомнѣваюсь. Вотъ отчего вспомнилъ про тебя въ рѣшительную минуту и нарочно пріѣхалъ сюда, рискуя временемъ. Ну, согласна на мое предложеніе? Рѣшайся. Осчастливь... Ахъ, чортъ возьми, да въ эту минуту мнѣ пришла богатая мысль: если ты согласна, то можно даже устроить настоящее бракосочетаніе съ попомъ и съ подобающей торжественностью. Необходимые документы ребята спроворятъ, а бракъ придастъ имъ окончательную достовѣрность. Тогда ужъ навѣрно слѣдъ простылъ. Можно будетъ по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ спокойно „поработать", а это вѣдь не шутка... Дѣла-то свои можно великолѣпно устроить.

— А Саша! Съ нимъ-то какъже?—заговорила она, наконецъ, понявъ въ чемъ дѣло.

— Ну, конечно, его ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя съ собой таскать. Ребенокъ можетъ проболтаться, выдать на каждомъ шагу. Пришлось-бы сдать его гдѣ-нибудь на воспитаніе, оставить здѣсь что-ли...

— Нѣтъ, что ты! Да развѣ это возможно?—отвѣчала она, вздрагивая и блѣдная, — этимъ шутить нельзя... Ты долженъ это понимать.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ даже удивленіемъ, смутно понимая, что она ускользаетъ изъ его рукъ; а вѣдь онъ былъ увѣренъ, что пріѣдетъ и возьметъ ее, какъ вещь. Онъ зналъ, что она все еще его любитъ.

— Такъ вотъ что!—накинулся онъ на нее съ высокомѣрной злобой всадника, бьющаго непокорную лошадь,—настоящее-то дѣло оказалось не по силамъ, нѣжныя чувства одолѣли. Убѣжденія столкнулись съ инстинктомъ самки—матери, ну, и понятно—прахомъ все пошло. Остались только пустыя фразы. Ну, кого ты думаешь обмануть этими фра-

зами? Себя? не стоитъ труда! Меня? Трудно! Видывалъ я такихъ. Или ты думаешь примирить общественное дѣло, т. е. борьбу на жизнь и на смерть, потому-что иначе теперь бороться нельзя, съ произведеніемъ себѣ подобныхъ, да мытьемъ пеленокъ? Это ужъ совсѣмъ не умно. А,—сознайся, ха,-ха,-ха! Вѣдь ты подумала было, что я и впрямь хочу вступить съ тобой въ законный бракъ, грѣхъ въ нѣкоторомъ родѣ покрыть, ха,-ха,-ха! Какъ ты возрадовалась при этой мысли! О, тутъ бы пошла съ руками и ногами, прониклась-бы моими убѣжденіями до мозга костей. Ты все еще не забыла, какъ я вижу, бредней любви. Жаль, что великое общественное дѣло не укладывается въ любовь, и даже любовь не укладывается въ дѣло. Что же дѣлать, ты горько ошиблась, что за мной пошла, я тебѣ не разъ это говорилъ. Напрасно не осталась дома; тамъ, среди семейнаго болота распускаются пышные цвѣты любви.

Да и я былъ когда-то глупъ; позарился на эти цвѣты, не справился съ сердцемъ при встрѣчѣ съ тобой. Каюсь, увлекся идиліей, когда всѣ силы нужны были для дѣла! Мнѣ теперь противно вспомнить прошлое!

— Довольно, довольно!—умоляла она,—оскорбленіями никого никогда и не въ чемъ не убѣдишь!—Въ тонѣ ея голоса и въ лицѣ было столько горя, столько стыда за себя и за него, что даже онъ притихъ.

— Ну, если тебя нельзя убѣдить, такъ незачѣмъ и убѣждать. Кончено, значитъ.

А ты меня все-таки накорми и спать уложи, потому что я проголодался да и усталъ страшно. Скоро свѣтаетъ. Ну, за день высплюсь, а тамъ ночью опять въ путь-дорогу.

— Какъ, развѣ ты ѣдешь такъ скоро?.

— Чтожъ, по твоему, оставаться здѣсь, идилліей наслаждаться?— Некогда: время теперь, сама знаешь, какое. Послѣ завтра надо, непремѣнно надо попасть на поѣздъ.

— А сынъ? Эта встрѣча съ тобой не пройдетъ для него даромъ. Я за него боюсь, онъ такой впечатлительный...

— Вздоръ! Ну, что мнѣ сынъ и на что я ему?!—прервалъ онъ ее нетерпѣливо,—не гожусь я для роли благороднаго отца. Не любить-же мнѣ его по заказу, когда, при данныхъ обстоятельствахъ, онъ можетъ возбуждать естественно лишь досаду, какъ лишняя обуза. Не оставаться-же мнѣ здѣсь ради приличія?!

— Да, онъ все-таки тебя любитъ, хотя и никогда не видѣлъ.—Голосъ ея зазвенѣлъ.

— Ну, полно, заговорилъ онъ ласковѣе,—вѣдь чѣмъ скорѣе я уѣду, тѣмъ лучше для тебя и для него. Не слѣдовало-бы пожалуй и пріѣзжать, ворошить старый хламъ. Да и о чемъ и толковать; ѣду завтра вечеромъ.

— Ну, какъ знаешь, а все-таки больно, Ваня, — проговорила она упавшимъ голосомъ,— и накормить тебя какъ слѣдуетъ не придется: вотъ и весь ужинъ сегодня.

Она поставила передъ нимъ горшокъ гречневой каши и крынку молока, да нѣсколько ломтей чернаго хлѣба. Онъ принялся за ѣду невозмутимо и жадно, какъ настоящій крѣпкій работникъ, котораго никакія передряги не лишаютъ аппетита. А она молча и покорно, какъ раба, ушла въ смежный чуланъ готовить постель неожиданному гостю.

— Ну, теперь послѣ хлѣба-соли— семь часовъ отдохну. Ты меня не буди. Я такъ усталъ, что не грѣшно и цѣлый день проспать,—проговорилъ онъ на прощаніе, сладко зѣвая. Позаботься, чтобы меня не тревожили и чтобы завтра къ ночи были лошади до ближайшей станціи.

Онъ ушелъ, и скоро изъ чулана послышалось мѣрное храпѣніе крѣп-

ко заснувшаго Грузова. А она, встревоженная, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, долго просидѣла за столомъ, точно прислушиваясь къ невѣдомому голосу.

Прошло не мало времени, прежде чѣмъ она опомнилась и, чтобы какъ-нибудь прогнать невеселыя думы, принялась приводить въ порядокъ и починять его поношенное и грязное платье. Но иголка часто валилась изъ ея дрожащихъ рукъ, Ей мерещилось горькое прошлое. Обыкновенная исторія, избитая и надрывающая душу, какъ мелодія на разстроенной шарманкѣ. Вспомнилась ей семья, постылая, сколоченная кое-какъ на старый ладъ: мать, измученная горемъ среди тупого купеческаго довольства, отецъ, развращенный до мозга костей самодуръ и пьяница, отвратительныя ссоры, побоища, когда онъ поздней ночью возвращался послѣ кутежа домой: женихъ, молодецъ-лавочникъ, съ глупыми рѣчами и потными руками, котораго отецъ насильно ей навязывалъ, чтобы сбыть ее поскорѣе съ рукъ. Вспомнились и родительскіе побои, отъ которыхъ у нея кровь бросалась горломъ, вспомнились рѣдкія незабвенныя мгновенія юношескаго недовольства жизнью и святой тоски, когда пробуждающаяся молодая душа страстно рвалась изъ кромѣшнаго мрака на подвигъ, на дѣло. Потомъ, какъ единственный выходъ,—бѣгство въ Петербургъ, Курсы, лихорадочный трудъ и нищета, отъ которой голова болѣла и костенѣли руки. Жалкіе обѣды въ дешевой кухмистерской; безсонныя ночи въ скверной и тѣсной комнатѣ надъ перепиской и лекціями: скитанія по улицамъ холоднаго и угрюмаго Петербурга за грошами, за работой; два мѣсяца въ больницѣ, гдѣ она чуть не умерла; радостное чувство выздоровленія и вскорѣ встрѣча съ нимъ, незабвенныя молодыя рѣчи въ студенческомъ кружкѣ, а тамъ жгучая любовь, вдругъ точно огнемъ охватившая ее горемычную, измученную; горе разлуки; долгіе годы одинокаго, почти безнадежнаго труда, и вотъ опять эта встрѣча.

— Неужели мы встрѣтились для того, чтобы еще разъ перечувствовать горе разлуки навсегда?! О, за что!—прошептала она въ отчаяніи.

Она долго смотрѣла на его блѣдное, застывшее во снѣ лицо.

— Родимый, вѣдь только я одна на свѣтѣ люблю такъ тебя, и только тебя! А ты меня покидаешь, чтобы погибнуть...

Она тихо приблизилась къ нему и украдкой стала цѣловать его полуоткрытыя губы, задыхаясь отъ мучительной тоски.

— Что это, уже заря; ѣхать пора...—прошепталъ онъ тревожно въ просонкахъ.

II.

Съ утра, наскоро позавтракавъ. Саша ушелъ съ товарищами въ лѣсъ, и мать не удерживала его: она боялась неизбѣжной встрѣчи Саши съ отцомъ, хотя все еще не теряла надежды, что эта встрѣча удержитъ Грузова отъ окончательнаго разрыва. Странная встрѣча произошла вопреки ея желанію, въ то время, когда она ушла нанимать лошадей, а Грузовъ послѣ обѣда принялся разбирать какія-то бумаги. Въ комнату вбѣжалъ курчавый загорѣлый мальчуганъ съ бойкимъ выраженіемъ голубыхъ блестящихъ глазъ. Онъ хотѣлъ было заговорить но, увидѣвъ вмѣсто матери незнакомаго человѣка, остановился, пораженный изумленіемъ.

Гость рѣдко переступалъ ихъ порогъ, и Саша дичился людей.

— Чего глазѣешь? Ну, угадай, кто я?—обратился къ нему отецъ.

— Почемъ же я знаю... чужой,—отвѣчалъ ребенокъ, недовѣрчиво поглядывая на него.

— Не угадалъ: отецъ я!

Саша еще болѣе удивился. Подъ вліяніемъ разсказовъ матери, отецъ въ его воображеніи являлся какой.

то загадочной крупной личностью. Онъ почему-то не надѣялся увидѣть его и свыкся съ мыслью, что такъ и должно быть. Даже побаивался встрѣчи.

— Неправда!— проговорилъ онъ недовѣрчиво, не трогаясь съ мѣста.

— А ну, подойди поближе, познакомимся. Надо-же намъ разговориться, коли довелось встрѣтиться. Подойди, чтожъ, ты отца боишься?

— Да и вправду отецъ? — не врешь?

— Ну, вотъ чудакъ! Еще не вѣритъ. Зачѣмъ мнѣ врать. Э, да ты трусъ, какъ я посмотрю; всякаго встрѣчнаго боишься. А мать еще про тебя говорила, что ты молодецъ, выросъ большой!—Саша нерѣшительно приблизился къ отцу. Тотъ взялъ его за руку. Безотчетное чувство заговорило въ ребенкѣ: онъ хотѣлъ было приласкаться къ отцу, но, заглянувъ въ его холодные насмѣшливые глаза, не рѣшился.

— Ну, разсказывай, какъ поживаешь. Хорошо?

— Хорошо, а то какъ-же,— отвѣчалъ Саша съ нѣкоторымъ даже удивленіемъ.

— Ну, конечно—хорошо. Не зачѣмъ и спрашивать. Еще-бы такому молодцу, да жилось скверно!

Отецъ льстилъ его дѣтскому самолюбію, заставляя его такимъ образомъ высказываться.

— А ты вотъ сказалъ прежде, что я трусъ,—вдругъ обидѣвшись, заговорилъ Саша, все обиженный тѣмъ, что его назвали трусомъ.— Вотъ спроси маму. Я давеча тайкомъ съ вечера ушелъ въ лѣсъ. Она очень испугалась, думала, что я совсѣмъ пропалъ, а я нисколько не испугался.

— Да ты и въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ, какъ я вижу, молодецъ, гдѣ-жъ ты пропадалъ? Неужели въ лѣсу?

— Въ лѣсу, а то гдѣ же больше? У насъ кругомъ лѣсъ.

— Вотъ что. И одинъ?

— Нѣтъ,—съ Гришей Поповымъ. Ну, да онъ всего боится, мать его очень бьетъ. Безъ меня онъ бы не пошелъ ни за что.

— А ты развѣ такъ бы и пошелъ одинъ? спросилъ Грузовъ, посмѣиваясь.

— Еще бы не пошелъ! Я нисколько не боюсь волковъ!— отвѣчалъ самоувѣренно Саша.

— Вѣрно потому, что тебя мать не бьетъ. Ну, ладно, скажи ты мнѣ, зачѣмъ вы тогда въ лѣсъ ушли?

Саша смутился. Ему совѣстно было сознаться въ своихъ затѣяхъ.

— А ты мнѣ вотъ прежде скажи: правда, что говорятъ, будто есть такой цвѣтокъ, въ Иванову ночь расцвѣтаетъ; какъ сорвешь его, такъ сразу разбогатѣешь, а съ богатствомъ все, что захочешь, можешь сдѣлать.

— А, понимаю, такъ ты цвѣтокъ папоротника хотѣлъ достать,— разсмѣялся отецъ,—и въ лѣсъ ушелъ тайкомъ. Съ самимъ чортомъ вздумалъ тягаться; сразу захотѣлось схватить быка за рога. И не струсилъ?

— Нѣтъ.

— Ой-ли? Признайся, хоть немного да струсилъ. Можетъ потомъ и хотѣлъ вернуться домой, да поздно было, заблудился въ лѣсу. Все-таки молодецъ! Ты хотя еще и не понимаешь, да чувствуешь, что такое свобода. Это хорошій признакъ; ужъ если въ десять лѣтъ пошелъ противъ самаго чорта, то въ двадцать пять, пожалуй, и умереть сумѣешь, какъ Стенька Разинъ, безъ страха. А это главное: человѣкъ ничего не долженъ бояться, даже смерти; въ этомъ все его счастье. Страданіе, въ сущности, происходитъ отъ трусости. Не бойся только съ бою взять свое счастье и будешь счастливъ. Эхъ, парень, поговорилъ-бы я съ тобою, какъ слѣдуетъ отцу съ сыномъ, чтобы на всю жизнь память осталась, да вѣдь ты еще не доросъ до настоящихъ понятій,

живешь пока, какъ птица въ лѣсу, и мысли у тебя птичьи.

— А кто такой былъ Стенька Разинъ?—прервалъ Саша.

– Атаманъ разбойниковъ, а потомъ вожакъ настоящаго бунта. Разбойникомъ же онъ сталъ потому, что жилось ему тяжело, воли настоящей не было. Вотъ онъ и взялъ ее самъ. Потѣшился на славу, нагонялъ таки страху, а затѣмъ и надъ нимъ потѣшились, когда скрутили, наконецъ. Но для Стеньки воля своя была превыше всего. Онъ умеръ безъ сожалѣнія и страха.

– И отчего люди такіе злые, отчего они мучатъ другъ друга?— блѣдный, со слезами на глазахъ, воскликнулъ Саша.

— Ничего не подѣлаешь, всѣмъ жить надо, и зло не прекратится, пока не умретъ послѣдній угнетенный человѣкъ на свѣтѣ,—продолжалъ Грузовъ, видимо довольный впечатлѣніемъ отъ своихъ словъ.— Впрочемъ, успокойся, Саша, теперь немного полегче стало и скоро всѣмъ будетъ хорошо. Я не доживу, а ты, можетъ быть, самъ испытаешь. А что, если-бы меня, какъ Стеньку Разина, убили, ты бы меня пожалѣлъ?

Саша поблѣднѣлъ и вздрогнулъ. Въ этихъ странныхъ словахъ отца ребенку почудилось что-то грозное и таинственное, а лицо Грузова приняло зловѣщее выраженіе, и глаза его мрачно сверкнули, какъ у маньяка, охваченнаго мыслью о борьбѣ и насильственной смерти. Онъ невольно возвращался къ этой мысли, кружился около нея, какъ бабочка вокругъ фонаря.

Въ эту минуту вернулась мать. Она слышала послѣднія слова страннаго разговора фанатика съ ребенкомъ.

— Оставь его!— заговорила она едва сдерживая волненіе.—Посмотри, какъ ты его разстроилъ и зачѣмъ? Можетъ быть, пока онъ выростетъ и научится все понимать, жизнь перемѣнится, и наше горе его не коснется.

— Не думаешь ли ты сдѣлать изъ него настоящаго барчука, бѣлоручку?—отвѣчалъ онъ презрительно. „Но я, какъ отецъ, съ этимъ несогласенъ. Нѣтъ ничего противнѣе барской сантиментальности, и ты меня жалкими словами не проймешь. По моему, жить для идеи значитъ отдаться ей безъ остатка. Тутъ уже считаться съ родственными чувствами и связями не приходится. И если я ради идеи жертвую собой, то не стану жалѣть и родного сына. По твоему, можетъ быть, и гнусно, и безчеловѣчно приносить чувства свои въ жертву дѣлу, ну, а честнѣе-ли дѣло принести въ жертву чувствамъ своимъ и жалкимъ личнымъ слабостямъ?

Она молчала. Мысль о нозможности примиренія чувства съ дѣломъ не пришла въ голову ни ей, ни ему. Они были для этого слишкомъ прямолинейными. Саша не понялъ ихъ разговора и недоумѣвалъ, за что сердится отецъ и чего боится его мать.

— Правда, мама, что онъ мой отецъ?—спросилъ онъ подъ вліяніемъ не то безотчетнаго страха, не то сознанія, что отецъ ему чужой.

— Правда, голубчикъ,— отвѣчала мать такимъ тономъ, что Саша посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Онъ недоумѣвалъ, но не рѣшился больше предлагать ей такихъ вопросовъ. Любящей дѣтской душой онъ почувствовалъ, что матери больно, и притихъ, испуганный.

— Однако, довольно жалкихъ словъ, — прервалъ отецъ тяжелое молчаніе.—Къ чему все это; вѣдь не передумаешь и не поѣдешь со мной?

— Нѣтъ, это невозможно. Пойми!

— Что, пороху не хватило! Облѣнилась въ глуши. Сладко здѣсь дремать. Ну, какъ знаешь, А лошадей наняла?

— Наняла, Ваня. Я вижу ты сер-

дишься. А за что? Чѣмъ я-то виновата?

— Ладно, ладно. Разстанемся по крайней мѣрѣ безъ жалкихъ словъ. А пока до вечера у меня каникулы. Пойдемъ, Саша, въ поле, въ лѣсъ, на волю. Чортъ возьми, давно я не отдыхалъ, какъ говорятъ поэты, на лонѣ природѣ и не плевалъ отъ нечего дѣлать въ небо. Пойдемъ.

III.

Они прошли село, унылое и грустное въ страдную пору, съ тѣсными темными избами, чинно стоявшими правильными рядами по сторонамъ дороги, точно могильные памятники на столичномъ кладбищѣ. Лишь кое-гдѣ мелькали группы полунагихъ грязныхъ ребятишекъ, и среди всеобщаго запустѣнія какъ-то странно звучали ихъ веселые крики. Все взрослое населеніе было еще въ полѣ, на работахъ. И вдругъ изъ переулка, взметая пыль веселыми ногами, выскочилъ на улицу, точно выросъ изъ-подъ земли, плюгавый мужиченко въ грязной, рваной и полинявшей рубахѣ-косовороткѣ, но съ выраженіемъ полнѣйшаго блаженства и любвеобилія на истомленномъ лицѣ, того восторга, какой появляется у благополучнаго россіянина лишь послѣ непосредственнаго ознакомленія съ незамысловатыми дарами казенной винной лавки.

— Баба, ты моя баба, милая баба!—бормоталъ въ порывѣ опьяненія и всеобъемлющей любви невѣдомый обладатель рваной рубахи,— „ну, и разъуважила ты меня—сразу вдругъ двойню родила, а на мнѣ-то рубаха всего одна. Ну, и выпилъ я малость, съ горя значитъ, и съ радости. Эхъ, милая моя баба, что жъ намъ теперича дѣлать?!—И широко разставивъ руки, точно стремясь обнять весь міръ, мужиченко окончательно потерялъ равновѣсіе и съ размаху шлепнулся, сохраняя впрочемъ свое восторженное настроеніе. —Ахъ, ты мать сыра земля, за что ты меня вдругъ ушибла, за что бьешь? Дерись, дерись, а не боюсь я тебя, мать сыра земля, потому ты тоже баба, милая моя баба!—пропродолжалъ онъ, припавъ лицомъ къ землѣ и покрывая ее страстными поцѣлуями. По лицу Грузова промелькнула какая-то неопредѣленная, болѣзненная улыбка. Онъ отвернулся и ускорилъ шаги. Деревня осталась позади; они вышли на проселочную дорогу, прихотливо извивавшуюся среди зеленѣющихъ луговъ и золотистыхъ нивъ; она постепенно поднималась въ гору. Они остановились передохнуть у невысокаго обрыва, надъ ручьемъ. Родной, знакомый видъ открывался передъ ними: широкое безмолвное поле, точно погруженное въ грустныя, тяжелыя думы; радостно сверкающіе въ дымкѣ знойнаго угасающаго дня изгибы рѣчки, голубовато-зеленая лента лѣса кругомъ. Жаръ уже свалилъ. Окрестность тихо пробуждалась отъ тяжелой полуденной дремоты. Едва замѣтное дуновеніе вечерняго вѣтерка, казалось, доносило издали могучій шопотъ лѣса и отрывки беззаботныхъ птичьихъ пѣсенъ. Стадо гусей съ рѣзкимъ протяжнымъ крикомъ поднялось надъ лугомъ и потянулось къ водѣ. Невдалекѣ послышался крикъ пастуха и щелканіе бича. Заунывная, надрывающая душу пѣсня раздалась по широкому раздолью. Незабвенные родные звуки!

— Ну, какъ здѣсь у васъ народъ живетъ?—спросилъ Сашу отецъ.

— Какой народъ?

— Да крестьяне здѣшніе?

— Ничего, хорошо!

— Неужели? И надо полагать на радостяхъ по праздникамъ въ кабакѣ пьянствуютъ?

— Не безъ того!—отвѣчалъ Саша недоумѣвая, къ чему клонятся эти странные вопросы.

— А по веснѣ, должно быть, хлѣбъ съ мякиной жуютъ?

— А то какъ-же, когда другого хлѣба нѣтъ?!

— И въ волостномъ правленіи исправно за подати дерутъ?

— Да вотъ еще недавно сѣкли одного. Жалко. А прошлымъ лѣтомъ конокрада до смерти прибили!

— Ну, такъ что же ты говоришь: хорошо живутъ?! Не понимаешь ты еще зла, Саша. Тебѣ все хорошо, потому что въ тебѣ самомъ все до глупости хорошо. И видишь ты человѣческое горе, а унять его не можешь. Еслибъ ты зналъ, какъ велико оно—это горе. Но поживешь, поймешь. Жизнь научитъ. Постарайся только скорѣй понять все до конца, пока еще душою чистъ и способенъ откликаться на чужое горе.

Привычной рукой онъ закидывалъ удочку на родного сына. Въ эту минуту онъ думалъ лишь о томъ, какъ бы половче затронуть его воображеніе, заронивъ въ душу ребенка чувство недовольства и сомнѣнія. И онъ страстно заговорилъ о людскомъ трудѣ, лишеніяхъ и страданіяхъ, стараясь какъ можно глубже увлечь душу ребенка въ невѣдомый кромѣшный міръ. Адъ современной фабрики съ неугомоннымъ шумомъ машинъ среди жгучаго и удушливаго воздуха, мрачныя жилища рабочихъ, гдѣ въ медленной агоніи среди разврата и нищеты хирѣютъ и безслѣдно гибнутъ сотни тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ людей. Смрадные и мрачные вертепы Лондона, Берлина, Петербурга, грозные рудники Сибири,—все это невѣдомое море зла и горя, казалось, оглушило ребенка своимъ глухимъ гуломъ и ревомъ, наполнило его смущенную душу безотчетнымъ и тяжелымъ, какъ кошмаръ, ужасомъ.

— Неужели все это правда? — спросилъ онъ наивно.

— Поживешь, все увидишь, все узнаешь. Отъ жизни и людей не уйдешь. Хотя здѣсь въ лѣсу и лучше, чѣмъ съ людьми!—отвѣчалъ отецъ. Въ эту минуту они шли по глухой лѣсной тропинкѣ. Все кругомъ дышало такимъ глубокимъ стихійнымъ счастіемъ, что казалось непонятнымъ, отчего люди такъ безпокойны, такъ несчастны.

Они присѣли на пень сломаннаго бурей дерева. Стояла та глубокая тишина, какая бываетъ только въ тихій лѣтній вечеръ въ лѣсу, въ храмѣ послѣ вечерни и въ душѣ человѣка, когда онъ отрѣшается отъ мелочныхъ гнетущихъ заботъ дня. Едва уловимый шумъ лѣса, казалось, лишь усугублялъ эту тишину. И вдругъ, словно заглушенный стонъ, раздался среди лѣсной чащи монотонный отдаленный звонъ церковнаго колокола и замеръ жалобной, протяжной нотой... И постепенно все смолкало съ послѣдними пѣснями засыпающихъ птицъ и крестьянъ, возвращающихся съ работъ.

— Саша, о чемъ задумался? — спросилъ отецъ.

Саша промолчалъ. Онъ и самъ не зналъ, о чемъ. Онъ чувствовалъ, что ему грустно, а почему—не могъ сказать.

— Однако пора назадъ! — проговорилъ отецъ.

Голосъ его какъ-то особенно глухо раздался въ лѣсной тиши, точно невѣдомая рука схватила его за горло. Чистый лѣсной воздухъ опьянялъ его, спокойствіе тревожило. Могучая счастливая жизнь лѣса пробудила безотчетную печаль въ мрачной одинокой душѣ фанатика; его коробило. Ему было здѣсь, въ глуши, не по себѣ. Онъ безотчетно чувствовалъ всю жгучую горечь своей оторванной исключительной жизни. Тамъ, въ мутномъ водоворотѣ, среди мрачнаго подпольнаго міра, подъ гнетомъ напряженнаго труда и чудовищной опасности, онъ этого не сознавалъ: некогда было задумываться. Онъ давно порѣшилъ съ воспоминаніями. Къ чему сожалѣть о несбыточномъ? Надо смотрѣть лишь впередъ, куда путь держишь, не оглядываясь по сторонамъ и назадъ, а то зазѣваешься, не выдержишь характера и влопаешься какъ

разъ. И вдругъ пробуждаются какія-то погибшія воспоминанія, въ душѣ что-то подымается, схороненное давнымъ давно еще на зарѣ туманной юности. Опять жалобно назойливо звенитъ какая-то невѣдомая струна. Онъ злился и въ волненіи зашагалъ такъ скоро, что Саша едва поспѣвалъ за нимъ.

— Саша, задумывался ты когда-нибудь о смерти?—заговорилъ опять отецъ.

Ребенку этотъ неожиданный вопросъ показался крайне страннымъ. Смерть была для него пока еще пустымъ звукомъ. Онъ взглянулъ съ недоумѣніемъ на отца и промолчалъ.

— Ты еще счастливъ: не понимаешь моего вопроса,—продолжалъ отецъ.—Но поживешь и поневолѣ поймешь его и задумаешь, когда жизнь схватитъ тебя за глотку. Ты видѣлъ, какъ пойманная рыба бьется безъ воды на пескѣ. Ну, такъ вотъ и люди бьются, задыхаются, тоскуютъ безъ свободы, Но только иные не понимаютъ этого и сами глупо лѣзутъ, какъ рыбы въ неводъ, и погибаютъ. Я хочу, чтобы ты прожилъ болѣе сознательно, чѣмъ другіе. Какъ ты думаешь: люди по своей волѣ несчастные или поневолѣ?

— Кому же охота быть несчастнымъ?!—задумчиво отвѣчалъ Саша.

— А если люди несчастны только поневолѣ, то, значитъ, воля и есть счастіе. Понялъ: она, одна она, выше, выше всякой радости и страданія на свѣтѣ. Даже самому удавиться легче, чѣмъ быть задавленнымъ. Оттого иные люди сами на себя и накладываютъ руки, если у нихъ не хватаетъ силъ жить по своей волѣ. Понялъ теперь, какъ люди несчастны. А подумай, отчего?

— Почемъ я знаю,—сознался Саша. Вопросъ былъ ему не по силамъ.

— Люди страдаютъ только отъ трусости. Запомни это хорошенько. Когда человѣкъ силенъ и ничего не боится, то онъ живетъ по волѣ. А воля и есть—счастье. Прежде люди были еще несчастнѣе: ничего не знали и всего боялись· поклонялись камнямъ, растеніямъ и животнымъ, а настанетъ скоро время, когда человѣка ничѣмъ уже не запугаешь. Будь смѣлъ, Саша, и старое горе тебя не коснется, и узнаешь настоящую жизнь.

— А у насъ въ селѣ развѣ не настоящая жизнь?—удивился Саша.

— Да развѣ это жизнь? это—прозябаніе. Всѣ точно въ хлѣву живутъ и жмутся другъ къ другу, какъ испуганное стадо. А настоящій человѣкъ ничего не боится, даже смерти.

— А какъ же Гришка сказалъ, что Бога надо бояться?

— Мало ли что сказалъ какой-то Гришка!

— Нѣтъ, Гришка,—онъ все знаетъ, у него отецъ попъ.

— Что-жъ такое! Свой умъ лучше всякаго попа. Понимаешь. Одинъ старый благочестивый еврей, чувствуя, что смерть его пришла, призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и внуковъ и говоритъ имъ: „дѣтки, прощайте и помните, что всѣ мы когда нибудь помремъ, и что на страшномъ судѣ всѣмъ намъ придется переходить черезъ огненную бездну по двумъ мостамъ: желѣзному и стеклянному. И вотъ пророки наши, еврейскіе, значитъ, говорятъ, что только тѣ спасутся, которые пойдутъ по стеклянному мосту, а мостъ желѣзный не выдержитъ и провалится въ бездну. И всѣ мы вѣримъ, что пророки правду говорятъ, а все-таки я хотѣлъ васъ передъ смертью предостеречь, чтобы вы не вздумали, Боже упаси, перебираться черезъ бездну по стеклянному мосту. Идите лучше по желѣзному... вѣрнѣе дѣло будетъ“. Вотъ и я тебѣ скажу, Саша: не вѣрь пророкамъ, а вѣрь только самому себѣ и полагайся только на свой разумъ и здравый смыслъ. Вѣра, какъ стекло, блеститъ на солнцѣ, подумаешь,—алмазъ, а ударь по ней желѣзнымъ молотомъ, и раз-

летится въ дребезги, какъ разлетѣлись всѣ старыя вѣрованія при столкновеніи съ разумомъ. Понялъ, Саша?

— Нѣтъ! Ты все смѣешься, все говоришь нарочно, чтобы я не понялъ. Отчего ты злой такой?—вырвалось у Саши. Въ этой дѣтской укоризнѣ сказались его впечатлѣнія отъ встрѣчи и разговора съ отцомъ.

— Да, ты угадалъ,—я золъ, но только потому, что кругомъ царитъ злоба, съ которой еще пока безсильна моя злоба... Я жалѣю, что ея еще слишкомъ мало во мнѣ. Ты не понимаешь меня, потому что ты, какъ птица, можешь только радоваться, но не злиться. Погоди однако, прійдетъ и твой чередъ и тогда вспомнишь мои слова. Можетъ быть я не даромъ ихъ бросилъ!—продолжалъ какъ-то особенно мягко и грустно Грузовъ. А на прощаніе вотъ тебѣ мой завѣтъ: берегись добрыхъ людей еще пуще, чѣмъ злыхъ. Доброта въ наше время, когда всѣ точно въ хлѣву заперты,—дурной признакъ. Особенно передъ злыми людьми помалкивай о томъ, что я тебѣ сегодня говорилъ, а то они приласкаютъ тебя, добрые-то люди, поразспросятъ, чтобы легче сгубить тебя и мать. Забудь меня, если можешь, забудь, что у тебя есть отецъ, но помни слова мои, пригодятся они тебѣ со временемъ и на дорогу выведутъ. — Они шли нѣкоторое время молча. Саша умолкъ, потому что на него напалъ вдругъ какой-то безотчетный страхъ, и онъ инстинктивно почувствовалъ недовѣріе къ отцу. а Грузовъ испытывалъ неопредѣленное чувство неловкости. Онъ не упрекалъ себя за непослѣдовательность, съ какой онъ во имя свободы пытался навязать ребенку свои убѣжденія и связать его еще неокрѣпшую волю. Вѣдь такъ сладко чувствовать въ рукахъ трепетанія и порывы пробуждающейся человѣческой души! Но на этотъ разъ Грузовъ примолкъ, сообразивъ, что даромъ теряетъ слова, убѣждая ребенка, и что Саша, его сынъ, такъ ему чуждъ и далекъ, что никогда не пойметъ его.

IV.

Уже стемнѣлось, когда они подошли къ дому. Въ окнахъ не виднѣлось огня. Въ сѣняхъ ихъ никто не встрѣтилъ.

— Должно быть, мама уже спитъ! —замѣтилъ Саша.

Но она не спала, а сидѣла въ глубокомъ раздумьѣ на скамьѣ у окна. Руки ея безсильно опустились; вся она какъ-то странно съежилась. Она не сразу услышала, какъ они вошли.

— Знаешь, Ваня, заговорила она —быстро поднимаясь имъ на встрѣчу,—я здѣсь одна, все думала... Мнѣ вотъ все не вѣрится, что мы такъ скоро разстаемся. Да еще, быть можетъ, навсегда.

— Что-жъ, не надумала ли ѣхать со мной?

— Да развѣ это возможно? Что ты!.. Что ты!..

— Ну, такъ какъ же не разстанемся?! Я то во всякомъ случаѣ уѣзжаю. Глупо торчать здѣсь, особенно когда дѣло не выгорѣло. Ну, Саша, прощай; я сейчасъ уѣду, такъ что пожалуй съ тобой не увидимся больше.

— А я думалъ, ты навсегда останешься съ нами!—проговорилъ Саша, глядя на него съ укоризненнымъ недоумѣніемъ.

— Нельзя, братъ; грѣхи въ рай не пускаютъ. Когда нибудь поймешь, почему я не остался.

— Правда, мама, что ему нельзя остаться?—обратился ребенокъ къ матери.

— Нельзя, нельзя, голубчикъ!—отвѣчала она, отворачиваясь отъ него, чтобы скрыть слезы.

— Не плачь, мама, намъ безъ него вдвоемъ еще лучше будетъ!—утѣшалъ, какъ умѣлъ, Саша.

— Молодецъ, Саша, не распускаешь нюни!—похвалилъ его отецъ.

— Но все-таки за день ты умаялся, а потому ступай спать. Прощай. Уложи его!—прошепталъ онъ, обращаясь къ матери,—чтобы онъ не помѣшалъ намъ въ послѣднія минуты.

Она поблѣднѣла, почувствовавъ всю безповоротность его рѣшенія, и молча увела Сашу въ спальню.

V.

А Грузовъ усѣлся за столъ, но не прикоснулся къ приготовленному ужину. Изъ-за стѣны доносился до него тихій разговоръ матери съ Сашей... Лаская, она пыталась его успокоить и уложить спать.

Грузовъ вспомнилъ, что ея чарующій, задушевный голосъ когда-то давно-давно звучалъ и для него такъ-же нѣжно и ласково въ ночной тиши... Блѣдный призракъ погибшаго счастія промелькнулъ передъ нимъ... Онъ горько задумался. Гдѣ-то вдали заскрипѣли ворота; задрожала телѣга и остановилась у крыльца. Пріѣхавшій постучалъ въ окно.

— Кто тамъ?—тревожно воскликнулъ Грузовъ.

Вошла Ольга.

— Однако, истрепались-таки у меня нервы,—проговорилъ съ досадой Грузовъ,—то и дѣло приходится ихъ унимать, точно въ самомъ дѣлѣ я нѣжнаго, барскаго отродья. Представь, Оля, кажется и не спалъ, а мнѣ почудилось, что ломятся въ дверь, съ обыскомъ пришли.

— Да, Ваня, ты теперь уже иной сталъ послѣ Сибири. Я тебя знала спокойнѣе, лучше, счастливѣе...

— Счастливѣе, говоришь ты? Можетъ быть. Признаться сказать, я не раздумывалъ объ этомъ, — не стоитъ!—Онъ говорилъ разсѣянно, отыскивая свою шапку.

— Да, — отвѣчала она странно взволнованная,—ты былъ тогда счастливѣе.

Мнѣ кажется, ты больше тогда вѣрилъ въ правду, чѣмъ въ силу; ты тогда любилъ живыхъ людей больше, чѣмъ отвлеченную идею. Знаешь, мнѣ больно теперь за тебя за наше прошлое. И я хотѣла тебя спросить, да все не рѣшалась... Скажи, вѣдь и теперь для тебя дѣло твое,—только трудъ,— а не...

— Ну, довольно разговоровъ, прервалъ онъ ее съ раздраженіемъ.— Это за мной, кажется, лошади?

— Постой! не зачѣмъ торопиться, настаивала она.—Полчаса раньше—позже, не все-ли равно? Вѣдь навсегда разстаемся. Этимъ нельзя шутить. Подумай... Еще можно все поправить... Я пойду за тобой хоть на край свѣта, но только съ Сашей.. Всей семьей, вмѣстѣ.

— Знаю, слышалъ! — проронилъ онъ сквозь зубы.

— Нѣтъ, ты еще разъ подумай, нельзя же такъ жестоко... Мы могли бы уѣхать за границу, въ Англію, въ Америку, если для тебя на родинѣ мѣста нѣтъ. Нашли бы гдѣ-нибудь уголъ, чтобы зажить по новому...

— Нѣтъ, это невозможно. Я бы не выдержалъ, задохся бы въ тѣсномъ семейномъ кругу. Мнѣ размахъ нуженъ, опасность, я не могу жить безъ общественнаго дѣла, я люблю борьбу для борьбы... Эхъ, хоть-бы разъ подняться высоко—высоко, и хоть передъ смертью насладиться вдоволь счастіемъ побѣды надъ врагомъ и сознаніемъ своей силы.

— Да какая тутъ побѣда, ты самъ хорошо знаешь, на что идешь. Конецъ одинъ...

— Ну, чтожъ дѣлать, двухъ смертей не бывать, одной не миновать. Но во всякомъ случаѣ я постараюсь отдать свою жизнь не дешево, чтобъ меня долго помнили и друзья и недруги...

— Ахъ, когда же наступитъ конецъ всѣмъ этимъ ужасамъ! Это проклятіе какое-то, эта вѣчная борьба расъ, народовъ, сословій, борьба безъ просвѣта; сколько безполезныхъ жертвъ и горя и крови... И ничего этого для счастія человѣче-

скаго не нужно. Ахъ, уйти бы подальше отъ этой преступной политики съ ея разбоемъ и войнами... и зажить настоящей жизнью тихой, незамѣтной, трудовой...

— Мечты, бредни: въ могилѣ только тихо,—возразилъ онъ, — а на землѣ ни одно большое дѣло до сихъ поръ не обходилось безъ кровавыхъ жертвъ...

— Неправда! Все счастье въ томъ, чтобы любить жизнь не только для себя, но и для другихъ, и не закрывать глазъ и сердца передъ правдой и красотой...

— Ну, и цѣлуйся съ своей красотой, а меня избавь отъ это скуки! Прощай! онъ повернулся къ двери.

— Постой! Еще вопросъ: вспомни и скажи,—любилъ ты кого нибудь?

— То есть ты хочешь знать— любилъ ли тебя, ибо кого же мнѣ больше любить?

— Да, меня!

— Вотъ нашла время заговорить о любви, отвѣчалъ онъ.—Я вижу, ты женщина, всегда женщина, а не дѣятель. Ты все пробавляешься больше разными благородными чувствами. Еще не надоѣло? Ты спрашиваешь любилъ ли я тебя? Да, нѣтъ; нѣтъ, да; понимай, какъ хочешь. Любовь — пустое, пошлое слово: можно любить цвѣты и человѣчество,— женщину и истину. Ну, вотъ мой отвѣтъ: я любилъ тебя несравненно меньше, чѣмъ свободу и правду, и несравненно больше, чѣмъ всякую другую женщину. Я разстался съ тобой поневолѣ, пострадалъ изъ-за убѣжденій.

— Ты все шутишь. Оставь. Не мучь. Отвѣчай!—настаивала она.

— Чудная ты: не спрашивала когда встрѣтились, а спрашиваешь, когда разстаемся. Зачѣмъ же теперь?

— О, тогда съ тобой я не знала сомнѣній, не задумывалась о будущемъ. И теперь я не жалѣю о прошломъ. Развѣ мнѣ безъ любви къ тебѣ было-бы легче? Жизнь ужъ такъ сложилась. Я не виню никого. Но мнѣ невыразимо тяжело сомнѣніе въ тебѣ.

— Нѣтъ, ты просто больна!—прервалъ онъ нетерпѣливо.— Какія-то громкія слова, непонятные вопросы, болѣзненныя сомнѣнія! Успокойся, пойми же, наконецъ, что мы теперь, какъ и тогда, разстаемся только потому, что мы должны разстаться, а не по своей волѣ. Глупо, значитъ, и толковать о какой-то любви. Любовь, какъ ты ее понимаешь, это просто психопатія. Любовь слѣпа. А для тебя въ ней, кажется, вопросъ всей жизни, оттого мы и разстаемся, хотя это глупо и непріятно. Если бы тебѣ болѣзненная твоя чувствительность не мѣшала стать рядомъ со мной и вмѣстѣ работать, еслибъ ты могла, не рожать, ну, наконецъ отдать ребенка куда нибудь на воспитаніе, или разстаться съ нимъ какъ нибудь теперь, то, быть можетъ, мы бы и не разстались. Но при нѣжности твоихъ чувствъ это необходимо, а то, чего добраго, пришлось бы жить съ грудными ребятами по подложному виду. Ничего не подѣлаешь— обстоятельства. Мы не въ Аркадіи живемъ. Да и правду сказать: Аркадія мнѣ не по нутру. Тошно въ ней. Можетъ быть я разстался бы съ тобой, потому что надоѣло, еслибъ насъ не разлучили обстоятельства; понимаешь: такова ужъ моя натура. Ты знаешь, я живу сильными ощущеніями и надеждами; воспоминаній не храню. Но ты мнѣ все-таки дорога, ты останешься для меня навсегда чуть ли не единственнымъ хорошимъ воспоминаніемъ. Потомъ я встрѣчалъ лишь женщинъ-самокъ. Та глубокая задушевная радость, которую я испытывалъ съ тобой, съ тобой одной, больше не повторялась. Ну, довольна? Выяснила теперь свои сомнѣнія?

Она тихо рыдала, закрывъ лицо руками.

— Э, да мы съ тобой словно драму разыгрываемъ, какъ настоящіе артисты. Довольно, прощай!

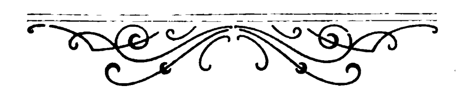
Онъ поцѣловалъ ея безнадежно опущенную голову и поспѣшно вышелъ.

Вскорѣ на улицѣ раздался стукъ отъѣзжающей телѣги.

— Прощай, прощай навсегда! -воскликнула она въ глубокомъ отчаяніи, бросаясь къ раскрытому окну.

Дребезжаніе телѣги замерло въ отдаленіи, и столбъ дорожной пыли подобно призраку безслѣдно исчезъ въ полусвѣтѣ тихаго лѣтняго вечера, а за спиной, какъ бы въ отвѣтъ ея отчаянный призывъ, раздался подавленный жалобный крикъ, отъ котораго она вся похолодѣла. Она сразу догадалась, кто зоветъ на помощь, и собрала всѣ свои силы, чтобы удержаться на ногахъ. Опомнясь, она бросилась къ сыну. Онъ стоялъ на порогѣ комнаты въ одной рубашкѣ съ искаженнымъ судорогой лицомъ, съ широко раскрытыми глазами, съ рукой, протянутой по направленію къ двери, какъ будто въ трепетномъ ожиданіи невѣдомаго гостя... Встрѣча съ отцомъ, видно, не прошла даромъ для несчастнаго ребенка. Это были начало ужаснѣйшаго припадка, и прежде, чѣмъ мать успѣла поддержать Сашу,—онъ грохнулся на полъ, и на его искривленныхъ судорожно губахъ появилась пѣна...

С. Годлевскій *).

Долой оружіе!

Долой оружіе! Не нужно намъ войны,
Не нужно жертвъ людскихъ, кровопролитій страшныхъ,
Не нужно славы намъ, побѣдной для страны,
И горькихъ, жгучихъ слезъ, кровавыхъ слезъ несчастныхъ.
Мы, увлекаяся страстей своихъ игрой,
Зла сдѣланнаго искупить уже не вольны
Побѣднымъ торжествомъ иль славой боевой
Предъ гибелью тѣхъ жертвъ, которыя безсчетны.
Долой оружіе! Со знаменемъ въ рукахъ
Тогда привѣтствуемъ мы міръ, весь примиренный,
Съ могучей пѣснію восторга на устахъ,
Какъ смѣлый благовѣстъ, призыва къ счастью полный.

А. Руновская.

---

*) Разсказъ „Счастье изъ другого міра“ былъ запрещенъ цензурой. *Ред.*

I.

Тихій, морозный вечеръ окутывалъ село. Небо, сплошь усѣянное ярко мигающими звѣздами, казалось особенно глубокимъ; нѣжный, серебристый блескъ луны тихо лился съ вышины на деревья, на хаты, покрытыя снѣгомъ, сглаживалъ всѣ неровности и выступы и придавалъ всей обстановкѣ задумчиво-мягкій оттѣнокъ. Пахло дымомъ и чѣмъ-то жаренымъ. Изъ оконъ хатъ лились на улицу лучи яркаго свѣта и слышались смѣхъ и пѣсни; былъ праздникъ. Въ одной изъ хатъ было особенно шумно и весело; явственно слышались гулкіе, отрывистые звуки бубна, а когда открывалась дверь, то оттуда вмѣстѣ съ звуками бубна вырывались тонкіе, надтреснутые звуки деревенской скрипки; въ ярко освѣщенныхъ окнахъ хаты мелькали силуэты людей и длинной тѣнью ложились поперекъ свѣтлыхъ пятенъ, падающихъ изъ освѣщенныхъ оконъ на улицу. Въ этой хатѣ паробки и дивчата справляли вечеринку. Хата была просторная, и молодежь съ усердіемъ, до поту отплясывала польку да казачекъ. Въ передней части хаты, за двумя сдвинутыми столами сидѣло нѣсколько душъ гостей, пришедшихъ навѣстить хозяевъ хаты, а также посмотрѣть, какъ забавляется молодежь. Хозяинъ хаты, по имени Яковъ, крестьянинъ лѣтъ тридцати пяти, средняго роста, съ добродушнымъ видомъ немного попорченнаго оспой лица, былъ уже на веселѣ и усердно угощалъ своихъ гостей. По оживленнымъ и раскраснѣвшимся лицамъ гостей видно было, что они не церемонились и не заставляли долго себя упрашивать: бутылка быстро совершала путешествіе вокругъ стола и возвращаясь съ противоположнаго конца, неизмѣнно оказывалась порожней; проворная хозяйка, чернявая и красивая собой молодица, едва поспѣвала управляться возлѣ гостей. Оживленные голоса гостей и гуляющей молодежи, пискъ скрипки и сухое постукиваніе бубна наполняли хату веселымъ гамомъ. За столомъ велся оживленный разговоръ о событіяхъ войны и больше все объ ожидаемомъ требованіи „запасныхъ" солдатъ; хозяинъ и нѣкоторые изъ гостей были „запасные". Разговоръ

велъ родственникъ Якова, служащій въ сосѣднемъ городѣ въ ресторанѣ, и внимали ему, лицу освѣдомленному въ этихъ вопросахъ: такъ какъ онъ и газетки читаетъ, да и господскіе разговоры часто слышитъ.

— Слухайте же, Семенъ Петровичъ! — обратился къ нему одинъ изъ гостей, — не знаю, правда-ли, нѣтъ, а я въ городѣ такое слыхалъ, что будто японецъ согласенъ на миръ. Тольки требуетъ, чтобы нашъ сплатилъ ему расходы, отдалъ Манчурію и всѣ наши корабли, и нашъ будто тоже на это согласенъ.

— Чепуха, безъ всякаго резону чепуха, — отвѣтилъ Семенъ Петровичъ, закуривая заготовку, — про миръ теперь и вспомину нѣту, война только лишь въ силу вошла и скоро будетъ, пишутъ въ газетахъ, рѣшительный бой; теперь значитъ обѣ уже арміи, и наша, и ихняя, сошлись на близкое разстояніе и только ждутъ значитъ момента.

— Да, да, — подхватилъ сельскій староста, — я вотъ вчера былъ въ волости на приказѣ, такъ писарь волостной сказывалъ, что еще пятьсотъ тысячъ солдатъ погонятъ на войну, а потому безпремѣнно будутъ требовать всѣхъ „запасныхъ“ и уже заготовлены такіе списки, чтобы какъ изъ Петербурга ударятъ телеграмъ, такъ чтобы разомъ въ одну ночь по всему царству мобилизація эта самая дѣлалась.

— Это фактъ!—подтвердилъ псаломщикъ, засѣдавшій на почетномъ мѣстѣ, подъ образами, —мнѣ вчера батюшка далъ газетку, такъ тамъ тоже вотъ про такое пишется.

— А говорятъ, здорово бьетъ японецъ,—вопросительно произнесъ кто-то изъ гостей.

— А то думаете, черезъ что теперь будутъ „запасныхъ“ требовать,—заговорилъ снова староста,— черезъ то самое, что выбито много нашихъ, не хватаетъ уже солдатъ, вотъ и требуютъ „запасъ“.

— Ну, а я теперь такъ считаю,— заговорилъ степенный пожилой крестьянинъ,—что разъ человѣка возьмутъ отъ семейства, да отъ хозяйства, то никакого уже толку нѣтъ; плохой въ немъ онъ солдатъ: потому не объ томъ голова его думаетъ, объ чемъ настоящему солдату думать надо; вся его думка дома. Да и вѣрно жъ! хочай онъ самъ и сытъ, и одѣтъ, а дома семейство хто нагодуетъ? Хорошо еще, если земли есть хоть немного, а если ея совсѣмъ нѣту? Тогда уже пропащее дѣло. И откуда она выцарапалась, эта самая Манчурія, монахъ ее знаетъ! Пятьдесятъ съ лишнимъ годовъ на свѣтѣ, слава Тебѣ Господи прожилъ, а до самаго этого времени не слыхалъ про Манчурію, что она такое есть; теперь на̀ тебѣ, приходится биться за нее; а пропадомъ ты пропади, этая самая Манчурія и съ Китаемъ вмѣстѣ, и съ Японіей! Ну, опять же таки сказать, воевали мы съ туркомъ; такъ того и совѣсть бить велитъ: потому онъ христіановъ мучитъ и зничтожаетъ, а въ теперешней войнѣ ничего нельзя разобрать, за что бьются и какая польза съ этого выйдетъ...

— Ну ужъ какая изъ этого польза выйдетъ, такъ это дѣло не наше,—перебилъ Яковъ,—наше дѣло телячье: куда погонятъ, тамъ и будемъ пастись.

Всѣ дружно засмѣялись; а на другомъ концѣ стола, гдѣ расположились молодицы, велся своеобразный, женскій разговоръ на ту же тему.

— Черезъ то война началась,— разъясняла одна изъ молодицъ,— что японская царевна залюбилась въ нашего Царскаго брата. Вотъ японскій царь и сталъ Нашего просить, чтобы Нашъ, значитъ, женилъ своего брата на японской царевнѣ; а Нашъ не захотѣлъ: потому что она совсѣмъ поганая: косоокая, желтая на лицѣ, да и на ноги кривая. А какъ Нашъ не захотѣлъ, то японскій царь и пошелъ на Нашего войною.

— А слыхали вы, какое диво видѣла баба Мокрина, на небѣ?—глаза всѣхъ молодицъ съ любопытствомъ устремились къ говорившей. —Было это въ пятницу на прошлой недѣлѣ. Баба Мокрина, какъ вы знаете, по пятницамъ постится, цѣлый день ничего не ѣстъ; вотъ когда домашніе сѣли вечерять, она и вышла значитъ на дворъ, чтобы помолиться на сонъ Богу. А на небѣ не было еще видно ни одной зорьки, только мѣсяцъ уже взошелъ. Смотритъ она и видитъ, что вдругъ двѣ зорьки изъ-подъ мѣсяца покатились; одна съ восходъ—солнца, а другая съ заходъ—солнца. И покатились одна противъ другой и около самаго мѣсяца стрѣнулись, перескочили одна черезъ другую и одна нырнула по-подъ мѣсяцъ, а другая прошла поверхъ мѣсяца и такъ до трехъ разъ, а потомъ заволокло мѣсяцъ хмарой и не видно больше было ничего. Баба Мокрина испугалась и никому заразъ не сказала, ажъ на третій день пошла къ пани —посессоршѣ и разсказала ей, и пани посмотрѣла въ книгу и сказала, что это знаменіе на долгую войну...

Было уже за полночь, когда гости начали расходиться; скоро огонь въ хатѣ потухъ. Луна взошла уже на середицу неба, и тихое, ровное сіяніе ея нѣжно разливалось надъ уснувшимъ селомъ. И было что-то мирное и успокаивающее въ ея тихомъ, ровномъ свѣтѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ неуловимое чувство грусти подкрадывалось къ сердцу и сжимало его; казалось, что-то безконечно милое и дорогое проносилось мимо и больше уже не возвратится.

II.

Утро было сырое и тусклое. Густыя тучи заволакивали небо; туманъ тяжелой пеленой нависалъ надъ селомъ, разрывался вѣтромъ на безобразныя клочья и снова сливался; мокрый мягкій снѣгъ беззвучно падалъ на землю и тотчасъ-же таялъ и превращалъ ее въ густую липкую грязь. Такая погода была на пятый день послѣ вечеринки у Якова. Какъ и тогда, въ хатѣ Якова было много гостей, но не для веселья собрались они, а для прощанія съ Яковомъ: утромъ третьяго дня изъ волости прискакалъ верховой и привезъ старостѣ пакетъ съ объявленіемъ о мобилизаціи „запасныхъ" солдатъ. Яковъ былъ одинъ изъ первыхъ, которому староста сообщилъ эту печальную новость. Хотя Яковъ и привыкъ къ мысли, что не сегодня-завтра его могутъ потребовать, но втайнѣ онъ надѣялся, что авось война скоро окончится, либо замирятся, и его не потревожатъ; теперь же, когда передъ нимъ выросла суровая дѣйствительность, давя своей безпощадностью, онъ сильно упалъ духомъ; ему казалось, что еслибы это случилось черезъ недѣлю, черезъ двѣ, тогда какъ будто было бы иначе...

Пришедшіе къ Якову были его близкіе и дальніе родственники. Каждый изъ нихъ принесъ съ собой могарычъ, самое радикальное утѣшительное средство въ крестьянскомъ быту. Не смотря на то, что всѣ изрядно подвыпили, въ хатѣ царило сосредоточенное, грустное настроеніе; разговоръ не вязался, никто не утѣшалъ плачущую жену Якова и его самого. но по лицу каждаго присутствовавшаго видно было, что онъ вполнѣ искренно раздѣлялъ горе Якова и его семьи. Пришелъ десятскій и сказалъ Якову, чтобы тотъ шелъ, такъ какъ всѣ „запасные" уже собрались и ждутъ одного его...

Четыре подводы съ „запасными" выѣхали со двора сельскаго старосты и медленно потянулись черезъ село; сзади шли родные и чужіе; конецъ села; подводы на нѣсколько минутъ остановились, запасные еще разъ прощаются съ провожающими, крестятся по направленію скрытой въ туманѣ цер-

кви и подводы медленно тащутся дальше. Нѣсколько минутъ еще сзади слышались плачъ и причитанія провожавшихъ и виднѣлись темные, мокрые силуэты ихъ, потомъ все скрылось въ туманѣ и слышалось только тяжелое дыханіе надорваныхъ лошаденокъ, да однообразно-утомительное шуршаніе прилипающей къ колесамъ грязи...

Безнадежно-мрачныя, какъ этотъ густо нависшій туманъ, мысли назойливо жались въ головѣ Якова. Все, что пережилъ онъ—хорошее и дурное, воспоминанія свѣтлыя, тяжелыя, все это перемѣшивалось въ какой-то смутный хаосъ и болѣзненно давило на мозгъ. Смутные образы чего-то далекаго и вмѣстѣ съ тѣмъ неизъяснимо дорогого плыли предъ нимъ, окутанные туманной дымкой невозвратнаго прошлаго, мелькали, смѣшивались и исчезали и вдругъ неожиданно снова вырисовывались... Ему казалось, что-то большое, сѣрое, какъ туча, надвигалось на него, со всѣхъ сторонъ, снизу, сверху и не давало дышать; невыразимая грусть охватила все существо его и онъ заплакалъ громко всхлипывая... Ему было жаль самого себя, и ни жена, ни дѣти не занимали въ это время его мыслей; ему было страшно жалко самого себя, и онъ рыдалъ и рыдалъ; ему становилось легко, даже какъ-то особенно легко и пріятно...

Вдругъ онъ вспомнилъ, что онъ не одинъ и ему стало неловко; онъ искоса взглянулъ на товарищей, сидѣвшихъ съ нимъ на возу, и встрѣтилъ такой-же неловкій, стыдящійся взглядъ; они тоже плакали, и тоже какъ-то разомъ всѣ оглянулись и имъ было неловко другъ друга...

III.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Якова трудно было узнать: такъ онъ похудѣлъ и осунулся; у него начала побаливать грудь; но не такъ болѣзнь, какъ то тоскливое настроеніе, какое царило среди „запасныхъ“ солдатъ, повліяло на него. Больше всего ихъ угнетало и возмущало то, что ихъ оторвали отъ семей, хозяйствъ и вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ забавляютъ гимнастикой да маршировкой, а не отправляютъ на войну. „Ежели на войну, разсуждали они, такъ не мучили бы, а поскорѣе везли, тогда уже знаешь, что одинъ конецъ: либо живъ, либо нѣтъ; а тутъ сидишь безъ дѣла да и думаешь въ два конца: и про войну и про домъ; тамъ плохо да и тамъ худо и беретъ нутьга за сердце и злость...

Въ одно время разнесся было слухъ, что не сегодня завтра баталіонъ выступаетъ въ походъ; но проходила недѣля, другая, баталіонъ оставался на мѣстѣ, а изъ дому приходили нехорошія извѣстія: у того жена заболѣла и некому за дѣтьми и хозяйствомъ смотрѣть, у того ребенокъ померъ, а у иного всѣ живы здоровы, да хозяйство на ладъ не идетъ. Приближалась весна, а съ нею — начало сельско-хозяйственныхъ работъ, и каждый думалъ: „какъ-то тамъ дома управятся“ и злость, неопредѣленная злость и ненависть рождалась и чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливалась. Нѣкоторые изъ „запасныхъ“ пробовали выхлопотать кратковременный отпускъ, чтобы хотя на два, три дня съѣздить домой и привести въ порядокъ дѣла; начальство не разрѣшило и начались самовольныя отлучки, а за ними строгія дисциплинарныя взысканія, которыя усиливали все болѣе и болѣе накоплявшуюся злость. Между „запасными“ и баталіоннымъ начальствомъ, не знавшими другъ друга, не сжившимися, не было никакой нравственной связи и люди это чувствовали. Они успѣли отвыкнуть отъ военной дисциплинарной рамки, строго ограничивающей и даже совсѣмъ исключающей достоинство человѣческой личности, а начальство на это налегало больше всего, и между начальствомъ и подчиненными ему

людьми пустое пространство, отдѣлявшее ихъ другъ отъ друга, расширялось все больше; вражда и недовѣріе людей къ начальству накоплялись; и достаточно было легкаго толчка, чтобы все это вспыхнуло и загорѣлось, и скоро такой толчокъ былъ данъ.

Въ одной изъ ротъ баталіона, какъ разъ въ той, въ которую былъ зачисленъ Яковъ, „запасные" были особенно враждебно настроены противъ своего ротнаго командира. „Не человѣкъ, а змѣй: людей поѣдомъ ѣстъ", опредѣляли они характеръ своего начальника. Въ этой ротѣ и вспыхнула искра протеста и бурнымъ пламенемъ разнеслась по всему баталіону.

Одинъ день ротное ученье шло какъ-то особенно вяло и шероховато. Ротный командиръ злился, выходилъ изъ себя и осыпалъ людей отборной руганью, которая вообще вошла въ программу обученія русскаго солдата. Люди были какъ-то сосредоточенно угрюмы, глядѣли исподлобья; всѣмъ было не по себѣ, какъ будто что-то тяжелое и удушливое носилось около и охватывало и давило.

— И когда я отъ васъ чертей проклятыхъ избавлюсь! — кричалъ ротный командиръ. По рядамъ роты пронесся сдержанный гулъ голосовъ.

— Чего онъ чертями называетъ; тоже вѣдь люди христіане; развѣ по закону можно такъ! — и ряды людей зашевелились и загудѣли.

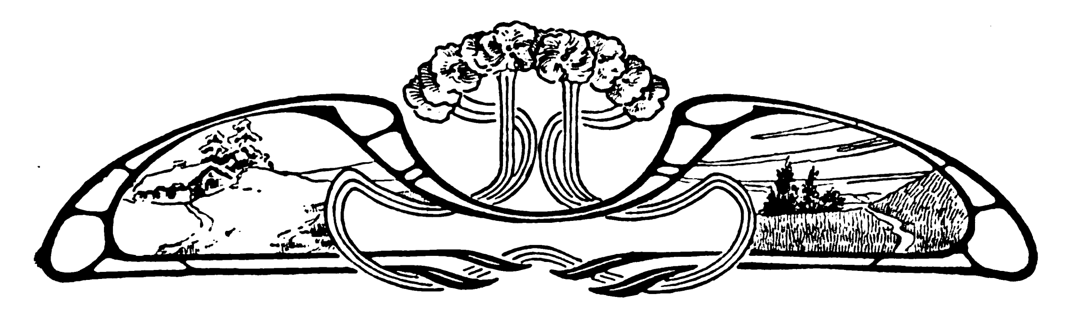
— Смирно! Сволочи! Арестанты! — съ пѣной у рта завопилъ ротный, и тутъ произошло нѣчто страшное по своимъ послѣдствіямъ.

— Ты самъ арестантъ, а мы не арестанты, а солдаты! — какъ въ одинъ голосъ закричала рота и, оставивши занятія и испуганнаго ротнаго, который, впрочемъ, поспѣшилъ удалиться, „запасные" зашумѣли и заволновались, какъ въ ульѣ потревоженныя пчелы.

Черезъ два часа весь баталіонъ шумѣлъ и волновался; люди были почти всѣ пьяны; начался разгромъ рундуковъ и лавокъ, находившихся на базарѣ, расположенномъ вблизи казармъ. Къ вечеру пьяная толпа, состоявшая изъ „запасныхъ" и приставшихъ къ нимъ рабочихъ и другого посторонняго люда, разгромляя по пути лавки, шумною волной разлилась по улицамъ города, направляясь къ главной улицѣ, гдѣ были расположены самые богатые магазины. Впереди этой толпы, съ возбужденно горящими глазами, размахивая кускомъ какой-то доски и крича охрипшимъ голосомъ: „Бей ихъ арестантовъ, сволочей!" шелъ Яковъ. Онъ былъ пьянъ. Большое количество выпитой водки сильно подѣйствовало на его ослабѣвшій организмъ. Онъ шелъ и кричалъ, не зная и не соображая, куда онъ идетъ и что онъ кричитъ. Онъ часто оглядывался на ревущую толпу, и ему было пріятно, что онъ идетъ впереди всѣхъ, и онъ усердно размахивалъ обломкомъ доски и кричалъ. Толпа повернула на главную улицу; тамъ съ ружьями на руку стоялъ отрядъ регулярныхъ войскъ. На нѣсколько секундъ передніе ряды толпы остановились, но подъ напоромъ заднихъ не устояли, и толпа медленно надвигалась на отрядъ. Яковъ выдался далеко впередъ толпы и шелъ зажмуривши глаза и въ какомъ то пріятномъ забвеніи кричалъ уже совсѣмъ беззвучнымъ отъ хрипоты голосомъ: „Бей ихъ, арестантовъ! Бей ихъ сволочей!" Раздался залпъ; за нимъ другой и третій; нѣсколько человѣкъ упало; изъ переулка выскочилъ отрядъ казаковъ и съ гикомъ врѣзался въ бѣгущую толпу. Яковъ почувствовалъ, что ему шлепнулось въ животъ что-то мягкое, какъ бы подушкой ударило и его подхватило и легко и быстро понесло внизъ. Разноцвѣтныя волны: синія, красныя, зеленыя, безпрерывно мѣняя цвѣта и смѣшиваясь, наполняли все пространство вокругъ него, а прямо передъ самыми глазами, лукаво подмиги-

вая и широко улыбаясь, кивала плоскимъ лицомъ луна, и Якову вдругъ сдѣлалось чрезвычайно весело и смѣшно. Ночью Яковъ не приходя въ сознаніе умеръ, а на другой день принесли въ роту на имя Якова письмо изъ деревни, въ которомъ Яковъ извѣщался о томъ, что его жена благополучно родила мальчика и что отъ неизвѣстной причины сдулась и подохла его рябая корова.

Алексѣй Панасьвичъ.

Мужицкая.

Ахъ, время нынѣ трудное,
Жить больно тяжело:
Тоскливое, безлюдное
Заглохнуло село.
Всѣ парни наши маются
И гибнутъ на войнѣ.
Всѣ дѣвицы—красавицы
На дальней сторонѣ.
Дѣтишки безотвѣтные
По фабрикамъ пошли...
Скотинушку завѣтную
За подати свели.
И хлѣбъ давно не родится.
Пришло—хоть волкомъ вой.
Молись, братъ, Богородицѣ
Да—въ омутъ головой.
Забита, задурманена
Бѣдою сторона.

Всѣ тискаютъ крестьянина,
Крушатъ его до дна.
Понесъ куда бы жалобы—
Далеко царь и Богъ.
Душа то и кричала бы,
Да кто бы ей помогъ?
Хоть молвится пословица,
Что милуютъ цари,
Да намъ то нездоровится:
Не милуютъ псари.
А надо бы опричникамъ
Въ умѣ своемъ держать:
Кто сѣетъ вѣтеръ по міру,
Тотъ бурю будетъ жать...
Да ну, ихъ... внизъ по матушкѣ...
Кажись —близка пора
Кому нибудь, ребятушки,
Отвѣдать топора...

И. М.

Судьбы русскаго писателя.

Т. Ганжулевичъ.

Вопросъ о судьбѣ русскаго писателя — одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые, при соединеніи съ другими, цѣлымъ рядомъ связанными съ ними, достигаютъ почти всеобъемлемости. Для того, чтобы понять это, достаточно вспомнить, что нашему писателю съ самаго момента появленія его на сценѣ русской жизни и до настоящихъ дней приходилось играть роль адвоката беззащитной темной милліонной массы предъ лицомъ не только судей „праведныхъ", но и хищниковъ, предъявляющихъ свои права на народное достояніе. Съ Радищева и до Герцена шелъ рядъ защитниковъ народныхъ, гордо и смѣло бросающихъ свой укоръ рабовладѣльцамъ. Съ Герцена и до нашихъ дней идетъ призывъ къ освобожденію отъ рабства русской души, захватившаго ее во всѣхъ слояхъ русской жизни. Тяжелая и отвѣтственная задача пала на плечи русскаго писателя. Онъ сразу понялъ свое положеніе и то значеніе, которое имѣло его печатное слово сначала среди страшной темноты и невѣжества, потомъ среди вынужденнаго молчанія, боязни живого слова и подавляющаго гнета. Еще Фонвизинъ писалъ, что „человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества". Его преемники замѣнили только слово „можетъ" словомъ — долженъ и твердо пошли впередъ, не боясь предупрежденій бабушекъ, что за вопросы „свободолюбія" ихъ могутъ послать для описанія нравовъ „какова ни на есть царства Русскаго владѣнія". А эта угроза постоянно висѣла надъ ними, отъ нея не избавились еще теперь. Достаточно было кому-нибудь изъ хищниковъ тихохонько указать пальцемъ на непріятное ему лицо, разоблачающее тайны его хищенія, какъ „мѣста не столь отдаленныя" привѣтливо открывали русскому писателю свою дверь. И тянулись, затѣмъ, долгіе годы изгнанія и полной нравственной безпріютности среди удушающаго мрака. Кто не выдерживалъ и кому удавалось бѣжалъ за границу, тотъ, какъ оторванный листъ отъ дерева, метался на чужой почвѣ, не находя примѣненія своимъ силамъ, которыя были такъ нужны и такъ дороги на родинѣ. Попытка дѣйствовать оттуда требовала двойного напряженія и то могла удаваться только у такихъ сильныхъ духомъ людей, какимъ, напр., былъ Герценъ, не потерявшій долго чутья русской жизни, несмотря на другой воздухъ, окружавшій его тамъ. А между тѣмъ русское самосознаніе, русская жизнь могли высказываться только устами писателя, надъ душой котораго, кромѣ изгнанія, висѣлъ еще другой дамокловъ мечъ — цензура съ ея подъяческимъ глубокомысліемъ, выискивавшая всевозможныя мѣры оправдать свое существованіе и показать свою власть господина. На борьбу съ ней уходили наши луч-

шія писательскія силы: она вытравливала живое мѣткое слово и съ нимъ вытравливала душу писателя; въ концѣ дѣятельности каждаго изъ нихъ, если онъ оставался дома, стоитъ мертвая точка, рядъ блѣдныхъ выцвѣтшихъ произведеній, которыя ихъ молодые, не искушенные еще горькимъ опытомъ жизни, обвинители встрѣчали съ насмѣшкой и гордо выбрасывали за бортъ, а болѣе проникновенные печально качали головой и горько улыбались, предвидя въ этомъ и свою участь.

Почему Гоголь въ концѣ „Мертвыхъ душъ" самъ попалъ въ ихъ число? Почему Тургеневъ сталъ чужимъ русской литературѣ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ? Почему Г. Успенскій сошелъ съума? Почему такъ рано умеръ Чеховъ? Почему сказалъ Некрасовъ „хорошо умереть молодымъ" въ посвященіи къ Писареву? Почему?—Насталъ моментъ рѣшительно и смѣло отвѣтить на этотъ вопросъ: потому что русская литература задыхалась въ безсмысленныхъ тискахъ, и всему живому, талантливому въ ней не было мѣста. Свобода; свобода и прежде всего свобода слова братьямъ-писателямъ! Ихъ рабство—рабство страны, впереди которой русскій писатель шелъ съ самаго момента возникновенія русскаго самосознанія. Онъ былъ ея первымъ учителемъ: у насъ еще не было образованія въ его настоящемъ смыслѣ даже въ верхнихъ слояхъ интеллигенціи, когда Фонвизинъ поучалъ насъ въ своихъ комедіяхъ устами своихъ резонеровъ, которымъ съ такимъ восторженнымъ благоговѣніемъ внимало въ свое время русское общество, когда Радищевъ въ своемъ „Путешествіи" излагалъ элементарныя понятія гуманизма, а Посошковъ, этотъ выходецъ изъ народа,—элементарныя понятія политико-экономіи.

Привившаяся при самомъ началѣ роль учительская, миссіонерская тѣсно ассоціируется съ призваніемъ русскаго писателя и дальше, причемъ, при общемъ подъемѣ уровня читающей публики, она болѣе переходитъ въ роль миссіонерскую, вызванную тѣмъ гнетомъ извнѣ, который съ развитіемъ идей становится все тяжелѣе. Удивительно ли послѣ этого, что истинное художество могло быть только на зарѣ нашего новаго періода литературы, когда расцвѣтающая, молодая мысль еще не успѣла почувствовать ни всего гнета роковыхъ тисковъ, ни горькаго разочарованія въ собственныхъ силахъ, окрыленная надеждой увидѣть „народъ освобожденный и рабство павшее по манію царя". Правда, Пушкину приходилось тоже сильно считаться съ цензурой, но она была къ нему милостивѣе, чѣмъ къ его преемникамъ: усердствовать ей не было передъ кѣмъ (цензоромъ Пушкина былъ самъ государь). А дальше русской литературѣ—„ни до художества, ни до эстетики было": все болѣе и болѣе раскрывалось язвъ въ жизни, и страшно было дотронуться до нихъ; приходилось укрываться за неловкой фразой, за туманнымъ оборотомъ, только-бы не увидѣли въ этомъ обиду себѣ устроители жизни, которые отвѣчали на нее уже не словомъ, а дѣломъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ тревожнѣе становится на душѣ русскаго писателя: пройденъ трудный путь, полный скрытаго и открытаго оскорбленія и жертвъ, а впереди все еще туманъ: часть прорвалась впередъ и задыхается въ узкой клѣткѣ, часть плетется назади, поднимается и падаетъ и судорожно ищетъ выхода: жить нельзя такъ, нечѣмъ! Перо дрожитъ въ рукахъ, и нервный слогъ литературы выдаетъ ея душевное настроеніе. На мѣсто длиннаго повѣствованія, романа, поэмы она выдвигаетъ смѣшанную форму полубеллетристики — полупублицистики: художникъ не выдерживаетъ объективности—этого принципа чистаго художества—чувство негодо-

ванія прорывается неудержимой волной и, мѣшая цѣлостности художественнаго настроенія, пополняетъ цѣлостность художественной души, тѣснѣе связывая ее съ душой читателя, а въ ней—и всего русскаго общества.

Судороги послѣдняго момента исканій проявляются затѣмъ въ новой, выдвинувшейся формѣ литературныхъ произведеній — въ ея миніатюрахъ. Ее создалъ у насъ А. П. Чеховъ, наиболѣе нервный и чуткій писатель современности, съ которымъ наша жизнь и докатилась до девятаго вала, на который взбирается теперь безъ него. Миніатюра Чехова—это та-же отрывистая рѣчь нервнаго человѣка: сказать надо много и нѣтъ силъ говорить; волной поднявшіяся чувства давятъ грудь и не пропускаютъ словъ; они прорываются одиночками, и каждое изъ нихъ еще горитъ отъ внутренняго тренія, испытаннаго въ пути. Вотъ почему разсказы Чехова въ полстранички (печатной) *) производили большее впечатлѣніе на нашего читателя, чѣмъ увѣсистые романы: они ближе его душѣ, живѣе затрагивали ее, даже болѣе того, зажигали ее тѣмъ-же внутреннимъ огонькомъ. Самая тоска въ чеховскихъ произведеніяхъ— это „тоска современной жизни, тоска сумерокъ, тоска перехода, предчувствія". „Звѣри безпокоятся передъ землетрясеніемъ".

Жизненный протестъ, ростущій въ литературѣ и воплощающійся въ литературной формѣ, предъявилъ, наконецъ, и новыя требованія къ слову. Въ поиски за новымъ словомъ отправились наши декаденты, мечтая о сляніи его съ музыкой и передачѣ посредствомъ его всѣхъ тонкихъ ощущеній современной души, не выносящей грубой оболочки окружающаго. Были на этомъ пути исканія и свои ошибки, и свои заблужденія, но важенъ принципъ исканія, его введеніе въ жизнь.

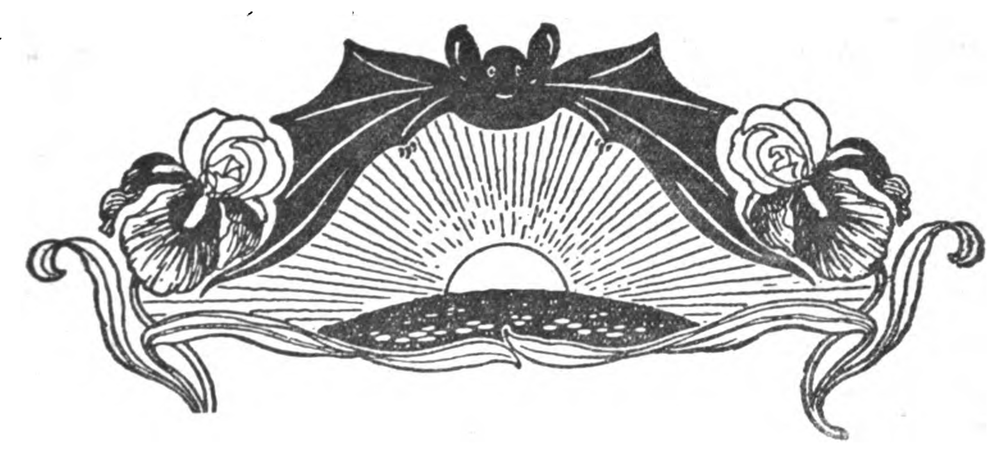
*) Т. е. въ 4 л. обыкновенныхъ.

Можно смѣло сказать, что оно положило начало новому отношенію къ слову. „Для него", пишетъ Пшибышевскій о своемъ героѣ въ „Сынахъ земли", „слово было такою-же священною тайной, какъ для первобытнаго человѣка, когда тотъ въ родовыхъ мукахъ исторгалъ изъ себя, выкрикивалъ свои ощущенія". Ставъ „священной тайной", слово уже логически не можетъ признать надъ собою власти святотатственно поднявшейся руки. Оно свободно. Здѣсь начинается новая эра литературнаго творчества, и неужели она начнется съ измѣны своему принципу, съ шага назадъ? Неужели русскій писатель еще долго будетъ томиться въ оковахъ цензурныхъ предусмотрѣній и пресѣченій? Жизнь бурнымъ потокомъ вырывается изъ всѣхъ преградъ, съ нею вырвется на свободу и слово. Лучше пусть выйдетъ оно спокойнымъ шагомъ, пусть русскій писатель самъ взвѣситъ его границы, за которыми оно теряетъ свое свѣтлое знамя, иначе въ пылу увлеченія борьбой оно, даже въ рукахъ чистыхъ элементовъ литературы, можетъ переступить за черту, и кто-же броситъ тогда въ него камень?

„Берегите нашъ природный русскій языкъ", завѣщалъ когда-то Тургеневъ русскимъ писателямъ; пусть-же къ этому завѣту въ новой эрѣ литературнаго творчества прибавится еще другой: „берегите свободное, чистое русское слово берегите его свѣтлое знамя, берегите не замаранную совѣсть русскаго писателя". Пусть гордо и смѣло смотритъ онъ теперь въ глаза всѣмъ; онъ опять идетъ впередъ за правду, за справедливость, за истину, и за подавленіе его личности онъ отплатитъ презрѣніемъ къ этому подавленію. На его знамени написано уваженіе ко всякой человѣческой личности, къ мнѣнію этой личности, уваженіе, царящее надъ всѣми партіями, надъ большинствомъ и меньшинствомъ.

Г. Танжулевичъ.

Жизнь и искусство.

М. Далькевича.

V.

Искусство христіанскаго періода.

(Окончаніе.)

Древне христіанское искусство. Власть церкви и Романскій стиль.—Свобода и Возрожденіе.—Духовный подъемъ и Готика. Франція.—„Римское наслѣдство".—Торжество матеріальной силы.—Вычурность и Барокко.—Стиль Рококо.—Искусство въ Нидерландахъ, Англіи и Испаніи. XIX в. и общеевропейское искусство.—Псевдоклассицизмъ. Романтизмъ и Реализмъ.—Замираніе духа и торжество животныхъ стремленій.—Современное искусство.—„Декадентскій стиль".—Характеръ и судьба Славянскаго народа и его искусства.—„Монгольское наслѣдство".—Систематическое порабощеніе и извращеніе народнаго характера.—Замираніе искусства. Петръ I и европейскій періодъ.—Монгольско-римское общество и народъ.—Послѣдствія.—Выводы и заключенія.

Эллинское искусство было языческимъ, чувственнымъ, тѣлеснымъ, прежде всего стремилось къ совершенству формы и достигло ея въ пластикѣ. Христіанству предстояло развить до совершенной полноты *душевное, духовное.* Все, что возможно было выразить въ этой области средствами пластики, было достигнуто. Теперь нужны были новыя средства, болѣе сложныя, богатыя, разнообразныя, болѣе пригодныя къ цѣли. Въ новый періодъ жизни искусства къ такому же совершенству стремится живопись.

Въ первые вѣка христіанство преслѣдуется и скрывается подъ землею, въ катакомбахъ. Въ созиданіи храмовъ нѣтъ надобности. Іудейство, отъ котораго произошла новая вѣра, запрещаетъ изображеніе живыхъ существъ, поэтому скульптура, какъ внѣшне связанная съ идолопоклонствомъ, игнорируется церковью, а живопись играетъ роль письменности и представляетъ символическіе знаки или повѣствованія, доступные пониманію только посвященныхъ. Такъ, голубь обозначаетъ кротость, корабль—вѣру, Орфей, укрощающій звѣрей музыкой,—символизируетъ Христа и т. п. Формы и средства этихъ изображеній берутся изъ античной живописи, ко-

торая въ это время находилась въ упадкѣ, продолжавшемся далѣе и въ первые вѣка христіанства.

Только въ IV в., при Константинѣ, когда христіанство стало господствующей религіей, понадобились храмы, для которыхъ приспособляются уже существующія зданія римскихъ судилищъ—базилики; стѣны ихъ заполняются мозаичными изображеніями, исполнявшимися коллективнымъ трудомъ многихъ безымянныхъ мастеровъ. Такія изображенія сливаются въ одно гармоническое цѣлое съ архитектурной постройкой и, вмѣстѣ съ затѣйливыми надписями и буквами, которыми изображается текстъ подъ картинами,—составляютъ *украшеніе* храма. Такимъ образомъ, живопись теряетъ значеніе *„символическихъ письменъ"* и превращается въ *орнаментъ, украшеніе*. Затѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ, постепенно создаются общіе типы Христа, Маріи, апостоловъ, святыхъ, и картины *повѣствуютъ* о событіяхъ изъ ихъ жизни. По мѣрѣ возрастанія могущества церкви мѣняется и характеръ повѣствованій: Христосъ, изображавшійся раньше въ видѣ „добраго пастыря", — теперь превращается въ монарха, сидящаго на тронѣ въ царскомъ облаченіи. Въ это же время вновь появляется пластика: многіе саркофаги IV и V в. украшены скульптурными изображеніями, пока очень грубыми и несовершенными.

Въ послѣдующіе вѣка жизнь искусства надолго замираетъ. Римская имперія распадается подъ напоромъ великаго переселенія народовъ. Пришельцы, завоевывающіе страну, смѣшиваются съ коренными ея жителями, образуютъ новые народы и государства, уступающіе, въ свою очередь, мѣсто другимъ. Все находится въ состояніи безформеннаго и неопредѣленнаго броженія, – и проходятъ вѣка, пока создаются условія, при которыхъ возможно дальнѣйшее развитіе искусства.

Съ каждымъ новымъ вѣкомъ сила и значеніе духовенства усиливается, и оно занимаетъ привилегированное положеніе жрецовъ древняго міра. Съ приближеніемъ 1000 г. христіанское человѣчество ожидаетъ кончины міра, и пришибленное и подавленное ожиданіемъ міровой катастрофы, усиленно преклоняется передъ авторитетомъ церкви. Служители ея проникаются духомъ аскетизма, появляется законъ о безбрачіи духовенства и рядъ другихъ мѣръ, которыя все больше удаляютъ новое жреческое сословіе отъ міра, ставятъ его высоко надъ паствой, но и далеко отъ нея. Все подчиняется безграничной власти Папы, въ такой мѣрѣ, что даже германскій императоръ Генрихъ IV, одѣтый въ власяницу, по снѣгу и льду идетъ преклониться передъ Григоріемъ VII и стоитъ съ непокрытой головой передъ его окнами, чтобы вымолить себѣ прощеніе.

Это могущество церкви выразилось въ архитектурѣ XI в.,—въ Романскомъ стилѣ. Плоскій потолокъ базилики смѣняется куполомъ, который, подобно папству, властно царитъ надъ всей массой зданія и подавляетъ ее, мощную и сильную, но плотно вросшую въ землю; только башни смѣло и увѣренно возвышаются надъ нею, гордо заявляя міру о власти церкви. Внутри храма духовенство занимаетъ особое мѣсто и отдѣлено отъ мірянъ непроницаемой перегородкой, какъ и въ жизни. Этотъ стиль въ XI и XII в. царитъ повсемѣстно во всѣхъ государствахъ христіанскаго міра и лишь потомъ уступаетъ вліянію Готики, которая только въ Италіи никогда не достигла полнаго господства и выраженія.

Когда народы, овладѣвшіе Аппенинскимъ полуостровомъ, устроились на новыхъ мѣстахъ и насущныя неотложныя потребности были удовлетворены, — проснулась духовная жизнь. Италія разбилась на цѣлый рядъ маленькихъ республикъ съ

населеніемъ, характеръ котораго значительно отличался отъ древне-римскаго. Общественныхъ различій не существовало. Всѣ были равны, каждый могъ выдвинуться изъ толпы собственными силами. Все проникнуто духомъ свободы, вездѣ, поэтому, выдвигается все наиболѣе сильное, одаренное, талантливое. То же стремленіе къ свободѣ и самостоятельности способствуетъ образованію могущественныхъ городовъ, которые процвѣтаютъ благодаря предпріимчивости, торговлѣ, промышленности и оживленной политической жизни. Республики и города борются другъ съ другомъ за первенство, преобладаніе, но отстаиваютъ свою самостоятельность отъ Рима, въ которомъ снова проснулась прежняя ненасытная жадность. Только въ самой Италіи оспаривается власть духовенства, безраздѣльно владѣвшаго остальнымъ христіанскимъ міромъ. Въ итальянскихъ городахъ и республикахъ вездѣ проявляется то стремленіе къ духовной власти, духовному соперничеству и преобладанію, которое мы видѣли въ античной Греціи. На этой почвѣ, подъ вліяніемъ религіозныхъ вѣрованій и литературы, вновь пышно расцвѣтаетъ жизнь искусства. Въ періодъ спокойствія у разбогатѣвшаго народа вновь просыпается радость жизни въ связи съ полной жизнью духа. Монархи и города соперничаютъ въ любви къ искусству, весь народъ увлекается имъ. Художникъ свободно отдается своему творчеству и пользуется общимъ почетомъ и поклоненіемъ. Вездѣ создаются цѣлыя школы живописи, и только Римъ самъ ничего не создаетъ, а по прежнему захватываетъ все лучшее у другихъ и все притягиваетъ къ папскому двору для увеличенія эго блеска и силы.

До сихъ поръ христіанство требовало трепета и подчиненія и, какъ въ Египтѣ, духовенство пользовалось искусствомъ, какъ орудіемъ, а художникомъ, какъ слугою. Но, послѣ духовнаго подъема въ періодъ крестовыхъ походовъ, наступило отрезвленіе; въ людяхъ проснулась потребность истинной вѣры, а не слѣпого подчиненія духовенству, потребность отдыха, любви и утѣшенія.

Проповѣдь св. Франциска Ассизскаго освящаетъ любовь къ природѣ и всему живущему, пробуждаетъ то же чувство, которое въ Греціи порождало любовь къ человѣку, но расширяетъ его, распространяетъ на все живущее, одухотворяетъ высокимъ христіанскимъ ученіемъ, придаетъ ему мистическій характеръ стремленія къ исключительно духовному. Въ религіозной живописи появляются мечтательно склоненныя головы, слабыя фигуры и тѣла, во всемъ тѣлесное подчиняется духовному. Затѣмъ Христосъ изъ догматическаго становится жизненнымъ, *земнымъ*, выдвигается его земная жизнь; евангельское ученіе превращается въ эпосъ. Но для воплощенія такого міровоззрѣнія мало было мечтательности и чувствительности: нужна была жизненность, дѣйствіе, изученіе дѣйствительности, *реализмъ* а затѣмъ и передача характера, движенія индивидуальности. По мѣрѣ такого созрѣванія и измѣненія духовныхъ идеаловъ, потребовалось и совершенствованіе средствъ искусства для ихъ передачи. На помощь этой работѣ явилось античное искусство.

Римское духовенство, достигнувъ въ XI и XII в. полной власти, зарвалось и, постепенно распускаясь, погрязло, наконецъ, въ развратѣ и преступленіяхъ. Для этихъ прямыхъ наслѣдниковъ античнаго Рима христіанство стало только маской, за которой скрывалось грубое язычество, находившее высшее наслажденіе въ звѣрскихъ, животныхъ излишествахъ. Воскресли римскія оргіи, убійства и преступленія. Церковью правилъ римскій животный умъ, не регулируемый чувствомъ и совѣстью, а потому легко

ставшій преступнымъ. Духовенство пало, настала пора раскола, подорвавшаго авторитетъ церкви. Междоусобія среди государствъ усиливали произволъ и безправіе. Дѣйствительность была печальна, взоры обращались къ прошлому. Насущная потребность прочныхъ правовыхъ основъ побуждаетъ искать ихъ въ античномъ Римѣ. Благодаря этимъ исканіямъ, вновь появляется на свѣтъ и римская литература, воскресаетъ Виргилій, Цицеронъ, Горацій, а за ними и ихъ учителя—греки; воскресаетъ и античное искусство.

Вся жизнь проникается вліяніемъ античнаго міра: Петрарка воспѣваетъ его былое величіе, Коло-ди-Ріенчи мечтаетъ о республиканскомъ Римѣ, Боккачіо создаетъ свою „geonalogia deorum" и новеллы, въ которыхъ царитъ языческій духъ. Наступаетъ „Ренесансъ",—возрожденіе античнаго міра.

На смѣну средневѣковому аскетическому стремленію къ небесамъ,—наступаетъ потребность исчерпать всѣ земныя наслажденія, вкусить всѣ радости жизни. Просыпается языческій духъ, свѣтлое пониманіе природы и живой дѣйствительности, а для воплощенія ихъ въ искусствѣ имѣются уже готовыя античныя формы, изученіе которыхъ даетъ новый толчекъ развитію и совершенствованію формъ христіанскаго искусства. Подъ двойственнымъ вліяніемъ живого христіанства и воскресшаго язычества, подъ вліяніемъ высокихъ духовныхъ стремленій, углубленныхъ и расширенныхъ христіанствомъ, и буйной античной жизнерадостности,—въ свободныхъ республикахъ во всѣхъ сферахъ появляются гигантскіе характеры, сильныя, крупныя натуры, способныя какъ къ гигантскимъ подвигамъ, такъ и къ гигантскимъ преступленіямъ.

Язычество, такъ властно проникавшее въ новую жизнь, стало, наконецъ, угрожать самой сущности христіанства. И въ той-же Флоренціи, гдѣ „великолѣпный" Лоренцо Медичи съ кружкомъ своихъ друзей гуманистовъ-поэтовъ и художниковъ „бѣжитъ отъ Голгоѳы къ Олимпу", гдѣ все погружено въ античномъ эпикурействѣ,—появляется могучій, страстный и пламенный поборникъ христіанства — Саванаролла. Флоренція въ глубокомъ покаяніи склоняется у ногъ проповѣдника. Медичи изгнаны. Предметы роскоши, все языческое сжигается на „кострахъ очищенія". Папство познало свои ошибки и теперь стремится ихъ исправить. Юлій II, пылкій патріотъ неукротимаго нрава, мечтаетъ очистить римское духовенство отъ пороковъ, дикаго разврата, и разгула, мечтаетъ о духовномъ величіи Рима и, соперничая съ Флоренціей, окружаетъ себя учеными, гуманистами и художниками. Преемникъ его, Левъ X, изъ рода Медичи, эпикуреецъ съ тонкимъ умомъ и развитымъ вкусомъ, слѣдуетъ его примѣру. Оба создаютъ эпоху, соотвѣтствующую времени Перикла въ Аѳинахъ.

Въ концѣ XV в. реализмъ долженъ былъ уступить мѣсто новому духу времени. Чувство слишкомъ долго игнорировалось въ пользу трезваго взгляда на вещи. Искусство относилось такъ же безстрастно къ природѣ, какъ наука, и завоевывало ее не душой, а глазомъ. Природа и античный міръ были единственными двигателями творчества, главная же сила его,—христіанство, — была забыта. Наконецъ, внутренняя жизнь возстала противъ науки. Реализмъ завоевалъ дѣйствительность, теперь возродилась душа. Саванаролла открылъ художникамъ всю широту и глубину духовной жизни, направилъ къ передачѣ не внѣшняго, а духовнаго міра.

Послѣ громовыхъ проповѣдей Саванароллы наступила христіанская реакція, послѣ опьяненія жизнью,—отрезвленіе, размышленіе, жажда духовнаго. Въ искусствѣ, послѣ изу-

ченія природы и античныхъ формъ, послѣдовало примѣненіе ихъ къ воплощенію высшихъ христіанскихъ идеаловъ. Эта двойственность задачъ двухъ смежныхъ эпохъ трагически выразилась въ творчествѣ Микель Анджелло (1475—1564). Онъ не стремится ни къ античному, ни къ христіанскому идеалу, для него существуетъ одно лишь человѣческое тѣло и сила его движенія. Онъ любитъ тѣло такъ же сильно, какъ Эллинъ, но иной любовью. Онъ не ищетъ въ немъ спокойной красоты, а пользуется имъ, какъ средствомъ для выраженія бушующей въ его душѣ бури, волнующихъ его гигантскихъ замысловъ, сверхчеловѣческихъ стремленій, сомнѣній и трагедій духа. Поэтому при эллинскомъ совершенствѣ формы, въ его произведеніяхъ нѣтъ ничего эллински радостнаго, свѣтлаго, спокойнаго. Но какъ ни богаты и ни совершенны его средства передачи, все же они не соотвѣтствуютъ тѣмъ грандіознымъ духовнымъ требованіямъ, которыя самъ художникъ предъявляетъ себѣ: еще въ юности онъ хотѣлъ превратить каррарскую скалу въ одухотвореннаго колосса. И эта вѣчная неудовлетворенность, титаническія усилія воплотить въ мраморѣ *всю* безграничную и многогранную жизнь духа, выражаются и въ его геніальныхъ статуяхъ, и фрескахъ и подавляютъ вложенной въ нихъ силой и мощью.

Полной противоположностью Микель Анджелло является Тиціанъ (1477—1576), который не зналъ ни бурныхъ порывовъ, ни страстей и желаній. Для него тѣло было лишь гармоническимъ сочетаніемъ формъ, линій и красокъ. Холодный, величественный и спокойный въ жизни и искусствѣ, онъ создаетъ такія же произведенія, являющіяся олицетвореніемъ античнаго безстрастія, благородства и ясности, тѣхъ качествъ, которыми характеризуется и творчество Фидія. Но все, унаслѣдованное отъ античнаго міра, онъ обогащаетъ новымъ пріобрѣтеніемъ своей эпохи — живыми, чарующими красками, пламеннымъ, блестящимъ колоритомъ, навѣки обезсмертившимъ всю венеціанскую школу.

Наиболѣе полнымъ выразителемъ эпохи возрожденія былъ Леонардо да Винчи (1452—1510), не только великій мастеръ, но и теоретикъ, ученый въ области искусства, глубокій психологъ и мыслитель. Его идеалъ не физическій, не сила и красота, а психическій—выраженіе мысли, чувства со всѣми его тончайшими оттѣнками. Какъ музыкантъ, онъ ищетъ гармоніи и „музыки въ краскахъ", разрѣшая колористическія задачи. Какъ математикъ, — создаетъ законы композиціи. Прелесть формы у него соединяется съ трепещущей жизнью, греческая пластичность съ глубокой одухотворенностью.

Наконецъ, Рафаэль (1486—1520) дѣлаетъ послѣдній шагъ въ этомъ направленіи. Онъ захватываетъ все, созданное отдѣльными геніями, начиная съ греческихъ ваятелей и оканчивая Леонардо и Микель Анджелло. Въ „Сикстинской Мадоннѣ", являющейся заключительнымъ аккордомъ его творчества, онъ въ совершенныхъ формахъ воплощаетъ высшую одухотворенность.

Микель Анджелло довелъ до совершенной полноты выраженіе силы и величія, Леонардо — мысли и психологическаго анализа, Тиціанъ — силу красокъ и живописи; Рафаэль претворилъ въ себѣ все это, привелъ въ гармоническое, стильное сочетаніе и дополнилъ высшей одухотворенностью и чувствомъ.

Дальше идти было некуда. Предстоялъ обратный путь постепеннаго пониженія, которое совершалось въ порядкѣ, обратномъ порядку повышенія. Признаки ослабленія высшей силы христіанскаго искусства замѣтны уже у болѣе молодого современника титановъ Ренесана, — у Корреджіо (1494—1534); это проявляется въ его болѣзненной нѣжности и утонченности. Онъ

лучше передаетъ не силу, а кротость и нѣжность, выразительнѣе не мужчинъ, а женщинъ и дѣтей, и не выходитъ изъ границъ пріятнаго. Въ его женщинахъ уже замѣтенъ эротическій элементъ, а въ нагомъ тѣлѣ—чувственный. Высокое, одухотворенное—становится земнымъ, чувственнымъ, приближается къ реальному.

Чѣмъ дальше мы удаляемся отъ эпохи Возрожденія, тѣмъ очевиднѣе становится упадокъ. Архитектура стремится къ грандіозному, напыщенному, потомъ вычурному. Въ живописи одни комбинируютъ и повторяютъ созданное мастерами XVI в., другіе обращаются къ дѣйствительной жизни. Караваджіо (1569—1609) въ темныхъ и черныхъ тонахъ изображаетъ бродягъ и авантюристовъ. Религіозныя картины его грубы, неистовы, вульгарны. Отъ объективнаго воспроизведенія людей переходятъ къ объективному копированію природы. Въ XVIII в. Каналетто воспроизводитъ дворцы и каналы Венеціи, наконецъ, все болѣе мельчая и обезличиваясь, итальянское искусство теряетъ свои особенности и исчезаетъ въ морѣ „общеевропейскаго“ искусства, раздѣляя его дальнѣйшую судьбу.

Въ жизни христіанскаго искусства повторилось точь въ точь то же самое, что постигло греческое искусство въ эллинистическую эпоху. Въ эпоху Ренесанса и непосредственно послѣдовавшую за ней, итальянское искусство быстро распространилось по всему христіанскому міру и еще долго, въ періодъ полнаго упадка, итальянскіе художники считались единственными мастерами и учителями. Также, разъ уже выработанные единицами средства передачи стали достояніемъ массъ, и теперь почти каждый итальянецъ въ большей или меньшей степени владѣетъ ими. Также, тотчасъ послѣ наивысшаго подъема, появились мелкія художественныя произведенія геніальнаго Бенвенуто Челлини, а потомъ, въ рукахъ послѣдующихъ мастеровъ, все болѣе и болѣе теряли въ художественномъ значеніи, но получили широкое распространеніе въ массахъ. Могучій „девятый валъ“ христіанскаго искусства опалъ, и волны, послѣдовавшія за нимъ, широко покатились по всему христіанскому міру, все слабѣя, разсыпаясь и мельчая.

* * *

Въ Италіи искусство Ренесанса достигло такой высоты и развивалось такъ быстро потому, что здѣсь оно развивалось на почвѣ античной культуры, въ старой расѣ, соединившей въ себѣ всѣ элементы культурныхъ народовъ древняго міра. Смѣшеніе съ пришлыми завоевателями, съ юными варварскими народами, полными жизненныхъ силъ и юныхъ стремленій, оживило состарившуюся расу, внесло въ нее новые жизненные соки, создало „*вторую молодость*“ стараго и опытнаго народа. Вторая молодость, какъ послѣдній проблескъ жажды жизни и напряженія силъ, всегда порывистѣе, страстнѣе и могущественнѣе первой; всѣ цѣли достигаются быстрѣе и легче благодаря прежнему опыту и стремительности.

У сѣверныхъ варварскихъ племенъ, едва соприкоснувшихся античной культуры, жизнь искуства должна была вылиться въ свои особыя формы. У нихъ были зачатки своего первобытнаго, доисторическаго искусства: у Галловъ, безпечныхъ, веселыхъ и легкомысленныхъ, —болѣе богатые и разнообразные, у воинственныхъ Германцевъ— грубѣе и ничтожнѣе. Античное искусство стало проникать къ нимъ въ слѣдъ за римскими завоевателями, но вліяніе его особенно усилилось съ принятіемъ христіанства въ V—VII в., когда античное искусство дошло до полнаго упадка, опустилось до начальныхъ формъ проявленія—„*впало въ дѣтство*“. Дѣт-

ское христіанское искусство не могло поработить такого же „дѣтскаго“ варварскаго, только что проснувшагося къ жизни. Народные элементы языческаго творчества не подчинились античнo-христіанскимъ, а свободно слились съ ними въ одно цѣлое и образовали самостоятельное искусство, достигшее полнаго выраженія въ Готикѣ.

Карлъ Великій соединилъ подъ своею властью всѣ варварскія племена и пытался насадить среди нихъ римскую культуру, но послѣ его смерти борьба между его наслѣдниками, набѣги нормановъ, внутреннія неурядицы—надолго задержали нормальный ростъ искусства. Молодые народы, подобно Египту, заняты „хозяйственными заботами“, устройствомъ на новыхъ мѣстахъ, установленіемъ отношеній съ сосѣдями и между различными группами въ каждомъ отдѣльномъ народѣ. И здѣсь повсюду устанавливается кастовое дѣленіе, и здѣсь на верху очутилась грубая сила,—феодальные владыки,—и духовенство, стремившееся къ подчиненію всего исключительно своей власти. Дикіе народы, жившіе до того только грубой силой, приняли христіанство въ тотъ моментъ, когда стали сознавать въ себѣ и умственныя способности. Христіанство такимъ образомъ удовлетворяло не только *чувство*,—потребность вѣры,—но и потребность мысли, ума; поэтому искусство выросло здѣсь прежде всего *разсудочнымъ, интеллектуальнымъ, было въ большей мѣрѣ плодомъ мысли*. Вслѣдствіе этого искусство сѣверныхъ народовъ достигло наибольшаго совершенства и полноты выраженія не въ пластикѣ, какъ у Грековъ, не въ живописи, какъ у итальянцевъ эпохи возрожденія, а *въ архитектурѣ*, въ такой области, въ которой мысль занимаетъ доминирующее положеніе.

Въ VIII в., при Карлѣ Великомъ, типъ храма заимствуется у Римлянъ, вездѣ строятся грубыя и неуклюжія римскія базилики. Но въ XI в., когда власть духовенства достигаетъ своего апогея, почти одновременно вездѣ воцаряется романскій стиль, это высшее выраженіе все подавляющей, покоющейся на прочномъ основаніи власти духовенства. Скульптура и живопись, какъ и въ Египтѣ, исполняютъ служебную роль *украшенія* церкви, а художники остаются безымянными мастеровыми.

Изъ изобразительныхъ искусствъ скульптура, какъ и у всѣхъ первобытныхъ народовъ, развивается раньше. Во Франціи въ XI в. возникаетъ цѣлый рядъ скульптурныхъ мастерскихъ. Эти первые опыты очень грубы, смѣшны: фигуры не пропорціональны, неуклюжи, но постепенно, путемъ *реальнаго* изученія природы и жизни, формы совершенствуются и, отчасти подчиняясь античному вліянію, скульптура въ средніе вѣка достигаетъ полной жизненности, становится смѣлой, искренней, правдивой и прекрасной.

Живопись, которая служитъ лишь для декорированія церковныхъ стѣнъ и украшенія молитвенниковъ,—развивается медленнѣе и, какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, идетъ позади скульптуры. Она не лишена жизненности, но крайне несовершенна. Наконецъ, въ X в. во Франціи возникаетъ живопись по стеклу, которая потомъ заняла такое видное положеніе въ готической архитектурѣ.

Могущество и тріумфъ церкви выразились ярче всего въ крестовыхъ походахъ. По мановенію Папы все новые и новые народы и ихъ гордые владыки устремляются на Востокъ, знакомятся съ новыми странами и возвращаются съ возбужденной фантазіей и приподнятой душевной жизнью. Рыцарство вернулось, окруженное новымъ идеальнымъ ореоломъ, и дома ищетъ подвиговъ служенія добру и защиты слабыхъ. Правда, все это только

внѣшнее, навѣянное, поверхностное, легкимъ покровомъ прикрывающее варварскую грубость и жестокость дикаря, всего лишь тысячу лѣтъ назадъ вышедшаго изъ первобытнаго животнаго состоянія.

Но самая потребность подобнаго маскарада свидѣтельствуетъ объ огромномъ подъемѣ и пробужденіи духовной жизни народа. Въ средѣ практическихъ горожанъ усиливается религіозность, стремленіе къ добродѣтели, сознаніе своего достоинства, а вмѣстѣ съ этимъ и жажда свободы и силы. Миннезингеры, пѣвцы рыцарства, отзываются на всѣ вопросы своего времени и среды. Мистическіе проповѣдники овладѣваютъ душами мірянъ. Общая экзальтированность, приподнятость, мечтательность,— проникаютъ вовсѣ проявленія народной жизни, мысли и религіознаго чувства. Въ юныхъ народахъ со всей силой просыпается свойственный только юности духовный подъемъ, а съ нимъ и усиленное сознаніе избытка силъ, усиленное стремленіе примѣнить ихъ, и потребность освобожденія отъ гнетущей духовной власти Рима; наступаютъ исканія новыхъ формъ для самостоятельнаго выраженія повышенной душевной жизни, которая неудержимо ищетъ исхода и находитъ его въ Готикѣ.

Этотъ стиль зарождается въ XII в. во Франціи, среди народа, въ характерѣ котораго преобладаетъ жизнь чувства, хотя и не глубокаго, но живого,— полнаго же развитія Готика достигаетъ въ разсудочной Германіи.

Главное стремленіе Готики—*одухотворить массивную каменную постройку*, расчленить тяжелую массу стѣнъ, *уничтожить впечатлѣніе тяжести, давленія*, создать зданіе, которое само себя поддерживаетъ и несетъ, указываетъ вверхъ, на небо и *стремится къ небу*. Вмѣсто одной тяжелой романской колонны появляется пучекъ тонкихъ, легкихъ и стройныхъ. Гладкія, плоскія стѣны прорѣзываются частыми окнами,высокими, узкими, оканчивающимися острымъ стрѣльчатымъ сводомъ, который наружу замѣняетъ тяжелый, давящій куполъ. „Сотни маленькихъ башенъ съ острыми крышами и шпилями подымаются отовсюду. Вся постройка, граціозная, полная чарующей поэзіи, подобно молитвѣ или священному гимну, подымается къ небу“. Этотъ стиль распространяется по всему христіанскому міру, кромѣ востока Европы, и проникаетъ даже въ Италію.

Но солнце рыцарства закатилось, возрастаетъ значеніе общины. Трезвые и практическіе горожане становятся могущественнѣе, но больше заботятся о насущномъ, земномъ. Развратное духовенство падаетъ, и хотя религіозность въ народѣ не ослабѣваетъ, но принимаетъ матеріалистическій оттѣнокъ, болѣе пригодный для земной жизни и ея потребностей. Юношескія иллюзіи и стремленія въ высь ослабѣваютъ, ярче опредѣлятся присущая германской расѣ разсудочность, и послѣ усиленнаго подъема чувства, наступаетъ переутомленіе и реакція. Начиная съ XIV в. въ готическомъ искусствѣ замѣтны признаки паденія. Реформація, смѣнившая католицизмъ, довершаетъ упадокъ: христіанство Лютера отличается простотой и ясной практичностью; мечтательная, проникнутая романтической таинственностью Готика для него не годится.

Рядомъ съ готической архитектурой расцвѣтала и падала скульптура, служившая главнымъ украшеніемъ соборовъ. Послѣ реальнаго изученія природы въ романскій періодъ, теперь, въ лучшихъ произведеніяхъ она достигла удивительной гармоніи цѣлаго, воплощая самые возвышенные идеалы въ простыхъ, правдивыхъ и изящныхъ формахъ. Типы и движенія экспрессивны, точно намѣчается нравственный характеръ, тѣло вполнѣ реаль-

но. По мѣрѣ подъема религіознаго чувства, по мѣрѣ того какъ соборы устремляются все выше, какъ бы отрываясь отъ земли,—и статуи становятся все стройнѣе, легче, граціознѣе, безтѣлеснѣе и одухотвореннѣе. Но, исполняя служебную роль, только дополняя архитектуру, въ которой, главнымъ образомъ, выражаются высшія духовныя представленія народа, скульптура сама по себѣ не достигла ни самостоятельнаго значенія, ни такого совершенства, какъ въ Греціи, и въ лучшихъ произведеніяхъ остается натуралистической.

Для живописи Готическіе соборы не располагаютъ большими площадями стѣнъ, занятыхъ арками и окнами. Развивается лишь орнаментъ, а большія композиціи,—картины,—со стѣнъ переходятъ на окна и изображаются цвѣтными стеклами. Сочетаніе тоновъ, достигшее большой гармоніи и эффекта, начинаетъ въ XIV в. значительно портиться. Внѣ соборовъ живопись процвѣтаетъ лишь въ миніатюрахъ, украшающихъ рукописи и молитвенники. Здѣсь художники тоже вдохновляются природой, и въ этихъ изображеніяхъ много изящества, нѣжности и вкуса. Но какъ въ Греціи, такъ и здѣсь живопись, появившаяся позже скульптуры, не поднялась до ея высоты и оставалась на уровнѣ украшенія и воспроизведенія.

Готическое искусство во всѣхъ его проявленіяхъ достигаетъ полнаго расцвѣта въ XIII в., но въ XIV и XV в. въ архитектурѣ видно уже стремленіе къ роскоши, богатству, излишеству, въ ущербъ законамъ пропорцій, художественности и цѣльности выраженія. Въ скульптурѣ нѣжное и задушевное смѣняется приторнымъ, сантиментальнымъ и чувственнымъ. Падающее искусство теряетъ здоровую свѣжесть, простоту и прелесть юности, изъ прекраснаго—становится красивымъ и мельчаетъ. Не достигнувъ высоты греческаго искусства, готическое переходитъ къ реальному, но, соприкоснувшись съ итальянскимъ искусствомъ Ренесанса, нѣмецкіе художники подымаютъ реализмъ до такой высоты и одухотворенности, которая создаетъ этой эпохѣ названіе „германскаго возрожденія". Въ это время въ германскомъ и французскомъ искусствахъ, которыя до сихъ поръ развивались одинаково, опредѣленно проявляется различіе, основанное на народномъ характерѣ и различныхъ условіяхъ политической жизни, и въ послѣдующее время ихъ приходится разсматривать порознь.

Еше въ XV в. въ Германіи распространяется любовь къ ученымъ изслѣдованіямъ и гуманитарнымъ наукамъ. Это отражается и въ искусствѣ. Художники больше думаютъ о людяхъ, и землѣ, чѣмъ о стремленіяхъ къ небу. Въ религіозной живописи появляются портреты жертвователей, постепенно превращающіе образа въ изображенія жизни. Въ XVI в. художники посѣщаютъ Италію и, вырываясь изъ закоснѣлой мѣщанской среды съ ея мелочнымъ дѣленіемъ на касты, познаютъ прелесть свободы, знакомятся съ античными формами Ренесанса и достигаютъ стильной простоты въ своихъ изображеніяхъ. Современный костюмъ въ образахъ замѣняется идеальнымъ, вырабатываются законы композиціи, фигура человѣка становится живѣе, правдивѣе, выразительнѣе, одухотворенность полнѣе, средства выраженія совершеннѣе. Германскія особенности народнаго характера,—преобладаніе анализа и мысли,—выражаются въ томъ, что художники не столько ищутъ совершенства и красоты формъ, сколько выраженія характернаго, оригинальнаго, индивидуальнаго, и потому лучшія произведенія германскаго ренесанса не подымаются до высоты итальянскаго, и, подобно Готической скульптурѣ не теряютъ натуралистиче-

скаго характера. Художники, какъ и въ Италіи, одновременно заняты разработкой формальныхъ и духовныхъ задачъ.

Наиболѣе одухотворенный изъ германскихъ художниковъ этой эпохи —Дюреръ (1471—1528) соединяетъ въ себѣ много національныхъ противоположностей. Рядомъ съ серьезнымъ, глубокимъ мыслителемъ, психологомъ и философомъ въ немъ уживается мечтатель и фантазеръ; рядомъ съ поэтомъ- -реалистъ, изслѣдователь, человѣкъ науки и теоремъ. Поэтому и въ его произведеніяхъ сочетается глубина мысли съ совершеннымъ исполненіемъ, красота формы съ великою душою, Ознакомившись съ творчествомъ итальянскаго возрожденія, онъ не подчиняется ему, а претворяетъ его въ своей германской натурѣ и съ совершенствомъ античныхъ формъ соединяетъ германскую разсудочность. Лучшее изъ его произведеній —„Четыре Апостола",—запечатлѣно духомъ Ренесанса, величавой торжественностью античныхъ статуй съ яркой индивидуальной характеристикой, настолько сильной и опредѣленной, что это произведеніе справедливо заслужило названіе „олицетворенія четырехъ темпераментовъ".

Современникъ Дюрера,-Гольбейнъ, —въ большей степени выражаетъ вліяніе Ренесанса: для него дороже всего форма; научная и теоретическая сторона искусства его вовсе не интересуетъ.

Мечтатель Дюреръ — вдумчивый, задушевный и глубокій аналитикъ; Гольбейнъ — холоденъ, внѣшенъ, равнодушно относится ко всему мистическому; это „ловкачъ, неумолимый реалистъ, веселый декораторъ и импровизаторъ, обладающій прекрасной техникой". Его портреты объективны, но въ рисункахъ онъ доходитъ до поразительной и грандіозной простоты и величія.

Всеобъемлющій геній Дюрера захватилъ всю область духовнаго и внѣшняго, но для послѣдующихъ художниковъ такая задача оказалась непосильной: они подѣлили между собой богатое наслѣдство, разрабатывая его по частямъ. Техническія пріобрѣтенія постепенно утрачивались, а затѣмъ нѣмецкое искусство чахнетъ, подавляется падающимъ итальянскимъ, обезличивается и въ XVIII в. входитъ въ составъ единаго, „общеевропейскаго".

Послѣ походовъ въ Италію Карла VIII, Людовика XII и Франциска I Франція тоже подпадаетъ итальянскому вліянію и постепенно отрѣшается отъ средневѣковыхъ, готическихъ традицій. Поверхностный, впечатлительный, воспріимчивый и легкоувлекающійся характеръ народа способствуетъ образованію новой цивилизаціи, сложившейся изъ античныхъ воспоминаній и массы новыхъ идей. Это отражается на скульптурѣ, быстро утрачивающей Готическій характеръ, но въ особенности обезличивается живопись. До половины XVII в. жизнь ея выражается только въ портретахъ и миніатюрахъ, которыя пишутся иностранными художниками. Въ архитектурѣ снаружи и внутри зданій развивается богатая и фантастическая своеобразная орнаментика, въ которой соединяются античныя, готическія и итальянскія детали.

Въ это время католическая церковь, подкошенная реформаціей, вновь собирается съ силами, чтобы возстановить свое міровое значеніе, становится воинствующей и перестаетъ быть „христіанской" въ истинномъ значеніи этого слова. За кроткимъ и смиреннымъ ученіемъ Христа скрывались неумиравшія хищныя стремленія античнаго Рима, —потребность безграничной матеріальной власти. На помощь прежней грубой силѣ теперь является тонкій, жестокій, дисциплинированный умъ Іезуитовъ.

Интриги возстановляютъ другъ противъ друга государства и при-

водятъ къ тридцатилѣтней войнѣ. Во имя любвеобильнаго Христа исстребляются, народы человѣчество тонетъ въ крови, горятъ костры инквизиціи, пускаются въ ходъ всѣ средства: пытки, шпіонство, а по возстановленіи власти, для пущаго укрѣпленія ея, — проповѣдь на народномъ языкѣ, вмѣсто латинскаго, и воздѣйствіе на массы роскошью и ослѣпляющей пышностью церемоніала, возбуждающимъ внѣшнимъ видомъ церкви. Въ Италіи строгія античныя архитектурныя формы, установившіяся во время Ренесанса, извращаются въ хвастливую, напыщенную вычурность; во внѣшности церкви все приносится въ жертву возбуждающему и ошеломляющему впечатлѣнію. Воцаряется стиль „Барокко", распространяющійся по всей Европѣ, но во Франціи властолюбивыя стремленія Рима встрѣчаются съ новой силой,—королевской властью,— и вынуждены уступить ей мѣсто. Матеріальная сила, управлявшаяся жестокимъ умомъ іезуитовъ, подъ маской христіанства, теперь управляется такимъ же умомъ, но *безъ* маски, открытымъ, практическимъ, животно-эгоистическимъ, развязнымъ и наглымъ, выразившимся въ абсолютной монархіи.

Генрихъ IV и Сюлли возстановили спокойствіе и создали богатство страны. Ришелье и Мазарини упрочили созданное, побѣды Кондэ соотвѣтствовали внутри реформамъ Кольбера, все вмѣстѣ способствовало величію Франціи при Людовикѣ XIV, упрочило силу абсолютизма и дало ему право поставить своимъ девизомъ „L'état—c'est moi". Искусство, такъ властно царившее надъ всѣмъ во время возрожденія, а потомъ спустившееся до рабскаго служенія Іезуитамъ, теперь пошло въ лакеи къ Королю; всѣ прихоти его исполняются Лебренемъ, которому, въ свою очередь, подчинены архитектора, художники и скульптора. Поэтому все искусство этой эпохи проникнуто однимъ духомъ дисциплины, порядка, правильности, важности и величія, которое пыжится быть классическимъ.

При дворѣ воцаряется пышная роскошь, все размѣрено, подчинено строгому этикету, связывающему всѣ непосредственныя проявленія человѣческой личности. Зданія Мансара, картины Пуссэна и Клода—Лорена, трагедіи Корнеля и Расина, поэмы Буало—все создаетъ одинъ стиль, и искусственно тянется къ классическому. Людовикъ XIV основываетъ академію въ Римѣ, многіе художники поселяются тамъ навсегда; архитектура отличается правильностью и строгостью.

Но все это только ширмы, за которыми скрывается полная разнузданность, игнорированіе приличія и нравственности, проникшія во всѣ проявленія жизни. Точно такъ же, за внѣшней классической строгостью дворцовъ, въ ихъ внутренней отдѣлкѣ царитъ „барокко". И это смѣшеніе античности и вычурнаго проявляется во всемъ: даже статуи Людовика XIV представляютъ его въ завитомъ парикѣ и римской тогѣ. Создается особый стиль „Людовика XIV", который, благодаря личному вліянію Короля, его могуществу и блеску его царствованія, воцаряется повсюду и за предѣлами Франціи придаетъ особенную вычурность даже архитектурному стилю „Барокко". Въ Германіи „арки и фронтоны на зданіяхъ такъ причудливы, капризны, выгнуты, изломаны и завиты, точно они вышли изъ, подъ щипцовъ парикмахера".

Но по смерти Людовика XIV, во время Регентства подавленный этикетомъ Парижъ „сбросилъ парикъ" и предался легкомысленной радости и наслажденіямъ. Торжественныя „робы" замѣняются граціознымъ костюмомъ пастушекъ и субретокъ; Корнеля и Расина смѣняетъ остроумный Вольтеръ; въ искусствѣ наступаетъ непринужденный и сладострастно-граціозный стиль Ватто и Буше, изображаю-

щихъ кокетливыя идилліи и пастушескія сцены; тоже шаловливо-эротическое настроеніе проявляется и въ скульптурѣ. Во всемъ царитъ остроуміе, пикантность, находчивость, неожиданность, тотъ „стиль Людовика XV“, иначе называемый „Рококо“, который выражается не въ крупныхъ постройкахъ, а въ декоративныхъ украшеніяхъ, мелочахъ и бездѣлушкахъ и тоже распространяется по всей Европѣ.

Начиная съ Людовика XIV центромъ жизни искусства служитъ уже не Италія, а Франція; ея вліяніе становится доминирующимъ въ Европѣ, и она идетъ во главѣ „общеевропейскаго искусства“ XIX в.

Такимъ образомъ, одухотворенное искусство итальянскаго возрожденія и Готики спускается до украшенія церкви и служенія ея мірскимъ цѣлямъ, потомъ до украшенія королевскаго дворца и, наконецъ, становится забавой и игрушкой веселящейся знати. Рядомъ съ такимъ пониженіемъ самой сущности и значенія искусства, оно широко разливается въ ширину. Во Франціи, еще въ XV в. получаетъ огромное распространеніе художественная промышленность: керамика, эмаль, финифтяныя издѣлія; при Кольберѣ возникаетъ производство художественныхъ ковровъ (гобеллены); художники доставляютъ модели столярамъ, ткачамъ и другимъ ремесленникамъ, все изящнѣе становятся ювелирныя издѣлія, мебель съ инкрустаціями и т. п. Искусство, мельчая, проникаетъ все глубже и шире во всѣ слои общества.

Но во второй половинѣ XVIII в. послѣ легкомысленнаго веселія наступаетъ утомленіе и реакція. Во Франціи зарождается новое теченіе, которое уже относится къ XVX в.

* *
*

Реалистическая реакція, наступившая послѣ духовнаго подъема въ періодъ Готики, особенно сильно выразилась въ нидерландской живописи. Народъ еще болѣе трезвый и практичный, чѣмъ Германцы, неутомимымъ трудолюбіемъ и предпріимчивостью въ теченіе вѣковъ завоевывавшій свое земное благополучіе, сильнѣе всего привязался не только къ этому благополучію, но и къ своей землѣ, и ко всему земному. Даже въ періодъ наивысшаго подъема религіознаго чувства нидерландская живопись ищетъ формъ для его выраженія не въ античныхъ образцахъ, а *въ настоящемъ*, на той же землѣ, въ окружающей природѣ и жизни. Художники передаютъ ее съ необыкновенной любовью, добросовѣстностью, старательностью, тонко отдѣлывая всѣ подробности и детали. Молитвенное настроеніе фигуръ — дѣтски простое и искреннее. Сила чувства и религіозное вдохновеніе, оставаясь поэтичнымъ и не теряя характера нѣжности и мистицизма,— воплощается въ реальныя формы. За отсутствіемъ мѣста въ Готическихъ соборахъ, появляются отдѣльныя религіозныя картины, на которыхъ всѣ лица—портреты, фонъ — тонко написанный мѣстный пейзажъ или обыденная обстановка. Святые одѣты въ современные костюмы, но одухотворены глубокой вѣрой. Къ концу XV в. религіозное проникновеніе въ картинахъ выражается граціознѣе, мягче, но съ меньшей силой. Послѣ юношескаго подъема „въ высь“ искусство спускается на землю.

Нидерланды подчиняются испанскому владычеству. Принятіе протестанства вызываетъ репрессаліи католической церкви; герцогъ Альба заливаетъ всю страну кровью. Голландіи удалось завоевать свободу, но Фландрія остается католической. Послѣ того, какъ Реформація пошатнула незыблемость католичества, теперь оно вновь завоевало прочное положеніе. Фландрія была покорена мечемъ и огнемъ, теперь оставалось овладѣть народнымъ умомъ, одурманить его пом-

пой католическихъ торжествъ. Страна дѣлается оплотомъ іезуитовъ, которые считаются съ чувственнымъ темпераментомъ и „земными“ привязанностями грубаго, жизнерадостнаго и здороваго народа, и послѣ пуританской чистоты даютъ свободу чувственному опьяненію. Фландрія отдыхаетъ, и въ народѣ страсть къ матеріальному благополучію и сильнымъ животнымъ наслажденіямъ становится господствующею.

Это выразилось въ искусствѣ Рубенса (1577—1640), въ этихъ „оргіяхъ чувственности“. Онъ постигаетъ жизнь не умомъ или душою, его идеалъ не совершенство и красота формъ, а *здоровье и сила* тѣла. „Онъ не знаетъ разницы въ типахъ, а лишь въ движеніи пышныхъ тѣлъ, сжигаемыхъ страстью“.

Античное вліяніе Возрожденія сказывается въ совершенствѣ его средствъ, виртуозности техники, и хотя онъ любитъ жизнь такъ же сильно, какъ эллинъ, но по „варварски“, грубой, животной любовью, безъ потребности одухотворенія ея. За отсутствіемъ духовныхъ стремленій, высочайшій подъемъ жизни молодого народа выражается въ возведенной въ идеалъ животной жизни и наслажденіяхъ тѣла, а не въ совершенствѣ его формъ и одухотворенности.

Тѣми же стремленіями проникнута и свободная, но грубо-мѣщанская Голландія, обладавшая морскимъ могуществомъ и разбогатѣвшая отъ міровой торговли. Кальвинизмъ уничтожаетъ церковную живопись; религія становится утилитарнымъ установленіемъ правилъ добродѣтели и нравственности, *полезныхъ* для прочности земнаго благополучія общества. Люди любятъ больше всего тѣхъ, кѣмъ завоевано это благополучіе, т. е. самихъ себя, и все, въ чемъ это благополучіе выражается: свой домъ, обстановку, скотъ и домашнихъ животныхъ, посуду и кушанья, свои корабли, виды изъ своего окошка. Искусство удовлетворяетъ этой любви, и художникъ является послушнымъ и услужливымъ слугою зажирѣвшаго мѣщанства. Пишутся только *портреты* отдѣльныхъ лицъ, семейныхъ и иныхъ группъ, цѣлыхъ корпорацій и цеховъ, портреты природы, животныхъ, кораблей и т. п. Реальное искусство опускается отъ воспроизведенія жизни народа, до удовлетворенія людскому тщеславію и становится *украшеніемъ* частнаго жилища, а не храма, приспособляется къ будничнымъ нуждамъ будничной животной жизни.

Но память о жизни одухотвореннаго народнаго искусства еще свѣжа; послѣднія произведенія его еще у всѣхъ на глазахъ. Высшія духовныя стремленія, угасшія въ массахъ, еще живы въ отдѣльныхъ особяхъ, и, какъ *протестъ* противъ окружающаго его замиранія духа, —является исключительная личность и искусство одухотвореннаго реалиста—Рембрандта (1607—1669). Жизнь въ его картинахъ обыденна, но не пошла. Въ религіозные сюжеты онъ вноситъ трогательный элементъ могущественнаго и таинственнаго чувства. Въ зрѣлый періодъ онъ избѣгаетъ заказовъ, уединяется въ кругу своей семьи, и его картины являются документами личной душевной жизни художника; кромѣ совершеннаго обладанія богатѣйшими средствами живописи, въ нихъ проявляется задушевная теплота и искренность, что то мягкое, таинственное, смутное, въ чемъ онъ передаетъ тончайшія движенія души.

Какъ Голландія является первой страной, гдѣ воцарился мѣщански-буржуазный строй жизни, такъ Рембрандтъ — первый художникъ, который отдѣлился отъ общества и испыталъ на себѣ трагизмъ одиночества истиннаго „человѣка“ съ его человѣческими стремленіями среди животнаго стада, испыталъ его стадную злобу и мстительность за такое отчужденіе. На склонѣ лѣтъ подруга его жизни была опо-

зорена лицемѣрно добродѣтельными согражданами; огромное, нажитое трудомъ состояніе—рухнуло, и художникъ, прославившій родину во всемъ мірѣ, былъ пущенъ по міру и кончилъ жизнь въ нищетѣ и рубищѣ, не переставая работать до послѣдняго момента.

Та же пошлость окружающей жизни гонитъ другихъ художниковъ отъ общества людей къ природѣ, въ ея жизни побуждаетъ искать отклика на запросы собственной души и выражать въ пейзажѣ не „портреты" природы, а свое поэтическое чувство. Такимъ является Рюисдаль. Другіе продолжаютъ воспроизводить и украшать жизнь сообразно требованіямъ своихъ заказчиковъ. Во Фландріи, послѣ грубаго, чувственнаго и буйно-жизнерадостнаго Рубенса является Ванъ Дейкъ, болѣе деликатный, „эллегически усталый", реалистъ болѣе изящный, изысканный, сдержанный, холодный и правильный, любимецъ англійскаго двора и знати, прославившійся ея портретами. Затѣмъ реализмъ становится все грубѣе; наблюдательность, колоритъ, мастерство, — всѣ средства выраженія постепенно падаютъ, и нидерландское искусство въ XVIII в. становится такимъ же „общеевропейскимъ", какъ и всѣ другія.

* * *

То же происходитъ въ Англіи и Испаніи. Англія была ареной вѣчной и ожесточенной борьбы различныхъ племенъ, поочередно завоевавшихъ страну и смѣшивавшихся съ ея коренными жителями: борьбы между племенами, народами и государствами, основавшимися въ странѣ, и кровавыхъ распрей между отдѣльными партіями. Потомъ наступила борьба съ папствомъ, религіозныя войны, борьба народа съ королевской властью за свободу, наконецъ выработка правовыхъ отношеній и условій жизни народа. За такой безпрерывной обостренной, чисто практической дѣятельностью, протекавшей въ морѣ человѣческой крови и сопровождавшейся грубыми жестокостями, жизнь чувства постепенно подавлялась, атрофировалась, и даже религія стала простымъ обрядомъ и политическимъ учрежденіемъ, установившимъ извѣстныя нравственныя отношенія между мірянами и такое же формальное отношеніе ихъ къ церкви и даже самому божеству.

Трезвый, суровый, безпощадный умъ и желѣзная воля, упрямая, настойчивая и неразборчивая въ средствахъ, созданныя подобной вѣковой жизнью народа, стали доминирующими въ его характерѣ. Высшія человѣческія стремленія къ совершенству, духовному могуществу, величію и безсмертію выродились въ самопреклоненіе и тщеславіе, въ потребность матеріальной власти и преобладанія надъ міромъ и самодовольную гордость достигнутымъ. Матеріальное могущество было достигнуто, но художественное творчество не развилось, и зародыши первобытнаго искусства разныхъ племенъ, вошедшихъ въ составъ англійскаго народа, зачахли и заглохли. Когда хозяйственные хлопоты были закончены и для удовлетворенія тщеславія понадобились портреты, художники выписывались изъ сосѣднихъ странъ, и только въ XVIII в. портреты пишутся уже англійскими художниками, изъ которыхъ міровую извѣстность пріобрѣли ученый, воспитанный на изученіи древнихъ мастеровъ Рейнольдсъ (1723—1792), и выросшій на родной почвѣ естественный и граціозный Генсборо (1727—1764). Одновременно появляется и типичный реалистъ Гогартъ (1697—1764), съ безпощадной ироніей и наблюдательностью осмѣивающій въ своихъ картинахъ и рисункахъ— повѣствованіяхъ англійскіе нравы, обычаи и типы. Такимъ образомъ англійское искусство начало съ того, къ чему въ XVIII в. пришло все европейское,

и жизнь искусства въ Англіи, какъ и жизнь самого народа, началась съ захвата и претворенія для собственныхъ нуждъ всего, что въ теченіе вѣковъ создавалось другими.

Испанія, одна изъ первыхъ по давности римскихъ провинцій, издревле прониклась римскимъ духомъ и стремленіями, которыя, съ воцареніемъ на Пиренейскомъ полуостровѣ Вестготовъ, измѣнили только свою окраску, но не сущность: вся жизнь Испаніи также протекла въ безпрерывной ожесточенной борьбѣ, такъ же залита кровью, такъ же отмѣчена стремленіемъ къ міровому владычеству; такимъ же стало и ея католичество, отличавшееся отъ римскаго лишь болѣе мистическимъ, чѣмъ языческимъ характеромъ, но за то и большимъ фанатизмомъ, крайнимъ, узкимъ, мрачнымъ и экстатически возбужденнымъ. Только здѣсь могло зародиться сатанинское и роковое ученіе Лойолы и могущество инквизиціи. Цѣлые вѣка ожесточенной борьбы съ Маврами и, затѣмъ, отдѣльныхъ маленькихъ государствъ между собою закончились образованіемъ единой имперіи, достигшей міроваго значенія, величія и богатства послѣ блестящихъ завоеваній во всѣхъ частяхъ свѣта. Но всей жизнью народа руководили хищные инстинкты, унаслѣдованные отъ древняго Рима, не подчиненные ясному, деспотическому уму, какъ у Англо-Саксовъ, а усугубленные такими же хищными стремленіями католической церкви, въ которой не оставалось ничего христіанскаго, *духовнаго*, которая держала народы въ подчиненіи угнетающими средствами, возбуждавшими до степени высокаго и постояннаго напряженія не только религіозныя, но и всѣ животныя, звѣрскія чувства. Поэтому и величіе Испаніи распалось такъ же безслѣдно, какъ и величіе Рима, культура до послѣдняго времени оставалась средневѣковой, деспотической, варварской и грубой. Народъ превратился въ изувѣровъ-монаховъ, и даже короли, эти черныя и мрачныя фигуры на исторической сценѣ Испаніи, хоронились въ монашеской рясѣ и съ четками въ рукахъ.

Естественно, что и здѣсь зачатки первобытнаго искусства должны были погибнуть и не могли подняться до высоты самостоятельнаго художественнаго творчества, какой достигла Готика. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка здѣсь воцарилась чужая готическая архитектура, такъ въ XV в. живопись была занесена сюда нидерландскими мастерами, натурализмъ которыхъ былъ родственнымъ грубо-реалистической Испаніи, — и мѣстные художники усердно подражаютъ нидерландцамъ. Затѣмъ это вліяніе смѣнилось итальянскимъ, но заимствуются только формы, причемъ ни античный міръ, ни духовный подъемъ Возрожденія,— не отразились на испанцахъ: у нихъ красота и совершенство формъ отступаютъ на второй планъ передъ мрачными сюжетами, духъ которыхъ остается іезуитски-мистическимъ; вездѣ господствуетъ болѣзненная, страстная, жестко-аскетическая черта. „Въ искусствѣ Испанцевъ живетъ ихъ религіозность, страстность и фанатическій аскетизмъ, мрачно-мечтательная чувственность, истерически молитвенное настроеніе съ безпримѣрной натуралистической силой выраженія“.

Этотъ натурализмъ достигаетъ необыкновенной высоты у великаго Веласкеза. Онъ все писалъ одинаково виртуозно, но наиболѣе сильными въ его творчествѣ являются единственные въ своемъ родѣ портреты изнервничавшихся и выродившихся испанскихъ королей. Въ этихъ „фамильныхъ картинахъ“ подчиняетъ и очаровываетъ паталогическая сторона, воплощенный духъ роялизма, древне-испанской гордости и величія. Эти портреты написаны безъ всякихъ художническихъ

уловокъ и выдумокъ, *просто*, *реально*, но съ той, доведенной до крайнихъ предѣловъ, легкостью истиннаго виртуоза, за которой техники, работы, средствъ и способовъ исполненія совершенно невидно: „онъ пишетъ *ничѣмъ*, одной волей“.

Этихъ выродившихся аристократовъ обезсмертилъ такой же родовитый, но геніальный и сильный царедворецъ — Веласкезъ, обижавшійся, если его называли живописцемъ. Его натурализмъ отмѣченъ такимъ спокойствіемъ, величіемъ и благородствомъ, такой проникновенной глубиной мысли и психическаго анализа при совершенствѣ исполненія, которые ставятъ подобный реализмъ на высотѣ одухотвореннаго творчества.

Такимъ же натурализмомъ отмѣчена и религіозная живопись Испанцевъ, то воплощающая священные сюжеты въ рыцарскіе образы средневѣковья, то изображающая грубыя, жестокія мученическія картины, полныя дикой силы (Рибейра). Мурильо соединилъ въ себѣ всѣ эти элементы, умѣрилъ ихъ, смягчилъ и уравновѣсилъ. Его Мадонны мягче, нѣжнѣе, одухотвореннѣе, но все же остаются земными, чувственными, хотя и дѣвственно-чистыми. Его одухотворенность далека отъ христіанскаго идеала великихъ мастеровъ „Возрожденія“; какъ и въ изображеніяхъ обыденной жизни онъ, хотя и остается истинно испанскимъ реалистомъ, но далеко не достигаетъ высоты Веласкеза.

Послѣ этихъ мастеровъ, за этимъ подъемомъ въ жизни испанскаго искусства, какъ и вездѣ, наступаетъ періодъ безсильной аффектаціи, театрально-слезливаго католицизма и повтореніе однѣхъ и тѣхъ же ранѣе созданныхъ формъ болѣе слабыми средствами,— тѣ же признаки, которыми вездѣ сопровождается паденіе искусства. Только въ XVIII в. появляется Гойя (1746—1828), воскрешающій мощный испанскій натурализмъ въ виртуозныхъ жанрахъ, нервно исполненныхъ, полныхъ жизни портретахъ и фантастическихъ, страстныхъ и зловѣщихъ гравюрахъ. Онъ является связующимъ звеномъ между предшествовавшимъ искусствомъ и общеевропейскимъ XIX в., во главѣ котораго идетъ Франція, какъ прямая наслѣдница Италіи.

* * *

Въ блестящее царствованіе Людовика XIV французскій языкъ, искусство и даже странности перенимаются всей Европой. Какъ Греція импонировала древнему міру духовнымъ развитіемъ всѣхъ высшихъ человѣческихъ достоинствъ, какъ въ средніе вѣка повелѣвала Италія, представительница христіанства, такъ теперь абсолютная монархія, это вылупившееся изъ скорлупы ядро рокового „римскаго наслѣдства“, все подчинила своему вліянію, выдвинувъ на царственное мѣсто человѣческую изощренность эгоистическаго животнаго ума, опирающагося на грубую силу. Съ этого момента начинается полное преобладаніе не только творчества мысли, но и силы практическаго разсудка надъ всей областью чувства и надъ творчествомъ его въ особенности; наступаетъ постепенно возрастающее игнорированіе всѣхъ идеаловъ, всѣхъ высшихъ духовныхъ стремленій человѣка, игнорированіе, которое въ началѣ трусливо и лицемѣрно скрывалось за громкими фразами и пышными девизами „человѣчности“, и только въ наше время достигло апогея и выражается открыто.

Во второй половинѣ XVIII в. общество, утомленное пустотой жизни и легкомысленными наслажденіями, начинаетъ интересоваться правдивымъ и серьезнымъ. Жанъ Жакъ Руссо проповѣдуетъ возвращеніе къ природѣ. Дидро руководитъ художественной критикой, направляя искусство на новый путь. Какъ въ живописи, такъ и въ скульптурѣ ху-

дожники отъ манерности переходятъ къ изображенію природы и жизни и у нея учатся новымъ формамъ. Во главѣ новаго движенія идутъ писатели. Въ трезвой и практической Англіи еще Шекспиръ своими произведеніями создалъ вѣрное понятіе объ отношеніи искусства къ природѣ. Теперь во Франціи появляется „Новая Элоиза“ Ж. Ж. Руссо (1761), въ Германіи „Вертеръ“ Гёте (1774), гдѣ авторъ ратуетъ противъ всякой условности, и Шиллеръ, въ первыхъ произведеніяхъ котораго объявляется война всѣмъ основамъ человѣчества. Все обращается къ современной жизни, къ современному человѣку, и въ живописи новое *реальное* направленіе охватываетъ всю западную Европу.

Но это свѣжее теченіе было временно прервано новымъ возвратомъ къ античности, не имѣвшимъ, впрочемъ, ничего общаго съ возрожденіемъ. Королевская власть низвергла деспотизмъ духовенства; потомъ великая французская революція низвергла деспотизмъ абсолютной монархіи; на время воцарилось общее равенство, и идеаломъ стала римская республика. Поддаваясь общему настроенію, и французское искусство рядится въ римскую тогу. Но Давидъ, стоявшій во главѣ искусства, пользуется античными формами лишь для того, чтобы возбуждать національную гордость, угождать демократическимъ вкусамъ и склонности французовъ къ чувственнымъ наслажденіямъ. Подъ античной внѣшностью скрывалась ложь; этотъ маскарадъ создалъ *псевдо-классическое* искусство, которое, по мѣрѣ возрастанія могущества Наполеона I, воцарилось во всей Европѣ, кромѣ Германіи. Здѣсь, по силѣ того, какъ въ изысканіяхъ Винкельмана воскресла античная Греція, искусство обратилось къ эллинской пластикѣ и, стараясь усвоить античныя формы, совершенно забыло о краскахъ. Но языческій Олимпъ съ его жизнерадостностью оказался не подъ силу измельчавшему человѣчеству, и классическій вихрь, внезапно охватившій Европу, опалъ такъ же быстро, какъ поднялся, чтобы уступить мѣсто новому вѣянію.

Во Франціи съ воцареніемъ Карла X вновь возрождается клерикальная сила; въ Германіи, послѣ пробужденія народнаго сознанія, наступаетъ мрачная реакція. Настоящее безотрадно, взоры обращаются къ прошлому. Возникаетъ „Романтизмъ“, какъ слѣдствіе тоски о всемъ сильномъ, бурномъ, яркомъ, крупномъ, о всемъ, что противуположно сумеркамъ и ничтожеству настоящаго. Во главѣ стоитъ Делякруа. Но и этотъ стремительный и страстный подъемъ ослабѣваетъ.

Буржуазія, овладѣвшая всѣми плодами революціи, замѣняетъ королевскую власть. Вмѣсто деспотизма абсолютной монархіи, является деспотизмъ капитала, сила еще болѣе грубая, наглая и животная. Подъ ея давленіемъ человѣчество грубѣетъ, присасывается къ землѣ и земному, все болѣе забываетъ о жизни духа; тогда творческое чувство, какъ раньше при подобныхъ же условіяхъ въ Голландіи, обращается къ природѣ, вникаетъ въ ея жизнь, находитъ ея душу и создаетъ „пейзажъ съ настроеніемъ“, воспроизводитъ человѣка, живущаго и работающаго среди природы, поэтизируетъ его трудъ,—и реализмъ еще разъ становится одухотвореннымъ. Эта область расширяется послѣ революціи 1848 г., когда на аренѣ жизни появляется „четвертое сословіе“,—пролетаріатъ, подавленный капиталомъ, „униженный и оскорбленный“. Искусство принимаетъ участіе въ обездоленныхъ и воспроизводитъ ихъ жизнь. Но и этотъ подъемъ, выразившійся въ картинахъ Миле, Курбе и др., падаетъ, и начинается безконечное повтореніе всего, къ чему искусство такъ мятежно бросалось въ теченіе столѣтія. Античные, историческіе, жанровые и пейзажные сюжеты пишутся на тысячи ладовъ тѣми же

старыми средствами, которыя отъ безпрерывнаго употребленія становятся общедоступными, надоѣдливыми, истрепанными, ремесленными. Всѣ „повѣсттвуютъ"—никто не воплощаетъ; всѣ говорятъ—никто не переписываетъ. Художники становятся болѣе или менѣе умѣлыми и способными ремесленниками, и къ ихъ произведеніямъ постепенно начинаютъ относиться, какъ къ ремеслу, служащему прихоти и нужному лишь по стольку, по скольку оно можетъ быть *украшеніемъ*.

Жизнь изо дня въ день становилась прозаичнѣе, сѣрѣе, матерьяльнѣе, всѣ силы человѣчества все больше и больше поглощались исключительно заботами о насущномъ, животномъ существованіи, и для высшихъ человѣческихъ стремленій не оставалось ни этихъ силъ, ни времени. Художникамъ приходилось искать исхода своимъ безпокойнымъ исканіямъ въ разработкѣ утерянныхъ средствъ передачи, особенно красокъ, о которыхъ въ періодъ псевдоклассическаго увлеченія формой совершенно забыли.

Въ это время Гельмгольцъ опубликовалъ свое сочиненіе объ оптикѣ. Живописцы бросились изучать его съ энергіей естествоиспытателей. До сихъ поръ воздухъ и его вліяніе на окраску предметовъ лишь въ пейзажѣ составлялъ предметъ передачи, да и здѣсь значеніе его было второстепеннымъ: теперь увлеченіе простирается до того, что предметъ изображенія не играетъ никакой роли, и будь то человѣкъ или древесный пень,—интересъ художника исключительно сосредоточивается на передачѣ *воздуха*, окутывающаго предметы въ природѣ, и *свѣта*, ихъ игры, трепетной вибраціи и вліянія на измѣненія красокъ въ природѣ. Образуются группы „импрессіонистовъ" и „пленэристовъ". Наконецъ, „пуэнтелисты" сосредоточиваютъ свои исканія на передачѣ наибольшей *силы и интенсивности красокъ*, накладывая ихъ для этой цѣли на холстъ не смѣшанными, а чистыми, точка около точки.

Въ этой работѣ огромную роль съиграло японское искусство, образцы котораго во второй половинѣ XIX в. усиленно стали проникать въ Европу; унаслѣдованное отъ практическихъ китайцевъ, оно и въ Японіи не выходило изъ предѣловъ воспроизведенія и украшенія, но до совершенства разработало *свои* средства передачи, и, не подымаясь до высокой одухотворенности, не переставая быть земнымъ, особенно пришлось по вкусу европейцамъ, когда послѣдніе спустились „на землю". Это искусство являлось экстрактомъ работы цѣлаго поколѣнія художниковъ, все вниманіе которыхъ вѣками сосредоточивалось исключительно на вѣрной передачѣ природы наиболѣе простыми средствами: нѣсколькими штрихами и пятнами, отличающими только самое существенное, характерное и отличительное, здѣсь достигался такой своеобразный реализмъ передачи, какого невозможно достигнуть никакими подробностями. Предназначаясь исключительно для украшенія, японское искусство и въ области красокъ стремилось не къ реальной правдѣ, а къ красивому, гармоническому сочетанію тоновъ.

Такимъ образомъ, красочныя средства были разработаны съ необыкновенной полнотой и тщательностью и достигли такихъ результатовъ, такихъ комбинацій, сочетаній и эффектовъ, которые раньше не были извѣстны и являются пріобрѣтеніемъ нашей эпохи. „Свѣтъ, краски и упрощенный рисунокъ" стали девизомъ европейскихъ художниковъ, и живопись превратилась въ декоративное искусство, которое рѣшительно повернуло на путь украшенія. Начиная съ картинъ, которыми расписываются стѣны общественныхъ зданій и частныхъ домовъ, какъ и тѣхъ, которые „вѣшаются" на стѣны, и кончая статуэтками, бездѣлушками, вѣерами и тысячами мелкихъ пред-

метовъ до пряжекъ и пуговицъ включительно,—все играетъ исключительную роль украшенія, все стремится быть пріятнымъ, милымъ, красивымъ—*веселить глазъ*. Искусство, вооруженное новыми средствами,—живописью,—завершило новый кругъ своей жизни и, начавъ съ украшенія христіанскаго храма въ катакомбахъ, кончило—украшеніемъ жилища разжирѣвшаго буржуа.

„Римское наслѣдство" низвергло христіанство, творчество жестокаго эгоистическаго ума подавило творчество чувства; все „животное" восторжествовало надъ духовнымъ, римская сила кулака, вооруженнаго теперь не только мечемъ, но еще болѣе могущественнымъ капиталомъ, подавила всѣ высшія духовныя стремленія человѣка, и искусство не воплощаетъ ихъ болѣе и даже не служитъ „духовному", а является лишней приправой для болѣе легкаго пищеваренія сытаго желудка и *украшаетъ* жизнь немногихъ. Это ничтожное меньшинство выдѣлилось изъ массъ не вслѣдствіе преобладанія духовныхъ силъ, не личными „человѣческими" преимуществами, а стремительностью хищныхъ инстинктовъ и животнаго практическаго ума, выразившимися въ великой, всепоглощающей „силѣ капитала", покоющейся на сотняхъ и тысячахъ человѣческихъ жизней, поруганныхъ и загубленныхъ непосильнымъ трудомъ и лишеніями.

Дѣленіе возникающихъ народовъ на касты, какъ слѣдствіе природнаго, духовнаго и физическаго неравенства, являлось естественнымъ и нормальнымъ. Но жизнь представляетъ собою вѣчное движеніе, и неподвижность порождаетъ смерть и разложеніе. И кастовое дѣленіе продолжало бы оставаться нормальнымъ, если бы не уклонялось отъ естественнаго, жизненнаго движенія, по законамъ котораго слабѣющія и вырождающіяся особи должны были опускаться „на дно" жизни, а ихъ мѣсто пополняться новыми силами, подымающимися на верхъ, къ власти. Тамъ, гдѣ такое движеніе совершалось свободно, какъ въ Греціи и въ Италіи въ періодъ образованія новыхъ народовъ, — мы видѣли полное развитіе жизни до роскошнаго расцвѣта всѣхъ человѣческихъ силъ, давшее въ итогѣ эллинское величіе и небывалый подъемъ Возрожденія. Даже въ Китаѣ, не подымавшемся надъ уровнемъ животнаго прозябанія, отсутствіе кастоваго строя способствовало его живучести и существованію въ теченіе тысячелѣтій вплоть до нашего времени.

Наоборотъ, замкнутость кастъ была причиной гибели всѣхъ древнихъ народовъ. Даже Индія, гдѣ высшее жреческое сословіе жило преимущественно духовной жизнью, сохранила лишь неподвижность этой жизни, но, какъ политическій организмъ,—пала. Но еще болѣе глубокое и полное паденіе не только самаго народа, но и всѣхъ „человѣческихъ" достоинствъ совершалось тамъ, гдѣ у власти стояла грубая сила, и не только ограждала свои преимущества и прерогативы отъ всего, что поднималось „къ силѣ", но безпощадно давила все духовное, по самому существу своему противоположное и враждебное животному.

Въ молодыхъ народахъ, разрушившихъ старый Римъ, тоже были зачатки естественнаго кастоваго дѣленія. Предоставленные себѣ они могли вылиться въ естественныя формы, сохранить нормальное движеніе и свободу возвышенія всего выдающагося, крупнаго, сохранить и обезпечить нормальный ростъ и совершенствованіе народа. Но, соприкоснувшись съ разлагающимся Римомъ, юныя варварскія племена заразились трупнымъ ядомъ его распада. Блескъ римскихъ императоровъ и всего римскаго уклада и внѣшности жизни импонировалъ дикарямъ, едва вышедшимъ изъ первобытнаго состоянія. Съ принятіемъ ими христіанства власть римскаго духовенства, скоро превратившаяся

въ ту же грубую силу, выступавшую лишь подъ инымъ знаменемъ, способствовала упроченію кастоваго строя, еще болѣе замкнутаго, узкаго, а потому гибельнаго,—и „римское наслѣдство“ до мозга костей пропитало всю Европу. Борьба королевской власти съ папствомъ, даже борьба народныхъ массъ съ абсолютной монархіей за „свободу, равенство и братство“,—по существу оставалась борьбой *за власть грубой силы, за животное преобладаніе, за возможность угнетенія и эксплоатаціи всего подчиненнаго.* Власть духовенства, державшаяся не заботами о совершенствованіи человѣка и его духовныхъ силъ, а устрашеніемъ и ошеломленіемъ чувства темныхъ массъ, смѣнившая ее абсолютная власть монархіи, основанная на “кулакѣ, закованномъ въ броню“, какъ и поглотившая ее въ свою очередь власть капитала,—всѣ одинаково являются разновидностями „римскаго наслѣдства“, всѣ въ теченіе двухъ тысячелѣтій культивировали исключительно грубую силу и подавляли все „человѣческое“, духовное, систематически способствовали постепенному озвѣрѣнію человѣчества, послѣдовательному низведенію его на степень животнаго. Творчество мысли лишь создавало и совершенствовало орудія для этой силы, а творчество чувства ее развлекало, и только *развлекало*, ибо животное способно наслаждаться только излишествами, а „человѣческія“ наслажденія для него служатъ игрушкой и развлеченіемъ. Вся область духовнаго творчества заняла низкое, служебное мѣсто, а всѣ ея естественные и высшіе порывы не отражались въ жизни массъ и свидѣтельствовали лишь о томъ, что духъ *еще* не умеръ.

Такимъ образомъ роковое „римское наслѣдство“, цѣликомъ воспринятое молодыми народами, не развившимися и не окрѣпшими духовно, привело въ концѣ концовъ къ ихъ расчлененію не на естественныя группы, а на двѣ неравныя части: съ одной стороны—ничтожное количество угнетателей, представителей животной силы и власти, пользующихся животными наслажденіями, крохи которыхъ перепадаютъ толпѣ ихъ прислужниковъ; съ другой—все остальное порабощенное человѣчество, жизненныя силы котораго до полнаго ихъ истощенія идутъ на потребу первыхъ. При такомъ безпросвѣтномъ рабскомъ трудѣ, при такомъ, постепенно усиливающемся высасываніи изъ людскихъ массъ всѣхъ жизненныхъ соковъ,—этимъ массамъ не только не приходилось пользоваться хотя бы лишь животными наслажденіями жизни, но и самое существованіе, вѣрнѣе *прозябаніе* ихъ становилось все труднѣе и невозможнѣе.

Но въ жизни ничего не проходитъ безслѣдно, все имѣетъ свои логическія послѣдствія и предѣлы, и естественные законы ея не могутъ до безконечности нарушаться безнаказанно. Въ наше время жизнь приближается къ критическому моменту. Въ подавленныхъ массахъ всей Европы раздаются глухіе раскаты, зрѣютъ и сосредоточиваются страшныя силы, появляются зловѣщіе признаки приближающейся бури, когда одна часть человѣчества набросится на другую, когда подавленное и голодное животное набросится на хищнаго и сытаго звѣря. Это сущность настоящаго соціальнаго движенія; но чѣмъ бы оно ни кончилось,—на верху все же останется *животное,* и если эта борьба уничтожитъ, быть можетъ, „римское наслѣдство“ и устроитъ жизнь на иныхъ началахъ, то все же пройдутъ вѣка, пока животное стадо вновь станетъ истинно человѣческимъ.

Естественно, что по мѣрѣ упроченія подобныхъ условій, проявленія духовной жизни опускаются до минимума, принимаютъ ненормальныя формы и, изгнанныя изъ человѣческихъ массъ, сосредоточиваются въ отдѣльныхъ особяхъ. Человѣ-

честву не нужно болѣе *живое*, *истинное* искусство. Даже великіе памятники прошлой его жизни изгоняются изъ современнаго жизненнаго обихода, какъ не достаточно „развлекающія", и хоронятся на громадныхъ кладбищахъ, которыя называются музеями. Массы посѣщаютъ эти „Campo Santo" позѣвывая, съ Бедекерами въ рукахъ, чтобы имѣть право сказать, что „мы вездѣ были и все видѣли", и только немногіе, въ комъ не окончательно угасли остатки потребностей духа, измученные одиночествомъ въ жизни, ищутъ тамъ отдыха въ общеніи съ дорогими покойниками. Человѣчество не стремится больше къ духовному совершенству, величію и безсмертію, а въ тихій омутъ земного, животнаго благополучія, въ „духовное болото" съ гладкой и тихой поверхностью, которая не скоро покроется рябью новой жизни.

Современное общество, какъ нѣкогда одичалая толпа римскаго плебса, требуетъ только „*хлѣба и зрѣлищъ*", а не человѣческихъ наслажденій. Одни удовлетворяются чернымъ, даже мякиннымъ хлѣбомъ и животными радостями жизни, другіе — тонкими блюдами и изысканными развлеченіями, и всякое искусство стало, поэтому, лишь „*зрѣлищемъ, украшеніемъ и развлеченіемъ*".

Сообразно съ этимъ измѣнилась роль и значеніе художника. Микель Анджелло ссорился съ Юліемъ II, передъ которымъ дрожалъ весь христіанскій міръ, и властный папа смирялся, шелъ на уступки и ладилъ съ художникомъ. Императоръ Карлъ V поднимаетъ съ полу кисть Тиціану, и тотъ принимаетъ это какъ должное. Рубенсу испанскій дворъ поручаетъ дипломатическія миссіи. Рафаель, Веласкезъ, Ванъ Дейкъ и другіе живутъ среди владыкъ міра, какъ равные. Всѣ они и по знаніямъ, и по уму и развитію стоятъ выше всего современнаго имъ общества; многіе, какъ Леонардо, сочетаютъ различныя духовныя преимущества, являясь не только великими художниками, но и математиками, инженерами, архитекторами, мыслителями, философами, поэтами, музыкантами и учеными. Теперь, когда цѣнится только грубая сила, когда владыки міра заискиваютъ и входятъ въ родственныя связи и нечистыя сдѣлки съ разбогатѣвшими торгашами и ростовщиками, а искусство стало развлеченіемъ,—художникъ, подобно фокуснику или акробату изъ цирка, не допускается дальше передней. И самъ онъ сталъ грубымъ, невѣжественнымъ, ограниченнымъ, не знаетъ ничего, не интересуется ничѣмъ и въ узкомъ кругу своего искусства, ставшаго ремесломъ, стоитъ на столько же ниже своихъ великихъ предшественниковъ, на сколько современность, въ духовномъ отношеніи,—ниже эпохи Возрожденія. Но воспоминаніе объ этихъ великихъ предшественникахъ побуждаетъ и современнаго ремесленника въ искусствѣ пыжиться и напяливать на свои плечи ихъ роскошныя тоги и претендовать на „власть". Для этой тщеславной цѣли онъ, художникъ, не брезгуетъ теперь никакими средствами, и если ему удается добиться матерьяльнаго успѣха, *за которымъ* только слѣдуетъ слава, то „свѣтское" общество удостаиваетъ его даже приглашенія на „рауты", забавляясь и развлекаясь имъ, какъ оригинальной игрушкой. Но горе ему, если онъ увлечется и повѣритъ, что его принимаютъ, „какъ равнаго". Судьба такого истиннаго художника, какъ Гюи де Мопассанъ, лучшее доказательство современныхъ отношеній между художникомъ и обществомъ такихъ же, какъ между мастеровымъ и заказчикомъ.

Но потребность духовнаго творчества, разъ проявившись въ жизни, не легко уходитъ изъ нея. Когда въ концѣ XIX в. опредѣлилась роль искусства, какъ украшенія, когда все, что не шло по этому пути, игно-

рировалось и встрѣчало полное равнодушіе, когда массы художниковъ превратились въ простыхъ ремесленниковъ, а болѣе талантливые примѣняли свои дарованія къ созданію дѣйствительно художественныхъ украшеній,—тогда тѣ изъ нихъ, которые не могли подавить въ себѣ стремленій духа, все больше и больше стали удаляться, уединяться отъ жизни и заметались въ новыхъ исканіяхъ источниковъ для одухотвореннаго творчества. Но современная жизнь представляла пустыню, въ которой изсякли эти источники, приходилось искать ихъ въ глубокихъ тайникахъ собственной души, сосредоточиться на внутреннемъ „Я“, и только его воплощать въ своихъ произведеніяхъ то или иное значеніе которыхъ въ прямой зависимости отъ значительности самого „Я“. Это былъ новый „предметъ изображенія“, для воплощенія котораго потребовались и новыя средства, вѣрнѣе,—новые пріемы въ пользованіи созданными средствами, разнообразные до безконечности, какъ разнообразны различные „Я“. Наступилъ *индивидуализмъ* въ искусствѣ. Приходилось отказаться отъ старыхъ традицій и пріемовъ; все полученное и достигнутое наблюденіемъ природы, воспроизведеніемъ ея внѣшности не годилось для выраженія исключительно внутренняго. Приходилось разрушить все старое, чтобы изъ обломковъ создать нѣчто новое. Такимъ образомъ индивидуализмъ явился анархизмомъ въ искусствѣ и пытается *приспособиться* къ быстрому движенію и измѣненію формъ жизни. Но задача искусства—создавать, и за отсутствіемъ другого бога, его мѣсто занимаетъ *глубина души человѣка.* За отдѣльными особями по этому пути слѣдуютъ немногія, родственныя имъ, и образуются тѣ маленькія группы, тѣ безчисленныя „новыя направленія“, которыми пестритъ жизнь искусства за послѣднее десятилѣтіе. Индивидуализмъ въ философіи выразился у Ницше, который ставитъ отдѣльное совершенное „Я“ на царственное мѣсто; въ литературѣ у Метерлинка, Оскара Уайльда и десятковъ другихъ писателей и поэтовъ; въ живописи—въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ оригинальныхъ художниковъ. Всѣ такъ различны, что каждый требуетъ особаго опредѣленія, но всѣ характерны, какъ выразители одного явленія въ искусствѣ, воплощающемъ многогранную жизнь современной человѣческой души.

Индивидуализмъ въ искусствѣ есть единственно возможное въ наше время проявленіе духовной творческой силы и духовныхъ потребностей, ставшихъ исключительнымъ достояніемъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, а не цѣлыхъ группъ народа: это выраженіе трагическаго одиночества и полной отчужденности отдѣльной одухотворенной личности отъ человѣческаго стада, всецѣло сосредоточившагося на животныхъ потребностяхъ земнаго существованія. Индивидуализмъ, съ его новыми формами выраженія во всѣхъ областяхъ искусства, не выработалъ еще окончательно этихъ формъ и потому даетъ возможность легко укрыться за ними всякому шарлатану, позёру и пройдохѣ; эти формы не поддаются пока никакому учету и систематическому анализу, а воспринимаются непосредственно и исключительно субъективнымъ чувствомъ и находятся въ полномъ разладѣ съ прежними, привычными, формами выраженія. Все это нарушаетъ массовыя привычки, требуетъ духовнаго напряженія, нарушаетъ спокойствіе животнаго сна и потому раздражаетъ массы, возбуждаетъ ихъ глумленіе и злобу, такъ какъ *не выражаетъ* самой жизни, *а протестуетъ* противъ ея современной сущности.

Чуждый жизни, одинокій, вѣчно неудовлетворенный и пожираемый неугасающимъ огнемъ внутренней жизни, безпрерывно побуждающимъ его къ новымъ исканіямъ и запросамъ мятежнаго духа, индивидуа-

листъ художникъ проникаетъ въ такія тайны этого духа, которыя доступны наблюденію только въ собственной душѣ; онъ погружается въ глубочайшіе ея омуты, открываетъ и растравляетъ сокровеннѣйшія ея язвы, переживаетъ мучительнѣйшія страданія, и, воплощая ихъ, все скрытое дѣлаетъ явнымъ, находитъ нетронутые источники новыхъ сокровищъ. За эти исканія онъ часто платится разрушеніемъ личнаго счастія и самой жизни только для того, чтобы обогатить область духа новыми познаніями для новаго пути къ совершенству, величію и безсмертію. Эти самопожирающія исканія— отчаянныя вспышки того яркаго пламени духовной жизни, которое нѣкогда согрѣвало человѣчество, освѣщало его духовную сущность и путь къ высшей цѣли. Теперь это только блуждающія въ пространствѣ, разрозненныя искорки, которыя такъ же могутъ погаснуть, какъ и соединиться, разгорѣться, вновь согрѣть духовно-коченѣющее человѣчество и освѣтить его сѣрую животную жизнь. Индивидуализмъ— это кризисъ въ болѣзни зачахлой и истомленной души, кризисъ, который можетъ закончиться предсмертной агоніей, но и медленнымъ возрожденіемъ, возстановленіемъ здоровья, силы и полной, богатой, жизни духа.

Болѣзненная изощренность духовнаго творчества отдѣльныхъ особей, полное отчужденіе отъ него всей массы современнаго человѣчества и общее пониженіе искусства до степени простого украшенія, — все это является отличительной, характерной чертой переживаемой нами эпохи и нашло свое выраженіе въ особомъ стилѣ. Этотъ стиль въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ властно воцарился въ жизни и проявляется повсемѣстно въ самомъ складѣ мысли и ея выраженіи, въ литературномъ слогѣ, въ поэзіи, въ музыкѣ и танцахъ, въ архитектурѣ, картинахъ, предметахъ художественной промышленности и обыденной обстановки, въ бездѣлушкахъ и дамскихъ нарядахъ.

Каждый стиль есть олицетвореніе извѣстной эпохи, является показателемъ пережитаго и соотвѣтствующихъ измѣненій въ жизни человѣческаго духа.

Доисторическій человѣкъ творитъ стихійно; сознаніе едва зарождается, и, для выраженія такихъ же просыпающихся къ жизни потребностей духа, онъ располагаетъ необработанные камни рядами, нагромождаетъ ихъ другъ на друга (дольмены) и лишь много позже начинаетъ ихъ грубо обтесывать и украшать.

Первое опредѣленіе сознанія человѣкомъ своей матеріальной и духовной силы, сознанія способности справляться съ огромными массами матеріи и умѣнія подчинять ихъ духовному,—первое *торжество духа надъ матеріей,* какъ символическое олицетвореніе могущественной власти сильныхъ кастъ, подавляющихъ *человѣческое стадо*, —выразилось въ вырубленныхъ изъ цѣлой скалы индійскихъ пагодахъ, египетскихъ пирамидахъ и тяжелыхъ, массивныхъ храмахъ.

Послѣ того, какъ матерія окончательно подчинена, — совершенствуется форма. Творчество изъ стихійнаго, инстинктивнаго—становится не только сознательнымъ, но ищетъ гармоніи, создаетъ строгіе, спокойные, величественные греческіе храмы съ опредѣленно-законнымъ сочетаніемъ отдѣльныхъ частей въ одно совершенное цѣлое. Это олицетвореніе полнаго развитія великаго, свободнаго эллинскаго духа, чуждаго деспотизму: онъ *не грубо подавляетъ матерію, а свободно распоряжается, облекая ее въ совершенныя формы.*

Воцаряется христіанство, и, пользуясь имъ, *духовенство* вновь *подавляетъ міръ*: является Романскій стиль. Человѣчество *освободилось отъ новаго гнета*, охваченное чистой вѣрой, *стремится къ небу*, и это

выражается въ Готикѣ, когда духъ отрывается отъ земли. Но обезсиленный „римскимъ наслѣдствомъ“, *онъ падаетъ*, человѣчество погружается въ земное существованіе, суетливо украшаетъ его и создаетъ стиль „Барокко“. Затѣмъ, какъ бы устыдившись паденія, научившись лгать и лицемѣрить, оно прикрывается античной строгой внѣшностью и скрываетъ за ней свою „барочную“ мелочность и пустоту: создается стиль „Рококо“. Наконецъ *духовная жизнь замираетъ, подавленная животной*; усталое человѣчество уже не стыдится своего паденія, обезличивается и скучно, вяло повторяетъ и пережевываетъ прежнія формы или апатично сооружаетъ безличныя постройки. Въ наши дни *животная сила торжествуетъ полную побѣду по всему фронту*. Опочивъ на лаврахъ, она нуждается въ развлеченіи, и *порабощенный, загнанный, измученный и обезсиленный духъ* болѣзненно хватается за послѣднюю возможность, *напрягаетъ остатки силъ, чтобы проявиться въ жизни*, быть можетъ въ послѣдній разъ воплотиться въ новыя формы. Появляется „современный“ стиль, „moderne“, иначе называемый „декадентскій“, упадочный,—стиль, являющійся олицетвореніемъ духовной жизни начала XX вѣка.

Прямыя линіи, скучныя и однообразныя, какъ пустыня современной жизни, смѣняются капризными кривыми, которыми изобилуютъ и контуры всего зданія, и его детали, и въ особенности украшенія. Большія пространства удручающе непривѣтливыхъ гладкихъ стѣнъ чередуются съ глубокими нишами и промежутками, до излишества заполненными декораціями или затѣйливыми орнаментами. Устало изогнутыя линіи украшеній плавно ползутъ симметрично расположенными лентами, или вяло и безалаберно вьются, сходятся, перепутываются и снова расходятся, превращаются въ прямые и снова изгибаются, развертываются, чтобы вновь встрѣтиться и пересѣчь пройденный путь, точно безпокойный, измученный духъ, заключенный въ тѣсную клѣтку животной современности, который безсильно бьется объ ея холодныя, жесткія стѣны, мечется, падаетъ, и вновь подымается, и трепетно бьется, витаетъ и кружится въ безконечныхъ и безплодныхъ, томительныхъ исканіяхъ. Сѣрые, мутные и неопредѣленные тона создаютъ общую спокойную гармонію, тихую, ровную и безцвѣтную, какъ сама жизнь; и тутъ же внезапная вспышка яркихъ и рѣжущихъ красочныхъ пятенъ, подобныхъ острому крику наболѣвшей души. Простота и вычурность, нагроможденіе и легкость, неуклюжая тяжеловѣсность и стройность, прозаическая скука и утонченная поэзія, прямолинейная разсудочность и безпокойная фантазія, совмѣщеніе въ новыхъ комбинаціяхъ основныхъ элементовъ всѣхъ ранѣе созданныхъ формъ съ совершенно новыми, смутными и неопредѣленными,—все вмѣстѣ сливается въ одно цѣлое,—странное, безпокойное, изысканное, усталое, но не лишенное особой прелести увядающей красоты, какъ пышный оранжерейный цвѣтокъ безъ запаха, получившійся отъ сложныхъ и продолжительныхъ комбинацій и скрещиваній различныхъ сѣмянъ. Все въ этомъ новомъ стилѣ одновременно выражаетъ *увяданіе и безсиліе усталаго духа и прозаическое однообразіе животной жизни*.

Такимъ образомъ европейское „христіанское“ искусство, поднявшись до высокой одухотворенности, опустилось до простого „украшенія“.

Христіанство оказалось слишкомъ духовнымъ и высокимъ для человѣчества, въ которомъ инстинкты первобытнаго дикаря-звѣря только усилились и обострились подъ безпрерывнымъ воздѣйствіемъ „римскаго наслѣдства“. Звѣрь сталъ

болѣе сильнымъ, самоувѣреннымъ, хищнымъ, жаднымъ, ловкимъ, хитрымъ и, съ помощью изощреннаго ума, приспособился къ человѣческой шкурѣ, научился лживо и лицемѣрно прятать жестокую сущность за внѣшней культурностью и человѣчностью. Подавленный духъ судорожно бьется въ борьбѣ съ животной силой, а, по мѣрѣ его замиранія, падаетъ и искусство, въ неразрывной связи съ измѣненіемъ характера и исторической жизни европейскихъ народовъ.

* * *

Иной народный характеръ и совершенно исключительныя историческія условія обусловили исключительную судьбу и жизнь русскаго искусства.

Элизе Реклю заканчиваетъ предисловіе къ русскому переводу своего сочиненія „Человѣкъ и Земля" слѣдующими словами, обращенными къ русскимъ читателямъ: „.....Черезъ нѣсколько вѣковъ, когда утихнутъ современныя страсти, какими великими доблестями щедро надѣлитъ васъ исторія? Заранѣе можемъ мы отвѣтить на это: вашей главной заслугой всѣ должны будутъ признать то, что вы были наиболѣе гостепріимнымъ, наиболѣе *братолюбивымъ* изъ народовъ. Нація, охватившая безконечную равнину, которая превосходными путями соединяется съ другими равнинами, вы въ одно и то же время обладаете и качествами осѣдлаго земледѣльца, который любитъ землю и съ нѣжностью воздѣлываетъ ее, и свободной натурой номада, который всюду чувствуетъ себя на родинѣ. Вы вездѣ будете желанными гостьми и всѣхъ будете принимать у себя, какъ друзей: ни одна національная группа не будетъ содѣйствовать столько, какъ ваша, нарожденію націи будущаго, которая произойдетъ отъ всѣхъ расъ и будетъ говорить на всѣхъ языкахъ. Вы будете главными дѣятелями въ дѣлѣ *истинно-человѣческой цивилизаціи*, зиждущейся на свободѣ и правѣ"... а слѣдовательно и на высокомъ развитіи духовной жизни, прибавимъ мы отъ себя.

Итакъ, братолюбіе, т. е. *человѣчность* въ высокомъ значеніи этого слова, органическая *потребность свободы*, *трудолюбіе*, *мягкій*, *миролюбивый характеръ*, какъ источникъ широкой *терпимости* и гостепріимства,—вотъ тѣ отличительныя „славянскія" качества, которыя подчеркиваетъ глубокій знатокъ исторіи не только земли, но и человѣка, и ихъ взаимодѣйствія другъ на друга. Кромѣ того, кочевые инстинкты,—непреодолимое стремленіе въ даль, тоска по неизвѣданномъ,—побуждаютъ славянъ проникать все дальше въ незнакомыя страны, узнавать новыя племена. Широкая равнина, гигантскія рѣки, впадающія въ южныя и сѣверныя моря, какъ естественные пути сообщенія, способствуютъ ихъ сношеніямъ съ народами древняго міра, и еще въ отдаленныя времена славяне извѣстны, какъ народъ *смѣтливый*, *находчивый*, *предпріимчивый и смѣлый, но не хищный*, *а живой*, *привѣтливый и жизнерадостный*; по указаніямъ Ѳеофилакта и другихъ*) они въ поэзіи, музыкѣ и пляскѣ не знали соперниковъ. Всѣ эти черты діаметрально противуположны „римскимъ", ставшимъ потомъ „общеевропейскими" и по существу очень близки и родственны эллинскимъ.

Подобно античнымъ грекамъ, славяне мужественно борются за свою свободу, ожесточенно отстаиваютъ ее отъ посягательствъ сосѣдей, но также органически чувствуютъ отвращеніе не только къ деспотизму и насилію надъ другими, но даже ко всякому проявленію матеріальной власти, хотя бы для поддержанія порядка у себя дома, и для этой полицейской и административной дѣятельности довѣрчиво при-

*) Славянскія древности. Т. I.

глашаютъ чужихъ „изъ за моря“, и лишь когда во главѣ ихъ становится князь изъ сѣверныхъ, воинственныхъ хищниковъ и окружаетъ себя такой же дружиной,—начинаются тѣ набѣги, походы и войны, которые были чужды мягкому и отъ природы гуманному славянину.

Такъ же много родственнаго грекамъ и въ пантеистическомъ религіозномъ культѣ славянъ. У нихъ есть свой Олимпъ, населенный такими же богами: также обожествляются камни и горы, вода и огонь, рощи и деревья, небо, солнце и вѣтеръ. Даже скотъ имѣетъ своего бога—Велеса. Есть богъ страха—Трясъ, богиня юности — Весна, смерти—Моряна, свои нимфы, или вилы, и цѣлый рядъ второстепенныхъ божествъ, которыя съ водвореніемъ христіанства превратились въ чертей. Но разбросанные на безпредѣльныхъ пространствахъ, окруженные болѣе дикой и суровой природой, чѣмъ эллины, славяне жили въ большомъ общеніи съ нею и болѣе уединенно. Такая жизнь располагала къ созерцанію, вдумчивости, углубленію въ душевную жизнь и смыслъ явленій природы и жизни, къ исканію ихъ общаго первоисточника. Поэтому пантеистическій культъ углубляется вѣрой въ безсмертіе души и полную загробную жизнь: „дѣвушка *добровольно* рѣшается умереть, когда умираетъ ея женихъ, чтобы наслаждаться съ нимъ новой жизнью тамъ, гдѣ живутъ ихъ предки“. Это не грубая варварская жестокость, а слѣдствіе глубокой одухотворенной вѣры, той потребности, которая побудила славянъ *самихъ* искать христіанства.

Все это указываетъ, что въ богато одаренной славянской расѣ духовныя стремленія преобладали надъ животными, составляли основу народнаго характера и проявлялись полнѣе и ярче, чѣмъ въ какой либо другой.

Эта глубокая и всеобъемлющая „славянская душа“ создала ту несокрушимую силу, которая помогла злополучному народу перенести всѣ историческія пытки и мученія и все же сохранить свою душу, хотя израненную, искалѣченную и больную, но еще болѣе углубленную страданіями, сохранить ту „âme slave“, которая для утерявшаго душу европейца до сихъ поръ кажется загадкой, возбуждаетъ его удивленіе и поражаетъ всякими неожиданностями.

Естественно, поэтому, что различныя славянскія племена обладали своей языческой культурой за долго до крещенія Руси. Начиная съ II и до VII в. по Р. Хр. Шафарикъ находитъ разные слѣды и указанія на то, что греки и римляне почитали славянъ народомъ культурнымъ, знакомымъ съ науками и письмомъ. Восточные и западно-европейскіе историки, писатели и путешественники того времени, посѣщавшіе славянскія земли, говорятъ о „храмахъ, отличавшихся блескомъ, великолѣпіемъ и художественностью, стѣны которыхъ украшены богатой рѣзьбой, символическими знаками, образами боговъ, фантастическихъ птицъ и звѣрей, изображенныхъ такъ естественно, что они казались живыми“. Искусство широко проявляется и въ обыденной жизни: простыя и богатыя ткани покрыты узорами; оружіе, турьи рога, предметы домашняго обихода,—все изукрашено орнаментомъ, фантастической, разнообразной и искусной рѣзьбой. Эти свѣдѣнія подтверждаются и скандинавскими сагами, и русскими народными лѣтописями.

У племенъ, составлявшихъ собственно „Русь“, искусство достигло уже той высоты, когда оно воплощаетъ высшія, религіозныя представленія народа, и, при естественномъ развитіи, могло подняться до своеобразнаго совершенства. Но въ X в. Русь приняла крещеніе съ „Востока“, а съ новой вѣрой и христіанское искусство, которое стало уже „византійскимъ“, т. е. замерло

и окоченѣло въ неподвижныхъ, разъ навсегда установленныхъ формахъ, не воплощавшихъ образы, а изображавшихъ условные, символическіе знаки. Здѣсь искусство давно перестало жить, превратилось въ простой орнаментъ,—символическія письмена,—и для него всякое дальнѣйшее развитіе было навсегда закрыто строгими постановленіями Церкви.

Мы видѣли, какъ римское христіанское искусство, не ограниченное церковью, свободно слилось съ языческимъ, прошло съ нимъ общій натуралистическій путь изученія природы и, развившись до совершенныхъ формъ, дало жизнь современному искусству. О подобномъ сліяніи мертваго византійскаго искусства съ полнымъ силъ и жизни юношескимъ славянскимъ—не могло быть и рѣчи. Здѣсь одно должно было *подчинить* другое до полнаго порабощенія, и это свершилось: „..... блаженный же князь Володимеръ, внукъ Ольжинъ, всю землю русскую крести, и *отъ конца и до конца храмы идольскіе и требища всюду раскопа и посѣче, идолы сокруши*"...., а съ ними „сокруши" и полное задатками самобытнаго развитія юное славянское искусство. Область религіозной живописи, въ которой единственно духовное творчество достигаетъ наибольшей высоты, на вѣки закрылась византійскими „символическими письменами": Греческіе мастера строятъ русскіе храмы, пишутъ образа для нихъ, у нихъ учатся русскіе, но всѣ лишь безконечно повторяютъ одни и тѣ же образцы все болѣе падающими средствами. Дальнѣйшія событія только способствуютъ систематическому и безпрерывному подавленію малѣйшихъ проблесковъ жизни русскаго искусства.

Мы видѣли, насколько свобода способствуетъ росту, подъему и полнотѣ духовной жизни народа. Не только въ древности, но и въ средніе вѣка, когда Европа томилась подъ игомъ феодализма и крѣпостнаго права, русскіе были на высокой ступени гражданственности, у нихъ преобладала общинная, демократическая стихія, и крѣпостнаго рабства до XVII в. не существовало. Въ Новгородѣ народное вѣче дѣйствовало „на всей своей волѣ", по его усмотрѣнію приглашались и изгонялись князья, бывшіе лишь исполнителями народныхъ указаній. Такъ было и въ другихъ городахъ и удѣлахъ. Даже двухъ-вѣковое монгольское владычество не сразу измѣнило подобный строй. Сѣверные, болѣе отдаленные города долго откупались, но князья другихъ удѣловъ, пресмыкавшіеся въ ордѣ, возвращались грозными, суровыми, зараженными „азіатщиной" повелителями и вымещали на подданныхъ всѣ свои униженія.

Иванъ Калита и его преемники, собиравшіе ханскую дань со всѣхъ княжествъ, оставляли часть ея себѣ, богатѣли, раболѣпіемъ и подкупами при дворѣ хана добились званія „великихъ князей" и, покупкой и силой овладѣвая сосѣдними княжествами, достигли единовластія, превратившагося въ самовластіе и произволъ: уже Дмитрій Донской собственной волей установилъ чуждую славянскому духу смертную казнь. Иванъ III свергнулъ татарское иго, а при его сынѣ всѣ города и удѣлы соединены въ одно государство, общинныя права и вольности уничтожены, народная свобода гибнетъ, и воцаряется полное самовластіе. Монгольское иго не прошло безслѣдно, оно привило русскому народу много дикой татарщины, проникшей въ обычаи и нравы, затормозившей нормальный духовный ростъ и естественное развитіе народа, но не тронуло его душу. За то оно до мозга костей развратило правящіе классы, проникшіеся азіатскимъ деспотизмомъ, и теперь въ исторіи русскаго народа громадную роль играетъ новый факторъ—„*монгольское наслѣдство*".

Яркимъ выразителемъ его является Іоаннъ Грозный, въ которомъ заглохшая славянская душа лишь рѣдкими, отчаянными предсмертными вспышками прерываетъ сплошную, дикую оргію азіатскаго варварства и деспотизма. Царствованіе его залито кровью, осквернено порабощеніемъ свободы народа и извращеніемъ его характера въ угоду личному произволу и выгодѣ. Возбужденіемъ самолюбія, тщеславія и зависти сѣется рознь среди дворянства и, когда одна часть его истребляетъ другую, оставшіеся ослабляются пытками, казнями, ссылками, уничтожаются „царскими псами"—опричниками. Мѣста дворянъ занимаютъ холопствующіе передъ царемъ дьяки, назначаемые имъ лишь на короткіе сроки, почему они и спѣшатъ нажиться грабежами и взятками. Ихъ за это отдаютъ „на правежъ", подъ кнутъ, лукаво соблюдая внѣшность правосудія, но награбленное идетъ царю, какъ и отнятыя у дворянъ имѣнія. Монополіи, „царевы кабаки", принудительная покупка у казны по высокой цѣнѣ награбленнаго имущества и отнятаго у купцовъ товара, ставшаго негоднымъ, захваты монастырскихъ богатствъ и имѣній, низкія интриги, лукавыя уловки, звѣрская жестокость, грабежи и насилія,—все пускается въ ходъ для уничтоженія сильныхъ, порабощенія и ограбленія всего народа, превращенія его въ послушное стадо. Всѣми средствами поддерживается невѣжество, и, чтобы ни одинъ лучъ свѣта не проникъ въ эту тьму безправія и произвола, не только никто не отпускается въ чужіе края, но и пріѣздъ иностранцевъ обставленъ всякими затрудненіями. Духовенство унижено и порабощено. Дворянство истреблено или превращено въ раболѣпныхъ холоповъ, зависимыхъ отъ прихоти царя, развращенныхъ и ожесточенныхъ, вымещающихъ свое униженіе на подвластныхъ такимъ же гнетомъ. Изъ простыхъ классовъ высасываются всѣ соки, они лишены всѣхъ правъ. При встрѣчѣ съ высшими „холопъ" долженъ падать ницъ. Его не грабитъ только тотъ, кто не хочетъ, и каждый можетъ убить его почти безнаказанно. При такихъ условіяхъ, у трудолюбиваго, жизнерадостнаго и предпріимчиваго нѣкогда народа пропадаетъ и бодрость, и силы, и желаніе работать, развивается апатія, лѣнь, пьянство, развратъ, подозрительность, недовѣріе, лживость и замкнутость; усиливаются грабежи и убійства, нищета и голодъ. Цѣлыя деревни и уѣзды пустѣютъ и люди, какъ звѣри, прячутся по лѣсамъ. Наконецъ, для полнаго пресѣченія всякой возможности кому бы то ни было подняться изъ подавленнаго положенія, переходъ изъ одного сословія въ другое запрещается, и въ свободномъ народѣ силой устанавливается чуждое ему замкнутое кастовое дѣленіе. 80 тысячъ войска, состоящаго на жалованьи у царя, преданнаго ему за возможность грабить и безчинствовать безнаказанно, удерживаютъ все въ подчиненіи *).

Съ этого времени „братолюбивый" народъ, въ которомъ „свобода, равенство и братство" являлись не плодомъ соціальнаго или христіанскаго ученія, а вытекали изъ его натуры,—обращается въ безпросвѣтное рабство; такъ продолжается и въ послѣдующія столѣтія. Наверху—полновластный царь и его подручные, проникнутые духомъ „монгольскаго наслѣдства",—а подъ ними—милліоны безправныхъ, темныхъ и голодныхъ нищихъ, богато одаренныхъ отъ природы, но *насильно* приводимыхъ въ животное состояніе, и все же не теряющихъ „славянской души". Она только закаляется и углубляется страданіями, и въ минуты бѣдствій, угрожающихъ не животному существованію, а самой святынѣ народной души,

*) Флетчеръ. О государствѣ русскомъ.

этотъ народъ находитъ силы стряхнуть съ себя и бѣдствія смутной эпохи и „нашествіе иноплеменниковъ“ въ 1812 г.

Не гибнутъ и тѣ проявленія жизни души, которыя выражаются искусствомъ. Подавленное византійствомъ, изгнанное изъ религіозной живописи, которая стала формальной частью обряда, богослуженія, — искусство ищетъ исхода въ зодчествѣ. Въ деревянныхъ постройкахъ постепенно вырабатывается національный стиль, причудливый и фантастическій, который постепенно примѣняется и въ каменныхъ сооруженіяхъ. Онъ впервые выражается во всей варварской, но своеобразной красотѣ въ XVI в., при постройкѣ въ Москвѣ собора Василія Блаженнаго, созданнаго *русскими* мастерами, — Постникомъ и Бармой. Изъ низкаго, вросшаго въ землю и придавленнаго къ ней массива выростаютъ, плотно прижимаясь другъ къ другу, отдѣльныя башни, то расширяясь, то суживаясь, точно преодолѣвая препятствія. Тяжелыя и соединенныя у основанія, онѣ становятся все легче, стройнѣе, отдѣляются одна отъ другой, рвутся на просторъ, поднимаются однѣ выше, другія ниже, и только самая крупная достигаетъ наибольшей высоты, но всѣ стремятся къ небесамъ, Богу и свободѣ. Это полное олицетвореніе народнаго духа, подавляемаго въ общей массѣ, но прорывающагося къ жизни отдѣльными вспышками, изъ которыхъ однѣ гаснутъ въ началѣ, другія—разгораются сильнѣе и стремятся выше.

До этого времени церковная архитектура строго держалась византійскихъ образцовъ, и Василій Блаженный былъ непозволительной вольностью и нарушеніемъ обычая. Поэтому постановленія церковныхъ соборовъ и указы правительства преслѣдуютъ такія новшества, губятъ яркія проявленія народнаго зодчества и низводятъ его къ прежней подражательности обезличеннымъ византійскимъ образцамъ, которые позже смѣнились западно-европейскими. Духовное творчество, изгнанное изъ иконописи и архитектуры,— падаетъ, и искусство опускается до *украшенія*, проявляясь лишь въ затѣйливыхъ орнаментахъ. Но съ XVI в. къ московскому двору выписываются иностранные мастера для постройки соборовъ и списыванія царскихъ портретовъ, что не остается безъ вліянія на русскихъ иконописцевъ. Среди нихъ въ XVII вѣкѣ замѣтно стремленіе ввести въ сухія византійскія прописи новыя, живыя формы. Возникаютъ зародыши того натуралистическаго изученія природы и человѣка, которое въ Италіи послужило началомъ эпохи Возрожденія. Съ точки зрѣнія византійскаго православія это уже было прямо грѣховнымъ и еретическимъ, и патріархъ Никонъ, а также соборъ 1667 г. строго наказываютъ и впредь придерживаться прежнихъ образцовъ, установленныхъ Стоглавымъ соборомъ. И все же жизнь искусства настойчиво пробивалась наружу. Явилось нѣсколько самоучекъ русскихъ, писавшихъ не только иконы, но и портреты.

Но и эти новые зародыши самостоятельнаго развитія были прерваны реформами Петра I, и русское искусство, не успѣвъ оформиться, уступило мѣсто безличному общеевропейскому. Такимъ образомъ, всѣ порывы къ духовному творчеству, неудержимо стремившемуся къ полной жизни, безпрерывно угнетались и прекращались сначала мертвымъ византійствомъ, потомъ правительствомъ, русскимъ духовенствомъ и соборами.

Въ подавленныхъ массахъ были убиты всѣ силы, которыя направляютъ духовную жизнь на путь искусства: не было ни жизнерадостности, ни свободы, ни спокойнаго и безбѣднаго существованія, и измученная душа находила исходъ переполнявшимъ ее чувствамъ исключительно въ молитвѣ. Въ высшихъ сферахъ жизнь духа умерла, и подъ

вліяніемъ „монгольскаго наслѣдства“ воцарились животные инстинкты и господство грубой силы. Для полной жизни искусства не оставалось почвы,—и оно прозябало на степени *украшенія*.

Петръ I круто повернулъ Россію на новую дорогу, въ догонку за Европой. Онъ не столько заботился о внутреннемъ благосостояніи, сколько о развитіи исполинскаго могущества. Его прельщала только внѣшняя сторона европейской цивилизаціи. Тайная канцелярія, пытки и казни были главными средствами преобразованій, а народъ служилъ ихъ орудіемъ и матеріаломъ. Крѣпостное рабство получило санкцію и усилилось. Покорный сенатъ замѣнялъ думу, царскіе указы—законы. Церковь стала орудіемъ самодержавія, а архіереи льстятъ и угодничаютъ передъ царемъ и не смѣютъ обличать сильныхъ. Въ областяхъ царило самоуправство, произволъ и злоупотребленія, но царскія войска одерживали побѣды, и внѣшнее могущество возрастало со дня на день. По мѣрѣ знакомства съ Европой, рядомъ съ „монгольскимъ наслѣдствомъ“ накоплялось и „римское“, одно усиливало другое и въ дружномъ согласіи все прочнѣе внѣдрялись въ высшія касты Россіи.

Послѣ смерти Петра I гвардія надолго завладѣла престоломъ; при ея содѣйствіи Государствомъ правятъ женщины, ихъ любимцы и нѣмцы, презирающіе народъ. Пытки, казни, заточенія, ссылки, произволъ и безправія не прекращаются. Наконецъ, при содѣйствіи той же гвардіи, трономъ овладѣваетъ чистокровная нѣмка—Екатерина II. Она изучала конституціонную систему, Вольтера и Дидро, переписывалась съ энциклопедистами, дорожа ихъ мнѣніемъ, налагала на себя личину свободолюбія и, дѣйствительно, смягчила деспотизмъ верховной власти, установила нѣкоторое уваженіе къ законамъ, но монастырскія имѣнія были отобраны, а крѣпостное право достигло чудовищныхъ размѣровъ: около полумилліона живыхъ „славянскихъ душъ“, не считая богатствъ, отдано однимъ ея любимцамъ: закрѣпощается и свободная Малороссія, добровольно отдавшаяся подъ скипетръ Россіи. Военное сословіе своевольничаетъ и чувствуетъ себя на высотѣ положенія. Высшіе классы и дворянство добровольно холопствуютъ, съ рабской покорностью выжидая подачекъ и милостей. Народныя массы доведены до полнаго отчаянія, вызвавшаго Пугачевскій бунтъ, залитый кровью.

Но Имперія разростается, побѣды и захваты слѣдуютъ одинъ за другимъ, и внѣшнее могущество достигаетъ грозныхъ размѣровъ. „Римскія“ стремленія проявляются все сильнѣе, но за ними скрывается та же монгольская сущность. Грубая сила проявляется въ болѣе изящныхъ формахъ и лучше скрываетъ безпощадную жестокость. Въ высшихъ классахъ животные инстинкты, скрытые подъ внѣшнимъ лоскомъ, торжествуютъ, низшіе — подавлены окончательно, терпятъ и... молятся.

Съ воцареніемъ Александра I, великодушнаго и человѣколюбиваго, наступаютъ „весенніе дни“ ожиданія свободы, о которой государь говоритъ и въ Варшавѣ, и въ Парижѣ, и у себя дома, но Россія остается крѣпостной, о чемъ особенно хлопотало теперь уже дворянство. Но послѣ побѣдъ надъ Наполеономъ, въ Александрѣ I просыпается честолюбіе, жажда силы и власти, и онъ становится во главѣ монархическихъ реакціонеровъ и повсемѣстнаго подавленія духа свободы, а въ концѣ жизни устраиваетъ знаменитыя „военныя поселенія“, въ которыхъ томились тысячи государственныхъ крестьянъ. Свирѣпый Аракчеевъ правитъ ими съ безчеловѣчной жестокостью: палки, розги и пытки проливаютъ рѣки крови.

Но, во время заграничныхъ походовъ Александра I, болѣе близкое знакомство съ Европой огромной

массы русскаго военнаго дворянства не прошло безслѣдно. Славянская душа проснулась въ лучшихъ изъ нихъ и освѣтила весь ужасъ царства силы и порабощенія, и, при воцареніи Николая I, организуется для завоеванія свободы возстаніе Декабристовъ. Слѣдуетъ усмиреніе, казни, ссылки *). Россія превращается въ одну сплошную казарму, въ которой высшее сословіе представляетъ собою „полиційместеровъ", а остальная масса—пушечное мясо или мясо для розогъ. Милліоны крѣпостныхъ еле дышутъ, но продолжаютъ терпѣть и молиться. Кроткая и глубокая славянская душа не теряла вѣры въ высшую правду, въ „человѣчность" человѣка и ожидала ея торжества.

Въ теченіе всего европейскаго періода русской жизни народное искусство прозябало на самомъ низкомъ уровнѣ „украшенія", формы котораго постепенно терялись, становились грубѣе, аляповатѣе, однообразнѣе. Высшія сферы вовсе не интересовались искусствомъ, но тянулись къ нему изъ рабскаго подражанія Европѣ, откуда и выписывались художники и картины.

Съ этой цѣлью еще Петръ I призвалъ иностранныхъ мастеровъ и послалъ нѣсколькихъ русскихъ учиться за границу. Спросъ на портреты вызвалъ появленіе прекрасныхъ художниковъ, выросшихъ на родной почвѣ, какъ Боровиковскій, Левицкій, Рокотовъ и др... Устраивается Академія Художествъ, гдѣ, въ подражаніе Европѣ, культивируется псевдоклассическое искусство, никому не нужное и непонятное въ Россіи, и потому всѣ воспитанные Академіей художники обращаются къ иконописанію и портретамъ, украшаютъ правительственныя учрежденія, церкви и дворцы знати, угождая ея тщеславію. Съ появленіемъ Брюллова, прославившагося въ Европѣ, это тщеславіе возрастаетъ: кромѣ двора и вельможъ, помѣстное дворянство тоже слѣдуетъ модѣ и посылаетъ своихъ крѣпостныхъ въ Академію.

При такомъ отношеніи къ искусству, и художникъ трактуется, какъ мастеровой. Онъ принадлежитъ въ большинствѣ случаевъ къ низшимъ классамъ. Крѣпостные изъ Академіи возвращаются „ко двору" своихъ помѣщиковъ, гдѣ прислуживаютъ имъ за обѣдомъ, подаютъ платье въ передней и т. п. Многіе не выдерживаютъ такого совмѣщенія искусства съ рабствомъ: топятся, вѣшаются и спиваются. Большинство художниковъ грубо, невѣжественно, какъ истинные ремесленники, и мало знакомо даже со своимъ ремесломъ.

Между тѣмъ освободительная волна, поднявшаяся въ русской жизни отъ соприкосновенія съ Европой и вызвавшая Декабрьскую революцію, вызвала къ жизни и духовное творчество. Даже подъ гнетомъ Николаевскаго режима появляется цѣлая плеяда поэтовъ съ Пушкинымъ во главѣ. Въ живописи Венеціановъ и его ученики обращаются къ изученію природы,—и создается такимъ образомъ начало натуралистической школы. Федотовъ, подобно Гогарту, талантливо осмѣиваетъ нравы и жизнь низшихъ классовъ общества, и такими картинами общество интересуется уже непосредственно, а не изъ тщеславія. Въ короткій промежутокъ искусство подымается до реальнаго воспроизведенія жизни.

Это движеніе усиливается послѣ Крымской кампаніи. На престолъ вступаетъ Александръ II. Несчастная война обнаружила всѣ язвы деспотическаго строя, и необходимость реформъ становится неизбѣжной. Крѣпостное право уничтожается. Помѣстное дворянство дѣлаетъ „bonne mine à mauvais jeu", но, получивъ выкупные платежи утѣшается, многіе же искренно ликуютъ. Даже ожиданіе свободы вы

*) Обществ. движ. въ Россіи въ перв. пол. XIX в. Изд. Пирожкова, т. I.

зываетъ небывалый подъемъ духовнаго творчества, которое послѣ тысячелѣтняго гнета проявляется съ необыкновенной силой, обнаруживая всю талантливость богато одаренной расы. Въ литературѣ появляются: Григоровичъ, Тургеневъ, Толстой, Щедринъ, Гончаровъ, Островскій, Майковъ, Мей, Фетъ, Некрасовъ и десятки другихъ. Въ живописи въ 70-хъ годахъ—„передвижники“, которые не столько заботятся о формѣ и совершенствѣ техники, сколько о содержаніи картинъ и, слѣдуя за литературой, не столько воплощаютъ жизнь и наслажденія ею, сколько обличаютъ, разсказываютъ и повѣствуютъ, являясь больше свободолюбивыми, честными гражданами и добродѣтельными людьми, чѣмъ художниками съ совершенными и ясными средствами выраженія. Въ этомъ сказывается какъ ставшая русской отвычка отъ серьезнаго систематическаго труда, такъ и природно русская участливая, мягкая, „славянская“ душа. Но нигдѣ она не проявляется съ такой полнотой и яркостью, какъ у Достоевскаго. Здѣсь открываются всѣ безцѣнныя сокровища славянскаго сердца и всѣ наросты и язвы, которыми оно покрывалось въ періодъ вѣковыхъ страданій; неизсякаемый источникъ любви, готовой весь міръ охватить и согрѣть своей лаской, и бездонное море сверхчеловѣческихъ мученій и пытокъ израненной и наболѣвшей души, всѣ ея тревожныя блужданія, ошибки, исканія и такая глубина съ темными, неизвѣданными и загадочными омутами, въ которые никто не можетъ заглянуть безъ трепета.

И не даромъ Достоевскій сталъ идоломъ для послѣдняго поколѣнія европейскихъ писателей, обратившихся къ душѣ. Всѣ ихъ исканія кажутся частичными, мелкими, слабыми и робкими въ сравненіи съ глубокимъ вскрытіемъ сердца, произведеннымъ Достоевскимъ. Все добытое ихъ разсудочнымъ, „европейскимъ“ анализомъ является каплей, которая теряется въ океанѣ титаническихъ страданій и богатства гигантской души, вскрытой съ безжалостной силой и смѣлостью генія. Кромѣ того, ихъ исканія или не имѣли цѣли, являясь невольнымъ крикомъ измученнаго сердца, или блуждали, стараясь найти то, что могло *замѣнить* утраченнаго Бога. Достоевскій же искалъ *самого Бога*, стремился къ высшей правдѣ, къ тому величію, совершенству и безсмертію души, которыя теперь вызываютъ невольную улыбку во всякомъ, кромѣ глубокой славянской натуры, сохранившей свое духовное богатство.

Послѣ трехсотлѣтняго рабства новое вѣяніе свободы слишкомъ возбуждало и съ непривычки кружило голову. Все молодое, свѣжее и не окончательно задавленное, устремилось впередъ, стараясь сбросить послѣднія путы, съ смѣлостью, заставившей правительство пожалѣть о крохахъ, которыя были брошены народу. Началась реакція, усилившаяся при Александрѣ III, который, съ спокойствіемъ хорошаго хозяина, систематически и послѣдовательно сталъ понемногу прибирать къ рукамъ и прекращать все, что было дано раньше. Все оказалось парализованнымъ. Ни народъ, ни общество не успѣли оглянуться, какъ очутились подъ опекой администраціи, сильный кулакъ которой сжимался все крѣпче. „Свѣтлыя личности“ либеральныхъ шестидесятыхъ годовъ, неспособныя къ активной дѣятельности, превратились къ этому времени въ пустобреховъ и либеральничали изъ подворотни, частью же, подавляемыя систематическимъ „сокращеніемъ“, перешли въ лагерь хамствующихъ и раболѣпствующихъ. Такой позорный исходъ „свѣтлыхъ“ стремленій къ свободѣ не могъ не отразиться на ихъ дѣтяхъ. Не только „честныя“ слова, но также и честныя стремленія одинаково подверглись глумле-

нію и презрѣнію. „Дѣти“ выросли мелко и узко-практическими, насквозь пропитанными шкурными интересами и хамствующими открыто, сознательно и убѣжденно, а ихъ подростающее потомство совершенствовалось въ томъ же направленіи подъ давленіемъ государственной системы воспитанія. Раньше юношество послѣдовательно притуплялось „классической“ системой Толстого, теперь весь школьный строй сосредоточился на полномъ духовномъ и нравственномъ оскопленіи молодежи. Новое поколѣніе выходило изъ этой „фабрики живыхъ автоматовъ“ невѣжественнымъ, ограниченнымъ, съ мертвымъ духомъ и животными аппетитами, оказывалось подготовленнымъ къ служенію силѣ и существованію за счетъ 20-го числа и непригоднымъ не только къ „человѣческой“ жизни, но къ какой бы то ни было самостоятельной дѣятельности.

Высшіе слои общества, помѣстное дворянство и чиновничество, прямые потомки опричниковъ Грознаго, поколѣніями воспитывались въ духѣ „монгольско-римскаго“ наслѣдства и „песьей вѣрности“ кормившему ихъ хозяину. Поболтавъ, „съ разрѣшенія начальства“, о свободѣ въ недолгій періодъ ослабленія деспотизма, они теперь тѣмъ глубже опустились въ болото грубо-животнаго прозябанія, высасывая казну, или осѣвъ на удѣлахъ и выколачивая, что удастся, изъ освобожденнаго мужика. Жизнь снова стала такой, какой описывалъ ее еще Герценъ *): „...духовенство, запершись дома, пьянствуетъ и обжирается съ купечествомъ. Дворянство пьянствуетъ на бѣломъ свѣтѣ, играетъ на пропалую въ карты, дерется съ слугами, развратничаетъ съ горничными, ведетъ дурно свои дѣла и еще хуже семейную жизнь. Чиновники дѣлаютъ то же, но грязнѣе, да сверхъ того подличаютъ передъ начальствомъ и воруютъ по мелочи. Дворяне, собственно, меньше воруютъ: они открыто берутъ чужое, впрочемъ, гдѣ случится, похулы на руку не кладутъ“.

*) Былое и думы. Т. I.

Что же касается мужика, то онъ благоденствуетъ подъ заботливой опекой земскаго начальника, который слѣдитъ за его обученіемъ, поведеніемъ, нравственностью и „отечески“ сѣчетъ, но „на законномъ основаніи“. Свободный мужикъ разочаровался въ свободѣ. Гнетъ и неволя оставались тѣ же, но въ новыхъ, „ласковыхъ“ формахъ. Отъ такой свободы не прибывало ни силъ, ни бодрости, ни желанія работать, и онъ оставался такимъ же лѣнивымъ, невѣжественнымъ и пьянымъ, какимъ его сдѣлало трехсотлѣтнее рабство... А душа все не умирала, хотя и чахла, и массы продолжали терпѣть, молиться и вѣрить.

Все это отразилось на жизни и судьбѣ русскаго искусства. Въ періодъ недолговѣчнаго освобожденія и усиленнаго подъема духовной жизни народа,—и картина, и художникъ пользовались одинаковымъ вниманіемъ, почетомъ и уваженіемъ, но главнымъ образомъ потому, что искусство являлось *„литературой на холстѣ“*, говорило о томъ, что волновало и горячо интересовало всѣхъ. До самаго же искусства по существу, по скольку оно выражало высшія стремленія человѣка и его духовную жизнь, до большаго или меньшаго совершенства его средствъ,—никому не было никакого дѣла. Это никого не интересовало, и по мѣрѣ того, какъ общество снова погружалось въ животную дрёму, оно стало все холоднѣе и равнодушнѣе относиться къ продолжавшейся „проповѣди“ передвижниковъ. И все же, даже этотъ короткій періодъ чисто внѣшняго сближенія общества съ жизнью искусства далъ въ результатѣ цѣлую плеяду талантливыхъ художниковъ, во главѣ которыхъ стояли: Перовъ, Прянишниковъ, Ге, Рѣпинъ и Су-

риковъ, какъ наиболѣе отзывчивые, глубокіе и по самой натурѣ „русскіе“. Вмѣстѣ съ серьезной вдумчивостью, участливостью и глубиной славянской души проснулась и лирическая сторона ея, какъ выраженіе близкой и неразрывной связи съ природой; тѣ, кто склонялся больше къ одухотворенному, а не „повѣствовательному“ искусству,— обратились къ пейзажу. Явился Саврасовъ, Васильевъ, Куинджи, Дубовской, Левитанъ, Ап. Васнецовъ и десятки другихъ. Явилась потребность и въ живой, одухотворенной, религіозной живописи, снова заброшенной послѣ Иванова; и тутъ еще разъ выступила наружу вся непригодность византійскихъ шаблоновъ. Викторъ Васнецовъ пытается обогатить ихъ средствами древне христіанскихъ художниковъ, работавшихъ до омертвѣнія византійскаго искусства; Нестеровъ дополняетъ это средствами западноевропейскими; оба создаютъ много интереснаго, глубокаго, одухотвореннаго, но не достигаютъ того, что вполнѣ соотвѣтствовало бы характеру и силѣ русскаго религіознаго чувства.

Рядомъ съ развитіемъ духовной стороны въ русскомъ искусствѣ идетъ и совершенствованіе средствъ выраженія, совершающееся подъ вліяніемъ Европы. Въ то время, какъ состарившіеся передвижники продолжали повторять свои разсказы о жизни, — слѣдующее за ними поколѣніе занялось, главнымъ образомъ, красками. Выдѣлились Сѣровъ, К. Коровинъ, Врубель, Малявинъ и новые десятки молодежи. Но ими интересовалась лишь та небольшая группа, которая успѣла уже полюбить искусство, какъ таковое, для него самого, все же остальное общество, засыпавшее все крѣпче и крѣпче, охладѣвшее даже къ проповѣди передвижниковъ, къ новаторамъ относилось не только равнодушно, но часто враждебно, какъ къ безпокойнымъ элементамъ, нарушавшимъ блаженный покой.

Но все же русское искусство продолжало жить, хотя въ общей массѣ *оно не было русскимъ*. Въ немъ проявлялась живая русская душа, выражалось все ея богатство и потребность духовнаго творчества, но все это облекалось *въ чужія формы*, въ чужой костюмъ, взятый на прокатъ у Европы. Этотъ „костюмъ“ отталкивалъ отъ искусства народныя массы, какъ все иноземное и чужое, и скрывалъ отъ нихъ русскую сущность, а „монгольско-римское“ общество интересовалось имъ меньше, чѣмъ парижскимъ платьемъ, которое и стоило дешевле, и больше удовлетворяло тщеславіе. Если этотъ „европейскій костюмъ“ не помѣшалъ раньше недолговѣчному сближенію общества съ жизнью искусства, то потому, что въ то время, вообще, игнорировали внѣшность, а въ картинѣ исключительно смотрѣли на русское содержаніе.

Теперь русскому искусству, достигшему уже реальнаго воспроизведенія жизни съ помощью европейскихъ средствъ, предстояло выработать свои самостоятельныя формы выраженія, *свой языкъ*, понятный, родной и близкій всему народу, чтобы не пользоваться больше общеевропейскимъ „волапюкомъ“. Болѣе чуткіе художники бросились на поиски въ этомъ направленіи, но условія становились особенно неблагопріятными не только для развитія, но даже для самаго существованія искусства. Двадцать лѣтъ твердаго и послѣдовательнаго правительственнаго режима не прошли безслѣдно: жизнь стала безцвѣтной, сѣрой, сумеречной, а въ ней, какъ маріонетки, вяло и апатично передвигались Чеховскіе герои. Весь верхній „монгольско-римскій“ слой народа окончательно погрузился въ животное прозябаніе и требовалъ только „хлѣба и

зрѣлищъ", обнищавшимъ же массамъ, усталымъ, истощеннымъ и голоднымъ, нужно было и того меньше: одного только хлѣба. Для жизни искусства не было мѣста, ему оставалось только *развлекать* сытыхъ, угодничать, подслуживаться и превратиться въ простое ремесло.

Между тѣмъ временный духовный подъемъ и послѣ паденія, по инерціи, продолжаетъ вызывать къ жизни новыя толпы художниковъ, которыя, встрѣчаясь съ леденящимъ равнодушіемъ общества, теряются, ощупью ищутъ своего мѣста. и, наконецъ, массами бросаются туда, гдѣ, повидимому, интересъ къ искусству еще существуетъ: въ область украшенія жизни и развлеченія скучающей публики. Тысячи картинъ на всевозможные сюжеты и мотивы въ грубыхъ и аляповатыхъ формахъ повторяютъ и пережевываетъ старое, отработанное и надоѣвшее или такъ же грубо поддѣлываются подъ современныя исканія Запада, но все одинаково стремится исключительно къ тому, чтобы понравиться и служить украшеніемъ. Такіе художники постепенно превращаются въ ремесленниковъ, но по недоразумѣнію или недомыслію не хотятъ понять своей роли прислужниковъ, при томъ прислужниковъ прихоти, тщеславія, а часто и того хуже: чувственности и эротической игривости. Болѣе находчивые, остроумные и изворотливые процвѣтаютъ и радуются, менѣе ловкіе—голодаютъ, но всѣ одинаково пресмыкаются и живутъ паразитной жизнью. Ихъ покупаютъ, но третируютъ.

Другіе повторяютъ „передвижные" разсказы, наивно и искренне воображая, что они трудятся для искусства, и удовлетворяютъ духовнымъ запросамъ общества, не замѣчая, какъ послѣднее измѣнилось, не замѣчая своей ненужности и несоотвѣтствія съ жизнью. Но жизнь не щадитъ и этихъ. Одни успѣваютъ во время скрыться подъ гостепріимный кровъ Академіи и, облекшись въ профессорскіе мундиры, брюзжатъ на все и на всѣхъ; остальные съ голоду открываютъ школы, гдѣ учатъ тому, что ихъ самихъ привело къ крушенію, или, то же съ голоду, просто... пухнутъ, но соблюдаютъ свое достоинство, не пресмыкаются и не продаются. Имъ, по старой памяти, оказываютъ внѣшнее уваженіе, но покупками не поощряютъ.

Болѣе молодые, свѣжіе, живые и одаренные, поддерживаемые единичными истинными цѣнителями, продолжаютъ разработывать краски, народные мотивы, отражать въ своемъ творчествѣ судорожныя метанія западнаго искусства, и возбуждаютъ недоумѣніе и глумленіе толпы, но и они по немногу стушевываются передъ новымъ, послѣднимъ поколѣніемъ художниковъ. Эти поняли истинное положеніе и назначеніе современнаго искусства и сознательно вступили на путь украшенія или же, какъ истинные дѣти своего времени, не могли ни въ чемъ больше проявить свои способности и любовь къ дѣлу. Появились талантливые декораторы (Коровинъ, Головинъ), иллюстраторы (Бенуа, Лансере, Билибинъ и др.) и цѣлый рядъ художниковъ, посвятившихъ себя художественной промышленности. *Украшеніе* жизни—ихъ исключительная задача, и они выполняютъ ее талантливо и успѣшно для себя и для дѣла. Такіе художники не пишутъ картинъ, а превращаютъ въ украшеніе все, что окружаетъ человѣка въ его жизненномъ обиходѣ: тѣшатъ и развлекаютъ зрѣніе, успокаиваютъ разстроенные жизненной сутолокой нервы, приводятъ въ пріятное колебаніе усталую мысль, не обременяя ее работой: они не возбуждаютъ, а *убаюкиваютъ и усыпляютъ духовную жизнь*

и облекаютъ въ красивую внѣшность животное существованіе. Это не выразители высшихъ духовныхъ стремленій, которыя угасли въ современной жизни, *не повелители и не вожаки общества, а его слуги,* но слуги, которые знаютъ свое дѣло, сознательно и съ любовью дѣлаютъ то, что отъ нихъ требуется, и потому необходимы современности. Сознавая это, они замѣняютъ стремленіе къ духовной власти—стремленіемъ къ матеріальной самостоятельности и, отвоевывая ее у животнаго общества, ведутъ не духовную, а животную борьбу, смѣло и развязно пробиваясь въ жизни, *приспособляясь къ ней,* а не создавая ея величіе, и потому часто и неразборчивы въ средствахъ.

Такимъ образомъ искусство изъ выраженія высшихъ духовныхъ стремленій человѣка становится однимъ изъ безчисленныхъ средствъ въ борьбѣ за животное существованіе, спускается въ сутолоку и суету животнаго прозябанія, гдѣ для жизни духа нѣтъ мѣста. Ставъ въ Россіи „общеевропейскимъ", оно раздѣляетъ его общую судьбу и приходитъ къ тому же общему состоянію. Начавъ въ XVIII в. съ портретовъ,—реальнаго воспроизведенія жизни,—русское искусство переживаетъ псевдоклассическое и романтическое увлеченіе, возвращается снова къ реализму, усиленно выражаетъ „повѣствовательный" его періодъ, затѣмъ становится болѣе художественнымъ, совершенствуетъ свои средства и даже пытается подняться на слѣдующую ступень — одухотворенности,—но, подъ давленіемъ измѣнившихся условій исторической жизни народа, стремительно опускается до украшенія.

Сообразно съ этимъ и художники приспособляются къ новому положенію искусства, и частью служатъ современности искренно, по призванію, и украшаютъ жизнь новыми художественными средствами, частью—подслуживаются и раболѣпствуютъ, ремесленно подгоняя для той же цѣли прежнія формы. Остальные, которые не въ силахъ „вывернуть шкуру" и поддѣлаться къ новымъ требованіямъ жизни,—остаются за штатомъ и съ голоду вынуждены исполнять тѣ же служебныя обязанности при церкви и литературѣ, фабрикуя ремесленныя иконы и иллюстраціи, озлобляясь, проклиная свою судьбу и общество. Наконецъ, тѣ, кто не можетъ примириться съ служебною ролью искусства и побороть въ себѣ потребность духовной жизни и творчества,—уходятъ изъ жизни и зарываются въ своихъ норахъ.

Такъ сложилась злополучная судьба „общеевропейскаго" русскаго искусства, которое почти не переставало быть забавой и развлеченіемъ „монгольско-римскаго" общества, какъ художникъ почти не выходилъ изъ роли его шута, лакея или вѣрнаго слуги. Въ то же время, народное искусство, вѣками прозябавшее въ стадіи украшенія, тоже спустилось до грубаго и аляповатаго лубка, широко распространявшагося въ массахъ.

* * *

Въ жизни русскаго искусства, какъ и въ жизни всякаго другого, все совершалось въ строгой зависимости отъ условій исторической жизни народа, слѣдовательно—естественно и нормально, и какъ „проклятія" художниковъ, такъ и глумленіе надъ ними и общій ропотъ на паденіе искусства — одинаково неумѣстны и безцѣльны. Все создается самой жизнью, но нужно относиться къ ней сознательно, не лгать и не обманывать себя и другихъ.

Между тѣмъ память о полной жизни искусства, о полной духовной жизни человѣчества,—слишкомъ свѣжа у всѣхъ, слишкомъ высока и красива эта жизнь, чтобы прими-

риться съ ея угасаніемъ; слишкомъ трудно взглянуть правдѣ въ глаза и сознаться, что мы отъ этой жизни ушли и быстро приближаемся къ животному состоянію, — и потому всѣ сознательно, или безсознательно но одинаково притворяются, лгутъ и лицемѣрятъ.

Притворяется общество, когда говоритъ о своемъ интересѣ и любви къ искусству; мы видѣли, въ чемъ заключается и чѣмъ порождается и выражается такой интересъ. Лицемѣритъ и лжетъ критика, притворяясь понимающей самую сущность жизни искусства и затемняя громкими фразами и пустыми возгласами настоящій смыслъ того, что и такъ мало понятно, да и не интересно обществу. Ошибаются, наконецъ, или сознательно лгутъ художники, претендуя на особую роль, особое значеніе и уваженіе къ себѣ общества. Мы видѣли, что стремленіе къ власти лежитъ въ самой природѣ человѣка, а потребность *духовной* власти — основная черта въ характерѣ художника. Но, съ паденіемъ духовной жизни и ея потребностей въ человѣчествѣ, у художника нѣтъ болѣе *самого орудія* власти, и ему остается уйти изъ жизни,—или подчиниться единственному современному владыкѣ—силѣ; но въ такомъ случаѣ, смѣшно и нелѣпо *слугѣ* не только добиваться власти надъ бариномъ, но еще требовать его преклоненія!

Искусство живетъ *полной* жизнью лишь на вершинѣ своего развитія, когда оно является выраженіемъ высшихъ духовныхъ стремленій человѣка. Предшествующій и послѣдующій періоды,— реальнаго воспроизведенія жизни и повторенія прежняго, — это его дѣтство и старость, а періодъ „украшенія"— это его замираніе, летаргія, которая можетъ длиться столѣтіями. Въ переживаемую нами эпоху *одухотворенное* творчество умерло. Трупа не оживить; необходимо выждать, когда изъ его распада образуется новая жизнь. Мы можемъ лишь не оскорблять памяти великаго покойника, честно исполнившаго свою міровую роль, и не убивать, не уродовать нарождающейся новой жизни, когда она проявится. Будемъ посѣщать „кладбища искусства", знакомиться съ великолѣпными памятниками на его могилахъ, знакомиться съ его прошлой жизнью, чтобы научиться понимать и сознательно относиться къ новой, когда она народится, но не зачѣмъ *гальванизировать трупъ*: это нелѣпо и безполезно.

Не зачѣмъ устраивать академіи и школы, преступно тратить милліоны кровью и потомъ добытыхъ народныхъ денегъ на искусственное поддержаніе того, что *внѣ* человѣческой воли и власти, что *само* умираетъ и нарождается, когда для того настанетъ время. Преступно по недомыслію или лицемѣрію обманывать тысячи довѣрчивой молодежи и обращать ее въ прислужниковъ тщеславія и скуки, когда она, быть можетъ, годится для болѣе достойнаго дѣла; преступно морочить ее мишурными фразами о значеніи художника и величіи искусства, которое въ наши дни, *какъ таковое*, никому не нужно. Современные „украшатели" жизни создались *потребностью времени*, какъ въ свое время создались русскіе реалисты и „передвижные" разсказчики, но и тѣ, и другіе вовсе не учились въ Академіи, или сложились по выходѣ изъ нея и *наперекоръ* всему, чему ихъ учили. Не знали Академій и величайшіе міровые художники, *а создавались духовнымъ подъемомъ своей эпохи*, учились у разныхъ скромныхъ мастеровъ, ютившихся по своимъ угламъ, когда искусство прозябало, какъ оно прозябаетъ и въ наше время.

Такіе, уходящіе отъ животной жизни, „вѣрующіе пещерники" никогда не переводятся. Не отрываясь

отъ искусства въ его „черные дни“, они зорко слѣдятъ за появленіемъ первой искорки въ его новой жизни и бережно охраняютъ ее, пока она не разгорится въ большое пламя. Эти вѣрующіе „мученики искусства“, подобно мученикамъ христіанства, прячутся въ своихъ катакомбахъ, когда міръ не нуждается въ ихъ вѣрѣ, потому, что нельзя вѣру навязывать насильно, иначе она, подобно европейскому христіанству, превратится въ ложь, лицемѣріе и орудіе грубой силы и жрецовъ—шарлатановъ.

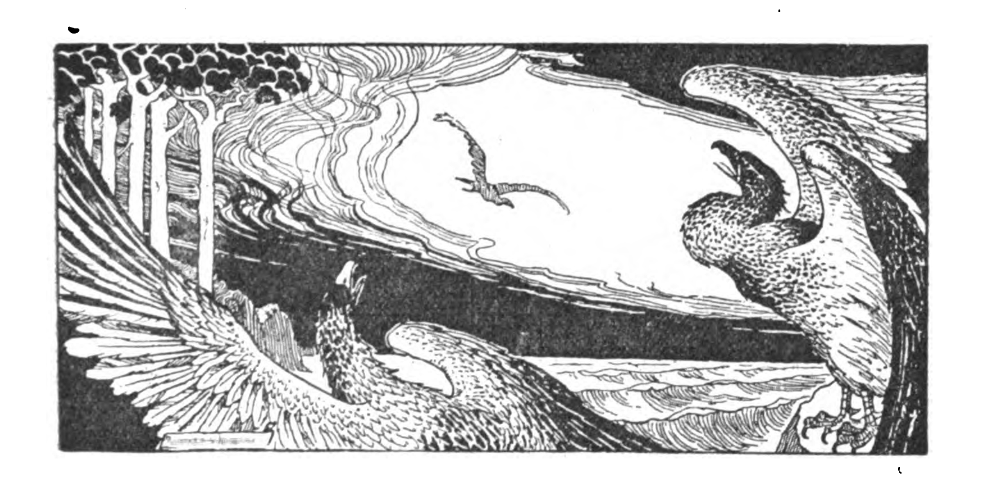
Искусство замерло, оно мечется въ агоніи, но наступитъ ли за ней полная смерть или новая жизнь? Мы приближаемся къ великому историческому моменту. Во всей Европѣ „закованный въ броню кулакъ“ и жестокій капиталъ — подавили все человѣческое и гасятъ послѣднія искры духовной жизни и творчества. Но въ той расѣ, въ которой цѣлые вѣка безпрерывнаго гнета не могли подавить этой жизни, раздался первый протестъ. Общество проснулось отъ сытаго, животнаго сна и заметалось въ тревогѣ. Народныя массы потеряли, наконецъ, „великое терпѣніе“, перестали молиться и никому не вѣрятъ, а властно требуютъ свободы и хлѣба. Открылась зіяющая бездна неизвѣстнаго, и началось...

Но когда пройдетъ время и, свободный народъ устроится, — тогда проснется къ *полной* жизни и его великая, углубленная и обогащенная страданіями „*славянская душа*“. И сбудутся тогда слова писателя, обращенныя къ славянской расѣ: „*вы будете главными двигателями въ дѣлѣ истинно-человѣческой цивилизаціи*“, которая задавитъ „римское наслѣдство“ и захватитъ весь міръ. Тогда душа займетъ подобающее ей мѣсто; удовлетвореніе животныхъ потребностей не будетъ отнимать у человѣка всего времени и оставитъ досугъ для полной жизни духа, и творчество чувства будетъ царить на ряду съ творчествомъ мысли. И только тогда подымется новый „девятый валъ“ въ жизни искусства, и оно вновь достигнетъ совершенства, ибо *искусство не умираетъ*.

М. Далькевичъ.

Послѣ забастовки.

(желѣзнодорожный фельетонъ).

В. Григорьевича.

I.

Нежданно-негаданно пробная забастовка на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, захватившая районъ петербургскаго узла 12 октября 1904 года, вызвала первую серьезную уступку правительства подъ натискомъ освободительнаго движенія. Короче: при наличности прочихъ политическихъ забастовокъ желѣзнодорожная забастовка оказалась каплей, переполнившей чашу великаго смятенія, которое ощущалъ русскій абсолютизмъ. Репетиція превратилась въ грандіозный и страшный спектакль... Петербургъ безъ провіанта, омертвѣвшій отъ повсемѣстнаго пожара забастовокъ, отрѣзанный отъ Европы и Россіи—сулилъ въ ближайшемъ грядущемъ потоки пролитой крови, и уже неизвѣстно—только-ли крови народной, крови угнетаемыхъ и порабощаемыхъ.

Господа сытые очнулись и дали одно изъ самыхъ крупныхъ обѣщаній. Конституція повисла въ воздухѣ. Тотчасъ представители печати объединились въ союзъ защиты свободы слова и стали въ духѣ акта 17 октября обходиться безъ цензуры. Газеты сразу стали интересны, живы, содержательны; получилась возможность отражать дѣйствительность, правда, непроглядную, но полную глубокаго значенія и поучительности. Атмосфера стала свѣжей, наэлектризованной... Позже всѣхъ и совершенно невольно забастовали цензора.

До сихъ поръ они были завалены совсѣмъ непосильной работой и чувствовали отвращеніе къ газетѣ, которую они обязаны были прочитывать и въ ней, изводя красныя чернила, „тащить и не пущать“ или гасить все живое. Теперь они, аккуратно получая жалованье, стригутъ себѣ ногти, собираютъ почтовыя марки, играютъ въ винтъ и съ особеннымъ интересомъ каждое утро читаютъ газеты.

Такова картинка мирнаго государственнаго переворота, нынѣ, впрочемъ, омрачаемаго всероссійской организаціей полицейско-черносотен-

ныхъ погромовъ. Къ лучшему будущему подвинулъ Россію русскій пролетаріатъ, воскресшій въ могучемъ соціалъ-демократическомъ движеніи, и желѣзнодорожная забастовка, шедшая со всѣхъ сторонъ къ Петербургу и, наконецъ, заставившая крѣпившійся центръ сдаться,—сыграла далеко не послѣднюю роль въ созданіи этого великаго историческаго момента.

И между тѣмъ, повторяю, столь необычайный эффектъ удивилъ и самихъ желѣзнодорожниковъ. Такъ привыкли ко всякаго ряда репресіямъ, что диву дались. Тѣмъ болѣе, что настоящая всероссійская забастовка готовилась на желѣзныхъ дорогахъ ко дню созыва Государственной Думы (въ ея первоначальномъ видѣ), когда надѣялись получше организоваться. При настоящемъ положеніи дѣла, при совершенной дезорганизаціи только случайно создалась картина завиднаго единодушія...

Теперь отъ Петербургскаго Областного комитета Всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза делегаты ѣздятъ по ближайшимъ крупнымъ станціямъ, устраиваютъ митинги, организуютъ комитеты, вербуютъ желающихъ въ члены союза. Еще какой-нибудь мѣсяцъ, и организація всей желѣзнодорожной братіи будетъ образцовая. Всероссійскій желѣзнодорожный союзъ даже порадуетъ нововременскаго фразера г. Меньшикова, который предлагалъ карать забастовщиковъ, какъ государственныхъ преступниковъ, за то, что они безъ предупрежденія дѣлаютъ непріятности третьимъ лицамъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ всякаго политическаго движенія. Эта грядущая забастовка—если только правительство опять ее допуститъ—будетъ объявлена заранѣе, что теперь совершенно возможно при новомъ положеніи дѣла, когда голосу печати не приходится звучать удушеннымъ, благодаря кляпу цензуры. Приблизительно въ такихъ выраженіяхъ будетъ объявлено ко всеобщему свѣдѣнію.

„Центральный областной комитетъ Всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза считаетъ долгомъ оповѣстить гражданъ, что такого-то числа такого-то мѣсяца, если нижеслѣдующія требованія не будутъ исполнены правительствомъ, всѣ русскія, финляндскія (до Бѣлоострова) и Царства Польскаго желѣзныя дороги въ такомъ-то часу прекратятъ свое движеніе, а управленія, конторы и кассы дорогъ—свои занятія срокомъ на три дня. Если въ теченіи трехъ дней требованія не будутъ удовлетворены — забастовка продолжается впредь до удовлетворенія этихъ требованій, причемъ центральный областной комитетъ, испытавъ на себѣ всю тяжесть неисполненныхъ обѣщаній, предваряетъ, что вся отвѣтственность за послѣдствія какъ назначенной трехдневной, такъ и продолженной забастовки—падаетъ на правительство“.

Затѣмъ будутъ изложены требованія, относительно скромныя и вполнѣ естественныя, какъ и обыкновенно требованія забастовщиковъ, удовлетвореніе коихъ обойдется, во всякомъ случаѣ, правительству въ десять разъ дешевле, чѣмъ самая кратковременная забастовка, и удовлетвореніе коихъ будетъ просто исполненіемъ очень давняго обѣщанія. Возможно, что подъ такой серьезной угрозой правительство будетъ гораздо сговорчивѣе и, пожалуй, забастовка не состоится ко всеобщему, явному и равному удовольствію.

Каково-же положеніе служащихъ въ данное время, и что готовится дать имъ сплоченность во Всероссійскомъ союзѣ?..

II.

Нынѣ положеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ совершенно невыносимо. Никто изъ

нихъ не увѣренъ за свой завтрашній день: сегодня онъ служитъ, а что будетъ завтра—про то вѣдаетъ Богъ и начальство. Жалованья недостаточны и распредѣлены крайне неравномѣрно. Наименьшій окладъ равенъ 24 р. въ годъ (по стольку получаютъ на нѣкоторыхъ дорогахъ барьерныя сторожихи), наибольшій-же окладъ равенъ 24.000 р. въ годъ, а кое-какіе начальники дорогъ получаютъ даже больше этого. Каждый служащій во всякое время можетъ быть оштрафованъ, смѣщенъ на низшій окладъ и даже уволенъ отъ службы. Не слышно о такихъ случаяхъ, чтобы жалоба служащаго на неправильное увольненіе была разобрана, и служащій былъ бы, какъ слѣдуетъ, удовлетворенъ. Извѣстны, наоборотъ, такіе случаи, когда начальники заявляли, что нельзя принимать образованныхъ людей въ кондуктора, такъ какъ они очень обижаются на грубое съ ними обращеніе, а простой человѣкъ, хоть его побей—смолчитъ; поэтому такіе начальники принимали въ кондуктора людей простыхъ и не стѣснялись расправляться съ ними. Бывали и такіе начальники, которые на вновь выстроенный участокъ дороги переводили дорожныхъ мастеровъ, а когда мастера, видя, что дорога выстроена плохо, что путь на ней опасенъ для движенія поѣздовъ и что имъ не даютъ средствъ для приведенія пути въ исправное состояніе, отказывались переходить на этотъ участокъ со своихъ старыхъ околодковъ,—ихъ увольняли отъ службы. Еще больше такихъ начальниковъ, которые убѣждены, что что бы ни случилось съ паровозомъ или поѣздомъ, виноватъ въ этомъ одинъ машинистъ. Они думаютъ, что машинистъ долженъ все видѣть и смотрѣть одинъ за всѣхъ. Они не хотятъ понять, что причины происшествій съ поѣздами весьма различны, и всегда считаютъ виновнымъ машиниста. При этомъ они обращаются съ машинистами грубо и всегда стараются штрафовать ихъ, и, конечно, никогда не позаботятся, чтобы машинистъ былъ обезпеченъ квартирой и прочимъ довольствіемъ. Что касается агентовъ службы движенія, то многимъ памятенъ случай, когда начальника станціи раздавилъ маневрировавшій паровозъ, и чтобы не платить семейству его пенсіи, начальникъ движенія предложилъ ревизору движенія установить, что погибшій былъ въ нетрезвомъ состояніи. Ревизоръ, желая угодить начальнику движенія, такъ и написалъ объ этомъ въ актѣ, несмотря на протестъ врача и служащихъ. Можно привести очень много такихъ примѣровъ, но и эти достаточно указываютъ, какъ относится начальство къ служащимъ. Такъ обращаются съ дорожными мастерами, машинистами и начальниками станцій, а что бываетъ съ другими —младшими агентами всѣхъ службъ? Тутъ ужъ ничто не сдерживаетъ властную руку начальства, и агенты эти у него въ полномъ порабощеніи и вполнѣ беззащитны. Положеніе служащихъ еще ухудшается тѣмъ, что начальствующіе и подчиненные составляютъ двѣ, совершенно отдѣленныя одна отъ другой части. Почти никто изъ начальниковъ не начинаетъ службу съ низшихъ должностей. Техническія должности заполняются инженерами, а высшія должности, несоединенныя съ техническими познаніями, заполняются кѣмъ попало, по большей части благопріятелями начальниковъ дорогъ.

Начальствующіе сами не служили на низшихъ должностяхъ, поэтому они и не могутъ судить, хорошо или дурно выполняютъ свои обязанности подчиненные имъ агенты, а значитъ они къ своимъ подчиненнымъ агентамъ не могутъ относиться справедливо и безпристрастно. При этомъ надо замѣтить, что на желѣзныхъ дорогахъ есть еще одно большое зло. Начальствующіе не живутъ долго на мѣстахъ. Обы-

кновенно, когда оставляетъ службу начальникъ дороги и на его мѣсто поступаетъ другой, то этотъ другой всѣхъ прежнихъ начальниковъ службъ и другихъ начальниковъ (начальниковъ участковъ пути и тяги), ревизоровъ движенія и прочихъ смѣняетъ на новыхъ. Такія перемѣщенія происходятъ все время. Являясь на новую дорогу, начальствующіе сильно не довѣряютъ служащимъ и всячески ихъ притѣсняютъ, и въ концѣ концовъ, не успѣвъ даже хорошенько присмотрѣться къ служащимъ, эти начальствующіе оставляютъ службу. Отъ этого на сами дорогахъ въ дѣлахъ происходятъ большіе безпорядки, а служащимъ отъ этого еще хуже приходится, такъ какъ они не успѣваютъ привыкнуть и приспособиться къ своему начальнику.

Такое положеніе стало наконецъ крайне тяжелымъ и терпѣніе служащихъ истощилось. Несмотря на страхъ передъ начальствомъ, они сами заговорили о своихъ нуждахъ и подали въ январѣ и февралѣ этого года цѣлый рядъ ходатайствъ, петицій и просьбъ объ улучшеніи своего положенія. На нѣкоторыхъ дорогахъ служащіе дѣйствовали стремительнѣе и забастовали, отчего движеніе поѣздовъ на этихъ дорогахъ прекратилось. Всѣ требованія, которыя служащіе выставили въ своихъ петиціяхъ и заявленіяхъ, могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ положеніямъ:

1. Положеніе служащихъ должно быть обезпечено, какъ во время службы, такъ и по прекращеніи ея вслѣдствіе старости, потери здоровья или увѣчья.

2. Каждый служащій долженъ быть увѣренъ, что пока онъ работаетъ, никто его не тронетъ и онъ не будетъ уволенъ безъ основательной причины и безъ согласія на то его товарищей.

3. Служащіе должны знать, что трудъ каждаго изъ нихъ оцѣнивается правильно, и что каждый изъ нихъ, если бы онъ оказался способнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, можетъ получить какія угодно, даже самыя высшія должности на дорогахъ.

III.

Всероссійскій желѣзнодорожный союзъ основанъ 21 апрѣля 1905 года. Его создала идея сплоченія всей желѣзнодорожной братіи въ одну дружную семью. Въ члены союза принимаются не только каждый служащій и рабочій, но и вообще каждый, кто имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ желѣзнодорожному дѣлу.

Всѣхъ желѣзнодорожниковъ на всей сѣти свыше 750 тысячъ человѣкъ, и если большинство ихъ пойметъ необходимость борьбы съ однимъ общимъ врагомъ и войдетъ въ составъ Союза, то богатство и многолюдность послѣдняго будутъ обезпечены и въ этомъ залогъ успѣха. Тогда служащіе и рабочіе проникнутся сознаніемъ необходимости борьбы за свои права и будутъ смѣло присоединяться къ Союзу; нѣсколькихъ человѣкъ за принадлежность къ Союзу всегда можно уволить, но когда всѣ дружно начнутъ присоединяться, администрація что либо предпринять будетъ безсильна. Легко понять, что бороться союзники будутъ за свои общіе интересы и чѣмъ дружнѣе они будутъ дѣйствовать, тѣмъ борьба будетъ успѣшнѣе. Разумѣется, главная сила Союза не въ многолюдности и богатствѣ, а въ томъ, что въ рукахъ желѣзнодорожниковъ движеніе поѣздовъ по всей сѣти...

Центральное бюро Союза составило слѣдующій уставъ, согласно постановленію второго съѣзда (22—24 іюля 1905 г.).

I. Цѣли союза.

Союзъ имѣетъ цѣлью коренным образомъ улучшить матеріальное и служебно-правовое положеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Для этого союзъ

стремится къ установленію такого порядка, при которомъ выработка всѣхъ правительственныхъ законоположеній и распоряженій, касающихся желѣзнодорожнаго труда, находилась бы въ рукахъ самихъ служащихъ и рабочихъ.

Такой порядокъ при нынѣшнемъ государственномъ строѣ Россіи невозможенъ, а потому Союзъ выставляетъ требованія полной гражданской свободы и народнаго представительства, обезпечивающаго участіе всего народа въ управленіи страной.

II. Составъ союза.

Членами союза могутъ быть всѣ лица, имѣющія отношеніе къ желѣзнодорожному дѣлу и удовлетворяющія общественно-моральнымъ требованіямъ, при условіи обязательнаго принятія всѣхъ положеній настоящаго устава. Въ члены союза могутъ быть принимаемы и другія лица, полезныя своей дѣятельностью.

Примѣчаніе. Объединяя своихъ членовъ по принадлежности къ желѣзнодорожной профессіи, союзъ не принимаетъ цѣликомъ положеній одной какой-либо партіи и даетъ внутри себя свободу программнаго самоопредѣленія различныхъ группъ, при условіи принятія ими за минимумъ политической и профессіональной программы союза, принимаемой съѣздами союза. Въ своей общественно-политической дѣятельности союзъ считаетъ возможнымъ входить въ соглашенія, для согласованія дѣйствій, съ иными общественными организаціями (партіями, союзами и т. д.) при условіи, чтобы цѣли этихъ организацій не противорѣчили политической и профессіональной программѣ союза.

III. Организація союза.

1. Члены союза каждой дороги образуютъ рядъ групповыхъ организацій сообразно мѣстнымъ условіямъ.
2. Представители групповыхъ организацій образуютъ комитетъ дороги. На большихъ станціяхъ, удаленныхъ отъ мѣстонахожденія комитета дороги, могутъ быть образуемы отдѣленія комитета дороги, получающія названія по станціи мѣстонахожденія.

Примѣчаніе. Каждой группѣ комитетомъ дороги присваивается порядковый номеръ, подъ которымъ группа именуется.

3. На большихъ станціяхъ, гдѣ сходятся двѣ или болѣе дорогъ, могутъ быть образуемы узловые комитеты изъ лицъ, уполномоченныхъ комитетами дорогъ, составляющихъ узелъ.
4. Собраніе уполномоченныхъ отъ комитетовъ дорогъ составляетъ съѣздъ *союза*.
5. Съѣздъ союза выдѣляетъ изъ своей среды исполнительный органъ—*Центральное бюро союза*.

IV. Дѣятельность комитетовъ, съѣздовъ и центральнаго бюро.

1. На комитетъ дороги возлагаются слѣдующія обязанности: а) объединять и согласовывать дѣятельность групповыхъ организацій и отдѣленій комитета и вести всѣ дѣла союза на данной дорогѣ; б) организовывать новыя группы: в) собирать матеріалы объ экономическомъ и правовомъ положеніи служащихъ и рабочихъ; г) доводить до всеобщаго свѣдѣнія путемъ бюллетеней и корреспонденцій наиболѣе характерные факты произвола желѣзнодорожной администраціи; д) организовать библіотеки съ подборомъ книгъ, освѣщающихъ современное положеніе Россіи; е) распространять свѣдѣнія о союзѣ и его дѣятельности и содѣйствовать всему тому, что можетъ служить цѣлямъ самосознанія желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ; ж) устраивать собранія, митинги, массовки, лекціи и т. п. З) изыскивать средства для развитія дѣятельности союза и поддерживать его членовъ, пострадавшихъ при столкновеніи съ администраціей по дѣламъ союза; и) объявлять время начала и окончанія забастовокъ и к) вести ежемѣсячную отчетность поступающихъ и расходуемыхъ суммъ.
2. На обязанности *Узлового комитета* лежитъ объединеніе дѣятельности дорогъ, входящихъ въ узелъ. Узловые комитеты сосредоточиваютъ также въ своихъ рукахъ изданіе воззваній, бюллетеней и проч., а также подыскиваютъ мѣста уволеннымъ со службы по дѣламъ союза товарищамъ, Число членовъ въ этихъ комитетахъ опредѣляется по взаимному соглашенію входящихъ въ ихъ составъ дорогъ
3. Созываемые центральнымъ бюро по мѣрѣ надобности *Съѣзды союза* направляютъ всю дѣятельность союза, вносятъ измѣненія и дополненія въ его программу и рѣшаютъ вопросъ о необходимости и своевременности всеобщей забастовки. Каждая дорога на съѣздѣ, независимо отъ числа присутствующихъ уполномоченныхъ, располагаетъ только однимъ голосомъ. Рѣшенія всѣхъ вопросовъ постановляются простымъ большинствомъ голосовъ, за исключеніемъ вопросовъ, касающихся измѣненія устава и программы союза и всеобщей забастовки, для рѣшенія которыхъ необходимо большинство не менѣе трехъ четвертей голосовъ всѣхъ участвующихъ въ союзѣ дорогъ.
4. Центральное бюро является исполнительнымъ органомъ союза, объединяющимъ дѣятельность комитетовъ дорогъ. На его обязанности лежитъ созывъ общихъ съѣз-

довъ, веденіе отчетности по дѣламъ всего союза, привлеченіе въ составъ союза не вошедшихъ еще въ его организацію дорогъ и выработка общаго плана дѣйствій передъ началомъ всеобщей забастовки. Бюро выбирается на съѣздѣ закрытой подачей голосовъ, ему предоставляется право пополнить по мѣрѣ надобности свой составъ путемъ приглашенія лицъ, полезныхъ для союза. Сроки, на которые избирается бюро и число членовъ его, устанавливаются каждый разъ съѣздомъ. Въ случаѣ невозможности созвать съѣздъ для рѣшенія поставленныхъ на очередь неотложныхъ вопросовъ,—бюро имѣетъ право разрѣшать эти вопросы самостоятельно; и выработанное на основаніи этого рѣшенія постановленіе разослать на заключеніе всѣмъ комитетамъ дорогъ. Если за разосланное постановленіе выскажется не менѣе трехъ четвертей комитетовъ дорогъ, оно становится постановленіемъ союза и, какъ таковое, подлежитъ обязательному исполненію.

V. Денежныя средства союза. Средства союза составлются: а) изъ обязательныхъ ежемѣсячныхъ взносовъ въ размѣрѣ полпроцента мѣсячнаго жалованья (заработка), и б) изъ случайныхъ поступленій (пожертвованій, сборы съ концертовъ, лекцій и т. д.); каждая групповая организація изъ всѣхъ поступающихъ въ нее въ теченіе мѣсяца суммъ отчисляетъ 50% въ комитетъ дороги. Комитетъ дороги изъ числа всѣхъ поступленій ежемѣсячно отчисляетъ 5 руб. въ центральное бюро союза на текущіе расходы (печатаніе и разсылка литературы, разъѣзды для установленія сношеній, организація забастовокъ и т. д.) и 50% въ забастовочный фондъ, который можно расходовать лишь на организацію забастовокъ и на помощь пострадавшимъ по забастовкамъ. Что касается отчисленій въ узловые комитеты, то размѣры опредѣляются по взаимному соглашенію входящихъ въ данный узелъ дорогъ.

Всѣ организаціи союза, начиная отъ групповыхъ и кончая центральнымъ бюро, ведутъ строгую отчетность поступающимъ и расходуемымъ суммамъ, которую обязательно періодически публикуютъ. Въ концѣ года бюро союза на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ комитетовъ дорогъ, составляютъ общій отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ во всѣхъ организаціяхъ союза.

IV.

Ясно, что организація желѣзнодорожниковъ находится въ зачаточномъ состояніи. Но зато теперь у нихъ въ рукахъ, провѣренная двойнымъ опытомъ, грозная сила, которой не ослабѣть ни подъ какими угрозами, не потеряться въ томъ хаосѣ, какой вызванъ въ Россіи зигзагомъ историческаго хода, какимъ шествуетъ наше растерявшееся правительство.

Двойной опытъ получился оттого, что послѣ первой забастовки (съ 12 октября 1905) — желѣзнымъ дорогамъ петербургскаго узла пришлось 2 и 3 ноября снова примкнуть ко всеобщей политической забастовкѣ, объявленной Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, которые считаютъ себя, очевидно, хозяевами положенія. Забастовка эта была, какъ демонстративный протестъ—противъ кровавой расправы военнымъ судомъ съ возставшими кронштадтскими матросами, противъ смертной казни вообще и противъ введенія въ Польшѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи пресловутаго военнаго положенія. Какъ извѣстно, не такъ давно въ печати юридически-обоснованно доказывалось, что военное положеніе не вправѣ вводить по существующимъ законамъ никакой властитель нигдѣ, какъ только въ мѣстности, занятой непріятелемъ... Между тѣмъ военное положеніе накладываетъ и по сіе время узду самыхъ реакціонныхъ мѣръ то на одну, то на другую часть Имперіи, и естественно служитъ разсадникомъ наиболѣе яркой и усердной революціонной пропаганды. Сами посудите, читатель: вяжется-ли режимъ военнаго положенія съ только что возвѣщенными свободами? Пріѣзжаетъ генералъ-адъютантъ съ необыкновенно широкими полномочіями высылать, плѣнять и убивать безъ суда гг. „крамольниковъ", запрещаетъ газеты, собранія, живое слово и т. д. Нѣтъ лучшаго средства для того, чтобы произвести взрывъ единодушнаго протеста!

Забастовка, исходящая изъ такого протеста, была вполнѣ понятна, хотя и маложелательна. Если желѣзныя дороги петербургскаго узла примкнули (правда, достаточно вяло) къ этой забастовкѣ, то имъ много

помогли рѣшиться на такое серьезное и рискованное дѣло усердныя старанія начальства угасить духъ манифеста 17 октября. Какъ и слѣдовало ожидать, такія старанія привели совершенно къ обратному результату, чѣмъ обѣщало бюрократическое лицемѣріе: вмѣсто мирнаго ожиданія будущихъ благъ — новая забастовка.

Однимъ изъ ближайшихъ результатовъ октябрской забастовки былъ рядъ прекрасныхъ обѣщаній, какія далъ гр. Витте желѣзнодорожнымъ делегатамъ Забастовочнаго Комитета 21 октября. Въ сущности, телеграмма, посланная съ согласія гр. Витте этимъ комитетомъ гг. начальникамъ, директорамъ и управляющимъ дорогъ,—не могла возбуждать никакихъ сомнѣній: это была крупная побѣда разумнаго свободнаго начала надъ бюрократической мертвечиной и отсталостью. Можно сказать, желѣзнодорожники получили все то, что служило давнею цѣлью ихъ петицій. Привожу эту телеграмму дословно, ибо въ ней вылилась вся возможная реформа, какой, наконецъ, дождалась русская чугунка.

„Съ согласія графа Витте, делегаты забастовочнаго комитета спб. желѣзнодорожнаго узла, всероссійскаго союза желѣзнодорожныхъ служащихъ и союза дорогъ Царства Польскаго доводятъ до всеобщаго свѣдѣнія:

1) Согласно Высочайше утвержденному докладу неотлагательно увеличивается содержаніе всѣмъ низшимъ служащимъ и рабочимъ и улучшается ихъ матеріальный бытъ; испрашиваемый повышенный кредитъ на сей предметъ будетъ утвержденъ полностью.

2) Неотлагательно образуется комиссія съ участіемъ свободно избранныхъ представителей служащихъ и рабочихъ, для выработки мѣропріятій по улучшенію экономическаго и правового положенія служащихъ и рабочихъ.

3) Кооперативная организація желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ на началахъ, примѣняемыхъ въ Западной Европѣ и Америкѣ пріемлема немедленно;

4) Военное положеніе на желѣзныхъ дорогахъ немедленно снимается;

5) Разрѣшается собраніе служащихъ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ въ помѣщеніяхъ и предѣлахъ дорогъ—для обсужденія вопросовъ о забастовкѣ и о своихъ нуждахъ, безъ предварительнаго увѣдомленія полиціи.

6) Забастовщикамъ обезпечивается полная неприкосновенность, и принимаются обратно всѣ уволенные за забастовку.

7) Отмѣняются всѣ ограничительные циркуляры и распоряженія о пріемѣ и продолжительности службы лицами польскаго происхожденія на дорогахъ Царства Польскаго, Юго-Западнаго и Западнаго края

и 8) Допускается во внутреннемъ коренномъ дѣлопроизводствѣ на частныхъ жел. дор. Царства Польскаго—польскій языкъ.

Делегаты забастовочнаго центральнаго комитета“.

Ровно черезъ пять дней послѣ разсылки этой телеграммы по всѣмъ дорогамъ, г. Шауфусъ, назначенный начальникомъ желѣзныхъ дорогъ, но еще новой должности не принявшій, сочиняетъ и шлетъ по Николаевской жел. дорогѣ слѣдующую „успокоительную“ телеграмму за № 15432:

„Въ виду поступающихъ въ министерство заявленій служащихъ объ улучшеніи ихъ быта и сдѣланнаго по телефону *частнаго* разъясненія отъ имени делегатовъ забастовочнаго комитета о разнаго рода мѣрахъ, принятыхъ, *будто бы*, съ согласія графа Витте, по приказанію министра объявите служащимъ и рабочимъ, что вопросы, касающіеся улучшенія быта, *разсматриваются*, и нужно лишь ожидать окончанія предпринятой работы. Въ отношеніи

же остального надлежитъ давать вѣру только оффиціальнымъ распоряженіямъ".

Тутъ что ни фраза, то шедевръ бюрократическаго недомыслія. Я нарочно подчеркиваю слова, которыми г. Шауфусъ, напрасно пытаясь обмануть искусившихся желѣзнодорожниковъ, очевидно не замѣчаетъ, какъ дискредитируетъ престижъ нашего правительства съ г. Витте во главѣ. Выходитъ, что г. Шауфусъ проситъ не вѣрить г. Витте, не вѣрить какому-то *частному* (фи!) разъясненію, — о мѣрахъ, принятыхъ *будто-бы*...: иными словами, вовсе не принятыхъ. Вопросы объ улучшеніи... бюрократіей уже *разсматриваются* — какое счастье! Только этого и ждали. Точно всю жизнь бюрократія не занималась толченіемъ воды, что привело насъ, по неумолимому ходу вещей, къ позорнѣйшей войнѣ и нынѣ кровавымъ безчинствамъ, которыя чинятъ по лицу земли русской разнузданные помпадуры въ образѣ губернаторовъ, градоначальниковъ и полиціймейстеровъ, пожелавшихъ дороже и отвратительнѣе продать свою расшатанную власть надъ совѣстью, тѣломъ и карманомъ обывателя.

Любопытно, что сочинительство г. Шауфуса было приведено нашимъ оффиціозомъ „Спб. Вѣд.", которыя 28 октября пустили къ нему слѣдующій комментарій: „Въ связи съ этимъ распоряженіемъ передаемъ слухъ, что 28-го въ 11 час. утра вновь станутъ Балтійская и СПБ.-Варшавская, а 4 ноября—Николаевская".

Какъ видимъ, дѣйствительность если нѣсколько запоздала на первыхъ двухъ дорогахъ противъ этого предсказанія, зато пророчество на послѣдней исполнилось даже на цѣлый день раньше, чѣмъ къ этому подвигали ее ставленники г. Хилкова. Отнынѣ русское общество вправѣ смотрѣть на усерднаго г-на Шауфуса, какъ на одного изъ виновниковъ ноябрской забастовки.

Въ числѣ другихъ виновниковъ этого событія надо указать на то желѣзнодорожное начальство, которое въ ужасѣ открещивается обѣими руками отъ права собраній и союзовъ, возвѣщеннаго манифестомъ 17 октября. Удивительное дѣло!.. Какъ чортъ отъ ладона, начальники службъ и частей бѣгутъ отъ уполномоченныхъ служащими, которые хотятъ добиться собраній... Какъ будто, если разрѣшатъ собранія, такъ рухнетъ все желѣзнодорожное дѣло!.. Отъ этой боязни собраній много зла и желѣзнодорожникамъ, и всему русскому обществу.

Пишущему эти строки пришлось послушать нѣсколькихъ ораторовъ на желѣзнодорожномъ митингѣ въ Соляномъ городкѣ 3 ноября. И что же?.. Наиболѣе умно, дѣльно и обоснованно говорившіе ораторы, наиболѣе вліявшіе на массу—были противъ этой забастовки, начатой не во время, когда служащіе не успѣли еще оправиться послѣ первой забастовки, а не то, что получше организоваться. Жаль, что этимъ ораторамъ не давали высказаться на какомъ-нибудь грандіозномъ митингѣ до 2 ноября... Благомыслящій элементъ одержалъ бы верхъ, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь. Замазываютъ людямъ рты, смотрятъ на нихъ, какъ на школьниковъ, не смѣющихъ свое сужденіе имѣть, и еще требуютъ отъ нихъ слѣпой дисциплины. Пора бы разстаться съ мишурой своего незаконнаго всевластія и вспомнить, что оклады жалованья бываютъ разные, но зато люди—всегда люди, что пора признавать за ними общую работу и основныя человѣческія права.

Ноябрская забастовка была неожиданностью и для большинства служащихъ; изъ нихъ очень многіе, благодаря любезности своего начальства, увѣрявшаго, что поѣзда будутъ ходить исправно, ибо для

этого есть желѣзнодорожные батальоны, очутились въ очень непріятномъ положеніи, именно живущіе на линіи. Послѣдній поѣздъ ушелъ въ 12 ч., въ 1 часъ дня—и жизнь на вокзалахъ замерла. Что было дѣлать?.. На одномъ Николаевскомъ вокзалѣ 3-го ноября собралось до полутысячи служащихъ и дѣтей учащихся, которымъ предстояла перспектива оставаться голодными и ночевать въ С.-Петербургѣ. Не было машинистовъ, которые бы согласились вести поѣздъ. Наконецъ, среди пассажировъ, чающихъ движенія, отыскались два бывшихъ машиниста. Они соглашались провести поѣздъ до М.-Вишеры. Когда депутація явилась къ начальнику движенія, онъ сказалъ: „пока вы не дадите мнѣ машиниста въ формѣ, не назовете его по фамиліи, и я не провѣрю по спискамъ, что онъ у насъ дѣйствительно служитъ, до тѣхъ поръ я вамъ паровоза не дамъ. Пять паровозовъ уже испорчены желѣзнодорожными батальонами".

Солдаты, однако, продолжали портить паровозы Николаевской дороги. Паровозы различной конструкціи, а солдаты и къ одному типу не привыкли: отъ Петербурга до Любани волокли поѣздъ $5^1/_2$ часовъ! Порча продолжалась вплоть до 7 ноября.

Единогласная резолюція, предложенная областнымъ комитетомъ петербургскаго узла, была вынесена на митингѣ 5 ноября:

„Забастовка примыкающихъ къ С.-Петербургу дорогъ, проведенная совмѣстно съ трудящимся населеленіемъ С.-Петербурга, доказала правительству, что приведеніе въ исполненіе жестокихъ мѣръ, какъ смертная казнь и введеніе военнаго положенія, всегда встрѣтитъ въ трудящихся классахъ активное сопротивленіе. Эта же забастовка показала, что силы наши растутъ, и что недалекъ тотъ день, когда комитетъ найдетъ нужнымъ дать правительству рѣшительный бой, и когда этотъ бой разразится—побѣда будетъ на нашей сторонѣ. Начатую 2 ноября забастовку комитетъ предлагаетъ закончить 7-го въ 12 час. дня. Съ этого времени, товарищи, собирайте всѣ ваши силы, и если послѣ этого дня признано будетъ необходимымъ бастовать, то бастовать будутъ всѣ дороги Россіи сразу, и бастовать будутъ до тѣхъ поръ, пока рѣшительно всѣ политическія и экономическія требованія правительство не исполнитъ".

Нельзя обойти молчаніемъ попытки нѣкоторыхъ ретроградовъ-обскурантовъ на желѣзныхъ дорогахъ, одержимыхъ карательнымъ зудомъ. Попытки эти потерпѣли полное крушеніе... На Балтійской дорогѣ нацѣлились уволить 3000 человѣкъ за участіе въ забастовкѣ, но вышло такъ, что уволиться пришлось начальнику дороги, а всѣ служащіе были вновь приняты. На Николаевской дорогѣ нѣкто г. Гудендорфъ, которому, очевидно, лавры гг. Нейдгардтовъ, Зариныхъ et tutti-quanti не давали спать—ополчился со всѣмъ жаромъ своей незапятнанной души на контролеровъ сл. сборовъ гг. Втюрина и Нагеля, которые давно были ему ненавистны за то, что въ качествѣ уполномоченныхъ отъ служащихъ ходили къ начальнику дороги по вопросу о помѣщеніи для устройства собранія... Какую-же мѣру къ нимъ примѣнилъ желѣзнодорожный ликторъ?.. Онъ распорядился двумъ церберамъ не пускать ихъ на службу, да кстати еще и третьяго—г. Бурлакова... Г. Гудендорфъ извѣстенъ своимъ болѣзненнымъ отвращеніемъ къ собраніямъ и забастовкамъ; и то, и другое ему всюду мерещится. Очевидцы передаютъ, что при встрѣчѣ на лѣстницѣ хотя-бы съ тремя служащими, мирно бесѣдующими, онъ набрасывается на нихъ, желая вступить въ единоборство... Побѣлѣвшія губы шепчутъ: „митингъ... митингъ"... Служащіе изъ деликатности расползаются во всѣ стороны

подобно тараканамъ, посыпаннымъ далматскимъ порошкомъ, а г. Г. еле-еле тремя бутылками пива приведенъ въ чувство.

Разумѣется, начальникъ дороги болѣе трезво взглянулъ на необдуманную затѣю г. Гудендорфа, и всѣмъ тремъ опальнымъ предложено посѣщать службу, ибо жалованье принято платить за исполняемую работу. Очевидно, г. Г. опоздалъ родиться лѣтъ на 60... Говорятъ, что бодливой коровѣ Богъ роговъ не даетъ, и это единственное объясненіе, отчего этотъ начальственный подчиненный, культивировавшій у себя на службѣ столь экзотическіе фрукты, какъ популярные гг. Плинкъ и Эссеръ, не занялся до сихъ поръ въ нашей многострадальной провинціи, напяливъ на себя полицейскій мундиръ, организаціей „патріотическихъ", черносотенныхъ погромовъ.

Со свойственнымъ мнѣ чистосердечіемъ — кромѣ шутокъ или, какъ говоритъ нашъ русскій пролетарій—„ окромя шутей"—я предсказываю г. Гудендорфу, какъ угнетателю всего живого, честнаго и прямого, какъ вѣчной помѣхѣ общей дружной работѣ и какъ явному нарушителю манифеста 17 Октября— скорую перемѣну рода своей дѣятельности. Вѣдь стремительный ураганъ, который подулъ, едва только показалось солнце русской свободы, смететъ всѣхъ представителей темныхъ силъ, всѣхъ рыцарей произвола, всѣ пережитки нашего отжившаго режима.

V.

Я хочу вѣрить, что желѣзнодорожная забастовка больше не повторится. Это значитъ: я хочу вѣрить въ отрезвленіе правительства. Полумѣрами не отбояриться: нужна послѣдовательность и побольше смѣлости въ очищеніи авгіевыхъ конюшенъ государства.

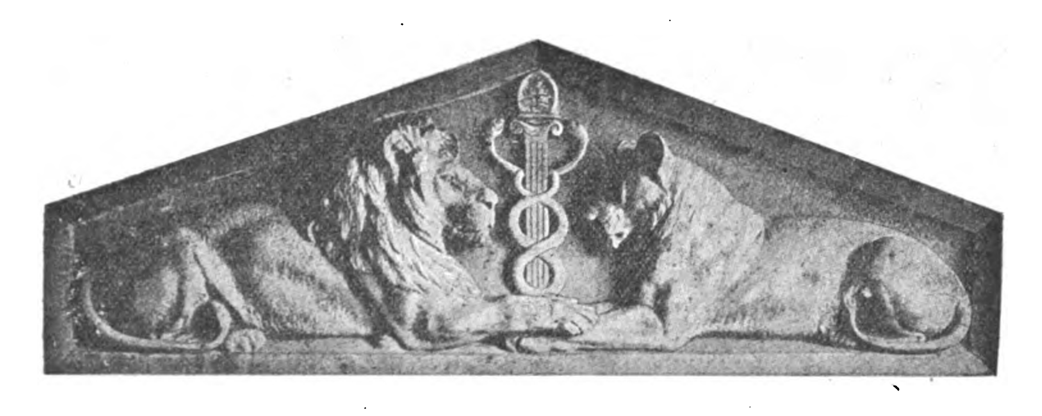
Спасибо, желѣзнодорожники! Исторія отмѣтитъ день 12 октября 1905 года. Вы помогли отвоевать манифестъ 17 октября. На немъ основана резолюція съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ. Тамъ же происходилъ всероссійскій крестьянскій съѣздъ, на которомъ одинъ изъ ораторовъ мѣтко выразился: „крестьянство проснулось, и гибель полицейскому государству"!

Если это правда, то могучія силы русской земли вслѣдъ за общимъ освободительнымъ движеніемъ обезпечиваютъ намъ конституцію и лучшую свободную жизнь... Дорога къ ней проложена: это свобода печати.

В. Григорьевичъ.

15 Ноября 1905 г.

Лѣтопись современной жизни.

Пѣсни будущаго.

Л. Мовича.

„Что-то торжественное, величавое поплыло въ воздухѣ, точно невѣдомый гимнъ возникъ откуда-то изъ таинственной глубины и поднимался выше и выше“...—„Что давеча пѣли“?—„Пѣсни будущаго“!

I.

Не будетъ парадоксомъ, если мы скажемъ, что въ каждый моментъ люди поютъ пѣсни прошедшаго и пѣсни будущаго, такъ какъ настоящимъ люди не живутъ, не умѣютъ имъ жить и не хотятъ. Эпохи жизни человѣчества различаются другъ отъ друга больше всего тѣмъ, *какія* пѣсни громче звучатъ, какія одолѣваютъ въ хорѣ.

Въ глухую пору начала пятидесятыхъ годовъ рѣзко раздавались пѣсни прошедшаго; онѣ заглушали все остальное, имъ принадлежалъ весь хоръ,—и слабо раздавались пѣсни будущаго, едва слышны были мѣдные звуки колокола, тихіе голоса романтиковъ-народолюбцевъ. Но все болѣе начали крѣпнуть ихъ голоса, и распредѣленіе музыкальныхъ партій измѣнилось. Пало крѣпостное право, — маленькая часть пѣсенъ будущаго была спѣта, но лишь затѣмъ, чтобы еще яростнѣе началась въ хорѣ борьба двухъ мотивовъ, — чтобы опять на долгое время овладѣли хоромъ мотивы прошлаго, чтобы все кругомъ заглушали пѣсни прошедшаго. Всѣ послѣднія десятилѣтія пѣсни будущаго были едва слышны, но онѣ тихо крѣпли и теперь — „что-то торжественное, величавое поплыло въ воздухѣ“. Несомнѣнно, мы живемъ въ эпоху, когда въ хорѣ одолѣютъ пѣсни будущаго, когда, — быть можетъ, только на время,—но величавымъ гимномъ, рвущимся къ небу, прозвучатъ онѣ, — побѣднымъ, радостнымъ звономъ разольются кругомъ. Это будетъ несомнѣнно,—это ясно каждому. И намъ хочется сво-

бодно возсоздать исторію текущаго дня,—этого дня, который каждымъ моментомъ отбиваетъ такты пѣсенъ будущаго.

На эту мысль насъ навела великолѣпная эпопея г. Гусева-Оренбургскаго „Страна отцовъ". Широкими, почти небрежными мазками набросана эта картина жизни страны отцовъ, которая мѣняется, перестраивается, неудержимо катится къ чему-то новому, иному,—и мы невольно отмѣтили, какъ ярко отразились новыя пѣсни въ сборникахъ „Знаніе"; намъ пришло на мысль, что по этимъ сборникамъ можно возсоздать культурную жизнь страны отцовъ, конечно,—углубляя и расширяя каждое произведеніе.

Вотъ первый и второй сборники за 1903-й годъ. Страданія ищущей души „Василія Өивейскаго", оскудѣніе и запустѣніе „Чернозема", страшное безуміе „Деревенскихъ драмъ", распадъ деревни и глухое броженіе „Въ природѣ",—страшная соціальная пропасть, раскрывающаяся „Въ пути", жалкая нищенская жизнь и порывы духа „Евреевъ" смерть „Вишневаго сада" и загорающаяся новая жизнь,—новый садъ, который собирается насадить Аня съ Трофимовымъ... Не правда-ли, цѣлая исторія культуры нашей „страны отцовъ" въ этихъ двухъ томикахъ?

А вотъ третій томъ—за 1904 годъ уже. Пѣсни будущаго глухо звучали тамъ, а здѣсь... какъ начало новой жизни, какъ яркій символъ того, что „старое снесено водой" – стоитъ смерть Чехова,—этого дивнаго пѣвца, будящаго старыми пѣснями. А потомъ,—трагедія „Краснаго смѣха",—сплошной безумный крикъ ужаса и... рѣзкое требованіе дѣйственной жизни, активнаго проявленія, для котораго часъ насталъ,—требованіе, кинутое въ лицо „Дачникамъ"... И, наконецъ, трескъ идущаго льда, который напираетъ все больше, разрушаетъ все на пути,—которому не поставишь забора, не построишь плотины... Глухіе раскаты грома въ селѣ Кандалахъ,—блескъ вспыхивающихъ молній въ городѣ Житницѣ... Такова исторія послѣднихъ двухъ томовъ. Присмотримся къ этимъ молніямъ, прислушаемся къ этому грому.

II.

Все небо обложено грозными тучами, ярко вспыхиваетъ молнія... Гроза все приближается. Попряталось все робкое, запуганное, — въ смертельномъ страхѣ рабьи души съ тоскою восклицаютъ, что все было только - что тихо, мирно, — солнышко спокойно свѣтило — и „вдругъ" .. Да, *вдругъ*. Для наблюдателя жизни людей, это „вдругъ" —пожалуй, самое забавное изъ всего, что ему можетъ встрѣтиться. Рабья трусость, лежащая на самомъ днѣ души,—наглость раба, ставшаго господиномъ, ярко видна въ этомъ недомысліи, въ этой слѣпотѣ. Вся жизнь перестраивается, все куда-то идетъ, страстно рвется въ даль, электричествомъ давно былъ насыщенъ воздухъ, какъ всегда передъ грозою, жуткая тишина стояла, и солнце, какъ трупъ, лежало въ небесахъ, — а они, удивленные и испуганные, увѣрены, что все это „вдругъ" налетѣло. Такъ владѣютъ ими пѣсни прошлаго, что они, имѣя уши, не слышатъ пѣсенъ будущаго, которыя давно поются около нихъ и жалобно говорятъ,—какъ Любовь Васильевна въ драмѣ г. Чирикова „Иванъ Миронычъ": „Какая имъ еще новая жизнь понадобилась,—понять не могу"...

Что они этого понять не могутъ—это не удивляетъ насъ; но что они и не замѣчали того, что какая-то новая жизнь давно „понадобилась" *имъ*, что люди давно рвутся къ ней, что страстнымъ натискомъ люди рѣшили взять ее, — какъ они всего этого не замѣчали, это не можетъ не удивлять, несмотря на знакомство съ исторіей. Исторія намъ разсказываетъ, что слѣпота и глухота

овладѣваетъ какъ разъ тогда, когда зрѣніе и слухъ особенно необходимы, когда идетъ борьба на жизнь и смерть между прошлымъ и будущимъ, и быть можетъ, это и есть наиболѣе яркое доказательство того, что данное „прошлое“ умерло, что выросли и окрѣпли сѣмена будущаго. Это, конечно, просто. Когда умираетъ индивидуумъ, то тоже всего естественнѣе было-бы самое страстное напряженіе всѣхъ жизненныхъ силъ, но большею частію мы видимъ, что организмъ, осужденный на смерть, лишается прежде всего силъ для борьбы за свою жизнь.—То же самое, показываетъ намъ исторія, происходитъ при смерти коллективной единицы. Когда Господь хочетъ кого погубить, то онъ отнимаетъ разумъ,—посылаетъ слѣпоту непостижимую, и осужденное на смерть каждымъ шагомъ своимъ идетъ къ ней, какъ будто съ сознательнымъ желаніемъ приблизить ее.

Любовь Васильевна и Иванъ Миронычъ не понимаютъ, какая „имъ“ новая жизнь понадобилась: „Вотъ тебѣ и разъ! Жили-жили, двѣнадцать лѣтъ прожили, и все было хорошо... И вдругъ... „нечѣмъ жить“!— Вы слышите, какъ искренно онъ не „понимаетъ“, какъ искренно увѣренъ, что вѣрная жена его, Вѣра Павловна, „вдругъ“ вбила себѣ какую-то блажь въ голову.

Не „вдругъ“, Иванъ Миронычъ, не „вдругъ“! Если вы это замѣтили „вдругъ“, то въ этомъ виновата ваша проницательность“... и—прибавимъ мы — фатальная судьба грядущей смерти вашего супружества, такъ какъ Господь лишилъ васъ разума, наслалъ на васъ слѣпоту и глухоту, и вы не видѣли, что любовь вашей жены къ вамъ давно умерла, что жена ваша задыхается около васъ, въ вашемъ футлярѣ, что она давно стонетъ и кричитъ около васъ! Иванъ Миронычъ—типичный „человѣкъ въ футлярѣ“—(кстати: пьесу г. Чирикова мы находимъ растянутой передачей разсказа Чехова „Человѣкъ въ футлярѣ“, — и должны признать, что оригиналъ несравненно изящнѣе и глубже копіи) — и, слѣдовательно, ему недоступны пѣсни будущаго,— тѣмъ болѣе въ такой общей, расплывчатой схемѣ, которую имъ придаетъ Вѣра Павловна. На вопросъ Ивана Мироныча, какъ же это по новому она хочетъ жить,—Вѣра Павловна отвѣчаетъ очень туманно: „Безъ росписанія! какъ хочется“! Оттуда, изъ футляра это представляется, разумѣется, просто нелѣпостью, и мы прощаемъ Ивану Миронычу, что ему кажется, будто Вѣра Павловна жаждетъ поставить мебель „вверхъ ножками“. Дѣло въ томъ, что Вѣра Павловна на самомъ дѣлѣ плохо знаетъ, какой новой жизни она хочетъ; она просто задыхается въ футлярѣ, въ которомъ лежитъ, и откровенно признается, что у нея бываютъ такіе моменты, когда ей хочется не только мебель, но и его, Ивана Мироныча самого, поставить „вверхъ ножками“. Это, конечно, нелѣпо, но когда задыхаешься въ футлярѣ до того, что мутится въ головѣ и пѣна выступаетъ на губахъ, то... вырвавшись оттуда, можно испытать желаніе поставить самого „инспектора—вверхъ ножками“. А онъ, этотъ инспекторъ, увѣряетъ, что съ Вѣрой Павловной это „вдругъ“ случилось!

Любопытное явленіе эта слѣпота... Такою-же слѣпотой страдаетъ робкая, рабья душа банковскаго чиновника Виктора Викторовича Изюмова, который тоже находитъ, что его жена— Авдотья Степановна *) вдругъ стала блажить и искать какой-то новой жизни. Если-бы Иванъ Миронычъ и Викторъ Викторовичъ говорили только о томъ, что ихъ жены не ясно понимаютъ, чего онѣ хотятъ, то они были-бы по своему правы въ своемъ мужскомъ пренебреженіи къ нимъ; но они просто ничего не ви-

*) Найденовъ, „Авдотьина жизнь“. IV сбор. „Знанія“.

дѣли и не слышали, разводятъ руками и удивляются, откуда „вдругъ" пришла эта напасть. И какъ Иванъ Миронычъ думаетъ, что его жена хочетъ поставить мебель „вверхъ ножками", и презрительно относится къ ней и ея порываніямъ, такъ и Изюмовъ ищетъ выхода во внѣшнихъ перемѣнахъ жизни, не понимаетъ, что его Авдотья Степановна задыхается около него, что ее душитъ и гнететъ вся эта жизнь, и онъ серьезно проектируетъ „жизнь перемѣнить": „На Ивановскую улицу переѣдемъ... тамъ все будетъ иначе"...

Эта слѣпота и тупость не только любопытны, но и знаменательны... Несомнѣнно, Иванъ Мироннычъ и Викторъ Викторовичъ умираютъ, ихъ пѣсни прошлаго спѣты,—такъ какъ они поразительно слѣпы и глухи; и если Вѣра Павловна пока не умѣетъ уяснить себѣ, чего она хочетъ, а Авдотья Степановна нелѣпо убѣгаетъ и снова возвращается домой, то... пройдетъ нѣсколько времени, пѣсни будущаго громче будутъ раздаваться кругомъ, и эти несчастныя женщины тогда тоже яснѣе поймутъ свой путь. Борьба съ этимъ безполезна: „напрасно, ребята, вы это дѣлаете (т. е. запираютъ и насильно удерживаютъ Авдотью. Л. М.),—все равно уйдетъ". Такъ говоритъ Павелъ Герасимовъ, крестьянскій сынъ *).

III.

Да, напрасно вы это дѣлаете,—напрасно ставите заборы идущему льду, преграждаете плотинами дорогу ему,—напрасно вы это дѣлаете,—все равно уйдетъ жизнь изъ путъ прошлаго, все равно вырвется изъ футляра, убѣжитъ изъ стараго затхлаго дома, и если ей долго придется бороться, то потомъ ей можетъ придти охота поставить „самого инспектора вверхъ ножками"... Это же такъ ясно, и непониманіе этого можетъ быть объяснено только тѣмъ, что кого Господь хочетъ погубить, того онъ разума лишаетъ... такъ какъ „вдругъ" ничего не бываетъ,—„вдругъ" не выростаетъ пышное дерево, „вдругъ" не создается стройный гимнъ пѣсенъ будущаго. Медленно и долго прозябаетъ брошенное въ землю сѣмя, долго даетъ ростки, медленно поднимается и выростаетъ деревцо, а вы говорите „вдругъ". Задушеніе въ футлярѣ грозило русской жизни, пѣна показывалась на губахъ, — и если проносится гроза и футляръ съ трескомъ ломается, то это—не „вдругъ", Иванъ Мироннычъ, не-„вдругъ", это вамъ только при вашей слѣпотѣ такъ кажется. Началось же это давно.

Давно началось разложеніе народной толщи, давно началась дифференціація народной жизни,—давно началось оскудѣніе деревни, которое теперь перешло въ запустѣніе ея... Еще тогда, когда „порвалась цѣпь великая—порвалась и ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику", началось это... Едва разорвалась цѣпь крѣпостного уклада русской жизни, уже начали раздаваться эти пѣсни будущаго. Медленно, но неотвратимо росли онѣ. Ихъ заглушали, ихъ душили, но онѣ росли, а вы говорите, что это „вдругъ" пришло.

Прочтите введеніе въ „Страну отцовъ" г. Гусева-Оренбургскаго. Прочтите этотъ историческій очеркъ жизни послѣднихъ десятилѣтій страны отцовъ,— и вы увидите, какъ медленно вырождался Житницкій уѣздъ Старомірской губерніи, вы увидите, какъ эволюціонировалъ уѣздный городъ Житница, какъ прежде его завоевывали своимъ хлѣбомъ пріѣзжавшіе мужики, и какъ постепенно хлѣбъ мужицкій уступилъ мѣсто хлѣбу „купеческому", „арендательскому". Вчитайтесь въ эту старую исторію Житницкаго уѣзда,—и вся борьба со-

*) Найденовъ. „Авдотьина жизнь", IV сбор. „Знанія".

временниковъ, всѣ пропасти жизни и страшные диссонансы ея раскроются передъ вами. Авторъ кратко разсказываетъ намъ, какъ буржуазное „наше“ вело борьбу съ народолюбивымъ „мы“, какъ яростно шла эта борьба, какъ это слабое „мы“, „едва вставшее на ноги и уже отданное подъ государственно-полицейскую опеку“, было побѣждено этимъ гордымъ „наше“. Сильно и сжато, нѣсколькими словами авторъ намѣчаетъ намъ эту яростную борьбу, которая шла въ глубинахъ жизни и для которой не успѣвали создаваться слова изъ корней собственнаго языка, а приходилось обозначать понятія иностранными словами: „Экспропріація земельной собственности“, „деревенскій пролетаріатъ“, „ростъ крупной земельной буржуазіи“ и пр. и пр.

Истинная подкладка этихъ словъ, грубая и точная реализація ихъ состояла въ томъ, что обнищала деревня, запустѣла и—часть убѣжала въ городъ, а оставшіеся превратились или въ робкихъ, забитыхъ рабовъ,—или-же въ мрачныхъ рабовъ, мечтающихъ о мести и живущихъ надеждою на нее... Наряду съ этимъ эволюціонировалъ городъ. Грубая, показная, мѣщанская „цивилизація“ пришла и овладѣла имъ. Въ немъ выросъ элеваторъ, проложена желѣзно-дорожная вѣтка къ главной линіи, выстроены большіе, неуклюжіе дома, проложены мостовыя, на главныхъ улицахъ, выросли грязныя и нищенскія предмѣстія, „центръ“ освѣтился электричествомъ... Пришелъ „купецъ“,— новый завоеватель,—въ его первобытной, наивной, почти чистой наглости,— въ той степени чистоты, когда еще нѣтъ понятія о необходимости въ фиговомъ листкѣ, чтобы покрыть наготу свою. Такой „чистотой“ отличается только россійская буржуазія, и она овладѣла городомъ Житницей, понастроила каменныя палаты въ мавританскомъ стилѣ, захватила все русло мѣстной жизни...

Широкими мазками рисуетъ намъ авторъ біографіи этихъ хозяевъ жизни—капиталистовъ города Житницы. Нѣсколькими штрихами онъ вырисовываетъ передъ нами цѣлые типы—цѣльные и ясные, какъ логическое умозаключеніе, и частная жизнь этихъ пауковъ выростаетъ передъ нами въ явленіе *народной* жизни, полной глубокаго, захватывающаго интереса.

Несмотря на нѣкоторую слабость и поспѣшность художественной отдѣлки, мы находимъ, что произведеніе г. Гусева-Оренбургскаго—одно изъ наиболѣе замѣтныхъ среди всего, появившагося въ послѣднее время. Прежде всего оно останавливаетъ вниманіе широтою замысла, разнообразіемъ группъ, вошедшихъ въ поле зрѣнія, и этой стороною своей оно напоминаетъ крупнѣйшія циклопическія постройки нашихъ большихъ художниковъ слова. Такое-же обиліе матеріаловъ, доставленныхъ для постройки—безконечное богатство деталей, образовъ, картинъ; такая-же широта художественнаго замысла, охватывающая своимъ построеніемъ самыя различныя стороны и формы жизни, — наконецъ, такое-же пренебреженіе условностями, „приличіями“, мелочами художественной отдѣлки. Кажется, будто присутствуешь при томъ, какъ вышелъ богатырь на работу,—какъ онъ пробуетъ единоличными усиліями поднять всю цѣлину огромнаго поля, и становится понятнымъ, что при этомъ не до условной красоты, не до изящныхъ, закругленныхъ движеній. Мы должны все-же повторить, что художественная сторона этого произведенія, пожалуй, болѣе слаба, чѣмъ это можно требовать отъ такихъ циклопическихъ построекъ. Нѣкоторыя части этого огромнаго зданія слишкомъ растянуты, другія непомѣрно укорочены, третьи неестественно приподняты, почти вычурны,—и вся работа какъ будто сдѣлана слишкомъ спѣшно, страстно, безъ оглядки. И все же

это произведеніе огромнаго интереса и большой художественной цѣнности, къ которому могутъ приходить маленькіе художники и посвящать себя детальной художественной отдѣлкѣ незаконченныхъ, а только намѣченныхъ, начатыхъ частей зданія. Но мы вернемся къ пѣснямъ будущаго, которыя такъ полно и разноголосно звучатъ въ „Странѣ отцовъ“.

Среди всѣхъ пауковъ—этихъ новыхъ завоевателей—выдѣляется купецъ Широкозадовъ. Онъ завладѣлъ всѣмъ уѣздомъ, и авторъ увѣряетъ, что широкозадовскаго мужика всегда можно узнать по внѣшнему виду: такъ онъ робокъ, запуганъ, оборванъ и пьянъ,—или же онъ грубъ, обозленъ и ругаетъ весь міръ. Какъ мы указали,—особенность такихъ циклопическихъ произведеній та, что всякая незначительная частность обобщается и выростаетъ въ явленіе огромнаго общественнаго интереса, и Широкозадовъ, напр., не теряя своихъ субъективныхъ широкозадовскихъ чертъ, сливается въ нашемъ представленіи съ торжествующимъ третьимъ сословіемъ, съ новымъ завоевателемъ всей исторической сцены. И каждая подробность жизни мужиковъ—этихъ маленькихъ деревень захватываетъ васъ, какъ огромная историческая трагедія, разыгрывающаяся передъ вами. Это и есть современная историческая трагедія, — та страшная борьба, которая происходитъ на нашихъ глазахъ, но нуженъ большой талантъ, чтобы, описывая деревья, дать читателю въ то же время представленіе обо всемъ лѣсѣ,—о его грозномъ величіи, о его прекрасной тишинѣ. Вся историческая сцена раскрывается передъ вами, вы слышите кипѣніе котла исторіи, гдѣ варится какое-то отвратительное варево, но которое дастъ въ конечномъ результатѣ „прекрасное вино будущаго“. Вы видите, вы понимаете, что широкозадовскій мужикъ такъ палъ и такъ раздавленъ пятой Широкозадова, что его сыновья ушли въ приказчики къ Широкозадову, а его дочери „мѣняютъ красный деревенскій платокъ на городскую шляпку, румянецъ толей, залитыхъ солнцемъ, на парфюмерныя румяна, которыя пьянымъ и властнымъ поцѣлуемъ разслюнявитъ Широкозадовъ“.

Картина разслоенія народной толщи ярко и выпукло встаетъ передъ вами, и вамъ выясняется, что здѣсь *должны* накипать пѣсни будущаго, что онѣ должны зародиться здѣсь, что для прорастанія новаго деревца есть благодарная почва. И когда богомиловцы сдаются и лѣзутъ въ хайло къ Широкозадову, и остаются только васильевцы, которые не хотятъ сдавать землю въ аренду Широкозадову,—вы сразу понимаете, что здѣсь закипитъ яростная борьба, такъ какъ это будетъ борьба принципіальная, послѣдняя попытка свободнаго и еще гордаго землероба отстоять свою независимость передъ идущимъ новымъ помѣщикомъ, феодаломъ-буржуа.

Подложнымъ приговоромъ Широкозадовъ все-таки добивается своего и получаетъ землю въ аренду, и васильевцы уясняютъ себѣ, что ихъ противникъ—хозяинъ жизни, что власти служатъ ему, что Правда прогнана и связана Широкозадовымъ; и они приходятъ къ выводу, что имъ не на кого надѣяться, какъ только на самихъ себя. Рѣшивъ бороться своими средствами, они не даютъ убирать хлѣбъ съ земли, которую они считаютъ своею, и въ результатѣ—становой съ военной командой, арестъ „зачинщиковъ“ и между ними, прежде всего, молодого мужика—идеолога Назарова, о которомъ авторъ говоритъ, что это былъ одинъ изъ народныхъ ораторовъ, „которые будутъ увлекать массы съ трибунъ будущаго“.

Такова деревня въ Житницкомъ уѣздѣ, таково настроеніе умовъ и

душъ. Какъ видите, здѣсь должны громко раздаваться пѣсни будущаго.

Мы еще вернемся потомъ къ повѣсти г. Гусева-Оренбургскаго. Теперь-же мы хотимъ еще провѣрить настроеніе „деревенской“ души показаніями другого автора. Мы хотимъ послушать, не раздаются-ли пѣсни будущаго въ разсказѣ г. Скитальца „Кандалы“ **).

Здѣсь передъ нами выступаетъ та же картина разслоенія деревни, глухого броженія, происходящаго въ глубинахъ жизни,—сложный и болѣзненный процессъ выработки чего-то новаго, ампутированія омертвѣвшихъ членовъ, образованія новаго уклада. Авторъ вспоминаетъ родную деревню,—какая она была въ старину кряжистая, крѣпкая, цѣльная, какъ изъ одного куска. Авторъ вспоминаетъ гомерическія попойки на масляницѣ, здоровое пьянство деревни, грубую, но широкую жизнь. Находитъ онъ то же самое, что и среди Широкозадовцевъ: обнищаніе, отупѣніе, съ одной стороны и—глухую злобу и жажду мести, съ другой. И прежде всего, — всюду броженіе, поиски чего-то. „Снаружи тихо, а ежели разобрать, да вникнуть... Волненіе пошло въ народѣ... шатаніе ума... Разбились на партіи, и каждая свою линію гнетъ... зашевелился народъ“. Такъ характеризуетъ мужикъ-кулакъ Воробьевъ современное состояніе деревни. Онъ-же даетъ и первое, приблизительное объясненіе этому: „обѣдняли всѣ, озлились... А земскій разжигаетъ... Вотъ оно съ виду то и тихо, а внутри—кипитъ у каждаго“! Дальше онъ разъясняетъ автору, какія „платформы“ у нихъ не только на сходѣ, „а вездѣ и во всемъ“. „Особо вредная для всѣхъ партія, это—земскій начальникъ, старшина съ писаремъ, урядникъ, да попы“. Потомъ есть партія интеллигентовъ, какъ мы назовемъ,—врачъ, учители — „ничего, хорошій народъ“. Партія либераловъ-буржуа, къ которымъ принадлежитъ этотъ самый Воробьевъ и другіе „степенные“ мужики, и, наконецъ, — партія крайнихъ, „совсѣмъ молодые мужики“.

Не бѣда, что Воробьевъ пока не силенъ въ терминологіи различныхъ „платформъ“,—онъ научится со-временемъ, да и научатъ его, такъ какъ деревня выросла за время отсутствія автора изъ нея, и не даромъ онъ съ трудомъ и узнаетъ ее. Вотъ кряжистая, крѣпкая семья раскольника Лукьяна, живущая еще на старый ладъ, всѣ вмѣстѣ, всѣ подъ началомъ старика Лукьяна. Совсѣмъ старинный, патріархальный бытъ эпохи „натуральнаго хозяйства“, но... его младшій сынъ, —Варфоломей, сохранивъ фанатически-крѣпкій идеализмъ своего отца, стоитъ все же во главѣ партіи крайней деревенской молодежи: не молится въ моленной семьи, выписываетъ газету въ складчину и покупаетъ новыя раскольничьи книги, а читая газеты, онъ отмѣчаетъ горячо, что „въ Кіевѣ рабочіе забастовали“, или восклицаетъ: „А студенты-то!.. опять“!..

Новое время неотвратимо пришло, несмотря на всѣ преграды, которыя ему ставили, и новыя пѣсни—пѣсни будущаго все стройнѣе, все согласованнѣе раздаются въ деревнѣ. Авторъ пораженъ, онъ видитъ какъ будто-бы старыя, знакомыя лица, но въ то же время совершенно новыя, преобразившіяся. Они потеряли прежнее здоровье и грубоватую сытость,—и пріобрѣли зато нѣкоторую нервность, большую одухотворенность: они читаютъ, слѣдятъ за тѣмъ, что пишутъ о нихъ, — слѣдили, напримѣръ, за писательской дѣятельностью автора разсказа,—и мы, читая этотъ разсказъ г. Скитальца, вспомнили трагическое восклицаніе русскаго писателя: „читатель, гдѣ ты, защити“—вспомнили и съ глубокою радостью сказали себѣ, что, кажется, онъ пришелъ, читатель,—ка-

**) V Сборникъ „Знанія“.

жется, онъ на самомъ дѣлѣ здѣсь, около,—кажется, онъ больше не дастъ въ обиду писателя.

Борьба bloc'а всѣхъ партій противъ „особо-вредной партіи“,—земскаго начальника и урядника—окончилась пораженіемъ: буржуа-либералъ Челякъ посаженъ просто-напросто въ „каталажку“, идеалистъ—„крайній лѣвый“—Варфоломей тоже взятъ, но что за бѣда!—на улицахъ деревни, русской, жалкой, соломенной деревни раздается новая пѣснь подростковъ ребятъ: „Сердце мохомъ обростаетъ... весь измученный народъ“... донеслись до автора отрывки пѣсенъ подростковъ... Это перепѣвы назрѣвающихъ пѣсенъ будущаго, которыя идутъ, надвигаются, ломаютъ все по пути,—разрушая, созидаютъ новый храмъ будущаго.

Варѳоломей „взятъ“, и старый Лукьянъ трагически молится, проклинаетъ „то непонятное новое, что идетъ откуда-то на его дѣтей и внуковъ, ломаетъ старую вѣру и сметаетъ старую жизнь“,—но ни молитвой, ни проклятіемъ, ни насиліемъ не удержать ее... „все равно уйдетъ“...

И авторъ кончаетъ тѣмъ, что ему начинаетъ казаться, будто сама природа измѣнилась.. „Все было неузнаваемо“... „Старый лѣсъ погибъ, но зато растетъ новый, молодой, свѣжій лѣсъ, раздаются новыя пѣсни будущаго, имъ принадлежитъ историческая сцена, а старое... „старое унесло водой“!

Картину того-же идущаго неотвратимаго переустройства жизни, ломающаго старую вѣру и сметающаго старую жизнь, которую переживаетъ „страна отцовъ“ въ настоящій историческій моментъ, намъ даетъ г. Айзманъ въ своемъ талантливомъ и яркомъ разсказѣ „Ледоходъ“ *). Здѣсь—не мужики, а горожане, признаваемые страной отцовъ чужаками, „вредными инородцами“: здѣсь — евреи. Но эти „инородцы“ живутъ общей жизнью со страной отцовъ и, несмотря ни на что, какъ холопы, или какъ святые—любятъ эту страну, страдаютъ за нее и посылаютъ своихъ дѣтей, которыя бьются за нее, „и ищутъ выхода, рвутъ оковы и съ грохотомъ сносятъ преграды, — дѣтей, которыя кровью своею орошаютъ крутую дорогу и пламенемъ сгорающихъ душъ своихъ озаряютъ глубокія дали ея“...

Сжатый, маленькій разсказъ г. Айзмана дышетъ правдой и страстной колоритностью яркой, переливающейся крови. Фабулы почти нѣтъ. Процентныя „нормы“ не пустили вреднаго инородца Якова въ стѣны университета страны отцовъ, и онъ учится въ Парижѣ. Онъ пріѣзжаетъ на каникулы „домой“—въ свой родной городишко, гдѣ въ „чертѣ“ задыхаются и гибнутъ его братья; на вокзалѣ его встрѣчаетъ сестра Соня, и здѣсь-же по дорогѣ съ вокзала между ними разгорается споръ — чисто принципіальный, идейный споръ, но который они ведутъ со всѣмъ догматизмомъ и нетерпимостью юности, съ фанатической страстью и несокрушимой идейной энергіей, свойственной этимъ „вреднымъ инородцамъ“. Этимъ открывается разсказъ.

Дѣло въ томъ, что Соня принадлежитъ къ партіи націоналистовъ-евреевъ, пришедшихъ къ убѣжденію, что еврейству пора бросить космополитическое холопство, пора перестать расточать пламень своей души и кровь своихъ дѣтей въ любви къ „странѣ отцовъ“, плюющей на него, предающей его позору и избіенію. Соня принадлежала къ молодой партіи, выросшей и окрѣпшей въ еврействѣ, которая выставляетъ на своемъ знамени національно-еврейское самосознаніе, народные идеалы и—какъ далекую мечту, звѣзду путеводную — стремленіе къ собственному убѣжищу, гдѣ они не были бы „инородцами“: неумирающій народный идеалъ—Сіона. Сестра Якова была *сіонистка*, а онъ принадлежалъ

*) V сборникъ „Знанія“.

къ людямъ, поющимъ пѣсни будущаго,—не признающимъ дѣленій на „своихъ“ и „чужихъ“, такъ какъ онъ стоялъ на пролетарской точкѣ зрѣнія, съ которой эти слова теряютъ всякій смыслъ: Яковъ былъ *марксистомъ*.

Догматически-непоколебимо стоитъ Яковъ на своихъ точныхъ, холодныхъ формулахъ, которымъ онъ отдалъ всю кровь и весь пламень своей юной души. Кровью и слезами жалости облито сердце Сони,—она, какъ библейская Рахиль, „плачетъ о дѣтяхъ своихъ“—о народѣ своемъ. Всю ночь они ведутъ страстный споръ, и, любя другъ друга, чувствуютъ какъ враги,—доходятъ чуть не до ненависти. Яковъ настаиваетъ на томъ, что еврейство должно раствориться, а Соня въ безумномъ экстазѣ почти кричитъ: „Нѣ-ѣ-тъ, мы не растворимся! Въ святую землю... къ могиламъ великихъ и святыхъ вождей... поведемъ мы народъ нашъ! И чудо свершится. Всѣ страданія народа... вся пролитая кровь его, и слезы его, и живьемъ сожженныя тѣла, и женщины опозоренныя, и съ крышъ на камни сброшенныя дѣти... все претворится въ радость и сіяніе для грядущихъ поколѣній“... „И тогда пусть! Пусть тогда наступитъ всеобщее сліяніе, и пусть создается на землѣ одинъ, единственный и высшій народъ“!

Въ своемъ пророческомъ экстазѣ Соня сказала то, что такъ мѣтко (хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ вѣрно) сказалъ одинъ извѣстный юристъ на конгрессѣ, когда обсуждался вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни за убійства: „Пусть господа убійцы начнутъ первые“... И Соня говоритъ тоже: пусть господа—другія націи, предлагающія еврейству сліяніе, рекомендующія ему раствориться,—пусть онѣ начнутъ первые!..

Въ безсильной тоскѣ слушаютъ этотъ ожесточенный споръ своихъ дѣтей Соломонъ и Шейна Розенфельды... Шейна плачетъ и причитаетъ, что ея дѣти пропали и погибли, а Соломонъ Розенфельдъ, несмотря на горе, которое гложетъ его отцовское сердце, оцѣниваетъ прежде всего правильно событія, ясно понимаетъ историческій моментъ. „Ничего не поможетъ!.. Черные дни настали на землѣ.. міръ гибнетъ! Невозможно больше терпѣть, невозможно!.. Это ледоходъ! Выйди во время ледохода на берегъ и поставь заборъ, перегороди льду дорогу,—поможетъ тебѣ“? И съ гордостью и силой истиннаго гражданина, этотъ старый „вредный инородецъ“ прибавляетъ. — „И я и не хочу, чтобы помогло!.. Я не знаю, кто изъ нихъ правъ: Яковъ или Соня, но... Пусть они идутъ! Пусть они идутъ“!

Эти „вредные инородцы“ всѣ „демократы“. Это хорошо зналъ покойный министръ Плеве, это съ несомнѣнной убѣдительностью доказалъ гомельскій процессъ,—но все-же такое гражданское мужество не совсѣмъ обычно даже и для „вредныхъ инородцевъ“. Слишкомъ старъ Соломонъ Розенфельдъ, и міръ его интересовъ слишкомъ далекъ, казалось-бы, отъ гражданскаго самопожертвованія и гражданскихъ добродѣтелей. Почему-же онъ восклицаетъ: „пусть они идутъ“, почему онъ „и не хочетъ, чтобы помогло“? —Пѣсни будущаго слишкомъ сильно звучатъ кругомъ, пѣсни будущаго захватили и увлекли все съ собою, пѣсни будущаго побѣднымъ гимномъ рвутся къ небесамъ... и каждый дѣлаетъ, что можетъ. „Вредный инородецъ“ Соломонъ Розенфельдъ отдаетъ своихъ дѣтей: пусть они идутъ! пусть они идутъ!...

V.

Мы уклонились немного въ сторону, но изъ „страны отцовъ“ мы не уходили, — мы были только въ другой части этой обширной страны, такъ какъ по нѣкоторымъ даннымъ надо заключить, что деревня Кандалы принадлежитъ не Старомірской губерніи, а жалкое мѣ-

стечко, гдѣ живутъ „вредные инородцы“ лежитъ, конечно, въ одной изъ западныхъ губерній, въ „чертѣ, для еврейской осѣдлости“ предназначенной. Вернемся-же въ Старомірскую губернію.

Сказанное нами о „странѣ отцовъ“ представляетъ собою общую схему положенія дѣлъ, — соотношеніе общественныхъ силъ, существовавшее въ Старомірской губерніи къ началу разсказа г. Гусева-Оренбургскаго. Но этимъ—общей схемой жизни, обнищанія и озлобленія деревни и ея борьбы съ Широкозадовымъ — авторъ не хочетъ ограничиться. Онъ задумалъ поднять цѣлину всего огромнаго поля Старомірской губерніи и онъ долженъ былъ намъ показать губернскій городъ Старомірскъ. Онъ это дальше и дѣлаетъ, и мы должны прибавить, что съ точки зрѣнія чисто-художественной очень несовершенно дѣлаетъ, такъ какъ веденіе всего дѣйствія и всего разсказа при помощи одного лица—вездѣсущаго, всевидящаго и всезнающаго о. Ивана—не можетъ считаться художественнымъ пріемомъ. Но, какъ мы уже сказали, намъ лично это даже нравится, такъ какъ чувствуется страстная работа, которая дѣлалась не надуманно, а горячо, безъ оглядки — потому, что ее нужно было сдѣлать. Мѣстами это выходитъ почти смѣшно, такъ какъ здороваго, жизнерадостнаго о. Ивана встрѣчаешь въ самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ, въ самыхъ неестественныхъ для него положеніяхъ, ибо онъ долженъ быть всюду вмѣстѣ съ авторомъ, чтобы показать намъ все, что авторъ хочетъ намъ показать.

Сама собою вспоминается другая такая-же циклопическая постройка, принадлежащая большому архитектору—Золя. Мы говоримъ о его романѣ „Парижъ“, гдѣ аббатъ Пьеръ надѣленъ такими же свойствами: онъ такъ-же вездѣсущъ и такъ-же всезнающъ, какъ и о. Иванъ г. Гусева-Оренбургскаго. Въ концепціи произведеній найдется еще много общаго: нѣкоторая приподнятость тона, какой-то углубленный паѳосъ, рѣзко освѣщающій самыя обычныя явленія, самыхъ обыкновенныхъ людей. Но мы убѣждены, что о подражаніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, что это не болѣе, какъ особаго вида конгруенція—совпаденіе въ событіяхъ и въ ихъ художественномъ перевоплощеніи.

Аббатъ Пьеръ, потерявъ Бога, искалъ правду земную и онъ долженъ былъ видѣть всю печаль и нищету современнаго большого города, всю борьбу и всѣ зіяющія пропасти современной жизни. Аббатъ Пьеръ нервенъ, весь—страстное исканіе, весь—аскетическій порывъ. Аббатъ Пьеръ—это кающаяся душа лихорадочно-метущагося, ищущаго правды Парижа. О. Иванъ грубоватъ, неуклюже здоровъ, съ него не сошелъ еще загаръ полей Житницкаго уѣзда. Онъ вѣритъ въ Бога и въ простую жизнь іерея, пользуется прекраснымъ аппетитомъ и часто и охотно смѣется.

Что между ними общаго? Почти ничего, но слишкомъ много общаго есть во внѣшнихъ условіяхъ. Дрожащій отъ раскатовъ подземнаго грома сѣдой Парижъ и корчащійся въ судорогахъ отъ того-же грома молодой, почти юный Житницкій уѣздъ— переживаютъ почти одно и то же, и намъ понятенъ этотъ паѳосъ: здѣсь и тамъ происходитъ великое дѣло разрушенія, чтобы очистить мѣсто для храма будущаго, здѣсь и тамъ поются пѣсни этого будущаго.

Аббатъ Пьеръ ходитъ изгнанникомъ изъ страны *отцовъ* своихъ, онъ ищетъ страну *дѣтей*, которую онъ будетъ любить и которой онъ отдастъ весь пламень своей души. О. Иванъ наивными, добрыми глазами присматривается къ странѣ своихъ отцовъ и въ первый разъ видитъ, что „всѣ чего-то хотятъ“, куда-то стремятся, что около него кипитъ борьба, и на мигъ ему даже ка-

жется, что онъ видитъ пропасть, „въ которую катится знакомый ему міръ“... Наивный о. Иванъ кончаетъ тѣмъ-же, чѣмъ кончаетъ аббатъ Пьеръ: изгнанникомъ онъ уходитъ изъ страны отцовъ и весь отдается любви къ странѣ дѣтей. И насъ не должно удивлять, что о. Иванъ такъ скоро проходитъ весь искусъ; это понятно: о. Иванъ увлекаемъ пѣснями будущаго, слишкомъ ярокъ историческій моментъ переживаемый Староміpской губерніей.

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, слѣдовать шагъ за шагомъ за о. Иваномъ— для этого талантливый авторъ будетъ лучшимъ проводникомъ читателю, — но въ нѣсколькихъ словахъ мы попробуемъ разсказать весь вихрь событій, закружившихъ наивнаго и простосердечнаго о. Ивана.

Крѣпкій и сильный, какъ Голіафъ, онъ стоитъ на возу и ворошитъ сѣно, когда отъ пришедшаго мужика узнаетъ, что попадья, жена о. Матвѣя, убѣжала. Эта „матушка“ —Павлинька—другъ дѣтства о. Ивана, которую онъ любитъ и самъ объ этомъ не знаетъ, не позволяетъ себѣ знать. Это—первая вѣсть изъ міра, который не хочетъ жить по прежнему, который перестраивается и рветъ и рушитъ старыя оковы. Пріѣзжаетъ о. Матвѣй и проситъ его поѣхать съ нимъ убѣдить Павлиньку вернуться. О. Иванъ ѣдетъ въ Староміpскъ и—вихрь поднялъ простосердечнаго Голіафа и закружилъ его.

Дѣло въ томъ, что эволюція Староміpской губерніи, — переходъ отъ патріархальной сытости къ капиталистической нищетѣ, отъ „натуральнаго рабства временъ крѣпостного права къ рабству „денежнаго хозяйства“—отразился очень ярко на самомъ Староміpскѣ. Авторъ посвящаетъ нѣсколько глубокихъ и красивыхъ страницъ характеристикѣ Староміpска. Онъ показываетъ намъ жалкое, нищенское предмѣстье „Зарѣчье“, лежащее въ низинѣ, въ болотѣ—и гордо раскинувшійся на возвышенности „центръ“. „Зарѣчье“ работаетъ, чтобы „центръ“ имѣлъ весь комфортъ культурнаго города, „Зарѣчье“ нищенствуетъ, чтобы „центръ“ жилъ въ излишествѣ.

Миссія о. Ивана увѣнчивается успѣхомъ. Павлинька соглашается вернуться къ мужу, хотя въ отвѣтъ на проповѣдь терпѣнія, произнесенную ей этимъ добродушнымъ Голіафомъ, она рисуетъ такую картину жизни: „Вернуться... буду шерсть собирать... куръ щупать, яйца считать... на фортепьяно по цѣлымъ днямъ Штрауса играть... Ну, а потомъ что?... Неужели такъ всю жизнь?... Старѣть буду... очки куплю и все буду куръ щупать, яйца считать... играть вальсы“... Она все это видитъ, но не знаетъ другого выхода и сдается на увѣщанія втайнѣ любимаго ею о. Ивана.

Но городъ Староміpскъ объятъ вихремъ пѣсенъ будущаго, и о. Ивану не удается послѣ исполненія своей миссіи вернуться спокойно домой—къ своему сѣну и своей попадьѣ. Въ домѣ отца Павлиньки онъ знакомится съ Александрой Порфирьевной... Широкозадовой. Это еще молоденькая дѣвочка, мечтающая о курсахъ, но живущая всею страстью своей юной души пѣснями будущаго, вѣрящая въ это будущее, гордо называющая себя „демократкой“... Она знаетъ, что отецъ ея принадлежитъ къ классу угнетателей, но она надѣется исправить зло, принесенное имъ, такъ какъ она демократка; и ясно, сознательно отдается пѣснямъ будущаго.

„Чтобы разрушить эту ложь (всей жизни)... пришли мы... Мы, поклоняющіеся солнцу будущаго... мы — демократы“. И о. Иванъ съ нею вмѣстѣ стоитъ въ стройной толпѣ рабочихъ, которыхъ она называетъ товарищами, — слушаетъ ихъ гимнъ, смотритъ на ихъ знамя.

„Здѣсь шли люди въ рабочей одеждѣ, иные не сняли даже фартуковъ. То блѣдныя, то загорѣлыя, но спокойно-торжественныя лица... Вотъ Шилораевскіе идутъ... а это Удаловскіе!—возбужденно показывала Александра Порфирьевна“... — „Вы съ нами? кричали ей знакомые рабочіе“.—„Гдѣ-то около нея загорѣлось „ура“... раздавались „грозящіе крики“, изъ которыхъ можно было разобрать только одно слово: „долой“! „долой“!.. Это вышло „Зарѣчье“ и поетъ пѣсни будущаго, и не только о. Иванъ, а и многіе другіе въ Староміркѣ впервые увидали, что новая сила какая-то выросла въ жизни... сила грозящая еще непонятная“... сила, которая будетъ диктовать свои законы, которая медленно, но неотвратимо разрушитъ старый міръ страны отцовъ и поведетъ изстрадавшееся человѣчество въ страну дѣтей...

Мы не будемъ дальше слѣдовать за о. Иваномъ, такъ какъ мы не можемъ передать всѣхъ оттѣнковъ разнорѣчивыхъ мыслей и чувствъ, которыя кипятъ около него, когда онъ съ Александрой Порфирьевной попадаетъ на сходку рабочихъ, или потомъ вмѣстѣ съ Павлинькой и о. Матвѣемъ ѣдетъ домой; по дорогѣ они переносятъ грозу, которая ихъ чуть не топитъ, и о. Иванъ оказывается какъ разъ въ надлежащемъ мѣстѣ—по волѣ автора—у о. благочиннаго. Мы не можемъ передать всего вихря рѣчей, мыслей, чувствъ и проснувшихся страстей, которыя перекрещиваются и сталкиваются около о. Ивана въ домѣ благочиннаго,—поднимаютъ цѣлыя волны новыхъ пѣсенъ будущаго, вступаютъ въ страстную борьбу между собою. У о. благочиннаго собраніе духовенства, и наряду съ поющими аллилуя „странѣ отцовъ“,— силѣ порабощающей и держащей въ грязи и рабствѣ все кругомъ,—есть много и другихъ,—молодыхъ іереевъ, способныхъ воспринять мелодіи новыхъ пѣсенъ. Здѣсь-же и студентъ—сынъ о. благочиннаго,—страстная, кипучая и бурная душа народнаго вождя,—сюда-же, по волѣ автора, пріѣзжаетъ и Александра Порфирьевна. Между ними стоитъ добродушный Голіафъ—о. Иванъ, представляющій собой вѣру въ побѣдоносную силу здороваго, яснаго разума и крѣпкой души Житницкаго уѣзда, которая преодолѣетъ весь этотъ хаосъ бушующихъ страстей и свободная и сильная выйдетъ изъ подъ обломковъ разрушающагося зданія страны отцовъ, разобьетъ оковы и спокойно и гордо уйдетъ въ страну дѣтей.

Авторъ заставилъ о. Ивана стоять въ толпѣ „шилороевскихъ“, „удаловскихъ“ и другихъ рабочихъ „Зарѣчья“, несущихъ знамя и стройно-величаво пѣвшихъ гимны будущаго,—а теперь онъ привелъ его къ о. благочинному, чтобы бросить его въ страстную, напоенною мятежнымъ духомъ толпу мужиковъ на ярмаркѣ и заставить его присутствовать при взрывѣ ярости у многотерпѣливаго, скотски-молчавшаго раба. Везли арестантовъ, повинныхъ въ „аграрныхъ безпорядкахъ“, и „васильевцы“ рѣшили „отбить“ ихъ. Картина ярмарки, гдѣ, казалось, вся „обѣтованная земля“ мужиковъ продавалась съ аукціона за долги и недоимки, ярмарки, кончающейся грознымъ бунтомъ дико-ревущагося терпѣливаго вола, полна вспыхивающихъ молній и грознаго трагизма...

О. Иванъ все это переживаетъ, и наивные, добрые глаза этого Голіафа узрѣли Правду,—яркую прекрасную даль страны дѣтей... „Довольно!—восклицаетъ Голіафъ, развѣ вы не видите, что такъ жить нельзя больше... позорно!.. Пусть живетъ кто хочетъ съ закрытыми глазами... Я не могу! Довольно“!!.

Онъ вѣритъ теперь вмѣстѣ съ мужикомъ Алексѣемъ, съ Александрой Порфирьевной, съ студентомъ, со всей организованной мас-

сой, пѣвшей гимны, что жизнь должна стать большой, привольной... и готовъ къ борьбѣ за пѣсни будущаго, чтобы громко всегда проповѣдовать единую Правду: „человѣкъ, уходи изъ клѣтки"; Изгнанникомъ будь изъ страны отцовъ твоихъ и весь пламень души отдай пѣснямъ будущаго,—всею кровью сердца люби страну дѣтей своихъ.

Левъ. Мовичъ.

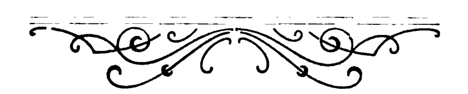

Маршъ.

Рокочутъ барабаны.
Зовутъ борцовъ: походъ!
Забудемъ наши раны.
Къ знаменамъ, ветераны,
Впередъ, друзья, впередъ!
Впередъ—и выше знамя,
Несущее завѣтъ...
Сверкай, хоругвь, надъ нами
Священными словами:
Свобода, правда, свѣтъ.

Пора былой печали
Растаяла, какъ дымъ...
Пусть наши братья пали.
Иные дни настали,
Мы вѣримъ:—побѣдимъ!
Впередъ, друзья, къ побѣдамъ
Въ нашъ доблестный походъ.
Исходъ борьбы намъ вѣдомъ:
Конецъ народнымъ бѣдамъ!
Мы побѣдимъ... Впередъ!

К.

Хроника русской жизни.

I. „Великая розруха“. — Что было 300 лѣтъ тому назадъ и — теперь. — Исторія повторяется.—Гдѣ конецъ позору и униженію?—Именной Указъ 11 дек. о выборахъ въ Думу.—Его недостатки —Бюрократія осталась вѣрна себѣ.—Милости и кары.—„Бичи“ настоящаго и „скорпіоны“ будущаго.—Награды—Минскій губернаторъ и гласный судъ.—Наши помпадуры.—г. Дурново и казенный подрядъ.—Кое что о г. Рачковскомъ.—Какъ относится г. Скалонъ къ прямому начальству.—Дѣянія ген. Сахарова.—Своеобразные способы дознанія при законѣ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія.—Истина и рапортъ ген. Ризенкампфа о Томскихъ ужасахъ.—Ѳеодосійская рѣзня по показанію очевидцевъ.—Какъ же „довѣрять“ возстановляющимъ порядокъ?! II. Свободная печать и запреты. — Временныя Правила 24 ноября.— Союзъ въ защиту свободы слова.—Его постановленіе и расколъ въ немъ.—Репрессіи на печать. III. Вопросъ о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Постановленія студентовъ.—Средняя школа и автономія.—Близкая гибель земскихъ школъ. IV. Послѣдняя забастовка.—Почему она не удалась.—Предостереженія и увлеченія.—„Все хорошо, что хорошо кончается“. —Къ какимъ результатамъ могла повести послѣдняя всеобщая забастовка?—Что медлитъ правительство.—Наши финансы.—Клятвенныя обѣщанія и дѣйствительность.—Нѣтъ денегъ.—Что принесла забастовка рабочимъ.—Общее разореніе. — Почт.-тел. забастовка.—Какъ смотрѣть на нее.—Когда она терпима?—Правильный путь улучшенія быта почт.-тел. служащихъ.—Когда онъ мыслимъ? Caeterum censeo.—Народное представительство. V. Аграрное движеніе.—Взаимное ожесточеніе.—Какъ расправляются съ бунтовщиками.—Отчего происходятъ погромы.—Мѣры М-ства Фин.—Своеобразная крестьянская конституція. VI. Рабочіе безпорядки.— Вооруженное возстаніе.— Прибалтійскій край.—Усмиреніе Московскаго возстанія.—Все подавлено, но не все исправлено.—Сила не въ штыкѣ и пулѣ. — Полиція и экономія. VII. Военныя возмущенія.—Отчего они происходятъ.—Можно ли считать ихъ законченными, удовлетворивъ экономич. требованія.—Возмущенія въ Екатеринодарѣ и др. городахъ.—Возстаніе въ Севастополѣ.—Письмо очевидца.—Свобода, свобода, сколько еще крови потребуешь ты?

„Великая розруха“, „лихолѣтье“!—такъ характеризовалось положеніе Россіи 300 лѣтъ тому назадъ,—и невольно кажется, что эти тяжелыя времена повторяются. Подобно тому, какъ было въ началѣ XVII в., и теперь все перепуталось, расклеилось; заколебались самыя стойкія основы государства. По прежнему, какъ и тогда, вмѣсто единой власти являются два соперничающихъ правительства, и оба издаютъ манифесты, указы, повелѣнія... Наконецъ, взаимная распря доходитъ до настоящихъ кровавыхъ сраженій.

Словомъ, полная копія картины начала XVII в., только съ перемѣной декорацій, да вмѣсто мелкаго врага — „Тушинскаго царька“, или „вора“, по старо-московской терминологіи, на борьбу съ правительствомъ выступаетъ грозный, многоголовый противникъ—пролетаріатъ.

Но бѣдному народу отъ этой перемѣны декорацій не лучше: тѣ же убійства, поджоги, тѣ же разгромы народнаго и частнаго имущества, та же взаимная жестокость и ненависть.

Мелкія стычки съ войсками, происходившія все время, въ Прибалтійскомъ краѣ и Москвѣ превратились въ настоящія сраженія. Въ дѣло пускается артиллерія. Враги не даютъ другъ другу пощады.

Войска стрѣляютъ въ толпы народа

шрапнелью, разрушаютъ гранатами цѣлые дома; революціонеры отвѣчаютъ партизанскими нападеніями, утомляя до крайности войска. Послѣднія, по свидѣтельству очевидцевъ, совершенно „озвѣрѣли" и своей жестокостью начинаютъ походить на турокъ: иначе мы не можемъ отнестись къ такимъ фактамъ, указываемымъ во всѣхъ газетахъ, какъ, напр., стрѣльба изъ пулеметовъ съ церковныхъ колоколенъ и разстрѣливаніе революціонныхъ отрядовъ Краснаго Креста. Факты эти до сихъ поръ опровергнуты! Что же это такое? Вѣдь, если бы то же самое замѣтили со стороны революціонеровъ, какой бы вопль ужаса подняли наши „охранители". А теперь они молчатъ! Всякая война, тѣмъ болѣе междуусобная, и безъ того слишкомъ ужасна, чтобы осложнять ее излишнею жестокостью.

Или и это—только законное „возстановленіе порядка"?

Когда же, наконецъ, дѣйствительно миръ и спокойствіе водворятся въ нашей несчастной родинѣ? Неужели мало позора испытала Русь за послѣднее время? Теперь, по слухамъ, предстоитъ еще позоръ иностраннаго вмѣшательства для „наведенія у насъ порядка": упорно ходятъ слухи, что „возстановлять порядокъ" въ Прибалт. краѣ и Польшѣ придутъ нѣмцы, а турки (!) думаютъ тоже самое сдѣлать по отношенію къ Кавказу (говорятъ, что уже 2 корпуса ихъ придвигаются къ Кавказу).

До какого же позора суждено намъ дожить, если вѣчно битые нами турки осмѣлѣли до такой наглости?!

Между тѣмъ со времени Манифеста 17 окт. прошло уже болѣе 2 мѣсяцевъ, а мы все еще не видимъ ни правилъ, опредѣляющихъ составъ и полномочія Госуд. Думы, ни правилъ, осуществляющихъ основы обѣщанной Манифестомъ гражданской свободы, не указано даже приблизительно время созванія Думы, такъ какъ въ срокъ, намѣченный въ прежнихъ манифестахъ, „не позднѣе половины января", очевидно, нечего и думать собрать ее.

Правда, кое что сдѣлано.

11 декабря былъ опубликованъ слѣдующій Именной Высочайшій Указъ прав. сенату: „Манифестомъ, 17-го октября сего года изданнымъ, Мы возвѣстили о непреклонной волѣ Нашей, не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь къ участію въ ней, въ мѣрѣ возможности, тѣ классы населенія, кои избирательными правами не пользовались, предоставивъ дальнѣйшее развитіе общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку.

Согласно сему, въ измѣненіе положенія о выборахъ въ Государственную Думу и изданныхъ въ дополненіе къ нему узаконеній, повелѣваемъ:

I. Предоставить участіе въ избраніи выборщиковъ въ городскія избирательныя собранія (пол. о выб., ст. 19): 1) лицамъ, владѣющимъ въ предѣлахъ города, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, не менѣе года недвижимымъ имуществомъ, обложеннымъ государственнымъ налогомъ или городскимъ сборомъ; 2) лицамъ, владѣющимъ въ предѣлахъ города не менѣе года торговопромышленнымъ предпріятіемъ, требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства: 3) лицамъ, уплачивающимъ въ предѣлахъ города не менѣе года государственный квартирный налогъ; 4) лицамъ, уплачивающимъ въ предѣлахъ города не менѣе года основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія; 5) лицамъ, не менѣе года занимающимъ въ предѣлахъ города на свое имя отдѣльную квартиру, и 6) лицамъ (за исключеніемъ низшихъ служителей и рабочихъ), не менѣе года проживающимъ въ предѣлахъ города и получающимъ содержаніе или пенсію по службѣ въ государственной или по службѣ въ земскихъ, городскихъ либо сословныхъ учрежденіяхъ или на желѣзныхъ дорогахъ.

II. Предоставить участіе въ съѣздахъ городскихъ избирателей (пол. о выборахъ, ст. 16): 1) лицамъ, владѣющимъ не менѣе года въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, недвижимымъ имуществомъ, обложеннымъ государственнымъ налогомъ, или городскимъ сборомъ, или сборомъ на земскія повинности; 2) лицамъ, владѣющимъ въ предѣлахъ города или его уѣзда не менѣе года торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства; 3) лицамъ, уплачивающимъ въ предѣлахъ уѣзда не менѣе года государственный квартирный налогъ; 4) лицамъ, уплачивающимъ въ предѣлахъ города или его уѣзда не менѣе года основной промысловый налогъ

на личныя промысловыя занятія; 5) лицамъ, не менѣе года занимающимъ въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда на свое имя отдѣльную квартиру, и 6) лицамъ (за исключеніемъ низшихъ служителей и рабочихъ), не менѣе года проживающимъ въ предѣлахъ города или его уѣзда и получающимъ содержаніе или пенсію по службѣ государственной или по службѣ въ земскихъ, городскихъ, либо сословныхъ учрежденіяхъ или на желѣзныхъ дорогахъ.

III. Предоставить участіе въ съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, кромѣ лицъ, указанныхъ въ положеніи о выборахъ въ Государственную Думу (ст. 12), также и лицамъ, которыя не менѣе года, на основаніи письменнаго о томъ договора или довѣренности, управляютъ въ предѣлахъ уѣзда имѣніемъ, достигающимъ по пространству земли, обложенной сборомъ на земскія повинности, размѣровъ, указанныхъ въ приложеніи, къ статьѣ 12 означеннаго положенія, или на тѣхъ же основаніяхъ арендуютъ, въ предѣлахъ уѣзда, такую же землю въ упомянутомъ количествѣ.

IV. Предоставить участіе въ предварительныхъ съѣздахъ (пол. о выб., ст. 14): 1) настоятелямъ церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ вѣроисповѣданій, если церковь либо ея причтъ или молитвенный домъ владѣютъ въ уѣздѣ землею, и 2) лицамъ, владѣющимъ въ уѣздѣ не менѣе года на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія обложенными сборомъ на земскія повинности землею или же инымъ недвижимымъ имуществомъ, если количество такой земли либо стоимость такого имущества не достигаютъ размѣровъ, дающихъ право непосредственнаго участія въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ (пол. о выб., ст. 12 п. п. а и в).

V. Предоставить участіе въ избраніи выборщиковъ въ губернскія и городскія избирательныя собранія рабочимъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Участіе въ избраніи выборщиковъ въ губернскія и городскія избирательныя собранія предоставляется рабочимъ тѣхъ, находящихся въ поименованныхъ ниже, въ статьѣ 2, губерніяхъ и городахъ, предпріятій фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности, въ коихъ общее число рабочихъ мужского пола не менѣе пятидесяти. Къ предпріятіямъ фабрично-заводской промышленности причисляются и желѣзнодорожныя мастерскія съ указаннымъ общимъ числомъ рабочихъ мужского пола.

2. Выборщики отъ рабочихъ (ст. 1) избираются въ нижепоименованныхъ губерніяхъ и городахъ въ слѣдующемъ числѣ: въ Архангельской—1; въ Астраханской (по губерніи и городу Астрахани)—2; въ Варшавской (по губерніи городу Варшавѣ)—7; въ Виленской—1; въ Владимірской—16; въ Волынской—2; въ Воронежской (по губерніи и городу Воронежу)—2; въ Вятской—1; въ Гродненской—2; въ области Войска Донского (по области и городу Ростову-на-Дону съ Нахичеванью)—6; въ Екатеринославской (по губерніи и городу Екатеринославу)—7; въ Казанской (по губерніи и городу Казани)—2; въ Калужской—2; въ Кіевской (по губерніи и городу Кіеву)—9; въ Костромской—7; въ Курляндской—2; въ Курской (по губерніи и городу Курску)—3; въ Лифляндской (по губерніи и городу Ригѣ)—5; въ Минской—2; въ Могилевской—1; въ Московской (по губерніи и городу Москвѣ)—85; въ Нижегородской (по губерніи и городу Нижнему-Новгороду)—4; въ Новгородской—2; въ Оренбургской—1; въ Орловской (по губерніи и городу Орлу)—3; въ Пензенской—2; въ Пермской—10; въ Петроковской (по губерніи и городу Лодзи)—21; въ Подольской—4; въ Рязанской—2; въ Самарской—1; въ С.-Петербургской (по губерніи и городу С.-Петербургу)—24; въ Саратовской (по губерніи и городу Саратову)—4; въ Симбирской—2; въ Смоленской—1; въ Таврической—1; въ Тамбовской—3; въ Тверской—4; въ Тульской (по губерніи и городу Тулѣ)—2; въ Уфимской—4; въ Харьковской (по губерніи и городу Харькову)—7; въ Херсонской (по губерніи и городу Одессѣ)—6; въ Черниговской—3; въ Эстляндской—2; и въ Ярославской (по губерніи и городу Ярославлю)—4.

3. Въ губерніяхъ Астраханской, Варшавской, Воронежской, Екатеринославской, Казанской, Кіевской, Курской, Лифляндской, Московской, Нижегородской, Орловской, Петроковской, С.-Петербургской, Саратовской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Ярославской и области Войска Донского общее число выборщиковъ распредѣляется между этими губерніями и городами, указанными въ

статьѣ 2, подлежащими губернскими по дѣламъ о выборахъ комиссіями въ соотвѣтствіи съ общимъ числомъ рабочихъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, расположенныхъ въ чертѣ города и внѣ оной въ предѣлахъ губерніи или области.

4. Рабочіе (ст. 1) избираютъ изъ своей среды уполномоченныхъ по слѣдующему разсчету: въ предпріятіяхъ съ общимъ числомъ рабочихъ мужскаго пола отъ пятидесяти до тысячи—одного уполномоченнаго, а въ предпріятіяхъ съ общимъ числомъ рабочихъ свыше тысячи—по одному уполномоченному на каждую полную тысячу рабочихъ.

5. Уполномоченные отъ рабочихъ (ст. 4) избираютъ изъ своей среды въ губерніяхъ и городахъ, указанныхъ въ статьѣ 2, выборщиковъ на съѣздахъ губернскихъ или городскихъ по принадлежности.

6. Въ избраніи уполномоченныхъ принимаютъ участіе рабочіе мужского пола упомянутыхъ въ статьѣ 1 предпріятій, кому бы послѣднія ни принадлежали. Не принимаютъ участія въ выборахъ и не могутъ быть избираемы въ уполномоченные либо въ выборщики иностранные подданные, а равно лица, означенныя въ статьѣ 7 положенія о выборахъ въ Государственную Думу.

7. Ко времени производства выборовъ въ каждомъ предпріятіи, рабочіе котораго принимаютъ участіе въ выборахъ, вывѣшивается, за подписью подлежащаго должностного лица фабричнаго или горнаго надзора, а въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ—начальника мастерской, объявленіе объ общемъ числѣ рабочихъ даннаго предпріятія и числѣ подлежащихъ избранію отъ нихъ уполномоченныхъ

8. Общій по губерніи или городу списокъ предпріятій, въ коихъ производятся выборы съ указаніемъ общаго числа рабочихъ и числа подлежащихъ избранію отъ нихъ уполномоченныхъ, оглашается губернаторомъ или градоначальникомъ, по принадлежности, во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этого списка.

9. Избраніе уполномоченныхъ отъ рабочихъ производится во всѣхъ предпріятіяхъ губерніи или города, по возможности, въ одинъ и тотъ же день, назначаемый губернаторомъ или градоначальникомъ, по принадлежности.

10. Избраніе уполномоченныхъ отъ рабочихъ производится въ помѣщеніяхъ, отводимыхъ для этой цѣли владѣльцами предпріятій. Во время производства выборовъ лица, въ нихъ не участвующія, въ указанныя помѣщенія не допускаются.

11. Способъ и порядокъ избранія уполномоченныхъ опредѣляются самими рабочими каждаго предпріятія. Для поддержанія порядка во время выборовъ и для руководства ходомъ послѣднихъ рабочіе избираютъ изъ своей среды одного или нѣсколькихъ предсѣдателей.

12. Въ уполномоченные могутъ быть избираемы рабочіе мужского пола, достигшіе двадцати пяти лѣтъ и работающіе въ томъ предпріятіи, въ которомъ производятся выборы, не менѣе шести мѣсяцевъ.

13. Списки уполномоченныхъ, избранныхъ рабочими каждаго предпріятія, подписываются предсѣдателями и не менѣе какъ десятью избирателями. Списки эти передаются фабричному либо заводскому управленію или начальству желѣзнодорожной мастерской, которыя немедленно препровождаютъ ихъ губернатору или градоначальнику по принадлежности. Копіи списковъ вывѣшиваются на видныхъ мѣстахъ для свѣдѣнія рабочихъ. Въ указанныхъ спискахъ должны быть обозначены: имя, отчество, фамилія, званіе и возрастъ лицъ, избранныхъ въ уполномоченные.

14. Общій по губерніи, области или городу списокъ уполномоченныхъ отъ рабочихъ, съ указаніемъ предпріятій, отъ которыхъ уполномоченные избраны, оглашается губернаторомъ или градоначальникомъ, по принадлежности, во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этого списка.

15. Съѣзды уполномоченныхъ отъ рабочихъ созываются подъ предсѣдательствомъ городского головы или замѣняющаго его лица: губернскіе—въ городахъ губернскихъ, а городскіе—въ городахъ, въ ст. 2 указанныхъ. О днѣ и мѣстѣ производства выборовъ въ съѣздахъ заблаговременно оглашается губернаторами или градоначальниками, по принадлежности, во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность такого объявленія.

16. Способъ удостовѣренія личности уполномоченныхъ отъ рабочихъ предоставляется предсѣдателямъ съѣздовъ.

17. Съѣзды уполномоченныхъ отъ рабочихъ избираютъ выборщиковъ изъ своей среды закрытою подачею голосовъ посредствомъ баллотировки шарами. Избранными считаются лица, получившія болѣе половины избирательныхъ голосовъ въ порядкѣ старшинства избирательныхъ балловъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, избраніе опредѣляется по жребію. Если число лицъ, получившихъ въ съѣздѣ уполномоченныхъ болѣе половины голосовъ, не достигнетъ подлежащаго избранію числа выборщиковъ, то на слѣдующій день производятся окончательные выборы недостающаго числа выборщиковъ, причемъ избранными считаются получившіе относительное большинство голосовъ.

18. Списокъ выборщиковъ, избранныхъ съѣздомъ уполномоченныхъ отъ рабочихъ, оглашается губернаторомъ или градоначальникомъ, по принадлежности, во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этого списка.

19. Жалобы на неправильности, допущенныя при избраніи уполномоченныхъ отъ рабочихъ, приносятся уѣзднымъ, а на неправильности, допущенныя при избраніи выборщиковъ,—губернскимъ по дѣламъ о выборахъ комиссіямъ и разрѣшаются сими комиссіями съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ въ статьяхъ 45—47 положенія о выборахъ въ государственную Думу. При разсмотрѣніи упомянутыхъ жалобъ въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ по дѣламъ о выборахъ комиссій входитъ одинъ изъ чиновъ фабричнаго или горнаго надзора, по назначенію губернатора.

20. Избранные по губерніи или городу выборщики отъ рабочихъ участвуютъ въ выборѣ членовъ Государственной Думы въ составѣ подлежащаго губернскаго или городского избирательнаго собранія, по принадлежности.

21. Уполномоченнымъ и выборщикамъ отъ рабочихъ, въ случаѣ ихъ о томъ ходатайства, возмѣщаются изъ казны путевыя издержки по поѣздкамъ въ губернскій городъ на съѣзды (ст. 15) и на избирательныя собранія (ст. 20) по расчету пяти копѣекъ на версту въ оба пути.

VI. Составленіе дополнительныхъ избирательныхъ списковъ лицъ, коимъ предоставляется участіе въ выборахъ въ Государственную Думу на основаніи отдѣловъ I—IV сего указа Нашего, возложить на обязанность учрежденій, поименованныхъ въ статьѣ 30-й положенія о выборахъ въ Государственную Думу, а въ городахъ съ населеніемъ, превышающимъ тридцать тысячъ жителей,—на участковыя избирательныя комиссіи, избираемыя городскою думою или учрежденіемъ, ее замѣняющимъ, изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ въ Думу.

VII. Дополнительные избирательные списки составить на основаніи: 1) имѣющихся въ казенныхъ палатахъ и въ земскихъ и городскихъ управахъ списковъ плательщиковъ государственныхъ налоговъ, а равно земскихъ и городскихъ сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ и 2) доставляемыхъ правительственными установленіями и земскими, городскими либо сословными учрежденіями, а также управленіями желѣзныхъ дорогъ свѣдѣній о лицахъ, служащихъ въ сихъ установленіяхъ и учрежденіяхъ, а равно на желѣзныхъ дорогахъ.

VIII. Лицамъ, имѣющимъ право участія въ выборахъ въ Государственную Думу на основаніи отдѣловъ I—IV сего указа Нашего, если лица эти не внесены въ избирательные списки на основаніи положенія о выборахъ въ Государственную Думу либо указанныхъ въ отдѣлѣ VII списковъ и свѣдѣній, предоставить, въ случаѣ желанія воспользоваться своимъ правомъ, письменно заявить о томъ учрежденію, составляющему дополнительные избирательные списки, не долѣе трехъ недѣль со дня распубликованія сего указа, съ представленіемъ надлежащихъ удостовѣреній о правѣ на участіе въ выборахъ.

IX. Дополнительные списки избирателей, взамѣнъ распубликованія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ (пол. о выб., ст. 33), выставлять, для обозрѣнія, въ помѣщеніяхъ учрежденій, доставляющихъ эти списки, съ сокращеніемъ срока, указаннаго въ статьѣ 33 положенія о выборахъ въ Государственную Думу, до трехъ недѣль, а срока, означеннаго въ статьѣ 34 того же положенія, до одной недѣли.

X. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей положенія о выборахъ въ Государственную Думу, постановить нижеслѣдующія правила:

1. Образованіе отдѣльныхъ по мѣстностямъ уѣзда предварительныхъ съѣздовъ (пол. о выб., ст. 14) и отдѣльныхъ съѣздовъ городскихъ избирателей, а равно распредѣленіе подлежащихъ избиранію выборщиковъ между отдѣльными городскими поселеніями (пол.

о выб., ст. 11) возлагается на уѣздныя по дѣламъ о выборахъ комиссіи.

2. Выборы на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, въ составъ коихъ входятъ по избирательнымъ спискамъ болѣе пятисотъ лицъ, производятся посредствомъ подачи записокъ съ соотвѣтственнымъ примѣненіемъ правилъ, указанныхъ въ статьяхъ 4—13 приложенія къ статьѣ 38 и въ статьѣ 43 положенія о выборахъ въ Государственную Думу.

3. Избирательное собраніе губернское или городское считается состоявшимся, если прибудетъ въ него не менѣе половины избранныхъ отъ губерніи или города выборщиковъ (пол. о выб., ст. 3 и 5), въ противномъ же случаѣ собраніе вновь созывается черезъ семь дней и считается состоявшимся при всякомъ числѣ прибывшихъ выборщиковъ.

XI. Въ измѣненіе статей 57—61 положенія о выборахъ въ Государственную Думу, постановить нижеслѣдующія правила:

1. Губернаторъ или градоначальникъ, по принадлежности, немедленно по полученіи выборнаго производства препровождаетъ его въ Государственную Думу, списки же лицъ, избранныхъ по губерніи или городу въ члены Думы, предоставляетъ Правительствующему Сенату.

2. Повѣрка правъ избранныхъ членовъ Государственной Думы принадлежитъ самой Думѣ. Жалобы на неправильность производства выборовъ въ члены Думы приносятся заинтересованными лицами на имя Думы. Жалобы эти подаются въ трехдневный срокъ со дня закрытія подлежащаго избирательнаго собранія губернатору или градоначальнику, по принадлежности, и препровождаются имъ въ Думу, съ объясненіями предсѣдателей избирательныхъ собраній, въ недѣльный срокъ со дня полученія жалобы.

3. Постановленіе Государственной Думы объ отмѣнѣ выборовъ, по неправильности ихъ, получаетъ силу въ томъ случаѣ, если принято большинствомъ двухъ третей наличныхъ членовъ Думы въ общемъ ея собраніи.

4. Въ случаѣ отмѣны Государственною Думою избирательнаго производства, оно возобновляется съ той его ступени, до коей отмѣнено. Въ случаѣ же отмѣны выборовъ по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ Думы, на мѣсто ихъ вступаютъ въ порядкѣ старшинства избирательныхъ баллов тѣ изъ слѣдующихъ за ними лицъ, которыя получили при выборахъ болѣе половины голосовъ. Если таковыхъ лицъ не окажется, то производятся новые выборы подлежащимъ избирательнымъ собраніемъ въ составѣ выборщиковъ, которые избраны были на текущее пятилѣтіе.

5. Указанный въ предшедшей (4) статьѣ порядокъ соблюдается и въ случаѣ выбытія члена Государственной Думы за отказомъ отъ сего званія или по инымъ причинамъ, если притомъ до наступленія срока общихъ новыхъ выборовъ въ Думу остается болѣе года.

XII. Въ измѣненіе статей 1 и 2 приложенія къ статьѣ 38 положенія о выборахъ въ Государственную Думу, а равно статей 24—26 утвержденныхъ Нами 18-го сентября сего года правилъ о примѣненіи и введеніи въ дѣйствіе учрежденія Государственной Думы и положенія о выборахъ въ Думу, постановить нижеслѣдующія правила:

1. Избирателямъ и выборщикамъ предоставляется образовывать особыя подготовительныя собранія для совѣщанія о лицахъ достойныхъ быть избранными.

2. Въ подготовительныхъ собраніяхъ избирателей принимаютъ участіе только лица, внесенныя въ списокъ избирателей даннаго избирательнаго съѣзда или городского избирательнаго участка, а также предсѣдатель этого съѣзда, хотя бы онъ и не имѣлъ права на участіе въ выборахъ.

3. Въ подготовительныхъ собраніяхъ выборщиковъ могутъ присутствовать только выборщики данной губерніи, области или города, а равно предсѣдатель подлежащаго избирательнаго собранія.

4. Подготовительныя собранія избирателей и выборщиковъ могутъ происходить лишь въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

5. О времени и мѣстѣ подготовительнаго собранія избиратели или выборщики заявляютъ начальнику мѣстной полиціи не позднѣе, какъ за двадцать четыре часа до собранія, съ приложеніемъ именныхъ списковъ устроителей.

6. Въ подготовительныхъ собраніяхъ выборщиковъ чины полиціи не присутствуютъ, но наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы посторонніе лица не имѣли доступа въ помѣщеніе, въ которомъ происходитъ собраніе.

XIII. Въ дополненіе статьи 33 утвержденныхъ Нами 18-го сентября сего года пра-

вилъ о примѣненіи и введеніи въ дѣйствіе учрежденія Государственной Думы и положенія о выборахъ въ Думу, постановить:

1. Предварительно избраніе волостными сходами уполномоченныхъ въ избирательные съѣзды, сельскія общества могутъ производить новое назначеніе выборныхъ на волостные сходы.

2. Выборы уполномоченныхъ производятся на волостныхъ сходахъ закрытою подачею голосовъ посредствомъ баллотировки.

XIV. Въ измѣненіе и дополненіе утвержденныхъ Нами 11-го октября сего года правилъ о примѣненіи положенія о выборахъ въ Государственную Думу къ губерніямъ Царства Польскаго постановить:

Въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ гмины, кои имѣютъ быть особо указаны, выбираютъ, сверхъ означенныхъ въ статьѣ 7-ой упомянутыхъ правилъ уполномоченныхъ отъ гминныхъ сходовъ, еще по два уполномоченныхъ отъ каждой изъ сихъ гминъ. Съѣзды этихъ уполномоченныхъ созываются въ подлежащихъ уѣздныхъ городахъ, подъ предсѣдательствомъ мировыхъ судей, по назначенію мѣстныхъ съѣздовъ мировыхъ судей. Означенные съѣзды избираютъ изъ своей среды выборщиковъ въ особое избирательное собраніе, которое образуется въ городѣ Холмѣ, Люблинской губерніи, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, по назначенію министра юстиціи. Число сихъ выборщиковъ имѣетъ быть опредѣлено особо. Избирательное собраніе въ Холмѣ выбираетъ изъ своей среды одного члена Государственной Думы, сверхъ числа членовъ Думы, указаннаго въ приложенномъ къ статьѣ 2 вышеупомянутыхъ правилъ росписаніи ихъ общаго числа по губерніямъ Царства Польскаго и ихъ городамъ.

XV. Въ дополненіе статьи 50 утвержденныхъ Нами 18-го сентября сего года правилъ о примѣненіи и введеніи въ дѣйствіе учрежденія Государственной Думы и положенія о выборахъ въ Думу, постановить:

Первое собраніе Государственной Думы можетъ быть открыто послѣ распубликованія Правительствующимъ Сенатомъ списка половины общаго числа членовъ Государственной Думы отъ губерній, управляемыхъ по общему учрежденію, и области Войска Донского.

Съ обезпеченіемъ, на указанныхъ выше основаніяхъ, права участія въ выборахъ въ Государственную Думу за всѣми тѣми частями населенія, коимъ оказалось возможнымъ предоставить это право, не останавливая начатаго производства выборовъ, Мы признаемъ необходимымъ ускорить дальнѣйшій ходъ выборовъ въ Думу и, вслѣдствіе того, поручаемъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: 1) безотлагательно принять мѣры къ тому, чтобы Дума могла собраться по возможности въ самый непродолжительный срокъ и 2) опредѣлить подробности порядка составленія дополнительныхъ избирательныхъ списковъ и производства выборовъ особою инструкціею".

Какъ видно, это дополненіе къ Уложенію о Гос. Думѣ значительно приближается къ принципу всеобщаго голосованія, о которомъ настойчиво твердятъ правительству всѣ сословія и классы.

И все-таки и новый указъ является, по остроумному выраженію прессы, ничѣмъ инымъ, какъ заплатой на земскомъ избирательномъ правѣ. Онъ исходитъ изъ взгляда на избирательство, какъ на имущественную привилегію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ доводитъ имущественный цензъ до такихъ низкихъ размѣровъ, какъ наемъ отдѣльной квартиры, безъ уплаты налога, или полученіе жалованья на службѣ государственной, земской и желѣзнодорожной, словомъ, до такого уровня, на которомъ выборный цензъ совершенно чуждъ началу имущественному.

Къ особому избирательству крестьянъ новый законъ добавляетъ избирательство рабочихъ, а между тѣмъ лишаетъ права избранія лицъ такъ называемыхъ либеральныхъ профессій. И всенародное избирательство все-таки не осуществлено, такъ какъ отъ выборовъ устраняются городскіе ремесленники, рабочіе мелкихъ фабрикъ, лица, не нанимающія самостоятельно квартиръ, стало-быть взрослые сыновья, живущіе при отцахъ, сельскіе батраки и вообще безземельные крестьяне, наконецъ, рабочіе всѣхъ промысловъ, кромѣ фабрично-заводскихъ.

„Въ этомъ законѣ, — говорятъ „Новости",—не выдержаны ни начало имущественнаго ценза, ни начало ценза лично-гражданскаго, всенароднаго, ни правило о регистраціи избирателей, ни правило о явочномъ порядкѣ занесенія въ списки. Все это спутано вмѣстѣ, по одному только практиче-

скому соображенію—ускорить производство выборовъ. Но стоило ли возиться съ избирательнымъ закономъ 7—8 мѣсяцевъ для того, чтобы въ концѣ скомкать его кое-какъ лишь бы не откладывать выборовъ"?!

„Петерб. Газ." съ своей стороны жалуется на оставшееся безъ измѣненія стѣсненіе свободы выборной агитаціи.

„Свобода выбора и даже свобода выборной агитаціи въ немъ ограничены самою стѣснительною узкополицейскою опекою, такъ какъ даже участіе въ „подготовительныхъ" избирательныхъ собраніяхъ могутъ принимать лишь выборщики, принадлежащіе къ данному участку, не говоря уже о томъ, что и право быть избраннымъ принадлежитъ лишь каждому выборщику въ тѣхъ же тѣсныхъ и узкихъ рамкахъ принадлежности его къ данному участку. А такъ какъ участковая система выборовъ будетъ, конечно, разбита на безчисленное количество избирательныхъ участковъ, то здѣсь явится и въ этомъ отношеніи такое узко-территоріальное стѣсненіе выборной свободы, которое можетъ привести лишь къ чисто-отрицательнымъ результатамъ. Дальше какого-нибудь мѣстнаго „Ивана Ивановича" избирательное міросозерцаніе и выборный телескопъ мѣстныхъ избирателей здѣсь ничего ровно не увидятъ, такъ какъ дальше узко-участковыхъ столбовъ имъ въ данномъ случаѣ и смотрѣть воспрещается"...

Повидимому, бюрократія осталась вѣрна себѣ: вынужденно признавъ принципъ всеобщаго права, она все-таки постаралась стѣснить его приказными рамками; и вышло ни то, ни се.

Наконецъ, интересно бы спросить гг. бюрократовъ, кого-же будутъ выбирать хоть бы тѣ же рабочіе, когда ихъ „излюбленные" люди запиханы въ „каменные мѣшки". Да и не одни рабочіе находятся въ такомъ положеніи... Очевидно, прежде всего необходима *полная амнистія*, чтобы провести хоть какіе нибудь *выборы*.

На правительство гр. Витте возлагали кой-какія надежды; теперь же съ каждымъ днемъ все становится очевиднѣе, что оно клонится къ реакціи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и его сообщенія по поводу почтовыхъ и желѣзн. забастовокъ, и новыя правила о печати, наконецъ, многочисленные аресты рабочихъ и соц.-демократовъ съ предсѣдателемъ СПБ. Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Хрусталевымъ-Носаремъ *) во главѣ.

Уже съ самаго начала дѣятельности объединеннаго Правительства гр. Витте была замѣчена какая-то двуличность: съ одной стороны, оно обѣщаетъ милости, съ другой — грозитъ суровыми репрессіями.

Такъ, желая склонить на свою сторону жел.-дор. служащихъ, оно объявило 3 дек., что въ смѣту по М-ству Путей Сообщенія на будущій 1906 г. внесено дополнительно до 16 милл. рублей на улучшеніе быта низшихъ служащихъ (на увелич. жалованья, квартиры, школы, медиц. и т. п.). Затѣмъ, видя, что эти мѣры не дѣйствуютъ, оно издало суровый законъ о стачкахъ и забастовкахъ на почтѣ, телеграфѣ, желѣзныхъ дор. и т. п., карающій стачечниковъ долголѣтнимъ пребываніемъ въ тюрьмѣ. Съ этою же цѣлью, для „борьбы съ преступными проявленіями революціонной пропаганды" изданы временныя правила о печати, „наряду съ постановленіями о свободѣ ея, дающія и способы борьбы съ злоупотребленіями печатнымъ словомъ. „Наряду съ этимъ признано необходимымъ усилить дѣятельность судебныхъ учрежденій, для возможности дѣйствительнаго примѣненія вновь издаваемыхъ правилъ и наложенія на виновныхъ наказаній въ силу судебныхъ приговоровъ".

Но,—грозно заканчиваетъ Прав. сообщеніе 6 дек.,—если бы, оказалось, что указанныя мѣры не въ состояніи пресѣчь дѣятельность упомянутыхъ лицъ, приносящихъ отечеству непоправимый вредъ, то, несомнѣнно, *явится необходимость принятія совершенно исключительныхъ мѣръ противъ лицъ, въ переживаемые тяжкіе моменты народной жизни не оставляющихъ своихъ преступныхъ замысловъ*".

Эти мѣры и начали уже примѣняться въ

*) Хрусталевъ-Носарь изъ крестьянъ Полт. губ. Учился въ СПБ. Универс., гдѣ обратилъ вниманіе товарищей своимъ талантомъ, краснорѣчіемъ и энергіею. По окончаніи Унив. поступилъ въ пом. прис. повѣреннаго, одновременно работая на заводахъ и въ типографіяхъ, для изученія быта рабочихъ. Былъ въ числѣ депутатовъ въ комиссію сен. Шидловскаго; въ послѣднее время состоялъ Предсѣд. Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

видѣ возобновленія только что снятаго военнаго положенія въ Польшѣ, объявленія его въ Прибалт. Краѣ, въ Москвѣ, Кременчугѣ и др. городахъ и уѣздахъ. Особое Правит. сообщеніе открываетъ въ этомъ отношеніи широкое поле усмотрѣнія каждому начальнику уѣзда, чуть не каждому генералу. Этому же отвѣчаютъ и многочисленные аресты, производимыя вездѣ закрытія газетъ, разсѣяніе военной силой или полиціей даже разрѣшенныхъ сходокъ, собраній и т. п.

Словомъ, возобновляется таже политика Плеве или Трепова, о которой столько уже было говорено.

Наконецъ, чтобы показать полное презрѣніе къ общественному мнѣнію, громко и настойчиво требовавшему привлеченія къ суду губернаторовъ тѣхъ губерній, гдѣ происходили погромы и избіенія, по представленію того же Правительства гр. Витте, всѣ эти господа награждаются орденами.

Такъ, 5 дек. было объявлено о слѣд. наградахъ.

Варшавскій ген.-губ. и командующій войсками варшавскаго военнаго округа ген.-лейт., ген.-адъютантъ *Скалонъ*—Владиміромъ 2-й степени; новгородскій губернаторъ д. с. с. *бар. Медемъ*—Владиміромъ 2-й степени (извѣстенъ со временъ 20 октября, погрома въ Новгородѣ). Вице-губернаторъ новгородскій *Диринъ* награжденъ Станиславомъ 1-й степени. Бывшій ярославскій губернаторъ *Алексѣй Роговичъ* награжденъ Станиславомъ 1 степ., (извѣстенъ по ярославскому погрому). Саратовскій губернаторъ *Столыпинъ* награжденъ Владиміромъ 3-й степ. Въ Одессѣ *„за добросовѣстное исполненіе обязанностей во время безпорядковъ“* награждены медалями „за усердіе“ 49 нижнихъ чиновъ и десять телефонистовъ.

Минскаго губернатора Курлова за погромъ попробовали были отставить и предать суду, но онъ открыто заявилъ, что *всѣ его дѣйствія были строго согласованы со спеціальными распоряженіями изъ СПБ.*: и потребовалъ гласнаго суда, чтобы доказать это. Отъ суда отказались и оставили Курлова на прежнемъ мѣстѣ.

Развѣ это не знаменательно? А вотъ характеристика одного изъ членовъ нашего конституціоннаго министерства.

Въ „Молвѣ“ помѣщено „открытое письмо“ г. А. Стаховича къ г. Дурново, письмо, изъ котораго слѣдуетъ, что нашъ министръ, прячась за спину своей супруги, желалъ получить съ уполномоченнаго военнаго вѣдомства по заготовкѣ продуктовъ полторы тысячи рублей лишнихъ за проданный г. Стаховичу овесъ. Не входя въ подробности „дѣловыхъ“ пріемовъ г. Дурново, вполнѣ достойныхъ члена „дѣлового“ кабинета, мы ограничимся перепечаткой заключительныхъ строкъ длиннаго и обстоятельнаго обвинительнаго акта, которымъ г. Стаховичъ больно бьетъ по лицу нашего любостяжательнаго г. Дурново:

„Все это грязное дѣло, которое я довожу до всеобщаго свѣдѣнія, касается васъ лично, г. Дурново, лишь какъ не вполнѣ добросовѣстнаго поставщика овса казнѣ. Но я счелъ своимъ нравственнымъ и гражданскимъ долгомъ съ спокойною совѣстью опубликовать его, ибо и такъ уже боюсь заслуженнаго, конечно, упрека въ томъ, что я несвоевременно поздно прибѣгаю къ общественному суду надъ вами за указанный поступокъ“.

„Настаивая передъ съѣздомъ земско-городскихъ дѣятелей въ рѣчи моей 13 ноября о томъ, чтобы онъ опредѣленно высказалъ свое полное недовѣріе къ вашей дѣятельности, какъ стоящаго во главѣ нашей администраціи, я наивно надѣялся, что послѣ должной оцѣнки государственной дѣятельности вашей и подчиненныхъ вамъ административныхъ лицъ вамъ нельзя будетъ остаться во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Я ошибся.—Памятуя пословицу, „что лучше поздно, чѣмъ никогда“, спѣшу исправить свою ошибку и, на основаніи оффиціальныхъ документовъ, охарактеризовать вашу личность и отношенія ваши къ казеннымъ интересамъ“.

Появись это письмо въ дѣйствительно конституціонной странѣ, то завтра же въ палатѣ былъ бы сдѣланъ запросъ, и г. Дурново пришлось бы подать въ отставку, а если бы его вздумалъ покрывать премьеръ, то загремѣло бы и все министерство. У насъ пока ничего не произойдетъ, ибо благополучный россіянинъ привыкъ видѣть въ роли министровъ и не такихъ еще мо-

лодцовъ, „срѣзающихъ на ходу подметки“, согласно грубому, но яркому народному выраженію.

При такомъ начальникѣ, понятно, и подчиненные подстать. Такъ, по поводу помѣщенной въ „Руси“ замѣтки: „Кто у насъ завѣдуетъ теперь „внутренней политикой“, въ ту же газету сообщаютъ слѣдующую справку о г. Рачковскомъ, подписывающемъ нынѣ вмѣсто ген. Трепова „внутреннія телеграммы“.

„Первые шаги его на поприщѣ тернистомъ относятся къ „дѣятельности“ заграницей, гдѣ онъ подъ фирмою студента Николая Чепуренко изображалъ эмигранта, вращаясь среди русской молодежи сначала въ Краковѣ, потомъ въ Женевѣ и др. городахъ. Заслуживъ довѣріе начальства, Чепуренко-Рачковскій возвращается въ Россію, принимаетъ снова фамилію Рачковскаго и сотрудничаетъ вмѣстѣ съ Судейкинымъ по охранной организаціи, въ частности такъ называемыхъ квартиръ свиданій, куда являлись безъ риска шпіоны. На этихъ квартирахъ отбирались свѣдѣнія о всемъ, что творилось въ средѣ товарищей шпіоновъ.

„Другая заслуга г. Рачковскаго передъ отечествомъ заключается въ „трудахъ“ по организаціи охраны въ Москвѣ передъ коронаціей Императора Александра III.

„О ту пору департаментъ полиціи командировалъ въ Москву цѣлую коммиссію набирать эту охрану изъ Охотнаго ряда, Ножевой линіи, старшихъ дворниковъ и друг. Была набрана изъ этихъ молодцовъ внушительная рать, которая и должна была изображать собою народъ на улицахъ Москвы, по которымъ двигались праздничныя процессіи; народу этому читались лекціи о внутреннихъ врагахъ отечества и необходимости ихъ искорененія. Душою же организаціи московскихъ дружинъ былъ именно нынѣшній завѣдующій „внутренней политикой“ г. Рачковскій“.

Петербургскимъ „чинамъ“ вполнѣ соотвѣтствуютъ и ихъ провинціальные коллеги, изображающіе у себя въ провинціи настоящихъ помпадуровъ, воображающихъ каждый про себя, что онъ—„царь и богъ“.

Распоряжаясь въ подвластной имъ области, одни изъ нихъ не знаютъ границъ своему усмотрѣнію, *игнорируя законы*, а другіе— не прочь, игнорируя законы, игнорировать и власть своего прямого начальника.

Въ львовской газетѣ „Slowo Polskie“ напечатаны интересныя секретныя телеграммы варшав. ген.-губ. ген. Скалона къ гр. Витте и Дурново. Изъ нихъ, между прочимъ, видно, что, когда ген. Скалонъ узналъ, что высланные имъ въ Арханг. губ. польскіе депутаты— гр. Тышкевичъ, Ст. Лабицкій и Э. Янценъ, говорившіе о безотлагательномъ введеніи въ Польшѣ автономіи,—получили, на пути слѣдованія къ мѣсту ссылки, въ Москвѣ, телеграмму С. Ю. Витте, съ предложеніемъ пріѣхать въ Петербургъ, ген. Скалонъ телеграфировалъ, что считаетъ отмѣну его „законнаго распоряженія“ (?!) издѣвательствомъ надъ правомъ мѣстной власти въ глазахъ польскаго населенія, которое ему, Скалону, поручено умиротворить, и что никакой ген.-губерн. при такомъ дискредитированіи его власти не въ состояніи умиротворить край“.

Къ счастью, Комитетъ Министровъ тогда не послушался его и возвратилъ сосланныхъ. Но скоро Скалонъ опять получилъ свое,—и въ Польшѣ снова ввели военное положеніе.

Наконецъ, къ характеристикѣ „власть имущихъ лицъ“ добавимъ еще слѣдующее сообщеніе объ дѣятельности ген.-ад. Сахарова, убитаго недавно революціонеркой въ Саратовѣ, и томскаго дѣятеля ген. Ризенкампфа.

Въ „Моск. Газетѣ“ сообщаютъ: „8 ноября въ с. Хованщину прибылъ ген. Сахаровъ, командированный для подавленія крестьянскихъ безпорядковъ въ Саратовской губ., вмѣстѣ съ губернаторомъ; кромѣ казаковъ, съ нимъ прибыла артиллерія. Собранные крестьяне были оцѣплены казаками“...

Послѣ рѣчи генерала со стороны крестьянъ „выступили два оратора съ цѣлью выяснить положеніе дѣлъ—сельскій староста и предсѣдатель волостного суда, но немедленно-же были избиты казаками до потери сознанія, послѣ чего ген. Сахаровъ прослѣдовалъ въ зданіе волостного правленія, а крестьяне собрались передъ зданіемъ. Здѣсь губернаторъ сталъ вызывать крестьянъ „по списку“ и допрашивать. Допросъ былъ таковъ: „признавайся, поджигалъ, грабилъ?“— Нѣтъ, — ваше превосходительство. — „Ага! Казаки!“ Являлись на сцену казаки и били, били посмѣнно, до потери сознанія, отрубали куски мяса отъ лица, вырывали волосы, бо-

роды и затѣмъ сажали въ кутузку. Избито и арестовано всего 33 человѣка; крестьяне, по мнѣнію полиціи, были крамольниками и зачинщиками. Все это дѣлалось при губернаторѣ и по его распоряженію; ген. Сахарова здѣсь не было, онъ былъ въ зданіи волостного правленія, а избіеніе происходило въ 10—20 саж. отъ зданія. Весь допросъ производился въ нѣсколькихъ словахъ — „сознавайся“ и только; многіе подъ ужасными побоями сознавались. Послѣ расправы губернаторъ прочиталъ какой-то приговоръ и приказалъ крестьянамъ подписываться. Крестьяне отъ ужаса остолбенѣли, тогда казаки начали подгонять къ подписи плетьми“.

„По словамъ участниковъ схода, картина была ужасная; нѣкоторые не могли говорить, отъ страха тряслись; изъ приговора ни одного слова не поняли. Били стариковъ 70 лѣтъ за то, что они не держатъ въ рукахъ сыновей. Всѣ казаки были пьяны, варварство ихъ не поддается описанію“...

Такъ усмирялись и возвращались „на путь истинный“ крамольные крестьяе.

Газета „Начало“ съ своей стороны сообщаетъ истину о похожденіяхъ другого помпадура, начальника гарнизона г. Томска, ген. Ризенкампфа, по поводу его Всеподданнѣйшаго рапорта о томскихъ ужасахъ 20 октября.

„До 20-го октября „противодѣйствія вооруженною силой со стороны подлежащей гражданской власти, повидимому (!), не принималось“ — говоритъ всеподаннѣйшій рапортъ генерала Ризенкампфа“.

„Ген Ризенкампфъ, „повидимому“, забываетъ, что еще 15-го, а затѣмъ 17-го октября около коммерческаго училища вооруженныя палками казацкія силы нещадно избивали учащихся малышей и всѣхъ тѣхъ изъ взрослыхъ, кто пробовалъ ихъ защитить. Именно этотъ фактъ и энергичныя настоянія мѣстной соціалдемократіи — побудили экстренное засѣданіе городской думы, созванное вечеромъ въ этотъ же день, рѣшить: закрыть кредитъ для полиціи, лишить отопленія и освѣщенія казаковъ, предъявить губернатору требованіе о немедленномъ удаленіи полиціймейстера Никольскаго, немедля освободить политическихъ арестантовъ; если же губернаторъ не удовлетворитъ этихъ требованій, телеграфировать министру внутр. дѣлъ. объ увольненіи губернатора“.

„Всѣ требованія были немедленно удовлетворены, кромѣ—удаленія казаковъ.

„Ген. Ризенкампфъ подчеркиваетъ, что большинство демонстрантовъ составляли: „учащаяся молодежь, еврейскіе жители, ж.-д. служащіе (большинство изъ нихъ польской (!) національности) и интеллигентный класс. населенія“.

Между тѣмъ большинство собравшихся были рабочіе г. Томска, русскіе.

„Толпа съ портретомъ Вашего Императорскаго Величества“—продолжаетъ царскій генералъ—„состояла преимущественно изъ рабочихъ и крестьянъ“.

„Истина, засвидѣтельствованная очевидцами, гласитъ: 20-го октября, около 3 участка, полиція собираетъ кучку темныхъ личностей—человѣкъ въ 20, среди которой переодѣтые городовые и шпіоны дѣятельно ведутъ агитацію за черносотенный погромъ Полиція выдаетъ имъ царскій портретъ національные флаги и направляетъ ихъ къ зданію городской думы, гдѣ въ это время соединенное засѣданіе думцевъ съ городскими милиціонерами. По пути кучка растетъ, пополняясь мелкими торговцами, лабазниками и темными личностями, неизвѣстно откуда появившимися“.

„Ген. Ризенкампфъ пишетъ въ своемъ рапортѣ, что милиціонеры первые произвели нападеніе на „патріотическую манифестацію“.

„Все та же истина гласитъ: черносотенная манифестація, предводительствуемая полицейскими въ статскомъ, подходитъ къ Гор. Думѣ, дорогой убиваетъ рабочаго и дѣвицу, затѣмъ пробуетъ ворваться въ зданіе Думы, но, получивъ дружный отпоръ милиціи, разбѣгается. Оправившись, черносотенцы и полиція направляются къ жел.-дор. управленію, куда за ними спѣшитъ милиція для защиты служащихъ, собравшихся тамъ для получки жалованья. Здѣсь снова черная сотня первая нападаетъ на милиціонеровъ и, снова получивъ должный отпоръ, бросаетъ царскій портретъ и разбѣгается“.

„Этотъ-то моментъ самодержавные черносотенники и г. Ризенкампфъ находятъ вполнѣ подходящимъ для „законнаго противодѣйствія вооруженною силою“. Ободрен-

ные появленіемъ войскъ, черносотенцы собираются снова, поднимаютъ портретъ и— съ помощью казаковъ—оттѣсняютъ милиціонеровъ, принуждая ихъ спасаться въ зданіи управленія сиб. дор.".

„Съ этого момента начинается правильная осада управленія, энергично поддерживаемая казаками и полиціей. Осаждены: милиціонеры, около 60 чел., и нѣсколько сотенъ ж.-д. служащихъ, пришедшихъ 20 числа получить жалованье.

„Означенныя зданія (театръ и ж.-д. упр.)—доноситъ генер. Ризенкампфъ—были немедленно оцѣплены и, за оцѣпленіемъ, окружены со всѣхъ сторонъ толпой". Сдерживать напоръ возбужденной толпы", той толпы, которая дважды разбѣгалась отъ дружнаго отпора 60 плохо-вооруженныхъ милиціонеровъ, ген. Ризенкампфъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи батальонъ солдатъ и сотню казаковъ, оказался не въ состояніи. Толпа хулигановъ „прорвала цѣпь солдатъ".

„Страшная же истина гласитъ: зданіе было окружено черной сотней (вначалѣ 150—200 чел.). За ней, охраняя ея дѣйствія, стояли войска ген. Ризенкампфа. За войсками—тысячи народа, отдѣленные отъ черносотенцевъ цѣпью солдатъ ген. Ризенкампфа".

„Когда гор. милиція, защищаясь, даетъ залпъ по врывающимся черносотенцамъ, хулиганы еще разъ бросаются бѣжать въ разсыпную. Но тутъ вновь ген. Ризенкампфъ (или его подчиненные) находятъ удобный моментъ для „законнаго противодѣйствія вооруженной силой". На выстрѣлы милиціонеровъ войска даютъ боевой залпъ по окнамъ управленія.

„Зданіе подожжено. Начинается звѣрская вакханалія. Войска ген. Ризенкампфа принимаютъ въ ней активное участіе.

„Тушить пожаръ— пишетъ г. Ризенкампфъ—не позволяла толпа.

„Очевидцы-же говорятъ: тушить огонь не позволяли казаки, окружившіе зданіе со всѣхъ сторонъ...

„Развертываются страшныя картины... Обезумѣвшіе люди спускаются по водосточнымъ трубамъ. Ихъ пристрѣливаютъ казаки, какъ голубей. Дѣвушка взбирается на крышу, молитъ о помощи. Казакъ разстрѣливаетъ ее на глазахъ народа. Когда огонь охватилъ 4-й этажъ, въ окнѣ—среди дыма и огня, выступаютъ два студента. Оглядѣвшись они выхватываютъ револьверы и стрѣляютъ въ себя, падая въ огонь на глазахъ войскъ ген. Ризенкампфа"...

„Судебное слѣдствіе установило, что большинство умерло отъ казацкихъ пуль. Раненые, которыхъ казаки не давали убирать, ограбленные черносотенцами, голыми замерзали на снѣгу. Одной женщинѣ вбитъ колъ въ животъ, многіе трупы страшно обезображены".

„Расправа эта продолжалась вплоть до полуночи". „Послѣ этого войска были отозваны въ казармы"—на этотъ разъ совершенно справедливо рапортуетъ ген. Ризенкампфъ.

„Истина же гласитъ: 20 утромъ, около театра, переодѣтый жандармъ читаетъ собранной толпѣ хулигановъ списокъ кандидатовъ въ Революц. Думу, выборы въ которую—по иниціативѣ соціалдемократіи— были произведены 19 на трехъ митингахъ. Каждую фамилію онъ поясняетъ: „это жидъ, надо его убить".

„Только энергичными усиліями войскъ, коими я лично началъ руководить, безпорядки и погромы въ тотъ день прекратились..." — храбро рапортуетъ ген. Ризенкампфъ.

„Только личными усиліями губернатора Азанчевскаго, его совѣтника Еремѣева, полиціймейстра Никольскаго и ген. Ризенкампфа порядокъ былъ возстановленъ на сотняхъ трупахъ живьемъ сожженныхъ людей".

„Эти имена кровавыми буквами будутъ выжжены въ памяти революціоннаго народа".

„Такъ пишется исторія!"

Въ заключеніе, кстати, приведемъ уже еще одно показаніе очевидца, помѣщенное въ „Южн. Кур." Авторъ этой оригинальной „исповѣди" простой мужичекъ, грузчикъ Ѳеодосійскаго порта, Ник. Ив. Крыловъ. Вотъ что онъ безхитростно разсказываетъ въ своемъ письмѣ.

„19 октября мы ничиво не знали, всѣ рабочіе вышли на работу на берегъ, начали работать, потомъ, смотрю, приходитъ нашъ береговой староста Сергѣй Шейка, старшій стражникъ Иванъ Гунчика. Сняли насъ всѣхъ съ работы, было 9 часовъ утра,

и повели насъ въ дежурное помѣщеніе начальника порта, тамъ къ намъ вышелъ надзиратель порта Бойчевскій и еще какой-то акцызный чиновникъ, потомъ пришелъ помощникъ пристава Муравлевъ, съ нимъ 6 человѣкъ городовыхъ, потомъ начали насъ учить то одинъ, то другой, потомъ принесли 50 полбутылокъ водки, насъ было 50 человѣкъ, потомъ наши командеры пирноделись, воружнлись револьверами и дубинами, взяли портретъ Государя и повели насъ къ клубу. Тамъ стояла димонстрація и масса народа, всѣ веселы и довольны. Когда мы надвинули, тогда намъ примкнули остальные грузчики, насъ стало человѣкъ 200. Я тогда вышелъ изъ толпы и забрался на фонтанъ и началъ наблюдать за всѣмъ, что происходило. Во первыхъ, я увидалъ, что Василій Панчиковъ, тоже грузчикъ, ударилъ кулакомъ мальчика лѣтъ 10-ти, тутъ же стоялъ Муравлевъ, который всю дорогу агитировалъ насъ, онъ первый ударилъ Василія изъ ривольвера въ високъ, тотъ упалъ мертвымъ. Тогда грузчики кинулись на евреевъ они думали, что выстрѣлъ былъ со стороны ихъ, потомъ стали нѣкоторыхъ ловить и бить. Тогда со стороны евреевъ дали три залпа въ верхъ и бросились въ концертный залъ. А толпа нашихъ за ними; потомъ разбили ресторанъ въ клубѣ, нашли тамъ боченокъ съ керосиномъ, облили и зажгли съ двухъ сторонъ концертный залъ. Это командовала переодетая полиція. Я все время смотрелъ. Когда я увидалъ, что разбиваютъ головы, что мозги и глаза вылетаютъ и повсюду кровь, я сдѣлался помѣшаннымъ и такъ со мною было часа 2 или 3. Когда стало темно, то городовые ломали замки у часовыхъ магазиновъ и забирали въ карманы часы, кольца, браслеты, все дорогія вещи, золото и серебро все это у полиціи. А теперь ходятъ ищутъ, глаза отводятъ. Я все время больной отъ этой картины, хотѣлъ разсказать священнику потомъ раздумалъ".

И всѣ эти ужасы остались безнаказанными. Или, можетъ быть, все это — неправда, какъ и про тѣхъ генераловъ?! Тогда отчего же они не протестуютъ, отчего г.г. Ризенкампфы не требуютъ, подобно Курлову, гласнаго суда? Отчего?...

Увы!—на этотъ вопросъ пока такъ и не находимъ отвѣта.

Неужели судомъ боятся „подорвать престижъ власти въ это смутное время"? Но, вѣдь, ребята видятъ, что уже этотъ престижъ давно подорванъ, подорвано всякое довѣріе ко власти. Чего же тутъ терять? Quusque tandem... Когда же, наконецъ, правда-истина дѣйствительно воцарится въ нашей истерзанной родинѣ? Когда всякое насиліе найдетъ правый и скорый судъ? Или мало пролито крови? Или недостаточно унижена Русь? Гдѣ же конецъ всему этому страшному кошмару?...

II.

Какъ въ области общегражданскихъ отношеній свобода, возвѣщенная манифестомъ 17 октября, оказалась стѣсненною военнымъ положеніемъ, усиленною охраною и вытекающимъ изъ нихъ административнымъ произволомъ, такъ, въ частности, и свобода печати скоро подверглась существеннымъ ограниченіямъ.

Прежде всего, уже само военное положеніе, усиленно практикующееся теперь, даетъ въ руки властей полную власть „сокращать" печать, какъ ей угодно; именно такому стѣсненію подверглась печать въ Польшѣ и многихъ русскихъ городахъ, гдѣ происходили погромы.

Затѣмъ, и опубликованныя 24 ноября временныя правила о печати, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, также сыграли на руку администраціи. Правда, этими правилами разсмотрѣніе преступленій печати ввѣрено суду, но, во-первыхъ, представлено Судебной Палатѣ право въ административномъ засѣданіи закрывать временно изданія, съ арестомъ редактора его, во-вторыхъ, въ правила введено нѣсколько статей, существенно стѣсняющихъ и даже воспрещающихъ обсуждать многіе жгучіе вопросы, напримѣръ, о забастовкахъ, стачкахъ и пр.

Правила эти, касающіяся только періодическихъ изданій, дѣйствительно отмѣняютъ цензуру слова и рисунковъ, лишаютъ М-стра Вн. Дѣлъ права воспрещать оглашеніе какого либо вопроса, кромѣ вопроса „о передвиженіи войскъ или флота и о средствахъ обороны", и установляютъ явоч-

ный порядокъ появленія новыхъ періодическихъ изданій: достаточно заявить губернатору или градоначальнику о своемъ желаніи выпускать какое либо изданіе, назвавъ его, программу, редактора и т. п., — и не позже, какъ черезъ 2 недѣли, выдается свидѣтельство.

И все таки... опять появляется на свѣтъ Божій упраздненная цензура.

По § 7 (отд. VII) правилъ одновременно съ выпускомъ №-ра изданія изъ типографіи опредѣленное количество экземпляровъ его должно быть доставлено въ цензуру, подъ угрозою штрафа до 300 рубл. (налагаемаго мир. судомъ).

Затѣмъ, та же цензура, точнѣе, какъ въ правилахъ сказано, — „установленіе или должностное лицо по дѣламъ печати", можетъ арестовать тотъ или другой № изданія, если усмотритъ въ немъ уголовное преступленіе; судъ отмѣняетъ или подтверждаетъ это распоряженіе. Арестъ можетъ быть произведенъ также прокуроромъ или судебнымъ слѣдователемъ (§ 14, отд. VII).

Таково содержаніе первыхъ 7 отдѣловъ; съ VIII отд. начинается перечисленіе каръ. Виновный въ выпускѣ изданія безъ вышеуказаннаго свидѣтельства, въ непред. экз. въ Цензуру, въ выпускѣ въ свѣтъ ее безъ указанія редактора, издателя или типографіи наказывается штрафомъ не болѣе 300 рубл. Виновный въ указаніи завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о томъ же — наказывается уже тюрьмой 2—8 мѣс.; также наказывается и оскорбленіе въ печати войска.

Еще болѣе суровыя кары (тюрьма 8 — 16 мѣс.) ожидаютъ виновнаго въ возбужденіи въ періодическомъ изданіи къ устройству или продолженію стачки или забастовки на жел. дорогѣ, почтѣ, телеграфѣ и т. п., а также въ какомъ либо правительственномъ учрежденіи (§ 4, отд. VIII).

Виновный въ возбужденіи учащихся къ забастовкѣ, въ возбужденіи къ устройству запрещенныхъ скопищъ, въ распространеніи завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительственныхъ органовъ или чиновъ или войска, возбуждающихъ въ населеніи враждебное отношеніе, а также въ возбужденія завѣдомо ложнаго слуха о правительственномъ распоряженіи и передвиженіи войскъ, вопреки запрещенія (отд. VI), наказывается тюрьмой (2—8 мѣс.) или ареста до 3 мѣс. или штрафомъ до 300 руб.

Наконецъ (отд. IX), виновный въ распространеніи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ нижнихъ чиновъ къ нарушенію дисциплины наказывается ссылкой на поселеніе или заключеніемъ въ исправительномъ домѣ.

Таковы, въ общихъ чертахъ Временныя Правила. Какъ только они были опубликованы, Союзъ въ защиту свободы слова, организовавшійся изъ большинства Спб. газетъ и политическо-общественныхъ журналовъ, собравшись въ экстренное засѣданіе, нашелъ, что этими Правилами:

1) Административнымъ властямъ предоставлено право по собственному ихъ усмотрѣнію налагать арестъ на отдѣльныя нумера изданій (отд. VII, ст. 9).

2) Подъ страхомъ тяжкихъ каръ, печати воспрещено касаться самыхъ насущныхъ вопросовъ, именно—въ настоящее время особенно требующихъ оглашенія и всесторонняго освѣщенія (стачки рабочихъ, прекращеніе работъ на желѣзныхъ дорогахъ, телеграфѣ, телефонѣ и др.; прекращеніе занятій служащими въ правительственныхъ установленіяхъ; прекращеніе занятій въ учебныхъ заведеніяхъ и т. д.; от. VIII, ст. 4, 5 и др.).

3) Установленъ порядокъ судебной отвѣтственности, вводящій въ судебный процессъ политическую партійность полное устраненіе суда присяжныхъ и сохраненіе суда съ сословными представителями).

5) Сохранены даже нѣкоторые виды предварительной цензуры (цензура объявленій, цензура придворныхъ извѣстій).

Въ виду того, что означенными временными правилами существеннымъ образомъ нарушены коренныя начала свободы слова и извращены „незыблемыя основы" гражданскихъ свободъ, провозглашенныхъ въ манифестѣ 17 октября сего года, союзъ постановилъ:

по прежнему фактически осуществлять свободу печати.

Это постановленіе немедленно же вызвало слѣдующее правительственное сообщеніе.

„Со времени воспослѣдованія Высочайшаго манифеста 17 октября, редакторы и издатели многихъ столичныхъ газетъ и жур-

наловъ, образовавъ союзъ защиты свободы печатнаго слова, рѣшили не исполнять никакихъ законовъ. Нѣкоторые изъ органовъ печати превзошли въ этомъ отношеніи всякія границы, послѣдовательно допуская печатаніе такихъ статей, которыя заключаютъ въ себѣ тяжкія преступленія, предусмотрѣнныя уголовнымъ уложеніемъ. Вслѣдствіе сего за время съ 22 октября по 2 декабря оказалось необходимымъ возбудить въ обѣихъ столицахъ уголовное преслѣдованіе въ девяносто двухъ отдѣльныхъ случаяхъ нарушенія газетами и журналами уголовныхъ законовъ. Независимо отъ сего, противъ всѣхъ періодическихъ изданій возбуждены преслѣдованія у мировыхъ судей по п. 6. отд. VIII Высочайше утвержденныхъ 24 ноября 1905 г. временныхъ правилъ о періодическихъ изданіяхъ".

Однако, и безъ этого предостереженія въ союзѣ произошли несогласія, когда пришлось на дѣлѣ осуществить свободу печати, такъ что временно союзъ газетъ въ защиту свободы слова прекратилъ свое существованіе; остался только союзъ журналовъ въ защиту свободы слова.

Камнемъ преткновенія послужилъ вопросъ о перепечаткахъ. Дѣло въ томъ, что, въ огражденіе фактической свободы печати, союзъ постановилъ: если за какую либо статью какое-нибудь изданіе, входящее въ число членовъ союза, подвергнется карѣ, то члены союза обязуются раздѣлить эту кару и прежде всего перепечатать инкриминируемую статью.

2 декабря въ газетахъ „Сынъ Отечества", „Новая Жизнь", „Наша Жизнь", „Русская Газета", „Русь" и др. появился такъ называемый манифестъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, приглашающій въ рѣзкой формѣ населеніе—*отказываться отъ взноса выкупныхъ и др. казенныхъ податей, не принимать бумажныхъ денегъ, а только золотою монетою, и брать вклады изъ ссудо-сберегательныхъ кассъ*. Цѣль этого обращенія была — подорвать финансы Государства.

Немедленно же, по рѣшенію Судебной Палаты, газеты, напечатавшія это воззваніе, были арестованы. Всѣмъ изданіямъ, которыя бы рѣшились въ томъ же видѣ повторить его, грозила та же кара, что, очевидно, было особенно тяжело для ежемѣсячныхъ журналовъ, которые не могли обойти такъ легко это затрудненіе, какъ газеты, на другой же день вышедшія подъ другимъ названіемъ (вмѣсто „Руси"—„Молва", вмѣсто „Свободнаго Народа" (прежнія „Биржевыя Вѣдомости") — „Народная Свобода"), вмѣсто „Русской Газеты" — „Набатъ", и вмѣсто „Начала" и „Новой Жизни"—„Голосъ Народа"). Это соображеніе, а также принципіальныя несогласія съ текстомъ и формой воззванія заставили многія изданія, съ „Новымъ Временемъ" во главѣ отказаться отъ перепечатки.

„Молва" („Русь") пишетъ по этому поводу:

„Предательство „Новаго Времени", къ сожалѣнію, нашло послѣдователей, которые предпочли личное спокойствіе исполненію принятаго на себя долга защиты свободы печати. Добившись, по примѣру представителя „Новаго Времени", тайной баллотировки и сдѣлавъ отводъ изданіямъ, уже привлеченнымъ къ суду, они большинствомъ 11 голосовъ противъ 10 принципіально признали необязательно перепечатку статей, навлекающихъ кару на изданіе. Особенно произволенъ былъ въ данномъ случаѣ отводъ 8 изданій, привлеченныхъ къ отвѣтственности. Эти изданія, несомнѣнно, дали бы то большинство, при которомъ союзъ могъ продолжать работу, хотя бы изъ него и вышли 11 заколебавшихся"...

Выступивъ съ такимъ обвиненіемъ, сама „Молва" скромно умолчала, что и она не перепечатала воззванія, равно и другія газеты-двойники.

Тогда выступилъ на сцену Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, обязавшій *каждую газету перепечатать воззваніе* и „проведеніе въ жизнь" этого распоряженія поручившій наборщикамъ. Тѣ было попробовали „проводить въ жизнь" это, но реакція къ тому времени зашла уже такъ далеко, что „проведеніе" не удалось...

Такъ дѣло и остановилось.

III.

Ясно выразившаяся въ послѣднее время административная реакція не замедлила сказаться, конечно, и на учебномъ дѣлѣ.

Автономныя высшія учебныя заведенія просуществовали недолго и подъ разными

предлогами. главнымъ образомъ, изъ-за устройства митинговъ повсемѣстно въ Россіи были закрыты,—и открытіе ихъ предполагается уже не ранѣе января, а можетъ быть, многія изъ нихъ и совсѣмъ не будутъ открыты въ 1906 г.

Явился вопросъ, какъ же поступать съ выпускными курсами, давать ли имъ держать экзамены.

Студенты Спб. учебныхъ заведеній рѣшили выяснить этотъ вопросъ. Путейцы V к., взявшіе иниціативу дѣла, обратились къ товарищамъ съ слѣдующимъ обращеніемъ:

„Товарищи! Въ виду того, что совѣты нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній г. Петербурга стремятся произвести выпуски, не открывая высшихъ учебныхъ заведеній, и такъ какъ подобное стремленіе встрѣчаетъ сочувствіе въ одной части выпускныхъ студентовъ въ то время, какъ другая часть считаетъ невозможнымъ полученіе дипломовъ при ненормальномъ состояніи академической жизни въ автономныхъ учебныхъ заведеніяхъ, закрытыхъ административной властью, мы, группа студентовъ института инженеровъ путей сообщенія, опасаясь внесенія раскола въ среду студенчества, предлагаемъ всѣмъ студентамъ послѣднихъ курсовъ устроить общее собраніе, чтобы вынести опредѣленное рѣшеніе, при какихъ условіяхъ въ настоящеее время возможны выпуски изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Однако, въ виду категорическаго запрещенія полицейской власти, общее собраніе не состоялось; на частныхъ же собраніяхъ студентовъ выяснилось слѣдующее положеніе дѣлъ оъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

1) *Въ университетѣ* совѣтъ старостъ, на основаніи постановленія общеуниверситетской сходки, относится отрицательно къ выборкѣ выпускныхъ свидѣтельствъ и держанію государственныхъ экзаменовъ при закрытомъ университетѣ. Образовавшееся бюро студентовъ четвертыхъ курсовъ созвало сходку выпускныхъ студентовъ въ залѣ собранія гражданскихъ инженеровъ, которая вынесла аналогичную резолюцію.

2) *Въ технологическомъ институтѣ* сходка выпускныхъ студентовъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ рѣшила, что вопросъ о выпускѣ и занятіяхъ на квартирѣ у профессоровъ можетъ быѣ. рѣшенъ лишь на общеинститутской сходкѣ Въ виду такого рѣшенія сходки совѣтъ не нашелъ возможнымъ организовать занятія частнымъ образомъ.

7) *Въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ*. 5 курсъ солидаренъ со всѣми курсами. Профессора отказались экзаменовать и принимать защиту проектовъ, но согласны давать указанія на дому.

4) *На высшихъ женскихъ курсахъ*. На основаніи резолюціи общей сходки, экзамены на IV курсѣ возможны лишь при условіи открытія курсовъ для всѣхъ слушательницъ.

5) *Въ электротехническомъ институтѣ* рѣшено проектовъ не подавать, званія инженеровъ не брать Квартиропредметная система занятій отвергнута. Желающимъ выдаются свидѣтельства о прослушаніи пяти курсовъ съ правомъ втеченіе трехъ лѣтъ окончить проекты и лабораторныя работы.

6) *Въ консерваторіи* по вопросу о выпускѣ признается компетентность лишь общей сходки.

7) *Въ академіи художествъ* въ этомъ году выпускного конкурса не будетъ.

8) *Въ духовной академіи* согласны держать выпускные экзамены лишь при условіи открытыхъ дверей для всѣхъ.

9) *Въ горномъ институтѣ* часть студентовъ дѣлаетъ проекты на дому, пользуясь указаніями профессоровъ. Вопросъ о выпускѣ не поднимался. Для выпуска необходимо открытіе института на мѣсяцъ для лабораторныхъ работъ.

Въ девяти вышеупомянутыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ выпуска при условіи закрытыхъ дверей не будетъ. Особое положеніе свобододѣйствующихъ среди общей массы высшихъ учебныхъ заведеній заняли военно-медицинская академія и институтъ инженеровъ путей сообщенія, а именно:

10) *Въ военно-медицинской академіи* согласились держать выпускные экзамены 49 человѣкъ, 16 не нашли возможнымъ держать экзамены при существующихъ условіяхъ и разъѣхались.

11) *Въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія* при доборѣ голосовъ старостамъ 5 курса удалось незначитель-

нымъ большинствомъ провести экзамены. Но меньшинство при существующихъ условіяхъ не находитъ возможнымъ держать экзамены.

Провинціальныя высшія учебныя заведенія, въ общемъ, также отнеслись отрицательно къ мысли держать теперь выпускные экзамены; въ Москвѣ и вопроса объ этомъ нельзя было поднять, въ виду вспыхнувшихъ безпорядковъ, перешедшихъ 7 декабря въ открытое возстаніе.

Нѣкоторая часть студентовъ осталась, однако, при особомъ мнѣніи и рѣшила во чтобы то ни стало возобновить занятія. Это — партія правового порядка. Только врядъ ли что выйдетъ изъ ихъ желанія: въ общей смутѣ, охватившей нашу родину, дѣйствительно трудно думать о занятіяхъ.

Даже среднія и низшія заведенія не могутъ урегулировать своихъ занятій. Конфликты между начальствомъ и учащимися въ среднихъ школахъ все учащаются.

Многія гимназіи, подобно высшимъ заведеніямъ, требуютъ автономіи средней школы, а „до полученія ся", и именно „отъ учредительнаго собранія", прекращаютъ занятія (постановленіе гимназистовъ г. Острога Вол.). Образуются союзы учащихся и всѣ настаиваютъ на созывѣ учредительнаго собранія.

„Перм. Край" приводитъ, напр., слѣдующее заявленіе горнозаводскаго отдѣленія Пермскаго Реальнаго Училища, поданное ими въ Училищный Совѣтъ.

„Мы, ученики горнозаводскаго отдѣленія при пермскомъ алексіевскомъ реальномъ училищѣ, сознавая, что событія, совершившіяся теперь въ Россіи, должны задѣть и глубоко задѣваютъ все истинно интеллигентное русское общество, и что дѣло освобожденія Россіи изъ оковъ полицейско-бюрократическаго режима можетъ совершиться только при общей солидарной работѣ на пользу этого дѣла, находимъ, что возобновленіе занятій съ нашей стороны есть ни больше, ни меньше, какъ противодѣйствіе тому желанному всѣми освободительному движенію, которое ведетъ Россію въ эру свободы, братства и справедливости, — а потому мы прекращаемъ занятія до тѣхъ поръ, пока не будетъ созвано временное учредительное собраніе на началахъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національностей, которое только одно въ состояніи прекратить ужасныя, кровавыя событія въ Россіи безусловно мѣшающія правильному ходу занятій, и создать нормальную жизнь въ государствѣ, дающую возможность свободно работать и развиваться каждому гражданину".

Учебное начальство отвѣчаетъ на это усиленными репрессіями и закрываетъ училища. Недавній циркуляръ новаго М-стра, гр. Толстого, ничуть не помогъ успокоенію средней школы, такъ какъ не измѣнилъ рутины прежнихъ пріемовъ образованія и даже отказался признать за родительскими совѣтами право рѣшающаго голоса, допустивъ лишь 1 представителя его на педагогическій совѣтъ,—и живое дѣло преподаванія по прежнему осталось въ рукахъ чиновниковъ.

√ Низшей школѣ также грозитъ бѣда и главнымъ образомъ отъ недостатка матеріальныхъ средствъ, такъ какъ слабое поступленіе земскихъ сборовъ (въ виду голода и отказа въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьянъ отъ взноса всякихъ денежныхъ сборовъ) заставитъ многія земства совершенно распустить учительскій персоналъ.

IV.

Въ предыдущей хроникѣ мы уже указывали, что стачечная тактика соц.-демократовъ—средство обоюдо-острое и таитъ большія опасности для дѣла свободы. Дѣйствительность скоро оправдала наши опасенія, — и исторія послѣдней забастовки (8—19 декабря) неопровержимо доказала, кто былъ правъ.

Тщетно благоразумные люди предостерегали, сомнѣвались въ успѣхѣ: имъ не вѣрили. Проф. Милюковъ писалъ, напр., въ „Бирж. В."

„Нѣтъ средства, которое одинаково успѣшно могло бы примѣняться при всякихъ обстоятельствахъ. *Особенно необходимо принимать въ расчетъ обстоятельства, когда примѣняются сильнодѣйствующія средства;* а эти обстоятельства, чрезвычайно благопріятныя во время первой забастовки, были уже менѣе благопріятны во время второй—и грозятъ

оказаться совершенно неблагопріятными при третьей!

„Въ самомъ дѣлѣ, при какихъ обстоятельствахъ объявляется общая политическая забастовка? Значительная часть будущихъ забастовщиковъ уже измучены тѣмъ непрерывнымъ революціоннымъ напряженіемъ, которое имъ пришлось обнаружить: они истрадались и изголодались. Нейтральная масса страдаетъ отъ ужасныхъ матеріальныхъ послѣдствій забастовокъ и раздражается: одинъ толчокъ можетъ ее отбросить теперь въ ряды враговъ освободительнаго движенія“.

„Вотъ тѣ затрудненія, которыя ясны всякому и которыя необходимо принять въ расчетъ, прежде чѣмъ принимать рѣшеніе, можетъ быть, роковое для всего хода освободительнаго движенія. Нѣсколько недѣль тому назадъ руководители движенія гордо объявили, что они примутъ битву съ врагомъ не тогда и не тамъ, гдѣ и когда захочетъ генералъ Треповъ, а когда найдутъ выгоднымъ сами. Я сильно боюсь, что теперь „пролетаріатъ“ принимаетъ битву на той почвѣ, какую выбралъ для вѣрнаго удара П. Н. Дурново. И во имя интересовъ общаго дѣла, я умоляю всѣхъ тѣхъ, отъ кого зависитъ рѣшеніе, подумать еще разъ— и остановиться, пока не поздно“.

Къ сожалѣнію, главари революціоннаго движенія настолько утратили хладнокровіе, что потеряли всякую способность внимать голосу человѣка, котораго уже нельзя никоимъ образомъ упрекнуть въ склонности противодѣйствовать освободительному движенію.

Правительству еще разъ былъ брошенъ гордый вызовъ.

„Граждане! Правительство снова обмануло народъ. Оно обѣщало передать государственную власть въ руки народнаго представительства. Но со времени 17 октября прошло болѣе полутора мѣсяцевъ, а правительство продолжаетъ по произволу и безотчетно командовать страной“... — такъ начинается обращеніе къ русскому народу, подписанное Совѣтомъ депутатовъ петербургскихъ рабочихъ, россійскою соціалъ-демократическою рабочею партіею, партіей соціалистовъ-революціонеровъ и всероссійскимъ еврейскимъ союзомъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи—„Бундомъ“.

Въ этомъ обращеніи призывались и солдаты—открыто перейти на сторону народа, т. е. отъ забастовки перейти къ открытому вооруженому возстанію что, отчасти, и сдѣлали въ Москвѣ, Екатеринодарѣ и нѣкоторыхъ др. городахъ.

Такимъ образомъ наши руководители соц.-демократической и революціонной партіи взялись за такое опасное средство, презрѣвъ совѣты и предостереженія своихъ же западно-европейскихъ (и даже русскихъ) вождей соціализма.

Въ одной газетѣ—„Новости“ былъ приведенъ цѣлый рядъ отзывовъ выдающихся соціалъ-демократовъ о возстаніи.

Такъ, даже знаменитый Плехановъ, негодуя и возмущаясь легкомысліемъ своихъ товарищей, очень нелестно отзывается въ своемъ „Дневникѣ Соц.-демократа“,

„Ихъ головы,—говоритъ онъ,—превратились въ своего рода „органчики“, наигрывающіе одну только арію—вооруженнаго возстанія. Въ этомъ возстаніи для нихъ заключаются альфа и омега ихъ тактической мудрости. Но именно благодаря этому, ихъ тактическая мудрость становится тактическимъ безуміемъ“. Отзывъ суровый и безпощадный.

Такъ думаетъ настоящій соціалъ-демократъ, привыкшій сознательно относиться къ явленіямъ жизни.

Марксъ постоянно предостерегалъ. „Не играйте съ возстаніемъ“.

Каутскій еще рѣзче говоритъ. „Начиная съ Лассаля, наша партія стремится ясно установить различіе между революціей съ помощью цѣповъ и вилъ—и соціальной, и доказать, что она принципіально стремится только къ послѣдней... Пролетаріатъ, какъ самостоятельная политическая партія, не долженъ быть революціоннымъ въ полицейскомъ смыслѣ, но только въ политико-экономическомъ“...

А вотъ и Бебель въ одной изъ своихъ блестящихъ рѣчей говорилъ:

„Мы глубоко вѣримъ въ законъ прогресса. Какъ ни естественно желаніе рабочей массы не завтра, а нынче освободиться отъ тяжести экономическаго гнета, мы все-же знаемъ, что цѣль наша будетъ достигнута лишь тогда, когда общее развитіе настолько подвинется впередъ, что мы въ силахъ будемъ пересоздать общество. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, мы можемъ и должны видѣть

враговъ въ могущественныхъ лицахъ, выступающихъ противъ насъ; мы непремѣнно постараемся ихъ побѣдить, но никогда не повѣримъ, чтобы насильственное устраненіе ихъ личности могло принести пользу дѣлу".

Такимъ образомъ, всѣ наиболѣе крупные представители соціалъ-демократіи осуждаютъ легкомысленную игру въ „вооруженное возстаніе".

И все таки крайнія партіи не образумились и объявили сначала всеобщую забастовку, потомъ возстаніе.

Забастовка не удалась,—это нужно признать неоспоримымъ фактомъ,—и тѣмъ не менѣе руководители ея не имѣютъ смѣлости сознаться въ этомъ, а еще *постановляютъ рѣшеніе* (!) начать забастовку и стать на работы 19 дек., какъ будто забастовка вполнѣ удалась! (Такъ именно постановили Сов. Раб. Деп. и Всероссійское бюро Союза Союзовъ 18 дек.).

Кто, послѣ такихъ наивныхъ постановленій, будетъ вѣрить имъ? Нужно же имѣть смѣлость открыто сознаться въ неудачѣ! Вѣдь, иначе только подрывается довѣріе.

Неудача — у всѣхъ на глазахъ. Даже Петербургъ, этотъ центръ организацій, почти не примкнулъ къ забастовкѣ. Даже на заводахъ забастовка прошла очень недружно и съ большими насиліями одной стороны на другую. На Путиловскомъ заводѣ, напр., образовалось двѣ партіи, которыя едва не вступили между собой въ кровопролитный бой. Администрація поспѣшила закрыть совершенно заводъ для предупрежденія рѣзни.

На одномъ изъ большихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ Васильевскаго о-ва въ СПБ., произошла такая сцена: рабочіе выгнали изъ мастерскихъ всѣхъ инженеровъ и не позволили закрыть заводъ. Рабочіе работали безъ мастеровъ и инженеровъ и заявляли, что они могутъ въ лучшемъ видѣ справиться и одни; мастера же лишь смущаютъ ихъ насчетъ забастовки.

Совсѣмъ не удалась забастовка и конокъ, ибо всѣ служащіе оказались, по выраженію уполномоченнаго забастовочнаго комитета „сѣрыми чертями"; тогда рѣшено было испробовать забастовку извозчиковъ. Вначалѣ думали подѣйствовать самыми простыми мѣрами: рѣзать гужи и тѣмъ лишить возможности извозчика ѣздить, но затѣмъ эта мѣра была отвергнута, какъ нежелательная, и рѣшено было дѣйствовать путемъ убѣжденія и внушеній...

Но и извозчики оказались также „сѣрыми чертями" и на всѣ убѣжденія отзывались крайне враждебно; вскорѣ выяснилось, что пропаганда на дворахъ прямо-таки небезопасна для агитаторовъ забастовки.

Совершено не удалась забастовка приказчиковъ и портныхъ: они рѣшительно отказались примкнуть къ забастовкамъ и объявили, что не допустятъ никакихъ насильственныхъ дѣйствій надъ собой въ этомъ направленіи. И вслѣдствіе такой рѣшительной редакціи отвѣта почти всѣ магазины благополучно торговали...

Въ другихъ городахъ забастовка точно также проходила крайне недружно.

Впрочемъ, можетъ быть и слава Богу, что общая забастовка не удалась. И безъ того положеніе народа не завидное, и едва ли бы онъ выдержалъ новый насильственный перерывъ работы.

„Со всѣхъ сторонъ,—справедливо замѣчаетъ „Молва", — несутся жалобы на общій застой. Ежедневно слышимъ о новыхъ крахахъ. Тысячи крупныхъ фирмъ висятъ на ниточкѣ. Болѣе мелкія спѣшно перепродаются въ другія руки, выданные же ими векселя идутъ въ протестъ,

„Значитъ, и безъ того положеніе дѣлъ чрезвычайно напряженное. Даже если продлится настоящее состояніе, оно неминуемо приведетъ къ небывалому по своимъ размѣрамъ банкротству".

„Такимъ образомъ даже продолженіе настоящаго положенія гибельно для Россіи. Если же разразится всероссійская забастовка, начнутся десятки тысячъ краховъ, банкротствъ. Все, что до сихъ поръ кое-какъ держалось, рухнетъ. Купцы и промышленники станутъ нищими. Средній обыватель, лишившись заработка, съѣстъ свои сбереженія, которыя и такъ уменьшились до минимума, и тоже примкнетъ къ голодной арміи. Ряды пролетаріата съ каждымъ днемъ будутъ увеличиваться. А вмѣстѣ съ тѣмъ народное озлобленіе возрастетъ до крайнихъ предѣловъ."

„И тогда-то подымется тотъ ураганъ, который пускай даже снесетъ все „временное" правительство, но закружитъ и уничтожитъ и самихъ побѣдителей.

„Конечно, аресты—разъ ужъ мы вступили

на этотъ путь, будутъ продолжаться. И слѣдовательно, забастовщики вынуждены будутъ или сдаться, или продолжать забастовку".

„Но обнищавшему пролетаріату и разорившемуся обывателю тогда ужъ нечего будетъ терять. Ибо черезъ недѣлю забастовки пролетаріатъ станетъ нищимъ, а обыватель разорится. Естественно, что ни тѣ, ни другіе не пойдутъ на мировую.

„Итакъ, новая забастовка принесетъ съ собой неисчислимыя бѣдствія для населенія, для, такъ сказать, работающихъ ея силъ. Она приведетъ ихъ къ краху.

„Но этого мало. Обанкротится не правительство только, не купецъ, не промышленникъ. А, страшно сказать — обанкротится все русское государство.

„Съ октября до настоящаго времени производительныя силы страны пали чрезвычайно. Равномѣрно уменьшился и достатокъ крестьянскаго населенія. Во многихъ мѣстахъ слѣдуетъ ожидать голода, такъ какъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, не смотря на всѣ старанія земствъ, не удалось обсѣменить поля. Слѣдовательно, нашъ вывозъ уменьшится до крайности, а ввозъ долженъ будетъ возрасти.

„Слѣдовательно, уже къ къ маю 1906 года отливъ нашего золота за границу (расплачиваться за ввозъ мы должны только золотомъ) будетъ такъ великъ, что наша валюта не выдержитъ. Нашъ рубль упадетъ въ цѣнѣ. Образующуюся брешь въ деньгахъ платежныя силы народа не будутъ въ состояніи пополнить, а тутъ еще надо уплатить по займамъ и различнаго рода обязательствамъ (между прочимъ за японскую войну ихъ имѣется на сумму до 600 милл. руб.).

„Тогда-то и долженъ разразиться государственный крахъ. Предупредить эту ужасное бѣдствіе можно и то съ огромнымъ трудомъ... Какъ послѣ октябрьской забастовки послѣдовалъ манифестъ, такъ теперь, не дожидаясь новой забастовки, гр. Витте долженъ немедленно добиться закрѣпленія данныхъ свободъ. Онъ долженъ немедленно удовлетворить народъ относительно всеобщихъ выборовъ и т. д. Каждый день промедленія ведетъ къ вѣрной гибели".

Между тѣмъ правительство по прежнему бездѣйствуетъ.

„Уже два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ изданъ манифестъ 17-го октября, а когда будетъ созвана Государственная Дума, одному Богу извѣстно!—пишетъ въ „Словѣ" проф. Латкинъ,—Россія кипитъ, какъ въ котлѣ, и дѣло распаденія государства идетъ быстрыми шагами впередъ. Съ легкой руки гр. Витте, подарившаго японцамъ Сахалинъ, пошло отторженіе русской государственной территоріи. Сперва, по милости кн. Оболенскаго, фактически отпала Финляндія, изгнавъ изъ края всѣхъ русскихъ; затѣмъ поляки потребовали себѣ автономіи, будучи съ своей точки зрѣнія, конечно, вполнѣ правы. Теперь открыто возсталъ Остзейскій край, при чемъ эсты и латыши повели форменную войну съ русскими войсками и нѣмецкими баронами, и пока успѣхъ въ этой войнѣ безспорно на ихъ сторонѣ. За латышами послѣдовали литовцы, причемъ въ Сувалкской и Ковенской губерніяхъ русскіе подвергнуты полному разгрому и изгнанію".

„Рядомъ со всѣмъ изложеннымъ попрежнему продолжаются всевозможныя забастовки, аграрные безпорядки, сопровождаемые пожарами и грабежами, убійства и покушенія, полный развалъ всѣхъ среднеучебныхъ заведеній, закрытіе высшихъ, паденіе цѣнныхъ бумагъ, бѣгство изъ деревень въ города, а изъ городовъ заграницу и т. д., и т. д."

„Ужасная картина разложенія огромнаго государства и постепенно растущей анархіи, охватившей собою всѣ стороны русской государственной жизни! А правительство попрежнему бездѣйствуетъ, такъ какъ нельзя же назвать дѣломъ постоянныя совѣщанія министровъ, въ результатѣ которыхъ, кромѣ разныхъ „временныхъ" правилъ и безчисленныхъ „правительственныхъ сообщеній", на которыя никто больше не обращаетъ никакого вниманія, ничего путнаго не получается".

„Да поймите же, гг. министры, что такая волокита въ переживаемое нами время—преступна. Вѣдь если бы еще 18-го февраля одновременно съ изданіемъ извѣстнаго указа наши бюрократы, державшіе въ то время власть въ своихъ рукахъ, искренне и серьезно принялись за дѣло созванія народныхъ представителей, а не тянули съ нимъ, очевидно имѣя надежду совсѣмъ его похоронить, а когда эта надежда не осуществилась, бла-

годаря ужасамъ Цусимы, издали мертворожденный законъ 6-го августа, вмѣсто того, чтобы сразу даровать конституцію, послѣдовавъ хотя бы примѣру черногорскаго князя Николая,—отъ скольких бы бѣдъ была избавлена тогда Россія. Всѣ шансы за то, что насъ миновалъ бы позоръ въ Портсмутѣ, какъ миновала бы та анархія, среди которой мы теперь живемъ. Но бюрократія цѣплялась за ускользавшую власть, и намъ пришлось пройти немало этаповъ, чтобы вырвать, наконецъ, манифестъ 17-го октября. Однако, печальная исторія послѣднихъ мѣсяцевъ ничему не научила правительство, и оно попрежнему, жертвуя Россіей, тянетъ съ избирательнымъ закономъ, какъ раньше тянуло съ осуществленіемъ на дѣлѣ указа 18-го февраля и законовъ 6-го августа. Вотъ уже подлинно: кого Богъ хочетъ наказать, у того разумъ отниметъ"...

(Это статья была написана проф. Латкинымъ до изданія послѣдняго избирательнаго закона, тѣмъ не менѣе не потеряла своего значенія и теперь).

Мало того, правительство гр. Витте не перестаетъ увѣрять, что и финансовое положеніе Россіи прочно,—и недавно подтвердило это особымъ правит. сообщеніемъ.

Между тѣмъ,—справедливо говоритъ гр. П. Толстой въ „Наш. Жизни"—„по какому другому предмету, а по части финансовъ менѣе всего, казалось бы, понятенъ такой рѣшительный тонъ заявленія. Или графу Витте ничего неизвѣстно въ этомъ отношеніи хотя бы изъ прошлаго нашего же отечества? Такія ли еще давались увѣренія въ прочности русскихъ финансовъ, въ безпрепятственномъ размѣнѣ и т. п.

„А манифестъ 1-го іюня 1843 г. „О замѣнѣ ассигнацій и другихъ денежныхъ представителей кредитными билетами (не заурядное, анонимное правительственное сообщеніе, а манифестъ), развѣ въ немъ (п. IV) не содержалось самаго положительнаго ручательства, что „государственные кредитные билеты, взамѣнъ ассигнацій выпускаемые, обезпечиваются всѣмъ достояніемъ государства и безостановочнымъ во всякое время размѣномъ на звонкую монету"?

„И развѣ это помѣшало правительству, по мѣрѣ того какъ ему представлялась надобность въ увеличеніи денежныхъ рессурсовъ, усиленно прибѣгать къ услугамъ печатнаго станка и, выпуская все большее и большее количество „денежныхъ представителей", довести дѣло, наконецъ (въ крымскую кампанію) до того, что пришлось совсѣмъ пріостановить размѣнъ билетовъ на звонкую монету—„на время", по крайней мѣрѣ, время, которое между тѣмъ продолжалось почти полъ-столѣтія, до денежной реформы второй половины 90-хъ годовъ?

А болѣе ранніе манифесты, XVIII столѣтія? Развѣ не гласилъ манифестъ 22-го декабря 1768 г. Екатерины II „О учрежденіи въ Санктпетербургѣ и Москвѣ государственныхъ банковъ для вымѣна ассигнацій":

„Мы Императорскимъ Нашимъ словомъ торжественно объявляемъ за Насъ и преемниковъ престола Нашего, что по *тѣмъ государственнымъ ассигнаціямъ всегда исправная и вѣрная послѣдуетъ выдача денегъ* требующимъ оную изъ банковъ".

А манифестъ 28-го іюня 1786 года?

„Узаконяемъ Самодержавной отъ Бога Намъ данной властью и обѣщаемъ святостью слова Царскаго за Насъ и преемниковъ Императорскаго Россійскаго престола, что число банковыхъ ассигнацій никогда и *ни въ какомъ случаѣ не долженствуетъ простираться въ Нашемъ государствѣ выше 100.000.000*"... Далѣе говорилось, что, въ случаѣ нужды, въ обезпеченіе ассигнаціи пойдутъ даже и царскія сокровища.

„И что же, развѣ удержалось царское правительство на торжественно возвѣщенномъ предѣльномъ количествѣ ассигнацій въ обращеніи (100 мил.)? Развѣ не превысило оно эту норму на 4-й же годъ послѣ этого знаменательнаго узаконенія (въ 1790 году, когда сверхъ обращавшихся уже 100 мил. послѣдовалъ новый выпускъ на 50 милліоновъ)?

„И развѣ сдержало оно обѣщаніе, что „по тѣмъ государственнымъ ассигнаціямъ всегда исправная и вѣрная будетъ слѣдовать выдача денегъ", развѣ не закрыло оно вскорѣ затѣмъ свои размѣнныя кассы—закрыло ихъ на цѣлые годы и десятилѣтія (до денежной реформы 40-хъ годовъ XIX столѣтія), въ теченіе которыхъ курсъ ассигнацій съ умноженіемъ ихъ количества въ обращеніи все болѣе и болѣе понижался,

доходя до 20 коп. за рубль,—несмотря ни на какую „твердѣйшую поруку“ царскаго слова и, конечно, безъ какого-либо использованія на этотъ предметъ „царскихъ сокровищъ“?..

„Въ настоящее же время правительство графа Витте не сулитъ вкладчикамъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ даже этой надежды—удовлетвореніе ихъ въ крайнемъ случаѣ „отъ царскихъ сокровищъ“! А голое увѣреніе, что „финансовое положеніе Россіи прочно“,—кого оно теперь обнадежитъ? Не такъ давно еще съ какою развязностью увѣряли страну, что и военная мощь Россійской державы непоколебима!.. Урокъ былъ слишкомъ грозный и поучител ный, и слишкомъ поучительные уроки день за днемъ слѣдовали за нимъ на каждомъ шагу, чтобы еще теперь кто-нибудь повѣрилъ чему-нибудь на слово. повѣрилъ сейчасъ, будто „все обстоитъ благополучно“!..

Правительство пока оборачивается займами. Но надолго ли можно вести дѣло такимъ способомъ?

Недавно выпущенъ новый заемъ на 400 мил. рублей краткосрочными обязательствами государств. казначейства. Объявлено, что Гос. Банкъ будетъ во всякое время принимать эти обязательства отъ держателей и обмѣнивать ихъ на золото. Иначе сказать, наше правительство при посредствѣ казначейства сдѣлало заемъ у Гос. Банка.

Замѣтимъ, что Гос. Банкъ управляется на основаніи Высочайше утвержденнаго устава, т. е. на строгомъ основаніи законовъ, отступленія отъ коихъ возможны лишь по разсмотрѣніи ихъ Гос. Совѣтомъ. Между тѣмъ статьи устава, въ силу которой онъ могъ бы принять на себя обязательство размѣнивать во всякое время по предъявленію свидѣтельства казначейства на золото, или давать деньги правительству въ займы,—нѣтъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ уставъ Банка или законъ едва-ли нѣкоторымъ образомъ не нарушенъ нашимъ „конституціоннымъ“ министерствомъ. Конечно, подобное нарушеніе закона могло быть вызвано только исключительно тяжелыми финансовыми обстоятельствами, переживаемыми Россіей. Всѣ стараются запастись золотомъ и обмѣниваютъ кредитные билеты на звонкую монету, всѣ стараются выбирать вклады изъ сберегательныхъ кассъ, и золотой запасъ таетъ; кредиткамъ грозитъ паденіе въ цѣнѣ, государству же банкротство. Положеніе очень тревожное, тѣмъ болѣе, что подати и налоги въ казначейство поступаютъ плохо, и единственнымъ для всей Россіи источникомъ денежныхъ средствъ остался Гос. Банкъ. Но и его хватитъ не надолго... А потомъ?..

Забастовка не принесла ничего, кромѣ раззоренія, даже самимъ рабочимъ. Только явились новыя тысячи голодающихъ, которымъ истощенная общественная благотворительность едва ли въ силахъ помочь*). А будущее грозитъ еще большими бѣдами: такъ, на заводахъ вывѣшено слѣдующее извѣщеніе хозяевъ механическихъ и металлургическихъ заводовъ с.-петербургскаго раіона:

„Вслѣдствіе предъявленія рабочими нѣкоторыхъ петербургскихъ заводовъ требованій о введенія 8-мичасового рабочаго дня, вопросъ этотъ обсуждался въ собраніи представителей 72-хъ механическихъ и металлургическихъ заводовъ петербургскаго раіона.

Собраніе единодушно высказалось противъ 8-мичасового дня, какъ ведущаго къ полному раззоренію частныхъ заводовъ, а вслѣдствіе этого и къ лишенію заработка самихъ же рабочихъ.

„Собраніе пришло къ твердому убѣжденію, что уменьшеніе рабочаго времени приведетъ лишь къ раззоренію многіе петербургскіе механическіе и металлургическіе заводы, а вслѣдствіе этого — лишитъ заработковъ и рабочихъ этихъ заводовъ. Поэтому собраніе признало совершенно невозможнымъ соглашаться на сокращеніе нынѣ установленнаго рабочаго времени, если же къ этому будутъ вынуждать сами рабочіе, то рѣшено закрывать заводы“.

Повидимому, сами рабочіе уже отказываются отъ требованія 8-час. дня. По крайней мѣрѣ, Московскій Совѣтъ объявилъ всѣмъ рабочимъ, чтобы они не вводили 8-часового рабочаго дня, *такъ какъ это можетъ помѣшать организаціи союза.*

---

*) Заявленія отъ лицъ, желающихъ принять активное участіе въ работѣ Комитета по оказанію помощи рабочимъ, а также пожертвованія принимаются въ помѣщеніи союза инженеровъ: Загородный проспектъ, д. № 23, кв. 1. СПБ.

Вѣрнѣе потому, что *пока* требованіе это не осуществится при всеобщемъ раззореніи.

Что же будетъ, если дѣйствительно заводы и фабрики будутъ закрыты? А ихъ закрывается порядочное число, и между прочимъ потому, что товары не находятъ сбыта: раззоренъ и покупатель. Наконецъ, раззоренъ и сельскій хозяинъ, и крестьянинъ, наши кормильцы. Общій застой, общее раззореніе, а въ недалекомъ будущемъ всеобщій всероссійскій голодъ со всѣми его послѣдствіями.

Только одни „буржуи", противъ которыхъ, между прочимъ и было направлено рабочее движеніе, преспокойно наслаждаются заграницей, куда они перевели свои капиталы, изумляя иностранцевъ своею расточительностью.

Походъ противъ капитализма пока вызвалъ одинъ ощутительный результатъ: усиленный отливъ капитала за границу. И теперь всѣмъ грозитъ общее раззореніе.

Другой практическій результатъ—страшное усиленіе репрессій.

Правительство теперь уже не стѣсняется дѣйствовать во всю: арестуетъ Совѣты раб. депутатовъ и другихъ руководителей обществ. движенія, прикрываетъ газеты и грозитъ „всѣхъ согнуть въ бараній рогъ".

Всѣ, даже легальныя, собранія безъ церемоніи разгоняются; тюрьмы и всѣ участки биткомъ набиты. Словомъ, всѣ пресловутыя „свободы" сводятся на-нѣтъ,—и воцаряется прежній, нестѣсняемый ничѣмъ произволъ.

Мало того, категорически заявляется, что „всѣ безпорядки будутъ энергично подавлены силою въ самомъ зародышѣ". Другимъ Правит. Сообщеніемъ шлется грозное memento всѣмъ чиновникамъ, входящимъ въ какіе либо Союзы:

„Правительство не потерпитъ болѣе на службѣ чиновниковъ, оказывающихъ противодѣйствіе его видамъ и не повинующихся законной власти. Подобныя лица должны оставить свои должности и уступить ихъ другимъ, желающимъ посвятить силы свои служенію государству,—рѣшительно заявляетъ Сообщеніе.

И дѣйствительно, почтово-тел. чиновники уже испытали на себѣ всю тяжесть этихъ распоряженій: ихъ безъ милосердія выгоняютъ.

Забастовка и ихъ не привела ни къ чему. Тщетно Общее Собраніе почт.-тел. чиновниковъ 25 ноября горделиво заявляло въ своей резолюціи: „Совѣтъ министровъ. закрывъ глаза на правду, заявляетъ: „Забастовка почтово-телеграфныхъ служащихъ прекращается". Собраніе почтово-телеграфныхъ тружениковъ такъ называемому конституціонному кабинету Витте, Дурново и т. д. отвѣчаетъ: „Забастовка почты и телеграфа продолжается". Рѣшено было: продолжать всеросс. почтово-телегр. забастовку 1) до удовлетворенія полнаго права на союзъ и 2) отмѣны всѣхъ насильственныхъ мѣръ по отношенію ко всей почт.-телегр. семьѣ.

И все-таки, не добившись ничего, пришлось 19 дек. начать общую политическую *забастовку*. Или, можетъ быть, почт.-тел. служащіе одни будутъ бастовать?—Едва-ли.

Въ результатѣ, и здѣсь—полное пораженіе, сопровождаемое выбрасываніемъ на улицу сотенъ голодныхъ людей.

Забастовка почты и телеграфа какъ извѣстно, началась 15 ноября. Поводомъ для нея послужилъ отказъ графа Витте принять депутацію и отмѣнить распоряженіе министра внутреннихъ Дурново, воспрепятствовшаго образованію союза почтово-телеграфныхъ служащихъ, воспретившаго делегатамъ ихъ собраться въ Москвѣ и *уволившаго* нѣсколькихъ чиновниковъ. Причины болѣе глубокія, какъ онѣ формулированы въ цѣломъ рядѣ воззваній и обращеній бастующихъ, заключаются въ безправномъ положеніи служащихъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, въ нищенскомъ жалованьи и въ томъ, что „бываетъ предѣлъ всякому терпѣнію". „Мы терпѣли—говорится въ обращеніи, напечатанномъ въ газетахъ 20-го ноября,—мы просили, мы ходатайствовали, всѣ наши голоса глохли гдѣ-то въ министерскихъ канцеляріяхъ".

Допустимъ, какъ говоритъ „В. Европы", что отказъ перваго министра принять депутацію отъ почтово-телеграфныхъ служащихъ дѣйствительно былъ „вызовомъ" и что въ немъ выразилась солидарность гр. Витте съ П. Н. Дурново; допустимъ, что распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ

были неправильны, а увольненіе чиновниковъ незаконно и несправедливо; допустимъ, что чиновники въ осуществленіи права союзовъ и собраній не должны ничѣмъ отличаться отъ обывателей; не допустимъ, а признаемъ, какъ несомнѣнный фактъ, что положеніе почтово-телеграфныхъ служащихъ безправно и что ихъ оклады содержанія ограждаютъ лишь отъ голодной смерти. Согласимся, наконецъ, что „истинный" виновникъ забастовки не служащіе, а правительство, какъ это сказано въ томъ же обращеніи. Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? Неужели можно оправдать возвращеніе, хотя бы на нѣсколько дней, современной общественной и государственной жизни къ условіямъ глубокой древности? Неужели причина равноцѣнна принятой мѣрѣ? Современная лихорадочная жизнь требуетъ непрерывныхъ сношеній. На быстротѣ и педантичной точности почты и телеграфа основана вся торговля, управленіе государствомъ, управленіе каждымъ дѣломъ. Прямо или косвенно, но въ непрерывности почтово-телеграфныхъ сношеній заинтересовано все населеніе. Каждый день забастовки причиняетъ ему неисчислимый ущербъ матеріальный и моральный. Такая забастовка разрушаетъ благосостояніе страны на многіе годы".

Почт.-телегр. забастовка не удалась. Почему? Намъ кажется, потому, что она слишкомъ задѣвала интересы *всего* населенія. Съ этой стороны нѣкоторые органы печати прямо считаютъ ее несправедливой.

„Только крайней степенью раздраженія противъ отжившаго, но еще не погребеннаго режима можно объяснить сочувственное отношеніе къ почтово-телеграфной забастовкѣ тѣхъ слоевъ общества, для которыхъ анархія не составляетъ цѣли стремленій. Перенесемся мысленно въ будущее и перемѣнимъ роли... Образовалась Дума. Большинство—радикальное. Энергичное министерство изъ большинства. Дума приняла законъ объ отмѣнѣ чиновъ и орденовъ и о сокращеніи штатовъ людей „двадцатаго числа". Крѣпко сплоченный *союзъ полиціи, земскихъ начальниковъ и губернаторовъ* рѣшилъ противодѣйствовать закону и *объявилъ забастовку*, пока не будетъ свергнуто министерство и не будетъ распущена Дума. Среди чиновниковъ почты и телеграфа произошелъ поворотъ настроенія. Они примкнули къ забастовкѣ. Какъ къ ней отнесется *радикальное настроенное общество?*.. („В. Евр.").

Дѣйствительно, *въ правовомъ* государствѣ забастовки чиновниковъ немыслимы и не терпимы, иначе они приведутъ къ абсурдамъ. И *только* произволомъ и насиліями, царящими у насъ, и можно теперь *извинить* почтово-тел. забастовку. Иначе, пожалуй, мы дождемся и забастовки взяточниковъ. Возможны только и терпимы *петиціи* чиновниковъ предъ Собраніемъ народныхъ представителей.

Нельзя забывать и того, что всякое увеличеніе жалованья чиновникамъ тяжело отзывается на народномъ бюджетѣ. Чиновники, прося о прибавкѣ, этимъ лишаютъ народъ многихъ народныхъ школъ и др. учрежденій, необходимыхъ бѣдному народу.

Конечно, намъ могутъ возразить, что необходимыя прибавки могли бы быть произведены, безъ ущерба народной казнѣ, насчетъ сокращенія штатовъ высшихъ чиновниковъ. Но, вѣдь, наивно было предполагать, что послѣдніе рѣшатся на такую мѣру: никакая забастовка не побудитъ ихъ къ самоубійству.

Слѣд., въ лучшемъ случаѣ почт.-тел. служащіе могли дождаться улучшенія своего матер. положенія *путемъ новаго налога на народъ* и еще большаго отягощенія госуд. бюджета.

Только при представ. образѣ правленія улучшеніе ихъ положенія можно бы было произвести *путемъ сокращенія безумныхъ окладовъ высшихъ чиновъ.*

Стало быть, и нужно было, какъ ни тяжело, можетъ быть,—потерпѣть еще и, дождавшись народнаго представительства, изложить всю тяжесть своего положенія и просить улучшить его. Вотъ каковъ былъ правильный путь домогательствъ почт.-тел. служащихъ. Повторяемъ, *только царящими у насъ произволомъ и непорядками и можно оправдать почт.-тел. забастовку, немыслимую и нетерпимую въ правовомъ государствѣ.*

V.

Аграрное движеніе принимаетъ такіе размѣры, что грозятъ совершенно уничтожить и разсорить частновладѣльческія хозяйства.

Взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ обостряются, доходя до жестокостей. Такъ, передаютъ, какъ крестьяне звѣрски умерщвляютъ скотъ, вырѣзываютъ языки у породистыхъ лошадей, ломаютъ ноги овцамъ и т. п.

Въ свою очередь, ожесточаются и помѣщики. Такъ, разсказываютъ, подъ Москвой было одно богатое помѣстье, владѣлецъ котораго выстроилъ для сосѣднихъ крестьянъ церковь, школу, больницу, даже ясли. Вдругъ, по возвращеніи изъ одной обычной поѣздки въ Москву, онъ, къ ужасу, находитъ на мѣстѣ своей усадьбы одно пожарище. „А, такъ вы такъ-то"!—пригрозилъ онъ, возвращается въ Москву, набираетъ здѣсь ватагу головорѣзовъ, вооружаетъ ихъ и, вернувшись въ деревню, подпаливаетъ ее со всѣхъ четырехъ концовъ. А деревня была въ 6000 душъ!

„Теперь вы узнаете, что значитъ палить чужое добро! — злорадно посмѣивался онъ надъ оторопѣлыми крестьянами.

— У меня-то деньги есть, а вотъ какъ вы управитесь,—я посмотрю"!

Говорятъ, что, услышавъ объ этомъ, окрестные помѣщики также рѣшили поступать,—и разгромы въ той мѣстности прекратились.

Къ такой же жестокой мѣрѣ обѣщали прибѣгнуть и нѣкоторые орловскіе помѣщики,—и тоже, говорятъ, угроза подѣйствовала...

Тѣмъ же страхомъ думаютъ усмирить крестьянскіе безпорядки и власти, посылая карательныя экспедиціи, главнымъ образомъ изъ казаковъ, которые бьютъ безъ разбора, калѣчатъ людей, насилуютъ женщинъ, выжимаютъ деньги. Словомъ, въ полной силѣ возстановляется старая картина нашествія казацкихъ ордъ.

Корр. „Нар. Свободы" разсказываетъ изумительныя вещи объ одной такой карательной экспедиціи, надъ крестьянами дер. Серединовки, Богодух. у., Тамб. губ.

Въ началѣ ноября эти крестьяне явились на сосѣдній хуторъ арендатора Бокина и забрали хлѣбъ изъ амбаровъ. На другой день, потомъ еще черезъ 2 дня, подъ вліяніемъ священника и пристава, взятый хлѣбъ стали возвращать. Тѣмъ не менѣе къ бунтовщикамъ была отправлена экспедиція, подъ начальствомъ полиц. урядника Рыжова, изъ 7 солдатъ и 6 казаковъ.

Рыжовъ, явившись въ деревню, первымъ дѣломъ собралъ сходъ и тутъ же кратко произнесъ: „въ плети". Началось избіеніе праваго и виноватаго.

Послѣ порки на другой день утромъ Рыжовъ опять созвалъ сходъ и приказалъ, чтобы всѣ серединовскія мельницы прекратили работу и не смѣли принимать хлѣба въ размолъ.

— Весь хлѣбъ изъ амбаровъ отвезти на хуторъ Бокина! Весь до послѣдняго зерна!— кричалъ Рыжовъ, уснащая свою рѣчь крѣпкими словами.

И крестьяне повезли; повезли всѣ: и правые, и виноватые. Крестьянами, не участвовавшими въ расхищеніи хлѣба, было доставлено Бокину свыше 300 мѣръ ржи и овса.

Въ тотъ же день вечеромъ на сходѣ, все подъ охраной солдатъ, Рыжовъ потребовалъ выдать виновныхъ. Сходъ назвалъ семь человѣкъ. На другой день солдаты уѣхали; уѣхалъ и Рыжовъ. Между тѣмъ мельницы не работали; въ деревнѣ женщины и дѣти голодали.

А экспедиція далеко еще не была закончена. Чрезъ недѣлю Рыжовъ опять явился. Опять собрали сходъ. Крестьяне всѣмъ сходомъ упали на колѣни и обнажили головы. Рыжовъ похаживалъ, посмѣивался и выкликалъ виновныхъ. Ихъ отдѣлили и отвели въ сторону на нѣсколько шаговъ, всего 13 человѣкъ.

— Ложись!—скомандовалъ Рыжовъ.

Крестьяне легли, и началось истязаніе. Били нагайками и плетьми; били съ какой-то свирѣпой безпощадностью; одному выбили глазъ, другому пробили черепъ до мозга, третьяго забили до потери сознанія...

Во время избіенія Рыжовъ подходилъ то къ одному, то къ другому изъ истязуемыхъ и надругался надъ ними.

Наконецъ истязаніе прекратилось.

— Будете грабить?—воскликнулъ Рыжовъ, обращаясь къ сходу.

— Не будемъ!— отвѣчали крестьяне.

— Будете грабить?—вторично крикнулъ Рыжовъ, приближаясь къ сходу.

— Не будемъ!—отвѣтилъ сходъ.

И въ третій разъ повторилъ Рыжовъ свой вопросъ и получилъ тотъ же отвѣтъ.

— Кланяйтесь въ ноги!—закричалъ онъ.

Весь сходъ бухнулся на землю и, охваченный страхомъ ждалъ, не поднимая головы.

„Глубокая покорность, съ какой люди, охваченные паническимъ страхомъ, переносили издѣвательства и истязанія, возбудила всѣ низкіе инстинкты въ темной душѣ истязателей.

— Вали всѣхъ безъ разбора!—закричалъ Рыжовъ.

Казаки и солдаты бросились на крестьянъ и стали хлестать нагайками направо и налѣво.

— Стойте!—закричалъ кто-то изъ нихъ.— Эй, мужичье, давайте по рублю,—не станемъ пороть болѣе.

Съ лихорадочной поспѣшностью начали крестьяне доставать деньги. У кого не было, тому давалъ сосѣдъ. Порка прекратилась.

Наступилъ вечеръ. Рыжовъ съ командой отправился на ночлегъ на хуторъ Бокина.

Старостѣ отданъ былъ приказъ: доставить полведра водки, пива и ведро яблокъ. На хуторѣ началось пьянство. Дикіе инстинкты разгуливались все сильнѣе. Работниковъ Бокина послали въ деревню за бабами. Тѣ привели пять женщинъ. Имъ было сказано: „Идите стряпать для солдатъ“...

„Трудно сказать, сколько бы еще продолжались грабежъ и надругательства, если бы не узналъ о нихъ волостной старшина. Онъ сообщилъ по телефону о дѣйствіяхъ Рыжова становому, который по телефону же приказалъ старшинѣ удалить солдатъ и казаковъ. Однако, когда Рыжову было передано это распоряженіе, онъ его не одобрилъ.

— Здѣсь еще продолжается мятежъ!— сказалъ онъ.—Мы еще не исполнили царской воли. Мы пробудемъ здѣсь еще день.

„И онъ явился съ своей командой въ Серединовку и выпоролъ еще 15 человѣкъ“...

Не знаемъ, чему здѣсь больше изумляться, наглому ли издѣвательству зазнавшагося опричника или скотской покорности крестьянъ, безъ ропота сносившихъ всѣ эти издѣвательства.

Несомнѣнно, однако, „придетъ и на ихъ улицу праздникъ“ — и тогда крестьяне напомнятъ Рыжову и имъ подобнымъ, что тѣ продѣлывали надъ ними.

Страхомъ, плетями да штыками не надолго водворишь спокойствіе. Нужно глубже вникнуть въ причину крестьянскихъ волненій. Говорятъ, крестьянъ обманывали именемъ Царя: къ нимъ являлись агитаторы, переодѣтые генералами, и объявляли всѣ помѣщичьи земли отданными крестьянамъ по Царскому приказу.

Можетъ быть, кое гдѣ и это дѣйствовало. Но обобщать на этомъ основаніи всѣ причины крестьянскихъ волненій было бы черезчуръ наивно.

Первая и единственная причина разгромовъ — малоземелье и невозможно высокія цѣны за аренду.

Не угодно, напр., какая „нужда“ у дер. Вѣшникова, Рославл. у., Смол. губ.

Земля крестьянъ окружена владѣніемъ генерала Есиповича, пересѣкающимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ мужицкую землю. Поэтому они „не могутъ свободно пользоваться своею землею и лишены возможности имѣть безпрепятственный выпасъ своего скота и пользоваться въ лѣтнее время необходимымъ водопоемъ“. „За дозволеніе женамъ, крестьянамъ,—говорится въ одномъ изъ ихъ прошеній,—со стороны смежного владѣльца имѣть свободу кратковременнаго распаса скота мы всѣмъ нашимъ обществомъ, состоящимъ изъ 25 душъ, принуждены ежегодно производить сказанному владѣльцу работы, а именно: обработать 5 дес. изъ-подъ клевера подъ овесъ, 10 дес. изъ-подъ клевера подъ рожь, убрать 10 дес. клевера и перевезти его на своихъ лошадяхъ въ экономію, сжать 10 дес. хлѣба и тоже перевезти въ экономію, сжать 5 дес. овса и перевезти и также на своихъ лошадяхъ перевезти изъ дачи въ гор. Рославль— на разстояніи 25 верстъ — 10 кубовъ дровъ“. Всѣ эти работы должны быть исполнены по первому требованію владѣльца-генерала или его арендатора, разумѣется, въ ущербъ своему собственному хозяйству. Несчастнаго распаса этого десятинъ 10; если за него заплатить, то это будетъ стоить рублей 60 въ годъ. Но генералъ за деньги распаса не уступаетъ, и крестьяне отрабатываютъ со временъ отмѣны крѣпостного права. Если же перевести эту работу на деньги, то получится не 60 рубл., а 437 р. Въ эту сумму еще не входитъ стоимость перевоза 10 дес. хлѣба и 5 дес. овса въ экономію. Понятно теперь, почему генералъ не желаетъ отдавать крестьянамъ распаса за деньги! Не насмѣшка ли такое „освобожденіе отъ крѣпостной зависимости“? А когда безконечное мужицкое

терпѣніе лопнетъ, къ нимъ посылаютъ генералъ-адъютанта съ казаками, нагайками и шпицъ-рутенами, засѣкаютъ ихъ до смерти, издѣваются надъ ними и насилуютъ ихъ женъ и сестеръ... „Земли и воли“—несется кличъ, и онъ не утихнетъ до тѣхъ поръ, пока народъ не осуществитъ своего требованія.

Наконецъ, повидимому, и правительство рѣшило, что, пожалуй, одной поркой да штыками и въ самомъ дѣлѣ не умиротворишь крестьянъ, и надумало дѣйствительно улучшить ихъ бытъ.

Конечно, и это дѣло повели чисто по чиновничьи. Началось съ того, что командировали чиновниковъ отъ М-ства Фин., именно, г.г. Нардова, В. М. Вороновскаго и В. Ф. Мейсна для содѣйствія правильной постановкѣ дѣла перехода, при посредствѣ крестьянскаго банка, частновладѣльческихъ земель къ крестьянамъ въ губерніяхъ саратовской, самарской. воронежской пензенской, тамбовской, курской, орловской, рязанской, харьковской, черниговской и тульской. Эти губерніи поставлены въ первую очередь потому, что въ нихъ особенно обострились отношенія малоземельныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, приведшія уже къ насильственному захвату крестьянами помѣщичьей земли и усадьбъ. Командированнымъ лицамъ даны большія полномочія по отчужденію и оцѣнкѣ помѣщичьихъ земель въ размѣрѣ дѣйствительной нужды въ землѣ малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ. Проектировано увеличить надѣлы до размѣровъ ихъ въ 1861 г. По предварительному подсчету мин. з. и гос. имуществъ, для устройства быта крестьянъ на указанныхъ выше началахъ въ губерніяхъ одной только центральной полосы Россіи потребуется около 8 милліоновъ десятинъ земли. стоимостью приблизительно въ 800 милліоновъ рублей. Если даже крестьянскій банкъ скупитъ эти земли съ переводомъ долга дворянскому банку, то потребуется доплатить около 300 милл. рублей, каковой суммы у правительства не имѣется, и откуда добыть ее,—неизвѣстно.

Между тѣмъ предполагается надѣлить землей и безземельныхъ крестьянъ.

Въ дѣлѣ установленія мѣстностей, въ которыхъ особенно сильно ощущается нужда крестьянъ въ землѣ, а также въ дѣлѣ установленія оцѣнокъ дворянскихъ земель переходящихъ къ крестьянамъ, почти рѣшающій голосъ будутъ имѣть уѣздныя земства. Къ земствамъ и къ мѣстнымъ общественнымъ дѣятелямъ и должны, между прочимъ, обращаться командированныя министерствомъ финансовъ указанныя выше лица, которымъ присвоены права членовъ совѣта крестьянскаго поземельнаго банка.

При посредствѣ этихъ лицъ будутъ совершены за счетъ крестьянскаго банка покупки нужнаго количества земли. Земельноустроительныя работы по распредѣленію этой земли между нуждающимися крестьянами будутъ совершены только по выполненію этой работы.

Эта мѣра, если ее проведутъ правильно, конечно, сильно будетъ способствовать умиротворенію крестьянъ. Но, во 1-хъ, „улита ѣдетъ—когда то будетъ“, а время не ждетъ, во 2-хъ, экспропріируя частныя владѣнія, стыдно забывать про громадныя удѣльныя угодья, которыхъ не мало. По послѣднимъ даннымъ, въ одной Европейской Россіи въ распоряженіи Удѣловъ удобной земли, т. е. той земли, которой можно сейчасъ или черезъ недолгій срокъ воспользоваться для пахоты, находится 1834 тысячи десятинъ. Если сюда прибавить еще земли, занятыя подъ промыслами, главнымъ образомъ, мельницами и рыбными ловлями, то получается въ круглой цифрѣ 1996 тысячъ десятинъ. Чистой, не пахотной, земли въ удѣлахъ находится около 1317 тысячъ десятинъ, которая главнымъ образомъ расположена по своимъ массивамъ слѣдующимъ образомъ: нижнемъ Поволжьи,—Самарской, Саратовской и Симбирской губерніяхъ 832 т. десятинъ, въ Пріуральскихъ губерніяхъ 155 т. десятинъ, въ юго-восточныхъ губерніяхъ 117 т. десятинъ, въ центральной черноземной полосѣ около 65 т. десятинъ, въ Новороссійскомъ округѣ $32^1/_2$ т. десятинъ и въ верхнемъ Поволжьи-Казанской и Нижегородской губерніяхъ $17^1/_2$ т. десятинъ. Сѣнокосовъ по всей Европейской Россіи 291.571 десятина и выгоновъ 82.603 десятины; подъ лѣсными выгонами и сѣнокосами занято около 61 т. десятинъ. Лѣсовъ же въ удѣлахъ около $5^1/_2$ мил. десятинъ.

Большая часть ея находится въ арендѣ у крестьянъ, именно, 90 проц. всей пахотной земли, а въ Поволжьѣ даже до 95 проц.

Но нельзя забывать, что арендаторами являются крупные кулаки, передающіе потомъ, съ громадными барышами, аренду своимъ сосѣдямъ. Въ одной изъ предыдущихъ хроникъ мы уже говорили, какъ солоно достается эта аренда обыкновеннымъ крестьянамъ.

Если бы дѣйствительно арендаторами Удѣловъ являлись только мелкіе собственники, при томъ за плату, которую даютъ удѣламъ кулаки-скупщики, крестьяне не были бы такъ возстановлены противъ Удѣловъ, какъ это замѣчается теперь.

За 40 лѣтъ протекшихъ со времени освобожденія, крестьянинъ, не смотря на свою темноту и забитость, значительно выросъ и поумнѣлъ. Онъ уже сознаетъ свои интересы, умѣетъ отличать друзей отъ враговъ,—и теперь его трудно сбить съ толку.

Лозунгъ „земли и воли" сталъ теперь всеобщимъ. Мужикъ и политически созрѣлъ. Временное затменіе, овладѣвающее имъ при разгромѣ и говорящее какъ бы объ анархіи,—только взрывъ аффекта. На самомъ дѣлѣ мужикъ—глубоко проникнутъ идеей государства.

Взгляните, напр., на оригинальную конституцію, выработанную собраніемъ крестьянъ старо-буянской волости Сам. губ.

Часть I. Общее постановленіе:

1) 1905 г., 13 ноября народный съѣздъ старо-буянской волости постановляетъ: *настоящаго правительства не признавать и* не считаться съ его законами, такъ какъ дѣйствія правительства съѣздъ считаетъ вредными для народа.

2) Признавать только такое правительство, которое избрано всѣмъ народомъ на основѣ всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго голосованія безъ различія пола, національности и религіи.

3) Для устройства такого народнаго россійскаго самоуправленія необходимъ созывъ учредительнаго собранія.

4) Въ настоящее же время, до созыва учредительнаго собранія и установленія народнаго самоуправленія въ Россіи старобуянскій народный съѣздъ постановляетъ: съ 13 ноября 1905 г. объявить свою волость *управляющейся самимъ народомъ* причемъ законодательная власть принадлежитъ народному съѣзду, а исполнительная—народному правленію.

Часть II. Самоуправленіе по волости.

1) Вся власть въ волости принадлежитъ всему народу этой волости.

2. Для разрѣшенія дѣлъ по волости собирается не менѣе одного раза въ годъ народный съѣздъ.

На народномъ съѣздѣ имѣетъ право участвовать всякій, живущій въ волости, безъ различія пола, національности и религіи, не моложе 18 лѣтъ.

Вѣдѣнію народнаго съѣзда подлежатъ слѣдующія дѣла: а) устройство школъ, библіотекъ, народныхъ чтеній и вообще народнаго образованія; в) больничное дѣло и ветеринарное; г) народный судъ: д) волостная касса; е) касса взаимопомощи, которая служитъ пособіемъ при внезапныхъ несчастныхъ случаяхъ, напр., при падежѣ скота и пр.; ж) народный банкъ; з) самообложеніе; и) дороги, мосты и волостные ямщики; к) типографіи; л) выборъ предсѣдателя старо-буянскаго народнаго правленія, товарища и дѣлопроизводителя; м) народное вооруженіе (милиція); н) входить въ союзъ съ др. волостями, гдѣ введено народное правленіе.

Въ волости введена и своя милиція и пр. Словомъ, образовалось государство въ государствѣ, какъ сдѣлала Гурія.

Интересно знать, не отправлена ли уже карательная экспедиція „для возстановленія порядка", хотя, на самомъ дѣлѣ, со времени введенія самоуправленія, именно *порядокъ-то* и водворился въ волости.

VI.

Рабочіе безпорядки, не смотря на все усиливающуюся репрессію, принимаютъ характеръ вооруженнаго возстанія.

СПБ. Совѣтъ Раб. Деп., объявляя разбастовку на 19 дек., прямо рѣшилъ: „Немедленно перейти къ боевымъ дѣйствіямъ и приступить къ организаціи вооруженнаго возстанія".

Но еще раньше замѣчались попытки этого рода. Такъ, 13-14 дек. бились съ войсками Сормовскіе рабочіе (Ниж. г.). Около этихъ же чиселъ намѣчались вооруженныя возстанія въ Воронежѣ, Кіевѣ, Казани, Гродно, но, благодаря аресту

руководителей, дѣло ограничивалось сравнительно мелкими стачками. Движеніе достигло Урала, гдѣ центромъ революціи служитъ Златоустъ съ его огромнымъ оружейнымъ заводомъ и массою рабочихъ. Уже числа 10—13 дек. Златоустъ захваченъ рабочими съ группою дѣятелей соціалъ-революц. партіи во главѣ (часть послѣднихъ прибыла изъ Берлина). Изъ нихъ же образовано административное управленіе мѣстностью, объявившее введеніе республиканскаго образа правленія. Надъ заводомъ развѣвается красный флагъ. Угроза губернскаго и горнаго начальства ввести въ заводъ казаковъ, доставленныхъ въ ближайшее селеніе, верстахъ въ 20, не можетъ быть осуществлена, такъ какъ революц. управленіе объявило, что всѣ начальствующія въ заводѣ лица—отъ начальника округа до мастеровъ—будутъ немедленно преданы смерти..

Начались взаимныя распри и на Кавказѣ.

Но наибольшей остроты революціонное движеніе достигло въ Приб. Краѣ, гдѣ до 60.000, говорятъ, прекрасно вооруженныхъ латышей успѣшно борются съ правит. войсками.

По словамъ бѣглецовъ, въ Прибалтійскомъ краѣ царитъ анархія. Правительство потеряло всякую власть и солдаты братаются съ революціонерами,

Броженіе среди матросовъ въ Либавѣ продолжается.

Крестьяне объявили о низложеніи духовенства и администраторовъ и сами назначаютъ новыхъ. Они не позволяютъ помѣщикамъ продавать хлѣбъ и кормъ для скота и объявили, что лѣса принадлежатъ общинамъ.

Нѣтъ никакой возможности охранять собственность. Разбойничьи шайки свирѣпствуютъ по всему краю.

Число бѣженцевъ изъ Прибалтійскаго края увеличивается ежедневно. Многіе дворяи перевезли свои семьи въ Кенингсбергъ.

По словамъ другихъ, Латыши сумѣли завести нѣкоторый порядокъ. Недавно у нихъ происходилъ съѣздъ изъ всѣхъ волостей, постановившій: „прервать сношенія съ мѣстными административными властями; объявить новые волостные выборы на началахъ всеобщаго и тайнаго голосованія, допуская къ выборамъ и женщинъ, достигшихъ 20-лѣтняго возраста; на покрытіе расходовъ волостного хозяйства до введенія прогрессивнаго подоходнаго налога ввести временную волостную подать, отказаться отъ уплаты земельныхъ податей и всякихъ пошлинъ въ пользу дворянскихъ учрежденій до тѣхъ поръ, пока государственная власть не проведетъ реформы земельныхъ отношеній на справедливыхъ началахъ. Въ случаѣ, если помѣщики, какъ это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже наблюдается, покинутъ свои земли безъ обработки, то таковыя будутъ обрабатываться самими крестьянами-батраками подъ надзоромъ и руководствомъ волостныхъ комиссій. Самовольныхъ захватовъ дворянскихъ земель крестьянами рѣшено не допускать. Волостное общество не должно допускать также хищнической вырубки и продажи помѣщиками мѣстныхъ лѣсовъ".

Нѣкоторыя газеты указывали уже, что Латыши совсѣмъ отдѣлились отъ Россіи, образовавъ независимую республику.

Какъ бы то ни было, нѣмецкому владычеству здѣсь нанесенъ серьезный ударъ. Оттого нѣмцы и напрягаютъ всѣ усилія, чтобы Россія, усмиривъ Латышей, снова отдала ихъ въ нѣмецкую кабалу. Но справиться съ Латышами теперь не легко. Они уже захватили нѣсколько большихъ селеній и городовъ. Сама Рига — наполовину въ ихъ власти.

Предстоятъ настоящія кровавыя сраженія, которыя, конечно, будутъ сопровождаться взаимными жестокостями, какъ это было недавно въ Москвѣ, при усмиреніи Московскаго возстанія 7—19 дек.

А это было страшное дѣло! Возбужденныя войска стрѣляли безъ разбора въ праваго и виноватаго. Громадные дома разрушались артиллеріею изъ за одного револьвернаго выстрѣла, м. б., даже провокаторскаго, изъ оконъ.

Очевидцы пишутъ: въ эти дни въ Москвѣ происходило нѣчто совершенно невѣроятное: патрули, повинуясь приказу адмирала Дубасова стрѣлять во всѣхъ, появляющихся на улицѣ между 9 час. веч. и 7 час. утра, открывали по спасающимся отъ огня и шрапнелей мирнымъ жителямъ частый ружейный огонь...

Сотни убитыхъ и раненыхъ устилали собою улицы.

Примѣровъ звѣрской жестокости со стороны войскъ не перечесть. Мало того не дозволялось даже помогать раненымъ революціонерамъ,— и ихъ Красный Крестъ такъ же обстрѣливался, какъ и вооруженныя кучки.

А когда извѣстный въ Москвѣ домовладѣлецъ Зиминъ пожелалъ устроить въ своемъ домѣ перевязочный пунктъ и сообщилъ о своемъ намѣреніи генералъ-губернатору, послѣдній заявилъ, что въ тотъ моментъ, когда въ домѣ Зимина будетъ открытъ перевязочный пунктъ, явится немедленно артиллерія и *сотретъ домъ съ лица земли.*

Недаромъ передаютъ, что 6 дек., принимая представителей Москвы, г. Дубасовъ произнесъ между прочимъ: „Пока существуетъ слово самодержавіе, представителемъ котораго въ Москвѣ являюсь я, *каждый, не признающій этого, будетъ повѣшенъ. Крамолу я вырву съ корнемъ.* Полномочія у меня широкія. Совѣтую вамъ объ этомъ не забывать“...

Вотъ вамъ и Манифестъ 17 окт., ограничивающій Самодержавіе!

Рѣчь новаго повелителя Москвы вполнѣ соотвѣтствуетъ его энергичнымъ приказамъ, которые онъ недавно издавалъ, напр., въ Курской губ., куда былъ откомандированъ для подавленія безпорядковъ. Вотъ одинъ изъ нихъ: „Населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей, въ которыхъ находятся войска, позволяетъ себѣ распространять угрозы произвести безпорядки, какъ только эти войска будутъ удалены въ другія мѣстности. Объявляю, что если сельскія общества или хотя немногіе изъ ихъ членовъ позволятъ себѣ привести подобныя угрозы въ исполненіе, то *всѣ жилища такого общества* и все его имущество будетъ по приказу моему *уничтожено*. Генералъ адъютантъ Дубасовъ“. 20-го ноября 1905 г., г. Курскъ. („Народн. Хоз.“).

Московское братоубійство кончилось. Цѣною невѣроятныхъ усилій, безъ жалости разстрѣливая встрѣчнаго и поперечнаго, казня безъ суда и слѣдствія, возстаніе поподавлено.

Надолго ли, однако, штыкъ и пуля обезпечатъ намъ миръ и покой? Вѣдь, всѣ орудія притупляются. Не пора ли правительству Витте, показавъ свою силу, показать и милость, давъ права безправнымъ, давъ русскимъ людямъ то, чѣмъ они должны обладать? Штыкъ можетъ поддержать на время власть, но удержать ее долго не въ силахъ.

И подавленное, Московское возстаніе служитъ кровавымъ урокомъ: должны же тамъ, вверху, понять, что за свободу бьются, страдаютъ и умираютъ десятки тысячъ людей, а не какіе нибудь безумцы, готовящіе ни за что, ни про что гибель родинѣ; это — крѣпко убѣжденные; это фанатики свободы. И ихъ нельзя игнорировать.

Наконецъ, правительство гр. Витте должно же понимать, что оно можетъ существовать только при довѣріи къ нему общества. Пора же открыто, честно пойти навстрѣчу желаніямъ этого общества; пора отбросить политику колебанія и смѣло сказать, что поворота назадъ не будетъ. А то на словахъ насъ успокаиваютъ, на дѣлѣ же, что ни говорите, по прежнему царитъ одно беззаконіе.

Житейская практика уже показала безполезность такихъ мѣръ усмиренія, какъ введеніе сатраповъ — ген.-губернаторовъ. И тѣмъ не менѣе этотъ вредный обычай сохраняется. Мало того, даже распространяется, какъ это видно изъ послѣдняго указа о жел.-дор. и почт.-тел. забастовкахъ.

Этимъ указомъ министру путей сообщенія, а также начальникамъ дорогъ, предоставлено право объявлять эти дороги въ положеніи чрезвычайной охраны или же на воен. положеніи, причемъ дорога или ея участокъ тогда *поступаютъ въ вѣдѣніе комитета, состоящаго изъ начальника дороги, завѣдующаго передвиженіемъ войскъ и начальника жандарм. управленія*. Начальники такихъ мѣстностей могутъ запрещать всякія собранія, закрывать торговыя и промышлен. заведенія, пріостанавливать продажу произведеній печати, увольнять всѣхъ желѣзнодор. служащихъ и примѣнять административн. высылку. Полиціи предоставлено право подвергать предварительному задержанію, но на срокъ не болѣе 2-хъ недѣль, лицъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ, и производить обыски во всѣхъ помѣщеніяхъ и во всякое время. Съ другой стороны, увеличены наказанія за нарушеніе обществ. порядка. Такъ, желѣзнодорожн. служащіе за самовольное оставленіе работъ подвергаются тюрем. заключенію

отъ 4 до 8 мѣсяцевъ. Лица же, виновныя въ бунгѣ, устройствѣ стачекъ и въ возбужденіи къ нимъ, а также въ порчѣ средствъ и предметовъ желѣзнодор., почт. и телегр. сообщенія и въ нападеніяхъ на войска, подлежать воен. суду для наказанія по законамъ воен. времени. Такимъ образомъ, осуществленіе свободъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 окт., еще болѣе отдаляется отъ русск. обывателей, давно уже жаждущихъ порядка и спокойствія.

„Свобода и миръ"!—этотъ вопль истерзанной русской души несется со всѣхъ концовъ Руси. Неужели его не слышитъ правительство?

Дальше *нельзя такъ жить:* вѣдь, если безпорядки продолжатся еще и будущею весною, *никто не будетъ сѣять на продажу хлѣба,*—и городамъ будетъ грозить общій голодъ. Неужели этого не хотятъ видѣть?!

Довольно крови, довольно насилій! Пора приняться за мирный трудъ!.

Нельзя опираться только на полицію и войско,—вѣдь, и они состоятъ изъ людей. Наконецъ, въ случаѣ продолженія безпорядковъ, ихъ нечѣмъ будетъ и содержать.

А полиція, именно жандармская, стоитъ не мало, судя по опубликованнымъ недавно въ „Сынѣ Отечества" любопытнымъ даннымъ.

Оказывается, по отчету это—одно изъ скромныхъ учрежденій, расходующее менѣе 200 тыс. въ годъ. „Что сіе значитъ? Неужели гг. жандармы—такіе безсребренники?—Конечно, нѣтъ. Вся суть здѣсь въ умѣньи составлять отчеты такъ, чтобы не посвященные въ тайны не могли понять ничего. Главный контингентъ служащихъ Деп. Полиціи—жандармы—по отчету отнесены въ Военное Министерство, — и здѣсь открываются солидныя цифры: въ 1900 г. Корпусъ жандармовъ стоилъ казнѣ 3,685 тыс. р., а въ 1904 г. уже 5,262 тыс. р. Однако, и это не все. Есть расходы, вызываемые арестомъ и содержаніемъ арестантовъ (158 тыс. р.), расходы на такъ называемый экстраординарныя надобности (562 тыс. р.), наконецъ, чрезвычайные и секретные расходы, на извѣстное Его Величеству употребленіе" (2,441 тыс. р.). Итого, около 8 милл.—теперь вполнѣ ясна становится скромность и безсребренность Деп. Полиціи!

VII.

Московское возстаніе не удалось главнымъ образомъ потому, что къ возставшимъ не пристали войска Московскаго гарнизона, хотя тамъ, какъ и вообще въ войскахъ, въ послѣднее время далеко не спокойно.

Но главными причинами недовольства солдатъ въ большинствѣ случаевъ была плохая пища и вообще плохое содержаніе и затѣмъ задержаніе запасныхъ, приведшее въ Сибири къ буйствамъ, продолжающимся и теперь по сибирской ж. д., гдѣ они угрозами и насиліями забираютъ несоотвѣтственные поѣзда, не справляясь съ росписаніемъ, разбиваютъ станціи и т. п.

Запасныхъ укротили, поспѣшивъ распустить ихъ, а экономическія требованія удовлетворили Высочайшимъ приказомъ по Военному Вѣдомству 6 декабря, которымъ повелѣно: 1) увеличить оклады жалованья нижнимъ чинамъ срочной службы, 2) увеличить дачу мяса, 3) увеличить приварочный окладъ, 4) ввести ежедневное чайное довольствіе; съ 1-го января 1906 г. повелѣно: 1) отпускать нижнимъ чинамъ одѣяла и постельное бѣлье, 2) три рубахи, три исподнихъ брюкъ, три носовые платка, три пары портянокъ, два утиральника, одну гимнастическую рубаху и пару пристежныхъ погоновъ (послѣднее—одна пара на 2 года), 3) на приkладъ, шитье и смазку сапогъ—по 2 р. 50 к. на человѣка (за исключеніемъ кавалеріи, для которой оставленъ прежній отпускъ), 4) мыла по 1/2 ф. на человѣка въ мѣсяцъ.

Тѣмъ изъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ, которымъ по новой табели жалованье уменьшено, повелѣно отпускать оклады въ прежнемъ размѣрѣ до выбытія ихъ со службы, или до полученія высшихъ должностей.

Въ каждой строевой ротѣ, эскадронѣ, сотнѣ и батареѣ прибавляется сверхсрочные унтеръ-офицеры (фейерверкеры, урядники) съ добавочнымъ жалованьемъ въ 180 рубл. въ годъ. За 2-лѣтнюю службу, эти лица получаютъ единовременное пособіе въ 150 руб.

Послѣ 10-ти лѣтъ сверхсрочной службы въ томъ числѣ—8 лѣтъ подпрапорщиками (подхорунжими) нижніе чины при оставленіи

службы получаютъ единовременно 1,000 рублей безъ 10-ти проц. вычета въ инвалидный капиталъ; прослужившіе 13 лѣтъ подпрапорщиками, а всего на сверхсрочной службѣ 15 лѣтъ, увольняются съ пенсіею въ 96 руб. въ годъ.

Эти матеріальныя улучшенія, конечно, устранятъ недовольство во *многихъ частяхъ*, но устранятъ ли они *совсѣмъ* ихъ.—не рѣшаемся сказать.

Исторія недавнихъ волненій въ Кіевѣ (16—17 ноября), Екатеринодарѣ (16—17 ч.), Ставрополѣ-Кавказскомъ (10 ч.), Пятигорскѣ (16—23 ч.), Ташкентѣ и др., наконецъ, Севастопольская трагедія показываютъ, что тутъ дѣло не въ однѣхъ „червивыхъ щахъ", а въ чемъ-то поважнѣе.

Начинаютъ солдаты, конечно, съ требованія улучшенія пищи, сокращенія времени занятій и болѣе вѣжливаго обращенія со стороны офицеровъ (Ставр.-К.); затѣмъ у нихъ начинаютъ уже проскальзывать рѣшенія (какъ, у солдатъ 312 Березинскаго полка., по словамъ „Сам. К."): „не воевать съ „внутреннимъ" врагомъ, ибо, по ихъ мнѣнію, внутренними врагами являются попы, купцы, помѣщики и прочіе господа, адмиралы, которые жмутъ мирныхъ жителей, а не мирные труженники, которые „бастуютъ и бунтуютъ не за шелковыя платья, да шампанское, а за насущный кусокъ хлѣба"— и разстрѣливать этихъ тружениковъ, такъ же голодныхъ и холодныхъ, какъ они сами, они не станутъ, а потому они требуютъ, чтобы ихъ распустили по домамъ къ ихъ „высохшимъ отъ голода и душевныхъ страданій отцамъ, матерямъ, женамъ и дѣтямъ, которымъ даже пособіе прекратили выдавать. Если же увольненіе скоро не послѣдуетъ, то они грозятъ забастовать „не такъ, а по иному".

Въ Пятигорскѣ солдаты уже предъявили требованіе—„выборности офицерскаго состава". Отъ словъ они скоро перешли къ дѣлу, по сообщенію „Сына Отеч.". Прежде всего они объявили всѣхъ офицеровъ лишенными своихъ должностей, а затѣмъ рѣшили выбрать себѣ начальниковъ изъ своей собственной среды. Послѣдніе попрежнему должны были поддерживать въ полку дисциплину и руководить всѣми занятіями, причемъ допущены были лишь два исключенія изъ обычнаго порядка: уничтожено было обученіе „словесности" и сокращено было время, посвящаемое маршировкѣ, съ 3 до $1^1/_2$ часовъ.

Порядокъ въ городѣ строго охранялся и ни разу не былъ нарушенъ, такъ какъ „выборное" начальство объявило, что „всякая попытка" со стороны хулигановъ къ грабежу и разбоямъ повлечетъ за собою суровую и безпощадную кару по приговору „не стараго волокитнаго суда, а новаго, народнаго". Такъ, по крайней мѣрѣ, обстояло дѣло съ 16 до 23 ноября. Хотѣли было усмирить возставшихъ (1.300 пѣх. и 2 артил. бригады) казаками, но ихъ пообѣщали встрѣтить шрапнелью,—и казаки благородно ретировались.

Забастовали также, отказавшись отъ повиновенія офицерамъ, солдаты въ Гори и Екатеринодарѣ (Анапскій п.), по сообщенію „Д. Рѣчи". Они выбрали начальство и захватили арсеналъ. Полковникъ Анап. п. вздумалъ было обратиться съ увѣщаніемъ. „Братцы"!—началъ онъ. Но по рядамъ прошелъ гулъ: „А, теперь „братцы"! Вчера такъ—с—ы дѣти"!..

„Увѣщаніе" кончилось ничѣмъ,—и офицеры удалились. Говорятъ, весь городъ въ рукахъ возставшихъ, равно какъ и Новороссійскъ.

Въ Кіевѣ 18 ноября открыто взбунтовались было 2 рота 4-го и 5-го понтонныхъ баталіоновъ и 1 роты 14 саперн. бат., но были скоро усмирены.

Въ Ташкентѣ, Асхабадѣ, Кизилъ Арватѣ и др. городахъ Закаспія, по словамъ „Закасп. О.", также не спокойно: и тамъ 17—20 ноября заявлялись политическія требованія, составлялись резолюціи „не стрѣлять въ бастующихъ рабочихъ" (Киз.-Арв. гарнизономъ) и т. п.

Наконецъ, по сообщеніямъ газетъ, волненіе охватило и казаковъ. Такъ, газета „Уралецъ" сообщаетъ, что въ Лбищенскѣ состоялся войсковой сходъ, на которомъ казакъ В. А. Чалусовъ разъяснилъ значеніе манифеста 17-го октября и предложилъ принять резолюцію, гласящую, между прочимъ, слѣдующее.

„Дать съѣзду выборныхъ отъ войска въ отношеніи вопросовъ экономическаго быта, войсковой общины право голоса рѣшающаго, а не совѣщательнаго".

„Станичныхъ атамановъ и кандидатовъ къ нимъ назначать тоже съѣздомъ выборныхъ, а поселковыхъ—станичными сходами“.

„Избавить казаковъ отъ командированія ихъ въ разные города для несенія полицейской службы“.

Свой докладъ лекторъ закончилъ словами: „Отбросимте, казаки, отъ себя дальше *ту презрѣнную нагайку*, которою насъ вооружилъ существовавшій до 17-го октября бюрократическій строй, соединимтесь же вмѣстѣ съ русскимъ народомъ и пойдемъ съ нимъ рука-объ-руку по пути достиженія благъ, дарованныхъ манифестомъ 17 октября! Да здравствуетъ Государь свободныхъ россійскихъ гражданъ! Да здравствуетъ завоеванная кровью свобода!!!“.

Не смотря на строгость военной дисциплины, военно-служащіе уже организуются въ Союзъ, ставящій, по словамъ „Н. Дней“, цѣлью—содѣйствіе освобод. движенію и созыву Учред. Собранія и рекомендующій, въ видѣ тактики: 1) Отказъ отъ употребленія оружія противъ борцовъ за освобожденіе Россіи.

2) Охрана общественной безопасности, защита гражданъ отъ насилій, противодѣйствіе погромамъ.

3) Осуществленіе всероссійской политической забастовки арміи, какъ конечнаго акта дѣятельности союза и его конечной тактической цѣли.

Впрочемъ, нужно сознаться, мѣстопребываніе Бюро этого Союза не извѣстно, и сосчитать число членовъ Союза, въ виду понятныхъ причинъ, трудно; можетъ быть, онъ еще только организуется. Во всякомъ случаѣ, сочувствующіе его цѣлямъ есть и въ арміи, и даже въ гвардіи, какъ видно изъ цитированныхъ нами раньше писемъ „въ Русь“ офицеровъ гвардіи, хотя Командиръ гвардейскаго корпуса сообщилъ въ „Правит. Вѣстн.“, что помѣщенныя въ „Руси“ письма: „5 офицеровъ гвардіи“, „12 офицеровъ гвардіи“ съ осужденіемъ дѣйствій войскъ 18 октября, *никѣмъ изъ офицеровъ* частей войскъ, штабовъ и управленій гвардейскаго корпуса *не писались*, не посылались въ „Русь“, и *взглядамъ*, выраженнымъ въ письмахъ, никто изъ указанныхъ офицеровъ *не сочувствуетъ*.

Командиръ объявилъ это на основаніи письменнаго опроса гвард. офицерства. Но, вѣдь, всякому ясно, чего стоитъ такой опросъ...

Конечно, наибольшее число сочувствующихъ—среди прапорщиковъ запаса, которые шлютъ открытыя письма въ радикальныя газеты, какъ это сдѣлалъ знаменитый пѣвецъ, прап. запаса Богумилъ Решке, обратившись въ „С. Отеч.“ съ письмомъ къ Товарищамъ самогитцамъ. Здѣсь онъ говоритъ между прочимъ (по поводу разжалованія 2 вольноопредѣл. Угриновича и Шолина въ рядовые за присутствіе на похоронахъ въ Москвѣ Баумана).

„Военная дисциплина, основанная на произволѣ, насиліи и рабствѣ подчиненныхъ, существовать не можетъ (доводомъ служатъ: самоубійства, дезертирства, нервныя и психическія заболѣванія среди войскъ)... „Рабомъ воинъ не можетъ быть. Военная дисциплина, отрицая личность и человѣческое достоинство, превращаетъ свободныхъ гражданъ грубымъ произволомъ и насиліемъ въ жалкихъ, трусливыхъ рабовъ и тѣшится, когда ей это удается сдѣлать. Но потѣшившись, она сама испугалась своей вакханаліи на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ дисциплина оказалась нужной для гг. представителей ея, но не для *солдатъ*...

„Итакъ, привѣтствую разжалованныхъ товарищей славнаго самогитскаго гренадерскаго полка (подъ Плевной изъ 2,000 осталось около 20 чел.) и благодарю гг. офицеровъ полка и своихъ бывшихъ непосредственныхъ начальниковъ за то, что, воспитывая въ своихъ подчиненныхъ доблестныхъ воиновъ, они, однако, *не вытравляютъ въ нихъ гражданскаго долга* и чувства“...

Ну, мы думаемъ, за послѣднее то гг. офицеры не особенно поблагодарятъ г. Решке: гражданскій долгъ понимается у нихъ, пожалуй, иначе.

Наиболѣе сильно военныя возмущенія выразились въ Севастополѣ, гдѣ матросы, подъ предв. б. лейт. Шмидта, подняли открытое возстаніе. Они выставили требованія: 1) созывъ учредительнаго собранія и 2) полное немедленное проведеніе въ жизнь всѣхъ пунктовъ манифеста и еще 15 пунк-

товъ, относительно облегченія службы и измѣненія формы дисциплины. Въ виду рѣшительнаго отказа со стороны Чухнина на это,—Шмидтъ открылъ огонь по городу съ 10 судовъ. На сторонѣ правительства остались южные форты, нѣкоторыя суда и береговая артиллерія. Начался бой. Въ это время оставшіеся на берегу матросы забаррикадировали свои казармы и открыли огонь по пѣхотнымъ частямъ изъ ружей и пулеметовъ. Бой продолжался 2 ч. 15 м. „Очаковъ“ весь разстрѣлянъ и въ огнѣ; „Днѣпръ“ и другое военное судно потоплены, миноносецъ выбросился на берегъ, „Пантелеймонъ (б. „Потемкинъ“) получилъ подводныя поврежденія; въ 5 ч. 30 м. раненый Шмидтъ сдалъ всю эскадру, а забаррикадированные матросы сдались брестскому и бѣлостокскому полкамъ.

Бунтъ былъ скоро конченъ, при чемъ и здѣсь правит. войска дѣйствовали безъ всякой жалости, какъ удостовѣряютъ очевидцы, напр., Купринъ, описывавшій это дѣло въ „Н. Жизни“. Онъ попалъ въ Севастополь въ тотъ страшный часъ, когда на тихой водѣ моря горѣлъ уже крейсеръ „Очаковъ“, главное судно возставшихъ, гдѣ былъ и и Шмидтъ. Всѣхъ свободно пускали на бульваръ. „Адмиралъ Чухнинъ,—говоритъ авторъ,—хотѣлъ показать всему городу примѣръ жестокой расправы съ бунтовщиками. Это тотъ самый адмиралъ Чухнинъ, который нѣкогда входилъ въ иностранные порты съ повѣшенными матросами, болтавшимися на мачтѣ“...

Здѣсь „герой“ Чухнинъ вполнѣ проявилъ себя.

Когда съ горѣвшаго „Очакова“ доносились вопли сжигаемыхъ людей, нѣкоторые изъ береговой публики бросались къ лодкамъ съ цѣлью спасти погибавшихъ.

„А крейсеръ беззвучно горѣлъ, бросая кровавыя пятна въ черную воду. Больше криковъ уже не было, хотя мы еще видѣли людей на носу и на башнѣ. Тутъ въ толпѣ многое узналось: о томъ, что въ началѣ пожара предлагали „Очакову“ шлюпки, на что матросы отказались; о томъ, что по катеру съ ранеными, отвалившему отъ „Очакова“, стрѣляли картечью; что бросавшихся вплавь разстрѣливали изъ пулеметовъ; что людей, карабкавшихся на берегъ, солдаты приканчивали штыками. Послѣднему я не вѣрю: солдаты были слишкомъ потрясены, чтобы сдѣлать и эту подлость“.

Хороши и оффиціальныя свѣдѣнія о „потеряхъ“: по оффиціальнымъ свѣдѣніяхъ—двѣ или три жертвы. Хорошо пишетъ литературный адмиралъ Чухнинъ“...

Однако, какъ ни неудачны до сихъ поръ были попытки военныхъ возстаній, тѣмъ не менѣе они должны служить Правительству страшнымъ memento mori. Онѣ не удавались только потому, что у нижнихъ чиновъ не было единодушія. Ну, а когда тѣ сумѣютъ объединиться, а, главное, сумѣютъ побороть нерасположеніе къ офицерамъ, заставляющее ихъ даже въ командиры полковъ выбирать унтеръ-офицеровъ, (какъ было въ Екатеринодарѣ),—когда, повторяемъ, они будутъ иначе дѣйствовать, это будетъ грозная сила, съ которой не такъ-то легко сладить.

Но безъ офицеровъ одни нижніе чины, конечно, ничего не достигнутъ, такъ какъ если нижняго чина еще хватаетъ на командованіе и управленіе ротой (въ большинствѣ случаевъ именно они, въ чинѣ фельдфебеля, и управляютъ собственно ротами), то уже на командованіе батальономъ, тѣмъ болѣе полкомъ, не хватитъ развитія; еще менѣе пригодны выборные комитеты, какъ это было на „Потемкинѣ“.

Можно съ увѣренностью сказать, что безъ участія офицеровъ военные бунты будутъ безуспѣшны или превратятся въ дикіе грабежи и пьяныя безобразія, какъ это было осенью въ Кронштадтѣ. Ну, а если и офицеры?..

Вопросъ очень серьезный, надъ которымъ стоитъ призадуматься!

Неужели-же намъ придется видѣть и всѣ ужасы военныхъ возстаній? Неужели мало братоубійственной гражданской войны?

Свобода, свобода! Сколько еще крови потребуешь ты! Когда-же, наконецъ, кончится эта гибельная для народа и государства „розруха“ и настанетъ желанный покой? Когда?..

Гр. Ф—тъ.

Столичная и провинціальная жизнь.

„Спокойствіе... могилы возстановляется", „порядокъ"... прежній". — Отчего реакція восторжествовала.—Мнѣніе о. Гапона о революціи.—Что ожидаетъ насъ.—Plus royalistes que le roi même.—Отвѣтъ Государя.—Наши политическія партіи.—„Почетные черносотенцы".—Крестьянскій союзъ правового порядка.—Революція среди духовныхъ.—Подольскіе пастыри.—Союзъ членовъ низшаго клира.

„Спокойствіе возстановляется", — докладываютъ „на верхъ" гг. начальники разныхъ ранговъ.—Да, „спокойствіе" могилы: „безпокойные" „успокоились", кто на штыкахъ, кто изрѣшеченный пулями, кто потопленный въ волнахъ, — въ могилѣ всѣ успокоились. Оставшіеся же въ живыхъ „безпокойные" живутъ среди обычнаго россійскаго „порядка": ихъ обыскиваютъ на каждомъ шагу, ихъ неприкосновенность жилища нарушается любымъ казакомъ или городовымъ, ихъ собранія разгоняются, Союзы преслѣдуются... „Порядокъ" остается прежній: при малѣйшемъ неудовольствіи — каменный мѣшокъ и нещадное избіеніе, при сопротивленіи — смерть.

Жизнь словно замерла въ Россіи. Пресловутыя „свободы" Манифеста 17 октября снятся развѣ во снѣ, а на яву царятъ, во всей наготѣ, прежній произволъ и насилія. Гдѣ они практикуются, какъ мѣры укрощенія, гдѣ — какъ мѣры предупрежденія. Но въ обоихъ случаяхъ обывателю (до „гражданина" онъ такъ и не доросъ) живется не сладко.

Что же произошло такого? Отчего реакція такъ быстро восторжествовала въ большихъ городахъ, отчего общество, еще недавно гордо кидавшее вызовъ правительству, теперь покорно склонило выю?

Намъ кажется, все это—проявленіе той же славянской натуры, мягкой, не способной къ упорному, продолжительному противодѣйствію, а готовой только на взрывъ чувства, даже на самозабвеніе.

Масса мирныхъ, благодушныхъ россіянъ прямо-таки устала отъ стачекъ и забастовокъ, къ тому же чувствительно бьющихъ ее по карману. Болѣе или менѣе состоятельная ея часть, кромѣ того, испугалась проповѣдей крайнихъ партій, грозившихъ экспропріаціей собственности. Наконецъ, народная масса, еще глубоко монархическая, испугалась лозунга „республика".

Конечно, народныхъ голосовъ никто не подсчитывалъ, но есть много данныхъ, что простой народъ не сочувствуетъ идеаламъ соціалистовъ.

Даже бывшій предводитель рабочихъ г. Гапонъ отрекся отъ прежней программы— вооруженнаго возстанія,—программы, объявленной имъ, какъ онъ объясняетъ, сгоряча, подъ впечатлѣніемъ событій 9 января.

Судя по отзывамъ ежедневной прессы, вотъ что онъ говоритъ теперь:

„Я нахожу программы обѣихъ партій (соц.-револ. и соц.-демокр.) во многихъ частяхъ прекрасными съ точки зрѣнія чисто идейной... Что можетъ быть выше общаго равенства на землѣ — это завѣщалъ намъ Христосъ. Но вотъ бѣда: они люди слова, а я—человѣкъ дѣла. Мы столковаться тутъ не можемъ. Въ бесѣдахъ съ ними я обыкновенно спрашивалъ: ну, это все прекрасно! а что же мнѣ теперь дѣлать съ рабочимъ народомъ, которому живется невыносимо тяжело? Что надо дѣлать!? Тутъ начинается старѣйшая теорія на тему, какъ нужно добиться образованія демократической и соціальной республикъ изъ монархическихъ формъ. Слушаю, слушаю и, наконецъ, говорю: Господи, да вѣдь это нельзя

сдѣлать въ Россіи! Поймите, что хорошо въ Бельгіи или Даніи, то никуда негодно въ Россіи. Но меня не слушаютъ и опять начинаютъ доказывать, что теоріи разъ навсегда уже выработаны Марксомъ, Бебелемъ и т. д. и что центральный органъ уже приспособилъ эту теорію, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ Россіи...

Читаю это послѣднее приспособленіе и вижу ясно, какъ днемъ, что здѣсь опять не то—ошибка за ошибкой—и только потому, что эти теоретики знаютъ, очевидно, Россію теоретическую, а о дѣйствительной понятія не имѣютъ...

Тактика революціонной партіи въ деревняхъ также порицается о. Гапономъ.

— Здѣсь,—говоритъ Гапонъ,—партія дѣлаетъ не только грубую, но и роковую для себя ошибку. Это точно рокъ какой-то, предопредѣленіе—ослѣпли, видно, они, что не видятъ, куда идутъ...

„Имъ не поднять народъ! Не вѣрятъ имъ, да и не умѣютъ они взяться за это дѣло. Не партія подниметъ деревенскій людъ, подниметъ его сотня фанатиковъ-поповъ, которые поведутъ народъ съ хоругвями и иконами на общее истребленіе всего, что носитъ въ себѣ зачатки интеллигентности. И эта буря смететъ вмѣстѣ съ интеллигенціей революціонеровъ, какъ вихрь сметаетъ пыль съ дороги! Они же первые и погибнутъ, если рѣшатся принять здѣсь активное участіе...

„Я ѣздилъ теперь, недавно, по деревнямъ... Знаете... страшное теперь настроеніе въ деревнѣ, но не такое, какого нужно революціонерамъ. Стомилліонная деревня теперь ждетъ своего Стеньку Разина, и, если ее будутъ еще тревожить и мутить, она дождется его, и тогда міръ поблѣднѣетъ передъ русской крестьянской революціей. И игрушкой покажется всѣмъ великая французская революція“.

Въ другомъ мѣстѣ, по словамъ корр. „Нашей Жизни“: о. Гапонъ говоритъ:

„Въ настоящее время положеніе дѣлъ въ Россіи критическое. Хаосъ полный. У руководителей движенія нѣтъ достаточно разсудительнаго отношенія, какъ не было у меня самого, пока я сидѣлъ за границей и не соприкасался непосредственно съ народомъ, не ознакомился лично съ его настоящимъ настроеніемъ. Вожаки крайнихъ партій, которыхъ я глубоко уважаю, совершаютъ крупныя тактическія ошибки, проповѣдуя немедленно вооруженное возстаніе и демократическую республику или немедленное осуществленіе 8 час. рабочаго дня.

„Они, повидимому, заблуждаются насчетъ истиннаго характера настроенія среди массы крестьянства и рабочихъ. Крестьянская масса взбудоражена до самыхъ глубинъ. самосознаніе ея растетъ, но она крѣпко держится за идею царя; она возмущена противъ чиновниковъ и помѣщиковъ, но недружелюбно настроена и противъ интеллигенціи“.

„Что касается рабочихъ, то, насколько я могъ ознакомиться, масса ихъ взвинчена горячей пропагандой крайнихъ ученій; подъ вліяніемъ этой пропаганды она, эта масса, воображаетъ, что счастье такъ близко и такъ легко его взять; что вотъ-вотъ она можетъ схватить его своими руками: она думаетъ, что революціонная армія грозна и своей численностью, и своей боевой готовностью. Такое убѣжденіе окрыляетъ рабочихъ и придаетъ имъ смѣлость“.

„Но я лично усматриваю въ этой сѣрой массѣ настроеніе, заслуживающее большого вниманія. Если революціонная тактика не приметъ болѣе благоразумнаго направленія, если рабочихъ будутъ часто испытывать голодовками, если руководители ихъ будутъ принимать рѣшенія, не предвидя возможныхъ послѣдствій, не разсчитавъ благопріятныхъ шансовъ, и затѣмъ отмѣнять свои рѣшенія послѣ того уже, когда десятки тысячъ будутъ выкинуты на улицу на голодъ и холодъ, то революціонное настроеніе неизбѣжно ослабѣетъ,—и масса, утративъ сознаніе своей силы, можетъ примкнуть къ черносотенцамъ и хулиганамъ.

„Словомъ, по соотношенію силъ, я вижу, что по существенному настроенію отнюдь не слѣдуетъ задерживать революціи, но надо все таки успокоить массы и приняться за организаціонную созидательную работу, — разумѣется, при условіи, если царь открыто и прямо присягнетъ конституціи и дастъ полную амнистію. Иначе будетъ много крови, и хорошо, если это кончится благопріятно, но самъ я убѣжденъ, что и для народа, и для всѣхъ насъ хорошаго ожидать трудно“...

Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть человѣка, искренно преданнаго народу и пре-

красно *знающаго* народъ: онъ самъ вышелъ изъ народа.

И, однако, этого человѣка не захотѣли слушать. Съ другой стороны, и администрація не довольна имъ и до сихъ поръ не разрѣшаетъ открыть его Отдѣлы Союза Рабочихъ, не возвращаетъ даже захваченной его обстановки.

Впрочемъ, теперь не разрѣшаются никакія вообще собранія, кромѣ развѣ ультрамонархическихъ, какъ „Союзъ Русскихъ людей", „Монархическая партія", „Союзъ землевладѣльцевъ", „Общество Хоругвеносцевъ" и т. п.

Они не только могутъ открыто собираться, но были даже приняты 1 декабря Государемъ.

При этомъ депутаціи, встрѣтивъ Государя земнымъ поклономъ, поднесли ему адресы.

Въ одномъ изъ адресовъ, „Союза Русскихъ людей", въ качествѣ мѣры успокоенія Россіи, просятъ о Созывѣ Земскаго Собора, но не на основахъ всеобщаго, прямого и тайнаго избранія, а *сословнаго собора*, т. е. представителей отъ сословій: духовнаго, торговаго, крестьянскаго, дворянскаго, даже казачьяго. При чемъ говорится, что этотъ Соборъ дастъ Государю „силу и мощь осуществить и провести во всей полнотѣ великія начала народной свободы", „провозвѣщенныя Манифестомъ отъ 26 февр. 1903 г." Иначе сказать, „истинно русскіе люди" вздумали совершенно игнорировать позднѣйшій Высочайшій Манифестъ, 17 окт., гдѣ Государь ограничиваетъ свое самодержавіе въ пользу Госуд. Думы.

„Союзъ землевладѣльцевъ" взывалъ одно: „нужны рѣшительныя и немедленныя мѣры. Только неусыпный надзоръ, безпощадная кара злоумышленниковъ, а въ особенности ихъ вожаковъ и сановныхъ попустителей всякаго ранга могутъ смирить ихъ безпримѣрную дерзость. Только *подъ строгой властью полномочныхъ начальниковъ* по всей Россіи возможна вѣрная охрана сельскаго населенія отъ вліянія подстрекателей, рѣшительное недопущеніе ихъ въ крестьянскую среду"... „Только окончательное запрещеніе подъ страхомъ строжайшей кары, по законамъ военнаго времени, всеобщихъ забастовокъ можетъ остановить конечное обнищаніе и гибель Россіи"...

И этотъ Союзъ также, видимо, отнесся неодобрительно къ Манифесту 17 октября, что видно изъ дальнѣйшихъ словъ адреса: „Самодержавнѣйшій Государь! Твой Манифестъ 17 октября возбудилъ во всѣхъ слояхъ преданнаго Тебѣ населенія существенное сомнѣніе относительно неприкосновенности исконной русской Самодержавной неограниченной власти. Образованное вслѣдъ за Манифестомъ 17 октября Правительство, въ формѣ Совѣта Министровъ, оказалось не только безсильно къ обузданію крамолы, но, наоборотъ, смута въ Государствѣ растетъ и ширится, пускаетъ болѣе глубокіе корни, охватываетъ все большее пространство нашего Отечества. Правительство это *безсильно потому, что ищетъ опоры только въ элементахъ, враждебныхъ Твоему Самодержавію.* Съѣздъ осмѣливается просить Тебя, Великій Государь: внемли голосу нашему,—людей Земли Русской,—и Самодержавнымъ повелѣніемъ призови иныхъ исполнителей Твоей Монаршей воли"...

Куда гнутъ всѣ эти господа, — очевидно для всякаго.

Однако, Государь разрушилъ всѣ ихъ затаенныя мечты, твердо заявивъ, что онъ не отступитъ отъ началъ, возвѣщенныхъ Манифестомъ 17 октября.

„Не сомнѣваюсь,—заявилъ Онъ депутаціямъ,—что вы пойдете не по иному, какъ только по предначертанному Мною пути; поэтому и призываю васъ передать всѣмъ любящимъ дорогую нашу Родину, что Манифестъ, данный Мною 17 октября, есть полное и убѣжденное выраженіе Моей непреклонной и непреложной воли и актъ, не подлежащій измѣненію.

„Для скорѣйшаго осуществленія дарованныхъ Мною реформъ необходимо при справедливой, строгой и твердой власти водворить спокойствіе и порядокъ въ потрясенной смутами Землѣ Русской".

Итакъ, съ этой стороны можно быть спокойнымъ: Манифестъ 17 октября будетъ осуществленъ. Весь вопросъ—когда: это одинъ Богъ знаетъ.

II.

Наши политическія партіи растутъ, какъ грибы. Теперь уже ихъ народилось столько, что одно перечисленіе программъ ихъ зай-

метъ громадное мѣсто. Для удобства читателей мы составили слѣд. таблицу, гдѣ кратко очерчены программы наиболѣе значительныхъ партій (см. стр. 1087—1090).

Ободренные воцарившейся реакціей, словно клопы изъ щелей, вылѣзли теперь изъ темныхъ мѣстъ и черносотенныя организаціи, при чемъ,—увы!—во главѣ ихъ оказались ученые мужи, съ профессорскимъ званіемъ.

Такая именно организація образовалась въ началѣ декабря въ г. Казани изъ домовладѣльцевъ и жителей этого города. Сначала было она назвала себя „партіей правового порядка". Но вотъ руководители собранія, профессоръ Залѣсскій и бывшій частный повѣренный Соколовскій, поднимаютъ вопросъ „о взглядѣ общества на названіе всѣхъ, несогласныхъ съ революціонерами, черносотенцами"; собраніе начинаетъ дебатировать его и рѣшаетъ оригинально—„*принять это наименованіе, какъ почетное*".

Это постановленіе предложилъ г. Соколовскій, указавшій, что было время, когда крестъ считался позорнымъ, а теперь кресту всѣ поклоняются. „Такъ примемъ же это названіе и будемъ называться „черносотенцами",—сказалъ онъ въ заключеніе, и собраніе единогласно присоединилось къ этому его предложенію.

Затѣмъ собраніе рѣшило переименовать „группу объединившихся домовладѣльцевъ и жителей г. Казани" въ царско-народную партію.

Итакъ, отнынѣ черносотенцы открыто заявляютъ, что она—царско-народная партія!

Такъ и запишемъ!

Несравненно приличнѣе г. г. профессоровъ и частн. пов. держатся крестьяне, организовавшіе, въ противовѣсъ революціонному Всероссійскому Крестьянскому Союзу „Крестьянскій Союзъ правового порядка".

Цѣль этого союза—„содѣйствіе къ умиротворенію въ странѣ, обсужденіе нуждъ крестьянъ и проведеніе въ жизнь мирнымъ и законнымъ путемъ тѣхъ реформъ, которыя бы улучшили правовое и экономическое положеніе крестьянства".

Исходя изъ „твердаго убѣжденія, что смуты и волненія послѣдняго времени, мѣшающія мирному развитію Россіи, могутъ быть прекращены только при наличности народнаго представительства, крестьянскій союзъ правового порядка въ общемъ собраніи 2 декабря постановилъ обратиться къ гр. Витте съ ходатайствомъ „о скорѣйшемъ созывѣ Государственной Думы, единственно способной внести успокоеніе въ нашемъ изстрадавшемся отечествѣ и осуществить тѣ реформы и улучшенія экономическаго быта, которыя необходимы въ настоящее время".

Премьеръ-Министръ милостиво принялъ депутацію Союза 3 декабря, выразивъ свое сочувствіе союзу.

III.

Подписавшій себѣ 9-го января с. г. смертный приговоръ полицейско-бюрократическій режимъ сильнѣе всего сохранился въ средѣ православнаго духовенства, давшаго въ послѣднее время не мало образчиковъ, до какой степени имъ отринуты завѣты Того, служителями Кого номинально оно считается.

Самымъ вѣрнымъ хранителемъ традицій этого режима, конечно, являются наши духовныя консисторіи, о дѣятельности которыхъ въ свое время немало писалось и говорилось, къ сожалѣнію, до сихъ поръ совершенно безрезультатно.

Но духъ свободы, повѣявшій надъ русскимъ народомъ, проникъ, наконецъ, и въ затхлую среду духовенства.

„Кіевскіе Отклики" приводятъ въ этомъ отношеніи весьма любопытный документъ.

Это—копія журнала пастырскаго собранія священниковъ 5-го округа, ямпольскаго уѣзда, подольской губерніи, отъ 28 ноября за № 2. Указанное собраніе обсуждало одно изъ распоряженій подольской консисторіи, признало его незаконнымъ и постановило: признать подольскую духовную консисторію въ нынѣшнемъ ея составѣ властью не канонической, а потому до созыва епархіальнаго съѣзда и духовенства и установленія правильныхъ отношеній между консисторіей и церковной властью 1) прекратить всякія сношенія съ консисторіей, 2) не принимать къ исполненію всѣхъ ея бумагъ, 3) не производить никакихъ сборовъ ни съ церквей, ни съ духовенства, 4) въ цѣляхъ объединенія дѣйствій духовенства, копіи сего постановленія разослать во всѣ благочиннические округа епархіи, 5) подлинное постановленіе препроводить для свѣдѣ-

Главнѣйшія политическія партіи и основныя положенія ихъ программъ.

Соціалъ-демократы.	Соціалъ-революціонеры.	Радикалы.	Свободомыслящіе.	Констит.-демократ.	Умѣренно-прогрессисты.
Учредит. собр. (четырехчленная формула).	Тоже.	Тоже.	Тоже.	Тоже.	Тоже.
Демократ. республика.	Тоже.	Тоже.	Конст. монархія.	Тоже.	Тоже.
Одна палата.	Прямое народное законодательство.	Одна палата.	Вопросъ о палатахъ и veto не предрѣш.	Тоже.	
Автономія нѣкоторыхъ мѣстностей.	Выборность и смѣняемость всѣхъ должностн. лицъ.	Широкая національно-политическая автономія.	Автономія.	Автономія.	Экспропріація какъ частн., такъ удѣльн., цер. и др. земель по справедлив. оцѣнкѣ.
Выборность судей.			Экспропріація необходим. количества земли частно-влад.		
Милиція.		Право референдума.		Тоже.	
Отдѣленіе церкви отъ государства.	Тоже.	Въ сферахъ рабочаго вопроса минимумъ требованій соціалистическ. партій.			
	Тоже.		Конфискація каб., цер., госуд. и др.	Выкупъ необх. для крестьянъ частновлад. земли на счетъ госуд.	
Отмѣна косвенн. налоговъ.	Безплатность судопроизводства, отмѣна косв. налоговъ.				
			Вопросъ о палатахъ и допущен. женщинъ не предрѣшается.		
Прогрессивный налогъ на доходы и наслѣдства.		Конфискація госуд., каб., уд. и мон. земель.		Тоже.	
	Тоже.				
Отмѣна оброчн. платежей и податныхъ повинностей. Возвращеніе выкупныхъ суммъ.	Соціализація всѣхъ частно-владѣльческ. земель, на началахъ уравнительнаго пользованія.	Экспропріація частно-владѣльч. земель.	Автономія.		
		Арендное пользованіе землей.	Тоже.		
Конфискація уд., мон., церк. и каб. земель.		Maximum частнаго владѣнія.	По рабочему вопросу тоже, что соціалисты.	Тоже.	Опредѣленіе годоваго колич. часовъ.
Отмѣна законовъ, стѣсняющихъ крестьянъ въ распоряженіи землей.		Реформа военнаго строя и проведеніе милиціонн. принципа.			Въ остальномъ по рабоч. вопросу сходна съ прогр. соціалист. партій.
	Maximum рабочаго времени. Maximum зараб. платы.				
Регулировка рабочаго времени.					
Государствен. страхованіе рабочихъ.	Страхованіе.				
Увеличеніе фабричной инспекціи.	Фабричная инспекція, избираемая рабочими.				
Промысловые суды.					
Биржи труда.					

Торгово-промышлен.	Союзъ 17 октября.	Правового порядка.	Монархисты-конституціоналисты.	Союзъ мирнаго обновленія.	Конст.-прогресс.	Отечеств. Союзъ.
Самоорганизація гос. думы съ участіемъ всѣхъ русскихъ гражданъ. Конст. монархія. Разработка госуд. жизни на началахъ Манифеста 17 октября.	Государственная дума (по манифесту 17 октября) при общ. избир. правѣ. Тоже. Регулировка земельной аренды. Переселеніе. Разверстаніе черезполосн. земель. Въ крайнемъ случаѣ отчужд. частн. земель по справедливой оцѣнкѣ. Ограничен. свобода стачекъ и союзовъ. Устройство мелкой земской единицы. Устраненіе сословности.	Госуд. дума по маниф. 17 октября. Тоже. Дополнительное надѣленіе крестьянъ землею. Переходъ отъ общиннаго къ личн. Упразднен. земскихъ начальник. Децентрализація управленія.	Госуд. дума по маниф. 17 октября. Тоже. Переходъ отъ общиннаго къ частн. Преобразованіе дворянскаго банка въ имперскій для всѣхъ сословій. Реорганизац. государ. совѣта.	Проведен. въ жизнь началъ гражд. свободы на основ. маниф. 17 октября. Помощь крестьянамъ путемъ надѣла и выкупа земель. Свобода стачекъ, за нѣкот. исключ. Идейная борьба противъ нарушен. основъ гражд. свободы, личной и общественной.	Недѣлимость Россіи. Тоже. Свобода слова, союзовъ совѣсти, личности. Дополнит. надѣлы крестьянъ, по справедл. оцѣнкѣ. Обязат. грамотность. Госуд. страх. рабочихъ отъ инвалидности, старости и смерти. Свобода стачекъ, за нѣкот. исключ. Дума по манифесту 17 октября.	Недѣлимость Россіи („Россія для Русск."). Госуд. Дума. Не прямая и не равная подача голоса. Преимущ. знач. Православія. „Религ. и патріот. воспитаніе юнош.". Улучшен. быта крестьянъ путемъ переселеній и др. способъ, но не принуд. отчужденіемъ чужихъ земель. Сильная государств. власть. Облегченіе „дѣйствительныхъ нуждъ рабочихъ". Благодарность войскамъ. Противъ общ. милиціи.

нія епархіальному архіерею и 6) объявить бойкотъ всѣмъ тѣмъ священникамъ, которые нарушатъ настоящее постановленіе".

Наконецъ, вслѣдъ за священниками потянулись и члены низшаго церковнаго клира, образовавшіе свой союзъ и выпустившіе воззваніе къ товарищамъ, гдѣ, между прочимъ, выставили слѣд. „пункты":

1) По возможности скорѣйшій созывъ церковнаго помѣстнаго собора, который бы произвелъ коренную реформу въ русской церкви.

2) Отдѣленіе церкви отъ государства и предоставленіе ей права управляться своими законами и своими лицами, т. е. безъ свѣтскихъ чиновниковъ.

Это—такъ сказать общецерковныя требованія. Затѣмъ слѣдуютъ специально „клировыя": именно, гарантія противъ произвола начальства, право голоса, равноправнаго со священниками, а не 1/4 его, право выборщиковъ.

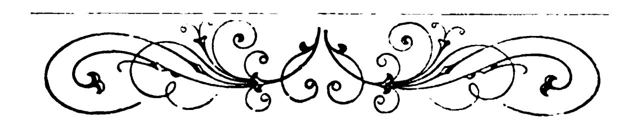
Право баллотироваться наравнѣ со священниками на всѣ должности, какъ-то: помощника благочиннаго, депутата по гражданскимъ дѣламъ, депутата въ благочиннические совѣты и епархіальные съѣзды, чтобы вездѣ былъ представитель отъ низшаго клина.

Право своихъ собраній и съѣздовъ для обсужденія своихъ нуждъ и дѣлъ, безъ предварительнаго на то разрѣшенія начальства.

Право товарищескаго суда во избѣжаніе тѣхъ пятенъ, которыя кладетъ общество на духовенство, когда дѣла доводятся до свѣтскаго суда. Изъ товарищескаго суда исключены уголовныя и другія тяжкія преступленія, и т. д.

Что же?! Можно только сказать: пора, давно пора и этимъ, вѣками забитымъ людямъ поднять свой голосъ въ защиту своихъ человѣческихъ правъ.

Т. Богдановъ.

Судебная хроника.

Освѣщеніе закулисной стороны погромовъ.—Искъ къ Эриванскому Губернатору Тизенгаузену.—Привлеченіе къ суду губернаторовъ.—Чѣмъ оно можетъ кончиться?—Дѣло г.г. Павлова и Десино, „перерасходовавшихъ“ нѣсколько милліоновъ.—Затрудненія судебныхъ слѣдователей, при слѣдствіи объ аграрныхъ безпорядкахъ.—Дѣла по преступленіямъ печати.—Дѣло Шебуева и его Пулемета.—Дѣло редактора ж. „Сигналъ“—Закрытіе 8 газетъ.—Дѣло Суворина.—Дѣло б. тов. М-стра Ковалевскаго и б. артистки Шабельской.—Съ какой стороны оно интересно.—*Въ комъ* нуждается Россія, по мнѣнію представителя бюрократіи. — Смыслъ скандальнаго процесса.

Начинаетъ понемногу всплывать на свѣтъ Божій закулисная сторона погромовъ и избіеній, сдѣлавшихся столь обычными у насъ въ послѣднее время.

Характернымъ въ этомъ отношеніи является искъ къ эриванскому губернатору графу Тизенгаузену, предъявленный въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ Сената повѣреннымъ жителей пострадавшихъ 19 армянскихъ селеній и города Нахичевани, Эрив. губ., прис. повѣр. Л. А. Хоментовскимъ, о вознагражденіи убытковъ, причиненныхъ разгромомъ татарами имуществъ ихъ въ маѣ мѣсяцѣ сего года.

Въ своемъ исковомъ прошеніи повѣренный истцовъ говоритъ, между прочимъ:

„Послѣ потрясающаго избіенія беззащитныхъ армянъ нахичеванскаго уѣзда туда былъ командированъ мусульманинъ генералъ Алихановъ-Аварскій въ цѣляхъ умиротворенія разгромленнаго уѣзда. Достаточно припомнить, что генералъ Алихановъ, вопреки требованіямъ такта, остановился въ Нахичевани на квартирѣ *у своихъ шуриновъ* Джафаръ-Кули-хана и Рагимъ-хана нахичеванскихъ. Первый изъ нихъ состоитъ городскимъ старостой Нахичевани. Оба брата, по показанію многочисленныхъ свидѣтелей, являлись вдохновителями и руководителями нахичеванской рѣзни, хотя, зная о готовившейся рѣзнѣ, тотъ же Рагимъ-ханъ всячески старался успокоить армянъ, уже взволнованныхъ всѣми приготовленіями татаръ и закрывшихъ еще за недѣлю свои лавки. Вмѣстѣ со своимъ братомъ Джафаръ-Кули-ханомъ, Рагимъ-ханъ своимъ „честнымъ словомъ“ завѣрялъ армянъ, говоря, что они ручаются „своею головою“ за полную безопасность армянъ.

„Армяне поддались на эти увѣщанія, но едва они открыли магазины, какъ по ракетѣ, взвившейся на мусульманской мечети, ровно въ 9 часовъ утра, минута въ минуту, началась безпримѣрная рѣзня, напоминавшая собою ужасы Варфоломеевской ночи. Въ результатѣ этой бойни втеченіе двухъ часовъ было застрѣлено на глазахъ совершенно бездѣйствовавшей администраціи 45 армянъ, а шестеро изъ нихъ были сожжены живыми. Въ распоряженіи г. эриванскаго вице-губернатора, а слѣдовательно и командировавшаго его губернатора графа Тизенгаузена, была нахичеванская полиція, стражники и вся мѣстная команда. Но одна часть полиціи бѣжала и скрывалась въ казначействѣ,—другая же часть, всѣ до одного мусульмане, сама руководила бойнею и грабежомъ. Мѣстная же команда явилась на погромъ только въ часъ дня, то есть спустя четыре часа послѣ начала погрома, и рѣшительно никакихъ мѣръ къ прекращенію бойни армянъ, которыхъ рѣзали, какъ убойный скотъ, не приняла. Между тѣмъ военное начальство еще за два дня было предупреждено о готовящемся погромѣ. Мало того, по показаніямъ сви-

дѣтелей-солдатъ, имъ строго было запрещено мѣшать татарамъ чинить убійство. Въ результатѣ бойни и грабежа 12-го мая, съ 9 ч. утра до 5 час. вечера, въ Нахичевани было разграблено 180 армянскихъ лавокъ изъ 195, при разграбленіи сломано 20 несгораемыхъ желѣзныхъ кассъ. Погромъ продолжался три дня, и имъ причинено армянамъ гор. Нахичевани убытковъ 1.285.366 руб. „По удостовѣренію свидѣтелей погромъ происходилъ на глазахъ г. вице-губернатора, который, когда раздавалась безпрерывная канонада, ревизовалъ тюрьму, откуда и слышалъ ее, а выйдя изъ тюрьмы, г. вице-губернаторъ самъ присутствовалъ при грабежѣ татарами армянскихъ лавокъ и запретилъ солдатамъ отнимать у татаръ армянское имущество, даже велѣлъ возвратить его вновь громиламъ, и трижды отказалъ мужу моей довѣрительницы, и прочимъ армянамъ, въ охранѣ“.

„Въ виду этого я полагаю, что за дѣйствія вице-губернатора Тарановскаго, причинившаго вышеперечисленные убытки моимъ довѣрителямъ долженъ отвѣчать не только онъ самъ, но и эриванскій губернаторъ графъ Тизенгаузенъ.

„Его вина, что награбленное и расхищенное имущество цѣнностью до 10 милліоновъ руб. не возвращено и понынѣ; что всѣ посѣвы погибли; что весь почти скотъ у армянъ похищенъ, а 19 деревень разорены до тла; что убито въ уѣздѣ не менѣе 300 армянъ, а 65 женщинъ и дѣвушекъ обезчещены и изнасилованы; церкви ограблены, разрушены и осквернены;“. Вслѣдствіе всего этого повѣренный ходатайствовалъ предъ Сенатомъ: 1) о вызовѣ и допросѣ свидѣтелей, 2) о признаніи дѣйствія отвѣтчика г. эриванскаго губернатора графа Тизенгаузена неправильными и 3) о предоставленіи истцамъ права искать убытки съ г. Тизенгаузена“.

Чему же изумляться послѣ этого, что, не смотря на всѣ старанія, или, можетъ быть, именно благодаря *стараніямъ* такихъ администраторовъ, какъ г. Тизенгаузенъ, и не удается „водворить“ желанный порядокъ на Кавказѣ, да и не только на Кавказѣ: и другія мѣстности Россіи давно жаждутъ скораго и правого суда надъ своими помпадурами... Только „улита ѣдетъ, когда-то будетъ“. Самыя вопіющія дѣла пока остаются безнаказанными, хотя общество давно уже вопіетъ о судѣ. „Васька слушаетъ да ѣстъ“...

Во многихъ случаяхъ даже наша тяжелая на подъемъ Ѳемида выступаетъ обвинительницей. Такъ, пишутъ, въ министерство юстиціи поступаютъ почти со всѣхъ округовъ донесенія прокуроровъ судебныхъ палатъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ мѣстной администраціи. „Прокуроры настойчиво просятъ министерство о назначеніи сенаторскихъ ревизій, такъ какъ безъ этого безпристрастнаго разслѣдованія истина не можетъ быть раскрыта, благодаря сильному давленію высшей администраціи на населеніе“. И все-таки дѣло ни на шагъ не подвигается.

Всѣ встрепенулись было, когда услышали наконецъ, *о возбужденія уголовнаго дѣла противъ нѣкоторыхъ губернаторовъ.*

И дѣйствительно, 15-го ноября въ I деп. Сената были заслушаны представленія прокуроровъ объ уголовномъ преслѣдованіи *минскаго губернатора Курлова и и. д. ставропольскаго губернатора камеръ-юнкера Вельяминова* за полнѣйшее бездѣйствіе власти во время происходившихъ во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ избіеній и погромовъ. Но чѣмъ это кончилось? — Сенатъ, выслушавъ докладъ обстоятельныхъ представленій прокурорскаго надзора, въ яркихъ краскахъ обрисовавшаго дѣятельность г.г. Курлова и Вельяминова, постановилъ *потребовать отъ нихъ въ мѣсячный срокъ объясненія по существу* предъявленныхъ къ нимъ обвиненій; послѣ представленія коихъ, согласно закону, и можетъ состояться постановленіе о преданіи суду.

Мѣсяцъ прошелъ,—а о привлеченіи къ суду все-таки не слышно.

На этотъ счетъ, видно, нѣтъ спеціальныхъ указаній *объ ускоренномъ возбужденіи дѣлъ,* какъ это сдѣлали по отношенію къ преступленіямъ печати по новымъ правиламъ: очевидно, казнокрадство и попущеніе погромовъ и избіеній не такъ колеблетъ „основы государства“, какъ пре-

ступныя дѣянія „газетчиковъ" и „журналистовъ".

Впрочемъ, чтобы показать, что нѣтъ правила безъ исключенія, иногда тянутъ къ суду и казнокрадовъ. Но когда?—Когда они уже все разворовали, и вернуть ничего нельзя.

Такое именно дѣло и возбуждается теперь Гос. Контролемъ.

Гос. контроль, разсмотрѣвъ отчетныя данныя объ эвакуаціи портъ-артурскихъ плѣнныхъ, нашелъ израсходованныя суммы чрезмѣрными. Такъ, оказывается, что нашъ бывшій посолъ въ Кореѣ г. Павловъ, переведенный затѣмъ въ Шанхай, и военный агентъ тамъ же ген. Десино израсходовали на эвакуацію 8000 портъ-артурцевъ 3,5 милліоновъ рублей. Г.г. Павлову и Десино уплачивали „съ головы" по 305—375 р., тогда какъ, оказывается, уже комитетъ добровольнаго флота предложилъ тогда наивысшую цѣну въ 165 руб. съ человѣка, а потомъ отдѣлу торговаго мореплаванія удалось понизить эту цѣну до 115 руб. съ человѣка.

И что же, г.г. Павловы привлекаются уже къ суду?—Нѣтъ еще: „Гос. контролеръ считаетъ необходимымъ назначить особую коммиссію для разслѣдованія дѣйствій ген. Десино и д. с. с. Павлова. Въ коммиссію предположено включить нашего посланника въ Пекинѣ г. Покотилова и директора деп. торг. мореплаванія К. А. Алексѣева".

Недурно! А г.г. Павловы и Десино, вѣроятно, подобно многимъ „истинно-русскимъ патріотамъ", давно уже перевели денежки въ банки презрѣннаго, „гнилаго" Запада: тамъ безопаснѣе!

Въ противовѣсъ дѣламъ о „чиновныхъ" ворахъ и насильникахъ, умножаются дѣла объ аграрныхъ безпорядкахъ, охватившихъ уже свыше 20 губерній. Однако, Судебное Вѣдомство и здѣсь встрѣчаетъ препятствіе къ „уловленію" виновныхъ, но уже съ другой стороны.

Какъ мы слышали, судебные слѣдователи въ провинціи поставлены въ чрезвычайно трудное положеніе; благодаря массовымъ безпорядкамъ, число производящихся слѣдствій сильно увеличивается, а производство ихъ встрѣчаетъ большія препятствія; свидѣтели совсѣмъ не являются, а по аграрнымъ дѣламъ даже и обвиняемые не обращаютъ никакого вниманія на призывъ къ слѣдователямъ; принятіе же насильственныхъ мѣръ къ приводу слѣдователи считаютъ несвоевременнымъ и невозможнымъ.

И тутъ, значить, богиня Ѳемида должна закрыть глаза!

Дѣла по „преступленіямъ" печати также обѣщаютъ быть обильными. Какъ извѣстно, Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено свыше 90 судебныхъ дѣлъ за нарушеніе Новыхъ правилъ о Печати въ однѣхъ только столицахъ. А если привлечь къ суду и тѣхъ издателей період. изданій, которые, отпечатавъ свои №-ра до опубликованія Правилъ, фактически выпустили ихъ *послѣ* опубликованія Правилъ, т. е. совершили уже „преступленіе" согласно разнымъ пунктамъ Правилъ, то число дѣлъ, несомнѣнно, должно еще болѣе увеличиться, такъ какъ, добившись свободы печати, многія изданія не стѣснялись уже въ своихъ статьяхъ.

Кромѣ того, множество дѣлъ должно возникнуть и въ силу п. 7 Правилъ, вмѣняющаго въ обязанности издателей, одновременно съ выпускомъ №-ра изъ типографіи, присылать законное число экземпляровъ, его (15—20) въ Цензурный Комитетъ. Между тѣмъ Союзъ въ защиту свободы слова, объединившій газеты, политическіе ежемѣсячники и нѣкоторые даже спеціально-техническіе журналы, рѣшивъ отвергнуть Новыя Правила, какъ противорѣчащія Указу 17 окт., постановилъ, между прочимъ, *не посылать* указанныхъ экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ, не смотря на угрозу штрафа до 300 рубл.

Нѣкоторыя такія дѣла уже разсматривались у мировыхъ судей (имъ поручены они по Правиламъ) и... *подсудимые оправдывались*!

Такъ, 9 декабря у столичнаго мирового судьи 47 участка слушались два дѣла по обвиненію издателя газеты „Новое Время" А. С. Суворина по 1032 ст. улож. о нак. и по 34 ст. уст. о нак. Первое обвиненіе возбуждено цензурнымъ комитетомъ за непредставленіе г. Суворинымъ установленнаго количества экземпляровъ газеты въ мѣстное установленіе по дѣламъ печати;

второе обвиненіе—за печатаніе объявленій безъ представленія таковыхъ на цензуру въ полицію. Защитникъ г. Суворина присяжный повѣренный Б. М. Алексѣевъ, ссылаясь на манифестъ 17 октября и находя, что правила о повременныхъ изданіяхъ, выработанныя Совѣтомъ Министровъ, идутъ въ разрѣзъ съ возвѣщенной манифестомъ свободой слова, просилъ объ оправданіи г. Суворина, такъ какъ только такой приговоръ явился бы согласнымъ съ духомъ манифеста 17 октября. Помимо этого, защитникъ указалъ и на формальное основаніе къ неисполненію правилъ 24 ноября, именно, полную неясность понятія „мѣстнаго установленія по дѣламъ печати", куда, по правиламъ, должны представляться экземпляры газеты. Несомнѣнно, если бы въ данномъ случаѣ имѣлись въ виду цензурные комитеты или цензора, то они и должны были быть названы. Спеціальное же упоминаніе въ правилахъ 24 ноября объ обязательствѣ представлять три экземпляра въ мѣстное установленіе по дѣламъ печати —вмѣсто общей ссылки на сохраненіе силы статей 137 уст. о ценз. очевидно устанавливаетъ новшество, а именно „нѣкія мѣстныя установленія по дѣламъ печати" вмѣсто прежнихъ цензурнаго комитета и цензоровъ. Что это однако за мѣстныя установленія, по сіе время неизвѣстно. Приговоромъ мирового судьи (г. Антоновскаго) г. Суворинъ оправданъ по обоимъ обвиненіямъ.

Теперь интересно знать, послѣдуютъ ли и другіе судьи этому благому примѣру, или имъ будетъ сдѣлано „внушеніе" карать „ослушниковъ" безъ милосердія?!

Одновременно возникъ и цѣлый рядъ болѣе серьезныхъ судебныхъ процессовъ, связанныхъ со свободою слова. Особенно много пришлось на долю юмористическихъ журналовъ, наплодившихся послѣ 17 окт., словно грибы послѣ дождя. Въ короткое время они запрудили рынокъ, эти „Пулеметы", Буреломы", „Пламя", „Стрѣлы" и пр. Нерѣдко это—даже не литературныя произведеніе, а полуграмотная стряпня, разсчитанная только на наживу и обольщеніе легковѣрнаго обывателя сенсаціонными рисунками и вздорными стишками. Въ погонѣ за обывательскими пятачками и соревнованіемъ, подгоняемые взаимнымъ соревнованіемъ, эти журнальчики стали, подъ видомъ сатиры, приводить и глупые „клубничные" анекдоты, и „загадочныя" туманныя картинки, которыя можно толковать и такъ, и этакъ.

Серьезной, безпристрастной сатиры, той сатиры, о которой поэтъ говоритъ, что она „полезна обществу", въ этихъ произведеніяхъ мало, едва хватаетъ обыкновенно на 1—2 первыхъ №-ра; не даромъ почти сейчасъ же въ такихъ журналахъ появляется объявленіе, что „редакція объявляетъ конкурсъ на сатирическіе рисунки, стихи и т. п. Премія отъ 10 рубл. до 1 рубля".

Недостатокъ серьезной сатиры, отъ которой, очевидно, послѣ долгаго гнета цензуры, отвыкли наши художники и писатели, въ современныхъ юмористическихъ и сатирическихъ журналахъ съ избыткомъ возмѣщается политическою смѣлостью рисунковъ и стишковъ, задѣвающихъ и „высокихъ", и весьма высокихъ" особъ, особенно же безпощаднымъ издѣвательствомъ надъ только что сошедшими съ политической арены лицами (Треповымъ, Побѣдоносцевымъ и др.); порядкомъ достается и стоящимъ у кормила правленія: Витте, Дурново и пр.

На почвѣ этой „сатиры" произошло уже нѣсколько правонарушеній. Но пока ограничиваются привлеченіемъ къ судебной отвѣтственности лишь за тягчайшія, съ точки зрѣнія дѣйствующихъ законовъ, преступленія.

Одно изъ характерныхъ дѣлъ въ этомъ родѣ—дѣло Шебуева, издателя „Пулемета". Подлинный обвинительный актъ о немъ гласитъ слѣдующее:

13-го ноября 1905 года, въ г. С.-Петербургѣ, былъ выпущенъ въ свѣтъ первый номеръ иллюстр. сатир. журнала „Пулеметъ", изданный пот. двор. Николаемъ Георгіевичемъ Шебуевымъ, который, какъ это значилось на первой страницѣ журнала,—являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и составителемъ всего текста означеннаго номера.

Въ журналѣ этомъ оказалась помѣщенною статья подъ заглавіемъ „Сказка о веснѣ", въ которой авторъ, описывая въ аллегорической формѣ страну, находящуюся подъ властью православнаго Царя, изобразилъ послѣдовательныя чувства, мысли и дѣйствія Царя въ отношеніи своего царства и своихъ подданныхъ. По смыслу этой сказки, вся страна, застигнутая зимней порой, была скована морозомъ, а Царь, глядя на это, искренно радовался

и опасался лишь одного, какъ-бы зима не смѣнилась весной, признаки которой уже появились въ его владѣніяхъ. Но грустную царскую думу разсѣяли два „дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтничка, Доносъ Ивановичъ и Недоносъ Пантелеевичъ“, которые, выслушавъ волю Царя о томъ, чтобы „весны вовсе не было“, послали гонцовъ во всѣ стороны съ приказами губернаторамъ „не пускать весны изъ заморскихъ странъ“, а для этого прибѣгать къ разнымъ строгостямъ и рубить головы всѣмъ тѣмъ, кто осмѣлится сказать, что весна приближается. Тѣмъ временемъ, Царю приснился сѣдой старичекъ, который обратился къ нему со слѣдующими словами: „Ты хотѣлъ все дѣлать по доброму, а вышло не по хорошему. Изъ окна твоего, изъ косящата, тебѣ крыши видны лишь, да маковки. А что тамъ подъ ними дѣется, невдомекъ тебѣ, Православчый Царь. Не видать тебѣ изъ окошечка ни большихъ дорогъ, ни проселочныхъ. Не видать тебѣ, какъ сѣдой морозъ, словно камнемъ, ихъ трупомъ выложилъ. Не видать тебѣ, какъ природа вся истомилася, изстрадалася, поджидаючи Весну Красную“. Проснувшись, Царь позвалъ Доноса Ивановича и Недоноса Пантелеевича и распорядился, чтобы всѣ встрѣчали весну „съ хлѣбомъ солью, съ пѣснью-пляскою“, но тѣ возразили, что сдѣлать этого невозможно, такъ какъ ими уже разосланы „циркулярики - соколики“ о томъ, чтобы весну сковать и въ тюрьму ввергнуть, вслѣдствіе чего отъ весны, вѣроятно, ничего не осталось и вся она издергана-измолочена“. Тѣмъ не менѣе Царь сказалъ, что онъ хочетъ весны и чтобы ему дали весну хоть куцую“. И куцая весна была подана, „съ военными положеніями, да съ погромами еврейскими, да съ погаными козаченками, да и съ тою-ли черной сотнею. И по всей землѣ стономъ стонъ пошелъ“.

Сверхъ того, въ томъ-же номерѣ журнала на послѣдней страницѣ оказался напечатаннымъ полный текстъ Высочайшаго манифеста отъ 17 октября 1905 г., а на текстѣ былъ воспроизведенъ красной краской рисунокъ, изображающій отпечатокъ окровавленной ладони, внизу-же текста манифеста имѣлась надпись: „Къ сему листу Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Треповъ руку приложилъ“.

Наконецъ, въ означенномъ номерѣ была помѣщена статья, озаглавленная „О марсельезѣ“, въ которой авторъ Шебуевъ говорилъ, что свобода слова выразилась сначала въ пѣніи пѣсни рабочей марсельезы, начинающейся словами: „Вставай, подымайся, рабочій народъ. Иди на враговъ, людъ голодный...“, но что затѣмъ эта пѣсня была замѣнена крестьянской марсельезой, которую теперь и поютъ 24 губерніи, охваченныя аграрными безпорядками. При этомъ авторъ статьи, перефразировавъ вышеприведенныя слово пѣсни, заканчивалъ статью тѣмъ, что звуки крестьянской марсельезы: „Вставай подымайся, крестьянскій народъ. Иди на господъ, людъ голодный...“, — заглушатъ рабочую марсельезу.

Упомянутый журналъ „Пулеметъ“ былъ напечатанъ въ типографіи товарищества „Трудъ“, откуда всѣ экземпляры номеровъ, въ количествѣ 9,488, были выданы частью самому Шебуеву, а частью, по его распоряженію, были распроданы и переданы разнымъ другимъ лицамъ, занимающимся продажей газетъ и журналовъ. Въ самой-же типографіи не осталось ни одного номера, точно такъ-же, какъ не оказалось ни одного номера и на квартирѣ у Шебуева во время производства тамъ обыска 12-го того-же ноября.

Привлеченный къ возникшему предварительному слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, Н. Г. Шебуевъ, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что упомянутый номеръ журнала „Пулеметъ“ былъ дѣйствительно составленъ и распространенъ имъ, обвиняемымъ, но составляя вышеприведенныя статьи и рисунокъ, онъ вовсе не имѣлъ намѣренія оскорбить Государя Императора или оказать дерзостное неуваженіе Верховной власти или, наконецъ, возбудить вражду въ одной части населенія противъ другой; при напечатаніи сказки о веснѣ и текста манифеста съ изображеніемъ окровавленной руки онъ, Шебуевъ, имѣлъ въ виду показать наглядно, какъ лучшія пожеланія и велѣнія Государя искажаются исполнителями этихъ велѣній и въ частности генераломъ Треповымъ“, въ статьѣ-же подъ заглавіемъ „О марсельезѣ“ онъ, обвиняемый, выразилъ лишь ту мысль, что аграрныя волненія являются гораздо болѣе серьезными, чѣмъ рабочее движеніе, и что эти волненія могутъ превзойти всякія ожиданія, — при чемъ для фигуральности выраженія этой мысли прибѣгъ къ перефразировкѣ рабочей марсельезы.

На основаніи изложеннаго, пот. двор. Н. Г. Шебуевъ 31 года, обвиняется въ томъ, что 13 ноября 1905 г., въ г. С.-Петербургѣ, распространилъ составленный и изданный имъ печатнымъ способомъ первый номеръ иллюстрированнаго журнала подъ названіемъ „Пулеметъ“, въ которомъ:

1) съ цѣлью возбудить неуваженіе къ Особѣ Государя Императора, нынѣ царствующаго,—помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „Сказка о веснѣ“, въ каковой статьѣ дозволилъ себѣ, въ формѣ дерзкой и язвительной насмѣшки, отозваться о личныхъ дѣйствіяхъ Его Императорскаго Величества, оскорбительнымъ для достоинства Государя Императора образомъ;

2) помѣстилъ на послѣдней страницѣ полный текстъ Высочайшаго манифеста

отъ 17-го октября 1905 года, а на текстѣ воспроизвелъ краской рисунокъ, изображающій отпечатокъ окровавленной руки, сдѣлавъ подъ текстомъ надпись: „Къ сему листу свиты Его Величества генералъ-маіоръ Треповъ руку приложилъ", — и путемъ помѣщенія этого произведенія печати оказалъ дерзостное неуваженіе Верховной власти и допустилъ порицаніе установленнаго Верховнаго управленія государствомъ; и

3) напечаталъ статью, озаглавленную „О марсельезѣ" и заключающую въ себѣ воззваніе, возбуждающее вражду въ крестьянскомъ сословіи противъ другого, высшаго сословія, названнаго въ статьѣ общимъ именемъ „господъ".

Особое присутствіе с.-петербургской судебной палаты, суду которой былъ преданъ Шебуевъ, приступило къ сужденію о дѣлѣ Шебуева, подъ предс. предс. палаты сен. Максимовича съ участіемъ предвод. двор. гр. Гудовича, гор. головы г. Рѣзцова и волостного старшины.

Обвинялъ и. д. прокурора судебной палаты Камышанскій. Защитникомъ Н. Г. Шебуева выступилъ присяжный повѣренный С. П. Марголинъ.

Допрошенный о виновности, Н. Г. Шебуевъ заявилъ, что никакого намѣренія оскорбить Государя Императора онъ не имѣлъ.

Прокуроръ объяснилъ, что общее содержаніе 1-го № „Пулеметъ", весь текстъ этого изданія убѣждаетъ прокурора въ томъ, что Шебуевъ дозволилъ себѣ дерзостное порицаніе и оскорбленіе Монарха. То же самое видно помимо того текста, который ставится въ вину Шебуеву, изъ другихъ частей текста даннаго изданія. Манифестомъ 17-го октября дарована свобода о печати, но не разнузданность.

Защитникъ Н. Г. Шебуева, присяжный повѣренный С. П. Марголинъ, началъ свою рѣчь съ указанія на составъ преступленій, предусмотрѣнныхъ 103 и 128 стт. угол. улож. Законы эти, облагающіе подсудимаго каторжными работами и поселеніемъ въ Сибири, созидались въ то время, когда государственный строй представлялъ собою организацію учрежденій, выражающихъ волю монарха самодержца. По силѣ манифеста 17-го октября самодержавный режимъ отошелъ въ вѣчность. Россія получила отвѣтственное правительство, а съ тѣмъ вмѣстѣ произошло глубокое измѣненіе въ пониманіи тѣхъ преступленій, которыя нынѣ вмѣняются въ вину подсудимому подъ видомъ 103 и 128 стт. угол. улож.

Подсудимый Шебуевъ въ послѣднемъ словѣ своемъ высказалъ, что послѣ манифеста 17-го октября онъ не видитъ ничего преступнаго въ своей дѣятельности, такъ какъ объявлена свобода слова, и во имя этой свободы слова онъ покаралъ то, что заслуживало кары. Онъ не имѣетъ чести знать генерала Трепова и осудилъ его только, какъ общественнаго дѣятеля, бросившаго обществу въ лицо историческую фразу: „патроновъ не жалѣть".

Судебная палата послѣ часового совѣщанія вынесла вердиктъ, которымъ, оправдавъ Н. Г. Шебуева, по 1036 ст. улож. о нак., признала его виновнымъ по 1 ч. 103 ст. и 128 ст. угол. улож. и смягчивъ наказаніе, перешла отъ каторги къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ, безъ лишенія правъ, къ чему и приговорила Н. Г. Шебуева.

Аналогичное дѣло было разсмотрѣно и относительно другого юморист. ж. „Сигналъ".

Редактору-издателю этого сатирическаго журнала Н. В. Корнѣй - Чуковскому и поэтессѣ Ольгѣ Чюминой было предъявлено обвиненіе по 103, 106 и 128 стт. угол. улож. въ оскорбленіи величества и въ выраженіи порицанія установленному законами образу правленія.

Обвиненіе это основывалось на томъ, что въ № 3 журнала „Сигналъ" былъ помѣщенъ рядъ стиховъ, каррикатуръ, статей и замѣтокъ преступнаго содержанія. Въ одномъ изъ стихотвореній Чюминой указывалось, что требизондская принцесса Поль-Мари пьетъ Помри въ ресторанѣ и такимъ образомъ проживаетъ деньги подданныхъ. Далѣе въ журналѣ была помѣщена картина, на которой были изображены адм. Бирилевъ рядомъ съ лейт. Шмидтомъ, о. Іоаннъ Кронштадтскій вмѣстѣ съ св. Гапономъ, Дурново съ Лопатинымъ и Сазоновымъ, при чемъ подъ картиной были начертаны стихи:

„А, ты Пигмей и тѣломъ и душой, ты истинный Маратъ и отъ тебя народъ ждетъ крови и революціи".

Наконецъ, въ томъ-же нумерѣ была помѣщена преступная картинка.

Совокупность всѣхъ этихъ рисунковъ и содержаніе цитированныхъ стиховъ побудила

прокуратуру судебной палаты распорядиться о задержании редактора журнала „Сигналъ“ и поэтессы Чюминой. Съ перваго прокуроръ палаты потребовалъ залогъ въ 10.0000 р., а со второй 1.000 руб., но такъ какъ у г. Корнѣй-Чуковскаго сразу денегъ этихъ не оказалось, то онъ девять дней провелъ подъ арестомъ въ домѣ предварительнаго заключенія.

Защитникъ обвиняемаго Чуковскаго прис. пов. О. О. Грузенбергъ подалъ въ судебную палату жалобу, въ которой указывалъ, что возбужденіе дѣла объ оскорбленіи величества требуетъ исключительной осторожности и что редакторъ-издатель „Сигнала“ не понимаетъ, почему обвинительная власть въ стихотвореніи Чюминой увидѣла изображеніе Государыни Императрицы, а въ одной изъ картинъ—Царское семейство. По мнѣнію жалобщика, подобное обвиненіе слишкомъ рискованно, и скорѣе оскорбляютъ величество тѣ лица, которыя позволяютъ себѣ въ офиціальной бумагѣ написать, что въ журналѣ изображено Царское семейство.

Судебная палата въ распорядительномъ засѣданіи, согласившись съ этими доводами, прекратила возбужденное противъ г. Корнѣй-Чуковскаго и Чюминой уголовное преслѣдованіе.

Оправданіе редактора „Сигнала“, однако, не помѣшало полиціи по своему распорядиться, — и 16-го декабря она неожиданно явилась въ помѣщеніе редакціи конфисковать оставшіеся нумера журнала: полиція выставила мотивомъ конфискаціи розничную продажу старыхъ нумеровъ безъ разрѣшенія полиціи. Во время посѣщенія полиціей редакціи, хозяинъ квартиры отсутствовалъ, но это ни мало не стѣсняло пристава, распоряжавшагося вполнѣ свободно.

Такъ понимается у насъ „свобода“!

По суду-же (на этотъ разъ судъ поспѣшилъ быстро собраться) недавно закрыто 8 газетъ, какъ объ этомъ сообщаетъ слѣд. правит. сообщеніе:

„Въ виду напечатанія въ нѣкоторыхъ газетахъ, вышедшихъ 2 сего декабря, воззванія, озаглавленнаго „Манифестъ“, подписаннаго совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, главнымъ комитетомъ всероссійскаго крестьянскаго союза, центральными комитетами россійской соціалъ-демократической рабочей партіи и партіи соціалистовъ-революціонеровъ и соціалистической польской партіи, и заключающаго въ себѣ открытый призывъ къ дѣянію бунтовщическому и къ неповиновенію закона, прокуроръ с.-петербургской судебной палаты, на основаніи 14 пункта ст. 7-й Высочайше утвержденныхъ 24-го ноября с. г. временныхъ правилъ о повременныхъ изданіяхъ, предложилъ о томъ на разсмотрѣніе судебной палаты“.

„Судебная палата, въ экстренномъ распорядительномъ собраніи, въ тотъ-же день постановила наложить арестъ на нумера, вышедшіе въ свѣтъ 2 декабря, и пріостановить до судебнаго приговора изданіе газетъ: „Сынъ Отечества“, „Новая Жизнь“, „Наша Жизнь“, „Свободный Народъ“, „Начало“, „Русь“, „Свободное Слово“ и „Русская Газета“.

Реакціи показались слишкомъ опасными даже дѣйствія м-стра юстиціи Манухина, плохо, по мнѣнію реакціи, внушавшаго своимъ подчиненнымъ—прокурорамъ „истинныя понятія о власти“, отчего тѣ, случалось, даже отказывались отъ обвиненія. Теперь, чтобы „подтянуть“ судебное вѣдомство, г-нъ Манухинъ замѣненъ родственникомъ гг. Сипягина и Дурново, г. Акимовымъ.

„Теперь пойдетъ ужъ музыка не та“...

Дѣло б. тов. м-ра фин. Вл. Ковалевскаго и б. артистки Е. Шабельской интересно съ другой стороны, именно, какъ показатель уровня нравственности нашей бюрократіи. Столько грязи, столько забвенія элементарныхъ гражданскихъ добродѣтелей Общество еще не вѣдало: все было шито и крыто раньше, — и до публики, если и доходили кой-какія вѣсти о томъ или другомъ бюрократѣ, сѣвшемъ на скамью подсудимыхъ, то или въ видѣ именно слуховъ, или въ видѣ краткихъ судебныхъ рѣшеній. Теперь-же, благодаря гласному суду, вся эта грязь вышла наружу.

И общество изумилось предъ раскрывшейся картиной! Недаромъ, по просьбѣ Вл. Ковалевскаго, дѣло 3 раза откладывалось!

Фактическая сторона этой грязной исторіи слѣдующая:

Вл. Ковалевскій, въ бытность свою тов.

м-ра (нѣсколько лѣтъ тому назадъ) интимно сошелся съ артисткой Е. Шабельской, чуть-ли даже не кузиной своей, или что-то въ этомъ родѣ, во всякомъ случаѣ, со своей родственницей. Родственныя и иныя нѣжныя чувства заставили г. Ковалевскаго помочь своему „предмету" устроить одно „доходное" дѣльце, именно, снять антрепризу лѣтняго сада съ опереткою (дѣло, при удачѣ, очень выгодное, дающее до 100 тыс. въ годъ прибыли). Но г. Ковалевскій самъ имѣлъ немного денегъ; впрочемъ, отъ него онѣ и не требовались: подъ его имя многіе капиталисты открыли г-жѣ Шабельской такой кредитъ, что она сразу разбогатѣла: на устройство „сада" ушло тысячъ 400 слишкомъ.

Такъ дѣло тянулось года 2. Садъ „работалъ" хорошо, и еще черезъ 2—3 года г-жа Шабельская оказалась-бы съ солиднымъ капитальцемъ, пріобрѣтеннымъ отъ „буфета" и иныхъ садовыхъ увеселеній. Но рокъ судилъ другое: г. тов. м-ра оказался „измѣнщикомъ" и, по словамъ самой-же г-жи Шабельской, „тайно отъ нея сошелся съ другой женщиной (г-жей Иловайской), впослѣдствіи ставшей его женой". Впрочемъ, это случилось уже по увольненіи г. Ковалевскаго отъ должности тов. м-ра. Объ его разладѣ пронюхали кредиторы г-жи Ш. и закрыли ей кредитъ. „Садъ" попалъ подъ конкурсъ, совершенно убившій все „дѣло"...

А въ это время коварный обольститель, получивъ отъ своего прежняго „предмета" *послѣдніе 900 рублей, вырученные г-жей Ш. отъ продажи буфетной обстановки, мчался въ объятіяхъ новой любви заграницу* (показаніе подсудимой). На г-жу Ш. насѣли кредиторы... Вскорѣ вернулся изъ счастливой поѣздки и г. К. и... отвергнулъ всѣ векселя, подписанные имъ для г-жи Ш., какъ *подложные.*

Положеніе подсудимой было отчаянное. Всѣ прежніе „друзья", понятно, отвернулись отъ нея; мало того,—и это слѣдуетъ отмѣтить, — петербургскія *газеты, гдѣ она раньше работала* (она занималась и литературнымъ трудомъ въ Спб. и Берлинѣ) *подъ разными благовидными и неблаговидными предлогами отказали ей въ дальнѣйшей работѣ.*

Человѣкъ остался безъ гроша денегъ, а его не захотѣли даже поддержать. А тутъ еще уголовщина, грозившая каторгой!

Положеніе отчаянное!

Однако, г-жа Ш. оказалась энергичной дамой и стойко выдержала упавшіе на нее удары судьбы. На судѣ выяснилась ея натура, не останавливающаяся ни предъ чѣмъ, чтобы отстоять свою правоту.

Такъ, когда нѣкоторые эксперты заподозрили подлинность подписи г. К. на одномъ векселѣ на томъ основаніи, что какъ будто онъ подписалъ дрожащею рукою, г-жа Ш. храбро заявила, что вексель этотъ былъ подписанъ *при такихъ обстоятельствахъ, когда у мужчины невольно дрожитъ рука* (sic!).

Свидѣтель, передававшій на судѣ это показаніе подсудимой, въ присутствіи ея, изъ скромности, постѣснялся было привести *подлинныя ея выраженія*, но судъ попросилъ его не стѣсняться, — и онъ долженъ былъ *поставить точки надъ і.*

На судѣ же пришлось разворошить и вообще много грязнаго бѣлья, въ видѣ чтенія интимныхъ писемъ г. К. къ г-жѣ Ш. *), полныхъ ласкательныхъ выраженій и т. п.

Между этими письмами есть и такія, отъ которыхъ „солоно" приходится гг. бюрократамъ. Такъ, напримѣръ, приглашая г-жу Ш. въ Петербургъ изъ Берлина, гдѣ она жила тогда, г. К., между прочимъ, пишетъ: „Кошку и собачку возьми, а попугая мы и въ Петербургѣ найдемъ не глупѣе Тимирязева".

А нужно замѣтить, что упоминаемый здѣсь г. Тимирязевъ—нынѣшній Мин. Торговли и Промышленности.

Интересно также мѣсто, гдѣ г. К. уговариваетъ г-жу Ш. бросить Берлинъ и пріѣхать въ Петербургъ, „*въ ней нуждается вся Россія,* такъ какъ только она способна вдохновить и поддержать его".

Итакъ, въ возлюбленныхъ гг. бюрократовъ *нуждается вся Россія!* Такъ и будемъ знать! Не даромъ эта „нужда" такъ дорого и оплачивается! Изумляться нужно, какъ еще не погибла Россія, когда г. К. вышелъ въ отставку, а съ нимъ и г-жа Ш. Бѣдная Россія, въ комъ ты не нуждаешься, по мнѣнію опекающихъ тебя гг. бюрократовъ!

*) Теперь уличные газетчики потѣшаютъ публику Невскаго проспекта, выкрикивая на всѣ лады: „Любовныя письма тов. м-стра Ковалевскаго къ артисткѣ Шабельской. Цѣна 3 коп."...

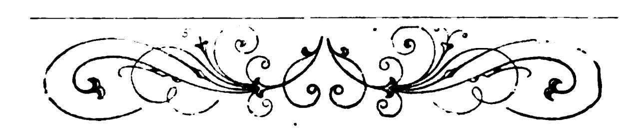
Разсмотрѣвъ дѣло г. К. именно съ этой, гражданской стороны, „Наша Жизнь" резонно говоритъ:

„Дѣло это имѣетъ огромный интересъ. Главный герой дѣла о поддѣльныхъ векселяхъ — г. К., человѣкъ съ прошлымъ, на которое постоянно ссылается, — онъ просидѣлъ два года въ крѣпости по дѣлу Нечаева, потомъ... потомъ сталъ ренегатомъ и на этомъ поприщѣ добрался до тов. министра. Попавъ на такое мѣсто, онъ и увлекся г-жей Ш. Онъ такъ высоко цѣнилъ „благороднаго ангела", что возилъ его съ собой въ командировки, на народныя денежки, конечно, хлопоталъ о ночной торговлѣ крѣпкими напитками въ ея театрѣ и тому под. Парочка скоро такъ столковалась, что за приличную мзду г-жа Ш. черезъ г. К. помѣщала молодыхъ людей въ высш. учебн. заведенія, раздавала чины и мѣста и должно быть субсидіи. Не мало г-жа Ш. принимала участія и въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ! Все это прекрасно очертили „благородные свидѣтели", не вѣрить имъ нельзя, это все люди съ титулами, князья и княгини, впрочемъ выяснилось, что и они занимаются какими-то темными коммерческими дѣлами. Учетъ поддѣльныхъ векселей производился среди людей большого свѣта, при поддержкѣ начальника сыскного отдѣленія Чулицкаго. Словомъ, г. К. можетъ сказать: „насъ собралась небольшая, но теплая кампанія".

Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія дѣла, Судъ присяжныхъ вынесъ оправдательный вердиктъ, встрѣченный рукоплесканіями собравшейся публики.

Скандальный процессъ кончился! Пятно съ г-жи Ш. сняли, но не снято и не снять той грязи, которою въ глазахъ Общества покрылась бюрократія и дѣйствующая, и прошедшая! Съ этой стороны процессъ г-жи Ш. будетъ долго памятенъ всѣмъ.

Г. М.

Современная жизнь за границей.

I. Жизнь безъ пулеметовъ и небо безъ зарева пожара.—Нерѣшительный герцогъ Брольи и отважный адмиралъ Дубасовъ.—„Заграничное“ эхо.—Заокеанское эхо переврало.—Джентльменъ мистеръ С. Гочинсъ и „братецъ“ гр. Витте.—Европейское эхо.—„Европейская совѣсть“.—При свѣтѣ пожара.—Не до „совѣсти“.—Онъ не захлебнулся въ крови въ 1871 г.—Французская палата рукоплещетъ.—Потомки разрушителей Бастилии и потомки скупщиковъ земель.—Рѣчи тѣхъ и другихъ.—„Хорошенькое банкротство“ и „прекрасная соціальная республика“.—Предсмертный ужасъ торгашескихъ душъ. II. Чѣмъ пахнетъ будущее?—Трогательное единодушіе. Антимилитаристская пропаганда и республиканское и конституціонное правительства.—Засѣданіе соціалистическаго бюро въ Брюсселѣ.—Боевой лозунгъ въ Австро-Венгріи и Германіи. Демонстраціи въ Австріи, Германіи, Венгріи.—Коротенькія души и холодное оружіе. „Самобытность“ и артиллерійскій огонь.—Кто побѣдитъ?

Современная жизнь за-границей... Да, гдѣ-то есть *жизнь*,—это несомнѣнно такъ, нормальная жизнь, съ работой безъ скуки, съ борьбой безъ ужаса, съ весельемъ безъ адской, кровавой вакханаліи подъ свистъ пулеметовъ и канонадъ разрушаемыхъ городовъ. Теоретически мы это знаемъ и ясно понимаемъ это, но нервнымъ воспріятіемъ, внутреннимъ сознаніемъ мы это съ трудомъ постигаемъ: насквозь проникнутые несказаннымъ ужасомъ *окружающей* жизни, мы не въ состояніи постичь другую жизнь, не въ состояніи представить себѣ неба, на которомъ свѣтятъ звѣзды, а не пылаетъ зарево пожара городовъ, зажженныхъ насильниками изъ пушекъ, купленныхъ на деньги этого же народа,—руками дѣтей его, взятыхъ у того же народа.

Но вѣдь и тамъ, гдѣ жизнь и теперь продолжается, были такіе кровавые мѣсяцы и годы, такъ какъ старое всюду отчаянно боролось и готово было идти на все“, чтобы защитить и отстоять свои „священныя“ права... Вѣдь, и тамъ герцогъ Брольи въ 1789 году грозилъ разрушить Парижъ, истребить всѣхъ его жителей... Да, герцоги Брольи только грозили, а адмиралы Дубасовы это дѣлаютъ... Впрочемъ, не за рѣшимостью почтеннаго герцога была остановка, и жизнь, какъ таковая, всюду одинакова и связана крѣпкими узами между собою...

Такъ трудно намъ теперь сосредоточиться на ихъ нормальной жизни, что мы—непроизвольно даже—будемъ слышать и въ ней эхо артиллерійской стрѣльбы по улицамъ Москвы, въ народные митинги въ Ростовѣ. Прислушиваемся же къ этому эхо.

Вотъ забавныя недоразумѣнія, въ которыя впадаетъ эхо за дальностью разстоянія. Факультеты и студенты Иллинойскаго университета привѣтствуютъ факультеты и студентовъ русскихъ университетовъ, „шлютъ имъ сердечныя поздравленія по случаю недавно достигнутаго торжества конституціонныхъ принциповъ въ Великой имперіи“... А въ это самое время „конституціонное“ правительство руками полиціи и черносотенцевъ рѣзало женщинъ и дѣтей, разстрѣливало, сжигало мирныхъ жителей на улицахъ Одессы, Ростова, Твери, Томска и проч. и проч. Эхо переврало, жестоко переврало.

Еще забавнѣе телеграмма, посланная тремя милліонами американскихъ рабочихъ русскимъ рабочимъ черезъ... „братца“ ихъ, нашего премьера, графа Витте. Произошло это по вполнѣ понятнымъ причинамъ. Американскіе рабочіе вынуждены были просить гр. Витте взять на себя трудъ передачи ихъ привѣтствія своимъ русскимъ собратьямъ потому, что функціонирующія лишь съ недавняго времени открыто русскія рабочія организаціи не были имъ въ точности извѣстны, и пре-

зидентъ американскаго федераціоннаго союза рабочихъ мистеръ С. Гочинсъ не позволилъ себѣ усомниться въ джентльменствѣ его сіятельства графа С. Витте, не подумалъ ни на минуту, что телеграмма будетъ задержана и что адреса русскихъ рабочихъ союзовъ нужны сіятельному графу лишь для произведенія арестовъ рабочихъ депутатовъ. Это, конечно, эхо забавно перепутало и ввело почтеннаго президента американскихъ рабочихъ союзовъ въ заблужденіе, заставило его повѣрить русской конституціи и русскому премьеру... Да, забавное прекраснодушіе,—но это слишкомъ далекая „заграница". Европа ближе, прислушаемся къ европейскому эхо.

Европа лучше освѣдомлена и очень далека отъ прекраснодушнаго отношенія къ происходящему въ Россіи.

За исключеніемъ немногихъ, мало-сознательныхъ идеологовъ, вродѣ Макса Нордау, который серьезно ищетъ „европейскую совѣсть" и формы, въ которыхъ выражается ея протестъ, — вся Европа почувствовала, что происходящее въ Россіи есть увертюра къ всемірной трагедіи—оперѣ, которая должна быть поставлена и будетъ поставлена на міровой сценѣ Исторіи. Идеологъ - писатель почти наивно восклицаетъ: „неужели же въ наши дни развитого прогресса и сплотившейся передовой культуры возможны массовыя убійства по почину администраціи въ европейской странѣ безъ того, чтобы сосѣднія державы возвысили свой грозный голосъ, безъ того, чтобы представители общества вычеркнули инпціаторовъ этихъ избіеній изъ своей среды"? Такъ недоумѣваетъ Максъ Нордау, но онъ же приводитъ, какъ реагируетъ на эти ужасы „молодой доцентъ, читающій лекціи въ народномъ университетѣ". Этотъ не ограничиваетъ недоумѣніемъ и заявляетъ, что эти погромы — стыдъ и надругательство надъ всѣми современниками, что изъ него, бывшаго до сихъ поръ соціалистомъ, „эти русскіе убійцы сдѣлали анархиста".

Европа не просто прислушивается къ крикамъ и стонамъ жертвъ, къ артиллерійскому огню и свистамъ пулеметовъ. Европа раскололась, — вѣрнѣе, при свѣтѣ пожара русскихъ событій европейцы внимательно посмотрѣли другъ на друга и начали быстро строиться во враждебныя другъ другу арміи. Не до „совѣсти" всѣмъ европейскимъ буржуа, французскимъ рантье и нѣмецкимъ юнкерамъ, венгерскимъ магнатамъ и англійскимъ финансистамъ. Не до „совѣсти" имъ, когда красный призракъ, потопленный въ крови коммунаровъ въ 71 г. на улицахъ Парижа,—ожилъ молодой жизнью въ далекой чуждой странѣ и грозилъ страшнымъ катаклизмомъ имъ всѣмъ, мирно и упорно живущимъ.

Съ другой стороны, всѣ „доценты, читающіе въ народныхъ университетахъ" и огромная часть сознательнаго народа Европы съ замираніемъ сердца прислушиваются къ великой борьбѣ, происходящей въ этой великой загадочной странѣ... Эта борьба — ихъ борьба... Побѣда тамъ—будетъ началомъ ихъ побѣды... Вопросъ поставленъ прямо и выразительно съ несомнѣнностью, ясной для каждаго. Когда соціалистскій депутатъ Самба произноситъ въ французской палатѣ депутатовъ рѣзкую, пламенную рѣчь противъ милитаризма, во имя интернаціональныхъ интересовъ, и прославляетъ героическую борьбу русской революціи, то онъ находитъ поддержку *только* въ средѣ соціалистовъ. И рукоплесканіями встрѣчено огромнымъ большинствомъ палаты заявленіе Рувье, въ которомъ онъ возлагаетъ отвѣтственность за рѣчи соціалистовъ на нихъ же и выражаетъ увѣренность, что „французская нація протестуетъ противъ этихъ рѣчей". Онъ увѣренъ, окажется солидарнымъ съ огромнымъ большинствомъ французовъ, если останется вѣренъ „дружественному и союзному народу во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ его національной жизни". На это палата отвѣчаетъ взрывомъ рукоплесканій.

Кто же это рукоплещетъ, представители французской націи или представители держателей русскихъ бумагъ? Несомнѣнно, это они—торгаши, сидящіе въ палатѣ депутатовъ, жалкіе дѣти великихъ отцовъ, разрушившихъ Бастилію. Впрочемъ, это невѣрно. Несомнѣнно, что отцы *этихъ* „народныхъ представителей" во время взятія Бастиліи сидѣли гдѣ нибудь въ углу и... дрожали, а потомъ, когда народный гнѣвъ смелъ герцоговъ Брольи и ему подобныхъ, когда истинные народные представители конфисковали земли, узурпированныя феодалами, то они и вылѣзли изъ своихъ норъ и занялись скупкой ихъ за безцѣнокъ. А народъ,

разрушившій Бастилію, купилъ потоками крови только то, что въ палатѣ депутатовъ сидятъ нѣсколько и его представителей... Это они, потомки тѣхъ, бравшихъ Бастилію — шлютъ привѣтъ народу, не желающему быть болѣе рабомъ и съ безумной отвагой борющемуся за свободу. Это они образовываютъ „комитетъ для протеста противъ истребленія революціонеровъ и евреевъ въ Россіи“. Это они пишутъ въ своемъ воззваніи:

„Преступный отживающій режимъ, чтобы помѣшать успѣху торжествующей революціи и скомпрометировать новый закономѣрный режимъ, выпустилъ противъ всего еврейскаго населенія юго-западной Россіи, противъ прогрессивныхъ элементовъ во многихъ больших городахъ (либераловъ, демократовъ и соціалистовъ) своихъ казаковъ и свою черную сотню, которые давно дрессировались для этого органами мѣстной власти.

Тысячи человѣческихъ жизней уже загублены. Не пощажены ни старые, ни немощные, ни женщины, ни дѣти. Милліонамъ людей продолжаетъ угрожать насиліе, дикая жестокость котораго превосходитъ все, что человѣчество пережило съ далеко отдаленныхъ временъ. Жертвы взываютъ къ совѣсти цивилизованныхъ народовъ. Цѣлый народъ обращается къ вамъ съ крикомъ помощи. Европа обязана — ее обязываютъ ея нравственные и матеріальные интересы— употребить всѣ средства, все свое могущество для остановки этихъ неслыханныхъ злодѣяній. Франція, страна Великой Революціи, страна, провозгласившая права человѣка, страна свободы, должна прежде всего откликнуться на этотъ призывъ и содѣйствовать прекращенію дикихъ злодѣйствъ, позорящихъ цивилизацію. Франція должна заговорить. Уши, чтобы слушать, найдутся“. („С. О.“, 30/x 05).

Такъ говорятъ потомки рабочихъ, бравшихъ Бастилію, а потомки скупщиковъ земли, принадлежащей народу—купцы Рувье говорятъ: „Намъ нечего вмѣшиваться во внутреннюю политику Россіи. Палата несомнѣнно одобритъ это заявленіе“. И палата, состоящая изъ дѣтей скупщиковъ земель, рукоплещетъ и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.

Она должна рукоплескать заявленію своего министра: вѣдь, десять милліардовъ, принадлежащихъ французскимъ держателямъ русской ренты, поставлены на карту и—что важнѣе всего—палата не можетъ не вспомнить словъ французскаго соціалиста Лафарга: „Дайте намъ въ Россіи хорошенькое государственное банкротство, и мы вамъ дадимъ прекрасную соціальную республику“. Отъ словъ „соціальная республика“ трепещутъ ихъ торгашескія души, и они согласны потопить въ крови не только чужой имъ народъ, но, если придется, то и свою родную Францію“. Они прислушиваются къ митингу въ честь русской революціи, состоявшемуся 29 ноября въ Парижѣ въ залѣ Тріанонъ въ присутствіи болѣе 4000 рабочихъ, къ рѣчамъ, которыя оттуда доносятся.

„Витте не остановитъ раскатовъ революціи,— гремитъ Жоресъ,—громъ революціи будетъ гремѣть до тѣхъ поръ, пока все старое зданіе не рухнетъ... Характеръ русской революціи—интернаціональный... Правящіе классы Европы были солидарны съ царизмомъ, когда онъ угнеталъ рабочій классъ; они останутся солидарны съ нимъ и въ день его позорнаго паденія. Тогда всюду наступитъ новая эра. На свободу выйдутъ не только всѣ заключенные въ Петропавловской крѣпости, но вездѣ, во всемъ мірѣ всѣ заключенные въ убійственныхъ казематахъ капиталистическаго общества. Наступитъ конецъ всякой тираннiи, тираннiи надъ личностью, тираннiи надъ обществомъ, тираннiи надъ націями! Пролетаріатъ готовится къ близкому торжеству соціальной революціи“...

И предсмертнымъ ужасомъ дрожатъ души всѣхъ „палатъ“ Европы, когда они слышатъ, что союзу правителей рабочіе противопоставляютъ международный союзъ рабочихъ, когда они слышатъ, что рабочіе всѣхъ странъ привѣтствуютъ всемірную революцію, разсматриваютъ событія въ Россіи, какъ первый этапъ ея, и по всѣмъ рядамъ ихъ несется кличъ: „да здравствуетъ соціалистическая Россія“!

II.

Гейне совѣтовалъ будущимъ поколѣніямъ явиться на свѣтъ съ выдѣланной кожей, такъ какъ „будущее пахнетъ юфтью и жестокой поркой“... Не спасетъ „выдѣланная кожа“. Будущее пахнетъ кровью и безконечными ужасами. Жестоко будетъ сраженіе. Въ мукахъ, среди ужаса родится новая

жизнь. Посмотрите, какъ яростно защищается всякая позиція, имѣющая хоть нѣкоторое значеніе для существующаго строя.

Въ нѣкоторыхъ нашихъ обозрѣніяхъ мы указывали на значительность того новаго явленія, выражающагося въ рѣшеніи соціалистическихъ рабочихъ организацій положить предѣлъ дипломатическимъ и политическимъ авантюрамъ правителей. Мы указывали на тотъ яростный протестъ, который это рѣшеніе вызвало въ средѣ правителей. И трогательно единодушіе, которое сказалось въ этомъ случаѣ между автократомъ Вильгельмомъ II, итальянскими конституціоналистами и французскими республиканцами... Посмотрите, въ какой ужасъ пришло республиканское правительство Франціи, когда оно увидѣло, что соціализмъ ведетъ дѣятельную антимилитаристскую пропаганду, что эта пропаганда находитъ благодарную почву въ арміи и во флотѣ. И республиканское правительство производитъ слѣдствія и очень сожалѣетъ, вѣроятно, что оно не можетъ принимать „рѣшительныхъ мѣръ", какъ „конституціонное" правительство Витте.

А итальянскій военный министръ sans façons принялъ строгія мѣры для предохраненія рекрутовъ отъ антимилитаристской пропаганды соціалистовъ. Вмѣсто поручиковъ, теперь уже капитаны будутъ сопровождать новобранцевъ до казармъ съ момента внесенія ихъ въ списки. Доступъ штатскихъ въ казармы будетъ совершенно воспрещенъ, отпуски будутъ даваться очень рѣдко, и особые агенты въ штатскомъ платьѣ будутъ наблюдать за солдатами на улицахъ большихъ городовъ и крупныхъ промышленныхъ центровъ...

И опять-таки дрожатъ отъ ужаса торгашескія души всѣхъ этихъ правителей и депутатовъ, когда они видятъ, что рѣшеніе международнаго союза рабочихъ непреклонно и что 7, 8 и 9 января въ Брюсселѣ должно состояться засѣданіе международнаго соціалистическаго бюро для обсужденія вопроса о примѣненіи всеобщей забастовки, какъ мѣры борьбы противъ войны. Иниціатива такой забастовки исходитъ отъ французскаго депутата Вальяна. Изъ Германіи на эти засѣданія ожидаются Бебель, Зингеръ, Каутскій и Роза Люксенбургъ. Изъ Франціи пріѣдетъ Жоресъ, изъ Англіи—Гайндманъ.

Конечно, рѣшенія этого бюро еще далеки отъ „обязательныхъ постановленій" для *всего* населенія, но правители хорошо знаютъ, что въ каждой изъ европейскихъ странъ есть уже огромная часть населенія, для которой постановленія соціалистическихъ партій будутъ непреложны. Эти правители хорошо знаютъ, что эта часть населенія неумолимо и безпрерывно увеличивается; болѣе того, — они хорошо знаютъ, что только фальсификація народнаго представительства даетъ имъ возможность удержать старую жизнь въ старыхъ границахъ,—что измѣненіе системы избирательнаго права дало-бы совсѣмъ другую картину народной воли. Поэтому-то на знамени соціалистовъ всѣхъ странъ стоитъ прежде всего—первое требованіе демократическаго общества - четырехчленная формула— всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе.

И всеобщее избирательное право становится боевымъ лозунгомъ для народныхъ массъ въ Австро-Венгріи. Почти во всѣхъ главныхъ областныхъ городахъ устроены были къ открытію сессій ландтаговъ грандіозныя демонстраціи, въ которыхъ принимали участіе десятки тысячъ рабочихъ (въ Прагѣ — около 100 тысячъ, въ Бріоннѣ— около 60 тысячъ, въ Львовѣ—до 40 тыс.). Этотъ вопросъ поставленъ рабочими массами на очередь и онъ не будетъ снятъ до разрѣшенія его.

Мы говорили о томъ, какъ само правительство подняло этотъ вопросъ въ Венгріи, какъ тактическій ходъ противъ національно-венгерской коалиціи. Мы разсказывали уже, какъ оно горько раскаивалось въ своемъ необдуманномъ шагѣ; но вопросъ слишкомъ жгучъ, слишкомъ тѣсно связаны съ нимъ интересы широкихъ народныхъ массъ, чтобы правительство могло мечтать о поворотѣ колеса обратно.

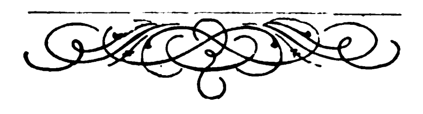
Націоналистская коалиція должна была уступить воодушевленію народа, направленному къ завоеванію политическихъ правъ для всего населенія, и внести въ свою программу требованіе всеобщаго избирательнаго права.

То-же явленіе мы видимъ и въ Германіи. Борьба за всеобщее избирательное право въ отдѣльныхъ государствахъ германскаго союза становится все острѣе. Въ Мюнхенѣ соціалъ-демократы устроили рядъ митинговъ, послѣ которыхъ произведены были уличныя мани-

фестаціи и... манифестантовъ разгоняла полиція обнаженнымъ оружіемъ... Tout comme chez nous... Это не только въ Мюнхенѣ. Въ Дрезденѣ повторилось то-же самое. Послѣ собраній рабочихъ съ цѣлью протеста противъ дѣйствующей избирательной системы, была устроены уличныя демонстраціи, которыя были разсѣяны полиціей при помощи холоднаго оружія. Толпа около 1000 человѣкъ произвела демонстрацію передъ королевскимъ дворцомъ и также была разсѣяна полиціей; многіе ранены, большое число арестовано. Tout comme chez nous... Конечно, это только „холодное оружіе“ и это далеко до беззавѣтной храбрости русскихъ правителей, стрѣляющихъ изъ пушекъ по мирному митингу въ Ростовѣ... Конечно, у нѣмцевъ — коротенькая душа и ихъ правители рѣшаются только на холодное оружіе, а самобытные представители великаго русскаго народа—рѣшаются на стрѣльбу изъ пушекъ... Каждому по его способностямъ.

Вы видите, Европа должна расколоться на два враждебныхъ лагеря—за русскую революцію и противъ нея. Кто побѣдитъ? При какихъ условіяхъ мы будемъ писать наше слѣдующее обозрѣніе?

Л. М.

Медицина и гигіена.

О вліяніи рода пищи на длину пищевого канала дѣлаетъ интересныя сообщенія Э. Бабахъ въ журналѣ „Biologisches Centralblatt". Общеизвѣстно, что длина пищевого канала прежде всего зависитъ отъ качества пищи: у травоядныхъ мы находимъ самый длинный пищевой трактъ, у плотоядныхъ самый короткій, тогда какъ всеядныя въ этомъ отношеніи занимаютъ промежуточное положеніе. Такъ, напримѣръ, у овцы и козы длина пищевого канала въ 27 разъ превышаетъ длину тѣла животнаго, у рогатаго скота въ 20 разъ, у свиньи въ 14—15 разъ, у кролика въ 10 разъ, у собаки въ 6 и у кошки въ 4 раза. Наряду съ этими данными сравнительной анатоміи у насъ имѣется лишь ничтожное число наблюденій и экспериментовъ, которые прямо доказывали бы вліяніе рода пищи на длину и другія свойства пищевого канала, и кромѣ того большая часть этихъ изслѣдованій недостаточно безупречна въ научномъ отношеніи. Предпочтительнѣе всего такіе эксперименты производить надъ всеядными животными, такъ какъ у нихъ легче всего производить перемѣну растительной на животную пищу и обратно, и упомянутый изслѣдователь избралъ для своихъ опытовъ головастиковъ, которые одинаково ѣдятъ растительную и животную пищу, но лучше всего развиваются при смѣшанномъ питаніи. Однородный характеръ питанія имѣлъ слѣдствіемъ замѣчательныя измѣненія пищевого канала.

Когда головастики кормились только мясомъ, то пищевой каналъ оказался состоящимъ изъ нѣсколькихъ спиральныхъ оборотовъ, у головастиковъ же, которымъ давалась растительная пища, число спиральныхъ колецъ значительно увеличивалось и въ то время, какъ общій объемъ кишекъ у тѣхъ и у другихъ оставался почти одинаковымъ, поперечникъ кишки у травоядныхъ головастиковъ былъ въ 2 — 3 раза меньше, чѣмъ у плотоядныхъ. При смѣшанной пищѣ въ существенномъ получался типъ кишки травояднаго головастика, только поперечное сѣченіе кишки было нѣсколько больше. Длина пищевого канала передъ метаморфозой достигала 7-ми кратной длины тѣла у травоядныхъ, у плотоядныхъ же 4,4 длины тѣла, и это отношеніе оставалось втеченіе всего личиночнаго періода. Лишь къ концу этого періода пищевой каналъ значительно сокращается, и при томъ неодинаково быстро: у травоядныхъ быстрѣе, чѣмъ у плотоядныхъ, такъ что только что сформировавшейся молодой лягушки пищевой трактъ превышаетъ длину тѣла въ 1—2 раза, все равно, питалась ли она въ личиночномъ состояніи растительной или же мясной пи-

щей. Слѣдуетъ еще упомянуть, что у головастиковъ, растущихъ на свободѣ, длина пищевого канала не менѣе какъ въ 16 разъ превышаетъ длину тѣла, тогда какъ у индивидуумовъ, выращенныхъ въ акваріумѣ исключительно на растительной пищѣ, длина пищевого канала превосходила длину тѣла самое большее въ 8,4 раза. Различіе въ свойствахъ пищевого канала при исключительно растительной или мясной пищѣ обнаружилось далѣе еще при микроскопическомъ изслѣдованіи. Оказалось, что у плотоядныхъ головастиковъ мышечные слои стѣнокъ кишекъ сильно утолщены, тогда какъ у травоядныхъ, наоборотъ, чрезвычайно нѣжны и представляютъ тонкіе слои. Если принять во вниманіе приведенную выше длину пищевого тракта, то окажется далѣе, что отношеніе пищеварительной поверхности къ кубическому объему кишекъ у травоядныхъ почти вдвое выше, чѣмъ у плотоядныхъ, а это вполнѣ объясняется болѣе трудной перевариваемостью растительной пищи. Относительно причинной зависимости между родомъ пищи и свойствами пищевого канала пока можно только дѣлать предположенія. Тутъ слѣдуетъ принять во вниманіе и механическое дѣйствіе растительной пищи, въ виду ея большаго объема и твердости тканей, а также химическое раздраженіе, обусловленное различіемъ (по сравненію съ мясной пищей) въ содержаніи бѣлковыхъ веществъ, углеводовъ и неорганическихъ солей.

Явленія деградаціи человѣческихъ зубовъ. Въ новѣйшихъ статьяхъ по палеонтологіи уже указывалось, что разсматривая ископаемые остатки какого либо животнаго рода за продолжительный періодъ времени, можно прослѣдить постепенное ослабленіе и деградацію какого-либо органа или его части. Эти деградаціонные процессы наблюдались также на нѣкоторыхъ человѣческихъ органахъ, въ особенности же на человѣческихъ челюстяхъ. Валькофу *) удалось твердо установить уменьшеніе размѣровъ зубовъ съ диллювіальной эпохи. Такая деградація органа естественно совершается мало-по-малу и втеченіе большого періода времени и связана съ нѣкоторыми признаками, сопровождающими и обусловливающими дегенерацію, которые съ одной стороны допускаютъ довольно надежное опредѣленіе начала этого измѣненія органа, съ другой же стороны даютъ возможность дѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія относительно органовъ, на которыхъ замѣчаются эти признаки измѣненія въ настоящее время.

По отношенію къ человѣческимъ зубамъ уже десятки лѣтъ является твердо установленнымъ фактомъ, что третьи коренные зубы въ верхней и нижней челюсти, такъ называемые зубы мудрости, которые когда-то обладали такою же крѣпостью и размѣрами, какъ и другіе два коренные зуба, теперь у большинства людей появляются не въ полномъ количествѣ и во всякомъ случаѣ меньшихъ размѣрахъ и съ дефектами эмали. Они поэтому легко разрушаются, и можно думать, что у послѣдующихъ поколѣній ихъ не будетъ вовсе. Почти 25 лѣтъ тому назадъ былъ подмѣченъ удивительный фактъ постепенной деградаціи верхняго бокового, такъ называемаго малаго рѣзца. Проф. Архови въ Будапештѣ поставилъ теперь своей задачей прослѣдить на большомъ количествѣ череповъ разныхъ вѣковъ такую редукцію и признаки, указывающіе на окончательное исчезаніе этого рѣзца; онъ нашелъ, что такое явленіе представляетъ такъ называемый cingolum, т. е. складка эмали на поверхности зуба со стороны языка, образующая уголъ, въ вершинѣ котораго нахо-

---

*) Umschau 1902, S. 489; Umschau 1903, S. 316.

дится маленькая ямочка, излюбленное мѣсто каріеса (т. е. образованія дупла въ зубѣ); на этомъ мѣстѣ въ болѣе старыхъ черепахъ находится *выпуклая поверхность.*

Этотъ историческій обзоръ даетъ возможность замѣтить и на другихъ родахъ зубовъ это постепенное появленіе менѣе способныхъ къ сопротивленію и предрасположенныхъ къ каріесу мѣстъ, какъ, напр., эмалевая складка на жевательной поверхности такъ называемаго малаго коренного зуба (Diverticulum Tomes—Ligmondyi) и ямочка на щечной поверхности большого, особенно перваго коренного зуба (foramen coecum.).

Мы видимъ такимъ образомъ, что полной редукціи органа предшествуетъ его ослабленіе, которое является причиной заболѣванія органа; совмѣстное дѣйствіе этихъ двухъ факторовъ ведетъ къ редукціи органа, которая наступаетъ такимъ образомъ якобы какъ слѣдствіе естественно - историческаго развитія. Такъ какъ до сихъ поръ не находятъ вышеупомянутыхъ признаковъ редукціи у народовъ, ведущихъ первобытное существованіе (маори. папуа и т. д. *), то въ высшей степени вѣроятно, что причиной вышеприведенныхъ явленій редукціи служатъ особенности жизни и пищи цивилизованныхъ народовъ.

Скорость распространенія запаха. Джономъ Зелени было найдено, что распространеніе запаха по трубкамъ, въ которыхъ воздухъ находится въ полномъ покоѣ, происходитъ чрезвычайно медленно; а та же значительная скорость распространенія запаха, которая обыкновенно наблюдается въ открытомъ пространствѣ, всецѣло зависитъ отъ воздушныхъ теченій. Такъ, напримѣръ, при опытахъ съ амміакомъ (нашатырный спиртъ), который дифундировалъ черезъ трубку въ $1^1/_2$ метра длиною, протекло болѣе 2-хъ часовъ, прежде чѣмъ на другомъ концѣ трубки сталъ замѣтенъ амміачный запахъ. Производя опыты съ трубками различной длины, изслѣдователь нашелъ, что время, необходимое для распространенія запаха отъ одного пункта до другого, приблизительно пропорціонально квадрату длины пути. Для опытовъ примѣнялся амміакъ и сѣроводородный газъ. Присутствіе амміака въ какомъ либо пунктѣ трубки можно было обнаружить химическимъ путемъ почти одновременно съ возникновеніемъ обонятельнаго ощущенія. Скорость распространенія амміачнаго запаха не мѣнялась замѣтно отъ положенія трубки и отъ направленія движенія запаха въ вертикальной трубкѣ, т. е. была почти одинакова и въ горизонтальной трубкѣ и въ вертикальныхъ при распространеніи сверху внизъ или наоборотъ. У камфоры же скорость распространенія запаха въ горизонтальной трубкѣ и въ вертикальной сверху внизъ была приблизительно одинаковой, а при направленіи снизу вверхъ почти вдвое большей. Опыты съ запахомъ металловъ (желѣза и мѣди), который получается при треніи ихъ пальцами—не дали никакихъ опредѣленныхъ результатовъ.

Сенсибилизація органическихъ тканей. На основѣ давно извѣстной въ фотографіи „сенсибилизаціи“ Дрейеръ въ Копенгагенѣ изобрѣлъ способъ дѣлать органическія ткани чувствительными не только къ ультрафіолетовымъ, но и къ видимымъ свѣтовымъ лучамъ.

Въ общемъ способность прониканія свѣтовыхъ лучей черезъ кожу (какъ сообщаетъ Аксманнъ въ журналѣ („Himmel u. Erde“) стоитъ въ обратномъ отношеніи къ ихъ физіологическому (а также бактеріоубивающему) дѣйствію. Другими словами, наиболѣе сильно дѣйствующіе лучи обладаютъ меньшей спо-

*) Ихъ не замѣчается также на зубахъ антропоидныхъ обезьянъ.

собностью проникать вглубь ткани и наоборотъ. Такъ какъ ультра-фіолетовые лучи (которые до сихъ поръ одни только принимались во вниманіе, въ виду ихъ значительнаго терапевтическаго дѣйствія) проникаютъ вглубь ткани самое большее приблизительно на полтора миллиметра, то медицина уже достигла границы ихъ дѣеспособности, поскольку дѣло касается глубоколежащихъ болѣзненныхъ процессовъ. Примѣняя способъ надавливанія на ткани кварцевой пластинкой и обезкровливая такимъ образомъ поверхностные слои, можно было способствовать проникaнію ультра-фіолетовыхъ лучей, но въ болѣе глубокихъ слояхъ они опять уступали краснымъ и желтымъ лучамъ, такъ какъ сильно поглощались красными кровяными тѣльцами.

Дѣйствіе свѣта на организмъ стало бы поэтому гораздо болѣе значительнымъ, если бы удалось сообщить этимъ глубоко проникающимъ лучамъ красно-желтой части спектра соотвѣтственныя свойства. Техникѣ извѣстенъ одинъ способъ дѣлать фотографическія пластинки чувствительными къ извѣстному роду лучей, изготовляя такъ называемыя цвѣто-чувствительныя пластинки, которыя реагируютъ на красный, зеленый и желтый цвѣта. Къ свѣточувствительной желатиновой эмульсіи примѣшиваютъ извѣстныя растворимыя красящія вещества—сенсибилизаторы, смотря по желательной степени чувствительности.

Вотъ этотъ самый способъ Дрейеръ перенесъ на животныя ткани, веществами. Этимъ способомъ насыщая ихъ сенсибилизирующими ему удалось достичь повышенія чувствительности животныхъ клѣтокъ по отношенію къ красно-желтымъ лучамъ.

Главнымъ образомъ примѣнялся эритрозинъ. Сенсибилизированныя такимъ образомъ живыя существа, какъ инфузоріи, бактеріи и другіе одноклѣточные организмы, реагировали теперь такъ же какъ на синефіолетовые и на оранжево-зеленые лучи, которые вообще не оказываютъ такого дѣйствія. Даже при разведеніи (раствора) въ 1 : 4000 эти организмы въ короткое время умирали иногда втеченіе секундъ.

Оказывается возможнымъ сообщить такимъ способомъ лечебную силу почти всѣмъ лучамъ смѣшаннаго спектра, проникающимъ на большую глубину въ органическія ткани, чѣмъ ультра-фіолетовые лучи. Такъ, между прочимъ, Дрейеру удалось втеченіе 6—7 минутъ убивать сенсибилизированныхъ инфузорій черезъ кусокъ кожи толщиною въ 4 миллим., тогда какъ для умерщвленія ихъ въ несенсибилизированномъ состояніи требовалось подвергать ихъ дѣйствію свѣта втеченіе нѣсколькихъ сутокъ. Аналогичнымъ способомъ, путемъ впрыскиванія сенсибилизирующаго раствора можно сообщить физіологическое дѣйствіе свѣту даже на мускулатуру, лежащую подъ кожей, что прежде было совершенно неосуществимо. При этомъ можно дѣйствовать на глубоколежащіе слои, тогда какъ верхніе слои остаются незатронутыми. Такимъ образомъ можно подвергать цѣлебному дѣйствію свѣта лежащіе подъ кожей туберкулезные очаги, избѣгая оперативнаго пути. Важность этого метода можно сравнивать (по крайней мѣрѣ теоретически) съ леченіемъ рёнтгеновскими и радіевыми лучами и вообще съ съ финзеновской терапіей. Упомянутые лучи повреждаютъ все, что встрѣчается на ихъ пути, и извѣстно, какъ лучи радія вызываютъ глубокія воспаленія и притомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это не требуется цѣлями леченія и гдѣ ихъ всего менѣе ожидали. Благодаря новому способу можно достигать нѣкоторой дозировки, впрыскивая болѣе сильные или слабые цвѣтные сенсибилизирующіе растворы.

На основаніи сообщенныхъ наблюденій уже предприняты проф.

Нейсеромъ *) терапевтическіе опыты въ дерматологической клиникѣ Бреславльскаго Университета. Необходимы лишь дальнѣйшія подтвержденія результатовъ, и мы получимъ драгоцѣнный способъ для леченія нѣкоторыхъ кожныхъ болѣзней. Этотъ свѣтолечебный методъ Дрейера представляетъ значительное расширеніе финзеновскаго способа, хотя одинъ не исключаетъ другой.

Достаточно твердо установленный научно фактъ „сенсибилизаціи животныхъ тканей" замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь органическія вещества реагируютъ на свѣтъ совершенно такъ же, какъ и неорганическія.

Ботаника.

Замѣна азотистаго удобренія бактеріями. Какъ извѣстно, нѣкоторыя водоросли, живущія совмѣстно съ бактеріями (симбіозъ), могутъ пышно разростаться въ растворахъ, лишенныхъ азота. Недавно Бульакъ и Джіустиніани произвели рядъ опытовъ, чтобы выяснить, нельзя-ли и при культурѣ высшихъ растеній замѣнить азотистое удобреніе этого рода организмами **).

Примѣнявшіяся для культуръ почвы состояли изъ песка, и микроорганизмы, служившіе для опыта, представляли смѣсь водорослей Nostoc punctiforme и Anabaena, покрытыхъ бактеріями.

Предварительнымъ опытомъ было установлено, какое количество азота такимъ путемъ переводится въ связанное состояніе. Было взято четыре горшка съ 2½ килограммами песку каждый, которымъ было придано свободное отъ азота удобреніе изъ минеральныхъ солей и углекислаго кальція. Два этихъ горшка были контрольными, поверхность же двухъ другихъ была засѣяна водорослями.

Всѣ четыре горшка помѣщались на открытомъ воздухѣ и регулярно поливались водою. Спустя шесть недѣль было опредѣлено содержаніе азота въ почвѣ. Горшки, въ которыхъ росли водоросли, въ среднемъ содержали по 37 миллиграммовъ азота, тогда какъ въ почвѣ контрольныхъ горшковъ было едва по 4 миллиграмма азота, очевидно, занесеннаго дождемъ.

Для главнаго опыта было наполнено пескомъ три большихъ горшка. Эти горшки содержали по 10 килограммовъ песка, который былъ политъ минеральнымъ питательнымъ растворомъ, свободнымъ отъ азотныхъ и углекальціевыхъ солей. Они были засѣяны гречихой. Одинъ изъ нихъ былъ контрольнымъ горшкомъ. По поверхности двухъ другихъ было распредѣлено небольшое количество водорослей и бактерій и нѣсколько капель почвенной вытяжки, для внесенія нитрифицирующихъ микроорганизмовъ. Горшки были выставлены на открытый воздухъ и регулярно поливались. Черезъ шесть недѣль водоросли въ первомъ и второмъ горшкѣ сильно развились, и гречиха въ нихъ была отъ 30 до 42 сантиметровъ высотою, тогда какъ *контрольныя растенія не превышали 10 сантиметровъ.*

Эти опыты показываютъ, что водоросли, покрытыя бактеріями, развивающіяся на почвѣ, лишенной какихъ-либо другихъ органическихъ веществъ, *необыкновенно быстро обогащаютъ ее азотомъ* и создаютъ для гречихи условія, при которыхъ она можетъ достичь своего нормальнаго развитія. Авторы распространили свои опыты и на другія растенія и о результатахъ ихъ дѣлаютъ второе сообщеніе.

Тутъ они вспоминаютъ о томъ,

---

*) Prof. Neisser, Deutsche Medizinische Wochenschrift, 1904. Nr. 8.

**) Uber die Kultur von Buchweizen bei Gegenwart von Algen und Bacterien. 2. Uber Kulturen verschiedener höherer Pflanzen bei Gegenwart einer Mischung von Algen und Bacterien. (Compt. rend 1903, t. CXXXVII, p. 1274—1276; 1904, t. CXXXVII, p. 293 296. Naturwiss. Rundschau 1904. № 12).

что уже младшій Шлезингъ и Лоранъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашли, что не только бобовыя, но и другія растенія (топинамбуръ—земляная груша, овесъ и табакъ) могутъ развиваться на счетъ азота воздуха, благодаря содѣйствію низшихъ, зеленыхъ растеній, покрывающихъ бѣдныя азотомъ почвы; затѣмъ, что Дегерэнъ и позднѣе Демусси наблюдали разростаніе синяго лупина, лишеннаго корневыхъ клубеньковъ, на пескѣ, лишенномъ азота, но покрытомъ водорослями. Новые опыты были произведены авторами кромѣ гречихи еще на бѣлой горчицѣ, маисѣ и садовомъ крессѣ. Результаты получились аналогичные наблюдавшимся на гречихѣ.

Спеціальные анализы даютъ возможность установить, что связываемый водорослями на поверхности почвы азотъ легко проникаетъ въ глубже лежащіе слои, чѣмъ объясняется быстрота, съ которою его потребляютъ растенія.

Авторы культивировали еще, наконецъ, названные роды растеній въ почвахъ, на которыхъ совершенно не разводилось водорослей, но которыя получали нѣкоторую примѣсь азотнокислаго натрія. Въ результатѣ оказалось, что микроорганизмы производятъ такое же дѣйствіе, какъ хорошая доза азотнокислаго натрія.

Новый фосфоресцирующій грибъ. Ботаническій садъ въ Бунтенцорѣ на островѣ Явѣ и относящійся къ нему институтъ поддерживаются голландскимъ государствомъ. Тамъ воздѣлываются тропическія растенія съ цѣлью изученія условій ихъ культуры, изслѣдованія болѣзней и изысканія средствъ для борьбы съ ними. Кромѣ того, при институтѣ есть лабораторія для чужестранцевъ, гдѣ ботаники всѣхъ странъ могутъ заниматься научными изслѣдованіями. Въ этомъ саду профессоромъ Фолькенсомъ былъ собранъ на стволахъ ползучихъ пальмъ маленькій интенсивно свѣтящійся шляпный грибъ. Грибы эти сидятъ на деревьяхъ тѣсными группами и ночью свѣтятся зеленоватымъ сіяніемъ, придавая всему дереву, особенно верхнимъ вѣткамъ, сказочный видъ. Вѣтки, покрытыя тѣсными группами грибовъ, кажутся усаженными свѣчками. Грибъ вегетируетъ въ продолженіи восьми дней и появляется каждый годъ на томъ же самомъ мѣстѣ на деревѣ. Разрѣзанный на куски грибъ такъ ярко свѣтился подъ увеличительнымъ стекломъ, что можно было явственно различить очертанія его строенія. Если же растирали грибъ руками, то руки въ свою очередь начинали свѣтиться. Особенно сильно свѣтится липкая слизь на поверхности шляпки гриба. Приблизительно черезъ десять минутъ послѣ раздавливанія гриба свѣченіе прекращается. Грибъ принадлежитъ къ семейству полевиковъ (Agaricaceae), у которыхъ, какъ у шампиньона, нижняя сторона шляповиднаго плода всего тѣла состоитъ изъ складокъ или листовидныхъ пластинокъ.

Физика.

Прогрессъ телефонированія на большія разстоянія. Въ прошломъ году въ спеціальной литературѣ сообщалось о необыкновенно важномъ изобрѣтеніи профессора Михаила Пьюпина (Michael J. Pupin) въ Нью-Іоркѣ, которое, повидимому, открывало совершенно новую эпоху для телефонированія на большія разстоянія. Повышая *семоиндукцію проводниковъ* посредствомъ включенія въ цѣпьсамоиндуцирующихсякатушекъ, оказалось возможнымъ увеличить протяженіе, на которомъ доступно телефонированіе въ 4 и даже въ 5 разъ по сравненію съ разстояніемъ, возможнымъ при старыхъ системахъ. При этомъ издержки новаго сооруженія для даннаго разстоянія необыкновенно сокращаются. Не останавливаясь теперь на деталяхъ этого

чрезвычайно важнаго изобрѣтенія, мы хотимъ здѣсь вкратцѣ указать на успѣхи этой системы втеченіе послѣдняго года.

Большія ожиданія, которыя возлагали на успѣхъ новой системы изобрѣтатель и связанная съ нимъ контрактомъ (для внѣ-американскихъ странъ) фирма Сименсъ и Гальске— вполнѣ оправдались во всѣхъ отношеніяхъ; если годъ тому назадъ мы могли сообщить лишь объ одной кабельной линіи Пупиновской системы Берлинъ—Потсдамъ (25 километровъ) и одной линіи съ простыми проводами Берлинъ—Магдебургъ (142 километра), то теперь въ Германіи можно указать на нѣсколько такихъ линій уже готовыхъ или проектированныхъ, изъ которыхъ важнѣйшія Берлинъ—Штральзундъ (224 кил.) и въ особенности Берлинъ—Франкфуртъ н/М. (570 килом.) *). Новыя еще болѣе длинныя линіи должны быть сооружены.

Объ испусканіи тепла радіемъ. — Во время разсужденій о природѣ эманаціи радія, происходившихъ на послѣднемъ засѣданіи Британской Ассоціаціи, послѣ реферата Родзефорди, выступилъ также лордъ Кальвинъ (Вильямъ Томсонъ), и его замѣчанія теперь опубликованы въ февральской книжкѣ „Philosophical Magazine“ (1904, ser 6, vol VII. p. 230—223). Далѣе мы приводимъ ту часть ихъ, которая касается выдѣленія тепла радіемъ.

„Если принять, что выдѣленіе тепла радіемъ (открытое Кюри) совершается равномѣрно нѣсколько больше года, напримѣръ, 10.000 час. ($12^1/_2$ мѣсяцевъ), то мы получимъ количество тепла достаточное, чтобы повысить температуру 900.000 граммовъ воды на одинъ градусъ. Мнѣ представляется совершенно невозможнымъ, чтобы это тепло являлось результатомъ выдѣленія энергіи однимъ граммомъ радія въ теченіе 10.000 часовъ. Гораздо болѣе вѣроятно, что это количество въ 90 калорій съ одного грамма въ часъ, какъ нашелъ Кюри при обыкновенной температурѣ или даже меньше— въ 38 калорій, найденное Дьюаромъ при температурѣ жидкаго воздуха— обусловливается притокомъ какого то вида энергіи извнѣ къ радію, которая, переработываясь имъ въ тепловую, учитывается калориметромъ. Я готовъ сдѣлать то предположеніе, что эфирныя волны доставляютъ радію энергію извнѣ и онъ сообщаетъ ее въ видѣ тепла вѣсомой матеріи.

„Возьмемъ герметически закупоренную стеклянную трубку, выложенную внутри черной матеріей и, погрузивъ ее въ большій сосудъ съ водою, выставимъ на солнце; вмѣстѣ съ тѣмъ продѣлаемъ тоже самое съ совершенно тою же трубкою, но съ бѣлой матеріей; тогда окажется, что вода въ первомъ сосудѣ скоро станетъ замѣтно теплѣе, чѣмъ во второмъ. Это аналогъ перваго эксперимента Кюри, при которомъ термометръ, помѣщенный вмѣстѣ съ трубочкой радія въ какую либо ограниченныхъ размѣровъ среду, показывалъ неизмѣнно температуру на 2^0 высшую, чѣмъ термометръ, помѣщенный совершенно при такихъ же условіяхъ и также со стеклянной трубочкой, но безъ радія. Въ приведенномъ нами выше примѣрѣ можно посредствомъ калориметра опредѣлить, сколько калорій въ часъ выдѣляетъ матерія въ окружающую среду. Здѣсь мы видимъ, что тепловая энергія черной матеріи сообщается ей волнами солнечнаго свѣта и затѣмъ отдается ею въ видѣ теплоты стеклу и водѣ. Значитъ, энергія эфирныхъ волнъ проникаетъ здѣсь внутрь прибора, а затѣмъ уже воздѣйствуетъ изнутри на окружающую среду. Мои предположенія относительно радія можно считать совершенно непріемлемыми, но во

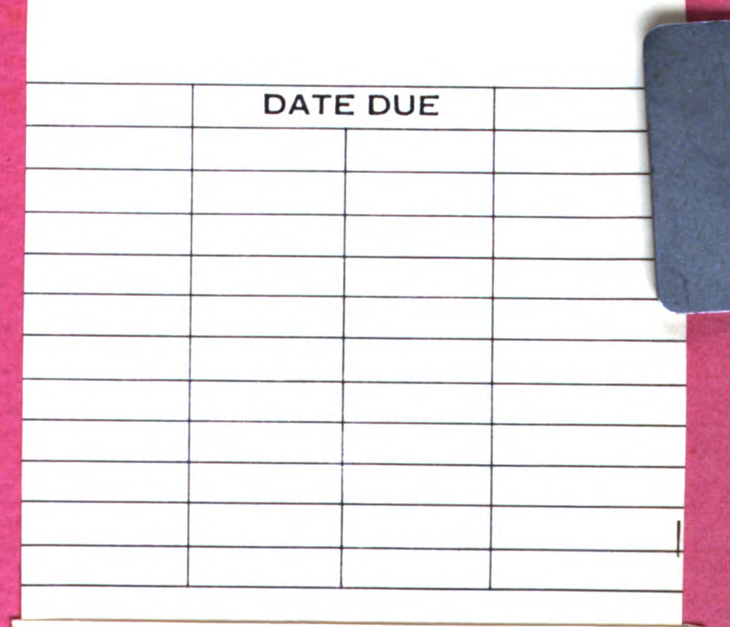
*) Всѣ разстоянія — вдоль желѣзнодорожнаго пути.

всякомъ случаѣ слѣдуетъ согласиться, что необходимо поставить опыты, въ которыхъ было бы произведено сравнительное опредѣленіе тепла, отдаваемаго радіемъ, когда онъ находится въ сплошной оболочкѣ изъ свинца и тепла, которое отдѣляется при оболочкахъ, примѣнявшихся до сихъ поръ.

Дѣйствіе радіевыхъ лучей на бактеріи.—Гримъ производилъ изслѣдованія дѣйствія радія на микроорганизмы. Бактеріи помѣщались тонкимъ слоемъ на плоскомъ часовомъ стеклышкѣ, и капсюля, содержащая радій, помѣщалась такимъ образомъ, чтобы радій былъ удаленъ отъ бактеріи лишь на 1—3 миллиметра. Оказалось, что бактеріи, не содержащія споръ, вообще погибали въ промежутокъ времени отъ 2—14 час. тогда какъ самыя споры, значитъ наиболѣе способныя къ сопротивленію формы бактерій, выдерживали по меньшей мѣрѣ по 3 дня. Если бактеріи впродолженіи 1—5 дней подвергались дѣйствію радіевыхъ лучей, то онѣ сами начинали испускать лучи, онѣ получали такъ называемую наведенную радіоактивность. Свою способность излученія бактерій обнаруживали тѣмъ, что сами давали отпечатокъ на закрытой фотографической пластинкѣ и удерживали активность втеченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ находились въ соприкосновеніи съ радіевымъ препаратомъ.

Редакторъ-издатель Ф. С. Груздевъ.

DATE DUE

